

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

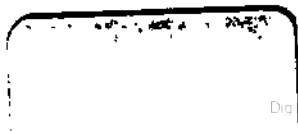
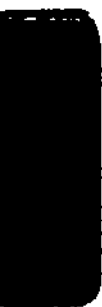
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929224 7

Callan

3217

*QCA

БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
XXIV.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀλαχρὶν, τὸ ἴτιρος μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ θεῖα μὴτε γινῶαι μὴτε ποιῆσαι; Ὁρῶ
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνδρῶπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγομένοις οὐχ ἕμοιαν καταλιπομένην εἶναι
τε ἀδικούτων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Scorol. apud Xenophont., IV, 6, 2.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

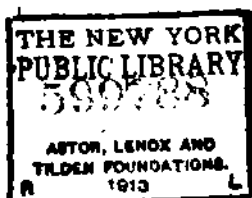
ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВЪЛАРАДА ПРЪЦА П КЪ.

1837.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

в том, чтобы на означенные произведения были в Цензурный Комитет уполномоченные члены законодательной Сессии Императорского Государственного Совета, 1837 года, августа 31 дня.

Цензоръ *А. Пикитенко.*

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ПЕРЛЯ,

ДОЧЬ БАНКИРА УСПЕХА.

I.

Дни Божии, съ разсвѣта до заката,
О прибылѣ заботится мудрецъ;
Вся жизнь его — пріобрѣтеніе злата;
Онъ кончилъ жизнь, — онъ горестный вдовецъ !.....

На жизненной равнинѣ двѣ дороги:
Не больше двухъ, — трудъ сладкій и любовь;
Хоть грудь томятъ различныя тревоги
И тысяча желаній жжетъ намъ кровь,

На жизненной равнинѣ двѣ дороги :
 Не больше двухъ, — трудъ сладкій и любовь.

Любовь одна, а трудъ разнообразенъ :
 Герой ведетъ желѣзные полки ;
 Тотъ міру другъ, тотъ міру непріизнень ;
 Но все они для черпи велики.
 Тотъ богъ добра, а тотъ, какъ демонъ, страшень ;
 Тотъ море кораблямъ запрудилъ ,
 Тотъ къ мѣсту поколѣнье пригвоздилъ ,
 И заперъ край рядами стѣнъ и башенъ.

Любовь одна, а трудъ разнообразенъ .
 Ты властвуешь мечами и перомъ ;
 Но ты, отецъ, владеешь серебромъ :
 Въ глазахъ людей твой путь высокъ и грязенъ !.....
 О, знаю я, не этотъ скромный путь
 Могучая душа бы начертала,
 Когда бы можно было вдохнуть
 Въ народъ Егвы ! Но онъ — какъ могила.

Не встанетъ онъ ! Упавшій съ древа плодъ
 На дерево родное не взойдетъ !
 Сгниетъ въ травѣ безсилъ и забвенья !
 На плодъ, когда-то небу дорогой,
 Прохожій кинетъ гордый взглядъ презрѣнья, —
 Его затопчетъ пыльною ногой !

Да ; твой союзъ расторгнуть съ небесами ,
 Ты измѣнилъ величью своему !
 Ты возлюбилъ ничтожество и тьму
 И обивалъ духовными красами.
 Проклятъя сынъ ! отвѣстуй, гдѣ твой царь,
 Гдѣ родины божественная кива ?
 Пѣвцы и храмъ, пророки и алтарь, —
 Все умерло ! Въ однихъ писаньяхъ живо.

О мой отецъ ! пзъ иррачности времени
 Не возратать погибнувшихъ племятъ .
 Наслѣдникамъ иное назначенье :
 Имъ золото — зацѣпой просвѣщенья !
 Пусть будетъ такъ ! Считаю, трудясь, старикъ ;
 Будь тѣмъ великъ, чѣмъ можешь быть великъ .

—

II.

Но почему, родной, другъ, ты ниже?
 Сокровища безъ изры накопиль,
 Нашъ древній родъ собою подерзавиль,
 Ты сталъ великъ и нуженъ въ свѣтъ. Да и же
 Твои текутъ, какъ дни отцовъ твоихъ :
 Ты не увлекся нѣгою землей.
 Не огучивилъ ты сердца сладкой пищей,
 Ты разума не утопилъ въ винѣ :
 Живешь, какъ прежде ; но вдова и нищій
 Вседневный хлѣбъ найдуть въ твоихъ окнѣхъ.
 Какъ бы мнѣястру, о прибылѣ рачитель,
 Хранишь казну, не для себя собравъ ;
 Не будешь ты, безумный расточитель,
 Сорить ея для спеси и забавъ.
 Въ ней — честь твоя, занятіе, идея,
 Въ ней подвигъ твой, наука, ремесло :
 Названіемъ глупца или злодѣя
 Злословіе тебя не обнесло.

—

III.

Ныне мнѣ шестнадцать лѣтъ ;
 Гибокъ станъ мой, ноги быстры ;

Очи сыплють блескъ и искры :
 Въ черныхъ — тайна, ночь и свѣтъ.
 Что мгновенною зарницей
 Думъ и чувствъ въ нихъ зажжено,
 То шелковымъ рясницей
 Отъ людей утаено.
 Нежныя мои ланиты
 Не пятнались слезой ;
 Свѣжей блѣдностью покрыты ,
 И струею заревой ;
 Полны дѣвственныхъ признаній
 Гордо сжатые уста ;
 Въ нихъ амброзія лобзаній
 Твердой волей заперта ;
 Бѣгаютъ проворно руки
 По золотымъ , живымъ струнамъ ,
 Лыбятся огненные звуки ,
 Гимны херувимскихъ странъ.
 Мой языкъ игривъ и звонокъ , —
 Мой лукавъ подъ часъ языкъ :
 Весела я какъ ребенокъ ,
 Осторожна какъ старикъ.
 Въ сердцѣ — пламень, чувство, сила,
 Въ мысляхъ — стройно и свѣтло ;
 Мать-природа разцвѣтила
 Цвѣтомъ лилій мнѣ чело ,
 И восточную, ролную ,
 Знакомъ племя моего ,
 Дѣдѣму кудревую
 Положила на него.
 Лово будто загорѣло , —
 И на немъ , здѣсь повизну ,
 Родина впечатлѣла
 Смуглоту и желтизну.
 Въ перси , высоко и свѣтло
 Страсть упругая владала ,

А изъиженное тѣло
 Словно палевой атласъ.
 Дочь отвергнутаго братства,
 Я небрежно размишу
 Смоляныть кудрей богатство
 По широкому плечу;
 Грудь, хранилище желаній,
 Для любви развитый станъ,
 Въ легко-дымчатыхъ ткани
 Облску я какъ въ туманъ;
 Брови, въ думъ пылкой, сдвину;
 Гордыя сожму уста;
 Взоромъ огненнымъ окину
 Блѣдныхъ дочерей Креста.
 Поступью пройду свободной
 И скажу, съ улыбкой злой:
 «Покажи мнѣ, край холодной,
 Дѣву, равную красой!»

IV.

Ночь медленно идетъ, в грезы, в томленье
 На перси налегая. О дивнѣя постель,
 Зачѣмъ ты не дашь того успокоенья,
 Какое некогда давала колыбель?
 Едва сожму глаза, в призракъ неизвестный,
 Волнистый, пламенный, мучительный, прелестный,
 Летаетъ въ завѣсахъ; дыханьемъ изъ огня,
 Какъ вешней теплотой, живить и жечь меня.
 Вотъ онъ, — зоветъ, зоветъ, и тихій, нежный шопотъ
 Влетаетъ въ робкій слухъ какъ дальнихъ листьевъ ропотъ;
 Вотъ улыбнулся онъ; вотъ поманулъ рукой.
 Я не отвѣтила: онъ такъ вздохнулъ уныло,
 Что сердце все по немъ наполнилось тоской

И повлекло къ нему непобедимой силой !.....
 Шепчу ему — « Прійди ! » — и молніа стрѣлой
 Онъ ривулся на грудь, впился въ мои лобзанья ;
 По жиламъ промчался рѣкою огневой ;
 Сдаснилъ въ объятіяхъ и поглотилъ дыханье ;
 Я громко вскрикнула, а онъ во мглѣ исчезъ ,
 Какъ звукъ, какъ метеоръ, какъ звѣздочка небесъ.

V.

Роза, роза Ерихона,
 Перлъ, достойнѣйшій царя,
 Длaczego твоя корона,
 Для кого твоя зра? —
 Иорданская лилея,
 Хоть тебя между цвѣтовъ,
 Нѣтъ стройнѣй и нѣтъ бѣлѣе
 Подъ шатрами облаковъ,
 Но скажи мнѣ, кто возлюбитъ
 Затаенный аромать,
 Кто покоить вѣчно будетъ
 На цвѣткѣ любовный взглядъ?
 Не найти его въ пустынь !.....
 Доцвѣтай же, доцвѣтай, —
 И объ счастья отгнись
 Тщетной думой не мечтай !.....
 Но напрасно сожалѣнье,
 Не обдуманъ мой укоръ :
 Смерть снесите увяженья ;
 Легче горе чѣмъ позоръ.
 Не надѣйтесь больше, братья !
 Не для васъ заутный плодъ ;
 Въ недостойныя объятія,
 Къ робкинь, Герла не падеть.

Быть женою одновѣрца,
 Целовать корыстный ледъ, —
 Лучше пусть дѣвичье сердце
 Черный воронъ разжуетъ!
 Пусть томленье безъ раздѣла
 Грудь высокую сожжетъ,
 Нѣга жаждущее тѣло
 Гробъ, женихъ мой, обойметъ!.....

VI.

По лѣтнимъ вечерамъ, я — часто между ними,
 Межъ ловкихъ вояковъ съ очами голубыми,
 Съ кудрями русыми. Толпа простыхъ дѣтей,
 Надменныхъ мальчиговъ, безъ чувства и страстей,
 О сколько звонкихъ словъ, притворныхъ угожденій!
 А для чего они?..... Затѣмъ, что желаютъ
 Въ жонкъ рукахъ лежать: вотъ ихъ любовный сонъ,
 Причина вздоховъ ихъ, моленій, униженій.
 Еврейка! Если бы не золотой твой кладъ,
 Когда бы прелесть ихъ корысти не манила,
 То будь судьба твоя — страданіе, мгила,
 Никто, никто тебя не броситъ теплый взглядъ!
 А между-тѣмъ они такъ свято разсуждаютъ,
 И такъ надменно трудъ для злата осуждаютъ!

VII.

Мой отецъ, мой отецъ,
 Замыкай ты дверь!
 Днямъ безпечнымъ конецъ,
 Имъ конецъ теперь!

Сбереги мой покой,
Сердце, имя, честь:
Есть пришлец роковой,
Гость недобрый есть!

Средь незнанных путей
Дай ты мнѣ советъ,
Какъ уйти отъ страстей,
Убѣжать отъ бѣдъ.
О защити тебя
Не за тѣмъ молю,
Что онъ любитъ меня; —
Я его люблю!.....

Онъ красави богатъ,
Статенъ и высокъ;
Онъ души — ароматъ,
Онъ глазамъ — цвѣтокъ.
Онъ мечтамъ — небеса,
Разуму онъ — вождь,
Злойнымъ чувствамъ — роса,
Жаркимъ персамъ — дождь!

Онъ — мой жребій и рокъ,
Жизнь и лучъ дневной;
Онъ — мой полсъ, вѣнокъ,
Онъ любовникъ мой!
Такъ; его — эта грудь!
Я должна любить:
Не тверди мнѣ — «Забудь!»
Не хочу забыть!

Какъ степной виноградъ
Обвиваетъ кедръ;
Какъ валовъ дружный рядъ
Гонитъ шуквы въ вѣтръ;

Какъ въ коронѣ цвѣтка
Жизвию одной
Дышутъ два лепестка :
Такъ и онъ со мной !

О , родной , если ты
Хочешь мнѣ помочь , —
Обрати , обрати
Въ камень мертвый дочь !
Но пока дышитъ грудь ,
Буду я любить.....
Не тверди мнѣ — « Забудь ! »
Не могу забыть.

VIII.

« Любовью знойной вѣетъ ночь ,
« Бунтуютъ скованныя чувства :
« Нѣтъ силы , разума , искусства ,
« Страстей порывы превозмочь .
« Отдайся мнѣ ! Разоблачу
« Грудь дѣвичью ; паду въ объятія ;
« Прижмусь къ ледяному плечу , —
« И пусть тогда толпы проклятыя ,
« Людми подкупленныя князья ,
« Отнимутъ то , что я стяжалъ !

« О Перля , Перля , если бѣ я ,
« Перелетѣвъ въ восторгъ этотъ
« Границы тлѣнья , бытія ,
« Могъ говорить огнемъ и свѣтомъ !.....
« Тогда , денницей загоря ,
« Я весь лучами бы воззлелъ ,
« И внятнѣмъ чувствомъ отразился

«Въ тебѣ, надеждѣ моихъ зарѣ!»

«Клянусь теперь.....»

— «О, не клянись!»

«Слова, заклатья и обѣты —
 Для сердца мертвые отвѣты:
 Въ нихъ гаснетъ огненная мысль.
 Души порывы и движенья,
 Другъ, не имѣютъ выраженья,
 Какъ разсудительный покой:
 Лица восторгъ, преображенье,
 Взоръ, полный страстною тоской,
 Скажи, еще ли не порука,
 Что невозможна намъ разлука,
 Что нѣтъ измѣнъ въ любви такой?»

«Прошу тебя, властитель мой,
 Во видѣ Ангеловъ и Бога,
 Въ небесные часы восторга
 Оставь, забудь языкъ земной!
 Пускай лобзанія печать
 Въ устахъ задержитъ словъ потока:
 Учись, покорный и высокій,
 Блаженствовать, любить, молчать!»

«Здѣсь много блоснѣжнхъ чѣлъ,
 Веселыхъ, розовыхъ улыбокъ:
 Но въ сердца дѣтъ родныхъ прочель
 Ты накинъ гордости, ошпбокъ,
 И видя, какъ ихъ разумъ зыбокъ,
 Меня, чужую, предпочель.
 Дитя невѣжества и тьмы,
 Въ ихъ свѣтскомъ блескѣ исчисель!»

«Но имъ преличья знакомы, —
 А Перла въ чувствахъ больше знаетъ!»

Мнѣ чуждо средство обольщать
 Влюбленныхъ — рвѣчью или нарядомъ :
 Зато умью, съ пылкимъ взглядомъ ,
 Душѣ — душою отвѣчать.
 О, этотъ неводкупный взглядъ
 Давно проникъ надменный рядъ
 Красотъ безжизненныхъ и блѣдныхъ !
 Сгладилъ холодныя черты ,
 И пламенѣлъ пожечь цветы
 Въ вѣнкахъ ихъ , безъ заслугъ побѣдныхъ !

« Ты ихъ покинулъ ! Избралъ ты
 Людямъ отвергнутую дѣву !
 Приблизилъ ты меня къ Эдему ,
 Осуществилъ мои мечты !
 Зато, любя , я не наскучу
 Холодной ревностью тебѣ ;
 Условной лаской не измучу ;
 Безыально покорюсь судьбѣ .

« Когда бы , другъ мой , ты владѣлъ
 Богатствомъ міра необъятнымъ ,
 И солнцемъ славы беззакатнымъ
 Въ пустыняхъ общества горѣлъ ;
 Когда бы вселенная упала
 Передъ тобой челомъ во прахъ ,
 Въ тебѣ единомъ сочетала
 Красу и гнѣвъ , любовь и страхъ ;
 Но если бы въ твоихъ чертахъ
 Я не нашла черты родныя , —
 Тогда , лей муки огненныя ,
 Сули безсмертія въ вѣнкахъ , —
 Началь бы ты , ничѣмъ на свѣтѣ
 Простаго сердца не купилъ ;
 Откинувъ власть , мольбы и свѣти
 Свободу Первъ уступилъ !

«Но я твой неразлучный ликъ
 Давно, давно въ груди носила:
 Съиданья въ незабвенный мигъ
 Себя, тревожная, спросила:
 Не онъ ли? — Грудь шепнула: — Онь! —
 Сбылся пророческій мой сонъ!

«Но, посмотри: небесный кровъ
 Заря румянцемъ обливаетъ;
 Вотъ часъ насталъ, когда любовь
 Лобзаній нектаръ допиваетъ.....
 Вернется ль счастье опять?
 Нтъ въ робкомъ сердцѣ ввротья!
 Одай себя поцѣловать, —
 Прийди въ прощальныя объятья!»

IX.

Когда насталъ блаженства годъ,
 Я не люблю ничьихъ заботъ:
 Чтобъ кончить думы и томленье,
 Возьми у Перли пол-вѣнья, —
 Откинь мечтательный ведугъ,
 Надменный другъ!

Возможно ли дѣлиться намъ?
 Я все возьму, — и все отдамъ.
 Мнѣ безъ тебя постыло злато.
 Когда я счастлива, богата,
 Быть долженъ счастливъ и богатъ
 Мой милый братъ!

Я на колѣняхъ предъ тобой:
 Не отвергай мольбы одной!
 Пусть будутъ тайны сердцу чужды,

Пусть будутъ общи наши вужды.
Согласенъ оскорбленье мой,
Любовникъ мой!.....

X.

Невѣста!..... Смертью это слово
Заучить въ ухахъ! Тоски зерно
Зачѣмъ мнѣ въ грудь заровано?
Зачѣмъ молва народа злова:
«Онъ измѣнилъ, онъ обрученъ, —
Онъ будетъ съ Персей разлученъ.....»

Несправедлива эта вѣсть.
Клянусь Творцомъ, несправедлива!
Ужели въ мирѣ дѣла есть,
Которая бы такъ стыдливо,
Такъ простодушно, глубоко,
Такъ плакенно, такъ непритворно,
Такъ безкорыстно, высоко,
Такъ страстно, бурно и покорно,
Могла любить и обожать,
Однимъ блаженствовать, дышать,
Какъ я жила, какъ я любила?
Въ объятіяхъ его лежать
Не даромъ право я купила, —
И смерть одна, одна могила,
Дней общихъ расторгая нить,
Должна меня съ нимъ раздѣлить!
Давно онъ понималъ, — видитъ, знаетъ, —
Что неразрывно я люблю:
Зачѣмъ же Персей онъ свою,
Какъ тигръ свирѣпый, растеряетъ?.....

Г. XXIV. — Отд. I.

Молчи, безжалостный народъ!
 Не мучь меня напрасной вѣстью!
 Пожертвовавъ душой и честью,
 Я ли вкушу извѣны плоды?.....
 Такъ; этотъ слухъ — пустая ложь,
 А между-тѣмъ я горько плачу!
 Она въ груди — какъ острый ножъ.....
 И думая одно и то жь,
 Разсудокъ бѣдный мой утрачу!.....

—

XI.

Онъ обманулъ! Нѣтъ чести въ немъ!
 Онъ посмѣлся мнѣ безсильной!.....
 О, растворясь подземной домою,
 Закрой глаза, песокъ могильный!.....

Ужасный человекъ! скажи,
 Зачѣмъ ты расточалъ заклятья?
 На перся заносилъ ножи,
 И принималъ меня въ объятья?
 На сердце откровенномъ спалъ
 Съ личной кроткаго младенца;
 И въ это время замышлялъ,
 Какъ поразить сильнѣе сердце!.....

Быть-можетъ, для твоихъ побѣдъ,
 У Перли жизнь исторгнуть надо?.....

Чтобъ возрасла твоя отрада,
 Чтобъ разцвѣлъ блаженства цвѣтъ,
 Быть-можетъ, я, горя любовью,
 Должна полить своей ихъ кровью.

О, если въ самомъ дѣлѣ такъ,
Ужаснымъ средствомъ ты запамятывъ!
Хорошъ расчетъ твой, вѣрнъ шагъ:
Ты будешь счастливъ, будешь счастливъ!

Поклянъ меня!..... И къ алтарю,
Пускай идетъ съ тобой дѣвица!
Тебѣ свободу я дарю:
Не буду мстить тебѣ, убійца!
Лги передъ святымъ, клеветни,
Осмысли любовь минувшей повзвѣсть,
Играй душой, исторгни совѣсть,
Честь въ золотѣ одномъ нища!

Погнубить безъ вины, повѣрь,
Легко, — не страшно, — не обидно:
Не о себѣ томлюсь теперь, —
Мнѣ за тебя, несчастный, стыдно!.....

XII.

Отецъ дряхлѣетъ, чахнетъ дочь:
Обоимъ скорбь моголу роетъ;
И скоро гробовая ночь
Чету несчастную покроетъ.

О слабый, брошенный старикъ,
Единъ Перли утѣшитель,
О милолучный мой родитель,
Тантъ печаль твой блѣдный ликъ!

Нерядко мудрыми устами
Со мной веселый разговоръ

Ведешь, — и вдругъ скрываешь взоръ,
Взоръ полный горькими слезами.

Подъ старость плакать тяжело!.....
И кто печали отвѣчаетъ?
Лишь объ измѣнникъ мечтаетъ
Преступной дочери чело!.....

ХIII.

Отрите мнѣ слезы,
Полночныя грезы!
Приснись мнѣ ликъ,
Вернися, вернися на мигъ!.....
О другъ наслажденій,
Пускай обнимусь
Съ тобой въ свидѣльи, —
И вѣкъ не проснусь!.....

Приди ко мнѣ, нежный!
Съ любовью безбрежной,
Съ лучами въ очахъ,
Съ обѣтами, клятвой въ устахъ.
Не гаснетъ въ младенцѣ
Желанье любить.....
Забывое сердце
Не можетъ забыть!

Приди ко мнѣ, бѣдный,
Смущенный и блѣдный,
Роши на судьбу,
Притворно отвергни мольбу!.....
Любовника, брата
Оставляю ль бѣдамъ?.....

Последнее злато
И душу отдамъ!

Приди, безплодный,
Съ насмѣшкою хладной,
Пролей мою кровь,
За дружбу, покорность, любовь!.....
Я буду средь муки
Лобзать безъ конца
Жестокія руки,
Черты всѣ лица.

—
XIV.

На разсвѣтъ вчера мнѣ привидѣлся сонъ,
Что меня мой любезный крестилъ:
Не въ купель, не въ купель опустилъ меня онъ, —
Онъ въ могилу меня опустилъ.

Та купель глубока, та вода холодна;
Но ты знаешь, душа господня:
Безъ тебя на землѣ и въ землѣ я одна, —
Безъ меня ты не будешь одинъ!

Мой женихъ говоритъ: «О дѣвица краса,
Подъ вѣнецъ тебя время нести!
Руки ва-крестъ сложи; развита коса
Будеть цыль со ступеней мести.....»

«Приготовилъ тебѣ я впечатальный нарядъ,
Онъ широкій, и бѣлый какъ снѣгъ;
Хоть широкій нарядъ не предъ свадьбой дарять,
Но его ты не снимешь во-вѣкъ!»

Онъ лелвалъ цвѣтокъ, — съ нимъ разстаться не могъ ;
И цвѣтокъ ароматомъ дышалъ :
Вдругъ покинулъ, забылъ, что такъ долго берегъ, —
И цвѣточекъ дышать пересталъ !

Для чего же, бѣднякъ, ты опять не цвѣтешь?
Погляди, — возвратилась весна.
«О забудьте меня! Былъ я свѣжъ и хорошъ:
«Но не встану изъ мертваго сна!»

Мой родитель со мной въ перегонки игралъ,
И бѣжали мы краткимъ концомъ.....
Но меня мой отецъ не догналъ, не догналъ :
Мы къ могилѣ бѣжали съ отцомъ !

О родной, не трудись !..... И какая погоня
Отъ судьбы челоуѣка спасеть ?
Не удержишь ты дочь ! Мчитъ ея черныи конь ,
Черныи воронъ на крыльяхъ несетъ !.....

—
XV.

Спасите!..... Страшно мнѣ ! Онъ здѣсь !.....
Что хочетъ онъ ? Зачѣмъ пришелъ онъ ?
Онъ лютости, обмановъ полонъ ,
Онъ кровію обрызганъ весь.
Я отдала безъ укоризны,
Богатство, красоту и честь, —
И нѣчего мнѣ, кромя жизнь,
На жертву извергу принесть !.....

«Перлица ! милое творенье !
«Здорова ты?..... Пылка, свѣжа !.....
«Спѣшилъ къ тебѣ въ удивленіи ,
«Съ тобой минутой дорожа.

«Но я ласкаю безъ отвѣта ?
«Ты вся блѣдна ? Что значить это ?»

— Пустите , отойдите прочь !.....
Я такъ слаба !..... упала духомъ !.....
Зачѣмъ вы здѣсь , одинъ , въ полночь ?.....
Испугана я общимъ слухомъ !

«Молва людская , какъ волна ,
«И доброе и злое носить :
«Одно на берегъ къ людямъ бросить ,
«Другое погрузить до дна.
«Вотъ любопытные рассказы
«Манять въ пучину посмотреть ,
«Что тамъ лежать?..... Но водолазы
«За любопытство ловятъ смерть.
«Счастливы безпечный поселенцы ,
«Не кинувъ берега своего !.....
«Но что жъ ты слышала , младенецъ ?»

— Я ?..... Не слышала ничего !

«Позвольте мнѣ , я васъ прошу :
Пусть будетъ мысль моя открыта !
Я много горькаго пошу , —
Здѣсь въ сердцѣ !..... Я не изъ гранита ;
Таятъ страданій мнѣ не въ мочь.
Не отрекитесь мнѣ помочь !.....
Я знаю : женскимъ огорченьемъ
Шутить , пренебрегать должно :
Что нужды , ежели мученьемъ
Низъ сердце въ пепель сожжено ?
Гордиться слабымъ обольщеньемъ ,
Не вами , свѣтомъ ршено.
Но заклинаю васъ теперь , —
Въ вѣя радостей мнѣвшихъ ,

Такъ быстро для меня мелькнувшихъ ,
 Во имя роковыхъ потерь ,
 Ничѣмъ, ничѣмъ невозвратимыхъ ,
 Во имя чувствъ неукротимыхъ ,
 Несчастной страстью безъ конца ,
 Безъ отдыха, безъ сна ночами ,
 Въ слезахъ погасшими очами ,
 И жертвой блѣдностью лица.....
 О, заклинаю я тебѣ
 Всѣмъ, что намъ дорого и свято ,
 Чѣмъ жизнь ничтожная богата ,
 Чѣмъ возвышаемъ мы себя , —
 Ответь душѣ моей смятенной ,
 Скажи мнѣ правду откровенно!

«Намъ невозможенъ никогда
 Союзъ, наперекоръ приличья?.....
 Хотя были мѣсяцы, когда
 Межъ нами не было различья.....
 Зачѣмъ о прошломъ вспоминать?
 Обѣты дѣтскаго забавы.....
 Другъ, не хочу я обвинять ,
 Хотя обвинять имѣю право.
 Я не объ томъ теперь грущу :
 Разочарована, нищу
 Вниманья одного, сближенья ,
 Довѣрья, ласки, уваженья.....
 Не откажи мнѣ, бѣдной, въ нихъ !
 Шепни : «Настала дня разлуки!
 Не сладки мнѣ, какъ прежде, звуки,
 Еврейка, дѣтскихъ словъ твоихъ !
 Твоимъ лобзаньемъ не доволенъ ,
 Не веселъ счастьемъ твоимъ :
 Я, Перля, новой страстью боленъ,
 Томлюсь желаніемъ инымъ !
 Душа взволнованная страждетъ,

Покой недавній погребя,
А сердце любить, просить, жаждать,
Но любить, Перля, не тебя !.....»

«Скажи мнѣ все, — безъ опасенья !
Но удержи въ устахъ ты ложь ;
Обманомъ, лаской снпсложденья,
Меня, несчастную, убьешь.....»

— «Какъ Padova! Чтò за рѣчи!
«Клянусь тебѣ, сто разъ клянусь,
«Съ тобою вѣкъ не разлучусь !
«Сегодня очень дологъ вечеръ !.....
«На полозрънье я молчу :
«Оставь меня, я спать хочу!»

«Тогда онъ живыми устами
Къ немымъ устамъ моимъ прильнулъ,
И станъ дрожащій обогнулъ,
И, сердце воспала страстями,
Меня еще разъ обманулъ.....»

«Злодѣй !..... безъ совѣсти и чести,
Изъ прихоти онъ дѣвъ мѣнялъ !
Вчера онъ Перль измѣнялъ,
Сегодня измѣнилъ невѣсть !
И какъ постигнуть вѣрно могъ
Урокъ адскаго искусства?
Хоть бы раздумье, тихій вздохъ,
Хоть бы малѣйшій признакъ чувства !.....»

«Будь сонъ твой ввечеръ и покоенъ.
Ты приговоръ свой пронанеся !
Ня сожалѣннй ни слезъ
Лжець и предатель не достоинъ !
Довольно зѣвскнвъ я страстямъ
Служила низкою забавой :

Теперь безъ работы воздашь
 За поруганье костью правой!
 Не пѣснь, — проклятіе слою, —
 И не лобзаньемъ упою, —
 Я упою тебя отравой!

«Пролейся въ чашу смерти ладъ,
 Кви струями истребленья;
 Казнь приготовь за оскорбленье,
 За хладъ души гробовой хладъ.
 Пускай сомкнетъ навѣки вѣжды
 Кто обольщаль и не любилъ,
 Кто счастье жизни погубилъ,
 Развѣвалъ сонъ моей надежды!
 Онъ пробудился, — просить пить, —
 Вотъ часъ злодѣя отравить!.....

«Но свѣтъ въ глазахъ моихъ погасъ,
 Въ улахъ изсохшихъ замеръ голосъ,
 Грудь хладомъ смерти обилась, —
 Я вся теперь, какъ въ бурю колось.
 Ужасно!..... Мнѣ ли умертвить
 Того, кому была я рада
 Весь міръ отдать? за ласку взгляда
 До капли слезы, кровь, пролить?.....
 Пусть будетъ мѣна въ долъ нашей!
 Несчастью смерть принадлежить.

«Моя, моя съ отравой чаша!.....
 Зачѣмъ еще рука дрожить?
 Бѣды не устрашить могилей.
 Все кончено!..... Живи, мой милой!.....

«Другъ, пробудись! Тебѣ пора;
 Настало время разлучиться.
 Тебѣ нельзя быть до утра;

Не должно видѣть что случится.....
 Другъ, уважай куда-нибудь
 Отсюда..... Городъ мой родимый
 Навѣкъ покинь. Будь вновь любимымъ, —
 А Перлю навсегда забудь!.....»

«Она тверда, она довольна :
 Любовь ея прошла какъ сонъ ;
 Въ ней сердце снова будетъ вольно,
 И въ немъ задреть мученья стонъ !

«Ты знаешь, что языкъ людской
 Всегда обманчивъ, вѣчно ложенъ :
 Распространится слухъ пустой.....
 Другъ, слушать вѣрить ты не долженъ !
 Нѣтъ, я давно, давно больна,
 И незабыва мнѣ кончина :
 Но смерти, вѣрь, не ты причина.....
 Остаться рада я одна,
 И хоть дрожу, хоть вся блѣдна,
 Но я клянусь, — душой ручаюсь, —
 Съ тобою безъ тревогъ прощаюсь.....»

«Теперь иди ! Я провожу, —
 Хоть не далеко, — хоть до двери.
 Ты видишь слабыхъ силъ потери ;
 Едва стою, едва ложу....
 Нытьютъ, холодютъ рукъ ;
 Невѣренъ, непослушенъ шагъ ;
 Въ устахъ — болѣзненные звуки.....
 Другъ, поддержи меня !... .. Вогъ такъ !.....
 Пускай всегда на груди этой
 Любви достойная лежитъ.....
 Пускай собой не дорожитъ
 Ужь, пылкой страстию согрѣтый.....
 Меся, отданную бѣдамъ,

Пускай она вполне замѣнитъ,
 Пускай умретъ, и не измѣнитъ,
 Подобно мнѣ, узнавъ обманъ!.....

«Онъ поглядѣлъ, какъ хищный звѣрь, —
 Толкнулъ меня, -- захлопнулъ дверь.

«О Боже! о Творецъ! Ужасно
 Безъ утѣшенія умереть!
 Прости, родитель мой несчастный!
 Не проклинай меня за смерть!.....
 Земля колеблется..... Терплю,
 Въ мученіяхъ, остатокъ силъ.....
 О ты, который вѣчно милъ,
 Будь счастливъ: я тебя прощаю!»

Е. ВЕРНЕТЪ.

ВРЕМЯ.

Не плачьте. Пусть идетъ! Чѣмъ меньше жизни,
 Тѣмъ меньше слезъ. Что ни возьметъ оно
 Изъ вашей житницы, — возьметъ свое;
 И нѣтъ суда ему, нѣтъ укоризны.
 Пускай идетъ! Не удержатъ его
 Ни вашими жемчужными слезами;
 Ни ежедневной вашей суетой;
 Ни вѣковыми вашими трудами;
 Ни грозной славою твоею, герой!
 Ни вашей ложью, діадимой міра;
 Ни страшной истинной твоею, мудрецъ;
 Ни яркимъ блескомъ твоего кумира,
 Погразшій въ золотѣ, съдой глупецъ!

Ни вашимъ купленнымъ на всѣхъ терпѣннѣмъ ;
 Ни чарами волшебной красоты ,
 Красавицы ! Ни даже меновеннѣмъ
 Десницы вашей , образа судьбы ,
 О вы , могучіе земля !..... Какъ море,
 Когда десница страшная Творца
 Въ послѣдній день расторгнетъ берега ,
 И дастъ просторъ его кипучей волѣ , —
 Съ небесныхъ береговъ летитъ оно ;
 И , донесъ къ намъ пѣвою сѣдою ,
 Идетъ холодной , мраморной стѣною
 За нами вслѣдъ и затопляетъ все , —
 И славу , и позоръ , и смѣхъ , и горе ,
 И царства , и народы , и ѡбка !
 И все потонетъ въ безконечномъ морѣ .
 И въ страшный день послѣдняго суда
 Всплывутъ лишь наши добрыя дѣла .

И лишь въ тотъ день , отдавши Божье Богу ,
 Всплыветъ на небеса своей волной
 Весь этотъ всплывшій цвѣтъ страны земной ,
 Проложитъ Время новую дорогу ;
 Взмутитъ всю тину черную со дна ,
 Совесть змѣемъ вокругъ сыновъ грѣха , —
 И , странно , страшно закипѣвъ грозою ,
 Сквозь мракъ и хаосъ , сквозь пучины мглы ,
 По чернымъ безднамъ рухнувшей земли ,
 Появится съ ними огненной рвкою
 Въ заклѣпы адскіе бездонной тьмы .
 И тамъ , наединѣ съ своею жертвой ,
 Сочтетъ ей капли всѣ ея грѣха ;
 И въ одинъ нашъ ростовщикъ всесвѣтнѣй
 Его не обсчитаетъ ужъ тогда !

Не плачьте ! Пусть идетъ . Чтѣмъ мы терпѣмъ ?
 Два , три желанья ; нѣсколько затѣй ;
 Полкапли радости ; быть-можетъ , двадцать дней

Какой-нибудь забавы; пылъ страстей ,
 Который ежечасно проклинаемъ ;
 Пять добрыхъ начинавйи иногда ,
 Которыя несли мы , какъ повинность
 Отъ челоуѣка обществу ; невинность ,
 Которой не виѣли никогда ;
 Свободу юности , — ядро неволи ,
 Безумье чувствъ , горячку пылкой крови ;
 Блескъ красоты , которая , какъ тать ,
 Обкрадываетъ сердце ; цвѣтъ здоровья ,
 Которое не знаемъ какъ продать
 Скорѣй , лишь за извѣстныя условия ,
 Слѣпыми страстямъ своимъ ; толпу надеждъ ,
 Которыя , какъ призраки въ балетъ ,
 Лишь забавляютъ насъ !..... Прекрасенъ свѣтъ ; —
 А мы , — лишь пищѣ мы въ этомъ свѣтѣ ,
 И ничего намъ въ этомъ свѣтѣ нѣтъ .

Пускай идетъ ! Мы съ нимъ идемъ . Чтѣ нужны ,
 Какую тѣнь покинемъ за собой ;
 И сторожить ли , нѣтъ ли часовой
 Чтѣ мы оставили по долгу службы ,
 По обязательству души съ судьбой ,
 Земля и людямъ ! Намъ не возвращаться ,
 Не передѣлывать , не состязаться
 Съ землею и людьми : расчетъ нашъ тамъ !
 Тамъ ни земля гдѣ нѣтъ , ни время ;
 Ни счету бѣдствйямъ , ни счету днямъ ;
 Куда мы всѣхъ начатковъ нашихъ бремя
 Несемъ на страшный , на послѣднй судъ ;
 Гдѣ съ колыбели насъ съ отчетомъ ждутъ .
 И если бѣ даже начинать намъ снова ,
 Чтѣ прежде кончили , — не это ль цѣль
 Всѣхъ начинанйи поприща земнаго ,
 Всѣхъ нашихъ славъ , безсмертйи колыбельъ ?
 Не бойтесь ! Насъ не спросятъ тамъ , — дошли ли

До позднихъ лѣтъ великія дѣла,
 Что мы при нашей жизни совершили;
 Шалашъ или пирамиду соскребла,
 При Божьей помощи, твоя рука;
 Намъ только спросить тамъ, какъ здѣсь мы жили!
 И капля горькая одной слезы,
 Которая изъ глубины души
 На скорбь собрата твоего здѣсь канетъ,
 Глубоко тамъ, глубоко перетянетъ
 Холодный и тяжелый весь гранитъ
 Построенныхъ въками пирамидъ.
 Не бойтесь! И ремя здѣсь не разрушаетъ,
 Что смертный небесамъ приготовляетъ;
 И искра безкорыстнаго добра,
 Что, кажется, сожгла его рука,
 Черезъ стлѣтье яркою звездою
 Изъ мрака неувѣстности взлетитъ;
 Или ужъ давно лампадою святою
 Предъ трономъ Вездѣсущаго горитъ.

Не время, — мы, лишь мы все разрушаемъ;
 И, все разрушивъ, время упрекаемъ.
 Напрасно! Мудрая его рука
 Съ земли лишь пятна чернаго слѣда
 Некостоянства нашего смываетъ;
 Лишь то, что мы разрушили, стираетъ, —
 Чтобъ дряхлая, наститая земля
 Не рухнула подъ бременемъ обломковъ;
 Чтобъ послѣ предъ судомъ своихъ потомковъ
 Мы сами не сгорѣли отъ стыда.
 О, безъ упрековъ, смертный, безъ упрековъ!
 Ты уязвляешь въ гордости твоей
 Вѣрнѣйшаго изъ всехъ твоихъ друзей.
 Оно нашъ лучшій другъ. И роба, могилы
 Оно разерзнетъ, чтобъ спасти тебя
 Отъ ядовитыхъ стрѣлъ клеветника;
 На землю призоветъ небесны силы,

Чтобы твою невинность защитить ;
 Расплещеть океанъ, своротить горы,
 Пробдеть землетрасеньемъ, чтобъ запоры
 Съ дверей твоей темницы уронить.
 И все равны предъ нѣмъ. Для всѣхъ готова
 Его десница. Ни слезы, ни слова, —
 Оно ужъ на душѣ твоей прочло,
 Чего лишился ты ; и чрезъ мгновенье
 Нежданно постучится утѣшенье
 Къ душѣ твоей. Все насъ клянуть за зло ;
 Но Время не клянеть здѣсь никого.
 Какъ ангелъ кротости, сложивъ десницу,
 Оно глядитъ преступнику въ глаза,
 И ждетъ, пока раскаянья слеза
 Не окропять росой его рѣсницу ;
 И долго, долго ждетъ ! И ужъ тогда,
 Какъ улетитъ послѣдній лучъ надежды,
 Заглохнетъ умъ, окаменѣютъ вѣжды, —
 Преступникъ видитъ взмахъ его меча.

О, пусть идетъ ! Пусть этими стопами
 Напоминаетъ смертному съ землей
 Ихъ общій путь къ могилѣ ! Пусть порой
 Своими горькими, холодными волнами
 Намъ заливаешь сердце и уста,
 Чтобы обмылась въ горестяхъ душа !
 Пусть пѣною забвенья насъ заносить ;
 И въ добрый часъ, на мѣсто всѣхъ наградъ,
 Изъ моря этого смертей, утратъ,
 Болзней, слезъ, гоненій, клеветы,
 Злословья, бѣдствій, горя, суеты,
 Скорѣй къ небесной пристани выносить.

ТИМОФЕЕВЪ.

П Р О З А.

ПРОГУЛКИ ВЪ КРЫМУ.

Тотъ, кто знаетъ сельскіе виды только старой Русской земли отъ Невы до Днѣстра, не можетъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія о благо-родной природѣ древней Тавриды. Дѣйствительно, это обломокъ изыскаго Греческаго юга, приклеен- ный къ грубымъ и холоднымъ степямъ Скиѣи! Оста- вляя западный берегъ Чернаго Моря, берегъ уны- лый, плоскій и бесплодный, вы даже не предполагаете, чтобы изъсколькихъ часовъ времени достаточно было для перенесенія васъ въ одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ земныхъ раекъ. И кто бы подумалъ, что этотъ рай лежитъ только въ двѣнадцати дняхъ ѣзды отъ Мойки! О, друзья мои, прѣзжайте, прѣзжайте сюда, напо- лнить зрѣніе этими величественными зрѣлищами, прижать къ груди своей эту землю, убранную сва- дебными цвѣтами, расталъ въ этомъ тепломъ и па- кучемъ вѣздѣхъ.....

Чудесная природа южнаго берега совершенно за- млада мною, — мною, дочерью сѣвернаго сѣвера: она открыла мнѣ неожиданно свои великолѣпные чертоги, которыхъ блескъ и красота столько порази- ли меня, что я еще и теперь не могу опомниться.

отъ восторговъ, отъ удивленія. Знаю, что слабое перо мое не передастъ вамъ и тѣни красоты этой природы; но пусть хоть слабый очеркъ моего восхищеннаго сердца на-время отвлечетъ мысли ваши отъ приторныхъ удовольствій городской жизни; пусть на минуту перенесетъ воображеніе ваше на свѣтлый югъ, на улыбающіеся берега Тавриды, подъ тѣнь вѣчно-ювыхъ, вѣчно-дѣвствующихъ лавровъ, миртовъ, грациатовъ, оливъ и кипарисовъ. Начинаю съ Магарача.

Нѣсколько дачъ съ садами и виноградниками, разбросанныхъ между Массандрою и Никитскимъ Садамъ, по уступамъ горъ, которыя небрежно опускаютъ въ море полы своей богато шитой одежды, — вотъ что называется Магарачемъ. Мы остановились на дачѣ Нарли, такъ названной отъ большаго гранатоваго дерева, *наръ*, которое прежде здѣсь росло.

Дача эта выстроена только годъ тому назадъ. Сады только теперь разводятся; юные мирты, лавры и кипарисы, кусты розъ и ясминовъ, только начинаютъ убирать его. Передъ нею волнуется безпредѣльное море; за нею высится цѣль горъ, зеленыхъ, разнообразныхъ, величественныхъ; съ лѣвой стороны виднѣн Никитскій Садъ; съ правой тянутся безконечныя виноградники.

Море кажется отсюда близехонько; но, чтобъ спуститься къ нему, надо пройти почти версту. Узенькая дорожка круто извивается къ нему между дубовой рощицею, покрывающею весь бугроватый скатъ отъ дома къ морю; разные прелестные дѣвочки нестрѣютъ вездѣ между деревьями; а по ночамъ блестятъ брилліантовые червячки, какъ бы желая заманить собою прелесть цвѣтовъ, скрытую въ иракъ!

Не примѣтно, какъ сойдешь по этой дорожкѣ внизъ, а подняться нельзя безъ усталости; но пріятно ходить по здвигшимъ горамъ, — такъ пріятно, что вы не постигнете этого удовольствія, даже поѣхавши въ

ваше угрюмое Парголово, и погулявъ тамъ по бугоркамъ, которые изъ тщеславія называете горами.

Я такъ полюбила Магарачъ, что согласилась бы навсегда въ немъ остаться. Хотя онъ и довольно однообразенъ, но и самое однообразіе это такъ богато, такъ колоссально, что никогда не можетъ наскучить. Каждый день взоръ встрѣчаетъ тѣ же горы, то же море, тѣ же цвѣты, но, всегда съ новыми красотами и съ новымъ наслажденіемъ.

Тихо и безмятежно проходятъ здѣсь дни, не нарушаемые суетными заботами городской жизни. Здѣсь человѣкъ не требуетъ многого: онъ всегда будетъ богатъ дарами этой расточительной природы. Кому постыли шумныя общества, гдѣ поютъ фальшиво и подчуютъ холодной друбною, кто имѣетъ силу вырваться изъ объятій этого міра, населеннаго олицетворенными пустяками, и способенъ, въ бесѣдѣ съ благородною природою, найти удовольствіе, покой и радость, тотъ прибѣжай въ Магарачъ. Здѣсь только пернатые поютъ, да море шумитъ порою, да пѣсня Русскаго работника изъ Никитскаго Саду раздастся въ тишинѣ вечерней и доходитъ до сердца, какъ голосъ далекой родины.

По утрамъ, послѣ купанья въ морѣ, вы такъ же какъ я, до усталости будете гулять по косогорамъ своего сада. Какая великолѣпная картина тогда передо мною!

Съ одной стороны лазуревое море, синій чистаго лазуреваго неба, за которымъ лежитъ нѣкогда божественная Греція; съ другой грозная, заоблачная Яйла, одѣтая дремучими лѣсами; въ нѣкихъ мѣстахъ, стѣрый гранитъ, прерывая зелень, являетъ призраки колоссальныхъ чудовищъ или мрачныхъ развалинъ зданій и храмовъ; вѣсивъ я вижу высокую гранитную пирамиду, которая величественно стоитъ на самомъ хребтѣ высокой горы, какъ памятникъ, оставленный исчезнувшими богами Олимпа; а еще дальѣ плывъ

вершина Ап-Петри господствует надъ всюю цѣпью. Во глубинѣ одного ущелья видится большой водопадъ, который, какъ серебряный шаръ, повисъ по ребрамъ горы. А сколько еще другихъ красоть раскинула вокругъ меня роскошная природа! И какъ восхитительно это Крымское утро, когда солнце, еще неутомленное, бодро паритъ вверхъ по голубому своду! Воздухъ напитанъ благоуханной свѣжестью; все живо, все дышитъ; каждое деревцо, каждый цвѣточекъ, кажутся тогда живымъ существомъ, которое съ признательностью, съ благоговѣнiемъ выпускаетъ свое ароматическое дыханiе. Кузнечики и стрекозы миллионами звучатъ въ травѣ, такъ, что кажется сама трава поетъ гимны своей вѣчной матери, землѣ. Вотъ утро сладкаго дня, сладкаго лѣта и сладостной жизни здѣшней. Какое неизъяснимое веселье я чувствую тогда, порхая по скатамъ горъ! Съ какою непритворной любовью готова я тогда пожать руку каждому человѣку, — расцѣловать каждую птичку, порхающую надъ моей головой! Я забываю тогда прошедшее, я не думаю о будущемъ, я вся дышу и живу настоящимъ.

Это истинно небесное наслажденiе можно испытать въ полной мѣрѣ на берегахъ Крыма.

Объдаемъ мы подъ тѣнью дуба, который неподалеку отъ дома раскинулъ свои могучія вѣтви. Послѣ объда, я опять ухажу къ морю и, до заката солнца, сижу на высокомъ берегу, который виситъ надъ моревъ. Это мѣсто очаровательно, и я обыкновенно прихожу туда съ книгою или съ работою; но, часто, во цѣлымъ часамъ остаюсь въ совершенномъ бездѣйствiи, устремивъ глаза въ море, отъ котораго долго не могу отнять ихъ, — такъ оно бываетъ таинственно и занимательно для моего сердца. О, сколько вещей, сколько судебъ скрыто въ его вѣчно-живой, вѣчно-движущейся синевѣ! Иногда, убаюканная въ такихъ безковечныхъ восторгахъ думнымъ шепотомъ волнъ, я

нечувствительно склоняюсь на траву, — и сладко засыпаю!

Но чаще всего, восхищаясь необыкновеннымъ зрѣлищемъ, которое представляется глазамъ моимъ, сижу я въ упорномъ забытіи на самомъ краю берега, и вижу только море и небо, — ни кусочка земли, — и только густые листья дуба, раскидывающаго свой зеленый наметъ надо мною, напоминаютъ мнѣ, что я еще здѣсь, что еще не улетѣла въ тотъ свѣтлый, радостный міръ, который ярко горитъ передо мною, и манитъ, манитъ меня въ свою безпредѣльность!

Но вотъ уже солнце закатилось, и настала вечерь, — очаровательный, волшебный вечеръ! Здѣсь нѣтъ продолжительныхъ сумерекъ, какъ у насъ на сѣверѣ. Вдругъ гаснетъ день и настаетъ ночь. Когда пламявѣющее солнце катится за горизонтъ, западъ на одно мгновеніе обольется огненной зарею, которая постепенно измѣняется то въ оранжевую, то алую, то пурпуровую; и вдругъ надъ нею вспыхнетъ розовой румянецъ, и небо поспѣшно цѣлуется съ солнцемъ, прощаясь. Какъ очаровательно тогда небо! Съ какою бы радостію я полетѣла туда, чтобъ утопить въ этомъ океанѣ розоваго воздуха!

Вотъ и вечеръ измѣняется: блѣднѣетъ, блѣднѣетъ, и невпримѣтно какъ смѣшивается съ синевою, между тѣмъ какъ зари еще расписываетъ пурпуромъ край горизонта. Оглянешься назадъ, — и тамъ совершенная ночь! Одни темные, мелькающіе призраки блуждаютъ тамъ; но минута, — и ясный мѣсяцъ катится по небу, — и свѣтлые и ясные становятся предметы, озаренные серебрянымъ свѣтлышкою ночи. Оглянешься опять, — и нѣтъ ужъ тамъ свѣтлой зари! Мракъ обиллъ небо и землю, и настала совершенная ночь. Нельзя надивиться, какъ это все происходитъ скоро, особенно жителю сѣвера, привыкшему къ продолжительнымъ сумеркамъ.

Безлунная ночь настаетъ также мгновенно: еще не успѣть погаснуть руиная заря, и все небо покрывается легкимъ мракомъ, какъ черной дымякою, сквозь которую, видна еще нѣжная лазурь; и вотъ, звѣзды быстро являюся одна за другою, и вскорѣ миллионами разсыпаются по всему небу. Смотришь, удивляешься, и не можешь насытиться!

Настала ночь: но кто опишетъ тебя, чудесная ночь Крыма, когда свѣтлое око твое, твоя красная радость, очаровательница луна, какъ дума любви, плыветъ надъ землею, освѣщая горы, величественно воздымающіяся къ небу, и рассыпался по необозримому морю столбомъ брилліантовыхъ блестокъ; когда фантастическія тѣни медленно передвигаются по горнымъ громадамъ, безрерывно измѣняя свои виды, а яркій свѣтъ, ударяющійся въ голыя скалы, спорить съ мракомъ, который затаился въ ущельяхъ; а море, одѣтое въ серебряную броню, важно колеблется, шевеля своей блестящей чешуею; и торжественная тишина прерывается только невыразимо роскошнымъ плескомъ прибрежной волны, да однозвучнымъ крикомъ пробужденныхъ филиновъ! И какъ изобразить еще воздухъ этой ночи, надушенный ароматомъ благородныхъ растеній; и эту упительную теплоту его, отъ которой сердце, исполненное неизъяснимой нѣгою, тонетъ въ наслажденіи!

Какое удовольствіе бродить тогда въ саду и дышать этимъ воздухомъ; прислушиваться къ безмолвію, царствующему на счастливомъ берегу; любоваться на его изящную природу, покрытую таинственнымъ флеромъ ночи, который облекаетъ все предметы прелестями высокаго волшебства! О, тогда всю вселенную желала-бъ я обнять и, съ чувствомъ дѣтской радости, прижать къ своей груди!

Напрасно укоряють Русскихъ женщинъ въ холодности ума и сердца: скованныя цѣпами сухихъ и взъ-

скательныхъ приличій свѣта, котораго душа холоднѣе полярныхъ морозовъ, онѣ исчезаютъ изъ сѣры своего созданія, какъ нераспустившіеся цвѣтки, подрѣзанные утреннею косою. Развяжите ихъ отъ этой безотчетной строгости, отъ этихъ жалкихъ, но тягостныхъ цѣпей, дайте имъ небо теплое, и воздухъ мягкій, и землю полную жизни, полную цвѣтовъ и счастья, и эту возвышенную природу, которая возбуждаетъ сердце ко всему нѣжному и пламенному, которая дышитъ и безпредѣльною любовью матеря и пылкой любовью дѣвы, — и тогда, тогда увидите, что ихъ свободная, благородная грудь окружить васъ огнемъ и восторгомъ. Люди суровые! холодные какъ сугробы снѣгу, вы хотите, чтобы мы таяли въ ледникахъ!

Но помиримся съ вами, *messieurs*, — на всякій случай: не надо ссориться съ нужными людьми; вы вѣрно ждете знать о прогулкахъ, которыя мы дѣлаемъ по южному берегу Тавриды подалеже отъ Магарача; и о тѣхъ прелестныхъ видахъ, которые плывютъ насъ на каждомъ шагѣ по скатамъ здѣшнихъ горъ, одѣтыхъ рощами пышноцвѣтущихъ гранатовъ, мимозъ, шелковиць, —

• Гдѣ лавръ растеть, гдѣ муртъ;
Гдѣ зрѣть виноградъ;
Гдѣ кипарисъ благоухаетъ;
И гдѣ, для ибн и прохлада,
Божественно питье струями истекаетъ. •

Извольте, я опишу вамъ ихъ слегка.

Первую, 2 іюня, мы совершили въ Никитскій Садъ. Этотъ казенный ботаническій садъ великолѣпно расположенъ по уступамъ мыса, называемаго Никитабурунь.

Войдя въ садъ, я остановилась въ изумленіи; мнѣ казалось, что само благоухающее море цвѣтовъ хлынуло на насъ съ береговъ, увѣчанныхъ лаврами и кипарисами: такое здѣсь ихъ множество! Не менѣе,

удивило меня чрезвычайное богатство деревьевъ, особенно гранатовъ, фигъ, оливоу и шелковиць, растущихъ во всей роскоши, и между которыми встрѣчаются также красное и пробочное деревья, и прелестная мимоза. А сколько еще другихъ южныхъ деревьевъ, сколько разныхъ дорогихъ растений! Миндаль, персики и абрикосы образуютъ отдѣльныя рощицы; тогда когда неумолкающіе источники, журча между деревьями, какъ бы рассказываютъ про любовь земли и неба.

Видъ на море отсюда — прекрасный: неизмѣримая голубая масса гордо катитъ свои валы, и звучными волнами раздражается объ утесы мыса Никиты. Съ правой стороны тянется величественная Яйла, и потомъ, изогнувшись, образуетъ въ моръ мысъ Ан-Теодоръ, изъ-за котораго, по-временамъ, видѣются корабли, идущіе съ сѣвера, и которые какъ мечта исчезаютъ за далекимъ горизонтомъ моря.

Отъ дома нашего до Никитскаго Сада, по прямой линіи не болѣе полуверсты, но пройти къ нему надо около двухъ верстъ: такъ обманчивы здѣсь дорожки, которыя, извиваясь по горамъ, играютъ нетерпѣливому путника, то низводя его въ пропасть, то вознося на высокіе утесы. Мы ѣздили туда верхомъ на Татарскихъ лошадяхъ. Я очень полюбила этихъ умныхъ животныхъ: они такъ искусно карабкаются на горы, и потомъ такъ ловко скатываются внизъ, что, право, нельзя не удивляться ихъ смѣшлости.

Седьмого іюня, ѣздили мы гулять въ Масандру, имѣніе графа В***, въ трехъ верстахъ отъ Магарача къ западу. Два обширныхъ сада, которые разделяетъ большая пробѣзжая дорога, лежатъ на скатахъ горъ близъ Масандры; но нижній, болѣе прекрасный, отличается множествомъ южныхъ деревьевъ и цвѣтовъ, которые чрезвычайно его разнообразятъ. Мнѣ особенно понравилась въ немъ кипарисовая аллея: видъ пе-

чальный, но торжественный. Мѣстоположеніе сада, надъ самымъ моремъ, обворожительно. Здѣсь берегъ такъ красивъ, такъ привлекателенъ, что не хочется съ нимъ разстаться. Въ верхнемъ саду находится нѣсколько домиковъ, и церковь, отъиенная большими ореховыми деревьями, надъ которыми мирно блестя золотой крестъ. Церковь эта не велика, и простой архитектуры; но, возвышаясь на уступѣ горы надъ необозримымъ моремъ и осѣняя его крестомъ своимъ, какъ знаменіемъ любви и мира, какое глубокое чувство рождаетъ она въ сердце, доступномъ для созерцанія! Сколько думъ благоговѣйныхъ, высокихъ, торжественныхъ, радостныхъ, разливаются она въ душу призвательной! По сторонамъ ея, красивые дачи, сады, луга и рощи, разбросанные по скатамъ горъ, образуютъ прелестные ландшафты. Вокругъ низкой, рѣшетчатой ея ограды растутъ кипарисы, и кусты розъ и розмаринновъ; а противъ паперти бьетъ жемчужный фонтанъ, доставляющій прихожанамъ живительную прохладу. Здѣсь, гдѣ все предметы возвышаютъ чувства и наполняютъ грудь восторгомъ, — о, съ какою теплою вѣрою молишься здѣсь Творцу, подателю всѣхъ этихъ благъ и красотъ!

Когда мы ѣхали назадъ нагорной дорогою, высоко надъ моремъ, въ первый разъ случилось намъ видѣть изумительное зрѣлище: бѣлыя облака спустились такъ низко, что, казалось, будто они касаются поверхности моря; и вдругъ явился подъ парусами корабль, который, то скрывался въ облакахъ, то опять опускался на море, — точно будто онъ носится въ воздухѣ! По такія картины, какъ узнала я впоследствии, здѣсь нередки. Мы проѣзжали черезъ мусульманскую деревню Никиту. Красивые Татары спокойно лежали и сидѣли на плоскихъ крышахъ домовъ своихъ, и, куря табакъ, кажется, почитали себя богаче и счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ; ихъ беспечная, и вѣсть серьез-

ная физиономія отражаетъ какую-то пропію , которая очень мнѣ нравится. Мы возвратились поздно. Ночь тогда была безлунная , а онъ здѣсь очень темны. У меня невольнo сжимается сердце , когда въ такую ночь , гдѣ всѣ предметы скрыты безвѣстностью , я ввѣрлю жизнь свою Татарской лошади , которая носить меня по крутымъ дорожкамъ , надъ обрывами и пропастями ; и когда встрѣчающіяся по сторонамъ деревья безпрестанно задѣваютъ за шляпку , рвутъ манишку , царапаютъ шею. Помню , что въ этотъ вечеръ , я почти вслухъ читала молитвы. Но этотъ страхъ такъ прилѣтенъ въ благоуханной стихіи , которая роскошно щекочетъ всѣ нервы!

Спустя недѣлю , поутру , собравшись компаніею изъ семи человекъ , отправились мы верхомъ въ Арсанду , лежащую въ двѣнадцати верстахъ отъ Магарача къ западу. День былъ прекрасный ; дорога живописная. Я должна вамъ сказать , что большая почтовая дорога устроена еще недавно на южномъ берегу ; прежде не было здѣсь проѣзда иначе , какъ верхомъ ; но теперь ѣздить въ каретахъ. Дорога эта удивительна : она какъ карнизъ вѣется по бокамъ горъ , и мѣстами , кажется , совершенно виситъ надъ моремъ.

Арсанда — имѣніе Государя Императора , и истинно достойное своего высокаго хозяина. Природа здѣсь ничего не пощадилa : она собрала всѣ свои дары , и истощила все свое искусство , чтобъ создать это единственное мѣсто. Весь южный берегъ Крыма восхитителенъ ; но Арсанда ни съ чѣмъ несравненна. Въ ней все создано въ энтузіазмъ ; самые скалы и утесы какъ-будто сотворены здѣсь съ особеннымъ изящнымъ намѣреніемъ и разставлены съ поэтическимъ эффектомъ. Больше всего привлекли мое вниманіе два огромные утеса , которые , возвышаясь не въ большомъ разстояніи одинъ отъ другаго изъ-за мрачныхъ столѣтнихъ сосенъ , образуютъ настоящія крѣпости , съ гра-

нитными стѣнами и зубцами, которые поросли плющомъ и кустарниками. Третья дикая скала, лежащая при въѣздѣ на лѣвой сторонѣ, въ оврагѣ, разительно изображаетъ колоссальную фигуру воина въ шлемѣ, прилегшаго къ землѣ и облокотившагося одной рукою, какъ-бы для отдыха послѣ тяжелой битвы. И еще двѣ подобныя человѣческія фигуры стоятъ по правую сторону на большомъ утесѣ, обнявши одна другую, и простираютъ взоръ къ морю. Чудная игра природы! Растительность чрезвычайно богата. Гора, на скатѣ которой лежитъ Арсанда, великолѣпнымъ шатромъ теряется въ облакахъ, и съ низу до верьху, вся покрыта прелестнѣйшею тканью лѣсу. Нигдѣ и никогда не видала я такого богатства цвѣтовъ и отблѣсковъ зелени. На какомъ языкѣ можно подражать этому! Гдѣ взять звучныхъ красокъ, чтобъ изобразить всю эту гармоническую игру ихъ безчисленныхъ тѣней и переливовъ, особенно, когда нагорный вѣтеръ волнуетъ это море сильной, разнообразной жизни! Внизу, по уступамъ горы, расположенъ большой и прекраснѣйшій садъ; но, я не скажу объ немъ ничего, потому, что искусство теряетъ очень много подлѣ такой благородной природы. Видъ изъ Арсанды на море великолѣпенъ; съ лѣвой стороны Яйла во всемъ своемъ плѣнительномъ разнообразіи; а на скатахъ ея, между безконечными садами, видны Ливадія, Ялта, Масандра, Магарачъ, Никита, Гурзувъ и Артекъ. Берегъ оканчивается могучимъ Аю-Дагомъ, который далеко вдавшися въ море: отсюда стелется голубая равнина, въ пространствѣ которой теряется взоръ; равнина замкнутая вправѣ отъ Арсанды мысомъ Ан-Теодоромъ.

Черезъ нѣсколько дней мы отправились въ Аутку, чтобъ посмотреть славный водопадъ.

Аутка, Греческая деревня, лежитъ верстахъ въ шести отъ Магарача, тоже къ западу, въ большой ло-

шпиль, въ концѣ которой истекаетъ рѣка Аутка. Прорѣхавъ эту деревню, мы углублялись всё далѣе и далѣе въ лощину по тропинкѣ, вьющейся возлѣ рѣки, то между камнями и по крутымъ буграмъ, то лѣсомъ и кустарникомъ, покрывающими всю лощину свѣжей и пылнитою зеленью, между тѣмъ, какъ лежащія по сторонамъ горы одѣты мрачными соснами; и чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ труднѣе становился путь отъ множества крутизны и густоты лѣсу. Наконецъ, мы добрались до большаго утеса, на вершинѣ котораго лежатъ развалины Генуэзской крѣпости: она казалась неприступною, по причинѣ высоты утеса и крутизны его краевъ; но, побуждаемые любопытствомъ, мы рѣшились въ нее пробраться. Сойдя съ коней, кое-какъ вкарабкались мы на самую вершину, и оттуда свободно могли видѣть весь водопадъ, хоть онъ былъ не очень близко.

Водопадъ этотъ, вырываясь изъ ребръ Яйлы, съ высоты не менѣе пятидесяти сажень, низвергается одною толстою полосой воды; но, не достигая до низу, онъ съ шумомъ ударяется въ острия скалы, пѣнится, кипитъ и съ глухимъ шумомъ разсыпается въ мелкія брызги; потомъ струяи несетса въ глубь, прорытую его стихіей, и оттуда широкимъ потокомъ бѣжитъ въ море. Онъ бываетъ особенно силенъ и прекрасенъ послѣ дождей и тающихъ снѣговъ; въ жаркое время, онъ не совсемъ прекращается, однако жъ становится довольно тощимъ.

Мы не удовольствовались этимъ видомъ: намъ непремѣнно хотѣлось подѣхать ближе. Мы сѣли опять на лошадей и, несмотря что тутъ казалось совершенно не было проѣзда, пустились на удачу. Тропинка становилась тѣмъ болѣе трудною, что она вѣется между густымъ лѣсомъ; сучья безпрестанно ее заграждаютъ; надобно было чрезвычайно изгибаться, чтобъ не оставить головы на деревѣ. Лошадь у меня была

прежняя, предобрая: она, казалось, совершенно понимала своего трусливаго всадника, и вслѣдствіи старалась его сберечь, останавливаясь каждый разъ въ критическую минуту и тщательно разсматривая, какъ бы лучше пройти. Эти частыя остановки такъ отдалили меня отъ спутниковъ, что я, мало-по-малу, совершенно отъ нихъ отстала; а наконецъ и тропника, по которой ѣхала, совсѣмъ потерялась въ лѣсу. Я остановилась, не зная куда ѣхать; кричала своимъ спутникамъ, но не было отвѣта; и тогда страхъ и безпокойство овладѣли мною. Сердце билось такъ сильно, такъ сильно!..... Въ этомъ положеніи я простояла нѣсколько времени, какъ вдругъ неподалеку отъ меня запѣлъ соловей такъ мило, такъ сладко, какъ голосъ утѣшенія, и я совершенно успокоилась. Выѣхавъ на небольшую лужайку, я сошла съ лошади, села на траву и..... и..... О, какаа прелесть быть одной почью въ лѣсу! Кто, кто мнѣ возвратитъ эту торжественную минуту мрака, свободы и счастья! Позади меня, увѣчанная могучею короною облаковъ, Яйла; царица горъ, предлагала мнѣ свое покровительство; Яйла, отъ которой, какъ бы отростки, пущенные ея корнемъ, вѣтвились высоко на горы со всѣхъ сторонъ лощины, имѣя небольшой поворотъ къ востоку; и тамъ, вдали, чуть-чуть видѣлось море. Вдоль одной лощины, между лѣсомъ бѣжала рѣчка Аутка. Не очень далеко отъ меня лежали на утесъ Генуэзскія развалины, недавно оставленныя нами, а по сторонамъ видѣлись узкія ущелья, наглухо заросшія сосновымъ лѣсомъ, куда, кажется, никогда не проникалъ слѣдъ человѣческой. Солице только-что закатилось за горы; темно-голубая тишина смущалась только шумомъ водопада. Я была одна, — одна въ цѣломъ лѣсу, и, казалось, въ цѣлой природѣ. Что могло сравниться съ моимъ сладкимъ одиночествомъ, въ которомъ ощутила я новыя, еще неиспытанныя восторги высокаго наслажденія!.....

Вотъ , я расположилась почевать на самомъ этомъ мѣстѣ , котораго пахучую мураву можетъ-быть попирали въ золотой обуви царственная нога блуждающей Ифигеніи. Святая земля изящныхъ и грустныхъ преданій ! какое могущество слова выразить ту волшебную прелесть , какую ты имѣешь для воображенія , полною твоими таинственными дѣянiями ? Тысячи горячихъ мыслей вырывались искрометной струей изъ глубины моего сердца и шумѣли , — буквально , шумѣли , — въ моей головѣ . Я забыла о моихъ спутницахъ . Я думала , что онѣ уже поворотили домой и , будучи далеко , не захотятъ , при наступающей темнотѣ , воротиться за мною , а прiѣдутъ завтра отыскивать оставшую отъ стада овечку . Такъ размышляла я , и , вмѣсто того чтобы роптать на судьбу , находила даже большую занимательность въ моемъ приключеніи . Весело , весело въ глухой и темной дубравѣ !..... Грустно и весело ! Мой золотогривый , неподалеку отъ меня спокойно щипалъ шелковую травку , и по временамъ утѣшительно поглядывалъ на меня . Признаюсь , въ это время я не могла смотрѣть на него безъ особеннаго участiя , видя въ немъ своего единственнаго товарища , единственнаго друга , между небомъ и землею . Такъ прошло болѣе получаса ; такъ прошелъ бы вѣкъ..... Но вдругъ слышу , кричать издали : «Mademoiselle Pélagie!..... Pélagie!.....» И эхо повторило имя мое въ заколдованныхъ ущельяхъ горъ . Это былъ родъ мужчины , — Французъ , — который вздiялъ тогда съ нами , и котораго спутницы мои послали искать меня . Мнѣ очень было досадно , что романтическій планъ мой , почевать въ этомъ дремучемъ лѣсу , разрушился . Но дѣлать было нечего : меня нашли ; все мое наслажденіе разстроили ; все мое счастье стоптали . Тиранъ !..... Не даромъ мужчина ! Но дѣлать было нечего : мы поѣхали .

Ужъ совсѣмъ смерклося , когда выбрались мы изъ

лощины на большую дорогу. Луна величественно вошла надъ Чернымъ Моремъ, и сребристый, великодушный столпъ протянулся по его чуть зыблущейся поверхности. Мы всё-еще вхали одни, думая, что товарищи наши впереди; но они вдругъ насъ нагнали, и я узнала, что и съ ними довольно было приключеній: между прочимъ, одна изъ нихъ упала съ лошади. Я считала себя дважды счастливою, что заблудилась: изъ худъ безъ добра!

Скоро мы прѣехали домой и я, вмѣсто дремучаго лѣсу, заснула могучимъ сномъ..... увъ!..... на диванъ!

Черезъ два дня, въ воскресенье, я повхала одна въ Масандровскую церковь помолиться Богу. Провожатымъ моимъ былъ Татаринъ Адыкъ, который находился въ нашемъ домѣ для прислуги. Послѣ объѣда, вздумалось мнѣ посмотреть Масандровскій водопадъ, который, какъ мнѣ сказывали, находится верстахъ въ четырехъ отъ церкви. Но какъ ни я, ни мой провожатый, не знали туда дороги, то разспросивъ у жителей, повхали мы въ надеждѣ достигъ до водопада безъ малѣйшей трудности. Вдругъ дорога раздѣлилась на двѣ, и мы, не зная, по которой ѣхать, пустились на счастье вправо. Дорога эта вела сперва въ горы, а потомъ углубилась въ густой сосновый лѣсъ. Вотъ ужъ прѣехали мы верстъ пять, — водопада еще не было, а лѣсъ становился гуще и темнѣе; я сърыя тучи потянулись изъ ущелій; и пошелъ дождь, — а водопада все еще не было!

Проводникъ мой совѣтовалъ воротиться домой, но я, всё-еще надѣясь скоро увидѣть водопадъ, вхала впередъ. Къ счастью встрѣтилось намъ нѣсколько челоуекъ Татаръ, дровосѣковъ, отъ которыхъ мы узнали, что эта дорога ведетъ только въ лѣсъ и проложена единственно для провоза изъ него дровъ, и поворотила назадъ. Я склонила немножко голову къ низу.

Между-тѣмъ, дождь сталъ чувствительно мочить меня, а когда выѣхала изъ лѣсу въ Масандру, полилъ ливнемъ. Наконецъ я принуждена была остановиться у Татарскаго домика, который, какъ и всѣ дома здѣсь, не имѣеть наружной стѣны, такъ, что верхомъ на лошади, можно прямо въѣхать въ гостиную. Но я, чтобъ показать Европейскую възливость, сошла съ коня, и сдѣлала почтительный поклонъ сынамъ Магомета. Меня встрѣтилъ одинъ только почтенный старикъ, и тотчасъ столько наговорилъ мнѣ о чемъ-то по-своему, и съ такимъ чувствомъ, что, казалось, я вижу передъ собою вдохновеннаго старца горъ, le Vieux de la Montagne, повѣдывающаго мнѣ судьбу міра и мою. Къ сожалѣнію, я ни слова не понимала изъ многотавственнаго разсказа моего Писія: всачески старалась я выразить ему, что, если онъ хочетъ, чтобы я слушала, то долженъ говорить внятно, то есть, по-Русски; но онъ пожалъ плечами, и продолжалъ свой разсказъ высокими Татарскимъ слогомъ: по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ казалось, потому что я вообще высокими слоговъ не понимаю. Впрочемъ, можно было замѣтить, что онъ очень сожалѣлъ, что мы не можемъ, къ общедному удовольствію, понимать другъ-друга.

Наконецъ, дождь прекратился, облака исчезли, солнце заблестало, и я, простившись съ моимъ оракуломъ, который по-видимому былъ доволенъ своей занимательною встрѣчею съ Русскою кызъ, опять пустилась отыскивать водопадъ. Мы разспросили кой-гдѣ снова о дорогѣ, и поѣхали по другой уже тропицкѣ, которая, лзвивалась между букетами цвѣтушихъ кустарниковъ, подъ душистымъ склономъ драгоценныхъ деревьевъ, заставила меня совершенно забыть неудачную попытку прежняго путешествія. А какъ чудесна была тогда природа!.... Выкупанная въ сладкомъ дождѣ, она рдѣла по всѣмъ членамъ свѣжестью,

блескомъ и красой неописанною: безчисленные цвѣты и отбѣнки зелени стали еще живѣе, еще ярче, еще пышнѣе; чистыл и крупныя капли, дрожа на листочкахъ, какъ алмазы играли отъ лучей солнца; а воздухъ, — воздухъ весь превратился въ сладчайшій аромать!

Скоро сталъ слышенъ шумъ водопада; и хотя казалось, что онъ очень близокъ, однако я проѣхала еще двѣ версты, — и шумъ всё увеличивался болѣе и болѣе, — и наконецъ превратился въ оглушительный ревъ, — какъ вдругъ, при поворотѣ дорожки, я остановилась въ непонятномъ восхищеніи: подъ навѣсомъ густыхъ сръшниковъ, между черными скалами гранита, струилось растопленное серебро! Я сошла съ лошади, и, съ помощію моего проводника, высоко поднимаясь на скалы, между которыми съ грохотомъ клубилась вода. Тамъ стояла я въ цѣломъ восторгѣ, и смотрѣла, какъ эта великолѣпная алмазная влага, нѣсколькими руками, стремительно вырывалась изъ нѣдръ земли, и, встрѣчая преграду въ гранитныхъ башняхъ, съ бѣшенствомъ ревѣла и разсыпалась въ мелкія струйки: потомъ, низвергшись внизъ двумя рѣками, быстро бѣжала она вдаль, какъ-бы торжествуя, что освободилась отъ пльни и своего мрачнаго жилища. Водопадъ не высокъ, но множество скалъ, нагроможденныхъ у самаго истока, дѣлають шумъ его оглушительнымъ. Въ жаркое и сухое время года, онъ совершенно истощается: доказательство этого — проѣзжая дорога, которая лежитъ у самаго паденія, и въ это время была покрыта на большое разстояніе водою.

Долго я смотрѣла, долго внимала этому непрерывному реву, этой возвышенной гармоніи, которые увлекли мое воображеніе далеко, далеко. И вдругъ, глубокій вздохъ вырвался изъ груди, и мнѣ стало грустно; грустно мнѣ стало, что..... я одна

словомъ , что нѣтъ со мною души , съ которою могла бы подѣлиться моими восторгами .

Наконецъ я сошла внизъ , съѣла на лошадь и , любовавшись еще немного на водопадъ , скоро поскакала въ Магарачъ . Ужь было три часа за полдень , когда я прїѣхала домой .

Наслаждаясь тихой и ясной погодою юга , я вовсе стала забывать о буряхъ сѣвера , о тучахъ , такъ часто застилающихъ его небо , и думала , что ненастье никогда не омрачаетъ здѣшней природы ; что эта исполнивская стѣна горъ , твердо заграждаетъ отъ всѣхъ бурь и непогодъ счастливый берегъ южной Тавриды ; но вдругъ хлынули съ сѣвера громадами мрачныя тучи , и , со стономъ переваливаясь черезъ гребни горъ , грозными полчищами потянулись въ воздухъ одна за другою , и застлали все небо страшной ночью ; и пошелъ дождь , подули рѣзкіе , холодные вѣтры , и въ горахъ раздались ужасные громы ; море вопило , деревья ужасно взмахивали вѣтвями или жалко склонялись къ землѣ , оторванные листья ихъ далеко летѣли въ горы и надъ бурнымъ моремъ , и вся эта роскошная , нѣжная природа Тавриды стала мрачна и сжалась какъ сердце надъ льдистой Невою . Ненастье продолжалось почти двѣ недѣли ; но это , говорятъ , случается здѣсь рѣдко .

Наконецъ , завѣтное солнце опять блеснуло надъ благословеннымъ Крымомъ и , испуганныя тучи , какъ незваные гости , стремглавъ понеслись домой , на сѣверъ ; быстро ширяя черезъ хребты горъ , онѣ тѣснились и ужасно давили одна другую ; инья , разбитыя въ эту грозную сумятицу , съ ревомъ обрушались на бока горъ ; другія , избѣгнувъ страшнаго шапора , проворно прятались въ ущелья . И вотъ , мало-по-малу , все убралось по-своему .

Опять царствуетъ тишина , опять расцвѣтаютъ краса и счастье . Усталое море , отдыхая , опять улыбается въ объѣмъ голубаго неба . Одѣтые новою зеленою

дуга и роши опять блестя съжестью и роскошью; опять горные источники журчатъ и рисуютъ по коврамъ земли серебряные узоры; и опять раздалась мелодія пернатыхъ, стрекозъ и кузнечиковъ: заиграли воздухъ, зазвучала трава, небо и земля соединили свои музыки въ одинъ торжественный гимнъ благополучія, и изъ богатыхъ чашечекъ цвѣтовъ взвились куренія незримаго омиама Всевышнему. Все стало, попрежнему, светло, благоуханно и радостно. Такъ порой, и тоска набѣгаетъ на сердце, такъ и облака печали застилаютъ ясную душу, жмутъ ее, давятъ ее своею тяжестью: все кажется мрачнымъ; мiръ тогда унылъ и темень, какъ въ несчастьи; но блеснетъ привѣтная звезда на небосклонѣ будущаго, но проглянетъ лучъ надежды сквозь мракъ настоящаго, и душа снова весела, и сердце снова спокойно.

Двѣнадцатаго юля, послѣ обѣда, мы отправились въ Артекъ, чтобъ пробыть тамъ нѣсколько дней. Вечеръ былъ тихій и прекрасный; вдали, какъ лебеди, плавали корабли подъ бѣлыми парусами; горы покрыты были тонкимъ голубоватымъ туманомъ, сквозь который предметы, часъ отъ-часу проявлялись по мiръ нашего къ нимъ приближенія. Отъ Магарача до Артека считается до десяти верстъ. Сначала мы проѣхали черезъ Никитскій Садъ, потомъ черезъ Мартіанъ, густую, пльнительную рощу, которой разнообразныя верхи деревъ освѣщало клонящееся къ западу солнце, не проникая во глубину ея чащи, погруженную въ таинственный мракъ, который приводилъ сердце въ благоговѣйный трепетъ. Потомъ проѣхали мимо Ан-Данили, имѣніе графа В***: оно состоитъ изъ нѣсколькихъ бѣлыхъ домиковъ и большаго продолговатаго здавія, съ высокими башнями по угламъ, наподобіе минаретовъ, что все вмѣстѣ образуетъ весьма красивый ландшафтъ, брошенный у подношья горы, посреди прекраснаго лѣсу. Мы вполнѣ

могли любоваться этой картиною, потому что тѣхали высоко надъ нею; но отсюда дорожка спустилась къ морю, и шла по самому краю берега. Вскорѣ мы проѣхали мимо Гурзова, большой Татарской деревни. Однообразные татарскіе домики, съ плоскими крышами, какъ-бы привыченные къ боку горы въ нѣсколько рядовъ одни надъ другими, очень походятъ на ложи обширнаго театра; тѣмъ болѣе, что какъ въ нихъ нѣтъ наружной стѣны, то видна вся ихъ внутренность. Винзу, подлѣ этой деревни, находится большой домъ и садъ, принадлежавшіе прежде герцогу Ришелье; а теперь Г. Фондуклею. Природа въ Гурзовѣ великолѣпна: живописные утесы, которыхъ верхи увѣнчаны кустарничками, плынительно разбросаны по всему берегу; на одномъ изъ нихъ, видны развалины крѣвосты. Саженяхъ въ тридцати отъ берега, возвышаются два бѣлые утеса, которые издали походятъ на корабли, плывущіе подъ парусами.

Послѣ Гурзова, мы проѣхали еще черезъ имѣніе султана Керимъ-Гирея. Здѣсь, напротивъ, природа является скупою и дикою: по всему пространству, отъ цѣпи горъ къ морю, одни только обломки сѣраго гранита лежатъ раскиданные между кустарничкомъ, пожелтѣвшимъ отъ жару на сухой почвѣ. Лесная луна уже давно присвѣчивала намъ, и Артекъ казался недалеко; но дорожка наша безпрестанно змѣялась между утесами, бросаясь то въ ту то въ другую сторону и попеременно открывая и скрывая Артекъ. Наконецъ, мы пріѣхали, и были очень ласково приняты доброй хозяйкою.

На другой день, солнце освѣтило прекрасное мѣстоположеніе Артека: онъ лежитъ въ ложинѣ, которую окружаютъ, съ двухъ сторонъ высокаго Яйла, дающая въ этомъ мѣстѣ значительный изгибъ, съ третвей стороны Аю-Дагъ, а съ четвертой море, которое от-

сюда кажется въ отдаленіи. Садъ изобилуетъ фруктовыми деревьями и множествомъ цветовъ, наполняющихъ воздухъ ароматомъ. По сторонамъ лежатъ обширныя виноградники; а за ними дремлетъ лѣсъ, изъза котораго видныя горы, покрытыя кустарниками и травою; и тамъ же, разсыпаны небольшими группами деревья, кажутся какъ-бы гуляющими роцями по изумруднымъ скатамъ. Противъ Артека, на уступѣ Яйлы, видна Татарская деревня Кызиль-ташь. Мы обѣдали у Г. П — на, съ которымъ познакомила насъ владѣтельница Артека. Семейство этого Русскаго вельможи напомнило мнѣ многое изъ протекшихъ дней, и время, проведенное въ кругу его, было отрадой для моего сердца. Его имѣніе находится въ со-сѣдствѣ съ Артекомъ, но ближе къ морю, и лежитъ гораздо выше съ правой стороны Аю-Дага. Здѣсь таже картина, но въ другомъ видѣ: море стелется обширнѣе и ближе, а горы уклонились въ сторону; зелень и цвѣты рисуются въ новыхъ очеркахъ и тѣняхъ. Пятнадцатаго числа повхали въ Партеитъ. Надо было любоваться нашимъ повздомъ, который состоялъ изъ семи дамъ, верхомъ, въ разноцвѣтныхъ платьяхъ и шляпкахъ, одного маленькаго кавалера на микроскопической лошаdkъ, и одного провожатаго Арианта. Особенно интересно было посмотреть, когда наша пестрая кавалькада, гирлядою развѣшавшаяся по утесамъ и зеленымъ горамъ, такъ, что когда передняя лошадь подымалась на вершину, задняя оставалась еще въ самомъ низу, или обратно. Партеитъ, Татарское селеніе, лежитъ на берегу моря, у подошвы Аю-Дага, съ лѣвой стороны горы. Надъ амфитеатромъ Татарскихъ домиковъ, прижнутыхъ къ горѣ, высится бѣлая мечеть съ высокими минаретами, а вокругъ всего селенія игривая природа раскинулась прелестнѣйшимъ садомъ: здѣсь она кажется особенно милой и привлекательной. Въ Партеитъ достойно

замѣчанія орѣховое дерево, славное во всемъ Крыму своей величиною и изобиліемъ орѣховъ.

Мы возвратились назадъ уже при свѣтѣ мѣсяца, и пробывши еще нѣсколько часовъ у Г. П — на. Въ этотъ пріятнѣйшій вечеръ, нѣсколько дамъ сидѣли на балконѣ, и тихо между собою разговаривали; я также была съ ними, но не принимала участія въ ихъ разговорѣ, увлекалась думной прелестію окружающей природы. Полная луна катилась въ голубомъ зѣврѣ, и вокругъ нея, какъ духи любви, носились свѣтлыя, тончайшія облачка. Передъ нами тянулся виноградникъ; а за нимъ, посребренное луною море, последнею волною исчезало въ горизонтѣ. По сторонамъ возвышались горы, покрытыя таинственнымъ лѣсомъ, въ завѣтный мракъ котораго не заглядывала и самая луна. По всему берегу, не слышно было ни голоса человѣческаго, ни конскаго топоту, ни шелеста листьевъ: только мѣрныя ударенія волнъ въ гранитные утесы, такъ глубоко отзывающіяся въ сердца, прерывали тишину и еще болѣе увеличивали ея торжественную прелесть. Сквозь разноцвѣтныя стекла оконъ и растворенныя двери виднѣлась ярко-освѣщенная зала; и оттуда неслись звуки фортепіано, то унылыя и замирающіе, то шумныя и звучныя, уносяшіе душу въ безконечныя области фантазіи. Какой поэтической вечеръ! Я сравнивала его съ тяжелыми и сырыми вечерами Каменнаго Острова, на берегу Большой Невки, и стыдилась за наше Петербургское тщеславіе, которое заставляетъ насъ превозносить ихъ такими похвалами передъ смиренными провинціалами.

Наконецъ мы возвратились въ Магарачъ, который пора уже оставить.

Еще нѣсколько словъ о Ялтѣ: этотъ приморскій городокъ, можно сказать, еще только-что возникаетъ; года четыре тому назадъ, на этомъ мѣстѣ, была Греческая деревня, которой укромныя хижинки и ого-

роды какъ-бы по волшебному знаку превращаются нынче въ огромныя площади и зданія Марса, Фетиды и Аполлона, для нихъ счастливыхъ любимцевъ — достойныхъ сыновъ Россіи. Сверхъ-того, на прекрасномъ и возвышенномъ мѣстѣ, строится теперь Русская церковь красной архитектуры, и начата постройка гавани. Сюда ходятъ изъ Одессы два парохода, «Петръ Первый» и «Наслѣдникъ», по одному каждую недѣлю; а отсюда идутъ первый къ восточному берегу Крыма, и останавливается въ Феодосіи и Керчи, второй къ западному берегу, и останавливается въ Севастополѣ и въ Эвпаторіи; и каждый, черезъ двѣ недѣли, дѣлаетъ поворотъ въ Одессу. Теперь Ялта еще не прельщаетъ взора: вездѣ идетъ работа, улицы завалены камнями; пѣзвь бросается въ глаза; но, года черезъ два или три, можно надѣяться Ялта будетъ прелестнымъ городкомъ на южномъ берегу Крыма. Отъ Магарача до этого мѣста считается семь верстъ, къ западу. Намъ перѣдко случалось тамъ быть проездомъ, потому, что большая дорога проходить черезъ этотъ зародышъ города.

Двадцать перваго іюля сѣли мы въ Ялтѣ на пароходъ «Наслѣдникъ», и въ восемь часовъ утра онъ снялся съ якоря. Какъ описать восхитительное путешествіе, которое мы совершили отсюда въ Севастополь и Бакчисарай! Горы, лѣса, долины, степи, деревни, города, все переизмѣнилось въ одной головѣ и составило такой радужный хаосъ, что если бы можно было выбросить его на бумагу такъ, какъ онъ есть, я бы ни за что не рѣшилась разлагать его на части. Къ сожалѣнію, я могу представить только простое, нестройное описаніе этой прелестно дикой сцены картинъ. Со вздохомъ принимаюсь за дѣло. Чувствую, что прекрасное это совокупленіе много утратитъ цѣны отъ слабого пера, какъ большой брилліантъ, разбитый однимъ ударомъ на мел-

кія части. Но такъ и быть! Слушайте вътринную дѣвушку. Мы съѣли на пароходѣ: погода была довольно сильная, и насъ всѣхъ ужасно укачало. Всю ночь я пролежала безъ памяти, и уже поутру, когда пароходъ остановился на Севастопольскомъ рейдѣ, съ трудомъ встала, и взоръ мой съ восхищеніемъ остановился на горѣ, гдѣ бѣлый Севастополь прелестно возвышался акфитеатромъ. Если бы Москва не была названа «бѣлокаменною», то я предложила бы торжественно дать этотъ эпитетъ Севастополю, который, по всей справедливости, его заслуживаетъ: въ этомъ славномъ градѣ всѣ до одного дома каменные и всѣ, исключая очень немногихъ, бѣлые до сумазбродства. Надъ темною синевою моря, и при удареніи солнечныхъ лучей, это такъ поразительно, что издали кажется, будто какой испанскій корабль поднялъ всѣ паруса и отплываетъ отъ береговъ. Внизу города рисуются красивыя бухты; далѣе, Пикерманскія горы полукружіемъ обнимаютъ голубой заливъ; а на лѣвой сторонѣ, въ день нашего прибытія, съ грузомъ скошенной, цвѣтучной травы плавала низкая коса съвернаго берега. Мѣстами стояли вооруженные корабли; ялики и шлюпки, какъ чайки, ширляли взадъ и впередъ по зыби залива. Картина — живая и великолѣпная.

Съ парохода мы съѣхали на яликъ къ пристани, гдѣ ожидала насъ коляска, присланная отъ барона Р^{***}, и черезъ полчаса мы были уже въ его домъ. Доброта и ласки его семейства чрезвычайно меня плѣнили: могу сказать, что такихъ добрыхъ и обязательныхъ людей я мало еще встрѣчала. Послѣ обѣда мы проѣхались въ коляскѣ по городу, — и что же? — сколько съ моря прекрасенъ Севастополь, столько внутри онъ непривлекателенъ! Кромѣ двухъ, довольно большихъ и широкихъ улицъ, вездѣ представляются глазамъ одни узенькіе закоулки; домовъ большихъ немного;

всѣ маленькіе, о двухъ или трехъ окнахъ. Это конечно навело бы уныніе, если бы въ нѣсколькихъ мѣстахъ не встрѣчались большія зданія, которыя только-что строятся, и подають надежду, что городъ скоро будетъ лучше. Очень желательно, чтобы онъ перенялъ архитектуру домовъ Одесскихъ: тогда, конечно онъ сталъ бы однимъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Россіи, тѣмъ болѣе, что онъ вполне можетъ гордиться своею великолѣпнѣйшею гаванью.

Потомъ гуляли мы на бульваръ, который тянется по высокому берегу надъ южною бухтою, и составляетъ единственное гульбище Севастополя: деревья его такъ малы, что почти не даютъ тѣни; но мѣстоположеніе самое прелестное. На противоположномъ берегу бухты, нѣсколько большихъ казенныхъ зданій, и хуторовъ съ сѣдами и огородами, разбросанныхъ по долинѣ, образуютъ живописные ландшафты. Видъ большихъ разнащенныхъ кораблей, которые стояли тогда въ бухтѣ, и толпы матросовъ, живо напомнили мнѣ Кронштадтъ, —

«Гдѣ радости и горе,
Мой юный духъ, пылая обвинялъ!»

Близъ Севастополя происходитъ теперь исполинская работа: нѣсколько тысячъ человекъ срываютъ гору, чтобъ поставить на томъ мѣстѣ адмиралтейство.

На другой день послѣ обѣда, мы большей компаніею поплыли на катеръ вдоль по заливу въ Инкерманъ. Въ концѣ залива Инкерманскія горы расходятся на двѣе, и въ этомъ промежуткѣ лежитъ прелестная долина, орошаемая рѣчкою Узенемъ, которая, извившись по ней, впадаетъ въ заливъ. Въѣхавъ въ устье, мы вышли на берегъ, и нѣкоторые изъ насъ остались въ долинѣ, а я, съ тремя товарищами, пошла смотрѣть пещеры, которыхъ здѣсь въ горахъ —

множество. Но прежде смотрели мы славный водопроводъ, который идетъ по лѣвую сторону Узеня: онъ еще не конченъ. Работа немощная! Въ низкихъ мѣстахъ онъ поднимается на высокнхъ аркахъ, а гдѣ встрѣчаются горы, тамъ проламывается во внутренность ихъ. Мы прошли одинъ проломъ длиною съ полверсты, а вышиною и въ ширину по четыре аршина съ половиною. Весь водопроводъ занимаетъ версть пятнадцать, начиная отъ Узеня до Севастополя. Перешедши рѣчку, по набросаннымъ камнямъ, сначала мы обозрѣли внизу нѣсколько незначительныхъ пещеръ, а потомъ поднялись вверхъ по довольно высокой лѣстницѣ и очутились въ комнатахъ, внутри горы, съ отверстіями наружу вмѣсто оконъ. Одна изъ этихъ комнатъ очень ясно доказываетъ, что служила прежде церковію: большой крестъ надъ престоломъ сохранился въ цѣлости, и на стѣнахъ мѣстами видны полунисчезнувшія краски образовъ; но другія комнаты вокругъ этой, судя по ихъ расположенію, вѣроятно были келіями отшельниковъ: повсему видно, что это былъ монастырь. Конечно, много съ тѣхъ поръ прошло вѣковъ, но слѣды все еще не изгладились, и грустныя впечатлѣнія мѣста превращаются сами собою въ вопросъ — что заставляло этихъ людей заживо погребать себя въ землѣ, сырой и мрачной? Неужли тѣсно имъ было жить въ этихъ обширныхъ и цветущихъ долинахъ, гдѣ природа такъ щедро сыплетъ свои дары, и гдѣ теперь, почти не кому ни наслаждаться? Въ одной изъ келій, лежитъ на полу множество костей, которыя, кажется, ожидаютъ зоологовъ, чтобы ихъ классифицировать; но, какъ это не относилось къ намъ, женщинамъ, то мы и прошли мимо, не касаясь, и не нарушая глубокаго ихъ покоя. Поднявшись еще выше по крутой лѣстницѣ, мы вышли на самый верхъ горы, и очутились на развалинахъ Инкерманской крѣпости, которую Та-

тары зовуть Ахтіаромъ. Не совсѣмъ еще разрушенныя стѣны и башни живописно торчатъ надъ долиной, на которую видъ отсюда пльнительный: голубая лѣнта Узеня развертывается по зеленому бархату луговъ, то прячется въ кустарничкахъ, то снова является, болѣе живая, милѣе улыбающаяся. По сторонамъ ея, не много поодаль, растутъ великолѣпнѣйшія деревья, а далѣе, отвѣсной стѣною возвышаются кремнистыя горы. Любопытство влекло меня вверхъ, и я не замѣчала пути; но, когда пришлось сходить назадъ, я взглянула и ужаснулась: почти пятьдесятъ саженъ надо было спуститься, и по самой крутой и труднѣйшей лѣстницѣ, которой ступеньки, вырубленныя въ горѣ, мѣстами осыпались, а гдѣ и совсѣмъ изгладились. Однако жъ мы сошли невредимо, какъ-будто самъ ангель-хранитель сносналъ насъ на крылахъ своихъ.

По лѣвую сторону Узеня, есть тоже много пещеръ въ горахъ; но намъ сказали, что онѣ мало интересны, и мы ихъ не осматривали. Уже было довольно темно, когда поплыли мы обратно въ Севастополь. На корабляхъ, которые стояли на рейдѣ, музыка играла зорю и вдругъ передъ нами блеснула молнія: оглушительный ударъ заревой пушки грохнулъ съ адмиральскаго корабля «Марія», и раскатился эхомъ по горамъ Инкерманскимъ; потомъ все затихло; только веслы нашего катера стройно хлестали по водѣ, да вдаль перекликались часовые. Подъѣзжая къ Севастополю, мы много любовались на амфитеатръ освѣщенныхъ домовъ его.

Двадцать четвертаго числа поутру, потѣхали мы лерхами въ монастырь Святаго Георгія, лежащій въ двѣнадцати верстахъ отъ Севастополя, къ востоку. Дорога идетъ степью. Мосей лошади, не знаю почему, вдругъ вздумалось разбѣжаться по этому раздолью, и вотъ она понесла меня съ дороги въ сторону во весь

опорь: да такъ летѣла, такъ быстро и неукротимо летѣла, безжалостная, что мнѣ эта неожиданная скачка вовсе не показалась забавною. Въ страхъ, я ничего болѣе не видала, кромѣ ушей моего дерзкаго скакуна, и о томъ только думала, что черезъ нѣсколько секундъ буду лежать безъ головы. Но, къ счастью, или само небо сжаилось надо мною, или мой аргамакъ оплошалъ: ужь и сама не знаю, какъ я его остановила; но дѣло въ томъ, что кости мои остались цѣлыми.

Подѣхавъ къ мысу Теоленту, мы сошли съ лошадей, и спустились внизъ по крутой дорожкѣ. Какая картина! Церкви и нѣсколько келій, отшельнныя плодоносными деревьями, приоткрылись на небольшомъ уступѣ горы надъ самымъ моремъ, — моремъ бурнымъ и безбрежнымъ, кромѣ котораго, впереди ничего болѣе не видно. Улыбающаяся зелень деревьевъ здѣсь еще миловиднѣе и привлекательнѣе, потому что заключена среди грозныхъ волнъ и пустынныхъ утесовъ. Прекрасное мѣстоположеніе для монастыря! Здѣсь отшельникъ можетъ забыть людей и свѣтъ, безъ сожалѣнія и безъ ненависти. Здѣсь все предметы возвышаютъ чувства. Здѣсь все говоритъ о Богѣ, объ его величїи и благодѣи; и говоритъ глубоко, убѣдительно.

Отсюда мы отправились въ мѣстечко Балаклаву, лежащее верстахъ въ четырехъ, также къ востоку. На пути мы проѣхали мимо Греческаго селенія Кадьковки: двѣ или три церкви, и нѣсколько чистенькихъ домиковъ, перемѣшанныхъ съ плодоносными садами, надъ которыми возвышаются колонны пирамидальныхъ тополей, дѣлаютъ изъ этого селенія живописную картину посреди степи. Балаклава, называемая иначе Гаванью Символовъ, въ самомъ дѣлѣ — чудное произведеніе природы: узкій и глубокій проливъ проходитъ между двумя горами, и образуетъ потомъ ши-

рокій заливъ , обнесенный кругомъ оградою горъ , на которыхъ видны или прекрасныя развалины стѣнъ и башенъ , или сады , висячіе по скатамъ , и виноградники . Внизу , на правой сторонѣ залива , расположена самая Балаклава : куполы церквей и красивыя фасады некоторыхъ домовъ , придаютъ ей видъ довольно богатый , а мелькающія въ нихъ лица красивыхъ Гречанокъ , и группы Арнаутскихъ офицеровъ , гуляющихъ по улицамъ , дѣлаютъ ее романтическою цаманчивою . Само воображеніе не могло создать мѣста привлекательнѣе этого . Балаклава , окруженная горами , есть особенный міръ , и , можетъ-быть , никогда не знающій ни бурь ни непогодъ . Зеркальная поверхность залива плынительно отражаетъ и вокругъ лежащія горы , и зелѣющіе сады , и живописныя развалины , и вѣчно чистое небо . Прибавьте къ этому журчаніе горныхъ источниковъ , и пѣніе птичекъ , и красоту выходящей юности : о , я увѣрена , что здѣсь должно жить счастье .

Мы пили чай въ маленькомъ саду Греческаго домика : солнце уже закатилось , небо пылало розовымъ огнемъ ; съ одной стороны слышался шумъ тихій шумъ ручейка , съ другой доходили звуки гитары ; и лепестки деревъ не шевелились , боясь разбудить сныловъ , которые на нихъ почиваютъ ; и воздухъ теплый , упоенный свѣтомъ и ароматомъ , превращаясь въ животворную росу ; и все кругомъ насъ дышало очарованіемъ : мудро ли , если и чай показался намъ совершеннымъ нектаромъ , который пьютъ одни Паркаскіе боги . Мы съ сожалѣніемъ расстались съ плынительною Балаклагою . Когда прѣехали въ Севастополь , было ужъ одиннадцать часовъ ночи .

Скоро потомъ , простившись съ нашими добрыми хозяевами , мы оставили Севастополь . У Греческой пристани съели мы на катеръ , и , захавъ въ любопытства на адмиральскій корабль «Марія» , перепра-

вылился через заливъ на сѣверный берегъ, гдѣ ожидали насъ верховыя лошади. Мы пустились въ Бакчисарай. Позады нашъ состоялъ изъ трехъ дамъ, рейтора и трехъ слугъ.

Дорога здѣсь чрезвычайно живописна: сначала, на лѣвой сторонѣ, блеснула зеркаломъ рѣчка Болбекъ, и мгновенно скрылась въ густомъ кустарникѣ. Потомъ мы выѣхали на цвѣтушую долину Качъ, орошаемую рѣчкою Качью. Роскошныя деревья, растущія разнообразными группами или разстланныя по-одиначкѣ по зеленымъ лугамъ; красныя дачи, Греческія и Татарскія селенія; и веселые берега рѣчки, увѣнчанныя кустарниками, безпрестанно представляютъ новыя, очаровательныя виды. По обѣимъ сторонамъ тянутся невысокія горы и холмы; а на правой иногда является на горизонтѣ Чатыръ-Дагъ, и потомъ опять скрывается за ближайшими горами. На другой день заѣхали въ Татарскую деревеньку, — названія не помню, — гдѣ въ мечети находятся грѣба трехъ Магометацкихъ угольниковъ: одинъ изъ нихъ, какъ намъ сказывали, съѣздилъ въ три дня изъ Крыма въ Мекку, а другіе два тоже сотворили какія-то чудеса. Гробы ихъ просты, изъ дерева, выкрашеннаго черной краскою; полъ мечети устланъ дорожными коврами; и многіе правовѣрные издалека стекаются сюда на поклоненіе. Наконедъ, пробѣжавъ безконечныя аллеи пышныхъ деревьевъ и кустарниковъ, мы спустились по крутому косоугору въ ущелье, и очутились въ Бакчисарай. Было ужъ темно. Странныя дома узкой уллицы, по которой ѣхали мы болѣе версты; мечети съ высокими минаретами; Татары и Турки, сидящіе при огнѣ въ своихъ открытыхъ лавкахъ, на полу, поджавъ ноги и съ трубками во рту, все представило намъ чудную картину Азіятскаго города, которая весьма насъ поразила. Лишь-только мы остановились ночевать въ ханскомъ дворцѣ, какъ услышали протяжные и заунывные

крики муэдзинновъ, поющихъ на минаретахъ вечерній мазанъ, — торжественное и трогательное призваніе всѣхъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Потому голоса затихли, и только слышалась одна непрерывная гармонія фонтановъ, кото-ая прежде всего напомнила мнѣ нашего несравненнаго Пушкина.

Всѣ ужь спали, а я всё-еще сидѣла на балконѣ, и съ жадностью всматривалась въ это обворожительное, темноглубое небо Бакчисарая, усыпанное милліонами звѣздъ; и въ высокую ограду темныхъ горъ, обнимающую дремлющую столицу хановъ; и въ бѣлые минареты, которые, какъ привидѣнія, всюду мелькала во мракѣ. Все было тихо и величественно: только неуловкающее журчаніе фонтановъ отражалось въ душѣ сладостною грустью. Я старалась отгадать этотъ чудный городъ, прежде чѣмъ увижу его при дневномъ свѣтѣ, и, при помощи нѣсколькихъ воспоминаній изъ «Тысячи одной ночи», населивъ гаремы томными гурьями и ревнивыми мужьями, украсивъ дворы бьющими фонтанами, сады наполнивъ розами, ясминями, нарциссами, составила себѣ на первый случай понятіе о столицѣ, для полноты котораго не доставало только великаго халифа. На другой день, поутру, съ нетерпѣніемъ спѣшила повѣрить это понятіе. Провхавъ снова по длинной улицѣ, которою мы прибыли наканунѣ, поднялись мы на гору, и вдругъ открылся нашимъ глазамъ весь Бакчисарай.

Онъ лежитъ въ узкомъ ущельи; посерединѣ его протекаетъ рѣчка Сурукъ-су, а по сторонамъ рѣчки, на скатахъ горъ возвышаются Татарскіе дома съ садами, и множество мечетей, которыхъ тонкіе и красивые минареты, переимѣшанные съ пирамидальными тополями, представляютъ взору восхитительную картину. Зеленъ садовъ, лежащихъ внизу, тѣмъ болѣе цѣлительна, что вершины окружающихъ горъ совершенно голы и безжизненны. Отсюда отправились мы

осматривать комнаты ханскаго серала: стѣны и потолоки раззолочены и расписаны въ восточномъ вкусѣ, пестры, великолѣпны; окна въ два яруса, съ разноцвѣтными или разрисованными стеклами, производятъ прелестный эффектъ; въ простѣнкахъ между окнами, устроены высокіе круглые камни, которые вверху окапчиваются острыми полукуполами, и изъ нихъ, при первомъ прикосновеніи руки, струится несравненная вода. Въ одной комнатѣ, около стѣны лежатъ алая подушки, и по всему полу разостланы тонкія узорчатые цыновки; другія жъ комнаты все пусты. Мы особенно понравилась комната, посреди которой бьетъ фонтанъ, изливающей свои свѣжіе кристаллы въ красивый водосмѣ: окна въ ней расположены съ трехъ сторонъ, и также въ два ряда; нижнія тогда были отворены, и цвѣтушіе ясины и розы, отъяла ихъ роскошно раскинутыми вѣтвями, наполняли комнату восхитительнымъ ароматомъ, между-тѣмъ какъ солнце, пропкая сквозь разноцвѣтныя стекла верхнихъ оконъ, рисовало по стѣнамъ чудныя фантастическія тѣни. Теперь прибавьте къ этому упоительный шумъ фонтановъ, сливающихся и съ воспоминаніемъ невозвратимаго, и вы поверите, Бакчисарай — городъ мечты и нѣги.

Въ большихъ, великолѣпныхъ стѣяхъ, журчатъ также два фонтана: эхо вторитъ ихъ плески въ раззолоченной пустыни огромныхъ комнатъ, и производитъ трогательную гармонію, которая глубоко потрясаетъ сердце.

Комнаты, гдѣ былъ гаремъ, свидѣтельница слезъ и мученій столькихъ красавицъ Руси и Польши, отдѣланы гораздо проще.

Вокругъ дворца расположенъ прекрасный садъ, но въ немъ царствуетъ ужасное запущеніе: прелестныя цвѣтники, кіоски, фонтаны, все это изломано, засорено, разрушено; даже дорожки заросли высокою тра-

вою. Грустить или радоваться при видѣ этого опустошенія?..... Давно уже легкая ножка одалыки, исторгнутой во время набѣга изъ пѣдрь благочестиваго семейства, не мала этой травѣ въ принужденномъ танцѣ передъ свирѣпыми ханомъ, который одной рукою бросалъ въ нее жемчугомъ, а другою ласкалъ свой кинжалъ. Давно уже въ этихъ кіоскахъ не отдыхали несчастныя плѣшницы-царицы, затанцъ въ душъ горькую мечту о родителяхъ и братьяхъ, оставленныхъ на далекой родинѣ плавающими въ крови. Паукъ свободно привязываетъ теперь свою серебряную нитку къ верхушкѣ растенія, которое быть-можетъ выросло первоначально изъ слезы Русской красавицы; въ развалинахъ роскоши и сладострастія грозныхъ владыкъ Крыма свила себѣ отрадное гнѣздо зловѣщая сова, и одинъ только голодный воронъ оплакиваетъ на печальномъ кипарисѣ давнопрошедшія времена, когда счастливые его предки получали каждое утро отъ ханскихъ щедротъ тонкую транезу и клевали глаза подскихъ головъ, выставленныхъ длиннымъ рядомъ на окружной стѣнѣ дворца или валявшихся у ея кропаваго подножія.

Когда вошли мы въ дворцовую мечеть, тамъ происходило служеніе. Всѣ сыны пророка стояли на колыняхъ или, точнѣе, сидѣли на поджатыхъ ногахъ, и, склонивъ немного голову, тихонько читали молитвы; когда мулла что-то произносилъ вслухъ, они всѣ вскрикивали — *Аллахъ-гу!*, и клали земные поклоны; потомъ опять читали про себя, повторяя все это дѣйствіе довольно часто. Въ ихъ моленіи замѣтно было особенное единодушіе и благоговѣніе. Мечеть эта довольно пространна; стѣны безъ украшеній; полъ устланъ тонкими цыновками. Всѣ правобѣрные входятъ въ мечеть съ босыми ногами, оставляя обувь у дверей; но къ намъ они были такъ милостивы, что позволили войти въ башмакахъ.

За мечетью находится кладбище: бѣлыя мраморныя чалмы возвышаются надъ мужскими гробницами; а подъ сводами двухъ куполовъ, надъ которыми блещитъ золотая луна, покоится прахъ тѣхъ гордыхъ Гирсевъ, передъ которыми некогда трепетали князья Русскіе.

Послѣ обѣда мы отправились въ Чуфуть-Калѣ, городъ, лежащій въ четырехъ верстахъ отъ Бакчисарая, и по пути заѣхали въ церковь Успенія, посвященную внутри отвѣсной горы на ужасной высотѣ, которой деревянный балконъ, прицѣпленный снаружи, совершенно виситъ надъ пропастью. Смежно съ нею есть двѣ или три комнаты, гдѣ живетъ нѣсколько женщинъ для присмотра за церковью: онѣ впускаютъ путешественниковъ. Служба бываетъ только разъ въ годъ, 15 августа. Чуфуть-Калѣ — городъ и крепость, дивно расположенные на высокой каменной горѣ, которой края почти совсѣмъ свисли. Дорога туда очень трудна, даже для верховой ѣзды; но всего страннѣе, что во всемъ городѣ нѣтъ воды: жители берутъ ее за четыре версты, и возятъ на ослахъ, привѣсивъ по ведру къ бокамъ скотины. Чуфуть-Калѣ населенъ однимъ Каранмаи: всѣ они удивительной красоты, и одѣваются очень хорошо. Они водили насъ въ свою синагогу, и показывали кивотъ завета. Нѣкоторые звали насъ къ себѣ въ гости. Отсюда спустились мы на такъ-называемую Юсафатову долину: она довольно обширна, и вся покрыта прекрасной рощею и кладбищемъ. Памятники Каранскіе, всѣ изъ бѣлаго мрамора, сдѣланы наподобіе люлекъ. Жители почитаютъ эту долину священною, и потому просили насъ не ѣздить на лошадахъ между могилами, но ходить пѣшкомъ.

Довольно поздно возвратились мы въ Бакчисарай, и пили чай на дворцовомъ балконѣ. Фонтаны журчали, казалось, громче обыкновеннаго. Когда всѣ давно

уже спали, я снова какъ прикованная сидѣла на балковѣ, и, утопая въ прелестяхъ Бакчисарайской ночи, невольно повторяла съ вдохновеннымъ поэтомъ:

• Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго Востока!
Какъ сладко дышется имъ часы
Для обожателей пророка!
Какая пѣга въ нихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подлѣ вліаніемъ луны,
Все полно тайнъ, и тишины,
И вдохновеній сладострастныхъ! »

Двадцать девятаго числа, погулявъ еще разъ въ саду и въ окрестностяхъ дворца, гдѣ хорошенькія Татарочки, восхищаясь нашимъ зонтикомъ и кольцами, всячески старались ихъ у насъ выманить, мы простились съ Бакчисараемъ, и поѣхали въ Симферополь черезъ долину Альму: тутъ опять представлялись глазамъ нашимъ попеременно тѣнистыя рощицы, пушистые луга и красивые сельскіе домики. Мы прибыли къ Симферополь уже въ сумерки, и остановились въ трактиръ. На другой день посѣтилъ насъ султанъ Керимъ-Гирей, потомокъ Чингисхана и древнихъ хановъ Крыма, который долго жилъ въ Петербургѣ и говорить по-Русски какъ Русскій. Онъ предложилъ намъ свою колеску, чтобъ проѣхать по окрестностямъ, и мы съ величайшимъ удовольствіемъ приняли предложеніе вѣжливаго султана, который благоволилъ провожать насъ верхомъ.

Симферополь лежитъ въ долину, орошаемой Салгиромъ и окруженной невысокими горами, покрытыми зеленью лѣсовъ и кустарниковъ. Видъ города живописенъ, особенно издали: бѣлыя строенія, куполы церквей и минареты, мелькаютъ посреди пышной зелени садовъ, и образуютъ привлекательную панораму; внутри онъ оказался мнѣ пустымъ и скучнымъ,

отъ малаго числа встрѣчающихся людей, и по удивительной тишинѣ, несвойственной большому городу. Улицы довольно широкія и прямыя; домовъ большихъ и красивыхъ много. Соборная церковь, которая стоитъ на обширной площади, съ перваго взгляду поражаетъ своею красотою; но, разсмотрѣвъ, вы находите въ этомъ зданіи мало вкуса.

Мы проѣхали версты четыре по долинѣ, и не могли довольно налюбоваться очаровательными берегами Салгира, который, разливаясь многими рукавами, образуетъ въ нѣкихъ мѣстахъ живописные островки. Великолѣпныя деревья и цвѣтушіе луга пѣмняютъ безпрестанно свои виды и чрезвычайно пленяютъ взоръ. После прогулки, мы пили чай у султана, и весь вечеръ провели у него очень пріятно. Онъ женатъ на Англичанкѣ, и имѣетъ много дѣтей, блондурихъ какъ ангельчки.

На слѣдующее утро мы поѣхали къ Чатырь-Дагу по Салгирской долинѣ. Ни какая кисть не можетъ изобразить красоту этого великолѣпнаго пути, гдѣ мы видѣли вмѣстѣ и исчезающій за облаками Чатырь-Дагъ, который исполняетъ душу непонятнаго торжества, и тихоструйный Салгиръ, пленяющій взоръ и сердце своею безмятежной красотою; Салгиръ, который съ беспокойствомъ бросающъ въ разныя стороны по долинѣ, то гордо рясуетъ по бархату луговъ, то сильно сжимаетъ въ голубыхъ кольцахъ своихъ цвѣтушіе холмы, то нежно обнимаетъ тѣнистыя рошницы, тогда какъ между ними мелькаютъ красныя дачи и семенія, а надъ ними, словно зеленые мшареты, стрѣляютъ вершинами въ небо стройныя тополи. Сколько разнообразія! Я не думаю, чтобъ могло быть что-нибудь прелестнѣе Салгирской долины. Это совершенный рай земной: путнику хотѣлось бы остаться здѣсь навсегда, забывъ цѣль странствованія и цѣлый міръ,

и не разлучаться съ этимъ мѣстомъ высокаго блаженства!

Проехавъ черезъ большую деревню султана Мамака, богатое, красивое имѣніе Г. П — скаго, и Татарскую деревню Човки, мы остановились въ другой Татарской деревнѣ, Кизилькобѣ. Тутъ мы взяли въ провожатые Татаръ, и отправились въ ущелье близлежащихъ горъ, чтобъ посмотреть любопытныя сталактитовыя пещеры. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пещеръ, мы сошли съ лошадей, чтобъ идти пѣшкомъ; но какъ у меня отъ солнечнаго жару и скорой ѣзды ужасно разболѣлась голова, то я не могла слѣдовать за воими спутницами. Онѣ пошли. Я расположилась на мягкой травѣ, подъ тѣнію большаго орѣшника; и тутъ вознаградила мою потерю созерцаемъ прелестной картины природы. Все ущелье покрыто плодовыми деревьями, и въ концѣ его виднѣется водопадъ Сабучканъ, который похожъ на Аутскій, но гораздо меньше его: падая съ шумомъ, онъ потомъ пробивался между камнями по направленію ущелья быстрымъ потокомъ, который встрѣчаетъ далѣе на пути вѣтренныя мельницы и снова начинается шуршать. По всему живописному пространству ущелья, вездѣ порхали птички, и ихъ мелодія разливалась въ воздухъ. Неподалеку отъ меня, Татарскіе мальчики лазили по сучьямъ орѣшника и цинали грецкіе орѣхи, которые только-что начинали поспѣвать. Все это казалось мнѣ такъ трогательно, что я смотрѣла, смотрѣла, — и слезы сердечнаго умиленія покатылись по лицу.

Черезъ часъ воротились мои спутницы, раскрасившіяся отъ усталости, и съ добычею кусочковъ сталактита, которыми подѣлились и со мною, какъ дарочь Божинь. Онѣ чрезвычайно расхвалили мнѣ пещеры, но, не видѣвъ ихъ сама, я ничего не могу сказать. Мы пустились далѣе до деревни Кучукъ-

Янкоя, лежащей у подошвы Чатырь-Дага, где остановились ночевать, съ тѣмъ чтобы поутру, до восхода солнца, подняться на гору.

Добрые Татары предлагали намъ свои комнаты, но мы предпочли чистый воздухъ, и расположились на дворѣ одного Татарскаго домика. Уснувъ на коврѣ, подъ деревомъ, мы всѣ поднялись еще до разсвѣта. Огонь уже пылалъ посреди двора, и, за несимѣніемъ самовара, въ мѣдномъ кувшинѣ кипѣлъ нашъ чай: наши сборы въ дорогу, выборъ лошадей и провожатыхъ, запасъ лишней одежды, какъ-будто мгновенно настанетъ зима, все показывало, что мы предпринимаетъ что-то необыкновенное.

Въ три часа мы выступили въ походъ: заря только что начала проглядывать сквозь покровъ ночи; звѣзды еще блистали; глубокая тишина царствовала кругомъ насъ, и, молча, потянувшись нашъ караванъ, состоявшій изъ семи верховыхъ лошадей съ ихъ всадниками. Всѣ мы были исполнены какимъ-то благоговѣніемъ. Отъ деревни, которую мы оставили, до вершины Чатырь-Дага считается пятнадцать верстъ; но уже отъ этого мѣста дорога примѣтно начинаетъ возвышаться. Завидѣвъ издали мрачную, увѣчанную звѣздами, вершину Чатырь-Дага, я невольно вспомнила обращеніе великаго поэта:

« Какъ мусульманинъ устрешенный,
Твоихъ твердынь, султанъ надменный,
Одежды край цѣлюю я:
Ты мачта Крыма-корабля;
Ты вѣчный минаретъ вселенной;
О, ты великій Чатырь-Дагъ,
Ты надъ горами ледяныхъ! »

Сначала мы ѣхали лѣсомъ; потомъ мимо шиштыхъ, угрюмыхъ скалъ, мимо обширныхъ покатыхъ полей и пастбищъ, покрытыхъ стадами несчетныхъ овецъ; мѣстами встрѣчались и пастушья хижина. Наконецъ оглодость кончилась, и надо было подни-

наться почти по отвѣсной стѣнѣ, выбирая путь на удачу. Лошади наши, вытянувъ шею, карабкались одна за другою, то по голому граниту, то по травѣ, то по мелкимъ камешкамъ, которые были хуже всего, потому, что скользя изъ-подъ копытъ, грозили увлечь съ собою въ пропасть коней и всадницъ. Мы лавировали по ребрамъ горы, то въ ту, то въ другую сторону на нѣсколько сажень, и такимъ образомъ двигались. Наконецъ, когда лошади наши одна за другою вступили на самую вершину исполина, мы вдругъ остановились. Мы все безмолвствовали, и озирали вокругъ себя необъятную панораму. Горы, лѣса, долины, города, все съ почтеніемъ пришло къ ногамъ гиганта, какъ-бы пораженное его недоступнымъ величіемъ. Солнце уже сіяло на горизонтѣ; недалеко отъ насъ стоялъ Агермышъ, покрытый въ-ковѣчнымъ лѣсомъ; къ западу тянулась знакомая Яйла, а за нею, вдали чуть бѣлѣлъ Севастополь; къ северу, между холмами и долинами мелькали Симферополь и Карасу-базаръ; на востокъ, въ туманѣ видѣлись Судацкія горы, а на югъ неподвижно лежало Черное Море.

Площадка на вершинѣ горы довольно пространна, и, къ удивленію нашему, вмѣсто снѣгу, о которомъ намъ предсказывали, мы нашли ее покрытою мягкой травой, и усыяною незабудками и другими прелестными цвѣтами. Мы сошли съ лошадей. Привольно и отрадно было намъ гулять на этомъ заповѣдномъ лугу, раскинутомъ выше облаковъ, которыя небольшими хлопьями двигались далеко подъ ногами нашими. Налюбовавшись на богатую картину, мы подкрѣпили себя завтракомъ, и все легли отдыхать по разнымъ мѣстамъ этого заоблачнаго ковра. Никогда въ жизни не испытала я такого спокойствія души, такой безыятежности мыслей, какъ въ этомъ тонкомъ и светломъ воздухѣ, близкомъ уже зѣнру, въ которомъ

плавают планеты и солнца. Тамъ, куда еще никогда не досягали ни замыслы злодѣйства, ни вопли страданий; тамъ, гдѣ гаснуть буйныя страсти, гдѣ сердце тонетъ въ священномъ умиленіи, тамъ, въ сосѣдствѣ съ небомъ, восторженная душа забываетъ все земное, и кажется, будто крыло пролетающаго Ангела касается ея своими золотыми перьями и разливаешь въ ней радость и отраду избранныхъ. Сладокъ былъ нашъ сонъ за облаками! Ничто его не смущало; и только солнце, пылающее надъ нами, разбудило насъ къ новому наслажденію. Но, пора уже было разстаться съ этимъ воздушнымъ міромъ. Окнинувъ послѣднимъ взоромъ всю окрѣжность, мы начали спускаться. Жажда томилла насъ: мы принуждены были выпить овечьяго молока, которымъ Татарскіе пастухи радушно намъ услужили. Обратный путь пролегалъ уже по другой сторонѣ Чатыръ-Дага, черезъ великолѣпнѣйшій лѣсъ, гдѣ деревья удивляли насъ своею огромностію и красотою. Но вдругъ откуда ни взялись тучи, и пошелъ сильный дождь, — и лилъ часа полтора безъ милосердія, — смочилъ насъ всѣхъ до нитки, — наконецъ пересталъ. Въ четыре часа пополудни, мы достигли мѣстечка Алушты, населеннаго Татарами, и тутъ остались почевать. Картины Алушты изумительно разнообразны и интересны. Открытое море, гористые берега, Яйла, Чатыръ-Дагъ, внизу цвѣтушая долина, все это такъ изящно соединено въ одно прекрасное цѣлое и такъ восхитительно, что нельзя смотреть и не чувствовать невольнаго удивленія. На другой день мы оставили Алушту, и по приморской дорогѣ поехали къ Магарачу. Проехавъ Татарскую деревню Буюкъ-Ламбать, откуда внизу видна красивая пристань Кучукъ-Ламбать, мы прибыли къ ночи въ Артекъ, и на слѣдующее утро, поднялись на Аю-Дагъ. Эта гора, мысомъ вдававшаяся въ море, не даромъ названа «Медвѣдемъ», Аю: она явно изо-

бражаетъ это животное, въ склоненномъ положеніи къ волнамъ, какъ-бы ддятого, чтобы испытъ водницы; а темный мѣсь, которымъ она одѣта, довершаетъ подобіе, представляя густую шерсть звѣря. Дорога отъ полошвы до вершины — не болѣе трехъ верстъ, но довольно трудна, потому что она не только идетъ почти отвѣсно по боку горы, но еще извивается въ мѣсу, котораго сучья часто ее загораживаютъ. Однако жъ мы благополучно достигли до вершины: тамъ мѣсь уже расходится, и образуетъ небольшую площадку. Опять новая панорама! Она не менѣе разнообразна, но не менѣе прекрасна. Главное здѣсь — море, которому впереди нѣтъ границъ: оно грозно, оно шумно и, стремясь съ ужасной силою, кажется, хочетъ затопить весь этотъ дерзкій утесъ, который ринулся изъ горы на борьбу съ нимъ. Смотришь, смотришь, — все море да небо: но позади зеленныя горы лежатъ пышнымъ полукругомъ, и, какъ богатой каймою, обтягиваютъ эту лазуревую пелену.

Послѣ обѣда мы опять пустились въ путь, и доѣзжая до Гурзова, оставили лошадей на берегу, и навали Татарскую лодку. Въ ней поплыли мы къ пещерамъ, которыя находятся въ прибрежныхъ скалахъ имѣнія султана Керимъ-Гирея. Въ лодку съ нами сѣли гребцами и провожатыми трое молодыхъ и прекрасныхъ Татаръ. Они были одѣты чисто, и даже щеголевато: свертъ .....inexpressibles, изъ шерстяной матеріи, на нихъ были куртки другаго цвѣту съ узкими рукавами, только до локтя, изъ-подъ которыхъ висѣли длинныя и широкіе рукава бѣлой рубашки, по краямъ обшитые кружевами. Высокія бараньи шапки были имъ очень къ лицу. Одинъ изъ нихъ, хотя лице его довольно посмуглено отъ солнца, судя по темнымъ, свѣтлоглубымъ глазамъ, принадлежалъ къ роду блондиновъ, я былъ молчаливъ, даже печаленъ: вѣрно злодѣйка любовь грызла его му-

сульманское сердце! Другой былъ чрезвычайно красивый брונетъ : особенно черные глаза его , въ полномъ смыслѣ , были очаровательны. Третій, сѣро-глазый , былъ не такъ красивъ , но любезенъ до крайности : онъ безпрестанно говорилъ , подшучивалъ надъ своими товарищами , и критиковалъ свою лодку и весла такъ остро, такъ мило, что я увѣрена, если бы онъ жилъ въ нашемъ обществѣ , многія дамы влюбились бы въ него до безпамятства. Но полно о Татарахъ и ихъ глазахъ. На этой лодкѣ мы въѣхали прямо во внутренность скалы , и очутились въ храмъ , котораго архитекторомъ была сама природа : мрачныя стѣны и сводъ его высѣчены изъ гранита фантастическими барельефами , а влажный полъ колыхается и всплескиваетъ на мшистые карнизы. Другая пещера, окруженная водою, находится внутри утеса ; но, какъ войти въ нее съ верху , и надо было прежде взбираться на утесъ , чтобы въ нее спуститься , то мы и не рѣшились на это , потому что начинало уже темнѣть , а до Магарача было еще семь верстъ.

И — Я И — Ъ.

==

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КОМЕТА.

Обломокъ кипящаго вихря, одѣтый
Багровымъ туманомъ, въ сіяньи кругомъ ;
Ядро, какъ огнемъ налитое горнило,
Въ среднѣхъ Архангелъ съ горящимъ мечемъ.
Заоблачный странникъ, нежданный гость въ мірѣ,
Творцемъ вдохновенный поэтъ и герой,
Крутя и взрывая пустынные волны
Полночнаго мрака надъ твердью земной,
Кругомъ обгаяя планеты и звезды,
Летитъ одинокой, злобщей звездой
И огненный слѣдъ свой кидаетъ по небу.
Какъ призракъ могилы, какъ страждущій духъ,
Заклятый волшебнымъ нерстомъ чародѣя,

Збитый въ чудесный, таинственный кругъ,
 Изъ мѣста на мѣсто блуждаетъ по ираку,
 Угрюмо поникнувъ горящихъ челою,
 Свой взоръ безпокойный вращаетъ по безднамъ;
 И, весь истомленный въ немъ спертый огнемъ,
 Крутится и рвется въ вихребныхъ оковахъ.
 И нѣтъ ему друга межъ горныхъ мировъ!
 И нѣтъ ему брата въ семьѣ лучезарной!
 И нѣтъ ему мѣста межъ звѣздныхъ луговъ!
 Одинъ безъ приюта, одинъ безъ дороги.....
 Какъ лава, дочь бури и огненныхъ силъ,
 Летитъ прехотливымъ, свободнымъ изливомъ;
 Такъ онъ, проскользая межъ горныхъ свѣтъ,
 Себя пролагаетъ ную дорогу.
 Одинъ! Такъ Властитель всеиной судьбы.

Не то ли же юность державнаго духа,
 Унаваго съ неба въ полумный нашъ мѣръ;
 Посланника Бога къ сынамъ челоука,
 Нежданнаго гостя на буднишний паръ
 Скупой и надменнаго семьи земнородныхъ!
 Не та ли же участь ему суждена!
 Могучій зародышь могучаго мѣра,
 Обломокъ отъ мысли предвѣчнаго Творца,
 Отгорнутый страшнаго, громоваго десницей
 Отъ духовъ безплотныхъ надъзвѣздной страны,
 Запущенный вольной, летучей звѣздою
 По безднамъ холоднаго, безжизненнаго тьмы,
 Онъ долженъ страданьемъ сродниться съ всеиной,
 Онъ долженъ весь огонь свой страданьемъ задить;
 Сгорѣть и потушить, заснуть и остынуть,
 И въ цѣль мѣрозданья себя схоронить.
 Исполните время, — и стройный, спокойный,
 Онъ вдругъ остановить свой буфный полетъ;
 Мѣръ цѣлый взлетѣть на груди могучей,

Что кропить глаза слезой?
 Неужель она тоскуетъ
 О невинности святой?
 Что невинность дѣтъ юной
 На Гангесскихъ берегахъ,
 Съ ней ей тѣсенъ міръ подлунный,
 Какъ невольнику въ цѣпяхъ!
 Нѣтъ, объ ней она не тужить:
 Дѣла любить нилъ страстей,
 Онъ для ней забавой служить,
 Какъ ребенку нестрый эфъй.
 Или близкою бѣдою
 Сердце выцумъ ей грозить,
 Что надъ юной головою
 Грозъ печалью пригрѣнить?
 Нѣтъ! Не въ будущемъ несчастье,
 Не минутная любовь,
 Не простое сладострастье
 Вскипятило дѣтъ кровь.
 Нѣтъ! Любви чистѣйшей плама,
 Надъ покорною душой
 Раззернувъ победы знамя,
 Выливается слезой.

Свѣтелъ вѣсницъ надъ Гангосомъ;
 Сгинуло все; окрестность спить;
 Надъ повиснувшимъ утѣсомъ
 Дѣва юная сидитъ, —
 Какъ ночное привидѣнье, —
 Бѣлой тканью станъ обвѣтъ;
 Нѣтъ ни рѣчи, ни движенья;
 Въгерь локоны клубить;
 Дикій огонь во взорахъ блещеть,
 На челѣ болѣзнь видна,

Грудь высокая трепещетъ
 Какъ кяпучая волна.
 Вдругъ, какъ-будто пробуждаясь
 Отъ томительнаго сна,
 Двва, робко озираясь,
 Такъ сказала : « Я одна !
 « О, не бойся, Кшатрій милый,
 « Я люблю тебя ! Скорый !
 « Здѣсь подъ пышною оливой
 « Я прильну къ груди твоей !.....
 « Ахъ, постой ! за нами смотришь,
 « Видишь, мѣсяцъ въ небесахъ :
 « Но, мой другъ, оны не разрознить
 « Намъ, — мы скроемся въ кустахъ.
 « Знаешь, люди мнѣ сказали —
 « Болдерка будто я.....
 « Злые люди какъ солгали !
 « Ты не вѣрь имъ про меня.
 « Слышала ты, вчера пропала
 « Съ неба ясная звѣзда :
 « Это я ее узрала,
 « Схоронила вонъ туда.»
 И дрожащею рукою
 Указала на Гангесъ.
 « Я боялась, чтобъ съ собою
 « Ее вѣтеръ не унесъ.
 « Но теперь, мой Кшатрій юный,
 « Я тебѣ ее отдамъ, » —
 Засмѣлась, — смѣхъ безумный
 Раскатился по водамъ.
 « Погоди ! схожу за вею ;
 « На турбанъ высокій твой
 « Привяжу ея своею
 « Темно-русою косою, » —

И какъ серна молодая
Дваа вспрыгнула, бжжтъ :
Вотъ Гангесъ ; она у края ;
Ярко мѣсяць въ немъ блестять.
«Вотъ звезда моя играетъ!»
Громко вскрикнула, и вдругъ
Въ глубь съ утеса упадетъ :
На водахъ сдвоился кругъ, —
Разошелся, — все какъ прежде :
Мѣсяць смотрится съ небесъ,
Только бѣлую одежду
Валъ кочующій повесъ.

КНЯЗЬ Д. КРОКОТИНЪ.

НЕОЖИДАННЫЙ РАЗРЫВЪ.

=

У неприступныхъ, древнихъ стѣнъ,
 Подъ башнею гость мрачный бродить.
 Окутанъ въ плащъ, суровъ и нѣмъ ;
 Глаза горячіе обводитъ
 По соснамъ, липамъ..... Башни свѣтъ,
 Мракъ и молчанье вопрекаетъ ;
 И слухъ и зрѣнье напрягаетъ:
 Отвѣта нѣтъ ! отвѣта нѣтъ !

«Пройдутъ часы, пройдутъ недѣли,
 Исчезнетъ жизнь !..... Тотъ свѣтъ пустой ,
 Которымъ жила, пламенѣла,
 Погаснетъ въ стѣнъ гробовой.
 Горсть незамѣтной, сѣрой пыли,
 Полусогнившій крестъ надъ ней :
 Вотъ, отъ всего, тѣмъ здѣсь не были,
 Остатокъ нищенскій людей !
 Отъ самовластья, отъ обиды
 Закономъ защищай, Солонъ ;
 Строй обелиски , пирамиды,
 Бальсамируйся , Фараонъ !
 Иди за истину въ изгнанье,
 Великій , мудрый Аристовъ ;
 Ты, Крезъ , себя въ воспоминаье,
 Поставь и мраморъ , и гранитъ !
 Добра свидѣтельствуй намъ слугу

Съ отравою въ рукахъ, Сократъ ;
И освещаи свою могилу
Костромъ пожарнымъ, Геростратъ !

«Умреть ничтожный и великій,
Властитель, гений, ищій, шутъ, —
Звукъ порицанья, славы кланки,
Въ домъ подземельный не дойдуть.
Влечеть ли къ гробу сожаленье,
Иль отгоняетъ грозный страхъ, —
Надъ мертвымъ клятва, иль коленье, —
Но все онъ прахъ, ничтожный прахъ !

«Пусть въ сердцахъ эта мысль гнѣздится,
Пусть броситъ корень глубоко,
Пусть по жиламъ заструится,
Будто родиною молоко.
Покорность предъ слѣпой судьбою
Безсмысленна ! Толпа людей
Пусть клятвой, казнью, волею
Меня навѣки дѣлитъ съ ней :
Я не услышу ихъ проклятья,
Пройду кровавую рѣку, —
И, сжавъ въ желѣзные объятья,
Ее въ могилу увлеку !

«Но для-чего мечтой напрасной
Покой минутный возмущать ?
Зачѣмъ любви Эдемъ прекрасный
Духами врака населять ?
Чувствъ вѣжныхъ, пылкихъ, перемѣна
Возможна ли ? Кто ихъ съуетъ ?.....
О, нѣтъ ! зѣриа моя Елена.
Она придетъ, она придетъ !
Быть-можетъ, долгіе варяды,

Болѣзнь, молитва, женскій страхъ,
 Подругъ двусмысленныя взгляды,
 Томятъ ее въ другихъ стѣнахъ.
 Другъ, убѣги навѣкъ изъ плѣна!
 Мнѣ одному себя отдай!
 Слѣши ко мнѣ, слѣши, Елена!
 Любовь наградою увѣнчай!.....

«Твоей привязанностью изъжной
 Упадшій духъ мой воскрешень;
 Мой пылкій умъ, мой нравъ мятежный
 Твоею любовью укрощень.
 Несчастливъ я; но я счастливъ,
 Покойнѣй прежняго съ тобой;
 Я сталъ добрее, терпѣливѣй,
 Тобой я примирень съ судьбой.
 Въ часъ страшный горькаго страданья,
 Я тихъ въ объятіяхъ твоихъ:
 Твои невинныя лобзанья
 Срывають ропотъ съ устъ моихъ.
 Роптать на Бога я не смѣю:
 Тебя онъ для меня создалъ,
 Тебя хранителемъ мнѣ далъ, —
 Въ тебѣ я, бѣдный, всё имѣю!
 Цвети, мой несравненный цвѣтъ!
 Несчастливъ, счастливъ я тобою;
 Будь, врачуному, мнѣ кроткій свѣтъ,
 Будь мнѣ отрадою земною!
 О будь моихъ мятежныхъ лѣтъ,
 Надеждой, другомъ я любовью!»

И въ это время, черезъ стѣну
 Къ ногамъ его, письмо летѣтъ;
 Схватилъ, — хотѣлъ раскрыть, — смѣненный
 Взоръ поднялъ къ небесамъ, — дрожитъ.....

Что съ нивъ ? ..... Ослабшими руками
 Боятся разломить печать ?
 Иль непривычными устами
 Молитву будетъ онъ читать ?

«Прости !..... О гробовое слово,
 «Зачѣмъ ты вырвалось изъ устъ
 «Наперекоръ желаній, чувствъ,
 «По волѣ долга роковаго !.....
 «Властна ли долгъ я свой поправить ?.....
 «Нѣтъ !..... Страшенъ жребій разлученья ;
 «Но я должна, бѣгъ преступленья,
 «Предъ общаго Судмо предстать.

«О мой Творецъ, разлука слово
 «Мнѣ, робкой дѣвѣ, страшно, ново !
 «Я стую, я трепещу,
 «Я смысла тайнаго ищу
 «Въ судьбѣ жестокой..... Всё напрасно !
 «Мое несчастье слишкомъ ясно !
 «И жизнь мнѣ — ночь ; земля — темница.
 «Напрасно яркая девница
 «Горитъ на небѣ голубомъ,
 «Блещутъ звезды серебромъ,
 «Лучъ мѣсяца въ водахъ играетъ ;
 «Напрасны вечеръ и разсвѣтъ :
 «Мнѣ тайный голосъ повторяетъ :
 «Погасъ твой свѣтъ, погасъ твой свѣтъ !

«Былъ свѣтъ одинъ ! Огонь священный,
 «Въ сердечныхъ недрахъ заключенный,
 «Я, какъ весталка, берегла ;
 «Въ лампаду слезы наливала,
 «Огонь я кровію питала,
 «Но размылася тучи мгла,

«Земли раскрылася утроба ,
 «И мать признасла изъ гроба :
 «О дочь преступная , смотри ,
 «Тотъ пламень , что душа питаетъ ,
 «Мой остовъ въ пепель сожигаетъ :
 «Задуй его , — и съ нимъ ури !

«Свершится приговоръ жестокий :
 «Отъ счастья , чувства , отрекусь ,
 «И въ бышихъ мрачной и высшей
 «На вѣкъ отъ міра затворюсь !
 «Тамъ буду говорить со тьмою ;
 «И дверь темницы холодной смерти
 «Одна возможетъ отпереть ,
 «Когда она яредеть за мною.

«Прости же ты , лазурь небесъ !
 «Прости , богатая природа !
 «Цветущій садъ , зеленый лѣсъ ,
 «И мая свѣтлая погода ;
 «Прости весь міръ , едва извѣстный ,
 «Едва открывшіиса жетъ ,
 «И столько милый , столь прелестный
 «Мизъ , отчужденной спрутъ !.....

«Прости и ты , душа вселенной ,
 «Восторговъ , слезъ , молитвъ предметъ ,
 «Возвышенный , удивенный ,
 «Властитель брани и победъ !
 «Задумчивый какъ смерти геній ,
 «Таинственный какъ обликъ тучъ ,
 «Печальный какъ ночныя твни ,
 «И пламенный какъ солнца лучъ !
 «Ты , для кого я жизнь забыла ,
 «Считала подвигомъ любить ,

«И временный проступок мняла
 «Великой цвѣлю искупить!.....
 «О мужь высокій, духъ сѣрбодный,
 «Съ тобою ля отречься узъ?.....
 «Но Богу не было угодно
 «Благословить земной союзу!

«Живая нисходя въ могилу,
 «Навѣки оставая свѣтъ,
 «Хочу сказать тебѣ, о шилый,
 «Предсмертный, оставшой завѣтъ:
 «Молю тебя въ дни испытанья
 «Надежду горнюю спаси
 «И крестъ догробнаго страданья
 «Безъ утружденія неси;
 «Духъ чистый, какъ зеницу ока,
 «Храни, и почви выпій долгъ,
 «Вѣрь неизмѣнно и глубоко
 «Есть бѣдствие, — но есть и Богъ!

«Но если, увлеченный мессью,
 «Въ нучину рилешья страстей.....
 «Тогда прійди! Грозовой вѣстью
 «Меня, несчастную, убей!
 «Убей меня!..... К чему спасенье?
 «Хочу я вѣрною душой
 «Погибели, соединенья,
 «Проклятья, общихъ мукъ съ тобой!

«Теперь, мой другъ, я все сказала,
 «Пора настала въ путь итти.....
 «Я много страшнаго здѣсь знала:
 «Страшнѣй всего сказать — прости!»

Окончилъ ; брызнула изъ глазъ
Слезъ невзвѣданныхъ потоки ;
Грудь закинула , поднялась ,
Но вздохъ не вылетѣлъ глубокий.
Блѣднѣетъ грустное чело ,
Упалъ страдалецъ на колѣна —
И только могъ сказать одно :
« Несчастливая , мол Елена ! »

О вѣсть разлуки роковая,
Когда болѣе твой недугъ ?
Изъ устъ ли съ жизнью вылетаю ,
Иль поражаю смертью слухъ?.....

Е. ВЕРНЕТЪ.

=

ПРОВИНЦІЯКА.

— La comtesse de C***. — Madame de M***. — A. V.,
chambellan de Sa Majesté Impériale. — La princesse Z.
de P***, et cætera, говорилъ пожилой мужчина, сидя
въ готическихъ креслахъ и разбирая визитныя кар-
точки въ корзинкѣ щегольской работы. Надобно за-
мѣтить, что это было не въ Парижѣ, какъ можетъ-
быть подумаютъ нѣкоторые: мы знаемъ, что соб-
ственные наши соотечественники известнаго класса,
и известнаго воспитанія, еще не возвысились до того
понятія, что Русскія имена, особливо имена, записа-
ныя въ славной исторіи Россіи, могутъ являться до-
стойно только въ Русскихъ буквахъ. Эти почтенные
соотечественники, — жалко смѣяться! — коверкаютъ
свои благородныя названія для того чтобы выразить
ихъ на визитныхъ карточкахъ и въ письменныхъ сно-
шеніяхъ Французскими литерами при помощи безоб-
разной и варварской орфографіи, которая перьдко
дѣлаетъ наши сѣверныя фамиліи совершенно смѣш-
ными въ этомъ экзотическомъ нарядѣ. Русскія буквы
до-сихъ-поръ предоставлены надворнымъ совѣтни-
камъ и нѣсколькимъ чудакамъ, которые въ Россіи хо-
тятъ быть Русскими и каждую букву своего имени
почтаютъ свящебною. Долго ли еще бродить имъ,
какъ изгнанникамъ, около роднаго рубежа, не узна-
вая Русскихъ людей въ безвкусномъ маскарадѣ чуже-
земнаго алфавита и дикаго правописанія?

Но пожилой мужчина, который разбираетъ карто-
чки, не повѣрилъ бы даже, если бъ кто-нибудь ска-
Т. XXIV. — Отд. I.. 8

заль ему, что прійдетъ время, когда этотъ, въ высочайшей степени смѣшной, обычай, какъ и многіе другіе, пзмѣнится на Руси. Онъ былъ человекъ лѣтъ шестидесять; выросъ, возмужалъ и состарился въ большомъ свѣтѣ; держалъ голову высоко, и смотрѣлъ на всѣхъ не поднимая глазъ, потому что привыкъ почитать ниже себя все, что его окружало. Не знаю, что давало ему право на подобную привычку, личное ли достоинство, знатность ли рода, или богатство: послѣднее имѣеть также своихъ поклонниковъ какъ первое и второс, если еще не болѣе; чтобы уважать свое достоинство, надобно по-крайней-мѣрѣ уметь понимать его, но чтобы гордиться богатствомъ, достаточно не имѣть ни личнаго ни послѣдственнаго достоинства, что гораздо легче. Но что намъ до того! Не станемъ изыскивать, на чемъ основывалось уваженіе, которымъ пользовался князь Шеншилинъ (имя мужчины); отъ подобныхъ изысканій всегда терпятъ многое и многіе. Наружность его показывала, что онъ успѣлъ спасти отъ скоротечной молодости остатки красоты, нѣкогда гремѣвшей въ свѣтѣ, и сверхъ-того привязанность къ любезному полу, — можетъ-быть изъ признательности, — какъ мы любимъ уголокъ земли, гдѣ были счастливы, лугъ, гдѣ рвали первые цвѣты.

— А это что? продолжалъ князь, перебирая карточки. Записка? боюсь быть нескромнымъ.

— Читайте, дядюшка, отвѣчало очаровательное созданіе, прекрасное какъ древній мраморъ.

Это очаровательное созданіе было — *la bien-aimée, la délicieuse* Катинька, какъ называлъ ее князь Шеншилинъ; словомъ, вдова генерала Ильменева. Небрежно раскинувшись на атласныхъ подушкахъ, она поклонлась въ эту минуту на диванъ, возлѣ котораго сидѣлъ князь.

— Это записка от графини В***, продолжала она: меня зовут на вечеръ, гдѣ будутъ только друзья. Мы въ дружбѣ съ графинею.

— А, мы опять за старое! Эта маленькая гримаса, которая, впрочемъ, нисколько тебя не портитъ, предвѣщаетъ мнѣ сцену изъ «Мизантропа». Послушаемъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, дядюшка. Я чрезвычайно хорошо расположена сегодня, и готова отлавать справедливость всему сіятельному міру; но дружба, это такое слово, которое всегда заставляетъ меня смѣяться.

— Конечно, въ провинціи дружба выше, чище, совершеннѣе?

— Свѣтъ вездѣ одинаковъ, дядюшка; провинціальный міръ относится къ вашему большому свѣту только такъ, какъ первый, нѣсколько грубый, оттискъ гравировальной доски къ слѣдующему, совершенно чистому; тѣ же предметы, разница только въ отдѣлкѣ.

— И такимъ образомъ.....

— Такимъ образомъ, свѣтская дружба кажется мнѣ игрою, гдѣ доверчивость всегда въ проигрышѣ и платитъ терпѣніемъ и ушами, на которыхъ самолюбіе вымещаетъ за принужденность, которую налагаетъ на него общество. Другъ тутъ нуженъ, для того чтобъ говорить ему безпрестанно о своемъ я, которое въ гостившихъ мы должны прятать подъ наружнымъ смиреніемъ. Повѣрьте, дядюшка, кто понимаетъ хорошо на чемъ основана свѣтская дружба, и кто столько благороденъ и гордъ, что не захочетъ, ни быть жертвою эгоизма другихъ, ни пользоваться преимуществами своего превосходства передъ другими, тотъ не будетъ имѣть друзей: онъ заключитъ жизнь въ собственномъ сердцѣ, окажетъ всѣ услуги, все добро, какія отъ него зависятъ, но не откроетъ святилища души своей.

— И все это оттого, что графиня В***.....

— О, я ни мало не сержусь на нее! Тетуська Анна Андреевна, по известной страсти своей знакомить, представила меня графинь у себя въ домъ, въ Москвѣ. Меня никто не зналъ; я только что вышла замужъ; тогда не видно было меня ни въ одномъ знатномъ домъ; и графиня поступала очень хорошо, не узнавал меня, когда мы встрѣчались въ Собраніи, или въ домахъ общихъ знакомыхъ. Впрочемъ, она кланялась со мною: чего же больше? О чемъ было ей говорить со мною, зачѣмъ было приглашать къ себѣ? Надо принимать тѣхъ, кто бываетъ вездѣ: меня нигдѣ не видали; нигдѣ, слѣдственно, я или не хотѣла или не могла бывать. Вы видите, что она была совершенно права. Она не узнала меня и здѣсь, по пріѣздѣ моемъ, когда случайно мы сидѣли рядомъ въ Михайловскомъ театрѣ: это очень натурально; свѣтскимъ людямъ нужно напоминать; память ихъ слаба или слишкомъ обременена. Теперь она со мною какъ-нельзя лучше: это опять такъ должно быть; вы знаете, что залы во дворцѣ очень звучны. Имя мое было тамъ произнесено: что жъ мудренаго, если она теперь меня вспомнила, особенно когда еще увидѣла меня подъ покровительствомъ сительнаго моего дядюшки: это совсѣмъ уже пробудило ея память, и мы теперь друзья.

— О, провинціалки, провинціалки! Вы на все смотрите какимъ-то страннымъ образомъ, всѣмъ оскорбляетесь, вѣчно съ предубѣжденіями противъ большаго свѣта. И тебѣ ли не умѣть побѣдить этихъ странныхъ предразсудковъ?

— Ахъ, дядюшка, скучно жить въ этой пустынѣ! Мой инстинктъ провинціалки ищетъ чувства, а нынѣшняя жизнь моя улетаетъ блестящею пылью. Мнѣ нечего бросить за собою, чтобъ потомъ отыскать мой бѣглый слѣдъ. Прошедшая моя жизнь вся — чувство и мечты: оны — незамѣтные для другихъ знаки, которые путникъ оставляетъ въ пустынѣ, въ память ве-

селаго или скучнаго ночлега. Этимъ объясняется любовь наша къ мѣстамъ, гдѣ мы жили, и къ вещамъ, которыми были окружены; тѣ и другіе носить на себѣ слѣды нашей протекшей жизни. Но здѣсь гдѣ сердце найдетъ пищу?

— Бѣдный свѣтъ!..... Ахъ, да! ты сегодня, кажется, должна быть феей въ маскарадѣ? Я боюсь, чтобъ магическій жезлъ твой не превратилъ всѣхъ насъ въ цыгановъ.

— Пить, въ мотыльковъ, которые живутъ только настоящимъ минутою. Признайтесь, дялюшка, въ свѣтъ одинъ честолюбивые живутъ въ будущемъ, а прочіе только въ настоящемъ; прошедшее для всѣхъ — старый календарь, гдѣ отъ бездѣля иногда справляются о минувшихъ праздникахъ, не правда ли?

— Я всегда любилъ женщинъ, когда на нихъ находить мизантропія: онѣ тогда удивительно очаровательны, особенно если это, какъ темерь, въ ихъ кабинетъ.....

— О, вечеромъ я исправлюсь! Не сердитесь, милый, добрый дялюшка; не хмурьтесь; къ вамъ это нейдетъ. Послушайте, мы поѣдемъ за мопимъ покрываломъ къ Юнкеру. Онъ обѣщаль, что шитье будетъ конечно. Это будетъ хорошо, не правда ли? Вы не ошиблись, костюмъ будетъ точно такой какъ у прекрасной Г-ой въ придворномъ маскарадѣ? О, вы не ошибетесь! Это воспоминаіе намъ дорого, не правда ли?

Но неволь разгладится самый наморщенный лобъ, когда прекрасная женщина, по праву родства, кладетъ вамъ руки на плеча, смотритъ вамъ въ глаза нѣжно, магнитически и такъ близко, что вы чувствуете ея дыханіе. Бѣда, бѣда такое родство!

Бога ради, не подумайте чего-нибудь предосудительнаго для князя и моей Кати. Ахъ, если бѣ вы знали сердце моей провинціалки, я не имѣла бы нужды просить васъ объ этомъ! Я сказала бы вамъ, что

думала она , когда , по уходѣ князя , снова бросилась на свое канипѣ. Но тогда вы, можетъ-быть, не захотѣли бы дослушать моей повѣсти. Скажу только, что Катя имѣла важные планы для этого вечера; планы, для приведенія въ дѣйствіе которыхъ она употребила пять лѣтъ своей жизни.

Не вѣрите подобному постоянству ?

Бываетъ, бываетъ! Ахъ, мало ли что бываетъ!.....

И какъ бы то ни было, бываетъ также, что люди большаго свѣта иногда становятся добрыми и чистосердечными людьми: разъ, два раза въ годъ, на святки наприимѣръ, собравшись подъ вечеръ въ какомънибудь знакомомъ домѣ, они любятъ преобразиться въ мамелюковъ, дикихъ Американцевъ, менестрелей, Испанскихъ грандовъ, и прочая, и, подъ защитой черной атласной маски, пользуясь сращенными правами ея инкогнито, сбросить на время ту, которая душитъ ихъ въ гостинныхъ въ теченіи цѣлой жизни, предаться влеченію характеровъ, и хоть на нѣсколько часовъ быть самими собою, — удовольствіе столь рѣдкое для нихъ, что они наслаждаются имъ съ упоеніемъ. Тогда они переѣзжаютъ изъ дома въ домъ, входятъ всюду, гдѣ освѣщены окна, остаются; гдѣ встрѣчаютъ ласковый пріемъ, танцуютъ, гдѣ найдутъ музыку, и говорятъ иногда знакомымъ истины, которыя безъ маски, повторяются только за-глаза.

Подобное общество остановилось вечеромъ того дня, въ который мы познакомились съ княземъ и его племянницею, у подъезда великолѣпно освѣщеннаго дома. Карточка, прекрасно литографированная, извѣщающая о пріѣздѣ общества масокъ, отдана швейцару, и полетѣла вверхъ по лѣстницѣ, переходя изъ рукъ въ руки ливрейныхъ лакеевъ, разставленныхъ по обе стороны, между померанцовыми деревьями. Получено приглашеніе, и пестрая толпа, въ костюмахъ всѣхъ вѣковъ и климатовъ, вошла въ залу, гдѣ было уже

нѣсколько масокъ , которыя прежде ихъ пріѣхали. Танцы прервались ; все окружило новыхъ посѣтителей , которые , безъ масокъ , можетъ быть не привлекли бы и сотой доли того вниманія , что случается и не въ переодѣтомъ обществѣ ; по всей залѣ только и слышно — «*Знаю тебя, прекрасная маска!*» — дѣло виданное также и въ обыкновенномъ обществѣ , гдѣ всѣ думаютъ , что знаютъ другъ друга и всѣ обманываются. Пишныя красавицы въ нарядахъ только-что принесенныхъ изъ магазиновъ *madame Turin* и *Hugon*, мундиръ, фраки, смѣшались съ робронтами, фижмами и Французскими кафтанами восемнадцатаго вѣка, съ польскими жупанами и русскими фрезами. Любопытство, подстрекаемое таинственностью, а иногда и умными отвѣтами масокъ, взяло на-минуту верхъ надъ всеми страстями, которыя до того времени свободно разгуливали по залѣ; но какъ всему есть конецъ, то и любопытство успокоилось: начались снова танцы; замелюки, сестры милосердія, мандаринны и андалузскія крестьянки, закружились дружно въ рѣзвомъ вальсѣ, не привлекая болѣе особеннаго вниманія; ихъ угадали или привыкли къ нимъ, что равно охлаждаетъ воображеніе, особенно на сѣверѣ, гдѣ быстрыя перемены времени года и мимолетное появленіе лѣта развиваютъ внезапно на одинъ мигъ розы на мѣстѣ недавнихъ сугробовъ снѣгу и напечатлѣваютъ чувства тою же внезапностью и недолговѣчностью: у насъ удивленіе, жаръ, страсти, все горитъ какъ лѣтнее солнце, — пламенно, но недолговременно. Мы всё ищемъ новаго, и почитаемъ старымъ то, чему удивлялись вчера. Достоинство безъ новостей не привлекаетъ насъ: впрочемъ насъ не должно называть за это самыми пустыми людьми въ свѣтѣ; въ Камчаткѣ люди дожны быть еще непостояннѣе, еще поверхностнѣе.

Въ это время въ одномъ углу залы, возлѣ колоны, закрытой до-половины свѣжей зеленою миртовъ и

цвѣтами гіацинтовъ, стоялъ задумчиво, сложивъ руки на груди, молодой человекъ пріятной наружности: онъ былъ совершенно погруженъ въ самаго себя и, казалось, не замѣчалъ ничего. Вдругъ знакомый голосъ пробудилъ его; голосъ одного, юнаго сердцемъ, но не лѣтами, безсмѣннаго жителя гостинныхъ и театра, амфікціона актеровъ и красавицъ со временъ Екатерины Второй. — «Поплуи, любезнѣйшій! что ты дѣлаешь здѣсь, въ углу? Ужъ полчаса смотрю на тебя въ лорнетъ: не узналъ, ей Богу! Ты такъ задумчивъ: что съ тобою? Ужъ не неудача ли какая? Съ нами, въ ваши годы, это не часто случалось.» — Съ вами, это иное дѣло, князь! А мы, ужъ куда намъ за вами! — «Шути, шути! Въмъ настоящее, а намъ, увѣ..... Послушай: видѣлъ ли ты племянницу князя Шеншилина?» — Нѣтъ. — «Ну, сожалѣю. Чудо! Глаза, плечи, грудь! Я тебѣ скажу!» — Да гдѣ же она? Я объ ней никогда не слыхалъ. — «Я и забылъ, что ты недавно возвратился и что она безъ тебя представлялась ко двору. Это вдова того генерала.... какъ бнишь его?.... что, помнишь, такъ отличился въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ годахъ?..... Ильменевъ, — вотъ на-сплу вспомнилъ! Онъ былъ мнѣ хорошій пріятель. Она пріѣхала сюда по какому-то дѣлу. Первая жена Ильменева была родственница Шеншилину и воспитывалась въ домѣ его. Шеншинъ, лѣтъ пять тому назадъ, былъ какъ-то въ своихъ деревняхъ, познакомился со второю женою Ильменева: она имѣла случай оказать ему услуги, ходила за нимъ, когда онъ былъ боленъ..... Это, знаешь, любезнѣйшій, не забывается, особенно когда хожатая смотреть на васъ парюю такихъ черныхъ глазъ, что жгутъ какъ зажигательныя стекла.» — Вы воспламеняетесь, князь. Что же далѣе? — «Далѣе что?..... Мужъ умеръ, у псе завязалась, и очень кстати, кака-то тяжба. Вотъ она и пріѣхала къ дядюшкѣ, которъй носится теперь съ нею какъ съ доч-

кою. Онъ , знаешь , всѣхъ родныхъ держитъ въ рукахъ , и они , чтобъ угодить сіятельному , глядятъ въ глаза новопрїѣзжей. Да и можно: чтó за глаза ! Ахъ , если бъ не шестой десятокъ , » прибавилъ онъ , поправляя галстухъ и выпрямляясь съ такимъ видомъ , какъ будто хотѣлъ сказать — Ностонмъ за себя ! — Попробуйте , князь , попробуйте : вы еще опередите всѣхъ насъ молодыхъ . — « Куда мнѣ ! сказалъ князь прѣтворю , тѣмъ жалобнымъ тономъ , которымъ богачи жалуются на скудные времена : « но знаешь ли , чтó мнѣ странно ? ..... Какъ могло изъ провинціи явиться такое чудо ? » Князь еще чтó-то говорилъ , но молодой человекъ уже не слушалъ : они стояли въ первомъ ряду круга , собиравшагося около танцующихъ . Во время оно былъ гамонадъ .

Передъ ними . летая по рукамъ какъ перо , и едва касаясь паркета , носилось въ воздухѣ существо легкое , радужное , пѣшительное , со станомъ спльфиды , съ чертами гречанки . Склонивъ голову къ плечу , небрежно опиралось оно на руку кавалера , потупляло взоръ , то скользило по доскамъ , то вдругъ взмахивало крылышками и переиаркевало на другую сторону . Глаза ея , этого существа , — существо было женскаго рода — равнодушно , но съ какимъ-то обмакутычъ ожиданіемъ , перебѣгали по залъ , а иногда вдругъ загарались и метали искры . Въ ней все было прихоть , и разсѣлье и задумчивость , и веселость ; она , казалось , влетѣла въ міръ несвойственный себѣ ; но , глядя на нее , хотѣлось побывать въ томъ , гдѣ она была туземкою . Вы узнаете ея , графъ Мстиславъ Валерьяновичъ ? ..... Черты ея , станъ , голосъ , все вамъ кажется знакомымъ , но это не она : девять или десять лѣтъ не могли бы такъ пзмѣнить той , о комъ вы думаете , и еще провинціалка . Нѣтъ , это не она . Вы , конечно , видали ее въ юношескихъ снахъ вашихъ , когда на берегахъ Рейна думали о двушкѣ-ангелъ , или можетъ

быть душа ваша знала ее еще въ яномъ , еще болѣе Нѣмецкомъ мѣрѣ. Вы любили прежде эти мечты, графъ; вы и теперь любите ихъ ; въ дѣлѣ чувствъ вы , какъ и многіе другіе, похожи на тѣхъ esprits-forts, которые, въ дѣлѣ суевѣрія, на словахъ чужды предрасудковъ, а въ сердцѣ готовы ставить свѣчки чорту.

Надобно сказать, что графъ Мстиславъ С*** привадежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Русскаго дворянства, и не одного окольниковаго, столѣнника, думнаго боярина, считалъ онъ въ родословной своей. Многіе изъ предковъ его, еще при Грозномъ, начальствовали Большимъ полкомъ; и давно уже графская корона украсила гербъ его. Онъ былъ богатъ , независимъ , со звездою , хорошо принятъ у двора, и потому не удивительно , что лучшія невѣсты смотрѣли на него ласково. Въ городѣ носились слухи, будто онъ попомощенъ съ княжною Лидіею К***, одною изъ прекраснѣйшихъ особъ въ то время. Любила ли она графа Мстислава, не знаю; но я думаю, что графъ Мстиславъ любилъ ее, хоть и поговаривали, будто экинажъ его часто выдали за Лиговкою подлѣ большого каменнаго дома , гдѣ въ окнахъ перваго этажа , въ угловой комнатѣ, является, неизвѣстно, ангелъ или сальфида, женщина, или русалка , — Богъ знаетъ кто, — но кто-то, или что-то , обворожительное. Слышны тамъ и звука фортепіано, и голосъ такъ-называемый «не-земной,» и многое другое. Но дѣло въ томъ , что графъ Мстиславъ стоялъ теперь посреди залы , не слушал музыки , не зналъ гдѣ прекрасная Лидія , не думая ни объ пей ни о Лиговкѣ, и слѣдуя взоромъ за прекраснымъ существомъ , которое наполнило собою всю его душу. Давно ли? Пить еще часу. Онъ гдѣ-то видѣлъ эту самую походку , эту дивную ножку, этотъ легкій шагъ; но теперь чернѣйшій тюникъ, устѣянный серебряными звездочками и перехваченный поясомъ съ знаками зодіака, обвинялъ его небрежными складка-

ни, и на голову, сверхъ покрывала, вышитаго кабалистическими фигурами, сіяло семь звѣздъ.

Это была одна изъ фей, обитательницъ надзвѣднаго міра, которая съ утѣшеніями слетѣла съ небесъ. Необыкновенная прелесть движеній, какъ и отвѣты ея, возбуждали общее любопытство; но напрасны были всѣ старанія узнать, кто она такова: она ускользала отъ наблюдательнаго глаза; она знала всѣхъ и каждаго, и для каждаго была загадкою; она..... Я понимаю, почему Турчанки позволяютъ своимъ мужчинамъ, Туркамъ, прятать себя за замками и покрывалами: для женщины, быть загадкою значитъ быть вдвойнѣ женщиною. Пробравшись сквозь толпу, графъ Мстиславъ подошелъ къ ней съ прекрасною Лидією, которая была одѣта пилгримкою. Лидія хотѣла знать отъ волшебницы конецъ своего странствованія. Не обмануть ли надежды бѣдную пилгримку, спросила она, подходя къ феѣ. — «Надежды тебя не обмануть, прекрасная пилгримка, отвѣчала фея», становясь между ею и графомъ: цель пилгримовъ земныхъ — счастье; если ты прѣдешь къ нему и не тою дорогою, которую избрала, не все ли равно для тебя? Лишь бы быть у цели!» — Но какою же дорогою? Почему же не тою? — Фея молча указала въ другую сторону, гдѣ звѣзды и эполеты пестрѣли между дамами. Лидія устремила туда любопытный взоръ; между-тѣмъ толпа раздѣлила ихъ. Молодой человекъ пошелъ за феею, желая узнать, что сказала она его снуглицѣ.

— О, ты этого не узнаешь! сказала она. Мужчины часто легкомысленнѣе и слабѣе женщинъ: можетъ-быть, слова мои, сказанныя пилгримкѣ, смутятъ тебя. Не намъ разрушать грезы: это гости изъ другаго міра, которыхъ посылаетъ благая фантазія взаимнѣ скучной сущности.

— Предполагай во ннѣ болѣе мужества, прекрасная пилгримка.

- Всегда ли ты ннзь его?
- Мое прошедшее известно тебѣ?
- Какъ и будущее.
- О! такъ я узнаю тебя, всевѣдущая.
- Ты не всегда узнавалъ меня!
- Не всегда? Ради Бога, не говори загадками!
- Не бойся; я здѣсь не для того, чтобъ напоминать прошедшее. Если здѣсь и мелькнетъ какая-нибудь знакомая тѣнь, ты воленъ не узнать ея..... Я не называю ея.....

И она скрылась; но голосъ, которымъ произнесены были послѣднн слого, отозвался въ душѣ Мстислава. Онъ былъ какъ давно забытый запахъ родины, какъ пѣсня, подъ которою сладко засыпали въ младенчествѣ, какъ музыка, которой внимали впервые, склонясь на плечо милой или вылаго. Онъ воскресилъ въ душѣ млодаго человека цѣлый погибшій мнръ былаго счастья.

Но куда скрылась она? Пестрою ли бабочкою вспорхнула чародѣйка вверхъ, или какъ призракъ исчезла въ свѣтлой радугѣ, разлилась ли ароматомъ въ воздухъ, или лучемъ свѣту ускользнула на небо, къ родному солнцу? Въ замъ ея не было. Онъ искалъ ея, но нигдѣ не было; никто не зналъ, куда она дѣвалась.

Но вотъ она снова передъ нимъ со всей своей воздушной прелестью; и теперь она въ уборѣ блестящей дамы, она - предметомъ вниманн окружающей толпы. Ужели фея и она одно? Ужели она и..... Чу! слышите ли сладкіе звуки изъ гармонической моплы, которая въ это лѣто поростаеъ первою травкою?

«Ахъ, Русскоб, Русскоб! для чего,

Не зналъ сердца твоего,

Тебѣ въ звкъ я предался?

.....

Ты любишь Русскоб? Ты любишь!»

Утихла нынче эти звуки, какъ утихла музыка того

празднества, на которомъ вы видѣли мою сестру..... Посмотрите, что дѣлалъ, гдѣ былъ графъ на другой день послѣ бала. Но кто же таковъ самъ онъ?

Самъ онъ былъ странный человекъ, но довольно обыкновенный. Нѣкогда появилось на небѣ маленькое облако, чрезвычайно красивое, блестящее, омытое богатѣйшими красками. Онъ всею душою обожалъ это облако. Въ этомъ облакѣ мелькали самыми пылкими отливами красота, любовь, дружба, добродѣтель, все, что составляетъ счастье. Онъ рвался всемъ сердцемъ къ облаку. Но онъ былъ изъ числа тѣхъ слабыхъ и поверхностныхъ мужичковъ, которые не могутъ смотреть вблизи на истину и терять мужество, увидѣвши ее нагою. Когда она предстала передъ него безъ волшебнаго покрывала, въ какомъ является она взору людей на весенній праздникъ ихъ жизни, онъ устыдился прежнихъ вѣрованій своихъ, насмѣлся надъ предметами своего обожанія, разрушилъ свои алтари. Онъ свелъ съ неба прекрасное облако, которое издали пылало всеми огнями радуги, приблизилъ къ глазамъ своимъ, рассмотрѣлъ внимательно, и печально сказалъ: «это одинъ парь!» И тѣ, которыхъ безчувственныя сердца окружали его своей ледяной атмосферою, взглянувъ равнодушно на него и на лучезарное облако, повторяли громко: «это парь!» Съ тѣхъ-поръ и онъ присталъ къ ихъ разряду: онъ слылъ любезнымъ, острымъ, холоднымъ, разочарованнымъ, насмѣшливымъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ безъ жалости уничтожалъ словаи все, о чемъ жалѣлъ сердцемъ, за что бы отдалъ, можетъ-быть, полжизни. Но что дѣлать? Какъ литься Вертеромъ въ вѣкъ Чайльдъ-Гарольдовъ? Образъ мыслей большаго свѣта, какъ и покрой платья, не должны отставать отъ общей моды: одному превосходству принадлежить самобытность и нововведеніе; толпа слѣдуетъ примѣру. Большая часть людей — эхо, повторяющее

последній слышанный слогъ, телеграфъ, передающій мысль себѣ чуждую. Графъ Мстиславъ думалъ и горюилъ какъ весь прочіе, и ни одна красавица не повѣрила бы, что онъ страдалъ пустотою сердца и дрожалъ отъ стужи общества, которое его окружало. Посреди самаго живаго разговора, онъ задумывался, слушалъ разсѣянно милый лепетъ этихъ холодныхъ существъ и улеталъ мечтою въ прошедшее.

А гдѣ онъ былъ на другой день послѣ бала, это другая статья. Стройные звуки рояли раздавались въ одномъ небольшомъ кабинетѣ, готическомъ, драпированномъ голубою матеріею; и свѣтъ алебастровой лампы пріятно скользилъ по бронзамъ, мебели и золоченному карнизу. Звуки-то умолкали, то разливались въ мелодическихъ тонахъ, то быстро переходили въ страстные аккорды, и снова замолкали, наполняя душу предчувствіемъ чего-то страшнаго. Это было изліяніе души, переполненной чувствомъ, котораго она не смѣетъ вѣрить языку обыкновенному. Можетъ-быть одно изъ величайшихъ наслажденій музыканта есть эта способность переливать потокомъ тоновъ чувствованія свои въ душу способную понимать насъ, между тѣмъ какъ другіе видятъ только бѣзглость пальцевъ и прелесть игры. Чувство его не перетолковано, онъ не оскорбленъ недоразумѣніемъ, ему не припишутъ намѣреній, которыхъ онъ не имѣлъ, не найдутъ въ немъ смысла, котораго они не придавалъ, а такъ насъ рѣдко слушаютъ даже лучшіе друзья. Стукъ подъѣхавшей кареты перервалъ игру. Кто-то бросился къ окну. Но все тихо опять: лишь вдали, по улицѣ, въ темнотѣ ночной, двигаются дружно два огня, какъ зоркіе глаза волка средь мрака лѣсу, въ осеннюю ночь. Мелькнули потоки сани при свѣтѣ фонарей, которыхъ желтоватый отблескъ ложится свѣтлою полосою по дорогѣ..... Опять не онъ! Музыка снова послышалась.

— Какъ скучно, Анджолина! сказала артистка, которой звуки такъ перемѣнчиво изображали то тоску, то досаду, то кроткое сътованіе. Она сложила руки на колѣняхъ, и закинула назадъ голову; черныя локоны разсыпались по алебастровой шеѣ, и глаза, съ выраженіемъ сердечной тоски, почти совсѣмъ закрылись длинными рѣсницами.

— Ма, signora! еще только восемь часовъ, сказала другая женщина, которая до-тѣхъ-поръ сидѣла неподвижно, подперши подбородокъ рукою, и со вниманіемъ слушала артистку: онъ вѣрно обѣдаетъ у дяди, а тамъ обѣдъ поздній, вы знаете.

— Ты ошибаешься, сказала первая, нѣсколько ожившись. Я объ немъ не беспокоюсь. Мнѣ скучно, такъ, не знаю отчего. Эти длинные вечера, это тусклое небо..... оно какъ свинцовое виситъ надъ головами! Все это ужасно томить меня.

— Да! это не наша прекрасная Италия!..... Какъ подумаешь, что въ этотъ самый день, на второе января, четырнадцатое по нашему, — это было на канунъ нашего отъезда изъ Рима, — мы цѣлый день гуляли съ покойною сестрою въ Монтеразин. Она тамъ жила, святора, и мой бѣдный Энрико.....

— Для чего жь было уѣзжать оттуда?

— Для чего? Энрико былъ бѣденъ. Богатый господинъ изъ Берлина предложилъ ему мѣсто maestro di cappella. Энрико согласился. А тамъ сказали намъ, что Петербургъ — золотой рудникъ для артистовъ. Я, признаюсь, боялась Петербурга. Энрико похвально одинъ..... О, я знала, что этихъ господъ не надобно пускать однихъ!

— А что же?

— Да такъ; цѣлый годъ онъ не писалъ ко мнѣ; я поехала къ нему и хорошо сдѣлала, очень хорошо, святора: свой глазъ не худое дѣло..... Денегъ у насъ было много. Энрико давалъ уроки въ лучшихъ до-

махъ. Въ наше время никого не было лучше его; еще не умѣли цѣнить его..... Князь.....

— Да, да!..... но бѣдный Эрико умеръ.

— Чтѣ дѣлать съ проклятымъ климатомъ! О, я уѣду въ Италию! Я хотѣла уѣхать тотчасъ же послѣ его смерти.

— И вотъ уже десять лѣтъ какъ собираешься, и вѣрно не соберешься?

— Непременно! непременно! На первомъ же пароходѣ.

— И меня оставишь?

— Ахъ, моя добрая Лаурета, съ вами вмѣстѣ!

— Да, Анджолина! ты, я и..... оуъ, не правда ли?

— И конечно. Какъ же ему не вѣхать? Вы ему пожертвовали отечествомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Анджолина! ницѣмъ! Отечество мое тамъ, гдѣ оуъ. Никогда не забуду я Италию, но буду счастлива только съ нимъ.

— Да чтѣ же это такое? почему жъ ему не вѣхать съ вами? Кажется, вамъ можно потребовать отъ него этой жертвы.

— Развѣ мало оуъ сдѣлалъ для меня? Подумай, отъ какой участи оуъ спасъ меня?

— Отъ какой? Я ничего не знаю.....

Но въ это время отворилась дверь, и Лаурета вскрикнула: въ одно мгновѣнiе бѣлосѣкая ручка ея обвилась около шеи молодого человѣка.

— Ахъ, Мстиславъ, какъ ты поздно! Гдѣ ты былъ? Какой долгой, несносный день!..... Но чтѣ ты не веселъ? насмуренъ? Чтѣ съ тобою?..... Не боленъ ли ты?

— Ничего; право, ничего.

— Ты меня обманываешь; но я вѣдь узнаю. О, ты отъ меня не укроешься! Поди сюда, садись вотъ такъ, подлѣ меня. Ну, скажи мнѣ, гдѣ же ты былъ?..... Ахъ, Мстиславъ, если бъ ты зналъ, какъ несносно ждать! Скажи же мнѣ, ты любишь меня?

— Дядюшка хотѣлъ, чтобъ я обѣдалъ у него; онъ не пустилъ меня.

— Ну, вотъ! сказала Анджолина. Я говорила, что это дядюшка. А намъ такъ не взрится! Намъ веселѣе плакать; мы любимъ это.

— Плакать, Лаурета? спросилъ графъ, смотря на красавицу съ нежною заботливостію. Объ чемъ же?

— Я не плакала, Мстиславъ. Анджолина, приготовь намъ чай. Ты хочешь, Мстиславъ?.....

— Восемь часовъ; еще рано бы чай, подумала Анджолина; но..... да впрочемъ.....

Она начала хлопотать о самоварѣ.

— Отчего же ты не весель, Мстиславъ? спросила Лаурета, положивъ руки на плеча его.

Она смотрѣла на него тѣмъ испытующимъ взоромъ любви, которому уступаетъ всякая тайна. Надобно быть мужемъ, или по-крайней-мѣрѣ считать любовь годами, чтобъ устоять противъ подобнаго взора. Мстиславъ молчалъ. Лице Италіянки вспыхнуло; двѣ соборинныя дуги, тонкою чертою согнувшіяся надъ огненными глазами, сошлись почти вмѣстѣ.

— Ужъ не толкуеть ли опять дядюшка о княжнѣ Авдіи?

— Ты знаешь, Лаурета, что это не должно тревожить тебя. Дядюшка можетъ дѣлать проекты, какіе ему угодно; это до меня не касается.

— Ахъ, если бъ ты зналъ, какъ я всего боюсь! Ты же любишь меня, Мстиславъ.....

— Лаурета!

— Вѣдь я знаю, что ты только уступилъ любви моей. Но я не стую.

— Развѣ ты несчастлива, Лаурета?

— О, нѣтъ!..... пока я съ тобою. Но это кольцо: ты любилъ еще прежде?

— Какое странное расположеніе духа, Лаурета!..... Что съ тобою?

Т. XXIV. — Отд. I.

9

— Я видѣла ночью сонъ, страшный сонъ! Мнѣ казалось, что я стою передъ зеркаломъ и волосы у меня разсыпается по плечамъ густыми локонами, точно такъ, какъ я носила ихъ въ Аквапенденто, — помнишь? О, это было счастливое время! Вдругъ я оглянулась; ты, какъ тогда же, лежалъ на диванѣ, блѣдный, умирающій, и подле тебя была женщина; но не Лидія..... У этой были черные глаза; она надѣвала тебѣ на руку кольцо и смотрѣла на меня такъ злобно, что мнѣ стало страшно. Она показывала на мои локоны: я взглянула въ зеркало, локоны упали наземь одинъ за другимъ, и мнѣ было ихъ такъ жаль!

— Ну, что жъ изъ этого?

— Это еще не все. Я проснулась; мнѣ было грустно; я спросила ожерелье, которое ты купилъ мнѣ у старой цыганки, помнишь, когда по выздоровленіи твоёмъ, мы въ первый разъ пошли гулять по дорогѣ къ Сан-Лорензо. Она сказала мнѣ тихонько..... Я не скажу, что она мнѣ сказала; только, видишь ли, я хотѣла надѣть его, и оно разорвалось по поламъ. Я бросилась на колѣни передъ образомъ Святой Дѣвы: ликъ былъ какъ въ туманѣ; я хотѣла приблизиться, онъ упалъ..... Ахъ, Мстиславъ, не къ добру это, не къ добру!

— Все это оттого, что я не былъ вчера всчеромъ. Ты знала, что я буду съ княжной вмѣстѣ на балъ: вотъ и истолкованіе всѣхъ этихъ предвѣщаній, ревнивица!

— Я не боюсь княжны; ты никогда не любилъ ея. Дай мнѣ кольцо твое.

— Реблчество, Лаурета!

— Такъ оно дорого тебѣ?

— Можно ли ревновать къ прошедшему, забытому?

— Зачѣмъ же оно тебѣ, если все забыто?

Какъ было увѣрить Лаурету, что можно дорожить предметомъ, напоминающимъ счастливое время жиз-

ни, хоть уже погасло чувство, отъ котораго заимствовало оно свою прелесть; Лаурету, которая жила настоящимъ, не понимала бытія внѣ чувства, наполняющаго душу, и почитала какъ-бы оскорбленіемъ его, горе и радость, которыя не въ немъ брали бы начало? Какъ было растолковать ей, что воспоминаніе, — воскресшая мечта, лучъ бьющій изъ прошедшаго, — создаетъ вокругъ насъ новую атмосферу, можетъ-быть не столь свѣтлую, не столь благоуханную, какова настоящая, но тѣмъ не менѣе упительную; атмосферу, въ которой и радость, и печаль, принимая звуки тихой гармоніи, являются въ пріятномъ полусвѣтѣ, какъ-будто отдаленныя горы, лѣса и долины. Никогда не поняла бы она, что предметы могутъ быть дороги единственно потому, что быстротечная жизнь, ускользая, оставляетъ на нихъ слѣды, непримѣтные для другихъ, но безцѣнные для насъ, потому что это памятники чувства, которое некогда насъ счастливило. Онъ зналъ когда-то женщину, которая поняла бы его..... Та любила душою, та жила мыслию, та была какъ свѣтлый духъ, противъ воли разделяющій съ тѣломъ земныя нужды..... Бѣдная Лаурета!

Любовь, которая сравнивается, уже не любовь.

Графъ молча подошелъ къ фортепіано и пальцы его пробежали по клавишамъ. Ничто столько не убиваетъ женщины какъ невниманіе. Не замѣтить ея грусти, не видѣть ея слезъ, — да это такое преступленіе, для котораго нѣтъ на свѣтѣ довольно тяжкой и позорной казни! Законодатели должны бы общими силами придумать что-нибудь такое — страшное — ужасное — ужасно жестокое, отъ чего бы у мужчинъ, невнимательныхъ къ нашимъ слезамъ..... Да что и говорить напрасно! вѣдь законодатели тѣ же мужчины. Зато, по-крайней-мѣрѣ, раскаяніе, страданіе, слезы мужчины, суть тайное наслажденіе женскаго самолюбія: красавица видитъ въ нихъ доказательство своего могу-

щества; видитъ, что въ ея волѣ одною улыбкою возвратитъ радость и спокойствіе, и она гордится своею властью; она маленькій тиранъ своего большаго тирана и, какъ всѣ слабые, дорожить этими мелочными признаками силы. Къ сожалѣнію, это удается только съ любовниками; и вотъ отчего такъ несносны мужья: они не оставляютъ вамъ ни малѣйшей пищи для самолюбія; съ ними нельзя и покапризничать. Красавица намурилась; слезка трепещетъ на щекѣ ея, какъ капля росы на листкѣ розы; она хороша какъ Гвидова Магдалина: а мужъ? — курить себѣ преспокойно трубку въ халатѣ, или насвистываетъ водевильный куплетъ, смотря въ окно..... О Боже, Боже! когда наступитъ день великаго правосудія, въ который эти господа.....? Но Богъ съ ними! Мстиславъ, увлеченный прелестью адажію, которое онъ игралъ, забылъ о Лауретъ, объ ея неудовольствіи; и когда послѣдніе звуки, умирая подъ его пальцами, возвратили жестокаго къ существенности, онъ услышалъ рыданія: Лаура плакала, закрывъ глаза руками.

Но кто же ей виноватъ? Пускай бы порядкомъ покапризничала! Онъ, право, стоилъ того. Играть адажію, оставшись на-единѣ съ прекрасною и любящею женщиною, — да еще забыть, что она плачетъ, и не быть *примѣрно* наказаннымъ, — да послѣ этого на землѣ не будетъ ничего святаго!

— Это ни на что не похоже, Лаура! сказалъ наконецъ онъ, подходя къ ней. Вѣдь это смѣшно, ревновать къ прошедшему, къ тѣни!

— Я и не думаю объ этомъ! Но ты перемѣнился, ты не любишь меня.

— Прости, Лаурета! я приѣду завтра; ты можешь быть будешь любезнѣе.

Онъ взялъ шляпу и пошелъ къ дверямъ.

— Выслушай меня, Мстиславъ! вскричала Лаурета, останавливая его быстрымъ движеніемъ.

Она стала передъ нимъ, и черные глаза ея заблестали рѣшимостью. Это было уже не слабое и любящее созданіе со всѣми прихотами балованной любовницы: это была женщина, готовая на величайшія жертвовавія; женщина, которая въ любви своей находитъ силы, какіхъ напрасно мужчина иногда ищетъ въ своемъ мужествѣ; женщина, которая повелеваетъ могуществомъ одной воли и внушаетъ уваженіе нравственнымъ своимъ превосходствомъ. Мстиславъ невольно остановился.

— Я не принадлежу ни въ какому обществу, Мстиславъ, продолжала она. Бѣдность и презрѣнные поступки воспитательницы моей поставили меня вѣд его условій; никто не связанъ съ моею участіемъ; стыдъ мой ни на кого не падаетъ; моя радость не осчастливитъ никого и несчастье никого не опечалитъ. Я одна въ мірѣ! Мнѣ некому отдавать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ, кромѣ Бога милосердаго. Я не знаю другихъ законовъ, другихъ приличій, кромѣ любви моей: ты не долженъ поступать со мною какъ съ другою женщиною, которая принадлежитъ обществу. Между нами не должно быть другихъ отношеній, кромѣ любви. Если ты любишь меня, я послѣдую за тобою въ пустыни, въ вашу холодную Камчатку, на край свѣта, въ тѣнищу; меня ничто не устрашитъ; жизнь моя — твоя собственность. Если же я — въ тягость тебѣ, или ты меня не любишь, скажи, скажи, Мстиславъ, безъ обиняковъ! Не обманывай меня: я не хочу ни состраданія, ни жалости, ни дружбы твоей. Моя участь не должна тебя беспокоить. Одна любовь могла сдѣлать меня чѣмъ-нибудь въ глазахъ твоихъ: безъ нея — я ничто, презрѣнная тварь, существо, отверженное обществомъ. Ты избавилъ меня отъ ненавистнаго чело-вѣка, отъ участи, которой я ужасалась; ты образовалъ меня, научилъ мыслить, чувствовать, любить тебя....

Мстиславъ, Мстиславъ! говори, говори!..... Я оставлю тебя безъ упрека, безъ жалобы.....

Она упала съ рыданьемъ на грудь его, и плакала какъ дитя.

— Папа, папа, посмотри, какой левъ! Это тетя Дажа подарила мнѣ, кричалъ черноглазый, трехлѣтній мальчикъ, вбѣгая въ комнату. Я его не съѣмъ, папа; онъ шоколадный, сладкій. Я его не съѣмъ; я буду играть: а завтра вечеромъ можно будетъ, папа?

Между-тѣмъ шоколадный левъ и владѣтель его лежали уже на полу далеко одинъ отъ другаго; ребенокъ занулся отъ излишней поспѣшности и упалъ. Лаурета бросилась къ нему; но онъ уже сидѣлъ на коврѣ, наморщился-было, чтобы плакать, однако разбитый левъ привлекъ его вниманіе: онъ поспѣшно схватилъ отбитую ножку, и, показывая отцу съ печальнымъ видомъ, говорилъ: — Ножка отломилась, папа! Теперь можно ее съѣсть?

Черезъ нѣсколько минутъ графъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, подле дивана, на которомъ лежала Лаурета, облокотясь на подушку и подпирая руками подбородокъ: глаза ея были устремлены на Мстислава, улыбка играла на прекрасныхъ устахъ; мальчикъ, на полу, у ногъ папы, дождавъ окорокъ своего льва; Лаурета шептала:

— Какъ ты хорошъ, мой Мстиславъ!.....

Я расскажу вамъ исторію Лауреты.

Это было въ Римѣ. Въ одну темную и душную ночь, молодой путешественникъ шелъ скорыми шагами, — за нимъ слѣдовала его коляска, — вдоль одной изъ наименѣе обитаемыхъ улицъ вѣчнаго города: онъ, казалось, не замѣчалъ ни бури, которая собиралась надъ его головою, ни молніи, ни грома. Можетъ-быть, отдаленные друзья, можетъ-быть воспоминанія, занимали его; но то вѣрно, что въ ту минуту онъ не думалъ ни о древнемъ ни о новѣйшемъ Римѣ. Вдругъ голосъ

женщины вывелъ его изъ задумчивости. Онъ взглянулъ : къ ногамъ его бросилась женщина , въ бѣломъ платьѣ , съ разбросанными по плечамъ локонами. Молнія облила ее багровымъ блескомъ , и позволила ему увидѣть прекрасное лице , на которомъ изображалось живѣйшее отчаянiе. Онъ отступилъ , но она схватила его за полу и тащилась за нимъ по землѣ.

— Итъ, итъ, я не пущу васъ ! говорила она задыхающимся голосомъ. Спасите меня , ради всѣхъ святыхъ , ради Святой Дѣвы !..... Спасите меня !

Онъ хотѣлъ говорить , но она схватила его руки , и сжала ихъ крѣпко въ своихъ маленькихъ ручкахъ. Несчастная была еще дитя , дѣвочка лѣтъ пятнадцати.

— Не говорите ни слова !..... Если вы христiанитъ , возьмите меня съ собою ! Белите увезть меня отсюда и бросить въ какой-нибудь деревнѣ , только за границею ! Если хотите , я буду рабою вашею , буду вамъ вѣкъ служить , только спасите меня. Я расскажу послѣ..... Вотъ они идутъ !..... идутъ !..... они возьмутъ меня.....

Въ дверяхъ ближняго дома показались люди. Путешественникъ , тронутый отчаянiемъ и опасностью этой дѣвушки , схватилъ ее на руки , бросилъ въ коляску и приказалъ кучеру скакать во весь опоръ. Прежде чѣмъ онъ могъ понять чтѣ дѣлается , коляска остановилась противъ его квартиры.

Черезъ три дня послѣ этого , дорожная коляска въ сопровожденiи конвоя спускалась вечеромъ съ живописныхъ высотъ между Сан-Лорензо и Большеного ; солнце давно уже скрылось ; дорога зигзагами извивалась между утесами и ущельями , въ которыхъ страшно чернѣлся мракъ лѣсной. Небо было пасмурно , воздухъ душень , глухiе раскаты отдаленнаго грома предвѣщали близкую грозу ; какъ вдругъ нѣсколько голосовъ поразило слухъ путешественниковъ : казалось , звали на помощь ; то были вопли , угрозы , конскiй

топотъ. Молодая женщина, вжавшая въ коляскѣ, предподнялась и устремила взоры вдаль, но было темно, и взоры ея тоули въ глубинѣ лѣсу. Звуки однако приходили отъ Болсены, и поминутно становятся внятнѣе. — Зовутъ на помощь, это ясно! — Въ одно мгновеніе ока, по знаку путешественницы, конвой, который сопровождалъ коляску, понесся впередъ. Дама, стоя въ коляскѣ, слѣдовала взоромъ за скачущими, и желала, казалось, глазами опередить ихъ. Между-тѣмъ голоса становились слышнѣе, но теперь это были уже не вопли требующихъ помощи: часть людей, посланныхъ путешественницею, сбѣжавшая, окруживъ человека, повергнутаго безъ чувствъ не далеко отъ опрокинутаго экипажа; нѣсколько человекъ скакали вдоль дороги; другіе возвращались изъ лѣсу; на краю дороги лежалъ человекъ весь въ крови, нѣсколько по-одалъ блестѣлъ большой ножъ, вѣроятно брошенный на скоромъ бѣгу. Путешественница выскочила изъ коляски, и побѣжала къ группѣ, окружавшей раненаго. Это былъ молодой человекъ, прекрасный собою, несмотря на смертную блѣдность, которая покрывала лице его. Подлѣ него, въ нѣмомъ отчаяніи, стоялъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, прелестное дитя юга: глаза, тѣлодвиженія, голосъ, все выражало въ немъ глубочайшую горестъ, и, несмотря на это, онъ былъ милъ какъ любовь. Черные кудри развѣвались по плечамъ его; темный, едва приметный пушокъ, легкой тѣнью рисовался по обѣ стороны его прекраснаго ротика, сотвореннаго только для улыбки.

— Онъ будетъ живъ! не плачьте, милое дитя, сказала путешественница, стараясь утѣшить мальчика.

Она обратила все попеченіе на раненаго. Его перевязали какъ могли; прекрасная путешественница, — это была Англичанка, — сама поддерживала его голову, сама терла спиртомъ виски и руки. Однѣ женщины знаютъ истинное состраданіе и умѣютъ предаваться

ему безъ всякой посторонней мысли: этимъ чувствомъ, онъ касаются природы ангеловъ.

Наконецъ раненый открылъ глаза. Онъ вздохнулъ, какъ-будто первое ощущеніе жизни было уже для него прискорбно. Но когда взоры его встрѣтили лице молодаго челоуѣка, улыбка озарила лице его; онъ произнесъ имя, въ которое Англичанка, несмотря на свое желаніе, не могла вслушаться. Черноглазый мальчикъ прижималъ руки раненаго къ груди своей, соединяя съ незнакомымъ Англійскому слуху именемъ Mistislavo, все, что могъ найти ласковаго въ волшебномъ языкѣ своемъ. Mistislavo успокоился: онъ благодарилъ взглядомъ великодушную избавительницу; на него напали-было люди въ маскахъ, но не разбойники, потому что видимо хотѣли не кошелекка и не вещей путешественниковъ: все было на мѣсть. Они хотѣли жизни одного и освсбожденія другаго. Люди, посланные Англичанкою, отняли мальчика у сильнаго разбойника, который уже увлекалъ его въ чашу. «Я знаюкто это!» шепталъ мальчикъ, потупляя свои прекрасные глаза. Англичанка просила его забыть это приключеніе; раненаго положили въ ея коляску; леди съѣла подлѣ него, а юный Итальянецъ помѣстился впереди, и держалъ руку больнаго, глядя на него со всѣмъ жаромъ своихъ Итальянскихъ глазъ. Коляска черезъ полчаса, по желанію леди, остановилась передъ гостиницею въ Сен-Лоренцо. Signor Mistislavo провелъ ночь очень безпокойно: онъ страдалъ, и въ бреду горячки произносилъ имя «Катя», которое благородной леди и юному Италіянцу показалось еще страннѣйшимъ чѣмъ Mistislavo, но которое вы понимаете какъ нельзя лучше и напередъ уже знаете, къ кому оно относится.

Но кто же была Катя?

Я думаю, неразъ случалось прекраснымъ обитательницамъ набережныхъ Петербурга, отправляясь

весною въ дальнія деревни , проѣзжать черезъ уездные города и выглядывать съ любопытствомъ изъ оконъ кареты. Съ невольнымъ ужасомъ смотритъ онъ на длинныя пудовыя улицы, по обѣимъ сторонамъ которыхъ , между небольшими, обыкновенно въ три окна, домиками, возвышаются дома деревянные, обитые тѣсомъ, съ красными кровлями и съ флигелемъ, который тесовымъ заборомъ соединяется съ домомъ. Своей величиною , и некоторыми затѣями уездной архитектуры , эти дома показываютъ , что они принадлежатъ къ высшему кругу города. Ихъ смиренная и однообразная наружность обливала холодомъ , и утѣрена , души прекрасныхъ путешественницъ при одной мысли о томъ , если бы онѣ осуждены были проводить жизнь въ этихъ маленькихъ жилищахъ, съ маленькими окнами , которыхъ стекла до половинны закрыты розанелью и бальсаминами? Еще печальнѣе, еще любопытнѣе, видъ уезднаго города утромъ, когда большая часть ставней еще заперты, и дородная служанка, въ башмакахъ на босую ногу, съ печасною головою и капотомъ, накинутымъ на плеча вмѣсто плаща, съжившись отъ холоду, кладетъ руку на желѣзный запоръ ставни и засматривается на проѣзжающихъ; а въ другомъ мѣстѣ , подъ отвореннымъ окномъ , сидитъ толстый засѣдатель въ халатѣ и съ трубкою во рту, и съ чувствомъ собственного достоинства прихлебываетъ чай изъ огромной чашки, тогда какъ въ глубинѣ комнаты, за чайнымъ столикомъ рисуется блѣдная фигура супруги его, въ чепецъ домашняго издѣлія, хлопотливо раздающая чашки полдюжины дѣтей разныхъ возрастовъ; и, какъ амуръ Альбана между сатирами Рубенса и пирушками Теньера , мелькаетъ среди ихъ румяное личико дѣвушки, которая съ раснущенной косою выглядываетъ изъ занавѣски окна на проѣзжающихъ; и кудрявый шалуны мальчикъ кричитъ и плачетъ , и дергаетъ её

за рукавъ, прося молока и булки. Никто бѣ изъ васъ, сударыни, не повѣрилъ, если бы вамъ сказали, что въ этихъ домахъ живутъ люди веселые и довольные собою; что въ этой однообразной и тихой жизни часто есть и любовь и поэзія, то есть, счастье. Вы бы смѣялись; вы бѣ сожалѣли о бѣдныхъ существахъ, которыхъ судьба сослала въ эту Камчатку жизни, гдѣ не растутъ утѣхи, гдѣ не цвѣтеть ни одно удовольствіе. А между тѣмъ, между вами, въ нашемъ высшемъ кругу столичномъ, была одна, которая, посреди золоченныхъ залъ, въ роскошныхъ будоарахъ, упитанныхъ въ крещенскіе морозы запахомъ гіацинтовъ и лилій, вздыхала о свѣтлинкѣ, маленькой горенкѣ, которой стѣны, ни чѣмъ необитыя, представляли взорамъ гладко выстроганныя сосновыя бревна, раздѣленныя тонкими полосками мху; о своемъ дубовомъ столикѣ, о своихъ крашеныхъ пальцахъ подъ окномъ, о бѣломъ шкафѣ въ углу, съ маленькою бібліотекою, гдѣ за стекломъ стояли бережно «Мои Бездѣлки» Карамзина, «Страсти молодого Вертера», «Дѣтская Философія» и «Коварство и Любовь», переводъ Смирнова; о своемъ сидикѣ, гдѣ разводила она молодыя березки и лѣтніе тюльпаны! Комнатка эта была въ мезонинѣ; створчатыя двери вели на балконъ, съ котораго взоръ господствовалъ надъ кровлями домовъ, переищанныхъ съ густою зеленою липъ и кудрявыхъ вязахъ; вправо по чистому полю вылась узкою лентою пыльная дорога, ведущая къ церкви, окруженной рощею, гдѣ между березами и елями мелькали бѣлые могильные памятники. Этотъ видъ не заводилъ унынія на душу Катя: она съ дѣтства привыкла къ нему; она любила эту уединенную церковь; она помнила, какъ еще ребенкомъ, въ ясный вечеръ, когда послѣдніе лучи солнца догараютъ на золотыхъ крестахъ, сопровождала она ко всеношной добрую мать свою, и играла на луку возлѣ каменнаго

крыльца. Тамъ, между этими елями в березахъ возникъ новый памятникъ, и въ немъ уснула своемъ вѣчнымъ добрая мать ея, и Катя каждое утро съ своего балкона приветствовала скропшій памятникъ этой кроткой женщины, со слезами на глазахъ припоминая ея доброту и благочестіе.. И какъ хороша была эта Катя! Рафаэль, не колеблясь, отдалъ бы черты ея своему ангелу-благовѣстнику, а городничій, который когда-то служилъ въ гвардіи, говаривалъ часто, смотря вслѣдъ за нею, когда она вечеромъ въ толпѣ подругъ гуляла по улицѣ: «Хороша!..... У! кабы ея да въ Петербургъ, да кабы прошлась бы она если бы по Невскому! Здѣсь ей цѣны не знаютъ!»

Но цѣну Катя зналъ добрый отецъ. И какъ онъ любилъ ее, свою милую, ненаглядную Катю! Она была-утѣшеніе его старости, его радости, его игрушка, его надежда; онъ жилъ ею, и дѣтство Кати прошло пріятно, какъ веселый сонъ. Блаженъ, чье младенчество богато милыми воспоминаніями! чье сердце можетъ отдохнуть вполнѣ въ этихъ картинахъ! Какъ часто счастье, вкушаемое подъ родительскимъ кровомъ, бываетъ первымъ и послѣднимъ! Но объ этомъ послѣ. Надобно вамъ знать, что отецъ Кати, Иванъ Алексѣевичъ Амичевъ, былъ, съ незапамятнаго времени, казначемъ въ С-вѣ, — человекъ честнѣйшихъ правилъ, — чистъ душою, какъ четыре первыя дѣйствія арифметики; его вообще любили въ городѣ, хотя онъ слылъ чужакомъ. Жилъ онъ однимъ жалованьемъ; взятокъ не бралъ; пуншу не пилъ; не жаловался на свою бѣдность, и еще разныя другія имѣлъ причуды. За обѣдомъ губернаторъ нерѣдко сажалъ его подлѣ себя, и долго разговаривалъ съ нимъ послѣ обѣда, а онъ никогда не хвалился этимъ, и развѣ только вечеромъ, мимоходомъ, сказывалъ Катѣ, что его превосходительство, прощаясь, пожалъ у него руку, а къ исправнику оборотился спиною. Плутовка улыбалась; примѣчалъ

удовольствіе удовлетвореннаго самолюбія, и цѣловала старика въ высокій лысый лобъ. Она завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ и была истинный деспотъ въ своемъ филократическомъ, какъ говаривалъ Амичевъ, правленіи, извѣстномъ только женщинамъ, — не взыщите, господа мужья! Стояло ей только обнять отца, поцѣловать его, поглядѣть своими ангельскими глазками, и она могла сдѣлать изъ него все, что угодно. Веселая какъ Божья птичка, милая какъ ясное утро послѣ долгаго ненастья, она согрѣвала радостію послѣдніе дни старика, пѣла какъ жаворонокъ, сидя за своими пальцами, и нѣсколько разъ въ утро забѣгала въ кухню посмотреть, не перешла ли кулебяка съ рыбою, — любимое кушанье Ивана Алексѣевича, — хорошо ли уварились щи, не пересолнили ли ботвиньи. На Ивана Алексѣевича кухарка никогда бѣ и не угодила, если бѣ онъ узналъ, что Катя ни разу не была на кухнѣ. Онъ возвращался изъ казначейства всегда въ часъ, и уже Катя ждала его, бросалась ему на шею, старикъ цѣловалъ милую дѣвушку и долго смотрѣлъ на нее, какъ-бы послѣ годоваго отсутствія. Онъ ставилъ на окно шляпу и палку, а Катя уже стояла передъ нимъ съ рюмкою настойки. Они обѣдали вдвоемъ. Послѣ обѣда старикъ ложился отдыхать, а Катя въ садъ, къ своимъ дѣвтамъ и березкамъ. Проснется старикъ, и самоваръ уже кипитъ на столѣ. Въ шесть часовъ онъ ходилъ гулять съ Катей въ садъ, или въ поле, или на берегъ рѣки, и тамъ рассказывалъ ей о Невѣ, о Волгѣ, о морѣ, о крылатыхъ судахъ, о доброй матери, взирающей на нихъ съ небесъ. Мать и дочь дружны безъ усилій съ обѣихъ сторонъ; матери нужно только припомнить молодость, чтобы понять сердце дочери. Но сколько вниманія, сколько осторожности, нужно отцу, чтобы пріобрѣсть довѣренность дочери, и какъ безпредельно должна она любить отца, чтобы свободно раскрывать сердце свое передъ его опытностію! Отецъ и дочь,

связанные дружбою, всегда подаютъ мнѣ о себѣ самое высокое понятіе : это союзъ невинности и опыта; ничто дурное не зародится въ сердцѣ дѣвушки, когда она знаетъ, что взоръ отца читаетъ въ немъ. Часы быстро пролетали для Амичева и его дочери въ этихъ уединенныхъ прогулкахъ. Возвращался домой, они останавливались подъ окномъ сосѣдей, особенно Вѣры Максимовны, жены уѣзднаго лекаря, съ которымъ Иванъ Алексѣевичъ любилъ иногда поиграть въ пикетъ на орѣхи. Иванъ Алексѣевичъ стучалъ концемъ палки по косяку, окно отворалось, полное лицо пожилой женщины высовывалось какъ на пружинѣ, и начинался разговоръ.

— Что, батюшка, Иванъ Алексѣевичъ, налюбовался ли на красныя облака и на чистую луну? Ну, не стыдно ли? въ ваши ли годы!

— А что же, матушка, Вѣра Максимовна! Намъ старикамъ только и радости, что полюбоваться на Божій міръ. У богатыхъ есть веселье покупное, пиры, балы; у молодости — свое раздолье : она восхищается всеми пустяками; а бѣднымъ и старикамъ остается одинъ Божій міръ.

— Эхъ, батюшка, лучше бы въ церковь, ко всеобщей ! Завтра Иверская.

— Слабъ, матушка, не могу стоять; вы умолите за насъ. Вотъ подошелъ къ вамъ, почтеннѣйшая, за газетами.

— Да зайдите же къ намъ, посидѣть вечерокъ.

Между тѣмъ меньшія дочки Вѣры Максимовны уже выбѣгали на улицу, окружали Катю и уводили въ комнаты.

Вѣра Максимовна происходила изъ одного очень стариннаго дворянскаго дому; но какъ въ провинціяхъ не любятъ рыться въ генеалогической пыли и о родословныхъ очень мало думаютъ, то отецъ ея едва могъ счесть предковъ своихъ до восшествія Императ-

рицы Елисаветы, а Вѣра Максимовна знала только отца и дѣда и вѣрнула на слово въ древность своего рода; но она крѣпко держалась правъ и преимуществъ своего происхожденія, выѣзжала всегда въ карету, никогда не ходила пѣшкомъ, — и, сохрани Богъ, безъ лакел! Въ церкви, она первая подходила къ кресту, и на обѣдахъ всегда занимала главное кресло. По обстоятельствамъ вышла она замужъ за уѣзднаго доктора, честнѣйшаго человека въ медико-хирургическомъ мѣрѣ, потому что онъ твердо вѣрчалъ въ свое искусство и залечилъ третью уѣзда по чистой совѣсти, тогда какъ двѣ-третьи его товарищей, *savantissimi doctores medicinae professores*, сами не втрять тому, что прописываютъ. Изъ этого видно, что докторъ былъ не далекъ умомъ. Быть-можетъ, это и послужило Вѣрѣ Максимовнѣ главнымъ поводомъ, что она предпочла его прочимъ женихамъ. Въ самомъ дѣлѣ, она управляла всѣмъ, — домомъ, имѣльникомъ, доставшимся послѣ отца, аптекою, докторомъ и его медициною. Карлъ Карловичъ даже сознавался торжественно, что Вѣра Максимовна онъ обязанъ былъ двумя отличнѣйшими своими рецептами, — противъ зубной боли и противъ дѣвичьей болѣзни. Не мудрено, что столько преимуществъ, соединенныхъ въ одномъ лицѣ, поставили Вѣру Максимовну на степенъ важной дамы. Катя была у нее за-свое; дочки ея любили Катю, какъ водится въ уѣздахъ, страстно, и только послѣ каждаго бала, гдѣ Катя, всегда просто одѣтая, танцевала больше всѣхъ и съ лучшими кавалерами, онъ бывали холодны съ ней недѣлькѣ съ двѣ. Но Вѣра Максимовна не вмешивалась въ ихъ дѣвичьи дѣла и постоянно любила молодую Амичеву. Катя отлично рисовала, — искусство, которому выучила ее, по дружбѣ съ отцомъ, за-сѣдатель земскаго суда, некогда одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ академіи художествъ, промѣнявшій благоразумно кисть на колокольчикъ, и

который, может-статься, былъ бы вторымъ Тицианомъ, если бъ съ голоду не сдѣлался повѣтчикомъ губернскаго правленія. У Вѣры Максимовны было много швей и плели кружева. Вотъ почему Катю ласкали, называли премилою, брали на гулянье и кататься въ саняхъ по городу. Катя рисовала узоры, и каталась. Это былъ первый ея урокъ въ науку жизни: она вывела изъ него заключеніе, что на свѣтъ надобно рисовать узоры, чтобы имѣть пріятелей.

Это было въ началѣ 1813 года. Туча, чтò всплыла съ запада и разразилась надъ сердцемъ Россіи, уже начинала проходить, но грома ея еще были слышны и слѣды ея опустошеній весьма чувствительны. И самое чувствительное опустошеніе было то, которое она произвела въ молодыхъ людяхъ. Героевъ было много, но мужчинъ мало, а женщнхъ почитался величайшею рѣдкостью. Герои вовсе не годились въ дѣло: всѣ они были переранены, и лежали въ постеляхъ. Маленькіе города наполнились прекрасными молодыми мужчинами, но всѣ изувѣченными до крайности или хворыми. Дѣвнцы принуждены питаться одною славою и печально смотрѣть изъ оконъ на султаны, храмлющіе по улицамъ въ ожиданіи излеченія для новыхъ подвиговъ и новыхъ ранъ. Когда выздоровѣвшій герой увѣжалъ обратно въ свой полкъ, теплыя молитвы дѣвицъ сопровождали его на поле опасностей и славы. Слезы лились ручьями, но всѣ падали на эполеты. Тяжкое было время для фраковъ, и долго послѣ того не могли они возвыситься въ глазахъ женщинъ.

Родной городокъ Катю былъ также наполненъ пріязкими офицерами, и даже болѣе чѣмъ другіе, потому что извѣстное врачебное искусство Карла Карловича и супруги его, заставляло многихъ предпочитать это мѣсто пребыванія. Улицы не были пусты и дѣвушки, здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, украдкою

подходили къ окнамъ ; чтобъ слѣдить взорами бѣлые и черные султаны. Въ одинъ майскій вечеръ , когда на съверь огня одной зари встрѣчаютъ зарево другой, Катя, сидя на балконѣ , задумчиво смотрѣла на востокъ ; мѣсяць всходилъ ; тучи понемногу облакали небо ; на улицѣ никого не было. Долго напротивъ ея оконъ , сидѣль на каминѣ , у воротъ , сосѣдь , напѣвая заунывную пѣсню , но давно уже стукнуло кольцо калитки , и ворота заперлись. Все спитъ. Отчего жъ такъ спяно бьется ея сердце ? отчего этотъ румянецъ , то вспыхивающій какъ молнія , то уступающій вѣсто лиліямъ ? отчего этотъ трепеть ? Она посмотрѣла внизъ съ балкона : въ комнатѣ отца ея не видно уже огня. Положивъ руку на сердце , и какъ-бы желая удержать его бѣшеніе , Катя вошла въ комнату , и остановилась въ нерѣшимости. Вотъ она уже на лѣстницѣ ; робко сходитъ по ступенямъ , удерживаетъ дыханіе. Она уже внизу. Въ прогонкахъ горничная поднялась съ подушекъ и проворчала что-то невнятно. Катя назадъ. Но горничная опять опустилась на подушку , и ея храпѣніе успокоиваетъ дѣвушку. Вотъ и дверь въ сѣни , обитая кожею и войлокомъ ; дверь шумитъ , шапкая о порогъ ; Катя положила руки на крючекъ ; стоитъ ; мгновеніи кажутся ей часами ; ее пугаетъ бой маятника и собственный шорохъ. Но вотъ соскочилъ крючекъ. Она въ сѣняхъ. Дверь снова шумитъ : не слыхалъ ли кто ? Нѣтъ ! Все тихо ! Наружная дверь уступаетъ легче ; Катя — съ крыльца , на дворъ , и пробирается около забору. Цѣпная собака бѣгаетъ по кордѣ , но она знаетъ Катю ; часто дѣвушка давала ей хлѣба и костей. Катя уже въ саду , и не чуя земли подъ собою , идетъ , идетъ ; шорохъ листьевъ кажется ей погоней ; страхъ отнимаетъ у ней силы. Но уже близко калитка , ведущая на прудъ. Что-то зашумѣло ! Сердце ея замерло.....

— Катя ! моя милая Катя !..... можно ли такъ бояться ?..... Развѣ ты не любишь меня ?

— Ахъ, Мстиславъ, я такъ испугалась!

Она прижалась къ груди молодого человѣка, не говоря ни слова: можетъ-быть она нашла лучшей отвѣтъ.

— Но чего же ты боишься? Ночь темна, все спитъ. Кто увидитъ насъ?

— Не того, Мстиславъ, мнѣ страшно; я не должна была бы приходитъ сюда.

— Значитъ, ты не любишь меня! Предразсудокъ дороже для тебя чѣмъ спокойствіе твоего друга.

— Не сердись, Мстиславъ; ты видишь, я здѣсь. Какаго доказательства еще хочешь ты!..... Подумай: это въ первый разъ!..... я никогда не выходила ночью. Я всегда была ужасная трусиха.

— А теперь?

Не знаю, что отвѣчала Катя. Они сѣли въ бесѣдкѣ изъ акацій и сирени; дѣвушка положила голову на плечо своего друга и смотрѣла на него глазами, въ которыхъ и слѣда не было страху или горя. Они были счастливы.

Подслушать ли намъ разговоръ любовниковъ? Онъ безсмысленъ для другихъ, для нихъ онъ исполненъ прелести неизъяснимой. Съ этимъ лепетомъ сердца не можетъ сравниться ни какое краснорѣчіе земное: но кто переведетъ гимнъ, которымъ соловей привѣтствуетъ звѣзды въ теплую, лѣтнюю ночь? кто пойметъ шопотъ кудрявой нвы, склоненной къ водамъ свѣтлаго пруда? Языкъ любви также не понятенъ равнодушнымъ.

Катя увидѣла въ первый разъ графа Мстислава С*** въ домъ Вѣры Максимовны, и супруга ея. Воспитанный въ Парижскомъ политехническомъ училищѣ, которое было тогда въ славѣ и привлекало къ себѣ многихъ Русскихъ юношей, онъ возвратился въ отечество, еще до начала достопамятной войны. Съ первой битвы принесли его полумертвымъ къ отцу, котораго

нѣніе находилось недалеко отъ поля сраженія. При блескѣ пожаровъ они бѣжали оттуда, остававшаяся сколько требовало положеніе раненаго, пока не достигли до богатаго помѣстья стараго графа, въ уездѣ того городка, гдѣ жила Катя. Необходимость въ помощи врача заставила ихъ переселиться въ городъ: слухъ о молодомъ раненомъ графѣ всполюшилъ женскія тщеславія; прогулки мимо его квартиры сдѣлались модными; и когда въ первый разъ въ окнѣ комнаты примѣтили блѣдное, но красивое лице молодого человѣка, разговорамъ не стало конца. Графъ вскружилъ головы всѣхъ, не исключая и головы Вѣры Максимовны, которая не переставала мучить Карла Карловича распросами: Ну, чтѣ жъ, графъ? каковъ онъ? хорошъ ли? любезенъ ли? привѣтливъ ли? И не прежде успокоилась Вѣра Максимовна, какъ получивъ обѣщаніе, что графъ будетъ у нея.

Въ великое утро, Катя, совсѣмъ нечаянно, пришла къ Вѣрѣ Максимовнѣ, — совсѣмъ нечаянно, — не зная ничего, и даже не понимая, отчего такъ недовольны ея приходомъ. Отъ нея скрывали счастливое событіе, котораго съ такимъ трепетомъ сердца ждало все семейство. Катя пришла и себѣ невѣдомо похитила сокровище. Увидѣвъ ангельское личико пятнадцатилѣтней дѣвушки между этими странными фізіономіями, на которыхъ радость, почтеніе къ сіятельству, и досада на нежданный приходъ хорошенькой гостьи; изображались самымъ разительнымъ образомъ, молодой графъ забылъ и хозяйку и ея дочекъ, не взглянулъ на серебряный судокъ съ множествомъ графиновъ, наполненныхъ наилучшими водками и поставленный между энциклопедическимъ собраніемъ закусокъ, и все вниманіе свое обратилъ на Катю. Если бы слово «идеаль» не сдѣлалось столь пошлымъ, я почти сказала бы — въ ней осуществился для графа идеаль его! Наконецъ онъ нашелъ красоту, о какой всегда мечталъ! Впрочемъ

кто отгадает побужденія любви? Говорятъ, что мѣж-
чины никогда не бываютъ столь способны къ силь-
ной и глубокой страсти какъ во время выздоравлива-
нія. Раненный Марсъ влюбленъ былъ в Венеру до
безпамятства.

А Катя? Пѣтъ, она не влюбилась; но взгляды мо-
лодаго человека смутили ее; самолюбіе шептало ей:
«Для чего онъ смотрѣлъ на меня такъ долго?» Цѣлый
день оно, какъ злой духъ, не давало ей покою; она
засыпала, а самолюбіе всё-еще шептало ей въ ухо:
«Смотрѣлъ!» Утро прогнало демона. Вѣсье не думая
о графѣ, она встала и вышла на балконъ: солнце яр-
ко свѣтило на небѣ, и вдругъ другое солнце засвѣ-
тило на землѣ; тамъ, внизу, стоялъ онъ, поодаль отъ
отца, который разговаривалъ съ докторомъ. Онъ опи-
рался на саблю, и опять смотрѣлъ — на нее! Лице
его было выразительно и такъ полно чувства.....

На слѣдующій день вече онъ, Катя разливала чай;
отецъ въ другой комнатѣ говорилъ съ гостемъ, какъ
вдругъ Катя услышала его голосъ. Онъ былъ уже въ
гостиной. Ну, какъ тутъ было не влюбиться, хоть бы
и не провинціалкѣ! Правда, онъ былъ графъ, богатъ,
знатенъ: но чтѣ ей было до этого! она тогда лишь
вспомнила объ этомъ, когда однажды вечеромъ, въ
кратковременное отсутствіе отца, наклонилась къ
горшку съ резедою чтобъ вдохнуть въ себя запахъ
цвѣтка, — и онъ наклонился также, — и наклонился
такъ близко, такъ близко..... Совѣсть сказала ей по-
слѣ, что онъ какъ-будто поцѣловалъ ее, и что онъ
графъ. «Онъ не женихъ тебѣ!» сказала совѣсть. А
Катя отвѣчала совѣсти: «Нужды нѣтъ! я умру какъ
Луиза для своего Фердинанда.» Бѣда, когда провин-
ціалки гитають Шиллера! Не доведетъ онъ до добра.

Теперь, какъ мы видѣли, она была уже съ нимъ въ
саду, но только въ первый разъ. О, навѣрное, въ пер-
вый разъ! Первая любовь, какъ первые шаги дитяти

робка и медлительна. Во второй любви дѣло пошло бы гораздо скорѣе. Къ счастью Катя, такъ случилось, что и онъ тоже любилъ въ первый разъ!

Онъ вообщемъ не зналъ свѣта, и до того времени жилъ только мечтами. Въ невѣжествѣ сердца, онъ еще не понималъ, что въ его состояніи, при его титулѣ, женитьба не есть необходимое слѣдствіе любви. Едва влюбившись, онъ какъ студентъ пошелъ просить согласія отца, и, разумѣется, получилъ отказъ. Но препятствія не устрашаютъ неопытныхъ: онъ уговорилъ свою милую прійти на свиданіе и убѣждалъ ее бѣжать.

— О никогда, никогда! вскрикнула она. Мнѣ ли оставить батюшку! мнѣ ли огорчить его!

— Но батюшка твой любитъ тебя? Онъ не одобрилъ бы побѣга, но онъ проститъ; для него твое счастье дороже всего.

— А наутро, когда онъ прійдетъ въ мою комнату я не найду меня? Когда узнаетъ, что я бѣжала, оставила его, покрыла его стыдомъ?..... О нѣтъ, нѣтъ! Онъ не перенесетъ этого.

— Такъ я долженъ ухватить одну? сказала Мстиславъ, опуская ея руку. И это любовь? это любовь?...

Она плакала.

— Нѣтъ, ты не оставишь меня, Катя! это невозможно! Матушка твоя съ небесъ слышала обѣты наши: она благословила насъ: ты — мол, Катя; ты не захочешь смерти моей. Я не вынесу твоего отказа! Пусть отецъ не прощаетъ меня; мы будемъ жить въ бѣдности далеко отъ свѣта: что до него тому, кто счастливъ. Рѣшись, Катя!..... Посмотри, на востокъ уже свѣтаетъ; намъ остается немного времени..... Ты ѣдешь со мною, ты ѣдешь? не правда ли?

Онъ обнялъ ее, но едва возвратившіяся силы вдругъ его оставили. Голова его упала на грудь; блѣдность

покрыла щеки; онъ склонился на ея колѣни безъ чувствъ, почти безъ жизни.

Въ ужасъ, въ отчаяніи, она призывала на помощь небо; призвала бы всю природу и самаго стараго графа, если бы увидѣла его.

Что удивительнаго, если она врявѣтствовала возвращеніе его къ жизни словами: «Я ѣду»!

На другой день Амичевъ возвратился домой позднѣе обыкновеннаго. — «Вы что-то печальны, батюшка?» спросила Катя, смотря ему въ глаза съ безпокойствомъ. — Ничего; я былъ у графа», отвѣчалъ онъ отрывисто: онъ проводилъ сына. — «И..... графъ печалень?» — Да; онъ единственный сынъ его. — Амичевъ вздохнулъ изъ глубины души. — Тяжело, Катя, разставаться съ единственною надеждою жизни нашей. — Старикъ ходилъ по комнатѣ: видно было, что душа его глубоко тронута сценою, которой онъ былъ свидѣтелемъ. — Что, если бы мнѣ пришлось разстаться съ тобою, моя Катя! продолжалъ онъ, подойдя къ дочери, и прижалъ ея головку къ своей груди: не скоро отучалъ бы сердце отъ твоего присутствія. Ахъ, дѣти, дѣти, если бы вы знали, какъ вы дороги намъ, особенно на старости, когда уже не смѣемъ считать жизни даже и годами! — Слеза блеснула на рѣсницы Амичева: онъ сѣлъ у окна и посадилъ возлѣ себя Катю. Между-тѣмъ ночь темпѣла; въ городѣ все стихло; но, въ полѣ, за огородами, тихо пробирался человекъ верхомъ, ведя въ поводу другую лошадь. Конь, какъ бы поймавъ желаніе всадника, ступалъ бережно по зеленому лугу. Всадникъ остановился на берегу пруда, оглянувшись, соскочилъ съ лошади и повелъ обѣихъ лошадей берегомъ, къ забору саду, котораго кудрявыя вершины рисовались черной тѣнью въ покойныхъ водахъ. Остановясь у калитки, онъ привязалъ лошадей и сталъ прислушиваться; въ каждомъ его движеніи отражалось нетерпѣливое ожиданіе. Онъ то

взбирался на заборъ и смотрѣлъ въ глубь саду, то бросался къ лошадямъ при мѣлвѣйшемъ ихъ движеніи, то шелъ скорыми шагами по берегу и внезапно останавливался, когда шумъ его шаговъ будилъ сторожеваго гуся, который, стоя на одной ногѣ, дремалъ надъ своей желтобокою семьею. Ужъ и мѣсяцъ сталъ такъ высоко, что лучъ его зайгралъ въ темномъ зеркалѣ пруда. Ужъ и церковные часы пробили половину перваго. Это было условленнымъ знакомъ. «Если въ это время меня не будетъ у пруда, сказала Катя Метиславу, прійди къ моему балкону посмотрѣть, не отецъ ли задержалъ меня, не увидишь ли движенія въ дождь.» Метиславъ стоялъ подъ балкономъ. Но въ окнахъ было темно, и дверь на балконъ отворена. Бѣлая тѣнь показалась на порогѣ: она нерѣшительно приблизилась къ периламъ, махнула рукой и скрылась. Что-то упало къ ногамъ Метислава; онъ наклонился. «Это записка! И золотое кольцо, привязанное къ камешку! Что это значитъ? Неужели она изменила своему слову?..... Она не выйдетъ! Въ противномъ случаѣ, зачѣмъ бы ей писать?» Дверь затворилась. Но Метиславу казалось, какъ-будто что-то бѣлое прилепилось къ стеклу окна на правой сторонѣ балкона. Нѣтъ, это отблескъ мѣсяца. Черезъ нѣсколько минутъ облако пыли несло уже на большой дорогѣ и означало слѣдъ всадника. Колеска Метислава стояла верстахъ въ шести отъ города, на краю деревни, противъ небольшого постоялаго двора. Когда онъ прискакалъ къ ней, было уже довольно свѣтло. Пока ямщикъ взнуздывалъ лошадей, онъ сорвалъ печать съ записки и сталъ читать. «Прости, Метиславъ!» писала Катя. «Это невозможно! О, не подумай, чтобы я мало любила тебя! Нѣтъ, нѣтъ: Богъ видитъ сердце мое; можетъ-быть я не вынесу разлуки съ тобою; но я немогу, не должна, оставлять батюшки. Я была бы недостойна тебя, твоей любви, если бь покинула чест-

«паго и добраго отда, человекъ преклонныхъ лѣтъ, ко-
 «торый бы умеръ съ горести послѣ моего побѣга. Онъ
 «сказалъ мнѣ сегодня, что не могъ бы жить безъ
 «меня! Мстиславъ! если ты человекъ благородный,
 «то поймешь мой долгъ, — священный долгъ, — и мое
 «отчаяніе! Я лишаюсь блаженства быть съ тобою,
 «лишаюсь сладчайшихъ надеждъ, жизни, всего; но я
 «не въ правѣ лишать счастья и жизни единственнаго
 «моего благодѣтеля, и приношу себя въ жертву обя-
 «занности. Мой узелъ готовъ: для тебя, для тебя,
 «мой другъ, я уже готова была сдѣлаться отцеубій-
 «цею..... но рука дрогнула! Ангелъ Божій удержалъ
 «ее: преклонимъ, другъ мой, колѣни передъ голосомъ
 «неба..... Не могу писать болѣе. Отчаяніе овладѣ-
 «ваетъ мною. Чувствую, ахъ! чувствую, что я люблю
 «тебя болѣе нежели какъ должна; что я навсегда
 «буду несчастна..... что я умѣла бы забыть для те-
 «бя все, презрѣть все, отдѣлиться отъ всего свѣта.....
 «Прощай, Мстиславъ! я боюсь, чтобы еще и въ эту
 «минуту любовь не привела меня къ преступленію;
 «чтобы вся моя рѣшимость не исчезла передъ твоимъ
 «млымъ образомъ. Прощай! Пройдутъ годы, я все
 «буду плакать, любить и ждать тебя. Если счастье
 «невозможно здѣсь, тамъ найдемъ мы его. Богъ на-
 «градитъ насъ за честный поступокъ. Мои молитвы
 «будутъ охранять тебя въ опасностяхъ. Будь счаст-
 «ливъ! будь славецъ! При каждомъ твоёмъ подвигѣ,
 «забьется здѣсь сердце полное любви и преданности
 «къ тебѣ. Не удайся отсюда съ чувствомъ неприязни!
 «Дай мнѣ знакъ, что сердце твое прощаетъ мнѣ, оставь
 «мнѣ цвѣтокъ, засохшую вѣтку; скажи мнѣ, что ты
 «еще любишь вою К. А.»

Мстиславъ съ восторгомъ поцѣловалъ письмо, отеръ слезы и ухмыль.

Катя, какъ-будто желая загладить свое преступное намѣреніе, удвоила пѣжныя попеченія свои о доб-

ромъ отцъ. Жизнь ея снова потекла тихо, однообразно, но потекла такъ какъ текутъ глубокіе ручьи съ двоимъ, усыяннымъ острыми скалами; ручьи, которыхъ поверхность спокойна и гладка, между-тѣмъ какъ на днѣ воды кипятъ, раздробляясь о камни. Ничто не перемѣнилось для нея по наружности: она такъ же работала за пальцами, такъ же ходила объ руку съ отцемъ въ поле, такъ же слушала его рассказы, иногда думая совсѣмъ о другомъ, всегда ласковая, всегда внимательная къ старіику; и такъ же рисовала узоы для Вѣры Максимовны, и такъ же прятала остатки обѣда для бѣдныхъ. Но она уже не пѣла больше веселымъ жапо онкомъ; задумчиво сядя на баяконъ по утрамъ и при вечерней зарѣ, она смотрѣла въ поле и спрашивала облака, не видали ли они милаго предмета всѣхъ думъ ея. И часто казалось ей, что шмолетное облако несло ей привѣтъ отъ друга: тогда она съ восторгомъ любовалась на него до-тѣхъ-поръ, пока прихотливый вѣтеръ, азносилъ его по синему небу. По цѣлымъ часамъ просиживала она на берегу пруда, гдѣ нѣкогда гуляла съ Мстиславомъ: тамъ брошенный цвѣтокъ становился ея оракуломъ. Доплывала ли онъ до назначенной цѣли, она весело смотрѣла въ небо складывала руки на груди и говорила: «Возвратится!» Носилъ ли вѣтеръ въ другую сторону листокъ, она вздыхала, и потомъ долго плакала подъ окномъ.

Такъ летѣли дни. Война кончилась; ополченіе возвратилось, начались отпуски, то въ то семейство, то въ другое пріѣдетъ гость: къ ней никто не пріѣзжаетъ!..... Напрасно смотреть она вдаль, напрасно сердце бьется при звукѣ каждаго колокольчика: никого нѣтъ! Розы поблекли на щекахъ. Она худѣла и сохла. Старушка няня говорила: «Это съ глазу!» Когда Катя, въ глубокой задумчивости, сложила руки на колѣняхъ, сидѣла вечеромъ на постели и ея темно-

русая коса разсыпалась кольцами по бѣлымъ плечамъ, старушка печально смотрѣла на нее, потомъ робко подходила и начинала уговаривать: «Умойся, матушка! Дай-ка съ уголька, Господи, благослови! Все пройдетъ, Матерь Божія! Видишь, какая причина! Не спросту, дитя, не спросту!» Но Катя всегда откладывала операцию до завтра. Къ ней являлись женихи; окрестные помѣщики, молодые чиновники, богатые купцы засылали свахъ: одинъ отвѣтъ — «Батюшка, я не хочу замужъ!» Старикъ вздыхалъ и качалъ головою. Можетъ-быть, Амичевъ и подозрѣвалъ причину грусти Кати; но онъ молчалъ. Докторъ утверждалъ, что она больна, и давалъ лекарства. Но Вѣра Максимовна возражала: «*Декохты* не помогутъ! Не залетать бы высоко!» Старикъ видѣлъ все и не могъ скрывать своего безпокойства. Когда Катя говорила — «Я здорова, батюшка!», слеза навертывалась на глазахъ казначея, онъ начиналъ пасивствовать — *У Троицы у Сергія*, и ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, сложа руки за спиною. Катя упрекала себя въ его грусти, прибѣгала, обнимала его; но все было напрасно: онъ замѣчалъ тоску въ ея глазахъ, и веселость безвозвратно покинула тихій кровъ стараго чиновника.

Въ городѣ много толковали о видпмой переменѣ Кати; недобрые лзыки и записки выдумывали причины. Но защитницею Кати была одна пожилая дѣвушка, помѣщица довольно значительнаго имѣнія верстахъ въ двадцати отъ города. Надежда Карповна, въ обществѣ, была то же, что полипы, амфибии и обезьяны въ животномъ царствѣ, гдѣ они составляютъ переходъ изъ одного класса существъ къ другому, не принадлежа сами ни къ одному изъ этихъ классовъ. По рожденію, по родству и связямъ, она могла бы числиться въ высшемъ обществѣ, но по воспитанію, по образу жизни и мыслей, ее следовало отнести къ среднему проищіяльному. Она и ея

сестра были сироты съ дѣтскихъ лѣтъ, и сироты богатая. Холодность или разсудительность были причиною, что она не вышла замужъ; но Надежда Карповна не скучала своимъ одиночествомъ: она всю жизнь ссорилась съ Харитонычемъ, своимъ прикащикомъ, котораго, какъ ей казалось, держала она въ струнѣ, между-тѣмъ какъ Харитонычъ кланялся, говорилъ безпрестанно «Слушаю-съ, слушаю-съ!», и обиралъ безсовѣстно. Впрочемъ, она была не сердита и не любила сплетней; даже имѣла прекрасное сердце: доказательство того, что она любила мою Кятю. Сестра ея вышла за Ильменева, молодаго генерала, который получилъ тысячу душъ отъ покойнаго Императора Павла, но не долго съ нимъ жила. Надежда Карповна, послѣ смерти сестры, по изустной ея просьбѣ, оставила имѣніе зятю, не думая даже, что поступаетъ чрезвычайно великодушно. Напротивъ того, она волагала, что этимъ дѣлаетъ зло подьячимъ, и откупать имъ за все свои обиды. «Пить, батюшки, не стану дѣлиться съ зятемъ, сказала она: не хочу! Какъ скоро приступимъ къ раздѣлу, тутъ-то подьячіе и пріймутся кроить, рѣзать да обрѣзывать участки, и все имѣнье останется въ ихъ рукахъ. Пусть же лучше пользуется имъ зять, а не эта сарапча!» Столько же какъ подьячныхъ, она не любила и мужчинъ; она ихъ презирала. Впрочемъ, и не стоило хлопотать о дѣлехъ сестринаго имѣнія: ей и такъ было хорошо! У нея были къ чаю густыя сливки съ румяными пенками, къ завтраку ватрушки, сладыя, пухлыя, — такъ и разсыпаются, — ветчина домашняя — объѣденье, а лѣтомъ къ обѣду — что за ботвинья съ свяжепросольной осетриной! что за уха пѣзъ стерлядей! И притомъ она вела жизнь очень дѣятельную. Вся до одной горничная занята обправьемъ и чищеньемъ лодокъ; сама она съ ключницею Акулиною, сверстницею и повзрѣнней своей, варить варенье на двухъ жаровняхъ, а

молодыя дѣвки машутъ березовыми вѣтвями, навѣвая на нихъ прохладу и отгоняя мухъ, привлекаемыхъ запахомъ лакомства. Харитонычъ каждый годъ отвозилъ, отъ имени Надежды Карповны, по нѣскольку банокъ исправницѣ и доктору, «своихъ-де трудовъ», и весь уѣздъ не могъ нахвалиться постылачн и вареньями Надежды Карповны. Скажите, не счастье ли это? Тутъ есть и слава, и сладостныя ощущенія, и занятіе; а главное — нѣтъ скуки! Прибавьте еще одну важную черту къ полной картинѣ этого блаженства: старая дѣва никогда ничего не читала; никогда даже не мечтала, развѣ въ страстную недѣлю о сдобныхъ куличахъ. Любимымъ ея развлеченіемъ былъ пасіансъ, первую отрадою — лежать въ полдень на диванѣ, между-тѣмъ какъ горничныя лѣтомъ машутъ надъ ней березками, а зимою трутъ ноги, и карлица сказываетъ сказки. Однако жъ Надежда Карповна не чужда была страстей, и главную страсть ея составляли хорошенькія лица: горничныя ея все были красавицы, между-тѣмъ какъ она сама служила имъ полною противоположностью. Вотъ почему и прекрасная казначейская дочка давно уже обратила на себя вниманіе Надежды Карповны: она любила ее всю душою; защищала отъ всехъ навѣтовъ и не хотѣла вѣрить, чтобъ Катя была влюблена въ графа: Надежда Карповна слишкомъ уважала Катиньку за ея красоту, и она не въ состояніи даже была предполагать, чтобы такая хорошенькая дѣвушка могла влюбиться — *въ мужчину!* Она надѣялась, что ея Катя дотога благородна, что будетъ всю жизнь помогать ей варить варенья, съ полнымъ презрѣніемъ къ «поганому полу».

Въ одинъ осенній вечеръ, нѣсколько человѣкъ гостей собралось у Вѣры Максимовны. Надежда Карповна, Амичевъ съ дочерью, и еще одна дама, недавно пріѣхавшая изъ Москвы, были тутъ. На одномъ изъ боковыхъ столовъ играли въ бостонъ; средний, пе-

редь большимъ диваномъ, уставленъ былъ множествомъ блюдечекъ съ вареньями, орѣхами и пастилами. Вѣра Максимовна взяла чулокъ, чего не позволяли бы себѣ другія хозяйки, но гости ея были изъ короткихъ. Изъ столовой слышался громкій смѣхъ дѣвицъ, которыхъ бѣлыя платья мелькали часто въ отворенную дверь. Докторъ съ Амичевымъ ходили взадъ и впередъ по холсту, разложенному отъ одной двери до другой.

Въ благородномъ и воспитанномъ кругу, взаимная вѣжливость собесѣдниковъ старается доставить каждому изъ нихъ средство явиться въ самомъ выгодномъ свѣтѣ для себя и своего ума. Это наблюдалось и въ высшемъ кругу уезднаго города. Разговоръ дамъ начался разборомъ сравнительныхъ достоинствъ разныхъ сортовъ вареній: здѣсь, по праву, блистала Надежда Карповна. Потомъ перешелъ къ зубной боли: здѣсь была случай выказать свои превосходства Вѣра Максимовна. Наконецъ коснулся Московскихъ модъ: здѣсь познанія Варвары Петровны засіяли такъ лучезарно, что всѣ дѣвицы сбѣжались въ гостиную. Но изъ панительныхъ описаній Варвары Петровны выходило, что новый чепчикъ Вѣры Максимовны долженъ быть отнесенъ къ модамъ, оставленнымъ еще за семь лѣтъ. Вѣра Максимовна, въ досадѣ, сочла необходимымъ скорѣе пережвигнуть разговоръ.

— Вотъ, скажите намъ лучше, не выдали ль вы старинныхъ вашихъ знакомыхъ въ Москвѣ, Варвара Петровна!

— Я была въ первый разъ въ Москвѣ-съ и не успѣла разглядѣть хорошенько всѣхъ лицъ. Однако, позвольте: точно; я встрѣтила одного стараго знакомаго.....

— Кого же?

Подозрѣваютъ, что Вѣра Максимовна напередъ знала отвѣтъ.

— Графа Мстислава Валерьяновича, который, помните, лечился здесь.

— А!..... Ну что, перемѣнился онъ?

— Очень-съ. Такъ сталъ хорошъ! Съ усами-съ!..... Къ нему такъ вдутъ усы! Онъ очень возмужалъ; совсѣмъ другой; прелесть!

— А онъ узналъ васъ?

— Э, гдѣ же-съ!..... Я видѣла его только въ театрѣ; онъ былъ въ ложѣ противъ кзсъ. Я была въ первомъ же ярусѣ. Онъ былъ съ дамами.

— Вотъ чтò!..... Не женился ли онъ?

— О нѣтъ! (Катя отдохнула.) Онъ и не думаетъ жениться. Отецъ его умеръ, онъ совершенно свободенъ, богатъ: только, говорятъ, позадолжалъ, сорить деньгами; карета не карета, мундиръ не мундиръ. Дамы его на рукахъ носятъ-съ!

— Такъ гдѣ же ему вспомнить насъ, провинціалокъ!

— Я видѣла его съ какой-то прекрасной дамой: онъ сидѣлъ подлѣ ея; нѣтъ-съ, позади ея; и такъ близко наклонился къ ея плечу, что совѣстно сказать. А она всё оборачивалась къ нему; и какъ обернется, то локонь ея почти бьютъ его по лицу. Ну, если бъ это было у насъ, чего бы не наговорили!..... Этакое отличное обращеніе въ Москвѣ! Это рай, Москва. Ни пересудовъ, ни сплетней; свобода; дѣлай, чтò хочешь; и не думаютъ замѣчать каждаго вашего шагу. Здѣсь, выйдешь со двора, всякой знаетъ, гдѣ была..... ну весь городъ! А тамъ, — цѣлый день ѣдишь, никто и не спросить и не подумаетъ ничего. Ахъ!.....

— Ахъ!..... Ну, а театрѣ, Варвара Петровна, чудо! сказала старшая дочь Вѣры Максимовны, пожирая глазами уста разскащицы.

— Ахъ!..... Мочаловъ-съ!

— Ахъ!..... годъ жизни отдала бы, чтобъ видѣть его.

— Ты всегда вздоръ говоришь , Аннушка ! сказала дочери Вѣра Максимовна . Ты , кажется , по всему можешь издѣяться видѣть его .

— Ахъ , маменька !

— Ну , такъ графъ тамъ съ прекрасными дамами !..... и не думаетъ !.....

— Въ эту минуту Иванъ Алексѣевичъ , который уже нѣсколько минутъ тихо разговаривалъ съ Надеждою Карповною , облокотясь на спинку ея кресель , подозвалъ Катю , и всѣ вместе отошли къ окну . Катя поспѣшно оставила руку Аннушки , чтобы избавиться этой пытки .

— Катя , сказала Амичевъ : Надежда Карповна по дѣламъ своимъ отправляется на дняхъ въ Москву ; она предлагаетъ тебѣ ѣхать вмѣстѣ .

— Но , батюшка , я не знаю.....

— Я буду очень рада , Катерина Ивановна .

— Для твоего здоровья , Катя , я желалъ бы , чтобы ты поѣхала .

— Какъ же оставить васъ , батюшка ! Я право , со-всѣмъ.....

— Здорова?..... Я знаю это . Но я прошу тебя , чтобы ты поѣхала , для моего спокойствія , Катя , для меня . Ты поговоришь тамъ съ докторами , разсѣешься..... Я этого желаю .

Этого слова было достаточно для послушной Кати . Надежда Карповна была въ восхищеніи : она предполагала взять сперва свою прекрасную любимицу къ себѣ въ деревню и при помощи Акулины торжественно посвятить ее въ таинства изготавленія вареньевъ , безъ которыхъ , по мнѣнію Надежды Карповны , в кзкъ древніе говорили о таинствахъ Элевсинскихъ , жизнь не стоить названія жизни ; потомъ поѣхать съ ней въ Москву , чтобы показать ей все ничтожество этого міра и закалить въ презрѣніи къ мужчинамъ ; но преж-

де всего она сообщила свою радость обществу. Вѣра Максимовна слегка покраснѣла и закусила губы.

— Вы увидите тамъ вашего знакомца, Катерина Ивановна. Графъ тамъ.

— Гдѣ же мнѣ встрѣтить его въ большомъ го о.ѣ !

— Ахъ , матушка , онъ былъ такъ коротокъ у васъ въ домѣ ! Ужъ вѣрно отыщеть васъ.

— Счастливица ! ты ѣдешь въ Москву !..... Счастливица ! кричали дѣвушки , можетъ-быть не безъ зависти.

Рѣшено ! Въ домѣ Надежды Карповны начались хлопоты. Всѣ горничныя, повара, мастеровые, въ работѣ; изъ сарая вывезена бабушкина дорожная карета ; ее чинять, чистать ; готовить шубы , одѣвають лакеевъ. Надежда Карповна приказываетъ приготовить на дорогу цѣлый грузъ пироговъ, жареныхъ куръ и варенья. Съ нами ѣдетъ чужая барышня : знаешь , Акулина , эта хорошенькая ? Пожалуйста, побольше намъ сухихъ вишенъ. Путь не ближній : шутка ли, слишкомъ пять сотъ верстъ !» Къ сожалѣнію Надежды Карповны, Катя не могла присутствовать при занимательномъ производствѣ сушенія вишенъ. Ей было грустно разстаться съ отцемъ. И что ждать ее въ Москва ? Увидитъ ли она его ? Любитъ ли онъ еще ?..... Прошло пять лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ они разстались ; Катя ничего объ немъ не слыхала ; онъ не писалъ къ ней ни разу : но онъ и не могъ писать ! Нѣтъ , онъ не забылъ ея ! Она не извѣнилась, она любитъ его по-прежнему : по чему жъ бы и ему не сохранить чувства, которое составляло его счастье ? Да ; онъ еще любитъ ее ! При всемъ томъ , ея увѣренность сопровождалась нѣкоторою грустью : сомнѣніе противъ воли закрадывалось въ душу ея. Ахъ , ей было уже не пятнадцать лѣтъ !
Время — врагъ довѣрчивости

Наконецъ онъ уѣхалъ. Надежда Карповна отправлялась въ Москву, надѣясь встрѣтиться тамъ съ зятемъ,

генераломъ Ильменевымъ, который возвращался пзъ за границы съ послѣдними Русскими войсками, покрытый лаврами и сѣдинами. Какое впечатлѣніе произвела на двухъ провинціалокъ столица? На этотъ вопросъ я не могу отвѣчать удовлетворительно; знаю только, что Надежда Карповна, несмотря на свое равнодушіе къ нарядамъ и презрѣніе къ мужчинамъ, разтала отъ восторга на Кузнецкомъ Мосту и купила пунсовый беретъ. А Катя, задумчивая Катя, вошедши въ Англійскій магазинъ, впервые забыла шести-лѣтнюю грусть сеюю. Не видѣла ли она Мстислава? О, это я знаю навѣрное! Видѣла: но какъ?....

Въ Большомъ Театрѣ давали новую оперу «Россиа», и вся Москва стекалась послушать заранѣй прославленной музыки. Надежда Карповна также взяла ложд и отправилась въ своей дорожной каретѣ и на своихъ лошадахъ. Съ нею была Катя и кузина съ двумя взрослыми дочерьми. Надежда Карповна уговорила еще другую кузину дать какъ-можно болѣе дочерей. Съ этимъ грузомъ благополучно прибыла она въ театръ, и заняла ложду, которая превратилась въ настоящій пакгаузъ зрительницъ. Украшенная своимъ пунсовымъ беретомъ, Надежда Карповна начала методически наслаждаться, удивляясь каждому предмету порознь, потому что она приняла благовременно намѣреніе испить удовольствія на полныхъ двадцать пять рублей, заплаченныхъ за ложду. Между-тѣмъ тщетно Катя обѣгала безпокойнымъ взоромъ ряды ложъ и кресель: тамъ эполеты, тамъ бѣлый султанъ, тамъ бобровый воротникъ; вотъ, кажется, темные полосы, кудрявые..... бѣлый высокій лобъ..... Петръ, нѣтъ, не онъ! Вотъ его талія: обернулся: Боже! опять не онъ.... Что можетъ быть тяжелѣе обманутаго ожиданія! Но вотъ спектакль кончился; на лѣстницахъ, по коридорамъ зашумѣла толпа: султаны, шляпки, шинели, плащи, запестрѣли въ сѣняхъ; говоръ, смѣхъ, шумъ

шаговъ , звонъ шпоръ ; около стѣпъ , по ступенямъ , собираются группами знакомые , критикуютъ актеровъ , восхищаются музыкою ; между-тѣмъ какъ громкій голосъ жандарма раздается на подъездѣ , и по временамъ , двѣ , три дамы разсѣкаютъ толпу , спѣша къ дверямъ . Въ это время наши провинціалки стояли прижавшись къ стѣпъ , возлв самыхъ дверей , и Надежда Карповна , не видя своей кареты , съ безпокойствомъ бросалась отъ стекла къ стеклу , и кричала — « Ваньку ! — Зовите моего Ваньку ! » , — такъ громко , что обратила на себя всеобщее вниманіе . Встревоженная Катя уговаривала ее , просила и краснѣла какъ роза . Нѣсколько молодыхъ людей , которыхъ любопытство возбуждено было деспотическою нетерпимостью уздой барыни , столпились около нихъ съ лорнетами и насмѣшками . Вдругъ , изъ этой группы , знакомый голосъ поразилъ слухъ Кати . Она обернулась , и увидѣла между ними одного офицера..... Это онъ ! Онъ ! Глаза не обманываютъ ея !..... Она забыла Надежду Карповну , ея шумныя распоряженія , все , и устремила свои прекрасные , полные огня , взоры на Мстислава . Онъ увидитъ , подойдетъ..... Ахъ , любить ли онъ ее еще ? Но онъ оставилъ группу , и подошелъ къ какимъ-то дамамъ . Съ какою привѣтливою улыбкою раскланивается онъ съ ними ! А онъ..... Особенно одна , какъ ласково смотритъ она на него ! Какъ черные глаза ея блестятъ удонольствіемъ..... Сжалось сердце Кати . Незнакомка хороша ; черный соболь прекрасно отъбѣляетъ бѣлизну ея лица ; она говорить съ Мстиславомъ такъ непринужденно . Но вотъ она порхнула въ дверь , и увхала . Мстиславъ опять возвращается къ группѣ любопытныхъ провинціалокъ , которыхъ онъ для ней оставилъ . Онъ подходитъ , разсѣянно смотритъ въ двойной лорнетъ ; взоръ его останавливается на ней . Боже мой , онъ идетъ къ Кати ! Все забыто ! О , мой Мстиславъ !.....

— Какъ! вы здѣсь? сказалъ онъ, кланяясь ей учтиво. Я васъ совсѣмъ-было не узналъ. Вы такъ выросли, похорошѣли, Катерина Ивановна!

— Мы давно не видались, графъ.

— Право, вы удивительно переѣнились въ вашу пользу. Какъ я радъ васъ видѣть! Мы разстались почти дѣтьми. Знаете ли, что я очень часто вспоминаю старину?..... Ну, скажите, какъ нашъ почтенный бытюшка?

Катя стояла какъ окаменѣлая.

— Онъ..... Здоровъ..... Графъ.

— Я помню вашъ маленькій садикъ..... О, не красуйте же! Мы, право, были дѣти. Вѣдь мы останемся друзьями, не правда ли?..... Ба! да я и забылъ спросить васъ, не замужемъ ли вы?

— Почти, графъ.

— Право! Поздравляю. Скажите же имя жениха.

— Это еще тайна.

— Смотрите же, не забудьте позвать на свадьбу стариннаго друга.

Надежда Карловна права. Ужасный полъ! Катя съ изумленіемъ смотрѣла на Мстислава, и не хотѣла вѣрить ушамъ своимъ. Ей казалось все это тяжелымъ сномъ, ей хотѣлось убѣдить себя, что это было дѣйствительно сонъ. О, какъ ей было жаль своей печальной неизвѣстности, своей мечты, которою питалась она втеченіи шести лѣтъ! Она готова была протянуть къ нему руку, и спросить: «Мстиславъ! вѣдь это все шутка? Ты любишь меня!» Она устремила на него взоръ любви и ожиданія. Но нѣтъ, нѣтъ, лице его оставалось спокойнымъ, глаза не воспламенялись, черты были Мстислава, но души его въ нихъ не было; бездушный мраморъ, въ которомъ любовь напрасно искала отвѣта. Онъ говорилъ небрежно, шутилъ, и тѣни прежняго не было въ душѣ его; и если память сохраняла еще въ некоторое воспоминаніе, то оно слу-

жило только предметомъ насмѣшки. Къ счастью, жандармъ закричалъ — «Карета Горинной!» Надежда Карповна бросилась со всѣхъ ногъ. Катя побѣжала за нею и первая вскочила въ карету. Нагрузка экипажа Надежды Карповны продолжалась цѣлыхъ десять минутъ: между-тѣмъ какъ въ него безконечно набивали дѣвцъ, дѣвочекъ, дѣтей, Катя сидѣла въ углу, почти безъ чувствъ; сердце чуть не разорвалось въ ея взволнованной груди; она ничего не видѣла и не помнила.

А между-тѣмъ Надежда Карповна права!

О, для чего у насъ сердца больше чѣмъ рассудка!
Для чего страсти говорить громче чѣмъ благоразуміе!
Бѣдная, бѣдная Катя!.....

Я не стану рассказывать, сколько она страдала, сколько плакала, какіе дѣлала объѣты. Добрая Надежда Карповна, замѣтивъ ея глубокую печаль, которую она приписывала разлукѣ съ отцомъ, рѣшилась доставить ей нѣсколько развлеченія, и уговорила свою кузину съезди на нѣкоторые вечера и на балъ Дворянскаго Собранія. Красота Кати сдѣлала впечатлѣніе. Соблюдая во всемъ историческую точность, я должна также упомянуть объ одномъ почти невѣроятномъ обстоятельстве: старая дѣва, врагъ закоренѣлый всего мужескаго, однимъ словомъ Надежда Карповна, — кто бы это подумалъ! — испытала глетторное вліяніе столицы на чистоту нравовъ! Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ослабѣвало ея непреодолимое отвращеніе къ мужчинамъ. Система ея, — замѣщенія, въ счастіи женщины, мужа вареньями, — поколебалась въ главныхъ своихъ основаніяхъ, до того, что сама она вознигла мысль выдать свою любимицу, свою чистую Катю, замужъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго разговора, который я привожу въ подлинникъ.

Надежда Карповна сидѣла поутру за чайнымъ сто-

ликомъ, и, наливая въ чашку съ чаемъ сливки изъ медной кастрюлочки, вымуженной какъ серебро ворчала, что въ Москвѣ, въ столицѣ, нѣтъ хорошихъ сливокъ. Въ это время Катя вошла совсѣмъ одѣтая.

— Ахъ, моя ранняя пташечка, вы уже совсѣмъ одѣты! Раненько! Это по-деревенски. Но что вы блѣдны, мое сокровище? Вы нездоровы? Что съ вами?

— Ничего, Надежда Карповна; мы вчера поздно приехали; я не выспалась.

— Эта жизнь никуда не годится! Всѣ балы да капиталюны! Въ цѣлой Москвѣ нельзя достать порядочныхъ сливокъ! Всю ночь вертятся, прости Господи! Гдѣ тутъ быть здоровой? Въ деревнѣ гораздо лучше.

— Я и право безъ сожалѣнія оставляю Москву.

Надежда Карповна подала Катю чашку чаю и сливокъ.

— И я тоже. Мнѣ здѣсь не житье. Какіе это сливки! Будто это сливки! Молоко, чуть ли не сырое. Возьмите хоть пенюкъ: онъ хорошо зарумянился. Не дождусь я здѣсь вашихъ сливокъ! Богъ знаетъ, что это такое!

Она снимала венки и клала въ Катину чашку.

— Москва вамъ не понравилась, мое сокровище?

— Нѣтъ, Надежда Карповна!

— И въ Москвѣ никто?

— Никто, Надежда Карповна.

— Жаль!..... Здѣсь сливки все испаннныя; картофельной муки подбавляютъ..... Жаль! Ну, какъ же быть?

— Да такъ быть, какъ были. Уѣдемъ въ деревню.

— Я, конечно, уѣду отсюда! Точно подмышничаютъ чего-то, мошенники!..... Но вамъ, право, лучше бы здѣсь остаться.

— Нѣтъ, я лучше поѣду съ вами въ Знаменское, варить съ вами варенье.

— Однако жъ, другъ мой, всю жизнь варить варенье

надоѣсть. Молодой двушкѣ не худо..... (она подаѣ знакъ лакею, который все это время стоялъ у дверей, чтобы онъ вышелъ)..... не худо..... Моя неогнѣная Катерина Ивановна, я хочу поговорить съ вами рѣшительно. Садитесь поближе ко мнѣ.

Катя равнодушно придвинула свой стулъ.

— Ахъ, если бѣ вы знали, какъ я васъ люблю! продолжала Надежда Карповна. Богъ видитъ!..... Но не въ томъ дѣло. Вчера вечеромъ былъ опять у меня братъ.....

Надежда Карповна остановилась, ожидая, что Катя, по обыкновенію, встанетъ и попроситъ ее не говорить о своемъ братѣ, и очень удивилась, видя, что она сидитъ спокойно и только легкая краска на одно мгновеніе покрывала ея щеки, блѣлая какъ мраморъ. Старушка продолжала:

— Я не рѣшилась сказать ему вашего отказа, это убило бы его. Подумайте еще, сокровище мое. Вы знаете, что я сама никогда не хотѣла выходить замужъ и что я мужчиноу, и всего ихъ пола, не жалею. Но за Ильменева, я думаю, всякой можно рѣшиться выйти: онъ почти по мужчина!..... Какой онъ мужчина! Совсѣмъ не похожъ на свою негодную братью. Право, онъ прекрасный человекъ! Не свѣтскій, не пустомеля, какъ здѣшніе молодые люди, молчаливъ, послушенъ, генералъ: покойница сестра была съ нимъ очень счастлива! Въ свѣтскости ли счастье, Катерина Ивановна! Съ мужемъ не въ гостиной вѣкъ проводить! А кто любезенъ въ гостиныхъ, тотъ не всегда мнѣ дома. Вы не влюблены въ него: тѣмъ лучше! Онъ въ васъ влюбленъ, вы будете изъ него дѣлать, что хотите. Такъ и надобно съ мужьями! Мужчиноу, другъ мой, никогда не должно любить больше чѣмъ они стоятъ; а они стоятъ очень мало. Притомъ же всякая любовь черезъ годъ проходитъ: такъ оно даже и не стоить влюбляться въ своего суженаго!.....

Ильменевъ будетъ добрый хозяинъ: это не бездѣлца..... Хозяйство! Любовь-то на часъ, а хозяйство на вѣкъ! А какъ онъ любить васъ, Боже мой!

— Катя поставила чашку. — И вы думаете, сказала она, что онъ..... точно любить меня?

— Конечно! какъ же иначе!..... Безъ памяти отъ васъ, мой другъ! Ужъ такъ любить, такъ любить!.....

— Вѣрю, Надежда Карповна. Скажите братцу вашему..... чтобъ онъ вѣхалъ къ батюшкѣ; я согласна.

Надежда Карповна съ душевнымъ восторгомъ обняла, прижала къ груди и разцѣловала Катю. Остальнаго не нужно рассказывать: вы знаете, что она впоследствии называлась Ильменевою; вы даже видѣли ее вдовою.

Вскорѣ по свадьбѣ Кати, графъ Мстиславъ уѣхалъ въ Италию. Видя ее замужемъ, и красавицей, и супругою сдѣлаго мужа, онъ хотѣлъ-было сблизиться съ нею и показывалъ видъ, какъ-будто прежняя страсть вспыхнула въ немъ съ новою силою. Онъ задумалъ представлять несчастнаго. Ильменева съ презрѣніемъ отвергла это притворство и не допустила его къ себѣ. Повѣрите ли, что эта неожиданная неудача воспламенила его сердце; что воспоминавія первой любви сдѣлались для него драгоценными, что онъ впрямду разсердился на Катю за то, что она вышла замужъ? Но таковы мужчины! Самолюбіе ихъ, въ отношеніяхъ къ женщинамъ, не знаетъ предѣловъ и далеко заходитъ за рубежъ снѣжнаго.

Онъ уѣхалъ, и мы видѣли его въ Римѣ. Мы оставили Мстислава римскаго, умиравшаго въ небольшой гостиницѣ въ Санъ-Лоренцо, то, окруженнаго почетомъ прекрасной Англичанки и молодаго своего товарища, въ которомъ вы конечно узнали Лаурету. По многому можно было предполагать, что онъ былъ жертвою подкуннаго кинжала вельможи, который не

хотѣлъ простить иностранцу покровительства, оказаннаго этой дѣвушкѣ, когда она ускользнула изъ когтей его. Какъ Русскій дворянинъ и какъ человекъ благородный, онъ не могъ не оказать ей защиты и оставить ее посреди большого города, въ Римѣ, гдѣ красота этой сироты подвергала ее опасности со стороны продажной души ея тетушки и со стороны того, кто приторговалъ любовью ея. Ктому жъ, онъ уже былъ не ребенокъ, довольно жилъ на свѣтѣ, много видѣлъ, когда-то любилъ, потомъ разлюбилъ, и теперь составилъ себѣ изъ воспоминаній этой любви родъ земнаго счастья. Между этими двумя эпохами своего сердца, онъ имѣлъ связи, нашелъ въ нихъ только много хлопотъ и мало счастья: онъ наскучилъ ему, какъ все, что манитъ, не исполняя обещанія, и онъ сталъ почти равнодушенъ къ женщинамъ, какъ бываютъ все молодые мужчины, которые кидаются на такъ-называемое земное счастье слишкомъ горячо и съ преувеличенными понятіями. Онъ еще не былъ холоденъ, но уже пересталъ вѣрить въ возможность этого счастья, и женщина любящая, преданная, сдѣлалась для него прекрасною аллегоріею, которая только напоминаетъ все подробности истины, но все-таки не истина. Лаурета не могла быть для него опасною; дитя, безъ образованія, безъ правилъ, конечно не ей заронитъ въ душу сильныя чувства! Она, какъ — все женщины, знакомки его сѣтительства, казалась ему перелетною птичкою, которая сегодня услаждаетъ слухъ, а завтра не отыщете и слѣдовъ ея.

Мстиславъ рѣшился довести свою пріемную дочку до перваго большого города, видѣвъ папскихъ владѣній и отдать въ пансіонъ, а тамъ, по возвращеніи въ отечество, кузны и тетушка пайдуть средства перевезти ее въ Россію и устроить ея счастье. Видите ли, все было придумано хорошо, нравственно, благотворно. Но кчему служить благотворіе съ черногла-

зьями дочерями Юга! Особенно, если онъ, какъ Лаурета, ходять за вами во время болѣзни, пекутся объ васъ во время выздоровленія, просиживаютъ подле излпей постели безсонныя ночи, и сокращаютъ веселой пѣсню скучный день. После этого, не удивляйтесь, если вы черезъ четыре года вдругъ увидите прекрасную Итальянку на Лиговкѣ, въ готическомъ кабинетѣ, и черноглазого мальчика, съ шоколаднымъ львомъ у ногъ ея. Право, въ моей повѣсти нѣтъ ничего неестественнаго, и съ этой стороны я не боюсь критики!

Въ то время какъ невѣрный другъ Кати боролся съ смертію въ бѣдной Итальянской гостиницѣ, Катя давно уже была замужемъ и слѣдуя въ точности мудрой философин Надежды Карповны, управляла своимъ генераломъ по своему главноначальническому благоусмотрѣнію, между тѣмъ какъ генералъ думалъ, что его дражайшая половина ни на волосъ не выходитъ изъ его воли и команды. Онъ, хорошо зная что такое военная субординація, и не понималъ существа въ субординаціи супружеской. Женщина не — бригада! Тамъ, вельмъ, и люди повинуются, безъ уврєніа въ готовности повиноваться; а здѣсь скамандуй — «Хочу!», и жена бросается на шею, — «Все что тебѣ угодно, мой ангелъ! твоя воля для меня законъ!»; и воля всё-таки не исполняется; черезъ часъ, эта воля непримѣтно измѣняется, беретъ другое направленіе, и опять находитъ ту же готовность къ повиновенію; еще часъ времени, и вотъ воля господина генерала уже хочетъ именно того, что правится госпожѣ генеральшѣ: тогда — небольшое сопротивленіе, и потомъ воля исполнена, а тетушки кричать: «Какая женщина! она живетъ единственно мужемъ! У нее нѣтъ своей воли!»

Домосвѣдъ, мелодикъ, тихаго нрава, — «почти не мужнина», какъ называла его Надежда Карповна,

Шльменевъ, проживъ нѣсколько времени въ столицѣ, для поправленія здоровья своей супруги, убѣдилъ ее отправиться за границу, на воды. Потомъ вздумало́сь ему посмотреть умъ человѣческой въ полномъ развитіи его дѣятельности, и они поехали въ Лондонъ: разувѣтся, что и тутъ Катя поехала смотреть умъ человѣческой только изъ *повиновенія*. Потомъ захотѣлъ онъ подышать полуденнымъ воздухомъ на берегахъ Средиземнаго Моря, и Катя, въ угожденіе мужу, прожила съ нимъ цѣлый годъ въ Неаполѣ; посещала оттуда Римъ, Палерму; недѣли три провела въ живописной Катанѣ, зиму въ Парижѣ, весну въ Вьнѣ: не было бы конца ея усупчивости, если бѣ наконецъ управитель ихъ вѣтнія не написалъ изъ Россіи, что ему уже не откуда доставать денегъ. Надобно было возвратиться въ отечество: Катя согласилась на это единственно изъ любви къ мужу. Смерть тихо воскинула его съ земли посреди золотыхъ сновъ, которыми лелѣли его любовь и добрая жена: онъ умеръ въ объятіяхъ ея, и послѣднею заботою его было — тѣ безъ него будетъ дѣлать бѣдная его Катя, она, которая до-тѣхъ-поръ не умѣла жить своей воли! Счастливый человекъ! Заблужденіе иногда не лучше ли истины!

Что касается до Мстислава, то онъ былъ тогда уже въ Петербургѣ и каждый день ѣздилъ на Анговку. Я не стану оправдывать его: онъ былъ виноватъ передъ обвини, передъ Лауретою и Катей. Онъ достоинъ всякаго осужденія: берите камень, — и тотъ, кто изъ васъ не грѣшенъ передъ Богомъ ни въ чемъ подобномъ, пусть первый вержетъ въ преступника!..... Прошло четыре года послѣ проществія на Большенской дорогѣ: она уже не носила мужского платья, не казалась мальчикомъ въ пятнадцать лѣтъ. Никогда еще нашъ свѣрь не видалъ искусительницы, такъ гибельно прекрасной, такъ оштроательно милой. Она

была достойна не только всего золота, но и всей любви Мстислава. Но заставляла ли она его забыть первую любовь и поверить возможности снова найти счастье? Нѣтъ! Онъ клялся, что любить ее всей душою, но сердце его было вылито изъ металла, который не иначе теряетъ однажды принятую форму, какъ будучи переделанъ: онъ любилъ не Катю, но свои прежнія мечты; сожалѣлъ не объ ней, но о прудикѣ, о той незабвенной ночи, о томъ мѣсяцѣ, который могъ быть свидѣтелемъ его блаженства и разсыпалъ свои серебряные лучи только на неопытность вонючка, робкаго, почтительнаго, неуязвимаго ползозаваться случаемъ. Таковы мужчины, и Надежда Карповна, какъ бы то ни было, совершенно права. Катя была только неразлучною тѣнью идеи этого прошедшаго. Между-тѣмъ онъ осыпалъ иногда горькими насмѣшками любовь и женщинъ, какъ Остякъ, который казнить своихъ идоловъ зато, что они не дали счастья, которых, какъ онъ полагаетъ, спрятано было вотъ въ этомъ капищѣ.

Съ нѣкотораго времени Лаурета особенно замѣчала перемену въ Мстиславѣ: онъ сталъ задумчивъ, разсѣянъ, холодно отвѣчалъ на любовь ея, и если иногда возвращался къ ней съ прежнею ласкою, то ласка казалась болѣе состраданіемъ чѣмъ любовію. Ей было жаль ея: не довольно ли этого для любви? Лаурета плакала, жаловалась. При первомъ словѣ ея, Мстиславъ бралъ шляпу и уходилъ. Она рѣшилась привлечь его веселостію; окружила его всею волшебствомъ любви; пѣла пѣсни гармонической Италіи; осыпала его привѣтами: онъ улыбался, благодарилъ взоромъ прекрасную Итальянку, и задумывался облокотясь на спинку кресла ея, такъ что Лаура переставала пить и смотрѣла на него долго и печально, а онъ и не замѣчалъ этого. Одно, что возвращало ей прежняго Мстислава и первые дни любви ихъ, это на-

ленькой Милій: съ нимъ Мстиславъ снова становился веселъ, смѣялся, игралъ, и, когда ребенокъ рвался, вырывался изъ рукъ его и пряталъ головку подъ мантилью Лауреты, онъ подходилъ къ ней, бралъ ребенка на руки и обнималъ вмѣстѣ сына и мать. Лаура склоняла голову на плечю его и тихо плакала. Ахъ, она не обманывалась! Она знала, что этотъ возирать къ пѣжности былъ на одинъ мигъ, какъ прекрасная погода осенью. Здоровье Лауреты разстроилось, розы пропали, скрытый огонь пожиралъ ея внутренность и светился во впалыхъ глазахъ; сонъ ее оставилъ; блѣдная какъ тѣнь, бродила она во комнатахъ, ждала невѣрнаго, но посѣщенія его становилась рѣже и рѣже. Пришла весна: Анджоллина, смотря съ состраданіемъ на блѣдную страдальницу, говорила съ улыбкою: «Вотъ теперь балы кончились, всѣ разъѣдутся; графъ будетъ прїѣзжать къ намъ чаще. Что дѣлать! онъ иногда и по-исволъ долженъ бывать въ свѣтъ!» Лаурета качала головою и молчала. Она понимала, что добрая Анджоллина старалась внушить надежды, которыхъ не раздавала сама. Съ нѣкотораго времени она выходила со двора одна, закрытая чернымъ вуалемъ; она терлась въ многолюдныхъ улицахъ, пробиралась до набережной, и тамъ садилась на гранитную скамью: взоръ ея печально блуждалъ по волнамъ величавой рѣки, или останавливался на блестящемъ шпигѣ Петропавловскаго собора, котораго ангель, освѣщенный послѣдними лучами солнца, блисталъ въ вышнихъ нагъ ирачной крѣпости. Часто, когда взоры ея задумчиво слѣдовали за экипажами, проезжающими мимо, вдоль набережной, или за пестрою толпою, мелькающею за рѣшеткою Лѣтлаго Саду, вдругъ знакомый стукъ колесъ заставлялъ трепетать ея сердце: легкая колясочка неслась мимо; Лаурета узнавала Мстислава, но онъ не замѣчалъ ея; онъ разговаривалъ съ товарищемъ или смотрѣлъ вдаль на стройный рядъ

зданій набережной. Простите мнѣ, что я занимаю васъ ея страданіями. Бѣдвалъ Лаурета! она не заслуживаетъ вашего презрительнаго взора единственно потому положенію, въ какое поставилъ ее случай. Она не была виновата своему положенію. Воспитанная какъ цѣтокъ, назначенный плѣнить нѣсколько времени взоръ своего владѣтеля, она однако жъ не хотѣла принадлежать разпутному человѣку, которому ее продала; но она предалась всеѣмъ сердцемъ своему благодѣтелю: могла ли ей это чувство казаться преступленіемъ. Она почла бы преступленіемъ дунуть мысль измѣнить ему. Чтобъ любя его, со всею преданностію, со всеѣмъ самоотверженіемъ, она могла быть преступною, этого даже не понимало бѣдншее дитя. Она знала, что общество отвергаетъ ее: но Мстиславу угодно было это, и она почитала для себя закономъ, долгомъ любви и признательности, подвергнуться безъ ронота подобному униженію. Кто изъ нихъ двоихъ заслуживалъ болѣе позора за свое поведеніе?..... Я боюсь произнести имя преступника, чтобы не обидѣть кого нибудь изъ моихъ читателей. Однажды, на набережной громкій стукъ колесъ возбудилъ вниманіе Лауреты: коляска слѣдовала за шегольскимъ лондо; Мстиславъ сидѣлъ съ пожилою дамою. Лаурета послѣшно вскочила; лихорадка пожирала ее внутренность; перчый встрѣтившійся извозчикъ получилъ приказаніе ѣхать за коляскою. Не понимая сама того, что дѣлаетъ, не зная чего хочетъ, она съ трепетомъ слѣдовала за ними; ея глаза, ея чувство, ея душа, были прикованы къ коляскѣ, которая быстро убѣгала передъ нею, увлекая ее своею гибельною силою. Черезъ нѣсколько минутъ, Лаурета, бѣдвалая какъ мраморъ, очутилась передъ красивою дачею близости Екатерининго夫скаго Саду. Здѣсь она простояла около часу, какъ жертва передъ алтаремъ кроваваго кумира. Изъ воротъ выѣхала неболь-

шая кавалькада, — двѣ дамы, трое молодыхъ людей, и между ними Мстиславъ. Они направились къ Саду. Лаура послѣдовала за ними.

Она видѣла, какъ взвивались вдали вуали дамъ, какъ чернѣлись шляпки ихъ между деревьями. Всадники скрылись, но Лаура была уже въ саду, и шла скорыми шагами по дорожкѣ, выходящей по берегу залива. Вы знаете небольшую осмиугольную бесѣдку, съ вѣтою чугуною лѣстницею, съ небольшою галереєю вокругъ, на самомъ взморьѣ, противъ острова, котораго уединенный домикъ съ башенкою говорить о печальномъ одиночествѣ сердца, уединеннаго въ виду самаго шумнаго общества? Еще издали замѣтила Лаурета на галереѣ, обращенной къ взморью, двѣ человѣческія фигуры, и сердце ей сказала: Это онъ! Она удвоила шагъ, и, тихо, не смѣя дышать, подходила къ бесѣдкѣ. Тамъ былъ Мстиславъ. Онъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ и взоры его ласкали прекрасное личико подруги; нѣжный румянецъ игралъ на щекахъ ея, глаза сіяли тихою радостію; все показывало, что она наслаждалась тѣми не многими минутами, въ которыя гецій, другъ чловѣка, осыплетъ его золотымъ крыломъ, чтобъ никакое враждебное существо не нарушило сладкой грезы его. Лице Мстислава отражало счастье собесѣдницы, но, какъ Аббадона, онъ сіялъ свѣтомъ, который не былъ уже его собственностью. Онъ понималъ ея небесное блаженство и чувствовалъ себя еще счастливѣе. Притаивъ дыханіе, Лаурета подошла такъ близко, что могла слышать весь разговоръ. Мстиславъ, наклонясь къ своей прекрасной подругѣ, сказалъ:

— Я былъ виновенъ, конечно: но ужели цѣть на свѣтъ прощенія? Вспомните, что слеза раскаянія была лучшимъ даромъ Перси. Сожалеть о потерянномъ, значитъ любить его.

— Но кто поручится, что теперь сэкономите лучше, что нашла опять? отвѣчала ему собесѣдница.

— Кто?..... Вы знали мою Катю? Она не спросила бы у меня, кто поручится. Она любила меня.

— Вѣрю; рыбакъ безпечно плаваетъ по морю, пока не знаетъ, что на немъ есть буря. Нельзя и страшиться того, что намъ неизвѣстно. После онъ вѣрно будетъ уже осторожнѣе.

— Бѣдствіе научаетъ знать цѣну счастію. Кто узналъ ее, тотъ захочетъ ли добровольно потерять?

— Но вы ошибаетесь, Мстиславъ! Вы меня не любите.

— Я не долженъ былъ бы васъ любить.

Въ это время слышались голоса. Мстиславъ и собесѣдница поспѣшно оставили бесѣдку.

Кто же была эта собесѣдница? — Вы догадываетесь.

Съ нѣкотораго времени Ильменева сдѣлала привычку, каждое утро одна съ Англичанкой, которую взяла она къ себѣ до поѣздки въ чужіе края, гулять по тротуару набережной. Тамъ, смотря на великолѣпную, — жаль только, что она довольно пустынная, — картину Невы, Ильменева переносилась мыслию въ прошедшее, въ садикъ. Впрочемъ я не ручаюсь, куда. Можетъ-быть настоящее и гостинная еще болѣе занимали ее. По смерти Ильменева она шила въ виду заставить Мстислава сожалѣть о сокровищѣ, которое онъ отвергнулъ: она думала, что можетъ достигнуть до этого, стараясь поступать подобно тѣмъ, которыхъ онъ предпочелъ ей во время оно, и потому приняла ихъ за образецъ. Съ этою цѣлью, — съ цѣлью приобрести любовь Мстислава единственно для того чтобъ отплатить ему, пріѣхала она въ Петербургъ; съ этою цѣлью явилась въ маскарадъ; съ этою цѣлью позволила себѣ быть съ нимъ нѣсколько кометкою; съ этою цѣлью принимала его на вечера, которые иногда давала — всѣмъ за-просто, вечера для друзей; съ этою

цѣлю была съ нѣкъ иногда мила, простодушна какъ прежня Катя, хотъ теперъ она слыла уже образованною, живую, умною, блистательною, свѣтскою женщиною, — а цѣль цѣлей была та, чтобы, заставивъ невѣрнаго влюбиться до безпамятства, вдругъ увхаты въ деревню и жить тамъ для воспоминаній. Бѣднсе женское сердце! Оно всегда расчитываетъ такъ ложно, потому что оно не создано для расчетовъ. Доказательство того — что вы видѣли Цыженеву въ Екатерингофѣ, на взморьѣ, въ сентиментальномъ разговорѣ съ Мстиславомъ, и въ разговорѣ, гдѣ, кажется, было что-то болѣе чѣмъ кокетство. Чтѣ же думать? Скажутъ, она вѣтрена, не знаетъ сама чего хотеть; еще, — какъ знать? — подумаютъ, что я рассказываю не такъ какъ было дѣло. Между-тѣмъ это очень естественцо и просто: мысль отыскать Мстиславу, ни на минуту не оставляла Катю; но когда она увидѣла себя близкою къ цѣли, когда взоры Мстислава, голосъ Мстислава, слова Мстислава напомнили ей живо прошедшее, то есть, садикъ, гордость заговорила въ ней. «Какъ?» думала она: «теперь онъ любитъ меня; опять ищеть въ женщинѣ, которую самъ отвергнул! но чтѣ же нашель онъ во мнѣ лучшаго противъ прежняго? Не та ли я чтѣ была? Я приобрѣла, можетъ-быть, нѣсколько новыхъ идей, нѣсколько болѣе навыку въ свѣтъ, нѣсколько талантовъ: но развѣ за это любить? Неужели мнѣ нужно было лвиться въ блескъ, чтобъ привлечь его вниманіе? Неужели ждалъ онъ, чтобъ нѣсколько голосовъ повторяли ему мое имя? Развѣ безъ ихъ свидѣтельства ему не извѣстно, что я стоюла любви его?..... Ахъ, онъ человекъ какъ и другіе, не болѣе!» думала она, и высокій шедсталъ, на который вознесла его любовь ся, рушился самъ собою. Она увидѣла въ немъ мужчину подобнаго другимъ, со всеми мелочными слабостями его пола и общества; и ей стало жаль нечты своей. Но, увидивъ его, она посмотрѣла вокругъ себя, и въ цѣлой массѣ

общества, не нашла ни одной головы, которая бы значительно возвысилась надъ другими: всѣ онѣ были въ уровень, одна ниже другой, всѣ болѣе или менѣе раздѣляли мнѣнія, правила, предразсудки, принятые обществомъ. Зачѣмъ же сътовать на Мстислава? Зато, что онѣ видѣль, судилъ, чувствовалъ, какъ и всѣ? Да онѣ еще былъ лучше многихъ, потому что эти общіе недостатки искупалъ многими достоинствами. Правда, онѣ разбилъ кумирь ея: но онѣ ли виновать, что воображеніе ея придало ему совершенства, которыхъ у него не было и не могло быть? Мало-по-малу она привыкла къ этой мысли, привыкла любить Мстислава въ его человѣческомъ, положительномъ образѣ; и хоть иногда, слушая слова любви его, сердце ея сжималось при воспоминаніи свиданія въ Москвѣ, но съ некотораго времени все рѣже и рѣже. Можетъ-быть и слова дядюшки имѣли дѣйствіе надъ нею. Наконецъ она рѣшилась; рѣшилась подать ему руку, не какъ существу сверхъестественному, которое вознесло ее до себя, но какъ спутнику, который будетъ имѣть нужду, какъ и всѣ, въ снисхожденіи и поможетъ ей пройти пріятно путь жизни. Однимъ словомъ, она любила опять Мстислава и счастье улыбалось ей. Будущее казалось ей свѣтлою, прекрасною странною, и объ ней она любила мечтать, ходя по берегу. Но когда по берегу, она приметла, что какая-то дама, какъ будто ожидаетъ ее всегда на одномъ мѣстѣ; дама, одѣтая въ темномъ плащѣ и закрытая чернымъ вуалемъ; дама, которой взоры встрѣчали Катю и слѣдовали за нею до тѣхъ поръ, пока она скрывалась изъ глазъ. Видѣтотъ женщины производилъ странное впечатлѣніе на душу Ильменевой: она казалась ей предвѣстникомъ несчастья; взоры ея обливали Ильменеву холодомъ, и она тщетно старалась освободиться отъ ихъ враждебнаго дѣйствія. Катя смѣялась надъ собою, но сердце невольнo замрало всякій разъ какъ она выходила ут-

ромъ. Мысль, что черная дама ждетъ ея, приводила Ильменеву въ смущеніе, и нарочно для того, чтобъ побѣдить свой ребяческій страхъ, она ходила каждый день въ ту сторону, гдѣ была увѣрена найти незнакомку. Она сердилась на себя, досадовала, и между-тѣмъ болалась.

Недѣли черезъ двѣ послѣ приключеній въ Екатерингофѣ, накинувъ плащъ, Катя вышла рано поутру съ Англичанкою на набережную, и первый встрѣтившійся ей предметъ былъ графъ. На этотъ разъ она забыла черную даму, и подала ему руку, не думая совершенно о предвѣщаніяхъ. Однако, подходя къ мѣсту, гдѣ обыкновенно стояла черная дама, Катя съ невольнымъ страхомъ посмотрѣла туда: ея не было; но въ ту же минуту съ противоположной стороны улицы, раздался голосъ ребенка. Трехъ-лѣтній мальчкѣ бѣжалъ къ нимъ съ письмомъ въ рукахъ, черные локоны прыгали по плечамъ его; онъ злился о камини, останавливался, опять бѣжалъ, спотыкался и кричалъ: «Папа! папа!» Согласитесь, что это очень непріятно. Графъ побѣднлъ. По страшному чувству, Катя оставила руку его, и поспѣшно пошла на встрѣчу мальчику. Ребенокъ остановился, робко посмотрѣлъ на нее, еще разъ сказалъ «папа», и протянулъ руки къ графу.

Надпись конверта обратила вниманіе Ильменевой: она увидѣла свое имя.

— Это письмо..... ко мнѣ, миленькой? спросила она мальчика.

— Мама велѣла отдать.

— Мнѣ?

— Нѣтъ; дамъ, что ходить съ папой.

Ильменева взяла письмо.

Трепеща всѣмъ тѣломъ, она сорвала печать. Въ эту минуту графъ, какъ-бы опомнясь, бросился къ ребен-

ку и схватилъ его на руки. «Мы увидимся!» сказалъ онъ, бросивъ бѣглый взглядъ на Катю, и исчезъ.

Ильменева оперлась на гранитъ, чтобы собраться съ силами; лице ея было совершенно блѣдно; тѣло безъ малѣйшаго движенія. Она находилась недалеко отъ Летняго Саду.

— Чтò съ вами? спросила Англичанка, испугавшись ея блѣдности.

Ильменева приподняла голову, не говоря ни слова, взяла руку мистрисъ Б***, и пошла къ саду скорыми шагами. Онѣ повернули на лѣво и вошли въ узкую аллею. Въ саду никого не было; изрѣдка проходили молодой чиновникъ или дѣвушка, посланная въ магазинъ; солнце рисовало свѣтлую сѣтку по дорожкѣ, пробиваясь сквозь листья липъ; съ площади слышались «ура» солдатъ, собравшихся къ ученью и звуки барабана.

Дойдя до первой скамеечки, Ильменева и ея молчаливая спутница сѣли. Ильменева взяла письмо:

«Пятнадцать дней тому назадъ, вечеромъ въ Екатеринбургѣ, на берегу заморья прекрасная женщина спрашивала товарища своего: почему онъ не долженъ любить ея. Ему возмѣнили отвѣчать.

«Такъ, онъ не долженъ былъ любить васъ! Вы не знали того, что подлѣ бесѣдки находилось другое существо, которое имѣетъ на него права, можетъ-быть священниче всѣхъ правъ; которое любить его, которое онъ долженъ былъ любить. Это существо — женщина, которая всѣмъ ему обязана, которая любила его, была съ нимъ счастлива; женщина, мать дѣтати его, этого дитяти, прекраснаго, милого, котораго вы видите, моего Милія, блѣднаго, остаменнаго. О, если бы вы знали, какъ я несчастлива!

«Не подумайте, чтобъ онъ обманулъ меня. О, лѣтъ! я знала, что онъ любилъ васъ. Онъ обманывалъ самого себя. Но вы любила его, и легко повѣрила моему сердцу, которое говорило мнѣ, что прошедшее не возвратится: вы были замужемъ. Вы великодушны, вы добры, вы любите его давнѣе!»

«я все узнала; узнала въ то время, когда, какъ безумная, въ отчаяннѣи прибѣжала изъ Екатерингофа къ нему въ домъ, въ кабинетъ его. Камердинеръ его мнѣ все рассказалъ. Я хотѣла убить Мстислава, себя, васъ; не знаю, чего хотѣла я. О, какъ я ненавижу васъ! И теперь еще..... Нѣтъ; я простила вамъ, простите и вы мнѣ, и будьте матерью моего Милія. Но поймите силу любви, которая заставила молчать ревность, ненависть; которая заставляетъ меня предпочесть счастье Мстислава всему. Если вы то, чѣмъ я представляю васъ себѣ, если вы стоите любви его, вы возьмете моего сына; вы будете матерью ему; вы сдѣлаете счастье Мстислава. Смотрите, я вамъ отдаю все, что было моего на землѣ! О для чего я не могла съ собою унести моего Милія! Длaczego внутренней голосъ, голосъ Божій, говоритъ мнѣ, что я не могу располагать его участіемъ и жизнью!

«Я спрашивала объ васъ, какъ мать; я нашла силы переносить взоръ вашъ и собственную жизнь въ теченіи двухъ долгихъ недѣль. Вотъ онъ! возьмите моего Милія. На колѣняхъ молю васъ, не оставляйте его. Знаете ли, что значитъ отдавать дѣтя свое? Но я отдаю вамъ еще болѣе, — отдаю моего Мстислава, и возвращаю вамъ весь его клятвы.

«Онъ звалъ, что любовь его была душою моею, необходимостью моей жизни; что онъ для меня все: вотъ почему онъ сказалъ: «Я не долженъ былъ бы любить васъ».

«Но если вы отвергнете Милія, вы отвергнете и отца его. Все равно! все равно! Ему ужъ не любить меня.»

Вечеромъ того же дня Мстиславъ сидѣлъ въ знакомомъ намъ готическомъ кабинетѣ, облокотясь на столъ и закрывъ обѣими руками лицо. Его темныя кудри живописно разсыпались по рукамъ. Милій строилъ на коврѣ карточный домикъ посреди комнаты.

— Чтѣ, узнали? спросилъ съ безпокойствомъ Мстиславъ, вскочивъ при появленіи Анджолины.

Она была блѣдна какъ мраморъ, и молча подала ему письмо, присланное по городской почтѣ. Мстиславъ прочелъ.

«Не трай времени въ напрасныхъ поискахъ, Мстиславъ! Я не свѣтую на тебя: будь счастливъ. Если воспоминаніе обо

«ниъ не нарушитъ твоего спокойствія, думай иногда о мате-
ри твоего Милія. *Лаурета R.*

«Мстиславъ, не переставай любить моего Милія! У него
не будетъ матери: замени ему бедную Лаурету. Въ послед-
ней просьбѣ не отказываютъ человѣку, Мстиславъ! я про-
шу тебя — люби его.»

Какъ громомъ пораженный, онъ бросился въ кресла,
и обильныя слезы полились по щекамъ. Подобныя
минуты не мнѣ описывать. Скажу одно: гробъ при-
миряетъ все; одна любовь сіяетъ надъ могилою; чистый
духъ, оставивъ землю, парить въ небесахъ, посылая
къ намъ прощеніе. Между-тѣмъ тягость всего, чѣмъ
мы могли упрекать себя въ отношеніи къ утраченно-
му, упадаетъ на сердце наше. Для насъ нѣтъ средства
загладить прошедшаго, когда гробъ положилъ печать
на вѣны наши.

Что сдѣлалось съ нею? Этого никто не знаетъ. Она
исчезла какъ метеоръ, который прокатился въ блескѣ
по темному небу, ни къ чѣмъ незамѣченный; какъ поле-
вой цвѣтскъ, который нѣсколько часовъ наполнялъ
пустыню ароматомъ, и наутро умеръ, и никто не у-
зналъ, куда дѣвался онъ съ засохшаго стебля; какъ
голосъ, раздавшійся въ горахъ, который на мгновеніе
потрясъ воздухъ, влился тихою мелодіею въ душу
путника и затихъ, и путникъ не спрашивалъ, откуда
онъ и куда скрылся.

На-утро Мстиславъ получилъ другое письмо.

«Мы не должны болѣе видѣться, графъ. Я не виню васъ;
судьба не суждено счастье. Разстанемся безъ упрека, и если
можно, забудемъ прошедшее.

«Но между нами остается еще связь: сынъ вашъ принад-
лежать мнѣ; именемъ матери его я требую его. На насъ
собою лежитъ обязанность воспитанія его. Загладимъ вину
нашу противъ несчастной, сдѣлавъ его честнымъ и полез-
нымъ человѣкомъ.

«Вы не откажете въ последней просьбѣ, которую произнес-
ла она можетъ быть ..... страшусь сказать! ..... на крию

«могли. Пришлите мнѣ вашего сына : онъ будетъ мнѣ.
«Вы сообщите мнѣ письменно намеренія ваши , я буду со-
«ображаться съ ними ; я буду писать къ вамъ объ немъ. Вы
«не можете отказать въ последней просьбѣ этой благородной
«и злополучной женщины. Ужели думаете, что ея Милій мо-
«жетъ найти, въ замигъ сердца матери, сердце лучше того,
«которое можетъ-быть любило отца не менѣе ея?..... Я жду
«вашего отвѣта; но, помните, мы увидимся не прежде, какъ
«когда Милій будетъ имѣть возрастъ своей матери. Про-
«щайте.» К. И.

Мстиславъ отдалъ ей сына , хотя и не охотно : они довольно долго спорили между собою письменно объ этомъ ребенкѣ, и рѣшительно разсорились. Ильменева, взявъ съ собою Милія , уѣхала въ деревню и посвятила себя воспитанію этого ребенка. Вся мы одногласно одобрили благородное и достойное женщины поведеніе Катн. Графъ Мстиславъ опредѣлился въ одинъ изъ Кавказскихъ полковъ, и вскорѣ уѣхалъ въ Грузію. Знакомцы мои видѣли его въ Тифлисѣ : онъ былъ задумчивъ, и часто, среди разговора, глаза его наполнялись влажностью , лице измѣнялось , — онъ останавливался, — и тотчасъ искалъ предлога оставить общество. Одинокія прогулки въ горахъ были любимымъ его развлеченіемъ въ многочисленныхъ занятіяхъ по службѣ.

Я кончила мой разсказъ. Но не хотите ли узнать чего-нибудь о Надеждѣ Карповнѣ?..... Она была недавно , — лѣтъ двѣнадцать тому назадъ , — въ Петербургѣ. Бѣдняжка измучилась дорогою и , пріѣхавши въ столицу , заболѣла. Она остановилась въ «Лондонѣ», и на третій день написала ко мнѣ, прося прислать ей моего *доктора*. Я сама была тогда больна , и нигде не выезжала. Почтенный мой врачъ, Карлъ Васильевичъ, былъ такъ добръ, что тотчасъ къ ней отправился. На слѣдующій день, когда Карлъ Васильевичъ посетилъ меня , я спросила его о положеніи больной.

— Gnädige Frau, сказавъ Карлъ Васильевичъ : ничего!..... ничего!..... Маленькая простуда!

— Какъ она собою? спросила я. Опишите мнѣ ее, любезный докторъ! Я давно ее не видала. Расскажите, что она съ вами говорила!

— Gnädige Frau, ничего!..... она немощко полно-вѣсна, немощко слишкомъ, и, несмотря на страданіе, лицо у нея, gnädige Frau, очень красно. Когда я пріѣхалъ, она лежала на диванѣ. Безобразный морсъ бросился на меня съ лаемъ. Двѣ служанки обмахивали мухъ надъ ея головою; старушка, повязавшая платкомъ, терла ей ноги. Gnädige Frau, она показалаеь мнѣ ужасно разгнѣзаною на Петербургъ.

— За что же?

— Gnädige Frau, за сливки.

— О, я узнаю Надежду Карловну! вскричала я. Она ня мало не измѣнилась!

— Gnädige Frau, она мнѣ объявила, что такого песносного города какъ Петербургъ она въ жизнь свою не видывала; что Москва — неприятный городъ, въ которомъ голое молоко продають за сливки, но что Петербургъ еще сто разъ неприятнѣе Москвы, потому что здѣсь сливки просто — вода съ мѣломъ. Впрочемъ, gnädige Frau, я не долго разговаривалъ съ нею, потому что вскорѣ пришла ея сестра, которая, кажется, живетъ въ томъ же трактирѣ.

— Ея сестра?..... Да ея сестра давно умерла!

— Gnädige Frau, этого я не знаю: только, могу васъ увѣрить, что молодая дама, которую я у ней видѣлъ, была ея сестра: она вчера пріѣхала изъ Москвы съ мужемъ и съ дѣтьми.

— Помните, докторъ, и ея сестра, и мужъ ея сестры, давно умерли, и у нихъ никогда не было дѣтей!

— Gnädige Frau, я думаю, что вы ошибаетесь, потому что я ихъ видѣлъ и говорилъ съ ними. Я писалъ

рецептъ , когда вошла молодая и прекрасная дама. Едва моя больная увидѣла ее , какъ забыла свою бользнь, вскочила и бросилась цѣловать ее : «Сестрица! другъ мой! ахъ, моя милушка! моя Катинька! сокровище мое! насилу-то я тебя увидѣла! умерла-было безъ тебя, моя радость! Давно пріѣхала? откуда?» — Вчера, изъ Москвы, сестрица! Ахъ, какъ рада васъ видѣть, сестрица! Мой мужъ увидѣлъ на доскѣ вашу фамилію, сестрица! Да позвольте же мнѣ представить вамъ прежде всего моего мужа, сестрица!» Въѣсть съ дамою пришелъ высокій и еще довольно молодой мужчина, котораго она представила моей больной какъ своего мужа, называя его графомъ..... графомъ..... право, не помню какимъ! За ними вбѣжалъ въ комнату мальчикъ лѣтъ осьми или девяти, черноглазый, румяный, кудрявый. Не желая мѣшать изліяніямъ семейственныхъ чувствъ, я, поговоривъ нѣсколько словъ съ гостями моей пациентки, удалился.

Такъ вотъ чѣмъ кончились гнѣвъ и ссора!..... Я бы никогда не простила Мстиславу! Преступленіе его заслуживало полного и примѣрнаго наказанія; и если мужчинамъ прощать такіе ужасы, такіа вопіющія неврности, такіа страшныя вины.....

Mais, hélas! les plus coupables
Sont toujours les plus aimables!
C'est dommage, en vérité!

А. Ж.—ВА.

—

ГРАНИЦА 1616 ГОДА.

Въ Выборгскомъ городскомъ архивѣ есть старыи шкафъ сосноваго дерева, который, по догадкамъ мѣстныхъ антикваріевъ, былъ никогда выкрашенъ зеленою краскою. На нижней полкѣ этого шкафа стоятъ старыи сапогъ покойнаго архиваріуса, и порожняя бутылка съ огаркомъ сальной свѣчи, воткнутымъ въ ея сухое горло. О сапогѣ этомъ, лѣтъ десять тому назадъ, происходили въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ очень жаркія пренія: одинъ Выборгскій археологъ написалъ Латинскую диссертацию, которая была напечатана въ Або, и доказывалъ, что это тотъ самыи сапогъ, который Карлъ XII послалъ изъ Бендеръ непослушному Шведскому сенату съ повелѣніемъ почитать волю сапога, какъ его собственную. Многіе ученые мужи пріѣзжали въ Выборгъ разсматривать сапогъ критически. Мнѣнія были различны, но теперь, кажется, доказано, что онъ принадлежитъ, по своему стилю, къ концу прошедшаго столѣтія, что совпадаетъ со смертію послѣдняго архиваріуса города Выборга. Двѣ остальные полки шкафа заняты старинными дѣлами, которыя въ разные времена привозились сюда изъ Шведскихъ городовъ Кореліи и Ингерманландіи, когда война возгоралась на границѣ. Пыль столѣтія покрываетъ толстымъ слоемъ эти любопытные документы, между которыми многіе не

чужды исторической важности. Особенное вниманіе мое привлекла къ себѣ одна, довольно толстая, тетрадь съ надписью «Memorandum», и съ отмѣткою по-Русски, почеркомъ временъ Екатерины II: «Записка о дѣлѣ перебежчика Ивана Стремевя». Тетрадь эта, весьма ветхая и неполная, писана частию по-Латыни, частию по-Шведски, и содержитъ въ себѣ полу-офиціальное, довольно подробное, описаніе происшествія, вѣроятно не много извѣстнаго. На той же полкѣ я отыскала еще нѣсколько офиціальныя бумага Шведскихъ и Русскихъ, относящихся къ тому же событію, которое постараюсь возстановить по всѣмъ этимъ матеріаламъ и по личному знанію мѣста, гдѣ оно совершилось. Это будетъ простая выписка изъ дѣла.

I.

Менуло шесть лѣтъ отъ заключенія Столбовскаго мира, по которому Швеція возвратила Россіи Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Гдовъ, Ладугу, занятые въ смутныя времена междоцарствія, и оставила за собою Иванъ-городъ, Ямбургъ, Копорье, Орѣшскъ и всю Ингерманландію. Проведенная мирнымъ договоромъ граница отдѣлила Русскихъ отъ Русскихъ. «Слава Богу, мы опять поспѣли Царя Благо!» восклицали оставшіеся по-сую-сторону границы. «Прощайте, братья, земляки любезные!» говорили со вздохомъ другіе: «мы навѣкъ уже въ пазну у короля Шведскаго!»

Несмотря на миръ, Шведы и Русскіе переглядывались черезъ границу недоверчиво, зорко сторожили другъ друга, и народная вражда вспыхивала мѣстами при малѣйшемъ поводѣ. Напрасно Русскіе и Швед-

скіе начальники старались прекратить эти сшибки, набѣги удалцовъ, потѣхи молодечества. Протяженіе границы мѣшало усвѣшному наблюденію. Притомъ не одни только Шведы и Русскіе враждовали другъ противъ друга: перемѣна власти произвела и между единоземцами борьбу попятій, выгоды, обязанностей.

Въ тѣ времена, по ту и по другую сторону рѣчки Лавы, (которая встарину называлась Лапул), на нѣсколько верстъ отъ Ладожскаго Озера, въ которое она впадаетъ, разбросаны были села и деревни, населенныя преимущественно Русскими. Жители обоихъ береговъ, находясь до Столбовскаго мира подъ военною властью Шведовъ, питались надеждою, что обстоятельства перемѣнятся, терпѣливо переносили притѣсненія Шведскихъ солдатъ, и жили между собою дружно, потому что общее несчастье всего крѣпче соединяетъ людей. Но когда, послѣ мира, рѣчка раздѣлила одноземельниковъ, когда однимъ сказали: «Вы по-прежнему подданные царя Московскаго», а другимъ привели къ присягѣ на вѣрноподаданство королю Шведскому, прежняя дружба охладѣла, связи прервались, сожалѣніе возбудилось съ одной стороны, зависть мелькнула съ другой, и прежніе единоземцы, прежніе знакомцы, пріятели, друзья, и даже родственники, стали чуждаться другъ друга.

Близъ того мѣста, гдѣ Лава, пробравшись по каменному ложу между высокихъ и крутыхъ береговъ, вытекаетъ на поляну, стояло на одномъ берегу Село Дубки, на другомъ, верстахъ въ двухъ, Село Боголюбское. Близъ Дубковъ, на холмѣ, видѣнъ былъ небольшой домъ съ огородомъ и садомъ, принадлежавшій городовому дворянину Владвиіру Стрѣлову. Съ семнадцати-лѣтняго возраста вступилъ онъ въ службу царскую, храбро сражался противъ враговъ отечества, былъ нѣсколько разъ раненъ, и, наконецъ,

послѣ Столбовскаго мира, удалился въ свое сельское убежище. Онъ былъ совершенно одинокъ, витѣлъ только дальнихъ родственниковъ, но и тѣ жили разностно съ нимъ, во внутреннихъ областяхъ Россіи. Ему минуло тридцать лѣтъ. Одинокество съ каждымъ днемъ становилось ему болѣе и болѣе тягостнымъ. Единственные его короткіе знакомцы были два брата, Стремевы, боярскіе дѣти, которые устарѣли на службѣ и поселились потомъ, на другомъ берегу Лавы, въ Сель Богоявленскомъ. У старшаго брата Павла была жена старушка, сынъ Артемій, ровесникъ и другъ Стрѣлова, и девятнадцатилѣтняя дочь Надежда. Другой Стремевъ былъ старый холостякъ.

Въ одинъ лѣтній день, — это случилось въ июль 1622 года, — все семейство Стремевыхъ, приглашенное на именины къ Стрѣлову, сидѣло въ саду его, въ ожиданіи другихъ гостей. Столъ былъ уже накрытъ подъ тѣнью липъ, насаженныхъ въ кружокъ. Все, что только можно было достать лучшаго въ Ладогѣ для приготовленія обѣда, еще наканунѣ привезъ оттуда Владиміръ. Гости его разговаривали между собою, а онъ безпрестанно хлопоталъ, какъ молодая женщина, угощающая въ первый разъ родню мужа. То напоминалъ онъ слугамъ, чтобы все было въ порядкѣ, то считалъ приборы за столомъ, то бѣгалъ въ кухню навѣдываться все ли готово къ обѣду, все ли приготовлено, какъ должно.

— Да что это, батюшка, Владиміръ Львовичъ! сказала наконецъ ему кухарка Ивановна, обидясь его недоувѣрчивостію. Въ первый что-ли разъ я обѣдъ стряпаю, прости Господи! Не ударимъ себя лицомъ въ грязь. Я еще въ домъ покойнаго батюшки вашего двадцать лѣтъ кухнею правила; вотъ ужъ седьмой годъ, какъ и вашею правлю, а случилось ли хоть разъ, самъ скажи, чтобы я пироги пересолила, жар-

кое не дожарила, дичину пережарила, короваси́ осрамила свою съдую голову? Да я вѣдь знаю, кормилецъ, отчего ты сегодня такой заботливый! продолжала старушка, мигнувъ значительно и осыпая коровай пряными кореньями.

— Что такое ты знаешь? спросилъ Влади́миръ.

— Обѣдывали у насъ и прежде гости, но тебѣ и горя было мало хорошъ ли, худъ ли обѣдъ. Не поднимись коровай, испекись онъ блинъ-блиномъ, ты бы ни слова прежде не сказалъ: а нынче, статное ли дѣло, самъ готовъ коровай замѣсить! Знаю, батюшка, отчего, знаю!

— Ты, кажется, сегодня не выспалась, Ивановна, и бредишь.

— Нѣтъ, я выспалась, кормилецъ, а вотъ ты, такъ не знаю, хорошо ли спалъ. Перелетѣла, видишь, райская птичка черезъ рѣчку Лаву со Шведской стороны на нашу, и пожаловала въ первый разъ къ тебѣ въ гости. Оттого и не спится-то тебѣ, моему голубчику, и Ивановна-то стряпать не умѣетъ, и голубое бархатное полукафганье-то на тебѣ цовое, да еще, ни-какъ, съ золотыми застежками и кисточками.

— Не болтай, Ивановна, пустаго, да приготовь все проворнѣе: сейчасъ обѣдать слдуть.

Влади́миръ возвратился въ садъ. Между-тѣмъ гости, которыхъ ожидали, уже съѣхались, и онъ всѣхъ пригласилъ къ столу.

Не знаемъ, какъ это случилось, только Влади́миру пришлось сидѣть за столомъ прямо противъ Надежды. Онъ самъ считалъ и разставлялъ приборы, и вѣроятно какъ-нибудь ошибся въ расчетъ. Онъ бы конечно не выбралъ себѣ такого неловкаго мѣста. Темно-голубые глаза его безпрестанно встрѣчались съ черными глазками Надежды. Дѣвушка, краспя, потушала эти глазки. Сердце ея билось скорѣе. Въ то же время и сердце Влади́мира, по какому-то физиологическому

закону, ускоряло свое бѣненіе, стараясь стучать въ тактъ съ сердцемъ дѣвушки.

Между-тѣмъ другіе гости стучали чарками о чарки, и шумно разговаривали.

— А знаете ли, сказалъ старый холостякъ Стремевъ, какую слышалъ я вчера новость? Прошу прислушаться, а вѣсьмъ *За-лавскимъ* не угодно ли шляпы снять: я буду говорить именемъ нашего короля.

— Мы и то безъ шляпы, сказалъ братъ Стремевъ.

— Велеможнаго и высокорожденнаго князя и государя Густава Адольфа, Свѣйскаго, Готскаго и Венденскаго короля, великаго князя Финскія земли, арцуха Эсланскаго и Корельскаго и въ Ижеръ, уставленный горододержавецъ въ Корель Индрикъ Монсонъ Споревъ-Фюкиль..... этакое имячко! Русское горло тотчасъ вмѣ подавится, если не запьешь его чарочкой.

Стремевъ, улыбувшись, выпилъ чарку.

— Послушай, братъ! замѣтилъ, нахиураюсь, старшій Стремевъ: хотя мы и на Русской сторонѣ, однако жъ ты худо дѣлаешь, обращая въ смѣхъ титулъ нашего короля.

— Какъ такъ? возразилъ Иванъ Стремевъ. Я въ титулѣ не сдѣлалъ ни одной ошибки, и замѣтилъ только, что имя нашего правителя трудненько выговорить.

— И за это можно въ бѣду понасться.

— Здѣсь итъ, кажется, ни одного Шведа.

— Однако жъ есть Шведскіе подданные.

— Такъ доноси на меня!

— Не сердись, братъ. Я съ добрымъ наитривіемъ тебя предостерегаю. У меня есть семсйство. Я долженъ показывать примѣръ осторожности. Но кончимъ этотъ споръ. Доскажи, что ты голорить началъ.

— Корельскій горододержавецъ Индрикъ..... Монсонъ..... Споревъ-Фюкиль..... слава Богу, выговорилъ!..... предписалъ, чтобы никто не смѣлъ отлучаться съ нашей стороны на здѣшнюю безъ письмен-

того вида; также, чтобы никто не смѣлъ принимать къ себѣ Русскаго ни на полминуты, если Русскій не предъявить письменнаго дозволенія своего начальства объ отлучкѣ за границу; то есть, яснѣе сказать, никто не смѣй отнынѣ переходить рѣчку Лаву, ни знакомые къ знакомымъ, ни родные къ роднымъ.

— Быть этого не можетъ! заговорили въ одинъ голосъ почти всѣ бывшіе за столомъ.

— Дай Богъ! продолжалъ Иванъ Стрелевъ. Только все, что я рассказалъ теперь, слышалъ я отъ вѣрнаго человека. Впрочемъ, что жъ за бѣда? Мы станемъ прогуливаться по тому берегу Лавы, а наши земляки, родные и знакомцы, будутъ прохаживаться по этому. Можемъ кланяться другъ другу, махать платками: чего же больше? Мы, За-лавскіе, должны и тѣмъ быть довольны.

Ровотъ пробѣжалъ въ собраніи.

— Взя твоя! Что-нибудь да не такъ! заметилъ Павелъ Стрелевъ. Ну, достанемъ себѣ письменные виды, и только.

— Да! достанемъ виды, продолжалъ братъ. Тутъ войдетъ разборъ, кому можно, кому нельзя дать вида. Не склоненъ ли тотъ на сторону Русскихъ, усерденъ ли къ Шведскому правительству, не намѣренъ ли бѣжать за границу..... словомъ сказать, письменный видъ достанется по сто одному.

— Увидимъ; но, пока, будемъ надѣяться, что этотъ слухъ несправедливъ, прервалъ Стрелевъ. Не станемъ портить нашей пирушки непріятными мыслями. Забудемъ на часъ; вообразимъ, что мы здѣсь всѣ подданные Царя Бѣлаго, и наполнимъ чарки. За здоровье нашего православнаго, Русскаго Царя Михаила Феодоровича! Ура!

— Ура! единодушно воскликнули всѣ гости, осушили чарки и по-братски, со слезами на глазахъ, обнимали другъ друга.

— Теперь слѣдуетъ выпить за здоровье короля нашего, Владиміръ Львовичъ, сказалъ старшій Стрелевъ Стрѣлову. Какъ думаешь?

— Выпьемъ и за его здоровье, если дорожимъ гостямъ моимъ угодно.

Чарки снова наполнились. Младшій Стрелевъ, разгоряченный виномъ, отодвинулъ отъ себя чарку съ неудовольствіемъ и воскликнулъ: Здѣсь, на этой сторонѣ Лавы, не хочу пить его здоровья. Завтра выпью, когда переѣду на ту сторону.

— И я! — И я! И я! — закричали многіе изъ гостей.

— Господа! сказалъ Павелъ Стрелевъ, вы забыли, что присягали Шведскому королю. Къ чему вся эта республика? Очень тебѣ стыдно, братъ!

— А къ чему и трусость? возразилъ Иванъ Стрелевъ. Я вѣдь не присягалъ пить за здоровье Шведскаго короля. Не хочу пить, да и только!

— Артемій!.... и ты, Надежда, продолжалъ старшій Стрелевъ, обратясь къ своимъ дѣтямъ. Налейте свои чарки. За здоровье нашего государя короля Шведскаго! Что же ты, Надежда?

— Да я никогда еще не пила вина, любезный батюшка! сказала дѣвушка въ замѣшательствѣ.

— Дѣлай, что велятъ! закричалъ Стрелевъ строго. Я не люблю упрямства. Здоровье нашего государя!

Нѣкоторые изъ гостей, и хозяинъ Стрѣловъ, осушили чарки. Бѣдная дѣвушка, испуганная и пристыженная выговоромъ отца, также поднесла чарку къ дрожащимъ губкамъ, потомъ поставила ее торопливо на столъ, и двѣ крупныя слезы, выкатившись изъ прелестныхъ глазъ, блеснули на румяныхъ щекахъ, какъ два алмаза. Она проворно отерла ихъ.

Эти двѣ слезы, будто фитиль, приложенный къ пороку, взорвали сердце Владиміра. «Милая, неопытная моя Наденька!» думалъ онъ: «во что бы то ни стало, ты будешь моею! Тебѣ ли, Русской красной дѣ-

вицъ, быть рабою Шведовъ? Я возвращу тебя въ отечество, освобожу тебя изъ-подъ власти иноземной, изъ плѣна Египетскаго..... Да! освобожу или погублю.»

Обѣдъ окончился. Владиміръ во весь вечеръ не спускалъ глазъ съ Надежды: онъ нѣсколько разъ начиналъ разговоръ съ нею, но во всѣхъ словахъ его видны были разсѣянность и сильное помнѣніе души. Разговоръ, едва начатый, самъ собою прекращался, но тѣмъ громче говорилъ голосъ сердца. То представлялось Владиміру, что Надежда скоро уѣдетъ за Лаву, и что онъ ужъ никогда ее не увидитъ; то воспоминалъ онъ ее въ объятіяхъ нечистаго еретика Шведа, за котораго принудили ее выйти; то наконецъ казалось ему..... Мало ли ему что казалось! Отъ каждой новой мысли кровь его то кипѣла, то леденѣла. Надежда сдѣлалась также молчаливою и задумчивою на весь вечеръ; Владиміръ овладѣлъ всѣми ея думами. Она ощущала къ нему что-то, еще непонятное для нея самой. Пламенные взоры Владиміра согрѣли и оживили зерно, таившееся въ груди ея, носившее природою, и изъ этого зерна мгновенно выросъ и разцвѣлъ первоначальный цвѣтокъ здема, — цвѣтокъ первой любви.

Можетъ ли это быть? Возможно ли, чтобы въ девятнадцать лѣтъ дѣвушка полюбила въ первый разъ? Нынче, слава Богу..... Но въ томъ-то и дѣло, что это было не нынче, а въ 1622 году.

Наступала уже ночь. Гости стали развѣзжаться. Владиміръ проводилъ Стремевыхъ до берега Лавы и перевелъ Надежду за руку черезъ рѣчку, по узкому мосту, сдѣланному изъ двухъ бревенъ. По лѣтописи моей нельзя рѣшить, могъ ли онъ удержаться, чтобы не пожать при этомъ случая нежной, бѣленькой ручки: пусть разсмотрятъ этотъ вопросъ молодые

историки, которые знают этого рода исторіи и были или будут въ положеніи Владиміра.

II.

Черезъ нѣсколько дней, утромъ, въ Сель Боголюбленскомъ раздался на площади, около церкви, бой барабана.

Жители села сбѣжались на площадь и увидѣли на ней отрядъ Шведскихъ солдатъ. Подъ барабанщика стоялъ офицеръ рядомъ съ низенькимъ и толстымъ человечкомъ, одѣтымъ въ полувоенную форму. Это былъ полковой переводчикъ. Онъ держалъ въ рукѣ бумагу. Когда по знаку, данному офицеромъ, перестали барабанить, переводчикъ, значительно кашлянувъ, поправилъ очки и началъ ломанымъ Русскимъ языкомъ громко читать бумагу. Въ ней содержалось предписаніе правителя Кореліи и Ингерманландіи о запрещеніи именованъ короля Шведскимъ подданнымъ переходить границу безъ письменныхъ видовъ, и о строгомъ наблюденіи, чтобы и съ Русской стороны никто не былъ пропускаемъ на землю Шведскую, если не предъявить грамоты пограничнаго начальника. За сношеніе съ Русскимъ, перешедшимъ самовольно границу, и за пріемъ его къ себѣ, опредѣлялась, какъ за измену, смертная казнь. Тому же подвергался и Шведскій подданный, за самовольный переходъ границы. Русскій, пойманный безъ вида на Шведской землѣ, предавался смертной казни, какъ лазутчикъ.

Легко себѣ представить впечатлѣніе, произведенное подобнымъ предписаніемъ на слушателей. Старики, молча, часаги по-временамъ затылки, и смотрѣли въ землю; люди среднихъ лѣтъ хмурили брови и пере-

глядывались; молодые едва удерживались от ропота.

Переводчикъ, окончивъ чтеніе, положилъ бумагу въ карманъ. Офицеръ скомандовалъ, и отрядъ пошелъ далѣе, въ другія пограничныя села и деревни, объявлять королевское повелѣніе.

— Ну что, не правду я сказалъ за столомъ у Стрѣлова? замятъся Иванъ Стрёмевъ, подходя со старшимъ братомъ къ дому.

— Признаюсь, я никакъ не ожидалъ такой строгости, сказалъ тотъ. Но дѣлать нечего, надобно повиноваться волѣ короля.

— Теперь мы отъ нашей родины отрѣзанный ломоть! продолжалъ Иванъ Стрёмевъ.

— Я ужъ давно привыкъ къ этой мысли, сказалъ, вдохнувъ, старшій братъ. Что потеряно, того не воротить. Впрочемъ ты забылъ, что можно получать выдѣлы для отлучки на Русскую сторону.

— А вотъ увидимъ, скоро ли ты такой выдѣл достанешь.

Павелъ Стрёмевъ, опасаясь, чтобы неудовольствіе, возбужденное новымъ предписаніемъ, не вовлекло сына его, Артемія, или даже сѣдлаго брата, въ какой-нибудь неосторожный поступокъ, въ тотъ же день поѣхалъ въ Оршожь и просилъ тамшшняго комманданта выдать ему съ семействомъ выдѣл, для отлучекъ за границу, къ роднымъ; но коммандантъ отказалъ въ просьбѣ. Для переезда границы, сказалъ онъ, надобно имѣть какую-нибудь уважительную причину, торговля или другія дѣла; но у тебя ихъ нѣтъ. Сегодня объявлено королевское повелѣніе, и ты сегодня же требуешь выдѣла. Самая эта поспѣшность не доказываетъ ли излишней склонности твоей къ Русскимъ, несогласной съ обязанностями Шведскаго подданнаго? Она даже навлекаетъ на тебя нѣкоторое подозрѣніе въ намѣреніяхъ, вредныхъ для Шведскаго правитель-

ства. Явись ко мнѣ за видомъ черезъ полгода, не раньше. Тогда посмотримъ.

Стрелевъ не могъ объяснить комманданту истинной причины, побудившей его просить вида съ такою поспѣшностью. Задумчивый и печальный, онъ возвратился ни съ чѣмъ домой.

На другой день было воскресенье. Утромъ, послѣ обѣди, многіе жители Села Боголюбленскаго бродили взадъ и впередъ по высокому берегу Лавы, разговаривали вполголоса, и отъ времени до времени грустно поглядывали на другой берегъ. «Тамъ Россія, тамъ любезная родина наша!» думали они. «Прощай, родимая сторонюшка!»

Артемій и Надежда пришли также погулять по берегу Лавы. Дойдя до уединеннаго мѣста, откуда на другомъ берегу видны были въ отдаленіи село Дубки и домъ Стрѣлова, они сѣли на лугъ, подъ тѣнь молодого клена, и долго не говорили ни слова, волнуемые воспоминаніями и мучительными мыслями.

Артемій познакомился съ Владиміромъ Стрѣловымъ послѣ Столбовскаго мира, когда Стрѣловъ поселился въ своемъ домѣ, на берегу Лавы. Вскорѣ ихъ связала самая искренняя дружба. Онъ давно замѣчалъ съ удовольствіемъ, что Владиміръ часто засматривался на Надежду, и, иѣжно любя сестру свою, которая была въ полной мѣрѣ того достойна, Артемій пламенно желалъ устроить для ней счастье, какое только можно имѣть на землѣ. Онъ надѣялся, что это счастье доставить ей Владиміръ. Онъ предугадывалъ, что склонность его возрастетъ до чистой любви; что со-временемъ и сестра оцѣнитъ его друга. Онъ уже заранее наслаждался картиною семейнаго ихъ благополучія. На именинахъ Стрѣлова онъ наблюдалъ за обоими, и радовался, что желанія его начинаютъ сбываться. Но

вдругъ — королевское повелѣніе, и онъ надолго, можетъ-быть навсегда, разлученъ съ своимъ другомъ; и всѣ мечты его улетѣли, какъ золотистое облачко, разсыпанное порывомъ бури.

— Это село Дубки? спросила Надежда, указывая на противоположный берегъ.

— Да, моя милая.

— А вотъ тамъ подалѣе, кажется, домъ Стрѣлова?

— Да; это его домъ.

— Ты ужъ никогда болѣе не пойдешь въ гости къ Стрѣлову?

— Не знаю, что тебѣ отвѣчать на это. Если получу отъ комманданта дозволеніе, то.....

— Да вѣдь коммандантъ отказалъ батюшкѣ. Какой, право, злой человекъ!

— Не такъ громко, моя милая!

— Дядюшка говорить, что мы никогда не дождемся отъ комманданта дозволенія. Правда ли это, братецъ?

— Да развѣ тебѣ хочется быть въ гостяхъ у Стрѣлова?

— Мнѣ всё равно, но я думаю, что тебѣ будетъ скучно, если ты принужденъ будешь никогда не ходить къ своему другу, отвѣчала Надежда, покраснѣвшись. А Русскіе, братецъ, могутъ переходить къ намъ съ того берега?

— Могутъ, но съ такимъ же затрудненіемъ, какъ и мы къ нимъ. Кто перейдетъ безъ вида, того повѣсятъ какъ лазутчика.

— Не говори, не говори! Это ужасно, братецъ!

Они замолчали. Надежда по-временамъ смотрѣла украдкой на домъ Владиміра, и потомъ опукала взоры на Лаву, которая во глубинѣ оврага бѣжала, шумя, по каменистому ложу. Въ это мгновеніе стадо ласточекъ перелетѣло съ Русскаго берега на Шведскій.

— Посмотри, милый братецъ, это Русскія птички! Онѣ не боятся повелѣній нашего короля. Видишь, какъ смѣло перелетѣли онѣ черезъ Лаву?.... Вотъ онѣ

опять летятъ назадъ. Ахъ какъ бы я желала быть ласточкой!

— Для чего?

Надежда снова покраснѣла и перемѣнила разговоръ.

— Послушай, Надя! сказалъ Артемій, взявъ ее за руку: скажи мнѣ правду, тебѣ нравится Владиміръ?

— Это что за новости! сказала дѣвушка, нахмуривъ тоненькія брови и отвернувъ лице отъ брата съ прелестью застынчиваго ребенка.

— Я знаю, что онъ тебѣ нравится.

— Не правда, не правда! воскликнула Надежда, и закрыла лице руками. Не стыдно ли тебѣ, братецъ, мучить меня такими вопросами!

Артемій, по сильному волненію дѣвушки, легко измѣрилъ степень первой любви ея. «Да! она любитъ его», думалъ онъ. «Но эта Лава лежитъ между ними непроходимую бездною.... Зачѣмъ они такъ любятъ другъ друга!»

Они пошли вдаль, любуясь на извилинныя рѣчки, змѣящейся на днѣ глубокой долины. Вдругъ, въ густомъ кустарникѣ и въ деревьяхъ, которыми обросли высокіе косогоры, спускающіеся къ Лавѣ, послышался шорохъ. Они остановились, удивляясь смѣлости неизвѣстнаго, который рѣшился взойти въ этомъ мѣстѣ изъ долины на гору по неприступной крутизнѣ. Какъ изумились они, когда передъ ними явился Владиміръ!

— Другъ! вскричалъ Артемій и кинулся къ нему въ объятія. Какъ попалъ ты сюда?... Ты слышалъ о новомъ королевскомъ повелѣніи?

— Все знаю! отвѣчалъ Владиміръ. И безъ-сомнѣнія по этому уже повелѣнію у мостика, ведущаго черезъ Лаву, и у каждой тропинки, по которой можно взобраться на вашу сторону, поставлены часовые. При всемъ томъ, я здѣсь.

— Но извѣстно ли тебѣ, какой опасности ты подвергаешь и себя и насъ?

— Я долженъ былъ сюда перейти, Артемій.

Онъ взявъ его за руку, отвелъ въ сторону и открылъ ему свою сердечную тайну.

— Теперь ты знаешь все, Артемій. Отъ сестры твоей зависишь теперь рѣшить участь мою.

— Но ты позабылъ о королевскомъ повелѣніи. Родитель мой, поклявшись съ вѣрности королю, ни за что на свѣтѣ не рѣшится преступить своей клятвы. Теперь онъ не согласится на бракъ вашъ.

— Неужели его не тронуть мои просьбы, мои слезы? Неужели онъ пожертвуетъ королю счастіемъ своей единственной дочери? Пойдемъ къ нему скорѣе!

— Нельзя, Владиміръ. Подумай, что ты безъ вида. Тебя схватятъ, и ты погнѣбъ.

— Могу ли я думать теперь о какой-нибудь опасности! Развѣ сабля моя не со мною! Неужели ты думаешь, что я соглашусь ѣхать въ Новгородъ, чтобы выпрашивать тамъ видъ. Нѣтъ! Время слишкомъ для меня дорого. Притомъ, къ чему послужитъ мнѣ видъ? Сестра твоя — Шведская подданная, и ваше правительство безъ сомнѣнія не позволитъ теперь выдать ее за подданнаго Русскаго. Когда оно прерываетъ такъ жестоко всѣ прежнія связи родства и дружбы между жителями вашей стороны и нашей, то допуститъ ли оно связи новыя?

— Я самъ то же думаю, Владиміръ. Ты ясно видишь, что бракъ твой съ моею сестрой невозможенъ.

— Не разрушай моей надежды, не убивай меня! Покажи мнѣ теперь дружбу свою, научи, что дѣлать.

— Не знаю, Владиміръ, не знаю! горестно отвѣчалъ Артемій.

Во все время этого разговора Надежда стояла въ некоторомъ отдаленіи, на краю косогора, и смотрѣла внизъ, на бѣгущую по камнямъ Лаву. Изрѣдка, украдкою, бросала она взгляды на брата своего и Владиміра. Она замѣтила ихъ волненіе, ихъ мрачныя лица, и ста-

ралась угадать предмет ихъ разговора: сердце ея стѣснялось неопредѣленною грустью и печальными, безотчетными предчувствіями.

— Что вы тутъ дѣлаете? раздался вдругъ голосъ, отъ котораго невольно вздрогнули Артемій и Владиміръ.

Они оглянулись. Передъ ними стоялъ Иванъ Стремевъ.

— Ба! Владиміръ Львовичъ! Да какъ ты это перелетѣлъ къ намъ черезъ Лаву? Неужели ты успѣлъ уже видѣ достать?

— У меня нѣтъ вида.

— Нѣтъ вида!.... и ты здѣсь? Да развѣ тебѣ захотѣлось попасть на виселицу? Вѣдь и мы всѣ туда же попадемъ, если поговоримъ теперь съ тобой подоле, не схватимъ тебя и не представимъ нашему начальству.

Владиміръ объяснилъ все Стремеву.

— Такъ вотъ дѣло въ чемъ!.... Гмъ, не знаю, какъ помочь тебѣ! Дай подумать немножко.

Онъ потеръ себѣ лобъ.

— А любить ли тебя моя племянница?

— Я ничего еще не говорилъ съ ней.

— Такъ мы ее спросимъ.

Онъ взялъ Владиміра за руку, и подвелъ его къ Надеждѣ, не слушая Артемія, который вполголоса говорилъ ему: «Дядюшка, подумайте, что вы дѣлаете?»

— Наденька! сказалъ Стремевъ: Владиміръ Львовичъ такъ тебя любитъ, что и сказать нельзя. Онъ хочетъ на тебѣ, примѣромъ сказать, жениться. Согласна ли ты идти къ вѣнцу съ нимъ?

Если бы молнія, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дѣвушки, раздробила дерево, то и тогда испугъ ея не былъ бы такъ силенъ. Она покраснѣла, поблѣднѣла, бросилась на шею брату, и залилась слезами.

— Что жъ это за отвѣтъ, глупенькая! продолжалъ Стремевъ. Ахъ, да, ты, можетъ быть, не смѣешь ничего сказать, не спросясь прежде батюшки и матушки.

Это дьяво. Впрочемъ я знаю, какъ они всегда думали и думаютъ о Владимірѣ Львовичѣ. Я тебѣ ружаюсь за нѣхъ согласіе; я объявляю тебѣ, что они согласны. Говори же, любишь ли ты вотъ этого молодца?... Да говори скорѣе! Медлить нечего. Не то я прогоню его сейчасъ же за Лаву, и ты его болѣе никогда не увидишь. Не отвѣчаешь?... Ну такъ пойдемъ, Владимірѣ Львовичѣ!

— Дядюшка! дядюшка! сказала Надежда чуть слышнымъ голосомъ, и, скрывая лице на груди брата, подала трепещущую руку Владиміру.

Въ восторгѣ, онъ схватилъ красавицу и сжалъ ее въ объятіяхъ.

— Ну, теперь дѣло кончено. Давно бы такъ! продолжалъ Стрелевъ. Теперь я сбѣгаю домой, и приведу сюда твоихъ родителей, Наденька. Здѣсь они благословятъ тебя и отпустятъ за Лаву, на родину, на нашу матушку святую Русь! Тамъ обвѣчайся съ женихомъ твоимъ, живи счастливо, и насъ не забывай, горемычныхъ За-лавскихъ. Только, смотрите, чтобъ васъ здѣсь кто не увидѣлъ, пока я сбѣгаю. Бойдите-ка лучше въ эту высокую рожь. Ну, а ты, Владимірѣ Львовичѣ, когда переправлю я васъ на ту сторону, обвѣчайся сегодня же да и уберись подлѣе отъ границы, чтобы васъ самъ чортъ не отыскалъ. А здѣсь мы будемъ всѣмъ говорить, что Наденька наша сгинула да пропала, что ее волкъ унесъ, медвѣдь съѣлъ..... Мало ли что можно придумать!

— Однако жъ, возразилъ Артемій, если какъ-нибудь узнаютъ.....

— А пусть узнаютъ! воскликнулъ Стрелевъ. Я всю вину прииму на себя. Ну пусть меня повѣсятъ, эти проклятые Шведы: велика бѣда! Я ужъ довольно пожилъ на свѣтѣ. По-крайней-мѣрѣ моя Наденька будетъ жить счастливо на родимой сторонукѣ, съ ми-

лымъ другомъ своимъ, помилуетъ меня добромъ и усердно помолится за упокой грѣшной души моей.

— Дядюшка! вскрикнула Надежда, тронутая до глубины сердца, и, заплакавъ, повисла ему на шею.

Онъ прижалъ ее къ своей широкой груди, поцѣловалъ и потрепалъ по щекъ.

— Ну полно плакать! Вѣдь меня еще не повѣсили. Посмотримъ, какъ-то удастся это Шведамъ. Мы еще за себя стоимъ! Можетъ-быть, еще и я съ дюжину этихъ проклятыхъ перевышаю, а самъ невредимъ остаюсь. Однако жъ сбѣгать-было поскорѣе за братомъ!

И старикъ побѣжалъ какъ восемнадцатилѣтній юноша.

Артемій, Владиміръ и Надежда, по совету его, скрылись въ рожь. Тамъ впасть узенькая тропинка, для перехода съ одного поля на другое: они пошли по тропинкѣ. Колосья справа и слева нагибались надъ ними, и часто загорожали дорогу. Отстрапленные руками, они выпрямлялись снова и, шумя, качали головками, какъ-будто перессуживали и упрекали проходившихъ. Артемій шелъ впереди; за нимъ, рядомъ, Владиміръ и Надежда. Онъ держалъ ее за руку и отъ времени до времени смотрѣлъ на свою прелестную невѣсту, полный восторга.

— Назадъ, назадъ! сказалъ имъ вдругъ вполголоса Артемій, остановись.

Они вздрогнули.

— Чтò такое? спросилъ Владиміръ.

— Вонъ тамъ, впереди, на нашей тропинкѣ, мелькнулъ Шведскій мундиръ.

— Боже кой! вскрикнула Надежда.

— Не бойся, моя милая! сказалъ Владиміръ. Сабля и пистолеты со мною.

— Не одинъ, а нѣсколько солдатъ идутъ сюда, продолжалъ Артемій. Сопротивленіе было бы трудно. Шумъ соберетъ тотчасъ толпу, и тебя непремѣнно

схватять. Лучше пойдемъ въ сторону и скроемся въ густой ржѣ.

Они удалились шаговъ на тридцать съ тропинки въ сторону, стараясь взять какъ можно меньше колосьевъ, чтобы не оставить по себѣ замѣтнаго слѣда. Между-тѣмъ поднявшійся вѣтеръ волновалъ ржаное море. Нагибаемые къ землѣ, колосья то здѣсь то тамъ рѣдѣли. Опасность увеличивалась и принудила бѣглецовъ съѣсть наземь. Между-тѣмъ солдаты приближались. Уже можно было разслушать голоса ихъ. Они говорили:

— Чортъ меня возьми, если я не отыщу этого смѣльчака, который пробрался сегодня на нашу сторону. Мнѣ чрезвычайно хочется чтобы обновил вѣсьлицу.

— А не замѣтилъ ты, товарищъ, что по этой тропинкѣ недавно шли къ намъ навстрѣчу какіе-то люди. Куда они дѣвались?

— Видно назадъ воротились.

— Гдѣ-нибудь не спрятались ли они здѣсь?

— Что жъ? можно поискать.

— Да гдѣ ихъ сыщешь!

— Можетъ-быть въ рожѣ спрятались. Пойдемъ въ рожѣ. Жальтъ ее нечего: Русская!

Артемій понималъ по-Шведски и передалъ разслышанныя слова Владимиру. Тотъ вынулъ изъ-за пояса пистолеты и взвелъ курки на второй взводъ. Надежда боялась дохнуть. Между-тѣмъ рожѣ зашумѣла подъ ногами солдатъ. Шестъ колосьевъ раздавался въ разныхъ мѣстахъ, то ближе, то далѣе. Вотъ наконецъ шумъ слышенъ уже не болѣе, какъ шаговъ за двадцать. Замѣтно было, что одинъ изъ солдатъ идетъ прямо къ спрятавшимся.

— Мы погибли! прошептала въ ужасъ Надежда.

— Дай мнѣ одинъ изъ твоихъ пистолетовъ, сказалъ Артемій Владимиру.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ тотъ. Бѣгите отсюда и оставьте меня одного. Зачѣмъ вамъ губить себя вмѣстѣ со мною. Я одинъ буду защищаться.

— Ахъ, вы мошенники, воры, разбойники! закричалъ въ это время издали голосъ, громкій, какъ зыкъ льва. Вотъ я васъ! Да какъ вы смѣете топтать нашу ружь, кто вамъ это позволилъ? Эй, земляки любезные! грабежъ! разбой! сюда, сюда! помогите! дадимъ имъ себя знать!

Горлачилъ Иванъ Стрелевъ. Съ длиннымъ коломъ въ рукахъ, болѣе похожимъ на бревно, бѣжалъ онъ прямо на Шведскихъ солдатъ. За нимъ пустились также бѣгомъ нѣсколько прохожихъ изъ Русскихъ. Одинъ схватилъ колья, другіе камни, иные ничего не схватили, а засучивъ рукава, сжали только богатырскіе кулаки, и всѣ кинулись за Стрелевымъ. Крикъ «помогите!» всегда имѣлъ свойство вмигъ кипятить Русскую кровь.

— Къ ружью, товарищи! Бунтъ! измена! закричалъ одинъ изъ солдатъ. — Стой! не то я выстрѣлю, продолжалъ онъ, прицѣлясь въ Стрелева.

— Стрѣляй, собака! крикнулъ тотъ, замахнувшись коломъ и подбѣгая къ солдату.

Бафъ!..... Эхо, повторивъ выстрѣлъ, захохотало въ долину.

— Промахнулся, пріятель! Вотъ я, такъ не промахнусь.....

И коломъ Стрелевъ сшибъ съ ногъ солдата. Шведъ растянулся на травѣ, ошеломленный ударомъ.

— Беря у него, землякъ, ружье и сумку съ патронами! сказалъ Стрелевъ одному изъ тѣхъ, которые за нимъ бѣжали. Онъ не скоро очнется! Заряди скорѣе ружье-то. Проклятые со всѣхъ сторонъ на насъ бѣгутъ. Видишь, изъ ржи, словно бѣсы изъ ошута, выскакиваютъ!

Стрелевъ, собравъ около себя свой отрядъ волонтеровъ, приказалъ всѣмъ стоять смирно и самъ, опершись коломъ въ землю, хладнокровно смотрѣлъ на приближавшихся непріятелей.

— Бей ихъ, стрѣлай, товарищи! кричалъ унтеръ-офицеръ, бѣжа впереди солдатъ къ Стрелеву.

— Нѣтъ, не стрѣлай, пріятель! Нельзя стрѣлать! Это не годится! сказалъ спокойно Стрелевъ по-Шведски. Развѣ мы не подданные вашего короля? Много будетъ, если вы станете вашу рожь топтать, да еще стрѣлать насъ же, грѣшныхъ. Вѣдь мы не тетеревы глухіе! Вотъ теперь вы вышли изъ нашей ржи, и дѣло съ концемъ. Вы видите, что мы все стоимъ смирно, васъ не трогаемъ. Не задѣвайте насъ, и мы васъ не задѣнемъ. А впрочемъ, какъ угодно. У насъ есть и патроны, и ружьецо заряженное, и колышки, и камешки, и вотъ эта дубинка.

Онъ приподнялъ огромный колъ свой.

— Чтѣ это значить? воскликнулъ унтеръ-офицеръ, увидѣвъ солдата на землѣ, и подбѣгая, чтобы помочь ему подняться.

— А это значить, сказалъ Стрелевъ, что онъ въ меня выстрѣлилъ. Вѣрно ружье его сильно отдастъ, такъ его съ ногъ сшибло.

— Злодѣй! закричалъ унтеръ-офицеръ, и, бросясь къ Стрелеву, приставилъ штыкъ къ его груди.

— Послушай, господишь служивый! сказалъ спокойно Стрелевъ, схватясь рукою за штыкъ. Не горячись понапрасну. Ты забылъ, что ружье о двухъ концахъ: на одномъ штыкъ, а на другомъ прикладъ. Незвѣстно еще, у кого это ружье теперь въ рукахъ, хоть ты держишь его обими, а я одною. Вѣдь знаешь, если прикладомъ попадутъ по макушѣ, то это бываетъ очень непріятно. Ужъ лучше ты меня не колй; отпусти душу на покаяніе.

Унтеръ-офицеръ хотѣлъ вырвать штыкъ изъ руки Стремева, но штыкъ какъ-будто приросъ къ рукѣ. Шведъ увидѣлъ, что имѣеть дѣло съ необыкновеннымъ силачемъ, и сталъ гораздо сговорчивѣе.

— Отпусти штыкъ! продолжалъ онъ. Я тебѣ ничего не сдѣлаю. Однакожь ты, и всѣ, которые здѣсь съ тобой, должны идти сейчасъ къ нашему капитану. Я долженъ ему обо всемъ отрапортовать. Оправдывайтесь потомъ передъ судомъ, какъ знаете, имѣли ли вы право оказать сопротивленіе военной командѣ и изувѣчить солдата.

— Это я его попотчивалъ за то, что онъ въ меня выстрѣлилъ. Не я началъ! Суда не испугаюсь, и иду съ тобой, только пойду одинъ. А вы, земляки, ступайте съ Богомъ по домамъ. Вы ни въ чемъ не виноваты. Я одинъ за всѣхъ оправдаюсь. Спасибо вамъ, родные, что сбѣжались на мой крикъ. Впередъ и я отслужу вамъ. Отдай теперь, землякъ, ружье и сумку господину служивому.

— Пѣть, пѣть! вскричалъ унтеръ-офицеръ: всѣ, всѣ должны идти съ нами.

— Такъ подожди же, землякъ, не отдавай еще ружья, продолжалъ Стремевъ. Если всѣмъ намъ идти, господинъ служивый, то веди насъ силой. Волей мы не пойдемъ. Одинъ я, пожалуй. И дубинки этой не возьму съ собою.

Онъ перебросилъ копь, какъ легкую палочку, съ плеча на плечо.

— Ну, ну, хорошо, сказалъ унтеръ-офицеръ. Ты пойдешь одинъ, покуда, съ нами. До прочихъ послѣ доберешься.

Трофей, то есть, ружье съ сумкою, возвратили Шведамъ.

— Прощайте, земляки! сказалъ Стремевъ. Спасибо. Съ Богомъ по домамъ!

Войско его разошлось въ разные стороны, а онъ со Шведами пошелъ въ село, гдѣ жилъ капитанъ. Ушибеннаго солдата повели товарищи подъ руки.

Во время этой ссоры Владиміръ нѣсколько разъ порывался выйти изъ своего убѣжища, но Артемій его удерживалъ. Они все трое разслушали голосъ Стрелева и догадались, что онъ въ этой ссорѣ — главное лице. Услышавъ выстрѣлъ, и Владиміръ и Артемій вскочили въ намѣреніи поспѣшить на помощь Стрелеву. Надежда со слезами упросила ихъ остаться. Вслѣдъ за выстрѣломъ раздался опять голосъ удалаго старика, и они успокоились. Когда все затихло, Артемій пачагъ настоятельно совѣтовать своему другу скорѣе удалиться за Лаву.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! говорилъ тотъ. Могу ли уйти отсюда, не узнавъ моего приговора. Надеенька, милая Надеенька, ничто не разлучитъ насъ съ тобою, ни Лава, ни Шведы, развѣ одна смерть.

— А ты, кажется, того и хочешь, Владиміръ! сказалъ Артемій. Ты забылъ, что будетъ съ тобою, если тебя схватятъ. Ты сейчасъ былъ на волоскѣ отъ гибели. Ради Бога, послушайся меня! Удались теперь скорѣе на вашу сторону. Я безъ тебя все узнаю, и тебя сегодня же обо всемъ увѣдомлю. Я самъ переберусь къ тебѣ черезъ Лаву.

— Я не хочу, чтобы для меня ты подвергалъ жизнь свою опасности.

Они подошли къ берегу Лавы, къ тому самому мѣсту, подъ тѣнью котораго отдыхали утромъ Артемій и Надежда.

Вдругъ за рощею послышался звукъ барабана.

— Чу!..... идетъ другой отрядъ солдатъ! воскликнулъ Артемій. Тебя сейчасъ увидятъ, Владиміръ. Спасайся, спасайся, пока есть время. Я увѣдомлю тебя обо всемъ сегодня же, черезъ часъ, черезъ минуту. Видишь ли тамъ, на вашей сторонѣ, этотъ высокій

дубъ у подошвы холма? Къ этому дереву я пушу отсюда стрѣлу и привяжу къ ней письмо къ тебѣ. Ты все узнаешь, а теперь, ради Бога, спасайся!

— И тебѣ не жаль разстаться со мною, моя милая Надежда? сказалъ Владиміръ, взявъ ее за руку и цѣжно глядя въ глаза.

— Видь мы не надолго расстаемся! отвѣчала она съ улыбкою, а между-тѣмъ двѣ слезинки навернулись на огненныхъ глазахъ.

— Такъ до свиданія, моя ненаглядная!

Они простились, какъ всегда прощаются женихи съ невѣстами. Если бы Артеміи не прогналъ Владиміра, онъ бы радъ былъ съ 1622 года по 1 октября 1837 прощаться съ нею, и безъ сомнѣнія попался бы въ руки Шведовъ.

III.

Артеміи съ сестрою успѣшили возвратиться домой. Мать ихъ, сидя у окна, плакала. Отецъ ходилъ по комнатѣ, съ безпокойнымъ видомъ.

— Милая дочь! сказалъ онъ, остановясь. Ты могла давно замѣтить, какъ я всегда любилъ и уважалъ Владиміра Львовича. Лучшаго жениха я тебѣ желать не могъ. Я давно видѣлъ, что онъ любитъ тебя, что ты также любишь его, можетъ-быть, сама того не зная. Я былъ уврѣенъ, что онъ будетъ къ тебѣ свататься. Съ какою искреннею радостью благословили бы мы тебя на бракъ съ нимъ! Но, видно, Богъ судилъ иначе. Ты знаешь новое королевское повелѣніе, знаешь, какъ строго запрещаетъ оно намъ всякое сношеніе съ Русскими. Безъ свидѣнія Шведскаго правительства, я не могу отдать тебя замужъ за Русскаго не нашей стороны; но просить дозволенія значитъ получить

верный отказ. Отпустить тебя тайно за границу я также не могу рѣшиться. Не говорю, что будешь тогда со мною. О себѣ я не думаю. Но я тебѣ подвергну опасности, можетъ быть, гибели. Тебя могутъ схватить на той сторонѣ, какъ бѣглую, какъ контрабанду, и ты знаешь послѣдствія. Научи меня, милая дочь, что мнѣ дѣлать?

— Батюшка! сказала Надежда дрожащимъ голосомъ. Я въ твоей волѣ. Я готова исполнить все, что ни прикажешь.

— Посмотри, посмотри, какъ она, моя голубушка, поблѣднѣла! сказала мать. Бѣдное мое дитятко!..... Поди сюда, сядь подле меня, горемычная птишечка!

Надежда сѣла подле матери. Старушка обняла ее и, заплаканъ, прижала ее голову къ груди своей. Какъ ни старалась дѣвушка скрыть свои чувства, но не могла. Приникнувъ лицомъ къ плечу матери, она зарыдала.

— Бѣдная сестра! сказалъ про себя Артемій, и, подойдя къ окошку, началъ смотреть въ поле, чтобы скрыть свои слезы.

— Не плачь, не плачь, мое солнышко! утѣшила мать Надежду. Богъ поможетъ, мы тебѣ сыщемъ на этой сторонѣ жениха, лучше Владимира Львовича. Постарайся забыть его скорѣе. Что мучить себя напрасно!

— А вотъ и я здѣсь! сказалъ Иванъ Стрёмевъ, входя въ комнату. Ба! здѣсь кто плачутъ. Ужъ не думали ли вы, что меня повозили?

— Что такое ты, братъ, опять надѣлаешь? спросилъ старшій Стрёмевъ. Гдѣ ты былъ съ тѣмъ воръ, какъ ушелъ отъ меня?

— А! Да я вижу, ты ничего еще не знаешь. Я пошелъ отъ тебя объявлять отказъ Владимиру Львовичу: гляжу, Шведские солдаты его ищутъ и тол-

чуть рожь. Благо, было къ чему придраться. Я схватилъ коль, скликалъ добрыхъ людей, и кинулся выручать нашихъ; съ пріятелями я управился. — Ну, а Владиміръ Львовичъ гдѣ? продолжалъ онъ, обратясь къ Артемію. Убрался ли онъ благополучно во свояси?

— Да, онъ успѣлъ уйти. Его никто не замѣтилъ.

— Слава Богу! Ну вотъ, какъ я справился съ пріятелями, и потащили меня къ капитану, а капитанъ-то вышелъ отчасти знакомый, Карлъ Карловичъ Гольмъ. Онъ побранилъ меня, побранилъ и солдатъ своихъ за то, что они рожь стоптали и въ меня выстрѣлили, велѣлъ мнѣ дать ушибенному солдату рубль на лекарство, и тѣмъ дѣло кончилъ.

— Ты ужъ когда нибудь попадешься въ большую бѣду! сказалъ старшій Стрелевъ. Много проказъ тебѣ съ рукъ сходить. Какъ, доживъ до седнѣ, ты....

— Ну, опять бранить меня! Я думалъ, что ты въ этотъ разъ меня похвалишь. Самъ капитанъ, разобравъ дѣло, призналъ меня правымъ. Онъ меня удержалъ у себя. Мы съ нимъ отобѣдали, выпили немножко, а послѣ обѣда какъ онъ удивилъ меня! Послушай-ка.

Взявъ брата за руку, онъ отвелъ его въ уголокъ и началъ шептать ему на ухо. Тотъ слушалъ его съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— Что жъ ты сказалъ ему? спросилъ шопотомъ старшій Стрелевъ.

— Я благодарилъ его отъ твоего имени за честь, сказалъ, что всѣ мы будемъ невѣсть какъ рады, но прибавилъ, что ты дочь свою ни за кого не отдашь противъ ея воли, и что, стало-быть, все дѣло зависить отъ нея одной.

— Это хорошій, умный отвѣтъ. Спасибо!

— Насладу ты меня похвалилъ! Да! я забылъ сказать, что капитанъ, какими-то судьбами, знаетъ, что

Владимиру Львовичу приглянулась наша Наденька. Онъ сказалъ, что не пустить его ни за что на эту сторону, что его, де, давно подозреваютъ въ лазутчествѣ, и что если онъ осмѣлится перебраться сюда черезъ Лаву, то его непременно подстрѣлятъ или повѣсятъ. Еще онъ добивался, нравится ли Владиміръ Львовичъ Наденькѣ? Я сказалъ ему..... что бишь такое?..... Помнится, я ему на это ничего не сказалъ.

— Не знаю, чѣмъ все это окончится! прощенталь, вздохнулъ, отецъ Надежды.

— Ну полно, моя любезная племянница, плакать, сказалъ Иванъ Стремевъ, подойдя къ ней и ласково взявъ ее за подбородокъ. Ну, что жь дѣлать, если нельзя тебѣ быть за Владиміромъ Львовичемъ! Другіе женихи какъ разъ найдутся. Посмотри-ка, ты какая хорошенькая! Да вотъ, напримѣръ, что скажешь ты о капитанѣ Гольмѣ? Ну что, если бы онъ къ тебѣ посватался? А?

Старшій Стремевъ нахмурился и мигнулъ значительно брату, подавая этимъ знакъ, чтобы онъ замолчалъ. Надежда замѣтила это. Она вскочила и бросилась къ ногамъ отца.

— Батюшка, милый батюшка! говорила она голо-
совъ, который выражалъ отчаяніе. Не выдавай меня за Гольма!

— Никто и не думалъ объ этомъ, моя милая! Успокойся, сказалъ отецъ, поднявъ дочь и посадивъ подле себя.

— Я знаю, что мнѣ быть за Гольмомъ. Онъ меня отниметъ у тебя силой, батюшка!

— Отниметъ? сказалъ Иванъ Стремевъ. Нѣтъ! это-
му не бывать! Да я не уже медвѣдя изломаю его!

Отчаяніе Надежды растерзало сердце ея матери. Она вскочила, подошла къ мужу и, схвативъ его за руку, сказала: Павелъ Павловичъ! мы оба давно желали, чтобы Надя наша была за Владиміромъ Львови-

чемъ. Они такъ любятъ другъ друга! Сердце мое чувствуетъ, что она не перенесетъ разлуки съ нимъ. Благословимъ ее за Владиміра Львовича. Пусть онъ увезетъ ее за Лаву, куда хочетъ, подалѣе отъ границы. Отпустимъ ее на родимую сторонку. Жаль мнѣ отпустить ее, разлучиться съ нею навсегда: но пусть такъ! По-крайней-мѣрѣ, не видя ее, я буду утѣшаться мыслью, что она не раба Шведовъ, что она счастлива, что она съ милымъ другомъ своимъ живетъ подъ крыломъ царя Бѣлаго.

— Вотъ что дѣло то дѣло! вскрикнулъ Иванъ Стремевъ. Да я берусь на плечахъ своихъ перенести черезъ Лаву нашу Наденьку, хоть цѣлая рота Шведовъ меня лови и останавливай! Берусь слать ее здраву и невредиму Владиміру Львовичу и спроводить обонхъ въ безопасное мѣсто, туда, на тотъ берегъ, подалѣе, въ самую глубь матушки святой Руси, куда Шведамъ во вѣки вѣковъ не добратся. Да не знаю, что намъ всѣмъ здѣсь дѣлать?..... Не отправится ли цѣлой семьей? Царь тамъ пріймутъ. Какъ земляковъ не принять!

— Ты забылъ, возразилъ братъ, что присягалъ королю Шведскому, что цѣловалъ крестъ и Евангеліе, когда клялся быть его вѣрнымъ подданнымъ.

— Жаль! сказалъ младшій Стремевъ, почесавъ затылокъ. Ну, по-крайней-мѣрѣ, Наденька ни въ чемъ королю не клялась.

— Какъ отецъ семейства, я присягнулъ за нее.

— Да что ты это, братъ? Ты такъ заступаешься за присягу Шведскому королю, что тебя никакъ Шведъ не перещеголяетъ. Ну, раздѣли дѣтей своихъ по-поламъ, сына отдай королю, а дочь возврати царю. Неужто и этого для него не сдѣлаешь? Неужто совсемъ разлюбилъ ты родину, забылъ, что ты Русскій?

— Нѣтъ, я ужь не Русской, я Шведскій подданный! возразилъ старшій Стремевъ. Настъ законно привели къ присягѣ, и я клятвопреступникомъ никогда не сделаюсь. Да! я уже не Русскій, я Шведъ.

Несмотря на наружную твердость, нельзя было не замѣтить, какъ больно, тяжело было Стремеву произнести эти слова.

— Сердце мое чувствуетъ, сказала мать рыдая, что наша Наденька умретъ здѣсь съ тоски; что мы ее погубимъ. Павелъ Павловичъ, отпустишь, благословимъ ее!

— Успокойся, родимая матушка! сказала Надежда, обнимая и цѣлуя мать. Я ни за что не разлучусь съ тобой, я здѣсь останусь. Увидишь, какъ я буду весела и спокойна!

Между-тѣмъ Владиміръ на другой сторонѣ Лавы, старая цетеривнѣмъ, ждалъ у дуба стрѣлы и вѣсти, обѣщанной Артеміемъ. Онъ смотрѣлъ вдаль, на другой берегъ рѣки. Изрѣдка мелькали тамъ прохожіе, но никого различить было невозможно при вечерней темнотѣ и туманѣ; который поднимался изъ Лавской долины. Безпокойное ожиданіе совершенно истомило Владиміра. Онъ сѣлъ на траву, подъ раскидистыя вѣтви дуба. Мѣсяцъ засіялъ въ звездной лазури неба. Вдругъ раздался свистъ, и стрѣла задрожала, вонзаясь въ стволъ дерева. Владиміръ вскопчилъ, вырвалъ стрѣлу, снялъ бумагу, обвитую около древка, и прочиталъ письмо Артемія. Онъ убѣждалъ его обо всемъ подробно, утѣшалъ его, и совѣтовалъ скорее куда нибудь удалиться, чтобы легче забыть Надежду. «Нѣтъ!» воскликнулъ съ жаромъ Владиміръ. «Я не забуду ее! Она будетъ моею, во что бы то ни стало!»

Вдругъ вонзилась въ дубъ другая стрѣла. На древкѣ Владиміръ увидѣлъ также бумагу, снялъ ее и прочиталъ:

«Пустяки! не слушай племянника! По всему вижу «я, что моя племянница — твоя суженая. Положись «на меня. Я все улажу. Она будет твоею женою. «Только смотри же, Владиміръ Львовичъ, люби и береги ее. Переберись завтра въ семнадцатомъ часу «дня* на нашъ берегъ, въ рощу, которая находится «за четыре версты отъ Села Богоявленскаго, вверхъ «по Лавъ. Я буду тамъ ожидать тебя. До свиданія. «Твой слуга и доброжелатель, *Иванъ Стремевъ.*»

На другой день родители Надежды ужаснулись переменѣ, которая вдругъ произошла въ дѣвушкѣ. Хотя она усиливалась превозмогать тоску, хотя смѣялась и казалась веселою, однако жъ замѣтно было, чего ей стоило такое усиліе. Румянецъ исчезъ, глаза сдѣлались дикими, сквозь принужденную улыбку проглядывало отчаяніе. Мать утѣшала дочь, какъ могла, и украдкой плакала; отецъ выдерживалъ ужасную борьбу родительской любви съ долгомъ чести и совѣсти. «Не сдѣлайся чадоубійцей!» говорило ему сердце. «Не сдѣлайся клятвопреступникомъ!» твердила совѣсть. Артемій, молча, сдѣлалъ чувства отца, матери и сестры, и чувства эти отражались въ душѣ его. Среди молчанія, и при разговорахъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, совершалась въ глубинѣ четырехъ сердець мучительная, ужасная пытка.

Къ вечеру пришелъ Иванъ Стремевъ. Онъ завелъ нарочно шуточный разговоръ, чтобы всѣхъ разсѣять. Слушали, отвѣчали, смѣялись; но мученіе продолжалось. Онъ понималъ тайныя мысли всѣхъ, какъ ихъ скрыть ни старались.

— Какой прекрасный вечеръ! сказалъ онъ, глядя въ окно. Не хочешь ли погулять вмѣстѣ со мною,

* По вышнему счисленію часовъ, это выйдеть половина осьмого вечеромъ. Въ то время дневные и ночные часы считались отдѣльно, первые съ восхожденія солнца, вторые съ заката.

племянница? Я бы показалъ тебѣ чудесный видъ съ берега Лавы. Немножко далеко итти отсюда, да что за беда!

— Въ самомъ дѣлѣ, прогуляйся, мое дитятко! сказала мать. Ты сегодня весь день дома просидѣла. Только не ходите слишкомъ далеко. Я боюсь, чтобы ты не устала.

— И я пойду съ вами, сказалъ Артемій.

Вечеръ въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный; солнце склонялось къ западу и золотило края легкихъ облаковъ, которые, разнообразными, неувловимыми узорами, раскидывались по лазури неба; лѣса, рощи, луга, освѣженные недавнимъ дождемъ, дышали ароматомъ; вътерокъ едва колебала вершины деревь, и легкий шумъ листьевъ сливался съ журчаніемъ Лавы. Но Надежда, погруженная въ тоску свою, ничего не чувствовала, ничего не замѣчала. Съ братомъ и дядею, шла она по берегу рѣки, не зная куда и зачѣмъ идти. По-временамъ заставляла ее вздрагивать окликъ Шведскихъ часовыхъ, разставленныхъ по берегу во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможна была переправа на Русскую сторону.

Они вошли наконецъ въ рощу.

— Милая Надежда! вскричалъ Владиміръ, выбѣжавъ къ ней на встрѣчу изъ кустарника, и сжалъ ее въ объятіяхъ. Ты опять со мною! Теперь никто на свѣтѣ не разлучитъ насъ!

Испугъ, изумленіе, радость, вдругъ потрясли все существо слабой дѣвушки. Она едва не лишилась чувствъ. Артемій не вѣрилъ глазамъ. Иванъ Стремевъ улыбался.

— Однако жъ, Владиміръ Львовичъ, сказалъ онъ, радуйся потише и не цѣлуй невесты такъ громко. На этой сторонѣ есть лишнія уши и лишняя висѣлица. Уберись-ка поскорѣе за Лаву, на свою сторону. Изготовилъ ли ты переправу?

— Да, наготовилъ ; вотъ здѣсь.

Стрелевъ подошелъ къ самому краю горы, которая въ этомъ мѣстѣ, поднимаясь со дна долины, походитъ на высокую, каменную стѣну ; верхъ ея , обросшій деревьями и кустарниками, нависъ надъ долиной.

— Помилуй , Владиміръ Львовичъ , что за мѣсто ты выбралъ! сказалъ Стрелевъ.

— Я нарочно выбралъ это мѣсто. Здѣсь никто и не подозреваетъ возможности переправиться. Видишь, и часовыхъ здѣсь нѣтъ. Никто не увидитъ насъ и намъ не помѣшаетъ.

— Все ли готово въ церкви, для вѣнчанья ?

— Все готово. Поспѣшимъ , милая Надежда !

— Куда, Владиміръ ? Безъ благословенія родителей? Нѣтъ , нѣтъ ! Я не пойду съ тобою !

— Да развѣ не догадалась ты еще , глупенькая , сказалъ Стрелевъ , что родители согласны на бракъ твой съ Владиміромъ Львовичемъ ? Они, Богъ знаетъ, какъ будутъ рады твоему счастью и благословятъ тебя заочно. Самому брату переправить тебя на Русскій берегъ — не ловко : присяга мѣшаетъ ! А вѣдь Владиміръ Львовичъ не давалъ Шведскому королю никакой клятвы: ну, онъ тебя увозитъ, силой беретъ ! Что жъ тебѣ упрямиться ? Или захотѣлось остаться на этомъ берегу, умереть съ тоски, да в родителей твоихъ умерить съ горя ?..... Иди съ Богомъ , на святую Русь , племянница ! Мы и всѣ, авось, за тобой туда же переедемъ.

— Дядюшка ! сказалъ Артемій : не оскорбись , если я сироту: обдуманы лч всѣ послѣдствія.....

— Обдуманы, давно обдуманы. Что тутъ толковать !

Надежда , сложивъ судорожно руки, подняла глаза къ небу, и стояла неподвижно. Она молчала, чтобы Небо наставляло ее, что ей дѣлать ?

— Такъ ты разлюбила меня ? сказалъ горестно Владиміръ. Ты не рываешься идти со мною ?..... Дядя

чего же мнѣ жить послѣ этого! Поиду изъ роуи прямо къ часовымъ; пусть схватятъ меня, пусть умру позорною смертію. Для чего мнѣ жить! Прощайте!»

Какъ бѣшеный, онъ побѣжалъ изъ роуи.

— Владиміръ! Владиміръ! закричала Надежда. Поймай! Я иду съ тобою. Боже мой, что я дѣлаю?..... Что мнѣ дѣлать?..... Я съ ума сойду!

— Ну, полно, глушенькая, успокойся! сказалъ Иванъ Стрелевъ. Владиміръ Львовичъ! сдаю ее тебѣ съ рукъ на руки. Береги и люби ее. Замяни ей отца, мать родную, замяни ей всѣхъ насъ. Прощай, Наденька! Не будетъ у тебя никого изъ родныхъ на свадьбѣ; да нужды нѣтъ. Мы и на этомъ берегу поштруемъ. Не плачь, милая, не рви моего сердца своими слезами.... Ну, слышишь-ты, пусть меня повѣсятъ, а я завтра же переберусь къ вамъ за Лаву, принесу молодымъ родительское благословеніе, принесу образъ и хлѣбъ-соль, поздравляю васъ, вышью за ваше здоровье и за счастье всей Русской стороны.

Надежда, рыдая, обняла дядю и брата; Владиміръ подвѣлъ ее къ краю горы. Черезъ стволъ дерева, нависшаго надъ долиной, перекинуты были веревки; къ нимъ привязаны носилки, похожія на большую корзину. Нѣсколько друзей Владиміра, внизу, на днѣ долины, держали въ рукахъ концы веревокъ.

Владиміръ, поднявъ свою мѣхѣту на руки, свѣлъ съ него въ носилки и подалъ знакъ друзьямъ. У Надежды замерло сердце, когда она увидѣла, при свѣтѣ мѣсяца, что носилки висятъ надъ пропастью. Они тихо спускались.

Иванъ Стрелевъ и Артемій съ безпокойствомъ смотрѣли сверху въ долину, провожая взоромъ носилки. Вдругъ, съ ужасомъ замѣтили они, что нависшее дерево, черезъ которое перекинуты были веревки, отъ тяжести поколебалось въ корнѣ. Посыпались мелкіе камни и песокъ въ долину, и дерево начало склонять-

ся внизъ. Земля около корня осыпалась болѣе и болѣе. Съ каждымъ мгновѣнъ можно было ожидать, что дерево обрушится въ долину и увлечетъ за собою нависшій край горы. Снизу замѣтили опасность и начали спускаться носилки скорѣе. Едва Владиміръ и Надежда вышли изъ нихъ и перебрались по бревну черезъ Лаву, дерево съ огромною глыбою земли и камней рухнуло въ долину. Эхо загрехотало по ней, какъ отъ удара грома. Вдали часовые начали перекликаться. Гдѣ-то ударили тревогу. Между-тѣмъ бѣглецы, сопровождаемые друзьями, взобрались уже на верхъ противоположнаго косогора по крутой, выющейся между кустарниками тропинкѣ, и замахали платками. Иванъ Стрелевъ и Артемій перекрестились. Подходя къ дому, они встрѣтили родителей Надежды, встревоженныхъ продолжительнымъ ея отсутствіемъ:

— Гдѣ дочь наша? спросили они въ одинъ голосъ.

— Она теперь выкается съ Владиміромъ Львовичемъ, отвѣчалъ Иванъ Стрелевъ. Онъ увезъ ее. Я ему помогъ. Она бы здѣсь умерла съ тоски; и вы бы умерли вслѣдъ за нею. Ты, братъ, можешь быть теперь спокоенъ въ совѣсти: ты не измѣнилъ присягъ, а между-тѣмъ дочь твоя тамъ!

Онъ указалъ на Русскую сторону.

Павелъ Стрелевъ упалъ на колѣни, сложилъ руки и поднялъ глаза къ небу; потомъ бросился на шею брату и, обнималъ его, восклицалъ, съ слезами радости на глазахъ: «Да! я не измѣнилъ присягъ, не измѣнилъ!..... а дочь моя..... тамъ!»

И трепещущую руку простиралъ онъ къ другому берегу Лавы. Артемій и Иванъ Стрелевъ отирали слезы. Мать Надежды, стоя на колѣняхъ, молилась и благословляла дочь.

IV.

Владиміръ, переправясь черезъ Лаву, посадилъ вѣсту въ повозку, запряженную лучшими его лошадьми; друзья его сѣли въ другую повозку, и двѣ тройки поскакали въ село Дубки, гдѣ жители всѣ уже спали, кромѣ священника, который, по условію, ожидалъ Владиміра. Вѣчаніе совершилось въ тамошней церкви. Потомъ новобрачные поѣхали въ домъ Владиміра. Друзья проводили ихъ, и каждый изъ нихъ, поочередно, съ круговымъ кубкомъ въ рукѣ, пожелалъ молодымъ счастья отъ искреннаго сердца. Всѣ потомъ разошлись по домамъ. Владиміръ и Надежда въ ихъ удивленномъ жилищѣ остались одни.....

Къ сожалѣнію, въ этомъ мѣстѣ, самоъ интересномъ, въ подлинной летописи не достаетъ листочка. Слѣдующая страница начинается словами :

.....любовь, да еще Иванъ и кухарка. Работникъ Иванъ, потягиваясь и зѣвая, вышелъ изъ кухни, чтобы, по приказанію Владиміра, pokrѣнче запереть ворота, а кухарка Ивановна спала на печкѣ: ей и сонъ не могло пригрѣзиться, что на другой день поутру неожиданно явится въ домъ молодая хозяйка! Она, напротивъ, видѣла во снѣ совсѣмъ другое. Сначала снилась ей лошадь, а лошадь, по толкованію мудрецовъ, означаетъ врага, то есть, врага; врагъ же, по мнѣнію другихъ мудрецовъ, однозначительное слово съ Варягомъ; а Варягъ, по свидѣтельству важныхъ людей, то же, что Шведъ. Потомъ снилось Иванови, что лошадь, то есть, врагъ, Варягъ, или Шведъ, вбѣжала въ домъ Владиміра, и все въ домъ перепортила и изломала. Наконецъ къ разсвѣту сонъ окончился пляскою домового съ Ягою-бабою, подъ звуки Чухонской волюнки.

— Ой батюшки-свѣты! не къ добру сонъ! воскликнула Ивановна, проснувшись отъ ужаса. У Влади-

міра Львовича навѣрное есть какой-нибудь врагъ, который много бѣдъ ему надѣлаетъ. Кто жъ бы это былъ такой?

Ивановна цѣлый день ломала голову надъ этимъ вопросомъ, и никакъ не могла разрешить его. Она не имѣла вышшаго взгляда на человечество, и не могла догадаться, что сонъ прямо относился къ капитану Гольму.

Иванъ Стремевъ сдержалъ данное обѣщаніе. На другой день, вечеромъ, неожиданно явился онъ, съ иконою и хлѣбомъ-солью, и передалъ молодымъ благословеніе родителей. Кто опишетъ радость, кто опишетъ удивленіе и благодарность Владиміра и Надежды!

Распросамъ о За-лавскихъ не было конца.

— Ну, а капитанъ Гольмъ чтѣ дѣлаетъ? спросилъ наконецъ Владиміръ.

— Бѣсится! отвѣчалъ Стремевъ. Мы довели до него, черезъ другихъ, что Надежка наша неизвестно куда пропала. Онъ тотчасъ прибѣжалъ къ намъ, долго всѣхъ разспрашивалъ, всѣхъ утѣшалъ и обѣщалъ непременно отыскать тебя, племянница. Мы всѣ притворились, что и не-вѣсть какъ о тебѣ горюемъ. Не знаю, впрочемъ, повѣрилъ ли онъ намъ. О, онъ — хитрый Шведъ!

— А чтѣ, дядюшка, если онъ догадался гдѣ я? заштила Надежда съ безпокойствомъ.

— Такъ чтѣ жъ? Чтѣ онъ теперь возьметъ? Ты стой въ одномъ, что тебя Владиміръ Львовичъ подстерегъ, схватилъ и утѣшилъ силой. Да расплачься притомъ хорошенько. У васъ, женщинъ, за слезами дѣло не станеть. Впрочемъ, оно почти и правда, что тебя утѣшили: ты вѣдь упрямилась, не хотѣла итти; мы насилу двое съ тобой справились. Про меня, однако жъ, ты ничего не говори. Всю вину вали на одного Владиміра Львовича.

— Нѣтъ, нѣтъ, я лучше во всемъ обвиню одну себя!

— Вотъ что выдумала! Владиміру Львовичу Гольма и всѣхъ Шведовъ бояться нечего. Онъ Русскій подданный. Много будетъ, если на него отправятъ жалобу въ Новгородъ, а ему стоить только съездить туда и объяснить дѣло. Свои, конечно, своего не выдадутъ, и Шведское правительство грибовъ съестъ, будь въ этомъ уверена. Вѣдь какъ пойдетъ на бумаги-то, не только Шведы, и самъ чертъ съ Русскими подъячими не справится.

Въ это время послышался у воротъ сильный стукъ. Кухарка Ивановна вбѣжала, запыхавшись, въ комнату.

— Батюшка Владиміръ Львовичъ! какой-то офицеръ съ солдатами ломится къ намъ въ ворота. Иванъ не открываетъ, такъ грозятся калитку отбить!

— Это вѣрно Гольмъ, сказалъ Владиміръ. Не бойся, моя милая! Дядюшка, уведите ее скорѣе въ верхнюю свѣтлицу, и сами тамъ оставайтесь, пока я не выпроволю незваныхъ гостей.

— Они убьютъ тебя!..... Боже мой, Боже мой! восклицала Надежда, ломая руки. Нѣтъ, я здѣсь остаюсь. Пусть лучше схватятъ меня. Я упрошу Гольма, чтобы онъ тебя ничего не сдѣлалъ. Нѣтъ, ни за что не уйду отсюда.

— Ахъ, какая же ты глупенькая! сказалъ Иванъ Стрельцовъ. Полно упрямитесь; пойдѣмъ въ свѣтлицу. Мужа наобно слушаться. Онъ знаетъ, что дѣлать. Что, Владиміръ Львовичъ, тащить се что ли? Вѣдь она сама отсюда не уйдетъ.

— Послушайся меня, моя милая, прощай тебя! Будь спокойна; за меня ничего не бойся.

— Такъ ты ужъ не слушаешься мужа, племянница, на другой день послѣ свадьбы? На что это похоже! Я ужъ повесу ее, Владиміръ Львовичъ, дѣлать нечего!

И обнявъ Надежду, онъ ее приподнялъ одной рукою, и унесъ въ свѣтлицу.

Владиміръ хотѣлъ итти отпирать калитку, но ее уже выломали, и Гольмъ вошелъ въ комнату. Занимъ слѣдовалъ полковой переводчикъ.

— Кто вы таковы, и что вамъ надобно? спросилъ Владиміръ, нахмуривъ брови и подходя къ Гольму.

Гольмъ отвѣчалъ по-Шведски, подавъ знакъ переводчику.

— Вы имѣете честь говорить, сказалъ тотъ печистымъ Русскимъ языкомъ, съ Шведскимъ капитаномъ Гольмомъ, командиромъ отряда войскъ, расположеннаго на границѣ, по рѣкѣ Лавъ. По долгу своему онъ обязанъ наблюдать за исполненіемъ королевскаго повелѣнія, чтобы никто изъ Шведскихъ подданныхъ самовольно не переходилъ границы. Между-тѣмъ есть подозрѣніе, и даже достоверно извѣстно, что у васъ въ домъ скрывается дочь жителя той стороны, Павла Стремева. Именемъ его величества, короля, капитанъ требуетъ ея выдачи.

— Скажи капитану, что я никакихъ его приказаній и требованій исполнять не обязанъ, и что я прошу его сейчасъ же удалиться изъ моего дома.

— Капитанъ говоритъ, что у воротъ вашего дома стоятъ наши солдаты, и что если вы добровольно не исполните его требованія, то онъ принужденъ будетъ употребить силу. Весь домъ будетъ обысканъ, и бѣглую непременно найдутъ.

— Сила отражена будетъ силою. Въ домъ моемъ есть запасъ пороху. Я скорѣе взорву домъ на воздухъ, чѣмъ позволю обыскать его.

— Капитанъ изъ упорства вашего ясно видитъ, что бѣгнулъ у васъ. Онъ совѣтуетъ вамъ не доводить дѣла до крайности.

— Я то же самое совѣтую капитану.

— Онъ сейчасъ позоветъ солдатъ. Онъ не отвѣчаетъ за послѣдствія.

— И я также. Если подамъ условный знакъ, все жители села прибѣгутъ сюда вооруженные.

— Капитанъ говоритъ, что не допуститъ васъ до этого. Онъ будетъ въ необходимости пожертвовать вами и лишить васъ жизни.

Владиміръ, подойдя къ растворенному окну, вынулъ пистолеть изъ-за пояса.

— Скажи капитану, что его жизнь и всего его отряда въ моихъ рукахъ: она зависитъ теперь отъ моего указательнаго пальца. Мне стоитъ только нажать эту пружину; услышать выстрѣлъ, нашъ условный знакъ, и ни одинъ изъ васъ не возвратится за Лаву.

Между-тѣмъ Надежда съ трепетомъ, Иванъ Стремевъ съ возраставшимъ вниманіемъ, прислушались изъ свѣтлицы къ разгоравшемуся спору. Ивановна по другой лѣстницѣ прокралась въ свѣтлицу, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— Пропали мы все, матушка Надежда Павловна! прошептала она, махая въ отчаяніи руками. Кругомъ дома стоитъ неодолимаго сила бусурманъ. Да и сонъ мнѣ сегодня куда нехорошъ приснился. Быть худу, быть бѣдѣ!

— Молчи, баба! сказалъ шопотомъ Стремевъ, взглянувъ на нее сердито.

— Дядюшка, ради Бога, пустите меня къ нему. Я его загорожу собою! Пусть убьютъ меня прежде него!

— Да замолчи, племянница! Если тебѣ не жаль себя, то хоть меня пожалѣй. Развѣ тебѣ хочется, чтобы меня повѣсили? Увидишь, что Владиміръ Львовичъ не поддастся. Вашъ работникъ побѣжалъ уже въ село за подмогой.

— Слышите ли, слышите ли, дядюшка? Гольмъ зоветъ солдатъ своихъ!

— Слышу!..... Ахъ, дьявольщина! Въ самомъ дѣлѣ, чтобы съ Владиміромъ Львовичемъ чего не съдѣлали!.... Мошенники!..... Фу, какъ руки у меня зудятъ! Нѣтъ, ужъ поля ихъ, я не утерплю! Оставайся здѣсь, племянница, и смотри — ни гугу! А я сжучусь къ Владиміру Львовичу на подмогу. Дѣлать нечего: повѣсать, такъ повѣсать!

— Дядюшка, а ни за что не останусь здѣсь. Я побѣгу за тобою.

— Ивановна, стань у двери и не выпускай отсюда ни за что своей барыни. Ба, что пришло мнѣ въ голову! Это прекрасно! Нѣтъ ли здѣсь, Ивановна, какого женскаго платья?

— Какъ не быть, батюшка! Въ сѣняхъ, подлѣ этой свѣтлицы, стоитъ мой сундучишка.

— Давай сюда проворнѣе какое-нибудь изъ твоихъ платьевъ.

— Да у меня, батюшка, всего на всего платьевъ одно праздничное, да другое будничное, которое теперь на мнѣ, да третье.....

— Все равно! Давай сюда праздничное.

Ивановна принесла свой праздничный нарядъ. Стрелевъ снлъ съ себя саблю, потомъ кафтанъ, надѣлъ рубашку съ широкими рукавами, сарафанъ и фату, которою онъ закуталъ себѣ голову и закрылъ лице, такъ, что видны были только густыя, посѣдѣвшія брови, сверкающіе глаза и загорѣвшій носъ, по размеру вдвое болѣе самаго огромнаго женскаго носа. Если бы Надежда не была въ такомъ ужасѣ, она бы нахоталась до слезъ, глядя на дядюшку.

— Похожъ ли я на бабу? спросилъ Стрелевъ, поворачиваясь передъ Ивановной, которая помогла ему переодѣться.

— Нешто! похожъ такъ, батюшка. Только плеча у тебя широковаты, да и сарафанъ-то короче, и надѣть кривенько.

— Ну, всё равно, хоть криво впрягъ, да поѣхалъ такъ! Смотри же, племенища, отсюда ни ногой, какъ бы мы шуметь ни стали. Боятся теперь нечего. Гольмъ меня не узнаеть. Я прикинусь сердитой бабой. Стрѣлять въ меня постыдятся, а я между-тѣмъ всѣхъ ихъ, голубчиковъ, выпровожу.

Онъ это сказалъ въ то самое время, когда Владиміръ, какъ мы видѣли, подошелъ къ растворенному окну съ пистолетомъ.

Гольмъ, подбѣжавъ къ другому окну, закричалъ своимъ, чтобы они вошли въ домъ. Нѣсколько солдатъ вбѣжало. Владиміръ выстрѣлилъ въ окно изъ пистолета и, выхвативъ свою саблю, началъ отражать нападающихъ.

Надежда услышала выстрѣлъ и упала безъ чувствъ. Поручивъ ее попеченіямъ Ивановны, Стрелевъ бросился опрометью изъ свѣтлицы.

— Чтò это за разбой! слыханое ли это дѣло! закричалъ онъ, стараясь поддѣлать свой басъ подъ женскій голосъ. Вошь, мошенники!

— Убирайся отсюда, сумасшедшая! сказалъ ей переводчикъ, низенькій и толстый человѣчекъ. Не твое здѣсь дѣло!

Стрелевъ, схвативъ переводчика на руки, какъ куклу, бросилъ въ окно, на улицу. Окна были не высоки и убиться было нельзя; однако жъ переводчикъ порядочно трихнулся, и отъ испуга совсѣмъ одурѣлъ. Сидя на землѣ, онъ началъ изо всей силы кричать по-Шведски: «Спасайтесь! спасайтесь!»

Солдаты, бывшіе на улицѣ, не видя при темнотѣ ночной, кто и отчего кричитъ, оробѣли. Между-тѣмъ Стрелевъ трехъ Шведскихъ вонтелей, которые вбѣжали въ домъ, перебросалъ въ окошко. Одинъ въ него выстрѣлилъ, но онъ увернулся, вырвалъ у него ружье и отплативалъ остальныхъ прикладомъ. Потомъ онъ схватилъ Гольма, который рубился съ Владимі-

ромъ. Гольмъ изумился, вдругъ почувствовавъ, что его кто-то тащитъ въ рукахъ, съ такою легкостью, какъ двухъ-лѣтняго ребенка. Онъ ухватился за фату и сорвалъ ее съ головы Стремева.

— А! да это ты, воскликнулъ онъ.

— Ну да, я! А ты думалъ что — баба? сказалъ Стрёмевъ, поставивъ Гольма на полъ и разглаживая свои усы и бороду.

Его отважный, мужественный видъ и женскій нарядъ составляли такую противоположность, что Владиміръ, взглянувъ на него, разсмѣялся.

Въ это время прибѣжали къ дому друзья Владиміра и многіе жители села Дубки. На улицъ между ними и Шведскими солдатами началась перестрѣлка. Переводчикъ свое сидчее положеніе перемѣнилъ въ лежачее, и началъ еще пуще кричать: «Спасайтесь!»

— Вложи ка свой палашъ въ ножны, сказалъ Стрёмевъ Гольму. Слышишь ли, какъ тамъ на улицъ наши покрикиваютъ да попаливаютъ? Ты видишь, что здѣсь ничего не возьмешь. Закричи-ка лучше своихъ солдатамъ — шабашъ! А я закричу нашимъ пріятелямъ то же. Не лучше ли ихъ разнять, прежде чѣмъ переколютъ всѣхъ вашихъ? Чтó кровь лить даромъ!

— Хорошо, я закричу, но знай, измѣнникъ, что тебя завтра же повѣсятъ вмѣстѣ съ твоею племянницею!

— Держи карманъ! Повѣсятъ! Ты, чай, думаешь, что я перейду на вашу сторону? Нѣтъ, честный капитанъ, не дурака пашель. Теперь по-неволю я останусь на этой сторонѣ, и на Шведскій берегъ ты ужъ меня и калачемъ не заманишь. Тьфу, пропасть, какъ они тамъ стрѣляютъ! — Гей, земляки, полно! уймнитесь! крикнулъ онъ, подойдя къ окну. Шведъ мира просить!..... Да закричи своимъ, капитанъ! Вѣдь ихъ всѣхъ перебьютъ. Видишь, нашихъ сколько сбѣжалось!

Гольмъ закричалъ своимъ солдатамъ. Владиміръ, выйдя изъ дому, началъ унимать сражающихся, и перестрѣлка мало-по-малу затихла. Шведы, подобравъ раненыхъ, удалились за Лаву.

V.

Гольмъ на другой же день послалъ донесеніе къ Ораниенбургскому «держанцу»: такъ въ 1622 году назывался по-Русски Нѣтебургскій коммендантъ. Гольмъ уведомилъ его, что Иванъ Стрелевъ убѣжалъ за границу; что отрядъ Шведскихъ солдатъ, посланный для поимки его, принужденъ былъ отступить за Лаву; что Стрелевъ, собравъ на Русской сторонѣ многочисленную толпу вооруженныхъ людей, можетъ легко покровительствовать перебѣжчикамъ и измѣнникамъ и увеличить ими толпу свою. Капитанъ просилъ комменданта прислать роту солдатъ на помощь, позволить перейти Лаву и, схвативъ Стрелева, обезопасить границу: онъ настаивалъ на необходимости уничтожить въ самомъ началѣ вредъ, который можетъ произойти отъ опаснаго примѣра безнаказанной измѣны. Этотъ рапортъ находится въ дѣлахъ Выборгскаго архива. О Надеждѣ Гольмъ ничего не упоминаетъ въ рапортѣ: онъ намѣревался отбить ее у Владиміра, и присвоить себѣ какъ пленницу. Сначала она плачетъ о своемъ любезномъ, думалъ онъ, считая Владиміра навѣрное убитымъ; потомъ утѣшится по немножку, какъ дѣлаютъ всѣ женщины по сю и по ту сторону Лавы, а наконецъ и меня Шведъ полюбитъ, особенно когда я выставлю ей, что мною прикрытъ побѣгъ ея за границу, и что она тѣмъ избавляется отъ позорной смерти.

Оршковскій державецъ, не желая прибѣгать къ силѣ, и опасаясь, чтобы это не сочтено было нарушениемъ мира, отправилъ требованіе къ Новгородскому воеводѣ о выдачѣ перебѣжчика Ивана Стремева; но дѣлькѣ Воеводы, знакомецъ Стремева, — онъ однажды сорвалъ съ него взятку, — отвѣчалъ, что «таковаго по сыску нигдѣ на Русской землѣ на жительство не оказалось, а буде его обрѣтутъ, то немедленно и препроводится оный Стремевъ за Лаву при бумагахъ». Отвѣтъ этотъ я нашелъ въ сапогѣ покойнаго Выборгскаго архивариуса, или Карла XII. Видя изъ воеводскаго посланія, что Стремева не хотѣтъ выдать, Оршковскій державецъ убѣдился настояніями Гольма и далъ ему предписаніе схватить силой перебѣжчика. Цѣнь Шведскихъ часовыхъ по Лавѣ была усилена такъ, что сношеніе между жителями обонхъ береговъ сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Однако жъ не смотря на это, Артемій успѣлъ перебросить на стрѣль письмо, въ которомъ уведомлялъ дядю о предписаніи комманданта.

— Какъ думаешь, Владиміръ Львовичъ? говорилъ Иванъ Стремевъ. Племянникъ-то намъ совѣтуетъ, какъ можно скорѣе убраться подальше отъ границы.

— Я думаю, что это будетъ не нужно. Гольмъ не осмѣлится опять сюда прійти. Отъ насъ зависить показать, что мы гововы его встрѣтить.

— Я самъ тѣхъ же мыслей. Притомъ, грѣшно бы намъ было уйти отсюда. Насъ Шведы ищутъ, такъ намъ первымъ и драться должно съ ними. А то безъ насъ они, проклятые, перейдутъ, пожалуй, сюда, и обидятъ здѣшнихъ жителей, которые ни въ чемъ не виноваты. Надобно бы собрать мѣръ въ селѣ да спросить, что православный народъ скажетъ?

— Это можно сдѣлать.

Черезъ нѣсколько дней Артемій перебросилъ другое письмо. Онъ извѣщалъ, что въ Село Богоялецкое

пришла изъ Орѣшка рота солдатъ ; что коммандантъ прислалъ съ нею два полевыхъ орудія, и что Гольмъ на другой день, на разсвѣтъ, намѣревается перейти Лаву.

Надежда, несмотря на увѣренія Владиміра и дяди, что опасаться нечего, пришла отъ этого извѣстія въ совершенное отчаяніе. Она умолила ихъ, хоть на-время, удалиться отъ границы.

— Полно, дуручка! говорилъ Стрелевъ, чистя ружье. Надобно съ перваго разу попотчивать незваныхъ гостей такъ, чтобы впередъ nepовадно было имъ сюда жаловать.

— Притомъ, моя милая, прибавилъ Владиміръ, всѣ пограничные жители, способные носить оружіе, обязаны сражаться, въ случаѣ нападенія непріятельскаго.

Владиміръ и Стрелевъ повхали въ село Дубки, и собрали на площадь, передъ церковью, тамошнихъ жителей, которые всѣ знали и любили Владиміра. Онъ купилъ въ селѣ бочку пива, и вселялъ поставить ее на площадь, а Стрелевъ принялъ на себя обязанность угощать мѣрь. Въ ближнія села и деревни поскакали гонцы «звать народъ съ оружіемъ въ село Дубки для свѣшнаго земскаго дѣла». Вскорѣ собралось на площади болѣе тысячи человекъ.

Сначала рослили бочку; а потомъ Стрелевъ, вставъ на нее, поклонился на всѣ четыре стороны, и произпесъ рѣчь:

— Православные христіане! Вѣдомо вамъ, что по ту-сторону Лавы много живетъ любезныхъ земляковъ нашихъ, въ вѣчномъ полону у Шведовъ. Прежде можно было хлѣбъ-соль водить съ ними, ѣздить другъ къ другу въ гости, торговля и другія дѣла справлять. А нынче пришло такое время, что Шведское генеральство не пускаетъ ни ихъ къ намъ, ни насъ къ нимъ. По берегу стоятъ вездѣ часовые съ пищалями

заряженными. Здвншей стороны городской дворянинъ Владиміръ Львовичъ Стрѣловъ, который вотъ здѣсь передъ вами, и котораго, я чаю, всѣ вы знаете, полюбилъ мою племянницу и посватался къ пей, а она, слышь, жила на той сторонѣ, въ полону у Шведовъ. Родители ея были согласны благословить ее; но какъ запретили всѣмъ За-лавскимъ ѣздить на этотъ берегъ, то свадьба-было и разстроилась. Бѣдная дѣвка чуть съ тоски не умерла; родители ея тоже зачахли съ горя, а городской дворянинъ молодецкую голову повѣсилъ. Не утерплю мое сердце! Я пособилъ молодцу, и онъ свою суженую съ того берега, изъ Шведскаго полону, перемахнулъ сюда, и обвѣнчался съ нею въ храмъ Божию. Вотъ, она стоитъ подлѣ него, передъ вами, православные! Полно краснѣть-то, племянница: поклонись добрымъ людямъ, любезнымъ землякамъ нашимъ!..... На другой день перебрался я черезъ Лаву и принесъ молодымъ нкону, хлѣбъ-соль и благословеніе родительское, а Шведы некрещеные и нагрянули сюда для поисковъ; хотѣли меня и мою племянницу схватить да на той сторонѣ повѣсить; но мы, лихъ, при помощи добрыхъ людей, не поддались, какъ вамъ, я чаю, вѣдомо. И пришли нынче съ той стороны вѣсти, что Шведовъ великая сила собирается перейти завтра на этотъ берегъ, чтобы меня съ племянницей изымать. А мы вѣдь земляки ваши. Бѣжать отсюда мы не хотимъ, и остались, чтобы васъ Шведы напрасно за насъ не обидѣли. Хотите ли выдать насъ, выдавайте! Ваша на то воля. Хотите ли отстоять насъ, мы спасибо вамъ, добрымъ людямъ и землякамъ любезнымъ, скажемъ. А мы то сдѣлаемъ, что скажетъ мѣръ.

— Отстоять! — Отстоять! загремѣлъ крикъ со всѣхъ сторонъ.

Между-тѣмъ Стрѣмевъ, снявъ шапку и поглаживая бороду, кланялся на всѣ стороны, и говорилъ: «Спа-

сябо ванъ, добрые люди! Спасибо, земляки любезные!»

— Можно будетъ, сказалъ Владиміръ, отправить челобитную къ Новгородскому воеводѣ о присылкѣ отряда стрѣльцовъ для отраженія Шведовъ. Мало ли есть на ихъ сторонѣ нашихъ, которыхъ они силой у себя удерживаютъ и не выдаютъ, несмотря на всѣ требованія воеводы*. Однако жъ отсюда не переходить войска на Шведскую землю. Пускай и Шведы ищутъ къ намъ, а съ войскомъ не милости просимъ на нашу сторону. Воевода, безъ-сомнѣнія, пришлетъ стрѣльцевъ.

— Не нужно! закричали многіе голоса. Мы и одни справимся со Шведами, а послѣ воеводѣ допесемъ.

— Кто же будетъ начальствовать войскомъ? спросилъ Иванъ Стрелевъ. Я былъ во многихъ битвахъ, и знаю, что безъ начальника войско то же, что чело-вѣкъ безъ головы.

— Стрѣловъ, Стрѣловъ пусть начальствуетъ! закричало множество голосовъ.

— А меня благословите въ передовой отрядъ, православные! сказалъ Стрелевъ, кланяясь. Я первый долженъ лобъ подставить и зубы показать Шведамъ. Хоть я и старъ, однако за себя постою.

— Ладно! ладно! закричала толпа. Будь начальникомъ передоваго отряда.

По совету Владиміра, и подъ его надзоромъ, въ ту же ночь устроили земляное укрѣпленіе на высокомъ

* Въ современной проишествію, царской грамотѣ Новгородскому воеводѣ, сказано: «Съ Государевы стороны въ Свѣтскую сторону посѣмства отданы многіе люди, а съ Свѣтскія стороны въ Государеву сторону Государевыхъ людей отдано мало.» Даже другою тайною грамотою Новгородскому воеводѣ предписано было неребѣжчцовъ отправлять внутрь Россіи, для поселенія, а Свѣтскими державцами отвѣчать на ихъ требованія, что тѣхъ неребѣжчиковъ въ сѣску на нашей сторонѣ не объявлено.

берегу Лавы. Остатки его до-сихъ-поръ сохранились. Стрелевъ създаль въ какой-то ближній монастырь, привезъ оттуда двѣ небольшія чугунныя пушки и поставилъ на устроенный валъ. Потомъ войско размѣстилось въ домахъ у жителей села Дубки, для отдыха, а Стрелевъ съ передовымъ отрядомъ пошелъ по берегу Лавы и разставилъ цѣпь часовыхъ.

Едва занялась утренняя заря, на берегу Лавы раздался ружейный выстрѣлъ. Часовые въ селѣ повторили этотъ условный знакъ тревоги, и войско выигъ сбѣжалось на площадь. Владиміръ вышелъ изъ избы, сопровождаемый юношкою рѣдкой красоты. Черные, вьющіеся кудри изъ-подъ бархатной шапочки падали на плеча его. За полсомъ зеленого полукафтаныя его заткнутъ былъ пистолетъ. Въ рукъ блестѣла сабля.

Это была Надежда. Ни просьбы, ни убѣжденія Владиміра не могли переменить ея рѣшимости. Она хотѣла быть подлѣ него во все время сраженія.

Ополченіе, послѣ краткой молитвы, двинулось къ берегу Лавы. Между-тѣмъ Иванъ Стрелевъ возился около пушекъ на батареев.

— Хорошъ этотъ шарикъ! молвилъ онъ, вкатывая ядро въ дуло пушки и прибивая его банникомъ. Фитиль-то, фитиль, землякъ, держи наготовѣ! Вонъ, видишь, на той сторонѣ пріятели ужъ высовываютъ носы изъ-за опушки лѣса. Ба! и у нихъ есть чугунныя ступы!

— Да; и у нихъ двѣ пушки, сказалъ одинъ изъ бывшихъ на батареев.

— Смотрите-ка, земляки! продолжалъ Стрелевъ. Они насъ увидѣли. Одну ступу-то на насъ направляютъ. Вонъ, и фитиль закурился. Подай-ка, землякъ, и мнѣ фитиль.

Грануль выстрѣлъ, и Шведское ядро прожужжало надъ укрѣпленіемъ.

— Что вы это, земляки? сказала Стрёмевъ: зачѣмъ вы нагнулись, какъ-будто къ сырой землѣ припасть хотѣли?

— Ты и самъ, Иванъ Павловичъ, понагнулся, замѣтилъ одинъ старикъ.

— Неужто? продолжалъ Стрёмевъ, внося фитиль на затравку. Я и не замѣтилъ этого. Когда ядро летитъ, то всякому кажется, что оно голову спшибетъ. А вѣдь не думаешь того, что оно и лежачаго достанетъ..... Ну, вотъ и Шведамъ гостиница. Не велика ступа, а какой у нея громкій голосъ!

Послѣ выстрѣла онъ началъ прочищать орудіе.

Пославъ сильный отрядъ всторону съ приказаніемъ переправиться черезъ Лаву и по лѣсу зайти въ тылъ Шведамъ, Владиміръ приблизился съ остальнымъ войскомъ къ укрѣпленію. Шведы, скрывшись отъ выстрѣловъ Стрёмева, въ лѣсъ, начали спускаться по косоугору къ Лавѣ, намѣреваясь перейти ее вбродъ, подняться на другой берегъ и взять укрѣпленіе приступомъ. Въ лѣсу, Гольмъ остановилъ солдатъ и послалъ на укрѣпленіе, для переговоровъ, Павла Стрёмева и Артемія, которыхъ взялъ съ собою нарочно для этой цѣли.

Перестрѣлка затихла. Владиміръ съ Надеждою взошелъ на валъ, чтобы осмотрѣть долину и наблюдать за движеніемъ непріятелей.

— Посмотри, мой другъ! сказала Надежда. Вотъ тамъ три человека перебираются съ Шведской стороны, вбродъ, черезъ Лаву. Что они хотятъ дѣлать?

— Одинъ изъ нихъ держитъ на пикѣ бѣлый платокъ, сказалъ Владиміръ. Это, вѣрно, посланные для переговоровъ.

— А нѣтъ сдается, что это лазутчики, возразилъ Иванъ Стрёмевъ. Не пустить ли въ нихъ шарикъ изъ этой ступки?

Онъ началъ наводить пушку.

— Это батюшка! Это братецъ! вскрикнула Надежда, прыгая отъ радости. Они, они!

— Если они, сказалъ Стрелевъ, то я стрѣлять въ нихъ погожу. Милости просимъ на нашу сторону! Вѣрно и въ братъ разыгралась наконецъ Русская кровь.

Переговорщики приблизились къ укрѣпленію. Толстенкій переводчикъ, (тотъ самый, который сядя и лежа кричалъ: спасайтесь!) посланный вмѣстѣ съ Павломъ Стрелевымъ и Артеміемъ, держалъ пядь въ рукѣ и какъ-можно выше поднималъ платокъ, чтобы Русскіе не опознались и не выстрѣлили въ неприкосновенную особу переговорщика. Владиміръ, Надежда и Иванъ Стрелевъ бросились съ укрѣпленія на встрѣчу. Раздались восклицанія: — Батюшка! — Братецъ! — Милая дочь! — и долго лились слезы радости, и долго безмолвный восторгъ потрясалъ сердца, и долго свидѣвшіеся переходили изъ объятій въ другія.

— Вотъ гдѣ Богъ приведетъ насъ встрѣтиться! сказалъ наконецъ Павелъ Стрелевъ.

— А что моя милая матушка? спросила Надежда. Здорова ли? Гдѣ она теперь?

— Она тамъ, на своей сторонѣ.

— Не угодно ли приступить къ переговорамъ? заиѣтилъ переводчикъ.

— Такъ вотъ зачѣмъ ты къ намъ, братъ, пожаловалъ! воскликнулъ Иванъ Стрелевъ. А я, признаться, подумалъ, что и ты рѣшился наплевать Шведамъ въ бороду и перейти на нашу Русскую сторону.

— Экой невѣжа! сказалъ переводчикъ: можно ли такъ говорить въ присутствіи уполномоченныхъ пословъ его королевскаго величества.

— Ба, ба, ба! продолжалъ Иванъ Стрелевъ: да мы, кажется, господишь посоль, люди знакомые. Я, ни-

какъ, вашу милость изъ окошка швырнулъ. Жаль, что окошко-то было низко. Вотъ какъ бы въ эту долину пришлось.....

— Я надѣюсь, что здѣсь нѣтъ никакого предательства, и вѣроломства не будетъ оказано переговорщикамъ, сказалъ переводчикъ, пятась и выпрямиваясь съ достоинствомъ. Кто начальникъ здѣшняго войска и гдѣ онъ? Проводите насъ къ нему скорѣе.

— Начальникъ л, отвѣчалъ Владиміръ.

— Вы?

— Да, онъ, подхватилъ Стрелевъ: а я начальникъ переловаго отряда.

— Ну, я вижу, что переговоры довольно будутъ трудны. Однако жъ надобно исполнить, что поручено. Капитанъ Гольмъ, желая избѣжать кровопролитія, предлагаетъ, чтобы во-первыхъ выданъ былъ измѣнникъ Иванъ Стрелевъ.....

Переводчикъ не зналъ его въ лицо.

— Измѣнникъ! воскликнулъ Иванъ Стрелевъ. Ахъ, ты крыса Шведская! Ты смѣешь меня такъ поносить въ глаза? Да о двухъ что ли ты головахъ? Смотри, швырну отсюда вонъ туда, только пакни!

Онъ указалъ на дно долины.

— Что еще предлагаетъ капитанъ? спросилъ Владиміръ.

— Еще предлагаетъ онъ, отвѣчалъ переводчикъ, заикаясь, чтобы похищенная вами дочь Павла Стрелева была возвращена въ домъ ея родителя. Онъ даетъ честное слово, что и она и дядя ея Иванъ Стрелевъ будутъ сочтены добровольно явившимися изъ-за границы, и избавятся отъ всякаго наказанія.

— Этакимъ милостивецъ! сказалъ Иванъ Стрелевъ. Нѣтъ, нѣтъ, братъ Шведъ, ты мягко стелешь, но на томъ берегу жестко будетъ спать. Не угодно ли капитану Гольму сюда пожаловать? Я ему ничего не сдѣлаю, а только шею сверну!

— Капитанъ Гольмъ надвѣтся, продолжалъ переводчикъ, что предложенія его будутъ приняты и уважены. Въ противномъ случаѣ онъ силой исполнитъ свое требованіе, во чтѣ бы то ни стало. Солдаты у него много, есть пушки, и сверхъ-того.....

— Да вѣдь и у насъ есть чугуныя ступы! воскликнулъ Иванъ Стрелевъ. Чтѣ онъ расхвастался! Посмотримъ еще, чья возьметъ?

— Ты всего легче, продолжалъ переводчикъ, обратясь къ Павлу Стрелеву, можешь уговорить дочь и брата исполнить требованіе капитана. Ты затѣмъ и отправленъ сюда. Скажи своей дочери, что она будетъ причиной кровопролитія, которое однако жъ ни къ чему не послужитъ и кончится тѣмъ, что ее и дядю Шведы возьмутъ силой.

— Скажи капитану, отвѣчалъ Владиміръ, что онъ напрасно отыскиваетъ на этомъ берегу Надежды Стрелевой. Ея нѣтъ здѣсь. А за кровопролитіе отвѣтить передъ Богомъ нападающій.

— Помилуйте, она подлѣ васъ стоитъ! Я узналъ ее, несмотря на этотъ нарядъ.

— Это Надежда Стрѣлова, жена моя! Никакая власть на свѣтѣ ее у меня не отниметъ. Скажи это своему капитану.

— А про меня скажи, примолвилъ Иванъ Стрелевъ, что никакая власть на свѣтѣ меня на тотъ берегъ не перетазитъ.

— Такъ переговоры кончены? спросилъ переводчикъ.

— Нѣтъ, не кончены еще! отвѣчалъ Иванъ Стрелевъ. Намъ надобно кое о чемъ поговорить, только здѣсь есть лишнія уши, а именно твои. Отойди отсюда на тридцать шаговъ. Я хочу поговорить съ братомъ и племянникомъ.

— Я не могу этого сдѣлать. Я долженъ слышать все, что сказано будетъ на переговорахъ.

— Послушай! крикнулъ Иванъ Стрелевъ. Если сейчасъ же не отойдешь, я тебя брошу въ Лаву. Здѣсь вѣдь не изъ окошка слетишь. Поставь внизу двѣ колокольни, одну на другую, такъ верхушка не достанетъ до этого берега. Убирайся же отъ насъ на тридцать шаговъ, честный господинъ. Ну, ну, ни полслова.

Переводчикъ пожалъ плечами и отошелъ въ сторону, поглядывая со страхомъ на удалаго старика.

— Любезный братъ! сказалъ Иванъ Стрелевъ. Неужели ты и теперь еще не рѣшишься остаться на Русской сторонѣ? Вспомни, что Шведы вѣроломно захватили Русскія земли въ смутное время, когда не было у насъ царя, когда защищать насъ было не кому. Православный царь нашъ Михаилъ Феодоровичъ уступилъ имъ свои области по одной необходимости. Помани мое слово, что они воротятся подъ власть Царя Блага, и Шведы заплатятъ за захватъ чужихъ земель. Тебя здѣсь пріймутъ и укроютъ. Я знакомъ съ дьякомъ воеводы Новгородскаго. Въ чемъ ты сомнѣваешься? Чего боишься ты?

— Я боюсь, любезный братъ, нарушить клятву, которую произнесъ, цѣлуя крестъ и Евангеліе. Не скрою: тяжело, горько мнѣ было произнести ее! Но теперь уже сдѣланнаго не воротить. Я не хочу губить души своей!

— Но если бы, напримѣръ, любезный братъ, мы тебя и племянника моего, Артемія, задержали здѣсь силою, въ полощъ взяли, если бы Новгородскій воевода велѣлъ оставить васъ здѣсь заложниками за всѣхъ тѣхъ Русскихъ подданныхъ, которыхъ Шведы не возвращаютъ и удерживаютъ у себя, не уважая требованій воеводы?

— Я объявляю васъ плѣнными, любезный батюшка, и тебя, братъ! сказалъ Владиміръ Павлу Стремеву и Артемію.

— Батюшка, останьтесь съ нами! закричала Надежда, бросающъ въ объятія отца.

— Переговорщиковъ не берутъ въ плѣнъ. Это будетъ подлая, обманъ собственной своей совѣсти. Притомъ вспомни, милая дочь, что матушка твоя на той сторонѣ.

— Боже мой! воскликнула горестно Надежда, и повѣсила головку.

— Я берусь переправить ее сюда; согласишься только съ нами остаться, сказалъ Иванъ Стрёмевъ.

— Это не такъ легко! Можетъ-быть, это будетъ стоить тебѣ или ей жизни.

— Такъ тебя, братъ, ничѣмъ нельзя уговорить? Ты ужь Русскимъ быть не хочешь?

— Не хочешь! вскричалъ Стрёмевъ, задрожавъ отъ негодованія. Не хочешь!..... Чего бы не отдалъ я, чѣмъ бы не пожертвовалъ, чтобы опять быть Русскимъ! Но все кончено, я связалъ душу свою клятвой, у меня отняли родину, уступили меня Шведамъ: не взмѣню клятвъ, чести и совѣсти; доживу вѣкъ вѣрнымъ королю. Мнѣ уже не слѣдъ называться Русскимъ.

Онъ залился слезами.

— Назадъ, назадъ скорѣе! закричалъ въ это время переводчикъ, подбѣгал. Началась перестрѣлка! Переговоры кончены!

Отрядъ Русскихъ, посланныхъ въ обходъ, встрѣтился въ лѣсу со Шведами.

— Прощай, милая дочь! сказалъ Павелъ Стрёмевъ, обнимая нѣжно Надежду. Да пребудетъ надъ тобой мое благословеніе! Прощай, Владиміръ Львовичъ!

Прощай, любезный братъ! Не забывайте насъ. Можеть быть, никогда ужь не увидимся! Пойдемъ, Артемій.

Они удалились. Переводчикъ убѣжалъ впередъ, поднимая какъ можно выше пикъ съ платкомъ.

Владиміръ съ Надеждой и Иванъ Стрелевъ воротились на батарею. Вскорѣ появились въ долину Русскіе, тѣснимые превосходными силами непріятеля. Они отступали, отстрѣливаясь.

— Ба! да никакъ наши отступаютъ! закричалъ Иванъ Стрелевъ. Пойдите, пріятель!..... Видишь они какъ на нашихъ бросаются! Дайте только навести ступку. Я вамъ пересчитаю головы.

Владиміръ началъ наводить другую пушку.

Въ это время, на другомъ берегу Лавы, появился изъ лѣсу сильный отрядъ Шведовъ. Двѣ пушки привезены были ими на самый край берега. Застонала Лавская долина отъ выстрѣловъ. Ряды Русскихъ и Шведовъ рѣдѣли. Дымъ клубился надъ долиной.

Вдругъ пуля попадаетъ Владиміру въ середину груди. Онъ стоялъ на краю укрѣпленія и заряжалъ пушку. Ядро выпало изъ рукъ его. Онъ, стонавъ, покатился по валу и ринулся на дно глубокой долины.

Съ изступленнымъ крикомъ отчаянія Надежда бросилась за нимъ.

— Господи! воскликнулъ, содрогнувшись, Иванъ Стрелевъ: помни души ихъ во царствіи Твоёмъ!

И Шведское ядро сбило пушку съ лафета.

— Пойдите же вы, мошеники! крикнулъ Стрелевъ, запыхавъ львиною яростью. Я оплачу вамъ! Земляки любезные, за мной! На ту сторону Лавы!

Какъ водопадъ, поспѣло Русское войско по косогору въ долину, перебѣжало черезъ Лаву, взобралось во крутизну на противоположный берегъ, и съ кра-

комъ «ура» ударило на Шведовъ. Не долго держались они противъ такого отчаяннаго нападенія. Пушки изъ были взяты и сброшены въ долину. Стрелецъ разрубилъ Гольма чуть не до пояса. Вскорѣ поле покрылось бѣгущими Шведами.

На полянѣ, по которой изливается Лава, миновавъ крутые и высокіе берега, сохранился до-сихъ-поръ курганъ, обросшій травою. Тутъ похоронены Стрелецъ Русскіе, убитые въ Лавской битвѣ; тутъ же положены рядомъ Владиміръ и Надежда.

К. НАСАЛЬСКИЙ.

II.

ПОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ИНЬЕСА ДЕ ЛА СИЕРРАСЪ.

РАЗСКАЗЪ Г. КАРЛА КОДИЪ.

Это случилось въ концѣ декабря 1812 года. Я былъ тогда капитаномъ въ драгунскомъ полку, который стоялъ въ Жироннѣ. Полковнику вздумалось послать меня за ремонтомъ въ Барселону, гдѣ на второй день Рождества бываетъ конская ярмарка, знаменитая во всей Каталоніи. Ко мнѣ прикомандировали двухъ поручиковъ нашего полка, Сержи и Бутре, короткихъ моихъ пріятелей.

Сержи былъ молодой офицеръ, красавчикъ собою, остроумный, ловкій и уже не разъ доказывалъ храбрость свою на дѣлѣ. Онъ любилъ и понималъ всѣ искусства безъ исключенія; но по своему нѣжному, слабонервному сложенію, всего болѣе былъ склоненъ къ музыкѣ. Инструментъ, который поетъ подъ искусными пальцами, и особенно звуки прекраснаго голоса, приводили его въ восхищеніе до того сильное, что оно выражалось невольными криками и слезами.

Если жъ пѣла женщина и притомъ хорошенькая, то восторгъ его доходилъ до безумія. Я, право, не разъ думалъ, что онъ съ ума сойдетъ.

Бутре былъ человекъ совсѣмъ другаго рода. Печистый здоровякъ, малой предобрый, благородный, храбрый; но лице его было изъ самыхъ обыкновенныхъ, а умъ походилъ на лице. Правдивую любовь зналъ онъ только по слуху, да и то плохо ей вѣрилъ; а духовная жизнь ограничивалась для него немногими идеями, о которыхъ онъ составлялъ себѣ непреложныя правила, или которыя ему удалось выразить рѣшительными формами — чтѣ очень покойно для того, чтобы не разсуждать. Онъ отрицалъ все чтѣ трудно доказать логическими доводами. На все толки о чувствѣ, о вѣрованіи, онъ отвѣчалъ только пожатіемъ плечъ и словомъ — предрасудки; при всемъ этомъ Бутре былъ прекрасный товарищъ и лучший во всемъ полку знатокъ въ лошади.

Такъ какъ намъ надобно было купить лошадей и себѣ тоже, то мы рѣшились нанять *arrieros*'а, или ямщика, которыхъ въ Жироинѣ очень много. Кануны Рождества и ярмарка привлекали безчисленное множество путешественниковъ изъ всѣхъ частей Каталоніи. Не подумавъ объ этомъ во-время, мы въ одиннадцать часовъ утра все еще искали извозчика; оставался уже только одинъ цезанятый, да и того мы захватили въ воротахъ.

— Будь ты проклятъ со своей повозкой, да и съ мулами! вскричалъ Бутре, измученный хлѣбкой и досадой. Чтѣбъ тебѣ всѣ черти изъ ада попались на встрѣчу и чтѣбъ самъ Люциферъ захватилъ тебя въ когти! Намъ, видно, не вѣхать.

Аггисго перекрестился и отступилъ на шагъ.

— Богъ въ помощь, Эстебанъ, сказалъ я ему. Есть ли у тебя сѣдоки?

— Нельзя сказать, чтѣбъ были сѣдоки, потому что

у меня только одинъ и есть, сеніоръ Баскара, режиссеръ и паяцъ здѣшной труппы; товарищи его уже въ Барселонѣ, а онъ оставался здѣсь при вещахъ; всего-то вотъ эта связка съ лохмотьями и вѣтошками, которой и на осла мало; теперь онъ везетъ это добро въ Барселону.

— И прекрасно! Вѣдь у тебя четыре мѣста, такъ, вѣрно, сеніоръ Баскара позволить намъ заплатить три четверти цѣны. Спроси-ка его, Эстебанъ, угодно-ли ему принять насъ въ товарищи?

Баскара церемонился не долго и въ полдень мы вышли изъ Жироны.

Утро было, судя по времени года, прекрасное; но только мы выбрались изъ города, какъ бѣловатые пары, которые съ самаго восхода солнечнаго, волновались на вершинахъ холмовъ, распространились съ удивительною быстротою, заволокли весь горизонтъ и сдавили насъ со всѣхъ сторонъ, какъ бы стѣною. Вскорѣ пошелъ дождь вмѣстѣ съ снѣгомъ, да такой мелкой и частой, что какъ-будто весь воздухъ превратился въ воду или какъ-будто мулы завезли насъ въ рѣку. Безъземная стихія, въ которой мы очутились, сдѣлалась до того непрозрачною, что мы въ двухъ шагахъ отъ себя ничего не видали; да и самъ извощикъ безпрерывно осматривалъ дорогу и пробовалъ ее ногою, отчего мы, конечно, ѣхали не скорѣе условленнаго. Притомъ всѣ броды въ нѣсколько часовъ такъ наполнились водою, что сдѣлались даже опасными, и Баскара при каждомъ изъ нихъ поручалъ себя молитвамъ св. Николая или св. Игнатія, покровителей мореходцевъ.

— Я, право, начинаю бояться, сказалъ Сержи, не сбывается ли проклятіе, которымъ Бутре одолжилъ нашего извощика. Точно, видно, всѣ черти вышли къ намъ на встрѣчу, остается только побывать въ когтяхъ

у Люцифера, чтобы желаніе его совсѣмъ сбылось. За что же однако жъ мы за него страдаемъ!

— Э, братецъ, все пустяки, сказала Бутре, въ про- сонкахъ; предрасудки, суевѣріе! И онъ снова за- снулъ.

Дорога сдѣлалась немного получше, когда мы до- брались до каменистаго морскаго берега; но дождь или, правильнѣе, потокъ, сквозь который мы тащи- лись, все не уменьшался. Онъ сталъ проходить часа уже черезъ три послѣ того какъ солнце село; а намъ было еще далеко отъ Барселоны. Мы пріѣхали въ Маттаро и рѣшились тутъ ночевать, потому что мулы наши совершенно выбились изъ силъ. Но тутъ новая бѣда: только мы подъѣхали къ воротамъ трактира, какъ извозчикъ остановился, отворилъ дверцы и ска- залъ намъ, что весь дворъ заставленъ экипажами.

— Это сущее наказаніе Божіе, вскричалъ онъ. Развѣ ужъ почевать въ замкъ Гисмондо съ чертями!

Я однако жъ ему не повѣрилъ; пробрался кое-какъ сквозь шумную толпу путешественниковъ, *arrieros'*- овъ, муловъ и погонщиковъ, до самой хозяйки, и она подтвердила неприятное показаніе извозчика: во всемъ ея трактирѣ не было ни уголка свободнаго.

— Ни мѣстечка пустаго, сеніоръ капитанъ, сказала она; я, право, не знаю гдѣ самой лечь. Развѣ почевать въ замкъ Гисмондо съ чертями!

— Чортъ возьми пословицы и отечество Санхо-Пап- сы! вскричалъ я. Хоть бы этотъ проклятый замкъ по-крайней-мѣрѣ въ самомъ дѣлѣ существовалъ: все бы лучше спать тамъ, чѣмъ на улицѣ.

— А что, и въ самомъ дѣлѣ! сказала хозяйка. До замка Гисмонда не будетъ и мили; а тамъ всегда есть пустыя квартиры. Правду сказать, туда ни одна хри- стіанская душа не сунется; да вѣдь вы, Французы, нехристи и вы не уступите чорту хорошей квартиры. Ступайте, если угодно.

— Съ нашимъ оружіемъ чорта бояться нечего; да притомъ, говорятъ, онъ добрый малой и пьетъ мастерски. Похлопочи только, чтобъ намъ было что есть. Рационовъ на пятерыхъ, изъ которыхъ каждый есть за четверыхъ; а вина, чтобъ было немножко слишкомъ.

Минуть черезъ десять карета наша была до того наполнена съестными припасами, что самого худощаваго изъ насъ туда бы не втиснуть; но погода, какъ я уже говорилъ, поправилась и мы рѣшились итти въшкомъ.

— Куда это мы отираваемся, сеніоръ капитанъ? спросилъ аггіего, удивленный этими приготовлениями.

— Да куда прикажешь намъ итти, кромъ того мѣста, о которомъ ты самъ говорилъ. Въ замокъ Гисмондо.

— Въ замокъ Гисмондо! Пресвятая Владычица Богородица, помилуй насъ грѣшныхъ! Да даже мулы мои туда не пойдутъ.

— Э, пойдутъ, сказалъ я, сунувъ ему въ руку мелкую монету: и будутъ награждены за это хорошимъ кормомъ. А для тебя, братецъ, у насъ есть три бутылки стараго Паламосскаго. Только ищкать нечего; мы все голодны; да притомъ небо опять что-то хмурится.

— Въ замокъ Гисмондо! сказалъ печальнымъ голосомъ Баскара. Да знаете ли вы, господа, что-такое замокъ Гисмондо? Знаете ли вы, что туда еще никто отъ роду не входилъ, если только не предался нечистому и ужь, конечно, нога моя тамъ не будетъ.

— Будеть, любезный, сказалъ Бутре, обвиняя его сильною рукою. Неужели благородный Кастиланецъ, который, со славою и честію, занимается изысканными искусствами, побоятся нелѣпѣйшаго изъ народныхъ предразсудковъ. Діяволъ, которымъ васъ страшатъ;

не что иное как бабье пугало. Я это докажу вамъ какъ дважды два четыре, какъ скоро поужинаю; а теперь у меня желудокъ слишкомъ пустъ и ротъ слишкомъ сухъ, чтобы съ успѣхомъ поддерживать философическое разсужденіе. Пойдемте же, храбрый Баскара, и будьте увѣрены, что поручикъ Бутре всегда готовъ стать между чортомъ и вами, если онъ вздумаетъ васъ обидѣть. Сунься-ка онъ только!

Разговаривая такимъ образомъ, мы шли по извилистой и каменистой дорожкѣ, при оханы, всхлипываньи Баскары и его громкихъ воззваніяхъ ко всемъ святымъ. Я долженъ признаться, что и мулы, измученные усталостію и голодомъ, какъ-то нехотя подвигались къ цѣли нашего путешествія и, пройдя нѣсколько шаговъ, печально оглядывались, какъ бы ожидая, не велятъ ли воротиться.

— Что жъ такое этотъ замокъ, котораго эти люди такъ непритворно боятся? Сборище привидѣній что ли? спросилъ Сержи.

— А можетъ-быть, отвѣчалъ я ему вполголоса, разбойничій притонъ; потому что все подобныя суевѣрія всегда основаны на чемъ-нибудь дѣйствительномъ. Но у васъ троихъ три шпаги, три пары пистолетовъ, нули и порохъ; а у аггіега, кромѣ охотничьяго ножа, вѣроятно, по обыкновенію, и добрый Валенскій кинжалъ.

— Кто жъ не знаетъ, что такое замокъ Гисмондо? сказалъ Эстебанъ почти шопотомъ. Если господа прикажутъ, такъ я кое-что расскажу объ немъ, потому что отецъ мой былъ тамъ однажды. А покойникъ былъ храбрецъ, не намъ чета. Жаль только, что немножко слишкомъ придерживался чарочки.

— Это еще не бѣда! замѣтилъ Бутре. Что-же твой отецъ видѣлъ въ замкѣ Гисмондо?

— Я, пожалуй, расскажу, а потомъ, вы можете, если угодно, и воротиться. Несчастный Гисмондо, какъ

сказываютъ, прогнѣвалъ Господа Бога. Двадцати пяти лѣтъ отроду, Гисмондо былъ уже старшиною фамилиа, которая давнымъ давно славится въ нашей сторонѣ. Это было лѣтъ триста назадъ; впрочемъ въ книгахъ записаю, въ которомъ году именно. Гисмондо былъ красавецъ, умница, ну да во всѣхъ частяхъ рѣдкой кавалеръ, всѣми любимый. Къ несчастію, онъ водился съ людьми ззорнаго поведенія; онъ скоро запятналъ себя разными шалостями и промоталъ все свое имѣніе. Тутъ онъ принужденъ былъ переселиться въ замокъ, куда вы теперь изволите идти, и, не во гнѣвъ вашей милости, право напрасно. Онъ радъ былъ укрыться тутъ отъ своихъ заимодавцевъ и враговъ, которыхъ было у него не мало, потому что онъ своими безпутствами сгубилъ не одно семейство. Онъ укрѣпилъ свой замокъ и зажилъ тамъ съ оруженосцемъ, такимъ же негодлемъ какъ онъ самъ и съ чажемъ, который былъ развратенъ не по лѣтамъ. При нихъ было нѣсколько воиновъ, которые бушевали съ ними вмѣстѣ и не смѣли отъ нихъ отойти. Прежде всего, Гисмондо позаботился о томъ, чтобы добыть себѣ сожительницу и выбралъ ее изъ собственнаго своего семейства. Впрочемъ, говорятъ, что племянница его, Иньеса де Ласъ Сьеррасъ, сама согласна была, чтобы онъ ее похитилъ. Женщинъ вѣдь не разгадаешь! Это было его первое, но не последнее похищеніе. Доходы отъ этой скалы, на которой какъ-будто всегда лежало божеское проклятiе, были не велики; провать было не на что; такъ онъ бралъ поборы съ проезжихъ, то есть, по просту, грабилъ на большихъ дорогахъ. Онъ навелъ на всѣхъ такой страхъ, что вслѣдъ дрожалъ при одномъ его имени. Но во всемъ этомъ чуднаго ничего нѣтъ. А вотъ что дивно. Иньеса была воспитана какъ добрая христіанка. Однажды, вотъ именно въ нынѣшній день, милость Божія посетила ее свыше. Въ полночь, она, чего никогда не бывало,

вошла въ залу, гдѣ трое разбойниковъ топили угрызения совѣсти въ вино. Они были уже вполпьяна. Она начала толковать имъ какъ грѣшны ихъ дѣла, стала грозить имъ божескимъ наказаніемъ, просила, плакала, упала, бѣдняжка, на колѣни и, положивъ руку на сердце Гисмондо, старалась его усовершенствовать. Не тутъ-то было. Злодѣй, подстрекаемый своими товарищами, закололъ ее книжаломъ.

— Извергъ! вскричалъ Сержи.

— Это ужасное дѣло не помѣшало имъ пировать. Злодѣи не переставали пить и пѣть богохульные пѣсни, надъ трупомъ несчастной дѣвушки. Въ три часа утра все замолкло. Люди, не слыша болѣе ничего, пришли и, не поморщась, снесли троихъ въ постель, а четвертую въ гробъ. Но Богъ не попустилъ имъ больше беззаконничать. Какъ скоро Гисмондо проснулся, Ницеса, блѣдная, въ бѣломъ, окровавленномъ саванѣ, входитъ тихими шагами въ его комнату, протягиваетъ къ нему огненную руку и кладетъ ее ему на сердце такъ же какъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Сердце Гисмондо горитъ и горитъ до самаго утра, когда наконецъ солнце взошло и привидѣніе исчезло. Точно также приходила она и къ двумъ другимъ злодѣямъ и оба терпѣли ту же муку. На другой день, да и всякой день въ цѣлый годъ, который казался имъ цѣлымъ вѣкомъ, злодѣи, сходясь, не смѣли разсказать другъ другу страшнаго сна. Мало-по-малу они, однако жъ, оправились; опять по прежнему днемъ грабили, а ночью пировали, и пировали долго, потому что не смѣли лечь спать; однако жъ наконецъ засыпали отъ усталости, и огненная рука снова жгла имъ сердце. Пришло 24 декабря (нынѣшній день, господи!). Вечеромъ, они по обыкновенію пировали, когда въ Маттаро пробилъ часъ полуночи и возвѣстили христіанамъ воплощеніе Христа Спасителя. Вдругъ въ галлереѣ слышится громкій голосъ: Я

здѣсь! кричитъ Иньеса. И точно, это она. Она входитъ, сбрасываетъ съ себя бѣлый саванъ, подъ которымъ скрывалось пеляколыбное платье; садится съ пиши, встѣ, пѣть какъ живая; даже, говорить, что она, по старинному обычаю, пѣла и плясала. Но подъ конецъ, къ утру, опять явилась огненная рука, и налегла на сердце рыцаря, оруженосца и пажа. И все для нихъ въ этой жизни кончилось: сердца ихъ перестали биться. Въ три часа утра все замолкло. Люди, не слыша болѣе ничего, пришли и, не поморщась, вынесли четыре трупа. На другой день никто уже не просыпался.

Сержи былъ глубоко пораженъ этимъ рассказомъ; Бутре, по временамъ, испускалъ глубокой вздохъ, который не выражалъ ничего, кромѣ нетерпѣнія и скуки. Актеръ Баскара бормоталъ про себя какія-то невнятные слова и по движению руки его, я замѣтилъ, что онъ перебираетъ четки. Что касается до меня, то я удивлялся поэтическимъ обрывкамъ преданія, которыя являлись въ рассказъ простолюдина и придавали его повѣствованію краски, которыми бы иногда не погнушалось и воображеніе, очищенное вкусомъ.

— Это еще не все, продолжалъ Эстебанъ. Выслушайте меня до конца и тогда если угодно, милостивые господа, идите къ замку. Со смерти Гисмондо и его товарищей гнусный ихъ замокъ, поклянутый людьми, достался въ добычу діаволу. Даже дорога къ нему, какъ вы изволите видѣть, заросла травой. Слышно только, да и мы знаемъ навѣрное, что 24 декабря въ полночь (сегодня, господа, ужъ скоро) окна стараго замка вдругъ освѣщаются. Тѣ, которые осмѣливались проникнуть къ эти страшныя тайны, знаютъ, что рыцарь, оруженосецъ и пажъ, выходятъ тогда изъ гробовъ и садятся за кровавый пиръ. Это имъ суждено по конецъ вѣковъ. Черезъ нѣсколько времени входитъ Иньеса, сбрасываетъ съ себя саванъ, остается въ великолыбномъ пла-

тъ, садится съ ними, ѣсть, пьеть, постъ и танцуетъ. Потомъ, когда они уже думаютъ, что веселье ихъ никогда не кончится, она показываетъ имъ свою рану, изъ которой еще течетъ кровь, прикасается къ сердцамъ ихъ огненною рукою и возвращается въ пламя чистилища, а они въ адъ!

При послѣднихъ словахъ Бутре громко захохоталъ.

— Чортъ тебя побери! вскричалъ онъ, дружески ударивъ *arrieros*'а кулакомъ по плечу: я было и уши развѣсилъ на твои рассказы и слушалъ тебя какъ дуракъ. Вздоръ, братецъ, суевѣрїе! бредни, которымъ нынче вѣрятъ только въ Испанїи! Я тебя сейчасъ докажу, что чортъ не помѣшаетъ мнѣ пить, особенно если вино хорошо; да кстати мнѣ смерть пить хочется. Погоняй же твоихъ муловъ; и пожалуй чокнусь хоть съ сатаною, лишь бы только ужинъ былъ скорѣе готовъ.

— Тоже говорилъ однажды и покойный отецъ, когда подгулявъ въ Маттаро со своими товарищами, солдатами, сказалъ аггїего. Онъ забрался въ замокъ, прошелъ длинную картинную галерею, остановился у столовой и какъ дверь была не плотно притворена, онъ смѣло заглянулъ туда. Рыцарь, оруженосецъ и пажъ сидѣли за столомъ, а Иньеса показывала имъ свою кровавую рану. Потомъ она начала танцовать и съ каждымъ шагомъ приближалась къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ. Вдругъ ему пришло въ голову, что она хочетъ и его взять. Онъ свалился со всехъ ногъ какъ убитый и очнулся уже на другой день на дворѣ замка.

— Да онъ наканунѣ тамъ и заснулъ, сказалъ Бутре, потому что пьяныя цоги не несли его dalje. Э, братъ Эстебанъ, отецъ твой видѣлъ все это во снѣ. Мало ли что пьяному пригрезится! Да скоро ли однако жъ мы придемъ въ этотъ проклятый замокъ?

— А вотъ онъ, сказалъ аггїего, останавливая своихъ муловъ.

— Хорошо, что пришел, сказалъ Сержи, а то вотъ буря опять начинается; и, странное дѣло, мнѣ послышался громъ.

— Въ этотъ день всегда бываетъ громъ, сказалъ аггiero.

Онъ еще не кончилъ этихъ словъ, какъ ослабительная молнія разодрала небо и показала намъ бѣлыя стѣны стараго замка и его тонкія башенки, которые собрались какъ толпа привидѣній, на огромной платформѣ изъ ровной, склизкой скалы.

Главные ворота были, повидимому, съ давняго времени заперты; но верхнія петли и камни, которые ихъ поддерживали, уступили дѣйствию воздуха и гондовъ; обѣ половинки, огрызеныя сыростію, оборванными вѣтрами, висѣли одна на другой и грозились повалиться на землю. Намъ не трудно было разловать ихъ. Въ отверстіи, которое оставалось между ихъ разлѣхавшимися нижними частями и въ которое человекъ съ трудомъ могъ пролѣзть, лежали груды обломковъ; мы должны были ихъ разчистить. Потому мы обрубили толстыя листья кактуса, которые пробивались между ними и экипажъ нашъ въѣхалъ въ длинную аллею, которой мостовая не стонала подъ колесомъ, може ъ-быть, со времени Фердинанда-Католическаго. Мы зажгли факелы, которыми запаслись въ Маттаро и пламя ихъ, раздуваемое сильнымъ вѣтромъ, устояло противъ крыльевъ ночныхъ птицъ, которые съ жалобными криками вылетали изъ всѣхъ разцѣпленъ ветхаго зданія. Эта сцена, дѣйствительно необыкновенная и таинственная, напомнила мнѣ, какъ Донъ-Кихоть спускался въ пещеру Монтесиносъ; я, смѣясь, напомнилъ это мнѣ товарищамъ и аггiero и даже самъ Баскара, вѣрно бы, улыбнулся, если бѣ только могли еще улыбаться; но страхъ ихъ съ каждымъ шагомъ усиливался.

Накопецъ открылся передъ нами главный дворъ. Слева тянулся широкій навѣсъ, который, судя по желѣзнымъ кольцамъ, ввернутымъ мѣстами въ стѣну, конечно, укрывалъ отъ непогодъ коней владѣльца замка. Мы обрадовались, что можемъ поставить подъ этотъ навѣсъ свой экипажъ, и эта мысль развеселила даже задумчиваго Эстевапа, который прежде всего на свѣтъ заботился о спокойствіи и благосостояніи своихъ муловъ. Мы осветили этотъ сарай, вставивъ два факела въ желѣзныя скобы, которыя какъ-будто для нихъ были приготовлены; разложили привезенный съ собою кормъ передъ усталыми мулами и они принялись ѣсть съ такимъ наслажденіемъ, что весело было смотреть на нихъ.

— Вотъ чтѣ хорошо, то хорошо, сказалъ Эстевапъ, нѣсколько успокоившись; мулы мои, конечно, могутъ перепочевать здѣсь; а пословица говорить: «муламъ хорошо, такъ и погонщику хорошо.» Если вы оставите мнѣ чтѣ нибудь поѣсть тутъ же, то я вамъ отвѣчаю за моихъ муловъ до завтрашняго утра, потому что боюсь больше тѣхъ домовыхъ, которые водятся въ гостиной, чѣмъ тѣхъ, которые живутъ въ конюшнѣ; къ этимъ мы, *arrieros*'ы, ужъ привыкли; да притомъ они только дѣлаютъ, что перенутиваютъ гривы у лошадей, или чистятъ ихъ противъ шерсти. А насъ они только щиплютъ, такъ, что съ недѣлю желтое пятно не проходитъ; дѣлаютъ намъ судороги, такія чтоakra перезертывается на переднюю часть ноги, или ложатся намъ на грудь, а сами хохочутъ какъ безумные. Впрочемъ все это мнѣ ничего, если только у меня будутъ три обѣщанныя бутылки Паламосскаго.

— Вотъ онѣ, сказалъ я, помогая ему вознимать наши принасы изъ кареты; да еще въ придачу два хлѣба и четверть жареной баранины. Теперь, пойдѣмъ хлопотать о нашемъ жильѣ.

Мы зажгли четыре факела и начали взбираться по лестницъ, заваленной обломками. Баскара шелъ между Сержи и Бутре, которые ободряли его словами и призывонь, и шелъ довольно спокойно, потому что страхъ уступалъ въ немъ тщеславію, которое такъ сильно дѣйствуетъ на душу Испанца. Признаюсь, что наше вторженіе въ замокъ хотя не представляло ни какой опасности, однако жъ имѣло въ себѣ нечто фантастическое и потому правилось моему воображенію; надобно прибавить, что въ немъ были и затрудненія, которыя насъ возбуждали. Стѣны частью обрушились и составили во многихъ мѣстахъ баррикады, которыя надобно было обходить или перелезть. Доски, бревна, цѣлыя балки перекрещались во всѣхъ направленіяхъ на разломанныхъ ступенькахъ, которыя торчали безчисленными углами. Старыя окна, которыя некогда освѣщали сѣни и лестницу, были дѣвнымъ давно ужъ выломаны бурей, и мы узнавали мѣста ихъ только по стекламъ, которыя хрустѣли подъ нашими ногами. Порывистый вѣтеръ со свѣгомъ страшно завывалъ въ отверстіяхъ, которыя они оставили, обрушившись лѣтъ двѣсти назадъ и дикія растенія, которыхъ сѣмяна были занесены туда бурей, запутывались у насъ въ ногахъ и еще усиливали печальную странность этого зрѣлища. Я не сказалъ, но подумалъ, что сердце солдата было бы свободнѣе и радостнѣе при атакѣ какого-нибудь редута или крѣпости. Наконецъ мы добрались до площадки втораго этажа и остановились, чтобы отдохнуть на минуту.

На лѣво шелъ корридоръ такой длинный, узкій и темный, что мы не видали его до конца, даже столъ при входѣ съ факелами. Передъ нами была дверь, ведущая въ комнаты, или лучше сказать двери не было. Тутъ не представлялось ни какого затрудненія и мы прямо вошли, съ факелами въ рукахъ, въ квад-

ратную залу, въ которой, вѣроятно, собиралась стража. Мы это заключали потому, что вдоль всей комнаты шли деревянные, перегнившія скамьи, и на стѣнахъ висѣли трофеи изъ простаго оружія, полу-сгрызеннаго ржавчиною. Мы прошли эту комнату, разбрасывая ногами обломки копій и стволы само-стрѣловъ. Къ этой залѣ примыкала угломъ галлерей гораздо длиннѣе, но довольно узкая; въ правой стѣнѣ были окна, тоже безъ рамъ какъ на лѣстницѣ и съ обломками наличниковъ. Полъ въ этой части зданія до того былъ испорченъ вліаніемъ атмосферы и дождями, что вышелъ изъ долбежей и оканчивался у наружной стѣны рѣдкими, полусгнившими дощечками. Въ этой сторонѣ онъ гнулся и выпрямлялся съ подозрительною упругостію и нога вязла въ немъ какъ въ сплошной пыли, которая готова осѣсть. Мѣстами, части болѣе другихъ гнилыя, разщелились разными странными узорами и нога посетителя, менѣе меня осторожнаго, непременно бы въ нихъ увязла. Я потащилъ своихъ товарищей къ лѣвой стѣнѣ, гдѣ полъ былъ не такъ опасенъ. На этой стѣнѣ висѣли картины.

— Чортъ меня возьми, если это не картинная галлерей, вскричалъ Бутре. Неужели же въ самомъ дѣлѣ пылица, о которомъ рассказывалъ намъ аггіего, доходилъ до этого мѣста.

— О нѣтъ, сказалъ Сержи съ проницательнымъ смѣхомъ, онъ заснулъ на дворѣ, потому что опьянѣлыя ноги не могли нести его далѣе.*

— Кто тебя спрашиваетъ, отвѣчалъ съ досадою Бутре, оставивъ лорнетъ на взломанныя, запыленные рамы, которыя висѣли по стѣнѣ подъ разными углами, неровными линіями, изъ которыхъ каждая болѣе или менѣе удалалась отъ перпендикулярной. Это, точно, картины и, кажется, портреты. Въ этомъ верте-

нѣ, видно, хранились изображенія всей почтенной фамилии Ласъ Сьеррасъ.

Въ другихъ обстоятельствахъ эти остатки стариннаго искусства, конечно, обратили бы на себя все наше вниманіе; но мы слишкомъ торопились отыскать себѣ безопасный и спокойный ночлегъ, чтобы терять время на разглядываніе этихъ картинъ, которыя почти совершенно исчезли подъ сырою и черною копотью, наложенною на нихъ временемъ. Дойдя до послѣднихъ портретовъ, Сержи поднесъ къ нимъ свой факелъ и, схвативъ меня за руку, вскричалъ:

— Посмотри, посмотри сюда, этотъ рыцарь съ мрачнымъ взоромъ и съ красными перьями на шлемѣ, вѣрно, самъ Гисмондо! Посмотри, какъ живописецъ превосходно выразилъ въ этихъ еще молодыхъ чертахъ, утомленіе разврата и заботливость преступленія. Больно смотреть на этотъ портретъ!

— За то слѣдующій вознаградитъ тебя, сказалъ я, улыбаясь отъ его предположенія. Это портретъ женщины и если бы онъ по-лучше сохранился или былъ поближе къ намъ, ты бы могъ восхищаться прелестями Иньесы де Ласъ Сьеррасъ, потому что это, вѣрно, она. То чтѣ еще видно, подастъ очень выгодное понятіе объ остальномъ. Посмотри, какая прелесть въ этомъ гибкомъ станѣ! Какая прелесть въ этомъ положеніи! Какъ хороша эта рука и кисть! Иньеса не могла быть иначе.

— И точно, она такая и была, сказалъ Сержи, привлекая меня къ себѣ; посмотри, отсюда видны ея глаза. О, я отроду не видывалъ болѣе страстнаго выраженія! Никогда кисть не сообщала такой жизни своимъ произведеніямъ! Теперь, слѣдуй за этимъ указаніемъ подъ полотномъ до мягкихъ очерковъ щекъ, которая такъ мило округляется около прелестнаго ротика: если ты, такъ же хорошо какъ я, пости-

гаешь почти незамѣтное движеніе верхней губки, немножко надменнѣе, но упоенной любовью....

— И все таки, продолжалъ я, мы бы составили себѣ весьма несовершенное понятіе о женщинѣ, которая процвѣтала при дворѣ Карла Великаго.

— При дворѣ Карла Великаго, сказалъ Сержи, опустивъ голову. Да, правда.

— Постойте, постойте, вскричалъ Бутре, который, по своему высокому росту, доставалъ рукою до картуша на верху рамы и принялся обтирать его платкомъ. Тутъ какое-то имя, по-немецки, по-еврейски, по-сирійски или по-нижнебретонски, право не знаю. Чортъ меня возьми, если это для меня не труднѣе разобрать, чѣмъ Алкоранъ.

Сержи вскрикнулъ отъ восторга.

— Иньеса де Ласъ Сьеррасъ! Иньеса де Ласъ Сьеррасъ! сказалъ онъ, съ изступленіемъ пожимая мнѣ руки. Прочти самъ!

— Иньеса де Ласъ Сьеррасъ; да, точно, сказалъ я; а вотъ и фамильный гербъ. Видно, въ самомъ дѣлѣ несчастная Иньеса существовала и дѣйствительно жила въ этомъ замкѣ. Однако жъ пора вамъ гдѣ-нибудь пріютиться на ночь. Поидемте же далѣе.

— Сюда, сюда, господа, закричалъ Бутре, который ушелъ впередъ. Вотъ гостинная, которая заставитъ насъ забыть сырыя улицы Маттаро; право, эта комната годилась бы хоть какому-нибудь военному интенданту! Сеніоръ Гисмондо, видно, любилъ жить порядочно: тутъ все устроено какъ нельзя лучше. Каждая бы славная казарма!

Эта огромная комната дѣйствительно сохранилась лучше всѣхъ другихъ. Только глубина покоя освѣщена была двумя окнами, чрезвычайно узкими, которые, благодаря своему расположенію, пострадали менѣе всѣхъ другихъ частей зданія. Обои изъ тисненой кожи и огромныя старинныя кресла

выказывали великолѣпіе , которое становилось еще замѣчательнѣе отъ своей древности. Колоссальный камень , который распростиралъ по лѣвой стѣнѣ свои широкіе бока , казалось , построень былъ для того , чтобы передъ нимъ грѣлись великаны , а обломки балокъ и досокъ , разбросанные по лѣстницѣ , доставили бы намъ веселый огонекъ на сотни такихъ ночей , какуемы должны были провести тутъ. Круглый столъ , стоявшій недалеко отъ камня , напоминалъ намъ безбожные пиры Гисмондо и , признаюсь , что я не безъ чувства смотрѣлъ на этотъ столъ.

Мы должны были путешествовать нѣсколько разъ во всѣмъ этимъ комнатамъ , чтобы добыть себѣ дровъ , потомъ перетаскать наши припасы и наконецъ чемаданы , которые ливень , какъ мы думали , конечно , поразстроилъ. Однако жъ , все оказалось въ цѣлости и сохранности и даже костюмы Баскаровой трупы , разложенные передъ огнемъ на ручкахъ кресель , сіяли поддѣльнымъ блескомъ и обветшалою свѣжестью , которые придаетъ имъ лживый свѣтъ кинкетовъ. Правда и то , что столовая Гисмондо , освѣщенная десятию факелами , которые мы искусно прикрѣпили къ канделябрамъ , была свѣтлѣ всякаго Каталонскаго театра. Одна только самая дальняя часть , примыкающая къ картинной галлерей , откуда мы пришли , была покрыта мракомъ. Казалось , будто темнота нарочно скопилась тамъ , чтобы отдѣлать насъ таинственною преградой отъ непосвященныхъ. То была видная ночь поэта.

— Я увѣренъ , сказалъ я , помогая товарищамъ приготовить намъ ужинъ , я увѣренъ , что наше пребываніе здѣсь дастъ новую вищу суевѣрію жителей долины. Теперь именно то время , когда Гисмондо всякой годъ является на свой адскій пиръ , а яркій свѣтъ , который виднѣтъ сквозь окна , непременно заставитъ народъ подумать , что здѣсь ужинають черти. Легко

быть может, что Эстебанова старинная легенда основана на какомъ нибудь подобномъ событіи.

— Да притомъ, сказалъ Бутре, легко быть можетъ, что какимъ нибудь весельчакамъ пришло въ голову представить эту сцену со всеми принадлежностями и что отецъ нашего аггіега видѣлъ именно такую комедию. А почему жъ бы и намъ не разыграть эту сцену: у насъ есть все что нужно, прибавилъ онъ, перебирал по штукъ все Баскарово тряпье. Вотъ рыцарскій костюмъ, который будетъ впору капитану; я, вотъ въ этомъ платьѣ, буду точь-въ-точь Гисмондовъ оруженосецъ, который, безъ сомнѣнія, былъ молодецъ собою; а этотъ щеголеватый костюмъ очень пойдетъ къ сладенькой рожницѣ нашего красавчика Сержи и сдѣлаетъ его самымъ миленькимъ лажемъ. Не правда ли, я славно выдумалъ? То-то мы повеселимся!

Говоря такимъ образомъ, Бутре переодѣлся съ ногъ до головы и мы, смѣясь, последовали его примѣру, потому что между молодыми людьми шалость всегда заразительна. Мы однако жъ оставили при себѣ свои шпаги и пистолеты, которые бы впрочемъ не противорѣчили нашему костюму, если бъ только были постарше. Я думаю даже, что если бъ членамъ знаменитой фамиліи Гисмондо вздумалось выйти изъ раиъ, мы бы не показались имъ чужими.

— А прекрасная Иньеса! вскричалъ Сержи. Мы обѣ ней и забыли! Сеніоръ Баскара, природа одарила насъ прелестями, которыми и Граціи бы позавидовали, — не примете-ли вы роль Иньесы на себя, только на этотъ разъ, по общему востребованію публики?

— Господа, сказалъ Баскара, я всегда готовъ на шутки, въ которыхъ нѣтъ ни каюго грѣха; это даже мое ремесло: но ваша шутка такого рода, что я не могу въ пей участвовать. Вы, можетъ быть, на бѣду свою испытаете, что смѣяться надъ адскими силами невыгодно. Шутите какъ вамъ угодно, когда не бои-

тесъ Бога; а я рѣшительно объявляю вамъ, что отказываюсь отъ всякихъ шутокъ съ сатаною. Позвольте мнѣ только провести ночь въ этихъ креслахъ, подкрѣпить чѣмъ нибудь свои силы и молиться.

— Ай-да, какую проповѣдь онъ измѣ отпустилъ! вскричалъ Бутре; она, право, стоитъ цѣлаго гуся и двухъ бутылокъ вина. Сиди, любезный, въ своихъ креслахъ; вѣшь, пей и спи. Ты весь свой вѣкъ будешь шутомъ, и на театрѣ и вездѣ! — Притомъ, прибавилъ онъ, садясь и наливая себѣ стаканъ, Иньеса приходитъ только за десертомъ, и я надѣюсь что она придетъ.

— Избави Богъ! сказалъ Баскара.

Я сѣлъ противъ камина; оружейносецъ по правую руку отъ меня, пажъ по лѣвую. Противъ меня, мѣсто Иньесы осталось не занятымъ. Я поглядывалъ по всему столу и — по слабости ли человѣческаго ума, или по вліянію инстинктивнаго суевѣрія — мнѣ тоже показалось, что эта шутка-какъ-то печальна, что она щемитъ сердце. Сержи, котораго кипучая веселость скоро охладѣла, былъ еще задумчивѣе меня. Бутре пилъ.

— Странное дѣло, сказалъ Сержи, что мистическія идеи, надъ которыми философія такъ подшучиваетъ, никогда не теряютъ вполне своего могущества, даже надъ умами самыми твердыми и просвѣщенными! Право, неколько думается, будто природа человѣческая чувствуетъ нужду возвыситься до чудеснаго, чтобы снова овладѣть преимуществомъ, котораго она нѣкогда лишилась, и которое составляло благороднѣйшую часть ея существа.

— Клянусь честью, что я бы не повѣрилъ этому предположенію, если бъ даже ты выразилъ его по яснѣе, сказалъ Бутре. Дѣйствіе, о которомъ ты говоришь, происходитъ просто отъ давнишней привычки нашего мозга, который какъ мягкій воскъ, окрѣпшій отъ времени, сохраняетъ глупые отпечатки, сдѣлан-

ныя на немъ кормилицею во время нашего младенчества; это очень хорошо объяснено въ одной превосходной книгѣ, и я бы совѣтовалъ тебѣ прочесть ее когда-нибудь на досугѣ.

Сержи продолжалъ говорить въ томъ же смыслѣ. Бутре шагъ за шагомъ отставалъ поле сраженія, и наконецъ укрылся за обыкновенными своими редутами — предразсудки, суетворіе. Я еще никогда не видывалъ, чтобы онъ былъ такъ упоренъ и надмененъ въ метафизическомъ спорѣ; но разговоръ не долго поддерживался на этихъ высотахъ, потому что вино у насъ было крѣпкое, а мы пили его какъ люди, которымъ нечего другаго дѣлать. На нашихъ часахъ было уже двѣнадцать, какъ вдругъ всѣ мы трое вскричали съ какою-то радостію, какъ-будто это убѣжденіе свалило съ насъ страшную тяжесть:

— Полночь! полночь, а Иньесы нѣтъ!

Единогласіе наше въ такомъ пустомъ замѣчаніи произвело всеобщій хохотъ.

— Чортъ возьми! сказалъ Бутре, приподнимаясь и стараясь скрыть свою нетвердость на ногахъ, хоть эта красотка пэмтвила намъ, однако рыцарская вѣжливость всё-таки не позволяетъ забыть ея. Полный покаялъ за здоровье благородной двинцы Иньесы де Ласъ Сьеррасъ и за ея скорое освобожденіе!

— За здоровье Иньесы де Ласъ Сьеррасъ! вскричалъ Сержи.

— За здоровье Иньесы де Ласъ Сьеррасъ! сказалъ я, поднося свой полувыпитый стаканъ къ ихъ полнымъ покаямъ.

— Я здѣсь! закричалъ чей-то голосъ въ картинной галлерей.

— Чтѣ? сказалъ Бутре, опускаясь на стулъ. Шутка не дурна, но кто жъ это ее сдѣлалъ?

Я оглянулся. Баскара, блѣдный какъ полотно, удѣлился обѣими руками за рѣшетку моихъ кресель.

— Это, вѣрно, негодяй извозчикъ развеселился Паманосскимъ, сказалъ я.

— Я здѣсь! я здѣсь! повторилъ тотъ же голосъ. Здравья и веселья гостямъ замка Гисмондо!

— Да это голосъ женщины и притомъ молоденькой, сказалъ Сержи, вставая съ благороднымъ и ловкимъ самодовольствомъ.

Въ ту жъ минуту мы замѣтили въ темной части залы бѣлый призракъ, который несся къ намъ съ удивительною быстротою и, подбѣжавъ поближе, сбросилъ съ себя саваиъ. Мы всѣ вскочили съ мѣсть своихъ и схватились за шпаги; призракъ прошелъ между насъ и сѣлъ на кресла Иньесы.

— Я здѣсь, сказала привидѣнiе, испутивъ глубокой вздохъ и расправивъ справа и слева длинные черные волосы, связанные муццовыми ленточками.

Отроду не видывалъ я такой красавицы.

— Это точно женщина, сказалъ я вполголоса; и такъ какъ мы знаемъ, что сверхъестественнаго здѣсь ничего быть не можетъ, то мы не должны забывать своей Французской вѣжливости.

Мы сѣли на свои мѣста и начали подчивать незнакомку; она повидимому была очень голодна: ѣла и пила, не говоря ни слова. Черезъ нѣсколько минутъ она какъ бы совершенно забыла объ насъ и каждый изъ актеровъ этой страшной сцены, углубившись въ самого себя, сидѣлъ молча и неподвижно, будто пораженный магическимъ жезломъ. Баскара упалъ подлѣ меня и я бы подумалъ, что онъ умеръ со страху, если бъ не видѣлъ, что руки его судорожно складываются, потому что онъ молится. Бутре чуть дышалъ; глубокое оцѣпенѣнiе замѣнилось на лицѣ его выраженiе вакхическаго буйства и блестящій винный румянецъ, который незадолго передъ тѣмъ сіялъ на лицѣ его, превратился въ смертельную блѣдность. Чувство, которое овладѣло всеми помышленiями Сержи, было

столь же могущественно, но, судя по его взглядамъ, не такъ неприятно. Глаза его, устремленные на незнакомку, казалось, хотѣли сохранить это видѣніе, какъ человекъ, который во снѣ бонится, что пробужденіе разгонитъ его пріятныя грезы. И правду сказать, это видѣніе стоило того, чтобы стараться сохранить его: потому что врядъ ли во всемъ свѣтѣ нашлась бы женщина, которая могла бы съ нимъ сравняться. Увѣрю васъ, что я ни сколько не преувеличиваю.

Незнакомкъ было не болѣе двадцати лѣтъ; но страсти, несчастія или смерть напечатлѣли въ чертахъ ея странный характеръ неизмѣннаго совершенства и вѣчной правильности, которымъ отличался у древнихъ первообразъ боговъ. Въ этой физиономіи не оставалось ничего земнаго, ничего, что могло бы быть оскорблено сравненіемъ. Таковъ былъ холодный приговоръ моего разсудка, который уже и тогда былъ непричастенъ обольщеніямъ любви; это избавляетъ меня отъ труда описывать вамъ Иньесу и всякой изъ васъ можетъ дать волю своему воображенію. Если вы представите себѣ нѣчто хоть немножко подходящее къ истинѣ, то сдѣлаете то, чего не въ состояніи сдѣлать ни какія ухищренія слова, пера или кисти. Только — я долженъ это сказать, чтобы безпристрастіе мое не подвергалось ни малѣйшему сомнѣнію — только проведите по этому широкому, гладкому челу косвенную черту, которая исчезнетъ на палецъ выше брови; и въ небесномъ взглядѣ этихъ продолговатыхъ голубыхъ глазъ, между двумя рядами черныхъ ресницъ, выразите, если можете, нѣчто неопредѣленное, перъшительное, какъ-будто смятеніе безпокойнаго сомнѣнія, которое тщетно старается объяснить себя. Это будутъ несовершенства нашей красавицы; но Сержи ихъ, конечно, не замѣтилъ.

Всего болѣе поразило меня — разумеется, когда я пришелъ въ состояніе заниматься подробностями —

всего болѣе поразила меня одежда нашей таинственной незнакомки. Мнѣ казалось, что я гдѣ-то, и недавно, видѣлъ точно такую одежду; и дѣйствительно, послѣ я вспомнилъ, что это былъ костюмъ, изображенный на портретѣ Иньесы. Платье ея изъ зеленого данаса, еще богатое, но уже измятое и помятое, безъ сомнѣнiя, принадлежало женщинѣ, умершей лѣтъ сто назадъ, и я съ трепетомъ подумалъ, что, можетъ быть, это платье сыро и холодно какъ въ могилѣ; но я тотчасъ отвергъ эту идею, недостойную человѣка разсудительнаго, и снова вполне приобрѣлъ обладанiе моими умственными способностями, когда наша постьтительница прервала наконецъ общее молчанiе, сказавъ съ самымъ восхитительнымъ голоскомъ:

— Чтѣ-жъ, благородные рыцари — и при этихъ словахъ легкая улыбка упрека появилась на устахъ ея; — неужели и разстроила ваши забавы и разсѣяла вашу веселость? Когда я пришла, вы вполне наслаждались удовольствiемъ быть вмѣстѣ и смѣялись такъ громко, что разбудили всѣхъ ночныхъ птицъ, которыя свили гнѣзда подъ карнизами замка. Съ которыхъ же поръ присутствiе молоденькой женщины, которую и дворъ в городѣ находятъ довольно хорошенькою, разрушаетъ веселость? Неужели свѣтъ такъ сильно измѣнился съ тѣхъ-поръ, какъ я его покинула?

— Извините, прекрасная незнакомка, отвѣчала Сержи, ваши прелести совершенно поразили насъ, а вы знаете, — удивленiе такъ же безмолвно, какъ и страхъ.

— Я очень благодаренъ моему прiятелю за это объясненiе, сказалъ я. Чувства, которыя производитъ видъ вашъ, не могутъ быть выражены словами. Посѣщенiе ваше, конечно, должно было удивить насъ и мы не скоро могли прiйти въ себя. Вы знаете, что въ этихъ стѣнахъ, которыя уже такъ давно лишились своихъ обитателей, ничто не могло подать намъ по-

вода ожидать такого пріятнаго посвещенія; а это дѣ-кое кѣсто, позднее время ночи и необыкновенное раз-стройство стихій, не позволяли намъ и надѣяться. Конечно, ваше посвещеніе нездѣ произведетъ радость; но, чтобы воздать вамъ должныя почести, мы ждали, чтобы вамъ угодно было сказать намъ, съ кѣмъ мы имѣемъ честь говорить.

— Мое имя? сказала она съ живостію; развѣ вы его не знаете? Богъ свидѣтель, что я пришла только по вашему призыву!.....

— По вашему призыву! сказалъ Бутре, заикаясь и закрывая лице руками.

— Конечно, продолжала она улыбаясь, я слишкомъ хорошо знаю приличія, чтобы поступить иначе. Я Иньеса де Ласъ Сьеррасъ.

— Иньеса де Ласъ Сьеррасъ! вскричалъ Бутре съ такимъ ужасомъ, какъ-будто громъ упалъ подлѣ него. О, небесное правосудіе!

Я пристально посмотрѣлъ на него и тщетно искалъ въ выраженіи лица его чего нибудь такого, что бы обличало ложь и притворство.

— Сеньора, сказалъ я, притворяясь немножко спокойнѣе, чѣмъ былъ въ самомъ дѣлѣ; маскарадныя костюмы, въ которыхъ вы насъ застали и которые, быть можетъ, не совсемъ приличны въ такой святой день, скрываютъ людей, совершенно незнакомыхъ съ страхомъ. Какое бы имя вы ни носили, какія бы причины ни имѣли, чтобы таить его, вы всегда вправѣ ожидать отъ насъ гостепримства скромнаго и почтительнаго; мы даже согласны признать васъ Иньесою де Ласъ Сьеррасъ, если эта игра ума, согласная съ обстоятельствами, забавляетъ ваше воображеніе; но красота своей вы можете занимать ея мѣсто съ такимъ блескомъ, какого она сама никогда не имѣла; это самое надежное изъ всѣхъ возможныхъ обольщеній; но будьте увѣрены, что если это признаніе имѣ-

чего не стоить нашей вѣжливости, то вы никогда не добились бы его отъ нашей легковѣрности.

— Я этого и не требую, отвѣчала Иньеса съ большою важностію: но кто же можетъ оспорить у меня титуло, которое я принимаю въ собственномъ домѣ моихъ предковъ? О, продолжала она, постепенно воспламеняясь, я такъ дорого заплатила за мой первый проступокъ, что, надѣюсь, справедливость Божія уже удовлетворена и пусть милосердіе его, которое составляетъ единственную мою надежду, покинетъ меня и предастъ на жертву моихъ терзаніямъ, если Иньеса де Ласъ Сьеррасъ не мое имя! Я Иньеса де Ласъ Сьеррасъ, несчастная и преступная Иньеса. Кчему же бы мнѣ приспосовывать себѣ имя, которое я по всему должна скрывать? И по какому праву отвергаете вы, и безъ того довольно тягостное признаніе несчастной, которой судьба истинно достойна сожалѣнія?.....

Слезы покатались пзъ глазъ ея; разтроганный Сержи приблизился къ ней, а Бутре, который сидѣлъ облокотившись и держа голову въ рукахъ, тяжело опустилъ ее на столъ.

— Вотъ, посмотрите, сониоръ, сказала она, сорвавъ съ руки золотой браслетъ, полуизъѣденный временемъ и презрительно бросивъ его ко мнѣ. Вотъ послѣдній подарокъ моей матери, единственная вещь, которая осталась мнѣ отъ нея въ моей бѣдственной, позорной жизни. Посмотрите, и вы увидите, точно ли я Иньеса де Ласъ Сьеррасъ, или низкая тварь, предопредѣленная съ самаго рожденія быть забавою публики.

Гербъ, который мы видѣли на портретѣ, былъ изображенъ изумрудами на этомъ браслетѣ и имя Ласъ Сьеррасъ, вырванное старинными литеранами, еще не совсѣмъ изгладилось временемъ.

Я подвину браслетъ и подаль его ей съ почтительнымъ поклономъ. Но умъ ея дошелъ до такой восторженности, что она этого не замѣтила.

— Если вамъ нужны еще другія доказательства, продолжала она съ нѣкоторымъ помѣшательствомъ: то неужели молва о моихъ несчастіяхъ до васъ не доходила? Посмотрите! сказала она разстегивая платье, и показывая намъ рану на груди. Вотъ, гдѣ книжалъ поразилъ меня!.....

— Горе! горе! вскричалъ Бутре, приподнявъ голову и отбросившись въ неизъяснимомъ разстройствѣ, на спинку своихъ кресель.

— Мужчины! мужчины! сказала Иньеса съ горькимъ презрѣніемъ; они умѣютъ убивать женщинъ и боятся взглянуть на рану!.....

Движеніе стыдливости и вмѣстѣ сожалѣнія, которое она сдѣлала, чтобы закрыть платье и спрятать грудь свою отъ утраченныхъ взоровъ Бутре, открыла другую грудь взорамъ Сержи, который былъ внѣ себя отъ волненія и я не могъ осуждать его упоенія, потому что слишкомъ хорошо понималъ его:

Тутъ опять началось молчаніе, еще продолжительнѣе, полнѣе и печальнѣе прежняго. Вся мы, каждый съ своей стороны, былъ занятъ особыми ощущеніями: Бутре сдѣлался жертвою безотчетнаго страха, который уже не въ состояніи разсуждать; Сержи предавался внутреннимъ наслажденіямъ рождающейся любви, которой предметъ осуществлялъ прекраснѣшій мечты его пламеннаго воображенія; я занимался размышленіями о высокихъ таинствахъ, о которыхъ прежде, какъ мнѣ тогда казалось, составилъ себѣ слишкомъ рѣшительное, ошибочное мнѣніе; и вся мы, конечно, походили въ эти минуты на людей, которые, въ восточныхъ сказкахъ, окаменѣли посреди жизни и которыхъ черты навсегда сохранили мимолетное ощущеніе, въ которомъ смерть ихъ застала. Физиономія

Иньеса была гораздо живѣе; но посреди множества скоропреходящихъ выраженій, которыя впечатлѣвали на лицъ ея идеи, смѣняющіяся непрерывно, какъ въ сновидѣніи, трудно было бы рѣшить, какое чувство въ ней преобладаетъ. Вдругъ она засмѣялась и сказала:

— Я, право не помню, чтó бишь такое я просила васъ объяснить мнѣ; но вы знаете, что мысли мои не годятся для людскаго разговора, съ тѣхъ поръ какъ рука человѣка, котораго я любила, повергла меня въ число мертвыхъ. Пожалуйте о слабости моего ума, только что воскресающаго, и извините, что я совсѣмъ позабыла отвѣчать на вашъ токъ. Господа, сказала она, поднимаясь съ удивительною прелестію и протягивая къ намъ стаканъ свой, Иньеса де Ласъ Сіеррасъ пьетъ за ваше здоровье. За ваше, благородный рыцарь! да благопріятствуетъ небо всѣмъ вашимъ предпріятіямъ! За ваше, задумчивый оруженосецъ, котораго врожденная веселость отуманена какимъ нибудь тайнымъ горемъ! Желаю, чтобы дни счастливѣе этого, возвратили вамъ радость безмятежную! За ваше, прекрасный пажъ, котораго нежная томность обличаетъ душу, занятую чувствами болѣе пріятными! Желаю, чтобы женщина, которую вы любите, платила вамъ любовью, достойною васъ; а если вы еще не влюблены, то желаю, чтобы вы полюбили женщину, которая бы отвѣтствовала вашей любви; за ваше здоровье, господа!.....

— О, я люблю и на всю жизнь! вскричалъ Сержи. Возможно-ли видѣть васъ и не любить? За здоровье Иньесы де Ласъ Сіеррасъ, прекрасной Иньесы!.....

— За здоровье Иньесы де Ласъ Сіеррасъ! повторилъ я вставая.

— За здоровье Иньесы де Ласъ Сіеррасъ, пробормоталъ Бутре, не трогаясь съ мѣста и, можетъ быть, въ

первый разъ въ жизни , произнесъ торжественный токъ и не осушилъ покала .

— За ваше здоровье , сказала Иньеса и опять поднесла покаль къ губамъ , но не допила его .

Сержи схватилъ этотъ покаль и съ жадностію прильнулъ къ нему губами ; не знаю почему , мнѣ хотѣлось остановить его , какъ-будто я могъ думать , что онъ пьетъ смертельный напитокъ .

Бѣдный Бутре снова погрузился въ онѣмѣніе , которое совершенно овладѣло его душею .

— Прекрасно , сказала Иньеса , обнявъ Сержи и прикладывая , по временамъ , къ его сердцу руку , столь же зажигательную , какъ та , о которой говорилъ Эстебанъ въ своей легендѣ . Я не помню вечера такого пріятнаго , такого прелестнаго какъ этотъ . Мы все такъ веселы и счастливы . Не правда-ли , сениоръ оруженосецъ , что намъ не достаетъ только музыки ?

— О ! сказалъ Бутре , который ничего другаго почти не могъ и выговорить : неужели она станетъ пѣть?....

— Спойте , спойте что нибудь , сказалъ Сержи , разбирая трепещущими отъ удовольствія руками прекрасные волосы Иньесы ; спойте что нибудь для вашего Сержи .

— Пожалуй , сказала Иньеса : но я боюсь , что сырость этихъ подземельевъ испортила мой голосъ , а прежде все говорили , что онъ чистъ и хорошъ . При томъ я знаю только печальныя аріи , которыя совсѣмъ не кстаети въ tertulia , гдѣ должны раздаваться только веселыя пѣсни . Постойте , однако жъ , продолжала она , поднявъ глаза къ своду и прелюдируя восхитительными звуками . Это романсъ Nina Matada ; онъ будетъ новъ и для васъ и для меня , потому что я стану вѣстъ и пѣть и сочинять его .

Кто не знаетъ , какую обворожительность придаетъ вдохновенному голосу живая импровизація . Горе человеку , который излагаетъ на письмѣ мысль свою ,

обдуманную, исправленную, одобренную размышленіемъ и временемъ. Ни въ чьей душѣ не возбудитъ онъ тайнаго сочувствія. Но присутствовать при созданіи прекраснаго творенія, видѣть, какъ оно вырывается изъ генія артиста, какъ Минерва изъ головы Юпитера, уноситься въ его полетъ черезъ безвѣстныя области воображенія, на крыльяхъ красноречія, поэзіи, музыки — это одно изъ высочайшихъ наслажденій, какія только даны несовершенной человѣческой природѣ; единственное наслажденіе, которое сближаетъ на землѣ человѣчество съ божествомъ, изъ котораго оно происходитъ.

То что я говорю вамъ, я самъ это чувствовалъ при первыхъ звукахъ Иньесы. Но того, что я чувствовалъ черезъ нѣсколько времени потомъ, невозможно выразить словами ни какого языка. Два начала моего существа видимо раздѣлились въ умѣ моемъ; одна часть, грубая и безжизненная, удерживаема была собственною тяжестью въ креслахъ Гисмондо; другая, уже преобразованная, уносилась къ небу, вмѣстѣ съ словами Иньесы, и получала отъ нихъ по ея произволу всѣ впечатлѣнія жизни новой, исполненной невыразимаго сладострастія. Будьте увѣрены, что если какойнибудь несчастный сомнѣвался въ существованіи вѣчнаго начала, котораго нескончаемая жизнь бываетъ на нѣсколько времени заключена въ узы нашей скоропреходящей жизни, и которое называется душою, то онъ, вѣрно, не слышалъ Иньесы, или женщины, которая бы пѣла такъ какъ она.

Мои органы очень способны къ этого рода ощущенію; но они, я думаю, не довольно вѣжны, чтобы достигать его во всей силѣ. Сержи совсѣмъ другое: его душа едва чувствовала свое невольничество; онъ привязанъ былъ къ человечеству узами самыми легкими, отъ которыхъ могъ освободиться, когда вздумается. Сержи вскрикивалъ, Сержи плакалъ, Сержи

былъ внѣ себя, и когда Иньеса, восторженная, терялась въ вдохновеніи, возрысеннѣ всего что мы до тѣхъ слышали, она, казалось, призывала его къ себѣ улыбкою. Бутре отчасти пробудился отъ своего печальнаго усыпленія и устремлялъ на нее свои большіе, внимательные глаза, въ которыхъ выраженіе удивленнаго удовольствія смѣнилось на минуту выраженіе страха. Баскара не перемѣнялъ своего положенія; во сладостныя ощущенія виртуоза начинали преодолевать въ немъ съ естественною боязнью простолюдина. Онъ приподнималъ по временамъ лицо, въ которомъ удивленіе мѣшалось съ ужасомъ, и вздыхалъ отъ восторга или зависти.

Крикъ энтузіазма послѣдовалъ за пѣніемъ Иньесы. Она сама налила всѣмъ вина и чокнула стаканъ свой о стаканъ Бутре. Бѣднякъ нерышительно приблизилъ его къ себѣ, увидѣлъ, что я пью и самъ выпилъ.

— Увы, сказала она, я совсѣмъ разучилась пѣть, или эта зала измѣнитъ моему голосу. Прежде, въ воздухѣ не было ни одного атома, который бы не отвѣчалъ мнѣ и не доставлялъ мнѣ аккорда. Въ природѣ пѣть уже для меня этихъ всемогущихъ гармоній, которыя я вопрошала, къ которымъ прислушивалась, которыя сочетались съ моими словами, когда я была счастлива и любила. О, Сержи, продолжала она, смотря на него съ нѣжностію, надобно быть любимой, чтобы пѣть!.....

— Любимой? вскричалъ Сержи, покрывал руку ея поцѣлуями. Я люблю, обожаю, боготворю тебя. Если для того, чтобы твой геній одушевился вдохновеніемъ, нужна безпредѣльная жертва сердца, души, вѣчности, — пой, Иньеса, пой еще! пой всегда!

— Я прежде и танцевала, прибавила она, нѣжно приложившись головою къ плечу Сержи; но какъ танцевать безъ музыки. — Чудеса! вскричала она

вдругъ. Видно, какой-то услужливый демонъ заткнулъ мнѣ за поясъ кастаньеты.....

И она со смѣхомъ ихъ вынула.

— О, день Божеской кары наступилъ! пскрипалъ Бутре. Страшный судъ наступаетъ! Она хочетъ танцевать!

Пока Бутре говорилъ, Иньеса подклялась и начала пляску медленную, торжественную, въ которой вполнѣ выказывались величественная прелесть ея формъ и благородство приемовъ. По мѣрѣ того какъ она перемѣнила мѣсто и явилась подъ новыми видами, воображеніе наше поражалось удивленіемъ, какъ-будто еще новалъ прекрасная женщина предстала передъ нами, — такъ превосходила она сама себя въ безконечномъ разнообразіи своихъ позицій и движеній. Постепенно, но быстрыми переходами, ея торжественная важность переллась въ умеренные восторги удовольствія, которое начинаетъ оживляться, потомъ въ нѣжное томленіе сладострастія, потомъ въ порывы радости, потомъ въ паступленное, неизъяснимое восхищеніе, которому петь имени на языкъ человѣческомъ; тутъ она исчезла въ далекомъ иракѣ этой огромной залы; звукъ кастаньетовъ ослабѣвалъ по мѣрѣ удаленія, стихалъ, замиралъ; наконецъ и звукъ и она исчезли. Потомъ онъ издали приближался, постепенно оживлялся, и раздавался громко, когда она вдругъ появлялась подъ потоками свѣта въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мы ея совсѣмъ не ожидали. Тутъ она приближалась къ намъ, почти касаясь до насъ платьемъ; кастаньеты говорливо побрякивали; по временамъ, посреди ихъ однообразнаго стуку, у ней вырывались крики пронзительные, но нѣжные, которые западали въ душу. Потомъ она опять удалилась отъ насъ, погружалась въ полу-иракъ, то появлялась, то снова исчезала, съ намѣреніемъ убѣгая отъ нашихъ взоровъ и стараясь, чтобы мы нечаянно ее увидѣли; потомъ ея было не видно, не

слышно; только вдаль отзывалась чуть внятная, жалобная нота, какъ бы послѣдній вздохъ умирающей дѣвушки; и мы были вѣд себя, въ упоеніи отъ восторга, трепетали отъ радости и страха, съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда ея покрывало, раздвигаемое быстрымъ движеніемъ пляски, заволнуется, заблеститъ подъ лучами факеловъ, и когда она возвѣститъ намъ свое возвращеніе легкимъ, радостнымъ крикомъ, на который мы отвѣчали невольно, потому что онъ пробуждалъ въ насъ множество скрытыхъ гармоній. Тутъ, она возвращалась, вертѣлась какъ листокъ, сорванный вѣтромъ съ родной вѣтви, поднималась съ земли, какъ-будто можетъ, когда захочетъ, и навсегда ее оставить, спускалась, какъ-будто отъ нея зависитъ не прикасаться къ полу; она не прыгала, но, казалось, вылетала изъ земли, будто таинственная судьба предопредѣлила ей дотрогиваться до почвы только для того, чтобы снова отскочить отъ нея. И голова ея, поникнувшая съ выраженіемъ ласкательнаго нетерпѣнія, и руки, граціозно округленные въ знакъ призванія или просьбы, казалось, уюляли насъ удержать ее. Сержи бросился, и заключилъ Иньесу въ своихъ объятіяхъ, когда она уже готовъ былъ уступить этой неудержимой привлекательности.

— Останься, вскричалъ онъ, или я умру!

— Бѣгу! отвѣчала она, и умру, если ты не придешь. Душа Иньесы, неужели ты меня покинешь!

Она опустилась полу-сидя на кресла Сержи, обвивъ руками его шею и тутъ уже рѣшительно не видала насъ болѣе.

— Послушай, Сержи, продолжала Иньеса, выходя отсюда, ты увидишь вправо корридоръ длинный, узкій, темный. (Я замѣтилъ его, когда мы вошли въ замокъ.) Иди по немъ осторожно, потому что плиты всѣ переломаны. Иди, иди все далѣе! Не пугайся безчисленныхъ его изворотовъ: заблудиться невоз-

можно. Сойди по лѣстницѣ, которою онъ спускается изъ этажа въ этажъ до самыхъ подземельевъ. Многихъ ступенекъ не достаетъ; но любовь легко преодолеваетъ эти затрудненія, когда они не остановили слабую женщину, которая спѣшила къ тебѣ. Иди, иди все далѣе! Ты дойдешь до извилистой лѣстницы, которая болѣе всего испорчена; но тутъ уже я проведу тебя, потому что я буду ждать тебя на вершину этой лѣстницы. Не пугайся моихъ совѣтъ: онѣ давно мои единственные друзья. Совѣты привыкли къ моему голосу; онѣ меня слушаются; изъ полуоткрытыхъ отдушникъ могильнаго склепа, въ которомъ я живу, я прогоню ихъ и съ птенцами на самые зубцы башни. Иди, иди все далѣе! Приди же, и не мѣшай..... придешь?

— Приду-ли я! вскричалъ Сержи. О, я вездѣ за тобой послѣдую, хоть бы это стоило мнѣ вѣчной смерти!

— За мной кто меня любить! вскричала Иньеса, испустивъ страшный хохотъ.

Въ ту-жъ минуту она схватила свой саванъ и исчезла; темнота отдаленныхъ частей залы навсегда скрыла отъ насъ обворожительницу.

Я бросился къ Сержи и крѣпко схватилъ его обѣими руками. Бутре, возбужденный опасностію своего товарища, вскочилъ, чтобы помочь мнѣ. Даже Баскара поднялся.

— Сержи, сказалъ я ему: я старше тебя и лѣтами и службой; ты долженъ меня послушаться: какъ другъ, какъ начальникъ твой, запрещаю тебѣ идти. Развѣ ты не видишь, несчастный, что здѣсь ты отвѣчаешь не только за свою, но и за наши головы? Развѣ ты не видишь, что эта, слишкомъ обворожительная, женщина, не что иное какъ воспитательное орудіе шайки разбойниковъ, которые скрываются въ этомъ ужасномъ вертепѣ и употребляютъ ее для того, чтобы раз-

двѣлить и тѣмъ легче погубить насъ? О, если бѣ ты былъ свободенъ и могъ располагать собой по произволу, я бы понялъ тогда твое пагубное увлеченіе и только пожалѣлъ о тебѣ; прелести Иньесы волюн могли бы оправдать эту жертву. Но подумай, что насъ хотѣтъ раздѣлять, чтобы потомъ легче справиться съ каждымъ особо; если ужъ мы должны здѣсь погибнуть, то по-крайней-мѣрѣ постараемся не поддаваться ихъ хитростямъ и продадимъ жизнь свою какъ можно дороже! Сержи, ты прежде всего нашъ; и ты останешься съ нами.....

Сержи, обуреваемый множествомъ противоположныхъ чувствованій, пристально посмотрѣлъ на меня и упалъ, почти въ безсмысленствѣ, на кресла.

— Те-неръ, господа, за работу, продолжалъ я, съ трудомъ поворачивая тяжелую дверь на ржавыхъ ея петляхъ. Заваливъ двери этими старыми мебельями, чтобы хоть на минуту удержать почти неизбежный натискъ: по-крайней-мѣрѣ мы будемъ имѣть время приготовиться и зарядить пистолеты. Мы въ состояніи отбиться отъ двадцати разбойниковъ, а я не думаю, чтобы ихъ было здѣсь столько.

— Я тоже не думаю, сказалъ Бутре, когда мы окончили эти приготовленія и снова собрались вокругъ стола, къ которому подсѣлъ наконецъ и Баскара, успокоенный нашей рѣшимостью. Конечно, всѣ эти предосторожности весьма благоразумны и воинъ самый исустрасимый, всегда долженъ остерегаться печальныхъ нападеній; но мнѣніе капитана объ этомъ замкѣ кажется мнѣ совершенно невѣроятнымъ: не можетъ быть, чтобы въ странѣ, занятой нашими войсками, при неусыпной дѣятельности нашей полиціи, развалины замка въ полу-миль отъ города, были заняты шайкою разбойниковъ. Это невозможное всего что мы видѣли и чему прежде сами не вѣрили.

— Право? сказалъ я смѣясь; а чтобы сказали объ этомъ твои Вольтеръ и Пиронъ?

— Капитанъ, — отвѣчалъ онъ съ холодною важно-
стію, которой я прежде никогда не замѣчалъ въ немъ
и которая, конечно, внушена была ему новыми идеа-
ми, проникшими въ умъ его, — я, можетъ быть, за-
служилъ эту насмѣшку необдуманною рѣшительно-
стію моихъ сужденій, и не сержусь за нее. Я увѣренъ,
что Вольтеръ и Пиронъ, такъ же какъ и я, не въ со-
стояніи были бы объяснить того, что мы видѣли соб-
ственными своими глазами; но чему бы вы ни припи-
сывали это происшествіе, я все буду думать, что не-
пріятелей, съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло, за-
творенныя двери не остановятъ.

— Замѣьте притомъ, сказалъ Баскара, что подоб-
ная хитрость была бы недостойна самыхъ плохихъ
разбойниковъ: подослать къ вамъ хорошенькую Инъ-
есу, значило бы не развлечь, а привлечь ваше внима-
ніе. Могутъ-ли они думать, что найдется человекъ
такой безумный (извините, сеніоръ Сержи), такой без-
умный, что побѣжить за мертвецами въ могилу; а
если этого нельзя ожидать, то къ чему-жъ вся эта
фантазмагорія, которая только показала бы вамъ, что
противъ васъ есть замыслы. Всего благоразумнѣе съ
нѣ стороны было бы позволить вамъ провести пер-
вую половину ночи въ безпечной веселости, а потомъ,
когда вы, пьяные, уснете, зарѣзать васъ безъ малѣй-
шей опасности для себя; да и тутъ, надобно предпо-
лагать, что воры прельстились бы вашими пожитка-
ми, которые могутъ не обогатить, а только обличить
ихъ. Призваюсь вамъ, что все это объясненіе кажется
мнѣ тщетнымъ усиліемъ ума невѣрующаго, который
напрасно борется съ очевидностію.

— Прекрасно, сеніоръ Баскара, сказалъ я, вы раз-
суждаете какъ нельзя лучше и я съ вами совершенно
согласенъ. Но если первое мое объясненіе не годится,

у меня есть второе къ вашимъ услугамъ. Вы теперь довольно спокойны для того , чтобы повинать меня ; и вашъ быстрый переходъ отъ ужаснаго страха къ совершенному хладнокровію еще болѣе убѣждаетъ меня въ моемъ мнѣніи. Вы актеръ, сеніоръ Баскара, и даже прекрасный актеръ , это я видѣлъ на дѣлѣ : сегодня вы играли роль свою лучше чѣмъ когда-нибудь. Мнѣ что-то кажется, что вы должны быть знакомы съ этой удивительной пѣвицей и несравненной танцовщицей ; я даже думаю , не готовите ли вы ее, чтобы блеснуть въ Барселонѣ первыми представленіями вашей труппы. И, признаюсь вы очень хорошо сдѣлали, что вздумали, въ сценѣ превосходно придуманной, испытать, какое дѣйствіе произведетъ эта актриса надъ раздражительною чувствительностію трехъ любителей, которыхъ энтузіазмъ можетъ послужить вамъ порукою за будущіе успѣхи. Притомъ вы, какъ Испанецъ, надѣялись, можетъ быть, имѣть удовольствіе посмѣяться надъ опасеніями и безпокойствомъ трехъ Французскихъ офицеровъ. Чтѣ вы на это скажете ?

— Прощу покорно, какой шутникъ! сказалъ Бутре, улыбаясь и опоражнивъ стаканъ. Идея моя ему очень понравилась , потому что онъ радъ былъ случаю сдѣлаться по прежнему великимъ философомъ.

Сержи, который не выходилъ еще изъ своего унынія, устремилъ на насъ взгляды уже менѣе прежняго печальные. Мысль , что онъ еще можетъ встрѣтить Ишьесу на землѣ живыхъ существъ , уменьшила нѣсколько его горестъ ; онъ уже начиналъ надѣяться, что еще разъ ее увидитъ. Онъ сталъ прислушиваться къ нашему разговору.

Баскара пожалъ плечами.

— Позвольте, сказалъ я , взять его за руку ; шутка ваша такъ мила и доставила намъ такое удовольствіе, что мы сердиться не станемъ. Я даже прибавлю , и,

вѣрно, никто изъ моихъ товарищей, со мною не поспорить, я прибавлю, что если вы повторите ее, каждый изъ насъ охотно заплатитъ за свое мѣсто; но теперь комедія сыграна и вы должны объяснить намъ ее, потому что порядочные люди долго мистифицировать себя не позволяютъ и что вы, конечно, не захотите ссориться съ нами. Признайтесь намъ откровенно; мы разбрасываемъ эти глупыя баррикады, а вы прикажите Миньонъ лвиться еще разъ. Замѣьте притомъ, что до сихъ поръ мы терпѣли эту шутку изъ учтивости, но ежели вы станете закираться, она сдѣлается кровавою обидою и вы за нее дорого заплатитесь. Что жъ вы не отвѣчаете?

— Да нечего отвѣчать, сказалъ Баскара. Если бъ вы хоть немножко подумали о томъ, что говорите, то не стали бы и допрашивать меня.

— Право? Однако жъ, почему? Я, кажется, довольно опредѣлительно выразился.

— Да, сказалъ Баскара; но разсудите сами, есть-ли тутъ хоть малѣйшая вѣроятность. Послушайте. Не правда ли, что вы сегодня утромъ встрѣтили меня въ повозкѣ Эстеваца? что вы со мною повхали? что я, конечно, не ждалъ васъ, и что съ тѣхъ поръ я ни на минуту не отходилъ отъ васъ?

— Правда, сказалъ Сержи.

— Правда, сказалъ Бутре.

— Этого мало, сказалъ Баскара. Могъ-ли я предвидѣть, что при выѣздѣ нашемъ изъ Жироны начнется буря? могъ-ли я предвидѣть, что мы не доберемся сегодня до Барселоны? что трактиръ въ Маттаро будетъ биткомъ набитъ? могъ-ли я предвидѣть, что вамъ придетъ въ голову безразсудная мысль ночевать въ заикѣ Гисмондо, когда при одномъ взглядѣ на него, волосы становятся дыбомъ на головѣ всякаго путешественника? Развѣ я не противился этому всеми силами

и развѣ неправда, что вы почти насильно притащили меня сюда?

— Правда, сказалъ Бутре.

— Правда, сказалъ Сержи.

— Позвольте, сказалъ Баскара. К чему бы мнѣ было устроить эту удивительную интригу? Неужели для того, чтобы попробовать надъ тремя офицерами Жиронскаго гарнизона, какой эффектъ произведетъ подобная пѣвица и танцовщица? Это вы ее такъ называете, а не я. Право, господа, вы дѣлаете слишкомъ много чести великодушнѣю провинціального режисера, предполагая, что онъ согласился бы дать такое блестящее представленіе даромъ. Э, да если бѣ у меня была такая актриса, какъ Иньеса, неужели же я рѣшился бы привезти ее сюда, чтобы она простудилась подъ этии сырыми сводами или вывихнула ногу на этихъ изковерканныхъ помостахъ? Неужели бы я привезъ ее даже въ Барселону, гдѣ со времени войны, и солдату поживиться нечѣмъ? Да помиуйте, ради Бога, въ Милапъ или въ Парижъ, она бы меня въ одну зиму обогатила. Чтѣ я говорю, въ одну зиму? Въ одинъ вечеръ, одною аріей, однимъ па! Съ ней не сравнится даже сама Мадритская Педрина, о которой такъ кричать, даромъ, что она одинъ только разъ появлялась на театрѣ. Вы сами слышали, какая она пѣвица! Вы сами видѣли, какая она танцовщица: она только изъ милости касается до земли ногами!.....

— Правда, сказали вмѣстѣ Бутре и Сержи.

— Еще одно слово, сказалъ Баскара. Васъ удивляетъ то, что я такъ скоро успокоился? Не мудрено, это и меня сначала удивило; но теперь я понимаю. Вы явдвли, какъ Иньеса торопилась уйти: ясно, что время, въ которое она можетъ являться смертнымъ, прошло; само собою разумѣется, что это меня успокоило. Теперь спрашивается, отчего же не являлись ни рыцарь, ни оруженосецъ, ни пажъ? Этого я не знаю; да это

ужь не мое дѣло , а тѣхъ , которые не побоялись занять ихъ мѣста.

— Въ такомъ случаѣ , сказалъ Бутре , да помилуетъ насъ Господь Богъ !

Я видѣлъ , что Баскара правъ.

— Непостижимое происшествіе , вскричалъ я , ударивъ кулакомъ по столу. Такъ что жъ такое мы сейчасъ видѣли?.....

— То что люди рѣдко видятъ въ этой жизни , сказалъ Баскара , и чего многіе не увидятъ и на томъ свѣтъ: душу изъ чистилища.

— Господа , сказалъ я съ твердостью: тутъ есть тайна , которой умъ человѣческой постигнуть не въ состояннн. Она , конечно , скрывается въ какомъ нибудь естественномъ событнн , которое покажется намъ очень простымъ , когда мы его узнаемъ , но котораго теперь мы понять не можемъ. Какъ бы то ни было , мы не должны подкрѣплять народнаго суевѣрнн своимъ свндетельствомъ. Мы не должны плгнать чести трехъ Французскихъ офицеровъ , рассказывая эту сцену; она , конечно , чрезвычайно удивительна , но тайна ея со временемъ , можетъ быть , объясннтся , и тогда мы подверглись бы жестокомъ насмѣшкамъ. Клянусь честью , — надѣюсь , что и вы послѣдуете моему примѣру , — клянусь честью , что никому на свѣтъ не стану госорнть о томъ , что мы видѣли нынѣшней ночью , до тѣхъ поръ пока мы не узнаемъ въ точности причинъ этого непостижимаго происшествнн.

— Мы тоже клянемся , сказали Сержи и Бутре.

— Клянусь Богомъ , сказалъ Баскара , что я не расскажу этого никому , кромѣ моего духовника на исповѣданн: да будетъ благословенно нмя Господне !

— Прекрасно! сказалъ Бутре , съ чувствомъ обнявъ Баскару. Не забудьте и меня въ вашихъ молитвахъ.

Ночь уже проходила. Мы всѣ четверо , однн за другимъ заснули; но само собою разумѣется , что сонъ

нашъ тревожили грезы и вы можете вообразить какія. Наконецъ, солнце взошло; небо было, противъ нашего ожиданія, совершенно ясно; мы, не говоря ни слова, отправились въ Барселону и прѣехали туда рано утромъ.

Для черезъ два мы возвратились въ Жиронну: полку нашему приказано было выступить. Несчастный походъ въ Россію принудилъ Наполеона сосредоточить остальные свои войска въ Сѣверной Германіи. Я снова сошелся тамъ съ Бутре, который сталъ чрезвычайно богомоленъ съ тѣхъ поръ, какъ самъ собственными своими глазами видѣлъ выходца съ того свѣта, и съ Сержи, который сдѣлался постояннымъ съ того времени, какъ влюбился въ призракъ. Въ началъ Люценскаго сраженія, Сержи былъ подлѣ меня; онъ вдругъ перегнулся и голова его, прострѣленная пулею, упала на шею моей лошади.

— Инѣеса! прошепталъ онъ, къ тебѣ! и онъ умеръ.

Черезъ нѣсколько мѣслцевъ армія возвратилась во Францію; новыя успія задержали, но не отвратили неизбежное паденіе Французской имперіи. Миръ былъ заключенъ, и многіе офицеры навсегда сложили съ себя оружіе. Бутре пошелъ въ монастырь; я думаю, что онъ и теперь еще тамъ. Я поселился въ Парижъ. Тамошняя жизнь мнѣ скоро наскучила и я вздумалъ путешествовать. Сначала и какъ-будто не рѣшался, куда ѣхать; но это была притворная борьба моего разсудка съ сердцемъ. Сердце влекло меня въ Барселону. Въ это же время я получилъ письмо отъ Павло Клосы, любезнѣйшаго изъ моихъ Каталонскихъ пріятелей, и оно рѣшило мое недоумѣіе. Павло писалъ мнѣ, что онъ женится на Леонорѣ; а Леонора была сестра Эстелли, прелестной дѣвушки, въ которую я нѣкогда влюбленъ былъ безъ памяти.

На свадьбу я уже не пошѣлъ; Павло женился за три дня до моего прѣзда; но свадебныя празднества

еще продолжались: въ Испаніи медовой мѣсяць иногда давно уже кончился, а свадьбу все еще празднуютъ. Въ семействѣ Павло это было совсѣмъ иначе: онъ былъ вполне достоинъ любви прелестной жены своей; онъ надѣялся быть счастливъ и дѣйствительно счастливъ. Оно, конечно, вѣрѣдка случается; но полагаться на это нельзя. Эстелья приняла меня, какъ пріятеля, о которомъ жалѣли и котораго желали снова увидѣть: больше я и ожидать не могъ, особенно послѣ двухлѣтней разлуки, потому что это происходило въ 1814 году, во время непродолжительнаго мира, между первымъ возстановленіемъ Бурбоковъ и 20 марта, когда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы.

— Мы пообѣдали сегодня ранѣе обыкновеннаго, сказалъ Павло, входя въ гостиную, куда я привелъ жену его; зато лучше поужинаемъ; надобно было, чтобъ дамы успѣли одѣться; я взялъ ложу на сегодняшнее представленіе Педрины, первое и, можетъ-быть, послѣднее: эта пѣвица такая странная женщина; кто знаетъ: можетъ-быть, она завтра же уйдетъ.

— Педрины? сказалъ я, подумавъ. Я уже слышалъ однажды это имя и притомъ въ такихъ обстоятельствахъ, которыхъ во всю жизнь мою не забуду. Это та самая удивительная пѣвица и еще болѣе удивительная танцовщица, которая съ такимъ торжествомъ дебютировала въ Мадридѣ и на другой день исчезла такъ, что никто не зналъ, куда она дѣвалась? Я увѣренъ, что она оправдываетъ всеобщее любопытство талантами, которыми дѣлать ничего подобнаго ни на какомъ другомъ театрѣ; но признаюсь тебѣ, что одно странное происшествіе въ моей жизни до того сдѣлало меня взыскательнымъ въ этомъ отношеніи, что я не хотѣлъ бы видѣть и слышать даже Педрины. Позволь мнѣ погулять по Раибла, пока вы воротитесь изъ театра.

— Какъ хочешь; только я думалъ, что ты проводишь Эстелью.

Эстелья пришла, и когда надобно было ѣхать, она подошла ко мнѣ. Я забылъ, что далъ себѣ слово не видать и не слышать, послѣ Иньесы де Ласъ Сьеррасъ, ни какой танцовщицы или пѣвицы; впрочемъ, я твердо былъ увѣренъ, что въ этотъ вечеръ не увижу и не услышу никого, кромѣ Эстельи.

Въ началѣ спектакля такъ и было, и я рѣшительно не знаю что игралъ. Даже шумъ, который произвело появленіе Педрины, нисколько не развлекъ меня; я сидѣлъ спокойно, прикрывая глаза рукою, какъ вдругъ глубокое молчаніе, наступившее послѣ шуму, было прервано голосомъ, котораго мнѣ невозможно было не узнать. Голосъ Иньесы никогда не переставалъ отдаваться въ ушахъ моихъ; я слышалъ его, когда задумывался, слышалъ, когда засыпалъ: а этотъ голосъ — былъ голосъ Иньесы.

Я вздрогнулъ, вскрикнулъ и высунулся изъ ложи, устремивъ взоры на сцену. То была Иньеса, сама Иньеса.

Я смотрѣлъ вокругъ себя, чтобы увѣриться, что я точно въ Барселонѣ, точно въ театрѣ, что это не обманъ моего воображенія, какъ въ послѣдніе два года случалось почти ежедневно; что это не обыкновенныя мои грезы. Я старался убѣдить себя чѣмъ нибудь въ дѣйствительности этого видѣнія.

— Что жъ! сказала Эстелья, улыбаясь: вы были такъ увѣрены, что ни какой женскій голосъ на васъ не подѣйствуетъ; Педрина только еще прелюдируетъ, а вы уже внѣ себя отъ восторга!.....

— Неужели это въ самомъ дѣлѣ Педрина? сказалъ я. Точно-ли вы увѣрены, что это женщина, актриса, а не привидѣніе?

— Увѣрю васъ, отвѣчала она, что это женщина, актриса удивительная, пѣвица, какой можетъ быть еще не бывало; но больше, я думаю, ничего. — Берегитесь, прибавила она холодно, вашъ энтузіазмъ мо-

жетъ испугать всѣхъ, кто васъ любить. Говорятъ, что и прежде васъ многіе сходили съ ума при одномъ взглядѣ на нее.

А Педрина все пѣла.

Потомъ она начала танцовать и мысль моя, уносясь за нею, беззащитно предавалась всѣмъ впечатлѣніямъ, которыя она ей сообщала. Всеобщій восторгъ сдѣлалъ незамѣтнымъ мое упоеніе, но онъ еще усиливалъ его; все время, которое протекло между двумя нашими встрѣчами, исчезло изъ глазъ моихъ, потому что никакое подобное и равносильное впечатлѣніе не напомнило мнѣ этого; мнѣ казалось, что я все еще въ Гисмондскомъ замкѣ, но что онъ передѣланъ, распространень, убранень, наполненъ народомъ, и восклицанія, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ, казались мнѣ радостными кликами демоновъ. А Педрина, волнуемая воспитательнымъ изступленіемъ, которое только одинъ адъ можетъ породить и поддерживать, носилась, почти не касаясь полу, убѣгала, возвращалась, летала, отгоняемая, привлекаемая невидимыми силами; наконецъ, измученная, изтомленная, безъ дыханія, почти безъ чувствъ, упала на руки окружающихъ, произвешя съ раздрающимъ душу выраженіемъ няя, которое горестно отдалось въ моемъ сердцѣ.

— Сержи умеръ! вскричалъ я, проливая горячія слезы и простирая руки къ сценѣ!.....

— Вы рѣшительно съ ума сошли, сказала Эстелья, удерживая меня. Успокойтесь же. Она ушла.

— Съ ума сошелъ! сказалъ я самъ себѣ..... Неужели это правда? Неужели то, что я видѣлъ, и слышалъ, только призракъ, а не существенность. Съ ума сошелъ! Великій Боже, неужели мнѣ суждено страдать этимъ недугомъ, который отстранить меня отъ рода человеческого и сдѣлаетъ предметомъ сожалѣнія или даже насмѣшекъ. О, неужели это наказаніе, опредѣленное тѣмъ, которые стараются проникнуть въ тай-

ны роковаго замка Гисмондо? Счастливъ Сержи, что онъ палъ на поляхъ Люценскихъ!

Я совершенно погрузился въ эти идеи, какъ вдругъ Павло взялъ меня за руку и подвелъ къ Эстельи, потому что надобно было выходить изъ театра.

— Ахъ, Эстелья, сказалъ я ей съ трепетомъ, потому что я уже начиналъ приходить въ себя: я долженъ казаться вамъ жалкимъ существомъ; но вы еще болѣе пожалѣли бы обо мнѣ, если бъ узнали исторію, которою я не имѣю права разсказать вамъ! То что вы видите, — продолженіе ужаснаго обольщенія, отъ котораго умъ мой никогда вполне не освобождался. Позвольте мнѣ остаться одному съ моими мыслями, чтобы хоть сколько нибудь привести ихъ въ порядокъ. Завтра я буду спокойнѣе.

— Завтра ты будешь какъ тебѣ угодно, а сегодня отъ васъ не увернешься, сказалъ Павло, который проходилъ въ это время мимо насъ и слышалъ послѣднія слова. — Впрочемъ, прибавилъ онъ, Эстелья, скорѣе уговорить тебя чѣмъ я.

— Неужели, сказала она, вы согласитесь пожертвовать намъ вечеромъ, который, конечно, хотѣли посвятить Педринъ?

— О, ради Бога, милая Эстелья, вскричалъ я, не произносите этого имени; уверяю васъ, что оно не возбуждаетъ во мнѣ ни одного изъ чувствованій, которыя вы можете предполагать, кромѣ развѣ ужаса. К несчастью, я не могу объяснить вамъ этой тайны.

Надобно было уступить. Я съѣлъ за ужинъ, но ничего не вѣлъ. Говорили, разумеется, о Педринѣ.

— Эта необыкновенная женщина, сказалъ вдругъ Павло, возбуждаетъ въ васъ такое восторженное участіе, что усилить его, кажется, невозможно. Что жъ бы вы сказали, если бъ знали ея привключенія, которыя, правда, происходили частію въ Барселонѣ; но

тогда какъ мы здѣсь еще не жили? Вы должны были бы признаться, что ея исторія по-крайней-мѣрѣ такъ же удивительна, какъ и ея таланты.

Никто не отвѣчалъ, потому что все слушали; и Павло, замѣтивъ это, продолжалъ:

— Педрина принадлежитъ не къ тому классу, изъ котораго обыкновенно выходятъ актрисы и въ которыхъ бродячія труппы набираютъ несчастныхъ, осужденныхъ служить забавою толпы. Настоящее ея имя принадлежало съ давнихъ временъ одной изъ замѣнчивѣйшихъ фамилій старой Испаніи. Ее зовутъ Иньеса де Ласъ Сьеррасъ.

— Иньеса де Ласъ Сьеррасъ! вскричалъ я, вскочивъ со стула въ состояніи, которое трудно было бы описать. Иньеса де Ласъ Сьеррасъ! Но знаешь ли ты, Павло, откуда она приходитъ и по какому страшному чуду является на театрѣ?

— Я знаю, сказалъ Павло улыбаясь, что она благородная и несчастная женщина, и что жизнь ея достойна и удивленія и сожалѣнія. Не мудро, что имя ея тебя поражаетъ: оно, конечно, знакомо тебѣ по нашимъ жалобнымъ *Romances*. Исторія, которую это имя напоминаетъ ему, прибавилъ Павло, обращаясь къ другимъ, есть одно изъ тѣхъ преданій, которыя переходятъ изъ среднихъ вѣковъ отъ одного поколѣнія къ другому, сохраняясь въ памяти людей; они обыкновенно основаны на какомъ-нибудь истинномъ или по-крайней-мѣрѣ вѣроятномъ происшествіи и, по долговременному своему существованію, получаютъ наконецъ какъ бы историческую достоверность. Это преданіе было такъ извѣстно уже въ XVI вѣкѣ и такъ укоренилось въ народномъ мнѣніи, что принудило могущественную фамилію Ласъ Сьеррасъ покинуть со всемъ имуществомъ свое отечество и, пользуясь новыми открытіями мореходцевъ, переселиться въ Мексику. Какъ бы то ни было, по судьба

не переставала гнать эту фамилию и въ Новомъ Свѣтѣ: я слышала, что въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ ни одинъ изъ ея старѣйшинъ не умиралъ обыкновенною смертію. Последний изъ благородныхъ сеніоровъ Ласъ Сіеррасъ жилъ въ Мексикѣ еще въ началъ нынѣшняго вѣка. Смерть похитила жену его и у него осталась только дочь, лѣтъ шести или семи, которую онъ называлъ Иньесою. Съ самаго младенчества этой необыкновенной дѣвочки, въ ней стали проявляться рѣдкіе таланты, и маркизъ Ласъ-Сіеррасъ не щадилъ ничего, чтобы развить въ полномъ ихъ блескѣ удивительныя способности, отъ которыхъ онъ надѣялся подѣ старость счастья и славы. И точно, счастливъ былъ бы онъ, если бѣ воспитаніе дочери было единственнымъ его занятіемъ и если бѣ она сосредоточила на себѣ всю его привязанность; но, къ сожалѣнію, онъ скоро почувствовалъ нужду наполнить другимъ, болѣе живымъ чувствомъ пустоту, которую оставила въ его сердце смерть первой жены. Онъ влюбился, воображалъ, что нашелъ взаимность, гордился своимъ выборомъ и даже радовался, что приобрѣлъ прекрасной Иньесѣ вторую мать; но вмѣсто того, новая его подруга сдѣлалась неумолимою гонительницею несчастной дѣвушки. Иньеса, съ своимъ раннимъ и свѣтлымъ умомъ, тотчасъ поняла всю затруднительность своего новаго положенія. Она почувствовала, что искусства, которыя до того были для нея развлеченіемъ, забавою, могутъ со временемъ сдѣлаться ея единственнымъ пособіемъ. Съ тѣхъ поръ она предалась имъ съ новымъ рвеніемъ, которое увѣнчалось безпримѣрными успѣхами и черезъ нѣсколько лѣтъ ей уже не у кого было учиться. Самый искусный и самый тщеславный изъ ея прежнихъ учителей за честь бы почелъ быть ея ученикомъ; но она дорого заплатила за эту славу, если правда, что съ этого уже времени умъ ея, чистый и блестящій, побѣжденный

безпрерывнымъ усиленнымъ трудомъ, сталъ постепенно разстроиваться и временное помѣшательство начало обличать обезсиленіе ея душевныхъ способностей, когда, по-видимому, ей нечего уже было приобретать. Однажды къ ней принесли безжизненное тѣло отца ея. Группъ его, пораженный многими ударами, нашли въ одномъ отдаленномъ мѣстѣ и ни какія обстоятельства не подавали повода догадываться, ни о причинахъ, ни о виновникѣ этого убійства. Между-тѣмъ общій голосъ обвинялъ одного молодого человѣка. Маркизъ не имѣлъ ни одного врага, но передъ второю женитьбою у него былъ соперникъ, человѣкъ, известный въ Мексикѣ пылкостью страстей своихъ и буйностью характера. Всякой былъ внутренно увѣренъ, что убійца точно онъ, но несмотря на всеобщее подозрѣніе, обвинить его было невозможно по недостатку уликъ. Но предположенія публики получили еще большую достоверность, когда, черезъ нѣсколько времени, ждова убитаго вышла за убійцу; съ тѣхъ поръ эти догадки ничѣмъ не подтвердились, но ничто не могло ихъ и ослабить. Иньеса осталась одинокою въ домъ своихъ предковъ между двумя человѣками, которые были равно ей чужды и которыхъ она, по какому-то вистинкту, равно ненавидѣла. Помѣшательство ея стало приходить чаще и никто этому не удивлялся, хотя никто не зналъ и половины ея несчастій. Въ Мексикѣ жила молодая Сициліецъ, который назывался Гаэтано Филиппи, но котораго прежняя жизнь какъ-будто скрывала какую-то подозрительную тайну. Нѣкоторыя понятія объ искусствахъ, приятная, хотя пустая, болтовня, ловкія, но изученныя манеры, вѣжливость, которую порядочные люди приобретаютъ воспитаніемъ, а интриганты обращеніемъ въ свѣтъ, доставили ему доступъ въ лучшіе дома, куда бы его не должно было пускать по его развратному поведенію. Иньеса, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, про-

стодушная и восторженная, не въ состояніи была проникнуть сквозь эту обманчивую кору. Волнение чувствъ своихъ она приняла за первую любовь. Газтано былъ не такой человекъ, чтобы не воспользоваться благорасположеніемъ богатой невѣсты; онъ сталъ просить руки ея, но тщетно. Мачиха несчастной Иньесы намѣревалась прибрать къ рукамъ ея богатство и, вѣроятно, она была бы не слишкомъ разборчива въ средствахъ. Мужъ помогаль ей съ усердіемъ, котораго тайной причины она сама не знала. Этотъ извергъ былъ влюбленъ въ свою питомицу; за нѣсколько недель передъ тѣмъ, онъ осмѣлился объявить Иньесѣ страсть свою и старался обольстить ее. Это еще болѣе разстроило Иньесу и усилило ея упыніе. Какъ почти все люди гениальныя, она соединяла съ необычайными талантами слабый характеръ. Въ жизни духовной, въ жизни искусства, она была ангель; въ практической, обыкновенной жизни, ребенокъ; даже одна наружность благорасположенія обольщала ея сердце, а какъ скоро сердце ея было покорено, умъ не находилъ уже ни какихъ возраженій. Въ этомъ расположеніи нѣтъ ничего пагубнаго, когда находишься въ счастливыхъ обстоятельствахъ и подь благоразумнымъ руководствомъ; но единственный человекъ, которому Иньеса могла бы покориться въ одиночествѣ, въ какомъ оставила ее смерть отца, искалъ ея погублен; и вотъ одна изъ тѣхъ ужасныхъ тайнъ, которыхъ невинность и не подозреваетъ! Газтано, почти безъ усилія, уговорилъ ее убѣждать, увѣряя, что это для нихъ единственное средство спасенія. Онъ также легко убѣдилъ ее, что все наследство предковъ принадлежитъ ей по праву и что она можетъ располагать всѣмъ этимъ по произволу; они скрылись; и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явились въ Кадиксъ, привезя съ собою множество золота, брилліантовъ и другихъ драгоценныхъ вещей. Тутъ по-

крывало, подь которымъ таилъся настоящій Гаэтано, упало; но глаза Иньесы, ослѣвленные ложнымъ блескомъ любви и удовольствія, долго не въ состояніи были различить всей истины. Между-тѣмъ свѣтъ, въ который ввелъ ее Гаэтано, пугалъ ее иногда своими развратными правилами; она дивилась, что переездъ съ одного полушарія на другое, могъ произвести такую разницу въ рѣчахъ и нравахъ; въ толпѣ комедіантовъ, развратниковъ и прелестницъ, которыя составляли обыкновенное ея общество, она съ трепетомъ искала и не находила мысли, которая бы отвѣчала ея мысли. Пособилъ, доставленный ей поступкомъ, въ безвинности котораго она начинала сомнѣваться, стали уменьшаться, а вѣсть съ тѣмъ простывала и лицемѣрная привязанность къ ней Гаэтано. Однажды утромъ она не нашла его подлѣ себя; ночью ждала напрасно; на другой день она перешла отъ безпокойства къ страху, отъ страха къ отчаянію; наконецъ ужасная сущность довершила ея злополучіе. Гаэтано ухаживалъ, обобравъ ее и ухаживалъ съ другой жепщиною; онъ покинулъ ее бѣдною, обезславленною, и — что всего нестерпимѣе — презрѣнною въ собственныхъ своихъ глазахъ. Благородная гордость, которая поддерживаетъ невинную душу въ несчастіи, для нея уже не существовала. Она назвалась Педриною, чтобы избавиться отъ поисковъ, которые производили ея родственники. И она навсегда осталась Педриною. Само собою разумѣется, что я не знаю всѣхъ подробностей ея жизни. Я помню только, какъ она вдругъ явилась на Мадридскомъ театрѣ, и съ перваго появленія своего стала выше знаменитѣйшихъ виртуозовъ. Дебютъ ея произвелъ такой пламенный, страстный восторгъ, что рукоплесканія зрителей раздавались во всемъ городѣ, и толпа, которая провожала ее до дому, оглушая радостными восклицаніями и осыпая вѣнками, разошлась только тогда,

когда Иньеса снова показалась ей изъ окна. Но она возбудила не одно только это чувство. Красота ея, столь же удивительная какъ и таланты, произвела, какъ говорить, сильное впечатлѣніе на человека, у котораго въ рукахъ была тогда часть судьбы Испанія, однимъ словомъ на нашего бывшего короля, севіора Хозе Бонапарта. Известно только то, что она не являлась болѣе на сценѣ и что всѣ дары фортуны посыпались на эту женщину, которая еще недавно жила въ бѣдности и униженіи. Весь городъ говорилъ о развообразіи ея туалета, богатствѣ ея украшеній, пышности ея экипажей; и между тѣмъ, противъ обыкновенія, ей легко простили это внезапное обогащеніе, потому что въ числѣ судей ея не было ни одного, который бы не почелъ себя счастливымъ, если бь могъ повергнуть къ ногамъ ея во сто разъ болѣе. Къ чести Педрины надобно сказать, что она не расточала на пустыя првхоти сскровищъ, которыя доставляла ей любовь. Сострадательная и великодушная, она искала бѣдныхъ, чтобы помогать имъ; сама носила пособія и утшенія въ убѣжища нищеты, къ постелямъ страждущихъ; она облегчала всѣ злополучія и притомъ съ прелестію, которая удвоивала ея благодѣянія; и хотя была любовницею короля, но пользовалась народною привязанностію. Это такъ легко при богатствѣ! Имя Педрины производило такой шумъ, что не могло не достигъ до ушей Гаэтано въ безвѣстномъ мѣстечкѣ, гдѣ скрывалъ онъ постыдную жизнь свою. Плоды воровства и предательства, которые до того времени его поддерживали, наконецъ истощились. Онъ не могъ простить себѣ, что въ то время не догадался, какую пользу могъ бы извлекать изъ униженія своей любезной. Онъ вздумалъ исправить свою ошибку, во чтѣ бы то ни стало, хоть бы новымъ преступленіемъ. Это для него ничего не значило. Зналъ сердце Иньесы и свою собственную ловкость, онъ ни-

сколько не сомнѣвался въ успѣхъ своего предпріятія и рѣшился отправиться къ несчастной. Повидимому, оправдаться ему было бы невозможно; но нѣтъ ничего невозможнаго для ума хитраго, особенно если ему помогаетъ слѣпая довѣрчивость любви; а Гаэтано былъ не только первый, но единственный человекъ, котораго Иньеса истинно любила. Удовольствія чувствъ не наполнили души ея, и — это конечно рѣдко, но иногда случается, — она погибла, но не развратилась. Гаэтано придумалъ цѣлпый романъ, который скоро пріобрѣлъ въ глазахъ Иньесы всю достовѣрность истины. Ей хотѣлось вѣрить этой сказкѣ, чтобы возвратить хотя тѣнь прежняго благополучія, а умъ, въ этомъ расположеніи, всегда довольствуется самыми легкими вѣроятностями. Надобно думать, что она даже не смѣла выговорить возраженій, которыя толпою представлялись уму ея, боясь, чтобы хотя одно изъ нихъ не осталось безъ отвѣта. Когда любишь, то готовъ обманываться, чтобы только не лишиться любви своей. Притомъ коварный Гаэтано умѣлъ воспользоваться всеми выгодами своего положенія. Онъ рассказывалъ, что былъ въ Сициліи, куда ѣздилъ только для того, чтобы испросить родительскаго благословенія на свою женитьбу. И онъ получилъ его. Но этого мало: мать его сама пріѣхала съ нимъ въ Испанію, чтобы скорѣе познакомиться съ своею милою дочерью. Онъ дѣйствовалъ такъ искусно, что наконецъ Иньеса, утопая въ слезахъ, терзаемая стыдомъ, раскаяніемъ, исполненная радости, признательности, увала къ ногамъ обманщика; и притворство еще разъ восторжествовало надъ сердцемъ слишкомъ чувствительнымъ и довѣрчивымъ, которое не могло разгадать его. Подозрѣнія Иньесы должны однако жъ были возбудиться, когда она увидѣла, что Гаэтано заботится не о томъ, чтобы увезти ее, а только чтобы уложить въ карету, приготовленную для нихъ отъ-

вада, сокровища, о которыхъ она не могла безъ стыда думать. Она хотѣла-было все бросить, но онъ на это не согласился. Дня черезъ четыре послѣ того дорожная карета остановилась у Итальянскаго трактира въ Барселонѣ. Вышли молодой человекъ прекрасно одѣтый и молодая дама, которая старалась укрыться отъ взоровъ путешественниковъ и прохожихъ. То были Гаэтано и Педрина. Черезъ четверть часа молодой человекъ вышелъ и отправился въ портъ. Между тѣмъ мать Гаэтано не являлась и это еще усиливало подозрѣнія, которыя родились въ умъ Ниессы. Видно, что она преодолѣла свою робость, когда Гаэтано возвратился, и высказала ему всю правду. По-крайней-мѣрѣ известно, что въ тотъ же вечеръ между ними начался споръ, который возобновлялся нѣсколько разъ и ночью. На разсвѣтъ, Гаэтано, блѣдный, разстроенный, трепещущій, приказалъ трактирнымъ служителямъ перенести нѣсколько сундуковъ на корабль, который долженъ былъ сняться съ якоря въ то же утро и самъ пошелъ туда съ шкатулкою, которую спряталъ подъ складками своего плаща. Прибывъ на корабль, онъ отпустилъ этихъ людей, подъ предлогомъ, что еще долженъ будетъ возвратиться въ городъ, щедро заплатилъ имъ за труды и просилъ, чтобы они не разбудили жену его, пока онъ не придетъ. Между-тѣмъ большая часть дня уже прошла; а этотъ молодой человекъ еще не возвращался. Стали говорить, что корабль уже снялся съ якоря; одинъ изъ людей, которые несли сундуки, тревожимый мрачнымъ предчувствіемъ, захотѣлъ увѣриться въ этомъ и увидѣлъ парусы, которые исчезли на горизонтѣ. Посреди шуму во всемъ домѣ, въ комнатѣ Ниессы все было тихо; это наконецъ показалось страннымъ. Стали осматривать дверь: она была заперта не изнутри, а снаружи и ключъ вынуть изъ замка. Тутъ хозяинъ трактира рѣшился отпереть комнату другимъ

ключемъ, и страшное зрѣлище представилось испуганнымъ зрителямъ. Неизвѣстная путешественница лежала въ постели, въ положеніи спящей и даже можно было подумать, что она дѣйствительно спитъ, если бы она не была вся въ крови. Злодѣй закололъ ее, когда она спала и кинжалъ торчалъ еще у нея въ груди. Позвольте мнѣ не распространяться объ этихъ подробностяхъ. Въ то время цѣлый городъ зналъ эту исторію. Но не многіе изъ тѣхъ, которые принимали въ ней участіе, не многіе знаютъ, что жертва этого ужаснаго преступленія не кто иная, какъ Педрина, о которой Мадридъ никогда не забудетъ, и что Педрина — Иньеса де Ласъ Сіеррасъ. — Я возвращаюсь къ моему разсказу, продолжалъ Павло. Люди, которые сбѣжались со всѣхъ сторонъ и врачи, которыхъ тотчасъ призвали, скоро замѣтили, что несчастная еще не умерла. При усердныхъ, хоть позднихъ попеченіяхъ, она пришла въ себя. Однако жъ она нѣсколько дней была между жизнью и смертью. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, Иньеса выздоровѣла, но бредъ, который оказался, какъ скоро она стала говорить и который сначала приписывали горлчкѣ, не уступалъ ни времени, ни медицинскимъ средствамъ. Бѣдняжка воскресла для жизни физической, но осталась мертвою для жизни умственной. Она была помѣшана. Ее отдали въ женскій монастырь, и добрыя монахини принимали о ней всевозможныя попеченія. Она платила за всѣ эти старанія неизмѣнною кротостію: въ ней нисколько не было раздражительности, буйства, которыми обыкновенно сопровождаются душевныя недуги. Притомъ у нея бывали свѣтлыя минуты, которыя подавали полную надежду на ея выздоровленіе; наконецъ эти минуты стали приходиться такъ часто, что за нею перестали безпрестанно надзирать; ее оставляли одну во время божественной службы. Сначала все шло хорошо, но однажды она воспользо-

валась этою оплошностію и скрылась. Побѣгъ ея произвелъ всеобщее безпокойство; начали искать и скоро напали на слѣды ея. Въ первые дни бродячей жизни Иньесы, ее замѣчали по необыкновенной красотѣ ея, по благородству ея приѣмовъ, и особенно по безпорядку, который по временамъ проявлялся въ ея идеяхъ и рѣчахъ. Ее особенно замѣчали по странности одежды, составленной изъ остатковъ театральнаго костюма, блестящихъ, но не дорогихъ обрывковъ, которыхъ Сициліецъ не почелъ нужнымъ унести; они составляли совершенную противоположность съ простымъ холстиннымъ мѣшкомъ, въ который она собирала мпlostыню. Такимъ образомъ слѣды ея шли до самаго Маттаро, но тутъ вдругъ исчезали и нигдѣ уже въ окрестностяхъ не появлялись. Дня за два до Рождества, Иньеса совсѣмъ исчезла и всѣ, вспоминая уныніе, которое тяготило умъ ея, какъ скоро онъ освобождался отъ обыкновеннаго мрака, подумали, что несчастная сама себя лишила жизни, бросившись въ море. Это объясненіе было такъ естественно, что другаго не стали и искать. Сначала вѣсть о смерти незнакомки произвела всеобщее сожалѣніе; но потомъ и это впечатлѣніе, какъ всякое другое, ослабло и черезъ нѣсколько дней ее совершенно забыли. Въ это время случилось странное происшествіе, которое еще болѣе отвлекло умы отъ Иньесы и трагическаго конца ея приключеній. Въ двухъ миляхъ отъ Маттаро, есть развалины стариннаго зданія, которое называютъ Гисмондовымъ замкомъ. Народъ воображаетъ себя, что духи уже нѣсколько лѣтъ владѣютъ этими развалинами и есть преданіе, что каждый годъ, въ ночь на Рождество Христово, тамъ бываетъ адскій пиръ. Люди нынѣшняго поколѣнія не видали ничего такого, что бы могло подкрѣпить это смѣшное повѣрье; но въ 1812 году случилось происшествіе, которое до сихъ поръ не объяснилось и придало этому повѣрью новую силу. Народъ убѣдился,

что въ Гисмондовомъ замкѣ точно бывають необыкновенные гости и пируютъ, не скрываясь. Въ полночь залы его, давно оставленные, озарились яркимъ свѣтомъ, который распространилъ страхъ и ужасъ во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ. Запоздалые путники, проходя случайно мимо стѣпъ замка, слышали шумъ какихъ-то страшныхъ голосовъ; къ которымъ по временамъ присоединилось невыразимо пріятное пѣніе. Страшная буря, бывшая въ эту ночь — явленіе, въ это время года чрезвычайно рѣдкое, — еще увеличило торжественность адской сцены, которой подробности ужасно разрастались въ разсказахъ. Нѣсколько дней во всѣхъ окрестностяхъ только и говорили о томъ, что духи снова появились въ замкѣ Гисмондо и свидѣтельство столь многихъ людей, которые насчетъ главныхъ обстоятельствъ были совершенно согласны между собою, возбудило наконецъ въ полиціи довольно основательныя подозрѣнія. И дѣйствительно, Французскія войска были вызваны изъ мѣстъ, въ которыхъ стояли; они пошли на подкрѣпленіе Германской арміи: легко могло случиться, что старая Испанская партія, которая уже замѣтно волновалась во многихъ нашихъ департаментахъ, вздумаетъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы провзвести возмущеніе. Правительство, плохо вѣря народнымъ преданіямъ, видѣло въ этомъ мнимомъ ширшествѣ духовъ, собраніе заговорщиковъ, готовыхъ снова поднять знамя бунта. Приказано было осмотрѣть таинственный замокъ и обыскъ подтвердилъ очевидными доказательствами слухи, которые подали къ нему поводъ. Найдены были остатки освѣщенія и ширшества, и по огромному числу пустыхъ бутылокъ, стоявшихъ на столѣ, надобно полагать, что пирующихъ было много.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа Павло, которое напомнило мнѣ неутолимую жажду Бутре, я не могъ удержаться

и захохоталъ; само собою разумѣется, что этотъ хохотъ, столь несогласный съ расположеніемъ духа, въ которомъ я былъ при началѣ разсказа, чрезвычайно удивилъ Павло. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, подождать, пока судорожный мой смѣхъ окончится, и потомъ продолжалъ:

— Такимъ образомъ доказано было, что въ развалинахъ замка Гисмондо пировали люди, вѣроятно, вооруженные и непременно уже конные, потому что въ конюшнѣ еще оставался кормъ; но никого изъ нихъ въ замкѣ ужь не нашли и слѣды ихъ въ окрестностяхъ исчезли. Это странное происшествіе не объяснилось даже и тогда, когда заговора старой Испанской партіи не для чего уже было скрывать, и когда, напротивъ, имъ бы стали хвалиться. Отрядъ, которому поручень былъ обыскъ замка, собирався уже уйти, какъ одинъ солдатъ нашелъ въ подземельяхъ молоденькую женщину, странно одѣтую, которая не только не старалась скрыться отъ него, но бросилась къ нему; произнося имя, котораго онъ не разслыхалъ. «Ты ли это? вскричала она. Отчего же ты такъ долго не приходишь?» Выйдя на свѣтъ, она увидѣла, что ошиблась и залилась слезами. Вы догадываетесь, что эта женщина была Недрина. Ее тотчасъ узнали по примѣтамъ, которыя были разосланы ко всемъ береговымъ досмотрщикамъ. Ее отправили въ Барселону, сдѣлавъ сначала допросъ насчетъ происшествія, бывшаго въ Рождественскую ночь; но оно оставило въ умъ ея самыя сбивчивыя воспоминанія и ея показанія, въ искренности которыхъ сомнѣваться было невозможно, не объяснили, а только затемили дѣло. По ея разсказамъ казалось, что она считала древній замокъ фамиліи Ласъ Сьеррасъ своимъ; что она съ трудомъ пробралась туда сквозь отверткіе, остававшіеся между половинками ветхихъ воротъ, и сначала корчилась тѣмъ, что принесла съ собою, а потомъ остатка

ни отъ иррешества странныхъ посятителей. Она, казалось, не знала ни одного изъ этихъ людей и описывала ихъ одежду такъ, что никто въ такой не ходитъ. Поэтому думали, что она видѣла все это во снѣ и принимаетъ свои грезы за существенность. Изъ разсказовъ ея можно было однако же заключить, что одинъ изъ этихъ посятителей произвелъ сильное впечатлѣнiе на ея сердце и что она жила только надеждою снова его увидѣть. Но ей почему-то казалось, что его преслѣдуютъ, что свобода и самая жизнь его находится въ опасности, и она, несмотря на всѣ угрозы и увѣщанiя, не сказала его имени.

Эти слова напомнили мнѣ смерть моего друга. Грудь моя стѣснилась, глаза наполнились слезами и я закрылъ ихъ рукою, чтобы скрыть мое волненiе. Павло снова остановился и устремилъ на меня внимательные взоры. Я понялъ его чувства и сказалъ:

— Не удивляйся, любезный Павло, что разсказъ твой то смѣшитъ меня, то заставляетъ плакать. Все это очень естественно въ моемъ положенiи и ты самъ это увидишь, когда я расскажу тебѣ мое приключенiе. Извини, что я помѣшалъ тебѣ; продолжай, потому что исторiя Педрины еще не кончилась.

— Почти кончилась, сказалъ Павло. Ее опять отвели въ монастырь, и снова начали строго за нею присматривать. Одинъ старый врачъ, чрезвычайно искусный въ пользованiи душевныхъ недуговъ, который съ нѣкотораго времени поселился въ Барселонѣ, принялся лѣчить Иньесу. Онъ тотчасъ увидѣлъ, что излѣчить ее будетъ трудно, потому что умственное разстройство всего упорнѣе бываетъ тогда, когда происходитъ отъ сердечныхъ огорченiй. Однако жъ онъ не отчаявался, потому что надѣялся на помощника, искуснаго въ облегченiи печалей, на время, которое все изглаживаетъ и одно существуетъ вѣчно, посреди нашихъ скоропреходящихъ радостей и скорбей. Онъ хотѣлъ прибавить къ этому разсказу и ученье;

призвалъ на помощь къ больной искусства; искусства, которыя она забыла, но впечатлѣннѣ которыхъ скоро въ ней пробудилось. Говорять, что учиться значить, можетъ-быть, вспоминать. Для нея учиться было изобрѣтать. Первый урокъ ея поразилъ слушателей удивленіемъ, потомъ восторгомъ, энтузіазмомъ, фанатизмомъ. Успѣхи ея быстро распространились; упоеніе, которое она производила, сообщилось и ей самой. Есть люди, которымъ слава замѣняетъ счастье, и это большое Божеское благодѣаніе; потому что слава и счастье рѣдко уживаются между собою. Наконецъ она выздоровѣла и открыла своему спасителю и имя свое и исторію; онъ мнѣ все это и рассказывалъ. Но возвращеніе разсудка было бы для нея несчастіемъ, если бъ вмѣстѣ съ тѣмъ не ожили и ея таланты. Вы можете вообразить, сколько предложеній получила она, какъ скоро узнали, что она намѣрена вступить на театръ. Десять городовъ старались похитить ее у насъ; но, къ счастью, вчера Баскара ангажировалъ ее въ свою труппу.

— Баскара! вскричалъ я, сибясь. О, такъ ты можешь спросить его, что за заговорщики были въ замкъ Гисмондо: теперь онъ ихъ знаетъ.

— Тебѣ не угодно ли будетъ покаяться: ты, кажется, знаешь это происшествіе лучше чѣмъ кто-нибудь.

Само собою разумѣется, что я рассказалъ имъ свои приключенія. На другой день я хотѣлъ-было идти къ Педринѣ, чтобы напомнить ей первое наше свиданіе; но меня остановила мысль, что она, конечно, спросила бы о Сержи, и вѣсть о его смерти, даже можетъ быть одинъ видъ его товарища, могли бы снова потрясти ея разсудокъ. Я рѣшился пожертвовать здоровьемъ и спокойствіемъ несчастной Педрины, удовольствіемъ видѣть вблизи эту прелестную женщину, которую мы принимали за душу изъ чистилища.

Revue de Paris.

ИЛЛЬСКАЯ ВЕНЕРА.

РАЗСКАЗЪ Г. ПРОСПЕРА МЕРИЕ.

По должности главного инспектора историческихъ памятниковъ во Франціи, я недавно объѣзжалъ южные департаменты, въ которыхъ столько любопытнаго для археолога, и между прочимъ посетилъ Перпinyaль, Прадъ и Иллъ; но это уже извѣстно читающей публикѣ, потому что мое донесеніе объ этой поездкѣ было напечатано. Въ это время со мной былъ случай, который заслуживаетъ любопытства читателей, но который, по свойству своему, не могъ войти въ оффиціальное донесеніе. Я расскажу его какъ можно проще и точнѣе.

Я находился недалеко отъ Илла, красиваго городка у подошвы Пиренейскаго хребта, въ департаментѣ Восточныхъ Пиреней, некогда значительнаго Римскаго города, извѣстнаго подъ именемъ «Insula», то есть «Острова». Все возбуждало здѣсь мое любопытство и удивленіе, — дикіе, величественные виды; почва, на которой жили одинъ за другимъ, Финикіяне, Картагенцы, Греки, Римляне, Готы, Арабы, не считая Галловъ, и гдѣ каждый изъ этихъ народовъ оставилъ слѣды своего существованія или памятники своей славы; наконецъ самое пародонаселеніе, полу-Французское, полу-Испанское, даже болѣе Испанское, чѣмъ Французское, потому что оно принадле-

жить уже къ Каталонскому племени, и здѣшніе жители сами себя зовутъ Каталонцами.

Я спускался съ послѣдняго возвышенія горы Каньгу и, хотя солнце уже село, но могъ еще разглядѣть въ долину Илльскіе дома.

— Знаешь ты домъ Г. Перорада? спросилъ я Каталонца, который служилъ мнѣ проводникомъ.

— Какъ не знать! Его домъ знакомъ мнѣ словно свой; я бы показалъ его вамъ, да, вишь ты, зги Божьей не видно. Во всемъ Иллѣ нѣтъ дома лучше этого. Да и то сказать, мою Перорада-то богаче; а сына женить на дѣвушкѣ, еще богаче своего.

— А скоро ли свадьба?

— Скоро! Чай, ужъ сготовились. Сегодня, завтра, послѣ завтра, кто ихъ знаетъ! Свадьба будетъ въ Пионгарригѣ, потому что сынъ мою Перорада женится на дочери Пионгарригской помещицы. То-то пиръ горой будетъ!

У меня было рекомендательное письмо къ Г. Перораду отъ пріятеля моего П***, который увѣрялъ, что это очень ученый антикварій и человекъ чрезвычайно услужливый; что онъ съ удовольствіемъ покажетъ мнѣ всѣ древности на десять льѣ вокругъ города. Само собою разумѣется, что мнѣ пріятно было познакомиться съ такимъ человекомъ; я надѣялся, что мы вмѣстѣ съ нимъ объѣздимъ всѣ окрестности Илльи, богатая памятниками древнихъ и среднихъ вѣковъ. Эта свадьба, о которой я прежде не слыхалъ, разстроивала всѣ мои планы.

«Я поспѣю къ нимъ совсѣмъ не во-время», сказалъ я самъ себѣ. Но П*** извѣстилъ Г. Перорада, что я буду: такъ нечего дѣлать, надобно явиться.

— Хотите ли, сударь, биться объ закладъ, о сигаркѣ, что я знаю, зачѣмъ вы идете къ моему Перораду? сказалъ мнѣ проводникъ.

— Да это не трудно угадать, сказалъ я, подавая ему сигару: вечеромъ, пройдя шесть льё по горамъ, человекъ хочетъ поужинать.

— Оно не чтó, поужинать: а завтра-то? Я знаю, что вы за тёмъ только и идете въ Илья, чтобы посмотреть болванъ. Я догадался, потому что вы въ Серрабонъ списали портреты со всѣхъ болвановъ.

— Болванъ? какой болванъ?

Это слово возбудило все мое любопытство.

— Болванъ, истуканъ, все равно! Да развѣ вамъ не сказывали въ Перпиньянъ, что мосю Перорадъ нашелъ въ землѣ истуканъ?

— То есть, глиняную статую, чтó ли?

— Какъ бы не такъ! Она вся медная. То-то бы надѣлать изъ нея кучу пятаковъ! Вѣсомъ съ церковный колоколь. Мы ее добыли глубоко въ землѣ, подъ старымъ оливковымъ деревомъ.

— Такъ и ты былъ при этомъ?

— Какъ же, сударь! Вотъ какъ это было. Недѣли двѣ назадъ, мосю Перорадъ велѣлъ мнѣ, да Ванькѣ Колю, вырыть оливковое дерево, которое прошлой зимой померзло. Прилились мы за работу; росень, росень; Ванька воткнулъ по-силынѣ заступъ, и мы вдругъ слышимъ — бимм!..... какъ-будто онъ ударялъ по колоколу! Это чтó? говорю я. Давай мы копать пуще прежняго: глядимъ, анъ изъ земли выставляется рука, черная какъ у мертвеца. Я, нечего сказать, трухнулъ такъ; пошелъ къ барану, да говорю: «Подъ деревомъ-то, сударь, мертвецы; надобно пона позвать.» — «Какіе мертвецы?» говоритъ баринъ, и пошелъ со мною. Увидѣлъ онъ руку-то, да какъ закричить благимъ матомъ: «Антикъ! антикъ!.....» Обрадовался, какъ-будто кладъ нашелъ! Баринъ самъ схватилъ лопатку, да и ну копать, то заступомъ, то руками, такъ, что мы двое противъ него одного не сработали.

— Ну, что ж вы нашли наконецъ ?

— Да нашли женщину; черную, шдую, и притомъ, не при васъ будь сказано, — до половины голую. Мосю Перорадь говорить, что это какой-то идолъ языческой..... Карлъ Великій, что-ли! Господь знаетъ, какіе нехристи поклонялись этому истукану.

— Пустое, братецъ! Это должна быть какая-нибудь статуя святой Кунигунды, изъ стариннаго монастыря, разрушеннаго во время революціи.

— Какая, сударь, Кунигунда! Неужто я не узналъ бы святой Кунигунды? Вѣдь я ихъ не мало видывалъ. Это какой-то болванъ, идолъ, статуя, что-то окаянное; по лицу видно. Выпялила бѣлые глаза, точно какъ будто по рожѣ хочетъ съѣздить. Я не изъ трусливаго десятка, а не могъ смотреть ей прямо въ глаза.

— Бѣлые глаза? Такъ видно это какая-нибудь Римская статуя.

— Ну, да, Римская. Мосю Перорадь, кажись, такъ и говорилъ, что она изъ Рима. Э, сударь, да ваша милость, видно такой же ученый какъ онъ!

— А что она цѣла, хорошо сохранилась?

— Цѣлехонька: да какъ знатно сдѣлана! Не хуже бѣлаго глинянаго бюста Людовика-Филиппа, что у насъ въ ратушѣ. А всё-таки ея рожа иль не по нутру. Такая, кажись, злушала..... Да и въ самомъ дѣлѣ зла.

— Зла? Что жъ она вамъ сдѣлала?

— Мнѣ-то ничего; но извольте прислушать. Мы ее поднимали четверо, и баринъ тутъ же, хоть у него, бѣдняка, силы не больше чѣмъ у воробья. Насилу-то мы ее поставили на ноги. Я пошелъ-было искать камешка, чтобы подложить подъ нее, какъ вдругъ она, проклятая, бухъ!..... хлопнулась со всѣхъ ногъ на спину. Я кричу: Берегись! Не тутъ было. У Вацьки нога попала подъ нея.....

— И его ушибло?

— Добро бы только зашибло, а то переломило ногу как лучнику. Я смерть разсердился, схватилъ-было ступень, и хотеть ей порядкомъ бока переломать, да баринъ удержалъ меня за руку. Онъ далъ Ванькѣ Колю денегъ: да что толку! Тотъ, бѣднякъ, двѣ недѣли пролежалъ въ постели, и лекарь говорить, что ему ужъ въ жизнь свою не ступать лѣвой ногой какъ правой. Жаль! Онъ былъ нашъ лучший погощникъ, а въ мячи развѣ только одной молодой баринъ съ нимъ потягнется. Молодой баринъ, носю Альфонсъ, больно жалѣлъ, потому что Ванька Коля всегда съ нимъ игралъ. Весело бывало посмотреть, какъ они мячи перекидываютъ. Пафъ! пафъ! Такъ ни разу паземъ не упадутъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы пришли въ Илью и я отправился къ Г. Перорату. Онъ былъ старичекъ събжій и живой, напудренный, съ краснымъ носомъ, съ веселымъ и насмѣшливымъ лицомъ. Не распечатавъ еще письма Г. П^{***}, онъ уже усадилъ меня за ужинъ, рекомендовалъ женѣ и сыну, какъ знаменитаго археолога, и прибавилъ, что я, конечно, выведу въ городъ изъ безвѣстности, въ которой ученые до тѣхъ поръ оставляли его.

Утоляя аппетитъ, возбужденный ходьбою по городу, я разсматривалъ своихъ хозяевъ. О самомъ Г. Пероратѣ я уже говорилъ; но надобно прибавить, что онъ былъ человекъ удивительно развертливый: ѣсть, вѣсть, вскочить со стула, побѣжить въ библіотеку, вытащить книгъ, показывать мнѣ рисунки, а между тѣмъ все говорить безъ умолку и ѣсть не уставая. Жена его, барыня толстая, какъ вся Каталонки, когда перевалится за сорокъ, показала мнѣ настоящею похщицею: она занималась единственно своимъ хозяйствомъ. Ужинъ и безъ того былъ такой, что человекъ десять могли бы досыта наѣсться; несмотря на то,

она безпрестанно бѣгала въ кухню, велѣла наварить рыбы, зажарить голубей и достала изъ кладовой нѣсколько банокъ варенья. Столъ въ минуту загромоздила блюдами и бутылками и мнѣ, конечно, умереть бы отъ желудочнаго удара, если бѣ я хотя попробовалъ все чѣмъ меня подчивали. А хозяйка, при каждомъ кушаньѣ, отъ котораго я отказывался, снова начинала извиняться, увѣряя, что я у нихъ буду голоденъ.

Старики бѣгали и хлопотали, а сыночекъ, monsieur Alphonse, не трогался съ мѣста. Онъ былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати шести: лице правильное и прекрасное, но безъ всякаго выраженія. Атлетическія его формы тотчасъ показывали, что онъ точно самый неутомимый игрокъ въ мячи, во всемъ окресткѣ. Въ этотъ вечеръ онъ былъ одѣтъ франтомъ, по послѣдней картинкѣ. Но ему было какъ-то неловко въ щегольскомъ костюмѣ. Бархатный галстухъ подпиралъ ему голову и онъ поворачивался не иначе какъ встѣмъ тѣломъ. Толстыя, загорѣлыя его руки, короткія ногти, совсѣмъ не шли къ модному платью. Точно руки мужика въ рукавахъ денди. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ меня съ головы до ногъ какъ Парижанина; но только разъ заговорилъ со мною, и то спросилъ, гдѣ я кушилъ свою цѣпочку.

— Ну, любезный гость, сказалъ мнѣ Г. Перорады, когда ужинъ, благодаря Бога, приходилъ къ концу; теперь вы нашъ и вы у меня ужъ не скоро вырветесь. Я васъ вывожу по вѣсѣмъ нашимъ горамъ и покажу вамъ все что у насъ есть любопытнаго. Мнѣ хочется, чтобы вы узнали хорошенько наши мѣста и отдали мнѣ полную справедливость. Вы не можете вообразить, сколько здѣсь замѣчательнаго. Памятники Финикійскіе, Цельтическіе, Римскіе, Мавританскіе, Византійскіе; да погодите, я вамъ все это покажу, отъ

кедра до изюпа. Я вывожу васъ вездѣ и не пропущу ни кирпичика.

Тутъ онъ закашлялся и, по неволѣ, остановился. Пользуясь благопріятною минутою, я спросилъ, не въ тягость ли я имъ въ такихъ обстоятельствахъ, когда имъ не до чужихъ. «При вашихъ совѣтахъ и наставленіяхъ, я бы и одинъ могъ осмотрѣть все любопытное.....»

— А, вы говорите о свадьбѣ этого молодца? вскричалъ онъ. Это ничего не значить; послѣ завтра все будетъ кончено. Вы отпразднуете свадьбу съ нами, между родными, потому что невеста еще въ траурѣ по теткѣ, отъ которой получила наследство. Такъ бала не будетъ; а жаль: вы бы посмотрѣли, какъ выплясываютъ наши Каталонки..... Онъ очень не дурны. Можетъ-быть и вамъ бы пришла охота послѣдовать примѣру моего Альфонса. Вѣдь говорятъ же, что свадьба не живетъ одна..... Въ субботу дѣло будетъ покончено и мы съ вами пустимся въ путь. Мнѣ совѣстно, что вамъ придется смотрѣть провинціальную свадьбу. Для избалованнаго Парижанна.... Да еще свадьбу безъ бала!..... По-крайней-мѣрѣ вы увидите молодую..... да такую хо..... ну, да вы сами увидите..... Впрочемъ, вы человекъ важный, ученый, вы, вѣрно, и не смотрите на женщинъ. Но я вамъ покажу нѣчто по-лучше ихъ..... Драгоценность..... Я готовлю вамъ на завтра сюрпризъ!

— Трудно схоронить въ домъ сокровище, такъ, чтобы никто не узналъ объ немъ. Я догадываюсь, какой сюрпризъ вы мнѣ готовите. Если вы говорите о вашей статуѣ, то я уже слышалъ о ней; но рассказы моего проводника только возбудили мое любопытство и заранѣе расположили меня къ восхищенію.

— А, га, такъ онъ вамъ говорилъ о болванѣ! Эти люди называютъ болваномъ мою прекрасную Venus

Тиг..... Но я сегодня ничего не скажу вамъ. Завтра вы ее увидите при дневномъ свѣтѣ и должны будете согласиться со мною, что это превосходное произведение. Вы очень кстати прѣехали: на ней есть надписи; я объясню ихъ по-своему..... по столичный ученый!..... Вы, можетъ-быть, станете смѣяться надъ моимъ толкованіемъ..... однако жъ я составилъ разсужденіе..... хоть я старый провинціальный антикварій, а хочу пуститься въ печать..... Если бъ вы согласились прочесть и поправить мою диссертацию..... тогда бы, можетъ-быть..... Напримѣръ, мнѣ бы очень хотѣлось знать, какъ вы объясните эту надпись на цоколь: CAVE..... Но нѣтъ, сегодня я не стану васъ разспрашивать..... Завтра, завтра увидите сами! Сегодня ни слова о Венерѣ!

— Да и въ самомъ дѣлѣ, другъ мой, сказала мадамъ Перорадъ, оставь ты свой истуканъ въ покоѣ. Ты мѣшаешь нашему дорогому гостю кушать. Онъ видѣлъ въ столицѣ не такія статуи какъ твоя. Въ Тюилери ихъ десятками, и тоже бронзовыя.

— Посмотрите, ради Бога, какое невѣжество! Ужъ подлинно, блаженное провинціальное невѣжество! Сравнить превосходную древнюю статую съ нелѣпыми произведеніями какого-нибудь Coustou! Повѣрите ли вы, что жена совѣтовала мнѣ перелить эту статую въ колоколь. Прійдетъ же въ голову! Уничтожить превосходнѣйшее произведеніе Мирона!

— Да, хороша твоя Венера! На первый случай, переломила бѣдному Ивану ногу!

— Послушай, моя милая, вскричалъ Г. Перорадъ рѣшительнымъ тономъ и выставилъ впередъ правую ногу въ шелковомъ полосатомъ чулкѣ: если бы моя Венера переломила мнѣ вотъ эту ногу, я бы и не подумалъ жаловаться.

— Какъ тебѣ не стыдно такъ говорить, другъ мой! сказала мадамъ Перорадъ. Хорошо еще, что ему лучше, а ну, если бѣ онъ умеръ..... Я и теперь не могу безъ ужаса взглянуть на эту несносную статую..... Бѣдный Коль!

— Этакой дурень!, вскричалъ Г. Перорадъ, разразившись радостнымъ смѣхомъ. Этакой дурень! ранень Венерою, да еще изволить жаловаться! *Veneris pes gravia potis.*

Monsieur Alphonse, который зналъ по-Французски лучше чѣмъ по-Латыни, взглянулъ на меня съ такимъ видомъ, какъ-будто хотѣлъ спросить, понимаю ли я цитату его батюшки.

Ужинъ кончился. Я ужъ съ часъ ничего не ѣлъ. Я ужасно усталъ и съ трудомъ скрывалъ зѣвоту. Хозяйка первая это замѣтила и сказала, что пора спать. Тутъ начались новыя извиненія насчетъ того, что мнѣ безпокойно будетъ спать; что въ провинціи ничего порядочнаго не найдешь; что бѣдные провинціалы всегда имѣютъ нужду въ снисхожденіи. Напрасно увѣрялъ я, что послѣ ходьбы по горамъ, мнѣ связка соломы покажется прекраснѣйшимъ пуховикомъ; мнѣ всё-таки просили извинить, что бѣдные провинціалы не въ состояніи угостить меня какъ бы хотѣли. Наконецъ Г. Перорадъ повелъ меня въ назначенную мнѣ комнату. Мы шли по лѣстницѣ, которой ступенки сначала были каменныя, а въ верхнемъ этажѣ деревянныя; лѣстница оканчивалась въ серединѣ корридора, вдоль котораго было нѣсколько комнатъ.

— На право, сказалъ мнѣ хозяинъ, комнаты будущей моей невестки; ваша комната въ другомъ концѣ корридора. Вы знаете, прибавилъ онъ съ видомъ, которому хотѣлъ придать остроумное выраженіе, вы знаете, что подлѣ молодыхъ никого помѣстить нельзя. Вы будете на одномъ краю дома, они на другомъ.

Мы вошли въ комнату, хорошо убранную. Прежде всего бросилась мнѣ въ глаза кровать длиною въ сажень, шириною футовъ въ шесть и такая высокая, что безъ скамейки трудно было и взобраться на нее. Хозяинъ показалъ мнѣ, гдѣ колокольчикъ, удостовѣрился собственными глазами, что сахарница полна, что карaffenъ, стаканъ и стклянки съ Кельнскою водою на мѣстахъ, нѣсколько разъ спрашивалъ меня, не нужно ли мнѣ еще чего-нибудь и наконецъ, пожелавъ мнѣ доброй ночи, спокойнаго сна, ушелъ.

Окна были заперты. Не пачиная еще раздѣваться, я отворилъ одно изъ нихъ, чтобы подышать чистымъ ночнымъ воздухомъ, столь пріятнымъ послѣ плотнаго ужина. Прямо противъ меня былъ Канигу; онъ всегда хорошъ; но въ этотъ вечеръ, при блестящемъ свѣтѣ луны, показался мнѣ прекраснѣе всѣхъ горъ на свѣтѣ. Я нѣсколько минутъ любовался его величественнымъ силуэтомъ, и хотѣлъ уже закрыть окно, какъ вдругъ, опустивъ глаза, увидѣлъ знаменитую статую на пьедесталѣ, тоазахъ въ двадцати отъ дому. Она стояла на углу живой изгороди, которая отдѣляла маленькой садъ отъ большаго квадратнаго мѣста, совершенно выровненнаго; я узналъ послѣ, что это былъ городской jeu de paume. Это мѣсто принадлежало Г. Перораду; но онъ уступилъ его общинѣ, по настоятельной просьбѣ сына. Въ такомъ дальнемъ разстояніи и особенно ночью, невозможно было различить позиціи статуй; я могъ только замѣтить, что вышиною она должна быть футовъ въ шесть. Въ это время два работника проходили по jeu de paume, почти подлѣ самой изгороди и насвистывали хорошенькую туземную пѣсню «*Montagnes regalades*». Они остановились, чтобы посмотреть на статую; одинъ изъ нихъ началъ даже говорить съ нею. Онъ говорилъ, правда, по-Каталонски; но и уже былъ въ этой

сторонѣ довольно долго, чтобы понимать почти все его слова.

— Ахъ, ты, мерзавка! (Каталонскій терминъ былъ гораздо выразительнѣе этого.) Такъ это ты сломала ногу Ванькѣ Колю! Если бъ ты была моя, я бы тебѣ сломалъ шею.

— Толкуй! сказалъ другой; да чѣмъ бы ты сломалъ ей шею? Она мѣдная, да такая твердая, что Степанъ хотѣлъ только попробовать, да сломилъ объ нее терпугъ. Это мѣдь нехристей; тверже Богъ знаетъ чего.

— Если бъ у меня съ собой были мои щипцы, я бы выковырнулъ ей глаза, какъ миндалинку изъ скорлупы (видно, этотъ былъ слесарь). Вишь какіе большіе да бѣлые; тутъ, а чай, серебра франковъ на пять.

Они пошли.

— Однако жъ надобно проститься съ истуканомъ, сказалъ тотъ, который былъ по-больше.

Онъ нагнулся и, какъ кажется, подобралъ камень; поднялъ руку, махнулъ, и на бронзовой статуѣ раздался звонкій ударъ. Въ ту жь минуту работникъ взвизгнулъ и схватился за голову.

— Ахъ, она проклятая! вскричалъ онъ, она сама въ меня бросила!

И оба со всѣхъ ногъ пустились бѣжать, какъ-будто статуя гналась за ними. Ясно, что камень отскочилъ отъ бронзы и наказалъ этого негодяя за оскорбленіе, шапсенное богинѣ.

Я затворилъ окно, смѣясь отъ чистаго сердца. «Еще Вандаля, наказанный Венерою! Какъ бы хорошо было, если бъ всѣ разрушители древнихъ памятниковъ уходили отъ нихъ съ разбитою головою!» Высказавъ такое человѣколюбивое желаніе, я легъ спать.

Въ комнатѣ было уже совсѣмъ светло, когда я проснулся. Подлѣ моей кровати стояли, съ одной стороны, Г. Перорадъ въ шлафрокъ, съ другой лакей, присланный его женою, съ чашкою шеколада.

— Ну, ну, вставайте! Этакіе лѣнцы эти столичные жители! говорил мой хозяинъ, между-тѣмъ какъ я проворно одѣвался. Восемь часовъ, а онъ еще въ постель! Я ужъ съ шести часовъ на ногахъ. Три раза приходилъ къ вамъ. Подойду на цыпочкахъ къ двери; думаю, встали; не тутъ-то было: ни гугу! Смирно и тихо. Въ ваши лѣта не годится много спать. Да вы вѣдь еще не видали моей Венеры! Выпейте поскорѣе шеколадъ; это настоящій Барселонскій..... контрабандный..... Въ Парижъ вы этакого не найдете. Покушайте теперь; а то, какъ вы увидите мою Венеру, такъ васъ отъ нея не оттащишь.

Минуть черезъ пять я былъ готовъ; то есть полуобритъ, кой-какъ одѣтъ; да еще въ добавокъ обжегъ себѣ весь ротъ, потому что въ торовахъ проглотилъ шеколадъ совсѣмъ горячій. Мы сошли въ садъ, и я увидѣлъ статую, дѣйствительно прекрасную.

Это, точно, была Венера и притомъ превосходной работы. Верхняя часть тѣла ея была обнажена, какъ во всѣхъ древнихъ статуяхъ главныхъ боговъ и богинь; правая рука, поднималъ вровень съ грудью, была обращена ладонью внутрь; большой палецъ и два первыхъ выпрямлены, четвертый и мизинецъ немножко согнуты. Другая рука, подлѣ бедра, придерживала драпировку, которая покрывала нижнюю часть тѣла. Позиція этой статуи напоминала игрока въ пальцы, котораго, не знаю почему, называютъ Германкомъ. Можетъ-быть, и эта Венера представлена играющею въ пальцы.

Какъ бы то ни было, я ничего не видалъ совершеннѣе тѣла этой Венеры: невозможно представить себѣ что-нибудь прелестнѣе, сладострастнѣе ея округлостей; изящнѣе и благороднѣе ея драпировки. Я думалъ, что увижу какую-нибудь Византійскую статую; а никакъ не воображалъ, что найду въ Ильѣ пре-

восточное произведение лучшаго времени Римской скульптуры. Всего больше поразила меня удивительная истина формъ; можно бы подумать, что это слѣпокъ съ природы, если бь только натура производила формы столь совершенныя.

Волосы, собранные надъ челомъ, были, повидимому нѣкогда вызолочены. Голова маленькая, какъ почти у всѣхъ Греческихъ статуй, была нѣсколько нагнута впередъ. Чтò касается до лица, то я не въ состояннн выразить его страннаго характера: по Физіономнн, эта статуя не походила ни на одну изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ. Тутъ не было спокойной и строгой красоты Греческихъ скульпторовъ, которые, систематически, придавали чертамъ всѣхъ своихъ боговъ величественную неподвижность. Здѣсь напротивъ того, я съ удивленнємъ замѣтилъ явное намѣреннє художника выразить лукавство, доходящее до злости. Всѣ черты были въ unnaturalномъ положеннн; углы глазъ и кончики устъ приподняты, носъ нѣсколько раздутъ. Презрѣннє, насмѣшливость, жестокость, ясно были начертаны на этомъ лицѣ, и между тѣмъ оно вполне сохранило непостижимую красоту свою. Право, чѣмъ болѣе смотрѣлъ я на эту статую, тѣмъ болѣе было мнѣ прискорбно, что такая изумительная красота можетъ существовать при совершенномъ отсутствнн чувствительности.

— Если образецъ этой статуи существовалъ когда нибудь, сказалъ я моему хозяину, то я жалѣю объ обожателяхъ этой женщины; впрочемъ, я не думаю, чтобы природа производила такое совершенство. Эта женщина, вѣрно, уморила всѣхъ своихъ любовниковъ съ отчаяннн. Въ выраженнн лица ея есть какая-то свирѣпость, и между-тѣмъ я ничего прекраснѣе ея не видывалъ.

Это выраженнє адской ироннн еще усиливалось отъ противоположности глазъ; вкрапленныхъ серебромъ

и чрезвычайно блестящихъ, съ мѣдяною, которою время покрыло всѣ остальные части статуи. Блескъ этихъ глазъ придавалъ извѣстную какую-то существенность, жизнь. Я вспомнилъ слова моего проводника, что на нее нельзя прямо взглянуть. Это было почти справедливо и мнѣ досадно было на самого себя, что мнѣ какъ-то неловко передъ этою бронзовою статуею.

— Теперь, какъ вы разсмотрѣли всѣ части этого превосходнаго произведенія, любезный мой соотаврищъ по антикварству, сказалъ Г. Перорадь, не угодно ли вамъ начать со мною ученый диспутъ. Что вы скажете объ этой надписи, на которую вы до сихъ поръ еще и не взглянули?

Онъ указалъ мнѣ на пьедесталъ статуи, на которомъ я прочелъ:

CAVE AMANTEM.

— *Quid dicis, dectissime?* спросилъ онъ, потирая руки. Посмотримъ, одинаково ли мы понимаемъ это, «*Cave amantem*».

— Это можно понимать двоякимъ образомъ, сказалъ я. *Cave amantem* я бы перевелъ: «Берегись любящаго тебя;» не доверяй своимъ любовникамъ. Только, я не знаю, хорошо ли по-Латыни употребить эти слова въ такомъ смыслѣ. Судя по адскому выраженію лица вашей Венеры, я скорѣе думаю, что художникъ хотѣлъ предостеречь зрителя насчетъ своей опасной красавицы; что эти слова означаютъ собственно: «Берегись, если она тебя полюбитъ!»

— Гм! сказалъ Г. Перорадь: можно и такъ. Однако жъ мнѣ больше правится первое толкованіе; только его надобно развить. Вы знаете, кто былъ любовникъ Венеры?

— Да ихъ было много.

— Правда; но первый былъ Вулканъ; художникъ, можетъ-быть, хотѣлъ сказать: «Берегись; не смотри

на всю твою красоту, на твой вадменный видъ, любовникомъ теопмъ будетъ кузнецъ, хромой и отвратительный.» Надобно признаться, что это прекрасный урокъ кокеткамъ!

— Несносный языкъ, эта Латынь, со своею сжатостью! заметилъ я, чтобы не противорѣчить прямо моему антикварію. Я отступилъ на нѣсколько шаговъ, чтобы хорошенько рассмотреть статую.

— Позвольте, позвольте, любезный сотоварищъ, сказалъ Г. Перорадь, схвативъ меня за руку; вы еще не все видѣли. Тутъ есть еще другая надпись. Влѣзьте на цоколь и посмотрите на правой рукѣ.

Между тѣмъ онъ помогалъ мнѣ лѣзть.

Я начиналъ уже приглядываться къ Венерѣ и попросту уцѣпился ей за шею. Я даже поглядѣлъ на нее лицомъ къ лицу; только она такъ показалась мнѣ еще злѣе и прекраснѣе чѣмъ снизу. На правой рукѣ съ заметилъ я надпись, начертанную древними курсивными литерами. Съ помощію очковъ, я кое-какъ разобралъ ее по складамъ; Г. Перорадь повторалъ за мною всякое слово, кивая головой въ знакъ одобренія, и мы вѣзть прочли слѣдующее:

VENERJ TURBUL.....
EVTJCHES MYRO
JMPERIO FECIT

Послѣ слова TURBUL въ первой строчкѣ были, кажется, еще какія-то литеры; но время ихъ изгладило. TURBUL было еще очень ясно.

— А что это значить?..... спросилъ мой хозяинъ, улыбаясь съ довольнымъ и лукавымъ видомъ.

Онъ зналъ, что мнѣ не легко будетъ выпутаться изъ этого TURBUL.

— Тутъ есть одно слово, котораго я не понижаю, отвѣчалъ я: все прочее очень понятно. Надпись гово-

рить: «Венера Турбул..... Евтихий Миронъ, по приказанію, сдѣлалъ.»

— Прекрасно! Но что же вы скажете о TURBUL? Что такое TURBUL?

— TURBUL довольно затруднительно! Я не помню ни одного эпитета Венеры, который бы начинался съ этихъ буквъ. Не значить ли это TURBULENTA? Венера «Безпокойная?» По ея злому выраженію, этотъ эпитетъ довольно хорошо идетъ къ ней, — TURBULENTA недурное прозваніе для Венеры, прибавилъ я съ скромнымъ видомъ, потому что и самъ былъ доволенъ своимъ толкованіемъ.

— Венера безпокойная! Венера буйная! Такъ вы думаете, что эта Венера кабачная? Извините, моя Венера богиня честная и благовоспитанная. Я вамъ объясню TURBUL..... Только вы общайтесь не говорить никому объ этомъ, пока я не тисну моей диссертациі. Признаюсь вамъ, что я горжусь этимъ открытіемъ.... Вы, столичные ученые, пользуетесь богатыми средствами для разныхъ открытій: позвольте же и намъ, провинціальнымъ аптекарямъ, хоть чѣмъ нибудь поживиться!

Съ высоты пьедестала, на которомъ я все еще стоялъ, я торжественно обязался не присвоивать себѣ его великаго открытія.

— TURBUL..... сказалъ онъ, подойдя поближе и понизивъ голосъ, какъ-будто боясь, чтобы его не подслушали: TURBUL..... значить TURBULNERAE!

— Я всё-таки не понимаю.

— Выслушайте меня. Въ лѣѣ отсюда, у самой подошвы горы, стоитъ деревня, которая называется Бультернера. Ясно, что это исковерканное слово TURBULNERA. Такія перестановки звуковъ часто встрѣчаются. Бультернера была некогда Римскимъ городомъ. Я давно уже объ этомъ догадывался, но не имѣлъ ни какихъ доказательствъ. Теперь, вотъ есть и доказатель-

ства. Эта Венера была мѣстное божество города Бультернера. А Бультернера, слово, какъ вы изволите видеть, весьма древнее, и доказываетъ фактъ еще любопытнѣе этого: именно, что Бультернера была сначала Финикійскимъ городомъ, и потомъ уже сдѣлалась Римскимъ!

Онъ остановился на минуту, чтобы перевести духъ и насладиться моимъ удивленіемъ. Я кое-какъ удержался и не захохоталъ.

— Посмотрите сами, TURBULNERA слово чистое Финикійское. TUR и SUR одно и тоже, не правда ли? А SUR, какъ вы знаете, было Финикійское названіе Тира. Значеніе этого слова я не стану напоминать вамъ. BUL, это — Вааль, который произносился *Бааль*, *Баль*, *Бель*, и конечно также *Буль*: разница въ звукахъ очень небольшая. NERA, правду сказать меня немножко затрудняетъ. Такого Финикійскаго слова я не нашелъ ни въ одномъ словарѣ. Однако мнѣ кажется, что NERA можетъ происходить отъ Греческаго *нердсъ*, сырой, болотистый. Такимъ образомъ выходитъ, что Turbulnera — слово разнородное, полу-Финикійское, полу-Греческое. И точно: вы увидите, что въ Бультернерѣ горные ручьи образуютъ вонючія болота. Впрочемъ, можетъ-быть, окончаніе NERA прибавлено въ позднѣйшія времена, въ честь Неры, Nera Rivivivia, жены Тетрикуса, которая сдѣлала какое-нибудь добро городу Турбулю. Но какъ тамъ дѣйствительно есть болота, то я думаю, лучше принять этимологию отъ Греческаго *нердсъ*, болотный.

Онъ съ наслажденіемъ поцохалъ табаку.

— Но оставимъ Финикіянъ въ покоѣ и возвратимся къ нашей надписи. Я перевожу ее такъ: «Венерѣ Турбулнерской, Евтихій Миронъ, по приказанію, сдѣлалъ эту статую.»

Разумѣется, что я не сталъ опровергать его странной этимологіи; но относительно перевода надписи и

мнѣ захотѣлось показать свою проницательность. Я сказалъ: — Позвольте, мой почтеннѣйшій! я вижу, что Миронъ *сдѣлалъ* что-то; но ни изъ чего не вижу, чтобы онъ *сдѣлалъ* именно эту статую; потому что надпись на рукѣ, а не на пьедесталѣ, гдѣ бы ей должно быть, если бъ *fecit* значило, что Миронъ *сдѣлалъ*, то есть вылепилъ или отлилъ эту статую.

— Какъ! вскричалъ онъ: да развѣ вы не знаете, что Миронъ былъ знаменитый Греческій скульпторъ? Скульптурный талантъ, видно, былъ наследственъ въ его родѣ, и одинъ изъ его потомковъ *сдѣлалъ* эту статую. Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью.

— Но, возразилъ я, замѣьте, что на рукѣ у вашей Венеры есть дырочка; значить, что здѣсь что-нибудь было прикрѣплено, вѣроятно золотое запястье, приношеніе какого-то Мирона богинѣ Венерѣ. Этотъ Миронъ, я думаю, былъ несчастный любовникъ; онъ полагалъ, что Венера на него разгнѣвалась, и хотѣлъ умоливать ее приношеніемъ золотого запястья, которое и надѣлъ на руку ея статуи. Вспомните, что въ надписяхъ *fecit*, «сдѣлалъ», часто употребляются сокращенно вмѣсто «сдѣлалъ приношеніе», то есть, «посвятилъ». Эти слова синонимы въ надписяхъ. Я бы привелъ вамъ множество примѣровъ, если бъ у меня былъ съ собою Грутеръ, или хоть Ореліустъ. Очень естественно, что влюбленный язычникъ видѣлъ во снѣ Венеру, и воображалъ себя, что богиня хочетъ, чтобы онъ посвятилъ ей статую золотое запястье..... Миронъ и посвятилъ ей запястье; прикрѣпилъ его къ рукѣ, — вотъ и дырка отъ винта, — и по обычаю начерталъ эту надпись подле своего приношенія; а потомъ варвары, или можетъ быть, какой-нибудь безсовѣстный невѣжда.....

— Видно, что вы писали романы! сказалъ Г. Перо-радъ, подавая мнѣ руку, чтобы помочь сойти съ пьедес-

стала. Нѣтъ, сударь, это точно произведеніе школы знаменитаго Мирона. Посмотрите на работу, и вы сами въ этомъ убедитесь.

Я однажды навсегда далъ себѣ слово не спорить съ упрямыми антикваріями: потушилъ голову съ видомъ убѣжденія и прибавилъ: «Точно, это превосходная статуя!»

— Ахъ, Боже мой, опять вандалское покушеніе противъ моей статуи! Кто-то бросилъ въ нее камень.

Онъ замѣтилъ блое пятнышко не много выше груди Венеры. Я увидѣлъ такое же пятно на пальцахъ правой руки и мнѣ пришло въ голову, что камень заделъ за нихъ, когда отразился отъ груди или что они были попорчены осколками камня. Я рассказалъ Г. Перораду, какое неуваженіе оказали работники къ его статуѣ и какъ они были за это наказаны. Г. Перорада отъ души смѣялся.

Колоколь, которымъ созывали къ завтраку, прервалъ нашъ классическій разговоръ и я, по вчерашнему, принужденъ былъ ѣсть за четверыхъ. Потомъ пришли мызники Г. Перорада, и пока онъ съ ними толковалъ, сынъ его повелъ меня смотреть коляску, которую онъ купилъ въ Тулузѣ для своей невесты и которую я, разумеется, расхвалилъ. Потомъ онъ потащилъ меня въ конюшню и сполчас толковалъ мнѣ о достоинствахъ своихъ лошадей, рассказывалъ ихъ генеалогію и исчислялъ призы, которые онъ выигралъ на Департаментскихъ скачкахъ. Наконецъ онъ началъ говорить и о невестѣ, перейдя къ этому предмету весьма естественнымъ образомъ отъ строй кобылы, которую назначалъ въ подарокъ будущей женѣ своей.

— Она пріѣдетъ сегодня, сказалъ онъ. Не знаю, понравится ли она вамъ. Вы въ столицѣ избалованы; а здѣсь и въ Перпиньянѣ всѣ говорятъ, что она краса-

вица. По мнѣ, всего лучше то, что она богата. Тетка отказала ей все свое имѣніе. То-то я заживу!

Мнѣ очень непріятно было видѣть, что молодой человѣкъ больше думаетъ о приданомъ чѣмъ о красотѣ своей невѣсты.

— Вы, вѣрно, знатокъ въ галантерейныхъ вещахъ, продолжалъ monsieur Alphonse; какъ вамъ нравится это кольцо? Я отдамъ ей его завтра.

Онъ снялъ съ перваго сгиба своего мизинца толстый перстень съ брилліантами; на немъ изображены были двѣ руки — намекъ чрезвычайно поэтичeskій. Перстень былъ старинной работы, но замѣтно, что брилліанты вставлены послѣ. Внутри было написано готическими литерами: *sempr'ab tē*, то есть, «всегда съ тобою».

— Перстень хорошъ, сказалъ я; но онъ лишился своего характера тѣмъ, что вставили эти брилліанты.

— О, отъ этого онъ еще лучше! сказалъ Alphonse улыбаясь. Тутъ на тысячу двѣсти франковъ брилліантовъ. Мнѣ его подарила матушка. Это фамильный перстень, чрезвычайно старинный..... кажется, еще со времянь рыцарства. Еще бабушка получила его въ наследство отъ своей матери. Богъ знаетъ, когда онъ сдѣлалъ.

— Въ Парижѣ, сказалъ я, обыкновенно обручаются простымиъ кольцомъ, изъ двухъ металловъ, наирѣдѣе изъ золота и платины. Вотъ это кольцо, на той рукѣ у насъ, именно такое какъ надо; а это, со своими брилліантами и выпуклыми руками, такъ толсто, что на него нельзя надѣть перчатки.

— Ну, ужъ madame Alphonse, дѣлайся какъ хочеть. Она все-таки будетъ рада ему. Вещь въ тысячу двѣсти франковъ весело носить на пальцѣ. А это колечко, прибавилъ онъ, съ удовольствіемъ взглянувъ на простое кольцо, которое у него было на лѣвой рукѣ, это

колечко подарено мнѣ въ Парижѣ женщиною, во вторникъ на масляницѣ. О, какъ я весело пожилъ въ столицѣ, года два назадъ! Вотъ ужъ земной рай! Только тамъ люди и живутъ!..... И онъ вздохнулъ отъ сожалѣнія.

Мы должны были обѣдать въ этотъ день въ Пюнгарригъ, у родителей невесты. Мы сѣли въ коляску и отъправились въ ихъ замокъ, миляхъ въ полторы отъ Илья. Меня рекомендовали и приняли какъ стариннаго пріятеля. Я не стану говорить объ обѣдѣ и разговорѣ, который происходилъ при этомъ; я не принималъ въ немъ почти ни какого участія. Monsieur Alphonse, сидя подлѣ невесты, каждые четверть часа шепталъ ей что-то на ухо. Она сидѣла все время, потупивъ глаза и краснѣла всякой разъ, какъ женихъ говорилъ съ нею; однако жъ отвѣчала безъ застѣнчивости.

Mademoiselle Пюнгарригъ было лѣтъ осьмнадцать; пѣшій, гибкій станъ ея составлялъ совершенную противоположность съ костлявыми, атлетическими формами здороваго жениха. Она была не только прекрасна, но обворожительна. Я восхищался удивительною естественностію всѣхъ ея поступковъ и отвѣтовъ; выраженіе лица ея, доброе, но не безъ лукавства, невольно напомнило мнѣ хозійскую Венеру. При этомъ мнѣ пришло въ голову, не оттого ли статуя прекраснѣе, что выраженіе злости въ ней еще сильнѣе: энергія страстей, хоть бы и дурныхъ, всегда возбуждаетъ удивленіе, даже невольное уваженіе.

— Какъ жаль, сказалъ я самъ себѣ, уѣзжая изъ Пюнгаррига, что эта прелестная дѣвушка богата и по этому одному попадаетъ въ руки чловѣка, который недостойнъ ея.

Возвратясь въ Илья, мнѣ надобно жъ было что нибудь сказать хозійкѣ; не придумавъ ничего лучшаго, я вскричалъ:

— Вы здесь, въ Руссильонѣ, ужасные *esprits forts* : у васъ въ пятницу свадьба. Мы, Парижане, гораздо суевѣрнѣе : у насъ никто бы не рѣшился жениться въ этотъ день.

— Не говорите! отвѣчала она, если бѣ отъ меня зависѣло, то ужь, конечно, этому не бывать. Мужъ хотѣлъ; надобно было сдѣлать какъ ему вздумалось. А мнѣ, право, жаль. Ну, какъ случится какое несчастіе? Вѣдь съ чего же вѣзбудъ взяли, что пятница тяжелый день.

— Пятница! вскричалъ Г. Перорадь. Пятница называется по-Латыни *dies Veneris*, Венеринъ день. Славный день для женитьбы! Вы видите, любезный сотоварищъ, что я настоящій антикварій : я все думаю о своей Венерѣ! Я, именно въ честь ей, назначилъ пятницу. Если хотите, завтра, передъ свадьбою, мы принесемъ ей маленькую жертву, хоть пару горлицъ; а если бѣ я только зналъ, гдѣ взять ладону....

— Помилуй, ради Бога! вскричала мадамъ Перорадь съ ужасомъ : жечь ладонь передъ идоломъ! Да вѣдь это страшный грѣхъ! И что объ насъ стануть говорить? Прійдетъ же тебѣ въ голову!

— По-крайней-мѣрѣ, сказалъ Г. Перорадь, съ твоего позволенія, я надѣну ей на голову вѣнокъ изъ розъ и лилій. *Manibus date lilia plenis*.... Видите, любезный сотоварищъ, что наша *Charte-vérité* — пустая бумага: гдѣ же тутъ свобода вѣроисповѣданія?

Къ свадебному дню сдѣланы были слѣдующія распоряженія. Рѣшено, чтобы всѣ были готовы, совсѣмъ одѣты, къ десяти часамъ утра. Послѣ шеколаду, положено тотчасъ ѣхать въ Пюигарригъ. Гражданская церемонія должна была происходить у деревенскаго мера, а священная въ церкви замка. Потомъ завтракъ. Потомъ всякому позволено дѣлать что хочетъ, чтобы дотянуть до семи часовъ. Въ семь часовъ назадъ въ Илль, къ Г. Перораду на ужинъ. Потомъ все какъ

обыкновенно. Танцовать было нельзя, такъ рѣшились по-крайней-мѣрѣ вѣсть какъ можно побольше.

Въ восемь часовъ утра я уже сидѣлъ передъ статуею Венеры; я думаю, въ двадцатый разъ началъ срисовывать ея головку и никакъ не могъ передать удивительнаго выраженія лица ея. Г. Перорадъ ходилъ около меня, давалъ мнѣ советы, повторялъ свое финикійское словопроизводство; потомъ принялся собирать Бенгальскія розы, клалъ ихъ на предъ-статую и трагикомическимъ тономъ возсымалъ къ богинѣ моления о благополучіи молодыхъ супруговъ, которые будутъ жить подъ ея покровомъ. Часовъ въ девять онъ пошелъ къ своей комнатѣ одѣваться, а ко мнѣ пришелъ Альфонсъ, затанутый въ новый фракъ, съ узорчатыми пуговицами, въ бѣлыхъ перчаткахъ, лакированныхъ башмакахъ, и съ роза-вомъ въ петличкѣ.

— Вы спишете портретъ съ моей жены? сказала она, заглянувъ въ мой рисунокъ. Она тоже не дурна.

Въ это время, на jeu de raquette начиналась партія, которая обратила на себя все вниманіе Альфонса. Я, измучившись и не надѣясь уже изобразить на бумагѣ адскую красоту лица несносной статуи, бросилъ свой рисунокъ и тоже принялся смотреть на игроковъ. Между ними было нѣсколько Испанскихъ погонщиковъ муловъ, которые только наканунѣ пріѣхали. Они были Аррагонцы и Наварцы, удивительно ловкіе и искусные въ игрѣ. Ильцы, несмотря на то, что Альфонсъ ободрялъ и училъ ихъ, были тотчасъ побѣждены. Туземные зрители пріуныли. Альфонсъ посмотрѣлъ на часы: половина десятаго; онъ взглянулъ на окна дома и увидѣлъ, что мать еще не причесана. Тутъ онъ рѣшился, сбросилъ фракъ, велѣлъ подать себѣ куртку и вызвалъ Испанцевъ на бой. Я смотрѣлъ на него съ улыбкою и съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Надобно же поддержать честь родины, сказалъ онъ.

Въ эту минуту онъ былъ истинно прекрасенъ: его одушевляла страсть. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, онъ не осмѣлился бы повернуть голову, чтобы не измять галстука. Теперь онъ совершенно забылъ даже о своей прическѣ и манишкѣ, сплюсненной чрезвычайно старательно. А невеста!..... Я думаю, право, что онъ, въ случаѣ нужды, готовъ былъ отложить свадьбу. Онъ надѣлъ наскоро сандалинъ, застегнулъ рукава и съ рѣшительнымъ видомъ сталъ въ головѣ побѣжденной партіи, какъ Цезарь въ Диррахиумъ. Я перескочилъ черезъ изгородь и усѣлся подъ деревомъ, откуда могъ видѣть оба стана.

Вопреки общему ожиданію, Альфонсъ далъ промаховъ по первому мячу; правда, что онъ летѣлъ почти по землѣ и былъ брошенъ съ удивительною силою Арагонцемъ, который, казалось, предводительствовалъ Испанцами.

То былъ человекъ лѣтъ сорока, сухой и жилистый, футовъ шести ростомъ; а оливковая его кожа была почти такого же темнаго цвѣту, какъ бронза Венеринной статуи.

Альфонсъ съ бѣшенствомъ бросилъ свою лопатку на земь.

— Это все проклятое кольцо! вскричалъ онъ; оно жметъ мнѣ палецъ; а ударъ былъ вѣрный.

Онъ на-силу стащилъ свое бриллиантовое кольцо съ пальца; я подошелъ, чтобы взять его, но Альфонсъ подбѣжалъ къ Венерѣ, надѣлъ кольцо ей на палецъ и снова сталъ передъ Ильцами.

Онъ былъ бѣденъ, но спокоенъ и рѣшителенъ. После этого онъ не дѣлалъ уже ни одной ошибки и Испанцы были совершенно побѣждены. Весело было видѣть энтузіазмъ зрителей. Одни, въ восторгъ, выпускали радостные крики и бросали къ верху шапки; другіе пожимали ему руки и говорили, что

Франція должна имъ гордиться. Я думаю, что если бы онъ отразилъ непріятельскій набѣгъ, то и тогда бы не получилъ такихъ похвалъ и поздравленій. Уныніе противниковъ придавало еще болѣе блеску его побѣдѣ.

- Мы въ другой разъ съ тобой поиграемъ, любезный, сказалъ онъ Арагонцу; но я тебя дамъ впередъ: безъ того, гдѣ тебя со мной играть!

Я бы хотѣлъ, чтобъ monsieur Alphonse былъ поскромнѣе и мнѣ почти жаль было видѣть горесть его противника.

Эта обида глубоко запала въ душу Испанскаго великана. Я видѣлъ, какъ онъ поблѣднѣлъ подъ своей смуглою кожей. Сгиснувъ зубы, молча смотрѣлъ онъ на свою лопатку; потомъ сказалъ въ полголоса: Me lo pagará! «Поплатишься ты мнѣ за это!»

Торжество Альфонса было прервано голосомъ отца его; удивляясь, что женихъ не хлопочетъ около коляски, Г. Перораль еще болѣе изумлся, когда увидѣлъ, что онъ, весь въ поту, стоитъ съ лопаткою въ рукъ. Альфонсъ побѣжалъ домой, вымылъ лице и руки, надѣлъ опять свое новое платье, лакированные башмаки и минутъ черезъ пять, мы уже ѣхали большою рысью по дорогѣ въ Пюнгарригъ. Вся Итальяскіе втроки и многіе изъ зрителей бѣжали за нами, оглашая воздухъ радостными криками. Здоровыя наши лошади съ трудомъ опережали провожныхъ Каталонцевъ.

Мы были въ Пюнгарригъ и отправлялись уже къ керу, какъ вдругъ Альфонсъ, ударивъ себя по лбу, сказалъ мнѣ вполголоса:

- Вотъ досада! Вообразите, что я забылъ кольцо свое! Оно осталось на пальцѣ у Венеры, чтобъ ее чортъ побралъ! Не сказывайте матушкѣ. Можеть, она не замѣтитъ.

- Можно бы послать кого-нибудь, сказалъ я.

— Кого послать! Камердинеръ мой остался въ Иллъ, а на этихъ нельзя положиться. Бриллианты на тысячу двѣсти франковъ хоть кому приглянутся. Да притомъ что же подумаютъ о моей разсвѣнности. Надо мной стануть смѣяться. Скажутъ, что я обручился со статуей..... Дай Богъ только, чтобъ его не украли. Да, правда, все эти дураки страхъ боятся истукана. Э, впрочемъ, бѣда не велика: у меня есть другое кольцо.

Объ церемоніи, гражданская и духовная, были совершены съ приличною пышностію. Mademoiselle de Ruugaggig получила кольцо Парижской модистки, и не воображала себя, что женихъ пожертвовалъ любовнымъ подаркомъ. Потомъ сѣли за столъ, ѣли, пили, шумѣли, даже пѣли и все это весьма продолжительно. При видѣ грубаго веселья, которое раздавалось вокругъ молодой, мнѣ стало жаль ея. Впрочемъ, надобно сказать, что она вынесла все это лучше, чѣмъ я ожидалъ; въ ея смущеніи не было замѣтно ни неловкости ни притворства.

Видно, въ трудныхъ обстоятельствахъ даже и у дѣвушки является мужество.

Завтракъ кончился, Богу изволившу, часа въ четыре. Мужчины пошли гулять по парку, или смотрѣли, какъ Писгарригскія крестьянки, въ праздничныхъ платьяхъ, плясали на лугу. Такимъ образомъ прошло нѣсколько часовъ. Между тѣмъ женщины толпились вокругъ молодой, которая показывала имъ свою свадебную корзинку. Потомъ она переодѣлась, и я замѣтилъ, что она прикрыла свои прекрасные волосы чепчикомъ и шляпкою съ перьями, потому что женщины всегда охотно надѣваютъ то, чего не могутъ носить, пока остаются въ дѣвицахъ.

Часовъ въ восемь мы наконецъ собрались ѣхать въ Иллъ. Тутъ произошла сцена патетическая. Тетка молодой, которая была ей второю матерью, женщина уже

весьма пожилая и чрезвычайно набожная, оставалась дома. Передъ отъездомъ молодыхъ, она сдѣлала племянницѣ трогательное наставленіе объ ея супружескихъ обязанностяхъ; и заключеніемъ проповѣди были слезы и безконечныя обниманья. Г. Перорадъ замѣтилъ, что это разставанье похоже на похищеніе Сабинокъ. Наконецъ мы отправились; дорогою всякой старался, по крайнему разумѣнію, разсѣштить молодую; но все напрасно.

Въ Илль ожидалъ насъ ужинъ, и какой ужинъ! Грубое веселье утромъ чрезвычайно мнѣ не понравилось, а теперь двусмысленныя шутки, которыми всякой осыпалъ молодыхъ и особенно молодую, право, разогорчили меня. Альфонсъ, передъ самымъ ужиномъ, исчезъ на минуту и возвратился бѣдный и разстроенный. Онъ непрерывно пилъ старое Колліурское вино, которое почти такъ же крепко какъ водка. Я сидѣлъ подлѣ него и сказалъ ему:

— Остерегитесь! говорятъ, что вино.....

Не помню уже какую глупость сказалъ я ему, чтобы не отстать отъ другихъ.

Онъ толкнулъ меня ковшомъ и сказалъ почти шопотомъ:

— Послѣ ужина мнѣ непременно надобно поговорить съ вами.

Торжественный тонъ, съ которымъ онъ произнесъ эти слова, чрезвычайно удивилъ меня. Я посмотрѣлъ на него внимательно и тутъ только замѣтилъ, что онъ совершенно разстроенъ.

— Вы, вѣрно, нездоровы? спросилъ я.

— Здоровъ.

И онъ продолжалъ пить.

Между-тѣмъ ребенокъ лѣтъ одиннадцати подлѣзъ подъ столъ, и утащилъ ленточку, розовую съ бѣлымъ, обязанную вокругъ щеколотки молодой; это называется ея подвязкою. Появленіе мальчика съ лентой

возбудило громкія рукоплесканія и крики присутствующихъ. Подвязка, по старинному обычаю, который еще существуетъ во многихъ патриархальныхъ семействахъ, была тотчасъ разрѣзана и роздана холостымъ, которые заткнули ее себѣ въ петличку. Молодая воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы покрасить до ушей; но смущеніе ея еще увеличилось, когда Г. Перораль, потребовавъ молчанія, запыль, по его словамъ, безъ приготовленія, Каталонскіе стихи. Вотъ что было въ этихъ стихахъ, если только я хорошо ихъ понялъ.

«Что со мною, друзья? Неужели вино помутило мой разумъ? Я вижу, здѣсь двѣ Венеры.....»

Молодой съ ужасомъ оглянулся, и это произвело всеобщій хохоть.

«Да, продолжалъ Г. Перораль, у меня теперь двѣ Венеры. Одну изъ нихъ я отрылъ въ землѣ какъ трюфель; другая съ неба и раздѣлила намъ свой пося.»

То есть, подвязку; посясь былъ тутъ только для рифмы.

«Сынь мой, выбирай изъ двухъ Венеръ, которую хочешь, Римскую или Каталонскую. Молодецъ беретъ Каталонскую и беретъ лучшую. Римская черна, Каталонская бѣла. Римская холодна, Каталонская воспламеняетъ все, что къ ней приближается.»

Это заключеніе возбудило такія громкія восклицанія, такія восторженныя рукоплесканія, такой звучный хохоть, что я думалъ, потолокъ повалится. За столомъ было только три человѣка, которые не смѣялись: молодые и я. У меня чрезвычайно болѣла голова; притомъ свадьба всегда какъ-то печалитъ меня, а въ этой было даже что-то отвратительное.

Помощникъ мера пропѣлъ еще куплеты и, правду сказать, довольно неблагопристойныя; потомъ всѣ перешли въ гостиную, чтобы посмотреть какъ молодую

поведутъ въ спальню, потому что уже было за-полночь.

Альфонсъ отвелъ меня всторону и сказалъ, отвращаясь отъ меня :

— Вы станете смѣяться надо мною..... По я, право, не знаю, что со мной дѣлается..... Я околдованъ! Чортъ меня возьми!

Мнѣ всего прежде пришло въ голову, что онъ боится несчастія въ родъ того, о которомъ упоминаетъ Вольтеръ. Но я думалъ, что этого рода несчастія случаются только съ умными людьми.

— Вы слишкомъ много пили Колліурскаго, любезный Альфонсъ. Я вѣдь вамъ говорилъ.

— Можетъ быть. Со мной случились ужасныя вещи.

Онъ задыхался и я подумалъ, что онъ совсѣмъ пьянъ.

— Вы знаете мое кольцо? продолжалъ онъ, помолчавъ немного.

— Ну что жъ? Его украли?

— Нѣтъ.

— Такъ оно у васъ?

— Нѣтъ..... Я..... Оно не снимается съ пальца этой проклятой Венеры.

— Вы, видно, не довольно сильно тянули.

— Нѣтъ, нѣтъ, я тянулъ сильно..... Но Венера..... сказала палецъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ безумнымъ видомъ и прислонился къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

— Что за вздоръ! сказалъ я. Вы давеча, въ торопяхъ слишкомъ далеко надѣли кольцо. Завтра вы его снимите щипцами. Только не испортите статуй.

— Цельзя, цельзя. Венера согнула палецъ, она сжала руку, понимаете ли вы?..... Видно, она теперь жена моя, потому что я съ нею обручился..... Она не хочетъ отдать моего кольца.

Я невольно вздрогнулъ, и, признаюсь, смѣшной трепеть пробѣжалъ по всемъ моимъ членамъ. Но Альфонсъ вздохнулъ и отъ него запахло виномъ. Это разрушило мое очарованіе.

— Мерзавецъ пьянехонекъ, подумалъ я.

— Вы антикварій, сказалъ Альфонсъ жалобнымъ голосомъ; вамъ эти статуи знакомы..... тутъ, можетъ быть, есть какія-нибудь пружины, какая нибудь дьявольщина, которой я не знаю..... не потрудитесь ли вы посмотреть сами?

— Пожалуй, пойдете.

— Нѣтъ, сходите лучше одни.

Я вышелъ.

Во время ужина погода переменилась и начался сильный дождь. Я хотѣлъ спросить зонтикъ; но мнѣ пришло въ голову, что не смѣшно ли итти повѣрять рассказы пьянаго. Притомъ, легко можетъ быть, что опъ вздумалъ сыграть со мною шутку, чтобъ посмѣшить почтенныхъ господъ провинціаловъ. А если и не то, то по крайней мѣрѣ меня промочить до костей и я простужусь.

Остановившись въ дверяхъ, я взглянулъ на статую, съ которой дождь лилъ ручьями, и потомъ отправился прямо въ свою комнату, не заходя въ гостиную. Я легъ, но долго не могъ заснуть. Вся происшествія этого дня бродили въ умъ моемъ. Мнѣ пришла въ голову эта иѣжная, непорочная дѣвушка, отданная на жертву негодлю грубому и пьяному. Какая отвратительная вещь бракъ по расчету! подумалъ я. Родители условились, разочли обоюдныя выгоды, и несчастную дѣвушку передають минотаврѣ! О чемъ могутъ говорить два человѣка, которые другъ друга не любятъ, въ такія минуты, за которыя любовники охотно заплатили бы жизнью? Можетъ ли женщина когда нибудь любить человѣка, который однажды обошелся съ нею грубо? Первые впечатлѣнія никогда не изгла-

живаются: я увѣренъ, что Альфонсъ мынче же заслужитъ ненависть жены своей.....

Во время этого монолога, который я сократилъ на половину, въ домъ была большая ходьба, двери хлопали, кареты уѣзжали; потомъ мнѣ послышались на лѣстницѣ легкіе шаги нѣсколькихъ женщинъ, которыя шли къ другому концу корридора. Это, видно, молодую повели въ спальню. Потомъ тѣже шаги спустились по лѣстницѣ. Дверь спальни молодыхъ затворилась. Какъ неловко должно быть теперь этой бѣдной дѣвушкѣ, подумалъ я! и съ досадою повернулся въ постели. Холостякъ играетъ глупую роль въ домъ, гдѣ свадьба.

Нѣсколько времени все было тихо, какъ вдругъ на лѣстницѣ раздались тяжелые шаги; деревянныя ступеньки трещали подъ ними.

— Этакой негодяй, подумалъ я, воображая, что это Альфонсъ; опъ, вѣрно, свалится на лѣстницѣ.

Потомъ все опять утихло. Я взялъ книгу, чтобы перемѣнить направленіе моихъ мыслей. Мнѣ попалась Статистика Департамента съ присовокупленіемъ Разсужденія Г. Перорада о друидскихъ памятникахъ Прадскаго округа. Я заснулъ на третьей страницѣ.

Я спалъ дурно и часто просыпался. Пробудившись часу въ пять, я уже не могъ заснуть и услышалъ, что пѣтухи кричатъ; значить, скоро будетъ разсвѣтать. Тутъ послышались на лѣстницѣ прежніе тяжелые шаги и ступеньки опять стали трещать, точно такъ же какъ вечеромъ. Это показалось мнѣ страннымъ. Зывая, я старался угадать, зачѣмъ Альфонсъ идетъ внизъ такъ рано; и ничего не придумалъ. Я уже хотѣлъ-было снова заснуть, какъ вдругъ начался какой-то шумъ, потомъ зазвонили колокольчики, двери хлопали, по всему дому начали бѣгать и наконецъ послышались смѣшанные крики.

— Пьяница, видно, надѣлалъ пожаръ, сказалъ я самъ себя, вскакивая съ постели.

Я проворно одѣлся и вышелъ въ корридоръ. Въ противоположномъ концѣ его раздавались крики, стона и жалобный голосъ, сильнѣе всѣхъ прочихъ, кричалъ: «Альфонсъ! сынъ мой!» Ясно, что съ Альфонсомъ случилось какое-нибудь несчастье. Я побѣжалъ въ спальню молодыхъ; она была полна народу. Прежде всего увидѣлъ я Альфонса. Полуодѣтый, онъ лежалъ поперекъ постели и деревянная кровать была изломана. Онъ былъ блѣденъ и не шевелился. Мать плакала и кричала подлѣ него. Г. Перорадъ хлопоталъ, теръ ему виски Кельнскаго водою, давалъ нюхать спиртъ. Увы, сынъ его уже давно былъ мертвъ. Въ другомъ концѣ комнаты, на софѣ, лежала несчастная молодая, въ ужаснѣйшихъ конвульсіяхъ. Она выпускала невольные крики и двѣ дюжія служавки съ трудомъ ее удерживали.

— Боже мой! что жъ это здѣсь случилось? вскричалъ я.

Я подошелъ къ постели; приподнялъ тѣло бѣднаго Альфонса; оно было холодно и уже окоченѣло. Сжатые зубы и почернѣвшее лицо обличали ужасныя страданія. Надобно было думать, что онъ умеръ насильственною смертію и въ страшныхъ мученіяхъ. Между-тѣмъ на платѣ его не было ни малѣйшихъ слѣдовъ крови. Я разстегнулъ его рубашку. На груди у него была синяя полоса, которая шла по бокамъ и по спинѣ: точно какъ-будто онъ былъ сдавленъ желѣзнымъ кольцомъ. Я наступилъ на что-то твердое и поднялъ съ ковра бриллиантовый перстень Альфонса.

Я утѣшилъ Г. Перорада и жену его въ ихъ комнату и велѣлъ перенести туда же молодую.

— У васъ остается еще дочь, сказалъ я: вы должны подумать о ней.

Я ушелъ. Очевидно было, что Альфонсъ сдѣлался жертвою убійць, которые забрались ночью въ спальню молодыхъ. Но я не могъ понять, отчего произошла такая катастрофа вокругъ всего тѣла: палка не могла бы обвиться такимъ образомъ. Тутъ я вспомнилъ, что въ Валенсїи есть наемные убійцы, которые душатъ людей посредствомъ длиннаго мѣшка, набитаго мелкимъ пескомъ. Я тотчасъ вспомнилъ также объ Арагонцѣ, который игралъ съ Альфонсомъ въ мячи и объ его угрозахъ; но мнѣ не верилось, чтобы этотъ человекъ рѣшился такъ жестоко отмстить за ничтожную насмѣшку.

Я ходилъ по всему дому, искалъ, откуда бы могли пробраться разбойники, но ничего не нашелъ. Я вышелъ въ садъ, думая, что убійцы прошли въ домъ оттуда, но и тамъ не было никакихъ признаковъ. Дождь, бывший ночью, до того смочилъ землю, что она не могла сохранить явственныхъ слѣдовъ. Однако жъ замѣтилъ нѣсколько глубокихъ отпечатковъ ногъ въ землѣ; они шли въ двухъ противоположныхъ направленїяхъ, по одной линїи, отъ угла изгороди, отдѣляющей садъ отъ *jeu de rauche* и до дверей дома. Легко могло быть, что эти слѣды оставлены Альфонсомъ, когда онъ ходилъ снимать кольцо съ руки Венеры. Съ другой стороны изгородь въ этомъ мѣстѣ была не такъ высока какъ въ другихъ, и потому очень могло случиться, что убійцы именно здѣсь черезъ нея перескочили. Проходя часто мимо статуи, я остановился, чтобы взглянуть на нее. Признюсь, въ этотъ разъ, я не могъ безъ ужаса смотреть на злобное, ироническое выраженїе лица ея. Воображенїе мое было наполнено ужасными явленїями этой ночи, и мнѣ пришло въ голову, что Венера Г. Перорада — адское божество, которое радуется несчастїю, посвященному этотъ домъ.

Я удалился въ свою комнату, и не выходилъ почти до двѣнадцати часовъ. Тогда пошелъ я наведаться о

своих хозяевахъ. Мнѣ сказали, что они немножко спокойнѣе. Молодая вдова-дѣвица пришла въ чувства; она даже говорила съ Перпиньянскимъ прокуроромъ, который случился въ то время въ Иллъ, и онъ отобралъ отъ нея судебное показаніе. Онъ потребовалъ и меня къ допросу. Я рассказалъ все, что зналъ и не скрывалъ подозрѣній моихъ противъ Арагонскаго погонщика муловъ. Прокуроръ тотчасъ приказалъ взять его подъ стражу.

— Не слышали ли вы чего нибудь о несчастной молодой? сказала я прокурору, подписавъ свое показаніе.

— Она, бѣдняжка, съ ума сошла; отвѣчалъ онъ съ печальною улыбкою. Помѣшалась, совершенно помѣшалась. Вотъ что она рассказываетъ.

«Она лежала уже нѣсколько минутъ въ постели; занавѣсь кровати была задернута; отворилась дверь и кто-то вошелъ. Madame Alphonse повернулась къ стѣнѣ и не шевелилась, думая, что это мужъ. Черезъ минуту кровать затрещала, какъ-будто огромная тяжесть навалилась на нее. Молодая испугалась и не смѣла повернуть головы. Такимъ образомъ прошли пять, можетъ быть десять минутъ..... она не помнитъ сколько. Потомъ она сдѣлала невольное движеніе, или тотъ кто лежалъ въ постели, повернулся, только она почувствовала, что къ ней прикоснулось что-то холодное какъ ледъ. Это собственныя ея вырженія. Она уткнулась въ подушку, трепеща всѣми членами. Потомъ опять кто-то вошелъ и сказалъ Здравствуй, молъ малая. Вслѣдъ за тѣмъ отдернул занавѣсь. Она услышала глухой крикъ. Тотъ, кто былъ подлѣ нея въ постели, съелъ и протянулъ вне редь руки. Тутъ она повернула голову..... и, говорить, увидѣла, что мужъ ея стоитъ подлѣ постели на колышкахъ, головою у подушки и въ объятіяхъ какого-то зеленоватаго великана, который его давитъ. Она утверждаетъ..... бѣдняжка повторяла мнѣ э

разъ двадцать!..... она увѣряетъ, что это была..... Знаете-ли кто?..... Венера, статуя Г. Перорада!..... Съ тѣхъ поръ, какъ эта статуя отрыта, всѣ ею бредятъ. При этомъ видѣ молодая лишилась чувствъ, и надобно думать, что она еще прежде этого помѣшалась. Она сама не знаетъ, сколько времени пролежала безъ памяти. Опомнившись, она опять увидѣла, что привидѣніе, или, какъ она говоритъ, статуя, сидитъ неподвижно на постелѣ, нагнувшись впередъ и держитъ въ спальныхъ рукахъ своихъ бездыханное тѣло ея мужа. Тутъ запѣлъ пѣтухъ. Статуя встала съ постели, бросила трупъ и ушла. Молодая схватилась за колокольчикъ. Остальное вы знаете.»

Привели Испанца; онъ былъ совершенно спокоенъ и защищался съ большимъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа. Онъ не отпирался, что точно сказалъ: *Me lo pagará!* но увѣрялъ, что хотѣлъ этимъ сказать только то, что на другой день онъ, отдохнувъ, отыграется. Я помню, онъ прибавилъ:

— Арагонецъ, если его обидѣли, не отложитъ мщенія до завтра. Если бъ я думалъ, что сеньоръ Альфонсъ хотѣлъ оскорбить меня, я бы тутъ же пырнулъ его ножомъ.

Башмаки Испанца примѣривали къ слѣдамъ, оставшимся въ саду; но башмаки были гораздо больше.

Наконецъ хозяинъ трактира, въ которомъ Арагонецъ остановился, увѣрялъ, что онъ всю ночь теръ и лечилъ своего больного мула.

Въ итогъ въ Илль всѣ знали этого Испанца, потому что онъ всякой годъ пріѣзжалъ тула по торговымъ дѣламъ и онъ пользовался хорошею репутаціей. Его освободили и даже извинились передъ нимъ.

Я забылъ-было показаніе лакея, который послѣдній видѣлъ Альфонса при его жизни. Идя въ спальню, молодой кликнулъ этого чловѣка и съ безпокойствомъ спросилъ, гдѣ я. Лакей отвѣчалъ, что онъ не

видалъ меня. Альфонсъ вздохнулъ и, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ наконецъ: «Видно я его чортъ взялъ!»

Я спрашивалъ лакея, было ли у Альфонса на рукѣ брилліантовое кольцо его. Человѣкъ не зналъ сначала что отвѣчать; но потомъ сказалъ, что, кажется, не было; что, впрочемъ, онъ хорошенько не замѣтилъ. Наконецъ онъ прибавилъ: — Однако жъ, если бъ это кольцо было у него, то я бы замѣтилъ, потому что я думалъ, что онъ имъ обручался.

Распрашивая этого человѣка, я невольно поддавался страху, который распространило во всемъ домѣ показаніе молодой. Прокуроръ съ улыбкою посмотрѣлъ на меня, и я прекратилъ свои распросы.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Альфонса схоронили, я собрался ѣхать изъ Иллы. Г. Перорадъ предложилъ мнѣ свою карету до Перпиньяна. Бѣдный старикъ былъ очень слабъ, но несмотря на то, невремѣнно хотѣлъ проводить меня до садовыхъ воротъ. Мы шли по саду молча; Г. Перорадъ едва тащился, опираясь на мою руку. При прощаньи, я взглянулъ въ послѣдній разъ на его Венеру. Я думалъ, что хоть онъ не боялся, не навидѣлъ ее, какъ большая часть его семейства, но не захочетъ держать у себя вещь, которая безирестанно будетъ напоминать ему ужасное несчастье. Я хотѣлъ предложить ему отдать эту статую въ музей; но я не зналъ, какъ приступить къ тому. Г. Перорадъ вдругъ повернулся въ ту сторону, куда я пристально смотрѣлъ; увидѣлъ статую и залился слезами. Я обнялъ его и, не говоря ни слова, сѣлъ въ карету.

Съ тѣхъ поръ я не слыхалъ ни чего такого, что бы могло объяснить это непостижимое происшествіе.

Г. Перорадъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сына. Онъ отказалъ мнѣ, по духовному завѣща-

ню, свои рукописи. Можетъ быть, я когда нибудь
вдамъ ихъ. Разсужденія о надписяхъ его Венеры, не
было.

=

Пріятель мой П*** пишетъ мнѣ изъ Перпицьяна,
что эта статуя уже не существуетъ. По смерти мужа,
ваше Перорады тотчасъ велѣла перелить ее въ коло-
коль, который виситъ теперь въ Ильской церкви.
Но, прибавляетъ Г. П*** въ концѣ письма своего, вид-
но, судьба преслѣдуетъ всѣхъ, кому эта бронза при-
надлежитъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ Ильѣ звонятъ въ
этотъ колоколь, морозъ уже два раза побилъ вино-
градники.

Revue des Deux Mondes.

=

РОБЕРТЪ БОРНСЪ*.

Если какое-нибудь явленіе, положимъ, печальное, постоянно повторяется во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, то какъ бы ни противно было оно нашимъ чувствованіямъ, человѣкъ съ умомъ прямымъ и справедливымъ долженъ не обвинять Провидѣніе, а пзыскивать причины подобнаго феномена; долженъ рассмотреть, не заключаетъ ли это явленіе въ себя самое какого-либо вознагражденія.

Многіе говорятъ: поэты всегда несчастливы; и тутъ удивляются, негодуютъ, ронщутъ на судьбу. Но эти люди забываютъ, что поэты непременно должны быть несчастливы. Поэзія предполагаетъ чувствительность, которая легко оскорбляется, но которая за то доставляетъ наслажденія, неизвѣстныя душѣ не столь вѣжной. Это удѣлъ всѣхъ людей, одаренныхъ организациею, которая легко принимаетъ впечатлѣнія. Поэты

* Мы намерены представить рядъ обзоровъ гевія нѣкоторыхъ Англійскихъ поэтовъ, почти неизвѣстныхъ у насъ досела, каковы Борнсъ, Краббъ, Коуперъ, Соутъ, и такъ далѣе. О Кольриджѣ, Феліціи Гименсъ и Вордсвортѣ, уже сказано въ томъ VII и XII этого журнала. Теперь мы начнемъ съ Борнса. Подобные обзоры могутъ имѣть свою пользу и пріятность, если справедливо, что, въ теченіе своего существованія, Б. для Ч. успѣла нѣсколько умножить число тѣхъ, которые готовы искать чистыхъ ушественныхъ наслажденій въ Англійской словесности, безспорно первой изъ новейшихъ словесностей, и при всемъ томъ долго забытой у насъ для словесности самой не поэтической изъ всѣхъ, -- чтобъ не сказать, самой поверхностной и безнравственной.

живють передъ другими подобными людьми то преимущество, что занимають своими страданіями публику и это льститъ ихъ самолюбію. Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе нахожу, что они не имѣють никакого права жаловаться, что смѣшно желать таланта безъ огорченій, дѣйствія безъ причины, искать вмѣстѣ и славы и счастья. Для поэтовъ лирическихъ это еще невозможно, чѣмъ для прочихъ : они сами предметъ своихъ пѣсней. Если бѣ они были счастливы, о чемъ бы имъ говорить съ нами? Чѣмъ они возбудили бы въ насъ участіе къ себѣ, если бѣ не плакали? Вопросъ, я думаю, объяснился бы, если бѣ вмѣсто того, чтобы твердить, что поэты всегда несчастны, всѣ согласились, что несчастные-то и бывають поэтами.

Поставьте поэта между страданіемъ и безвѣстностью, онъ, безъ сомнѣнія, выбереть первое. Мы, публика, тоже: талантъ его утѣшаетъ насъ въ его несчастіяхъ и, я думаю, что одна знакомая мнѣ дама, которая не читаетъ произведеній поэта, если не плакала надъ описаніемъ его жизни, -- совершенно права.

Борнсъ принадлежитъ къ числу поэтовъ, которыхъ жизнь была отравлена множествомъ несчастій, не тѣхъ блестящихъ, драматическихъ несчастій, которыя возбуждаютъ участіе толпы и находятъ вознагражденіе въ эффектѣ, который они производятъ ; но мелкихъ, безвѣстныхъ, медленныхъ, непрерывныхъ огорченій, которыя мало-по-малу истощаютъ физическія и нравственныя силы человѣка и гораздо болѣе первыхъ достойны сожалѣнія.

Робертъ Борнсъ, или *Борнсъ* (Borns), былъ сынъ бѣднаго фермера изъ графства Эрѣ (Ayr), въ Шотландіи, и съ малолѣтства пріучился къ трудамъ и лишениямъ, на которыя судьба обрекала его. Отецъ Роберта, человѣкъ добраго сердца и съ умомъ выше своего

состоянія, всю жизнь боролся съ злоупотребленіемъ, и не оставилъ дѣтямъ ничего кромѣ примѣра своихъ добродѣтелей и кое-какого воспитанія, которое онъ, болѣею частію, самъ далъ имъ. Предоставленные самимъ себѣ, Робертъ и молодой братъ его, Гильбертъ, подобно отцу, сняли ферму; но и ихъ предпріятіе было такъ же неудачно какъ отцовское. Кромѣ несчастія, которое преслѣдовало все это семейство, у Роберта было и другое препятствіе къ успѣху, — любовь, чувство весьма достаточное для отвлеченія чловѣка отъ того, что называется положительными выгодами жизни. Любовь доставила ему развлеченіе, которое еще опаснѣе, потому что оно никогда не проходитъ: онъ сдѣлался поэтомъ. Между-тѣмъ какъ дюжее тѣло его машинально исправляло земледѣльческія работы, мысль его была далеко, въ погоню за множествомъ прелестныхъ, но бездоходныхъ, призраковъ.

Но ему мало было ежедневной скуки занятія не по сердцу, которое иѣшаетъ обратиться къ другому, привлекательному; мало плохихъ послѣдствій работы противъ воли; судьба, видно, находила, что онъ еще не довольно несчастенъ, то есть не довольно поэтъ; надобно было ему еще умножить свои лищенія и заботы, обременивъ себя семействомъ. Онъ влюбился въ Дженни Арморъ, сдѣлался отцемъ и, какъ честный чловѣкъ, рѣшился загладить свой проступокъ. Эта женитьба была, въ его положеніи, истиннымъ несчастіемъ и позлела за собою тысячу другихъ огорченій.

Онъ былъ еще на своей фермѣ Мосгилъ, когда молодая его любовница замѣтила, что связь ихъ не можетъ болѣе оставаться тайною. Вообразите, въ какомъ затруднительномъ положеніи они находились: уже четыре года зимы были суровыя, весны позднія. Ферма, не только не вознаграждала трудовъ братьевъ, но еще

истощила и тѣ средства , которыя они прежде имѣли. Могъ ли Робертъ желать , чтобы милая его Дженинн раздѣлила съ нимъ такую бѣдственную участь? Положено было, чтобы онъ далъ Дженинн письменное обѣщаніе жениться на ней , и уѣхалъ въ Ямайку искать счастья, а она осталась бы дома, пока небо не возвратитъ ей мужа, который былъ бы въ состояніи поддерживать семейство.

Но у Дженинн былъ отецъ , а онъ противъ этого и руками и ногами. Онъ и жена его рѣшили, что подобная женитьба ровно ничего не значитъ , и ничего не прикрываетъ. Мужъ въ Ямайкѣ ! да это все равно, что не имѣть мужа, или даже еще хуже, потому что это лишило бы дочь ихъ надежды выйти за другаго. Они велѣли Дженинн изорвать письменное обѣщаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и бракъ. Та, рассказавшись, что огорчила нѣжкихъ родителей , покорилась ихъ волѣ и уведомила объ этомъ Роберта. Бѣдный Робертъ! Какое отчаяніе! Какія терзанія! Онъ хотѣлъ было остаться, чтобъ содержать жену и двухъ своихъ дѣтей близнецовъ поденною работою; но это предложеніе было отвергнуто. Что жъ ему дѣлать? покориться судьбѣ , исполнить первый планъ свой и ѣхать въ Ямайку? А если между-тѣмъ Дженинн выйдетъ за другаго? Онъ рѣшился подвергнуться и этой опасности; но судьба вздумала немощно потѣшить его. Стихотворенія Бориса имѣли въ Единбургѣ большой успѣхъ и это остановило его. Поэзія, которая такъ много обязана любви, рѣшилась въ этотъ разъ заплатить долгъ свой — не въ примѣръ на будущее время. Робертъ приобрѣлъ нѣкоторую репутацію, нѣсколькихъ довольно холодныхъ покровителей, и съ этимъ достояніемъ явився къ безжалостнымъ родителямъ Дженинн, униловилъ ихъ , и получилъ позволеніе жениться на матери дѣтей своихъ и загладить вредъ , который онъ нанесъ доброму имени ихъ дочери.

Но для несчастных все — несчастье. Званіе супруга и родителя, которое привязывает человека къ жизни, для бѣднаго — бремя, почти невыносимое. Образъ собственной его нищеты множится, отражаясь въ глазахъ обожаемыхъ, и при каждомъ ударѣ, которымъ поражаетъ его судьба, кровь брызжетъ изъ двухъ ранъ.

Въ горести своего сердца, Борисъ, конечно, неразъ рассуждалъ такимъ образомъ, когда сонъ убегалъ отъ утомленныхъ его членовъ, когда въ головѣ его вертѣлись тысячи неудачныхъ плановъ пріобрѣсти состояніе, плановъ, которые какъ тѣни разсѣивались отъ солнца существенности. Бѣдный поэтъ, напрасно муза твоя, полуодѣтая національнымъ тараномъ, увѣчанная орѣшникомъ и остролистомъ, является тебѣ какъ благотворная фея, которая однимъ ударомъ волшебнаго жезла, превращаетъ хижину въ палаты; ты умрешь, какъ жилъ, поселяниномъ, орошая потому скудную землю, которая не удовлетворитъ нуждамъ твоего семейства, и принося честь отечеству, которое не подастъ тебѣ руку помощи, когда ты, тридцати осми лѣтъ отъ роду, умрешь отъ нищеты и истощенія! У тебя будутъ и читатели, и праздные посетители, которые пріучатъ тебя жѣлать тихія домашнія наслажденія на шумное веселье пирушекъ; найдутся и богачи, которые станутъ приглашать тебя къ себѣ, чтобы показывать гостямъ какъ рѣдкость, и сочтутъ себя меценатами, когда определятъ тебя въ досмотрщики по питейному сбору, съ жалованьемъ по тысячи двѣсти рублей въ годъ!

Досмотрщикъ по питейному сбору! знатное мѣсто; званіе, достойное твоихъ способностей и ихъ вѣсу въ обществѣ! Надобно обезпечить существованіе великаго поэта: что жъ они для этого сдѣлаютъ? Доставятъ ему занятіе, сообразное съ его

наклонностями? Или назначать ему пенсію, чтобы онъ могъ вполне посвятить себя поэзіи? Нѣтъ, нѣтъ, они опредѣляютъ его въ акцизные надзиратели, и драгоценное его время, которое могло бы увеличить поэтическія сокровища отечества, будетъ употреблено на преслѣдованіе корчемства.

Не одинъ иностранецъ, глубоко почитая талантъ Бориса, съ энтузіазмомъ отпраплялся въ Шотландію, чтобы взглянуть на генія, когорымъ отечество должно гордиться. Гдѣ же онъ находилъ его? Гдѣ возтъ? Конечно, на берегахъ Дуна или При, повѣряетъ тайную скорби своего сердца музѣ, и ищетъ облегченія въ бесѣдѣ съ нею? Нѣтъ, онъ въ погребѣ, осматриваетъ боченки пива и водки!

Однако жъ не надобно слишкомъ жалѣть объ немъ. Подумайте, сколько, со времянь Гомера, было нищихъ поэтовъ; да еще не давно (въ 1759) Шотландскіе женестрелы принадлежали, по закону, къ классу бродягъ и праздношатающихся. Попасть въ excisemen, въ акцизные надзиратели — для нихъ много чести. Но, съ другой стороны, что бы онъ сталъ дѣлать, если бы не получилъ этого мѣста? И то, однажды, онъ чуть было не лишился его, задумавъ толковать о политикѣ и объявлять свои мнѣнія! Питейный досмотрщикъ, и съѣтъ имѣть свое сужденіе! Ксчастію, добрые люди за него вступились, и онъ отдѣлался отъ бѣды: ему только сказали, чтобы онъ уже не ждалъ повышеній по службѣ. Съ-тѣхъ-поръ ушныіе овладѣло имъ, и овладѣло навсегда. Ревматизмы, которые онъ получилъ на службѣ, и медленная лихорадка, разрушили его здоровье, и безъ того уже потрясенное заботами и огорченіями, и онъ отдалъ прекрасную душу свою Богу, умирая съ ужасною мыслию, что оставляетъ въ свѣтъ, который для него былъ такъ безжалостенъ, четверыхъ дѣтей и жену, беременную пятымъ. Этотъ

ребенокъ родился въ самый день похоронъ отца, 21 июля 1797 года *.

Онъ умеръ, и, по старинному обычаю, все взволновалось. Народъ стиховъ не любитъ, зато очень любитъ богатые похороны, какъ всякую публичную потѣху; народъ не пропустилъ и этого случая. Питейная стража Домфрисская вознамѣрилась воздать воинскія почести своему знаменитому сослуживцу; къ акцизной командѣ присоединились, отъ бездѣля, стоявшія въ городѣ войска, пѣхота и кавалерія; многіе почетные жители пошли изъ любопытства за войсками; кой-какіе юноши спесли гробъ на кладбище; а тамъ, на могилѣ поэта — питейнаго досмотрщика, сдѣлали три залпа изъ ружей. Говорите же послѣ этого, что публика неблагодарна къ великимъ людямъ!

Въ пользу вдовы и дѣтей Борнса открыли подписку, которая достала семь сотъ фунтовъ стерлинговъ, а Г. James Currie предпринялъ полное изданіе твореній Борнса, съ тѣмъ чтобы сборъ обратить на тотъ же предметъ. Такимъ образомъ не сбылись горестныя предчувствія, которыя тревожили несчастнаго на смертномъ одрѣ: онъ только объ этомъ и говорилъ, и въ бреду и въ памяти.

Но и нищета и родительскія заботы не могли преодолѣть его независимаго духа, не могли уменьшить его чувствительности, нежности и благороднаго характера. Первые стихотворенія его имѣли успѣхъ самый блестящій, и онъ могъ бы брать за послѣдующія цѣну хорошую. Въ 1765 году издатель одного Лондонскаго

* Въ предисловіи изданія Борисовыхъ сочиненій 1827 года мы находимъ примѣчаніе: «Госпожа Борнсъ живетъ появивъ въ томъ же домѣ, гдѣ умеръ поэтъ. Старшій сынъ ея — теперь чиновникъ по части изготовленія гербовыхъ бумагъ; второй, Валлесъ, который подавалъ о себѣ прекраснѣшій надежды, умеръ отъ чахотки. Валлисъ и Джемсъ служатъ офицерами въ Ирландіи».

журнала, который имѣлъ большой вѣсъ въ литературѣ, предложилъ ему пятьдесятъ двѣ гиненъ въ годъ за одно стихотвореніе въ педѣлю: Борисъ отказался, не по лѣности, какъ можно бы ожидать отъ поэта, но изъ гордости; потому что уже нѣсколько лѣтъ онъ даромъ отдавалъ прекрасныя свои лирическія произведенія въ Джонсоновъ журналъ «*Museum*», а Единбургскій книгопродавецъ Томсонъ никакъ не могъ убѣдить его принять платы за стихотворенія, помещенныя въ собраніи «*Шотландскихъ мелодій*». Борису казалось, что это значило бы унижать музу, и онъ не принималъ за труды свои ничего кромѣ экземпляра своихъ превосходныхъ сочиненій.

Я ошибся: онъ принималъ и деньги. Судьба, съ досады, что онъ ей не покоряется, рѣшилась унижить его. Шляпочникъ, которому онъ былъ долженъ, зайтивъ, что Борисъ собирается умирать, подалъ счетъ его ко въискашию, и непременно засадилъ бы его въ тюрьму. Бѣднякъ чуть съ ума не сошелъ отъ мысли переселиться съ разстроеннымъ здоровьемъ въ темницу и, прежде вѣчной разлуки, разстаться съ женою и дѣтьми. Борисъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ Томсону, котораго предложенія онъ такъ часто отвергалъ. Поэтъ написалъ къ книгопродавцу трогательное письмо, и просилъ впередъ — пять фунтовъ стерлинговъ!

Этотъ примеръ хотъ кого приведетъ въ уныніе. Злополучіе васъ преслѣдуетъ. Посередѣ всѣхъ мученій васъ поддерживаетъ одно чувство — сознаніе собственнаго достоинства. Чтобы сохранить его въ душѣ чистымъ и неприкосновеннымъ, вы усиливаете свои страданія, умножаете свои лишенія, подвергаете имъ и себя и другихъ, и заботитесь только о томъ, чтобы сохранить уваженіе къ самому себѣ; но вдругъ приходитъ время, когда и это послѣднее утѣшеніе отъ

вась ускользаетъ , когда вѣжность вашего характера дѣлается неумѣстною щекотливостію и принуждена бываетъ уступить нуждѣ , когда всѣ грубыя чувства корыстолюбца извиняются и оправдываются вашимъ паденіемъ ! Лордъ Байронъ далъ себѣ слово не добывать денегъ перомъ , и лордъ Байронъ , богачъ и перь , Англичанинъ и поэтъ , лордъ Байронъ , гордецъ по четыремъ разнымъ причинамъ , принужденъ былъ отложить свое намѣреніе , измѣнить своему слову . Примѣръ Байрона да утѣшитъ въ могилѣ тебя , Робертъ Борнсъ , ты еще болѣе Байрона мужественный и благородный , потому что ты былъ бѣднякъ и отецъ семейства !

По возвращеніи съ похоронъ , и послѣ первыхъ минутъ энтузіазма и признательности къ тому , чья смерть подала поводъ къ такой трогательной и торжественной церемоніи . публика почувствовала нужду оправдаться , что допустила умереть съ голоду и съ горя челоуѣка , котораго потеря возбуждала столько сожалѣній : чтобы заглушить крики своей совѣсти , публика нашла полезнымъ оклеветать Бэриса .

Не проходило недѣли , чтобы баронетъ такой-то не увезъ дочери пастора такого-то природа , чтобы мистриссъ такая-то не уѣхала на твердую землю съ какимъ-то лордомъ . Изъ Лондона въ Гретна-Гринъ скачка была ужасная , и бѣдный пьяный кузнецъ совѣсть выбился изъ силъ , соединилъ контрабанднымъ бракомъ сердца , пылающія запрещенною любовію . У молодого нашего фермера тоже была душа чувствительная ; а онъ видѣлъ какъ птички безъ помощи кузнеца сочетались бракомъ въ кустахъ . Вѣжное сердце и семнадцати-лѣтній возрастъ его соблазнили : онъ вздумалъ , что и ему можно дѣлать то же , что дѣлають баронеты , лорды и птицы , и говорить прозой хорошенькимъ двушкамъ то , что впоследствии голо-

рилъ онъ публикѣ стихами. Бориса провозгласили безравственнымъ и обольстителемъ.

Не проходило дня, чтобы сосѣдникъ джентльменовъ не таскали десятками изъ-подъ стола. Пьянство напоминало сундуки акцизныхъ сборщиковъ; и бѣдный досмотрщикъ, ободряемый примѣромъ потребления, котораго важность для Англiи онъ зналъ по службѣ, неразъ, по просьбѣ прiятелей, хаживалъ съ ними въ таверну. Бориса провозгласили пьяницею. Вальтеръ Скоттъ свалился со стула, и свалился *последній*, за обѣдомъ у лорда Бокклефа. Да это было у лорда!..... Конечно, лучше было бы, если бъ Борисъ шелъ домой прямо отъ должности; но дома, вѣроятно, ожидали его жалобы жены, которая упрекала его въ общей бѣдности и бранила за то, что онъ занимается пустяками, стихотворствомъ, а не думаетъ о дѣлѣ, и прочалъ. Надобно сказать и то, что тѣло его было истощено сохою, а умъ поэзіею: онъ цѣлый день бѣгалъ по несносной должности досмотрщика, а какихъ трудовъ, какихъ горестей, не забудешь передъ кружкой пивнаго пива, толкуя съ приходскими учеными или съ влюбленными, которые мѣняютъ признанiя юнаго возраста на совѣты опыта!

Но предоставимъ Борису самому оправдаться и познакомиться съ читателями. Вѣстъ намъ случилось вногда пожалеть, что поэты унижаются до подлой прозы изъ удовольствiя потолковать о себѣ; но они толкуютъ о себѣ обыкновенно въ предисловіяхъ, въ присутствiи публики, — что весьма подозрительно; а здѣсь рѣчь идетъ о простомъ, дружескомъ признанiи, о письмѣ, которое не было назначено для печати и написано съ откровенностію, съ небрежностію, какъ люди пишутъ тогда, когда думаютъ, что никто не ставеть ихъ читать кромѣ друга. Паскаль говорить: «Странно и весело, видѣть слогъ натуральный: въ ду-

мали, что найдете писателя, а встрѣчаете чловѣка!» Мы приведемъ вполнѣ это прелестное посланіе, напечатанное въ одномъ изъ послѣднихъ изданій «Poetical works» Борнса: оно будетъ лучшею біографіею поэта и вѣсть зеркаломъ души его. Въ 1787, Борнсъ писалъ доктору Муру, автору «Zelusso», «Эдуарда», и прочая: «Sir, — я проѣздилъ нѣсколько мѣсяцевъ; а теперь сижу дома, потому что у меня томительная болѣзнь, которая, вѣроятно, происходитъ отъ желудка. Чтобы какъ-нибудь развлечься, мнѣ вздумалось описать вамъ собственную мою исторію. Имя мое такъ надѣлало шуму; а вы всегда принимали въ судьбѣ моей живое участіе: я думаю, что вамъ когда-нибудь, отъ скуки, пріятно будетъ прочесть этотъ рассказъ.

«Я не имѣю ни малѣйшаго права на званіе джентльмена. Въ прошломъ году, въ Единбургѣ, я принялся пересматривать адрессъ-календарь; нашель тамъ почти всѣ существующія у насъ имена, а моего не было. Въ жилахъ моихъ течетъ кровь древняя, но бездѣятная; она добралась до меня, переходя отъ самаго потока изъ одного мужика въ другаго, и геральдика меня и знать не хочетъ.

«Отецъ мой уроженецъ сѣверныхъ частей Шотландіи. Онъ былъ сынъ фермара, который занималъ землю у высокородныхъ владѣльцевъ Марнскіяя и имѣлъ честь раздѣлять судьбу ихъ. Слово «честь» я нисколько не отношу къ его политическимъ правиламъ. Тѣ, которые добровольно разоряются за то, что нескренио считаютъ дѣломъ своего Бога и государя, эти люди, какъ говоритъ Маркъ-Антоній въ Шекспирѣ, «люди почтенные.»

«Отецъ мой много лѣтъ кое-какъ перебивался и пріобрѣлъ черезъ то порядочный запасъ опытности; этому обязанъ я благоразуміемъ, хоть и не боль-

швиъ, которымъ могу похвалиться. Немногимъ довелось на роду знать такихъ людей, каковъ онъ былъ. Но упорная честность и раздражительность слѣпая, неустойчивая, никогда не проходящая; отъ этого именно я и родился сыномъ челоуѣка, весьма бѣднаго. Шесть или семь первыхъ лѣтъ моей жизни, отецъ мой былъ садовникомъ одного небогатаго помѣщика въ окрестностяхъ Эра. Если бѣ онъ остался въ этомъ положеніи, то мнѣ бы, вѣроятно, пришлось быть работникомъ на какой-нибудь сосѣдней фермѣ. Но однимъ изъ самыхъ пламенныхъ его желаній было, не разставаться съ дѣтьми, пока они не будутъ въ состояніи сами отличать добро отъ зла. Для этого онъ рѣшился, съ помощію великодушнаго своего хозяина, взять на откупъ небольшую ферму.

«Въ это время я не былъ ни чѣмъ любимцемъ. У меня была хорошая память, крепкое здоровье, и сверхъ-того я былъ очень набоженъ, разумѣется, изъ подражанія другимъ, какъ все дѣти. При помощи розогъ, школьный учитель сдѣлалъ меня очень искуснымъ въ Англійской грамотѣ; а десяти лѣтъ отъ роду я уже мастерски отличалъ существительныя имена отъ прилагательныхъ и предлоги отъ глаголовъ. Я многимъ также обязанъ въ дѣтствѣ одной старушкѣ, которая жила у насъ и отличалась удивительнымъ невѣжествомъ, легковѣрностію и суевѣріемъ. Я думаю, во всей Шотландіи не найдется челоуѣка, у котораго былъ бы такой богатый запасъ сказокъ и пѣсень о чертяхъ, осяхъ, духахъ, волшебникахъ, колдунахъ, лѣшихъ, оборотняхъ, призракахъ, приидвннлхъ, чарахъ, великанахъ, летучихъ драконахъ и другихъ чудесахъ. Разказы ея не только возрастали во мнѣ благотворныя сѣмена поэзіи, но произвели такое вліяніе на мое воображеніе, что даже и нынче, идя въ пустомъ мѣстѣ ночью, я незвольно присматриваюсь къ разнымъ подозрительнымъ пред-

метамъ , и хотя никто менѣ меня не вѣрить всѣмъ этимъ пустякамъ , но я всегда долженъ сдѣлать фило-софическое усиліе , чтобы разогнать смѣшной страхъ мой.

«Первыя двѣ книги , которыя мнѣ случилось прочесть , были «Жизнь Аннибала» и «Исторія Сиръ Вилльяма Валлеса» и я не помню, чтобы какія нибудь другія книги доставляли мнѣ такое удовольствіе. Аннибалъ воспламенилъ юное мое воображеніе воинскимъ жаромъ. Я, бывало, гордо хаживалъ рядомъ съ Шотландскими рекрутами , при звукахъ барабана и вольники и страхъ жалѣлъ , что еще не гожусь въ солдаты. Исторія Валлеса вооружила меня противъ Англичанъ , разила въ жилахъ моихъ такіе предрасудки , что они и до сихъ поръ волнуютъ кровь мою и будутъ волновать до тѣхъ поръ , когда жизнь закроетъ свои шлюзы и кровь моя навсегда затихнетъ.

«Въ то время богиня полемики возмущала всю Шотландію; и я, следуя общему примѣру, принялся нападать на кальвинизмъ съ такимъ жаромъ , что возбуждалъ противъ себя крики , которые и теперь еще не кончились.

«Близость Эра приносила мнѣ нѣкоторую пользу. Людскость моя, когда гордость ей не мѣшала, была, какъ говорится въ одномъ опредѣленіи, о вѣчности «безъ границъ и предѣловъ.» Я подружился со многими молодыми людьми; нѣкоторые изъ нихъ были гораздо болѣе меня облагодѣтельствованы фортуною и повторяли роли , которыя должны были разыгрывать въ свѣтъ , гдѣ я, несчастный, могъ смотреть на нихъ только изъ-за кулисъ! Но въ этомъ возрастѣ наши джентльмены еще плохо понимаютъ, какое огромное разстояніе отдѣляетъ ихъ отъ товарищей въ лохмотьяхъ. Маленькіе баричи не могутъ вдругъ приобрести приличнаго, достоюжнаго презрѣнія къ ни

чтожымъ, глупымъ бѣднякамъ, которые ихъ окружаютъ. Молодые знатные мои товарищи никогда не смѣялись надъ мужиковатостію Борнса, котораго голова и ноги не разъ беззащитно терпѣли всѣ перемены погоды. Они дарили мнѣ разрозненныя книги, изъ которыхъ я уже и тогда почерпалъ кое-какія наблюденія. Одинъ изъ нихъ выучилъ меня немножко по-Французски, и когда кто либо изъ молодыхъ моихъ друзей и благодѣтелей отправлялся въ восточную или западную Индію, эта разлука чрезвычайно огорчала меня. Но меня уже вблизи ждали другія печали, поважнѣе этихъ.

«Великодушный хозяинъ отца моего, померъ. Арендную плату за ферму непомерно возвысили и, къ довершенію несчастія, мы попали въ руки управителя, котораго изображеніе вы найдете въ сказкѣ моей «The two dogs», Двѣ собаки. Отецъ мой женился уже въ пожилыхъ лѣтахъ; я былъ старшій изъ семи сыновей его; а онъ, измученный преждевременными трудами, чувствовалъ себя уже почти не въ состояніи работать. Онъ былъ очень раздражителенъ; но не легко предавался унынію. До истеченія срока его контракта оставалось еще два года, и чтобы какъ-нибудь прокормиться эти два года, мы принуждены были сократить свои и безъ того очень ограниченныя издержки. Мы жили въ страшной нуждѣ. Я уже былъ порядочный пахарь, и слѣдующій за мною братъ, Гильбертъ, тоже могъ ходить за сохою и помогать мнѣ молотить хлѣбъ. Творцу нравоописательныхъ романовъ эти сцены, можетъ быть, и понравились бы, а мнѣ нисколько. У меня еще и теперь кровь кипитъ, когда я вспомню о наглыхъ угрозахъ негодяя управителя, котораго записочки всякой разъ приводили насъ въ слезы.

«Печальное одиночество отшельника и каторжная работа составляли жизнь мою до-тѣхъ-поръ, какъ мнѣ

стукнуло шестнадцать лѣтъ. Незадолго до этого времени я въ первый разъ согрѣшилъ передъ Богомъ рифмою. Вы знаете, что у насъ во время жатвы, обыкновенно работаютъ по-парно: мужчина и женщина. На пятнадцатомъ году сотрудницей моею была дѣвушка прелестная, только годомъ меня моложе. Я слишкомъ плохо знаю по-Англійски, чтобы на этомъ языкѣ отдать ей полную справедливость. Но вы понимаете по-Шотландски — она была *bonie, sweet, bonie lass* (добренькая, сладкая, умилная дѣвочка). Однимъ словомъ она, противъ воли, познакомила меня съ прелестною страстью, которую на зло обманутымъ надеждамъ, осторожности — этой ломотой лошади, и философи — этой книжной моли, я до-сихъ-поръ считаю первую изъ человѣческихъ радостей, истиннымъ Божиимъ благословеніемъ. Какимъ образомъ она развилась отъ меня любовью, этого я и самъ не знаю. Вы, медики, вѣчно толкуете о заразительности посредствомъ дыханія, прикосновенія и прочая; но я отроду не говорилъ ей, что я влюбленъ въ нее. Право, я самъ не умѣю объяснить, отчего мнѣ было такъ пріятно, возвращаясь съ работы, отставать съ нею отъ другихъ; отчего при звукахъ ея голоса струны сердца моего звучали, какъ въ Эоловой арфѣ; отчего пульсъ мой бился сильнѣе, когда я приближалъ глазъ или пальцы къ ея рукъ, чтобы вытащить завозу.

«Между прочими обворожительными ея качествами, она пѣла восхитительно! Первые мои стихи я написалъ на ея любимый *geel*. Я, конечно, не думалъ, чтобы она стѣила печатныхъ стиховъ, написанныхъ людьми, которые знаютъ по-Латыни и по-Гречески. Но стихи, которые моя красавица пѣла, сочинены, какъ я слышалъ, сыномъ одного мелкаго помѣщика и притомъ для одной изъ ихъ служанокъ; въ которую онъ былъ влюбленъ; а съ нимъ-то я могъ тѣгаться:

онъ былъ лучше меня развѣ только тѣмъ, что умѣлъ клеить овецъ и играть въ кистени, а я нѣтъ.

«Таковы были первые шаги мои въ любви и поэзіи, мое живѣйшее, единственное наслажденіе. Между-тѣмъ отецъ мой кое-какъ дотянулъ до срока своего контракта, и взялъ на откупъ другую ферму побольше, мняхъ въ десяти отъ первой. Онъ заключилъ такое условіе, что вначалѣ ему приходилось получить небольшую сумму: иначе это было бы и невозможно. Года четыре мы жили на новой своей фермѣ довольно порядочно. Но потомъ началась тяжба между отцемъ копы и его помѣщикомъ; три года были мы въ когтяхъ приказныхъ, наконецъ отецъ мой избавился отъ ужасовъ тюрьмы тѣмъ, что чахотка, которую онъ ждалъ уже два года, наконецъ пожаловала и унесла его туда, гдѣ злые уже не мучатъ слабыхъ, а утомленные отдыхаютъ.

«Въ исторіи моей было всего болѣе происшествій, именно тогда какъ мы жили на этой фермѣ. Вначалѣ этого періода я могъ, по справедливости, почестьса самымъ неуклюжимъ, самымъ неловкимъ молодымъ человѣкомъ во всемъ приходѣ. Ни одинъ отшельникъ не могъ быть менѣе знакомъ со свѣтомъ, чѣмъ я. Древнюю исторію зналъ я только по географическимъ грамматикамъ Сольмона и Гютри, а идеи свои о нынѣшнихъ правахъ, о литературѣ и критикѣ почерпалъ изъ Аддисонова «Наблюдателя», *The Spectator*. Кроме этого читалъ я только Пюпа, нѣсколько пьесъ Шекспира, сочиненія Толль (*Tull*) и Диксона о сельскомъ хозяйствѣ, «Пантеонъ», трактатъ Локка объ умѣ человеческомъ, священную исторію *Stackhouse'a*, «Руководство для Бретонскаго садовника» *Justice'a*, «Лекціи» *Bayle'a*, творенія *Allan'a Ramsay'a*, собраніе Англійскихъ пѣсень и *Hervey'евы* «Размышленія». Собраніе пѣсень было моею карманною книжкою. Хо-

да за собою или отправляясь на работу, я пожирал ихъ, пѣсня за пѣсней, стихъ за стихомъ и тщательно отличалъ истинно пѣжное и высокое отъ надутаго и принужденнаго. Я увѣренъ, что именно этой привычкой обязанъ моимъ критическимъ вкусомъ, каковъ онъ нынѣ есть.

«На семнадцатомъ году, я началъ ходить въ деревенскую тавросальную школу, чтобы хоть немножко поразвязаться. Отецъ мой терпѣть не могъ этого рода собраній и я ходилъ туда противъ воли его, въ чемъ до-сихъ-поръ раскаиваюсь. Я уже говорилъ, что отецъ мой былъ очень вспылчивъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ я его не послушался, онъ почти возненавидѣлъ меня; и я думаю, что это отчасти было причиною, что я въ первые годы моей молодости велъ жизнь такую разстѣланную. Впрочемъ я говорю «разстѣланную» только по сравненію съ воздержностію и чрезвычайною аккуратностію жизни Шотландскихъ деревенскихъ пресбитеріантъ; потому что хоть путь мой освѣщался только летучими огоньками прихотливой безпечности; но первыя мои набожныя и добродѣтельныя правила нѣсколько лѣтъ удерживали меня на стезѣ невинности. Главное несчастье моей жизни состояло въ томъ, что у меня не было никакой цѣли. Съ ранняго возраста чувствовалъ я по-временамъ порывы честолюбія; но то были слѣпыя ощущенья Гомерова Циклопа по стѣнамъ своей пещеры. Я видѣлъ, что состояніе отца моего требуетъ отъ меня работы безпрерывной. Только двумя дверьми могъ я пробраться въ храмъ Фортуны: строгою экономіею или мелочными барышами, основанными на придиракахъ. Первая дверь такъ узка, что я никогда не могъ попасть въ нее. Вторую я всегда ненавидѣлъ; даже пороги ея нечистъ и гадокъ. Такимъ образомъ я не имѣлъ въ жизни никакой цѣли; по врожденной моей веселости и по склонности къ наблюденіямъ страстно любилъ общество,

даже чувствовалъ въ немъ нужду; притомъ я былъ расположенъ къ меланхоли, къ ипохондріи и уже по одному этому ненавидѣлъ уединеніе; надобно сказать и то, что я уже и тогда пользовался нѣкоторою литературною извѣстностію, былъ одаренъ дикою логикою и силою мысли, которая походила на здравый смыслъ; не мудрено, что при всемъ этомъ меня вездѣ хорошо принимали и если гдѣ-нибудь собралось три четыре человѣка, я былъ уже тутъ.

«Но болѣе всего чувствовалъ я влеченія къ очаровательной половинѣ человѣческаго рода, какъ говорятъ Французы. Сердце мое легко загоралось: его непрерывно воспаляли то та, то другая богиня; и какъ во всѣхъ войнахъ въ мірѣ, фортуна иногда мнѣ благоприятствовала, иногда поворачивалась ко мнѣ спиною. Съ плугомъ, косою или серпомъ я не уступлю никакому сопернику, и потому бѣдность меня не страшна; о работѣ думаю я только тогда, когда ею занимаюсь, а вечера провоожу по сердцу. Молодой поселянинъ рѣдко приведетъ любовную интригу къ концу, безъ помощи повѣреннаго; я былъ очень любознатель, притомъ усерденъ, ловокъ, и слѣдственно очень полезенъ въ подобныхъ случаяхъ; и я думаю, что мнѣ также весело было знать по-крайней-мѣрѣ половину любовныхъ тайнъ въ Тарболтонскомъ приходѣ, какъ государственному человѣку всѣ интриги половины Европейскихъ кабинетовъ. Даже мое гусинсе перо, кажется, по инстинкту знаетъ тропинку, на которой такъ часто блуждало мое воображеніе, любимый предметъ моихъ пѣсень; и если бъ дать ему волю, оно тотчасъ рассказало бы вамъ любовныя похождения моихъ товарищей, скромныхъ обитателей фермъ и хижинъ; но важныя дочери науки, честолюбія или скупости называютъ все это шалостями. Для дѣтей труда и бѣдности, ничего не можетъ быть важнѣе этого; пылкая надежда, тайное свиданіе, нѣж-

ное прощаніе для нихъ живѣйшія, драгоценнѣйшія наслажденія.

«Есть и другое обстоятельство въ моей жизни, которое измѣнило нѣсколько мой умъ и нравы: на девятнадцатомъ году я жилъ на берегу, гдѣ было много контрабандистовъ; я учился въ школѣ, которая славилась прекраснымъ преподаваніемъ землемерства, гномоники и прочая. Успѣхи мои въ наукахъ были удовлетворительны, а въ познаніи людей еще болѣе. Ремесло контрабандиста давало въ то время хорошіе барыши, и я не разъ бывалъ съ нѣкоторыми изъ этихъ господъ. Ихъ шумныя пированья и драки были для меня сцены совершенно новыя; но я ни въ чемъ не былъ врагомъ общественной жизни. Хотя я и научился у нихъ осушать стаканъ и не бояться общества пьяницъ, но геометрія моя шла своимъ порядкомъ. Къ несчастію, когда солнце вступило въ знакъ Дѣвы, (для моего сердца это была масляница) прелестная дѣвочка, которая жила подлѣ самой школы, низпровергла всю мою тригонометрію и вывела меня по тангенту изъ учебной сферы. Я однако жъ боролся еще нѣсколько дней съ синусами и косинусами, но однажды сошелъ около полудня въ садъ, чтобы взять высоту солнца и встрѣтилъ тамъ моего ангела. О, тутъ ужъ прощай ученье, прощайте, успѣхи! Я пробылъ въ школѣ еще съ недѣлю, но только уже и дѣлалъ, что мечталъ о моей милой, или уходилъ изъ училища, чтобы гдѣ-нибудь съ нею встрѣтиться; а двѣ послѣднія ночи, если сонъ смертный грѣхъ, то благодаря прелестному образу этой скромной и невинной дѣвушки, я ихъ провелъ безгрѣшно.

«Я привезъ домой много пріобрѣтеній. Число книгъ, которыя я читалъ, умножилось важными твореніями Томсона и Шенстона; природа человѣческая предста-

влялась мнѣ уже совсѣмъ въ другомъ видѣ чѣмъ прежде и многіе изъ моихъ товарищей общались вести со мною литературную переписку. Это образовало мой слогъ. Мнѣ попало въ руки собраніе писемъ остроумцевъ вѣка королевы Анны, и я почтительно изучалъ ихъ. Я оставлялъ у себя копи съ тѣхъ изъ своихъ писемъ, которыми я былъ доволенъ, и мнѣ пріятно было сравнивать себя со своими корреспондентами, потому что это льстило моему самолюбію. Страсть моя къ перепискѣ дошла до того, что хотя у меня не было ни какихъ дѣлъ, но я получалъ всякую почту столько же писемъ, какъ какой нибудь журналистъ или фабрикантъ.

«Такъ жилъ я до двадцатьтретьяго года. Любовь и забавы были единственными пружинами моихъ дѣйствій. Библіотека моя обогатилась двумя авторами, которые доставляли мнѣ большое удовольствіе: Стерномъ и Мекъ-Кензи. «Тристремъ Шенди», и «The sensible man», были любимцами моего сердца. Поэзія привлекала меня не меньше прежняго, но я занимался ею уже только по прихоти. У меня всегда было подюжины и болѣе начатыхъ стихотвореній; я бралъ то или другое, смотря по минутному расположенію моего духа и бросалъ работу, какъ скоро предчувствовалъ утомленіе. Страсти мои, однажды воспламененныя, разыгрывались какъ черти, пока наконецъ разольются въ стихахъ; но поэзія какъ волшебный напитокъ въ минуту ихъ укрощала. Ни одно изъ стихотвореній моихъ, написанныхъ въ это время, не было напечатано, исключая элегій «Зима», старшаго изъ моихъ печатныхъ дѣтей, элегій «на смерть бѣднаго Малли» Poor Mallie's elegy, баллады «Иванъ Ерофенчъ», John Barleycorn, и первой, второй и третьей пьесы..... Вторую внушила мнѣ страсть, та самая, которая прервала мое ученье.

«Двадцать третій годъ моей жизни былъ для меня важною эпохою. По минутной прихоти, а отчасти и для того, чтобы чѣмъ нибудь заняться, я опредѣлился въ сосѣднемъ городѣ (Ирвайнъ) къ одному лежачему, чтобы выучиться его ремеслу. Это было несчастное для меня дѣло..... Къ довершенію аполучилъ, въ то самое время, какъ мы праздновали новый годъ, лавка загорѣлась, превратилась въ пепелъ и я, какъ настоящій поэтъ, остался безъ крова и пристанища, а въ карманѣ у меня не было ни двухъ пенсовъ.

«Я принужденъ былъ отказаться отъ моего намѣренія; несчастіе грозною тучею скопилось надъ головою отца моего; успѣхи чахотки были уже очень замѣтны; да еще на бѣду, одна красная-дѣвица, которую я обожалъ и которая назначила мнѣ свиданіе въ темномъ закоулкѣ брака, обманула меня такъ, что самолюбіе мое сильно пострадало. Адская процессія моихъ несчастій заключилась тѣмъ, что врожденная моя меланхолія усилилась до такой степени, что даже несчастный, засаженный въ тюрьму, не позавидовалъ бы моему состоянію.

«Это происшествіе познакомило меня немножко съ городами. Но всего болѣе подѣйствовала на умъ мой дружеская связь моя съ однимъ молодымъ человекомъ, благороднымъ мальчѣмъ, но любимымъ сыномъ несчастія. Отецъ его былъ простой ремесленникъ, но одинъ именитый сосѣдъ принялъ мальчика подъ свое покровительство, и далъ ему хорошее воспитаніе, чтобы доставить средства улучшить свое положеніе въ жизни. Къ несчастію, покровитель умеръ именно тогда, когда моему пріятелю надобно было вступить въ свѣтъ и несчастный, не зная, куда приклонить голову, рѣшился съѣздить на корабль. Незадолго до нашей связи одинъ Амриеманскій корабельщикъ обобралъ его и высадилъ на дикій берегъ Коннафть. Я

не могу окончить его исторіи, не прибавивъ, что онъ теперь шкиперомъ большаго судна, которое ходитъ изъ Лондона въ западную Индію.

«Независимость, благородство, великодушіе, всѣ добродѣтели, какія только можетъ имѣть мужчина, всѣ были его удѣломъ. Я любилъ его, удивлялся ему до энтузіазма, съдѣственно старался подражать ему, и успѣлъ до нѣкоторой степени. Прежде я былъ зараженъ гордостію; онъ далъ ей хорошее направленіе. Онъ зналъ свѣтъ гораздо лучше меня, и я внимательно учился у него этому знанію. Только онъ одинъ былъ еще безумнѣе меня, когда женщина свѣтила ему звѣздочкою; но онъ говорилъ о незаконной любви съ легкомысленностію моряка, а до тѣхъ поръ я ужасался подобной любви. Въ этомъ отношеніи дружба оказала мнѣ плохую услугу, и вскорѣ по возвращеніи домой я написалъ маленькую поэму: «Гостя поэта.» Въ городѣ бібліотека моя увеличилась только двумя разрозненными томами «Павелы» и однимъ томомъ «Ferdinand aeri Fathom», который подаль мнѣ первое понятіе о романахъ. Въ это время я почти оставилъ поэзію, но сочинилъ нѣсколько религіозныхъ стихотвореній, которыя были напечатаны; потомъ мнѣ попалась въ руки Шотландскія поэмы *Fergussona*, и дикія струны моей лиры снова зазвучали съ силою соревнованія. Когда отецъ мой умеръ, все его имущество досталось адекинъ псамъ, которые живутъ въ норѣ ябеды. Мы кое-какъ собрали немножко денегъ, и вмѣстѣ съ братомъ взяли на откупъ небольшую ферму въ сосѣдствѣ. У Гильберта не было ни моего безумнаго воображенія, ни моей склонности къ общежитію и любви; но онъ далеко превосходилъ меня здравомысліемъ и благоразуміемъ.

«Приступая къ хозяйству фермы, я имѣлъ самыя лучшія намѣренія. Такъ и быть, стану вести себя

порядочно! Я начал читать книги о сельском хозяйствѣ; вычислять посѣвы и жатвы; вздѣл на рынках; однимъ словомъ, на зло чортѣ, свѣту и слабой плоти, чуть чуть не сдѣлался человекомъ благоразумнымъ. Но въ первый годъ купили мы худыя сѣмена, во второй жатвѣ опоздали, и мы оба получили только половину того, что бы слѣдовало. Это опрокинуло все мое благоразуміе, и я принялся опять за старое.

«Въ это время я уже начиналъ слыть въ сосѣдствѣ рифмописцомъ. Первое изъ моихъ стихотвореній, которое явилось въ свѣтъ, было комическое сѣтованіе по случаю ссоры двухъ кальвинистскихъ пасторовъ, которые оба являются въ моеи «The Holy fair». Я самъ видѣлъ, что пьеска не дурна; по чтобы не попасть въ просакъ, далъ списокъ съ нея одному пріятелю, который очень любилъ эти вещи; я сказалъ ему, что не знаю чѣмъ эти стихи, но что они, по моему мнѣнію, совсѣмъ не дурны. Описаніе Эднбургскаго духовенства принято было съ восторженнымъ рукоплесканіемъ. Потомъ явилась, Holy Willie's prayer, «Молитва святаго Виллія», и до того напугала этихъ господъ, что они въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ совѣщались, нельзя ли чѣмъ-нибудь выстрѣлить по мірскому рифмачу изъ пресвитеріанской духовной артиллеріи. Къ несчастію, мои собственныя прегрѣшенія привели меня прямо подъ ихъ картечи. Эта непріятная исторія подала мнѣ мысль написать первое мое печатное стихотвореніе, «The Lament». Я еще и теперь не могу безъ ужаса вспомнить объ этомъ дѣлѣ, по милости котораго чуть чуть не прослылъ я сумасшедшимъ въ глазахъ людей болѣе разсудительныхъ. Я уступилъ брату свою часть фермы: впрочемъ эта часть была моя только по названію. Я проворно собрался, чтобы переселиться въ Ямайку. Но уѣзжая навсегда изъ отечества, мнѣ хотѣлось издать сначала свои стихотворенія. Я обсуживалъ свои творенія со всемъ

возможнымъ безпристрастіемъ, и мнѣ казались, что они не безъ достоинствъ. Притомъ мнѣ весело было думать, что обо мнѣ скажутъ, «умный малой», хоть эта похвала и не дошла бы до меня, потому что я бы тогда былъ приставомъ надъ неграми или, сдѣлавшись жертвою негостепріимнаго климата, отправился въ жилище духовъ. Признаюсь откровенно, что хотя я былъ тогда безвѣстный бѣднякъ, однако уважалъ самъ себя почти столько же какъ теперь, когда публика подтвердила мое мнѣніе. Я всегда думалъ, что большая часть ошибокъ и погрѣшностей, которыя люди ежедневно дѣлаютъ, происходятъ отъ того, что они не знаютъ сами себя. Впрочемъ я всегда старался изучать себя; обсуживалъ себя отдельно, сравнивалъ съ другими и употреблялъ все средства, чтобы дознаться, какое мѣсто занимаю я на землѣ, какъ человѣкъ и поэтъ. Мнѣ хотѣлось разгадать, какія намѣренія имѣла природа, когда создала меня, и для-чего она расположила въ моемъ характерѣ тѣни и свѣтъ такъ, а не иначе. Я твердо былъ увѣренъ, что мои стихотворенія заслужатъ похвалу; а если бы, по несчастію, случилось противное, тогда ревъ Атлантическаго Океана заглушилъ бы голось критики, и новость зрѣлища, которое представить мнѣ Вестъ-Индія, помогла бы мнѣ забыть равнодушіе соотечественниковъ. Я продалъ одному книгопродавцу шесть сотъ экземпляровъ моей книги: въ томъ числѣ было у меня около трехъ сотъ пятидесяти подписчиковъ. Приѣмъ, какой сдѣлала мнѣ публика, сильно польстилъ моему самолюбію; а притомъ, за исключеніемъ всѣхъ издержекъ, у меня осталось около двадцати фунтовъ стерлинговъ. Эти деньги пришли очень кстати, потому что мнѣ нечѣмъ было заплатить за перевозъ и пришлось бы записаться въ матросы. Какъ скоро набралось у меня девять гиней, я взялъ мѣсто на первомъ кораблѣ, который долженъ былъ

отправиться въ Индію. Притомъ же меня преслѣдовали за кой-какіе долги, въ которые вовлекъ меня голлоль. Я уже нѣсколько дней скрывался въ разныхъ чуланахъ, потому что злонамѣренные люди выпустили на меня безжалостную стаю судебныхъ прѣставовъ и тюрьма безпрестанно представлялась моему воображенію. Я распрощался съ пріятелями, отправилъ чемоданъ въ Гриннокъ и написалъ стихотвореніе, думалъ, что оно будетъ уже послѣднимъ въ Каледоніи. Вдругъ письмо доктора *Blacklock'a* къ одному изъ моихъ пріятелей, разрушило все мои планы, открывъ новое попріище моему стихотворческому честолюбію. Докторъ былъ членомъ одного общества критиковъ, отъ котораго я не смѣлъ и ожидать одобренія. Между-тѣмъ онъ писалъ, что въ Эдинбургѣ добрые люди могутъ мнѣ сдѣлать второе изданіе моихъ стихотвореній, и я отправился въ этотъ городъ, не имѣя ни знакомыхъ ни даже рекомендательныхъ писемъ. Пагубная звѣзда, которая до того времени подавляла мой зенитъ своимъ изсушающимъ вліяніемъ, обернулась въ тотъ разъ къ надиру, и благотворное провидѣніе даровало мнѣ покровительство одного изъ самыхъ почетныхъ людей въ свѣтѣ, графа *Glencairn'a*. Забудь меня, великій Боже, когда я о немъ забуду!

«На этомъ я останавлиюсь. Въ Эдинбургѣ я былъ въ свѣтѣ совершенно новымъ для меня; попадалъ въ общества людей разныхъ классовъ и тщательно изучалъ ихъ нравы; успѣлъ ли я, это покажетъ время.»

Таковъ разсказъ Борнса о первой половинѣ его жизни, до того времени, когда онъ, по протекціи графа *Glencairn'a* получилъ мѣсто въ питейномъ сборѣ. Бѣдный поэтъ былъ такъ обрадованъ своимъ опредѣленіемъ на службу, что въ восторгѣ своемъ написалъ на этотъ случай стихотвореніе «*Extemporaneous effi-*

sion on being appointed to the Excise.» Мы приведем его прелестное письмо, для того чтобы читатель полюбилъ въ немъ человека прежде чѣмъ познакомится съ нимъ какъ съ поэтомъ. Безъ сомнѣнія, его повѣствованіе никому не показалось длиннымъ. Ни какой біографическій очеркъ не могъ бы замѣнить этого откровеннаго наліянія души. Правда, что страсть говорить о себѣ сдѣлалась въ нѣмъ выше прежня одною изъ самыхъ смѣшныхъ слабостей литераторовъ; но публика всегда готова сдѣлать исключеніе въ пользу таланта необыкновеннаго и всегда съ участіемъ будетъ слушать признаніе и геніальнаго ума.

Блаженны поэты невѣжественные; они видятъ свѣтъ не сквозь книжные очки, какъ говоритъ по опыту остроумный Драйденъ; не совѣтуются съ пиитиками, теорій не хотятъ и знать и не принадлежать ни къ какой литературной партіи; они идутъ сами по себѣ въ своей святой невѣжливости; не запутываются ногами въ школьныхъ пеленкахъ; не заблуждаются, гоняясь за обманчивыми огоньками, по болоту подражанія; ничего не анализируютъ; ничего не описываютъ; они чувствуютъ, любятъ, поютъ, и ученье не давить въ нихъ инстинкта.

Сколькихъ прелестныхъ качествъ лишило бы Борнса ученье! Посмотрите на его земляка дидактика Томсона. Природа не поскупилась съ нимъ; но онъ воспитывался въ Единбургѣ, жилъ въ Лондонѣ и Богъ да «Четыре времени года» знаютъ какъ много природныхъ впечатлѣній стерло съ него прикосновеніе городовъ. Если бы Борнсъ зналъ по-Латыни и по-Гречески, онъ бы, можетъ быть, послѣдовалъ дружескимъ совѣтамъ добраго доктора Мура, который такъ часто увѣщевалъ его заняться изученіемъ древности, не тратить своего генія по-мелочи, и предпринять какую-нибудь «большую поэму», въ которой бы

могъ щедрою рукою разсыпать цвѣты мнелогіи. Тогда, желая увеличить кругъ своихъ читателей, онъ, вѣроятно, промѣнялъ бы даже илюэ Шотландское нарѣчіе на пошлый языкъ столицы.

Но къчастію Борнсъ былъ невѣжда, и совѣты пріятелей не сгубили его. Онъ не покидалъ своего Шотландскаго языка и не принимался за классическую трубу, чтобы воспѣвать героевъ Греческихъ и Римскихъ.

Какое нѣжное, ненадежное растеніе геній! Какое стеченіе обстоятельствъ нужно, чтобы оно могло существовать. Борнсу не довольно было для этого, чувствительнаго сердца и пламеннаго воображенія; надобно было еще, чтобы сѣмя его таланта разлилось подъ вліяніемъ эпопучія, а цвѣтокъ былъ укрытъ невѣжествомъ!

Впрочемъ не подумайте, что я прославляю невѣжество и рекомендую его какъ вѣрное средство имѣть геній. Избави Богъ! Надобно знать, что въ Шотландіи поселяне совсѣмъ не такіе невѣжды какъ во Франціи или другихъ странахъ. Все сельское пародонаселеніе въ Шотландіи получаетъ нѣвѣстную степень образованія, нравственнаго и практическаго, и оттого въ этой странѣ больше общаго просвѣщенія и гораздо меньше пороковъ чѣмъ въ другихъ земляхъ. Преступленія случаются тамъ чрезвычайно рѣдко; религія и семейственныя добродѣтели уважаются всѣми. Большая часть Шотландцевъ занимается основательнымъ ученіемъ, и свѣтъ науки, отражаясь отъ высшаго и средняго классовъ, разливаетъ живительные лучи свои и на ту часть народа, которая не блестеть собственнымъ сіяніемъ. Шотландія есть, безъ сомнѣнія, самая блестящая точка на земномъ шарѣ, уголокъ планеты, гдѣ человекъ и образованность, истинная образованность, полнѣе, ровнѣе и успѣшнѣе разви-

лись нажели да-либо. Въ этой землѣ, еще болѣе чѣмъ въ другихъ частяхъ Трехъ Соединенныхъ Королевствъ, вы безпрерывно услышите великое слово Англійскаго языка, слово, которое производитъ чудеса, — слово *improvement*, «улучшение, усовершенствованіе». Отличнѣйшіе Шотландскіе поэты, Олленъ Рамсе, Робертъ Фергессонъ, Робертъ Борису, вышли изъ класса поселянъ. Олленъ Рамсе (*Allen Ramsey*), котораго прѣзвали Шотландскимъ Теоокритомъ, былъ, какъ полагаютъ, сынъ работника, состоявшаго при санниковыхъ рудникахъ въ графствахъ Говтоунъ и Лидъ Гилльсъ. Онъ родился въ небольшомъ селѣ на берегахъ Гленгондара, небольшой рѣкѣ, впадающей въ Клейдъ. Еще и понинѣ показываютъ путешественники, сѣды этого села. Вначалѣ прошлаго вѣка, онъ прѣхалъ въ Единбургъ и опредѣлился ученикомъ къ фельшперу; ему было тогда лѣтъ четырнадцать или пятнадцать. Почувствовавъ склонность къ поэзіи и написавъ стихи на Шотландскомъ нарѣчьи, онъ сдѣлался книгопродавцемъ и вступилъ въ связи со многими литераторами и молодыми светскими людьми. Въ 1791 году онъ издалъ въ Лондонѣ свои стихотворенія, который былъ принятъ публикою съ большимъ одобреніемъ; потомъ собраніе національныхъ молодыхъ людей вождь заглавіемъ *Еуеггрепъ-Возмодельныя*, и успѣвъ ихъ, былъ таковъ, что многіе начали подражать ему. Въ Единбургъ вошло въ моду писать стихи на любимомъ языкъ своей любезной; поэты превратились въ сдѣлать и влюбленныхъ вступниковъ. Робертъ Фергессонъ произродилъ изъ среды ихъ столь много. Онъ, подобно Рамсе, любилъ дѣлать на Шотландскомъ нарѣчьи и сочинять болѣею частью городскія идилліи. Его посланіе къ королю черезъ Тронъ-Кирк, исподенное исподражательному доводу, достигнута до, какъ и многи другія его произведенія.

Начиная писать, Борисъ читалъ Олленъ Рамсе, но не зналъ Фергессона. Познакомившись съ его произведеніями, онъ полюбилъ эту чувствительную, пылкую душу, это юное воображеніе, которое не разъ вдохновляло его. Узнавъ, что на могилъ Фергессона нѣтъ даже камня, Борисъ тотчасъ написалъ къ Единбургскому начальству и, не безъ труда, получилъ позволеніе воздвигнуть ему небольшой памятникъ на свой собственный счетъ. У нихъ было общее отечество, одинакій талантъ, одинакое сердце, одинакое счастье: кто же лучше Бориса могъ понимать Фергессона? Жизнь обоихъ была отравлена лишеніями всѣхъ родовъ и нравственными страданіями неузнаннаго гения: но Фергессонъ не такъ жалокъ какъ Борисъ, потому что умеръ двадцати лѣтъ отъ роду, не оставилъ послѣ себя ни жены ни дѣтей; плакалъ только о себѣ и терпѣлъ голодъ одинъ. «Страшусь тебя, рокъ строгій и неумолимый, страшусь тебя въвѣкъ страхомъ поэта, супруга, отца!» писалъ Борисъ передъ своею смертію.

Борисъ, какъ и Рамсе, писалъ сельскія эклоги, дружескія посланія, любовные романы, національныя пѣсни, деревенскія сказки. Онъ не сѣдовалъ за нимъ только на классическое поприще, гдѣ Рамсе неудачно пытался подражать Англійскимъ поэтамъ, школы Пэна. Подобно Роберту Рамсе, Борисъ отличается живостию своихъ контуръ, истинною картиною, простотою слога и «юморомъ»; но онъ превосходилъ своего предшественника теплою и пылкостью души. У него вы никогда не найдете литературной обработки, кабинетныхъ красотъ. Онъ живетъ на чистомъ воздухѣ, посреди природы. Муза его не изъ тѣхъ, которыя вадятъ въ деревню только въ хорошую погоду, чтобы отдохнуть отъ восхитительныхъ земныхъ трудовъ; не изъ тѣхъ знатныхъ музъ, которыя воспѣваютъ только избранныю

природу, которыхъ леса, какъ у Виргилія, всегда достойны консула и которыя выносятъ любовь свою изъ города, чтобы помечтать о ней въ усыпанной пескомъ аллеѣ или на берегу искусственной рѣки. Муза Бориса — настоящая деревенская муза: она живетъ подъ соломенной кровлею, встаетъ съ солнцемъ, сама запрагаетъ воловъ въ плугъ, орошаетъ пашню своимъ потомъ, ѣстъ овсяный хлѣбъ, не откажется завернуть водъ-часъ и въ кабакъ, чаще говорить о макъ, чѣмъ о тильманнахъ, о лужахъ, чѣмъ объ озерахъ, объ уткахъ, чѣмъ о людяхъ и любитъ только въ деревнѣ: можетъ быть по этому-то она такъ и непостоянна. Съ такой проводницей, мы далеко отъ бударовъ и парниковъ, дышимъ чистымъ воздухомъ, и все оживляется, все говоритъ сердцу, все занимаетъ и воспаляетъ насъ! Тогда-то вполне чувствуемъ соотношенія природы съ тѣмъ, кто ее любитъ и въ ней живетъ; тогда нисколько не заботишься о важности сюжета, о правильности формы, и обо всѣхъ этихъ педагогическихъ мелочахъ: потому что тогда ясно понимаешь, что поэзія есть чувство, слогъ не что иное какъ ея прозрачная оболочка, и что настоящий блескъ свой онъ долженъ заимствовать отъ внутренняго свѣту.

Не забывая разстоянія, отдѣляющаго живопись «въ своемъ родѣ», de genre, отъ картинъ историческихъ, вслѣдъ за именемъ всеобъемлющаго Шекспира можно поставить имя Бориса, какъ поэта наиболее одареннаго природою. Отличительными его качествами были тѣ самыя, которыя всего необходимыя для поэта: глубокая чувствительность, сердце, расположенное и къ любви и къ ненависти, но особенно къ любви въ обширномъ смыслѣ этого слова, любви къ женщинамъ, любви къ отечеству, любви къ природѣ. Къ этому присоединилась у него душа благородная, исполненная сознанія собственнаго достоинства, безкорыстная до малѣйшаго, мужественная, непреклон-

ная въ несчастіяхъ; умъ, убранный шпоромъ, веселость котораго нисколько не сушила сердца; чувствительность, источникъ добра и зла; качества и недостатки; но также и поэзія; наконецъ блестящее воображеніе, которае оживляетъ въ картины колоритомъ самыя свѣжнмъ, самыя обворожительныя, но выѣсть съ тѣмъ и самыя впрныя.

Если нужны сравненія неизвѣстныхъ предметовъ съ болѣе извѣстными, то мы бы сравнили Борнса съ Ласонтеномъ, по-крайней-мѣрѣ въ некоторыхъ отношеніяхъ. То же насѣдливое простодушіе, та же кроткая философія, та же нежность души, та же любовь къ природѣ, та же соболъзованіе ко всемъ страданіямъ. Но Шотландскій поэтъ имѣетъ то преимущество передъ Французскимъ, что у него болѣе поэтическій языкъ, болѣе поэтическая родина, и потому онъ гораздо чаще увлекается въ области, которыя лежатъ гораздо выше комической поэзіи; версификація его тверже, въ слогъ больше образовъ. Пересмотря главнѣйшія изъ его стихотвореній.

Въ «Видѣніи», *The vision*, поэту является Коила, сельская муза Шотландіи. На широкомъ зеленомъ плащѣ ея онъ видитъ землю, очень знакомую ему, землю родины, съ ея рѣками, которыя теряются въ моряхъ съ ея горами, которыя исчезаютъ въ облакахъ и съ геройскими потомками Валлеса, которые поражаютъ непріятели на южной границѣ, между-тѣмъ какъ тѣнь короля Коила бродитъ вокругъ своей юглы. Муза, ласково, какъ старшая сестра, принимаетъ на себя покровительство его юному гению, и рать его съ скромнымъ знаніемъ деревенскаго поэта, совѣтуетъ ему предаться судьбѣ своей, пребретать богатства и милость сильныхъ, проситъ чтобы онъ тщательно поддерживалъ свое мелодическое пламя, сохранялъ достоинство человека; наконецъ муза обѣщаетъ, что Небо всегда будетъ ему защитой;

и при этихъ словахъ она обвиваетъ голову барда вѣткою остролиста: гладкіе его листья и красныя зернышки шуршать, игралъ; и муза какъ мимолетная мысль, исчезаетъ въ лучъ свѣта.

Идея стихотворенія «Эрскіе мосты»; *The Brigs of Ayr*, внушена ему была, по всей вѣроятности, стихотвореніемъ Фергессона «*The Cause way and the rain-stones*». Въ этомъ веселомъ разговорѣ Фергессонъ противопоставляетъ другъ другу разнаго рода людей, которые ходятъ по улицъ и тротуарамъ Эдинбургскимъ. Борнсъ въ своемъ стихотвореніи сатирически сравниваетъ старинныя нравы жителей Эра съ новыми; но онъ не заключается въ тѣхъ же предѣлахъ какъ Фергессонъ. По волѣ его воображенія оба моста оживляются.

Когда хлѣбные снопы одвигаютъ зимній покровъ свой, когда картофель складывается въ плотныя кучи, чтобы защититься отъ льдистаго дыханія зimy; когда пчелы, весело отдыхая отъ лѣтнихъ трудовъ, на добычъ, собранной съ безчисленнаго множества цвѣтковъ и распуколокъ, и воздержно прикрытой воскомъ; осуждаются на смерть человѣкомъ, тираномъ всѣхъ существъ, который слабѣе его, и задыхаются отъ дыму; когда ружья гремѣтъ повсюду; когда раненыя птицы, крылатыя полевныя семейства, отцы, матери, дѣти валяются въ лужахъ общей крови, или разлетаются вдаль; когда цвѣтки уже не растутъ на лугу; когда въ лѣсахъ уже не раздаются воздушныя концерты; когда передъ восходомъ солнца появляется на деревьяхъ бѣлый иней; въ это-то время постъ, выгоявляемый изъ постели прихотью, а можетъ быть и заботами, идетъ самъ не зная за чѣмъ и куда. Колоколь на уснувшемъ бельведерѣ бьетъ два часа, и Валлесова башня повторяетъ эти удары. Рѣка Фортъ, вздымаемая приливомъ, выступаетъ изъ береговъ, и нарушаетъ ночное спокойствіе своимъ хриплымъ голосомъ.

Все остальное безрозовно какъ сонкнутые очи при роды; молчаливая луна, съ высоты небесъ, разливаетъ свѣтъ свой на деревья и на башню; холодный вѣкъ, подь серебрястыми лучами, спускается легкими слоими на потокъ, озаренный блестящими свѣтомъ. Вдурь онъ слышитъ съ обзихъ сторонъ мдрные удары крыльевъ, которые свищутъ въ воздухъ, и передь нимъ являются двѣ мрачныя формы, старый и новый Эрскій мосты. Эти два призрака сходятся и шчидзуютъ споръ о качествахъ прошедшаго и настоящаго, споръ, который больно было бы слышать, если бь его не прервала, не утишила волшебная вереница сельскихъ добродѣтелей, которые пляшутъ на тонкомъ льду, едва сгибая его ногами; впередь ихъ идетъ почтенный старикъ, геній рѣвки, котораго сѣдая голова увѣчана волнивыми линиями, а жваистыя ноги обиты морскими травами.

Самое важное соиченіе Бориса есть «The Cotter's Saturday night., Суботній вечеръ». Первой идеей и этого стихотворенія Борисъ обязанъ Фергессону. The Farmer's ingle, Камелекъ фермара» шачинается вечеромъ, по возвращеніи съ работы. Приемъ, который хозяйка дѣлаетъ мужу и его работникамъ, описанъ съ большею прелестію. После ужина начинаются разговоры о новостяхъ, о томъ что разрушало въ этотъ день однообразіе сельской жизни. Приходитъ бабушка; около огонька составляется кружокъ; внучки ея садятся подлѣ и между тѣмъ какъ веретено спускается вдоль темноцвѣтнаго ея платья, она рассказываетъ исторіи о колдуньяхъ и привидѣніяхъ. Между тѣмъ, фермаръ, утомленный дневными трудами, растянулся на деревянной своей кровати, которая стоитъ въ углу у камина; кошка и собака прыгнули къ нему, чтобы онъ приласкалъ ихъ; онъ лежа распределяетъ работы на завтрашній день. Жена, слыдуя его призыву, отдастъ приказанія двѣкамъ. Мало-по-

наду масло въ каминъ дотопаетъ, огонь тухнетъ; все жители дома одни за другими начинаютъ дремать и отправляются на покой. Въ заключеніи, шботь благословляетъ выжарившая и весь домъ его:

У Бориса дѣйствительно происходитъ въ полднѣ; земледѣлецъ возвращается съ работы; радуясь, что завтра утромъ можетъ спать безъ помехи. Вотъ его уединенная хижина, овиенная старыми деревьями; вотъ его маленькія дѣти бѣгутъ на встрѣчу отцу; спотыкался и весело покрикивая. Блестящій огонекъ въ каминѣ, чистота во всей комнатѣ; улыбка его хозяйки и лепетаніе малютокъ, который всмрабакиваетъ ему на колѣно, все заставляетъ его забыть усталость. Старшія дѣти, который находится въ услуженіи, на другихъ вечерахъ, къ вечеру собираются. Дженинъ, дочь-невѣста, приноситъ къ отцу и матери деньги, которые она сберегла изъ своего жалованья. Вся эта первая часть стихотворенія исполнена такой же спокойной внимательности, какъ и у Фортесона; но во второй половинѣ у Бориса является молодой человекъ, который влюбленъ въ Дженинъ и почтительно ее провожаетъ; когда котомъ, послѣ ужина, все семейство становится на колѣни и возсылаетъ къ Богу общую молитву, Борисъ далеко оставляетъ за собою прелесть образецъ свой. Это стихотвореніе; какъ кажется, написано въ память отца, и тогда оно дѣлаетъ честь обонмъ.

Въ сказкѣ «Два собаки», *The two dogs*, мораль является въ видѣ не столь строгомъ. Это стихотвореніе можно было бы взять для того, чтобы сравнить Бориса съ Лэфонтемомъ, хотя Борисъ всегда поэтъ несравненно высшій, чѣмъ Французскій баснописецъ. Въ одинъ прекрасный июньскій день встрѣчаются два собаки: Одна изъ нихъ, Цезарь, звѣръ щегольскій, иностранецъ, привезенный изъ далей, куда моракъ ходитъ ловить треску; прекрасный его бронзовый

ошейникъ съ гравированными словами, показывающъ, что онъ, джентльментъ и ученый; онъ, однако жъ, этикъ не почитаетъ. Другая собака Ауаъ (или Фидгаловой собаки у Освіана) съ бѣлою грудью и черною густою шерстью на ямкѣ, принадлежитъ земледѣльцу, безумному стирокришателю. Поимавшимся дружными часами, таскають, прогнать и мѣшей, побегать, порывавшия, уютенныя удовольствіемъ, онъ садится радыйкомъ и начинаютъ разсуждать о томъ кто царь природы. Цезарь онъ съмѣявъ прамиче богатства знатныхъ господъ. Мой баринъ собираетъ драгоценныя со своихъ капиталовъ, получаетъ отъ серафимовъ иплатъ и разные привасы; онъ смитъ сколько хриеть; позннмать и лакея прибераютъ; желтъ, полатъ карету; великъ полатъ керховую лонмалъ; вышмаетъ изъ кармана шельковій кошелекъ длиннымъ какъ мой хвостъ; а червошець, свачини желтыми глазами, досматриваетъ сквозь щелки. . . . Шуръ каждый боиній день съ утра и до вечера. Но онъ, Цезарь, не постигаетъ, какъ могутъ жить другіе люди, бѣдныя. Ауаъ признается, что иногда онъ перпаетъ и голыя и холоды; но потомъ ошодываетъ жиныи и краскани, какъ онъ висаитца въ вралмикъ, хоть бы въ Новыи людъ. Это описаніе оканчивается двумя отмыка, какъ котерныи преданій восходитъ цити до высшаго слоюя простолюдинаю естественностию.

• My heart has been so faint to see them,

That I for joy have barkit wi' them!

«Сердце мое такъ развѣжилось при видѣ ихъ бѣдныхъ утѣхъ, то и я, съ радосты, сталъ выть вмѣстѣ съ ними.»

Мы не должны даже разбирати этой предостовой сказки, чтобы не испортить ее въ изложеніи, предисловіемъ и безцвѣтною. Надобно читать ее въ оригиналѣ, чтобы долуניתъ понятіе объ этой поэзіи кровной, жизненной, и самоубитной.

Но Борнсъ не всегда такой оптимистъ, какъ въ этомъ апологъ: иногда онъ возсылаетъ къ небу крикъ отчаянiя, какъ напримѣръ въ «Зимней ночи», *A Winter Night*, въ «Зимъ», *The Winter*, въ посланiи «Къ Разрушенiю», *To Ruin*, въ одѣ «Унынiе», *The Despondency*, которая начинается горькою жалобою:

«Oppress'd with grief, oppress'd with care,
A burden more that I can bear,
I sit me down and sigh:
O life! thou art a galling load,
Along a rough, a weary rode,
To wretches such as I!»

«Угнетенный печаломъ, угнетенный заботами, подъ бременемъ, котораго тяжесть превосходитъ мои силы, сажусь я, и вѣдыхаю: О жизнь, ты — убійственная тяжесть на дорогѣ, верховной и мучительной, для бѣдняковъ такихъ какъ я!»

Невозможно также читать безъ глубокаго чувства «Молитвы», написанной Борнсомъ подъ гнетомъ жгучейшей горести.

«O Thou, Great Being! what thou art
Surpasses me to know;
Yet sure I am, that knowu to Thee
Are all Thy works below.
Thy creature here before Thee stands,
All wretched and distrest;
Yet sure those ills that wring my soul
Obey Thy high behest.
Sure Thou, Almighty, canst not act
From cruelty or wrath.
O, free my weary eyes from tears!
Or close them fast in death!
But if I must afflicted be,
To suit some wise design;
Then man my soul with firm resolves
To bear and not repine!»

«О Ты, Великое Существо! кто ты таково, это превосходитъ мои познания; но я убѣжденъ, что познаны тебѣ вся твои созданiя здѣсь долу. — Стоишь передъ Тобою творъ твой, вся растерзанная горемъ, вся изрваная скорбью: и, конечно, вся эти бѣдствiя, которыя убиваютъ духъ ея, повинуются твоему высокому велѣнiю. — Я вѣрю,

Всесильный, что Ты не действуйшь на не жестокосердно на не внушенія дѣла. О, удоволь же мои измученые глаза отъ слезъ, или поскорѣй затми ихъ смертью! — Но если я долженъ скорбѣть для сообразности съ Твоими мудрыми предначертаніями, то укрѣпи меня по-крайней-мѣрѣ твердостью, чтобы я могъ вѣсти скорбь и не роптать!»

Ненависть къ фанатизму и лицемерію пресвитеріальнѣ внушила Борису Holy Willie's prayer, «Молитву святаго Вилья», Kirk's Alang, и другія стихотворенія въ томъ же духѣ. Но сарказмъ и ненависть овладѣвали имъ только случайно, на короткое время: сердце его было болѣе склонно къ ощущеніямъ тихимъ и кроткимъ. Прекраснѣйшія свои вдохновенія муза Бориса почерпаетъ изъ его чувствительнаго сердца. Онъ печально рассказываетъ, какъ подстрѣленный заяцъ бросился ему въ ноги и тутъ умеръ, или какъ онъ, проходя по Лохъ-Ториту, дикому мѣсту въ горахъ Аухтертайръ, слугнулъ гагару, или разорвалъ плугомъ гнѣздо полевой мыши, или затопталъ бѣдную незабудку, и вы удивляетесь сами, что рассказы о подобныхъ несчастіяхъ васъ трогаютъ.

Любовь къ отечеству, къ прекрасной его Шотландіи, иногда исторгаетъ у него звуки смѣлые и мужественные. Въ рѣчи Роберта Бруса къ войску, на-канунъ Баннокборнской битвы, волянка Шотландскаго поселанина возвышается до самыхъ торжественныхъ и прекраснѣйшихъ звуковъ древней лиры. Высокій комизмъ, остроуміе и воображеніе, блестятъ яркими красками въ стихотвореніяхъ «Смерть и докторъ Горнбукъ», The Death and doctor Hornbook, «Посланіе къ Лъшесу», Adresse to Deil, «Нищія на веселье», The jolly beggars, и «Шотландскіе напитки», Scotch drink. Въ послѣдней піесѣ находится слѣдующая прелестная строфа, въ которой поэтъ обращается къ Ивану Ерофеичу на Шотландскомъ нарѣчій:

•Food fills the wame, an' keeps us livin':
Though life is gift no worth receivin',

When dragg'd wi' pain an' grievin',
 But oil'd by thee
 The wheels o' life gae down-hill, scrievin',
 Wi' rattlin' glee.

«Пищею наполняется желудокъ, и она согреваетъ насъ въ зимнѣхъ, хоть жизнь — скверный подарокъ, если она нагружена печалью и заботами: но когда тобою. Ерофенчъ, помажешь колеса жизни, то скрипучій возъ съ катать какъ-будто съ горы, съ веселымъ шумомъ.»

Просвѣщеннымъ читателямъ, конечно, извѣстно, что «Иваномъ Ерофенчемъ Хлебное-зернышко, John Bar-leucorn, называютъ въ Шотландіи и Англіи крѣпкое хлебное вино, whiskey, и крѣпкое пиво, ale. Мы бы могли, въ двухъ томахъ стихотвореній Бориса, избрать много піесъ, болѣе достойныхъ удивленія любителей прекраснаго, но эти блестящія картины совершенно поблекли бы въ прозаическихъ коніяхъ, и потому мы приведемъ только одну балладу, въ которой поэтъ-поселеникъ такъ мило изобразилъ преданіе о Иванѣ Ерофенчѣ, превративъ, въ обстоятельства жизни своего героя, подробности винокурнаго производства.

ИВАНЪ ЕРОФЕНЧЪ ХЛЕБНОЕ-ЗЕРНЫШКО.

БАЛЛАДА.

«Были три царя на Востоцѣ,
 Три царя сильныхъ и великихъ;
 Поклялись они, бусурманъ,
 Известъ Ивана Ерофенча Хлебное-зернышко.
 И вырыли они глубокую борозду, да и бросили отъ нѣс,
 И падали земля на его головушку;
 И калялись они, бусурманъ,
 Что назвали Ивана Ерофенча Хлебное-зернышко.
 Но какъ скоро пришла святая веснушка,
 И полились теплые дождики,
 Иванъ Ерофенчъ Хлебное-зернышко всталъ изъ могилы,
 Къ великому страху искрестей.»

А когда засветило лютное солнышко,
 Онъ возмужалъ, сталъ толстѣ и силѣтъ,
 И голова его вооружилась острыми копылами,
 Такъ, что онъ никого не боялся.

Но послалъ осенью царь бусурманскіе злую колдунью,
 Отъ колдовства которой онъ поблѣкъ и пожелтѣлъ:
 Его подкосившіяся копытца, его позникнутая головка,
 Показывали, что пришелъ ему конецъ.

Цвѣтъ его исчезалъ болѣ и болѣ,
 Сталъ онъ, родимый, хилъ и старъ:
 Тогда-то враги его, бусурманъ,
 Навали на него съ бѣшенствомъ.

Взяли они, оклявшие, мечъ кривой и острый,
 И подрезали ему копыта,
 И, связавъ накрепко, бросили въ телегу,
 Какъ вора или разбойника.

Положили его на спину,
 И давай колотить дубинами;
 А потомъ еще повесили его, бѣдвягу,
 И вертели на вся стороны.

Наконецъ налили большую кадку
 Водой полно-полнехонько,
 И бросили туда Ивана Ерофеевича Хлебное-зернышко:
 Пусть его утонетъ, сгниетъ, пропадетъ!

Но пить, раздумали: вынули его изъ воды,
 И положили на доску, чтобъ еще помучить:
 Какъ воть онъ опять оживаетъ!
 Они начали его таскать и трести;

Да жарить на огнѣ, чтобъ весь мозгъ
 Изсушить въ костяхъ его.
 Но одинъ кельвинъ болѣе всѣхъ нѣтъ сдѣлалъ ему худо:
 Онъ ему всѣ косточки измялъ, наломалъ, межъ двухъ камней.

Тогда выжали они кровь изъ его сердца,
 И начали всѣ пить кровь его:
 И чѣмъ болѣе пили его крови,
 Тѣмъ веселѣе становились.

Потому что Иванъ Ерофеичъ былъ славный богатырь,
И рыцарь хоть куда!
И тотъ, кто вкуситъ его крови,
Мигомъ дѣлается сама хрибрецокъ!

Кровь его заставляетъ забыть ась горе,
И радость будить въ сердцѣ:
Отъ вся и злова станетъ смѣяться,
Хоть бы у ней были слезы на глазахъ.

Да здравствуетъ Иванъ Ерофеичъ!
Наполнимъ въ честь ему стаканы,
И пожелаемъ, чтобы его потомство
Всегда жило и здравствовало въ Шотландіи.

У насъ, въ Россіи, нѣтъ недостатка въ поэтахъ изъ того же класса народа, къ которому принадлежалъ Борнсъ: почему бы намъ, напримѣръ, не воспѣвать такъ мило славнаго богатыря Ивана Ерофеича, вѣдъму Сивуху Карповну, и другихъ этого рода героевъ, которыхъ похождения превосходятъ имъ извѣстны?..... Нѣтъ, они пишутъ эпиграммы, поклоняются Мечтъ, не думая о томъ, что для такихъ предпріятій нужно по-крайней-мѣрѣ знать Русскую грамматику!

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ эротическихъ и лирическихъ произведеніяхъ Борнса, которымъ Томасъ Муръ подражалъ въ своихъ «Ирландскихъ мелодіяхъ», — сколько остроуміе можетъ подражать гению. Большая часть этихъ пѣсень написаны, по желанію книгопродавца Томсона, на голосъ извѣстныхъ народныхъ пѣсень. Иногда въ нихъ блеститъ веселость, но большею частію они нѣжны, заунывны, исполнены тихой тоски. Всѣ эти маленькія страстныя идилліи обставлены прекраснѣйшими видами, которые списаны съ природы: въ примѣръ можно назвать — *Lea rig, Soldier's return, Logan water, Bonny John, Highland Mary*, и особенно *Mary in keachen, John Anderson* и *My jo*. Но все благоуханіе этихъ

прелестныхъ романсовъ исчезло бы при переложени
ихъ въ прозу: объ нихъ можно сказать то же самое,
что Борнсъ говорить объ удовольствiяхъ —

•But pleasures are like poppies spread:
You seize the flower, its bloom is shed!•

•Но удовольствiя — какъ расцвѣтшiе маки: вы срываете цвѣтокъ,
и вся его лепесточки осыпались!•

И точно, это цвѣтки слишкомъ нѣжные: надобно
вдыхать ихъ аромать, пока они еще на корнѣ.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЕСТЕСТВЕННАЯ

ИСТОРИЯ НАУКОВЪ И БЕЗКРЫЛЫХЪ

НАСЪКОМЫХЪ.

Въ предѣлахъ животнаго царства едва-ли найдется область любовитѣе и обильнѣе чудесами, достойнымъ вниманія естествоиспытателя и философа, чѣмъ этотъ отдѣлъ мелкихъ существъ, которыхъ мы называемъ насѣкомыми. Слѣтливость, трудолюбіе, промышленность, странные инстинкты и удивительныя орудія, которыми надѣлана ихъ природа, дѣлаютъ ихъ чрезвычайно занимательными для того, кто слѣдитъ пути творческой Силы въ ея произведеніяхъ. Можно сказать, что нигдѣ могущество этой Силы не являетя съ такимъ блескомъ и такимъ неисчерпаемымъ разнообразіемъ средствъ, нигдѣ оно не изучаетъ столько наблюдателя, какъ въ существахъ самаго малаго размѣра. Мы презираемъ эти крошечныя племена, на пыля даже смотримъ съ отвращеніемъ, а между-тѣмъ они составляютъ одно изъ ве-

* Histoire naturelle des aranéides et des aptères, ouvrage accompagné de planches, par M. le baron Walckenaer, membre de l'Institut de France. Paris, 1837. Tome premier.

лучайших чудесъ созданія и лучше всего даютъ намъ ястру величїи Создателя. Наблюденія млекопитающихъ животныхъ, къ разряду которыхъ принадлежимъ и мы сами, можно сказать, съорте степеняють понятїя наши въ этомъ отношенїи, нежели служатъ къ ихъ распространенїю : въ самокъ дѣлѣ, существа класса млекопитающихъ, слишкомъ положїя на челоуѣка видомъ, органами и отправлениями, вездѣ намъ представляютъ то же, что мы видимъ и въ себѣ самихъ, съ тѣмъ только различїемъ, что образъ нашъ, физическій и нравственный, постепенно въ нихъ понижается до безобразїя тѣснаго и до послѣдней тупости умственной, и природа, степенная однообразностью формъ, какъ-будто приходитъ въ упадокъ, перестаетъ быть изобрѣтательною и вырождается. То же самое должно сказать о птицахъ, гадахъ и рыбахъ: эти классы состоятъ изъ образцовъ еще большаго упрощенїя начала, по которому созданъ челоуѣкъ, до того что въ змѣй и рыбѣ природа какъ-бы истошилась и уже не могла даѣе разнообразить избраннаго типа, достигши до крайняго предѣла грубости въ отдѣлкѣ животныхъ формъ и инстинктахъ. Но стоить только проникнуть взоромъ въ область наѣжкошыхъ, чтобы увидѣть ее снова могущественною, неисчерпаемою на выдумки и средства, изобрѣтательною и предприимчивою до безконечности. Здѣсь она начинаетъ дѣйствовать по новому плану и строитъ совершенно другїе чертоги для жизни; одна члена умножаетъ, другїе отащиваетъ вовсе; новые инстинкты и какъ-бы новый родъ ума вселяетъ она въ эти странныя существа, и вы яхъете передъ собою жїръ самобытный, полный приборъ поволтвїй, изобрѣтательныхъ какъ-бы для другой планеты. Когда и въ этомъ отдѣленїи, перейдя нѣсколько классовъ, она истошится и достигнетъ до грубыхъ формъ устрицы и полипа, вы опять ее увидите начинающею дѣло свое изнова: она переходитъ съ живоотною жизнью за предѣлы нашего зрѣнїя и создаетъ въ каплѣ воды незримыя племена, которыхъ необычныя формы, органы, инстинкты, словомъ весь бытъ, являютъ третїй планъ творенїя и своей самостоятельностью, своимъ отдѣльнымъ совершенствомъ опять возбуждаютъ крайнее удивленїе натуралиста, вооруженнаго микроскопомъ. Мы еще не имѣемъ средствъ читать сокровенныя тайны воздуха, какъ чи-

таемъ тайны воды помощію этого орудія; но явтъ сомнѣніи, что воздухъ также наполненъ племенами живыхъ существъ безконечно малаго объема; существъ, подлѣ которыхъ инфузоріи могутъ похвастаться словами и величинами; впрочемъ, заждающая Сила вселенной перемѣляетъ здѣсь еще разъ образъ своего дѣйствія и формы тварей, и когда-нибудь новое изумленіе передъ ея непостижимымъ искусствомъ будетъ наградою усилій человека, котораго рука Творца ведетъ постепенно, черезъ безчисленные ряды открываемыхъ ему чудесъ, къ несомнительному познанію мудрости и благодати своего провидѣнія.

Мы уже много разъ имѣли случай въ этомъ журналѣ знакомить его читателей съ замѣчательными припрѣтами промышленности, хозяйства, смѣтливости, даже вкуса, насекомыхъ. Не намѣреваясь входить здѣсь въ общее разсужденіе объ этихъ замѣчательныхъ предметахъ энтомологіи, мы напомнимъ только двѣ пространныя статьи, которыя посвящены были зодчеству насекомыхъ и естественной исторіи пчелы. Какое извѣстительное занятіе, какой обильный источникъ удовольствія и поученія, могли бы составить для себя въ сельскомъ уединеніи многіи образованныя особы, запасшись микроскопомъ и посвятивъ часы скуки наблюденію нравовъ и инстинктовъ этихъ любопытныхъ животныхъ! Тотъ самый козарь, который надбѣгаетъ насъ въ деревнѣ, сдѣлался бы для нихъ предметомъ изысканій, не только интересныхъ, но и полезныхъ для науки. Видѣнный въ микроскопъ козарь теряетъ всю свою пошлость, и даже отличается весьма красивыми формами, а въ отношеніи къ своимъ правамъ онъ можетъ назваться удивительнымъ животнымъ. Нѣтъ ничего любопытнѣе способа, какимъ онъ несетъ яйца. Первое дѣйствіе самки козара, въ подобномъ случаѣ, состоитъ въ томъ, что она укрѣпляется передними ножками на краю сосуда или пловучаго листочка, между-тѣмъ какъ ея тѣло держится въ горизонтальномъ положеніи надъ водою, исключая послѣдняго кольца хвоста, которое немного приподнято: тогда она скрещиваетъ заднія свои ножки въ видѣ Х; приподнимаетъ внутренній уголъ сложившихъ ножекъ какъ можно ближе къ приподнятой части тѣла, и кладетъ туда яичко, по обыкновенію прикрытое липкою жидкостью. Съ каждой

стороны первого личка кладетъ она потомъ два другія, которые держатся вмѣстѣ посредствомъ клейкаго вещества, образуя фигуру : эти три личка составляютъ дво будущаго плотника. На этомъ треугольничкѣ она кладетъ личка одно за другимъ всё вертикально, и въ то же самое время тщательно уравниваетъ ихъ спрещенными ножками, чтобы придать имъ видъ правильной кучки. Но швъ того какъ кучка личъ возрастаетъ, она болѣе и болѣе отодвигаетъ ее отъ себя; и когда работа вполнину сдѣлана, животное разнимаетъ ножки и выпрямляетъ ихъ параллельно, потому что угловое ихъ положеніе уже не нужно для окончательнаго образованія плотника. Плотникъ падаетъ въ поверхность воды. Тутъ самка допмняетъ его нужнымъ числомъ личекъ и принимаетъ весьма искусныя швы, чтобы онъ не утоувъ. Каждый такой плотникъ заключаетъ въ себѣ отъ двухъ сотъ пятидесяти до четырехъ сотъ личекъ. Когда всѣ плотники спущены на воду, самка оставляетъ ихъ на произволь судьбы, и они плаваютъ. Птенцы выклеваются черезъ нѣсколько дней: выходъ ихъ начинается съ нижняго конца. Тогда плотникъ, состоящій уже изъ пустыхъ шелухъ личекъ, носится по водѣ до-тѣхъ-поръ; пока дѣйствіе воздуха или движеніе воды не уничтожатъ его остатковъ.

Плодовитость комаровъ, и почти всѣхъ насекомыхъ¹, превосходитъ понятіе: удивительно, какое множество личъ выходитъ изъ такого маленькаго тѣла, и притомъ въ столь короткое время! Réaumur доказалъ точными опытами, что одна травяная вошь, arbis, въ теченіе своей недолгой жизни можетъ сдѣлаться родоначальницей 5,904,900,000 штукъ потомства. Latgeille говоритъ, что самка насекомаго въ лѣтніе мѣсяцы, несетъ обыкновенно каждый день по 250 личъ, а по Réaumur'у въ одно лѣто выходитъ до двадцати воколннй нѣкоторыхъ породъ.

Лички насекомыхъ болышюю частію такъ мелки, что ихъ нельзя видѣть простымъ глазомъ; но, положенными подъ микроскопъ, они являютъ прекраснѣйшія и самыя разнообразныя формы и цвета и имѣютъ виды цилиндровъ, призмъ, вонусовъ, кружковъ, лодокъ, и прочая, какъ семена растений. Они бывають розовыя, красныя, зеленныя, желтыя, но самыя красивыя между ними — желтыя съ алмы

пятнышками; тогда какъ многія украшены прелестнѣйшими и чрезвычайно правильными колотчками, чешуйками, выуклыми и вогнутыми точками и фасетками какъ бриллы-ленты; нѣкоторыя снабжены ручками и стоятъ твердо; нныя покрыты волосками, пухомъ, и такъ далѣе. Весьма примѣчательно различіе между личками неоплодотворенными и оплодотворенными: первыя плаваютъ на водѣ, если ихъ разсыпать по ея поверхности, тогда какъ вторыя тонуть. Этими любопытными опытамъ обязаны мы доктору Reppie. Связь поляризаціи цветовъ съ поляризаціей магнитовъ, отъ чего зависить тяжесть, подтверждается также другими явленіями.

Не менѣе достоинъ вниманія способъ, какими многія насекомых обезпечиваютъ первое пропитаніе своихъ личицъ. Наскомое назвѣдникъ, наприкладъ, складываетъ лички свои въ тѣлѣ живой гусеницы, и личинки его выводятъ себя въ свѣтъ выходя. Нныя обнаруживаютъ при этомъ случаѣ удивительное мужество и хитрую изступительность природнымъ врагамъ своего племени. Разумется, что мухи не могутъ представить себѣ ничего ужаснѣе и вреднѣе паука, и что истребленіе этихъ свирѣпыхъ чудовищъ должно казаться имъ дѣломъ совершенно законнымъ; и одна порода мухъ такъ храбра, что отваживается складывать свои лички между яицъ паука. Какъ пауки болѣею частію покрываютъ свои яйца толстыми шелковистыми войлокомъ, и сверхъ-того сами берегутъ ихъ отъ враговъ, находясь всегда не въ дальнемъ разстояніи отъ гнѣздъ, то нѣкоторыя четверо-крылыя и, кажется, также нѣкоторыя дву-крылыя мухи, съ опасностью быть пойманными и убитыми самкою паука, подкрадываются къ ея гнѣзду, тихонько приподнимаютъ войлокъ, кладутъ подъ него свои лички, и, прикрывъ ихъ опять войлокомъ, стараются улетѣть незамѣченными изъ яйца. Вражьи яйца служатъ тогда пищею выклюнувшимся дѣтенышамъ проворной мухи. Самка паука тщетно ждетъ выхода своего потомства: истощивъ терпѣніе, она приходитъ личко въ гнѣздо, заглядываетъ подъ одѣяло, и съ бѣшенствомъ въ сердцѣ видитъ одиъ только пустыя шелухи своихъ яицъ, которыя для презрѣнной мухи были до-чиста, прежде чѣмъ удалилась изъ швейцарскаго стана, — достойное

возмездіе за всѣ опустошенія, которыя эта хищная порода производитъ съ нихъ невнимомъ плесени.

Ничто такъ сильно не убеждаетъ насъ въ томъ, что высокій расчетъ, а не слѣпой случай, руководствовалъ образованіемъ породы, — какъ устройство въ некоторыхъ насекомыхъ. Известно, что водяныя животныя видятъ очень плохо въ воздухѣ, а земляныя въ водѣ — и того хуже, что должно приписать разницѣ въ прозрачности и плотности двухъ стихій, къ которымъ одинъ и тотъ же глазъ не можетъ равно удобно приравняться. Но маленькій голопастикъ, которому назначено было жить пополамъ въ водѣ и въ воздухѣ, получилъ отъ предусмотрительной природы двѣ пары глазъ: одна изъ нихъ расположена въ верхней части лба и служитъ животному для зрѣнія въ воздухѣ; а другая, для воды, наодится посредственно подъ первую и отдѣлена отъ ней только тенью перепонкою. Какъ этотъ жучокъ плаваетъ въ водѣ только до половины тѣла, то нижніе глаза должны быть чрезвычайно для него полезны при избѣжаніи опасности отъ рыбъ и хищныхъ личинокъ, тогда какъ верхніе предостерегаютъ его отъ воздушныхъ враговъ. Не мните удивленія заслуживаетъ устройство сего жучка, потому что заднія совершенно приспособлены къ плаванію, а переднія, въ видѣ ручекъ, служатъ для схватыванія добычи: и въ то же время насекомое снабжено парюю широкихъ крылышекъ, для того чтобы могло изъ родной лужи, когда она высохнетъ, перелетать въ другую!

Личинки насекомыхъ представляютъ также наблюдателю множество чрезвычайно примѣчательныхъ явленій. Мышцелая сила въ этомъ мягкомъ тѣлѣ перѣдко удивительна. Докторъ Реннѣ былъ свидѣтелемъ, какъ одна обыкновенная гусеница, которую онъ помѣстилъ подъ стекляннымъ сосудомъ, подняла этотъ сосудъ вместе съ тяжелою книгою, положенною наверху его. Личинки многихъ насекомыхъ, чтобы защититъ себя отъ враговъ или укрыться отъ нихъ вниманія, дѣлаютъ себѣ скорлупу или плащъ изъ собственнаго своего помету, который онѣ для этого складываютъ у себя на спинѣ. Одѣяла эти, замѣчаетъ Kirby, не всегда такъ отпугивательны, какъ многіе про нихъ думаютъ: во многихъ случаяхъ, какъ у *Cassida maculata* и *imatidum leuayanum*,

они состоятъ часто изъ тонкихъ вѣтвистыхъ волоконъ излодобие жухъ и мелкихъ водяныхъ растений; одѣтыя ими личинки кажутся клочками сухой травы и не возбуждаютъ жадности неприятеля. Пре всемъ томъ, другія породы, которыя Réaumur не безъ основанія называетъ Готтентотами, далеко не такъ изящны и опрятны въ своихъ рукодѣльяхъ и облекаются чистымъ золотомъ. Одна изъ нихъ, довольно рѣдкая, которую недавно наблюдалъ Валлиспери (*stigocera meridigena*, *Leach*), является съ мая мѣсяцъ на Саломоновомъ Перствѣ и на другихъ лилейныхъ растеніяхъ и лепитъ прекрасныя вещи изъ этого «сырого матеріала»: подъ своимъ страннымъ балдахиномъ или павсомъ, *stigocera meridigena* на сколько не похожа на пасткомое; въ скортій примете ее за продолговатый шарикъ пережеванной травы, прилипшей къ лиліи. Жучекъ, который выходитъ изъ такой личинки, имѣетъ прекрасный темно-алый цвѣтъ и покрытъ мелкими выпуклыми точками. Валлиспери называетъ это пасткомое лилейною кантаридюю. Другой видъ того же пасткомаго попадаетъ гораздо чаще и былъ наблюдаемъ докторомъ Панцеромъ, который называетъ его *cicupella*: пасткомое это, въ своихъ обычаяхъ, совершенно сходно съ лилейною кантаридюю, только оно вполнину меньше и синяго цвѣту, съ такими же точками. Личинка зеленого жучка, *cassida squestrus*, которая обыкновенно живетъ на репейникѣ, надѣлена замысловатымъ механизмомъ парочно для совладанія съ подобнымъ кровомъ: на хвостѣ у ней есть вылаки, которыя она можетъ подымать и опускать для того чтобы по желанію носить выше или ниже свою странную крышу. Подобно предъидущей породѣ, эта личинка совершенно неожиданно превращается въ прекраснаго зеленого жучка, имѣющаго видъ черепахи, отъ чего ему и даютъ иногда названіе черепаховаго жука. Но всего примѣчательнѣе личинка стрекозы: на ней добровольно образуется маска, которою бы она могла пугать другихъ пасткомыхъ и такимъ образомъ избѣгать ихъ хищности. Личинка чрезвычайнаго любопытнаго пасткомаго, *tedavius personatus*, которое причисляютъ къ породѣ клоповъ, напротивъ того, не имѣетъ маски, и должна принять трудъ сама сочинить ее себѣ: она беретъ пылинки, кусочки волосъ, шерсти, цветочныхъ шелухъ и тому подобныя матеріалы и дѣлаетъ

себя такой уродливый костюмъ, что съ перваго взгляда вы должны признать ее за самаго ужаснаго паука. Ея непопорочливыя движенія немало способствуютъ къ довершевию этой фантастической наружности. Животное это можетъ, когда захочетъ, двигаться съ большою скоростью, но, для лучшаго эффекта своего маскарада, а иногда и для вѣрнѣшаго успѣха ловли, нарочно притворяется кускомъ мертваго вещества и подвигается съ крайнею медленностью: каждый разъ пререставляиваетъ оно только одну ногу, и, подлиннувъ ее впередъ, ждетъ нѣсколько времени прежде чѣмъ пошевелить слѣдующею, и такимъ же образомъ дѣйствуетъ всѣми прочими. Помощью пера или кисточки легко можно демаскировать этого плута: тогда, чуть до него дотронетесь, оно формально скидаетъ съ себя свой страшный покровъ и уходитъ, что есть мочи.

Одно изъ самыхъ любопытныхъ и доселѣ неразгаданныхъ явленій въ насѣкомыхъ, это ихъ свойство бѣгать по гладкимъ поверхностямъ, снизу вверхъ. Эта непонятная легкость какъ-будто исключаетъ ихъ изъ общаго закона тяготѣнія. Почему муха, бѣгая по зеркалу, вставленному въ потолокъ, не падаетъ на земь своею тяжестью, какъ вся другія тѣла? Много гипотезъ предложено было для объясненія этого обыкновеннаго, но тѣмъ не менѣе чуднаго, феномена. Невозможно предполагать, чтобы ихъ когти, какъ они тонки и остры на были, вшивались въ полированное стекло. Слѣдуетъ ли отнести это отсутствіе тяжести къ особенной внутренней или организаціи, какъ и свойство паука *aganea obstetrica летать безъ крыльевъ*? Это чудо природы заслуживаетъ всего нашего любопытства; и вообще естественная исторія пауковъ представляетъ столько необычайныхъ явленій въ животной природѣ, что вовсе не должно удивляться, если Г. Walckenaer, несмотря на отвращеніе, какое они въ насъ возбуждаютъ, избралъ отвъ безкрылыхъ ткацкія племена предметомъ особеннаго и тщательнаго изученія.

Если безкрылыхъ причислять къ большому семейству насѣкомыхъ, то можно сказать, что безкрылые представляютъ и самую крупную и самую мелкую породы этого подраздѣленія царства животныхъ; что ни въ одномъ изъ его другихъ классовъ нѣтъ такого разнообразія, странности и мнимои

неправильности въ организаціи; что ни одинъ не представляетъ примѣровъ такой удивительной промышленности и такой занимательности для человека, потому что въ этомъ именно классѣ встрѣчаются насекомыя, которыя питаются его тѣломъ и бывають причиною многихъ его болѣзней; что ни одинъ не имѣетъ болѣе обширныхъ соотношеній съ естественною исторіею другихъ животныхъ, потому что въ числѣ послѣднихъ нѣтъ на одного рода и даже можетъ быть, ни одной породы, которая бы не имѣла свойственныхъ ей чуждыхъ безкрылыхъ; что, наконецъ, ни какой классъ не представляетъ столь быстрого и столь сильнаго размноженія; что ни одинъ не живетъ въ столь различныхъ средахъ и не питается столь разнообразными веществами.

Съ другой стороны, тленосоставныя животныя, не имѣющія крыльевъ, представляютъ такое разнообразіе въ своемъ развитіи, въ своей организаціи, въ числѣ и положеніи ножекъ, въ дыхательныхъ органахъ, въ строеніи и соотношеніяхъ разныхъ частей рта, въ формѣ, числѣ и расположеніи глазъ у тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ есть глаза, въ формѣ и положеніи щупальцевъ, въ раздѣленіи тѣла, въ свойствахъ кожи, въ строеніи и положеніи второродныхъ органовъ, что Г. Walckenaer привужденъ былъ раздѣлить ихъ на довольно большаго числа группъ. Онъ составляетъ изъ нихъ три класса, которые дѣлятся на одиннадцать порядковъ, а эти потомъ подраздѣляются на племена, роды, семейства и исколѣнія; отличительными признаками всѣхъ этихъ подраздѣленій служатъ у него измѣненія въ наружныхъ органахъ.

Мы замѣтимъ только мимоходомъ, что эти многочисленныя раздѣленія и подраздѣленія не приняты другими энтомологами, известными по своей учености, и что самый характеръ безкрылыхъ, который бы долженъ былъ рѣзко отдѣлять этихъ насекомыхъ отъ всѣхъ прочихъ и следовательно быть самостоятельнымъ, встрѣчается въ столь многихъ другихъ насекомыхъ, что отъ этого произошли большія ошибки, какъ говорить и самъ Г. Walckenaer въ своихъ разсужденіяхъ о соотношеніи безкрылыхъ между собою и съ насекомыми другихъ порядковъ. Это могло бы служить рѣшительнымъ доказательствомъ того, что классификація животныхъ,

по однимъ наружнымъ органамъ, не всегда ведетъ къ хорошимъ результатамъ, если бы самымъ вѣрнымъ признакомъ несовершенства методы не было одно уже то, что въ ней можно по произволу принимать или отвергать родовыя раздѣленія.

Паукообразныя насекомыя, одни, которыми Г. Walckenaer занимается въ первомъ томѣ своего сочиненія, весьма извѣстный по своему внѣшнему образованію, до нынѣ еще мало извѣстны по своей внутренней организаціи, если не въ отношеніи къ формѣ органовъ, то по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ ихъ отправлениямъ и относительной важности. Сходство этихъ животныхъ съ насекомыми собственно такъ-называемыми, кажутся господину *Walckenaer*'у достаточными для того, чтобы соединить ихъ и другихъ въ одномъ классѣ. Въ этомъ случаѣ онъ не согласенъ съ некоторыми другими естествоиспытателями и между прочимъ съ *Latreille*'мъ, который составляетъ изъ паукообразныхъ особый классъ. Эта разность въ мнѣніяхъ зависитъ преимущественно оттого, что внутренняя и самая важная организація паукообразныхъ весьма мало извѣстна. А различіе мнѣній, основанное на познаніи фактовъ, открываетъ, къ счастью, обширное поле для новыхъ изысканій.

Наука феномены воспроизведенія, наблюдая обстоятельства, которыя ему предшествуютъ, сопровождаютъ его и за нимъ слѣдуютъ, замѣчая связь этихъ обстоятельствъ между собою и вида вліяніе ихъ на жизнь, — убеждаешься, что участіе насекомыхъ въ экономіи жизни, чаще всего случается до полного развитія, которое обыкновенно считается самымъ совершеннымъ ихъ состояніемъ.

Извѣстно, что многія насекомыя, достигнувъ этого состоянія, послѣ долгой жизни, трудятся нѣсколько минутъ для воспроизведенія породы и тотчасъ умираютъ. Самецъ падаетъ и кончается, какъ скоро самка оплодотворена, а она погибаетъ какъ скоро снесла яйца; но, по-крайней-мѣрѣ, смерть постигаетъ ихъ только тогда, когда жизнь сама собою уже истощилась, и когда наступилъ роковой срокъ, назначенный природою ихъ существованію.

Въ некоторыхъ породахъ науковъ самки больше самцовъ. Это обстоятельство чрезвычайно замѣчательно; но между-

тѣхъ оно не противно общими законамъ природы; оно встрѣчается даже въ человеческомъ родѣ: известно, что у Тибетлянъ въ некоторыхъ другихъ племенахъ Гималайской цѣпи, женщины больше мужчанъ. Очень естественно, что у этого народа жены бьютъ своихъ мужей, которые у нихъ бываетъ по-нѣскольку; однако жь, кажется, что прекрасныя Тибетянки не такъ жестоки какъ самки пауковъ, въ порокахъ, о которыхъ мы говоримъ: эти мужедобныя животныя пожираютъ тѣхъ, которые доставляютъ имъ счастье любви и матерьяскія удовольствія. Понятно, что матеріалисты видятъ въ этой естественной смерти насекомыхъ точчасъ послѣ совокупленія, необходимый конецъ, послѣдній терминъ ихъ ограниченнаго существованія. Но трудно не замѣтить дѣйствія безконечнаго преднамѣренія въ условіяхъ совокупленія половъ у некоторыхъ породъ пауковъ. Двухродныя части самокъ находятся у этихъ породъ подъ брюхомъ, на задней его оконечности; а органъ воспроизведенія самца помещенъ напротивъ того на самой передней части головы, именно на концахъ усиковъ, которые составляютъ продолженіе челюсти. Самецъ въ этихъ породахъ подползаетъ къ самкѣ съ безпокойствомъ, со всея предосторожностями, какія только можетъ внушить страхъ неминуемой опасности; онъ приближается къ ней не прыжкомъ, но идетъ нервно и осторожно, изворотая, останавливается, ворочается. Приблизившись, онъ деторогается до нея нѣсколько разъ лапкою, какъ-будто для того, чтобы узнать, каково расположенна она, и всегда готовъ убѣжать, если она знаками взаимности или по-крайней-мѣрѣ совершеннаго равнодушія, не покажетъ, что согласна принять его. Такимъ образомъ они сблизаются какъ можно менѣе, совокупленіе совершается, самка оплодотворена, и въ ту жь минуту, съ какою-то непостижимою лростію бросается на того, который доставилъ ей наслажденіе любви, и пожираетъ его, если ему не удалось избѣгнуть опасности, спустясь по ниткѣ, которую онъ приготовилъ заранее для того, чтобы какъ-можно скорѣе убѣжать. Справедливость этого страннаго обстоятельства подтверждена свидѣтельствомъ многихъ опытныхъ и добросовѣстныхъ наблюдателей. Но сколько вопросовъ возбуждаютъ эти странныя условія совокупленія! Откуда этотъ истинный,

заставляющей самку пожирать самца, который ее оплодотворилъ, эта противоестественная нежность между души существами одной породы и разнаго пола? Оттого ли, что самецъ этимъ оплодотвореніемъ истощаетъ собственную жизнь свою и что ему остается только умереть въ пользу поколѣнія, которое онъ призвалъ къ существованію? Но въ такомъ случаѣ къ чему же странное расположеніе органовъ, которое позволяетъ этимъ животнымъ быть далеко другъ отъ друга, при такомъ дѣйствіи; при которомъ другія животныя всего тѣснѣе обнимаются? Къ чему этотъ страхъ, эта нѣжиза, протяннутая, чтобы спасти существованіе, которое не имѣетъ уже цѣли? Къ несчастію, наблюдая до-сихъ-поръ еще не разрѣшивши этихъ вопросовъ. Неизвѣстно, что дѣлается во многихъ породахъ съ самцами, которымъ удалось укрыться отъ свирѣпости своихъ неблагодарныхъ подругъ: погибаютъ ли они, умираютъ еще нѣсколько минутъ послѣ того, какъ сдѣлались менужными, или сохраняютъ по-прежнему все свои способности. Посреди всѣхъ этихъ сомнѣній, достоверно только то, что въ самцѣ происходитъ борьба между элеченіемъ приблизиться къ самкѣ и страхомъ опасности, которую грозитъ ему это приближеніе, страхомъ, который является въ дѣйствіяхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ, такъ что невозможно не приписать имъ предусмотрительности, которая дала какую-то свирѣпую потребность одному изъ половъ, а другой предоостерегла инстинктивнымъ опасеніемъ притязанія наслажденія, которое столь опасно для него.

Впрочемъ этотъ разрушительный инстинкъ замѣтенъ у самокъ не во всякой изъ многочисленныхъ породъ пауковъ. Хотя эти животныя нередко пожираютъ другъ друга, но въ некоторые изъ нихъ живутъ однакожъ семействами и самцы раздѣляютъ съ самкою ее попеченія о дѣтенышахъ. Такимъ образомъ инстинкъ воспроизведенія соединяется у пауковъ съ инстинктомъ прижимленности, въ которомъ перстъ врожденный проявляется еще болѣе удивительными дѣйствіями. Эта прижимленность очевидна въ разнообразныхъ употребленіяхъ, которыя паукъ дѣлаетъ изъ своихъ шелковинъ.

У всѣхъ этихъ насекомыхъ есть на концѣ брюха четыре маленькія членосоставныя прибавки, которыя оканчиваются отростками или чрезвычайно узкими каналами: они слу-

жать для того, чтобы выпускать шелководную материю и могут, по воле животного, спирываться, закрываться и двигаться. Внутренние органы, которые производят шелкъ, состоятъ изъ въсвотораго числа болѣе или менѣе сложныхъ сосудовъ, которые примыкаютъ къ отверстію членосоственныхъ прибавленій и всегда занимаютъ важное мѣсто въ числѣ органовъ брюха.

Г. Wälckenaer согласенъ съ Lyonnet, который говоритъ, что только два изъ этихъ прибавленій производятъ шелкъ; в Dugès, напротивъ того, въ прекрасныхъ своихъ наблюденіяхъ надъ наукообразными животными, утверждаетъ, что и большія членосоственные прибавленія, точно такъ же какъ и маленькія, суть, въ большой части порода, не что иное какъ шелконосныя трубочки.

Пауки дѣлаютъ изъ своего шелка чрезвычайно разнообразное употребленіе; однако жъ они могутъ быть раздѣлены въ этомъ отношеніи на три категоріи: или они строятъ изъ него жилища, или дѣлаютъ закладки, или приготовляютъ гнѣзда для своихъ яицъ. Мы приведемъ только немногіе примѣры: изъ первыхъ одинъ, какъ напримѣръ *clubionex*, притчуетъ въ складкахъ листа или завиткѣ листа, прикрывая къ нимъ нитки, которыми совершенно закрываются; но они оставляютъ одно или два отверстія, чтобы въ случаѣ нужды можно было выходить; а во время линянъ, оставаясь совершенно беззащитными, они совсѣмъ скрываются въ этихъ жилищахъ. Другіе, какъ напримѣръ тарантулы, живутъ въ дупчатыхъ пустотахъ, которыхъ они сами выкапываютъ въ землѣ и обкладываютъ шелкомъ, чтобы земля не обваливалась. Они прикрываютъ ихъ крышкою съ шарнирами, которая состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ земли и рѣзанныхъ слоевъ шелку. Эти пустоты или норки бывають иногда до трехъ футовъ и болѣе глубиною, и расширяются къ отверстию совершенно наполняются коловыми краями крышки. Тарантулы только возвышаютъ края своей землянки; другіе, какъ напримѣръ *Clotto*, устраиваютъ на нижней поверхности большихъ камней или въ разсѣлахъ скалъ скорлупу въ видѣ скульи, въ дюймъ въ діаметрѣ; на окружности скорлупы продѣлывается нѣсколько отверстій, или лучше сказать дверей, черезъ которыя животное выходитъ;

но это отверстия подвижны, которые известны только одному хозяину, легко открываются и потом сами собой закрываются.

Западин бывают не менее разнообразны как жилища и также искусно строятся. Велкой знает толстые ткани, которые пауки, собственно такъ называемые, проводят горизонтально, например во входящих углахъ стѣнъ, и въ глубинѣ которыхъ они устраиваютъ себѣ дудчатое убѣжище, оттуда подкарауливаютъ насекомыхъ, которые садятся или падаютъ на стѣну, и куда увлекаютъ свои жертвы, чтобы ихъ пожрать. Известны также и ткани съ большими петлями, которые проводятся вертикально отъ одного растенія къ другому и состоятъ изъ правильныхъ концентрическихъ круговъ, перерезанныхъ множествомъ лучей, въ центрѣ которыхъ животное сидитъ неподвижно, пока, замѣтивъ колебаніе въ своей ткани, оно бросается на мушку, которая налетала на стѣну и запуталась въ ней. Но не все знаютъ, что есть одна порода паукообразныхъ, именно серебрястый паукъ, который можетъ жить въ водѣ, устраивать тамъ себѣ жилища и раскидывать стѣны для другихъ водяныхъ насекомыхъ. Средства, которые употребляетъ серебрястый паукъ для того, чтобы жить столь противнымъ его природѣ образомъ, суть одни изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ промышленнаго инстинкта насекомыхъ. Серебрястый паукъ стромитъ себѣ на днѣ стоячей воды жилища въ видѣ колокола, прикрывая его краями къ ближнимъ травкамъ, посредствомъ множества нитокъ, идущихъ во все стороны. Но науки могутъ дышать только въ воздухѣ: удобно, чтобы колоколъ былъ наполненъ воздухомъ и удерживалъ его въ себѣ. Для этого серебрястый паукъ составляетъ свой колоколъ изъ клейкихъ нитей, которые образуютъ ткань такую плотную, что вода сквозь нея не проникаетъ, и онъ исполняетъ его воздухомъ посредствомъ чрезвычайно страшнаго способа. Плавая на спинѣ, онъ поднимается на поверхность воды и проворно выставляетъ изъ нея свое брюхо; воздушный шарикъ присоединяется къ небольшому слою воздуха, который облекаетъ эту часть его тѣла и придаетъ ей серебрястый блескъ. Паукъ тотчасъ погружается въ воду и относитъ воздушный шарикъ въ свой колоколъ. Повторяя несколько разъ это двѣ-

ствіе, онъ наполняетъ свое жилище воздухомъ, и такимъ образомъ самъ добываетъ единственную среду, въ которой можетъ жить. Сидя подъ колоколошъ, онъ покидаетъ, пока настькомое зачнутаеся въ цнтьдъ, которыми идутъ отъ него во всь стороны, а иногда и преслѣдуетъ свою добычу.

Извѣстно, съ какою попечительностію природа заботится о сохраненіи породъ, и что она дѣлаетъ для того, чгбы упрочить ихъ воспроизвожденіе; она не менѣе обращаетъ вниманія на распложеніе породъ пауковъ, какъ и всѣхъ другихъ животныхъ.

Вообще осѣдлые науки (*sédentaires*), которые строятъ себѣ убѣжища, тщательно скрываютъ въ нихъ свои гнѣзда, то есть оболочки, въ которыхъ заключаются яйца; обыкновенно эти гнѣзда бываютъ сферическія, но иногда приплюснутыя, выпуклыя въ видѣ зажигательнаго стекла и даже угловатыя. Всѣ они состоятъ болышею частію изъ шелку; но очень различны между собою по степени плотности ткани и по числу оболочекъ. Последнія состоятъ у многихъ породъ изъ многатаго, толстаго шелку, который предохраняетъ яйца отъ холоду и дѣйствія вѣтвенныхъ тѣлъ. У другихъ оболочки походятъ на прозрачный газъ или на плесу съ частыми пеллями; чертъко эти разнаго рода оболочки бываютъ соединены въ одною гнѣзду и тѣмъ лучше прикрываютъ яйца, которыя въ нихъ заключены. Не подобно однако жъ думать, чтобы природа заботилась объ однихъ породахъ болые чѣмъ о другихъ; потому что число и плотность оболочекъ замѣняется попеченіями матери. Паукъ, который непрочно прикрываетъ гнѣздо свое, никогда не покидаетъ его, между-тѣмъ какъ те лица, которыя защищены многими толстыми слоями, обыкновенно остаются на произволъ случая. Порода *clubio setifera* представляетъ замѣчательный примѣръ заботливости самки паука о своихъ яйцахъ. «Эта порода, говоритъ Г. Walckenaer, дѣлаетъ шелковый вѣшокъ, чрезвычайно тонкій, бѣлый и прозрачный и оставляетъ въ немъ отверстіе, черезъ которое паукъ выбгаетъ, когда онъ чѣмъ-нибудь испуганъ. Самка кладетъ свои яйца въ этотъ вѣшокъ, заключая ихъ въ шелковый кокконъ, широкій и приплюснутый, изъ-подъ котораго они выдѣются. Съеся яйца, самка уже не оставляетъ своего жи-

«лица и не сходять съ кокона, какъ-будто высиживаютъ дѣтенышей. Самецъ и самка совершенно одинаковы и во время распложенія живутъ вмѣстѣ въ своей ульничкѣ; но въ «ульчкѣ» бываетъ тогда разделены горизонтальною перегородкою и они укрываются каждый въ своей кельѣ, одна падъ «другимъ. Этотъ проворный паукъ, который почти не сидитъ «на одномъ мѣстѣ до того времени какъ снесъ яйца, съ тѣмъ «воръ уже не покидаетъ своего потомства; если его стогнашь «съ кокона, онъ не убѣгаетъ и не бросается на землю, а «прячется подъ цвѣтокъ или листокъ, на которомъ находится «гнѣздо его и, при первой возможности, возвращается къ «предметамъ своей инстинктивной привязанности. Порода «*dolomedæ*, болѣе бродячая, чѣмъ *clubio*, не заключается въ «постоянномъ жилищѣ со своими яичами, но только окру- «жаетъ ихъ покрываломъ и прикрываетъ палаткою. *Dolo- «medæ admirabilis* несетъ въ августѣ. Для этого она окру- «жаетъ концы вѣтвей или травъ тканью въ видѣ свода или «шара, величиною въ кулакъ; снизу этотъ шаръ открытъ. «Паукъ кладетъ посерединѣ его свой коконъ, который «имѣетъ видъ шарика, желтовато-бѣлаго цвѣту, величиною «со сморчлинку. Выходя изъ своего жилища, самка уноситъ «съ собою и коконъ; она держитъ его, прижимая щупаль- «цами и усиками къ груди и части брюха. Въ гнѣздѣ она не «покидаетъ дѣтенышей, пока они не выведутся. Сидя на «коконѣ, она уже ничего не боится и скорѣе дастъ поймать «себя, чѣмъ улетѣть, между-тѣмъ какъ во всякое другое вре- «мя она очень дика и проворно убѣгаетъ.»

Въ бродячихъ породахъ, которыя не въ состоянн были бы стеречь свое потомство въ неподвижномъ гнѣздѣ, самка, а иногда и самцы, везетъ носить съ собою коконъ, въ которомъ заключаются ихъ яича, прижимая его къ концу брюха вѣтками, или держа челюстями и бросаютъ его только тогда, когда принуждены къ тому силою; но даже и въ такомъ случаѣ они не покидаютъ его и дѣлаютъ все что могутъ для того, чтобы опять схватить его.

Всякой можетъ видѣть, какъ пауки производятъ шелкъ и результаты ихъ промышленности вѣстивны; но между грубымъ матеріаломъ и тканью, которая изъ него дѣлается, есть трудъ работника и средства, которыя отъ употребляетъ для

достиженія своей цѣли. Между-тѣмъ этнологи долго были несогласны между собою насчетъ средствъ, которыя пауки употребляютъ при своихъ постройкахъ, да еще и нынче не жь ученые одинаково думаютъ объ этомъ предметѣ. Приведемъ хотя только одинъ примѣръ: нѣкоторые пауки распластаютъ свои сѣти вертикально, прикрѣпляя ихъ къ тѣнямъ, которыя нерѣдко находятя далеко одно отъ другаго и употребляютъ для этого горизонтальныя нити, хотя паукъ никакъ не могъ переходить съ одного изъ этихъ тѣлъ на другое. Спрашивается, какими же способомъ производится это сообщеніе? Одни, самые древніе наблюдатели, утверждаютъ, что они сами видѣли, какъ пауки, ставъ въ приличное положеніе, выпускаютъ длинныя нитки, которыя уносятся ветромъ и, по своей клейкости, прилипаютъ къ первому предмету, который имъ встрѣчается; другіе говорятъ, что тоже сами видѣли, какъ пауки бросаютъ вдаль свою нитку, какъ-бы изверженную огнестрѣльнымъ оружіемъ; третьи наконецъ, ссылаясь на наблюденія, которыхъ точность, по ихъ словамъ, не подвержена ни малѣйшему сомнѣнію, утверждаютъ, что нѣкоторые пауки одарены способностію держаться въ воздухѣ, ходить по воздуху, какъ другія породы ходятъ по водѣ. Легко быть можетъ, что паукъ въ состояніи выбрасывать свою паутину; но чтобы эти тонкія нити, выброшенныя имъ, могли держаться на нѣсколькихъ футахъ горизонтально, — этому повѣрить трудно. Еще болѣе невѣроятно то, чтобы пауки могли плавать въ воздухѣ; и этотъ фактъ не возможно принять за истинный, пока онъ не будетъ подтвержденъ новыми наблюденіями и другими наблюдателями. Г. Walckenaer принимаетъ первое изъ этихъ объясненій тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ этихъ явленій, на которыхъ оно основано. Мы тоже думаемъ, что въ наше время одно только это мнѣніе и можетъ быть принято.

До сихъ-поръ мы видѣли, что природа щедро надѣлила пауковъ средствами сохраненія и, надобно сказать, что тѣло ихъ, елиа прикрытое тонкою кожей, имѣло въ этомъ большую нужду; между-тѣмъ у нихъ есть еще одно средство защиты, которое важнее всѣхъ другихъ и безъ котораго прочіе были бы часто недействительны. Нерѣдко случается,

что пауки захватывают насекомых болѣе в силѣте себя, и хотя побѣдитель, конечно, умѣетъ запутать нѣз во множествѣ паутинъ, но плѣвникъ все бы могъ убѣжать, если бы ужаленіе паука не было смертельно.

Пауки, дѣйствительно, ядовиты. Въ крючкѣ, которыми оканчиваются нѣз щупальцы, есть круглая дырочка, нитьющая сообщеніе съ желѣзистымъ мѣшкомъ, гдѣ производится ядъ; у нѣкоторыхъ породъ этотъ мѣшокъ продолжается даже въ самой груди. Это объясняетъ болѣе или менѣе вредныя послѣдствія, которыя производитъ ужаленіе нѣкоторыхъ пауковъ и между прочимъ тарантула; но эти послѣдствія свѣшнымъ образомъ переувеличены. Этотъ ядъ всего обильнѣе и силнѣе въ странахъ жаркихъ; да и самыя большіе пауки водятся именно между тропиками. Ужаленіе паука, *tygale aviculagis*, который, какъ извѣстно, бываетъ въ нѣсколько дюймовъ длиною и водится въ южной Америкѣ, производятъ, по словамъ d'Azara, лихорадку съ бредомъ, которая продолжается сутки, но оканчивается всегда счастливо.

Многіе пытались сдѣлать какое нибудь употребленіе изъ паутинны; тоннина этихъ нитей, которыя, въ нѣкоторыхъ породахъ, бывають не толще $\frac{1}{8000}$ дюйма, заставляла думать, что изъ нихъ можно дѣлать ткани, несравненно тоннѣе тѣхъ, которыя производятся изъ собственно такъ называемаго шелку, но всѣ эти попытки остались тщетными и были наконецъ оставлены.

Пауки вообще отвратительны, ихъ непріятно видѣть, еще непріятнѣе до нихъ догрозиваться, и этихъ насекомыхъ вездѣ стараются истреблять. Правда, что они не представляютъ ничего пріятнаго для зрѣнія; цвѣту они, за немногими исключеніями, темнаго, а толстое ихъ брюхо, укрѣпленное на мохнатыхъ расширенныхъ лапкахъ, конечно, гадко. При томъ ихъ жадность и хищность, вредъ, который производятъ отъ ихъ ужаленія и который, впрочемъ, очень переувеличивають, оправдываютъ нѣкоторымъ образомъ всеобщую ненависть къ нимъ. Но въ глазахъ естественнаго наблюдателя это не такъ; онъ твердо убѣжденъ, что все, вышедшее изъ рукъ Создателя, заслуживаетъ удивленіе; для него и паукъ имѣетъ свою красоту, и убѣжденіе его еще усиливается, ко-

гда онъ самъ былъ свидѣтелемъ замѣтныхъ дѣйствій промышленности, которою природа надѣлила этихъ животныхъ. Мысль, что въ природѣ все прекрасно, все достойно Творца своего, составляетъ основаніе вступленія Г. *Walckenaer*'а; эта мысль должна заставить каждаго наблюдать подробности жизни и нравовъ этихъ крошечныхъ, но удивительныхъ ткачей, въ которыхъ природа помѣстила въѣсть и высокое искусство и первый матеріалъ для производствъ, превосходящихъ своей тонкостью и затѣйливостью, все работы, какія только могутъ представить намъ другія животныя. Наблюденія этого рода должны составить второй томъ творенія барона *Walckenaer*'а.

—

*

О ТРУДѢ И ДЕНЬГАХЪ

ВЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКѢ*.

=

Ничего не можетъ быть глупѣе разглагольствованій ограниченнаго и близорукаго либерализма, который во Франціи старается отыскать въ политическихъ установленіяхъ сѣверной Америки источникъ благосостоянія, которымъ она ослыбляетъ Парижскихъ демагоговъ. Эти господа воображаютъ себя, что стѣнитъ только ввести тѣ же установленія въ одномъ изъ старыхъ Европейскихъ обществъ, чтобы получить одинаковые матеріальные результаты. Смѣло можно сказать, что они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ Америкѣ и причинахъ ея благосостоянія. Работать съ успѣхомъ можно только тогда, когда занимаешься однимъ чѣмъ-нибудь. Люди и народы, которые хотятъ успѣвать, не должны за все вдругъ приниматься. Природа человѣческая ограничена; надобно умѣть ограничивать и свои желанія и усилія. Это законъ мудрости. Въ этомъ заключается вся тайна неизмѣримыхъ успѣховъ Сѣверо-Американцевъ. Они взяли на свою долю матеріальный трудъ, промышленность во всѣхъ ея видахъ; все мысли ихъ стремится къ дѣламъ, спекуляціямъ; средства ихъ трудъ и дѣятельность; и успѣхи ихъ несомнѣнны. Все подчиняется у нихъ одному единственному предмету: воспитаніе и политика, законы семейственные и законы государственные. Все, отъ религіи и нравственности до домашнихъ обычаевъ и подробностей быту; все, въ Американскомъ обществѣ, сообразно, приложено по направленію, которое прямо ведетъ къ общей

* *Lettres sur l'Amérique du Nord, par Michel Chevalier, Paris, 1837.*

цель всех и каждого, къ матеріальному труду. Искусства, литература, роскошь, забавы, науки сами по себѣ, политическое могущество, все что не матеріальный, производительный трудъ, все что не *барниш*, все это предметы, которыхъ Американцы не знаютъ или которые забыли. Исключенія изъ этого правила весьма немногочисленны и происходятъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, какъ ни погружено Американское общество въ избранную имъ часть, оно не можетъ навѣки оставаться въ этомъ кругѣ и уже носитъ въ себѣ зародыши безвѣстныхъ судебъ, которыя предопределены ему въ будущемъ; во-вторыхъ, природа человеческая ограничена, но не исключительно и ни какая въ свѣтъ сла не въ состояніи заглушить влеченія ея къ наслажденіямъ и тщеславію.

Такимъ образомъ, спекуляціи и дѣла, трудъ и дѣятельность, зотъ, подъ различными формами часть, которую избрали себѣ Американцы и которой они предаются съ жаромъ, можно сказать съ ожесточеніемъ. Изъ этой самой части, къ которой они должны были обратиться, та самая, которую указалъ имъ перстъ Божій. Теперь спрашивается, есть ли хоть одно Европейское общество, которое могло бы, которое захотѣло бы подражать Американцамъ въ этихъ основныхъ пунктахъ? Какое законодательство внушить Европейскому народу отвращеніе къ блеску, роскоши, наслажденіямъ, искусствамъ, наукамъ, величію, могуществу, и принудить его ограничиться однимъ чѣмъ-нибудь? А между-тѣмъ это главное различіе Европы отъ Америки. И надобно замѣтить, что вышѣшнее положеніе вещей произведено въ Новомъ Свѣтѣ не законодательствомъ; напротивъ, это положеніе вещей создало Американское законодательство исключительно для самого себя, для того, чтобы цивилизація какъ можно скорѣе завладѣла материкомъ, дикимъ и невоздѣланнымъ. Государственныя установленія северной Америки, во своему свойству своему, суть установленія мѣстныя, приспособленныя къ этой цели. До этого не достигнетъ ни какое Европейское общество, со своими вкусами и склонностями. Франція испытала это на себѣ.

Было время, когда казалось, что Франція раздѣлитъ съ двумя народами, между которыми Богъ ее поставилъ, съ

Англичанами и Испанцами, славу великаго дѣла распростра-
 невіа цивилизаціи. Между-тѣмъ, какъ Испанія, тогдашняя
 владычица свѣта, занимала южную Америку и обширную
 имперію Мексиканскую, съ мечемъ въ рукахъ распростра-
 вляла образованность между Индійскими народами; населеніемъ
 и строила монументальные города, которые будутъ свидѣль-
 ствовать о ея геніи много вѣковъ послѣ того, какъ разглаголь-
 ствованіи ея хулителями будутъ преданы забвенію; между-тѣмъ
 какъ Англія располагала жалкія колоніи по безплоднымъ бе-
 регамъ сѣверной Америки, Франція изслѣдывала гигант-
 скую долину Матернъ рѣкъ, и овладевала берегами рѣки
 Св. Лаврентія, передъ которою Рейнъ не что иное какъ
 скромный ручеекъ, вадѣвала укрѣпленія на коническую ска-
 лу Квебекскую, строила Монреаль, полагала основанія Но-
 ваго-Орлеана и Сентъ-Луи, и мѣстами разработывала бога-
 тыя равнины Иллинойскія. Въ сѣверной Америкѣ она ам-
 дѣла тогда прекраснѣйшею частью, самую плодородною,
 многоводною, которую природа какъ-будто нарочно приго-
 товила для того, чтобы тутъ развелась обширная заворскані-
 перія. Французскіе инженеры, съ свѣтливостію, которою Аме-
 риканцы до-сихъ поръ удивляются, означили фортомъ каж-
 дое мѣсто удобное для постройки большаго города. Такими об-
 разомъ Французское знамя развѣвалось въ то время въ Питтс-
 бургъ (тогда Fort Duquesne) Чикаго, Эрміэ (тогда Presqu'île),
 въ Кингстонъ (тогда Fort Frontenac), въ Мичиганнамакъ,
 въ Тикондерога, въ Vincennes, въ форте Chartres, въ Пе-
 рію, въ Saint-Jean, а сверхъ того въ столицахъ Канады и
 Луизианы. Въ то время Французскій языкъ, дѣйствительно,
 могъ обратиться въ языкъ всемірный; Французское имя во-
 гла сдѣлалось первымъ, по искусствамъ и литературѣ, какъ
 имя Грековъ, по огромности владѣній, какъ имя Римлянъ.
 Людовикъ XIV, во дни славы своей, мечталъ объ этой бу-
 душности для своего народа и своей династіи. Съ тѣхъ поръ
 прошелъ только вѣкъ, а Французамъ остаются отъ всего это-
 го только горькія и безсильныя сожалѣнія. Англичане насе-
 гда выгнали ихъ, не только изъ Америки, но и изъ Восточ-
 ной Индіи, гдѣ великій король тоже поселялъ ихъ. Потомъ
 къ Французамъ въ Канадѣ и Луизианѣ терпятся въ Британ-
 скомъ потокѣ, который захватывалъ ихъ. Языкъ Французскій

въ тѣхъ мѣстахъ гибнуть; даже названія городовъ и странъ, которыми Французы владѣли, изковерканныя Англійскимъ провозношеніемъ, измѣнились, такъ что ихъ узнать нельзя. Сами Французы забыли великодушныхъ людей, которые жертвовали собою, чтобы доставить имъ владычество надъ этими землями. Если-бы Северо-Американскій конгрессъ не вздумалъ воздвигнуть *La Salle*'ю небольшой памятникъ въ ротондѣ Капитолин, между памятниками *Pepp*'а и *Джона Smith*'а, геронческое имя его давно бы погнбло. Между-тѣмъ колоссы, недавно появившіеся въ Европѣ, толкаютъ и тѣнятъ Францію. Новый Карлъ Великій далъ ей столицу и провинціи перваго Цезаря; столица и провинціи у ней отъяты. Если-бы она сдѣлала еще хоть одинъ шагъ назадъ, то навсегда была бы втиснута въ рядъ народовъ второстепенныхъ, одряхлѣвшихъ, которые не въ состояніи распорядятся влѣдствіемъ и поддерживать славу своихъ предковъ. Что же надобно было, чтобы заставить великій народъ отступить, и лишиться своей будущности? Надобно было, чтобы Франція вздумала сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ не могла быть, Англійскою, Америкавскою, и Богъ знаетъ какою; надобно было, чтобы она пятьдесятъ лѣтъ управлялась нелѣпыми витіями либеральными, филантропическими, политическими.

Что вышло бы, если-бы Французы побѣдили Англичанъ, а не Англичане Французовъ? Судя по Канадамъ и Луизианскимъ кресламъ, распространеніе цивилизаціи значительно бы замедлилось. Если рѣчь идетъ о томъ, чтобы сражаться съ людьми, Французы могутъ выступить на помощь; но когда надобно побѣждать природу, Англичане несравненно лучше ихъ; по самому уже своему физическому образованію, Англичанинъ гораздо способенѣе Француза къ труду; онъ занимается имъ съ большимъ постоянствомъ; онъ его любитъ, упорствуетъ въ немъ. Встрѣчая въ своемъ дѣлѣ извѣстныя препятствія, онъ нападаетъ на него со страстію, съ яростію, къ которой Французы способны только противъ непріятеля въ человѣческомъ образѣ.

Съ какою жарою, съ какою увлеченіемъ Англо-Америкавцы исполняютъ назначеніе народа - воздѣлывать! Посмотрите, какъ они пролагаютъ себѣ пути сквозь скалы

и бездонныя пропасти; какъ они борются съ рѣками, топями, первобытными лѣсами; какъ они истребляютъ волковъ и медвѣдей, переводятъ Индѣйцевъ, которые для нихъ не что иное какъ дикіе вѣтри! Въ этой битвѣ съ матеріальнымъ міромъ, съ водою и землею, съ горами и зараженнымъ воздухомъ, они дѣйствуютъ съ пылкостью, съ какою Греція, по призыву Александра, устремлялась въ Азію, съ башенствомъ, какое Магометъ ужель внушилъ своимъ Арабамъ при завоеваніи Восточной Имперіи. За то, на тѣхъ самыхъ рѣкахъ, по которымъ Французы, распѣвая куплеты, плавали въ челнокахъ дикарей, у Англо-Американцевъ теперь цѣлыя флоты пароходовъ. Тамъ, гдѣ Французы бранились съ краснокожими, вмѣстѣ съ ними снали въ лѣсахъ, подобно имъ кормились охотою, путешествовали пѣшкомъ по крутымъ тропинкамъ, упрямый Американецъ вырубилъ лѣса, вспахалъ землю, огородилъ поля, дикихъ оленей заменилъ улучшенными породами Англійскихъ быковъ, выстроилъ фермы, цвѣтущія деревни и великолѣпные города, выкопалъ каналы и провелъ дороги. Водолазы, которыми Французы восхищались какъ любители живописи, которыми они срисовывали и измѣряли съ опасностію жизни, повалившись въ руки Американцевъ, смиренно погекли въ резервуары мельницъ и фабрикъ. Если бѣ эти страны по прежнему принадлежали Франціи, народъ въ нихъ былъ бы, конечно, веселѣе пынтивяго, но далеко не такъ богатъ, и человекъ, развѣ только черезъ нѣсколько вѣковъ, могъ бы назваться владѣльцею земель, которыя Американцы покорили какихъ-нибудь лѣтъ въ пятьдесятъ.

Перебравъ дѣла, которыми мѣстные законодательныя собранія занимались во всѣхъ своихъ засѣданіяхъ, мы увидимъ, что по-крайней-мѣрѣ три четверти этихъ дѣлъ касаются до учрежденія банковъ, которые доставляютъ работающему классу кредитъ; до основанія новыхъ церквей, которыя разливаютъ образованность; до путей сообщенія, шоссе, каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, мостовъ, пароходовъ, которые облегчаютъ производителю сбытъ продуктовъ; до первоначальныхъ школъ для работниковъ и земледѣльцевъ; до коммерческихъ узаконеній, или причисленія къ государству новорожденныхъ селъ и городовъ. Объ арміи во всѣхъ этихъ

поставленіяхъ ни слова; объ изящныхъ искусствахъ не упоминается; о литературныхъ и высшихъ учебныхъ заведенияхъ говорится рѣдко и мало; на памятникахъ не назначается ни копѣйки: въ Америкѣ нѣтъ ни памятниковъ, ни прошедшаго вообще.

Законы Американскіе благоприятствуютъ всего болѣе матеріальному труду. Въ старшихъ штатахъ, они запечатлѣны уваженіемъ къ собственности: законодатель чувствовалъ, что лучшее поощреніе труду есть обезопасеніе плодовъ его. Онъ въ особенности заботился о поземельной собственности, или по феодалному чувству, принесенному изъ метрополи, или для того, чтобы сохранить какой-нибудь элементъ непоколебимости, посреди ненадежности всего прочаго. Но вообще въ Американскихъ законахъ гораздо меньше уваженія къ праву, чѣмъ въ Европейскихъ. Горе тѣмъ, которые уже покоятся, или по-крайней-мѣрѣ въ настоящее время не производятъ! Прежде всего и болѣе всего уважается здѣсь право труда: покой еще не имѣетъ права гражданства. Въ дѣлахъ, касающихся до общественнаго кредита, и штаты и города чрезвычайно совѣстливы, но въ спорахъ между капиталстами и производителями, законъ всегда жертвуетъ первыми вторымъ. Въ некоторыхъ новыхъ штатахъ, какъ напримѣръ въ Кентукки и въ Иллиной, во время коммерческихъ переломовъ, изданы были законы, которые вѣдывались въ дѣла кредиторовъ съ должниками и обходились съ первыми черезъ-чуръ неуважительно: просто отсрочили уплату долговъ.

Здѣсь все направлено къ труду: города построены на Англійскій образецъ; дѣловые люди не разсыпаны по городу, но занимаютъ часть, которая принадлежитъ имъ исключительно, въ которой нѣтъ ни одного жилого дома, а все бюро и магазины. У всякаго маклера, вексельнаго агента, адвоката, есть тутъ своя комната; у всякаго купца своя контора. Тамъ же находятся все банки и разнаго рода компаніи; дома окрестныхъ улицъ наполнены товарами отъ погребовъ до чердаковъ. Во всякое время дня купцу не далеко идти, чтобы поговорить съ другимъ купцемъ, или посоветоваться съ законовѣдцемъ. Здѣсь не такъ какъ въ Парижѣ, гдѣ все

время проходить въ томъ , что одинъ бѣгаетъ за другимъ. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ торговаго города , который былъ бы расположенъ хуже Париза. Нью-Йоркъ однако жъ уступаетъ я Лондону и Ливерпулю: тамъ нѣтъ ничего подобнаго на Docks и Commercial House. Иравы въ Америкѣ точно таковы , какими должны быть въ обществѣ дѣйствующемъ , рабочемъ. Мужчина , лѣтъ съ пятнадцати , уже занимается дѣлами ; двадцати одного года , онъ уже обзавелся : у него есть своя ферма , своя мастерская , контора или кабинетъ , однимъ словомъ какая-нибудь своя промышленность. Въ это же время онъ и женится ; двадцати двухъ лѣтъ онъ уже отецъ семейства и слѣдственно все побуждаетъ его къ труду , къ работѣ. Уваженіемъ пользуется только тотъ , у кого есть своя профессія , или , что почти все равно , кто женатъ ; однимъ словомъ только тотъ , кто дѣятельный , непосредственно полезный членъ общественнаго организма , кто умножаетъ общественнаго богатства , производя или вещи , или людей: Американецъ воспитывается въ той мысли , что у него будетъ какос-нибудь ремесло , что онъ слѣдуетъ со-временно земледѣльцемъ , мануфактуристомъ , купцомъ , спекуляторомъ , врачомъ , законовѣдцемъ или священникомъ , а можетъ быть и вѣтъмъ этимъ попеременно , и что ежели онъ смышленъ и дѣлательнъ , то непременно будетъ богатъ. Если даже онъ принадлежитъ къ самому богатому семейству , то и тутъ ему въ голову не приходитъ , чтобы можно было жить не имея ни какого особеннаго занятія , потому что онъ не видитъ вокругъ ни одного празднаго человека. Yankee даже и не подозреваетъ , что на свѣтѣ волятея праздные люди ; да притомъ онъ хорошо знаетъ , что отецъ его сегодня богатъ , а завтра можетъ разориться. Кромя того отецъ самъ въ дѣлахъ , капиталы его въ оборотѣ , онъ не можетъ раздѣлить ихъ : если сынъ хочетъ быть богатымъ еще при жизни отца , такъ пусть навиветъ самъ себя состояніе !

Обычай Американцевъ тоже такіе , какіе должны быть у народа , который думаетъ исключительно о трудѣ. Вставая съ постели , Американецъ тотчасъ принимается за работу и не покидаетъ ея до самаго вечера ; онъ никогда не развлекается удовольствіями ; только государственнымъ дѣламъ позволяется отпять у него нѣсколько минутъ. Онъ не счи-

тасть обѣдъ временемъ, въ которое можетъ немножко отдохнуть посреди своего семейства; напротивъ, обѣдъ непріятнымъ образомъ прерываетъ его занятія; онъ обѣдаетъ только потому, что нельзя не обѣдать; зато онъ отправляетъ эту обязанность какъ можно проворнѣе. Вечеромъ, если онъ не приглашенъ на какое-нибудь совѣщаніе, на молитву, онъ сидитъ дома молча и размышляетъ о томъ, что сдѣлалъ въ этотъ день или что будетъ дѣлать завтра. Въ воскресенье онъ не работаетъ, потому что это запрещено религією; но зато онъ считаетъ величайшимъ грѣхомъ всякое развлеченіе, всякую забаву въ этотъ день, музыку, карты, кости, бильярдъ. Въ воскресенье, Америкецъ не сазетъ даже принять слонхъ пріятелей. Этого не позволяютъ его слуги; они едва соглашаются пойти ему обѣдать и то въ такое время, когда имъ вздумается. Еще недавно одинъ журналъ *объявлялъ* Нью-Йоркскаго мѣра въ томъ, что онъ угощалъ въ воскресенье какихъ то знатныхъ Англичанъ, которые прибыли изъ Англій на своей яхтѣ. Мѣръ почелъ долгомъ тотчасъ объявить, что онъ хорошо знаетъ обязанности христіанина и никогда не рѣшится угощать пріятелей своихъ въ воскресенье. Зато въ Америкѣ ничего не можетъ быть скучнѣе воскресенья. Въ сравненіи съ такимъ воскресеньемъ, понедельничная работа самое пріятное препровожденіе времени.

Если вы придете къ купцу въ его контору, онъ отвѣчаетъ вамъ холодно, сухо, отрывисто; если жъ вы попали тогда какъ онъ отправляетъ почту, онъ безъ церемоній покажетъ вамъ, что ему некогда; онъ проводитъ васъ, даже не слышавъ заботясь объ учтивости. Тотъ же самый человекъ, вечеромъ въ своей гостиной, или утромъ на дачѣ, въжливъ и гостепріименъ. Дѣло въ томъ, что Америкецъ съ точностію раздѣляетъ свое время и не любитъ дѣлать двухъ вещей вдругъ. Утромъ онъ по уши въ дѣлахъ; ничего кромѣ дѣлъ не видитъ и не слышитъ. Вечеромъ онъ отдыхаетъ, наслаждается жизнью; онъ джентльменъ и учится у Англійской аристократіи свѣтскому обращенію и важному искусству благороднымъ образомъ проживать свои доходы.

Нынешній Французъ странная смесь утренняго Англичанина съ вечерняимъ. Утромъ онъ невозможно вечерній Ан-

гличанинъ, а вечеромъ такъ порядочно Англичанинъ утренній. Французъ стараго стила былъ настоящій вышшній вечерній Англичанинъ, или лучше сказать Англійская аристократія образовалась по этому образцу, котораго нынче надобно искать во Франціи днемъ съ огнемъ.

Американецъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ штатовъ, главный, настоящій Американецъ, во всю жизнь двѣць, Англичанинъ утренній. Въ южныхъ плантаціяхъ много Англичанъ вечернихъ; нынче они водятся и въ сѣверныхъ столицахъ.

Высокій, тонкій, и жилистый, Американецъ какъ-будто нарочно созданъ для матеріальнаго труда; никто въ свѣтъ не работаетъ скорѣе его. Никто лучше его не привыкаетъ къ новой работѣ: онъ всегда готовъ переменить свои приемы, орудія и даже ремесло. Онъ механикъ въ душѣ. У насъ въ Европѣ нѣтъ ни одного воспитаннаго высшихъ учебныхъ заведеній, который бы не написалъ водевиля, трагедіи или по-крайней-мѣрѣ романа. Въ Коннектикутѣ или Массачусетсѣ нѣтъ ни одного мужика, который бы не изобрѣлъ машины; ни одного порядочнаго человека, у котораго не было бы готоваго проекта желѣзной дороги, плана деревни или города, большой спекуляціи на землѣ, затопляемой Красною Рѣкою, на пустопорожнихъ мѣстахъ въ Иллиноисѣ и Техасѣ, гдѣ можно разводить хлопчатую бумагу, или на Иллинойскіихъ хлѣбныхъ поляхъ. Главнѣйшая страсть Американца, то есть кореннаго Американца, который нисколько не оевропѣлся, однимъ словомъ самороднаго Yankee, главная страсть его — колонизировать; притомъ онъ не только работникъ, но работникъ кочующій. Онъ не приростае къ землѣ, не имѣетъ ни какого уваженія къ псалмѣ предковъ, къ отцовскому крову; онъ всегда радъ переселиться и, пожавъ нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, готовъ ухватить на первомъ пароходѣ. У него непреодолимая склонность къ движенію; ему не сидится на мѣстѣ; онъ безпрестанно ходитъ взадъ и впередъ, хлопочетъ, дѣйствуетъ своими членами и упражняетъ мускулы. Если ноги его остаются въ покоѣ, то онъ, по-крайней-мѣрѣ, шевелитъ пальцами; вооруженный своимъ неразлучнымъ ножомъ, онъ вырываетъ кусокъ де-

рева, или хотѣ, отъ бездѣля, портить стулъ или столъ ; а ухъ, если и этого нѣтъ, такъ жуесть табакъ : все таки упражненіе. Онъ всегда занятъ , всегда хлопочеть , всегда торопится, ужасно торопится, — потому ли что привыкъ бояться совѣстничества, или что черезъ-чуръ дорожатъ временемъ, или что подвижность всего окружающаго и его собственная, содержитъ нервы его въ безпрерывномъ потрясеніи, или что наконецъ такъ создала его природа. Онъ способенъ ко истъ работамъ , исключая только тѣхъ , которыя требуютъ юпотливой медленности. Онъ скорѣе смастерить часы, чѣмъ Нѣмецкую книгу съ приличнымъ количествомъ цитатъ. Онъ ненавидитъ всѣ подобныя работы и страхъ боится, что его въ аду заставятъ составлять Нѣмецкія книги съ цитатами. «Мы родились на-скоро, говорить одинъ Американскій писатель, учимся на-бѣгу, женимся на-лету, наживаемся за-разъ, проживаемся еще скорѣе, двадцать разъ составляемъ себя состояніе, двадцать разъ его лишаемся, в все это такъ что и не взвидишь. Тѣло наше локомотивъ , который идетъ по десяти льѣ въ часъ ; душа паровая машина съ усиленнымъ давленіемъ ; жизнь похожа на падающую звѣзду, а смерть поражаетъ насъ какъ молнія.»

— Работай , говорить бѣдняку Американское общество, трудись и, осьмнадцать лѣтъ, ты, простой работникъ, будешь получать больше, чѣмъ въ Европѣ какой-нибудь ка-пятавъ. — И точно : въ Нью-Йоркѣ и Филадельфін камен-щикъ получаетъ по 9 руб. 35 коп. въ день, счастливо считая триста рабочихъ дней, 2.800 руб. въ годъ. — Ты будешь въ изобиліи, продолжаетъ Американское общество, будешь хорошо жить, хорошо одѣваться, и сверхъ-того сбережешь денежку на черный день. Будь неутомимъ въ работѣ, поддержишь и пабожешь, и ты найдешь себѣ подругу, кроткую и покорную ; въ докъ твоемъ будетъ больше удобства и довольства, чѣмъ въ Европѣ у многихъ именитыхъ гражданъ. Изъ работниковъ , ты сделаешься хозяиномъ ; у тебя тоже со-временемъ будутъ работники и слуги ; ты заведешь фабрику или купишь ферму ; нустишься въ спекуляціи и разбогатеешь ; построишь городъ и дашь ему свое имя. Трудись, а если судьба тебѣ не поблагосеріятствуетъ, и ты разо-раешься, — ничего : банкротство все равно что рана въ сраже-

ни; оно не лишить тебя ни уваженія, ни даже довѣренности согражданъ, — если только ты всегда былъ бережливъ и воздерженъ, если ты добрый христіанинъ и вѣрный мужъ.

— Трудись, говорить Американское общество богачу, работай и не думай наслаждаться своими сокровищами. Умножай свои доходы, не увеличивая расходовъ. Приращай свои богатства, чтобы доставлять другимъ работу, средства пропитанія. Отдвайся какъ можно проще. Можешь, если тебѣ угодно, имѣть дома богатые ковры, кучи серебра; прекраснѣйшее бѣлье изъ лучшаго Саксонскаго или Шотландскаго полотна; но снаружи домъ твой долженъ быть ни хуже, ни лучше другихъ; ни ливрейныхъ слугъ, ни щегольскихъ лошадей тебѣ держать не позволено; не покровительствуй театру, потому что онъ портитъ нравы; не дотрогивайся до картъ; запишись въ члены общества умѣренности; даже не ѣшь слишкомъ вкусно; подавай другимъ примѣръ ревностнаго исполненія обрядовъ религіи; потому, что работники и земледѣльцы на тебя смотрятъ, съ тебя берутъ примѣръ и, въ нравахъ и обычаяхъ, признаютъ тебя своимъ образцомъ и судьей. Если бы ты вздумалъ наслаждаться, предаваться роскоши и развѣянности, они тоже дали бы волю своимъ страстямъ, необходимо грубымъ и не воздерживали бы своихъ ненасытныхъ склонностей.

Теперь, позвольте васъ спросить: кто бы въ Европѣ согласился быть богачемъ на подобныхъ условіяхъ? А между тѣмъ эти условія составляютъ основаніе Американскаго общества и тамошній богачъ на нихъ не жалуется: онъ очень знаетъ, что по мѣстному положенію вещей, иначе и быть не можетъ. Конечно, подумавши, можно бы придумать другія системы общественнаго образованія, которыя въ теоріи тоже благопріятствовали бы труду; но чтобы составить à priori подобную систему для народа, расположеннаго къ труду, надобно принять въ соображеніе гдѣ и какъ живетъ этотъ народъ, чѣмъ онъ былъ прежде, къ чему стремится; иначе вы сочините романъ и больше ничего. Съ Американскимъ народомъ, который происходитъ отъ Англійскаго и проникнутъ протестантизмомъ до мозга костей своихъ, нынѣшняя система была и возможна и удобна. Она необходимо

должна была правиться крѣпко закаленнымъ душамъ пуританъ — янкихъ ультра-протестантовъ. Вотъ почему жители восточныхъ штатовъ, основанныхъ богомолцами, то есть язвигными пуританями, одни изъ первыхъ принялись обрабатывать безпредѣльную долину Миссиссипи.

Цивилизація западной части Соединенныхъ Штатовъ проведена была дружнымъ, но безмолвнымъ и незамѣтнымъ содѣяніемъ двухъ или трехъ сотъ тысячъ молодыхъ земледельцевъ, которые, каждый самъ по себѣ, выехали изъ Новой Англии, иногда съ немногими пріятелями, а чаще поодиночкѣ. Съ Французами, эта система была бы рѣшительно невозможна. Yankee живетъ себѣ съ женою въ лесу, и ему ни въ комъ и ни въ чемъ нѣтъ нужды. Французамъ напротивъ, тутчасъ бы захотѣлось имѣть кофейный домъ, трактиръ, театръ: это первые заведенія, которыя они учредили, какъ скоро забрались въ Каиръ, въ Алжиръ. Французъ не въ состояніи бы вынести одиночества, въ которомъ Yankee живетъ спокойно и охотно. Ему нѣтъ нужды въ чужомъ одобреніи: онъ самъ восхищается плодами трудовъ своихъ. Французъ со страстію принимается только за такое промышленное предпріятіе, въ которомъ вмѣстѣ съ нимъ участвуютъ другіе; или, лучше, сказать онъ не любитъ матеріальнаго труда и склоненъ только къ тому что одарено жизнію. Онъ рѣшительно не въ состояніи впоитьсь въ дикую землю, которую воздѣлываетъ, и помышлять объ успѣхѣ мануфактуры съ такимъ же восторгомъ, какъ иной думаетъ о другѣ или любовницѣ. Если бы надобно было основать колонію съ Французами, то тутъ нельзя бы надѣяться на частныя попытки. Французу во всякомъ дѣлѣ надобно чувствовать сосѣда локтемъ, какъ въ строю. Если хотите заселить землю, пошлите туда Американцевъ по-одиночкѣ; они составятъ множество маленькихъ центровъ, которые, мало-по-малу расширяясь, захватятъ наконецъ огромное пространство. Французовъ, напротивъ того, нельзя переселить иначе, какъ перенеся съ ними на новую землю общество совсѣмъ готовое, связи уже установленныя, или по-крайней-мѣрѣ правильную раму общества и готовыя начала общественныхъ связей; то есть нѣтъ съ самаго начала нуженъ большой кругъ и единственный, ясно видный центръ.

Канада, можно сказать, единственная колонія, которая основана и населена исключительно Французами. Туда было перенесено полное общественное устройство. Обозрѣвъ страну, туда тотчасъ отправили флотъ съ господами, которыми король пожаловалъ феоды. Господа привезли съ собою вассаловъ, изъ Нормандіи, изъ Бретани, и раздали имъ участки своихъ земель. Въ то же время привезено было туда духовенство, монастырское и свѣтское; ему также пожалованы были обширныя земли и сверхъ-того дано право взимать десятину. Потомъ явились купцы и цѣлыя компаніи, которыя получили отъ короля привилегію на торгъ итѣи. Однимъ словомъ, все три разряда прежняго Французскаго общества, дворянство, духовенство и средній классъ, были перенесены цѣлкомъ изъ старой Франціи въ новую. Для Французовъ это была система превосходная: главные въ этой системѣ правила — порядокъ и подчиненность, совершенно согласовались съ характеромъ народа. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что Англичане, завоевавъ Канаду, по обыкновенному своему благоразумію, нисколько не измѣнили существующаго устройства, что Канада процвѣтаетъ и что народонаселеніе въ ней размножается посреди общественнаго благосостоянія. Нигдѣ въ свѣтѣ не видать и поселеній, которыя бы лучше хорошеенькихъ деревень, разсаженныхъ по берегамъ рѣки Св. Лаврентія, представляли картину «золотой утѣренности». Это не надменное богатство Соединенныхъ Штатовъ, а ничто гораздо посромнѣе; здѣсь, конечно, не столько блеска, но зато несравненно болѣе истиннаго благоденствія. Канада напоминаетъ Швейцарію: тотъ же видъ доволнаго спокойствія и мирныхъ наслажденій. О Канадѣ гораздо больше бы говорили, если бы подлѣ нея не было Англо-Американскаго колосса; развитіе ея казалось бы удивительнымъ, если бы не затмивалось чудесами Соединенныхъ Штатовъ. Напрасно стали бы утверждать, будто Канада процвѣтаетъ вопреки этой организаціи, которую называютъ феодальною: все что новѣйшему либерализму кажется въ этой системѣ обременительнымъ, существуетъ и по-нынѣ, и народъ на это не жалуется. Барщина, десятина, право молотбы, общественныя печя, не перевелись, а между-тѣмъ, — это чрезвычайно замѣательно, —

ничего этого являть въ безконечномъ спискѣ девяносто трехъ жалобъ Канадцевъ, который они прислали недавно въ Англійскій Парламентъ. Если бѣ дать волю Парижскимъ крикунамъ, они давно бы все это уничтожили и разорили бы Канаду своею филантропіею.

Французъ дѣйствуетъ хорошо только по приказу, подъ глазами правительства. Непременно надобно, чтобы имъ управляла рука твердая и предусмотрительная. Эти господа воображаютъ себя, что они въ состояніи колонизировать Алжиръ по-Американски, то есть предоставить частнымъ людямъ брать во владѣніе свободныя земли въ Африкѣ. Этому не бывать. Пророчествовать я не хочу, но я твердо убѣжденъ, что съ системою давать другимъ волю, а самому ничего не дѣлать, Французское правительство никогда не заселитъ Алжира Французами. А между-тѣмъ, пскуда тамъ не будетъ двухъ или трехъ сотъ тысячъ Французовъ, обладаніе Алжиромъ не упрочится и будетъ всегда завистель отъ случайнаго рѣшенія Палаты Депутатовъ, отъ прихода какого-нибудь министра, или отъ втроятности войны. А что всего хуже, Алжиръ будетъ дорого стоить Франціи, не принося ей ничего и выскочивъ изъ рукъ ея при первомъ разрывѣ съ Англіею. Но возвратимся къ Американцамъ и поговоримъ о деньгахъ, которыя служатъ наградою труду. И здѣсь мы также увидимъ чрезвычайную разницу между Америкою и Европою.

Въ обществѣ, которое только и дѣлаетъ, что производить и торговать, деньги совсѣмъ не то что у народовъ, которые лавпаны воинственнымъ духомъ, или классическимъ образованіемъ и улеными спекуляціями. У послѣднихъ деньги должны считаться, по-крайней-мѣрѣ въ теоріи, презрѣннымъ металломъ. Главный и самый могущественный двигатель у нихъ, не выгода, а честь и слава: это монета, которою многие довольствуются, единственная монета, которой многие любуются. Въ обществѣ работающихъ, деньги, плодъ и цѣль работы, вещь не позорная: богатство человека есть мѣрлю его способностей и уваженія, который онъ пользуется отъ согражданъ. Какъ бы то ни было, но въ Америкѣ деньги не то что у насъ; тамъ онѣ много значуть въ та-

ныхъ случаяхъ, когда у насъ не имѣютъ ни какого вѣсу; открыто дѣйствуютъ тамъ, гдѣ у насъ прлчутся.

Въ Англіи уже имѣ чрезвычайно удивительно было видѣть, что въ докахъ, напримѣръ, выставляется множество объявленій, которымъ грозятъ денежною пеней нарушителямъ нѣкоторыхъ полицейскихъ законовъ, и общаются поминуву взыскапія доносчику. Публичное предложеніе награды за доносъ возбуждало бы негодованіе каждаго жителя твердой земли. Въ Америкѣ дѣлаютъ точно тоже и еще чаще прибѣгаютъ къ этому средству. Въ случаяхъ преступленія, нравительство тотчасъ объявляетъ, что оно дастъ сто, двѣста долларовъ тому, кто донесетъ на преступника, или предастъ его. Когда я былъ въ Филладельфін, Пенсильванскій губернаторъ и городской меръ старались превзойти другъ друга щедростію въ общаніи награды. Во время предварительнаго выбора случилось убійство; меръ и губернаторъ, возвышая награду, обещанную за доносъ, старались доказать, одинъ, что оппозиціонная партія, къ которой онъ принадлежалъ, невинна въ этомъ убійствѣ; другой, напротивъ того, что эта именно партія и была причиною его. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заживотельства и отравленія, доносчикамъ назначали до тысячи долларовъ. Впрочемъ надобно замѣтить, что, за исключеніемъ Лондона, ни въ Англіи, ни въ Америкѣ нѣтъ порядочной полиціи; вмѣсто нея служатъ деньги. Тамъ, и въ особенности въ Америкѣ, первое правило, что за все на свѣтъ платится. Въ учебныхъ заведеніяхъ даромъ не преподають, въ музеи даромъ не впускають. Безмездными должностями, которыя отвлекають гражданна отъ его занятій, тамъ также неизвѣстны. Правда, что за исполненіе муниципальныхъ должностей въ селахъ, жалованья не производится; но зато онѣ не требуютъ ни большихъ трудовъ, ни много времени; притомъ у сельскаго жителя больше досуга, чѣмъ у занятаго горожанина. Но въ городахъ всѣ должностныя лица получаютъ жалованье, какъ скоро ихъ обязанности хоть немножко хлопотавы. И въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ часто назначаютъ плату по днямъ. Напримѣръ члены конгресса получаютъ по осьми долларамъ (сорокъ рублей) въ день. Если следственная коммиссія продолжаетъ свои занятія по закрытіи конгресса, члены ея имѣють тоже

содержаніе. Члены войскъ другихъ законодательныхъ собраній также получаютъ плату по днямъ. Коммиссары каналовъ, обыкновенно внесенные граждане и слѣдственно люди богатые, получаютъ вознагражденіе за время своей службы. Тѣ изъ нихъ, которые постоянно отправляютъ свои обязанности, пользуются годичными окладами. Нѣкоторые должностныя лица, напримеръ прокуроры, судьи, альдермены въ городахъ получаютъ известную сумму за каждое дѣло, которое они произвели: это большею частию составляетъ ихъ единственное вознагражденіе, но иногда они пользуются и жалованьемъ. Сановники, которые безпрестанно заняты по службѣ, губернаторы штатовъ и меры важнѣйшихъ городовъ, нѣютъ годичныя оклады. Коммиссары Нью-Йоркскихъ банковъ также. Всякая общественная обязанность оцѣняется на доллары и въ Америкѣ даже не понимаютъ, что можно служить изъ одной чести. Это потому справедливо, что въ Американскихъ адресовъ-календаряхъ, подлѣ имени чиновника выставляется и окладъ жалованья, какое онъ получаетъ. Въ Америкѣ принято за правило, что всякой трудъ долженъ быть сравненъ съ трудомъ промышленнымъ и вознагражденъ точно также. Товаръ умственный и товаръ матеріальный, капиталъ и талантъ, доллары и позваніе, взвѣшаны и сравнены. Этотъ обычай всякому даетъ полную свободу дѣйствій, упрощиваетъ и облегчаетъ сношенія. Никто не совѣстится просить объ услугѣ, когда знаетъ, что за нее можно заплатить. Все улаживается безъ труда и платятъ всегда нескупо, потому что не мудро быть щедрымъ въ обществѣ, которое работаетъ и много и хорошо.

Награждаютъ деньгами, зато деньгами же и наказываютъ. Известно, что въ Англіи, въ случаѣ явнаго нарушенія супружескихъ правъ, тотчасъ начинается процессъ, который разрѣшаетъ виновнаго въ пользу обманутаго мужа. Въ Америкѣ, конечно, существовалъ бы тотъ же самый обычай, если бѣ нарушеніе супружескихъ правъ не было чрезвычайно рѣдко. За проступки Американскіе законы рѣдко назначаютъ тѣлесное наказаніе; но зато чрезвычайно щедры на пенн. На деревянныхъ мостахъ въ Америкѣ всегда прибиты объявленія, чтобы никто не смѣлъ ѣздить по мосту иначе

какъ шагояъ, подь опасеніемъ для бѣлыхъ пенн въ три, четыре или пять долларовъ; а для негровъ тридцати или сорока ударовъ плетью. Если кого подозреваютъ, или даже кто обвиненъ въ преступленіи, въ фальшѣ, въ зажигательствѣ, въ убійствѣ, правительство тотчасъ принимаетъ мѣры, чтобы не сарылся, — не онъ самъ, а его кошелекъ; то есть, вмѣсто того, чтобы взять обвиненнаго подь стражу, его заставляютъ представить въ обезпеченіе известную сумму, которая назначается судомъ. Въ прошломъ году, въ Нешвилъ, въ штатѣ Тенесси, одиашъ изъ членовъ законодательнаго собранія, милицейскій генералъ, какихъ чрезвычайно много, но человекъ весьма богатый, и следовательно very respectable, поссорившись съ журналистомъ, погрозился застрѣлить его. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ того, встрѣтивъ несчастнаго журналиста въ гостиницѣ, генералъ выстрѣлялъ по нему въ двухъ шагахъ. Судъ тотчасъ потребовалъ отъ преступника обезпеченія; и внеся нѣсколько тысячъ долларовъ, онъ продолжалъ ходить по волѣ и даже засѣдать въ собраніи. Не давно его приговорили къ небольшой пенн, потому что раненый не умеръ. Такое происхожденіе къ убійцѣ и то, какимъ образомъ поступаютъ съ зажигателями и другими преступниками, напояпнасть варварскія времена, когда за преступленія расплачивались деньгами. Впрочемъ для Американца, который обожаетъ деньги, это прекрасное, весьма успешное средство: карманъ его самое чувствительное мѣсто. Послѣ этого, само собою разумѣется, что Американцы не одобряютъ заключенія въ тюрьму за долги. Со всѣхъ сторонъ возстаютъ противъ этого наказанія. Большая часть штатовъ его уже отменили; остальные, конечно, вскорѣ последуютъ этому примѣру. Впрочемъ, надобно сказать, что это наказаніе точно неэффективное; оно нигдѣ не достигаетъ своей цѣли. Рассказываютъ, что дикарь, глава одного поколѣнія Индейцевъ, осматривалъ Балтиморскую тюрьму, и спрашивалъ, за что содержится каждый изъ заключенныхъ. Войдя въ комнату заключеннаго за долги и узнавъ, что онъ будетъ сидѣть тутъ пока не удовлетворитъ своихъ кредиторовъ, дикарь вскричалъ: «Да гдѣ жъ бобры, которыхъ онъ можетъ убить, чтобы расплатиться?» Дикарь былъ не глупъ.

Такимъ образомъ исполненіе всѣхъ законовъ, уголовныхъ, гражданскихъ и полицейскихъ, обеспечивается здѣсь деньгами. Если судья имѣетъ причину полагать, что такой-то извѣренъ провѣстия безпорядки или поступить насильственно съ однимъ изъ своихъ согражданъ, онъ тотчасъ призываетъ его къ себѣ и заставляетъ внести известную сумму, какъ поручительство за доброе свое поведеніе. Это то же самое средство, которое Speaker нижней палаты Англійскаго парламента, нѣсколько лѣтъ назадъ, употребилъ для того, чтобы отвратить дуэль между Лордомъ *Althorp* омъ и Г. *Sheel* емъ, съ тою только разницею, что онъ посадилъ и министра и Ирландскаго члена палаты подъ арестъ, для того, чтобы они оставались въ покоѣ (*keep the peace*). Въ Америкѣ, въ подобномъ случаѣ, берутъ подъ арестъ, не человека, а его деньги. Тамъ деньгами принуждаютъ компаний не выходить изъ границъ данныхъ имъ привилегій. Деньгами же заставляютъ должностныхъ лицъ воздерживаться отъ нарушенія своихъ обязанностей. Деньги же употребляютъ и для того, чтобы отвратить неудобства, которыми происходятъ отъ слишкомъ мелкаго административнаго раздѣленія шести штатовъ Новой Англій. Въ этой части Союза обязанность содержанія дорогъ лежитъ на общинахъ. Само собою разувается, что при подобной системѣ одна нерадивая община можетъ затруднить сообщенія во всеи штатѣ. Для предупрежденія этого, постановлено закономъ, что каждая община отвѣчаетъ своими капиталами за несчастные случаи, которые могутъ быть съ путешественниками отъ несправнаго содержанія дорогъ на ея землѣ; въ журналахъ нѣсколько видѣлъ, что такая-то община приговорена судомъ къ уплатѣ пяти сотъ, тысяча долларовъ въ вознагражденіе путешественнику, который былъ опрокинутъ на ея дорогѣ или на ея восту. Еще недавно городъ Ловель, въ Массачусетсѣ, принужденъ былъ заплатить шесть тысячъ долларовъ (тридцать двѣ тысячи рублей) двумъ путешественникамъ, которые переломали себѣ такимъ образомъ ноги. Судъ рѣшилъ, что эти люди должны быть вознаграждены не только за издержки леченія, но и за то, что они, во всей вѣроятности, получили бы, если бы, вмѣсто того, чтобы по милости несправной общины, лежать въ постели, занимались своими дѣлами.

Уверяютъ, что Талеранъ сказалъ: «Я не знаю ни одного Американца, который бы не продалъ своей лошади, или собаки.» И точно, Американецъ живно въ торгахъ. Одинъ торгъ только кончилъ, другой начинается, еще два или три обдумываетъ. Все что у него есть, все что онъ видитъ, свое и чужое, для него товаръ. Поэзія известностей и матеріальныхъ предметовъ, которая прикрываетъ мѣста и вещи, какъ нѣтъ уваженіемъ и защищаетъ ихъ отъ продажи, для него не существуетъ. Прекраснѣйшій въ свѣтѣ водопадъ, по вѣсѣ, не что иное, какъ вода, которая годится подъ мельничное колесо, water-power; древнее зданіе — строевой матеріалъ, который онъ тотчасъ употребитъ въ дѣло. Yankee готовъ продать одесскій домъ, какъ «старые сапоги, старое платье». Онъ, какъ неутомимый и страстный разработчикъ новой земли, не привязывается ни къ какому мѣсту, ни къ какому зданію, ни къ какому предмету, ни къ чему и ни къ кому кромѣ своей жены, съ которою онъ связанъ неразрывно, и днемъ и ночью, съ самой свадьбы и до гроба.

Въ каждомъ изъ дѣйствій Американца кроются деньги; въ каждомъ его словѣ бряцать деньги. Не надобно однако жъ думать, чтобы онъ не умѣлъ подчасъ и пожертвовать деньгами. Напротивъ, онъ привыкъ къ подпискамъ и добровольнымъ приношеніямъ; онъ охотно на нихъ соглашается, и чаще, и великодушнѣ насъ; но его щедрость всегда рассчитана и облунана. Не энтузіазмъ и не страсть развязываютъ кошелекъ его, а политика или приличіе, чувство полезнаго, сознаніе, что въ общественномъ благе заключается и его собственное. Американецъ охотно допускаетъ исключенія изъ своего общаго правила, чисто коммерческаго. Онъ готовъ дать деньги, похлопотать, присутствовать въ засѣданіи какого нибудь комитета, наскоро написать мѣткіе или донесеніе. Онъ даже поскачетъ въ Вашингтонъ, чтобы представить президенту какія-нибудь resolutions, или въ сосѣдній городъ присутствовать на какомъ-нибудь политическомъ обѣдѣ, а потомъ какъ можно скорѣе, домой; но въ такомъ случаѣ уже непрежнво надобно, чтобы это было не что иное, какъ исключеніе; надобно, чтобы дѣло шло непрежнво объ общественной пользѣ. Онъ особенно стоитъ на томъ,

что если уж рѣчь падеть о деньгахъ , то чтобы пожертвованіе было однажды навсегда и чтобы у него не отнимали времени по пустому. Въ отношеніи къ частнымъ деламъ, ко всему что требуетъ времени, постоянной работы, онъ дѣйствуетъ на основаніи коммерческаго правила: ничего даромъ. За чужой трудъ онъ платитъ долларами и хочетъ, чтобы съ нимъ поступали также: комплименты, по его мнѣнію, вещь пустая, которой нельзя положить на вѣсъ съ положительными услугами; почести и отличія для него вещь непо-стижимая. У него неизмѣнное правило, что всякой трудъ долженъ приносить пользу. Онъ не пускается въ затѣхъ, не станетъ мечтать и сочинять политическія системы, потому что не рѣшится терять времени на то, чтобы шумѣть по улицамъ, или издавать возмутительныя брошюрки. Прежде всего думаетъ онъ о женѣ и дѣтяхъ, о томъ, чтобы ему само-му было подлѣ старость чѣмъ жить; и онъ не повѣрилъ бы, если бѣ ему сказали, что есть страны, въ которыхъ позволяет-ся терять время на то, чтобы угодить сосѣду или поддѣлыва-ся къ какому нибудь сановнику.

Во Франціи дѣло другое: тамъ господствуютъ нравы об-щества празднаго, въ которомъ временемъ не дорожатъ и охотно употребляютъ его на то, чтобы услужить сосѣду. Не-смотря на глупчество грубаго и безразсуднаго либерализ-ма, природа беретъ свое: всякая почесть радуетъ Француза какъ нельзя болѣе, ласковое слово начальника пригодитъ его въ восхищеніе. Французы всегда будутъ такими, какъ были прежде. Они напрасно хлопочутъ: имъ нѣкогда не бывать ни Англичанами, ни Американцами. Они всѣми силами тя-нутся въ Англичане и Американцы; но только перелазни-ваютъ ихъ — и презабавно. Въ Америкѣ есть нѣсколько сель-скихъ должностей, въ Англіи много муниципальныхъ мѣстъ, безъ жалованья. Французы по этому вообразили, что всѣ дол-жностныя лица должны, по настоящему, служить безъ вознагра-жденія, изъ чести. Судя по этой системѣ, можно бы по-думать, что во Франціи много людей богатыхъ и образован-ныхъ, такъ что правительству и избирателямъ всегда есть за кого взяться. Напротивъ: Франція государство бѣдное. Увеличеніе богатствъ въ нѣкоторыхъ коммерческихъ цем-

тразь, разстланных по всему земному шару и въ особенности по Англии и утопченіе образованности, которое было слѣдствіемъ этого, чрезвычайно размножили число предметовъ первой потребности для всѣхъ классовъ. Сто лѣтъ назадъ вы были бы богачемъ, за тридцать лѣтъ достаточнымъ человѣкомъ, получая доходъ, который теперь вамъ жить нельзя. Попробуйте пустить госпожу Sévigné съ ея десятью тысячами дохода на *Almack's*скіе балы или въ нынѣшнія Парижскія гостиницы! А между тѣмъ самый достаточный классъ во Франціи все еще остается при десяти тысячахъ госпожи Sévigné. Я уже не говорю о толпѣ, которая волнуется вокругъ десяти-тысячной аристократіи: объ этихъ жалкихъ существахъ страшно и подумать. За исключеніемъ Парижа и четырехъ или пяти большихъ городовъ, въ остальной Франціи богатыхъ людей такъ мало, что ихъ можно перечесть. Они даже не составляютъ класса. Изъ всѣхъ классовъ народа во Франціи, нѣтъ ни одного, который бы возвышался надъ посредственностію, довольствомъ. Правда, что въ числѣ людей достаточныхъ, праздныхъ очень много и, казалось бы, что правительству есть изъ кого выбирать. Но эти люди, именно потому что они праздные люди и всегда были праздными людьми, что они воспитаны въ идеяхъ и въ атмосферѣ праздности, управлять рѣшительно не въ состояніи и не могутъ содѣйствовать выгодамъ труда и промышленности, которыя въ нынѣшнее время идутъ впереди всѣхъ прочихъ. Всѣ эти праздные люди, конечно, получили литературное образованіе; но дворовое воспитаніе между ними чрезвычайно рѣдко. Эти люди ничего не видѣли; они знаютъ наизусть Римъ и Грецію, а о нынѣшней Европѣ, о нынѣшнемъ мірѣ, понятія не имѣютъ; даже настоящее состояніе Франціи имъ незнакомо. Забавно, что люди толкуютъ о безмѣдной службѣ, а сами не терпятъ аристократіи, не хотятъ удавить бѣдныхъ отъ участія въ управленіи; напротивъ, они проповѣдники либерализма и приверженцы равенства. Они хвастаются привязанностію къ бѣднымъ и воображаютъ себя, что самое вѣрное средство улучшить состояніе народа есть уменьшеніе государственныхъ расходовъ; для нихъ всякое сокращеніе оклада — побѣда, всякая отъѣзда издержки — торжество. Они бьютъ въ себя отъ радости, когда имъ удалось вылезть въ

муниципальный законъ статью, которою мерямъ запрещается принимать что либо отъ общинъ, подъ какимъ бы видомъ то ни было. Главные города обыкновенно назначали своимъ мерямъ вознагражденіе за издержки, къ которымъ ведетъ ихъ это званіе, и отпускали имъ суммы на разные расходы по должности. Это весьма справедливо, потому что въ большихъ городахъ обязанности мера очень хлопотливы, отнимаютъ у человека все время и не позволяютъ ему заниматься своими собственными дѣлами; притомъ служба принуждаетъ меру къ разнымъ издержкамъ, которыхъ парламентскіе сократители, въ своемъ метафизическомъ эмпиреѣ, и вообразить себѣ не могутъ. Въ нынѣшнее время эта статья погубитъ чѣмъ когда нибудь; потому что революція, произведенная вопреки мнѣнію людей богатыхъ, удалила ихъ отъ общественныхъ обязанностей. Что же было слѣдствіемъ этой низкой скарденности: то, что теперь во Франціи никто не хочетъ принять на себя званія мера и что префекты принуждены предлагать его кому нѣ пошло. И вотъ плоды представительнаго правленія!

Правда, что оклады жалованья Американскихъ чиновниковъ вообще не велики. Демократія не любитъ большихъ окладовъ, потому что не постигаетъ ихъ надобности. Работникъ, который получаетъ пять сотъ долларовъ въ годъ, думаетъ, что онъ щедро надѣлилъ чиновника, когда назначилъ ему полторы или двѣ тысячъ: Американцы воображаютъ, что и у нихъ, какъ въ другихъ мѣстахъ могутъ быть двѣ моветы, деньги и почести. Повѣривъ Франклину, они думали, что имъ легко будетъ имѣть хорошихъ чиновниковъ, вознаграждая ихъ больше честью, чѣмъ деньгами. Они ошиблись. У нихъ публичныя должности совсѣмъ не доставляютъ человеку уваженія. Напротивъ. А такъ какъ отправленіе публичныхъ обязанностей не вознаграждается ни честью, ни деньгами, то въ чиновники идутъ только за немнѣишемъ лучшаго занятія. Конечно, есть мѣста, которыхъ ищутъ потому что они доставляютъ власть, хотя удовольствіе повелевать и ижегъ подчиненныхъ обходится иногда очень дорого; но вообще говоря, публичныя должности принимаютъ только тѣ

граждане, которымъ нечего другаго дѣлать, которымъ не удалось въ промышленности. Притомъ, служба для Американца не профессія, а временное занятіе, за пенсіоніемъ лучшаго. Какъ скоро чиновникъ найдетъ возможность выгодно заняться торговлею или промышленностію, онъ службу вскорѣю. Человѣкъ сорокъ воспитанниковъ *Westpoint*ской школы выходятъ ежегодно въ армію поручиками; но третья часть ихъ подаетъ въ отставку послѣ двухъ или трехгодичной службы, потому что жалованье офицера, хотя гораздо больше чѣмъ во Франціи, но все еще ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что получаетъ купецъ или инженеръ. Вотъ почему Американцы все болѣе и болѣе убеждаются въ своемъ заблужденіи и назначаютъ жалованье чиновникамъ, которые прежде его не получали, и возвышаютъ оклады, которые прежде были слишкомъ малы. Впрочемъ средняя пропорціональная окладовъ въ Америкѣ гораздо выше чѣмъ во Франціи, и вообще чиновниковъ, получающихъ слишкомъ малое жалованье, тамъ не много. Изъ числа ста пятидесяти осьми чиновниковъ министерства финансовъ въ Вашингтонѣ только шестеро получаютъ менѣе тысячи долларовъ (пяти тысячъ рублей); но правда, и то, что только двое получаютъ болѣе двухъ тысячъ долларовъ (десяти тысячъ рублей): это система равенства, примѣненная къ жалованью.

Самый богатый купецъ, чиновникъ и работникъ или фермаръ, живутъ совершенно одинаково. Тѣ же привычки, тѣ же потребности. У всѣхъ дома, построенные по одному и тому же плану. Разница только въ томъ, что у одного лишній этажъ и что домъ его шестью или семью фугами по фасаду длиннѣе чѣмъ у сосѣда; но распределеніе и меблировка вездѣ одинаковыя. У всѣхъ ковры отъ порога до чердака; всѣ спятъ на высокой кровати съ колоннами, посреди большой комнаты безъ алькововъ, безъ двойныхъ дверей и съ голыми стѣнами; только у одного ковры похуже, у другаго получше; кровать у богача изъ краснаго дерева, у работника изъ орховаго. Столъ у всѣхъ почти одинаковъ: столько же блюдъ и почти такія же блюда; до того, что если бѣ мнѣ надобно было рѣшить, гдѣ я лучше ѣлъ, въ бо-

гатыхъ домахъ какого нибудь города, или въ сельскомъ трактирѣ, гдѣ рядомъ со мною сидѣлъ за столомъ деревенскій кузнецъ съ засученными рукавами и запачканнымъ лицомъ, то я, право, затруднился бы въ выборѣ. Впрочемъ все это касается до сѣверныхъ частей Союза и въ особенности до новой Англіи, настоящаго отечества Yankee. На югѣ, жизнь владельца плантаціи расширяется всѣмъ, что отнимается отъ жизни работника, потому что послѣдній невольникъ. Впрочемъ, въ послѣднее время и на сѣверѣ, торговля собрала людей въ города и скопила тамъ огромные капиталы. Неравенство состояній и тамъ уже становится чувствительно; стиль новыхъ домовъ въ Chesnut-Street въ Филадельфій, въ которыхъ первые этажи изъ бѣлаго мрамору, показываютъ уже склонность къ аристократизму. Тоже нововведеніе замѣтно и въ Нью-Йоркѣ. Вообще антидемократическое направленіе богатаго кузнечества становится всякой день замѣтнѣе.

Казалось бы, что въ народѣ, который думаетъ только о матеріальныхъ выгодахъ, должно быть много скупыхъ; напротивъ. У жителей юга скупости нисколько не замѣтно; у Yankee еще есть не много; но нигдѣ въ сѣверной Америкѣ вы не найдете гнусной скарденности, которой прихвѣры такъ часто встрѣчаются въ Европѣ и особенно во Франціи. Гарпагонъ въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ; а Гарпагонъ еще далеко отстаетъ отъ гадкихъ, отвратительныхъ скрягъ, какіе водятся въ Парижѣ. Американецъ страстно любить богатство, не потому, чтобы ему весело было собирать сокровища, но потому что богатство есть могущество, рычагъ, съ которымъ можно воротить природою.

Я долженъ еще поминуться передъ Американцами на счетъ одного весьма важнаго пункта. Я сказалъ, что для нихъ всякое дѣло — денежное дѣло; а между тѣмъ есть одно дѣло, которое у насъ, Европейцевъ, имѣетъ этотъ меркантильный характеръ; а у нихъ нисколько: это женитьба. Мы покупаемъ жену за свое богатство, или продаемъ ей за ея приданое. Американецъ выбираетъ ее по красотѣ, уму, качествамъ ея сердца: это единственное приданое, котораго онъ ищетъ.

Такимъ образомъ , между-тѣмъ какъ мы дѣлаемъ торгъ наъ союза самаго священнаго , эти торгоши показываютъ возвышенность чувствъ , благородство , истинно рыцарскія. Этими они обязаны труду. Мы , люди праздные , не въ состояніи улучшить своего состоянія , и потому принуждены справляться о приданомъ невесты , чтобы узнать , будетъ ли намъ тѣмъ жить вѣствъ. Американецъ , который любитъ работу и привыкъ къ ней , увѣренъ , что онъ своею промышленностію всегда прокормитъ свое семейство : и онъ , счастливецъ , не принужденъ считать приданаго.

=

ТОМАСЪ МОРУСЬ

И ЕГО УТОПІА.

Какая эпоха для историка и философа — начало шестнадцатаго столѣтія! Возрожденіе наукъ и реформація, два гигантскія предпріятія, должны были преобразовать міръ, и во всей исторіи человечества нтъ, можетъ-быть, времени, болѣе достойнаго изученія, чѣмъ столѣтіе, когда совершились эти два великія событія. Но нельзя хорошо понять его, если мы станемъ судить объ немъ по однимъ только фактамъ: такое время надобно изучать въ людяхъ. Три колоссальныя фигуры господствуютъ надъ всей этой эпохою и изображаютъ ее собою, — Эразмъ Роттердамскій, Томасъ Морусъ и Лютеръ; первый, какъ символъ тогдашняго рвенія къ наукамъ, извлекаемымъ изъ праха времени; второй (Морусъ), какъ защитникъ прошедшаго и представитель чистаго и искренняго вѣрованія своихъ современниковъ, высокаго благородства души и того нравственнаго величія, которое религія Христа внушаетъ праведнымъ; третій, какъ духъ нововведеній и фанатизма честолюбиваго и разрушительнаго. Все трое отличались также какъ писатели и имѣли величайшее вліяніе на общее мнѣніе. Все трое участвовали въ великомъ умственномъ переворотѣ того времени. Но самая величественная изъ всехъ трехъ, есть, безъ сомнѣнія, фигура Томаса Моруса: хотъ она такъ близка отъ насъ, однако въ ней есть что-то истинно древнее. Характеръ Моруса былъ вообще ошибочно объясняемъ и даже оклеветанъ въ политическомъ отношеніи, а вліяніе, которое произвелъ онъ на современниковъ своею «Утопіею» даже совершенно не понято. Эта книга, которая возбудила въ свое время такой энтузіазмъ, а нынѣ совершенно неизвестна, не-

обходимо должна служить объясненіемъ своего времени: если она имѣла такой необычайный успѣхъ, то, конечно, соотвѣтствовала идеальнѣ и тайннѣ чувствованіямъ своихъ современниковъ, — обстоятельство, котораго критики и не разсматриваютъ.

Томасъ Морусъ, — мы оставляемъ ему это латинское прозваніе, — родился въ Лондонѣ, 1480 года; отецъ его былъ сирь John Moge; мать — мистриссъ Handcombe. Мать умерла тотчасъ послѣ того, какъ разрѣшилась имъ отъ бремени. Какъ обыкновенно случается съ великими людьми послѣ ихъ смерти, родственники окружили его рожденіе таинственными гороскопами и чудесами. Въ самую ночь своего брака мистриссъ Moge видѣла во снѣ, что на обручальномъ кольцѣ ея написано сколько у ней будетъ дѣтей и каковъ будетъ каждый изъ нихъ. Черты одного изъ этихъ дѣтей были такъ мрачны и неопредѣленны, что она едва могла различить ихъ; черты другаго сіяли необыкновеннымъ блескомъ. И дѣйствительно, первый родился преждевременно, второй былъ Томасъ Морусъ.

Первоначальное образованіе онъ получалъ въ коллегіумѣ Св. Антонія въ Лондонѣ и отличался тамъ способностями и трудолюбіемъ. Слухъ о немъ дошелъ до кардинала *Morton'a*, архіепископа Кенторберійскаго и канцлера Англіи, который выпросилъ этого необыкновеннаго ребенка у родителей, чрезвычайно полюбилъ его и нанялъ ему учителей. Потомъ Томасъ Морусъ съ блестящимъ успѣхомъ учился въ Оксфордѣ риторикѣ, логикѣ и философіи. Тамъ онъ обратилъ на себя общее вниманіе своею охотою къ наукамъ и удаленіемъ отъ всѣхъ забавъ, хотя былъ склоненъ къ нимъ по своему веселому характеру. Молодой человекъ работалъ и по охотѣ и по нуждѣ, потому что онъ былъ очень бѣденъ. Осымнадцати лѣтъ отъ роду, Морусъ былъ уже извѣстенъ Европейскимъ ученымъ и приобрѣлъ литературныхъ враговъ. Это было предзнаменованіе вѣрнѣ сна его матери. Враги первые распознаютъ таланты.

Онъ писалъ стихи Англійскіе и Латинскіе, большею частью посредственныя. Латинскіе стихи его — эпиграммы, оригинальныя, или переведенныя съ Греческаго; въ числѣ ихъ есть сатиры на всегдашнія слабости людей и есть также піе-

сы, исполненные христіанской печали и неопредѣленнаго опасенія на счетъ будущности, которая готовила ему огромную литературную славу и страшную кончину. Осьмнадцать лѣтъ онъ уже избралъ своимъ героемъ Пика де ла Мирандола; описалъ на Англійскомъ языкѣ жизнь его, ставъ ученую и благочестивую, и переложилъ въ стихи его «Двѣнадцать правилъ для возбужденія и руководства чловека въ духовной битвѣ», странную поэму, въ которой все правила преподаются дюжинами, и въ которой кромя двѣнадцати правилъ есть еще «двѣнадцать свойствъ или условій любовника» въ духовномъ смыслѣ, и двѣнадцать мечей, которыми чловекъ долженъ сражаться въ этой битвѣ. Молодой Морусъ хотѣлъ вести такую же жизнь, какъ Пика де ла Мирандола, и думать только о Богѣ и наукѣ.

Первыя творенія Моруса произвели большой эффектъ въ ученое міръ: объ нихъ говорили въ Лувенѣ, въ Лондонѣ, въ Парижѣ; Эразмъ, Буда, Беатусъ Ренанусъ знали ихъ и объ нихъ переписывались. Они находили въ авторѣ много простодушія, замысловатости и познанія Латинскаго языка. Особенно нравились его эпиграммы, которыя были во всехъ рукахъ; онѣ не были напечатаны, но ихъ списывали и продавали. Томасъ Морусъ, съ общаго согласія, былъ уже привѣтъ въ члены литературнаго и христіанскаго общества, котораго председателемъ былъ Эразмъ Роттердамскій. Въ тоглашней воинственной и варварской Европѣ, это былъ какъ бы особый, избранный народъ, который жилъ и работалъ ужомъ посреди шуму оружія и политическихъ переворотовъ, не понимая и не стараясь понять ихъ смысла.

Природа избрала Томаса Моруса, чтобы быть представителемъ своего вѣка и всего что въ тогдашнихъ нравахъ было возвышеннаго и благороднаго. Другимъ предназначено было выражать собою пороки и страсти того времени. Двѣдцати лѣтъ чувства Моруса заговорили. Несмотря на строгую, воздержную жизнь, бѣдность и непрерывные труды, его тревожили неизвѣстныя желанія: тѣло возмущалось противъ духа. Морусъ рѣшился побѣдять чувства умерщвленіемъ плоти. Онъ началъ носить власяницу, рѣдко скидалъ ее даже и тогда, когда тѣла утишили въ немъ религіозную пылкость, а передъ смертью опять началъ носить постоянно.

Надъ нимъ смѣялись, говорили, что ему должно быть очень жарко лежать въ власяницѣ; но онъ хладнокровно переносилъ насмѣшки и онѣ не заставляли его оставить этой привычки. Сверхъ-того онъ бичевался по пятницамъ и во все постные дни, «чтобы наказать, говорить внуку его, тѣло свое за возмущеніе и не допустить служанку Чувственность властвовать надъ господиножъ своимъ Разсудкомъ». Онъ часто постился и проводилъ ночи въ бдѣніи, спалъ вообще не болѣе пяти часовъ въ сутки и то на доскахъ, головою на полнѣ, «проучая тѣло свое, говорить тотъ же протодушный біографъ, какъ осла, ударами и дурною пищею, чтобы не поддаваться соблазну шѣги.»

Надобно прочесть въ письмахъ Моруса къ учителю его Colet, трогательное описаніе внутреннихъ бореній молодого человека, чтобы видѣть, какую силу имѣли тогда религіозныя идеи и до чего могли онѣ довести душу честную и благородную.

Между-тѣмъ ему предстояло пораженіе. Ему надобно было или жениться, или вступить въ монастырь. Событіе его возмущалась при видѣ распутной жизни тогдашнихъ католическихъ монаховъ. На женитьбу онъ смотрѣлъ съ удовольствіемъ, хотя прежде писалъ эпиграммы противъ женщинъ; онъ спасся отъ разврата святымъ союзомъ. Даже и въ этой женитьбѣ онъ показалъ христіанскую нѣжность чувствованій. У сира *Colt's*, Эссекскаго джентльмена, были двѣ дочери. Морусъ сначала влюбился въ меньшую; но потомъ подумалъ, что для старшей было бы очень прискорбно, даже унижительно видѣть, что меньшая вышла замужъ прежде ея, и женился на старшей.

Бракъ отвлекъ его отъ созерцательной жизни. Надобно было избрать какое-нибудь состояніе. Молодые были не богаты, и имъ нечѣмъ было бы жить, когда пошлн бы дѣти. Морусъ, по совету отца, которому онъ повиновался съ самаго дѣтства, началъ учиться Правамъ, чтобы сдѣлаться адвокатомъ. Четыре года усиленной работы посвящалъ онъ Правовѣдѣнію, занимался по временамъ и практикою. Морусъ былъ уже женатъ, каждый годъ имѣлъ дѣтей и, несмотря на это, сохранилъ въ домашнемъ быту привычки строгаго христіянина; онъ былъ очень утѣренъ въ пищу, довольствовался

ся однимъ только бисдомъ, пилъ пиво вмѣсто вина, а небрежность его въ одеждѣ была такъ велика, что онъ нередко выходилъ со двора въ изорванной обуви. Молодая жена его умерла въ четвертыхъ родахъ. Съ четырьмя дѣтьми и уже тогда съ множествомъ дѣлъ на рукахъ, Меруль не могъ оставаться вдовцемъ. Черезъ два года, онъ женился во второй разъ, не по плотскому влеченію, говоритъ Эразмъ, потому что вторая жена его была вдова, дурна и въ лѣтахъ, но длетого, чтобы дать дѣтямъ свѣспнѣ мать семейства дѣятельную и благотѣливую. Онъ женился на мистриссъ Alice Middleton, женщинѣ свѣтской, которая смѣлалась надѣ набожностью своего мужа, «дрожажа надѣ салнымъ огаркомъ, говоритъ Меруль, а между-тѣмъ портила въ одинъ разъ прекраснѣйшее бархатное платье.» Меруль всегда обходился съ мистриссъ Alice очень хорошо; но по всей вѣроятности, она знашла ему извѣстное, забавное сравненіе брака съ шашкою, въ которомъ множество зѣтъ и одинъ только угорь. Отъ второй жены дѣтей у него не было.

Репутація, которую онъ пользовался въ званіи адвоката и уваженіе, которое пріобрѣлъ въ торговомъ классѣ своихъ искусствомъ въ разбирательствѣ коммерческихъ тяжбъ, доставили ему мѣсто въ нижней палатѣ. Въ собраніи парламента онъ противился скупому Генриху VII, который требовалъ свадебнаго подарка для своей дочери. Уже и прежде онъ прогнѣвалъ короля тѣмъ, что однажды, когда его, во время обѣдин, звали къ Генриху VII, онъ не пошелъ, сказавъ, что служба Богу важнѣе службы государю. Этотъ поступокъ *безбородаго мальчика*, какъ называлъ его королевскій камергеръ, навлекъ на него немилость двора. Отца его посадили въ башню за какой-то мнимый проступокъ по должности судьи, и потомъ, какъ тогда водилось, обобрали; самъ Томасъ Меруль страшился за свою личную свободу, и, по совету друзей, уѣхалъ во Францію. Тамъ онъ ждалъ, чтобы гроза миновалась, учился Французскому языку, арифметикѣ, геометріи, а иногда разгонялъ скуку изгнанія, играя на виолѣ, которая была любимымъ его инструментомъ; онъ выучилъ играть на ней и дѣтей своихъ и даже старую Alice Middleton; сверхъ-того она играла на лютнѣ, монохордѣ, лаврѣ и каждый день выучивала по новой пьесѣ, чтобы уго-

дять мужу, который въ этомъ отношевіи былъ чрезвычайно
зыскателемъ.

Внезапная смерть Генриха VII позволила Морусу возвра-
титься въ Англію. Изгнаніе при прежнемъ правительствѣ,
оппозиція его въ парламентѣ противъ системы скупости и
притѣсненія, отъ которой новый король первый страдалъ,
сверхъ-того литературная репутація, дружество Эразма и
наконецъ знаменитая Латинская эпитафия, которую онъ
написалъ въ честь королю и королеви, все это необходимо
должно было обратить на него вниманіе Генриха VIII. Ко-
роль спросилъ, кто сочинилъ эти стихи. Ему сказали, что
авторъ ихъ — адвокатъ Морусъ, сынъ одного изъ судей
Кингс-Бенча, другъ ученаго Эразма. Король призвалъ То-
маса Моруса къ себѣ и принялъ его въ свое пагубное мило-
стивое расположеніе. Это была злая судьба, съ которою онъ
боролся двадцать пять лѣтъ и которая наконецъ завела его
на эшафотъ.

Такимъ образомъ фортуна схватила Моруса почти про-
тивъ его воли и поставила посреди двора; а у него, кнесча-
стію, правила были сильнѣе чѣмъ характеръ. Онъ не умѣлъ
ни оттолкнуться отъ двора, ни спокойно въ немъ располо-
житься. Тамъ, гдѣ онъ по совѣсти убежденъ былъ, что при-
нимаетъ ирмо, отъ него требовали признательности какъ за
благодѣяніе; тамъ, куда онъ только допустилъ завлечь себя,
съ нимъ обходились, какъ-будто онъ добивался этого мѣста
своими силами и завладалъ чужими добромъ. Само собою ра-
зумается, что Генрихъ VIII долженъ былъ или умертвить
подобаго человека, или лишить его честнаго имени. Судьба
предопредѣляла Морусу первое.

Молодой адвокатъ былъ представленъ королю тогдашнимъ
первымъ министромъ, кардиналомъ Wolsey (Вольси), который
началъ свое поприще еще дальше, чѣмъ Томасъ Морусъ. По
рекомендаціи Вольси, Морусъ былъ назначаемъ посланни-
комъ то при Карлѣ V, то при Францискѣ I. Эти званія разоря-
ла его и притомъ были ему не по вкусу; онъ принималъ ихъ,
какъ впоследствии другія, высшія мѣста, только потому, что
не умѣлъ ни противиться, ни выбирать. «Званіе посланника
никогда мнѣ не нравилось, писалъ онъ къ Эразму, по воз-
вращеніи своемъ изъ посольства во Фландрію. Оно гораздо

приличнѣ вамъ, духовнымъ, у которыхъ нѣтъ ни жены, ни дѣтей, чѣмъ намъ, людямъ свѣтскимъ и женатымъ. Будучи посланникомъ, я принужденъ содержать два дома, одинъ въ Лондонѣ, другой въ чужихъ краяхъ. Я долженъ однако жъ сказать, что, по возвращеніи моемъ, королю угодно было предложить мнѣ пенсіонъ, важный и въ денежномъ отношеніи и въ отношеніи къ чести, которую бы это мнѣ сдѣлало; но я до-сихъ-поръ не соглашался принять его и вперель не прииму, потому что, въ противномъ случаѣ, я бы долженъ былъ отказаться отъ моего званія въ городской службѣ, а я предпочитаю его всякому другому, даже и лучшему.» Морусъ уже нѣсколько лѣтъ занималъ въ Лондонскомъ City мѣсто, которое соответствуетъ мѣсту головы купеческаго сословія; а это важное званіе дѣлало его членомъ парламента.

Занятія по этому званію и сверхъ того по должности помощника шерифа, не оставляли ему нисколько времени для литературы. Адвокатъ, посредникъ и судья, всегда обремененный клиентами, всегда занимаясь составленіемъ рѣчей и консультацій, «онъ не могъ удѣлить ни малѣйшей частицы времени самому себѣ, то есть литературѣ,» какъ онъ писалъ къ Эгидію. Возвратясь домой, нельзя же было не поговорить съ женою, не поболтать съ дѣтьми, не отдать приказаній слугамъ. Онъ и это также считалъ обязанностями «потому, говорилъ онъ, что непрекѣнно надобно дѣлать все это, чтобы не быть чужимъ въ своемъ домѣ; надобно угождать людямъ, которыхъ природа, случай или выборъ сдѣлалъ на всю жизнь вашими товарищами, однако жъ угождать не до такой степени, чтобы избаловать ихъ излишнею податливостію и сдѣлать слугъ своимъ господамъ.» Но Томасъ Морусъ не говорить еще о двухъ развлеченіяхъ, которыя отнимали у него много времени — о своихъ животныхъ, птицахъ и четвероногихъ, которые занимали у него цѣлый флягель; о своей любимой обезьянѣ, привезенной изъ Индіи, лисицѣ, воронѣ и ласткѣ, которыхъ онъ наблюдалъ враты и еще о своемъ кабинетѣ рѣдкостей, въ которомъ у него были минералы, большія раковины, кораллы. Онъ очень любилъ показывать все это иностранцамъ, которыхъ рекомендовалъ ему какой-нибудь членъ республики христіанской и литератур-

ной. Онъ проводилъ цѣлые часы, объясняя каждую изъ своихъ рѣдкостей и наслаждаясь удивленіемъ посѣтителей.

Между тѣмъ Томасъ Морусъ чувствовалъ необходимость занять почетное мѣсто въ числѣ Европейскихъ литераторовъ. Друзья напоминали ему первые шаги его на этомъ поприщѣ и говорили, что стыдно было бы не исполнить надеждъ, которыя онъ возбудилъ. После времени, посвященнаго дѣламъ и семейству, людямъ и звѣрямъ, послѣ часовъ, употребленныхъ на то, чтобы принимать посѣтителей и расширивать ихъ о Буде, объ Эразмѣ, о Петрѣ Эгидіи, у него оставалось свободнымъ только время обѣда и сна. Обѣдъ его былъ и безъ того коротокъ, но Томасъ Морусъ еще сократилъ его. Онъ состоялъ изъ куска солонины, яицъ, плодовъ и водъ въ жѣстяной кружкѣ. Остальнаго сократить было почти не возможно. Онъ только отмѣнилъ сладостные разговоры за столомъ съ домашними, разговоры, которые придаютъ прелесть даже самому бѣдному обѣду. Сонъ былъ ему очень нуженъ при непрерывной работѣ; онъ, однако жъ, сократилъ его нѣсколькими часами, которые употреблялъ на чтеніе въ своей библіотекѣ, или на медленное и часто прерываемое составленіе книги, которая должна была прославить его и доставить ему почетное мѣсто въ числѣ возродителей просвѣщенія. Эта книга была «Утопія».

Томасу Морусу было тогда тридцать пять лѣтъ. «Утопія», оконченная въ 1517 году, издава только въ 1518. Въ эти года онъ жилъ довольно счастливо, хотя былъ заваленъ работою. Въ чужихъ краяхъ, во Фландріи, во Франціи, Томасъ Морусъ встрѣчался съ друзьями просвѣщенія; наслаждался бесѣдою съ ними и погружался въ нѣтъ книги. Возвращаясь въ Лондонъ, онъ находилъ повсюду уваженіе, семейныя привязанности и умѣренную милость при дворѣ. Въ этомъ спокойномъ и счастливомъ расположеніи духа, Морусъ написалъ свою «Утопію», книгу необыкновенную, въ которой онъ начерталъ, сообразно съ идеями и нравами своего времени, картину идеальнаго общества, идеальнаго правительствва, идеальнаго политическаго благосостоянія. Эти мечтанія, конечно, странны; но они показываютъ, какими образомъ, въ тѣ времена физическихъ несчастій и умственнаго пробужденія, понимали общество и благополучіе.

По странному случаю, о скоромъ появленіи Утопіи начали говорить именно тогда, когда разнесся слухъ о новой войнѣ съ Турками «новой комедіи, писалъ Эразмъ, которую кабинеты и папа намѣрены сыграть подъ предлогомъ священной войны.» Селимъ, завоевавъ Египетъ и Сирію, собралъ многочисленную армию и открыто угрожалъ Европѣ уничтоженіемъ христіанскаго имени. Левъ X издалъ воинственную буллу, которою повелѣвалъ приватъся за оружіе всѣмъ женатымъ людямъ отъ двадцати шести до пятидесяти лѣтъ. Этою же буллою предписано было женамъ, которыхъ мужья пошли на войну, не забавляться ничѣмъ въ домахъ своихъ, воздерживаться отъ нарядовъ, отъ всякихъ удовольствій, не пить вина и поститься черезъ день «для того, сказано было въ буллѣ, чтобы Богъ оказалъ свое покровительство мужьямъ ихъ, которые участвуютъ въ такой кровавой войнѣ». Это повелѣніе распространилось и на тѣхъ женъ, которыхъ мужья были избавлены отъ военной службы. Онѣ должны были спать въ одной комнатѣ съ мужьями, но отдѣльно отъ нихъ, и не принимать супружескихъ ласкъ до счастливаго окончанія войны. Само собою разумѣется, что «Утопія», которая прославляла миръ, женила только любовисковъ и общала семействамъ уваженіе и свободу, не могла выйти болѣе во время.

Морусъ, не приступая еще къ печатанію своей книги, показывалъ ее *Tunstall*'ю, Петру Эгидію, *Budé*, *Deloigne*'ю, Эразму; послѣднему и прежде всѣхъ прочихъ. Онъ искренно требовалъ отъ нихъ не похвалъ, а совѣтовъ, искренно также просилъ Эразма прочесть его рукопись *Tunstall*'ю, «для того, говорилъ онъ, что книга покажется ему лучше, когда будетъ объяснена Эразмомъ». Простодушная несообразность въ желаніяхъ честнаго человека и литератора, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ истины, а другой ея боялся. По другой несообразности того же рода, онъ скромно подвергалъ «Утопію» критикѣ своихъ пріятелей, а на бѣдную публичку смотрѣлъ съ надменностію великаго писателя. «Вкусы смертныхъ, писалъ онъ къ Эгидію, столь различны, умы большей части изъ нихъ столь прихотливы, сужденія ихъ столь пелѣшны, что съ ними нельзя надѣяться на успѣхъ, бы предвѣдалъ всей свободѣ и небрежности генія, ни забогаясь всѣми силами о томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь пріятное этимъ пресмыщеннымъ,

или грубым вкусомъ. Варваръ отвергаетъ какъ грубое все то, въ чемъ недовольно варварскаго. Полу-ученый называетъ пошлымъ все, что не манничкаво обаятельно словами. Одинъ дотога строгъ, что не позволяетъ ни малѣйшей шутки; другой такъ приторенъ, что не чувствуетъ остроты; тѣ до такой степени непостоянны, что стол бранить то же самое, что хвалили сидя. Есть еще кабачные мудрецы, которые судятъ авторовъ при званіи бокаловъ и умы неблагодарные, которые, любя книгу, ненавидятъ автора, точно какъ воспитанные люди, отобѣдавъ въ гостяхъ, уходятъ какъ-скоро нанились нѣкимъ и даже не поблагодарятъ хозяевъ.» Все это, конечно, справедливо и хорошо сказано; но истинная слава именно въ томъ и состоитъ, чтобы усуждать всѣмъ вкусомъ.

При этомъ первомъ опытѣ «Утопія» имѣла большой успѣхъ: Бюде предложилъ написать къ ней предисловіе; Эразмъ вызвался надзирать за ея печатаніемъ у пріятеля своего, Фробена. Такимъ образомъ крестными отцами «Утопіи» сдѣлались знаменитый книгопродавецъ и два извѣстѣйшихъ литератора того времени. Морскъ со всѣхъ сторонъ получалъ похвалы и поощренія. Его республику славилъ выше республикъ Римской, Спартанской и Аѳинской; геній его называли божественнымъ. А онъ чувствовалъ живѣйшее и благороднѣйшее изъ всѣхъ наслажденій, удовольствіе литератора честнаго челоючка, когда онъ создалъ хорошее твореніе, которому отдають справедливость. То была, какъ выражались въ его время, дни изъ шелку и золота, въ жизни, которая кончилась такъ несчастно. То было свѣтлое солнце посередѣ тумана его трудолюбивой и обремененной нуждами юности и бурь его зрѣлаго возраста. Онъ наслаждался славою, упоеніемъ, столь сладостнымъ для челоючка, котораго сердце чисто, и который, занимаясь литературою, еще не лишился простодушія. «Дай Богъ мнѣ умереть, о драгоценнѣйшій изъ друзей моихъ, писалъ онъ къ Эразму, если одобреніе, котораго Tunstall удостоилъ мою республику, не освѣтливало меня такъ, какъ никогда бы не освѣтляло Аѳинскій талантъ. Ты не можешь вообразить, какъ я радуюсь, какъ я поднимъ голову, какъ я выросъ въ собственныхъ своихъ глазахъ! Мнѣ кажется, что мои Утопійцы выберутъ меня въ цари на всю жизнь. Я воображаю себѣ, какъ иду поредъ

нии, увѣнчанный хлѣбными колосьями, эмблемою перховой власти въ «Утопiи», какъ хороши буду въ моей францисканской рясе и какъ, въ этой столь простой пышности, я пойду на встрѣчу посланникамъ и иностраннымъ принцамъ, которые гордятся, несчастные, тѣмъ, что носятъ женскіе наряды и украшенія, цѣпочки изъ золота, которое все мы въ Утопiи презираемъ, пурпуръ, перлы и другія нецѣпныя прикрасы, въ которыхъ они такъ сившны.» Нельзя не тронуться добрымъ, любезнымъ тономъ этихъ дружескихъ призывій; нельзя не видѣть въ нихъ сердца честнаго челоуѣка подл радостью хвалнаго литератора.

«Утопiя» вышла въ 1518 году. Публика подтвердила приговоръ пріятелей Томаса Моруса. Во всей Европѣ слышимъ былъ шумъ одобренія. Ученые, политики, судьи, государи, все читали эту книгу. Ни «Colloquia» Эразма, ни его «Похвала глупости» не расходились такъ скоро. Ученые еще читаютъ «Colloquia» Эразма и его Похвалу глупости; но никто уже не читаетъ Утопiи. Отчего? Оттого, что эта книга могла быть понята только своею эпохою, ея тайными надеждами.

Чтобы оцѣнить Утопiю какъ должно, надобно вспомнить состояніе умовъ, во время возрожденія наукъ и особенно въ первые годы шестнадцатаго столѣтія. Тогда прошло еще не болѣе ста лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ открыта была Америка и еще мекте съ-тѣхъ-поръ какъ стала занимать полезными званіями. Общество страдало отъ всехъ золъ, какія только могутъ породить дурныя правительства, своеволіе, безпорядокъ, несправедливыя и жестокія войны. Съ одной стороны дѣсныя, неправдоподобныя рассказы о странахъ, недавно открытыхъ въ Новомъ Свѣтѣ, воспламеняли многія романтическія головы. Съ другой, творенія древности были извлечены изъ забвенія, ихъ усердно печатали, съ восторгомъ изучали; и эти книги распростирали въ образованномъ классѣ тайную наклонность къ республиканскимъ идеямъ Грековъ и Римлянъ. Эти два начала умственнаго возбужденія итшались во многихъ головахъ и посреди насущныхъ золъ Европы, мечтатели воображали себя, что они перенесли къ антиподамъ, въ очарованныя страны, гдѣ люди наслаждаются идеальнымъ благополучіемъ, какъ они его себя представля-

ли. Морусъ сдѣлался истолкователемъ этого неопредѣленнаго желанія, законодателемъ этого «Нѣмецкаго отечества» тѣхъ временъ. Изъ матеріаловъ тогдашняго общества, съ его вѣрніями и чувствованіями, онъ построилъ въ Америкѣ государство, полу-монархію, полу-республику и осуществлялъ тамъ все, что Греки придумали самаго увлекательнаго, чего люди шестнадцатаго столѣтія осмысливались втѣлѣнъ желать. Тогда во всей Европѣ чувствовали необходимость христіанской и литературной общности, религій, очищенной отъ грубыхъ злоупотребленій среднихъ вѣковъ, мира, тишины и особенно сельскаго благополучія, которое было совершенно невозможно, по причинѣ безпрерывныхъ войнъ и безпорядковъ. Морусова «Утопія» соответствовала всемъ этимъ идеямъ и желаніямъ, и вотъ почему она такъ нравилась, почему ей удивлялись, душой понимали каждую строку ея, и предпочитали ее Платоновой «Республикѣ».

Нашъ вѣкъ читаетъ много передѣлокъ «Утопіи», хотя авторы этихъ передѣлокъ и не знали оригинальнаго сочиненія. Ученія Сенсимонистовъ и Фурьеристовъ находятся въ «Утоліи»; нападки на право собственности находятся въ «Утопіи»; обоготвореніе нищаго также находится въ «Утопіи». Нѣсколько идей, возможныхъ въ принятіи, блестятъ посреди этихъ мечтаній, столбъ благородныхъ и замысловатыхъ. Есть правила, которыя Беккарія цѣлкомъ перевелъ со всеми ихъ развитіями, изъ «Утопіи» въ книгу свою «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». «Утопія» есть не что иное какъ тема абсолютнаго блага, которую умы пылкіе и нетерпимые передѣлывали во все времена, стараясь утѣшиться въ томъ, что въ мірѣ, въ которомъ она живетъ, нѣтъ даже и блага относительнаго. Посмотрижь эту странную книгу.

Морусъ предполагаетъ, что будучи, вмѣстѣ съ *Cuthbert'омъ Tunstall'емъ* въ Антверпенѣ, посланниками дря Карла V, онъ часто встрѣчалъ въ домѣ своего друга какого-то Рафаила Пелюдея, нѣкогда товарища Америка Веспуччи, что этотъ Пелюдей много видѣлъ и путешествовалъ. Они разговаривали о философіи, о несчастіяхъ рода человеческого, о средствахъ, которыми можно сдѣлать людей лучшими, правительства болѣе справедливыми, и уменьшать воровство. Вопросъ о воровствѣ былъ предметомъ особаго

разговора. Нелодей приводитъ двѣ причины распространенія его, замѣчательныя потому, что онѣ изображаютъ тогдашнее время. Первою причиною полагаетъ онъ множество равенныхъ солдатъ, которые не въ состояніи заниматься ни земледѣліемъ ни ремеслами и принуждены кормиться воровствомъ; второю множество слугъ, принадлежащихъ богачамъ, «кося, которыхъ живутъ въ лѣности, не производя ни капли меду.» Какъ-скоро господинъ умретъ, слугъ распускаютъ и они принуждены или томиться голодомъ или нападать на проходящихъ. Исследовавъ эти причины, Нелодей прѣступаетъ къ разсмотрѣнію наказаній. «Сившию я велюпо, говоритъ онъ, назначать одинаковое наказаніе за воровство и за убійство. Если разбойникъ знаетъ, что за убійство ему будетъ то же самое что за одно воровство, то, разумеется, онъ зарѣжетъ несчастнаго, котораго безъ того только обобралъ бы; это не только не увеличитъ его наказанія, но еще убавя ограбленнаго, онъ уничтожаетъ свидѣтеля и скорѣе можетъ надѣяться, что избѣжитъ наказанія.» Смертную казнь, назначаемую за воровство, Нелодей замѣняетъ системою наказаній, которая походитъ на каторжную работу. Онъ говоритъ также, что въ одной странѣ, подвластной Персіи, ворамъ отрываютъ ухо.

Въ заключеніи Нелодей говоритъ, что общество не можетъ быть хорошо управляемо, если не уничтожать права собственности. Участвующіе въ этомъ вымышленномъ разговорѣ возстаютъ противъ подобнаго утвержденія, и Морусъ, который и себя помѣстилъ тутъ же, опровергаетъ идею Нелодей, въ особенности потому, что она не возможна въ исполненіи. Нелодей возражаетъ, что во время своихъ путешествій онъ видалъ страну, въ которой эта идея осуществлена и притомъ съ совершеннымъ успѣхомъ. — Какаа жѣ это страна? спрашиваютъ присутствующіе. — Утопіа. Путешественники просятъ рассказать все что онъ видалъ въ этой дивной странѣ. Нелодей рассказываетъ и такимъ образомъ Морусъ приводитъ свое описаніе Утопіи.

Островъ Утопіа лежитъ за Атлантическимъ Океаномъ. Онъ получилъ свое имя отъ Утопіа, царя одной сосѣдней страны, который завоевалъ этотъ островъ и далъ ему нѣкоторые изъ своихъ законы. Столица Утопіа, первый изъ пятидеся-

ты четырех находящихся тамъ городовъ, называется Аморотю.

Въ этой странѣ всѣхъ должностныхъ лицъ, даже и царя, назначаютъ по выборамъ. Царь не отличается отъ другихъ гражданъ ничѣмъ, кромѣ того, что вмѣсто скипетра носить въ рукѣ снопъ хлѣба. Послѣ государя важнѣйшій сановникъ есть первосвященникъ; передъ нимъ всегда ходитъ человекъ съ восковой свѣчей въ рукѣ. (Тогдашніе мечтатели назначали эту роль папѣ).

Основаніемъ гражданскаго устройства служитъ связь семейная. Каждое семейство состоитъ изъ сорока человекъ, мужчинъ и женщинъ, и сверхъ того изъ двухъ невольниковъ, потому что въ Утоніи есть невольники. На каждыя тридцать семействъ есть начальникъ который называется филархомъ и котораго власть простирается на старшихъ членовъ семейства; а на каждыхъ десять филарховъ, есть высшій сановникъ, который называется протофилархомъ. Протофиларховъ всего двѣдцать; они избираются на годъ; въ случаѣ упраздненія престола, они выбираютъ царя изъ двухъ кандидатовъ, назначенныхъ народомъ и составляютъ советъ правительствующаго государя. Этотъ советъ собирается черезъ три дня. Въ важныхъ случаяхъ обращаются къ народу. Каждый филархъ созываетъ подвѣдомна себѣ семейства, собираетъ ихъ мнѣнія и доноситъ о результатѣ сенату. Сенатъ состоитъ изъ ста шестидесяти двухъ гражданъ, по три съ каждаго города и собирается ежегодно въ столицѣ. Члены сената всегда старики. Всѣ должностныя лица, по исполнительной и по законодательной части, избираются только на годъ, за исключеніемъ государя, который назначается на всю жизнь.

Кромѣ женщинъ, все принадлежитъ всѣмъ. Кому нужны плугъ, платье, инструменты, тотъ долженъ идти за ними къ судѣ. Для путешествій, которыя нельзя предпринять иначе какъ съ позволенія судей и съ согласія отца и жены, не нужно ни денегъ ни припасовъ, потому что въ Утоніи все общее. Иностранецъ вездѣ пользуется гостепріимствомъ, но долженъ заплатить за него какуюнибудь работу. Время путешествія ограничено.

Земледѣліе есть родъ конскрипціи, отъ которой никто не можетъ быть уволенъ. Каждый городъ высылаетъ ежегодно въ деревни по двадцати молодыхъ людей, которые должны обучаться земледѣлію. Впрочемъ, тѣ, которымъ это занятіе не нравится, могутъ возвратиться и замѣняются другими.

Кромѣ земледѣлія, всякой обязанъ знать какое нибудь ремесло, то есть долженъ быть ткачемъ, каменщикомъ, плотникомъ или столяромъ. Тѣ, въ комъ замѣтно особенное расположеніе къ наукамъ, увольняются отъ механическихъ работъ; но если результаты не соответствуютъ надеждамъ, которыя эти люди сначала подавали, то ихъ снова обращаютъ въ классъ ремесленниковъ. Государь избирается изъ тѣхъ ремесленниковъ, которые, по своимъ способностямъ, заняли почетное мѣсто между учеными.

Работа въ Утопін очень умирена. Сутки гражданина разделяются на три части: шесть часовъ онъ долженъ работать, десять часовъ можетъ отдыхать или дѣлать что ему угодно; восемь часовъ назначается на сонъ. Въ часы отдохновенія читаются публичныя лекціи для тѣхъ, кто хочетъ заниматься литературою и науками. По вечерамъ явотъ, всѣ работаютъ въ саду, потому что у каждаго семейства долженъ быть свой садъ; а зною собираются въ большія залы, гдѣ играютъ, не въ азартную игру, но въ нравственную, которая похожа на шахматы и въ которой сражаются добродѣтели и пороки, представляемые деревянными шахматами. Это единственная война, известная въ Утопін. Въ случаѣ нападенія со стороны вѣнскихъ непріятелей, имъ противопоставляютъ наемное войско, Утопійскихъ Швейцарцевъ. Эта армія содержится на счетъ денегъ, собираемыхъ за вывозъ хлѣба. Вотъ единственное употребленіе, на которое они обращаютъ деньги, потому что Утопійцы пренебрегаютъ имъ, какъ главную причину золь человечества, а изъ драгоценныхъ металловъ дѣлаютъ себѣ ночные сосуды. Кандалы галерныхъ невольниковъ — потому что въ Утопін есть каторжные работники — кандалы дѣлаются изъ золота. Человѣкъ, который сдѣлалъ какой нибудь важный проступокъ, заставляютъ въ наказаніе за это носить золотыя серьги.

Объезжают все въ большыя залы, гдѣ собираются тридцать семействъ, то есть тысяча двѣсти человекъ, подъ предсѣдательствомъ своего филарха. Уживаютъ не иначе какъ съ музыкой. За десертомъ подаютъ всякія конфекты и вареныя. Духи и куренья распространяютъ въ залѣ пріятный запахъ. Утопійцы такого мнѣнія, что всякое наслажденіе позволительно, какъ скоро оно не влечетъ за собою вредныхъ послѣдствій. Они чрезвычайно чувственны и говорятъ, что все удовольствія назначены человеку для того, чтобы онъ наслаждался ими, не дѣлая изъ нихъ злоупотребленія. Они убѣждены, что предаваясь влеченію къ удовольствіямъ, исполняютъ законъ природы.

Когда смертельная болѣзнь постигаетъ ихъ посреди этой жизни удовольствій безъ злоупотребленія, работы безъ утомленія, благосостоянія безъ роскоши, свободы безъ львостя, жрецы и филархи приходятъ убѣждать больного, чтобы онъ принявъ усыпительное питье и такимъ образомъ перешелъ безъ страданій изъ этой жизни въ другую. По ихъ философіи лучше умереть, чѣмъ страдать. Впрочемъ больвой можетъ также и ждать минуты, когда Богъ воззоветъ его къ себѣ. Никто не обязанъ принимать усыпительнаго питья; это не законъ, а только отеческій совѣтъ. Самоубійство, уважаемое въ подобномъ случаѣ, во всѣхъ другихъ оуждается. Если Утопійецъ лишилъ себя жизни потому только, что она ему надоела, то онъ не удостоивается погребенія и тѣло его выбрасываютъ на живодерню.

До вступленія въ бракъ обрученные должны осмотрѣть другъ друга. Это производится въ присутствіи двухъ выборныхъ, пожилой женщины и нѣкотораго рода врача ad hoc, которые подвергаютъ ихъ такому же осмотру какъ рекрутовъ въ рекрутскомъ присутствіи. Когда обрученные видѣли такимъ образомъ другъ друга безъ покрова и объявляя, что они одинъ другому довольны, ихъ женятъ. Если — чего на тѣлѣ не видно — характеры ихъ несогласны, то супружество позволено развестись съ общаго согласія. Прелюбодѣяніе наказывается въ первый разъ разбѣгомъ, во второй смертію. Это единственный случай, въ которомъ назначается смертная казнь.

Всѣ религіи терпимы въ Утопін, но жители особенно любятъ христіанскую религію, съ которою познакомили ихъ Нелодей и трое его товарищей. Утопій, завоевавъ этотъ островъ, прежде всего постановилъ, что всякой имѣть право исповѣдовать какую угодно религію; но можетъ обращать другихъ въ свою вѣру только кротостію и убѣжденіемъ.

Таковы главныя идеи этой книги, которая имѣла въ свое время успѣхъ столь блестящій. Многіе писатели утверждали, будто она была критика тогдашнихъ обществъ и правительствъ. Это несправедливо. Мы уже говорили, какииъ образомъ должно понимать «Утопію». До-сихъ-поръ никто еще не взвѣсилъ надлежащиъ образомъ политическаго вліянія этого творенія; между-тѣмъ оно было весьма велико. Этузіазмъ, который возбуждала книга Моруса, болѣе всего расположилъ умы къ принятію первыхъ нововведеній реформаціи. Такой результатъ былъ совершенно противенъ намѣреніямъ автора, который впоследствии самъ возсталъ противъ Лютера и еще въ своей «Утопін» постановилъ правиломъ, что нововводители въ религіи должны быть изгнаны изъ отечества, какъ возмутители общественнаго спокойствія. Однако жъ первые реформаторы были просто — утописты, люди, налитанные романическими понятіями о счастіи общества, созданнаго воображеніемъ Моруса. Не подлжитъ, кажется, сомнѣнію, что эта самая книга послыла первые зародыши демократическаго направленія между приверженцами религіозныхъ перемѣнъ. Мечтались тогда уже думать о христіанской республикѣ, объ идеальномъ политическомъ благоденствіи. Свирѣпость бури и продолжительныя кровавыя распри заставили забыть книгу; но пагубныя сѣмена не были истреблены и таились въ почвѣ.

Это сочиненіе сдѣлало много вреда Европѣ; но оно же было, можетъ быть, и причиною всѣхъ несчастій своего автора, который, по своему прямодушію, счелъ долгомъ своимъ противодѣйствовать сдѣланнымъ правиламъ, изложенныхъ въ книгѣ, и поддерживать католицизмъ, какъ существующую религію, наперекоръ нововводителямъ, которыхъ ревніе воспламенялось собственнымъ его твореніемъ.

Дружба Томаса Моруса съ Эразмомъ была всего тѣнѣе въ этотъ періодъ его жизни; они вели между собою самую

постоянную, пріятельскую переписку. Въ это время они болѣе нежели когда нибудь понимали и любили другъ друга и дѣлали одинъ другому угожденія, которыя составляютъ важную дружбу. Письма ихъ исполнены искренности и доверенности. Они никогда не разсуждаютъ въ нихъ о религіи, не толкуютъ объ общихъ друзьяхъ, о литературѣ, о третьей пенсіи, которую Эразмъ проситъ Моруса принять за него, о счетахъ по Эразмовымъ кинганъ, которыя Морусъ продавалъ въ Англіи, о домашнемъ бытѣ, о трудахъ, употребленіи времени, литературныхъ врагахъ, великожь предметъ пріятныхъ жалобъ и сладостныхъ огорченій для литературной братии. Эти два человека во всѣхъ отношеніяхъ сходствуютъ и согласуются между собою. Благоразуміе Эразма принимаетъ въ глазахъ Моруса цвѣтъ его собственной терпимости. Скептицизмъ его, который, впрочемъ, никогда не доходилъ до отрицанія, встречается въ Томасѣ Морусѣ встрѣчавшую, которую могъ разбудить только звучный гомель Лютера. Тогда только, когда этотъ человекъ бросилъ въ христіанскій міръ свои слова, которыя обратилъ въ мечи. Морусъ и Эразмъ, жившіе до тѣхъ поръ въ такой дружбѣ между собою, начали любить другъ друга менѣе прежнего, какъ обыкновенно случается съ друзьями, которые пристали къ двумъ противоположнымъ партіямъ и которыхъ чувствованія охлаждены мѣтнвѣнн. Эразмъ сталъ говорить тогда, что если въ дѣлахъ вѣры, Морусъ склоненъ къ чему нибудь, то скорѣе къ суевѣрію, чѣмъ къ религіи. Морусъ началъ думать, что Эразмъ отказывается отъ дѣятельныхъ, ежедневныхъ споровъ съ Лютеромъ, только потому что втайнѣ склоненъ къ ереси и что онъ по недостатку рѣшительности позволялъ другому поднять знамя диспута.

Извѣстно, что Эразмъ написалъ свою «Похвалу глупости» *Elogium Morias*, для Моруса и въ заглавіи этого творенія сдѣлалъ каламбуръ, *Morus* и *Morias*. Схоластика, университета, грамматки были осмѣяны въ этой книгѣ. Луценскій богословъ и грамматикъ Мартинъ Дорпціонъ напалъ на книгу Эразма. Морусъ, который былъ нѣсколько знакомъ съ Дорпціономъ, вступился въ это дѣло и написалъ къ критику строгое письмо, въ которомъ защищалъ и самаго Эразма и его шутки. Эразмъ готовъ былъ отслужить Морусу тѣмъ же,

но не представлялось случая, и притомъ онъ принималъ вещи не такъ горячо какъ Морусъ. Онъ доказалъ это, и отчасти къ стыду своему, въ ссорѣ своего пріятеля съ Германскимъ гелергеромъ Бриксіусомъ, который былъ гораздо более дружитъ съ Эразмомъ, чѣмъ Дорпціонъ съ Морусомъ. Ссора эта очень хорошо рисуетъ тогдашніе литературные нравы и имѣетъ съ тѣмъ дваетъ величайшую честь характеру Моруса.

Этотъ Бриксіусъ написалъ Латинскую поэму въ честь Французскому кораблю, котораго капитанъ, явко Негвѣ, летѣлъ на воздухъ со всѣмъ экипажемъ, чтобы не сдаться Англичанамъ. Поэма Бриксіуса появилась во время послѣднихъ войнъ Франціи съ Англіею. Стихи были довольно гладкіе, но надутые. Морусъ, какъ добрый Англичанинъ, не любилъ, чтобы восхваляли Французовъ; но главное преступленіе Бриксіуса состояло въ томъ, что въ его поэмѣ были въкоторыя насмѣшки надъ самимъ Морусомъ и надъ его эпиграммами. Морусъ отвѣчалъ на сатирическіе памфлеты Бриксіуса залпомъ осьми эпиграммъ, которыя насмѣшниковъ обратили на его непріятеля въ такое время, когда смѣшнить было не легко, потому что критики сочинялись по-Латыни. Бриксіусъ приписывалъ капитану Негвѣ Лукановскіе подвиги: герой его навалывалъ огромныя груды мертвыхъ, отпущалъ такіе удары мечомъ, что разскалъ по пяти и шести человекъ вдругъ, и *стрѣлами* съонки пронизывалъ по нѣскольку воиновъ, кромѣ множества другихъ богатырскихъ дѣлъ, приличныхъ только храбрости ученаго, который отроду не видывалъ войны. Между прочимъ онъ сравнивалъ Французскаго капитана съ Деціемъ. «Это справедливо, отвѣчалъ Морусъ: только есть маленькая разница: одинъ умеръ добровольно, а другой рѣшился умереть потому, что не успѣлъ убѣжать.»

Бриксіусъ былъ разраженъ въ прахъ отвѣтомъ Моруса. Нѣсколько лѣтъ онъ молчалъ, какъ подобаетъ побѣжденному. Но успѣхъ Утопіи разсердилъ его; онъ написалъ книжонку «Анти Морусъ», въ которой снова принялся за старинныя эпиграммы своего врага, перескотрѣлъ все собраніе его латинскихъ стихотвореній, и съ важностью отивталъ все, даже самыя маловажныя, ошибки противъ языка и развѣра въ

*

произведеніяхъ, писанныхъ Морусомъ по восемнадцатому или двадцатому году. Онъ придрался и къ знаменитой эпитаграмѣ Генриху VIII, утверждалъ, что она оскорбительна для памяти отца его, Генриха VII; а это было уже чистая злоба: такой доносъ становится опаснымъ въ 1520 году, когда порицаніе пороковъ отца могло уже относиться и къ сыну. Потомъ шли обыкновенныя въ то время шутки: Бриксіусъ, сдѣлавъ каламбуръ изъ имени Моруса, называлъ его на этомъ основаніи глупцомъ.

Эразмъ, кажется, виновать былъ въ томъ, что, узнавъ во время, что Бриксіусъ готовитъ книжоку противъ Моруса, не принудилъ его, своимъ вліяніемъ, оставить это намереніе, а потомъ когда «Анти-Морусъ» появился, не убѣждалъ автора выкупить и истребить проданные экземпляры. Впрочемъ, когда зло было только вполонину сдѣлано, Эразмъ написалъ Бриксіусу строгій выговоръ. «Твоей книги никто не читаетъ, говорилъ онъ: я еще не слышалъ, чтобы кто-нибудь похвалялъ ее, даже твои Французы. Я совѣтовалъ Морусу не отвѣчать тебѣ, не для своей репутаціи, а для спокойствія своего. По моему мнѣнію, и общественныя приличія, и польза наукъ, требуютъ, чтобы люди, посвященные въ литературу, не дрались между собою, и чтобы Граціи не отдавались отъ Музъ въ такое время, когда многіе ненавидятъ классъ литераторовъ.» Морусу совѣтовалъ Эразмъ пренебречь эту ссору и отвѣтомъ не придавать важности нападенію. Эразмъ принималъ здѣсь на себя посредничество отъ имени знанія мірскаго и духовнаго, и Морусъ былъ достоинъ его совета. Дѣлоисн литературы представляютъ мало примѣровъ такого благородства, какое замѣтно въ слѣдующемъ отрывкѣ письма Моруса къ Эразму, гдѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ насмѣшекъ изъ Бриксіусомъ, позволительныхъ даже самому скромному автору, Морусъ является прекраснымъ человекомъ и прекраснымъ другомъ. «Что касается до меня, любезный Эразмъ, то, желая доказать, что повинуюсь тебѣ гораздо больше чѣмъ твой Бриксіусъ, съ полученіемъ письма твоего, которое для меня важнѣе всѣхъ личныхъ расчетовъ, я поступилъ совсѣмъ иначе нежели какъ мой противникъ, хотя онъ и хвастается, что послушаетъ каждому твоему звуку и что кошелекъ у него набитъ туго.

Онъ такъ много уважаетъ твои соавты, что не рѣшился выкупить и сжечь экземпляровъ своей книжицы, не захотѣлъ скрыть отъ свѣта пеллпостей, способныхъ обезчестить имя Бриксіуса, которое онъ смятлся прославить всѣми средствами, такъ, что смѣшно смотрѣть на него. Я, любезный мой Эразмъ, за исключеніемъ двухъ экземпляровъ, которые отправлены до полученія письма твоего одинъ къ тебѣ, а другой къ Эгидіусу, и еще пяти, которые уже были взяты у книгопродавца, — потому что письмо твое пришло слишкомъ поздно, я выкупилъ все изданіе, и держу его подъ ключомъ, ожидая что ты прикажешь съ нимъ дѣлать.»

Десять лѣтъ литература составляла главное занятіе Моруса. Репутація его въ то время была такъ велика, имя его сдѣлалось столь значимымъ, что Эразма со всѣхъ сторонъ просили написать портретъ своего друга. Въ 1519 году онъ изобразилъ его, въ одномъ мѣстѣ, прелестными чертами. Морусу было тогда около сорока лѣтъ. Росту онъ былъ выше средняго, члены имѣлъ пропорціональные, походку благородную; только держалъ голову нѣсколько на лѣвую сторону, и потому одно плечо казалось выше другаго. Цвѣтъ лица былъ у него бѣлый съ легкимъ румянцемъ, волосы темношагановые, глаза голубые съ крапинками, что въ то время считалось признакомъ счастливаго генія; физиономія его выражала доброту и веселость. Эразмъ рассказываетъ, что руки у Моруса были жесткія, немытыя, одежда не опрятная, ни малѣйшей изысканности въ образѣ жизни; что онъ никогда не носилъ ни шелку ни золота, ни даже золотой дѣлочки, кромѣ только тогда, когда принужденъ былъ носить ее по должности и когда не надѣть цѣпочки было бы не прилично; что голосъ у него былъ тихій, провинцальный, довольно невыразительный; что онъ говорилъ не слишкомъ медленно, не слишкомъ скоро; что обращеніе его было любезно, привлекательно, совершенно чуждо этикета, который господствовалъ въ его время и въ его отечествѣ и который онъ считалъ женскимъ дѣломъ; что онъ страстно любилъ спокойствіе и свободу, но былъ чрезвычайно дѣятеленъ, ревностенъ и терпѣливъ, когда того требовали дѣла; что онъ, казалось, родился для дружбы, такъ невыскателенъ былъ въ выборѣ друзей; что онъ всегда старался удерживать ихъ,

жертвовалъ дѣламъ пріятелей своими собственными, и не смотря на то что говорить Гезіодъ, друзей у него много, писалъ Эразмъ; а если который изъ нихъ перестаетъ быть достойнымъ Моруса, онъ покидаетъ его какъ-будто случайно и развязываетъ, а не разрываетъ дружескую связь. Онъ не любилъ игры, ни въ мячи, ни въ карты, ни въ кости, предпочиталъ ей бестду пріятелей, и смыхъ печальныхъ развеселялъ шутками, на которыя онъ всегда былъ готовъ. Онъ до того любилъ ихъ, что остроумная шутка даже надъ нимъ самимъ нравилась ему больше чѣмъ похвала. Всіе разговоры его забавляли, не только съ умными людьми, но и съ глупцами; съ женщинами, не исключая и жены, онъ никогда не говорилъ серьезно, потому что въ то время женщины не считались равными мужчинамъ, даже и въ «Утопіи»; онъ любилъ также разговоры простаго народа, ходилъ слушать ихъ на рынокъ и учился тамъ простымъ, низкимъ, оборотамъ, которые доставили впоследствии его религіознымъ полемическимъ сочиненіямъ такое вліаніе на чернь.

Всѣ эти качества должны были обратиться ему во вредъ. Его дѣятельность, бдительность, способность къ дѣламъ призывали его къ участию въ правленіи; по своей веселости, остроумію онъ очень нравился и даже сдѣлался необходимымъ Генриху VIII, человеку тяжелому съ притязаніями на авторство, и всегда скучному не потому, что бы онъ былъ занятъ мыслями, но потому что это расположеніе наиболѣе было свойственно его духу. Зато Морусъ въ нѣсколько лѣтъ изъ членовъ тайнаго совѣта сдѣлался короннымъ казначеемъ, потомъ казначеемъ и вслѣдъ за тѣмъ канцлеромъ Ланкастерскимъ. Это быстрое производство заставляло Эразма сказать: «Онъ въ такой милости при дворѣ, что мнѣ, право, жаль его.»

Генрихъ VIII привизывался къ мужчинамъ точно также какъ къ любовницамъ, а потомъ, когда ему надоѣли, онъ избавлялся отъ любовницы, какъ и отъ любимца, судебнымъ убійствомъ. Ему захотѣлось имѣть Моруса при себѣ точно такъ какъ захотѣлось бы имѣть шута, по слуху объ его острогахъ. Волею получалъ приказаніе волею или неволею привести Моруса ко двору. Искренняя пріязанность Моруса къ

безвѣстности и спокойной жизни была такъ велика, что первая попытка Wolsey осталась безъ успѣха; но вторая удалась: онъ привелъ жертву къ ногамъ короля и тотъ далъ ему поцѣловать руку, которая впоследствии подписала ему же смертный приговоръ.

По странному случаю, первый, которому Томасъ Морусъ разсказалъ о своемъ опредѣленіи ко двору, былъ другъ его, Іосифъ Fisher, епископъ Рочестерскій, человекъ, который долженъ былъ умереть на одномъ съ нимъ эшафотѣ, по той же причинѣ, за тоже дѣло. «Я попалъ ко двору совершенно противъ моей воли, писалъ ему Морусъ, extremely against my will; это всею публично, да и самъ король, въ шуткахъ, упрекаетъ меня этимъ. Я здѣсь человекъ, какъ плохой вѣдокъ въ сѣдлѣ. Но нашъ король такъ милостивъ, такъ ласковъ со всеми, что каждый, какъ бы ни мало думалъ о себѣ, воображаетъ, что пользуется особеннымъ его благорасположеніемъ.»

Дружба Генриха VIII къ своему несчастному любимцу была докучлива какъ любовь. Всякой праздникъ, — а ихъ тогда было много, — онъ посылалъ за Морусомъ, запирался съ нимъ въ кабинетъ и толковалъ о наукахъ, о богословіи, о литературѣ, объ управленіи Wolsey; онъ любилъ, чтобы это управленіе порицали, какъ всегда случается, когда государь не можетъ ни избавиться отъ своего перваго министра, ни обойтись безъ него. Иногда, въ свѣтлыя ночи, они прохаживались по плоской кровлѣ дворца и разсуждали объ астрономіи, о движеніяхъ планетъ. Королева, Екатерина Арагонская, не менѣе мужа, была привязана къ Морусу. Она нередко приглашала его къ себѣ на ужинъ. Морусъ забавлялъ ихъ своими остротами, своимъ блестящимъ разговоромъ, и это нравилось Генриху VIII тѣмъ болѣе, что онъ не оставался одинъ съ женою, которая уже начинала надоедать ему. Такимъ образомъ они любили его не за добродѣтели, которыми однако жъ иногда пользовались, а за то что въ немъ было наименѣе достойно уваженія. Это такъ справедливо, что наконецъ, когда привязанность Генриха VIII и жены его сдѣлалась слишкомъ докучливою, Морусъ принужденъ былъ воздерживаться отъ остротъ и притворяться, будто умъ его ис-

тошился; впрочемъ это не трудно было для него впоследствии, когда жизнь его сдѣлалась мрачною.

Въ двухъ миляхъ отъ Лондона, вверхъ по Темзѣ, есть деревня Чельси; тамошняя церковь, на берегу рѣки, принадлежитъ путешественниковъ своею часовнею, которую Томасъ Морусъ выстроилъ въ 1520 году и въ которой положено его гробъ обезглавленное. Въ этой деревнѣ у него былъ хорошенькой домикъ съ садомъ, выходящимъ къ рѣкѣ, прекрасная библіотека и его любезный зѣврей, съ которымъ почти оставленный съ тѣхъ поръ какъ хозяинъ сдѣлался придворнымъ. Жена его и дѣти жили тамъ круглый годъ; а онъ только по временамъ пріѣзжалъ туда; величайшимъ его удовольствіемъ было, окончивъ занятія по разнымъ должностямъ своимъ в урваншисъ отъ двора, провести денекъ въ Чельси, посреди своего семейства, книгъ и зѣврей. Сначала онъ ѣздилъ туда часто. Нѣсколько разъ въ недѣлю его лодка съ четырьмя гребцами въ январѣ канцлера Ланкастерскаго, пріѣзжала за нимъ къ Лондонскому мосту и отвозила его въ Чельси. Но когда королевская милость къ нему еще усилилась, Морусъ болѣе жилъ во дворцѣ чѣмъ дома. Въ Чельси онъ ѣздилъ уже очень рѣдко. Онъ не смѣлъ удалиться отъ Лондона, ожидая каждую минуту гонца, котораго король присылалъ за нимъ во всякое время, какъ скоро вздумается, какъ будто Морусъ одинъ только въ состояніи былъ облегчать скуку, которая уже и тогда мучила Генриха VIII, потому что отвращеніе его отъ жены непрерывно возрастало, а разойтись съ ней онъ еще не рѣшился. Морусъ конечно не могъ жаловаться, что его такъ часто беспокоятъ, не могъ говорить какъ бы ему хотѣлось видѣть почаще жену и дѣтей; да если бы и говорилъ, то король его не понималъ бы, потому что уже тогда намѣревался прогнать жену и отнять доброе имя у дочери. Наконецъ Морусъ рѣшился хитрить съ этою неравнѣскою дружбою; онъ былъ серьезнѣе именно тогда, когда Генриху VIII нужны были его остроумія и веселость; не смѣя перервать дружескую связь, онъ старался распустить ее. Хитрость его удалась. Его стали рѣже приглашать ко двору. Правда, что король жилъ уже розно съ королевою, не ужиналъ съ нею вдвоемъ и потому не имѣлъ нужды въ важномъ шутѣ, который бы не давалъ имъ скучать наединѣ.

Морусъ уже не былъ необходимъ королю, и Генрихъ VIII поставялъ это ему въ вину. Впрочемъ онъ отъ времени до времени принимался снова за прежняго любимца, какъ ребенокъ за старую игрушку.

Случай къ этому представился въ 1523 году. Казначейство было пусто. Кардиналъ Вольси тратилъ много денегъ на подарки и жалованье иностраннымъ королямъ и ихъ любимцамъ. Чтобы добыть денегъ, стали толковать о неудовольствіяхъ съ Франціею, о необходимости сдѣлать на всякой случай значительныя военныя приготовленія. Парламентъ, который во все царствованіе созывали единственно для ассигнованія нужныхъ суммъ, собрался въ зданіи Blackfriars. Королю надобно было не менше оськи сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые могли быть добыты только налогомъ по двадцати процентовъ отъ поземельныхъ доходовъ. Томасъ Морусъ поступилъ членомъ въ парламентъ. Король хотѣлъ выбрать его въ председатели, для того чтобы онъ *провелъ* это дѣло своимъ умомъ и вліяніемъ. Морусъ не одобрялъ требованія суммъ, и не хотѣлъ быть председателемъ палаты. Вольси зналъ, что онъ честенъ и непоколебимъ, но зналъ также, что онъ слишкомъ хорошъ съ королемъ и слишкомъ робокъ, чтобы не услужить двору, если бы пришлось или поддерживать его или разсориться съ нимъ: Вольси распорядился такъ, что Моруса, противъ его воли, выбрали въ президенты. Большинство въ пользу его составилось изъ всехъ членовъ, которые были преданы королю и первому министру и изъ всехъ тѣхъ, которые пытали къ Морусу доверенность. Король утвердилъ этотъ выборъ.

Морусъ тщетно просилъ короля уволить его отъ этой должности; Генрихъ VIII не согласился, потому что деньги были ему необходимо нужны, а безъ Моруса ихъ бы не дали. Вольси объявилъ, что онъ самъ придетъ въ палату, чтобы поддерживать билль и предложить средства выполненія. Чтобы доказать необходимость субсидій, онъ произнесъ торжественную, длинную, хитрую рѣчь; но требуемая сумма была такъ огромна, что собраніе отячало ему только всеобщимъ молчаніемъ. Раздраженный этой холодностію, онъ обратился поипенно къ некоторымъ изъ членовъ, въ особен-

ности къ Г. Миггеу и съ видомъ угрозы спросилъ, что онъ намѣренъ дѣлать. Тотъ сказалъ, что отвѣчать въ этомъ случаѣ дѣло президента. Морусъ, ставъ на колѣни, извѣщалъ молчаніе членовъ палаты тѣмъ, что они поражены почитеніемъ при видѣ столь знатной особы, которой присутствіе можетъ смутить самыхъ умныхъ и ученыхъ людей во всемъ королевствѣ. Потомъ, обращаясь къ главному предмету, онъ старался доказать многочисленными и сильными доводами, что этотъ образъ дѣйствія не сообразенъ съ древними обычаями палаты и не можетъ принести ни какой пользы. Что касается до него, то конечно никто не станетъ утверждать, чтобы умы всей палаты были въ его головѣ и потому вслѣдъ долженъ признаться, что въ подобномъ случаѣ онъ одинъ не въ состояніи удовлетворить требованію Его Милости. Вольси тотчасъ всталъ и ушелъ. Черезъ нѣсколько времени потомъ они встрѣтились и разстались недовольные другъ другомъ; Вольси принялъ твердое намѣреніе при первомъ удобномъ случаѣ сжить Моруса съ рукъ. Вскорѣ потомъ представилась надобность отправить посольство въ Испанію, и онъ убѣдилъ короля послать туда Моруса. Но тотъ не уступилъ этой интригѣ и упросилъ короля, чтобы его оставилъ въ Лондонѣ. Онъ ревностно началъ заниматься воспитаніемъ дѣтей своихъ. Больше всѣхъ другихъ своихъ дѣтей Морусъ любилъ старшую дочь Маргариту, которая была замужемъ за *Roger*’омъ и имѣла уже нѣсколько дѣтей. Маргарита могла считаться ученымъ. Она равно хорошо писала по-Англійски и по-Латини и сама переводила свои сочиненія съ Англійскаго на Латинскій и съ Латинскаго на Англійскій. Она перевела Евсевія съ Греческаго на Латинскій. Какъ искусный комментаторъ свѣтскихъ и духовныхъ твореній, она объясняла одно мѣсто изъ сочиненій Св. Кирилла, которое затрудняло всѣхъ ученыхъ того времени. Она много занималась Астрономіею и отецъ не разъ жалѣлъ, что она проводитъ столько холодныхъ ночей въ созерцаніи твореній всемогущаго. Вся эта ученость не мѣшала ей однако жъ быть доброю хозяйкою, попечительною матерью и нѣжною супругою. Къ литературнымъ совѣтанъ Морусъ всегда прибавлялъ увѣщаніе хранить христіанское смиреніе. Онъ безъ усталыи всевалъ съ тщеславными зятями своихъ зятьевъ, и въ

жешь, мистрисъ Alice и сына своего Джона; онъ смѣялся надъ сляшконъ узкими платьями и желаніемъ сдѣлать талію какъ можно тоньше; надъ тѣмъ, что они «зачесывають волосы какъ можно выше, чтобы лобъ казался какъ можно больше», надъ узкою обувью, въ которой люди мучатся для того, чтобы выказать маленькую ножку. Онъ говорилъ, что имъ будетъ обидно, если Богъ не отправитъ ихъ въ адъ, потому что они гораздо болѣе стараются о томъ, чтобы понравиться свѣту и дьяволу, чѣмъ люди истинно набожные о томъ, чтобы угодить Богу. Боясь, чтобы высокое положеніе его въ государствѣ, его мѣста и почести, не ослѣпили дѣтей, онъ безпрерывно твердилъ имъ о презрѣніи къ золоту и серебру, о томъ, что они не должны считать себя лучше людей, которые бѣднѣе ихъ, ни хуже тѣхъ, которые богаче; «избѣгать всѣхъ безднъ и пропастей гордости, и ходить по пріятнымъ равнинамъ скромности» и почитать добродѣтель величайшимъ благополучіемъ.

Домъ Моруса былъ устроенъ сообразно съ этими правилами. Религія мѣшалась во все труды и удовольствія. Мало-по-малу онъ принялъ видъ монастыря. Томасъ Морусъ по мѣрѣ своего возвышенія, возвращался къ строгой набожности своихъ молодыхъ лѣтъ. Смирненіе его увеличивалось вмѣстѣ съ важностію мѣстъ, которыя онъ занималъ. Счастье его пугало, благосклонность фортуны казалась ему искушеніемъ: онъ участвовалъ въ дѣлахъ только своими талантами, а совесть берегъ для Бога.

Творенія Лютера пробудили въ немъ вѣру, усыпленную дѣлами, ослабленную вѣротерпимостію Утоинъ. Голось, который возмущалъ весь христіанскій міръ, сильно потрясъ душу Томаса Моруса. Одно обстоятельство заставило его принять участіе въ битвѣ. Известно, что въ числѣ противниковъ Лютера былъ и Генрихъ VIII, которому Вильсъ оставялъ много досуга, чтобы воевать съ еретиками. Генрихъ VIII сначала требовалъ, чтобы курфирстъ, покровитель Лютера, зажалъ ротъ его антагонисту, а потомъ отвѣчалъ ему сочиненіемъ строгимъ, говоритъ Lingard, но исполненнымъ благородства. Лучшія кѣста этого творенія приписывали тогда кардиналу Wolsey и Рочестерскому епископу

Fischer'у. Морусъ также въ немъ участвовалъ. Какъ бы то ни было, но онъ принялъ за личную обиду ругательства, которыми Лютеръ осыпалъ короля, и между тѣмъ, какъ *Fischer*, въ ученомъ сочиненіи, защищалъ книгу Генриха VIII, Морусъ написалъ Лютеру, подъ вымышленнымъ именемъ *William Ross*, длинный отвѣтъ, въ которомъ ругательства служили грубою приправою адвокатской полемики. Авторъ письма къ Маргену Дарриону, въ записку Эразма и протавъ ученыхъ спорщиковъ, самъ выступилъ на поприще и не уступалъ въ утонченности самымъ утонченнымъ писателямъ, въ запальчивости самымъ запальчивымъ. Человекъ, который изгналъ изъ Утопій всѣхъ обращателей и метафизиковъ, самъ сдѣлался метафизикомъ неукротимымъ и принялся толковать о догматахъ, которые могли стонть многимъ жизни. Прискорбно видѣть это возвращеніе къ нетерпимости, но возмездать за него невозможно.

Общіе труды въ религіозной распрѣ, которая возмущала всю Европу, снова оживили привязанность короля къ Морусу. Онъ уже не призывалъ его къ себѣ, а самъ бывалъ у него, и въ Лондонѣ и въ Челси, часто прѣзжалъ неожиданно къ обѣду и раздѣлялъ съ нимъ скромный семейный обѣдъ. Послѣ стола, Морусъ и царственный гость его обыкновенно, долго прохаживались по саду. Генрихъ, опираясь рукою на плечо своего любимца, разговаривалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ и съ большою живостію. Однажды король обѣдалъ въ Челси и послѣ стола сполчася разговаривалъ съ Морусомъ, обнявъ его одной рукою. Корег, мужъ Маргариты, поздравилъ тестя съ этимъ знакомъ дружбы, замѣтивъ, что никто еще, ни даже самъ Вольси, не удостоивался такой чести. Морусъ печально отвѣчалъ ему: «Конечно, король очень милостивъ со мною и оказываетъ мнѣ болѣе расположеніи, чѣмъ кому либо. Но — съ тобою я могу говорить открыто — тутъ намъ еще нечего хвалиться; если бы за мою голову онъ могъ пріобрѣсти хоть одинъ замокъ во Франціи, онъ бы тотчасъ приказалъ огрубить ее.» Въ первый еще разъ Морусъ высказалъ свои тайныя мысли объ этой роковой дружбѣ, въ которую онъ все болѣе и болѣе погружался, по итеръ усилій, которыя дѣлалъ для того, чтобы освободиться. Онъ былъ какъ-будто заколдованъ; у него не доставало твер-

дой воля, чтобы отступить, не доставало силы, чтобы не поддаваться впередъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія, Морусъ былъ возведенъ въ званіе канцлера Англіи.

Министерство, поступившее на мѣсто кардинала Вольса, было дѣломъ Анны Болінъ, которая помѣстила въ немъ и отца своего. Это было собственно министерство развода и новаго брака. Вольси сначала противился тому и другому, но поточъ, по привязанности къ своему мѣсту и боясь опасности, которой подвергнется, когда лишится его, онъ прикинулся нѣсколько съ этою двойною интригой; но наконецъ былъ свергнутъ за то, что не всегда желалъ этого и что поточъ взявшись за дѣло, не успѣлъ въ немъ. Не знали кѣмъ бы замѣнить Вольса въ званіи и должности канцлера. Король рѣшился отдать это мѣсто Морусу, и тотъ, къ несчастію своему, принялъ его. Моруса выбрали по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы черезъ него утишить парламентъ, съ которымъ надобно было ссориться; а во-вторыхъ, чтобы надѣйствоваться на его совѣсть признательностію. Онъ вступилъ въ министерство съ твердымъ намѣреніемъ противиться разводу, единственному дѣлу, для котораго оно было составлено. Морусъ надѣялся, что можетъ быть король вылетится отъ своей пагубной страсти. И действительно, онъ однажды переставалъ уже видѣться съ Анною Болінъ и изъявлялъ желаніе сблизиться съ королевою.

Морусъ приступилъ къ дѣламъ съ умомъ уже утомленнымъ, съ душею глубоко опечаленною. Его заботила и тревожили предчувствіями, видъ государства, войны между Франціею и Имперіею, успѣхи реформы, терзанія Германіи; внутри Англіи, несчастное дѣло о разводѣ.

Въ первый еще разъ Англійская государственная печать досталась въ руки человека, который былъ не знатный, и не прелатъ. Надобно было оправдать это нововведеніе. Герцогу Норфольку, который считался главою кабинета, поручено было ввести Томаса Моруса въ парламентъ, и объяснить въ рѣчи, какія добродѣтели, какая ученость вознаграждаютъ въ новомъ канцлерѣ недостатокъ знатной породы и духовнаго сама. Герцогъ сказалъ между прочимъ, что назначеніемъ Моруса въ канцлеры, король хотѣлъ доказать падать,

что онъ умѣлъ найти въ ея рядахъ человѣка, которому можно было бы поручить должность, составлявшую до тѣхъ поръ принадлежность духовныхъ и дворянъ. Морусъ отвѣчалъ смиреннымъ изъявленіемъ благодарности: «Не по волю, но по принужденію, какъ и самъ король сознается, вступилъ овъ въ службу его величества псѣблался придворнымъ. Изъ всѣхъ почестей, которыми былъ осыпанъ, онъ всѣхъ меньше желалъ послѣдней и высшей, ни одной не принималъ онъ на себя съ такою неохотою. Но милость короля такъ велика, что онъ обращаетъ вниманіе на преданность малѣйшаго изъ своихъ подданныхъ и великодушно награждаетъ не только людей достойныхъ того, но даже и тѣхъ, которыхъ вся заслуга состоитъ въ томъ, что они хотѣтъ сдѣлаться достойными.» Эти слова, повидимому сходныя съ тѣми, что говорятъ всѣ честолюбцы, которые всегда притворяются, будто поневоле принимаютъ то, чего пламенно желали, эти слова были искренны и благородны въ устахъ Моруса и легко можетъ быть, что въ этой фразѣ, въ которой онъ призываетъ короля въ свидѣтельство того, что всегда противился своему возвышенію, заключается тайная просьба не слишкомъ много требовать отъ него за должность, которую онъ принялъ только изъ повиновенія.

Рѣчь его отличалась высокими приличіемъ и мужествомъ, когда, обращаясь къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ сидѣть и откуда еще недавно упалъ Вольси, онъ сказалъ съ чувствомъ, которое сообщалось и всему собранію.

«Взглядывая на это мѣсто, и вспоминая, какіе великіе люди прежде меня его занимали; особенно вспоминая о человекѣ, который послѣдній сидѣлъ на немъ, объ его удивительной проникательности, совершенной опытности, вспоминая о томъ, какъ высоко стоялъ онъ нѣсколько лѣтъ и какииъ прискорбнымъ паденіемъ окончилъ свое поприще, умирая безъ славы и чести, — я невольно думаю, что почести человѣческія вещь непрочная и ненадежная. Быстрое, внезапное паденіе подобнаго человѣка, страшный урокъ для меня; онъ показываетъ, что эта честь не должна казаться мнѣ лестною, что блескъ этого мѣста не долженъ ослѣплять меня. Я вступаю на него какъ на мѣсто, исполненное трудовъ и опасностей, съ котораго упасть тѣмъ страшнѣе, чѣмъ выше стоитъ

оно.» Трогательно было видѣть, что въ Вестминстерѣ, два главныхъ правительственныхъ мѣста во всемъ государствѣ, Книгсѣ-Бенчъ и палата перовъ, состояли подъ предѣлительствомъ, одинъ отца, другая сына. Отцу Моруса было тогда девяносто лѣтъ. Каждый день, отправляясь къ должности, канцлеръ на колѣняхъ просилъ благословенія отца своего, который былъ такъ счастливъ, что умеръ, когда сынъ его еще былъ на мѣстѣ.

Какъ скоро Морусъ вступилъ въ свое новое званіе, король потребовалъ отъ него уплаты за честь, ему сдѣланную. Эта уплата состояла въ согласіи на разводъ. Однако жъ Генрихъ VIII прибѣгнувъ въ этомъ случаѣ къ интриги. Въмѣсто того, чтобы требовать немедленно согласія, просилъ только Моруса подумать объ этомъ дѣлѣ. Морусъ, зная дочего король добирается, бросился къ ногамъ его, просилъ не лишать вѣрнаго подданнаго прежней милости, и прибавилъ, что ничто въ жизни не огорчало его болѣе того, что совѣсть не позволяеть ему сдѣлать въ этомъ случаѣ угодное королю. Онъ напомнилъ Генриху VIII, что, вступая въ службу, онъ, по его собственному требованію, далъ клятву срежде всего думать о Богѣ, потомъ уже о королѣ, что онъ всегда это дѣлалъ и будетъ дѣлать. Генрихъ, въ смущеніи подыалъ его и, скрывая гнѣвъ подъ милостивыми словами, отвѣчалъ, что если совѣсть не позволеть канцлеру удовлетворить его въ этомъ случаѣ, то, несмотря на это, услуги Моруса всегда будутъ пріятны ему во всякомъ другомъ дѣлѣ. Морусъ, избавившись на время отъ этой заботы, устремилъ все свое вниманіе на судебную часть канцлерской должности. Онъ никогда не присутствовалъ въ совѣтѣ, когда бы немъ разсуждали о разводѣ, и не принималъ никакого участія въ общемъ управленіи дѣлами, понималъ такимъ образомъ мѣсто, которое кардиналъ Вольси поставилъ почти въ уровень съ тропомъ. Историки рассказываютъ много примѣровъ справедливости и проникательности, съ которыми онъ творилъ судъ и правду. Онъ произносилъ иногда замысловатыя рѣшенія въ родѣ Слюмоновыхъ и отличавшіяся какою-то восточною странностію. Кто-то продалъ леди Морусъ хорошенькую собачку, украденную у одной бѣдной женщины. Настоящая хозяйка собачки, узнавъ, гдѣ она находится, явилась къ канц-

леру, который тогда председательствовалъ въ судѣ, и жаловалась, что леди Морусъ удерживаетъ ея собачку. Онъ тогда велѣлъ призвать жену свою въ судъ. Взять собачку въ руки, и посадивъ леди Морусъ, по причинѣ ея званія, въ верхнемъ концѣ, а бѣдную женщину въ нижнемъ, онъ приказалъ имъ кликать собачку. Услышавъ голосъ первой госпожи своей, собака побѣжала къ ней; тогда Морусъ сказалъ жещѣ своей: «Миледи, вы супруга первого судьи во всемъ государствѣ и вы держите у себя краденое! Отдайте собаку; она не ваша.» Леди Морусъ очень любила это животное и привилась плакать. Чтобы утѣшить ее, Морусъ тутъ же купилъ собаку у бѣдной женщины втридорога, и такимъ образомъ всѣхъ примирилъ. Бывъ еще помощникомъ Лондонскаго шерифа, онъ замѣтилъ, что одинъ старый Ньюгетскій судья всегда бранить тѣхъ, у кого вытатили кошелекъ и обвиняеть ихъ въ томъ, что суду приходится рѣшать такое множество дѣлъ о воровствѣ. Морусъ послалъ за однимъ изъ самыхъ искусныхъ воровъ, сидѣвшихъ въ Ньюгетской тюрьмѣ, и обещалъ ему поговорить за него, если только онъ украдетъ въ завтрашнемъ засѣданіи кошелекъ стараго судьи. Воръ согласился. На другой день, въ самомъ началѣ засѣданія, приступаютъ къ разсмотрѣнію его дела. Воръ говоритъ, что онъ несомнѣннымъ образомъ докажетъ свою бевпность, если только ему позволить поговорить съ однимъ изъ судей. Его спрашиваютъ, съ которымъ. Онъ указываетъ на старика, который всегда бранитъ обкраденныхъ. Въ то время кошелекъ носили на поясъ. Нагнувшись къ уху судьи, воръ занялъ его пустыми признаніями, а между тѣмъ, искусно подрѣзалъ кошелекъ и съ торжествомъ возвратился на свое мѣсто. Тутъ Морусъ сталъ просить судей, чтобы они сдѣлали складчину въ пользу несчастнаго, который взятъ за бродяжничество. Онъ первый вынулъ деньги. Всѣ судьи тоже взялись за кошелекъ. Старикъ тотчасъ вскричалъ, что его обокрали, что кошелекъ точно былъ у него, когда онъ сѣлъ на свое мѣсто. «Неужели же вы думаете, сказалъ тутъ Морусъ, что кто нибудь изъ насъ унесъ вашъ кошелекъ?» Старикъ начиналъ уже сердиться, но Морусъ велѣлъ позвать вора, взялъ у него кошелекъ и, отдавая старому судѣ, сказалъ: «Теперь, кажется, можно посоветовать вамъ не быть

слишкомъ строгитъ къ бѣдникамъ, у которыхъ отрѣзываютъ кошелки, потому что вы не уберегли своего даже въ судъ.»

Ревностно занимаясь своими судебными обязанностями, Томасъ Морусъ продолжалъ отъ своего лица полемику съ Лютеромъ, которую началъ подъ вымышленнымъ именемъ. Уже и прежде вступленія въ должность канцлера, многія книги духовнаго содержанія навлекли на него неурядивы реформатовъ. Съ тѣмъ поръ распря сдѣлалась болѣе общею. Англійскіе реформаты, укрывшись въ Антиперпенъ отъ строгатаго суда епископовъ, заводили Англію книгами и памфлетами, въ которыхъ наносили католицизму тяжкіе удары. Однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ еретиковъ, Tyndall, надѣлалъ много шуму своими сочиненіями. Морусъ завелъ съ нимъ полемику, которая могла бы составить томовъ шесть. Только половина этого труда появилась въ то время какъ онъ былъ еще канцлеромъ; остальное написано и издано тогда уже, когда онъ не занималъ болѣе этого мѣста. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ разсматривалъ религіозные вопросы съ болѣею строгостію и глубокомысленностію, чѣмъ въ первыхъ своихъ твореніяхъ. Онъ дошелъ уже тогда до крайнихъ предѣловъ разсужденія, гдѣ мысль покорить противниковъ силою притѣшивается къ мысли убѣдить ихъ разсужденіями, и гдѣ кажется, что рука, которая держитъ перо, уже готова схватиться за саблю. Томасъ Морусъ былъ канцлеръ, могущественнѣйшій человекъ въ цѣломъ государствѣ, за исключеніемъ только короля: неужели же онъ прибѣгаетъ къ насилію? неужели потомство будетъ вправѣ сказать ему: ты измекъ мечъ и самъ долженъ былъ погибнуть отъ меча? Но не ставемъ оцережать происшествій.

Морусъ писалъ свои ответы Tyndallю въ немногія свободныя минуты, которыя оставляли ему занятія по службѣ, съ внутреннимъ увеличеніемъ разными обязанностями, которыя предшественники его не знали; онъ писалъ ихъ также ночью во время, отягчотъ у сна. Многія изъ этихъ сочиненій были большой успѣхъ.

Англійскіе епископы, болѣею частію ревностные католики, сложились, чтобы подарить Томасу Морусу восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Это, говорили они, слабая

награда за услуги, оказанныя имъ Церкви и за долги дѣнія, которыя онъ посвящаетъ своимъ сочиненіямъ. Морусъ принялъ депутацію епископовъ съ изъявленіями живѣйшей признательности; но отъ денегъ отказался. Епископы хотѣли подарить что-нибудь женѣ и дѣтямъ его. «Не дѣлайте этого, милорды, вскричалъ канцлеръ; имъ пріятнѣе было бы видѣть, что эти деньги брошены въ Темзу, чѣмъ чтобы кто-нибудь изъ монхъ принялъ хоть малѣйшую частицу этой суммы. Предложеніе ваше дѣлаетъ мнѣ величайшую честь, милорды; но я слишкомъ привязанъ къ своему долгу и ни за что на свѣтѣ не откажусь отъ утѣшительной мысли, что я его исполнилъ. Впрочемъ, я бы готовъ былъ истребить, сжечь всѣ свои сочиненія, если бъ это пожертвованіе уничтожило всѣ ереси.» Съ этой стороны онъ торжествовалъ! Но Генрихъ VIII, бывшій некогда сотоварищемъ Моруса въ битвѣ за папскую власть, конечно, не слишкомъ благодаренъ былъ ему за его рвеніе къ католицизму, когда самъ король обратился противъ папы. Дѣло еще не доходило до того, какъ было впоследствии, когда святаго Ому Кенторберійскаго объявили въ преступленіи противъ величества и кости его, знаменитыя трехъ-вѣковыми чудесами, были вынуты изъ раки и всенародно сожжены; но, конечно, королю было досадно на людей, которые поддерживали католицизмъ въ то самое время, когда глава этой религіи былъ съ нимъ въ ссорѣ. Положеніе Моруса становилось чрезвычайно затруднительнымъ. Не могли заставить его говорить, Генрихъ VIII хотѣлъ во-крайней-мѣрѣ компрометировать его молчаніемъ, доведя дѣло до того, что молчаніе канцлера было явнымъ возмущеніемъ и неблагодарностію. Генрихъ VIII созвалъ парламентъ, чтобы потребовать денегъ на свадьбу. Но не приступая еще къ этому, надобно было уничтожить эффектъ, произведенный бревомъ папы, изданнымъ во Фландріи, и которыми всѣмъ архіепископамъ, епископамъ, судамъ и трибуналамъ запрещено было заниматься рѣшеніемъ дѣлъ о разводѣ. Надобно было отвѣчать на брeve чтеніемъ въ парламентѣ вынужденныхъ бумагъ, которыми университеты Оксфордскій и Кембриджскій доказывали законность развода; надобно было выхвалять ревность людей, большею частию подкупленныхъ или напуганныхъ. Морусъ принужденъ былъ

ити въ сопровожденіи множества дворянъ и епископовъ въ нижнюю палату, читать эти купленные документы и расхваливать ихъ какъ чистосердечное и законное изъясненіе мнѣніи. Онъ выполнялъ свою обязанность холодно, съ достоинствомъ, и нисколько не выказавъ своихъ тайныхъ мыслей. Послѣ этого доказательства покорности, онъ просилъ короля черезъ герцога Норфолка, позволить ему сложить съ себя званіе канцлера. Генрихъ благосклонно принялъ отъ него государственную печать, хвалилъ и благодарилъ Моруса за всѣ его заслуги. Онъ прибавилъ, что, уважая эти заслуги и тѣ, которыхъ можетъ еще ожидать, онъ всегда будетъ милостивымъ и благосклоннымъ государемъ во всемъ, что касается до чести или достоинства Моруса: эти же самыя обещанія дѣлалъ онъ и любовницѣ своей Аннѣ Болинъ, когда женился на ней черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Томасъ Морусъ вышелъ изъ канцлеровъ.

Морусъ тотчасъ распустилъ свою многочисленную прислугу и занялся сокращеніемъ своихъ расходовъ, чтобы урывать ихъ съ приходами. Эта внезапная перемена чрезвычайно не понравилась леди Морусъ, женщинѣ свѣтской, которая очень любила быть канцлершею. Мужъ утѣшилъ ея глупымъ прощическою шуткою.

Первымъ дѣломъ Томаса Моруса по возвращеніи къ частной жизни было приготовить себѣ могилу. Онъ велѣлъ перевезти туда прахъ первой жены своей и вдѣлать въ стѣну черную мраморную доску, съ длинною и странною эпитафією, въ которой онъ помѣстилъ короткое описаніе своей жизни. Эта эпитафія начинается слѣдующими словами:

«Томасъ Морусъ, уроженецъ города Лондона, происходящій отъ почтенной, хотя и не дворянской фамиліи, *вникамый нисколько съ литературою*, въ молодости былъ долго адвокатомъ и отправлялъ въ своемъ городѣ правосудіе, сначала въ качествѣ шерифа, а потомъ канцлера, велъ себя всегда такъ, что великодушный и непобѣдимый государь Генрихъ VIII изволилъ быть недоволенъ его заслугами. Онъ не былъ ненавистенъ знатымъ, не былъ неприятенъ народу, *и не былъ тяжелемъ для воровъ, убійцъ и еретиковъ и проч.*»

Въ то время многіе христіане за живо устроивали себѣ могилы. Эти приготовленія, конечно, не доказываютъ, чтобы Томасъ Морусъ ожидалъ въ скоромъ времени насильственной смерти; но больно видѣть, что онъ какъ бы незолво причащается къ мысли о смерти: 14 іюня 1532, было недалеко отъ 6 іюля 1535, дня его гибели.

Читатели наши видѣли въ эпитаѣи Моруса странное выраженіе, именно что онъ былъ «тяжелъ для воровъ, разбойниковъ и еретиковъ.» Въ какомъ смыслѣ употребилъ онъ это выраженіе? Англійскіе и нѣкоторые легкомысленные писатели на твердой землѣ, основываясь на этомъ, утверждали, что Морусъ былъ человекъ кровожадный, который предавалъ смерти тѣхъ, кого не удалось убить. Но самое поверхностное изученіе этой прекрасной души смоесть съ Томаса Моруса такое гнусное обвиненіе. Морусъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, болѣе надежныхъ чѣмъ блестящихъ, которые поражаютъ воображеніе величественнымъ единствомъ характера. Ихъ не трудно понимать, потому что они не измѣняются по обстоятельствамъ. Съ самаго начала и до конца своего поприща, Томасъ Морусъ былъ ревностный католикъ, но человекъ удивительно добрый. Никто не доходилъ далѣе его въ теоріи; ересь была въ глазахъ его преступленіемъ, но только на бумагѣ, и утвержденіе *Burnet*'а, *Mackintosh*'а скептика Юма и клеветника Вольтера, что онъ осквернилъ себя многими ужасными казнями, есть, просто, ложь. Съ перомъ въ рукѣ, Морусъ былъ пылокъ, заносчивъ, какъ все писатели его времени: грубый въ насмѣшкахъ, которыя доходили иногда до ругательствъ, онъ гремѣлъ противъ нововводителей; но, по своимъ склонностямъ, занятіямъ, онъ былъ всего болѣе писатель, литераторъ и злился, какъ водится, только для того, чтобы фраза была звончѣе, поразительнѣе. Ему нельзя было поднять руки на своихъ противниковъ, потому что на его писательской совѣсти лежала часть ихъ заблужденій. Реформація, съ самого своего начала, выказывала наклонность къ демагогіи, а творецъ «Утопіи» очень зналъ, какъ много эта книга содѣйствовала къ воспламененію умовъ и къ распространенію опасныхъ мечтаній. Утопистъ Морусъ никакъ не могъ быть человекомъ кровожаднымъ. Устрашенный послѣдствіями собственнаго своего творенія,

онъ сажалъ въ тюрьму революціонеровъ, которые прикрывались личиною религіи : это былъ долгъ его. Какъ другъ его, Эразмъ, онъ очень зналъ, что начивается не преобразование злоупотребленій папизма, но политическая революція, которой потрясенія и до сихъ поръ еще продолжаются. Эразмъ, самъ осторожный Эразмъ, хсалилъ Моруса за то, что онъ посадилъ въ тюрьму нѣсколькихъ матежныхъ догматистовъ, и, говоря объ этомъ, Эразмъ прибавилъ слѣдующія строгія слова: «Если бы вы не приняли этихъ мѣръ, ложные благовѣстники бросились бы на сундуки богатей и умертвили бы какъ паписта всякаго, у кого чтѣ нибудь есть.» Большая часть дѣлъ о еретичествѣ производилась католическими епископами; по тогдашнимъ законамъ, въ подобныхъ дѣлахъ духовная власть произносила приговоръ, а свѣтская его исполняла. Такимъ образомъ были осуждены и казнены нѣкоторые несчастные реформаты, около того времени, когда Томасъ Морусъ вступилъ въ должность канцлера. Честному, набожному Морусу, который никогда не лгалъ, смѣло можно повѣрить на слово, а онъ говоритъ въ своей «Апологіа.» «Богъ свидѣтель, что изъ всѣхъ тѣхъ, которые попадались мнѣ въ руки по обвиненію въ ереси, я ни одному не сдѣлалъ другаго зла, кромѣ того, что посадилъ въ надѣжное мѣсто: *ни одному изъ нихъ не далъ ни удара, ни толчка, ни даже щелчка въ лобъ, any strip or stroke, nor so much as a fyllippe on for head.*» Величіе Моруса — совершенно нравственное, и мѣсто его всегда будетъ въ этомъ разрядѣ людей, къ которому принадлежатъ Аристидъ, Сократъ, Бозціи, Л'Оцтали.

Здѣсь начинается мука праведника.

Погибель Моруса была уже рѣшена въ мравчовой душѣ Генриха VIII, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ отказался отъ сана канцлера, чтобы не принимать участія въ соблазнѣ, который король готовилъ своему народу и всей Европѣ. Морусъ такъ хорошо зналъ характеръ своего государя, что считалъ себя уже приговореннымъ къ смерти. Съ этою мыслию онъ распорядился, чтобы слуга его, въ костюмѣ судебного пристава, приходилъ по временамъ внезапно, при женѣ и дѣтахъ, имевшихъ короля звать Моруса въ комиссію, наряженную для того, чтобы судить его. Эта ложная тревога пріучала родныхъ Моруса къ настоящимъ ужасамъ, которые ихъ ожида-

ди. Странное, но трогательное утончение, которое далам безпокойство привычною вещью въ домъ и заранѣе терлаю сердца всего семейства, чтобы избавить отъ внезапнаго перехода изъ совершеннаго спокойствія въ ужаснѣйшее отчаяніе!

Между тѣмъ король еще медля и Морусъ снова началъ свою полемику съ *Frith*'омъ. Эти сочиненія Моруса отличаются какою-то снисходительностію и доброжелательностію. *Frith* былъ молодой человекъ и впоследствии погибъ нашафотъ. Письма къ нему Моруса наполнены любезною шутивостію и отеческими увѣщаніями, которыя показываютъ, что религиозная ненависть его къ еретикамъ, очень ослабла. Между тѣмъ женитьба Генриха VIII на Аннѣ Бولیнь была рѣшена. За нѣсколько дней до коронаціи новой королевы, епископы Даремскій, Винчестерскій и Батскій приглашали его ѣхать вмѣстѣ съ ними на коронацію и прислали ему двадцать фунговъ стерлинговъ на платье. Морусъ получилъ деньги и оставилъ ихъ у себя, а на коронацію не поѣхалъ. Потомъ, встрѣтивъ этихъ епископовъ, онъ шутилъ съ нимъ, что изъ двухъ вещей, которыя они ему предлагали, онъ принялъ одну, чтобы можно было отказаться отъ другой. «Я охотно принялъ деньги, сказалъ онъ, зная очень хорошо, что вы богаты, а я бѣденъ.» О второмъ предложеніи онъ сказалъ, что ему рѣшительно не захочетъ присутствовать при коронаціи Анны Бولیнь, потому что будетъ ли онъ тамъ, или нѣтъ, это все равно, судьба его уже рѣшена, и онъ не хочетъ умирать передъ смертію.

Послѣ свадьбы началось дѣло о присягѣ: Морусъ это предвидѣлъ. Парламенту представили билль, которымъ всѣ Англійскіе подданные обязывались присягнуть въ вѣрности королеви Аннѣ и ея наследникамъ (известно, что съ первою женою, Екатериною Арагонскою, у Генриха VIII была дочь, Марія, которая по кореннымъ Англійскимъ законамъ, была прямою наследницею престола) и еще другой билль или *statut*, которымъ Генрихъ VIII былъ признаваемъ духовною главою Англійской церкви. Это было заключеніе великой распри, которая уже десять лѣтъ занимала богослововъ во всей Европѣ; оно измѣняло религію Англійскаго

народа. Эти три вопроса, разводъ, бракъ и духовная власть короля, или лучше сказать эти три части одного и того же вопроса, потому что разводъ нуженъ былъ только для брака, а духовная власть для того, чтобы обойтись безъ папскаго благословенія, — эти три вопроса были постепенно разсматриваемы учеными и богословами и подкрѣпляемы всеми возможными доводами и цитатами. Неужели же это было, со стороны короля, липная комедія, съ удивительнымъ терпѣнїемъ разыгранная? Неужели онъ обратилъ любовную интригу въ дѣло религій, для того, чтобы скрыть отъ народа соблазнъ этой интриги, или для того, чтобы религіознымъ предлогомъ обезоружить Германскаго императора, племянника Екатерины Арагонской? Нѣтъ никакого сомнѣнїя, что причиною всего этого было отвращеніе Генриха VIII отъ Екатерины и страсть его къ Аннѣ Боливъ, потому что онъ не переѣхалъ бы религій, если бъ могъ и безъ того переѣхать жену. Но чтобы въ преденїи его въ теченіе этихъ десяти лѣтъ было одно лицемерство, чтобы искренняя религіозная совѣстливость не замѣшивалась погреди его интригъ и внаслідїи, — этому нельзя повѣрить, когда мы вспоминаемъ, что Генрихъ VIII былъ всемогущъ и что въ тѣ времена всякая законность происходила изъ воли палы.

Всѣ тѣ, которые питали уваженіе къ религій, къ нравственности, къ законности, не одобряли ни развода, ни тѣмъ болѣе, пресбразованій, которыхъ были его послѣдствїемъ; но мало-по-малу, свачала любопытство, а потомъ увлекательность полемикъ, втянула многихъ въ разсмотрѣнїе этого затруднительнаго вопроса и, чтобы не навлечь на себя гнѣва короля, они, какъ бы убѣжденные, поспѣшили переѣхать свое мнѣнїе, или по-крайней-мѣрѣ скрыть его. Что касается до Моруса, то онъ съ самаго начала объявилъ, что не можетъ одобрить развода. Положеніе Екатерины и дочерп ея Марїи онъ разсматривалъ по сердцу сѹпруга и отца, въ семейственномъ отношенїи. Онъ противился королю съ чрезвычайнымъ благоразумїемъ и почтительностїю; съ величайшимъ смѣренїемъ говорилъ о самомъ себѣ, повергалъ къ стопамъ государя «свой жалкій умъ», который между тѣмъ не поддавался всей власти, всемъ обольщенїямъ короля. Но не смотря на всю осторожность Моруса, несмотря на то, что

онъ всѣми силами старался не препятствовать королю въ его поступкахъ; репутація бывшего канцлера въвѣдъ Генриху VIII и Аннѣ Болинъ въ исполненіи ихъ желаній и Морусъ былъ опасенъ имъ не рѣчами своими, но однимъ даже молчаніемъ. Чтобы устранить это затрудненіе, рѣшено было лишить Моруса сначала чести, а потомъ и жизни. Но какъ одно молчаніе еще не составляло преступленія, то враги Моруса начали рыться въ его частной жизни, чтобы найти хоть какой нибудь двусмысленный поступокъ, на которомъ можно было бы основать обвиненіе. У короля было кому выдумать преступленіе, было кому судить мнимаго преступника. Морусу стали приписывать разные оскорбительные пасквили, чтобы заставить его защищаться, и можетъ быть, въ самой защитѣ его найти предлогъ къ обвиненію. Нападеніе началось именно такимъ обвиненіемъ. Советъ напечаталъ книгу въ оправданіе поведенія короля и его министровъ въ дѣлѣ о разводѣ и новомъ бракѣ. Однимъ секретарь Cromwellъ явился къ родственнику Моруса Вильяму *Krustall*ю и обвинялъ его въ томъ, что у него есть возраженіе на эту книгу, написанное будто бы Морусомъ. Тотъ, узнавъ о томъ, написалъ къ *Cromwell*ю и далъ объясненія, которыя дѣлали всякое преслѣдованіе совершенно невозможнымъ. Послѣ этой неудачи, гонители бывшего канцлера стали разыскивать, не принялъ ли онъ во время продолжительной своей службы какого либо подарка, довольно значительнаго для того, чтобы на немъ основать обвиненіе въ лихоимствѣ. Но Морусъ, однимъ словомъ, анекдотомъ, доказательствомъ, представленнымъ кстати, опровергалъ все обвиненія къ стыду жалующихся, которые были подставлены дворомъ. Самое важное изъ всѣхъ этихъ нелѣпныхъ обвиненій взведено на него *Parnell*емъ, котораго поддерживалъ маркизь *Wilshire*, отецъ Анны Болинъ, смертельный врагъ Моруса и орудіе короля. *Parnell* горько жаловался, что онъ проигралъ тяжбу свою съ какимъ-то *Wanghan*омъ, потому что, по словамъ *Parnell*я, жена его противника подарила Томасу Морусу серебряную, вызолоченную вазу. Морусъ отвѣчалъ, что это правда, но что эта ваза принесена была ему долго спустя послѣ процесса и притомъ въ новый годъ, какъ обыкновенный подарокъ, в то онъ

дѣйствительно принялъ ее, потому что неучтиво было бы отказать дамѣ. При этихъ словахъ маркизь Wilshire обратился къ судьямъ и съ торжествомъ вскричалъ: «Я вѣдъ вамъ говорилъ, милорды, что это обвиненіе справедливо!» Судьи, зная, что ихъ ожидаетъ награда, встали уже было, чтобы осудить Моруса, но тотъ сказалъ имъ: «Если вы, милорды, выслушаете первую половину этой исторіи, то выслушайте и вторую.» Судьи снова устались, и Морусъ разсказалъ имъ, что, получивъ вазу, онъ наполнилъ ее виномъ, выпилъ за здоровье мистриссъ Воганъ, потомъ мистриссъ Воганъ выпила за его здоровье, а наконецъ онъ попросилъ ее принять отъ него эту вазу какъ подарокъ на новый годъ; на что она, по некоторомъ сопротивленіи, и согласилась. Онъ представилъ свидѣтелей, которые подтвердили слова его. Такимъ образомъ судьи, обвинитель и маркизь Wilshire были покрыты стыдомъ.

Все эти пустыя обвиненія, которыхъ стыдъ падалъ на дворъ, дѣлали положеніе Моруса еще болѣе опаснымъ; все это выказывало во всемъ блескъ его невинность, возстановило славу его прежней жизни, дѣлало его ими любезнымъ народу и король еще болѣе сердился, что не можетъ привлечь на свою сторону человека, котораго даже и подкупленные судьи ни въ чемъ не могутъ обвинить. Но дѣло дошло до того, что Генрихъ VIII и Томасъ Морусъ уже не могли дышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ, и сильный поспѣшилъ погубить слабого. Если его не удалось очернить ни какими обвиненіями, то по крайней-мѣрѣ можно было надѣяться, что непрерывныя обвиненія, одно за другимъ, наконецъ измучатъ его, можетъ быть склонять къ услужливости, а это нанесетъ ему безчестіе. Съ этимъ намѣреніемъ Моруса, подъ самымъ пустымъ предлогомъ, запутали въ процессъ Елисаветы Бертонъ, и ея сообщниковъ. Эта Елисавета Бертонъ, которую звали Кентскою святою, была дѣвушка, склонная къ спазмамъ; въ припадкахъ болѣзни она говорила стихами и прозой, произнося какія-то несвязныя рѣчи, изъ которыхъ монахи вздумали сдѣлать пророчества. Ее заставили предсказывать гибель Англіи и скорую кончину Генриха VIII, если онъ женится на Аннѣ Болонь. Елисавета Бертонъ писала къ Морусу, во время его канц-

лерства; но онъ не принялъ ее, посоветовавъ ей перестать пророчествовать и начать лечиться. Король съ самаго начала спрашивалъ его объ этомъ; Морусъ отвѣчалъ, что Бертоу дѣвушка простая и что предсказанія ея не что иное какъ бредъ больной. Впоследствии, приступая къ исполненію предложеннаго Кромвелемъ плана уничтоженія монастырей и аббатствъ, монаховъ, которые употребляли во зло бредъ этой дѣвушки, обвинили въ государственной измѣнѣ. Въ этомъ же обвиненіи запутали и епископа *Fisher'a*, потому что онъ говорилъ съ Елисаветою Бертоу и слѣдственно онъ заставлялъ его пророчествовать, и сверхъ того Моруса, потому что не отдалъ ее подъ судъ и слѣдственно сдѣлался ея сообщникомъ. За нѣсколько дней до того, какъ били объ этомъ процессъ представленъ былъ парламенту, Морусъ писалъ къ секретарю Кромвелю, чтобы онъ, испросивъ соизволеніе короля, вычеркнулъ имя его изъ обвинительнаго акта. Потомъ онъ обратился прямо къ королю письмомъ чрезвычайно почтительнымъ, въ которомъ однако жъ давалъ почувствовать Генриху VIII всю нелѣпость подобнаго обвиненія. Король притворился, будто считаетъ это письмо уверткою человека, который, по недостатку доказательствъ своей мнимой невинности, бьется судебнаго разбирательства. Онъ приказалъ приступить къ производству процесса. Раздраженный этимъ, Морусъ, какъ кажется, хотѣлъ отмстить королю, придавъ своей защитѣ весь возможный блескъ; онъ просилъ, чтобы ему позволяли защищаться въ парламентъ. Ему отказали и нарядили комиссію, состоявшую изъ архіепископа Кенторберійскаго, лорда канцлера герцога Норфолька и лорда - секретаря Кромвеля. Морусъ полагалъ, что дѣло идетъ о Кентской дѣлушкѣ, но, видно, министры не придавали этому дѣлу такой важности, какъ король или, можетъ быть, все обвиненіе было придумано только для того, чтобы отдать Моруса подъ судъ и потревожить совѣсть его болѣе общими разспросами; какъ бы то ни было, но объ Елисаветѣ Бертоу и ея сообщникахъ никто не говорилъ ни слова. Лордъ канцлеръ долго толковалъ о прежнихъ милостяхъ короля къ Морусу, о тѣхъ, которыми онъ и впередъ готовъ осыпать его; герцогъ надвигался поколебать бывшаго своего товарища и при-

звѣдательностию и вѣсть остаткомъ прежняго честолюбія. Морусъ спокойно отвѣчалъ, что никто болѣе его не привязывалъ къ королю; но что ему странно, почему вздумали объ этомъ говорить. Судьи, которые до того были учтивы и ласковы, приняли тонъ угрозы, и съ жаромъ обвиняли его въ томъ, что онъ написалъ или по крайней извѣрвъ внушлялъ королю его книгу о семи таинствахъ и власти папы, и что таиннымъ образомъ оная заставилъ Генриха VIII подать царское оружіе, которое можетъ быть обращено противъ его величества. Угрозы производили на Моруса еще менѣе дѣйствія, чѣмъ ласки. Онъ сказалъ, что все это можетъ напугать развѣ только дѣтей; потомъ, приступая къ главному пункту обвиненія, онъ изложилъ исторію составленія этой книги, къ стыду короля, который для того только, чтобы погубить подданнаго, притворялся, будто выдалъ подъ своимъ именемъ чужую книгу. Никто лучше самого Генриха VIII не могъ оправдать въ этомъ случаѣ бывшаго канцлера. Морусъ никогда не советовалъ королю написать эту книгу; но только, по его приказанію, привелъ ее въ порядокъ и поправилъ. Такъ было это дѣло «и я надѣюсь, сказалъ Морусъ съ благородною гордостью, что когда вы доведете мои объясненія до свѣдѣнія короля, его величество благовольтъ припомнить, что я говорилъ и какъ поступалъ въ этомъ дѣлѣ, и тогда самъ забавитъ меня отъ напраснаго обвиненія.» По окончаніи засѣданія, Морусъ съвелъ съ своимъ зятемъ *Roper* ономъ въ лодку и отправился въ Челси. Онъ былъ очень веселъ и говорилъ о разныхъ вещахъ такимъ тономъ, отъ котораго домашніе его уже давно отвыкли. *Roper* показывалъ, какъ это его удивляетъ. «Хочешь ли ты знать, отчего я такъ веселъ? сказалъ Морусъ. Я радуюсь, что наконецъ заставилъ чорта лично напасть на меня; я зашелъ съ этими лордами такъ далеко, что не могу уже отступить безъ стыда.» Генрихъ со своей стороны тоже понялъ, что пора покончить съ Морусомъ. Узнавъ о результатѣ совѣщанія, онъ чрезвычайно разсердился и приказалъ продолжать процессъ въ парламентъ. Министры напомнили ему, какимъ вліяніемъ Морусъ пользуется въ палатѣ лордовъ. Генрихъ VIII вскричалъ, что онъ самъ пойдетъ въ палату и заставитъ ее произнести приговоръ. Члены совѣта бросились на колѣни и умо-

дали его не думать этого, потому что онъ можетъ встрѣтить возраженіе и сопротивленіе; что притомъ Морусъ не только невиновать по дѣлу о Кентской дѣвушкѣ, но заслуживаетъ похвалу за свои поступки. Король уступилъ этия представленія, но ненависть его къ человеку, котораго невинность была могущественнѣе даже его королевской воли, еще усилилась.

Морусъ былъ оправданъ; но онъ очень зналъ, что это только отсрочка. Когда ему пришли сказать объ этомъ, онъ стѣвчалъ: «отложено не значитъ потеряно», какъ-будто онъ читалъ въ сердцѣ короля.

Герцогъ Норфолькъ, который былъ его товарищемъ въ прежнемъ министерствѣ и любилъ его, также какъ и Кромвель, прѣхалъ къ нему черезъ нѣсколько времени послѣ этого и толкуи о послѣднемъ процессѣ, сказалъ между прочимъ: «Право, мистеръ Морусъ, съ королемъ бороться опасно. Какъ другъ я вамъ советую, покориться его волѣ. Вы знаете, мистеръ Морусъ, гнѣвъ государя — смерть!» — Только-то, милордъ? Въ такомъ случаѣ, между вами и мною только та разица, что я сегодня, а вы завтра.

Парламентъ 1534 года утвердилъ быль о присягѣ наслѣдникамъ Анны Болингъ, и о духовной власти Англійскаго короля. Во все концы Англій разслали королевскихъ комиссаровъ, чтобы принимать эту двойную присягу. Лондонское и Вестминстерское духовенство должно было присягать въ Лембетъ, на Темзѣ, во дворцѣ архіепископа Кентурберійскаго, *Cranmer's*, въ присутствіи этого прелата, лорда-канцлера *Audley*, секретаря Кромвеля, Вестминстерскаго аббата и королевскихъ комиссаровъ. Все епископы, аббаты, священники и одни только мірянинъ, Томасъ Морусъ, были повѣщены, чтобы явиться въ назначенный часъ въ этотъ трибуналъ. Для духовенства, за исключеніемъ только *Fisher's*, это засѣданіе было, просто, форма. Члены совѣта присоединены были къ комиссарамъ только для того, чтобы внушить покорность двумъ человекамъ, отъ которыхъ ожидали сопротивленія, *Fisher'u* и Томасу Морусу. Известно, что Морусъ отказался отъ присяги, говоря, что онъ не хочетъ погубить души своей, потому что это смертный грѣхъ.

Его заключили въ Вестминстерское аббатство, подъ личнымъ надзоромъ аббата и мучили четыре дня сряду; онъ оставался непреклоннымъ; отказъ его выраженъ былъ такъ скромно, такъ легко, что люди, управляемые одною политикою, не стали бы и наставлять. Но королева, сдѣлавшись между-тѣмъ матерью, побуждалась къ этому двумя страстями — женскою досадою и материнскою нежностію. Морусъ былъ приговоренъ къ заточенію на всю жизнь и тотчасъ отведенъ въ Лондонскую башню.

Какъ скоро онъ переступилъ за дверь, тюремщикъ потребовалъ его верхняго платья. — «Возьми, сказалъ Морусъ, свинья свой плащъ; жалю, что онъ не пень.» — Этого мало, отвѣчалъ тюремщикъ, мнѣ надобно все ваше верхнее платье; такъ водится.» Морусъ снялъ платье и отдалъ. Его заперли въ одной изъ комнатъ башни, и приставили къ нему одного изъ его слугъ, который обязался клятвою доносить, если Морусъ будетъ что-нибудь писать или говорить противъ короля.

Черезъ нѣсколько дней потомъ, онъ написалъ углемъ на доскѣтъ бумаги слѣдующее трогательное письмо. Оно адресовано было къ его дочерп, Маргаритѣ Рурег, которая во все время его заключенія, была посредницею между нимъ и семействомъ.

«Милая и добрая дочь моя, благодаря Господа Бога, я здоровъ и, надѣюсь, спокоенъ духомъ; а изъ всѣхъ благъ этого міра, я ничего другаго и не желаю. Молю Господа, чтобы вы все были радостны, въ надеждѣ на небо. Многое хотѣлъ бы я сказать вамъ о будущей жизни; но надѣюсь, что Господь Богъ внушитъ вамъ все это лучше меня, своимъ святымъ духомъ! Да сохранитъ и да благословитъ онъ всѣхъ васъ!

«Писать углемъ вашъ нежный и любящій отецъ, который въ своихъ бѣдныхъ молитвахъ не забываетъ никого изъ васъ, ни вашихъ крошекъ, ни вашихъ коржилицъ, ни желешекъ вашихъ мужей, ни жены вашего отца, ни другихъ вашихъ друзей. Прощайте, отъ всего сердца. Бумага вся.»

Маргарита первая поблужала позволеніе повидаться съ отцемъ въ башнѣ. Когда она пришла, отецъ и любимая дочь

его прежде всего стали на колѣни, и прочли семь псалмовъ и лютанін. Потомъ Морусъ говорилъ о тюрьмѣ своей и сказаль, что заключеніе свое въ этой тѣсной комнатѣ онъ считаетъ особеннымъ небеснымъ милосердіемъ; что Богъ *гладъ его и леллетъ на своемъ лонѣ*, какъ самыхъ близкихъ своихъ любимцевъ, Іоанна Крестителя, Петра и Павла. Продолжительные разговоры отца съ дочерью всегда начинались молитвами и подобными рѣчами; потомъ, когда религіозная восторженность проходила, разговоръ принималъ тонъ веселый.

Дворъ старался подѣйствовать на Моруса черезъ его дѣтей и жену, надеясь, что эти существа, столь милыя ему, своими просьбами и слезами, убѣдятъ его признать новый порядокъ вещей, признанный уже всею націею: такъ важенъ былъ для двора голосъ одного человека! Но этотъ человекъ былъ праведникъ. Король, которому нужна была его присяга чѣмъ жизнь, хотѣлъ было сначала поколебать его родственною признанію, сожалѣніями, упреками, слезами, просьбами, воспоминаніемъ минувшихъ благъ. Но усилія всего семейства не могли потрясти твердости человека, который любилъ Бога больше чѣмъ родныхъ. Тогда у него отняли всѣ утѣшенія и за снисходительностію послѣдовала строгость. Его безпокоили и тревожили со всѣхъ сторонъ. То вдругъ распускали слухъ, что онъ присягнулъ, и такимъ образомъ отнимали у него подиору общественнаго мнѣнія; то королевскіе агенты вламывались въ домъ его и рылись въ его благородной бѣдности, какъ-будто въ сундукахъ какого-нибудь грабителя минувшаго царствованія. Морусъ, въ одночъ изъ писемъ своихъ объ этомъ предметѣ, изъявляетъ надежду, что у жены его не возьмутъ ни пояса ни золотого ожерелья и что не станутъ трогать его гардероба. Несколько разъ хотѣли даже вымучить у него присягу пыткой. Иногда какой-нибудь придворный агентъ упрекалъ его за то, что онъ ни разу не напишетъ къ королю съ-тѣхъ-поръ какъ сидитъ въ тюрьмѣ. Наконецъ прибѣгли къ сильному средству, чтобы устрашить его: пріоръ Картезіанскихъ монастырей, одинъ священникъ и четыре монаха были повѣшены въ Тайборнѣ, живые сняты съ вислицъ и четвертованы; внутренности ихъ вырваны и разбросаны. Его призывали въ советъ,

подъ вліяніемъ этихъ казней, когда кровь жертвъ еще дымилась; но онъ не поколебался. Родные его перепугались. Онъ написалъ къ нимъ, чтобы ихъ успокоить. Ему стали говорить о новыхъ парламентскихъ статутахъ; онъ отвѣчалъ, что прочелъ ихъ безъ вниманія. Его спросили, читалъ ли онъ тотъ статутъ, которымъ король признавъ главою церкви; получивъ утвердительный отвѣтъ, секретарь Кромвель учтиво спросилъ, что онъ думаетъ объ этомъ статутѣ. Морусъ промолчалъ. Между-тѣмъ король непремѣнно требовалъ, чтобы Морусъ объявилъ свое мнѣніе о статутѣ. Архіепископъ Кенторберійскій, лордъ канцлеръ, лордъ Suffolk, лордъ Wilshire и секретарь Кромвель отправились въ башню. Кромвель былъ душою этихъ допросовъ и болѣе всѣхъ прочихъ членовъ совѣта расположенъ къ Морусу. Ему объявляя королевскую волю. Морусъ повторилъ то, что говорилъ ему однажды Генрихъ VIII: «Служите сперва Богу, а потомъ ужъ государю.» Это было единственное мнѣніе, достойное честнаго человека. Одинъ изъ членовъ вздумалъ раздражить его, изъявивъ сомнѣніе въ томъ, что онъ дѣйствительно презираетъ жизнь. Это, конечно, было самое сильное испытаніе. «Если вы такъ охотно разстались бы съ жизнью, сказалъ искуситель, отчего же вы не объявите прямо, что считаете статутъ незаконнымъ? По вашему молчанію можно подумать, что вы не такъ рады были бы умереть, какъ говорите.» Морусъ сдѣлалъ ему слѣдующій высокій отвѣтъ: «Я жилъ не такъ свято, чтобы итти на встрѣчу смерти. Я боюсь, чтобы Богъ не оставилъ меня въ наказаніе за мою самонадѣянность. И вотъ почему я не бросился впередъ, и почелъ нужнымъ остановиться.»

Вскорѣ послѣ этого вопроса, король послалъ въ башню Г. Rich'a, подъ предлогомъ отобрать у Моруса книги и бумаги, но собственно для того, чтобы вывѣдать его мнѣніе о статутѣ. Этотъ Г. Richъ былъ генеральнымъ докладчикомъ и сдѣлался потомъ лордомъ Rich'омъ, потому что, по своему сговорчивому честолюбію, готовъ былъ на всякія услуги. Съ нимъ пришли сиръ Richard Southwell и какой-то Г. Palmer. Richъ началъ говорить о правѣ парламента отнять у папы и передать королю титулъ главы Англійской церкви. Морусъ, который никогда не могъ воздержаться отъ уче-

ныхъ диспутовъ, потому что имѣлъ въ нихъ успѣхъ, принявъ участіе въ разговоръ, но не вышелъ однако жъ изъ предназначенныхъ себѣ границъ, между «да», котораго онъ не хотѣлъ произнести и «нѣтъ», которое ослаблялъ всякими недомолвками и смиренными формулами. Но этого уже было довольно для *Richa*. Онъ тотчасъ побѣжалъ къ королю хвастаться признаиємъ, котораго не получилъ.

Генриху хотѣлось, чтобы Морусъ обезчестилъ себя отреченіемъ отъ своихъ мнѣній, потому что тогда уничтожены были бы и человекъ и примѣръ его; а смертью можно было уничтожить только человека. Но увидѣвъ, что Морусъ непреклоненъ, король рѣшился наконецъ прекратить эту борьбу всѣхъ силъ государства противъ одного человека. 7 мая 1535 года Морусъ былъ потребованъ въ Кингс-Бенчъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Онъ уже слишкомъ годъ сидѣлъ въ башнѣ.

Первое изъ обвиненій, взведенныхъ на бывшего канцлера, было то, что онъ противился второму браку короля. Морусъ не заперся въ этомъ; но прибавилъ, что онъ уже, кажется, довольно наказанъ за сто душевными и тѣлесными страданіями, вѣчнымъ заточеніемъ и острабизіемъ всего мнѣнія.

Второе состояло въ томъ, что онъ не повиновался парламентскому статуту о духовной власти короля и что не хотѣлъ сказать своего мнѣнія объ этомъ статутѣ. Морусъ отвѣчалъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ ни статута, ни закона, въ которомъ бы признавалось наказаніе за то, что человекъ не говоритъ ничего, ни дурнаго, ни хорошаго; что наказывать можно только за дѣла и слова; а таковыя помысленія судить одинъ только Богъ. — «Въ этомъ-то молчаніи васъ и обвиняютъ, возразилъ прокуроръ.

Третье изъ главныхъ обвиненій, касалось никакого заговора противъ статута; существованіе этого заговора доказывалось письмами, которыя Морусъ писалъ къ епископу *Fisher*, и въ которыхъ онъ увѣщевалъ его къ сопротивленію; но *Fisher* сжегъ эти письма, прибавилъ прокуроръ. Впрочемъ было и другое доказательство заговора, посильнѣе шестъ. Оно состояло въ томъ, что и *Fisher* и Морусъ срав-

нвали статутъ съ нечестъ ободоуостричь, погону что оны убиваетъ душу, если ему покоряешься, тѣло, если противишься. Морусъ замирился и въ заключеніе сказалъ: «Объясню рѣшительно, что я ни одному живому существу не говорилъ ни слова о статутѣ, хоть можетъ-быть его величеству донесли и не то.»

Тутъ признавалъ *Rich'a* и спросилъ объ его разговорѣ съ Морусомъ. *Rich* утверждалъ, что Морусъ отрицалъ право парламента даровать королю духовную власть. Морусъ отъичалъ ему съ жаромъ, подавилъ негодія его прежнею книжю, его дурною репутаціею, его распутствомъ и въ заключеніе замѣтилъ, какъ не вѣроятно, чтобы онъ сталъ открывено говорить о столь важномъ предметѣ съ человекомъ вѣтреннымъ, дурнаго поведенія, когда не хотѣлъ сказать своего мятнія ни королю, ни тѣмъ изъ королевскихъ совѣтниковъ, которые допрашивали его въ башнѣ. Для подкрѣпленія своего свидѣтельства, *Rich* просилъ позвать сира *Richard'a Southwell'a* и *Palmer'a*. Но первый сказалъ, что онъ посланъ былъ только для того, чтобы отобрать у Моруса книги и не обращалъ вниманія на разговоръ его съ *Rich'омъ*; второй, что онъ укладывалъ книги въ ящикъ и не слышалъ ничего. Отвѣты людей робкихъ, но честныхъ, которые не хотѣли клеветать на Моруса. Генеральный докладчикъ *Rich* сдѣлался лордомъ *Rich'омъ*, а Морусъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Присяжныхъ было двѣнадцать человекъ. Совѣщаніе ихъ продолжалось съ четверть часа; и потомъ они произнесли роковое *Guilty* «Виновенъ.» Морусъ съ геройскимъ спокойствіемъ выслушалъ приговоръ, въ которомъ было сказано, что преступникъ имѣеть быть отведенъ, подъ надзоромъ шерифа, *William'a Bingson'a*, снова въ Лондонскую башню, а оттуда перетащенъ на рѣшетку въ Тайборосъ и тамъ пожить до полусмерти; въ этомъ состояніи онъ имѣеть быть живой разтерзанъ, благородныя его части оторваны, животъ разрезанъ и кишки сожжены; четыре части его тѣла должны быть выставлены на четверыхъ воротахъ Сити, а голова на Лондонскомъ мосту. Генрихъ VIII перехватилъ это наказаніе на отвѣченіе головы. «Назавя, Богъ, друзей

монхъ, сказалъ Морусъ, отъ состраданія Генриха VIII, а дѣтей отъ его прощенія.» Вотъ единственными оскорбительными слова, которыя онъ сказалъ о королѣ; да и тѣ произнесъ съ веселымъ видомъ, который уменьшилъ нѣтъ горечь.

Его отвели пѣшкомъ изъ Вестминстера въ башню; впереди несли топоръ, вострежъ къ нему. Сынъ его, John More, стоялъ у дверей судебной залы, бросился на колѣна и просилъ его благословенія; Морусъ обнялъ и благословилъ его. На набережной башни, дочь его Маргарита, прорвавшись сквозь алебарды и топоры, которые его окружали, бросилась къ нему на шею и не могла произнести ничего, кромѣ: «Батюшка! батюшка!» Морусъ благословилъ ее и сказалъ, что хоть онъ умираетъ за преступленіе, котораго не сдѣлалъ, но в на это есть воля Божія, которой надобно покориться.

Морусъ просидѣлъ въ башнѣ еще семь дней и семь ночей послѣ приговора, приготовлялся къ мученичеству молитвою, размышленіемъ и религіей; ходилъ по комнатѣ въ одной рубашкѣ, какъ человекъ готовый къ погребенію и бичевался, чтобы заставить молчать нежное тѣло, которое «испугалось бы щелчка».

Въ послѣдній день, рано утромъ, сиръ Thomas Pore принесъ ему посланіе короля и совета, о томъ что онъ долженъ умереть въ этотъ день до десяти часовъ утра и чтобы онъ приготовился къ смерти.

— Королю угодно, сказалъ сиръ Pore, чтобы вы перестъ казнью не произносили рвчи.

— Хорошо, мистеръ Pore, отвѣчалъ Морусъ, что вы объявили мнѣ волю короля, потому что я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ, въ которыхъ, конечно, не было бы ничего оскорбительнаго ни для его величества, ни для кого бы то ни было. Я готовъ повиноваться волѣ государя; только, спросите, добрый мистеръ Pore, его величество, чтобы дочери моей Маргаритѣ позволяли быть на монхѣ похоронахъ.

— Король, отвѣчалъ Pore, уже приказалъ, чтобы и жентъ и дѣталь, и друзьямъ вашимъ, позволили похоронить васъ

— Какъ благодаренъ я его величеству, сказалъ Морусъ за это милостивое попеченіе о моемъ погребеніи!

Прощаясь съ нимъ, сирь Thomas Pore не могъ удержать отъ слезъ. Морусъ утѣшалъ его. «Повѣрьте, мистеръ Pore, мы когда нибудь увидимся въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ничто не побуждаетъ насъ любить другъ друга въ недрахъ вѣчнаго блаженства!»

Въ девять часовъ онъ переданъ былъ шерифу и пошелъ къ эшафоту. Борода его была длинна; лице блѣдное и худое; онъ держалъ въ рукахъ красный крестъ и часто поднималъ глаза къ небу. Одна добрая женщина подала ему стаканъ вина; но онъ не принялъ, сказавъ: «Иисусъ Христосъ, во время страстей своихъ, пилъ не вино, но желчь и уксусъ.» Двѣ несчастныя, какъ говорятъ, подставлены тутъ нарочно для того, чтобы разстроить эффектъ, который должна была произвести благородная смерть его, обратились къ нему съ жалобами. Одна требовала книгъ, которыя будто бы отдала ему на сохраненіе, когда онъ былъ канцлеромъ. Другая говорила, что онъ несправедливо рѣшилъ въ то время ея дѣло. Первой онъ съ кротостію сказалъ, что король избавляетъ его отъ всякихъ заботъ о бумагахъ, книгахъ и всякъ подобныхъ вещахъ; второй, что онъ помнитъ ея дѣло и что если бы надобно было начать снова, онъ опять произнесъ бы такое же рѣшеніе.

Взойдя на эшафотъ, Морусъ сталъ на колѣни и прочелъ псаломъ. Палачъ сталъ просить у него прощенія. Морусъ обнялъ его, сказавъ: «Ты оказываешь мнѣ величайшую услугу, какую только я могъ получить отъ человека. Исполни свою обязанность, отсторонь только мою бороду, потому что она чиста и непорочна; она никогда не измѣтила.» Онъ самъ себя завязалъ глаза.

Голова его была выставлена на Лондонскомъ мосту; но потомъ Маргарита ее выкупила. Эта нежная и восторженная женщина прожила еще двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти отца и голова его была для нея предметомъ дочернихъ стованій и религіозныхъ размышленій. Все ижтніе, пожалованное Морусу Генрихомъ и часть его собственнаго имущества, были конфискованы двумя парламентскими актами. Жена его была

выгнана изъ Чельскаго дома, и король назначилъ ей пенсію въ двадцать фунтовъ стерлинговъ. Сынъ его, John More, былъ сначала также заключенъ въ Лондонскую башню за то же за что и отецъ, но потомъ освобожденъ, потому что его приговоръ ничего не значилъ послѣ отцовскаго.

Генрихъ, въ Ричмондскомъ дворцѣ своемъ, игралъ съ Анною Боливъ въ шахматы, когда ему пришли доложить, что Морусъ казненъ. Онъ гнѣвно взглянулъ на Анну и сказалъ: «Этотъ человекъ умеръ по вашей милости.» Онъ послѣднее ушелъ въ свою комнату и заперся тамъ на цѣлый день. Раскаивался ли онъ въ убійствѣ Моруса, или уже начиналъ ненавидѣть новую королеву?

=

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИСЛАНДІИ

ГОСПОДИНА МАРМІЕ.

Господи́нь Магмие́, молодой Французскій литераторъ, не безъ дарованій, особенно отличающагося отъ своей Парижской собратіи весьма счастливымъ расположеніемъ ума, которое позволило ему угадать, что свѣтъ не оканчивается à la Battière du Trône, и что есть много чему Французъ можетъ поучиться у другихъ народовъ. Судьбы привели его въ Германію: онъ изучилъ Нѣмецкій языкъ, полюбить его литературу, и постепенно увлекся прекрасными изслѣдованіями Германцевъ въ области древней своей поэзіи, къ источникамъ северной словесности, въ Niebelungen, Эддѣ, сагахъ, и такъ далѣе. Это наконецъ заставило его учиться языку старой Скандинавіи. Восхищенный видомъ совершенно новаго умственнаго міра, онъ старался воспользоваться отправленіемъ Французской корветты La Lilloise въ Северный Океанъ, и усильно постыгилъ классическую землю этой словесности, Исландію. Наблюденія его на этомъ островѣ, и первый плодъ чтеній по любопытному предмету словесности Норманновъ, напечатанные отрывками въ видѣ писемъ въ разныхъ журналахъ, собраны въ небольшой книгѣ, которая вышла недавно подъ заглавіемъ «Lettres sur l'Islande»*. Для тѣхъ, которые нѣсколько занимались предметомъ, книга его не представляетъ ничего новаго; но для Французовъ почти все въ ней ново и, странно сказать, ново и для насъ, Русскихъ, которые обязаны Норманнамъ основаніемъ нашего отечества, первыми страницами нашей исторіи, первыми нашими законами, и даже введеніемъ христіанской религіи. Чтеніе «Писемъ объ Исландіи», господина Магмие, должно возбуждать въ насъ въскорбномъ чувствѣ: Французъ, Парижанинъ, для котораго древняя

* Paris, 1837, 8vo.

Скандинавія составляет только предмет простаго ученаго любопытства, съ жаромъ предается изученію ея языка, словесности, религія, нравовъ, законовъ, преданій: а мы, для которыхъ эта словесность и религія, эти нравы, законы, преданія, образуютъ настоящее введеніе въ отечественную исторію, мы тщетно до-сихъ-поръ вдемъ вокругъ себя того, кого бы могли привѣтствовать вконецъ пхъ знатока и истолкователя! Не побудитъ ли пріятель господина Магтіег, который въ такое короткое время успѣлъ узнать и пересказать своимъ соотечественникамъ столько любопытныхъ вещей о нашихъ основателяхъ и предкахъ, кого-нибудь изъ молодыхъ Русскихъ ученыхъ искать заковной славы на томъ же поприщѣ?..... Съ этою мыслию избрали мы его сочиненіе предметомъ статьи, и рѣшились познакомить Русскихъ читателей съ содержаніемъ «Писемъ объ Исландіи».

Мы недолго остановились въ нынѣшней столицѣ острова и надъ современными нравами его жителей, а посвятимъ гораздо болѣе страницъ тому, что несравненно любопытнѣе для Русскаго, — нравамъ и религія древнихъ Норманновъ и, слѣдственно, Руссовъ. Здѣсь мы пойдемъ случай разсмотрѣть подробнѣе и Эдду, о которой только мимоходомъ сказано было въ этомъ журналѣ, когда рѣчь шла о сагахъ и пользѣ, которой можно ожидать для Русской исторіи отъ ихъ изученія.

Рейкьявикъ, столица Исландіи, состоитъ изъ ряда домовъ по берегу, принадлежащихъ Датчанамъ, и изъ купы Исландскихъ хижинъ по бокамъ. Въ этой столицѣ жителей — семь сотъ человекъ; но въ ея библіотекѣ — восемь тысячъ книгъ, и она даже имѣетъ два журнала, одинъ классическій, другой романтическій, нѣсколько школъ, литературное общество, и университетъ, въ которомъ сорокъ студентовъ. Бѣдный островъ, льдястый и безплодный, гдѣ жителей всего тысячъ пятьдесятъ, и не можетъ имѣть болѣе блестящей столицы. Рейкьявикъ городъ не старыи: лѣтъ шестьдесятъ назадъ это было просто рыбацья деревушка. Но мѣстоположеніе его величественно и весьма удобно; тамошній рейдъ, защищаемый нѣсколькими островками, считается однимъ изъ самыхъ покойныхъ и безопасныхъ. Мало-по-малу Датскіе купцы завели тамъ конторы и городъ годъ отъ году распространял-

ся. Нынче онъ служитъ въstopребываніемъ епископу, губернатору, главному врачу и президенту суда. Университетъ расположенъ въ некоторомъ разстояніи отъ города, въ Бессентадъ, прежнемъ дворцѣ губернатора; тутъ есть церковь и ферма.

Несмотря на такое сосредоточеніе публичныхъ зданій, Рейкьявикъ похожъ на бѣдное мѣстечко. Никто бы, кажется, и не подумалъ, что тутъ можетъ случиться революція, что тутъ бушевали неукротимыя честолюбія; между тѣмъ въ Рейкьявикѣ тоже были политическія бури, былъ протекторъ, была конституція. Пусть самъ Г. Магміегъ расскажетъ это великое событіе. «Въ іюнь 1809 Англіійскій купецъ Г. Phelps сваридалъ два корабля для отправленія въ Исландію съ колоніальными товарами, и самъ пустился туда же, взявъ съ собою одного Датчанина, Юргенсена, который долженъ былъ служить ему переводчикомъ. Тогда, какъ я нынче, Исландія имѣла право торговать только съ Даніею; но Данія была въ войнѣ съ Англіею и Г. Phelps надвѣлся, что, пользуясь этимъ смутнымъ временемъ, онъ спокойно промтнелетъ свои бочки сахару и тюки козе на сало и рыбу Исландцевъ. Оба корабля его вошли на вѣтрѣ парусахъ въ Рейкьявикскую гавань. Онъ бросилъ якорь, объявилъ, что онъ Англіійскій купецъ и сталъ ждать. Но прошло нѣсколько дней, и ни одинъ Исландецъ не появлялся. Г. Phelps твердо былъ увѣренъ, что лодки со всего острова сберутся около его кораблей; но онъ тщетно стоялъ по цѣлымъ днямъ на бакѣ, съ подозрною трубою въ рукахъ; ни одинъ даже рыбакъ не пріѣхалъ купить унцію табаку. Тутъ онъ узналъ, что Исландскій губернаторъ графъ Тромпъ издалъ прокламацію, которою строго запретилъ жителямъ вступать въ сношенія съ Англичанами. При этой вѣсти, Г. Phelps возкипѣлъ гнѣвомъ. Не мудрено: рѣчь шла о чести его отечества и продажѣ его товаровъ; неуваженіе къ Британскому флоту и отверженіе его колоніальныхъ произведеній, заставило Г. Phelps'a принять героическое намѣреніе. Онъ вооружилъ двѣнадцать матросовъ и приказалъ своему пикиперу, безъ дальнѣйшихъ околичностей, взять губернатора подъ стражу. Это было въ воскресенье. Жители Рейкьявика толпились вокругъ церкви и на площади. Англіійскій шкиперъ, храбрый какъ

Цезарь, пробирается сквозь народъ, входятъ къ губернатору, указываетъ ему на свою дюжину матросовъ, на ихъ блестящія штыки и объявляетъ, что онъ, графъ Тромпъ, военнопленный. Все это происходило безъ шума, безъ драки, безъ кровопролитія. Исландцы стояли, разиня ротъ на улицы, а губернатора переезди на Англійскій корабль. На другой день явилась великолѣпная прокламація. Власть Датскаго правительства объявлена уничтоженною, Исландія независимою и свободою. Г. Юргенсенъ, переводчикъ Г. *Phelps*'а, принялъ титулъ превосходительства, объявлялъ себя протекторомъ Исландіи, главнокомандующимъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Національный гербъ былъ замененъ вензелемъ новаго правителя и въ тотъ же день на колокольнѣ величественно развѣвался снѣгій флагъ съ тремя тресками по серединѣ. Объявлялъ такимъ образомъ о переворотѣ, его превосходительство господинъ Юргенсенъ сошелъ на берегъ, и чтобы показать, что онъ не новичекъ въ дѣлѣ управленія, на первый случай конвоировалъ государственную казну въ свою пользу; потомъ онъ старался задобрить и привлечь къ себѣ главнѣйшихъ жителей Рейкьявика. Однимъ онъ обшаривалъ мѣста, другимъ пенсін. Онъ объявилъ также, что нацѣренъ даровать духовенству новыя права и преимущества, и священники, тронутые его набожностію, назвали письменно свое согласіе на все принятыя имъ мѣры. Чтобы сдѣлаться королемъ во всей «оріи», Г. Юргенсену не доставало стражи; но и это дѣло уладилось. По приказанію начальства, произведенъ былъ во всемъ городѣ домовый обыскъ, при чемъ найдено пять ружей, три шпата, пять шпиделей, которыя, по нуждѣ, могли идти за солдатскія, и двѣ каски. Г. *Phelps*, по врожденному ему великодушію, поставилъ остальную часть потребной аммуниціи и восемь человекъ, вооруженные съ ногъ до головы, начали каждый день дѣлать разводъ передъ окнами правителя. Г. Юргенсенъ былъ ихъ и генераломъ и провіантскимъ поставщикомъ. Каждое утро онъ подкрѣплялъ ихъ патриотизмъ красноречивымъ воззваніемъ и каждый вечеръ наполнялъ ихъ желудки двойною порціею сушеной рыбы и пива. Но Г. Юргенсенъ не удовольствовался одною арміею; ему захотѣлось крѣпости. По его приказанію на берегу моря построена бы-

ла толстая каменная стена. Потомъ отрыли гдѣ-то пять пушекъ, забытыхъ некогда Датчанами, поставили эту грозную артиллерию на стѣну; наконецъ собрался военный советъ, въ которомъ присутствовали Рейкьявскій каменщикъ въ качествѣ директора фортификацій и плотникъ, въ качествѣ инженера; и, по зрѣломъ разсужденіи, городъ объявленъ неприступнымъ съ суши и съ моря. Совершивъ это важное дѣло, Г. Юргенсенъ отправился во внутреннія страны, чтобы предупредить мятежъ и пріобрѣсть любовь своихъ подданныхъ. Онъ вѣдалъ верховъ; за нимъ шелъ пылкій корпусъ въ пяти человекъ; трое изъ нихъ кричали «Да здравствуетъ протекторъ!» а двое подстрекали пиками неповоротливый эгоизмъ Исландцевъ. Благодаря этимъ мудрымъ предосторожностямъ, онъ прохаживалъ большую часть острова при радостныхъ кликахъ народа, и если по возвращеніи въ столицу не нашелъ триумфальныхъ воротъ, то единственно потому, что принятая его скромность была весьма извѣстна.

Царствованіе протектора продолжалось уже два мѣсяца. К сожаленію, одно несчастное происшествіе остановило его тогда, когда онъ, утвердивъ престолъ свой на неизбѣжномъ основаніи, уривался уже за улучшенія въ государственномъ управленіи. Въ августѣ, Англійскій военный корабль, подъ командою капитана *Jones'a*, пришелъ въ Гавнефюрдъ, вблизи Рейкьявика. Датскіе купцы, которыхъ магазины протекторъ взялъ подъ секвестръ, стали жаловаться капитану *Jones'у*. Графъ Тромпъ, который все еще содержался на кораблѣ Г. *Phelps'a*, также послалъ къ нему жалобу. Капитанъ, который, посреди всехъ этихъ свуть, былъ представителемъ законной власти, произвелъ формальное слѣдствіе, выслушалъ тѣхъ и другихъ, потомъ отобралъ у Г. Юргенсена и скипетръ и стражу и приказалъ Г. *Phelps'у* отвезти и отрѣшеннаго отъ должности протектора и бывшаго губернатора въ Англию. Прежніе Рейкьявскіе сановники снова вступили въ управленіе своихъ должностей. Прежніе законы снова получили свою силу и черезъ нѣсколько дней послѣ этой купеческой комедіи, бургомистръ, по власти, данной ему отъ Бога и отъ Датскаго короля, сядя на своихъ дубовыхъ креслахъ, снова началъ судъ и расправу.»

Торговля между Исландцами и Датчанами состоитъ болѣею частію въ мѣну. Исландцы отдаютъ свои произведенія и получаютъ въ обменъ муку, соль, кофе, водку, и нѣкоторые предметы роскоши, потому что образованность со времени своихъ прихотей уже начинаетъ проникать въ эту бедную страну, и мужикъ, который прежде тянулъ пиво изъ простой деревянной кружки, теперь полнваетъ кофе изъ фарфоровой чашки. Иногда они требуютъ часть платы деньгами; но это не такъ легко получить, потому что Датчанамъ выгоднѣе вѣстаться на товары. Притомъ Исландцамъ и нѣтъ большой надобности въ деньгахъ, потому что они платятъ подачу фунтами рыбы и локтями *vadmal*я. Точно также расплачиваются они съ работниками и слугами; а если у низго Исландца наберется нѣсколько талеровъ, онъ тщательно хранитъ ихъ въ сундукъ. Исландцы еще не знаютъ искусства употреблять деньги на коммерческіе обороты или отдавать въ ростъ. Однако жъ, приступая къ торгу съ Датчанами, они принимаютъ нѣкоторыя предосторожности. По близости Рейкьявика есть большая равнина, на которой Исландскіе мужики раскидываютъ свои палатки, когда прѣзжаютъ продавать свои издѣлія и припасы. Мужикъ оставляетъ туго свои товары, лошадей, работниковъ; потомъ, помолившись Богу, онъ отправляется въ городъ, и тамъ обходитъ одного за другимъ всѣхъ купцовъ. Каждый изъ нихъ дѣлаетъ свои предложенія и подаетъ продавцу рюмку водки. Мужикъ выпиваетъ водку и записываетъ предложеніе. Окончивъ посѣщенія, онъ возвращается въ свою палатку. Вечеромъ и ночью онъ совѣтуется съ памятью и записною книжкою, а если жена тутъ, то и съ нею. На другой день онъ везетъ всѣ свои товары къ тому изъ купцовъ, къ которому имѣетъ болѣе довѣренности. К несчастью, результатомъ этихъ сношеній съ Датчанами бываетъ часто то, что бедный Исландскій рыбакъ, который круглый годъ терпѣлъ голодъ, холодъ и усталость, окончивъ мѣну, приходитъ въ восторгъ при видѣ боченка водки. Тогда въ гавани, по улицамъ, въ палаткахъ, начинается попойка; несчастные Исландцы пьютъ, чтобы забыть страданія, которыя уже претерпѣли; потомъ пьютъ, чтобы не думать о страданіяхъ, которыя ихъ еще ожидаютъ. Напившись, они, вмѣсто того, чтобы шу-

жить и драться, какъ слѣдуетъ порядочныхъ пьянцамъ, берутъ другъ друга за руки и со слезами на глазахъ, отъ души плачутся; потомъ садятся на лошадей и пускаются въ путь-дороженьку. Но въ пьяномъ видѣ они или забываютъ то, что вымѣняли, или плохо завязываютъ шшки свои и обыкновенно возвращаются домой въ самомъ жалкомъ положеніи. Богатства разлетѣлись, и бѣднякъ по прежнему остается бѣднякомъ. «Одинъ изъ моихъ пріятелей, говоритъ Г. Magnier, встрѣтилъ Исландскаго мужика, который съ красивыми глазами, опустивъ голову на грудь, и мечтая о счастьи, ѣхалъ изъ города домой. Въ торокахъ висѣли у него боченокъ водки, который текъ съ одной стороны, и мѣшокъ кофе, который сыпался съ другой; а блаженной Исландецъ, не слушая ни какихъ предостереженій, продолжалъ ѣхать и мечтать. Черезъ полчаса, боченокъ и мѣшокъ, конечно, опустѣли, а мечты разлетѣлись. Такимъ образомъ нерѣдко сканчиваются торговля и путешествіа Исландца, и бѣдный рыбакъ, возвращаясь домой, по прежнему корится прогорклымъ масломъ и сушеными рыбьими головками. Обыкновенное питье его составляетъ молоко съ водой. Богачи пьютъ пиво, которое варятъ козляка. Хижину топить онъ турфомъ, который самъ заготавливаетъ, а хлѣбъ, за неимѣніемъ мельницы, разтираетъ между двумя камнями.

Исландскій мужикъ великъ ростомъ и молчаливъ; онъ никогда не поетъ; умственное его наслажденіе состоитъ въ чтеніи, потому что все эти бѣдные Исландцы знаютъ грамоту и у каждаго есть нѣсколько книгъ. Главное ихъ занятіе состоитъ въ ловлѣ и сушеніи рыбы, отчего на всемъ островѣ несносный запахъ. Любопытно посмотреть внутренность ихъ домовъ; такъ какъ они живутъ далеко другъ отъ друга, и не видѣютъ между собою никакихъ сношеній, то у каждаго изъ нихъ должно быть дома все въ чемъ онъ можетъ имѣть нужду. Живяще его обыкновенно раздѣлено на пять покоевъ въ одинъ рядъ. Въ первомъ кухня и комната, гдѣ спятъ и господа и слуги; во второмъ молочная, въ третьемъ кузница и столярная. Онъ самъ куетъ лошадей своихъ, самъ дѣлаетъ себѣ всю домашнюю утварь. Исландцы вообще чрезвычайно склонны къ ремесламъ, и способности ихъ необходимо должны развиваться, потому что каждый припужденъ самъ

удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ. Изъ растопленного рога, они дѣлають пряжки къ уздамъ и ложки. Изъ шерсти ткуть сукна и вьютъ веревки. Одна женщина чешеть, выдѣляетъ и краситъ шерсть и притомъ все это въ одной комнатѣ. Изъ китовыхъ усомъ они приготавливають иглы, дуговыя, рукоятки. Молоткомъ служатъ имъ кусокъ лавы, а наковальнею камень. Мужики занимаются всѣми этими работами въ первые зимніе мѣсяцы, когда рыбная ловля еще не началась. Нѣкоторые изъ нихъ при помощи теревня, доходятъ до того, что дѣлають очень хорошевыя вещи изъ дерева и другихъ матеріаловъ. Г. Магніегъ видѣлъ утварь, которую Исландскій мужикъ вырѣзалъ съ удивительнымъ искусствомъ. Окончивъ произведеніе, художникъ подписалъ подъ нимъ свое имя; но видѣла это имя только въ одной бочѣ (деревенкѣ), въ которой онъ жилъ. Сколько людей съ отличными талантами живутъ здѣсь, не имѣя никакой возможности усовершенствоваться имъ, и имѣвъ незнаемыя, умирають въ своихъ жалкихъ хижинахъ! Въ нѣкоторыхъ частяхъ Исландіи, черезъ часъ вѣды обыкновенно встрѣчаешь жилища поселянъ, разставленныя у подошвы какого нибудь холма; въ другихъ вы провадите по цѣлымъ днямъ, не замѣчая никакихъ слѣдовъ жилья: вездѣ вокругъ васъ ужасная пустыня. Въ Рейкьявнкѣ совсѣмъ не то; тамъ все живо и одушевлено. Когда море тихо и только легкій вѣтерокъ, играя, волнуеть волны, которыя разстилаются яготомъ скатертью и блестятъ на солнцѣ, посреди Исландскаго залива возвышаются нѣстами островки, покрытые дерномъ, а вокругъ видятся горы, которыхъ вершины терются въ облакахъ. Тѣ изъ нихъ, которыя ближе къ землѣ, имѣють какой-то прозрачный голубой цвѣтъ, котораго невозможно опредѣлить. Ни въ Швейцарскихъ горахъ, ни въ Альпахъ, ни въ Пиренеяхъ, нѣтъ этихъ свѣтлыхъ отблѣсковъ, этихъ яркихъ тоновъ, которые восхищаютъ живописца, но которыхъ передать онъ не въ силахъ. Далѣе видъ геръ измѣняется; въ основаніи своемъ, онъ сливается съ морской водою, на вершинѣ сіяють пурпуровыя и опаловыя цвѣты, красуются святою мантиею ослѣпительной близны и короною льда, которыя блестятъ какъ алмазы; а въ ясный день, когда въ концѣ залива Шпегельсъ воздымаеть подъ солнечнымъ ш-

рошь свою вершину, вѣчно покрытую снѣгами, онъ кажется золотистыми облаками, которое стоитъ надъ моремъ. Въ такое время вся эта часть Исландіи совершенно походитъ на какую нибудь южную страну. Среднее море не прозрачне этого сѣвернаго моря; южное небо не крайне здѣшняго. Но въ небольшомъ разстояніи отъ города, вы можете вообразить, что находитесь посередѣ самой дикой пустыни. Дома исчезаютъ за холмами, къ которымъ они приотвлнсь и вы видите только море, горы и небо.

Въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни лѣсовъ, ни луговъ, ни нивъ, придавать разнообразіе ландшафту могутъ только горы, которыя то простираютъ длинныя хребты свои до самаго моря, то возвышаются огромными массами какъ крѣпости, или устремляются къ небсамъ, какъ соборныя колокольни. Цвѣтъ въ непрерывно измѣняется по состоянію неба и смотря потому, въ какое время на нихъ смотришь. Утромъ онъ являютса на горизонтѣ какъ синіе валы; вечеромъ, озареннымъ лучами солнца, сіяютъ какъ золотыя куполы. «Когда мы цѣлый день путешествовали, говоритъ Г. Магніег, горы — действіемъ-ли шиража, или просто воображенія, — горы вдругъ кажутся вамъ какъ-будто укрѣпленія, которыя окружаютъ военный городъ; однажды я при этомъ видѣ совершенно забылъ, что въ Исландіи нѣтъ ни городовъ ни укрѣпленій и ситшилъ впередъ съ невыразимымъ чувствомъ радости и вѣствя какого-то безпокойства. Я уже различалъ дали шпицы колоколенъ и кровли домовъ; нѣтъ уже слышался шумъ народной толпы, какъ вдругъ лошадь моя нѣткнулась на камень, и передо мною очутилась одна только масса лавы.» Эти дѣйствія предпочленія лучей свѣта на сѣверѣ очень обыкновенны. Scoresby, въ своемъ «Voyage to Groenland» приводитъ удивительныя примѣры подобныхъ явленій. Посередѣ огромныхъ массъ пловучаго льда, который окружалъ его со всѣхъ сторонъ, ему вдругъ представлялись впередъ дома и укрѣпленія, башни въ видѣ минаретовъ и длинныя ряды строевій, какъ-будто въ какомъ восточномъ городѣ. Однажды онъ увидѣлъ въ отраженіи облаковъ корабль отца своего, который былъ отъ него слишкомъ въ тридцати миляхъ. Онъ записалъ часъ, въ который сдѣлалъ это наблюденіе и черезъ нѣсколько дней отецъ его подтвердилъ досто-

вѣрность явленія. Въ 1834 году мы приводили еще любопытнѣйшій примѣръ этого феномена, заимствованный изъ путешествія капитана *Owen'a* на военномъ кораблѣ Барракута. Находясь въ водахъ Мыса Доброй Надежды, этотъ морякъ видѣлъ въ отраженіи облаковъ фрегатъ, который былъ отъ него какихъ нибудь въ трехъ стахъ мильхъ и видѣлъ такъ ясно, что можно было распознать лица капитана и офицеровъ фрегата. Известно, что мореплаватели называютъ это явленіе *phantom-ship* «корабль-призракъ.» Неутончивый капитанъ *Maguet* пишетъ теперь романъ подъ этимъ заглавіемъ.

Мы говорили, что Исландія страна бѣдная и безплодная; но въ ней все занимательно, все носитъ на себѣ поэтической отпечатокъ по историческимъ воспоминаніямъ; каждая изъ этихъ бухтъ, этихъ долинъ, этихъ горъ, имѣетъ свое мѣсто въ древнихъ сагахъ или новѣйшихъ летописяхъ. Исторія Исландіи печальна: вы безпрерывно встрѣчаете въ ней картины изверженія вулкановъ, описанія голода, заразной болѣзни или какого нибудь другаго изъ многочисленныхъ бѣдствій, которыя опустошали этотъ несчастный островъ по крайней мѣрѣ по разу каждое столѣтіе; но далѣе, въ древнѣйшія времена, исторія Исландіи принимаетъ героическій характеръ, который придаетъ ей необычайную прелесть. То были времена Ярлей и Скальдовъ, религіозныхъ мифовъ и кровавыхъ битвъ. Здѣсь Нигольфъ, первый Исландскій колонистъ, находитъ своихъ ценатовъ, которыхъ онъ бросилъ въ море для того, чтобы они показали ему мѣсто, гдѣ пристать къ берегу; тамъ жили Стурлесы; далѣе стоитъ гора, знаменитая въ сагахъ Ніаль. Вотъ въ этой бѣдной воег, близъ Гейсера, Аре-Фроде, первый Исландскій историкъ, писалъ свою *Landnata Bok* и свою *Schedae*. Въ той, неподалеку, отъ Брейдабальстада, Земундъ (*Soemund*) ивалъ Эдду. Первобытныхъ памятниковъ здѣсь, впрочемъ, совсѣмъ нѣтъ; одни истреблены временемъ, другіе перевезены въ Копенгагенъ. Но исторія указываетъ на каждомъ шагѣ мѣсто, которое надобно посмотреть, имя, котораго надобно тутъ искать. Знаменитѣйшее мѣсто во всей Исландіи есть Тингвалла. Тамъ, въ первый вѣкъ Исландской республики, главные изъ туземцевъ образовали центральное правленіе; тамъ происхо-

для ежегодна сеймы, алттинг (althing), въ которыхъ Исландцы совѣщались о государственныхъ дѣлахъ и издавали законы. Тамъ, въ 1000 году, христіанская религія была принята по большинству голосовъ. Туда собирались главные судьи, оба епископа и начальники округовъ. Тамъ устанавливали подати, читали важнѣйшіе договоры о продажахъ и бракахъ, потому что это было и въстарь и государственный сеймъ и семейное собраніе. Сначала Lægmadr, «мужъ законовъ» говорилъ отъ имени всей страны, потомъ Sysselmadr, отъ имени своего округа; жрецы совѣщались о духовныхъ дѣлахъ, верховный судъ рѣшалъ уголовные процессы. Недалеко отъ дерноваго возвышенія, на которомъ судъ заседалъ, была скала, гдѣ отрубали голову мужичинамъ, озеро, гдѣ топили женщинъ, завязанныхъ въ вѣшокъ, костеръ, на которомъ сожигали колдуновъ и волшебниковъ. Тингвалльскія собранія начинались обыкновенно въ іюль и продолжались нѣсколько недель. Двое начальниковъ сейма занимали каменный домъ, котораго слѣды и доселѣ видны, прочіе расположились подъ навѣтками. Во времена республики президентомъ собранія былъ «мужъ законовъ», который избирался народомъ. Впоследствии, по присоединеніи Исландіи къ Даніи, губернаторъ постепенно отобралъ отъ lægmadr'a все его обязанности и оставилъ ему только характеръ законника и судьи. Сеймы продолжались около осьми сотъ лѣтъ. Они прошли скандинавское идолопоклонство и христіанство, католическое пламенное вѣрованіе первыхъ временъ и реформацію, республику и монархію. Въ 1800 году они уничтожены повелѣніемъ короля Датскаго; вмѣстѣ верховный судъ, губернаторъ, епископъ, имѣютъ свое мѣстопробываніе въ Рейкьявнкѣ. Собранія сейма происходили на пути изъ Рейкьявника къ Гейсеру и Гекля, въ глубинѣ долины, покрытой льдомъ, между гигантскими массивами скалъ. При видѣ этой узкой долины, скрытой между горами, обставленной со всѣхъ сторонъ тяжелыми каменными стѣнами, нѣсколько приходится въ голову, что природа нарочно устроила это мѣсто для бурныхъ собраній народа, состоящаго изъ воиновъ и пиратовъ. Это, по словамъ Г. Marmier, чрезвычайно романтическое мѣсто.

Путешественника, который былъ въ Исландіи, не льзя не

спросить о Гейсере и Гекль. К несчастью изъ книги Г. Magister мы рѣшительно не повидаемъ, былъ ли онъ на вершинѣ Геклы или нѣтъ; мы возьмемъ изъ описанія его путешествія только то мѣсто, которое касается до Гейсера.

«Продолжая путь нашъ къ Гейсеру, мы съ удивленіемъ остановились у кратера Трентона; вершина его, состоящая изъ скорій лавы, походитъ на трубу, которая всегда готсва извергать пламя и пепель. Отсюда и до горячихъ ключей Локсваттскихъ вѣдшь по почвѣ совершенно опустошенной. Мы были въ дорогѣ цѣлый день и всю ночь. Утромъ, на восходѣ солнца, мы переходили по плохой доскѣ черезъ широкій каскадъ Бруара, а часа черезъ два послѣ того были уже посерединѣ паровъ Гейсера. Температура совершенно измѣнилась. Термометръ спустился отъ 12 градусовъ до 0 и на равнинѣ дулъ сильный вѣтеръ.

«Горячіе ключа Гейсера находятъ на холмѣ, надъ болотистою равниною, которая обставлена цѣпью черныхъ горъ; онѣ придаютъ всей этой странѣ характеръ мрачный и печальный. Посерединѣ возвышается бѣлая вершина Геклы, а въ концѣ лавается Бляфаль, на которой снегу еще больше чѣмъ на Геклѣ. Большой водоемъ *Geyser's*, чѣмъ значить «ненстовый», окруженъ толстою корою кремнезема, которая раздѣлена на частицы, какъ скорлупа черепахи. Ширина оная въ восемь сажень, глубина въ одиннадцать. Недалеко оттуда находится *Stokk*, или «прявица», которая не шесте большого бассейна удивляетъ путешественниковъ. Впрочемъ на этомъ холмѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаешь множество другихъ ключей; одна изъ нихъ уже образовала бассейнъ изъ розоваго кремнезема съ углубленіями, голубыми какъ небо; другіе еще только что выходятъ изъ земли и дымятся шоль дерномъ, который покрываетъ ихъ до половины. Вода этихъ источниковъ разливается по почвѣ и окрашиваетъ ее; а паръ, выходящій изъ кипящаго котла, носится по долине какъ облака дыму; все это дѣлаетъ понятною простодушную мысль сочинителя одной старинной хроникѣ, который утверждаетъ, что все эти бассейны не чѣмъ иное какъ котлы, въ которыхъ чортъ кипятитъ осужденныхъ.

«Гейсеръ бьетъ не всегда. Онъ подверженъ вліянію дождя, вѣтра, времени года. Мы раскандили свою палатку посерединѣ

источниковъ , чтобы вблизи видѣть изверженіе , и съ самаго прѣзда съ нетерпѣніемъ ждали его. Днемъ , мы боялись отходить оттуда; почью одинъ изъ насъ всегда караулилъ , чтобы разбудить товарищей , какъ скоро изверженіе начнется. Караульные вѣсколько разъ будили прочихъ своими криками , потому что бассейны Гейсера начиналъ колыхаться. При этомъ слышался подземный шумъ , похожій на пушечные выстрѣлы и земля тряслась , какъ стѣна , которую бьютъ тараномъ. Мы бѣжали со всѣхъ ногъ къ краю холма , но Гейсеръ , какъ-будто на смѣхъ намъ , поднимался до краевъ своего кремнистаго котла и вода начинала разливаться черезъ край , какъ въ переполненномъ сосудѣ. Наконецъ послѣ двухъ-дневнаго ожиданія мы заставили Stock битъ , брося въ него камни и стрѣляя изъ ружей. Вода вдругъ загрохотала въ своихъ глубокихъ пропастяхъ какъ-будто почувствовала оскорбленіе , которое мы нанесли ей ; потомъ начала бить вверхъ съ ужасными порывами , выбрасывая все , что мы накидали въ котелъ и покрывала долину слоемъ пѣны и облакомъ пару. Возвы его поднимались оутовъ на восемьдесятъ выше колоды и съ ними вѣстре вылетали иль и каменья; густой паръ скрывалъ ихъ отъ нашихъ взоровъ , но подвѣсившись выше , свѣ втраля на солнцѣ цвѣтами радуги , и падали серебряною и золотистою пылью. Изверженіе продолжалось минутъ двадцать , а часа черезъ два потомъ , Гейсеръ сталъ поражать землю частыми ударами и началъ бить страшными волнами , какъ вода горнаго потока , какъ пѣна моря , когда вѣтеръ съчетъ его , а солнечные лучи окрашиваютъ всѣми цвѣтами радуги. Такимъ образомъ видѣли мы одинъ изъ любопытѣйшихъ феноменовъ природы.»

При мысли объ Исландіи , имя Скальгольта одно изъ первыхъ представляется воображенію. Это древняя столица гордой аристократіи Ярлей , которые изъ каждой деревушки хотѣли бы сдѣлать столицу. Это настоящія Аонны северныхъ пустынь , на каменистой почвѣ которыхъ вичалъ среднихъ вѣковъ , было больше цвѣтовъ поэзіи , чѣмъ въ странахъ помуденныхъ. Скальгольтъ былъ мѣстопребываніемъ перваго Исландскаго епископа ; тамъ же учреждена была и первая школа. Тамъ жили люди , по справедливости знаменитые , ораторы , философы , историки : Неллейфъ , ко-

торый началъ въ 1057 году исполненіе обязанностей перваго Исландскаго епископа тѣмъ, что собралъ вокругъ себя толпу дѣтей и сталъ обучать ихъ литературѣ; Гиссуръ, который, въ началѣ XI столѣтія, объѣхалъ все большія Европейскія государства и говорилъ на языкъ всехъ народовъ, которые посѣщалъ, такъ что по возвращеніи въ отечество его прозвали *Flos Peregrinationis*; ученый Торлакъ в Фнепсеиъ, авторъ Исландской церковной исторіи. Скальголтская соборная церковь два раза была разрушена пожаромъ и два раза выстроена по новому, болѣе обширному плану. Въ 1100 году въ Скальголтской школѣ обучали Латинскому языку, грамматикѣ, пѣнтякѣ, музыкѣ. Въ другихъ большихъ городахъ, въ Европѣ, не знали въ то время и половины этого. Въ XII столѣтія, въ одной изъ этихъ школъ епископъ, управлявшій ею, поймалъ одного ученика, который читалъ Овидіеву поэму *De arti amandi*; Исторія говоритъ, что почитенный епископъ очень разсердился: онъ зналъ какъ опасна эта книга. Ниче Скальголтъ бѣдная воет, въ которой только три хижины, да и у тѣхъ общалъ молочная и общалъ кухня; крокъ этихъ хижинъ есть деревянная церковь, тѣсная и плоху выстроенная. Одно кладбище показываетъ, что тутъ некогда была столица. Подлѣ кладбища видны развалины древней школы, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь хижина бѣднаго поселенна, возвышался некогда епископскій дворецъ. Церковь также была перестроена по новому, болѣе простому плану и въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Она однако жъ сохранила нѣкоторые остатки своего прежняго богатства, нѣсколько прекрасныхъ книгъ, драгоценныхъ украшеній алтаря, вышитыхъ рязъ и серебряный вызолоченный сосудъ.

Исторія этого знаменитаго города начинается съ первыхъ временъ заселенія Исландіи. Скандинавы, какъ извѣство, были неустрашимые мореплаватели. Они не имѣли ни секстанта, ни астролябіи, ни компаса; но несмотря на это съ весломъ въ рукахъ, садилсь въ ладьи, и пускались, слою по морскія птицы, искать земель отдаленныхъ. Не рѣдъ истинная волна служила имъ путеводительницею и бурь пригоняла ихъ туда, куда они направляли путь свой. Пять рать, по имени Надоодъ, пустился изъ Норвегіи къ остро

ванъ Ферро. Шквалъ заставилъ его совратиться съ пути и погналъ къ сѣверу. Надодаъ уже думалъ, что ему погибнуть въ безбрежномъ океанѣ, какъ вдругъ увидѣлъ землю. Онъ присталъ, вышелъ съ товарищами на берегъ; они взобрались на высокій холмъ, посмотрѣли вокругъ и нигдѣ не видали жилья человѣческаго. Это случилось осенью; долины и горы были покрыты снѣгомъ и Надодаъ назвалъ эту страну *Snoeland* «Снѣжная земля».

Это происходило въ 861 году. Черезъ три года, Шведъ Гардасъ отправился на Гебридскіе острова, чтобы принять тамъ наследство. Подобно Надодау, онъ былъ застигнутъ бурей и по неволѣ присталъ къ Исландіи. Онъ прожилъ тамъ всю зиму и, возвратившись въ отечество, расхвалилъ видѣнную имъ землю. Этого было слишкомъ довольно, чтобы возбудить предприимчивый духъ жителей сѣвера. Въ 866, въ одномъ Норвежскомъ домѣ, кровь жертвъ струилась на жертвенникѣ: пиратъ, хозяинъ дома, воспламененный вѣсть, что рассказывали объ Исландіи, собрался въ эту далекую страну. То былъ Флокки. Отправляясь въ путь, онъ хотѣлъ публичнымъ жолніемъ расположить скандинавскія божества въ свою пользу и посвятилъ Одну трехъ короновъ, которые, за неимѣніемъ компаса, должны были служить ему путеводаителями. Легко можетъ быть, что это средство узнавать близость земли, было въ общемъ употребленіи у тогдашнихъ мореплавателей. Обогнувъ острова Ферро, Флокки выпустилъ перваго ворона: но тотъ, видно, былъ неохотникъ до дальнихъ странствованій и спокойно возвратился туда, откуда его взяли. Черезъ нѣсколько времени, Флокки выпустилъ втораго ворона: этотъ поднялся на воздухъ, но, видя вокругъ себя безпредѣльное пространство воды, трусливо спустился на свою клетку. Дошла очередь до третьяго ворона: онъ, какъ бы желая возстановить честь своей породы, смело понесся къ сѣверу; корабль пошелъ за нимъ и скоро присталъ къ берегу въ Рейкьянесъ. Надодаъ видѣлъ эти горы осенью, когда онъ были покрыты снѣгомъ; Флокки видѣлъ ихъ весною, когда онъ покрыты льдомъ, и далъ этой странѣ имя *Island* «Ледяная земля», которое она и понынѣ сохраняетъ. Слѣдующимъ лѣтомъ онъ возвратился въ Норвегію. Одинъ изъ его товарищей рассказалъ легковѣрному на-

роду, что они видѣли страну прекрасную, гдѣ земля вѣчно покрыта цвѣтами, а съ горъ течетъ молоко и масло.

Въ то время царствовалъ въ Норвегій Гаральдъ Прекрасноволюсы: десяти лѣтъ отроду вступилъ онъ во владѣніе отцовскимъ наслѣдіемъ. Королевство его было одно изъ тѣхъ мелкихъ владѣній, которыхъ въ Швеціи и Давіи считается множество. Но Гаральдъ сгоралъ честолюбіемъ; притомъ, говоритъ сага, онъ былъ великъ ростомъ, силенъ, мужественъ и ловокъ. Онъ мечталъ только о войнѣ и завоеваніяхъ: женщина заставила его тотчасъ приступить къ исполненію своихъ замысловъ. Эта женщина была Гюда, дочь короля Эйрика. Гаральдъ просилъ руки ея; но гордая Гюда отвѣчала, что она совсѣмъ не расположена выйти за такого мелкаго князька и что если Гаральдъ хочетъ любви ея, то долженъ предложить ей половину короны, не своей свядной княжеской, а развѣ Норвежской. Когда посланники Гаральда донесли ему объ исполненіи своего порученія, онъ одобрилъ слова дѣвушки и поклялся, что не будетъ стричь волосы, не станетъ даже чесать ихъ, пока не покоритъ всей страны. Увлекаемый такимъ образомъ и честолюбивыми желаніями, и любовными надеждами, онъ объявилъ войну соседямъ, одного за другимъ покорилъ, и присоединилъ ихъ владѣнія къ своимъ. Вскорѣ войско его стало такъ многочисленно, имя сдѣлалось столь страшнымъ, что ни одинъ уже изъ прежнихъ соперниковъ не смѣлъ ему противиться. Онъ захватилъ всю Норвегію и та, которая, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, съ унизительнымъ сожалѣніемъ смотрѣла на его маленькое княжество, теперь сама на полъ бѣгавъ, прстинула къ нему руку, и провозгласила его королемъ. Но онъ захватилъ эти земли силою; могущественныя семейства преклонялись передъ нимъ съ негодованіемъ. Въ это время Флокки открылъ Исландію; новая земля была бѣдна, бесплодна, но независима; и Норвежская аристократія, оскорбленная въ своей гордости, рѣшилась искать убѣжища въ этихъ пустынныхъ странахъ.

Двое первыхъ Исландскихъ колонистовъ, Ингольфъ и Гирольфъ взяли еще другую причину покинуть отечество. Они завлекли на себя двойнымъ убійствомъ невиннаго мноточисленнаго семейства и рѣшились покинуть отечество,

чтобы избѣгнуть и шенія оскорбленныхъ и владычества Гаральда. Это было въ 870 году. Весною Ингольфъ и Гюрлейфъ собрались въ путь. Ингольфъ принесъ жертву богамъ и возросилъ скандинавскихъ оракуловъ: они назначили ему путь въ Исландію. Гюрлейфъ, быть можетъ, получилъ въ первое свое путешествіе, въ которое помяте о христіанской религіи: онъ отказался принести жертву богамъ и принялъ слово своего пріятели, какъ оракулъ. Они съѣли на корабляхъ, забравъ съ собою все свое имущество; Ингольфъ вѣлъ также и своимъ боговъ-пенатовъ. Въ некоторомъ разстояніи отъ берега, они разстались. Гюрлейфъ поплылъ къ востоку. Суевѣрный Ингольфъ бросилъ своихъ пенатовъ въ воду, давъ обѣтъ выйти на берегъ тамъ, гдѣ они приставутъ. Но вѣтеръ погналъ его въ другую сторону и онъ остановился у западнаго берега, въ мѣстѣ, которое сохранило его имя и до сихъ поръ называется Ingolfs hœfdi (Ингольфовымъ мысомъ). Гюрлейфъ, прибывъ въ Исландію, построилъ себѣ жилище и началъ пахать землю; но былъ убитъ Ирландскими невольниками, которыхъ привезъ съ собою. Узнавъ объ этомъ происшествіи, язычникъ Ингольфъ вскричалъ: «Умереть отъ руки невольника для вонна большое несчастіе; но такова судьба всѣхъ, кто не хочетъ приносить жертвы богамъ». Послѣ этого надгробнаго слова, Ингольфъ пустился въ погоню за убійцами, настигъ ихъ на Гестмашискихъ островахъ и всѣхъ умертвилъ. Потомъ онъ принялся искать своихъ пенатовъ, и наконецъ нашелъ ихъ близъ Гейкленга. Онъ построилъ себѣ жилище на томъ мѣстѣ, гдѣ море прибило ихъ къ берегу, и изъ пирата сдѣлался земледѣльцемъ и рыбзкомъ. Мало-по-малу многія Норвежскія семейства последовали его примѣру и поселились въ разныхъ мѣстахъ острова. Летъ въ шестьдесятъ почти вся Исландія была заселена и король Гаральдъ, боясь, что его государство опустѣетъ, наложилъ пеню въ пять унцій серебра на всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ покинуть отечество.

Эти эмигранты были болѣею частью люди благородныхъ чинами, которые были вассаловъ. Они увозили съ собою всѣхъ своихъ подвластныхъ, дружину и рабовъ. Приставъ къ берегамъ Исландіи, начальникъ плесная бралъ горющую помяте и пускался въ путь. Вся земля, которую онъ обвелъ

этихъ огненныхъ крутомъ, принадлежала ему и онъ раздавалъ ее своимъ вассаламъ, какъ землю завоеванную. После этого раздѣла, онъ укрѣплялся въ своемъ владѣнн и жилъ, какъ независимый начальникъ. Если ему вздумалось идти въ море, вассалы за нимъ слѣдовали; если онъ велъ войну, вассалы его поддерживали. То былъ Норвежскій феодализмъ, но безъ короля; республика, составленная изъ пиратовъ и рыбаковъ. Некоторые изъ нихъ строили хрѣмъ и принимали титулы godi. Они были вѣстцы и предводителями и первосвященниками. Въ важныхъ дѣлахъ къ нимъ обращались какъ къ судьямъ. Вассалы присягали на ихъ перстнѣ и каждое семейство платило имъ духовную подать.

Все эти начальники жили отдѣльно, полными повелителями своихъ владѣннй, дорожили своею властью и вскомгло не зависѣли другъ отъ друга. По ихъ воинственному характеру самый ничтожный споръ подавалъ поводъ къ войнѣ, малѣйшая искра производила пожаръ. Они принесли въ родичи страсть къ битвамъ. Садились за столъ съ топоромъ въ рукахъ и спали съ мечемъ у боку. При первомъ воинскомъ крикѣ, они бросались на коня, грабили и жгли жилища сосѣдей. Какъ скоро между двумя начальниками поселялся раздоръ, они непрерывно нападали одинъ на другаго и потомъ другъ другу отмщали. Не было закона, котораго бы они боялись, не было власти, которая бы могла усмирить ихъ, и безпрестанно опустошаемая Исландія тщетно молила о пощадѣ. Эти разорительныя войны заставили наконецъ Исландцевъ почувствовать необходимость общаго государственнаго устройства, чтобы придать единство всей этимъ разнообразнымъ элементамъ и обуздать честолюбие столькихъ семействъ, которыя соперничали между собою.

Исландецъ Улолотъ былъ отправленъ въ Норвегію, чтобы изучить существующіе тамъ законы и перенести ихъ въ отечество. Онъ учился три года у Торлейва, по прозванію Мудраго, и возвратился съ Уложеніемъ, которое въ 928 году и было принято сеймомъ. Это то самое уложеніе, которое извѣстно подъ именемъ Грагасъ. Въ Копенгагенѣ вышло прекрасное изданіе этой книги, въ двухъ томахъ in 4-to, а Шлегель написалъ на нее превосходный комментарий. Тамъ,

которые завязываются у насъ Барижскимъ правомъ, должны бы изучить эти двѣ любопытныя книги.

Исландія была раздѣлена на четыре части, по частямъ свята, и подраздѣлена на двѣнадцать округовъ. Въ каждомъ округѣ была свой судъ, свои особенныя собранія; но каждый годъ бывали въ Тингваллѣ торжественныя сеймы отъ всего народа. Двѣнадцать окружныхъ представителей представляли въ собраніи, а надъ ними былъ еще главный судья, котораго народъ избиралъ и провозглашалъ *logmadr'*омъ «мужемъ законовъ». Онъ и дѣйствительно былъ «мужемъ законовъ», потому что обязанъ былъ знать ихъ слово и слово наизусть и всякой годъ повторять каждому племени. Цѣлые два вѣка это уложеніе существовало такимъ образомъ въ одной памяти и передавалось изустно. Но Исландцы, которые такъ свято хранили преданія, не совѣстились нарушать ихъ всякой разъ, какъ они изволяли имъ отищать за себя. Часто враждебныя стороны не слушали примирительнаго голоса судей и приговоръ *logmadr'*а былъ заглушаемъ воинскими криками. Начальники ходили на сеймы съ мечемъ въ рукахъ; если законныя пренія обращались не въ ихъ пользу, они прибѣгали къ силѣ и *logberg*, священникъ «Утесть законъ», съ вершины котораго законодатель объявлялъ свои рѣшенія, дѣлался кровавымъ театромъ изъ драки.

Такова была въ теченіи четырехъ вѣковъ Исландія, вѣрный сколокъ старой Скандинавіи во зсѣхъ отношеніяхъ, и даже христіанская религія не скоро укротила бѣшенныя страсти этого разбойничьяго народа. Данія, Швеція, Норвегія уже отвергли идолопоклонство, а Исландія еще сохранила его. Евангеліе не разъ было тамъ проповѣдуемо, но Исландцы его не принимали; кровавыя жертвы слишкомъ нравились огню суровымъ воинамъ, чтобы они такъ скоро отказались отъ нихъ. Богъ Торъ со своимъ молоткомъ, эмблемою силы, былъ настоящимъ ихъ богомъ. Первый проповѣдникъ, который пытался просвѣтить Исландцевъ христіанскою религіею, былъ Ирландецъ, посланный Св. Патрикіемъ. Но вскоре раздался голосъ болѣе могущественный: голосъ туземца, Торвальда Странствователя. Онъ былъ крещенъ епископомъ Фредерикомъ Саксонскимъ и привезъ его съ собою,

чтобы проповѣдывать христіанскую религію въ Исландіи. Но Торвальдъ слишкомъ долго воювалъ въ чужихъ странахъ; онъ не могъ отстать отъ своего воинскаго ремесла. Слово казалось ему средствомъ дѣйствія слишкомъ слабымъ и медленнымъ: онъ хотѣлъ бы мечемъ и огнемъ обратить родную въ христіанскую религію. Почтенный епископъ недолго слѣдовалъ за такимъ неукротимымъ сотрудникомъ; онъ возвратился въ Саксонію и кончилъ жизнь въ святости. Что касается до Торвальда, то онъ распространялъ свой суровый прозелитизмъ по всей Исландіи; погоня страсть къ дальнимъ путешествіямъ снова въ немъ возбудилась. Онъ отправился въ Грецію, въ Сирію, въ Константинополь, въ Іерусалимъ. Наконецъ прибылъ въ Россію, выстроилъ новостырь и тамъ умеръ. Изъ Россіи, Гардарика, часто встрѣчается въ исторіи Исландіи. Христіанская религія принята была наконецъ сеймомъ, по настоянію миссіонеровъ короля Олафа. Съ этого времени началась для Исландіи новая эпоха, эпоха познаній и поэзій. Тамъ завелась школы, появлялись ученые священники, знаменитые путешественники, но slokoйствія не было. Ни политическіе, ни духовные законы не могли одолѣть честолюбія главнѣйшихъ семействъ. Вначалѣ одиннадцатаго столѣтія загорѣлась между ними новая война, продолжительнѣе, упорнѣе, ужаснѣе всѣхъ предыдущихъ. Начальники партій отиралились съ Тингъ съ тысячею тремя стами воиновъ. Они какъ бичъ проходили по странѣ, то пробирались на судахъ вдоль береговъ, то съ оружіемъ въ рукахъ, пролагая себѣ путь по жилимъ мѣстамъ убійствами и пожаромъ. При всякой встрѣчѣ между ними происходили уже не кратковременныя стычки, но настоящіе сраженія, которыя продолжались по цѣлымъ днямъ и не только, на утро начинались снова. Иногда они обманывали одна другихъ притворнымъ миромъ; но какъ скоро сеймъ разошелся, воинскіе крики снова раздавались. Въ случаѣ смерти начальника, война продолжалась подъ другимъ знаменемъ, съ новымъ предводителемъ. Въ завѣщаніяхъ своихъ они отказывали въ наследствѣ дѣтямъ неоконченную битву, недовершенное мщеніе, и наследники всегда свито исполняли завѣщаніе. Всѣ главнѣйшіе жители погибли въ этихъ междоусобицѣхъ. Члены могущественной фамиліи Стурлесонъ, истре-

были другъ друга. Снорри Стурлесонъ, знаменитѣйшій изъ Исландскихъ писателей, убитъ въ Рейкгольдъ, по ненависти своихъ непріятелей и по приказанію короля Гакона. Со смертію этихъ великихъ людей, кончилась и Исландская республика. Исландіи лишаясь въ одно время и названія республики и своей независимости. Норвежскіе короли давно уже замыслили покорить ее своей властью; но Исландія упорно защищала свою независимость. Долговременныя олигархическія войны ослабили, истощили ее и лишили надежды сохранить свою самостоятельность. Въ 1262 году три большіе округа, сѣверный, южный и западный покорились Норвегій; въ 1264 году послѣдовалъ этому примѣру и округъ восточный. Нѣкогда въ Исландіи было много богачей, нынче нѣтъ уже ни одного.

Странная Исландская литература, которая возбуждаетъ нынче наше любопытство и нередко удивленіе, процвѣтала до введенія христіанской религіи; но и долго послѣ того Исландцы любили пѣсни своихъ Скальдовъ, хотя вліяніе этихъ поэтовъ уменьшалось по мѣрѣ распространенія новыхъ идей. До того времени Скалды составляли значительную касту; они были барды Скандинавіи. Подобно пельтическимъ поэтамъ и греческимъ рапсодамъ, они прославляли боговъ и героев; какъ авторы испанскихъ романсовъ, они воспевали славу и битвы. У нихъ, какъ у Виргилія, были свои менестрели и, какъ Петрарка, они нередко заседали въ совѣтахъ государей. Подобно Миннезингерамъ они гордились своею породою и шли наравнѣ съ ярлами и князьями. Скандинавская поэзія перешла въ Исландію, когда начала теряться въ Норвегій и Даніи. Эта поэзія, какъ и самая исторія Скандинавскихъ народовъ, восходитъ до переселенія народовъ Азіатскихъ и терется въ темныхъ разсказахъ и баснословныхъ преданіяхъ. Подобно Индѣйцамъ и Грекамъ, Скандинавы питали глубокое уваженіе къ поэзіи, и приписывали изобрѣтеніе ея божеству. Чтобы объяснить ея происхожденіе, они придумали басню грубую, но характеристическую, и потому она заслуживаетъ вниманіе.

Жилъ былъ человекъ, котораго звали Квасеромъ и который своею мудростію возвысился до степени боговъ. Два карлика, завидуя его талантамъ, убили его, собрали его

кровь въ большую чашу и смѣшали съ медомъ. Кровь ну-драго, смѣшанная съ сокомъ цѣтвовъ, сдѣлалась поэтическимъ источниккомъ, Гиппокренско Скандинавовъ; они называли ее *miøed*, то есть мѣдъ. Человекъ, который отдавалъ этой крови, тотчасъ дѣлался вдохновеннымъ и струны арфы гармонически звучали подъ его перстами. Великанъ Суттунгъ захватывалъ сосудъ съ *miøed* оцъ и очень дорожилъ имъ, хотя самъ не употреблялъ; онъ отдалъ его на сохраненіе дочери своей Гунлюдъ и заключилъ ее въ гору. Между тѣмъ богъ Одинъ, который былъ озаренъ многими способностями, желалъ еще присоединить къ нимъ даръ поэзіи; но для этого надобно было обольстить Суттунга, а Суттунгъ былъ человекъ ужасный; ни льстивыя слова, ни обѣщанія на него не дѣйствовали; онъ берегъ свое сокровище какъ настоящій парваръ: самъ имъ не пользовался и другимъ не давалъ. Одинъ оставилъ свое небесное жилище, и какъ Аполлонъ къ Адмету, пришелъ къ Суттунгу, провелъ у него цѣлое лѣто, пасъ его стада, собиралъ сѣно и въ награду трудовъ своихъ просилъ только нѣсколькихъ капель меду. Суттунгъ безжалостно отказалъ. Послѣ этой попытки, Одинъ, не надѣясь уже преодолѣть упорства великана, прибѣгъ къ хитрости; онъ превращается въ змѣя, проникаетъ въ гору, гдѣ заключенъ поэтическій сосудъ, приближается къ Гунлюдъ, льститъ ей похвалами, очаровываетъ ее взглядами. Бѣдная Гунлюда поступила такъ же какъ Ева; она забыла отцовское запрещеніе. Одинъ получалъ позволеніе три раза хлебнуть изъ медоваго сосуда; но, въ третій разъ, жестокой выпилъ все до капли. Потомъ онъ забылъ изъяснить клятвы, которыми напечатывалъ Гунлюду, покинулъ бѣдницу въ слезахъ и улетѣлъ въ видѣ орла. Но Суттунгъ былъ всепродующій волшебникъ; онъ тотчасъ узналъ объ этомъ похищеніи и пустился въ погоню за похитителемъ. Уже онъ достигалъ его, уже Одинъ трепеталъ, что ему дорого придется заплатить за плутовство, какъ вдругъ Асы (боги) вышли ему на встрѣчу, чтобы поддержать его; представили ему чашу, и онъ выпилъ въ нее выпитый медъ. Но страхъ, который нагналъ на него Суттунгъ, произвелъ на Одина дѣйствіе ревеню, такъ что часть драгоцѣнной влаги вышла другимъ путемъ и пошла на землю; она то производитъ дурныхъ поэтовъ; имъ сто-

ить только нагнуться, чтобъ ею воспользоваться. Но чаще боговъ хранишь въ небѣ и только люди гениальнѣе, люди истинно вдохновенные могутъ прикасаться къ ней устами. Одинъ раздвѣляетъ ее своимъ любнцямъ; онъ богъ поэзіи. — «Теперь, говоритъ Эдда, пѣснь Одина спѣта, въ залѣ Одина, близъ залы Одина. Блаженъ, кто пѣлъ ее! Блаженъ, кто можетъ пересказать ее! Блаженъ, кто ее выучилъ! Блаженъ, кто ее слышалъ!»

Восходя за первые времена трехъ Скандинавскихъ монархій, мы имѣемъ о Скальдахъ извѣстія весьма неполныя; до насъ дошли только отрывки стихотвореній и біографій. Въ VI и VII столѣтіи они уже занимаютъ, по временамъ, почетное мѣсто въ исторіи; но начиная съ IX и до XIII вѣка, ихъ исторіи уже не прерывается; ихъ жизнь, ихъ творенія, все извѣстно. Царствованіе Гаральда Прекрасномолосаго было золотымъ вѣкомъ Скальдовъ. Чтобы придать болѣе торжественности своимъ битвамъ, болѣе блеска своимъ побѣдамъ, славолюбивый Гаральдъ окружилъ себя поэзіею. Онъ созвалъ знаменитѣйшихъ Скальдовъ ко двору своему; пріобрѣталъ ихъ привязанность подарками, и всѣ они воспевали его славу и могущество. Преемники Гаральда также любили Скальдовъ. Некоторые изъ этихъ государей, какъ напримѣръ, Магнусъ Добрый, Гаральдъ Сигурдсонъ, любили поэзію и даже сами писали стихи. Скальды долгое время прогнѣвались преслѣтійю, которымъ поражали ихъ христіанскіе миссіонеры. Олафъ-Святый оуждалъ ихъ идеологическія воспоминанія, во думалъ, что при дворѣ могущественнаго государя непременно должно быть нѣсколько Скальдовъ. Это тотъ самый Олафъ, который, приведя Скальдовъ на поле сраженія, сказалъ имъ: «Станьте въ первомъ ряду, чтобы воспевать не то, что услышите, а что сами увидите.» Превосходное правило, которое бы слѣдовало помѣстить во все піитки. Мало-по-малу христіанизмъ глубже проникъ въ умы; нравы, законы, все измѣнилось и поэзія Скальдовъ; дочь Одина, погябла вѣсть съ вѣроваемъ въ Одина.

Въ эти невѣжественныя времена Скальдъ былъ не только вѣрный историкъ, искусный и уважаемый стихотворецъ, но обыкновенно человекъ, который много путешествовалъ, много видѣлъ, и у котораго поэгическій инстинктъ просвѣ-

таль разсудокъ и развилъ способность мышленія; сверхъ того онъ былъ почти всегда политикъ и философъ. Государя нилъ къ нему довѣренность и нередко просили его совѣтовъ. Скальдъ въ тѣ времена шелъ наряду съ знатными; названіе скальда стоило титула и скальды питая свой гербъ: розу посерединѣ щита. Скальдамъ обзаны мы тѣмъ, что ниче можемъ знать о мифологій и религій Норманновъ, предметъ столь замѣчательномъ для насъ Русскихъ, потому что эту религію основывали первые наши государя. Г. Магшиер обработалъ эту часть лучше всѣхъ другихъ и мы охотно сдѣлаемъ изъ его книги довольно длинный выписки.

Саги и древніе историкъ говорятъ, что Одинъ, начальникъ Асовъ (боговъ), овладѣлъ тремя Скандинавскими королевствами. Онъ пришелъ съ Востока. Одинъ принесъ съ собою языкъ и, безъ сомнѣнія, мифы Востока; языкъ, тотъ самый, который и понынѣ говорятъ въ Исландіи. Нравы древнихъ Скандинавовъ, конечно, не имѣютъ ничего общаго съ нравами жителей полуостр., но идолопоклонство Стьернъ имѣеть много сходства съ религіозными преданіями Востока. Скандинавское небо очень бѣдно; тамъ вѣять только мясо кабановъ, льютъ только молоко и пиво, и боги, которые живутъ на этомъ небѣ, самые несчастные во всемъ свѣтѣ. Великими имъ противятся; волкъ Фѣрисъ ихъ пугаетъ. Чтобы избѣгнуть свѣтей, которыя имъ повсюду разбавляютъ, они принуждены даже обращаться къ смертельному своему неприятелю, Локк. Чтобы напиться изъ поэтической чаши, Одинъ принужденъ принять образъ змѣи. Чтобы достичь до источника мудрости, онъ долженъ лишиться глаза и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ, верховный богъ, сходитъ съ своего престола, и совѣтуется съ головою Мимера. Все эти боги стареются и умираютъ. Если бы у нихъ не было яблокъ Илуны, которыя замѣняютъ имъ источникъ Жуванскій, то они бы послѣди и лишились волосъ. Но придетъ время, когда на яблоки Илуны, на стрѣлы, на булавы, уже не спасутъ ихъ. Вселенная на нихъ обрушится и они погибнутъ вмѣстѣ съ гениемъ зла, который непрерывно съ ними борется.

Религія Индвигевъ есть религія духовная, исполненная философскихъ соображеній и замысловатыхъ системъ;

религія Скандинавовъ, напротивъ того, создава для народа воинствъ; это религія строгая и безъискусственная, энергическая и свирепая. Ученіе ея походитъ на военный артикуль. Гимны ея — воинскіе крики; праздники — дни битвъ. Въ храмахъ ея струится кровь жертвъ и блаженство, которое общаетъ она своимъ героямъ, есть непрерывная битва Валгалы. Исландскіе мномъ развились подъ лазоревымъ небомъ, на смятойшей почвъ, какъ ватли цвѣтловъ, Скандинавскіе мномъ ирчны какъ облака, которыя носятся надъ Балтійскимъ моремъ, печальны какъ вѣтеръ, который воетъ въ горахъ Норвежскихъ или на пустынныхъ равнинахъ Исландіи. Между-тѣмъ сквозь эту грубую ткань первоначальныхъ преданій, проглядываютъ иногда замысловатыя эмблемы. Космогонія Скандинавская начинается точно такъ же какъ космогонія всѣхъ древнихъ народовъ. Вначалѣ не было ничего, ничего кромѣ мрака и хаоса, но было верховное существо, создатель, Allfader, то есть Всеотець. Его существованіе предвѣчно и никогда не кончится. Онъ былъ одинъ въ своемъ незамѣримомъ пространствѣ. Онъ создалъ землю Гиннигананъ, покрытую льдомъ и знойную землю Муспельгеймъ, которую стережетъ Суртуръ. Никогда Суртуръ, съ огненнымъ мечемъ въ рукахъ, нападетъ на боговъ и воспламенитъ землю. Жизненная теплота Муспельгейма пропущетъ и растаиваетъ льды Сивера. Изъ этой смеси сырости съ теплою, изъ этого элемента плодородности, который Идд и Еггнетъ обожали, родился гигантъ Имеръ. Тѣ же начала произвели корову Одумблу. Изъ боковъ ея вытекали четыре струи молока, которыми Имеръ питался. Однажды ночью гигантъ рѣдилъ наъ лѣвой руки мужчину и женщину, а наъ ногъ сына. Вотъ происхожденіе могущественнаго племени гигантовъ.

Между-тѣмъ корова Одумбла питалась тѣмъ, что лежала каваи, покрытые инеемъ. Въ первый день подъ азькомъ ея за камнѣ показались волосы; во второй выросла голова; въ третій явился человѣкъ; тѣ былъ Боръ. Онъ женился на дочери одного гиганта и прижилъ съ нею трехъ сыновей: Одина, Вили и Ве. Они соединились между собою въ общіи силахъ убили Имера, Скандинавскаго Титана. Кровь его, вытекаая волнами, поглотила всѣхъ гигантовъ, за исключе-

внѣмъ одного только, который спасся съ женою на лодкѣ и отправился въ другія страны разводить свою породу. Изъ тѣла Ииера, сыновья Бора сдѣлали землю; изъ его крови озера и моря, изъ костей горы, изъ зубовъ камня; изъ черепа они образовали небо, которое поддерживаютъ четыре карлика; изъ нозга облака; изъ бровей палиссадъ для защиты отъ гигантовъ; наковнецъ изъ огненныхъ искръ, падающихъ съ Муспельгейма, они сдѣлали планеты и звѣзды.

Однако жъ въ землѣ гигантовъ былъ еще человекъ, во имени Норъ. Дочь его была ночь, и она породила день. Ночь скачетъ по небу на конѣ, который безпрестанно потрясаетъ своими удилами, покрытыми тѣною. Отъ этого происходитъ роса. День носится на борзомъ конѣ, который своею блестящею гривкою освѣщаетъ землю. Солнце и луна — два прекрасные младенца, которыхъ Одинъ похитилъ у отца. Ихъ преслѣдуютъ два волка, всегда готовые поглотить свою добычу. Вотъ отчего они такъ скоро бѣгаютъ. Это варяганіе встрѣчается и у многихъ другихъ народовъ. Монгольское преданіе говоритъ, что боги вздумали однажды наказать Арахо за какое-то преступленіе; но онъ убѣжалъ отъ нихъ. Они тщетно искали его; спрашивали солнце, гдѣ онъ, но солнце сдѣлало имъ отвѣтъ неудовлетворительный. Спросили луну, и луна открыла его убѣжище. Съ-тѣхъ-поръ Арахо безпрестанно преслѣдуетъ солнце и луну; когда случается затмѣніе, Монголы думаютъ, что Арахо бросился на одно изъ этихъ свѣтилъ и хочетъ поглотить его; Монголы поспѣшно собираются и кричатъ изо всѣхъ силъ, чтобы испугать его.

Такимъ образомъ Скандинавскій міръ былъ созданъ; Одинъ населилъ землю; а гиганты стали жить въ странѣ, которой Исландская богонія не называетъ. Человѣка на землѣ еще не было. Однажды, прогуливаясь по берегу моря, боги увидѣли два пловучихъ дерева: они выгнали ихъ изъ воды и сдѣлали изъ этихъ деревьевъ мужчину и женщину. Мужчину назвали Аскою, женщину Амблою. Первый богъ далъ имъ душу, жизнь; второй, движеніе; третій, даръ слова, чувства зрѣнія и слуха. Последнее дѣйствіе творенія есть новая эмблема религіознаго чувствованія; которое древніе народы питали къ некоторымъ деревьямъ. Греки почитали небес-

выгъ пнемъ во внутренности деревьевъ и требовали оракуловъ отъ Додонскаго дуба. Друнды срѣзывали аялу не иначе какъ золотымъ серпомъ; древніе Германцы ивляи священныя лѣса и тамъ поклонялись своимъ идоламъ. У Норвежцевъ было преданіе, что боги презрѣли въ лѣсъ цѣлую армию и воины, заключенныя днемъ въ толстой древесной корѣ, ночью снова принимали человѣческой образъ и съ шлемами на головахъ прохаживались при свѣтѣ луны.

Мы уже говорили, что изъ бровей Ичера боги сдѣлали палисадъ для защиты отъ гигантовъ. Помоги они построили себя въ центрѣ земли замокъ, крѣпость. Скандинавскіе боги, точно также какъ и Греческіе, представляютъ на болѣе возвышенной степенн всѣ дѣйствія, всѣ несчастія и страсти человѣческія. Люди дерутся между собою; боги дерутся съ великанами; люди дѣлаютъ себя желѣзное оружіе и боги, въ своихъ жилищахъ, устраиваютъ обширныя мастерскія, выковываютъ себя золотыя шлемы и блестящіе щиты; у людей бывають судебныя собранія, и боги тоже въ извѣстные дни собираются, чтобы разсуждать о происшествіяхъ на землѣ и рѣшать дѣла народовъ.

Советъ боговъ собирается подъ ясенемъ Игдрасиломъ, эмблемою времени. Этотъ ясень величайшее, прекраснѣйшее изъ всѣхъ существующихъ деревьевъ. Стволъ его спускается во внутренность земли; вѣтви покрываютъ всю вселенную; наковка касается небесъ. Три огромныхъ корня поддерживаютъ это дерево: первый доходитъ до самаго ада, второй до земли гигантовъ, третій до жилища боговъ. Въ землѣ гигантовъ находится источникъ мудрости, который принадлежитъ Мимеру. Однажды Одинъ хотѣлъ напиться изъ этого источника и чтобы получить позволеніе, принужденъ былъ пожертвовать глазомъ: — трогательная картина страданій, которыя надобно перенести, чтобы достигнуть мудрости. Близъ жилища боговъ находится источникъ прошедшаго. Тамъ собирается небесный советъ, тамъ произноситъ оны свои приговоры. Тамъ живутъ и три Норны (Скандинавскія Парки): Удь, Верданн, Скульдъ (прошедшее, настоящее, будущее). Въ рукахъ ихъ вить жизни человѣческой; оны прядутъ ее своими огрубѣлыми пальцами; навиваютъ ее на тяжелое веретено свое; перерѣзываютъ желѣзными ножни-

нии. На ветвях ясеня сидит орелъ, который, по слову Эдды, знает много множество вещей; прямо под ним змея, которая грызетъ корни дерева. Быка бьгають непрерывно между орломъ и змеею, и старается посылать между ними недоверчивость и ненависть. Подъ Игдрасилою еще два прекрасныхъ лебеди, которые вьсегда слуютъ его смертную пьсьнь и четыре оленя раздвываютъ между собою его листья: четыре времени года, которые пытаются добычею времени.

Боги живутъ въ великоотъпныхъ палатахъ, съ золотыми стѣнами, съ серебряными кровлями. Богъ Одинъ владеть цѣлыхъ городовъ, который принадлежитъ ему неразрывно и блистаетъ какъ солнце. Вокругъ него толпятся свѣтлыя волхвы (alfve), крылатые духи, прелестныя геиш, сивон и трильбы, которые, въ среднѣе вѣкъ, засыпали иногда на берегу ручья, плясали на лугахъ, сажались у камня земледельца и рѣзались взнались на веретено молодой дзупки*. Для сообщенія съ миромъ боги построили себѣ, въ мидь моста, радугу. Посрединѣ ея идетъ огненная струя, чтобы гиганты не могли черезъ нее перебираться. Всякой день боги вьзидятъ верхомъ вьзадъ и вьпередъ по этой воздушной дорогѣ. Одинъ только Торъ принужденъ ходить пешкомъ: онъ такъ толстъ и тяжелъ, что ни одна лошадь въ свѣтъ его не сдержитъ.

Главныхъ боговъ считается двѣнадцать. Первый изъ нихъ Одинъ. Онъ властитель вселенной и духъ брани; вьтѣсть и создатель и разрушитель, богъ благотворный и богъ страшный, который любитъ то тихія молитвы, то кровавыя жертвы. Онъ председательствуетъ въ небесномъ совѣтѣ и во дворцѣ своемъ сидитъ на высокомъ вьстѣ, откуда видится все что дѣлается во вселенной. У него было двѣнадцать вьнѣвъ и сверхъ-того онъ присвоилъ еще себѣ имя *Alliader's* (всѣотца), отчего въ этой мифологii произошло странное протѣ-

* Мы уже говорили въ этомъ журналѣ, что Скандинавское слово *alfve* или *alfve* есть одно и то же, что наше старинное слово *олкомъ*, съ прибавленіемъ начальнаго *а* и съ обыкновенною перемѣною *ф*. на *х*. Волхвы были двухъ родовъ: одни составляли классъ духовъ; другіе священное поколѣніе жрецовъ, которые выводили себя отъ этихъ духовъ.

воръчіе, потому что Одинъ долженъ вѣкогда умереть, а All-fader безсмертенъ. Скандинавы, которые, по своему воинственному духу, не могли усажать божество кроткое и милостивое, поклонялись Одну, какъ верховному предводителю войскъ, какъ гѣнію кровавыхъ битвъ. Въ этомъ видѣ онъ назывался уже не создателемъ, а «страшнымъ богомъ, зажигателемъ, разрушителемъ, отцемъ убійства.» Онъ ѣздитъ по воздуху на конѣ, у котораго восемь ногъ^{*}; носится надъ полемъ битвы и ободряетъ сражающихся. Воины обрекаютъ ему души тѣхъ, кого убиваютъ; звукъ оружія его радуетъ; видъ крови веселитъ его взоры; онъ невидимо проходитъ между дружинами; но по мужеству, которое ихъ одушевляетъ, воины чувствуютъ его приближеніе и имъ слышатся ржаніе Одинаго коня. Онъ удаляется отъ тѣхъ, которые должны быть побѣждены; но даетъ коню свое тѣмъ, которымъ суждено побѣдить; а когда кровавая битва кончилась, Валькюриѣ приводятъ къ нему души героевъ, которые пали послѣ храбраго сопротивленія.

Торъ богъ силы, властитель грома, неутомимый противникъ чудовищъ и гигантовъ, которыхъ онъ, подобно Геркулесу или Тезею, преслѣдуетъ по лѣсамъ и горамъ; у него желѣзные паручники, которые только онъ одинъ въ состояніи носить; у него поясъ, который удваиваетъ его силы, и дивная булава, которая сама къ нему возвращается, когда онъ бросилъ ее въ неприятелей; колесница его запряжена двумя козлами; когда онъ ѣздитъ по облакамъ, на землѣ слышится стукъ мѣдныхъ колесъ его и этотъ-то стукъ мы принимаемъ за громъ. Еще и нынче Шведскіе мужики, услышавъ громъ, говорятъ: «Старый Торъ катается». Тору поклонялись во всей Скандинавіи. Онъ далъ свое имя множеству городовъ, рѣкъ, горъ и одному изъ дней недѣли^{*}.

* Въ некоторыхъ частяхъ Германіи поселеніе, при жатвѣ всегда оставляли на полѣ нѣсколько колосьевъ для Одинаго коня. (Deutsche Mythologie von J. Grimm, стр. 104.)

* Г. Marnier думаетъ, что Исландское thorsdagr, Датское и Шведское torsdag, Нѣмецкое Donnerstag, Англійское thursday суть языческіе названія четверга. Онъ ошибается: эти имена, какъ и всѣ названія дней въ языкахъ Германскихъ и Романскихъ, переведены съ Латинскаго и имѣютъ астрологическое значеніе.

Поэты часто воспевают его отважными странствованиями и битвами съ гигантами. Мы будемъ говорить далее о некоторыхъ изъ его путешествій.

Третій богъ былъ Фрей; онъ управлялъ вѣтрами, дождями и теченіемъ солнца. Скандинавы питали къ нему большую довѣренность и просили его о счастливой жатвѣ. Вначалѣ лѣта они ставили статую его на колесницу и обносили по полямъ, въ твердой увѣренности, что отъ этого зерна въ землѣ скорѣе пустятъ отростки и плоды на деревьяхъ поспѣютъ. Фрей тоже былъ богъ мужественный и вогушественный. У него былъ мечъ столь крѣпкій, что разсѣкалъ какъ былинку стальные брони и скалы. Однажды, увлеченный пагубнымъ любопытствомъ, онъ взлѣзъ на высокое сѣданище Одина. Оттуда взорамъ его представлялся въ безпредѣльномъ горизонтѣ весь видимый міръ. Никакая преграда, никакой покровъ не останавливали его взоровъ. Города открывали передъ нимъ свои сокровища; крѣпости выказывали свое оружіе; въ жилищахъ людей онъ видѣлъ всѣ ихъ страсти и пороки. Но онъ не прельстился ни золотомъ царскихъ чертоговъ, ни блестящими пѣнями, которыми увѣшаны стѣны замковъ, ни веселыми пирушками, на которыхъ медъ течетъ рѣкою. К несчастью Фрей увидѣлъ у подошвы горъ дѣвушку красоты обворожительной; и онъ, исполненный горести, сошелъ съ Одинова мѣста; сердце его бьется, спокойствіе навсегда погибло. Пріятеля, видя, что онъ вдругъ сталъ задумчивъ, принялись его расспрашивать и онъ наконецъ разсказалъ имъ любовныя мечты свои. Одинъ изъ нихъ вызвался добыть эту дѣвушку, но съ условіемъ, чтобы Фрей отдалъ ему въ награду свой страшный мечъ. Фрей согласился и черезъ нѣсколько времени потонулъ жеился на своей любезной. Но когда придетъ конецъ міра, Фрей выйдетъ на сраженіе безъ оружія и будетъ побеждать гигантами.

Эти три бога составляли Скандинавскій символическій треугольникъ. За ними слѣдуютъ Нюрдъ, стверный Нептунъ, который управляетъ волнами и раздаетъ своимъ любимцамъ сокровища, поглощенные моремъ; Тюръ, покровитель воиновъ и атлетовъ; Брага, богъ пѣнія и стихотворства: руны начертаны на языкъ его и онъ жеился на Иду въ «Поэзіи»;

которая своими золотыми яблоками не даетъ богамъ состариться и ясбу опустѣть.

Геймалль охраняетъ небесный мостъ. Его родили девять женщинъ вмѣстѣ. Онъ день и ночь сторожитъ крѣпость боговъ, чтобы предупредить нападеніе со стороны великановъ. Эдада говоритъ, что онъ спитъ меньше птицы. Проницательный глазъ его во ста миляхъ ясно различаетъ самые земліе предметы, а слухъ такъ тонокъ, что онъ слышитъ какъ растеть трава на поляхъ и шерсть на овцахъ.

Бальдеръ, богъ кроткій и любезный, начало добра, идея прекраснаго. Однажды ему приснилось, что онъ скоро долженъ умереть. Онъ разсказалъ объ этомъ Одину; тотъ отдалъ коня своего и отправился въ адъ спросить предвѣстельницу. Она открыла ему судьбу Бальдера; Фригга обращается ко всемъ одушевленнымъ существамъ и заставляетъ ихъ поклясться, что они не станутъ вредить ея сыну. К несчастью она забыла колодезское деревцо, еще недавно посаженное блязъ Валгаллы и такое слабое, что она не могла считать его опаснымъ. Но Локи, гений зла, узналъ обо всемъ этомъ. Онъ вырвалъ деревцо, забытое Фриггою и однажды, когда боги забавлялись, преслѣдуя добраго Бальдера съ копьями и мечами, Локи всунулъ роковой пруть въ руку слѣпца Гаудера, который съ хохотомъ бросился на Бальдера и убилъ его. При этой вѣсти горестный крикъ раздался въ небѣ и вся вселенная пришла въ отчаяніе. Начала готовитъ похороны Бальдера, сожгли его тѣло, вмѣстѣ съ тѣломъ молодой жены его и любимаго коня. Вся природа облеклась въ трауръ. Даже смерть тронулась общемою печалью. Гаутеръ пошелъ умолять ее, чтобы она позволила Бальдеру жить, и она отвѣчала, что согласна, если только все мертвое и живое будетъ о немъ плакать. Одинъ тотчасъ созвалъ все что населяетъ вселенную; родъ человѣческой стонетъ о погибшемъ богѣ; камни трепещутъ отъ горести, вѣтви деревьевъ печально сгибаются при его имени, а съ цвѣткомъ полевыхъ и травы нагорной каплетъ роса какъ слезы. Но другъ является старуха, съ веселымъ лицомъ и сухими глазами; она объявляетъ, что не сгаветь плакать. Это Локи разсатился въ старуху, чтобы обмануть боговъ. Жестокія

*

слова его заставили Бальдера остаться въ царствѣ смерти. Мы увидимъ далѣе, какъ боги отплатили ему за это.

За этими главными божествами слѣдуютъ еще Водаръ, который никогда убьетъ волка Фёриса; Вали, искусный стрѣлокъ; Удлеръ, мастеръ кататься на конькахъ, и Форсатъ, который прекращаетъ распри между людьми и ртшасть глѣбы.

Богины тоже двѣнадцать, по числу боговъ.

Первая изъ нихъ Фригга, супруга Одина, которая раздаетъ съ нѣкъ души воиновъ, убитыхъ въ сраженіи; вторая Фрея, богиня любви, Латинская Венера; ея имя также встречается въ названіи одного дня, пятницы, Freytag. Она вышла замужъ за Ода, который похитилъ ее и отправился путешествовать. Она искала его, подобно Изидѣ, во всѣхъ частяхъ свѣта, и плакала о немъ золотыми слезами, слезами вѣрности. Эйра, третья богиня, есть Эскулапъ небесныхъ жилищъ; Гефёна покровительница дѣвъ; Лорна примиряетъ любовниковъ; Вора знаетъ все, что происходитъ; Снорра «Знаніе» покровительствуетъ «мудрецамъ», то есть грамотнымъ.

Этимъ богамъ воздвигали пышные храмы и въ известное время года приносили имъ кровавыя жертвы. Въ году было три большихъ праздника: одинъ осенью, другой лѣтомъ, третій въ половинѣ зимы; народъ со всѣхъ сторонъ сбѣгалъ на эти праздники. При этихъ религіозныхъ торжествахъ, жрецы закалывали всенноплѣнныхъ, людей, приговоренныхъ къ смертной казни за какое нибудь преступленіе, кабановъ, лошадей, особенно лошадей бѣлыхъ, которыя такъ же какъ и въ Персіи, считались священными. Кровь жертвъ принимали въ бассейны каменные или мѣдные; одинъ изъ жрецовъ орешалъ этою кровью стѣны храмовъ и окроплялъ присутствующихъ; потомъ народу раздавали еще трепещущее мясо лошадей; наконецъ откупоривали бочки пива, и религіозное торжество превращалось въ попойку. Каждые девять лѣтъ Скандинавы отправляли празднество болѣе торжественное. Епископъ Дитваръ говоритъ въ своей Мерзбургской Хроникѣ, что въ этихъ большихъ собраніяхъ приносили въ жертву девяносто девять человекъ, столько же лошадей, собакъ и пѣтуховъ.

Эти жертвоприношенія служили не только для почести богамъ; жрецы искали въ нихъ предзнаменованій и оракуловъ. Они, подобно Римскимъ жрецамъ, хвалились авгуралиными познаніями, которыми народъ твердо вѣрялъ. Скандинавы были чрезвычайно суевѣрны, и, подобно Грекамъ, фаталисты: они говорили, что никто не можетъ избѣжать судьбы своей; приписывали большое вліяніе планетамъ и различнымъ извѣщеніямъ луны; они присягали на камняхъ; и если надобно было отплатить за обиду, они брали голову мертвой лошади, натыкали ее на коль и обращали, какъ знакъ проклятія, къ сторонѣ врага своего.

Тѣже простодушныя изреченія, тѣже суевѣрныя идеи являются и въ ихъ понятіяхъ о раѣ и адѣ. Раѣ героевъ есть Валгала; туда ведутъ пять сотъ дверей и тамъ собрано четыреста тридцать двѣ тысячи воиновъ*. Они забавляются тѣмъ, что возобновляютъ въ воздушныхъ пространствахъ битвы, въ которыхъ участвовали на землѣ; надъвакутъ свои брони и съ жаромъ устремляются другъ на друга. Но тѣ, которые бывають ранены въ этихъ небесныхъ сраженіяхъ, не страдаютъ, а тѣ, которые пали подъ ударами меча, тотчасъ встають. Послѣ битвы разсталають столы прршество и блаженныя жители Валгалы садятся на почетныя мѣстахъ, рядомъ съ богами. Имъ наливають въ большія чаши молоко козы Гейдрунъ и чистѣйшее пиво; имъ подають каждый день дымящійся членъ кабана, который къ вечеру опять цѣль. Одинъ сидитъ съ ними; но онъ только пьетъ, а не ѣстъ; онъ отдаеть кушавье двумъ волкамъ, которые повсюду за нимъ слѣдуютъ, а на плечахъ у него сидятъ два ворона и рассказываютъ ему всесвѣтныя вѣсти. Каждое утро эти два ворона облетаютъ всю землю и въ полдень доносятъ своему господину о томъ что видѣли и слышали. За столомъ героевъ служатъ Валькюріи. Это слово происходитъ отъ val (стань) и kura (выбирать). Валькюрій называли также vol-meug, skioldmeug, двумя стана, двумя со щитами. Древняя

* Надобно замѣтить это число, потому что оно повторяется во многихъ другихъ мнѳологіяхъ. Халдеи произвели астрономическія наблюденія за 432.000 лѣтъ. Боромъ и Цицель говорятъ, что искуду сотвореніемъ міра и потопомъ протекло 432.000 лѣтъ. По мнѳвію Иудейцевъ, міръ долженъ прожить 432.000 лѣтъ. (Magnussen, Edda I, 249).

повѣсть объ Амазонкахъ есть по всей вѣроятности худо слышанная сказка о Валькюрияхъ. Иногда онѣ превращались въ лебедей и, рзваясь, переплывали рѣки. Валькюрии рогля, прекрасныя женщины, которыя тоже носятъ латы и ловко владѣютъ копьемъ; онѣ присутствуютъ при всѣхъ сраженіяхъ и парятъ надъ всѣми полями смерти. Когда дѣла битымъ наступаютъ, когда воинскій крикъ дошелъ до ихъ слуха, онѣ поспѣшно покидаютъ небесное жилище и пускаются по воздуху; большіе голубые глаза ихъ сіяютъ радостію; свѣтаоручье ихъ волосы развѣваются по ветру. На головахъ ихъ блестятъ золотыя шлемы; на груди солнце озсѣщаетъ латы безъ пятенъ и борзые кони ихъ потрясаютъ стальными удилами и брызжутъ на землю пѣною. Валькюрии вшаются въ толпы воиновъ, возбуждаютъ ихъ мужество, поддерживаютъ оборону, а вечеромъ, собираютъ души убитыхъ, чтобы снести ихъ на небо.

Адъ Скандинавовъ называется Нифльгеймизъ; это мрачное мѣсто на самомъ свѣрѣ; девять рѣкъ катятъ тамъ свои черныя тиинистыя воды. Вѣчная ночь окружаетъ его, и тамъ ведутъ пути мрачныя. Когда Гоннодръ спускался въ адъ искать брата своего Бальдера, онъ девять ночей шелъ по мрачнымъ и безмолвнымъ долинамъ. Всѣ труссы были препровождаемы въ это мѣсто; во Эдда не говорятъ, какія души ихъ тамъ ожидали. Другіе свѣрныя народы представляли себя адъ точно также. Лапландцы, погребая своихъ покойниковъ, кладутъ подлѣ нихъ камень, чтобы они могли добыть огню на темномъ пути, который ведетъ на тотъ свѣтъ. У Финновъ есть преданіе, которое говоритъ, что одна женщина плакала о потерѣ ребенка; вдругъ умираетъ мужъ ея и она вскричала: «Онъ по крайней мѣрѣ силенъ; онъ проведетъ моего бѣднаго ребенка въ жилище душъ.»

Вотъ іерархія боговъ, какъ она изложена въ Эддѣ. Они представляютъ нравственный порядокъ, высшую премудрость, вѣчное правосудіе. Но противъ нихъ возстаетъ Локи, гсній зла. Локи есть Тнеопъ, Агриманъ Скандинавской мифологіи. По своему рожденію, онъ принадлежитъ къ коварной породѣ гигантовъ; по своему уму и красотѣ походить на боговъ; по своимъ порокамъ, онъ первый изъ адскихъ духовъ: онъ любя гъ зло для зла; преступленіе ему нравится;

вѣсть для него сладострастіе. Демонъ остроумный, ловкій во всѣхъ своихъ поступкахъ, вкрадчивый въ рѣчахъ, онъ принимаетъ всѣ оорчи и до безконечности разнообразить лесть и ложь. Боги иногда даютъ ему разные порученія, потому что онъ одаренъ большою смышленостію и хитростію. Но онъ служитъ богамъ и между тѣмъ ихъ обманываетъ, потому что питаетъ къ нимъ ненависть непримиримую. Жена его Сигаія родила ему двухъ сыновей; а съ дочерью одного великана онъ прижилъ три чудовищныя существа: змѣя Мидгарда, который обвиваетъ всю землю безчисленными своими кольцами, какъ въ Пидів змѣя Сеха обвиваетъ гору Мероу; Гелу, смерть, которая царствуетъ въ мрачномъ адѣ; и волка Фёриса. Боги предчувствовали, что этотъ волкъ некогда нападетъ на нихъ и рѣшились оковать его цѣпями. Два раза надѣвали они ему на шею желѣзный обручъ и два раза волкъ его разламывалъ. Тогда они приказали карликамъ сдѣлать петлю, гибкую и легкую, которую, повидимому, разорвать очень не трудно. Они уговаривали Фёриса попробовать эту петлю; но волкъ сказалъ имъ: «Я опасюсь вашей хитростей и не стану пробовать этой петли, если въ доказательство вашей добросовѣстности, одинъ изъ васъ не положитъ мнѣ въ пасть руку.» Тюръ рѣшился пожертвовать собою. Это стоило ему руки, но за то волкъ былъ посаженъ на цѣпь. Боги привязали конецъ веревки къ огромной скалѣ, а чтобы волкъ не перегрызъ привязи, она заткнули ему ротъ мечемъ, который непрерывно колеблетъ его въ небо. Съ тѣхъ поръ, чудовище непрерывно испускаетъ ужасный вой, а волны пѣны, которыя онъ выбрасываетъ вастю, образуютъ цѣлый потокъ.

Побѣдивъ такимъ образомъ одного изъ самыхъ страшныхъ своихъ непріятелей, боги рѣшились наказать Локи за его преступленія, но онъ уже скрылся отъ дѣйствій ихъ гнѣва. Они долго его преслѣдовали, но не могли поймать, потому что онъ построилъ себѣ домъ, открытый со всѣхъ сторонъ, такъ что всегда могъ видѣть приближеніе враговъ своихъ и всакій разъ укрывался отъ нихъ новымъ превращеніемъ. Однажды онъ прикинулся рыбою и бросился въ рѣку. Боги поймали его сѣтлѣи и Торъ схватилъ его за хвостъ, когда онъ чуть было снова не скрылся. Они привязали его кишками одного изъ соб-

стенныхъ его сыновей, между тремя острыми скалами, такъ что онъ не могъ пошевелиться; на голову ему положили ови змью, которая безпрестанно обливаетъ ему лице ядомъ. Но вѣрная его супруга, Сягниа, послѣдовала за нимъ и въ злополучіи. Она сидитъ подлѣ него и принимаетъ въ большую чашу ядъ, извергаемый змеею. Когда чаша уже полна и надобно ее опорожнить, ядъ попадаетъ на тѣло Локи и причиняетъ ему такую несносную боль, что онъ порывается въ бѣшенствѣ и колѣблетъ землю въ самыхъ основаніяхъ. Вотъ отчего происходятъ землетрясенія.

Но царствованіе боговъ имѣетъ свои предѣлы; геніи за разорвутъ вѣкогда свои цѣпи и низпровергнутъ міръ. Страшныя явленія покажутъ приближеніе послѣдняго дня: три суровыя зимы придутъ одна за другою, безъ промежутковъ; ни одинъ цвѣтокъ не распустится въ долине, ни одна трава не зазеленеетъ на холмахъ. Голодъ и моровая язва будутъ опустошать землю; ненависть поселится между родными; братья станутъ убивать другъ друга; не будетъ болѣе ни связей, ни пріязни, ни любви, ни добродѣтелей. Порокъ и преступленіе заразятъ всѣ сердца и тѣ, которые останутся праведными, будутъ радоваться, что могутъ отдохнуть въ могилѣ. Вдругъ земля затрепещетъ въ своемъ основаніи: деревья, вырванныя съ корнемъ, валятся; горы обрушаются; звѣзды падаютъ съ неба; два волка пожираютъ солнце и луну и вселенная погружается въ тьму. Океанъ, уже не удерживаемый въ берегахъ своихъ рукою Создателя, потопляетъ весь міръ; на бурныхъ волнахъ появляется Наглезаръ, корабль, построенный изъ ногтей покойниковъ. Гиганты ѣдутъ въ немъ за богами. Змѣей Мидгардъ бьетъ воду широкии хвостомъ своимъ и бросаетъ ядъ на воздухъ. Волкъ Фёрисъ идетъ съ раскаленными глазами; одна челюсть его касается неба, другая землю. Локи предводительствуетъ всѣми этими чудовищами; за нимъ идетъ Суртуръ съ огненнымъ мечемъ.

Когда они приближаются къ небесной крѣпости, Геймдалъ оглашаетъ весь міръ звуками трубы своей. Одинъ идетъ съѣзжаться съ источникомъ Мимера и всѣ боги приготавливаются къ битвѣ. Суртуръ повергаетъ къ ногамъ своимъ влюбленнаго Фрея, который остался безъ оружія. Торъ

разглатываетъ змѣя, по снѣгу падаетъ подлѣ тяжестию ляду, выброшеннаго огнемъ чудовищемъ. Волкъ пожираетъ Одина; во могущественный Видаръ становится одной ногою на нижнюю его челюсть и желвеной рукою отдѣраетъ ему верхнюю. Локи и Гейдалль убиваютъ другъ друга, а Суртуръ, геній огня, сожигаетъ всю вселенную.

Миръ обрушился; люди погибли въ огонь; боги исчезли. Но въ срединѣ очищенной воды поднимается новая земля, свѣжее и прекраснѣе прежней. Бальдеръ воскресаетъ; Видаръ и Вали пережили другихъ боговъ; сыпь солнца освѣщаетъ новую землю своими чистыми, юными лучами. Огъ всеобщаго пожара уцѣлели одинъ мужчина и одна женщина и они наполняютъ миръ многочисленнымъ потомствомъ. Мѣсто Валгаллы занимаетъ другой рай, прекраснѣйшій и счастливѣйшій; Нильгеймъ замѣняется другимъ адоомъ. Благословенная богами почва ждетъ только, чтобы земледѣлецъ оросилъ ее своимъ потомъ. Она покрывается цвѣтами и плодами. Лазоревое небо возвышается надъ плодородною землею, въ которой царствуетъ вѣчная весна. Люди живутъ вѣчно, въ атмосферѣ свѣту и радости. Боги находятъ на деревь столы Асовъ, садятся вокругъ этихъ столовъ и разговариваютъ о прошедшемъ.

Такъ кончается ученіе Скандинавской мифологіи, мечта, которая переносится за предѣлы звонка, горестно, которая разрушаетъ землю, гдѣ все страдаютъ, и вѣрию, которая тотчасъ воспроизводитъ землю новую, миръ вѣчный. Вся эти подробности заимствованы господиномъ Магнриемъ изъ Старой Эдды.

Извѣстно, что есть двѣ Эдды: первая, которая называется Старою Эддою, собрана Семундомъ, въ концѣ одиннадцатаго столѣтія. Слово edda значитъ «прародительница»; книга предковъ. Поэмы Семундовой Эдды раздѣляются на два рода: поэмы мифологическія, поэмы историческія. Первые заключаютъ въ себя всю космогонію и все теогоническое ученіе Скандинавовъ; вторыя относятся къ народному эпосу, повторенному въ Кашревисе и воспѣтому въ Niebelungen. Тамъ жизнь боговъ, здѣсь жизнь героевъ; тамъ безпрерывная борьба начала добра съ началомъ зла; здѣсь кровавыя войны, жестокія отщепенія. Эдда все обвиняетъ, отъ

трона гигантов до пещеры карликовъ, отъ мрачной бездны, въ которой обитаетъ Гелла, до свѣтлыхъ покоевъ, гдѣ собираются Валькюрии.

Временя появленія этихъ поэмъ опредѣлить почти невозможно. Онѣ сочинены въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Формы ихъ стихосложенія, ихъ метафоры и нѣкоторыя слова, заимствованныя изъ сагъ, могутъ служить указаніемъ и руководить ученыхъ въ ихъ предположеніяхъ. Утвердительно можно сказать только то, что эти поэмы сочинены Скальдами, и были воспѣваемы при дворахъ, на пиришествахъ, въ народныхъ собраніяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, по крайней мѣрѣ по формѣ, подлѣ которой онѣ дошли до насъ, относятся къ VIII столѣтію, а по идее своей къ временамъ переселенія Азіатскихъ народовъ на сѣверъ. Первая изъ всѣхъ этихъ поэмъ называется Voluspa «Пророчательница». Это твореніе странное, торжественное и таинственное, печальное и краснорѣчивое, важное и темное. Это часто загадочный, нередко прерываемый рассказъ оракула, это кракъ свиваллы.

При входѣ въ мрачный сосновый лѣсъ, качаемый сѣверными вѣтрами, посреди воронъ, которыя каркаютъ надъ ея головою и волковъ, которые вокругъ нея воютъ, Скандинавская пророчательница садится на треножникъ; окруженная трепещущими частями жертвъ, она произноситъ свои заклинанія и богъ является. Отъ навія духа божества, сердце ея трепещетъ, волосы на головѣ становятся дыбомъ, воспаленные глаза съ ужасомъ, съ онемѣніемъ смотрятъ на образы, которые она вызываетъ. Она воспѣваетъ хаосъ, рожденіе великана, битвы боговъ. Повелительный голосъ кричитъ ей: Развѣ ты ничего болѣе не знаешь? И она оживаетъ, она воспѣваетъ рожденіе смерти, подземное жилище осужденныхъ, послѣднюю борьбу злыхъ духовъ, кончину міра.

«Въ началѣ времени ничего не существовало. Не было ни песку, ни моря, ни вѣтру; не видно было ни земли, ни неба, ни чего, кромѣ пустой бездны, безъ деревьевъ и безъ растеній.

«Солнце появилось на югѣ. Луна отворила ворота ночи. Но солнце не знало своего пути; луна недоумѣвала гдѣ ей стать; звѣзды не вѣдали своего мѣста.

«Тогда боги возсія на возвышенныя мѣста свои и начали совѣщаніе. Они дали нилъ ночи и сумеркамъ. Они опредѣлили часы утра и полдня и раздѣляли годъ.

«Пророчательница знаетъ, гдѣ стоятъ ясенъ Игдрасиль, огромное дерево, которое простираетъ далеко свои бѣлыя вѣтви. Съ него течетъ роса, которая упитываетъ землю, и ясенъ остается вѣчно зеленымъ.

«Изъ глубины воды являются и подходятъ къ дереву три дочери мудрости. Одну зовутъ Урдъ, другую Верданди, третью Скульдъ.

«Онѣ-то управляютъ судьбою людей и расплачуютъ ихъ хванію.

«Предвѣщательница знаетъ, что труба Геймдала скрыта подъ широкими вѣтвями небснаго дерева. Она видитъ, какъ пившіяся полныя рюки мудрости падаютъ съ чела Альфадера.

«Однажды она сидѣла у дверей своего жилища. Она видѣла, что къ ней идетъ богъ по преимуществу знающій, и она смотритъ ему прямо въ глаза. — Чего ты хочешь? Чего ты ожидаешь отъ меня? Я знаю все. Одинъ. Знаю, что глазъ твой погруженъ въ чистый источникъ Миннера, который каждый день орошаетъ его водою мудрости.

«Верховный богъ далъ ей кольца, руническія палки и даръ пророчества. Взоръ ея простирается вдоль и поперекъ надъ каждымъ міромъ.

«Она видѣла жестокою судьбу, которая ожидаетъ Бальдера, сына Одинова. Деревцо росло; оно было еще не велико, но уже прекрасно. Это деревцо сдѣлалось убійственнымъ; Гаудеръ употребилъ его.

«Вскорѣ родился у Одина сынъ, который долженъ былъ отплатить за смерть Бальдера. Онъ въ одну ночь состарѣлся, не мылъ рукъ и не чесалъ бороды, пока не спелъ на костеръ тѣла убійцы Бальдера. Но Фригга оплакивала несчастіе, случившееся въ Валгалѣ.»

Голосъ кричать ей: Не видѣли ли ты еще чего? И предвѣщательница отвѣчаетъ:

«Собаки лаютъ въ пещерахъ Гнипа. Цѣпи разрываются; волки выдѣбгаютъ. Предвѣщательница знаетъ еще многое; она видитъ паденіе небснаго царства и гибель боговъ.

«Братья встаютъ противъ братьевъ и другъ друга умерщвляютъ. Рождественники разрываютъ свои связи. Суиружеская вѣрность нарушается. Щиты разпадаются на части. Это время желѣза, волковъ и бурь, и миръ еще не залитъ, но люди уже не щадятъ другъ друга.

«Собаки лаютъ въ пещерахъ Гиппа. Цѣпи разрываются; волки выбѣгаютъ. Съ запада идетъ Рюмиъ. Море выступаетъ изъ береговъ; змѣи надуваются злостью. Бездны воздуха разверзаются. Орель испускаетъ радостные крики, терзая трупы, и Нагасфаръ носится по волнамъ.

«Онъ идетъ съ имудви. На немъ сидятъ дѣти Мустема; но управляетъ ими Локи. Весь родъ чудовищъ прибѣгаетъ вѣсть съ волками, и Локи ими предводительствуетъ.

«Что сталося съ Асами? Что сталося съ волками? Миръ гигантовъ исполненъ шуму. Асы собираются и карлики, которые живутъ въ горахъ, стонуть у входа пещерь.

«Суртуръ является съ юга и приноситъ пожаръ. Мечъ его пламенѣетъ. Скалы разпадаются. Троллы въ безпокойствѣ прохаживаются. Люди идутъ по пути къ смерти. Небо раздрается.

«Безпокойство овладѣваетъ сердцею великой богини, Люны, когда Одинъ устремляется противъ волка. Побѣдитель Белы сражается съ Суртуромъ. Но суиругъ Фриггъ побѣжденъ.

«Тогда устремляется противъ чудовищнаго волка Видаръ, сынъ влостителя побѣды. Одной рукой онъ схватываетъ это отродье великановъ; другою погружаетъ ему пещъ въ сердце.

«Потомъ является мужественный сынъ Одина (Торъ). Онъ неустрашимо нападаетъ на змѣя Мидгарда и наноситъ ему смертельный ударъ. Но изпроверженный чудовищемъ, онъ отступаетъ на девять шаговъ.

«Солнце помираетъ. Земля тонетъ подъ водою. Блестящія звѣзды исчезаютъ. Облака дыму скрываютъ деревья. Пламя поднимается до небесъ.

«И предвѣдательница видитъ новую землю, землю свѣтлую и смеющуюся, которая выходитъ изъ лучины волъ. Волны откынула. Орель, который ловилъ на поляхъ рыбу, улетаетъ.

«Асы собираются въ долину Ида; они разсуждаютъ о разрушеніи вселенной, о дѣлахъ минувшихъ и урокахъ Верховнаго Бога.

«Они снова находятъ въ дѣрнѣ дивные золотые столы, которыми долгое время владѣли первый изъ боговъ и потомки Фюльнипра.

«Поля, безъ посяга, покрываются плодами. Зло уничтожено. Бальдеръ возвращается и снова живетъ съ братомъ своимъ Гаудеромъ въ палатахъ Одина.

«Предвѣщательница видитъ залу Гимла, покрытую золотомъ и блестящую какъ солнце. Тамъ должны обитать праведники, цѣлвы благополучныя.

«Изъ глубины мрачнаго царства, Нидгугъ, ужасный драконъ, поднимается, неся на крылахъ своихъ трупы. Онъ летитъ надъ долинами, пѣдаетъ и исчезаетъ».

Пѣсни Vafthrudner, Grimner и Alvis служатъ дополненіемъ Волусны. Поэты только облекали въ новую басню тѣ же космогоническіе догматы. Въ первой Одинъ приходитъ къ гиганту Ваотруднеру. Они задаютъ другъ другу вопросы о землѣ, о солнцѣ, о планетахъ и этотъ разговоръ содержитъ въ себѣ точное изложеніе Скандинавскихъ вѣрованій. Во второй, Одинъ, подъ именемъ Гримнера, описываетъ Гейрроду планеты, и небесное обиталище, Валгалу. Онъ разсказываетъ ему о сотвореніи міра и о дѣлихъ боговъ. Эта пѣснь очень подробна, весьма ясна, и стверныя мнѣологи нертдко къ ней прибѣгаютъ; она уступаетъ Волуснѣ въ древности, но однако жъ написана еще во времена языческія. Въ пѣснѣ Альвисъ, мнѣологическій разговоръ происходитъ между верховнымъ Богомъ мудрости и однимъ изъ тѣхъ воображаемыхъ существъ, которымъ севѣрный народъ приписываетъ столько таинственныхъ познаній. Карликъ Альвисъ обрученъ съ дочерью Тора; однажды вечеромъ, онъ приходитъ за нею, чтобы праздновать свадьбу; но когда онъ хочетъ увести ее, Торъ является и останавливаетъ его. «Ты можешь ваять дочь мою только тогда, сказалъ онъ, когда дашь мнѣ удовлетворительный отвѣтъ на вопросы, которые я тебѣ предложу. Бѣдный карликъ склонился передъ богомъ силы и грома, и тогда началъ его разсиранивать объ образованіи дня и ночи, стихій и планетъ. Альвисъ отвѣчалъ на все съ удивительною

точностию. Самъ Торъ привужденъ былъ отдать справедливость его познаніямъ и уже начиналъ жалеть, что обзавелся отпустить дочь, если Альвисъ разрешитъ его вопросы. Между тѣмъ занялся дедъ и несчастный Альвисъ, который, по природѣ всѣхъ карляковъ, могъ жить только во внутренности земли, уничтожился при первыхъ лучахъ солнца.

Рядомъ съ этими религіозными наставленіями, надобно поставить уроки нравственности и благоразумія, которые содержатся въ Гавамалъ. Скандинавы до того уважали эту поэму, что приписывали ее самому Одину. Это изложеніе жизни духовной и практической. Каждая строфа содержитъ въ себѣ правило, и всякое правило напоминая пословицы — мудрость народовъ, — которыя переживаютъ все времена и встрѣчаются на югъ и на сѣверъ, подъ палаткою Араба и въ хижинѣ Бретонскаго поселеннаго. Прозила Гавамалъ нередко поражаютъ выраженіями, въ которыхъ они изложены. Верховное божество, которое начертало эти правила, для назиданія людей, само сдѣлалось человекомъ; приняло къ людскія страсти и привычки, вошло въ тайну ихъ нуждъ, слабостей и пороковъ. Оно сошло съ трона, сѣло за столъ поселеннаго и проникло во всѣ подробности обыкновенной жизни; оно видѣло, что Скандинавы сильны и мужественны, и не проповѣдовало имъ храбрости. Но оно видѣло также, что они преданы пьянству, тщеславы, дерзки и потому непрерывно говоритъ имъ о томъ, какъ опасно пьянство, о томъ, что надобно поступать съ скромностию и благоразуміемъ. Вотъ нѣсколько строфъ изъ этой поэмы:

«Входя въ домъ, посмотри сначала въ окна, посмотри во всѣ стороны; кто знаетъ? можетъ быть, тутъ твой неприятель.

«Тому, кто много путешествуетъ, надобно и много ума. Дома всякой свободенъ; но тотъ, кто ничего не знаетъ, легко можетъ быть осмѣянъ, когда попадется въ общество людей знающихъ.

«Не должно хвастаться умомъ; надобно приберегать его на случай. Съ тобой не скоро случится несчастіе, если ты входишь въ домъ съ мудростию и благоразуміемъ, потому что здравый расудокъ лучшій другъ человека.

«Не надодай путешественнику распросани. Онъ и безъ

распросовъ можеть многое сказать ; но ему всего нужнѣе покой и платье.

«Если ты идешь въ домъ друга невѣрнаго, избирай дальнѣйшій путь ; а къ другу истинному иди прямой дорогою.

«Свой домъ , какъ бы онъ малъ ни былъ , все-таки лучше чужаго. Въ своемъ домѣ каждый господитъ. Сердце разрывется, когда въ обѣденное время надобно вымалывать пищу.

«Въ молодости мой я много путешествовалъ ; и считалъ себя счастливымъ , если попадался мнѣ товарищъ ; потому что человекъ веселитъ человека.

«Надобно воздавать другу привязанностью за привязанность , подаркомъ за подарокъ ; платить насмѣшкой за насмѣшку и ложью за ложь.

«Человекъ непременно долженъ разсуждать, но не слышкоть ! Радость рѣдко посѣщаетъ сердце человека , который слышкоть много знаетъ.

«Голова зажигается головою ; пламя подымается къ небу вмѣстѣ съ другимъ пламенемъ. Въ разговорахъ человекъ разоблачается передъ другимъ человекомъ ; а ничтожный или вадменный придаетъ себѣ важность молчаніемъ.

«Глуда наша умирають ; друзья наши умирають ; мы сами умираемъ ; но благородное имя не умираетъ никогда.

«Счастливы тотъ , кто умѣетъ самъ собою заслужить похвалу и добрый пріемъ , потому что великодушіе другихъ вещь ненадежная.

«Человекъ безразсудный не спитъ всю ночь , всмѣхъ занимается , къ утру чувствуетъ себя утомленнымъ и между-тѣмъ онъ сегодня не дальше вчерашняго.

«Нѣтъ болѣзни хуже, какъ быть недовольнымъ своею судьбою.

«Лучше лстыть другимъ чѣмъ самому себѣ.

«Хвали день , когда онъ прошелъ ; женщину, когда она умерла ; дѣвушку, когда она вышла замужъ ; мечъ когда ты его испыталъ ; ледъ , когда ты черезъ него перешелъ ; пиво, когда ты его выпилъ.»

Гавань оканчивается пѣснею энтузіазма , въ которой Однѣ объясняетъ волшебство и могущество руны.

За этимъ слѣдуютъ поэмы символическія , описанія войнъ и путешествій , эпическихкія сказки , въ которыхъ воображеніе

жителей сѣвера проливается въ странныхъ формахъ. Вся эти пѣсни, которыя кажутся намъ фантастическими романами, легко могли быть религіозными таинствами, какъ у Грековъ труды Геракла, у Египтянъ путешествіе Изиды.

Въ одной изъ этихъ пѣсенъ, именно въ *Vegetamsquida*, все боги опечалены мрачнымъ предчувствіемъ. Одинъ посылаетъ Брагу и Локи спросить въ адъ Идуну; но богиня отвѣчаетъ имъ одними слезами. Потомъ, когда Бальдеръ разсказалъ Одну свои страшныя сновидѣнія, Одинъ самъ приказываетъ осѣдлать коня своего Слейнера и отправляется въ мрачное царство смерти. Онъ съ безпокойствомъ вопрошаетъ предвѣстельницу и она разливаетъ передъ нимъ ериговоръ судьбы, котораго и самъ верховный богъ отвѣтить не въ силахъ.

Пѣсни, посвященныя исторіи Тора, не жите любовитны и значительны. Скандинавскіе поэты придумали самыя странныя сцены, чтобы возвысить подвиги бога силы. Мы общали разсказать нѣкоторыя изъ его путешествій. Однажды все небесное семейство собралось у Эгира, который, за неимѣніемъ нектара и амразіи, угощалъ ихъ пивомъ. Кнестачію и пива не стало, потому что не было котла довольно широкаго, чтобы заварить его, не было боченка, въ который бы можно было его слить. Большое горе для дѣтей Одина, которые надѣялись наитыся на этомъ королевскомъ пиру и между-тѣмъ, едва промочивъ горло, принуждены были возвратиться къ скуднымъ пиршествамъ Валгалы. Въ эту прискорбную минуту, Тюръ сказалъ, что у гиганта Гимера есть котель, въ которомъ можно заварить пива для боговъ на вѣчныя времена. При этихъ словахъ, надежда оживаетъ во всехъ сердцахъ и Торъ, которому предоставляются все опасныя предпріятія, закладываетъ въ колесницу козловъ своихъ, беретъ съ собою Тюра и отправляется въ путь. Жена гиганта принимаетъ ихъ со страхомъ. У ней девять сотъ головъ, но она боится мужа. Она знаетъ, что онъ совсѣмъ не гостепріименъ и, чтобы предупредить первый взрывъ его гнѣва, она прячетъ путешественниковъ подъ тотъ же самый котель, за которымъ они пріѣхали. Вскорѣ Гимеръ возвращается съ охоты и бросаетъ вокругъ себя страшныя взгляды, какъ дицый зверь, когда почувалъ свѣ-

же мясо Онъ проходитъ по всей зачь большими шагами, приподнимая вся мебели, опрокидывая каменные столбы. Наконецъ онъ находитъ Тора и бросаетъ на него строгіе взгляды. Но жсна его усмиряетъ. Онъ позволяетъ путешественникамъ провести ночь подъ его кровлею и приказываетъ зарезать къ ужину трехъ кобылъ. Торъ създастъ одну изъ нихъ ибликомъ, гигантъ съ досадою трясеть головой. На другой день они вивствѣ идуть ловить рыбу. Торъ беретъ быка вивствѣ приманка, вбизаетъ его на уду и приманиваетъ на поверхность воды змѣя Мидгарда, который обвиняетъ земной шаръ своими кольцами. При этомъ видѣ, гигантъ бѣднзетъ; но Торъ такъ сильно ударилъ змѣя молоткомъ по головѣ, что море и горы затрепетали. Когда они вышли на берегъ, гигантъ, завидуя силѣ Тора, предложилъ ему словать большую чашу изъ чрезвычайно крвникого металла. Торъ вѣсколько разъ бросалъ ее и на камень и на желѣзо: чаша не ломалась. Наконецъ онъ бросилъ ее прямо въ лобъ гиганта; тотъ и не покачнулся, а чаша распалась на-двое. Гигантъ придумалъ другое испытаніе. Онъ привелъ путешественниковъ къ своему котлу и спросилъ, могутъ ли они водвать его. Тюръ ушетно смялся и принужденъ былъ признать себя побжденнымъ. Торъ, сивясь, взялъ этотъ котелъ, надѣлъ его на голову какъ шлемъ и удалялся скорыми шагами. Гигантъ преслвдоралъ ихъ со множествомъ разныхъ чудовищъ, которые служили ему тылохранителями; но Торъ убилъ ихъ всѣхъ, одного за другимъ, и съ торжествомъ принесъ свою добычу въ собраніе боговъ.

Въ другой разъ Торъ проснулся очень рано и чрезвычайно огорчился, увидѣвъ, что у него украли молотокъ его, молотокъ, которымъ онъ истреблялъ чудовищъ и покорялъ гигантовъ. Онъ призываетъ Локи и проситъ его помощи. Локи беретъ платье Френ, сдѣланное изъ перьевъ и устремляется на воздухъ. Онъ несется черезъ холмы, оставляетъ за собой дымы; наконецъ прилегаетъ въ землю гигантовъ и вивдѣть издали, что неустрашимый Трионъ сидитъ на горѣ и дѣлаетъ золотые ошейники своимъ собакамъ и збрую для своихъ коней. — Признайся откровенно, сказалъ Локи, не у тебя ли молотокъ Тора? — У меня, отвчалъ гигантъ; онъ зарытъ въ землю, въ осьми милахъ глубины и я не отдамъ его, если

Фрея не будет моею женою. Локи отнесъ этотъ отвѣтъ въ жилище боговъ. Прекрасная Фрея въ отчаяніи и объявляетъ, что она ни за что въ свѣтъ не согласится жить въ землѣ гигантовъ. Локи, видя, что ее не уговорить, совѣтовалъ Тору самому одѣться въ женское платье и отправиться вѣстовать. Торъ соглашается, колесница его заложена и уже раскачиваетъ воздухъ; горы гудятъ подъ мѣдными колесами, и, вездѣ гдѣ онъ проѣзжаетъ, тамъ блеститъ молнія и земля воспламеняется. При видѣ бога Тора, который сидитъ на колесницѣ въ длинномъ платьѣ и съ покрываломъ на головѣ, Трюмъ воображаетъ себя, что это Фрея и испускаетъ крикъ радости. Тотчасъ начинаются приготовленія къ свадьбѣ; убираютъ залу пиршества; быки самые жирные жарятся на очагѣ; пиво покрывается въ большихъ котлахъ. Все садятся за столъ. Торъ съѣдаетъ цѣлаго быка, восемь лососей и выпиваетъ три большихъ мѣры пива. Гигантъ смотритъ на него съ удивленіемъ. — Отроду не видывалъ, говоритъ онъ, чтобы женщина такъ много ѣла. — Не мудрою, отвѣчаетъ Локи, невѣста твоя четыре дня ничего въ ротъ не брала, такъ занималась она приготовленіями въ путь. Трюмъ встаетъ, чтобы обнять свою юную невѣсту; онъ поднимаетъ льняное покрывало съ лица Тора и отступаетъ въ испугъ отъ огненного взгляда разгнѣваннаго бога. — Какой ужасный взглядъ! вскричалъ Трюмъ. — Не удивляйся, отвѣчалъ коварный Локи, бѣдняжка четверо сутокъ не смыкала глазъ, такъ нетерпѣливо желала она отправиться въ путь. Потомъ сестра гиганта подходитъ къ мнимой Фрей и спрашиваетъ кольца и обыкновенные подарки. Но Торъ хочетъ, чтобы прежде всего Трюмъ исполнилъ свое обещаніе и возвратилъ молотокъ. Силачи падутъ за молоткомъ и съ трудомъ его привосятъ. Торъ схватываетъ его обѣими руками, раздробляетъ голову Трюму и убиваетъ всѣхъ великановъ.

Остальные поэмы не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ разрядовъ, которые я означилъ. Пѣснь *Hundla* есть родъ генеалогической таблицы, сочиненной Скальдомъ, какъ видно для того, чтобы похвалить самолюбію какого-нибудь государя. Пѣснь *Fiolvinsnal* походитъ на любовныя баллады.

Вторая часть Эдды заключаетъ въ себѣ героическія преданія сѣвера. Тамъ есть исторія Вальвууга, искуснаго куз-

вепа, которая напоминаетъ все чудеса, приписываемыя Гремми Дедалу. Есть исторія Сягурда, которая известна въ Германіи по эпической поэзі, сказкамъ и балладамъ, написаннымъ на тотъ же сюжетъ. Скандинавская эпопея Сягурдъ и Германская эпопея Нибелунгенъ основаны на одномъ и томъ же преданіи и выражаютъ ту же самую идею. На той и другой жители Севра напечатланы свои суровыя страсти и рукоятъ меча своего. Въ обихъ одинъ и тотъ же герой и та же неукротимая храбрость. Тотъ же духъ мести пролетаетъ, какъ роковая молнія, черезъ всю драму и одинаковая жестокость ее окровавляетъ. Все главные характеры находятся въ обихъ поэмахъ и въ одной повторяются все сцены другой. Измѣнены только немногія имена и событія. Эпопея Нибелунгенъ написана, какъ известно, по старымъ стихотвореніямъ, которыя потомъ уже не отысканы. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ она существуетъ съ XII столѣтія. Скандинавская эпопея гораздо древнѣе. Въ ней больше простоты, энергіи, грубости. Въ Нибелунгенъ уже замѣтно искусство и въ расположеніи рисунка, и въ колоритѣ; въ пѣсняхъ Сягурда видно одно только произвольное, неупорядоченное вдохновеніе. Притомъ Скандинавская пѣсня вся покрыта яркими цвѣтами. Ни одного луча солнца, который бы осветилъ эти убійства, ни малѣйшаго дыханія вѣтерка, который бы осветилъ раскаленную грудь вонювъ.

Ничего, кажется, уже не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ второй или Новѣйшей Эдды, есть Спорри, который жилъ въ тринадцатомъ вѣкѣ. Но онъ не всю ее написалъ. Однѣ изъ его племянниковъ, Олафъ Тордарсенъ, сочинилъ «Скальду», и приводитъ въ ней какъ образецъ стихи своего дяди. Притомъ, кажется, что впоследствии сдѣланы въ нее различныя вставки. Новѣйшая Эдда раздѣляется на двѣ части — *Doemí-sægug*, мѣологическія басни и *Scalda*, или пѣнтика. Къ этому надобно еще прибавить пѣснь *Rig*, которая составляетъ отдѣльную поэму. Въ ней объясняется происхожденіе раба, свободнаго человека, благороднаго и различіе, которое производитъ между ними порода. *Doemí-sægug* представляетъ ясное и точное изложеніе Скандинавской мѣологіи. *Scalda* не что иное какъ грамматическій разборъ и компляція. Это изложеніе тогдашнихъ стихотворцевъ, ихъ *Gradus ad Parnas-*

лиш. Въ началѣ Скальды есть какъ бы введеніе, мифологическая басня, въ которой авторъ рассказываетъ происхожденіе поэзіи; потомъ слѣдуетъ длинный списокъ выраженій, которые поэты могутъ употреблять для означенія одного и того же предмета, всѣхъ словъ, употребляемыхъ въ переносномъ смыслѣ, всѣхъ троповъ и перифразъ, признанныхъ искусствомъ и освященныхъ обычаемъ.

Мы уже говорили, что Исландія заселена колоніею Норвежцевъ, которые, какъ само собою разумется, перенесли туда свои нравы, свои законы, свои преданія и вѣрованія. Отправляясь въ путь, Ингольфъ, подобно Энею, взялъ съ собою на корабль и своихъ боговъ-пенатовъ; воины, которые за нимъ слѣдовали, сохранили свои разбойничьи копья и щиты съ символическими изображеніями. Эти люди, которые убѣгали отъ насильства Гаральда Прекрасноволосаго, принадлежали къ благороднѣйшимъ Норвежскимъ семействамъ. Чтобы этого не забывали, они сами рассказывали и заставляли другихъ рассказывать свою генеалогію, подвиги и приключенія, свои собственные и своихъ родныхъ, друзей и пріятелей. Такъ составились саги. Такимъ образомъ Скандинавскій духъ оживалъ въ этой толпѣ переселенцевъ, которые не побоялись переплыть море малоизвѣстное и поселиться на берегу бесплодномъ, въ странѣ дикой, чтобы только сохранить свою независимость. Исландія совершенно сходствовала съ Швеціею и Даніею. Тѣ же битвы, тѣ же пиршества, тѣ же семейныя собранія, тотъ же смѣлый, предприимчивый характеръ. Каждый годъ Исландцы бродили по берегамъ Норвегіи или вдоль Балтійскаго Моря. Они возвращались въ страну, изъ которой вышли, или чтобы принять наследство, посетить родныхъ и пріятелей, или чтобы отомстить за обиду, нанесенную ихъ предкамъ. Они останавливались въ Дронтеймъ, въ Копенгагенъ, въ Упсалѣ, вездѣ слушали саги, выучивали ихъ наизусть и возвращались съ новыми поствствованіями. То были неотомимые летописцы, которые изъ-за того, чтобы рыться въ библіотекахъ, вопрошали память людей и концемъ меча своего вырывали на горныхъ скалахъ имя, которое ихъ поразило, историческое событіе, котораго они были свидѣтелями. Они, какъ кочующіе пустынные Арабы, были люди дѣятельные, поэты, которые сра-

жались по цѣлымъ днямъ, а отдыхая послѣ битвы рассказывали свои подвиги и приключенія.

Нередко также Норвежскій купецъ прѣзжалъ въ Исландію, привозилъ произведенія чужихъ земель и бралъ въ обменъ шерсть и рыбу. Онъ обыкновенно прѣзжалъ осенью, утажалъ на слѣдующую весну. Его радушно принимали въ Исландскомъ боэгъ, онъ дѣлался гостемъ, другою какого-нибудь семейства. Зимой, сидя съ хозяевами вокругъ огня, онъ рассказывалъ свои приключенія, свои путешествія, гдѣ былъ, что видѣлъ, какія претерпѣлъ бури и потомя все что зналъ о жизни Норвежскихъ королей, о знаменитыхъ битвахъ*. Сверхъ-того были рассказчики Исландскихъ сагъ, которые переходили изъ мѣста въ мѣсто, останавливаясь въ лодкахъ ярлей и подъ палатками воиновъ, собирали новыя преданія и сами рассказывали тѣ, которыя знала. Они далеко не пользовались тѣмъ уваженіемъ и преимуществами, какъ Скальды; однако жъ ихъ всегда охотно принимали. Дворъ ярля собирался вокругъ нихъ, чтобы слушать ихъ саги, а самъ ярль давалъ имъ обыкновенно въ награду, или золотое кольцо или узорчатый мечъ. Многіе изъ нихъ собирали въ своихъ путешествіяхъ множество изустныхъ преданій. Торфеусъ говоритъ, что одинъ изъ этихъ кочующихъ историковъ, по имени Торштейнъ, пришелъ къ королю Гаральду, въ Норвегію, и рассказывалъ ему одно преданіе цѣлые три дня. Гдѣ жъ ты выучилъ эту исторію? спросилъ король. — У насъ, въ Исландіи, отвѣчалъ Торштейнъ; я дохожу всякой годъ на сеймъ (allthing) и собираю рассказы нашего знаменитаго вальдора.»

* Между древними обычаями Сѣвера и Норландіи змѣтно разительное сходство. Въ этой провинціи, завоеванной Ролловою, также было всегда въ обыкновеніи платить за гостепріимство рассказомъ или пѣсню.

Usages en su Normandie
 Que qui hébergé est, qu'il lie
 Fab c u chan-on lie à son hoste.
 (Li dits du sucretain.)

Этому жъ обычаю можно приписать и привязанность нашихъ предковъ къ сказкамъ, которыя рассказывали имъ дворовые люди: кнествою, сказки Татарскаго происхожденія замѣняли у насъ тѣ, которыя, безъ сомнѣнія, рассказывались до вшествія Монголовъ.

Проведя большую часть жизни съ странствованіемъ, эти рассказники сага думала только о томъ, чтобы, обогатившись познаніемъ и опытностью, возвратиться въ свою бѣдную Исландію и отдохнуть въ родномъ домицкѣ. Исландскій народъ всегда страстно любилъ слушать и рассказывать саги. Онъ толпился вокругъ путешественниковъ и съ наслажденіемъ внималъ рассказамъ объ ихъ далекихъ странствованіяхъ. Эта страсть простиралась дотого, что, когда корабль приставалъ къ ихъ острову, они толпами бѣжали къ берегу узнать откуда корабль и не слышно ли чего-нибудь новаго о Швеціи и Даніи. Тотъ, кто славился богатствомъ или вліяніемъ, тащилъ иностранцевъ къ себѣ, чтобы они рассказали ему первому все, что знаютъ, и не шутя сердился на нихъ, если они не хотѣли заплатить этой дани. Однажды народъ былъ собранъ на сеймъ: пренія шли о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Дѣя партіи сильно спорили между собою и не было надежды, чтобы онѣ на чемъ-нибудь помирились, какъ вдругъ въ самохъ пылу преній, разнесся слухъ, что епископъ Магнуссенъ прѣбылъ изъ Норвегіи; и въ ту жь минуту Исландскій народъ, подобно Аѳинскому, забываетъ важное дѣло, которымъ занимался и бѣжитъ разспрашивать епископа объ его путешествіи.

Такимъ образомъ каждый годъ переселялись въ Исландію преданія Шведскія, Датскія и Норвежскія; сага привлекала къ себѣ поэта и сказочника; имена ярлей, иностранныхъ государей, сохранились въ хижинахъ поселянъ, и такимъ образомъ бѣдный островъ Исландія, слабый и безвѣстный, собралъ ученыхъ сокровища, которыми мы теперь пользуемся. Другіе сѣверные народы измѣнялись отъ соприкосновенія съ иностранцами, а Исландія, заброшенная посреди океана, осталась вѣрною своему первоначальному характеру. Христіанская религія уже давно низпровергла Скандинавскіе идолы, но Исландія сохранила вѣрныя ея преданія. Такимъ образомъ саги сдѣлались источникомъ, къ которому долженъ прибѣгать всякой, кто хочетъ знать первоначальную исторію пиратовъ, которые въ средніе вѣка овладѣли всею Европою; исторію Англовъ и Норманновъ, исторію товарищей Рюрика, основателя Россіи и Гюнскарда, который покорилъ подъ власть свою половину Италіи. Саги сдѣлались

теперь необходимыми документами и тотъ, кто вздумалъ бы писать исторію Скандинавскаго или Русскаго Сѣвера, не изучая сагъ, по необходимости, составилъ бы твореніе ошибочное и неполное. Сагъ очень много. Торѳеусъ насчитываетъ ихъ сто восемьдесятъ семь; Миллеръ разобралъ сто пятьдесятъ шесть. Но мы уже прежде подробно говорили о сагахъ и важности ихъ для нашей исторіи*.

«Эймундова сага», которая была помѣщена въ нашемъ журналѣ, лучше всякаго описанія можетъ дать понятіе объ этомъ родѣ сочиненій. Сказанія эти всегда основаны на истинномъ происшествіи, и чтобы употребить ихъ съ пользою для исторіи, надобно только имѣть проникающую, надобно *знать толки*, умѣть отдѣлять суевѣріе отъ дѣла и особенно не должно подражать грубой критикѣ Шадцера, которая изъ-за одной басни отвергла цѣлыя преданія.

Одною изъ занимательнѣйшихъ чертъ Скандинавскихъ сказаній можно почесть свѣдѣнія, которыя мы въ нихъ находимъ о положеніи и нравахъ сѣверныхъ женщинъ того отдаленнаго времени. Въ сагахъ женщины имѣютъ тотъ же сильный, упорный характеръ, какъ мужчины. Онѣ часто возбуждаютъ родственниковъ своихъ къ битвѣ; а если имъ нельзя вѣдаться на помощь мужчинъ, онѣ схватываютъ мечъ, висящій на стѣнѣ, и прачутъ женское платье подъ стальную броню, а длинные волосы подъ тяжелый шлемъ. Неруга за-га рассказываетъ, что одна дѣвушка, желая отмстить за смерть отца своего, постучалась у дверей его гробницы и просила у него меча. Отецъ всталъ изъ могилы, и отдалъ ей мечъ, который лежалъ у его боку; тогда она нападаетъ на враговъ своихъ, умерщвляетъ ихъ и съ побѣдою возвращается въ домъ свой. Не менѣе странна исторія Торибьерги. Торибьерга была дочь Шведскаго короля. Она покинула мирныя занятія своего пола, надѣла оружіе, сѣла на коня и устремилась въ битву. Отецъ поручилъ ей управленіе провинціею; она приняла мужское имя, и подданные привѣтствовали ее тятломъ конюга. Многіе знаменитые войны, многіе князья просили руки ея; но она, какъ Брюнгильда въ *Nibelungen*, борется съ ними, побѣждаетъ ихъ и приказываетъ умертвить или изуродовать. Наконецъ одинъ изъ нихъ

* В. для Ч. I.

послѣ упорной битвы, беретъ ее въ плѣнь. Тогда она возвращается къ отцу, и слагая предъ нимъ свой мечъ и латы, говоритъ: «Возвращаю вамъ власть, которую вы мнѣ ввѣрили; отказываюсь отъ славы, которую хотѣла-было приобрѣсть и снова дѣлаюсь женщиною.

Саги вообще носятъ на себѣ характеръ суевѣрія. Исландцы вѣрятъ предназначеніямъ, снамъ и видѣніямъ. Они нерѣдко встрѣчаютъ невидимыхъ волховъ и троллей (лѣшякъ); твердо увѣрены въ искусство и ловкости карликовъ и боится силы гигантовъ. Они знали, что земля ихъ составлена изъ членовъ великана и что съ самаго дня сотворенія карлики жили въ горахъ; вѣрили также предвѣщаніямъ и волшебству. Въ *Hægeynga saga* Грандъ, чтобы узнать убійцъ Сягуанда и двухъ его товарищей, зажигаетъ большой огонь и вызываетъ одну за другой тѣни этихъ трехъ жертвъ. Въ другой сагѣ женщина превращаетъ въ медведя мужчину, который не хотѣлъ отвѣчать на ея любовь; карлики дѣлаютъ волшебный лукъ, а невидимый волхвъ даетъ Оду оружіе, въ которомъ онъ не можетъ погибнуть ни огнемъ, ни мечемъ, ни водою.

Правы, описанные въ этихъ древнихъ преданіяхъ, представляютъ картину грубую, свирѣпую и часто отвратительную. Домъ Исландскаго пирата часто бываетъ оскверненъ прелюбодѣяніемъ и кровосмѣшеніемъ. Иностранецъ, который дружелюбно принятъ въ домъ пирата и живетъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, соблазняетъ дочь его и отецъ нѣсколько этому не удивляется и не сердится на нарушителя гостепріимства. Воины только и дѣлаютъ, что дерутся или пьютъ; они бьются объ закладъ, кто выпьетъ больше турнихъ роговъ пива или меду сладкаго и воспеваютъ свои подвиги до тѣхъ поръ, пока хмѣль не усыпитъ ихъ. Законы позволяютъ и убійство и зажигательство, наказывая за нихъ только пенєю. Князья держатъ при дворахъ своихъ людей, которые называются «берсеркерами» и которыхъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы отущать за оскорбленія, нанесенныя имъ повелителямъ. Эти берсеркеры настоящіе brave, отважные и страшные, мастера бросать копье и дѣйствовать кинжаломъ; люди, для которыхъ жизнь ни чужая, ни своя собственная ничего не значить. Исландскій воинъ, гордый своей незави-

свободу, презираетъ и менавидитъ этихъ княжескихъ клевретовъ; и гдѣ бы съ ними ни встрѣтился, онъ съ яростію на нихъ нападетъ и пощады не даетъ. Одна сага рассказываетъ, что въ битвѣ между берсеркерями и Исландцами, земля, потрясенная ударами мечей ихъ, дрожала, какъ-будто виситъ на ниточкѣ.

Около пятнадцатаго вѣка, въ Исландіи произошла литературный переворотъ. Писатели покинули народныя преданія, которыми прежде пользовались, и принялись переводить иностранныя, рыцарскіе романы. Въ Исландскихъ дѣяніяхъ стали рассказывать приключенія Карла Великаго и рыцарей Крутаго Стола, чудесную хроникку Фортуната и императора Октавіана. Исландцы охотно приняли эти новые рассказы и тотъ, кого такъ занимали войны Гюнвара и страданія Ингеборги, съ неменьшимъ удовольствіемъ слушали исторію мужественнаго Роланда и прекрасной Искульты. Отъ этой заморской отрасли литературы произошелъ новый родъ сагъ; въ этихъ сказкахъ нѣсколько Исландскихъ именъ и нѣсколько дѣйствительныхъ событій скрывались подъ выхождениемъ именъ чужеземныхъ и происшествій вымышленныхъ. То же самое случилось и у насъ послѣ нашествія Монголовъ. Наши Варажскія сказки сдѣшались съ сказками Татарскими; у насъ есть только одна сага, которую, безъ основательнаго разсмотрѣнія, относятъ къ временамъ до-Татарскимъ. Это «Слово о полку Игоревѣ», которое можно бы назвать настоящею Скандинавскою сагою, если бы только оно не носило на себѣ явныхъ слѣдовъ новѣйшаго подражанія и не обличало Сербской или Карпатской руки чело-вѣка, который изучалъ Латвискую литературу. Впрочемъ, не мудрено, что наши критики, которые не изучаютъ ни Латвискихъ поэтовъ, ни Славянскихъ нарѣчій, не шутя приняли это «Слово» за древнее Русское произведеніе.

Съ истиннымъ удовольствіемъ видавъ мы, что многіе наши молодые люди начинаютъ любить настоящее ученое образованіе и посвящаютъ себѣ ему съ рвеніемъ, достойнымъ всякой похвалы. Вы уже нередко встрѣчаете Русскаго юношу, съ жаромъ и любознательнѣмъ изучающаго языки не только индонезійскіе, но даже Монгольскій, Тибетскій и Санскритскій. Отчего же мы еще не имѣемъ удовольствія видѣть молодыхъ любителей Исландскаго языка, который для насъ

несравненно полезнее Сапскритскаго? Какія сокровища могло бы ихъ трудолюбие подарить нашей древней исторіи и съ какимъ малымъ трудомъ! Изученіе Исландскаго языка чрезвычайно легко для того, кто знаетъ по-Нѣмецки и по-Англійски: нѣсколько мѣсяцевъ времени познакомятъ васъ основательно съ однимъ изъ прекраснѣйшихъ языковъ. Съ удивленіемъ видишь его грамматическія формы, его ходъ прямой и смѣлый, его способность выразить самыя нежные отъѣнки мысли и его слоудареніе, пріятное и вѣстѣ звучное. Въ немъ нѣтъ жесткихъ слоговъ языковъ Германскихъ, ни непрерывнаго свиста Англійскаго языка. Конструкція его очень проста. Подобно Нѣмецкому языку, Исландскій очень удобенъ для составленія новыхъ словъ; какъ въ Греческомъ, въ немъ есть три рода; какъ въ Датскомъ, *опредѣленный членъ*, который помещается на концѣ именъ существительныхъ. И между-тѣмъ этотъ языкъ теперь таковъ же, какъ былъ въ древнія времена. Только въ прибрежныхъ мѣстахъ, въ портахъ, гдѣ бываетъ много иностранныхъ кораблей, народъ измѣнилъ нѣсколько свое произношеніе и къ чистому Исландскому языку прибавилъ нѣсколько Датскихъ выраженій. Но во внутреннихъ частяхъ острова языкъ сохранился неприкосновеннымъ въ первобытномъ своемъ видѣ; тамошніе жители и нынче говорятъ точно такъ же, какъ говорилъ первый колонистъ Нюгольфъ: на всемъ островѣ вы не найдете ни одного хлѣбопашца, пастуха или охотника, который бы не понималъ въ совершенствѣ самыхъ древнихъ Исландскихъ книгъ.

Руны, древнѣйшіе литературные памятники въ Исландіи. Мало вопросовъ, которые бы такъ много занимали атыкариевъ какъ этотъ, и между-тѣмъ онъ еще не рѣшенъ. Ни Вормъ, ни Гримъ, ни Магнуссенъ, ни Раскъ не могли вполне объяснить его. Незнѣство въ точности ни время, когда руны появились въ Европѣ, ни то, когда они вышли изъ улогребленія. Доселѣ еще не опредѣлено ни настоящее ихъ значеніе въ древнія времена, ни точное соотношеніе руническихъ знаковъ съ письменными буквами, употребляемыми въ наше время. Многіе филологи даже не согласны между собою въ толкованіи рунъ. Polgrave приводитъ въ своей «Исторіи Англо-Саксовъ» надпись, которой три вѣсма знающихъ человека принимали три смысла, совершен-

но одинъ другому противоположныхъ. Champollion и Зей-фартъ спорили о Египетскихъ іероглифахъ не болѣе того какъ Германскіе и Датскіе ученые объ эгпхъ стверныхъ іероглифахъ. При такомъ положеніи вещей, мы неизвѣстными считаемъ првести здѣсь все, что извѣстно о рунахъ.

Runa, значить по-Исландски «слово», въ особенноти же таинственнос слово. Оно встрѣчается въ языкахъ мезоготескомъ, кизрическомъ, англо-саксонскомъ, и всегда съ тѣмъ же самымъ значеніемъ. Финны употребляютъ его для означенія своихъ народныхъ псень, старинныхъ балладъ; этотъ же смыслъ часто придаютъ ему Исландскія саги.

По древнимъ преданіямъ руны прприсены на стверь Одиномъ. Онъ научилъ народъ употреблять руны и открылъ ему ихъ таинственное значеніе. Эда говоритъ, что съ помощію рунъ онъ вылечивалъ разныя болѣзни, усмиралъ бури, останавливалъ стрѣлу на полетѣ. Рунами разрывалъ онъ оковы лѣвняныхъ, пробуждалъ мертвыхъ, тушилъ пожары. Онъ умѣлъ употреблять ихъ для того, чтобы пріобрѣсти любовь женщины и знать тайны, которыхъ не открылъ бы никакому кромѣ сестры или своей любезной.

Въ другомъ мѣстѣ Эды, Сигурдъ проситъ Валкюрію научить его мудрости, и она показываетъ ему разнаго роду руны: руны побѣдныя, чтобы противиться непріятелямъ и торжествовать въ битвахъ; руны морскія, чтобы быть безопасну отъ бурь; руны лѣсныя, чтобы знать свойства целебныхъ травъ и лечить всякія рапы.

Руны вырѣзывали на корабельномъ носу, на рукоятн меча, на турьемъ рогѣ, иногда на прутникахъ, которые носили какъ талисманы, и народъ былъ твердо убѣжденъ въ могущество рунъ. Однажды Эгилю подали отравленную чашу; онъ открылъ себѣ жилу, написалъ кровью на чашѣ нѣсколько руническихъ знаковъ, и чаша распалась на-двое. Въ другой разъ его привели къ больной, которой не могли помочь никакими средствами; онъ велѣлъ подвать ее, началъ рыться въ ея постель и нашелъ тамъ прутникъ съ руническими знаками. Онъ вынулъ этотъ прутникъ, бросилъ его въ огонь, а подъ подушку больной положилъ прутникъ съ другими руническими знаками. Какъ скоро она легла послѣ этого на постель, ей показалось, будто она пробуждается отъ тяжелого

сна. Она чувствовала себя еще очень слабою, но болѣзнь ея уже прошла.

Руна была иногда не что иное какъ іероглифическая буква. Ее вырѣзывали кончикомъ ножа на рукѣ, или на груди. Н означалъ «пауд» (необходимость); J, js (медь); F, Fgeuz (богиня любви); Th, Thog (богъ силы). Это были тѣ самыя магическыя, волшебныя руны, которыми люди научились отъ боговъ и которыя были приняты народомъ и переходили изъ рода въ родъ по преданію.

Но кромѣ этихъ таинственныхъ руноу, была руническая азбука очень простая; она служила для надписей въ память битвъ, для эпитафій, а Норвежскіе и Финляндскіе мужики дѣлають изъ нея себѣ календари. Въ этой азбукѣ было всего пятнадцать, или шестнадцать знаковъ. Для согласныхъ, которыя сходны между собою произношеніемъ, было только по одному знаку; такъ напримѣръ г и х, д и т, б и п, у и в, писались одинаково. Когда христіанская религія проникла на Сѣверъ, миссіонеры всеми силами старались прекратить употребленіе руноу, какъ остатокъ язычества. Но, несмотря на все свое усердіе, они не могли разомъ прекратить этого обычая, ни уничтожить древнихъ памятниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ руны оставались въ употребленіи даже до четырнадцатаго вѣка. Они составляютъ теперь одно изъ ученыхъ сокровищъ Скандинавіи, и для насъ имѣють большую занимательность. Молодой Исландскій ученый, Г. Брюнольсенъ, слишкомъ рано похищенный смертію, написалъ объ этомъ предметѣ Латинскую диссертацію, которая нѣсколько лѣтъ назадъ издана въ Копенгагенѣ. Сравнивая сѣверную руническую азбуку съ азбукою Греческою, Этрусскою, Славянскою, Финикійскою, Персидскою, Армянскою, Египетскою, Индійскою, онъ говоритъ рѣшительно, что эта азбука, такъ какъ и Скандинавскій языкъ, обязана своимъ происхожденіемъ Готско-кавказскому племени, и что тамъ же должно искать и начала письменъ вообще. Подобныя заключенія востоятъ разбора: всѣ эти сближенія доказываютъ только терпѣніе, а не разумительность людей, которые ими занимаются и поелику уже многихъ ученыхъ къ результатамъ чрезвычайно забавнымъ.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ПНЕВМАТИЧЕСКІЯ ПЕЧИ

ГЕНЕРАЛА АММОСОВА.

Примѣчательное изобрѣтеніе Г. генерала Аммосова такъ сильно возбуждаетъ общее любопытство, что мы надѣемся пріятно услужить жителямъ обѣихъ столицъ, представивъ здѣсь обстоятельныя свѣдѣнія о дѣлѣ, столь важномъ для домовладельцевъ и для цѣлыхъ городовъ.

Генералъ Аммосовъ изобрѣлъ новое устройство нагрѣвательныхъ печей, которымъ онъ вполне разрѣшилъ задачу — изъ самаго малаго количества топлива получить самое большое количество теплоты, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить комнаты отъ возможности чаду и домъ отъ возможности пожара при отопленіи. Но этого мало: печи его обладаютъ еще драгоценнымъ преимуществомъ, которое доселѣ почиталось недостижимымъ въ теплоносныхъ снарядахъ, и дѣйствительно составляетъ верхъ искусства: онѣ возобновляютъ воздухъ въ комнатахъ, сохраняя въ нихъ всегда одинаковую теплоту.

Печи эти, или «пневматическіе калориферы», устраиваются въ нижней части дома, въ подвалѣ или погребу, и раз-

носить проводными трубами по всѣмъ этажамъ дома, сколько бы ихъ ни было, теплоту достаточную для нагреванія комнать до такой степени, какая нужна самимъ жильцамъ, по желанію каждаго. Къ этому великому удобству, которое уже тѣмъ самимъ очищаетъ углы комнать отъ безобразныхъ массъ, называемыхъ голландскими печакя, и придаетъ жилищамъ болѣе простору, правильности, изящества, присоединяется другое, еще важнѣйшее, потому что оно относится къ здоровью обитателей: пневматическія печи, или калориферы, Г. Аммосова, принося теплоту въ комнаты, въ то же самое время безпрерывно вытягиваютъ изъ нихъ воздухъ, испорченный дыханіемъ, и замѣняютъ его свѣжимъ, не принося ни сквозныхъ вѣтровъ ни мгновеннаго охлажденія. Сверхъ-того, по своему образу, какимъ онѣ устроены, ни дыму ни угару не можетъ быть отъ нихъ въ комнатахъ, и не только нераднѣе, даже самая экономяренность отопника, не въ силахъ произвести пожара при отапливаніи. Столько преимуществъ, и такихъ существенныхъ, достаточно уже были бы для предпочтенія пневматическихъ печей всѣмъ другимъ, и для немедленнаго введенія ихъ наместо голландскихъ и духовыхъ, даже съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ въ издержкахъ: но изобретеніе Г. Аммосова отличается еще той выгодою, что оно неизменно сберегаетъ топливо, потому что одна пневматическая печь замѣняетъ отъ двадцати осьми до тридцати голландскихъ печей и требуетъ шестеро менше дровъ. Здѣсь-то заключается самая блестящая черта печей генерала Аммосова: онѣ действительно могутъ быть поэтому названы изобретеніемъ государственной важности; и польза столь значительнаго сбереженія сгораемаго вещества сама по себѣ такъ краснорѣчива, что всякая другая похвала показалась бы податъ нея слабою. Можно сказать по всей справедливости, что такія печи равно нагреваютъ и частные дома и государство.

Разсмотримъ сперва выгоды пневматическихъ печей Г. Аммосова для домовладельцевъ. Вычисленія, которыя мы представимъ, основаны на опытѣ, который былъ произведенъ въ большомъ видѣ прошедшею зимою, здѣсь, въ Петербургѣ, и они не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Это факты, которыхъ, при лучшей охотѣ къ прекословію, невозможно

оспаривать, потому что они подтверждены самою тщательною проверкою и ученымъ изслѣдованіемъ дѣла. После расчета выгодъ отъ пневматическихъ печей для домовладельцевъ, мы приведемъ и описаніе самого опыта.

Тотъ, кто строитъ домъ, долженъ внести въ свою смету издержку на устройство въ немъ нужнаго числа голландскихъ печей. Возьмемъ четырехъ-этажный домъ средней величины, о восьмидесяти или восьмидесяти двухъ печахъ, которыя слѣдственно равняются тремъ пневматическимъ печамъ Г. Аммосова, считая на каждую пневматическую по двадцати семи съ половиною голландскихъ.

Первая постройка одной пневматической печи	стоитъ..	7,500	рублей.
Первая постройка 27½ голландскихъ печей, отдаваемыхъ съ приличнымъ изяществомъ, считая по 200 рублей на каждую печь.....		5,500.	
Разница перерезки.....		2,000.	

Но одна пневматическая печь, на всю зиму, отъ перваго октября по первое мая, требуетъ только 33 сажень дровъ, тогда какъ 27½ голландскихъ печей, считая по 8 сажень каждую, поглощаютъ въ то же самое время 220 сажень. Полагая сажень сухихъ березовыхъ дровъ, по нынѣшнимъ цѣнамъ, въ 10 рублей, мы получимъ —

На отопленіе 27½ голландскихъ печей.....	2,900	рублей.
На отопленіе 1 пневматической печи.....	330.	
Выгода 1,870.		

Слѣдовательно, для домовладельца, строящаго новый домъ, сбереженіе дровъ посредствомъ пневматической печи въ первый уже годъ вознаграждаетъ (съ небольшимъ убыткомъ 130 рублей) перерезку на ея построение противъ цѣны голландскихъ печей. Слѣдующіе годы доставятъ уже ему чистую и весьма значительную прибыль. Возьмемъ десяти-лѣтнее время.

Въ 9 лѣтъ 1 пневматическая печь сбережетъ дровъ на	17,300	рублей.
За вычетомъ убытку въ первомъ году.....	130.	
Остается прибыли 17,170.		

Печи Г. Аммосова построены такъ прочно, что на весьма долгое время не предвидятся ни какихъ расходовъ на нихъ

починку и содержаніе въ исправности: дѣйствительно, это настоящія крѣпости; но положимъ на этотъ предметъ по 5 процентовъ отъ первоначальной цѣны печи, то есть, по 372 рублей въ годъ. Постоянный опытъ частныхъ домовъ доказываетъ, что починка и содержаніе въ исправности голландскихъ печей въ пятнадцать лѣтъ требуетъ суммы, равной цѣнѣ перваго ихъ построенія. Такимъ образомъ, считая для пневматической печи по 5% отъ первоначальнаго капитала, а для голландской по 7½ процентовъ, починка и содержаніе въ десять лѣтъ —

1 пневматической печи будетъ стоить.....	3,750 рублей.
27½ голландскихъ	4,025

Выгода 975.

Прибыль отъ дровъ 17,170.

Итого чистой прибыли, въ десять лѣтъ, отъ одной

пневматической печи..... 17,445.

Отъ 3 печей

52,335 рублей.

Нѣтъ сомнѣнія, что 52,000 рублей лишняго дохода въ десять лѣтъ отъ дома о восьмидесяти двухъ печахъ, составляютъ такую прибыль, которая въ состояніи убѣдить каждаго строящаго домъ ввести въ немъ тогдашнюю систему калориферовъ генерала Аммосова. Но не менѣе значительныя выгоды ожидаютъ и того владѣльца, который рѣшится въ отстроенномъ уже домѣ сдѣлать существующія нынче голландскія печи, и замѣнить ихъ пневматическими, отдавать въ наемъ квартиры съ своими дровами. Жильцы охотно заплатятъ ему за то количество дровъ, которое теперь издерживается въ ихъ квартирахъ на отопленіе голландскихъ печей, безпокойныхъ, угарныхъ и опасныхъ, какъ скоро онъ возьмется доставить имъ всегда благорастворекный и всегда свѣжій воздухъ, безъ всякихъ хлопотъ для нихъ: тогда вся прибыль отъ сбереженія дровъ противъ нынѣшняго ихъ расхода будетъ, слѣдственно, его прибылью. Мы видали, что на 27½ голландскихъ печей, превративъ ихъ въ одну пневматическую, экономія дровъ приноситъ въ годъ барыша 1,870 рублей: слѣдовательно въ четыре года статья эта составитъ 7,480 рублей, и совершенно окупитъ издержку 7,500 на устрое-

ние печи по системѣ Г. Аммосова. Пятый годъ представляетъ уже чистую прибыль. Исчислимъ десяти-лѣтнюю сложность:

Въ десять лѣтъ собирается: на дровахъ.....	18,700	рублей.
за содержаніи печи.....	300.	
	<u>Итого 19,000.</u>	
Устроenie одной печи стоить.....	7,500.	
	<u>Чистая прибыль отъ одной печи 12,500.</u>	
	отъ 3	
	<u>37,500.</u>	

Такимъ образомъ домъ о восьмидесяти двухъ печахъ, отопляемый тремя пневматическими печами, можетъ принести владельцу лишняго доходу въ десять лѣтъ 37,500 рублей, то есть, по 3,750 рублей каждый годъ. Надобно замѣтить, что прибыль эта можетъ быть гораздо значительнѣе. Первоначальная издержка, которую мы здѣсь показываемъ въ 7,500 рублей на каждую пневматическую печь, введена изъ расчета расходовъ на устроenie caloriferовъ по системѣ генерала Аммосова въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ казенныхъ зданій, именно, въ главномъ институтѣ корпуса Путей Сообщеній, гдѣ все подробности отдѣланы съ приличнымъ мѣсту изяществомъ, и даже съ роскошью: но въ частныхъ домахъ онѣ могутъ быть простѣе. Сверхъ-того, какъ скоро система эта распространится въ казенныхъ и частныхъ домахъ, — а она распространится очень быстро, — цѣна на дрова неминуемо понизится, потому что эти дома будутъ потреблять шестеро менше топлива противъ нынѣшняго. Если только пятьдесятъ большихъ казенныхъ зданій въ теченіе двухъ слѣдующихъ годовъ уничтожатъ у себя голландскія и духовыя печи и замѣнятъ ихъ пневматическими, Петербургъ тотчасъ будетъ издерживать около 100,000 дровъ менше. Довольно, чтобы, кромѣ казенныхъ зданій, пневматическія печи водворились въ лучшихъ частныхъ домахъ, принадлежащихъ богатымъ владельцамъ, и потребление дровъ въ столицѣ понизится до половины, то есть, до 400,000 или 500,000 саженьей.

Caloriferная Г. Аммосова, при помощи Божіей, Россія будетъ обязана разореніемъ дровяной торговли, и это уже такое благодѣяніе для государства, за которое въ Азѣяхъ или древнемъ Римѣ изобретателю воеводили бы храмъ. Ког-

да эти превосходныя печи войдутъ въ общее употребленіе въ Петербургъ, Москвѣ и важнѣйшихъ городахъ Россіи, каждый годъ миллионы прекраснѣйшихъ деревь, которые теперь падаютъ подъ топоромъ безжалостныхъ и непрозорливыхъ спекулянтовъ, останутся на корякъ или обратятся на лучшее употребленіе. Не выгоднѣ ли для государства, для промышленности, и для самихъ помѣщиковъ, испилить часть этихъ деревь въ торцы и вымостить Русскія дороги прекрасными колесопроводами, по которымъ одна крестьянская лошадь можетъ тащить двести семьдесятъ пудовъ груза? Изъ лѣсу, нужнаго на одну сажень хорошихъ деревь, можно настлатъ 10 аршинъ двойныхъ торцовыхъ колесопроводовъ, въ поларшина ширины каждый. Одна пневматическая печь сберегаетъ въ годъ болѣе 180 сажень деревь, и следовательно даетъ возможность вымостить торцами изъ лѣсу, спасеннаго отъ огня, ежегодно 1,800 аршинъ, то есть, версту и сто саженьей дороги. Пять сотъ пневматическихъ печей доставляютъ такимъ образомъ средство дарить Русской землѣ каждый годъ по шести сотъ верстъ двойныхъ торцовыхъ колесопроводовъ, а въ десять лѣтъ покрыть ее *шестью тысячами верстъ* отлѣченнѣйшихъ путей сообщенія, если ужъ на попятку выходить, что собственно не мы, а наши карманы, «еще не созрѣли» для желѣзныхъ дорогъ. Торцовыя дороги пиваютъ для насъ еще то преимущество, что, когда онѣ изъясняются, ихъ можно сжечь: налитыя смолою и животными частицами, торцы горятъ превосходно и даютъ очень сильную теплоту. Пять сотъ пневматическихъ печей, доставляя втеченіе десяти лѣтъ матеріалу для шести тысячъ верстъ торцовыхъ колесопроводовъ, могли бы потомъ двенадцать лѣтъ сразу отапливаться этими же торцами, не вырубивъ ни одного живаго дерева.

Прекрасное изобрѣтеніе Г. Аммосова основано на столь вѣрныхъ и ясныхъ началахъ, что когда онъ предложилъ свою систему печей *совѣту* корпуса Путей Сообщенія, это собраніе ученыхъ инженеровъ и искусныхъ математиковъ, убѣжденное очевидностью дѣла и вычисленій изобрѣтателя, рѣшилось тотчасъ, безъ предварительнаго испытанія его пневматическихъ калориферовъ въ наломъ видѣ, употребить значительный капиталъ на водвореніе ихъ въ цѣломъ зданіи

своего института; и результат даже превзошел ожиданія. Блестательный успѣхъ Г. Аммосова въ этомъ случаѣ привелъ въ восхищеніе всѣхъ, которые понимаютъ трудности, какія онъ долженъ былъ здѣсь преодолѣть и разрѣшить, чтобы до него достигнуть, и ужьютъ оцѣнять важность новаго дѣла, обильнаго неисчислимыми пользами. Генераль Аммосовъ получалъ на свое изобрѣтеніе привилегію. Мы не можемъ ни дать лучшаго понятія объ его системѣ, ни вѣрнѣе изобразить ея различныхъ преимуществъ, какъ присоединя къ тому, что уже сказали, свѣтлый и ученый разборъ его пневматическихъ калориферовъ, написанный превосходнымъ знатокомъ предмета и однимъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ инженеровъ, Г. генераль-лейтенантомъ Дестремомъ, который былъ свидѣтелемъ всего опыта, тщательно наблюдалъ его послѣдствія и имѣлъ случай изслѣдовать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

=

РАЗБОРЪ

ТЕОРИИ И ОПЫТНЫХЪ РЕЗУЛЬТАТОВЪ ПНЕВМАТИЧЕСКИХЪ ПЕЧЕЙ Г. АММОСОВА.

=

Едва-ли какой-нибудь предметъ всеобщей государственной потребности заслуживаетъ въ сѣверныхъ климатахъ столь сильнаго вниманія какъ отопленіе зданій. Будучи тѣсно сопряженъ съ истребленіемъ лѣсовъ, имѣя значительное вліяніе на здоровье жителей и скрываая въ себѣ одинъ изъ источниковъ губительныхъ пожаровъ, оно, къ крайнему сожалѣнію, находится по-сіе-время въ грубомъ состояніи, и зависитъ большею частію отъ слѣпаго навыка и отъ произвола простыхъ работниковъ.

Хотя мы обязаны ученымъ и механикамъ различными новыми способами сообщать жилищамъ теплоту посредствомъ грѣтаго воздуха, проводимаго духовыми печами и разными калориферами, и помощію пара и горячей воды, однако жъ

все эти способы, полезные въ однихъ отношеніяхъ, заключаютъ въ себѣ важныя неудобства въ другихъ: они либо недоступны всеобщему употребленію, либо не вознаграждаютъ стоимости своей маловажными выгодами, либо все вообще требуютъ большаго количества топлива и относительно пожаровъ не безопасны.

Отапливаніе грѣтою волюю и паромъ, какъ средства роскоши, и притомъ хлопотливая, сопряженная со многими неудобствами, между которыми первое место занимаетъ недостатокъ провѣтриванія, не могутъ никогда войти въ общее употребленіе: потому, не распространяясь объ этихъ двухъ способахъ отапливанія, я приступаю къ разсмотрѣнію другихъ, почти повсемѣстно употребляемыхъ.

Изъ всѣхъ родовъ печей, служащихъ къ отапливанію грѣтымъ воздухомъ, безъ-сомнѣнія самой худой — духовая печь съ желѣзнымъ коробомъ. Во-первыхъ, замѣняя собою не болѣе 6 голландскихъ печей, она стоитъ довольно дорого (около 2000 рублей); во-вторыхъ требуетъ большаго количества дровъ; въ-третьихъ, при малѣйшей оплошности истопника, разлагаетъ воздухъ и производитъ угарь. Ея коробъ, протгорая безпрестанно, наполняетъ покои дымомъ и требуетъ частой и весьма издѣвательной починки и затѣва новыкъ черезъ короткое время. Она вовсе не доставляетъ провѣтриванія, вообще не даетъ достаточнаго тепла нижнему этажу, и наконецъ не только не устраняетъ, но едва-ли еще не усиливаетъ опасности пожаровъ; и прочая. Словомъ сказать, единная, довольно существенная, выгода духовой печи, помещеніе въ подвалъ, не можетъ замѣнить безчисленныхъ важнѣйшихъ неудобствъ этого способа отапливанія. Изъ некоторыхъ изъ этихъ неудобствъ отвращены, лучшимъ изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, калориферомъ Вѣйскаго профессора Мейснера; но и его калориферъ далеко не представляетъ желаннаго совершенства: провѣтриваніе въ немъ дурно и недостаточно; онъ не устраняетъ опасности пожара; не довольно грѣетъ нижніе этажи; и хотя отъ кругообращенія комнатнаго воздуха печь эта требуетъ меньше дровъ, однако жъ, по причинѣ исхода изъ трубы дыму и газамъ въ слишкомъ горячей температурѣ, сбереженіе въ дровахъ незначительно, а въ нашемъ климатѣ, требующемъ топки усиленной, едва-ли да-

же и это небольшое сбереженіе можетъ быть достигнуто съ Мейсеровымъ калориферомъ.

Не упоминая о калориферахъ Струтта, Дезарно, Кюродо, и другихъ, отличающахъ нѣкоторыя достоинства и также многія неудобства, и не считая даже нужнымъ говорить о многихъ усовершенствованіяхъ въ печахъ голландскихъ или утеръ-марковъ, потому что все эти усовершенствованія не заслуживаютъ особеннаго вниманія, заключааясь большею частию въ самыхъ маловажныхъ прибавленіяхъ вовсе недостаточныхъ короткихъ каналовъ и оборотовъ, я перехожу прямо къ новой системѣ отопляванія калориферами пневматическими. Распространиться объ нихъ считаю тѣмъ необходимымъ, что для убѣжденія въ неоспоримыхъ преимуществахъ этихъ печей мы имѣемъ одинъ только удовлетворительный примѣръ, именно печи, устроенныя Г. генераломъ Аммосовымъ въ институтѣ корпуса инженеровъ Путей Сообщенія. Хотя пневматическія печи казармъ лейбъ-гвардіи Пяловскаго полка, поставленныя тамъ, кажется, окою двухъ или трехъ лѣтъ тому назадъ, основаны, въ общей системѣ, на тѣхъ же теоретическихъ началахъ, и при хорошемъ управленіи должны быть довольно удовлетворительны, но по неимѣнію дымогарства, по различію въ механизмѣ и матеріалѣ нагревательныхъ металлическихъ каналовъ и по нѣкоторымъ снарочкамъ въ проводѣ дыму, духу и воздуха, далеко не могутъ сравниться съ калориферами института Путей Сообщенія.

Пневматическое отопляваніе, какъ дѣло совершенно новое, не могло быть допущено въ такомъ важномъ государственномъ заведеніи, каковъ институтъ Путей Сообщенія, безъ строжайшаго и самаго подробнаго изслѣдованія этой системы въ техническомъ отношеніи. Я имѣлъ честь присутствовать, когда генералъ Аммосовъ, который предложилъ институту свои пневматическіе калориферы, показывалъ своимъ ученымъ товарищамъ чертежи и излагалъ теоретическія начала, на которыхъ устроены эти печи основано. Впоследствии я имѣлъ случай осматривать во всехъ подробностяхъ калориферы, уже совершенно устроенные, а съ 11 октября по 24 ноября прошлаго года, обще съ другими инженерами наблюдалъ эти пневматическія печи въ полномъ дѣйствіи,

сличая практическіе результаты съ законами теоріи. Удоволитившись этими наблюденіями, в самыми удовлетворительными опытами дѣйствія печей Г. Аммосова втеченіе всей прошлой зимы, что новый способ отапливанія представляетъ явныя выгоды передъ всеми другими способами, я счелъ своей обязанностію ознакомиться еще ближе съ такимъ важнымъ изобретеніемъ, чтобы подробнымъ разборомъ системы и устройства этихъ печей отдать себя в другія отчетъ въ причинахъ ихъ преимуществъ.

Чтобы при изслѣдованіи этого занимательнаго вопроса не оставить мѣста ни малѣйшему недоумѣнію, я разсмотрю пневматическія печи во всехъ отношеніяхъ, а именно, во-первыхъ, со стороны благорастворенія воздуха, во-вторыхъ, по предмету сообщаемаго ими тепла при данномъ количествѣ дровъ, въ-третьихъ, касательно степени безопасности отъ пожаровъ и производства чаду или угару; и наконецъ насчетъ стоимости.

Благораствореніе воздуха нарушается собственно печью отъ слѣдующихъ причинъ:

I. Если толка совершается изъ покоевъ въ печахъ кирпичныхъ или изразцовыхъ, то вскорѣ по закрытіи дымовой трубы, когда въ печи находится еще множество раскаленнаго угля, воздухъ, поступающій въ нее непрерывно черезъ неплотныя пазы топельной заслонки, и протекая по кучѣ горящаго или гнѣющаго угля, теряетъ большую часть кислорода своего, поглощаемого жаромъ, а потомъ, поднявшись вверхъ, выходитъ въ комнаты неплотностями вьюшечной заслонки, и еще несравненно болѣе душпанкомъ, ежели онъ есть: тогда воздухъ этотъ состоитъ уже почти изъ одного азота, въ смѣшеніи съ такимъ количествомъ угольной кислоты, какое утрачено кислорода. Чѣмъ плотнѣе запираются заслонки и душпанки, чѣмъ комната выше и просторнѣе и чѣмъ позже закрываютъ дымовую трубу, тѣмъ менѣе портится воздухъ; но во всякомъ случаѣ, когда въ печи остается не совершенно потушенный уголь, воздухъ разлагается неизбежно. Наша привычка, и неудобноизвѣримость порчи воздуха, причиною, что мы не всегда это замѣчаемъ: только, въ общей сложности зимы, здоровье живущихъ въ покояхъ должно отъ этого терять непременно. Химическое разло-

женіе воздуха, или загнива кислорода угольною кислотою, начинается при температурѣ, равной первоначальному раскалу желѣза, раскалу едва замѣтному въ тѣннотѣ, то есть, при 636° градусахъ Фаренгейта, 336° Цельсіева стоградусаго термометра, и 268° Реомюра*. Отсюда слѣдуетъ, что печь металлическія въ поковнѣ, или духовыя съ желѣзными коробами въ подвалѣ, портитъ воздухъ болѣе или менѣе, ежели только поверхность ихъ можетъ, при оплошности истощника, нагрѣваться до этой степени. Тогда кислородъ присоединяется къ раскаленному металлу и его окисляетъ; а рождающаяся отъ этого угольная кислота, смѣшавшись съ азотомъ, раскочится въ комнатахъ, и производитъ угаръ. Нѣкоторые скажутъ, можетъ-быть, ссылаясь на опыты, что кислородъ присоединяется къ раскаленному металлу только въ воздухѣ стоячемъ, и что, напротивъ, при быстромъ протокѣ его по металлу, эта утрата едва ощутительна; но мое замѣреніе состоитъ не въ исчисленіи количества, а только въ указаніи случаевъ порчи, въ какой бы сильной или слабой степени она ни происходила.

II. При взглядѣ на солнечный лучъ, втекающій въ комнату, видно тотчасъ, что воздухъ наполненъ пылью. Въ ея массѣ есть много веществъ органическихъ, то есть, мельчайшихъ частицъ пуху, паутины, волосъ, кожи, бумаги, шерсти, дерева, и прочая, и прочая. Эта пыль, прикасаясь къ раскаленному углю или слишкомъ нагрѣтому металлу и кирпичу, либо сгараеть, либо непримѣтно разлагается отъ жару на газы, производя во всякомъ случаѣ чадный запахъ. Оттого-то, при входѣ въ комнату, можно по одному обонянію узнать тотчасъ, топтана ли она или нѣтъ.

III. Давно уже замѣчено, что печь насадная, духовыя, и металлическія вообще, портитъ воздухъ излишнимъ высушеніемъ, которое почти вовсе лишаетъ его благотворной для дыханія влаги. До какой степени сильно насущенный воздухъ дѣлается непріятнымъ и, такъ сказать, жесткимъ для дыханія, легко испытать всякому при входѣ въ отопленную Русскую баню, до увлажненія ея водянымъ паромъ. Непомѣрная сухость воздуха при печахъ металлическихъ, комнатныхъ и духовыхъ, происходитъ, вѣроятно отъ необы-

* A treatise on Heat, by Dr. Lardner, p. 416.

чайно высокой температуры изъ поверхностей. Напримѣръ, при духовыхъ печахъ братьевъ Меллерю, близъ Женевы, извѣстный Пите (Pictet) засталъ температуру выпускаемаго въ покой воздуха, волея самыхъ душниковъ, отъ 150° до 156 градусовъ Реомюра, а на разстояніи девяти дюймовъ отъ душниковъ во 120°, то есть, всё-еще на 40 градусовъ выше кипятку*. До какой степени должна быть накалена грѣющая поверхность печей, чтобы сообщать такой непомерный жаръ воздуху, быстро по ней протекающему! Тотъ весьма ошибается, кто сухость, производимую печами въ покояхъ, считаетъ важнымъ достоинствомъ. Эта сухость должна быть только относительная и приточная, а отнюдь не безусловная. Если она превышаетъ некоторый предѣлъ, то пагубна для здоровья. Съ излишнимъ иссушеніемъ воздуха, металлическія печи причиняютъ, говорятъ, головную боль, страданіе глазъ и какое-то общее разстройство во всемъ составѣ, и это приписываютъ непомерному высасыванію влаги изъ человеческого тела и поглощенію ея окружающимъ воздухомъ**. Весьма вѣроятно, что водяные пары, находящіяся въ воздухѣ, прикасаясь къ раскаленной поверхности печей, разлагаются: ихъ кислородъ присоединяется къ металлу, а освободившійся водородъ, для дышанія смертоносный, расходится въ покояхъ, и отравляетъ воздухъ***.

Какъ бы то ни было, только для отвращенія этого неудобства, въ Италіи, въ Англіи и въ Швеціи, ставятъ на печахъ сосуды съ водою, чтобы она, испаряясь, смягчала воздухъ****. Я не знаю, до какой степени это средство удовлетворительно, но во всякомъ случаѣ, вмѣсто изысканія способовъ исправлять зло, гораздо лучше отклонить причину, его производящую.

IV. Четвертая причина — поврежденіе воздуха отъ живущихъ въ зданияхъ.

По опытамъ Лавоазіе, Сегена, Дева и другихъ, каждыя

* Bibliothèque Universelle des sciences, belles-lettres et arts, tome VI, page 178.

** On Warming and ventilating of the buildings. By Tredgold.

*** A treatise on Chemistry, by Donovan, p. 104. — Encyclopédie philosophique, vol. LXVIII, page 367.

**** Répertoire des arts, vol. VII, page 70.

человекъ поглощаетъ своимъ дыханіемъ въ сутки болѣе $3\frac{1}{2}$ кубическихъ метровъ кислорода, замѣняя его угольною кислотою*. Но какъ кислорода въ ста частяхъ атмосфернаго воздуха находится около 20 частей, и какъ по утратѣ около $\frac{1}{3}$ этого количества, то есть, когда кислорода остается только 14 частей, воздухъ дѣлается уже для дыханія негоднымъ, хоть онъ и способенъ еще поддерживать горніе тѣла**, то, допуская безвѣрность утраты $\frac{1}{3}$ кислорода, каждый человекъ портитъ дыханіемъ въ сутки воздуху около $12\frac{1}{2}$ кубическихъ метровъ. Замѣчено также, что воздухъ, остававшійся въ продолженіи времени въ соприкосновеніи съ тѣломъ человѣческимъ, обременяется угольною кислотою. Каждый человекъ въ одну минуту передаетъ воздуху обремененной животнымъ веществомъ воды, черезъ дыханіе 6 грановъ, а черезъ испарительную испарину 18, всего 24 грана. Каждая лампа и каждая свѣча, въ общей сложности портитъ, воздуха въ минуту $\frac{1}{4}$ кубическаго фута***.

Основываясь на этомъ, и принимая въ соображеніе притокъ вѣшняго воздуха черезъ отверстіе дверей и непрямые неплотности и скажины въ окнахъ, полагаются достаточнымъ перемѣнять, въ здачіи, искусственнымъ провѣтриваніемъ, по 18,88 кубическихъ метровъ воздуха на каждого человека въ сутки, то есть, около 30 кубическихъ футовъ въ часъ и около $\frac{1}{4}$ кубическаго фута въ минуту****. При сужденіи о качествѣ воздуха, надлежитъ быть крайне осторожнымъ, потому что опредѣленіе этого качества, несмотря на быстрые усилія Химіи, едва-ли можетъ быть сдѣлано съ точностью. Судя по одному обонянію, можно весьма ошибиться: иногда самое ароматическое благоуханіе бываетъ ядовито, а зловоніе благотвельно. Многія наблюденія доказали, что въ числѣ людей, занимающихся чистою отхожихъ мѣсть, обнаруживается, во время заразы и повѣтриванія, менше въ общемъ счетѣ смертности чѣмъ въ другихъ словилѣхъ. Съ достоверностью вѣдомо только то, что вѣншній, открытый, воздухъ здоровѣе комнатнаго. Следовательно

* *Traité de Chimie par Thénard, 4me édition, tome IV, page 542.*

** *Traité de la chaleur par Pécelet, tome II, page 353.*

*** *Traité pratique de Chimie par Gray, tome II, p. 34-35.*

**** *Traité de la chaleur, par Pécelet, tome II, page 356.*

но, чѣмъ болѣе входить въ щокон вывѣшняго, свѣжаго, воздуха, и чѣмъ надежнѣе изговляется старій, обременяемый дымомъ, тѣмъ здоровѣе будетъ для живущихъ. При такомъ возобновленіи воздуха два главнѣйшія условія должны быть выполнены: первое, чтобы возобновленіе не нарушало въ покояхъ приличной температуры; и второе, чтобы оно не производило сквознаго вѣтру.

Изложивъ это, надобно объяснить, какимъ образомъ эти условія выполняются пневматическими печами генерала Аммосова.

Изъ весьма небольшого (около десяти вершковъ въ квадратѣ) горнила, внутри котораго на колосникахъ горятъ дрова, пламя съ горячими газами поднимается сначала къ своду печи, или колпаку, отстоящему отъ колосниковъ около двухъ аршинъ; потомъ, истребивъ дымъ, встрѣчаемый на пути, и опустившись около аршина, вступаетъ въ кирпичный борозъ, по которому идетъ оно горизонтально, или съ небольшимъ повышеніемъ, четыре аршина. Послѣ того, пламя съ горячими газами раздвѣляется на двѣ вѣтви, и вырветъ внизъ, почти отвѣсно, не менѣе двухъ аршинъ; и тогда уже оно входить въ первые приемники чугунныхъ нагревательныхъ трубъ. По эгимъ трубамъ дымъ или, лучше сказать, горячіе газы, обтекаютъ въ разныхъ направленіяхъ не менѣе ста пятидесяти футовъ, теряя свою температуру всякое мгновеніе, по мѣрѣ пробѣгаемаго разстоянія. Наконецъ, достигнувъ до дымовой трубы въ стѣнѣ зданія, газы эти улетаютъ по ней охлажденные до такой температуры, какая необходима для того только, чтобы поднять угольную кислоту. Тогда теплота ихъ обыкновенно не превышаетъ 30 или 40 градусовъ Реомюра.

Очевидно, что пламя, по причинѣ дяннаго разстоянія, которое оно принуждено проходить въ кирпичномъ борозѣ, а потомъ по причинѣ крутаго и глубокаго спуска въ ослабленномъ состояніи отъ раздвѣла на двѣ вѣтви, но только не въ силахъ достигнуть до самыхъ первыхъ колѣвъ нагревательныхъ металлическихъ трубъ, но даже едва-ли доходитъ до половины кирпичнаго своего пути, ежели не исчезаетъ еще ранѣе. Следовательно, въ первые приемники трубъ вступаютъ, для дальнѣйшаго потока, одни только горячіе га-

зы без огня; газы, которые отнюдь не могут причинять даже признака раскала. Опыт доказалъ, что при самой сильной, долговременной и непрерывной топкѣ около восьми часовъ, температура первыхъ чугунныхъ приемниковъ не превосходила 189° Реомюра, то есть, была ниже первоначальнаго раскала еще на 79 градусовъ. Температура слѣдующихъ трубъ ослабѣвала по мѣрѣ пути, проходимаго газа, и тѣмъ ощутительнѣе, что чугунъ нечетъ лучистую теплоту свою быстрее почти всѣхъ прочихъ металловъ. Къ лучистой теплотѣ желѣза она содержится какъ 13, 73 : 7, 52°.

Въ «камерахъ», то есть, резервуарахъ каалориферовъ, или выстланныхъ нагрѣтаго воздуха, находятся, кромѣ дверей, троякія отверстія: одни сверху, въ которыхъ нагрѣтый воздухъ течетъ по каналамъ, для входа, черезъ душики, въ вокон; вторыя внизу, которыми поступаетъ въ резервуары ввѣшій свѣжій воздухъ; и третія внизу же, черезъ которыя прстывшій комнатный воздухъ возвращается въ резервуары для подогреванія.

При топкѣ, столь сильной и столь продолжительной для опыта, окакой здѣсь упомянуто, и при плотно запертыхъ всѣхъ отверстіяхъ и дверяхъ, воздухъ въ резервуарѣ, совершенно сѣрый и стоячій, имѣлъ у духовыхъ отверстій, въ самомъ верху, только 109 градусовъ Реомюра; съ открытіемъ оборотныхъ отверстій внизу резервуара, и душиковъ, температура, понижалась постепенно, останавливалась на 96°: въ это время шелъ въ покой воздухъ изъ душиковъ — въ первый этажъ въ 82 градуса, во второй этажъ 77°, въ третій этажъ 69°, а въ четвертый 64°. Но когда открывали появое отверстіе для свѣжаго воздуха, устроенное также внизу резервуара, — на улицъ было тогда 14° морозу, — то температура резервуара понижалась и останавливалась на 78 градусахъ, а душиками шелъ грѣтый воздухъ — въ первый этажъ въ 62 градуса; во второй 56°; въ третій 49½°, а къ четвертый 45°. По затворенія оборотныхъ отверстій, когда въ резервуаръ стремился съ быстротою одинъ ввѣшній холодный воздухъ, температура понижалась еще, но незначительно; потому что въ четвертомъ этажѣ была она при душ-

* Péclot, том. II, p. 379.

ниязь 42°, а въ прочихъ этажахъ нѣсколько выше по соразмѣрности. Ни при одномъ изъ всѣхъ этихъ опытовъ не замѣчено ни какого запаха. Отсюда слѣдуетъ, что въ резервуарахъ пневматическихъ caloriferовъ Г. Аммосова, по существу ихъ устройства, ни разложенія воздуха или воды, ни пригару органической пыли, быть не могло и не можетъ*.

До-сихъ-поръ мы говорили только объ устройствѣ этихъ caloriferовъ относительно къ обезпеченію отъ излишняго нагрѣва: рассмотримъ теперь его со стороны возобновленія воздуха повреждаемаго живущими.

Для выпуска нагрѣтаго вѣшняго воздуха, находится при caloriferахъ, въ каждой комнатѣ, душники, помѣщенные вверху стѣны, около четырехъ аршинъ отъ полу, а для вытягиванія стараго воздуха — вентиляторы близъ полу: отверстія этихъ вентиляторовъ усоразмѣрены съ душниками, сообразно со скоростью протекающаго черезъ нихъ воздуха.

Мы замѣтили прежде, что, для достаточнаго провѣтриванія покоень, нужно на каждого человѣка чистаго воздуха по $\frac{1}{2}$ кубическаго фута въ минуту. Теперь исчисляемъ, сколько его доставляется душниками Г. Аммосова. Для прѣчвѣра я возьму второй этажъ, и душникъ самаго меньшаго размѣра, то есть, такой, котораго отверстіе имѣетъ 35 квадратныхъ дюймовъ.

Какъ скорость теченія грѣтаго воздуха, имѣющаго 50° температуры, при высотѣ второго этажа, будетъ слишкомъ

* Что касается до стѣнъ, изъ какой они нагрѣваютъ комнаты, то довольно замѣтить, и опытъ доказалъ, что можно по произволу дать каждому покою такую теплоту, казая нужна жильцамъ, возвысить и умерить ее нѣсколько разъ въ день по усмотрѣнію, и владѣть ею съ удивительною легкостью. Въ комнатахъ всю зиму, какъ доказано тщательнымъ вслѣдованіемъ, воздухъ былъ самый благоуханнѣйшій. Прѣжня средства отопленія института, несмотря на хорошее устройство дуловыхъ печей, не могли никогда нагрѣть до хорошей температуры, особливо въ нижнемъ этажѣ, такъ, что, во время морозовъ, комнаты, занимемья штабомъ, художественнаго заведенія и столовыми, и въ казармѣ, гдѣ помѣщены нижіе военно-служители, были даже востерпимы холодами. Со времени введенія пневматическихъ caloriferовъ, въ этомъ этажѣ какъ и во всѣхъ прочихъ живущіе наслаждались самою отрадною теплотой.

два метра въ секунду, то черезъ отверстіе въ 35 квадратныхъ дюймовъ прійдетъ свѣжаго воздуха въ секунду 2,800 кубическихъ дюймовъ, а въ минуту 168,000 кубическихъ дюймовъ, то есть, 97 кубическихъ футовъ, — количество, достаточное на 194 человекъ, тогда, какъ по числу душниковъ, по-крайней-мѣрѣ въ институтъ Путей Сѣобщенія, едва-ли прійдется на каждый душникъ, въ общей сложности, по 10 человекъ жильцовъ. Исхожденіе стараго воздуха, по разности его температуры со вѣтшною, не имѣетъ такой же скорости, какъ вторженіе гвѣжаго воздуха; зато отверстія вентиляторовъ несравненно обширнѣе чѣмъ душниковъ. Возобновленіе воздуха, при calorifерахъ пневматическихъ, вообще строго основано на слѣдующей, подтвержденной многочисленными опытами, формулѣ*:

При каналахъ кирпичныхъ и глиняныхъ :

$$V = 9,12 \frac{\sqrt{hm(t-t')D}}{L+4D}$$

При каналахъ листового желѣза :

$$V = 14,43 \frac{\sqrt{hm(t-t')D}}{L+10D}$$

При каналахъ чугунныхъ :

$$V = 20,41 \frac{\sqrt{hm(t-t')D}}{L+20D}$$

Въ этихъ формулахъ h есть высота душника изъ-подъ свода резервуара; m растяжимость воздуха на каждый градусъ по термометру стоградусному; t температура духу; t' температура комнаты до затопленія печи; D діаметръ воздухопроводнаго канала; L длина канала по вѣтвямъ ея поворотамъ; множители 9.12, 14.43 и 20.41 происходятъ отъ умноженія дознанныхъ безчисленными опытами опыателей (при каналахъ кирпичныхъ 2.06, при желѣзныхъ 3.26, а при чугунныхъ 4.61) на 4.429 метровъ, то есть, на скорость тѣла при паденіи съ высоты одного метра въ секунду времени.

Сверхъ душниковъ для притока гвѣжаго чистаго воздуха, и вентиляторовъ для вытягиванія стараго, устроены, близъ полу, отверстія съ задвижками, для возвращенія въ резервуаръ комнатнаго простывшаго воздуха.

* Péclet, tome I, p. 252.

Т. XXIV. — Отд. IV.

Во время топки горнила, эти задвижки заперты, а душники и вентиляторы, въ покояхъ, и высшее отверстіе, въ резервуаръ, отворены, для полнаго и совершеннаго возобновленія воздуха. По возобновленіи, то есть, часа черезъ полтора или два, отверстія у душниковъ, вентиляторовъ и у вѣшняго канала въ резервуаръ, убавляются, смотря по надобности, а задвижки оборотныхъ каналовъ открываются настежь, чтобы комнатный, совершенно очищенный, воздухъ, вмѣсто ненужнаго ухода вонъ изъ зданія, обращался въ резервуаръ для подогреванія въ общей массѣ. Такимъ образомъ происходитъ всегдашнее круговращеніе воздуха, непрерывный притокъ части свѣжаго и непрерывное вытягиваніе соразмѣрной части стараго; и желаемое благообразіе поддерживается безъ помощи оконныхъ форточекъ, причиняющихъ только охлажденіе, сырость, сквозной вѣтеръ и зимою замерзаніе оконъ. Коль скоро, отъ стѣсненія людей, или отъ чего бы то ни было, благообразіе начинаетъ ослабѣвать, тотчасъ задвижки оборотныхъ каналовъ запираются, а ригидаторы отворяются, и вытягиваютъ воздухъ опять полною поверхностью*.

Не вѣшаетъ замѣтить, что до-сихъ-поръ при духвѣхъ исчахъ и всякаго рода калориферахъ, кромѣ Мейснеровыхъ, душники дѣлались въ нижнихъ частяхъ стѣвъ, а отдушники, для исхода стараго воздуха, въ верхнихъ: оттого, во-первыхъ, вмѣстѣ съ воздухомъ уходила и теплота, а во-вторыхъ, живущіе въ покояхъ всегда оставались въ сферѣ своей испаринны, и ея дышали. Помѣщеніемъ душниковъ вверху, а вытяжныхъ и оборотныхъ отверстій внизу, приобрѣтено то удобство, что старый воздухъ улетаетъ уже простынувши, и не уноситъ съ собою напрасно много теплоты, а испарина живущихъ, отъ притока и упругости теплаго воздуха, накопляющагося надъ ними, осаждается внизъ къ вентиляторамъ, и уходитъ ими безпрестанно.

Перейдемъ къ выгодамъ этого устройства относительно сбереженія дровъ и обезпеченія въ теплотѣ.

* При калориферахъ весьма легко могутъ быть устраиваемы каналы прохладительные, на случай излишней въ покояхъ теплоты отъ небрежнаго управленія душниками; но въ наступитъ не сдѣлаю этого, но венадобности.

По многимъ опытамъ оказывалось, что при исхожденіи дыму во время топки печей безъ оборотовъ, — каковы пекарни и Русскія вообще, — улетаетъ теплоты напрасно трубою 0.875, а при печахъ, устроенныхъ самымъ лучшимъ образомъ, около 0.325, то есть, около $\frac{1}{3}$.

Въ пневматическихъ калориферахъ Г. Аммосова, гдѣ газы уходятъ дымовою трубою по значительномъ охлажденіи, не пропадаетъ теплоты болѣе $\frac{1}{12}$; а сгараніемъ въ горнилахъ не только сажи, но и воды, вытягиваемой изъ дровъ предварительно и пролетающей парами черезъ самый фокусъ огня, доставляется топливу помощь весьма важная.

Въ институтѣ Путей Сообщенія, гдѣ каждый калориферъ, въ общей сложности, отопливаетъ болѣе 500 кубическихъ сажень вмѣстимости, вышло въ нынѣшнюю зиму однопольныхъ дровъ, на 7 полныхъ и 4 половинныхъ резервуаровъ, около 300 сажень; а по точному исчисленію, и по опыту прежнихъ лѣтъ, следовало бы, при обыкновенныхъ печахъ, употребить для нагрѣва той же вмѣстимости до степени температуры, равной съ пневматическими калориферами, 1910 сажень, то есть, почти въ шесть съ половиною разъ болѣе чѣмъ нынче вышло. Столь необычайному сбереженію топлива публика съ трудомъ могла бы повѣрить, ежели бы дѣйствительные опыты не утверждали его съ несомнѣнною достоверностью. Но ученые люди, которые вникнуть съ должнымъ вниманіемъ въ теорію устройства пневматическихъ печей Г. Аммосова, необычайный результатъ вѣготъ не покажется удивительнымъ, потому что такое сбереженіе топлива именно и должно быть непремѣннымъ слѣдствіемъ самого устройства калориферовъ. И подлинно, изъ опытовъ известно*, что каждый квадратный метръ чугунной поверхности, нагрѣваемой при топкѣ температурою дыму, доставляетъ, въ общей сложности, въ часъ времени, 3,280 единицъ теплоты: единицею теплоты называется то ея количество, которое получается отъ $\frac{1}{2800}$ части килограмма, то есть, отъ 0.094 злотника дерева. Следовательно каждый квадратный футъ доставляетъ 305 единицъ, а полный резервуаръ калорифера, вмѣщающій чугунной поверхности слишкомъ 410 квадратныхъ футовъ, можетъ дать въ часъ 125,050 единицъ.

* Réclét, tome I, p. 330.

Какъ единица теплоты нагреваетъ одинъ килограммъ воды на градусъ Цельсіева термометра, то 125,050 единицъ согревало бы на 1 градусъ 125,050 килограммовъ, а на $18\frac{1}{4}$ градусовъ Цельсія, то есть, на 15° Реомюра, 6,670 килограммовъ. Но какъ удѣльная теплота воздуха почти вчетверо менше удѣльной теплоты воды*, и какъ въ каждомъ кубическомъ метрѣ воздуха заключается вѣсу 1.3 килограмма, то выходитъ, что эта теплота можетъ согрѣть, от 0° до 15° Реомюра, въ часъ времени, 20,523 кубическихъ метровъ, или 2,113 кубическихъ сажени въ вместности, что и составляетъ, въ морозное время при 15° холоду, 1,056 сажени, а при 30° холоду, 704 кубическія сажени. Для узнавія, сколько часовъ, въ такое время, нужно топить, стоить лишь сдѣлать слѣдующее исчисленіе: согревая воздухъ отъ 0° до 15° теплоты, калоріееръ можетъ наполнить теплою, на 1 часъ, вместность 2,113 кубическихъ сажени, а на 22 часа, тою же топкою, 96 сажени. Слѣдовательно, ежели черезъ два первыя часа топка, — когда воздухъ въ покояхъ совершенно возобновится, — убавить въ резервуарѣ отвергіе холоднаго воздуха до $\frac{1}{4}$, а остальныя $\frac{3}{4}$ массы замѣнить комнатнымъ посредствомъ оборотныхъ каналовъ, то въ резервуарѣ будетъ входить для нагрѣва $\frac{1}{4}$ воздуха морознаго, являющаго 30° холоду, и $\frac{3}{4}$ воздуха, согрѣтаго до 10° тепла, — потому что температура воздуха въ комнатѣ у самого полу ниже быть не можетъ, — а общая масса будетъ въ 0° . И какъ, при этомъ условіи, одночасной топкой довольно на 22 часа времени для вместности 96 кубическихъ сажени, то, протопивъ 6 часовъ, можно сохранить теплоту въ 15° , на 22 часа времени, въ пространствѣ 576 кубическихъ сажени. Слѣдовательно, въ самыя снѣгѣйшія морозы, не нужно топить, болѣе 8 часовъ, изъ которыхъ 2 часа полагается на возобновленіе воздуха. Хотя, изъ приведенной здѣсь формулы, видно, что въ верхніе этажи духъ идетъ гораздо быстрее чѣмъ въ нижніе, однако жъ температура его въ нижнихъ этажахъ выше и отверстія душниковъ гораздо просторнѣе, и оттого теплота разливается повсюду равнойвѣрная.

Касательно совершенной безопасности отъ пожара, довольно будетъ упомянуть, что какъ огонь въ дымогарныхъ гор-

* Pouillet, *Eléments de Physique*, tome I, p. 398.

нилах пневматических калориферов Г. Аммосова находятся въ глубинѣ, огражденной отвсюду толстыми кирпичными стѣнами и сводами, и какъ въ дымовую трубу улетаютъ газы охлажденные до 40° и до 30 градусоѡ Реомюра, то источникъ не въ силахъ причинять топкою пожара, ни по неосторожности, ни даже изъ злаго намеренія. Для отвращенія всякой возможности чаду, или непріятнаго запаха, стоить лишь держать постоянно на замкѣ двери резервуара, чтобы туда ни источникъ, ни кто-либо, самовольно не входилъ; а еще лучше замазать ихъ по пазамъ глиною, потому что посѣщать резервуаръ, — и то лишь для осмотра исправности, — болѣе одного или двухъ разъ во весь годъ не нужно.

Устроенные въ институтѣ калориферы должны по мнѣнію моему быть отъивно прочны: они поставлены вообще на глубокихъ и надежныхъ фундаментахъ, ограждены и покрыты кирпичною одеждою въ цѣлый аршинъ толщиною; чугунныя нагревательныя трубы ихъ свинчены между собою желѣзными болтами съ гайками, и положены на толстыхъ желѣзныхъ перекладывахъ, которыхъ концы глубоко заделаны въ стѣпахъ; а вся та внутренняя поверхность, гдѣ только огонь можетъ коснуться, сложена изъ Англійскаго огнеупорнаго кирпича, употребляемаго въ чугуноплавильныхъ печахъ. Во всю прошлую зиму, до прекращенія топки, не оказалось въ нихъ ни малѣйшаго поврежденія, и не замѣчено даже, чтобы они требовали какого-нибудь усовершенствованія.

Теперь объ издержкахъ. Стоимость отопливанія печами, какого бы рода онѣ ни были, должна быть выражена суммою трехъ капиталовъ, изъ которыхъ первый есть цѣнность начального устройства; второй и третій капиталы будутъ тѣ, отъ которыхъ проценты равнялись бы суммѣ, нужнымъ ежегодно на содержаніе печей въ исправности и на дрова для отопливанія въ теченіе одной зимы. Сравненіе суммъ этихъ трехъ капиталовъ для каждаго рода отопливанія укажетъ на относительную степень выгодности печей въ томъ, что касается до издержекъ, во всякомъ изъ данныхъ случаевъ.

Исчислилъ капиталы эти для печей пневматическихъ, духовыхъ и голландскихъ: для первыхъ прииѣмъ въ соображеніе прихѣтъ устроенія ихъ въ институтѣ Путей Сообщенія.

Семь полныхъ, и четыре половинныхъ, всего девять печей пневматическихъ, устроенныхъ въ институтѣ, замѣняли собою существовавшія до того времени 34 духовыхъ печей, 12 голландскихъ и 6 желѣзныхъ, и сверхъ-того согреваютъ двѣ прежде холодныя лѣстницы, въ церкви и въ лазаретѣ, которыя нынче отапливаются двумя пневматическими полу-печами, замѣняющими не менѣе 5 духовыхъ. Считая каждую духовую печь за 6 голландскихъ, выходитъ, что пневматическія печи института замѣняютъ 41 духовую или 246 голландскихъ.

За устроеніе девяти пневматическихъ печей заплачено 62,500 рублей, съ тѣмъ, что строителю дозволено было употребить въ дѣло, за исключеніемъ коробовъ, матеріалъ, оставшійся отъ разломки печей духовыхъ и голландскихъ: полагая матеріалъ этотъ въ 3,500 рублей, цѣнность пневматическаго отапливанія составитъ 66,000 рублей.

Каждая духовая печь съ желѣзнымъ коробомъ стоитъ не менѣе 2000 рублей: следовательно на 41 такую печь понадобилась бы сумма 82,000 рублей.

Каждая голландская печь, какъ простая съ Дерптскими изразцами, въ некоторыхъ комнатахъ, такъ и съ фигурами и украшеніями изъ Русскихъ изразцовъ, въ парадныхъ покоехъ, обошлась бы, въ общей сложности, не менѣе какъ въ 200 рублей: поэтому цѣнность 246 такихъ печей составила бы 49,200 рублей.

Дровъ сухихъ березовыхъ нужно въ зиму, какъ это уже объяснено, для пневматическихъ до 300 сажень; для духовыхъ, и для голландскихъ, по 1910 сажень. Полагая цѣну дровамъ по 10 рублей за сажень, каждый годъ понадобится сумма, на этотъ предметъ, при пневматическихъ печахъ 3,000 рублей, при другихъ же печахъ 19,000 рублей, — что соответствуетъ капиталамъ, полагая по 5 процентовъ со ста, при пневматическомъ отапливаніи 60,000 рублей, а при отапливаніи другаго рода 382,000 рублей.

Теперь остается намъ исчислить третіе капиталы, отъ ко-

торыхъ проценты могли бы покрывать ежегодныя издержки на содержаніе печей въ исправности. Для голландскихъ печей нельзя положить, съ чисткою трубъ, менше какъ $7\frac{1}{2}$ процентовъ первоначальной цѣнности; для духовыхъ, по своимъ соображеніямъ, должно считать по-крайней-мѣрѣ 10 процентовъ; для пневматическихъ печей, по роду ихъ конструкціи и по свойству матеріаловъ, можно бы положить гораздо менше; но чтобы не оставить шеста ни малѣйшему сомнѣнію при сужденіи о выгодности этихъ печей, я положу, на содержаніе ихъ въ исправности, такъ же какъ я для голландскихъ, $7\frac{1}{2}$ процентовъ первоначальной цѣнности.

На этихъ основаніяхъ, искомыя капиталы, отъ которыхъ проценты покрывали бы ежегодныя издержки на содержаніе печей въ исправности, составятъ:

Для пневматическихъ печей..	30 + 66,000 + $\frac{7\frac{1}{2}}{100}$	или 99,000 рублей.
Для духовыхъ.....	30 + 82,000 + $\frac{10}{100}$	или 164,000
Для голландскихъ.....	30 + 49,300 + $\frac{7\frac{1}{2}}{100}$	или 73,800

Такимъ образомъ, стоимость отопляванія института Путь Сообщенія составитъ:

При пневматическихъ печахъ	66,000 + 60,000 + 99,000 = 225,000 руб.
При духовыхъ.....	82,000 + 382,000 + 164,000 = 628,000
При голландскихъ.....	49,300 + 382,000 + 73,800 = 505,000

Или, въ простѣйшемъ видѣ, 1; 2.79; 2.24.

Эта, уже весьма большая, разница въ стоимости можетъ сдѣлаться еще большею въ странахъ, гдѣ дрова дороже, какъ напримеръ въ Москвѣ и въ южной Россіи; потому что, полагая только по 15 рублей за сажень сухихъ березовыхъ дровъ, выведенныя стоимости обратились бы —

Для пневматическихъ печей, въ	255,000 рублей.
Для духовыхъ.....	810,000
Для голландскихъ.....	696,000

Или, въ простѣйшемъ видѣ, 1; 3.21; 2.73.

Вычисленія эти приводятъ меня къ рѣшительному заключенію, что, не говоря о другихъ преимуществахъ пневматическихъ печей передъ всеми прочими способами отопляванія, преимуществамъ, здѣсь доказанныхъ и изъясненныхъ въ опытѣ, печа Г. Амосова представляютъ и насчетъ издержекъ весьма значительныя выгоды.

Может-быть этия печакъ, какъ изобретенію новому, придадутся современемъ въ подробностяхъ многія усовершенствованія, которыхъ теперъ не предвидится, но въ отношеніи къ основной системѣ, и къ тѣсному согласію ея съ законами теоріи, онѣ, кажется, не подвержены ни какому замѣтному измѣненію. По-крайней-мѣрѣ, въ институтѣ Путей Сообщенія, гдѣ за ними былъ хорошій присмотръ, а гдѣ онѣ отапливають церковь, классы, казармы, художественныя заведенія, рекреационныя залы, столовыя, спальни, канцеляріи, стѣны, корридоры и *лазаретъ*, дѣйствиіе ихъ втеченіе прошлой зимы заслужило полную похвалу.

Оканчивая этотъ разборъ, при начертаніи котораго я старался не упустить изъ виду ни какихъ условій, которымъ должно удовлетворять отапливаніе зданій, и изъшивъ каждое слово моихъ сужденій, и подкрѣпляя объясненія теоретическими доводами и дознанными фактами, а не могу не изъявить желанія, чтобы начальства разныхъ публичныхъ заведеній и владельцы домовъ спѣшили пользоваться представляющимся случаемъ такъ значительно сократить издержки свои на отапливаніе зданій и жилищъ, вводя у себя пневматическія печи генерала Аммосова. Я знаю, что дѣло это, какъ всѣ дѣла большой важности, требуетъ, чтобы поступали въ немъ съ благоразумною осмотрительностью; но теорія и опытъ согласно доказываютъ неоспоримыя во всѣхъ отношеніяхъ преимущества такихъ печей, и следовательно для общаго принятія ихъ въ казенныхъ и частныхъ зданіяхъ не предстонтъ ни какого препятствія: стоить лишь устранить слѣпыя предразсудки, и, что еще хуже, возраженія, ни на чемъ неоснованныя, поверхностныя и ошибочныя. Во всякомъ приложеніи теоретическихъ началъ къ искусству, и особенно къ удовлетворенію народныхъ потребностей, на доводы надобно возражать доводами, на факты фактами: все прочее должно быть отринуто какъ недостойное вниманія. *Дестремъ.*

=

О НАУКѢ, ИСКУССТВѢ И ТРУДѢ МЕХАНИЧЕСКОМЪ

ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Мы говорили, — другіе говорили до насъ, — всѣ говорятъ «Наука сельскаго хозяйства». А между-тѣмъ едва-ли кто изъ читающихъ хорошо понимаетъ, что такое наши товарищи и мы сами хотимъ сказать этимъ выраженіемъ. Вопросъ — важнѣе, нежели какъ многіе подумаютъ. Право, мы поставили Русскихъ хозяевъ въ большое недоумѣніе «наукою» сельскаго хозяйства; мы перепутали всѣ ихъ понятія, и каждый день вовлекаемъ ихъ въ большее и большее заблужденіе о существѣ дѣла, не опредѣливъ сперва ясно и положительно то, какъ они должны понимать слово, которымъ мы ихъ подчиваемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что должно разумѣть подъ «наукою» сельскаго хозяйства? — Правила сельскаго хозяйства. — Гдѣ отыскивать ихъ? — Въ учебныхъ книгахъ и вообще въ сочиненіяхъ о сельскомъ хозяйствѣ. — Но тамъ обыкновенно описываются разныя отрасли сельской промышленности, производство, порядокъ, устройство хозяйствъ, опыты, ошибки, неудачи, усѣхи и улучшения, сдѣланныя въ этихъ отрасляхъ; показываются причины ошибокъ, неудачъ и успѣховъ; разбираются и сравниваются между собою дѣйствія; послѣдствія ихъ сличаются съ правилами другихъ наукъ, участвующихъ въ сельскомъ хозяйствѣ; и наконецъ изъ этого сличенія, разбора, сравненія дѣйствій и ихъ слѣдствій, или фактовъ, составляются положенія, то есть, выводы, соответствующіе большинству фактовъ, и эти выводы называются правилами науки. Такимъ образомъ очевидно, что правила науки сельскаго хозяйства берутъ свое начало не отъ умозрѣній, но отъ опытныхъ дѣйствій; что они основываются не на отвлеченныхъ понятіяхъ, независимыхъ отъ дѣйствій и дѣйствователей, подобно правиламъ чистой мате-

матики, но на событіяхъ положительныхъ, на образцахъ дѣла. Факты суть источники для правилъ науки сельскаго хозяйства: изъ нихъ они возникли, ими и подтверждаются.

Слѣдственно, наука сельскаго хозяйства есть собственно *опытная наука*. Въ ней, частные опыты переводятся въ общія положенія, или всѣхъ, которыя дѣляются свѣтлышками на пути промышленности, и служатъ истинами руководительницами въ дѣлѣ, пока не выходятъ изъ предметъ опыта и наблюдений, не вдаются въ утопіи, не впадаютъ въ мечтательность. Разборъ лучшихъ образцовъ дѣлопроизводства, подробное обзоріе предметовъ труда, соображенія того и другаго, сравненіе съ природой и съ цѣлю промышленности, повѣрка съ правилами другихъ наукъ, — ютъ предметы науки сельскаго хозяйства.

Цѣль этой науки составить и преподавать здравыя понятія о сельской промышленности; обогатить общество свѣдѣніями о дѣлѣ, вразумить действователей въ сущность предмета, вести умъ къ тому, чтобъ онъ могъ дѣйствовать быстро, вѣрно, не наугадъ, чтобы вы могли во всякомъ случаѣ и на всякомъ мѣстѣ безошибочно составлять правильныя соображенія и превосходныя образцы труда. Польза отъ такой науки сельскаго хозяйства будетъ та, что умы освободятся отъ предрасудковъ, мечтательность устранилась, заблужденія разсытятся, недоумѣнія будутъ разрѣшены указаніемъ на образцы превосходныхъ дѣйствій; дѣлопроизводство направится на пути прямыя, безъ стѣсненія впрочемъ свободы и пространства дѣйствій, неопытные остерегутся отъ ошибокъ и запутанности предложеніемъ въ каждомъ шагѣ общихъ, постоянныхъ правилъ, опирающихся на опытность, правила другихъ наукъ и здравый смыслъ человека.

Торжество науки сельскаго хозяйства, сказалъ одинъ глубокомысленный наблюдатель дѣла, состоитъ въ вѣрномъ очеркѣ событій, въ хорошемъ историческомъ взглядѣ на ходъ и развитіе промышленности; въ анализѣ примѣровъ и наблюденныхъ фактовъ, а не въ снѣтязисѣ и выводахъ à priori. Верхъ ея совершенства заключается въ правилахъ, согласныхъ съ фактами, и изображающихъ не позыю земледѣія, но подлинныя результаты подлинныхъ дѣйствій.

Боже сохрани, если правила науки сельского хозяйства не согласуются съ опытомъ и противорѣчатъ фактамъ! Въ какой бы тѣсной связи между собою они расположены ни были, какую бы увлекательную логическую последовательность въ себѣ ни заключали, какое правдоподобное ни образовали бы ученіе, такіа правила вѣчно останутся наставленіемъ ложнымъ и несбыточнымъ, теоріей мечтательной и бесполезной.

Опытная наука сельского хозяйства рѣзко отличается отъ наукъ умозрительныхъ и точныхъ. Умозрительныя науки почерпаютъ свои положенія изъ чистаго разума, и путь ихъ — синтетическій; они начинаются отъ предположенныхъ идей, а не отъ вещей. Наука точная, — прикладная математика, механика, динамика, и прочія, также не зависятъ отъ частныхъ дѣйствій и случайныхъ явленій: они опираются на неизмѣнныя законы физическаго міра, на постоянномъ порядкѣ и отношеніи этихъ законовъ одного къ другому. Наука сельского хозяйства, напротивъ, строго придерживается одного только опыта, и опыта измѣняющагося по мѣстности. Это надобно глубоко затвердить въ памяти.

Говоря о домоводствѣ, о старыхъ и новыхъ понятіяхъ, о сельскомъ хозяйствѣ, мы показали, въ какомъ отношеніи бывають здѣсь между собою человекъ и природа, въ какихъ отрасляхъ природа дѣйствуетъ самостоятельно, и гдѣ она покоряется человеку. Такъ наприимѣръ, въ земледѣліи и скотоводствѣ, первенствуетъ природа, но въ сельскихъ ремеслахъ главное дѣйствующее лицо — человекъ, а въ домоводствѣ онъ и вовсе не нуждается въ природѣ. Слѣдственно, весьма несправедливо нѣкоторые опредѣляютъ сельское хозяйство «только содѣйствіемъ со стороны человека производимой природѣ; только участіемъ его въ великой операциіи силъ естественныхъ». Человекъ — вождь силъ природы, но до известной степени. Онъ виновникъ своихъ богатствъ, основатель и двигатель всехъ промышленности, въ томъ числѣ и сельскаго хозяйства; но эту промышленность составляетъ обширная область труда умственнаго, нравственнаго и механическаго, въ которой природа часто бываетъ лицо постороннее.

Выслушаемъ поучительное разсужденіе знаменитаго нашего экономо-политика Шторха о природѣ и трудѣ человѣческомъ. «Природа съ своими силами, говоритъ онъ, иногда дѣйствуетъ отдѣльно, иногда съ помощію человѣка и по его указашію. Природа, предоставленная самой себѣ, вѣрѣю производитъ нецѣнности или вещи бесполезныя; повинувъ распорашеніямъ человѣка, рѣдко не производитъ она цѣнностей. Нельзя назвать безплодною страну невоздѣланною. Природа можетъ развить въ ней все свое могущество, однакожь не сдѣлаетъ ея богатою. Она можетъ доставить множество произведеній вещественныхъ, которыя при всемъ томъ не будутъ богатствами, то есть, произведеніями, полезными для человѣка. Страна, невоздѣланная или покинутая человѣкомъ, дичаетъ, Земля зарастаетъ дремучими лѣсами, луга покрываются вредными растеніями, воды дѣлаются стоячими и образуютъ непроходимыя болота, лѣса наполняются дикими звѣрями, которые оспариваютъ у человѣка послѣднюю скудную пищу и самую жизнь; воздухъ померкаетъ подъ тучами настькомыхъ ядовитыхъ и опустошительныхъ. Воздѣлавъ эту страну, человѣкъ, конечно, не прибавляетъ своими трудами ничего къ могуществу природы: онъ только даетъ ея силамъ полезное для себя направленіе, онъ только заставляетъ природу производить вмѣсто дикихъ и вредоносныхъ растеній, здоровыя и питательныя. Истребляя дикихъ звѣрей и расшлужая породы полезныхъ животныхъ, человѣкъ побуждаетъ природу посвятить свои производящія силы исключительно этимъ созданіямъ, не тратя могущества своего на размноженіе вредныхъ для него тварей. Такимъ только образомъ человѣкъ покоряетъ себѣ природу, дѣйствуетъ ея производящими силами по своей волѣ, и составляетъ свои богатства.»

Не менѣе ошибочно мнѣніе, поставляющее цѣлю промышленности сельскаго хозяйства деньги, или чистую прибыль, доходъ отъ размноженія, улучшенія и обработки полезныхъ въ обществѣ растеній и животныхъ. Тезисъ, къ знаменитомъ переводѣ Г. Маслова, опредѣляетъ сельское хозяйство такими словами, — словами, за которыя мы почтительнѣе просимъ извиненія у Русскихъ ушей: «сельское хозяйство есть промышленность, *импюшчал цѣлюю прію-*

брѣсть доходъ или получить деньги посредствомъ произведе-
денія (а иногда и дальнѣйшаго обработыванія) раститель-
ныхъ и животныхъ веществъ. Чѣмъ выше и постояннѣе
сей доходъ, тѣмъ лучше достигнута цѣль хозяйства. Сльд-
овательно самое совершенное сельское хозяйство есть то,
которое соразвѣрно съ имуществомъ (какимъ? — движимымъ
или недвижимымъ), силами и обстоятельствами онаго (иму-
щества? — силы и обстоятельства имущества!), достав-
ляетъ самый высшій и самый постоянный доходъ.» Далѣе
Русской переводъ уже не довольствуется прозой, впадаетъ
въ поэтическій восторгъ, и передаетъ Теэра потомству сти-
хами хоренчскими и ямбическими:

— о — о — о — о
«Сумма чистаго дохода
о — о — о — о — о — о
За исключеніемъ расхода

должна быть цѣлю сельскаго хозяина, даже и относительно
общей пользы.»

Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ Московскаго об-
щества сельскаго хозяйства, помѣщеннымъ въ предисловіи
къ этому изданію книги Теэра, что «съ дурнымъ переводомъ
дѣйствительно передаются Русскимъ сельскимъ хозяевамъ
ложныя повятія и о самой наукѣ.» Вѣрная передача мыслей,
но передача, соединяющая въ себѣ ясность и правильность
языка въ переводѣ, въкоторое изящество слога и точность
выраженій, составляетъ въ наше время необходимое условіе
достоинства всякаго сочиненія, особливо когда дѣло идетъ
о общепользующей наукѣ: тогда ея положеніи невольно врѣ-
зываются въ память читателя. И что останется въ памяти
отъ перевода столь безобразнаго, темнаго и неправильнаго?
Но оставимъ переводъ, и возвратимся къ идеямъ самого
Теэра.

Скажите, на милость, безпристрастные и благомыслящіе
сельскіе хозяева, у которыхъ была въ рукахъ земля и плугъ,
не къ той ли самой цѣли, которую указываютъ Теэръ и его
последователи, для сельскаго хозяйства стремятся всякой
торгашь сельскими произведеніями, всякой пахарь неужда
съ своимъ предразсудками, всякой корыстолюбивый и же-
стокосердый управитель вотчины? Боже милосердый, съ

чего они не берутъ денегъ и какими средствами ни добываются доходы? У нихъ есть «самые высшіе» и «самые постоянные» доходы, хоть кругомъ ихъ стонъ, нищета и разореніе. Но достигаютъ ли эти люди хоть сколько-нибудь первенствующей цѣли сельскаго хозяйства, — составленія народнаго богатства, прочности и процвѣтанія этой промышленности?

Главная цѣль промышленности сельскаго хозяйства — утвердиться въ государствѣ на основаніи незыблемыхъ, раскрыть и разработать источники вездѣхаемые превосходныхъ сельскихъ произведеній, умѣть распределять и сосредоточивать ихъ такъ, чтобы они составляли прочныя, постоянныя богатства и неразрушимыя капиталы народныя; чтобы земледѣліе, животноводство, сельскія ремесла и домоводство, своимъ совершенствомъ, и слѣдственно своими превосходными произведеніями, заслуживали справедливой похвалы и удивленія, и, удовлетворяя всѣмъ нуждамъ образованнаго государства, постоянно привлекали къ себѣ значительныхъ покупателей. Такова промышленность и таковыя произведенія сельскаго хозяйства въ Голландіи, Швейцаріи и Англіи: они составляютъ тамъ основу ежегоднаго изобилія и постепеннаго обогащенія народнаго. Это истинная «главная» цѣль сельской промышленности.

Виды сельскаго хозяйства не должны касаться однихъ барышей и доходовъ, которые всегда будутъ необходимыми послѣдствіемъ или наградою трудовъ просвѣщенныхъ усовершенствованій, искусства въ дѣлопроизводствахъ и работъ механической. Настоящая сельская промышленность никогда не унизится до своекорыстныхъ цѣлей тѣхъ промысловъ, у которыхъ въ предметъ только одинъ личный выгоды, одна барыши, одно пріобрѣтеніе денегъ всякими, дозволенными и неподволенными, средствами. И только такая благородная промышленность можетъ быть истинною подпорою государственнаго зданія и отразиться въ немъ счастьемъ и довольствомъ огромной части народонаселенія, богатствомъ и красотою сель и деревень, изяществомъ сельскихъ строеній, искусствомъ въ дѣлопроизводствахъ, прочностью, прелестью и превосходствомъ произведеній хозяйства.

Самые высокіе барыши землевладельцевъ, и даже хорошіи сбытъ сельскихъ произведеній, иногда бываюгъ противоположны общей пользѣ и могутъ подрывать въ основаніяхъ общественное благосостояніе. Какъ! вы называете наукою—средства распространять пьянство, умножать лѣнь и пороки? Однако жъ винокурение, одинъ изъ источниковъ самыхъ высокихъ доходовъ помѣстій, одинъ изъ выгоднѣйшихъ способовъ сбыта зерна, не ведетъ повидному къ иному результату! Наука сельскаго хозяйства, если она хочетъ быть наукою, должна доставлять знаніи не только о производящихъ силахъ природы, и о самыхъ ея произведеніяхъ, но еще обо всѣхъ капиталахъ сельскаго хозяйства, о средствахъ дѣйствовать этими капиталами, составлять, распределять, поддерживать и блюсти ихъ какъ богатства народныя. Наука эта тогда только будетъ достойна своего имени, когда она признаетъ себя законною и первородною дочерью великой науки общаго народнаго хозяйства, или политической экономіи. Между-тѣмъ не должны ли думать Русскіе помѣщики, что они уже «ученые» сельскіе хозяева, когда съ грѣхомъ пополамъ, и не глядя на будущее благо отечества, успѣваюгъ удвоить и утроить свои доходы, на основаніи Московскаго ученія, которое, безусловно соглашаясь съ мнѣніемъ Теэра, при всякомъ случаѣ повторяетъ, разумеется, въ своихъ блестящихъ выраженіяхъ, что «совершеннѣйшимъ было бы сельское хозяйство тогда, когда бы чистый выигрышъ доведенъ былъ до возможно высшей степени, что эта высшая степень постоянного чистаго выигрыша есть *идеаль* сельскаго хозяйства? что улучшить или усовершенствовать сельское хозяйство не другое что значить, какъ изъ размноженія полезныхъ въ обществѣ растений и животныхъ извлекать *наибольшія* выгоды?» Но о пагубныхъ слѣдствіяхъ подобныхъ правилъ мы уже довольно говорили въ другомъ мѣстѣ. Замѣтимъ здѣсь еще разительное противорѣчіе, которое даже двѣкаетъ ихъ несбыточными въ приложеніи: какъ согласить *возможно высшій* выигрышъ или доходъ отъ земли, съ *постоянствомъ* такого выигрыша? Всякая возможно высшая степень, какого бы то ни было предмета, есть точка крайняго напряженія его, явленіе продолжающееся нѣсколько времени, за которымъ тотчасъ слѣдуетъ истощеніе и упадокъ.

Слѣдственно, чтобы получить постоянство какого-нибудь дѣйствія, необходимо нужно держаться извѣстной середины и оглядываться на все. Вообще, несообразность подобнаго опредѣленія науки сельскаго хозяйства такъ осязательна для здраваго смысла, что мы не считаемъ нужнымъ подкрѣплять нашего опроверженія другими доводами, которые были изложены въ этомъ журналѣ. Разсмотримъ другое важное положеніе, введенное въ науку Тезеромъ и повторяющееся во всѣхъ сочиненіяхъ, во всѣхъ письменныхъ и изустныхъ вставленіяхъ о сельскомъ хозяйствѣ.

Но Тезеру, «наука сельскаго хозяйства не опредѣляется ни одного положительнаго правила. Она раскрываетъ начала, по коимъ изыскиваетъ возможно лучшія производства для каждаго встрѣчающагося случая (производства случая!), научая съ точностію различать *онѣ* (производства или начала?). Искусство исполняетъ данный и принятый законъ, наука даетъ законы.» Изъ этого краснорѣчиваго описанія мы узнаемъ, что наука сельскаго хозяйства есть особаго какого-то рода законодательница, которая «предписываетъ законы» и «не опредѣляетъ ни одного положительнаго правила!» Стало-быть она предписываетъ законы наугадъ, по вдохновенію, пророчествуетъ, вычерпываетъ свои наставленія въ мирѣ поэзіи? Но тогда она будетъ чистое дитя фантазіи. Или извлекаетъ она свои идеи изъ глубины умозрѣній, и добивается до квинтэссенціи промышленности, до стихій производствъ? Въ такомъ случаѣ она достояніе — трансцендентальнаго идеализма. А между-тѣмъ, она просто — наука опытная! Факты и образцы домоводства, земледѣлія, ремесленности, скотоводства, одни составляютъ ея основаніе; отъ нихъ она родилась, и они безпрестанно содѣйствуютъ къ ея усовершенствованію и успѣхамъ! Въ этомъ сознается и самъ Тезеръ въ четырнадцатомъ параграфѣ своего «Рациональнаго сельскаго хозяйства», гдѣ онъ говоритъ положительно: «Наука сельскаго хозяйства основывается на *опытности* (не на *опытѣ* ли?), и отъ ней можно требовать только того, что (положимъ — чего) требуется отъ науки опытной. Первые начала ОНОЙ рождаются эмпирически, или *посредствомъ* чувственныхъ понятій!» Какое противорѣчіе съ седьмымъ и восьмымъ параграфами! Отчего это? Отчего Тезеръ, отецъ

опытной науки сельского хозяйства, заслужившей всеобщее уваженіе за практическую часть своей книги, сбивается на двухъ страницахъ съ толку, — сперва, какъ отъ сатаны, отрывается отъ эмпиризма, впадаетъ въ метафизику, а потомъ нѣжно ласкаетъ свою любимицу, опытную науку сельского хозяйства? Оттого, что Тезеръ — грѣшный ученый Нѣмецъ, который попалъ въ земледѣльцы. Взавшись за перо, не можетъ, не унизить себя въ глазахъ своихъ ученыхъ собратій, говорить о дѣлѣ и бездѣлѣ безъ умозрѣній, не поумничавъ, не идеализировавъ, не подышавъ въ свое сочиненіе кое-чего темнаго, кудреватаго, испонягно-трансцендентальнаго, безъ котораго Германскій писатель то же, что офицеръ безъ шапки.

Не станемъ же слушаться чужихъ толковъ, безусловно перенимать чужихъ мнѣній и раболѣпствовать имъ передъ чьею знаменитостію. Станемъ жить своимъ умомъ, и составимъ себѣ ясныя понятія о дѣлѣ, свои, природныя, сходныя съ положеніемъ Русскаго народа, приравленные къ нашему небу, быту и обстоятельствамъ. Отдавая должную справедливость заслугамъ Тезера, признавая его превосходнымъ писателемъ объ опытномъ сельскомъ хозяйствѣ, никакъ нельзя пріиимать въ руководство теоретической части его сочиненія. Мы смѣло назовемъ его понятія о рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ и объ основаніяхъ наукъ чистыми несообразностями, умозрѣніями несходными ни съ опытомъ, ни съ здравымъ смысломъ. Понятія эти могли имѣть вѣкогда предѣсть новости, невольною данію пера Тезера своему вкусу, уступкою общему мнѣнію; но теперь она обѣщала, и эта часть его ученія требуетъ не обновки щегольскими риторическими фразами, какъ это дѣлаетъ Московская трансцендентальная агрономія, но полнаго преобразованія положеній и перерожденія всей теоріи сельского хозяйства, согласно съ настоящимъ развитіемъ этой промышленности.

И неумѣсто и вредно увлекаться въ односторонность, повинувшись старозавѣтному правилу подымать науку, о которой берется писать, на схоластическія ходули, превозносить ее выше самыхъ небесъ, ставить въ чельъ всехъ прочихъ наукъ, доказывать ея важность и пользу тѣмъ, что когда-то писали о сельскомъ хозяйствѣ первостепенные поэты Греція и Рима,

что землю пахали Римскіе диктаторы, или что теперь еще *въ оный день* пашеть своими руками Китайскій Богдыханъ. Спрашивается, привнесъ ли хоть на волосъ пользы промышленности и наукъ сельскаго хозяйства, прояснилъ-ли ея правила, несправедливые хвалебные возгласы Теэра и Московскій агрономъ, будто одно только ученіе земледѣлію (то есть, сельскому хозяйству), какъ наукъ, можетъ быть общепользно; одно оно можетъ обвинять все хозяйство въ совокупности и руководствовать къ достиженію совершенства *въ ономъ* при всѣхъ обстоятельствахъ; *одна только наука можетъ дать на всякой случай особыя правила.* Одно только ученіе сельскому хозяйству, какъ наукъ общепользно! Бросьте въ море астрономическіе инструменты, морзавъ; сожгите свои книги, механики и инженеры; изломайте реторты свои, лифчики! Вы занимаетесь дѣломъ необщепользнымъ! Учитесь всею одною только наукъ сельскаго хозяйства по книгѣ Теэра и книжонкамъ Московскаго умозрительнаго «земледѣлія», которая, по нѣз же словамъ, не опредѣляетъ ни одного положительнаго правила, а можетъ дать на каждый частный случай особыя правила. Прошу толковать съ таковыми наставниками! Да развѣ наука сельскаго хозяйства сама дѣйствуетъ на поляхъ и дугахъ? Въдѣ ея общія правила или идеи не пахутъ землю, не убираютъ снокосовъ, не ходятъ за скотомъ, не образуютъ фактовъ. Она даютъ только лсныя понятія о дѣлѣ и руководствуютъ въ дѣлопроизводствѣ, которое совершается механическимъ трудомъ при помощи искусства и опытности, при свѣтѣ науки, при содѣйствіи дѣятельности производителя. Тутъ необходимы еще кое-какія душевныя качества, необходимы и дарованія, которыя оборачиваютъ колесо промышленности, и направляютъ идеи, или общія правила науки, къ мѣсту, небу и быту сельскому, обстоятельства, которыя наука ни описать, ни предвидѣть всѣхъ не можетъ по нѣз многочисленности и разнообразію. Связь всего этого, и взаимное вліаніе, разумительны и неуловимы. Въ важныхъ и непрерывныхъ трудахъ, гдѣ весьма часто приходится дѣйствовать быстро, рѣшительно, въ хозяйствѣ необходимъ также отличный умъ, котораго наука сельскаго хозяйства, и самое тщательное ея изученіе, и дать не въ состояніи, если даже предположимъ,

что опытность заимаетъ иногда дарованіе, а почерпнутыя изъ книгъ правила образуютъ родъ опытности на первый случай. Только при соединеніи, при взаимномъ дружномъ содѣйствіи этихъ силъ вещественныхъ и невещественныхъ, составляются въ промышленности превосходныя произведенія и превосходныя образцы дѣлопроизводства. Но не такъ понимаютъ науку, искусство и механическій трудъ Теэръ и его послѣдователи. Онъ и его покорная слуга, Московская агрономія, различаютъ, или, лучше сказать, разъединяютъ науку сельскаго хозяйства съ искусствомъ, идею съ дѣломъ, дѣло съ трудомъ окончательнымъ, или работою. Онъ и его слуга говорятъ: «Ученіе земледѣлію (сельскому хозяйству) можетъ быть трехъ родовъ, то есть, СЕЙ промышленности можно *учить* и *учиться*, 1) какъ ремеслу, посредствомъ ручной работы; 2) какъ искусству и 3) какъ наукѣ.» Это что такое? Учиться и учить промышленности какъ ремеслу и какъ искусству! Да это просто — безмыслица. Гдѣ черта раздѣла между ремесломъ и искусствомъ? И развѣ одно можетъ существовать безъ другаго? А ученіе промышленности «какъ наукѣ», воля ваша, въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ все зависитъ отъ опыта и наблюденія, не представляетъ ничего «общепользнаго»: это значитъ — учиться только для того, чтобы знать, а не чтобы употреблять свои познанія въ дѣло, потому что для дѣла нужны тутъ же искусство и, если угодно, ремесло, то есть, трудъ механическій.

Можно бы простить Теэру, отцу опытной науки сельскаго хозяйства, этотъ небольшой грѣшочекъ, и сама наука не слишкомъ роптала бы на него за эти странныя опредѣленія, если бѣ не обнаруживалось послѣ того ложныхъ, и даже превратныхъ, понятій о существѣ самой промышленности. Но Теэръ и его слуга вотъ что понимаютъ подъ этииъ раздѣленіемъ вещей существенно нераздѣльныхъ: «Ученіе земледѣлію (сельскому хозяйству), говоритъ Теэръ, посредствомъ собственно такъ называемой работы, или механическое, ограничивается подражательнымъ навыкомъ въ приѣмахъ работъ, въ *глазопрѣ* и *наблюденіи времени*». Не понятно! Московская агрономія поясняетъ: «Ученіе сельскому хозяйству, какъ ремеслу, состоитъ въ наглядной привычкѣ, какъ и когда производить сельскія работы (свѣдственно, это — не

ученіе!). Оно есть переничивость *безъ разсужденія* (ученіе безъ разсужденія!), подражаніе, безъ разбора образца, робость поступать далѣе предшествениковъ безъ основанія (ученіе есть *робость!* Подумайте!), посильный трудъ безъ соответственнаго вознагражденія.... Удѣлъ такихъ занятій неподвижность. » Вотъ по-крайней-мѣрѣ объясненіе! Это ужъ такъ светло, что въ глазахъ рабятъ. Можно учить и учиться сельскому хозяйству безъ разсужденія и безъ разбора образцовъ, то есть, — первый способъ ученія — *учиться и ничему не выучиться; учить и ничему не выучить.*

Послушаемъ теперь, что говоритъ Теэръ объ искусствѣ: «*Искусство состоитъ въ присвоеніи себѣ чуждыхъ понятій, въ изученіи правилъ и въ навыкѣ приводить оныя въ исполненіе.*» Воровство, а не искусство, состоитъ «*въ присвоеніи себѣ чужаго*», чего бы то ни было, денегъ или понятій, все равно. Но этихъ вещей понимать не возможно безъ Московскихъ комментаріевъ; вотъ они: «*Ученіе сельскому хозяйству, какъ искусству (нѣтъ, скажите лучше какъ наукѣ, какъ теоріи), состоитъ въ заимствованіи (слава Богу!.... Занимать — въ самомъ дѣлѣ искусство, но «присвоивать себѣ чужое» — не составляетъ даже изрядочнаго ремесла) въ заимствованіи чужихъ предумокъ и введеніи ихъ у себя. Способъ легкій, но также недостаточный. (Слѣдственно, искусство и способъ легкій и недостаточный значать одно и то же? Какихъ на свѣтѣ нѣтъ искусствъ?) Искусство (поставляя, вмѣсто искусство, правила науки: кажется это будетъ вѣрнѣе), искусство въ одномъ мѣстѣ часто не годится въ другомъ.... По первому способу (механическому) сельское хозяйство не двигается впередъ, но по-крайней-мѣрѣ не портится старое (подражаніе *безъ разбора образцовъ* и переничивость *безъ разсужденія* не портятъ стараго!). По второму способу ученія, какъ искусство, и *сие послѣднее* не всегда безопасно.... (Хорошо искусство!) Искуснѣйшіе (развѣ ученнѣйшіе) сельскіе хозяева въ одномъ мѣстѣ, перешедъ въ другое, испытываютъ иногда одніи неудачи за другими. Известныя (вытверженныя) правила, найденныя полевыми, оказываются неумѣстными на другомъ полѣ. (А что жъ дѣлаетъ искусство! Развѣ не его обязанность приравновать правила къ полѣ или полѣ къ правиламъ?) Неудачи въ попыткахъ улучшенія (сдѣла-*

ныя по теоріи), кромѣ вещественнаго ущерба, влекутъ за собою еще нравственный вредъ: *видящіе ихъ со стороны утверждаются въ предразсудкѣ: стараго держаться лучше.*» Не забудьте, что все эти несчастія навлекаетъ на насъ искусство. Не будьте только искусны, и все пойдетъ хорошо!..... Глазамъ своимъ не вѣришь, когда читаешь такія несообразности. Но что толковать напрасно! Не потанимъ грѣха, все эти промахи творить въ сельскомъ хозяйствѣ, и во всехъ промышленности, теоріи, возлюбленная дочь науки, не повтренивой опытомъ, не подкрѣпленной дѣйствительными фактами. Частехонько надъ ученѣйшими, а не надъ искусствѣйшими, сельскими хозяевами тихомолкомъ подсмиваетъ опытная смѣшленность земледѣльцевъ. Скажите, что же будетъ искусство, если «не разумнѣе дѣла во всехъ подробностяхъ и отношеніяхъ и обработка дѣла по указанію этого разумнѣя?» Московское ученіе отнесло это къ наукѣ! Кто такимъ образомъ запутываетъ все основныя понятія о предметѣ, тотъ едва-ли знаетъ самъ, что говорить. Во всемъ этомъ новомъ опредѣленіи искусства и науки мы видящъ только удивительное искусство слога Московскихъ агрономовъ: прочитавши оба періода, одинъ «объ ученіи сельскому хозяйству какъ искусству, и другой объ ученіи сельскому хозяйству какъ наукѣ», вы можете безъ болѣзни перекинуть слова, поставить вмѣсто наука искусство и наоборотъ, и смыслъ не только не исчезнетъ, но прояснится. Такъ-то, справедливо, что даръ слова данъ человеку для того, чтобы онъ ловко скрывалъ посредствомъ его свои мысли!

Между-тѣмъ какъ мы порицаемъ все эти сбивчивыя, ложныя понятія о томъ что должно почитать «наукою сельскаго хозяйства», — прочь отъ насъ всякая мысль не отдавать справедливости Московской агрономіи въ настоящихъ ея заслугахъ. Она учила плохо, но учила чему-нибудь; пятнадцать лѣтъ тверда «неослабно» о необходимости науки для сельскаго хозяйства, она убѣдила въ этомъ даже тѣхъ, которые не понимали, я до-сихъ-поръ не понимаютъ что такое она говорила; въ переводахъ и сочиненіяхъ ея о сельскомъ хозяйствѣ не было искры систематическихъ знаній, не было даже яснаго слога, но она отважно и доблестно боролась съ закоренными предразсудками, съ бездарностью, съ без-

смысломъ, которое отвергало всякое ученіе въ дѣлѣ, требующее столько разнородныхъ познаній; она поражала наголову эти предрассудки своимъ чугуннымъ силлогизмомъ, разбивала въ прахъ невѣжество высокопарными и туманными фразами, — лучшее орудіе противъ невѣжества, — мерила грубый навыкъ съ образованнымъ наблюденіемъ и правилами науки, изобрѣтала слова, устанавливала номенклатуру, по своимъ научнымъ понятіямъ о различіи между наукою и искусствомъ. Все это сдѣлано Московскою трансцендентальною агрономіею съ благородною цѣлью и съ живѣйшимъ желаніемъ усовершенствовать народное сельское хозяйство. Для науки и литературы Русскаго сельскаго хозяйства и это уже было много въ дни мрака мыслей и безотчетности дѣйствій. Но этотъ періодъ кончился. Наступило другое время, вызвали и другія требованія. Свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ достаточно уже распространились между главными и образованнѣйшими землевладѣльцами. Помѣщики теперь не смотрятъ о пользѣ науки. Они ревностно изучаютъ правила сельскаго хозяйства и чувствуютъ потребность осуществить знанія дѣломъ. Они съ жадностью ищутъ прихвостровъ ученаго сельскаго хозяйства, замѣчательныхъ по своему искусству и соображеніямъ.

Учебныхъ книгъ о сельскомъ хозяйствѣ, Русскаго сочиненія и переводныхъ, имѣемъ мы вдоволь; правила почерпать легко; дѣло стало за прихвостраи, за принаровленіемъ правилъ къ мѣстности, небу и труду народному. До-сихъ-поръ это остается еще задачею, которую старались разрѣшить два три удачныхъ опыта, не болѣе. Но что значать даже двѣсти и триста опытовъ самыхъ убѣдительныхъ, для обширной имперіи, столько разнообразной въ отношеніи къ мѣстности, правамъ и обычаямъ жителей? Въ настоящее время всего важнѣе образцы земледѣльческихъ дѣйствій.

Къ сожалѣнію, Московская агрономія, столь ученая, во всемъ не искусная, — она, въ видѣли, презираетъ искусство, какъ способъ «легкій и недостаточный», по леисповѣданнымъ судьбамъ, не умѣла приобрѣсть себѣ постоянной земледѣльческой собственности и дѣйствовать на ней по-Русски. Она запылала сооруженіемъ и устройствомъ фантастическаго зданія небывалаго и невозможнаго въ Русскомъ го-

зайствъ; коротко сказать, проявленіемъ безконечнаго земледѣльческаго субъекта въ конечномъ объектѣ, на Бутыркахъ. Записавшись въ цехъ доктринеровъ сельскаго хозяйства, она вооружилась противъ опытныхъ дѣйствій, и провозгласила въ Московскихъ Ведомостяхъ 1836 года, номеръ шестьдесятъ-первый, что «наука есть могущественнѣйшее, вѣрнѣйшее, первостепенное средство къ усовершенствованію сельскаго хозяйства; что современное ученіе далеко отъ подражанія образцовымъ хозяйствамъ; что предлагать образцы, какъ средства для усовершенствованія хозяйства, то же, что предлагать универсальное лекарство: это не въ духъ нашего времени (?!)».

Дражайшая, много любимая и уважаемая нами Московская агрономія! осмѣливаюсь доложить вашей «абсолютной» милости, что пока вы не покажете «образца» своего знанія, пока не представите намъ блестящаго опыта на вспаханной землѣ, что хлѣбъ превосходно растетъ отъ одной науки безъ помощи искусства и механическаго труда, или, какъ вы называете, «ремесла», до-тѣхъ-поръ мы не повѣримъ въ «общеплезность» вашихъ наставленій. Увы, искусство и механической трудъ несравненно труднѣе преподаванія науки: гораздо мудрѣе устроить образцовую усадьбу нежели *конструировать* теоріи науки идеально реальнымъ образомъ на бумагѣ. Мысль парить свободно надъ горами, лѣсами, болотами; перо безусловно повинуется мысли, и творитъ чудеса изъ капли чернилъ. Но прихотливые плугъ и соха нейдутъ въ землю каменную и необработанную; заглохшее, наполненное сорными травами, поле, безъ навозу, не уродитъ поставнаго хлѣба; болото неосушенное не произведетъ травы, несмотря на все негодованіе науки противъ болотъ, несмотря на самыя ученныя наставленія какъ пахать землю, сѣять и жать хлѣбъ. Для этого необходимы опытный механической трудъ и искусство.

Наука озаряетъ умъ свѣдѣніями, наполняетъ его ясными понятіями, благовременно знакомитъ хозяина съ предстоящими занятіями; приучаетъ рассуждать, обдумывать вещи, соображать правила съ ихъ вѣроятными слѣдствіями. Успѣшно применять все это къ данной мѣстности и даннымъ обстоятельствамъ есть дѣло искусства, — высокаго искусства! Ис-

полнить привнесенія искусства есть обязанность «ремесла», или труда механическаго. Одна наука, один отвлеченный правяла, не сдѣлають ничего путнаго безъ искусства и ремесла. Воздайте искусству должное уваженіе: оно даже важнѣе науки. Оно-то и дѣйствуетъ въ сельскомъ хозяйствѣ, оно всемъ распоряжаетъ, оно составляетъ шестой смыслъ хозяйства, часто опереживаетъ науку, даже иногда отстраняетъ ее и даритъ новыми истинами, результатомъ дарованія и труда опытнаго. Не забудемъ поклониться и ремеслу, ия труду механическому, то есть, силамъ животнымъ и силамъ неодушевленнымъ орудій и машинъ: онѣ производятъ или сами составляютъ тѣ постоянные капиталы и превосходныя произведенія сельскаго хозяйства, которыя удовлетворяютъ нуждамъ жизни, образуютъ народныя богатства, и которыхъ коснуться и разрушить нельзя безнаказанно безъ причиненія разстройства всей промышленности и вреда государственнаго.

Ученый, искусный, опытный сельскій хозяинъ и трудолюбивый работникъ — братья и неразлучные участники въ промышленности. Они должны не спорить о первенствѣ, враждовать между собою, унижать одинъ другаго, но производить дѣло общими силами, съ уваженіемъ и снисходительнымъ вниманіемъ другъ къ другу, и что всего важнѣе, помнить, что цѣль науки сельскаго хозяйства и верхъ совершенства земледѣльческой промышленности не — полученіе «возможно высшихъ доходовъ», а составленіе обоюднаго довольства хозяина и работника, сохраненіе и улучшеніе недвижимыхъ капиталовъ и достиженіе до дохода сообразнаго съ личною выгодною, нравственностью съ и истинною пользою государства. *Д. Шелеховъ.*

==

V.

КРИТИКА.

РУССКІЕ КЛАССИКИ. Сочиненія князя Дмитріюха Дмитріевича Кавтасира. Санктпетербургъ, 1836, съ портретомъ.

Что здоровье для книги, — то ли, когда, при ея появленіи, критики отдадутъ ей честь и почетъ, какъ проезжающему мимо караула генералу, сказавъ, что они «радуются» (технической терминъ газетныхъ критиковъ) ея появленію, что «сія книга хороша и полезна», что они ей «предвѣщаютъ успѣхъ», и прочая, и потомъ замолчать, или то, когда отдавши ей учтивый привѣтъ, прибавятъ, что имъ чего-то «очень жаль» (второй технической терминъ), что они «весьма сожальютъ», и прочая? Мы не скажемъ ничего новаго читающей публики, замѣтивъ, что слова «радуемся» и «сожальдемъ» составляютъ у насъ два великіе столба известнаго рода критики. Творцы такъ называемыхъ «разборовъ» пробавляются исключительно ими: они то и дѣло попеременно «радуются» или «сожальютъ»; и нѣтъ такого литературнаго или ученаго вопроса, котораго бы они, къ обоюдному удовольствію, своему и публики конфетныхъ лавокъ, не рѣшили кореннымъ образомъ при помощи двухъ столбовыхъ фразъ своихъ — «очень рады» и «очень жаль». И должно признаться, что это, несмотря на свою пошлость, два весьма хорошія средства выпутаться изъ всякаго критическаго затрудне-

нія. Какъ мы ихъ ни пренебрегаемъ, а чувствуемъ, что, въ настоящемъ случаѣ, они очень бы намъ пригодились. Затрудненіе состоитъ только въ томъ, на которую изъ двухъ критически-пошлыхъ фразъ преимущественно опереться: избрать факеломъ своимъ слова «очень рады» или слова «очень жаль»?..... Счастливы, трикратно счастливы тѣ, которые умѣютъ ловко владѣть этими двумя солями критической химіи и помощью ихъ коротко и ясно разлагать на начала всякое литературное предпріятіе. Тотъ, кому не далось это искусство, принужденъ мучительно отдѣлять добрую цѣль отъ образа исполненія, разсматривать то и другое, взвѣшивать цѣль съ средствами, средства съ исполненіемъ, исполненіе съ пользою, и сказать потомъ свое обстоятельное мнѣніе: при чемъ не запрещается ему пожелать общаго добра, и сочинителю книги, и ея читателямъ. Собственно, мы ставимъ этотъ родъ критики литературныхъ предпріятій выше перваго, и полагаемъ, что, если однѣ только истинно хорошія книги заслуживаютъ труда критики, то подобное обсужденіе дѣла, сколько возможно подробнѣйшее разбирательство литературнаго казуса, должно почтяться первымъ доказательствомъ желанія предпріятію добра со стороны критика, потому что «виновникамъ книги» оно приноситъ пользу несомнѣнную, если только мнѣніе высказано совѣстливо и выслушано терпѣливо. На этомъ основаніи мы желали бы сказать здѣсь нѣсколько словъ и о Русскихъ классикахъ, издаваемыхъ, — мы не хотимъ говорить въ прошедшемъ, «издававшихся», — графомъ Д. Толстымъ, и господами Есиповымъ и Языковымъ.

О предпріятіи этомъ мы извѣстили въ свое время съ приличною «радостью»: но если, съ-тѣхъ-поръ, изданіе «Русскихъ классиковъ» прекратилось, то вотъ былъ бы случай, теперь или никогда, произнести гро-

могласное — очень жаль! Тутъ была своя, относительная, польза. Потому мы не хотимъ даже сомнѣваться въ томъ, будутъ ли «Русскіе классики» продолжаться, хоть и не видимъ ихъ продолженія; хотя, послѣ четырехъ тетрадей, вышедшихъ въ прошломъ году, слѣдующія и не появляются.

Планъ издателей былъ обширный и прекрасный: они обѣщали намъ напечатать, въ дешевомъ, но опрятномъ изданіи, всѣхъ старинныхъ Русскихъ писателей. Издатели нечисляли, какія сочиненія полагаютъ они издать, — Кантемира, Тредіаковского, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Богдановича, Хемницера, фонъ-Визина, Кострова, Княжнина, Муравьева. «И другихъ», — говорятъ издатели: кого именно, не знаемъ; но слѣдовали еще два обѣщанія: по изданіи всѣхъ этихъ писателей, они намѣрены были представить «Историческій взглядъ на Русскую словесность»; а потомъ издать «Образцы Россійскаго духовнаго краснорѣчія» и «писателей, занимавшихся по части Русской исторіи».

Будемъ ли мы имѣть удовольствіе видѣть столь обширный планъ окончательно выполненнымъ? Въ началѣ предпріятія, мы удержались отъ всякаго на этотъ счетъ сомнѣнія. Но первое препятствіе — сколько надобно выдать для этого томовъ? Конечно, Кантемиръ, Богдановичъ, Хемницеръ, фонъ-Визинъ неогромны; зато Сумароковъ, Херасковъ, Богъ съ ними, порядкомъ пописали въ свои годы, и, суди по прежнимъ изданіямъ, одна эта пара писателей составила бы не менѣе двадцати четырехъ томовъ. Неужели полныя собранія сочиненій этихъ стариковъ рѣшились печатать издатели «Русскихъ классиковъ»? По-крайней-мѣрѣ, не объявлено было о выборѣ ихъ трудовъ. Но главное, издатели, вообще, темно объяснились объ основной идеѣ своего предпріятія.

Пропуская вновь подъ типографскими ставками ветхіе листочки нашихъ старинныхъ библиотекъ, они могли имѣть въ предметъ составить собраніе сочиненій Русскихъ писателей, любопытное въ историческомъ и библиографическомъ отношеніяхъ, или напечатать то, что они почитаютъ образцами въ Русской литературѣ. Въ объявленіи находились слова, которыя подавали поводъ думать, что последнее было ихъ целью. «Если мы доселѣ не имѣемъ новѣйшихъ изданій старинныхъ нашихъ писателей, слѣдуетъ-ли изъ того, чтобы эти писатели не были *оцрѣнены* *надлежащимъ образомъ*, по-крайней-мѣрѣ, въ литературномъ мірѣ? Наружное хладнокровіе къ *высокимъ дарованіямъ стараго времени* скорѣе можно отнести къ недостатку *предпримчивости издателей*, нежели къ равнодушію просвѣщенной публики. Немного найдется охотниковъ начать изданіе *классическаго писателя, безсмертная слава котораго*, кажется, *едва-лилась* исключительнымъ *достоинствомъ литературнаго міра*, безъ приложенія его къ обществу.»

Эти слова, и общее заглавіе, «Русскіе классики», почти не оставляютъ сомнѣнія, что издатели хотѣли напечатать «образцовыя произведенія Русской литературы». Слово «классикъ» имѣетъ тройкій смыслъ. Извѣстно, что были у древнихъ *civites classici*: это были граждане, принадлежащіе къ высшимъ «классамъ» общества, и въ особенности къ самому высшему, первому. Названіе это соответствовало нынѣшнимъ — избранное общество, высшій кругъ, знатный свѣтъ. Отсюда произошло — *auctores classici*, то есть, лучшіе, отборнѣйшіе, *первоклассные* писатели. Это первое значеніе. Такъ какъ отборнѣйшіе, *первоклассные*, или «классическіе» писатели Греческіе и Латинскіе были въ эпоху возрожденія наукъ единственными авторами, которыхъ сочиненія изучались въ университетахъ и служили образцами новѣйшему

Искусству, то вошло въ обыкновеніе называть по-превосходству Греческихъ и Латинскихъ писателей «классическими». Когда образовались новѣйшія литературы, когда и онѣ обогатились превосходными твореніями въ различныхъ родахъ, этотъ исключительный смыслъ выраженія «классическій писатель» получилъ обширнѣйшее приложение: начали называть отличнѣйшія творенія, писанныя на разныхъ Европейскихъ языкахъ, тоже классическими, какъ-бы дала знать, что творенія эти не уступаютъ своимъ совершенствомъ и своей важностью древнимъ сочиненіямъ Греческимъ и Латинскимъ. Это уже была величайшая похвала, какую только могли сказать книгѣ. И въ этомъ третьемъ значеніи слово «классикъ», примененное къ новѣйшему писателю, равняется уваженію такого писателя Гомеру, Виргилію, Пиндару, Горацию, Демосфену, Цицерону, Софоклу, Эукидиду или Саллюстію. Данте, Тассо, Кальдеронъ, Шекспиръ, Мильтонъ, Корнель, Расинъ, Гёте, Юмъ, Гиббонъ, Боркъ, и всѣ тѣ, которые въ своихъ сочиненіяхъ соединили *высочайшія умственные достоинства съ высочайшимъ Искусствомъ слова*, — вотъ новѣйшіе классики. Въ послѣднее время образовалось четвертое значеніе: въ противоположность нововводителямъ романтизма стали называть классиками тѣхъ, которые подражали въ формѣ «классикамъ», то есть, Греческимъ и Латинскимъ писателямъ. Нельзя болѣе унижить высокаго слова «классикъ», какъ придавая ему смыслъ «подражатели»! Изъ четвертое значеніе пойдетъ къ нашему дѣлу, потому что издатели «Русскихъ классиковъ» навѣрное объ этомъ и не думали.

Теперь вопросъ: были ли и остались ли у насъ старинные писатели въ томъ высокомъ смыслѣ слова «классикъ», въ какомъ оно принимается въ новѣйшихъ языкахъ?

Отвѣчаемъ рѣшительно — нѣтъ. Въ справедливости словъ нашихъ ссылаемся на общее рѣшеніе читающей и пишущей публики: кажется, можно доказать это исторією нашей литературы и разборомъ каждого изъ старинныхъ Русскихъ писателей. Названіе «Русскіе классики», въ смыслѣ образцовомъ, отличнѣйшіе, «первоклассные» писатели, не придавая даже ему значенія выше того, въ какомъ древнѣе принимали названіе *auctores classici*, будетъ уже существенная ошибка. А въ новѣйшемъ, третьемъ значеніи, это даже страшный парадоксъ.

Отличимъ современную извѣстность отъ жизни писателя въ потомствѣ. Что книга можетъ возбуждать сильное участіе въ современникахъ и умереть даже для близкаго потомства; быть читаемою непрерывно сегодня и забытою завтра, это безспорно: дѣятельное перепечатыванье какой-нибудь книги современниками ничего не доказываетъ. Но есть книги, переходящія въ потомство, книги, которыя читаются и перепечатываются потомствомъ, хотя иногда современники не слишкомъ горячо ихъ принимали: это также истина неоспоримая. Такое долговѣчіе принадлежитъ не однимъ только первокласснымъ гениямъ, но и второстепеннымъ писателямъ, если они имѣютъ свое саобытное, рѣзкое, историческое значеніе. На кого изъ современниковъ можно указать въ этомъ отношеніи, напримѣръ, въ наше время? На весьма немногихъ, — двухъ, трехъ, четырехъ; но мы не потомство, и не станемъ называть никого, боясь попасть въ ложные предвѣщатели. А изъ старинныхъ? кажется, на одного Державина. Всему остальному — только мѣсто въ исторіи и библіографіи, одному больше, другому меньше; чтеніе ихъ продолжится еще нѣсколько времени въ среднихъ званіяхъ литературныхъ любителей, а потомъ эти книги должны составить только счетъ въ библіотекахъ: они будутъ пред-

метомъ любопытства ученыхъ изслѣдователей; ихъ станутъ отрывками перепечатывать въ разныхъ сборникахъ; они составятъ въ каждомъ поколѣніи занятіе для трудолюбивыхъ юношей, которымъ надобно будетъ знакомиться ближе съ исторіею своего языка, съ исторіею отечественной литературы, — и только.

Мы смертельно боимся, что на насъ сильно разсердится, можетъ-быть многіе, которые сами не читаютъ этихъ авторовъ, и всегда готовы вступиться за честь тѣхъ, кого они не читаютъ; боимся, что насъ обвинятъ въ холодности къ родному, въ невниманіи къ литературной чести и слави предковъ. Но говоръ страстей, крикъ отношеній, возгласы личностей, ничего не доказываютъ. Да, кажется, и сердиться тутъ не за что? Наши слова не осуждаютъ ни настоящей, ни будущей Россіи за безплодіе великихъ дарованій. Но кто потребуеть отъ прежней Россіи и прежнихъ Русскихъ писателей «классическихъ» твореній, тотъ требуетъ отъ младенца такихъ подвиговъ, которые можетъ исполнить только взрослый человекъ.

Обратимся къ доказательствамъ положительнымъ, и посмотримъ, нельзя ли рѣшить дѣла по краткому очерку исторіи нашей литературы.

Русская литература до Петра Великаго, до составленія цѣлѣшняго Русскаго языка, до начала гражданскаго ученія и гражданской азбуки (азбуки — заимъте), было только приготовительнымъ дѣйствіемъ, а не настоящею Русскою литературою: въ этомъ, кажется, спору быть не можетъ. Собственно, даже исторія Русская начинается съ XV вѣка. Первоначальное соединеніе Славянъ съ Норманнами, періодъ Русскаго феодализма, періодъ Русскихъ крестовыхъ походовъ (борьбы съ Татарами) и возведеніе Москвы въ санъ главы всѣхъ отдѣльныхъ частей Руси, все это не было «исторіею государства» Русскаго, которое, потомъ, упрочивъ политическую само-

бытность, начало принимать въ себя все условія обществениости извнѣ, и естественно должно было влучить притомъ какія-нибудь и литературныя начала. Оно приняло ихъ въ прежнихъ духовныхъ сочиненіяхъ и переводахъ, и въ училищныхъ одахъ, комедіяхъ, сатирахъ, поэмахъ, пѣсняхъ и псалмахъ, которые породила Кіевско-Польская ученость духовныхъ заведеній Малороссійскихъ.

Комедіи представлялись въ нашихъ духовныхъ училищахъ и во дворцѣ. Оды и «капталы» подносились знатнымъ и пѣлись передъ царями. Псалмы и пѣсни пошли въ народъ. Языкъ всего этого былъ книжный варварскій, Мораво-Польско-Русскій: послѣднимъ былъ тотъ, которымъ говорили въ то время.

Петръ Великій хотѣлъ новаго языка, для котораго онъ составилъ и азбуку. Опять появилась книжный языкъ, уже второй, и основаніемъ ему послужили приказный, или дѣловой, съ примѣсью части разговорнаго и множества новыхъ словъ для новыхъ идей и предметовъ, и съ щегольствомъ иностранными словами и фразами, болѣе всего Нѣмецкими. Начало литературы новаго языка положили переводы гражданскихъ книгъ. Шафировъ написалъ едва-ли не первую Русскую «книгу» на этомъ языкѣ.

Пока Россія двигалась по всемъ направленіямъ своего новаго бытія, почувствована была потребность в литературнаго движенія. Тутъ рѣшался важный вопросъ о литературномъ языкѣ. Языка прежней литературы принять было невозможно. Русскіе, вмѣстѣ съ церковными буквами, отказались отъ него, представивъ его только духовному краснорѣчію. Взятъ за языкъ новый, который начался съ Петра Великаго.

Но подъ какими формами могла проявиться тогдашняя литература?

Не бывши слѣдствіемъ сильнаго внутренняго чувства необходимости выражать свои самобытныя идеи, но только занятіемъ, безъ котораго чего-то не доставало въ обществѣ, оно опять принялось за то, что уже существовало въ прежней литературѣ и было ей знакомо, — за комедію, оду, сатиру, пѣсню.

Вмѣсто прежнихъ Кіевскихъ образцовъ, Русскіе узнали, при новомъ образованіи своемъ, западные образцы, Французскіе, и изрѣдка «классическіе», во второмъ значеніи слова, то есть, Латинскіе и Греческіе, разумѣется, потому что другихъ въ цѣлой Европѣ тогда не знали. Но болѣе вникая во Французскіе образцы, какъ общедоступные, Русскіе свѣдали и переняли ложное понятіе о подражаніи древнимъ: между-тѣмъ хотѣли изучать ихъ и подражать имъ, и въ этомъ сошлись съ литераторамъ и учеными прежней образованности, которые изучали Латинь и также хотѣли подражать древнимъ.

Явился Ломоносовъ, и вставилъ языкъ Русскій въ грамматическую рамку за риторическое стекло; написалъ оду, псаломъ, пѣсню, трагедію, поэму. Прежде него Тредіаковскій тоже написалъ пѣсню, оду, поэму, трагедію. Явился Кантемиръ, и копировалъ сатиры Бюало и Горация. Рядомъ съ нимъ и послѣ него Сумароковъ писалъ басни, пѣсни, оды и трагедіи съ комедіями, потому что въ Петербургѣ построили театръ. Майковъ пѣлъ оды и писалъ трагедіи; Херасковъ творилъ трагедіи, потому что другіе творили, и поэму, потому что надобны были поэмы для полноты литературной; Петровъ принялся за оды ради поднесенія ихъ меценатамъ, и за перелодъ Энеиды, потому что нельзя же быть безъ перевода Энеиды; Книжнинъ ввязался въ трагедіи и комедіи, потому что надобно было что-нибудь представлять на сценѣ. Между-тѣмъ литературныя занятія размножились; литерату-

ра давала иногда право на званіе грамотнаго человека, и была полезна по службѣ; иногда составляла она пріятное междуцѣлье для писателей и читателей, но болѣе для писателей, — и литература была, — были литераторы, — писали, печатали, спорили; современники провозглашали даже много Расиномъ, другаго Лафонтеномъ, третьяго Гомеромъ. Работали ученые люди по званію, а вышедшіе изъ училищъ по привычкѣ; и такъ далѣе. Мелькали иногда дарованія, которыя бразлись за перо по непроизвольному стремленію: сюда принадлежатъ фонъ-Визинъ съ своими двумя комедіями, Хемницеръ съ своими прелестными аэлогами, Богдановичъ съ своей «Душенькою», и наконецъ Державинъ съ своимъ грознымъ гениемъ. Но ни у того, ни у другаго, ни у третьяго, ни у четвертаго, литература не была цѣлью жизни, и оставалась только мимоходнымъ занятіемъ, какъ у нашихъ художниковъ и ученыхъ художества и науки были только занятіемъ ех officio. Изъ всей литературы Русской отъ Петра до нашихъ временъ, можно указать только на четырехъ достопамятныхъ людей, которые владѣли въ литературѣ не *занятіе между прочимъ*: на Ломоносова, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина. И каждый изъ нихъ составлялъ эпоху, производилъ перекоротъ въ языкъ и литературѣ. Между ними двигались подражатели, литературные работники; литераторы по обязанности, литераторы мимоходомъ, которые начинаютъ свои предисловія — «Имѣя довольно досужнаго времени, остающагося отъ занятій по.....», и прочая. Ни языкъ, который требовалъ непрерывныхъ трудовъ, и быстро измѣнился при каждомъ поворотѣ переходѣ; ни образцы иностранныя, на которые все бросалось съ жадностью новичковъ, думая, что если съумѣютъ подражать имъ, то могутъ уже творить (и творили!); ни смѣшанное, неровное, бродившее образованіе; ни даже общественный бытъ

ничто не способствовало къ проявленію «классических» твореній и писателей.

Два бывають состоянія, когда народъ или страна творять. Періодъ младенчества, когда геній народа создаетъ свою народную пѣсню, свои безотчетныя пѣснопѣнія, свои сказки: это время кончилось для Россіи до Петра Великаго. Но есть другой, высшій, періодъ возраста для народа и страны, когда сознается національное и государственное достоинство, когда постигается народность, узнается свое мѣсто въ исторіи человечества и ума человеческого. Это время зрѣлости: оно развѣ только теперь начинается для насъ. Время между этими двумя эпохами посвящается переводамъ, и подражанію тѣмъ, которые упредили своей образованностью. Никакое дарованіе не выйдетъ изъ уровня, какое палагаетъ это время, потому что для созданія и развитія генія надобны не одни только дары природы, но еще обстоятельства, извѣстная степень общей образованности и национальной самобытности. Такъ у насъ Ломоносовъ израсходовался на множество предметовъ, которые пришлось ему начинать и обрабатывать; такъ Державинъ не могъ развиться при несчастныхъ законахъ классицизма, которые онъ почиталъ за цѣрушныя; такъ въ наше время Жуковскій и Пушкинъ не могли создать себя полной самобытности, увлеченные прелестью новыхъ направленій литературныхъ, Германскаго и Байроновскаго. Хотите ли знать, что могутъ дѣлать въ такіе періоды дарованія меньшей степени? Передъ нами изъ прежнихъ Богдановичъ, фонъ-Визинъ, Хемницеръ, и если угодно Костровъ, Мерзляковъ: мы однажды сказали, что о современникахъ говорить не станемъ.

Кажется, что изъ этого справедливо и безобидно должно заключить о невозможности классическихъ писателей въ прежней Россіи. Такимъ образомъ весь-

на невѣрна мысль издателей «Русскихъ классиковъ», будто не перепечатаваютъ прежнихъ писателей нашихъ у насъ потому только, что не достаетъ предпримчивости издателямъ, хотя эти прежніе писатели «оцѣнены надлежащимъ образомъ»; мы вовсе не хладнокровны къ высокимъ дарованіямъ стараго времени, и не споримъ объ ихъ «бессмертной слазѣ, которая сдѣлалась достояніемъ литературнаго міра». Нѣтъ; именно потому, что, оцѣненные прежде слишкомъ высокою цѣною, старые писатели наши разсматриваются теперь съ истинной точки зрѣнія, именно потому и не даячего ихъ печатать вновь тому, кто не хочетъ изъ усердія тратить деньги безъ надежды принести общую и существенную пользу. Замѣьте, что собственно тѣ писатели, которые, не будучи классическими, показали однако жъ дарованіе необыкновенное, печатаются у насъ и теперь, хотя они и не современники наши. Кто эти счастливицы? Фоль-Визинъ, Богдановичъ, то есть, его «Душенька», Херасовъ. Спросите у книгопродавцевъ, даячего не печатаютъ они Ломоносова, Сумарокова, Княжнина: они вамъ будутъ отвѣчать: «Не даячего; ихъ не спрашиваютъ», то есть, ихъ не читаютъ. А что это значитъ? Безъ всякаго заговора со стороны читателей, прежнимъ писателямъ оставлено одно только историческое имя, между-тѣмъ какъ прежде не ужасались печатать пять томовъ Княжнина, четырнадцать Херасова, десять Сумарокова, и еще два раза: то было время Княжвинныхъ, Херасовыхъ, Сумароковыхъ; оно прошло.

Самая остановка, — мы всё-еще не говоримъ «совершенное прекращеніе», — предпринятаго теперь изданія «Русскихъ классиковъ» не оттого ли происходитъ, что издатель убѣдился опытомъ въ невѣрности своей мысли, видя совершенное хладнокровіе публики къ этимъ именнымъ классикамъ.

Обратимся къ Русскому «классику», который на-

чалось изданіе, къ князю Кантемиру. Взглянемъ на жизнь и сочиненія его, тѣмъ болѣе, что по какому-то странному недоразумѣнію, Кантемира до-сихъ-поръ, многіе, по-крайней-мѣрѣ, понимаютъ ложно, считая его Русскимъ, даже, какъ видимъ, классическимъ, писателемъ, и, что еще забавнѣе, поэтомъ. Бѣглый взглядъ на Кантемира, какъ чловѣка и какъ писателя, представить въ частномъ случаѣ полное сходство съ общими нашими выводами.

Имя Кантемиръ, или *Канъ-темиръ*, что значить кровь-желѣзо, или кровавое желѣзо, часто встрѣчается въ исторіи Татаръ, особенно Буджакскихъ. Предокъ князей Кантемировъ былъ какой-то Крымскій или Буджакскій мурза, переселившійся въ Молдавію, гдѣ онъ принялъ крещеніе и сдѣлался знатнымъ бояриномъ. Дѣти его вступили въ родство съ царьградскими Фанариотами, Дуками и Кантакузипами, были нѣсколько разъ Молдавскими господарями и драгоманами Порты, и отличались познаніями въ языкахъ и умѣньемъ ладить съ Турецкою политикою. Дмитрій Кантемиръ, гордый, властолюбивый, хитрый, то заложникъ султану въ вѣрности Молдавіи, то господарь Молдавскій, получилъ наконецъ это званіе еще разъ въ 1710 году, и думалъ, что въ тогдашней войнѣ Петра Великаго противъ Турковъ найдетъ средство сдѣлаться постояннымъ властителемъ Молдавскимъ. Заключенъ былъ тайный договоръ; началась война; ея несчастныя слѣдствія извѣстны. Кантемиръ едва могъ спастись въ Русскомъ лагерь на берегахъ Прута. Турки требовали головы Кантемира, котораго скрыли отъ нихъ въ царской каретѣ. Первымъ условіемъ мира со стороны Порты была выдача несчастнаго князя, и первымъ словомъ Петра то, что онъ никогда не согласится купить спасенія погибелью чловѣка, который ввѣрилъ ему судьбу свою. «Я далъ слово Кантемиру; онъ всѣмъ для меня пожертвовалъ, и я не из-

«иъно моему слову : лучше уступлю Туркамъ землю «до самаго Курска, потому что могу имѣть надежду «возвратить уступленное; но нарушить слово значить «отстунить отъ чести, а отступленіе отъ чести таково, «что лучше не быть государемъ.» Кантемиръ выѣхалъ въ Россію, былъ освященъ милостями Петра Великаго, получилъ богатства, имѣнія, почести. Съ нимъ выѣхало все его семейство и двѣ тысячи Молдаванъ. Кантемиръ расположился жить въ своихъ помѣстьяхъ самовластнымъ государемъ, судилъ, и даже казнилъ своихъ подчиненныхъ. Петръ призывалъ его наконецъ въ Петербургъ, можетъ-быть, не желая оставлять хитраго и гордаго Турко-Грека за глазами. Кантемиръ поинялъ, чего отъ него требуютъ : онъ переехалъ въ Петербургъ, женился въ другой разъ на молоденькой дочери князя Трубецкаго, оставилъ свое Молдавское платье, обрилъ бороду, завелъ ассамблеи, и былъ пожалованъ въ тайные совѣтники и сенаторы. Сыновья его поступили въ службу : старшій, Константинъ, женился на дочери князя Дмитрія Михайловича Голицына. Кантемиръ отецъ отправился съ Петромъ въ Персидскій походъ, но заболѣлъ лихорадкою, едва успѣлъ доехать обратно до своего помѣстья, и умеръ потомъ въ 1723 году.

Недовольный однимъ изъ своихъ сыновей, Кантемиръ оставилъ завѣщаніе : онъ просилъ государя отдать все имѣніе «тому изъ дѣтей его, кто будетъ лучше и кону заблагоразсудить».

Князь Антиохъ Кантемиръ былъ младшій изъ четырехъ сыновей бывшаго государя, и родился въ Царьградѣ 1708 года. Въ Россію вывезли его на четвертомъ году. Онъ жилъ въ помѣстьяхъ отца, и въ 1719 году, когда отецъ его переехалъ незадолго передъ тѣмъ въ Петербургъ, Антиоха записали въ Преображенскій полкъ. Отецъ чуть не убилъ его, когда засталъ спящимъ на караулѣ во дворцѣ. Антиохъ со-

проводилъ отца въ Персидскій походъ , и остался въ большой нуждѣ послѣ смерти его. Все имѣніе отцовское отдалъ , по связи брата его Константина съ Голыцкими и Долгорукими , этому Константину Кантемиру. Антиохъ содержался кое-какъ жалованьемъ , и принужденъ былъ продолжать службу , несмотря на неохоту свою къ ней и весьма слабое здоровье.

Ученые , и особенно языки , были наследственны въ родѣ Кантемировъ. Бывшій государь отлично зналъ Турецкій , Арабскій , Персидскій , Молдавскій , древній и новый Греческіе , Латинскій , Италіанскій , церковный Славянскій и Французскій. Онъ написалъ нѣсколько историческихъ книгъ по-Латини , и сочинялъ Турецкія пѣсни. У дѣтей его былъ наставникомъ ученый Грекъ Кондоиди , который потомъ сдѣлался епископомъ Вологодскимъ , и написалъ «панегирикъ ордену Святаго Апостола Андрея Первозваннаго». Братъ Антиоха , Константинъ , десяти лѣтъ отъ роду , говорилъ Греческую проповѣдь въ присутствіи Петра Великаго. Антиохъ ознакомился дома съ Латинскимъ и другими языками , хорошо узналъ церковный и Русскій. Стѣсненные обстоятельствами , онъ находилъ услажденіе въ наукахъ , читалъ , переводилъ , и посѣщалъ лекціи академіи наукъ , которая тогда открылась. Забытый своими , хотя въ 1728 году пожалованный въ поручики , онъ вздумалъ даже писать Русскіе стихи , и едва-ли не досада была первымъ его вдохновеніемъ : можетъ-быть , надъ нимъ подсмѣивались , какъ надъ «ученымъ». Сильными тогдашними людьми были враги нововведеній Пѣтцовъ и Латини. Князь Дмитрій Голыцинъ , тесть брата Антиохова , говорилъ это открыто ; Меншиковъ , и преемники его , Долгорукіе , не славились уваженіемъ къ наукамъ. Составилась особенная ученая партія , гдѣ были : Θεοφανъ П. окоповичъ ; князь

Трубецкой, отецъ начихъ Антиоховой; принцъ Гесенъ-Гомбургскій Людовикъ, который женился на ней вполсадствнн; старикъ князь Черкасскій, обладатель восьмидесяти тысячъ душъ, и другіе. Естественно, здѣсь ласкали ученыхъ и покровительствова-ли ученіе, хотъ для противоположности дру-гимъ. Трубецкой прожилъ въ Шведскомъ плъну, послѣ Нарвской битвы, восемнадцать лѣтъ, а пле-мянникъ его былъ искренній другъ Антиоха. Моло-даго стихотворца приняли въ это общество, и самъ Теофанъ не сердился на безпрестанныя насмѣшки его надъ духовными старыхъ обычаевъ; даже написалъ въ похвалу ему плохіе стихи, прочитавши его пер-вую сатиру. Антиохъ посвятилъ Теофану вторую свою сатиру, какъ одну посвятилъ другу своему Трубецко-му. Но вскорѣ положеніе дѣлъ измѣнилось: партія временщиковъ хотѣла поддержать себя и укрѣпиться послѣ смерти Петра II: затѣяли вредную госу-дарственную переизмѣну, и вознамѣрились передать тронъ Аннѣ Иоанновнѣ съ нарушеніемъ самодер-жавія. Теофанъ и друзья его работали тайно, но усердно. Антиохъ былъ съ ними: онъ писалъ это знаменитое воззваніе къ Императрицѣ, которымъ просили ее возстановить въ Россіи самодержавіе. Долгорукіе и друзья ихъ погибли. Покровители Ан-тиоха получили милости и почести, но онъ вскорѣ увидѣлъ, что ему нельзя ничего надѣяться. Услуги его награждены были тысячею душъ, пожалован-ми ему вмѣстѣ съ двумя братьями и сестрою, а объ отцовскомъ наслѣдствѣ позволили имъ вести тяжбу съ братомъ Константиномъ. Биронъ уморилъ потопъ въ Шлиссельбургской крѣпости тестя Константинова, князя Голицына, за несправедливое истолкованіе ду-ховной бывшаго господара, но Антиоху всё-таки ничего не отдали. Вскорѣ Биронъ овладѣлъ всею властью; Антиохъ видѣлъ смуту, и ненадежность дворянствъ

партій и интригъ, и почелъ за лучшее удалиться изъ Россіи. Онъ просилъ и получилъ почетное и спокойное мѣсто резидента въ Англіи. Здѣсь прожилъ онъ семь лѣтъ, тихо, уклоняясь отъ всякихъ искательствъ и сплетней; слабое здравье и ограниченное состояніе не позволяло ему искать большихъ развлеченій. Въ тишинѣ кабинета Антиохъ занимался чтеніемъ, науками, переводомъ Горациевыхъ посланій, Корнелія Непота, Анакреона, Юстина. Въ 1730 году былъ уже напечатанъ его переводъ блестящаго во дни оны сочиненія, Фонтенелевыхъ «разговоровъ о множествѣ міровъ». Антиохъ перевелъ потомъ и другую книгу, которая сводила съ ума его современниковъ, — «Персидскія письма», Монтескій. Между-тѣмъ здравье его безпрестанно разстроивалось, и досады не прерывались: — у него былъ подозрительный и сильный врагъ, Остерманъ, который боялся «ученаго скромника». Антиоху не давали ни чиновъ, ни наградъ, и онъ всё-еще оставался поручикомъ гвардіи, хотя съ 1733 года, «въ награду радѣтельныхъ поступковъ и во уваженіе знатнаго рода», назвали его министромъ. Онъ просилъ отпуска, хотѣлъ ѣхать въ Италію, и вдругъ получалъ затруднительное мѣсто министра при Версальскомъ дворѣ. Остерманъ надѣялся запутать и погубить его ничтожными сплетнями. Съ чиномъ камергера, Антиохъ переселился въ Парижъ въ 1738 году, и вскорѣ открылъ неприятность своего положенія: онъ находился между двумя хитрецами, Флѣри и Остерманомъ, принужденъ былъ съ самаго начала всячески увертываться въ пустомъ спорѣ о церемоніаль, потомъ въ спорѣ о задержаніи Француза Кутюрье, спутника Шведскому курьеру, убитому въ Польшѣ по волю Бирона; далье завязался споръ объ императорскомъ титулѣ. Получивъ донесеніе, гдѣ Антиохъ описывалъ характеръ Флѣри, Остерманъ думалъ, что сатирикъ списалъ портретъ съ него само-

го: онъ еще болѣе разсердился, когда Флѣри написалъ къ нему, что «князь Кантемиръ, конечно, все выполнить съ успѣхомъ, если будетъ руководствоваться наставленіями столь великаго министра, какъ Остерманъ». Безпрерывно получая упреки и выговоры, Антиохъ рѣшился просить отставки, когда получилъ неожиданное извѣстіе о кончинѣ Императрицы Анны и регентствѣ Бирона. Онъ предвидѣлъ непрочность новаго управленія, и послалъ первое допесеніе свое не прямо къ регенту, но къ одному изъ друзей своихъ; прося доставить по адресу, «если духовная покойной Государыни останется во всей силѣ, а въ противномъ случаѣ предать огню». Предчувствіе умнаго дипломата оправдалось: когда получили его бумаги въ Петербургъ, Биронъ былъ уже въ тюрьмѣ. Здѣсь неслыханное счастье улыбнулось Антиоху: партія покровителей его вошла въ силу при правительницѣ; князь Черкасскій пожалованъ былъ канцлеромъ. Но при всемъ томъ Остерманъ оставался въ должности, хитрилъ, притворялся: его трепетали, и глаза друзей и покровителей обратились къ Антиоху. Они видѣли въ немъ умнаго и ловкаго политика, достойнаго соперника Остерману. Старикъ Черкасскій вдругъ выпросилъ ему чинъ тайнаго совѣтника, и предложилъ ему руку дочери, красавицы, и единственной наследницы огромнаго имѣнія, а правительница назначила Антиоха гофмейстеромъ къ тогдашнему Императору Іоанну Антоновичу. Какъ изумились все, когда Антиохъ отъ всего отказался! Дочь Черкаскаго вышла потомъ за Шереметева, и ея приданое сдѣлало Шереметевыхъ первыми богачами въ Россіи. Но легко понять причины, которыя заставили Антиоха поступить такимъ образомъ. Еще разъ онъ не ошибся, и не попалъ ни въ немилость съ Черкасскимъ, ни въ Сибирь съ Остерманомъ. Неужели онъ не зналъ, что дѣлалъ тогда Штарди въ Петербургъ? Не мо-

жетъ быть! Но по-крайней-мѣрѣ новые правители государства осыпали его ласками, а Елисавета милостиво приняла списокъ сатиры его, съ посвященіемъ, гдѣ Антиохъ увѣрялъ, что «Олимпъ опустѣлъ, и всѣ боги и богини ушли служить ей; а Киприда плачетъ отъ зависти, видя себя оставленною тремя благодатями». Антиохъ желалъ только спокойствія, при здоровьѣ совершенно разстроенномъ, особенно когда увидѣлъ, что власть перешла къ Бестужеву. Онъ просилъ себя мѣста президента академіи, и не получилъ; просилъ отпуска въ Италію, и не дождался его. Антиохъ умеръ въ Парижѣ, вначалѣ 1744 года, искренно оплакиваемый всеми, кто зналъ его, потому что, несмотря на всегдашнюю задумчивость и страданія отъ болѣзней, онъ былъ весьма любезенъ въ обществѣ, остроуменъ, шутивъ, и имѣлъ обширныя свѣдѣнія, при большомъ чтеніи и проницательномъ умѣ. Монтескіе и Мопертюн были его друзьями. - Кромѣ перевода Фонтенелевой книги, напечатаннаго, какъ мы уже упоминали, въ 1730 году, онъ ничего болѣе не печаталъ при жизни своей. Сатиры его изда ны уже въ 1762 году: тогда же вновь напечатали и его переводъ Фонтенелева сочиненія. Въ 1744 году изданъ былъ Кантемировъ переводъ «Посланий Горация». Не говоря о «Симфоніи» на псалтирь, которую онъ писалъ подъ руководствомъ учителя своего Шльиискаго и напечаталъ еще въ 1727 году. Шльинскій самъ сочинилъ «Симфонію» на Евангеліе и Дѣянія Апостольскія. Ему же обязаны мы ужаснымъ переводомъ книги, сочиненной отцомъ Антиоха, «Спелтима Мухаммеданскія религіи», изданнымъ въ 1722 году. Тѣло князя Антиоха Кантемира было, по завѣщанію его, перевезено въ Москву, и погребено подлѣ отца и матери въ Греческомъ монастырѣ, на Никольской, тамъ, гдѣ похороненъ и славный Симеонъ Полоцкій.

Спрашиваемъ: жизнь Кантемира, безпристрастно разсмотрѣнная, не доказываетъ ли, что ни по времени, когда онъ жилъ, ни по обстоятельствамъ, въ которыхъ находился, ни по свойству ума и характера, онъ не могъ быть литераторомъ, писателемъ, и еще меньше поэтомъ? Образованный Фанариотъ, иностранецъ знатнаго рода, видѣвшій въ ограниченномъ состояніи, слабомъ здоровьи и смутныхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, препятствія сдѣлаться въ ней значительнымъ политическимъ дѣйствителемъ, онъ благоразумно уклонился отъ ослѣпленій честолюбія. Въ тишинѣ кабинета, съ дѣтства привыкши къ ученью и наукѣ, онъ находилъ въ литературныхъ занятіяхъ услажденіе. Но ни науки, ни словесность, не были у него тѣмъ непреодолимымъ стремленіемъ, которое увлекаетъ за собою всю жизнь и всего человека. Онъ переводилъ легкія сочиненія Фонтенеля, Монтеスキё, Альгаротти; Горацийъ былъ его любимецъ, какъ поэтъ и философъ; переводы Юстина, Корнелия Непота, Эпиктетовыхъ афоризмовъ, кажется, должно почесть только опытами въ переводахъ съ Латинскаго, какъ «Симфонія на псалтырь» опытомъ первоначальныхъ упражненій въ Русскомъ языкѣ.

Но Кантемиръ писалъ Русскіе стихи. Если бы въ душѣ не горѣлъ пламень истинной поэзіи, къ чему писать Русскіе стихи, и прилагать трудъ къ такому тяжкому дѣлу?

Признаемся, что мы тутъ вовсе не видимъ поэтическаго пламени. Кантемиръ такъ писалъ Русскіе стихи, какъ переводилъ книгу отца своего на Италійскій языкъ. Не заботясь о трудѣ надъ языкомъ Русскимъ, онъ принялъ формы, выраженія, стопосложеніе, какія употребляли Эсофанъ, Буслаевъ, Максимовичъ, Ильинскій, и другіе писатели стиховъ того времени. Повторимъ, досада, вѣроятно, была первымъ его вдохновеніемъ. Болю считался тогда полу-богомъ

въ поэзіи. Сатира была моднымъ родомъ стихотвореній. Чтѣ такое были сатиры Кантемира? Не громкій и звучный голосъ сильной души, негодующей на пороки своего вѣка, но мелкая насмѣшка надъ смѣшнымъ, надъ общими маленькими слабостями, странностями и недостатками свѣта. И все это было составлено изъ мыслей Горация, Боало, Лукіана, Ювенала, Персія, Ренъо, Попа, и не только изъ мыслей, но часто изъ голословнаго перевода Латинскихъ и Французскихъ стиховъ. Читая Кантемировы сатиры, верните словамъ его:

«Не пощадилъ, боязливъ я, своей работы,
Листъ написавъ, два или три изобразилъ, исхерилъ.»

Вы видите мозаику, составленную на досугъ умнымъ челоуѣкомъ; находите остроуміе, ѣдкость, насмѣшку, но чужія. Если отмѣтить у Кантемира все, чтѣ не принадлежитъ ему, у него почти ничего не останется. Онъ самъ шуточно сознавался въ этомъ:

«Зависть васъ пошевели, найдеть, что я новихъ
И древнихъ окралъ творцовъ, и что вру по-Русски,
То, чтѣ по-Римски давно ужъ и по-Французски
Сказано красивѣе. Не чудно съ готовыхъ
Стиховъ, чаежъ, здраваго согласно съ закономъ
Смысла, мѣрно двѣ строки кончить тѣмъ же звономъ.»

Но какъ же мы находимъ у Кантемира Русскій колоритъ, Русскіе нравы, Русскія повѣрья? — Да гдѣ же вы ихъ находите? Принявъ систему Франгузовъ, которые передѣлывали древнихъ на Французскіе нравы, Кантемиръ перенесъ эту систему въ Русскій переводъ или, лучше сказать, въ Русскую передѣлку. Эти нравы, этотъ колоритъ, годятся ко всемъ странамъ въ мѣрѣ, и точно такъ потомъ писали Русскіи драмы Княжичъ и Озеровъ: Фигаро и Арнульфъ дѣлались Сбитенщикомъ и Волдыревымъ; Герміона Рогнедою, Владиміръ Орестомъ; Димитрій Донской выкраивался по Танкреду, а въ «Эдипа въ Аѣннахъ»

переходили цѣлкомъ явленія изъ Дюссисова «Эдипа Колонейскаго».

Перестанемъте говорить о поэтическомъ достоинствѣ и Русспзмѣ Кантемировыхъ сатиръ! Какъ поэтическія созданія, какъ самобытныя Русскія произведенія, сатиры Кантемира не имѣютъ ни какого права на наше вниманіе.

Онѣ могли показаться новостью въ свое время; онѣ были смѣлою попыткою перевода Буало и Горація: въ этомъ отдадимъ имъ справедливость. Но когда Ломоносовъ преобразовалъ языкъ, Кантемиръ, съ тяжелымъ, неловкимъ языкомъ своимъ, и съ силлабическимъ размѣромъ, потерялъ читателей. Отцы наши знали наизусть Сумарокова и Ломоносова, но уже не знали Кантемира. Страннымъ образомъ возстановилась его извѣстность въ первомъ десятилѣтіи нашего вѣка: В. А. Жуковскому, въ тѣ счастливыя минуты, когда душа наша расположена прощать недостатки ближнихъ, вздумалось расхвалить Кантемира въ Вѣстникѣ Европы 1810 года. Статья, названная «критическимъ разборомъ», состояла только изъ выписокъ съ прибавкою похвалъ. И вотъ Кантемиръ по голосу В. А. Жуковскаго причисленъ къ лику Русскихъ поэтовъ. Принимались его читать, — не могли, — и приписали вину себѣ, а не Кантемиру. Еще болѣе убѣдился въ этомъ, когда Батюшковъ написалъ прелестную, умную пьеску, «Вечеръ у Кантемира». Но съ-тѣхъ-поръ прошло болѣе двадцати пяти лѣтъ. Двадцать пять лѣтъ опыта! Это великое дѣло. Размышленія чѣмъ-нибудь да значать; особливо, когда въ это время первернулся весь наши теоріи и все понятія о Русской литературѣ и всякихъ литературахъ.

Намъ теперь столько же страннымъ кажется почитать Кантемира самобытнымъ сатирикомъ, даже искать въ его стихахъ Русскаго языка, — не говорить уже, искать образцовъ языка, — какъ называть Княж-

вина Русскимъ комикомъ, а Озерова Русскимъ трагикомъ. Отдадимъ имъ хвалу за подвиги, важные въ свое время, за услугу Русскому языку и Русской словесности: нельзя также отказать въ признательности, напримеръ Мерзлякову, за его умные и смѣлые разборы Россiяды и трагедiй Сумарокова, хотя основанные на ложной теорiи; но для насъ эти писатели теперь не годятся. Историческое мѣсто ихъ безспорно.

Неужели нынѣшнiя наши понятiя показываютъ духъ охлажденiя, духъ сомнѣнiя, которыхъ кому-то вздумалось недавно трепетать при появленiи «Русскихъ классиковъ», а еще болѣе безчувствiе наше къ родному, къ прошедшему нашего славнаго отечества? Не бави Богъ и думать! Напротивъ: это вѣрное ручательство за любовь къ истинѣ, за болѣе просвѣщенныя понятiя наши, за настоящее и будущее наше въ литературѣ. Чѣмъ труднѣе, тѣмъ славнѣе. И вѣрьте, что наше нынѣшнее мнѣнiе о прежнихъ отечественныхъ писателяхъ не только безпристрастнѣе, но даже выгоднѣе для ихъ достоинства, нежели старинныя и бывалыя возгласы о нашихъ Омпрахъ-Херасковыхъ, Ювеналахъ-Кантемирахъ, Расинахъ-Сумароковыхъ, Логарнахъ-Мерзляковыхъ, Плидарахъ-Ломоносовыхъ: дѣтское и безотчетное удивленiе, которое ободряло посредственность и только останавливало успѣхи просвѣщенiя и образованности!

Поспѣшимъ къ заключенiю: если почтенные издатели «Русскихъ классиковъ» думали представить удивленiю нашему образцы, возобновляя Кантемира, они должны были напередъ предвидѣть послѣдствiя.

Но мы сказали, памятая на предполагаемое прекращенiе изданiя Русскихъ классиковъ, что никогда еще не представлялось критикѣ прекраснѣйшаго случая признать громогласное — *очень жаль!* Мы сказали также, что тутъ была своя, относительная, польза. Конечно, была польза, и вотъ въ какомъ отношенiи.

Во-первыхъ, всякая дѣятельность полезнѣе бездѣйствія. Во-вторыхъ, старинныхъ писателей стали бы читать по-немногу изъ любопытства въ новомъ и красивомъ изданіи, тогда какъ старыя, пыльные и неуклюжія изданія даже у многихъ любопытныхъ отбиваютъ охоту заглядывать въ нихъ, а оттого изъ поколѣній въ поколѣнія переходятъ на слово объ этихъ писателяхъ понятія ложныя и несправедливыя. Въ-третьихъ, нѣкоторыя изъ старыхъ книгъ сдѣлались нынче весьма рѣдкими, и кому надобно имѣть ихъ, тотъ долженъ платить очень дорого; въ-четвертыхъ, ни одинъ почти изъ старыхъ писателей у насъ не разобрали, не оцѣнили вполнѣ, критически, безпристрастно. Прежде все хвалили, теперь не хвалятъ, но и не говорятъ ничего, а этого недостаточно. Большую услугу оказали бы издатели «Русскихъ классиковъ», если бы дали намъ подробные и дѣльные разборы каждаго изъ прежнихъ писателей. Но, въ такомъ случаѣ, разборы эти не должны бы походить на статью «О жизни и трудахъ князя А. Д. Кантемира»: это подрядъ на поставку всякихъ хвалений Кантемиру, а не біографія, и не разборъ его достоинствъ, какъ бы следовало.

Слѣдственно, много «относительной» пользы могло бы принести изданіе такъ называемыхъ «Русскихъ классиковъ», которому въ заключеніе желаемъ всякихъ успѣховъ.

=

НАСНИ ИВАНА ХЕМНИЦЕРА. Въ трехъ книгахъ. Москва, 1837.
Съ портретомъ автора.

Занимательно, а иногда и очень полезно, разбирать старое, когда оно обновляется посредствомъ изданій, и, особливо, разсматривать предметы, которые многимъ казались уже давно рѣшенными, и о которыхъ, какъ полагають, нельзя и сказать ничего новаго. Но давно уже одинъ философъ написалъ у себя на стѣнѣ — «Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ!», а другой къ его надписи прибавилъ слова — «Исключая того, что было забыто». Какъ угодно положите, что родъ человѣческой совершаетъ свое теченіе спиралью, безконечнымъ винтомъ, или что бытіе каждаго народа образуетъ полное кольцо, изъ чего составляется цѣль всемірной исторіи, но повтореніе, каждый разъ въ новомъ видѣ, есть великій законъ нашей природы. Исторія народовъ есть только разнообразное появленіе одинакихъ явленій? То же самое и въ исторіи нравственныхъ наукъ. Со времянь Конфуція, Сократа и Віаса до Шеллинга и Гегеля пользилось множество философическихъ системъ, которыя изумляли своей новостью и почитались необыкновенными побѣдами ума человеческого, а между-тѣмъ, конецъ концовъ, мы въ девятнадцатомъ вѣкѣ христіанской вѣры не прибавили ни одной нравственной истины къ тѣмъ, которыя людямъ были уже извѣстны въ шестомъ, пятомъ и четвертомъ вѣкѣ до Рождества Христова, и Гофратъ Габлеръ не болѣе знаетъ въ Берлинѣ о душѣ человеческой и образъ дѣйствованія ума, нежели сколько зналъ въ Афинахъ «божественный Платонъ». Однѣ и тѣ же понятія, однѣ и тѣ же ученія и догадки, каждый разъ иначе, повторялись въ среднія времена, повторялись въ древней Греціи, Индіи, Китаѣ, повторяются теперь у насъ и повторятся еще множество разъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Цѣлаго нѣтъ забвѣннѣ теоретиковъ, когда они сводятъ коонецъ умствованія че-

ловѣческаго въ чернилицу какого-нибудь Шеллинга или Гегеля, находить хаосъ челоуѣчества на Востоку, младенчество въ Греціи, юность въ Римѣ, зѣта буйныхъ страстей въ среднихъ вѣкахъ, и умную старость въ нынѣшней Европѣ, которой головою полагаютъ Германію, а мозгомъ этой головы кабинетъ какого-нибудь Нѣмецкаго философа. Словомъ, все повторяется на свѣтъ. Но и это предисловіе не нужно для оправданія благаго намѣренія нашего вновь рассмотреть мысль и дарованіе Хеминцера: собственный опытъ убѣждаетъ насъ въ возможности разсматривать старыя басни. Въ этой же книжкѣ Б. для Ч. мы уже обозрѣли жизнь Томаса Мораса и его великую басню «Утопію», и если успѣли придать нѣкоторую занимательность этому заморскому предмету, то нѣтъ ни какой причины думать, что не найдемъ ничего сказать о нашемъ отечественномъ. Ясно, что старое можетъ, и должно быть для насъ отъ времени до времени новымъ, тѣмъ болѣе что каждая вещь, какъ фигура кубическая, имѣетъ шесть сторонъ и слѣдственно ее можно видѣть шесть разъ иначе, не говоря уже о седьмой сторонѣ, внутренней, на которую смотрятъ очень рѣдко при оцѣнкахъ.

Критическій взглядъ на прошедшее въ Русской словесности имѣетъ еще для насъ особенный интересъ. Любопытно слѣдить шаги, взвѣшивать усилія, переоцѣнивать относительно къ своему времени прежніе подвиги такой словесности, которая давно уже начинается, но еще не установила своихъ законовъ, не воздвигла себѣ непоколебимыхъ памятниковъ, и даже не узнала всѣхъ основныхъ стихій, изъ которыхъ она будетъ составлена. Такова наша словесность. Здѣсь каждый новый взглядъ, каждая новая критическая работа можетъ быть заслугою. Если же станемъ перебирать прежняго, какимъ же образомъ выведемъ положенія для настоящаго, какъ узнаемъ мѣру этого

настоящаго и гдѣ найдемъ точки сравненія при опредѣленіи нашихъ успѣховъ? Конечно, наши предшественники судили, рѣшали, распределяли славы, жаловали въ безсмертныхъ, осуждали и обрекали забвенію. Но предшественники были люди, у нихъ были страсти, и личныя отношенія къ людямъ, которыхъ они миловали или карали. Эти страсти, эти личныя отношенія, для насъ уже не существуютъ, и чѣмъ болѣе мы отъ нихъ удалимся въ порядкѣ времени, тѣмъ основательнѣе можемъ надѣяться, что будемъ безпристрастнѣе, не только первыхъ судей, но и послѣдующихъ переоцѣнщиковъ, будемъ видѣть предметы нѣсколько лучше ихъ, и опредѣлить кѣру всего вѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ, пусть только мнѣнія наши будутъ скромны, добросовѣстны, основаны на той логикѣ, которая намъ кажется ближайшею къ здравому сужденію, въ нихъ всегда найдется частица пользы, а вся общія пользы состоятъ изъ частяцъ.

Дѣло, говорятъ, извѣстное: Хемницеръ писалъ басни! Сумароковъ началъ ихъ писать у насъ, и писалъ плохо. Дмитріевъ началъ писать хорошо, и ввелъ ихъ въ свѣтское общество, — именно такое выраженіе мы гдѣ-то читали, — а Крыловъ довелъ ихъ наконецъ до совершенства. Вся другіе, кто ни писалъ у насъ басни, кромѣ Крылова и Дмитріева, далеко не сравнялись съ ними.

Хорошо, но и Хемницеръ писалъ басни: куда же надобно намъ отнести Хемницера, который явился между Сумароковымъ и Дмитріевымъ? Должно ли его уничтожить наряду съ Сумароковымъ, о которомъ нѣтъ и спору, что онъ былъ плохой баснописецъ, или отнести къ разряду тѣхъ, которые имѣли въ свое время относительное достоинство, но теперь справедливо забыты подлѣ блестящихъ заслугъ Дмитріева и Крылова?

Что если мы скажемъ, что Хемницеръ, къ стыду нашему, не оцѣнилъ допыль надлежащихъ образомъ; что это былъ проблескъ дарованія необыкновеннаго, которое, къ несчастію, не успѣло развиться вполне; что Хемницера, по таланту, должно поставить рядомъ съ Дмитриевымъ и Крыловымъ и причислить къ разряду немногихъ, прекрасныхъ и утѣшительныхъ, феноменовъ въ нашей словесности? Многие, вѣроятно, удивятся такому дерзновенію. А мы дѣйствительно того мѣтнія, при всея должномъ и глубокомъ уваженіи къ произведеніямъ двухъ нашихъ знаменитыхъ баснописцевъ. Но мы должны предварительно войти въ нѣкоторыя общія подробности о теоріи басни.

Апологъ, вообще, и раздѣлая его на басню и сказку, выражается буквально нашимъ словомъ «иносказаніе». Это небольшое произведеніе воображенія, маленькая поэма, гдѣ внутренній смыслъ различенъ съ тѣмъ, который представляетъ наружность. Въ сказкѣ, апологъ — повѣствованіе о какомъ-нибудь вымышленномъ происшествіи, маленькой фаятстическая драма, гдѣ дѣйствующія лица — люди. Но въ баснѣ апологъ идетъ далѣе: его драма разыгрывается актерами, взятыми изъ всей природы, въ томъ числѣ и человѣкомъ; но съ тѣмъ условіемъ, чтобы все чувствовали, дѣйствовали, говорили и рассуждали какъ челоуѣкъ и рядомъ съ нимъ, не выходя, если они смоты, изъ своего званія.

Было поварье, и тогда все утверждали, что трагедія происходитъ отъ козла, что какой-то мудрый невольникъ изобрѣлъ апологъ для поученія своего господина. На этомъ основаніи апологу было предписано, «поучать людей», говоря имъ иносказательно истины, которыхъ бы они не выслушали не разсердившись, если бы сказать эти истины прямо. Тогда

всему назначалась своя неуклонная должность. Апологъ также имѣлъ свои неизмѣнныя правила, для характеровъ дѣйствующихъ лицъ, для разсказа, для способа «выводить правоученіе». О происхожденіи его отъ мудраго невольника никто не смѣлъ спорить, и черезъ цѣлую династію мудрыхъ невольниковъ продолжала его исторія. Локманъ и Эзопъ были родоначальники.

Въ наше время люди сдѣлались прихотливѣе или своевольнѣе, перестали вѣрить прежнимъ неизмѣннымъ границамъ каждаго рода произведеній воображенія, и поставили между баснями начало басни и ея прежнія правила.

Что же такое апологъ, по нынѣшнимъ понятіямъ?

Особенный родъ произведеній словесности, не положительныхъ, а отрицательныхъ. Такое раздѣленіе словесности, по мнѣнію нашему, необходимо. Прямая, чистая поэзія есть та, гдѣ собственно нѣтъ ни какой цели, кромѣ явленія произвольной идеи, кромѣ созданія чего-нибудь прекраснаго: это — ода, драма, эпопея. Разумѣется, и тутъ есть родъ цѣли, или, правильнѣе, намѣреніе. Изображая великое событіе, выводя сильный характеръ, осуществляя музыкаю слова отдельную идею, поэтъ «поучаетъ» людей, но поучаетъ, какъ судьба, какъ природа, не принимая на себя званія учителя и наставника. Не такова отрицательная поэзія, которую можно назвать вообще дидактическою. Здѣсь у поэта есть уже опредѣленная цѣль, и сюда относятся дидактическая поэма, сатира и апологъ. Здѣсь вдохновеніе не свободно; уроки въ полезномъ, порывы добродѣтельнаго гнѣва, совѣты посредствомъ вносказаній, бываютъ музами поэтовъ.

Не невольникъ, и не Востокъ, изобрѣли апологъ. Пора бросить это невѣрное слово, «изобрѣтъ». Никто и ничего вдругъ не изобрѣтаетъ. Мысль каждаго

предмета таится и проявляется въ разныхъ видахъ задолго до того, кто носитъ имя его изобретателя. Такъ и апологъ изобрѣтенъ вообще человекомъ и изобрѣтенъ вездѣ. У самыхъ грубыхъ дикарей находимъ начала аполога, и неоспоримо, что чѣмъ грубѣе и необразованнѣе языкъ, тѣмъ болѣе въ немъ метафоры, аллегорій, иносказаній. Что мы говоримъ нынѣ положительною и самую опредѣленною прозою, то выказывалось прежде символически и стихотворными аллегоріями. Метафора совсѣмъ не высшая степень мудрости, а усиленіе ума неразвитаго и языка невыведшаго изъ дѣтства.

Быть-можетъ, что на Востокъ получалъ апологъ опредѣленную форму и извѣстное назначеніе. Облекая все въ символы, Востокъ выдумалъ и для аполога таинственное лицо мудреца, поучающаго великихъ міра иносказаніями. Мы не станемъ входить здѣсь въ споръ о началѣ разныхъ собраній басенъ, которыхъ сочиненіе приписываютъ различнымъ мудрецамъ, Пильпаю, Биднаю или Бейдебаю, Локману, Езопу, и прочая. Весьма ученые оріенталисты, между которыми можно назвать ихъ патріарха, Сильвестра де Саси, написали объ этомъ цѣлыя книги и, въ результатъ, ничего не рѣшили. Еще менѣе чувствуемъ въ себѣ склонности повторять смѣшныя этимологіи именъ этихъ мудрецовъ. Дѣло въ томъ, что древнѣйшія собранія басенъ, каковы: Эзопа, Локмана, Калиле и Демене, Папча-таитра, и такъ далѣе, суть произведенія безконечной передѣлки, неоднократной литературной редакціи иносказаній простонародныхъ, которыми изобилуютъ языки Восточныхъ народовъ. Самая грубая форма этой обработки является въ басняхъ Локмана и Византійскомъ собраніи басенъ Эзопа; самая искусственная въ Калиле и Демене, или «Басняхъ Пильпалъ». Это басни по превосходству: *Der reineke Fuchs* и *Animali parlanti* далеко

ихъ не стѣнть; и тѣ, которые въ состояніи читать ихъ по-Арабски, сознаются, что нельзя ничего найти забавнѣе, наивнѣе, остроумнѣе, и даже любопытнѣе въ отношеніи къ познанію нравственныхъ понятій Востока, какъ это удивительное твореніе. Къ сожалѣнію, ни на одномъ изъ Европейскихъ языковъ нѣтъ хорошаго перевода Калиле и Демене, потому что для этого переводчику нужно было бы не только въ совершенствѣ знать Арабскій языкъ, но еще въ совершенствѣ владѣть своимъ собственнымъ и основательно понимать Востокъ во всѣхъ его подробностяхъ. Напрасно было бы здѣсь изыскивать, когда, какимъ образомъ, и какой именно редакціи, собранія эти перешли въ Грецію и Римъ. Но, при имени Рима, каждый вспомнитъ знаменитое имя Федра. Мы видѣли, года три тому назадъ, книгу остроумную какъ произведеніе словесности, но смѣшную и болѣе чѣмъ ничтожную какъ опытъ классической критики, книгу Г. Низара, *Études de mœurs et de critique sur les poètes latins de la décadence*, и въ этой книгѣ даже жизнь Федра и оцѣнку его характера. Не помнимъ, коснулись ли мы или нѣтъ, говоря въ Б. для Ч. о сочиненіи Г. Низара, любопытнаго вопроса подлинности этого баснописца и его предполагаемаго творенія. Во всякомъ случаѣ, критическая ученость Г. Низара не заслуживала того, чтобы съ нею разбирать серьезно подобный вопросъ. Но здѣсь, говоря о басняхъ, кстати хотъ намекнуть мимоходомъ, что Римское происхожденіе Федровыхъ басень было нѣсколько разъ оспариваемо весьма дѣльными знатоками древности, Скриверіусомъ, Кристономъ, Скопніусомъ, и еще недавно, въ 1829 году, господиномъ Даппон, которые самую даже латынью Федра доказывали, что басни эти не могутъ принадлежать къ вѣку Августа и что онѣ произведеніе весьма поздняго времени. Но гораздо важнѣе то, что ни Квинтиліанъ, ни Макробій, ни

Аулусъ Геллусъ, не знаютъ ни Федра ни его басень, а Сенека въ своихъ *Consolationes* говоритъ положительно, что при Неронѣ этотъ родъ поэзи еще былъ вовсе неизвѣстенъ Римлянамъ. Въ одномъ сборникѣ среднихъ вѣковъ въ первый разъ встрѣчаются отрывки этихъ басень, но подъ именемъ какого-то Ромула, а не Федра. Въ *Speculum historiale* Викентія де Везувача также находятся многія басни того же собранія, но имени Федра тамъ нѣтъ и авторъ его не знаетъ. Однимъ словомъ, все убѣждаетъ, что басни, приписываемыя отпущеннику Августа, суть сочиненіе какого-то поэта первыхъ временъ возрожденія наукъ на западѣ. Отъ него перешли онѣ къ новѣйшимъ поэтамъ. Наконецъ во Франціи беретъ за аполога Лафонтенъ. «Сказать — басня, говорить Лагаригъ, значитъ сказать Лафонтенъ; родъ сочиненія и сочинитель составляютъ здѣсь одно. Эзопъ, Федръ, Пильнай, Авіенъ создавали басни; Лафонтенъ беретъ изъ всѣхъ, и онѣ уже не Эзоповы, не Федровы, не Пильнаевы, не Авіеновы: онѣ Лафонтеновы басни.» За прекраснымъ поэтическимъ развитіемъ аполога въ рукахъ Лафонтена послѣдовала и смерть его: онъ попался въ немилосердыя руки систематиковъ; ему велѣли быть классическимъ, между-тѣмъ какъ классическіе писатели не оставили намъ ни одной своей басни даже для образца; его сковали, бѣднаго; ему предписали правила житья, одежды, походки, словъ. Дальше уже вы видите классическія подражанія Англичанъ, Нѣмцевъ, Испанцевъ, Итальянцевъ, Русскихъ, но должны проститься съ самобытными апологами! Въ силу устава ложнаго классицизма прекрасно стануť писать басню Лаотты, Флоріаны, Геллерты, Сумароковы: но она умретъ сухоткою затнута въ корсетъ, какъ умерла Французская трагедія, какъ отъ этой классической натуги лопнула ода, и отъ торжественнаго восклицанія «пою», охрипла энея.

Однако жъ умъ и новзія живущи; человекъ смысленъ: послѣ каждаго припадка душевной летаргіи, онъ умѣетъ оживать въ новыя идеяхъ и съ свѣжимъ воображеніемъ. Мы нынче отвергли ложную его теорію аполога. Теперь мы не скажемъ, что Лафонтенъ былъ самымъ высокимъ идеаломъ басни.

Какъ не замѣчали мнѣные классики нелѣпности исторіи о началѣ аполога, и какъ не видѣли они того, что, подобно всемъ другимъ родамъ стихотвореній, апологъ всюду являлся разнообразнымъ? Что, чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ своего отрицательнаго назначенія, «поучать», чѣмъ болѣе входилъ онъ въ свободную область поэзіи положительной, тѣмъ становился выше, живѣе, прелестнѣе, достоинѣе Искусства?

Не въря въ смерть того или другаго рода поэзіи въ наше время, мы не въримъ также, чтобы апологъ умеръ для насъ. Умерла для насъ мнимая классическая форма его, но апологъ живъ, какъ жива трагедія и драма, которую назовемъ хоть «романтической».

Апологъ, какъ иносказаніе, какъ шутка, какъ сатирической напѣкъ, какъ маленькая фантастическая драма и теперь существуетъ. Пусть только онъ не тянется въ правоучители: мы выросли уже изъ ребятъ, и можемъ сказать каждому баснописцу правоучителю: «Соловья баснями не кормятъ.» Вы скажите намъ апологъ какую угодно истину, пусть онъ имѣетъ нравственную цѣль, только не говорите намъ, что вы насъ учите какъ школьникъ, и прикройте свою истину поэзіей разсказа. Вотъ первая тайна нынѣшняго аполога. Онъ всегда будетъ составлять одну изъ отраслей Искусства. По бросьте условныя формы, бросьте уже и потому, что онъ надоели въ тысячахъ повтореній. Что намъ за дѣло, если вопреки классическому кодексу вы не такъ выставляете характеры звѣрей ва-

шихъ, если у васъ нарушаются законы произвольныхъ условій! Когда мы вѣримъ, что у васъ говорятъ рыбы, то мы можемъ повѣрить и болѣе: пусть только аллегорія ваша будетъ остроумна и вѣрна сама себѣ, — и дѣло кончено! Еще менѣе намъ заботы, что вы сжимаєте басню съ сказкой; что вы ставите выводъ напередъ, назадъ, или совсѣмъ его не ставите; что вы приводите описанія, разговоры, подробности, или сжимаете рассказъ въ нѣсколько словъ? Требуемъ одного: будьте поэтомъ въ вашемъ апологѣ, и Богъ съ вами! Мы готовы слушать, смѣяться, учиться у васъ, если угодно.

Наконецъ, послѣднее условіе: будьте современны, будьте народны, умѣйте постигнуть характеръ вашего народа и духъ вашего времени. Народность и современность одинъ изъ самыхъ необходимыхъ условій жизни аполога.

Именно въ этомъ заключалась тайна успѣха однихъ и неудачи другихъ баснописцевъ. Эту тайну превосходно постигъ Лафонтенъ. Намъ смѣшно теперь читать, какъ классики вытягивали басни его на своемъ Прокрустовскомъ ложѣ, искали въ нихъ непознанныхъ правилъ, кое-какъ прилагали своевольную Лафонтеновскую басню къ своимъ условіямъ. Еще забавнѣе, какъ видѣли они въ Лафонтенѣ правоучителя, и словомъ *добрякъ*, *bon homme*, прикрывали его проказы, ица нравственныхъ уроковъ въ его басняхъ и почти въ его не правоучительной жизни. Здѣсь кстати можно бы сказать много любольнаго о характерѣ Лафонтена и сущности его басни, но мы боимся, что и безъ того далеко отошли отъ предмета. Удовольствуемся немногими словами.

Если бы надобно было изобразить характеръ, всего болѣе способный къ апологу, то довольно вѣрно можно изобразить его, сказавши: что баснописецъ не

можетъ быть ни мудрецъ, ни философъ, ни поэтъ, ни краснорѣчивый говорунъ, и что между-тѣмъ все эти качества должны соединяться въ баснописецъ. Есть на свѣтѣ такіе характеры, и они обыкно вѣчно отличаются оригинальностью и безпечностью. Ихъ то почтете плутами и шалунами, то философами и поэтами. Въ бесѣдѣ они то дополненіе ума другихъ, то великіе мыслители. Баснописецъ — поэтъ, но въ немъ не должно быть страсти и необузданнаго восторга поэтическаго: онъ всегда «себѣ на умъ». Онъ философъ, но ему неприлично быть систематическимъ философомъ: отъ этого «умъ можетъ зайти за разумъ». Если такой характеръ случится у литератора, пусть онъ прійдется за апологи: апологъ его стихія. Тогда все увидать, что онъ поэтъ, что онъ уменъ, что онъ мудрецъ. Тогда онъ угадалъ свое назначеніе, и апологу онъ придастъ свою безпечность и оригинальность. Точно таковъ былъ Лафонтенъ: онъ сталъ писать басни, превосходно угадалъ свое назначеніе и создалъ настоящую форму аполога для своей страны и своего времени.

Человѣкъ съ душою поэтической, но неодаренный вышнюю творческою силою, мудрецъ, котораго физическое сложеніе и обстоятельства не допустили быть философомъ, Лафонтенъ могъ сдѣлаться или шутомъ, — въ его время къ сожалѣнію этого званія уже не было, или Французскимъ баснописцемъ. Онъ сдѣлался баснописцемъ. Тутъ онъ могъ удовольствоваться неясное поэтическое стремленіе души своей, посялъ тщетныхъ покушеній на другіе роды поэзіи. Не вѣрьте, будто Лафонтенъ былъ простакомъ, и не думайте, чтобы онъ былъ плутомъ, который прикидывался простакомъ. Характеръ его составилъ обстоятельства; онъ только отыскалъ свое мѣсто въ литературѣ, — и это очень хорошо поясняетъ характеръ Лафонтена и его твореній.

Когда потомъ своевольныя, прихотливыя, самолюбныя басни доставили ему безспорное отличіе между современными поэтами, когда его приняли въ общество свое Боало, Расинъ и Мольеръ, онъ презабавно хотѣлъ увѣрить другихъ, что действительно эти басни были плодъ предварительнаго ученія, размышленія, приложенія классическихъ правилъ. Прикидывался онъ или въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ этому, но, къ счастью, дѣйствовалъ иначе на практикѣ. Басня его была собственная Лафонтеновская. Уча другихъ мудрости, онъ шалилъ до старости. Увѣрая, что изучаетъ теоріи басни въ антикахъ, онъ творилъ ее по своей поэтической фантазіи. Классики иногда замѣчали китровость, и они очень разсердились на него, когда онъ выдалъ свои послѣднія басни, гдѣ дарованіе «добряка» разялось въ полной мѣрѣ. Что было дѣлать Лафонтену? Онъ увѣрилъ своихъ друзей, что онъ читаетъ, учится :

«Terence est dans mes mains, je m'instruit dans Horace
Homère et son rival sont mes dieux du Parnasse.»

Онъ говорилъ, что ему ужасно трудно *fabriquer à force de temps* свои прелестныя стихи. Надобно было подлаживать строгому Боало и сладостному Расину, угождать герцогамъ и герцогинямъ, попасть въ академію. И вотъ Лафонтенъ — классикъ! Людовикъ XIV говоритъ объ немъ академикамъ: *Vous pouvez recevoir La Fontaine! il a promis d'être sage.* И президентъ академіи встрѣчаетъ его рѣчью, гдѣ выпадаетъ ему: «Академія признаетъ въ васъ, милостивый государь, одного изъ тѣхъ превосходныхъ труженниковъ, одного изъ тѣхъ достойныхъ строителей храма славы, которые помогаютъ ей въ трудахъ, предпринятыхъ для украшенія Франціи, и продолженія памяти о царствованіи столь обильномъ чудесами; признаетъ въ васъ генія легкаго и свободнаго, исполненнаго въжностью и добродушія, видитъ нѣчто оригинальное, за-

ключающее въ себя, при наружной простотѣ и безпечномъ видѣ, великія сокровища и великія красоты».

Но теперь уже и Французскіе критики смѣются тому, что некогда въ Мольерѣ и Лафонтенѣ непременно хотѣли видѣть классиковъ. Теперь уже и они видятъ, въ чемъ состояли заслуги Лафонтена и сущность его дарованій: онъ былъ поэтомъ въ апологъ; онъ далъ апологу самобытное развитіе, *сообразное съ характеромъ своего народа и своего вѣка.*

Если предѣлы статья не даютъ намъ возможности высказать мысль нашу понитиѣе, мы пояснимъ дѣло близкимъ къ намъ прамѣромъ, обращаясь къ почтенному старцу, бесспорно притванному первымъ нашимъ баснописцемъ уже отъ двухъ поколѣній; къ человеку, котораго дарованіямъ изумлялся Пушкинъ; къ поэту, котораго сочиненія расходятся по Россіи десятками тысячъ экземпляровъ, и составляютъ утѣху дѣтства, наслажденіе всѣхъ, притѣръ для современниковъ, предметъ размышленія для критики. Если бы можно было говорить о самомъ поэтѣ, пока онъ еще украшаетъ литературу и своими баснями и своимъ присутствіемъ, — и дай Богъ, чтобы это продолжилось, — то мы сказали бы, что Крыловъ представляетъ разительное личное сходство съ Лафонтеномъ. Философъ, свѣтскій человекъ, поэтъ, онъ рожденъ быть баснописцемъ. Какъ Лафонтенъ, онъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ постигъ свое назначеніе, и почувствовалъ, что можетъ высказать себя только апологомъ, хоть прежде писалъ комедіи, издавалъ журналы и долго занимался литературою. Онъ началъ свой апологъ робко, классически. Его встрѣтили и судили классически, сравнивали съ Лафонтеномъ, съ Дмитриевымъ. Крыловъ молчалъ, обдумывалъ свой апологъ, и судьи совсѣмъ не приметили, какъ онъ развилъ его оригинально и своенравно, какъ создалъ изъ

него свой апологъ, апологъ Крылова. Всего забавнее, что Крыловъ былъ допущенъ въ соборъ нашихъ классиковъ какъ классикъ, а потомъ между нашими романтиками считался романтикомъ. Чтѣ жъ это за странность? Классикъ онъ, или романтикъ? Нѣтъ, онъ Крыловъ. Въ обществѣ Высокой Покровительницы наукъ, въ ученыхъ сословіяхъ, въ первомъ ряду нашихъ писателей, онъ вездѣ остался прежнимъ Крыловымъ. Теперь въ немъ видятъ отличнаго поэта, указываютъ на него какъ на искуснаго переводчика Лафонтена, и воздаютъ ему громкія похвалы за изобрѣтеніе предметовъ басенъ, за нравственность выводовъ, за вѣрность вымысла, за удивительную точность языка. Дѣйствительно, всѣ эти достоинства находятсѣ въ Крыловѣ, но только до известной степени, которая едва-ли доставила бы ему безсмертіе если бы оно раздавалось за подобныя заслуги.

Апологъ Крылова не выдержитъ разбора, если судить его по уставу строгаго Боало. Переводовъ его изъ Лафонтена мы не смѣемъ сравнивать съ переводами Дмитриева. Изобрѣтеніе предмета для басни не требуетъ большой мудрости: мы дуваемъ что каждый умный человекъ въ одинъ сутки можетъ выдумать дюжины двѣ сюжетовъ для басни, самыхъ остроумныхъ. Нравственность выводовъ въ басняхъ не можетъ быть принята какъ доказательство высокаго таланта: для этого достаточно быть честнымъ человекомъ. Притомъ же Крыловъ весьма часто и не думаетъ учить насъ нравственности: онъ только наблюдаетъ, дѣлаетъ отмычки для себя, и не заботится о духовной пользѣ своего читателя. Мы не видимъ ни какого нравственнаго урока въ слѣдующихъ панримеръ выводахъ:

«Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воряшекъ быть.»

«Какъ бываетъ жить ип тошно,
А умирать еще топити.»

«Чуть о покоши на дѣлѣ занкнешься,
То лучшій другъ
И вѣхъ и гдухъ!»

«Вору дай хоть миллионъ,
Оанъ воровать не переставеть.»

«Охотно мы даримъ,
Что намъ не платило самимъ.»

«На младшихъ не найдеть себя управы томъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.»

Вѣрности въ вымыслѣ во многихъ своихъ басняхъ онъ не соблюдаетъ. Щука плетъ у него ловить мышей съ котомъ; медвѣдь хочетъ торговать дугами, — предметъ, очень остроумно замѣствованный изъ Русской поговорки, но если дѣло коснется до вѣрности, то вовсе не вѣрный, — волки собираютъ дань съ овецъ тулупами; левъ наказываетъ лисицу за то, что она жаритъ себя рыбу; паукъ завидуетъ купцу и рѣшается торговать паутницей. Все это и десятки другихъ басень обнаруживаютъ совершенное презрѣнiе къ условiямъ вѣрности вымысла. Нерѣдко найдемъ мы и невѣрность въ разсказѣ. Чтѣ касается до удивительной точности языка, то почтенный Иванъ Андреевичъ не всегда согласенъ съ грамматическою братьею, и порой выкидываетъ ей такіа запятая, которыхъ она проглотить не можетъ.

«Журвалъ свой носъ по шею
Загулялъ къ волку въ пасть, и съ трудностью большою
Кость вытаскилъ.»

«Два были девушки, служанки, когда часть
 Была, съ утра и до глубокой ночи,
 Руки не покладывая, пряхь.»

—
 Какъ рѣдья таковы друзья.»

—
 «Лишь время не терять умей.»

—
 «И наконецъ я стала мать.»

—
 «Нового также мы боимся,
 Поколь къ чему не приглядимся.»

И прочая. Скорѣе следовало бы сказать, — вместо удивительная точность языка, — удивительная обработка стиха. Крыловъ, какъ все великіе поэты, обрабатываетъ и глядитъ свои стихи долго, тщательно, мучительно. Отдышка ихъ превосходна, но это отдышка гранитныхъ колоннъ, которыя полированы, блестятъ, однако жъ не легки и не вездѣ безъ изъяновъ.

Но въ чемъ же прелесть, достоинство и заслуга Крылова? Въ томъ, что онъ въ отношеніи къ Россіи то же, что Лафонтенъ въ отношеніи къ Франціи. Онъ первый создалъ *Русскій* апологъ, первый умялъ «повести побасенку» на Русскій ладъ, Русскимъ словомъ, Русскимъ умомъ, Рускимъ говоромъ, сдѣлалъ его для насъ роднымъ какъ Русская пѣсня. Заговорить Крыловъ, — мы видимъ умнаго Русака, который все смекнулъ, все знаетъ, только ниаго не хочетъ сказать, и вмѣсто отвѣта значительно почесываетъ голову. Да это нашъ! восклицаемъ мы издали, увидѣвъ такого человека. Въ каждомъ своемъ движеніи, въ каждомъ словѣ, въ каждой ухваткѣ, въ шуткѣ и въ глубоко-мысленномъ замѣчаніи онъ — «Русскій человекъ», съ головы до ногъ, говоритъ ли сказочку о щуцѣ, которая ловитъ мышей; представляетъ ли дурака Тришку съ обрѣзанными полями; собираетъ ли эдаковыя ме-

бать уху, когда синица зажигает море; заставляет ли пріятеля бриться тупыми бритвами. Сотни стиховъ Крылова пошли въ поговорки и пословицы, -- такъ они Русски! такъ вымыты и отделаны на Русскій образецъ!

«А ларчакъ просто открывалса!»

«А только вить вить вость, такъ что твои собаки!»

«Помають да отстануть!»

«Пушокъ на рыльцѣ есть!»

«Еще тарелочку!.....»

«Ай, моська! звать она сильна,
Что лаетъ на слова!»

«Да эта крыса мнѣ кума!»

«А Васья слушаетъ, да зсть!»

«А енлосовъ --
Безъ огурцовъ.»

«Да чтобъ гусей не раздражать!»

«Да плакать мнѣ какая статья:
Видь я же этого прихода?»

«Ну, братецъ, виновать:
Слова-то я и не приметилъ!»

«Про визитки Климычу читають,
А онъ урядлою киваетъ на Петра.»

Этимъ объясняется то преимущество, какое Крыловъ
безспорно имѣетъ въ нашемъ убѣжденіи передъ всеми

предшественниками и последователями. Онъ былъ естественно уменъ, они умничали; онъ отважился въ басню чтобы сказать свое, они думали, что въ форме басни вся задача; онъ самобытенъ, они подражали; онъ шутитъ отъ души, они хотѣли острить. Измайловъ думалъ перебить у него дорогу тѣмъ, что надѣлъ мужицкій зипунъ и писалъ трепака: но надѣ этихъ мимоходомъ посмѣлялись и баснописца забыли. Другую противоположность составляетъ почтенный ветеранъ нашъ, И. И. Дмитріевъ, который также обнаружилъ въ баснѣ необыкновенное дарованіе. Въ то время, когда Карамзинъ предпринялъ преобразование нашей прозы, Дмитріевъ оказалъ сажную услугу реформѣ нашихъ стиховъ. Но поэзія не была у Дмитріева главнымъ занятіемъ, ни какъ Искусство, ни какъ непреодолимое вдохновеніе. Это досуги ушнаго человека, который съ равною легкостью пишетъ оду, пѣсню, эпиграмму, сцену комедіи, сказку. Потому Дмитріевъ болѣе переводилъ. Апологъ служилъ ему средствомъ слегка шутить, поостриться; въ немъ не весь Дмитріевъ, не весь поэтъ. Онъ только шутитъ, и доволенъ, если читатель его улыбнулся. Но какъ переводчикъ Лафонтена Дмитріевъ можетъ почестъся образцовымъ, хоть самъ сказалъ:

«Какъ мѣсяцъ въ свѣтѣ, а все не солнца свѣтъ!»

Замѣчательное обстоятельство. То самое что дѣлаетъ Крылова единственнымъ и неподражаемымъ въ полниникѣ, служить ко вреду его въ переводѣ на всякій не-Русскій языкъ. Какъ бы хорошо ни переводили Крылова, все его красоты исчезаютъ вмѣстѣ съ національнымъ костюмомъ. Опытъ доказалъ это. Крыловъ великолепно былъ представленъ Французамъ графомъ Орловымъ, и вѣрно переданъ потомъ господиномъ Маскле, и не произвелъ никакого впечатлѣнія. Сильный умѣренный судъ Французскихъ критиковъ

былъ не въ пользу его. Этотъ окончательно выясняется высокое достоинство нашего Лафонтена.

Послѣ того, что мы сказали о Крыловѣ, насъ конечно не упрекнутъ въ желаніи унизить его превосходный талантъ, если мы скажемъ, что былъ на Руси человекъ, также мудрецъ и поэтъ, забытый всѣми, неопытенный, который можетъ похвастаться достойнымъ соперникомъ Крылова и смѣло поставленъ рядомъ съ нимъ, хотя онъ предшественникъ Крылова. Этотъ человекъ былъ Хемницеръ. Но онъ родился во время самаго тяжкаго классицизма, и не могъ быть понятъ современниками; робкій, странный, бѣдный, онъ умеръ въ одиночествѣ, на чужой сторонѣ, не зналъ смѣлы при жизни, не зналъ ея по смерти, и не постигалъ, можетъ-быть, даже своего высокаго литературнаго значенія.

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ не былъ Русской по рожденію. Отецъ его выехалъ изъ Саксоніи, служилъ въ Россіи около пятидесяти лѣтъ, отличался честностью и умеръ бѣднымъ, въ должности госпитальнаго надзирателя. Хемницеръ, нашъ баснописецъ, родился въ 1744 году. Надобно было искать хлѣба; отецъ назначилъ его въ лекаря, но сынъ не могъ преодолѣть своего отвращенія отъ анатоміи, и его записали въ военную службу по четырнадцатому году. Онъ служилъ двѣнадцать лѣтъ, бывалъ въ походахъ, и въ 1769 году вышелъ въ отставку поручикомъ. Куда дваться? Образованный отлично, онъ принять былъ чиновникомъ въ горный кадетскій корпусъ, и здѣсь провель на службѣ еще лѣтъ двѣнадцать.

Тихій, скромный, застенчивый, разсѣянный, настоящее дитя, Хемницеръ не могъ быть дѣловымъ человекомъ и успѣть по службѣ. Умъ его былъ оригинальный, но не блестящій; познанія были необыкновенны, но онъ не умѣлъ ихъ высказывать. Только не

*

многіе друзья понимали Хемницера, и дорожили его умомъ и вкусомъ, но и тѣ немогли удержаться отъ шутокъ, видя его простоту. Въ 1776 году, одинъ изъ его покровителей взялъ его въ чужіе края. Хемницеръ объѣхалъ Францію, Голландію, Германію, и возвратился прежнимъ, кроткимъ, простодушнымъ Хемницеромъ. Въ 1781 покровитель его оставилъ службу, и Хемницеръ долженъ былъ послѣдовать его примѣру. Онъ вышелъ въ отставку коллежскимъ совѣтникомъ и бѣднякомъ, имѣя на рукахъ старушку мать. Скоро потомъ ему предложили мѣсто консула въ Смирнѣ. Дѣлать было нечего; съ горестію отправился бѣдный Хемницеръ на чужбину, въ дальнюю Турецкую сторону, страдалъ тамъ около года, и умеръ 20 марта 1784, сорока лѣтъ отъ роду.

Вотъ все, что мы знаемъ о Хемницерѣ, и еще нѣсколько анекдотовъ.

Этотъ Нѣмецъ зналъ однако жъ Русскій языкъ какъ коренной православный. Державинъ былъ его другомъ и слушался его совѣтовъ. Россійская Академія избрала его въ члены при своемъ основаніи. Но Хемницеръ не смѣлъ писать по-Русски. Въ тишинѣ своего уединенія, можетъ-быть чувствуя иногда свое достоинство, онъ только върѣдка рѣшался изливать свои остроумныя замѣтки на бумагу, испытывать свое необыкновенное поэтическое дарованіе, и все это облачалъ онъ въ простую форму аполога. Въ 1778 году, друзья, которымъ онъ прочитывалъ свои басни, уговорили его напечатать ихъ, но Хемницеръ не осмѣлился объявить своего имени, и издалъ книгу подъ знакомъ «N. N.». Въ 1781, собиравшись въ Смирну, къ издаваемымъ прежде двадцати семи баснямъ онъ прибавилъ еще тридцать четыре. Черезъ пятнадцать лѣтъ по смерти автора, кто-то изъ друзей его собралъ еще въ бумагахъ Хемницера двадцать пять басенъ, и вз-

даль ихъ ; съ предисловіемъ , въ 1799. Предисловіе было написано съ чувствомъ и умно : въ немъ сохранились и біографическія свѣдѣнія о Хемницера. Кнѣсчастью, вотъ что говоритъ сочинитель : « Больше распространяться о немъ повѣстію скромность дружеству не позволяетъ, опасаясь, чтобы непріятное ему «вспоминовеніе не показалось читателямъ скучнымъ «и въманія ихъ недостойнымъ.» Далѣе : «О достоинствѣ вообще сихъ басенъ и сказокъ, въ сравненіи съ «сочиненіями такого же рода, нѣтъ нужды говорить, «ибо перо, дружествомъ водимое, можетъ показаться «пристрастнымъ, и читатели одни только имѣютъ «право судить о цѣнѣ и о преимуществѣ словесныхъ «твореній». Съ такою-то робостью самые друзья Хемницера передавали творенія его тогдашней публикѣ. А читатели тогдашніе, что они сказали «о цѣнѣ и преимуществѣ сихъ словесныхъ твореній?» Кажется, *сн творенія* промелькнули незамѣтно. Судьба, столь немилосердая къ поэту, была безжалостна и къ плодамъ его пера. Когда басни Хемницера явились безыменно въ 1778 году, могла ли эта тоненькая тетрадка устоять передъ толстою славою и громкою книжещею «Притчей» Сумарокова? Спустя двадцать лѣтъ «сн творенія» явились опять : новое столкновение случайностей! Реформа Карамзинская увлекала всѣхъ; Дмитріевъ восхищалъ въ баснѣ своимъ изящнымъ остроуміемъ и вкусомъ. Черезъ десять лѣтъ потомъ явился Крыловъ.

Мы не скажемъ, чтобы Хемницеръ былъ вовсе забытъ въ нашей словесности : въ теченіе сорока лѣтъ нѣсколько разъ печатали его басни, приводили изъ нихъ примѣры въ нашихъ учебныхъ книгахъ, и помѣщали нѣкоторые въ нашихъ «*Образцовыхъ*» сочиненіяхъ». Но достаточно ли этого? Пользуется ли бѣдный Хемницеръ всею заслуженною славою? Показа-

до ль чье-нибудь искусное перо его великія достоинства? Нѣтъ!

А между-тѣмъ, — мы говоримъ по совѣсти, — Хемницеръ былъ одинъ изъ превосходнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, и достойнъ стать наряду съ Крыловымъ. *Сии творенія* должны быть такою же народною книгою какъ «Басни Крылова». Онѣ могутъ выдержать судъ, самый строгій, особливо, если сообразимъ, что Хемницеръ принадлежалъ еще ко временамъ Ломоносовскимъ.

Всѣхъ басенъ его дошло до насъ восемьдесятъ шесть. Нѣкоторыя переведены имъ изъ Лафонтена и Геллерта, но большая часть ихъ оригинальны. Мы уже сказали, что искусство изобрѣтать предметы для басней намъ кажется преимуществомъ очень посредственнымъ въ баснописцѣ: гораздо важнѣе то, что уже въ семидесятихъ годахъ Хемницеръ постигъ тайну настоящаго перевода апологовъ. Читая его «Зеленаго Ося», его «Медвѣдъ пласуна», не вѣрится, чтобы это былъ переводъ, и переводъ, которому пятьдесятъ лѣтъ. Вообще нельзя не удивляться языку и легкости стиховъ Хемницера, живости его разговора, искусству его въ описаніяхъ. Весьма многія басни, съ начала до конца, выдержаны мастерски, изумительно. Прочтите — Два Сосѣда, Ажецъ, Медвѣдъ пласунъ, Орлы, Богачъ и бѣднякъ, Львиный совѣтъ, Хитрецъ, Домовой, Зеленый осель, Воля и неволя, Лисица и сорока, Левъ, Поборъ львиный, Привилегія, Метафизикъ, Мартышка.

«Какой-то въ Лондонѣ хитрецъ одинъ сыскался,
Который публикъ въ листочкѣ общался,
Что въ узенькій кушминъ ось, веся,
Какожъ ось есть,
Съ руками,
И съ ногами,

Въ такой-то день выгнать шлать:
 При чемъ кушину оъ рисунокъ прилагаетъ,
 Почтенныхъ зрителей покорно приглашаетъ
 За входъ по столку-то платить:
 Начало ровно въ шесть часовъ имъеть быть.
 Пошли по городу ласты. — «Ба! что такое?
 Въ кушину звать? Что онъ съ уми сошелъ! Пустое.
 Глазъ это слыхано! Да и дуракъ пойметъ,
 Что способу тутъ нтъ,
 Хоть какъ ни сталъ бы онъ ломаться!
 Одвако, чтобы посмваться,
 Повдсь, поглядимъ, что это за чудакъ!»

—
 «Левъ учредилъ советъ какой-то, не известно,
 И посади въ него сочленами слоновъ,
 Прибавилъ больше къ нимъ ословъ.
 Хотя Слонамъ сидеть съ ослиами и невнятно,
 Но левъ не могъ того числа слоновъ набрать,
 Кикому видѣжало
 Въ советъ засѣдать.
 Ну что жъ, пускай числа всего бы не достало!
 Вдъ это-бъ не изшло
 Дала производить?
 Нтъ! Какъ же! А уставъ ужли переступить?
 Хоть будь осли судьи, лишь счетомъ бы нтъ стало.»

—
 Читая эти два примѣра, кто не изумляется преле-
 сти и простотѣ стила и разсказа? Разсказъ о битвѣ
 свиньи (Два сосѣда), о приемѣ бѣдняка и богача въ
 гостяхъ (Богачъ и бѣднякъ), о чтеніи трагедіи по э
 томъ и испугъ Домоваго (Домовой), о давкѣ народа
 вокругъ зеленого осла, разговоръ Волка, когда онъ
 замѣчаетъ, что у собаки сошла съ шеи шерсть отъ
 дѣпи (Воля и неволя); сойка, доказывающая лиси-
 цѣ, что хвостъ ея — питая нога; левъ, сватающій свою
 любовницу за осла; масло, которое катаютъ въ лапахъ
 сборщики львиные; метафизикъ, разсуждающій въ
 ямѣ, что за орудіе такое веревка, на которой хотять
 его вытащить, — все это не уступить лучшимъ мѣ-

стамъ изъ басень Крылова. Но Хемницеръ превосходитъ даже самого Крылова въ этомъ зломъ простодушiи, въ этой зацѣпкѣ мимоходомъ, которую онъ бросаетъ такъ легко, нечаянно, добродушно, что невозможно не подивиться чудному искусству поэта. Примѣры этого находятся почти въ каждой баснѣ.

«А уставъ ужъ переступить?»

Орлы составляютъ общество избранныхъ птицъ, и гонять отъ себя всѣхъ другихъ. Поэтъ продолжаетъ:

«Прошло, не знаю, сколько лѣтъ,
Однако, помнится, немного!.....»

Вотъ подають голосъ принять сокола. Орлы слушаютъ, рассуждаютъ —

«И впрямь!» орлы потомъ сказали:

«Его полетъ!.....»

А сверхъ того одинъ соколъ куда вѣдетъ.»

Шалуна записываютъ въ солдаты. Поэтъ говоритъ:

«Хоть межъ военныи и всякіе бываютъ,
Но палкою они жить многихъ научаютъ:
А впрочемъ, нужды въ этомъ нѣтъ,
Что столько жъ иногда умевъ и тотъ, кто бѣтъ,
Какъ тѣ, которые побой принимаютъ!
Однако шалуна и палка не беретъ!»

Мужикъ ѣдетъ съ возомъ по льду, и проваливается:

«Мужикъ метается и кричать:

«Ой, батюшка, тоу, тоу! Ой, помогите!»

— Ребята! что же вы стоите?

Поможете!» одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ однонъ обозѣ былъ.

«Поможемъ!» Каждый подтвердилъ;

Но къ возу между-тѣмъ никто не подходилъ.

А должно знать, что всѣ одной деревни были,

Друзьями межъ собою сами,

Неразъ за братское здоровье вмѣстѣ шли,

А сверхъ-того, между собой,

Для утверженія ихъ дружбы круговой,

Крестами даже поминались!

Другъ друга братомъ всякъ зоветъ :
А братвй возъ ко дву идетъ !»

Воры попались, боятся казни и ищутъ страпчого —

«Отъ смерти ихъ забывать.
Ведь тяжело умирать, какъ естѣльному члвкъ жить!»

Два богача начинаютъ тяжбу, и сыплютъ деньги
судьямъ —

«Безъ денегъ, какъ на торгъ, въ судъ не за члвкъ ходить.»

Тяжба тянется нѣсколько лѣтъ. Отчего же ?

«Ужъли ихъ судьи сговорились
Такъ долго дѣло волочить ?

Вотъ, тотчасъ клеветать и на судей взвонить,
И думать, что они изъ взятокъ согласились!...

Какъ-будто-бы нельзя другимъ причинамъ быть
Что дѣло тихо шло!... Ну, какъ тутъ поспѣшить :

Съ годъ говорить, объ немъ въ однихъ архивахъ рились.»

Обезьяна обойдена при производствѣ, Она горько
жалуется :

«И волка наградили!
Лисицу черезъ члвкъ
Судьею посадили
Въ куритникъ судить!.....

(Случится-же тикъ кстатъ посадить!)»

Вотъ начало басни «Имѣніе и ссора» :

«Не вѣсть разбойники, не вѣсть мурэмъ какіе,
Да только люди непростые,
И двое ихъ всего

(То есть, воть этихъ только двое:
А то ихъ всѣхъ число совсѣмъ другое).»

У льва была любовница :

«Ведь записываются любовными дѣлами
Не только межъ людьми, но также межъ скотами!»

Осла пригласили на львиную охоту. Оселъ гор-
дится, кричить, шумить.

Какъ члвкъ суда швой, чуть въ члены онъ попалъ,
Судейску важную осанку принимаетъ,

Возвонится, и всѣхъ ни за что почитаетъ.
 А что надвѣваетъ, и что наговорить,
 Всегда и всякому, что «членъ» оны подтасовать;
 И сжели кого другаго не воймаетъ,
 Хотя на улицѣ въ ребятахъ радъ пристать,
 И нитъ, что «членомъ» оны, скажутъ;
 Въ письмахъ къ роднымъ своимъ не можетъ удержаться,
 Чтобъ «членомъ» каждый разъ ему не подписаться;
 И словомъ, весь оны — «членъ», и въ домѣ, отъ людей,
 Все «членъ» по вежъ, да лошадей!

Начало сказки «Счастлиное супружество»:

«Вотъ, говорить, прихвровъ изъ,
 Чтобъ мужъ въ ладу съ женою ждалъ,
 И даже и по смерть другъ друга бы любилъ:
 Ой, здѣшній сать!»
 Привыкнувъ клеветать, чего уже не измѣсть!»

Слѣдуетъ рассказъ о счастливыхъ супругахъ, рассказъ прелестный, который вдругъ перерывается вопросомъ:

А сколько лѣтъ ихъ вку было?.....

Да! сколько лѣтъ! — съ какою и востю;

А безъ того

На сказку бь походяво.»

Никакого правоученія тутъ не прибавлено. И на что оно?

Уже и этихъ немногихъ прихвровъ достаточно чтобы оцѣнить высокое, неподдѣльное дарованіе. И не должно ли удивляться, жалѣть, негодовать на собственное наше равнодушіе, что этотъ человекъ забытъ нами, оны, который такъ писалъ въ семидесятыхъ годахъ!

Рѣшительно, басни Хемницера являютъ образецъ истинно народнаго Русскаго аналога до Крылова. Это драгоценный алмазь, заброшенный въ пыли, но достойный сіять въ вѣнцѣ Русской Словесности. Конечно, очень трудно побѣдить предрасудокъ: но побѣдимъ же его, отроемъ новый кладъ въ родной землѣ, возьмемъ въ руки эти драгоценныя басни Хемницера,

и устыдился непробудимой холодности, съ какою мы смотрѣли на нихъ досель! До Крылова, этотъ чудесный поэтъ уже превосходно достигалъ тайну руссизмовъ. Мы видали это изъ приведенныхъ отрывковъ. — Посмотрите, какъ хороши слѣдующіе. Стрелитель располагается строить домъ, и собираетъ матеріалы.

«И собралъ ужъ немало.

Постройка долго ли? *Лиза* *быда* *начало.*»

Мужъ спрашиваетъ у Харона, куда онъ отвезъ жену его?

«Въ рай, или въ адъ? — Въ рай!» — Можно ль статься!....

Меня жъ куда везешь? — «Туда жъ гдѣ и ова.» —

Ой, нѣтъ, такъ въ адъ меня!»

Но мы не смѣемъ умножать числа выписокъ. Хемницера можно упрекнуть въ одномъ только: у него не было еще того полнаго, веселаго, Русскаго разгула, той Русской беззаботности, въ которыхъ такъ недодражаемъ Крыловъ. Хемницеръ иногда не смѣетъ разговариваться, можетъ быть, чтобы не заговориться. На немъ приметны мѣстами слѣды оковъ классическихкихъ. Въ языкъ своемъ онъ какъ-будто хочетъ казаться челоуѣкомъ *comme-il-faut*, — церемонія, совсѣмъ лишняя въ баснѣ, — и боится часто употреблять коренныя Русскія рѣчи, хотя самъ такъ счастливо употребилъ слово *отморокъ*, говоря о лисьей норѣ, или слово *безпрокій*, говоря о старомъ конѣ. Слухъ нашъ оскорбляется еще иногда словами, уже вышедшими изъ употребленія, и изрѣдка старинною манерою стиха, но вспомните жизнь Хемницера, вспомните время, когда онъ жилъ, и то что у него не было образцовъ! Крыловъ уже не могъ не знать басенъ Хемницера.

Русскій народъ, кажется, отгадалъ наконецъ Хемницера, и если молчать судьи словесности, зато лучшій критикъ басенъ, народъ, начинаетъ цѣнить ихъ

по достоинству. Онъ уже усвоилъ въ себя. Между-
тѣмъ, какъ басень Крылова не могутъ довольно наве-
чататься великолѣпными и разнообразными изданіи-
ми, Хемницера также стали печатать безпрестанно,
покаместъ, для простонародья. Въ три послѣдніе го-
да, мы видали съ подложными изданіи его басень. Къ
сожалѣнію, эти изданія очень плохи, съ ошибками,
на сѣрой бумагѣ. Бѣдный Хемницеръ! Неужели не
найдется никого между Русскими книгопродавцами,
кто бы поклонился тѣни поэта изданіемъ, достойнымъ
его высокаго, удивительнаго таланта?

IV.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОИЩА.

АВГУСТЪ, 1837.

НОВЫЯ КНИГИ.

стихотворенія Константина Базтурина. *СП.-бурга, въ тип. Праца, 1837, въ-8. Часть первая, стр. 166.*

Во всякой литературѣ лучшія книги — тѣ, которыхъ читать не надобно. На такихъ книгахъ бываетъ родъ ермачковъ, какъ на пшукъ сукна, либо другаго товару: взгляните на ермачокъ, и онъ вамъ скажетъ, какой доброты товаръ, сколько въ немъ шеры, какая его цѣна. Прекрасное изобрѣтеніе! Не нужно ни развертывать, ни разрѣзывать, ни разсатривать. Въ книгахъ такіа сигнатурки называются «посвященіями». Они бываютъ болѣе или менѣе длинныя. Но вѣтъ даже ни какой надобности читать все посвященіе: довольно мелькомъ взглянуть, пробѣжать нѣсколько строчекъ, поймать нѣсколько словъ. Изпримѣрь:

«Я помню днѣ, не зная славы.....

Ужъ богъ задумчивости *сладкой*.....

Какой-то дионный идеалъ,

Къ нему.....

.....мечтавъ.....

.....Сердца темныя жельвъ.....

.....съ волшебною мечтою.....

.....въ шель упоеній

Утопъ я пылкою душой.....

.....добрыя геній.....

.....жизни молодой.....

.....миръ воздушный.....
 .....причудливой мечты,
 .....зритель равнодушный.....
 Когда жъ опять?.....
 Но вы, минуты вдохновенья.....
 Печаль и жажда плеснопльня.....
 Погибшій шопоть сателыхъ думъ.....
 .....Я сердцемъ тишень.....
 Ни премаихъ чувствъ, ни прежней силы
 Уже въ мечтахъ не нахожу,
 И какъ на братскія могилы,
 На плени юности глажу».

Конечно, надобно быть знатокомъ товару, чтобы такъ быстро, помощію одного взгляда на сигнатурку, одвѣтъ отрывистыхъ фразъ, узнать все, что находится въ этой штукѣ; иначе будете глядѣть на нихъ какъ на «братскія могилы»: но въ каждомъ дѣлѣ надобно быть знатокомъ. Практика — великое дѣло! Если вы приобретае некоторую опытность въ чтеніи «Стихотвореній», то, послѣ этой выписки, имѣете полное понятіе о «Стихотвореніяхъ» господина..... чѣмъ бы то не было! Мы никого не называемъ по имени. Вы прочитаете всю книгу, отъ первой страницы до послѣдней, и ничего не прибавите. Мы советуемъ всемъ и каждому употреблять это средство, вообще, при чтеніи стиховъ: оно просто, удобно, легко, не отнимаетъ времени. Неужели вы до сихъ-поръ читаете стихотворенія отъ начала до конца? Быть не можетъ! Взгляните на «Сказку», — мы никого не называемъ по имени, даже сказокъ, — на какую-нибудь сказку: если вы увидите въ ней наприимъ такую поэзію —

«Привлазавъ коня съ кольцо (?),
 Втягавъ прямо на крыльцо;
 По нзбъ пошелъ гулять
 Чтобъ хозяйна сыскать;
 Но по встѣмъ въ нзбъ угламъ
 Какъ ни шарилъ, здѣсь и тамъ,
 То въ чуланъ, то на полатъ —
 Нтъ! и слухомъ не слышать!
 Нилъ подумавъ: что за пропасть?
 Хлѣба, щѣй, всего здѣсь пропасть,
 А не впадо никого:
 Впрочемъ, что мнѣ до того?»

Какъ скоро вы увидите такую поэзію, — что важъ до того, какая это сказка! Вы сейчасъ видите, въ дюжннхъ строчекъ. что это просто подогрѣтая поэзія; поэзія на несчастный манеръ, который Пушкину вздумалось назвать «Русскимъ», и на который написано было послѣ него такое множество безвкусныхъ связокъ. Такимъ же образомъ вы поступите, если гдѣ-нибудь встрѣтите стихи къ мечтѣ, къ Цыганкѣ, къ бурѣ, къ тишинѣ, къ звездочкѣ, къ Риму, къ ночи, къ генію поэта: кто ихъ не писывалъ, и кто ихъ читаетъ теперь?

Ту же самую методу, и еще съ большими успѣхомъ, можете приложить къ чтенію вслнхнхъ драматическихкихъ отрывковъ, — предполагая, что вы въ состояніи читать драматическіе отрывки, какъ вые въ состояніи ихъ печатать. Если вы видите, что въ отрывкѣ Христіана жестоко бранитъ Мональ-дески зато, что онъ разлюбилъ ее —

«Поставь желя совершенство,
Любви высокой идеаль»,

и потомъ закалываетъ его, такъ, что —

«.....слова ея гремѣли,
Но онъ окончилъ бытіе,
И брызги крови полетѣли
На платье бѣлое ея», —

вы сейчасъ понимаете что это за драматическій отрывокъ, и каково должно быть цѣлое, когда это только его отрывокъ! Для упражненія читателей въ искусствѣ читать драматическіе отрывки, мы приведемъ еще одинъ примѣръ. Предположимъ, что на свѣтѣ существуетъ такой отрывокъ, гдѣ Ляпуновъ, котораго изъ бездѣльниковъ и мерзавцевъ тлнуть у васъ съ нѣкотораго времени въ герон и великіе люди, Ляпуновъ

«съ порывами души,
На пышный Кремль глядя въ тиши»,

разговариваетъ съ Козьмою Минянычъ, и тотъ совѣтуетъ ему не добиваться Русскаго престола, котораго Ляпуновъ никогда и не добивался, и все это для того, чтобы сказать въ концѣ —

«Я Минячъ Сухорукой,
Нижегородскій мѣщанинъ (?)»,

спрашивается, — что вы выиграете, если прочтаете такой отрывок? Славу, что прочтала отрывок? Дрянная слава!..... Впрочемъ, какъ вамъ угодно: есть даже писатели, которыхъ вся слава составлена изъ отрывковъ.

ПОЭТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ *Украины, Одессы и Крыма. Письма въ стихахъ къ графу В. П. З.....у*, Ивана Борозды. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1837, въ-8., стр. III и 242.

Мы смертельно болясь, принялись за эти «Поэтическіе очерки», встрѣтились въ нихъ съ какиъ-нибудь Московскимъ поэтомъ въ Чайльдъ-Гарольдовскомъ плащѣ, съ Русскимъ Баброномъ, который взлѣзъ на Аю-Дагъ съ *отцужающею душою* и бранить оттуда на весь Крымъ насъ, *толпу*. Чего добраго! Берега Крымскіе заманчивы, Украинскія ночи роскошны, за душами, отпавшими въ почку, ходить у насъ не далеко, поэтическія слезы, идеалы, мечта, тоска сердца, печаль юности, *сладкія* вдохновенія, ни по чѣмъ: Московскіе и Петербургскіе Чайльдъ-Гарольды какъ разъ и туда заберутся. Нынче ни по Тверскому Бульвару, ни по Невскому Проспекту, пройти нельзя, чтобы не наткнуться на Чайльдъ-Гарольдовъ, самыхъ поэтическихъ и немилосердо бородастыхъ. Но, слава Богу, мы ошиблись: Г. Борозда не Чайльдъ-Гарольдъ; его «Очерки» не элегіи, ни Фракійскія, ни Черноморскія, ни даже Зажосквортыцкія.

Очень мило, шуточно, довольно весело и разнообразно описываетъ намъ Г. Борозда свои впечатлѣнія во время поѣздокъ по Украинѣ, по Одессѣ, по Крыму. Весь недостатокъ «Очерковъ» Г. Борозды состоитъ въ томъ, что они слишкомъ подробны въ иныхъ мѣстахъ: онъ большой охотникъ до поэтической географіи, такъ что могъ бы даже, безъ ущерба себѣ, уволить насъ отъ двухъ третей замѣчаній или примѣчаній къ «Очеркамъ». Вообразите, что къ двѣнадцати небольшимъ отдѣленіямъ или письмамъ, на которыя разделены «Очерки», примѣчаній у него болѣе полутораста, чуть не двѣсти. Вообще стихъ съ выноскою производитъ надъ нами впечатлѣніе Египетскаго героя съ хвостомъ: невольно спрашиваешь себя — какъ этотъ хвостъ помогать ему въ

великихъ дѣлахъ? Но страшно и вѣзаться за поому, для полнаго понятія которой надобно дѣлать объясненій! И какіхъ еще объясненій! Г. Бороздина объясняетъ намъ, что Гиметь — гора въ Греціи, когда-то славная медомъ; что Теоръ — Нѣмецкій агрономъ; что Ручь — Петербургскій портной; что Сальфанда — богиня воздуха (?); что нижпръ — шептала; что бѣза — напвтокъ; что Владиміръ крестился въ Херсонѣ; и такъ далѣе. Намъ кажется, что и объясненія шканцовъ, рупора, трапы не нужны въ поэмѣ. Мы лучше желали бы видѣть въ книгѣ его, вмѣсто подобныхъ объясненій, побольше подобныхъ стиховъ:

«О, помню я блаженный (?) часъ,
 Какъ Море Черное предъ нами,
 Съ его (то есть, съ своими) скалистыми брегами,
 Съ его (своими) кипучими волнами,
 Вдлин открылось въ первый разъ!
 Съ какимъ-то страхомъ, нетерпѣньемъ,
 Я на него тогда взираль,
 И, полонъ сладкимъ вдохновеньемъ,
 Приватный стихъ ему послалъ!
 Пылало солнце, догорая;
 Съ лазурью волнъ лучи слились;
 Далеко по морю мелькая,
 Какъ птица ширококрылыхъ стая,
 Въ Одессу корабли неслись.
 Могу ль забыть тотъ мигъ отрадный,
 Какъ я ступилъ на брегъ крутой,
 Какъ ресотъ моря вѣковой (?)
 Извѣилъ, выполнилъ слухъ мой жаждный
 Своей гармоніей живой?»

«Но отъ небснаго къ мірскому
 Одишь, призваться, только шагъ.
 И на ляхихъ шестерикахъ (?)
 Домчались мы, какъ на крылахъ,
 Уже къ шлагбауму гордскому (?).
 Жиды, цыганы, ящички,
 Барышнякя, покупщички,
 И лошади, и скоть рогатой,
 Столм мѣняль, сбившечники,
 Все это въ группѣ очель сжатой,
 Ужасно пыльной, полосатой (?),

Крикливой, пестрой и живой,
Мелькнуло летомя предо мной.

«Квартира, мамн ванная,
Была против самых рядовъ,
Довольно чистая (?), такая,
Гдѣ бы мнѣ слѣзъ жить я былъ готовъ.
Изъ оконъ видны балаганы,
Въ которыхъ -- рюмки и стаканы,
Фарфоръ, кенкеты, хомуты,
Фаянсъ, хрусталь, зеркала ряды,
Игрушки дѣтскія, картонки,
Пу, словомъ, всякія новинки,
Бросалъ пыль въ глаза людей,
Ихъ мамать прелестью своей.
Межъ тѣмъ примѣтно вечерало,
Мы пили чай.....»

Тутъ можно бы..... Но, выпишемъ лучше эпилогъ «Очерковъ» Г. Бороздны.

«Такъ трудъ мой возрасталъ въ тиши.
Птенецъ задумчивой души
И перелетныхъ вдохновеній,
Овъ много, много наслажденій,
Навѣялъ на меня въ слухи.....
Что жъ встрѣтить опъ на прагъ (?) свѣта?
Улыбку ль ясную привѣта,
Иль мрачный аристарха взоръ,
И безошадный приговоръ,
Отраву для души поэта?
Что бъ ни было, — я ждать готовъ
Колочныхъ терній и цвѣтовъ».

Какая же рука аристарха не дрогнетъ послѣ этого, и кто осмѣлится «мрачнымъ взоромъ» и «безошаднымъ приговоромъ» отравить душу поэта? Никогда, никогда! Сохрани насъ божество Пинда, Парнасса и Геликова*! Мы спѣшимъ встрѣтить поэта, на прагъ свѣта, улыбкой ясною привѣта.

нилась Медвѣжья лапа, атаманъ контрабандистовъ, или Нѣкоторыхъ чертъ изъ жизни Фридриха II, и прочая. Часть III, стр. 12 и 395.

* Горы въ Греціи.

Мы сдержали слово, данное при выходе двух первых частей «Никласа»: мы прочитали и третью часть этого романа, и совсѣмъ не чувствовали медвѣжьихъ лапъ страшнаго атамана контрабандистовъ. Впрочемъ, его убиваютъ въ началѣ третьей части, и, что удивительнѣе, безъ него дѣло идетъ еще лучше. Онъ, кажется, только и надобенъ былъ для заглавія книги. Обзапные автору за удовольствіе, какое принесла намъ его Медвѣжья лапа, мы долгомъ почтѣемъ однако жъ замѣтить ему невѣрность одного изъ событий, тѣмъ болѣе удивительную, что, любя аккуратность по исторической части своего романа, онъ въ этомъ мѣстѣ не указываетъ на источники, какъ то дѣлаетъ въ другихъ частяхъ книги, гдѣ точь-въ-точь самый тщательный собиратель историческихъ Quellen, этого мученія и блаженства Нѣмецкаго, онъ смѣло погружается въ цитату и дѣйствуетъ на читателя съ низу страницы. Вотъ въ чемъ дѣло: когда Фридрихъ, рѣшительно разсердясь на Вольтера, послалъ къ нему съ пажемъ своимъ письмо, въ которомъ высказалъ своему любезному гостю и камергеру все его глупости, Вольтеръ точно взбѣсился, закричалъ, забранилъ короля: пажъ съ трепетомъ просилъ его перестать браниться; Вольтеръ обратился къ пажу, кричалъ, шумѣлъ, доказывалъ свою невинность, и кончалъ тѣмъ, что онъ находитъ себя виноватымъ передъ королемъ только въ одномъ, — что выучилъ Фридриха «писать Французскіе стихи лучше своихъ собственныхъ». Плутъ зналъ, что, бранясь, надобно оставлять слово на мѣрѣ, а лучше такого слова онъ не могъ бы никогда придумать. Пажъ проситъ наконецъ отвѣта. «Перескажите ему все, что вы слышали», вскричалъ Вольтеръ: «только все перескажите, все!» — Фридрихъ нетерпѣливо дожидаясь возвращенія пажа, и едва завидѣлъ его, какъ бросился къ нему, говоря: «Отвѣтъ!» Пажъ молчитъ. «Отвѣтъ, говорятъ вамъ!» Опять молчаніе. «Развѣ ты не отдавалъ ему моего письма?» — Отдалъ, ваше величество. — «Самому?» — Да. — «И онъ читалъ его?» — Да. — «При тебѣ?» — Да. — «Что жъ онъ сказалъ?» — Я не смѣю повторить. — Фридрихъ вспыхнулъ. — «Говори сейчасъ!» — Ваше величество..... — «Я приказываю; говори, или страшись моего гнѣва!» — Съ трепетомъ пересказываетъ пажъ все слышан-

ное, — крикъ, брань, ругательства Вольтера. Фридрихъ ходитъ по комнатѣ, глаза его сверкають, горять..... До сихъ поръ все съ точностью пересказано у Г. Зотова; но окончаніе изложено не совсѣмъ такъ. Г. Зотовъ увѣряетъ, будто Фридрихъ, выслушавши разсказъ пажа до того мѣста, гдѣ слышанъ призываніе Вольтера, что Фридрихъ пошетъ теперь стихи лучше его самого. вдругъ утихъ, и, пожавъ плечами, сказалъ только: «Онъ съ ума сошелъ!» Гитъ Фридрихъ выслушалъ слова о стихахъ, но плечами не пожималъ, а вдругъ остановился, съ улыбкой оборотился къ паку и спросилъ: «Точно-ли сказалъ это Вольтеръ?» — Точно сказалъ. — Фридрихъ еще разъ прошелся по комнатѣ, еще разъ улыбнулся, но уже безъ сердца, и промолвилъ: «Онъ дуракъ, но добрый человекъ, а только очень горячъ.» Гитъ короля тотчасъ прошелъ, и на этотъ разъ ссора была кончена. Такъ описываютъ эту сцену достоверныя историкъ, и Г. Зотовъ, вѣроятно, не оскорбится..... Извините, принявъ новости. Московская почта привезла къ намъ цѣлую кучу литературныхъ драгоценностей, и, кажется, — прости, Боже, согрѣшенія наши! — все романы..... Не угасно ли полюбоваться?

1. ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ. *Историческій романъ. Сочиненіе М..... Д..... Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-12. Три части, стр. 254—188—124.*

2. МИХАИЛЬ НОВОГОРОДСКІЙ, или *Нарушенная клятва. Россійско-историческій романъ въ трехъ частяхъ. Сочиненіе Н. Зрахова. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-12., стр. 107—112—138.*

3. ВОРИСЬ ГОДУНОВЪ, и *Россія въ XVII столѣтіи. Сочиненіе М - Р - К. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-12. Три части, стр. 198—126—112.*

4. ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ: *Могила двухъ, или Чувствительное сердце только разъ любитъ. Сочиненіе Степана Карпенка. Никольская слободка, Черниговской губерніи, Остерскаго уѣзда. Москва, въ тип. Кириллова. 1837, въ-8., стр. 48.*

Видяте: не только романы, но даже историческіе романы! И четыре вдругъ!

Разсматривая эти Московскіе историческіе романы въ про-
странствѣ времени, мы находимъ, что они все вмѣстѣ состав-
ляютъ тысячу четыреста страницъ. Три изъ нихъ напеча-
таны въ типографіи Г. Смирнова, а одинъ въ типографіи Г.
Кирилова. Общіе свойства всѣхъ ихъ состоятъ въ томъ, что
они изданы въ двѣнадцатую долю, на отличной старѣ бумагѣ,
съ полнымъ освобожденіемъ отъ стѣснительныхъ правилъ
грамматики, и куріозною разстановкою знаковъ препина-
нія, которая въ иныхъ мѣстахъ совершенно истребила
смыслъ человѣческой. Все они принадлежатъ къ одному ро-
ду сочиненій, именно къ отвлеченію романовъ историче-
скихъ. Содержаніе всѣхъ взято изъ отечественной исторіи,
съ прибавкою по мѣрѣ силъ и возможности, для забавы чи-
тателей, кое-какихъ безсмыслицъ.

Частныя ихъ различія суть: два сочинителя выставили
свои имена, Г. Зряховъ и Г. Карненко; одинъ подписался
монограммою и-г-к, или д-г-к, какъ увѣряютъ въкоторые.
Начальныя буквы имени четвертаго Московскаго романиста
выставлены — и. д.

Касательно литературной красоты, мы находимся въ за-
труднительномъ положеніи Париса, не зная, кому отдать зо-
лотое яблоко критики. Все онѣ такъ хороши, такъ хороши,
что напоминаютъ стихъ Хвильницкаго —

«А въ хорошевыихъ страхъ трудно браковать!»

Начнемъ по старшинству описанныхъ событій.

«Димитрій Донской», сочиненіе М. Д., пять сотъ шесть-
десать шесть страницъ, въ нисходящей пропорціи, потому
что первый томъ содержитъ въ себѣ дѣвяти пятьдесятъ че-
тыре, а третій только сто двадцать четыре страницы. Это
полная исторія Димитрія Донскаго. Особенно превосходна
картина рыцарскаго каруселя, списанная съ каруселя Мо-
саовскаго воксала. Для этого каруселя при Димитрій Дон-
скою, по слову сочинителя, построенъ былъ въ Сокольни-
кахъ обширный амфитеатръ; Димитрій Донской сидѣлъ въ
великокняжеской ложѣ и раздавалъ побѣдителямъ *лавровые
вѣнки*, «эмблему рыцарскаго геройства.» Недурна и та сце-
на, гдѣ Мамай, лѣтъ за двадцать до открытія Америки, си-
дѣтъ на диванѣ и курить вагштафъ изъ индійскаго кальяна.

Слогъ романа прелестный. Вотъ образецъ описательнаго слога :

«Время подлѣдило къ веснѣ, и природа начала пробуждаться постепенно отъ ледянаго сна и облекаться въ зеленую одежду. Былъ уже полдень. Солнце высоко неслось по голубому небу, и златистыми лучами лалило обширныя равнины плодородной страны иволжской.»

Но лучше что-нибудь патетическое.

«Прощальный взоръ его (Дмитрія Донскаго) былъ устремленъ въ прелестную Евдокію. Онъ (то есть, взоръ) скоро поцѣловалъ у нея руку и чувствовалъ, какъ ея живая рука дрожала въ рукѣ его; кровь закипѣла въ жилахъ его; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и распрощавшись со всѣми, удалился съ святою своею въ занимаемый ими (то есть, тѣломъ) теремъ.»

«Здѣсь то на свободѣ онъ (все тотъ же взоръ) почувствовалъ непостижимый пламень, пожирающій его сердце. Прелестный образъ Евдокіи носился передъ нимъ ежеминутно. Теперь то онъ почувствовалъ вполне, что значитъ влюбиться. Это чувство было ново въ жизни его, и онъ не могъ постычь его, если бы не изъяснилъ ему другъ его, князь Волынской.»

— Что, государь, поправилась ли вамъ дочь князя Нижегородскаго Евдокія? входя въ отдохновенную горницу и садясь на софу, говорилъ князь Волынской.

— О! выше чѣмъ поправилась! Я не могу изъяснить тебѣ того чувства, которое заронилось въ мою душу! Это не воплощенное существо, и съ чѣмъ мнѣ еще сравнить несравненную! съ жаромъ отъ вѣчалъ великій князь.

— О, теперь понимаю, государь; вы начинаете бредить отъ жару. Поздравляю васъ, вы влюблены. Впрочемъ, государь, выборъ вашъ превосходный; лучшаго, кажется, быть уже не можетъ; вы не ошиблись. Въ, и братъ вашъ, и наши князья, безъ ума отъ васъ; она обворожила всѣхъ своимъ личикомъ», говорилъ князь Волынской.

— О другъ мой! говорилъ, обнимая Волынскаго, великій князь: теперь то я понимаю, что значитъ любить! О любовь, любовь! какъ ты мучительна! Зачѣмъ увидѣлъ я тебя, Евдокія! О Евдокія, Евдокія! Прежде я не зналъ этого чувства (чувства увидѣть); я былъ покоенъ; а теперь.....

— А теперь любите Евдокію.»

И такъ далѣе. Вотъ что называется чувствовать, что романъ есть слогъ и что безъ слога нѣтъ романа!

«Михаилъ Новгородскій», сочиненіе Г. Зрядска, извѣстнаго уже сочиненіемъ «Амонія, или Хижина среди горъ»,

три тома, страницъ триста пятьдесятъ семь въ восходящей пропорціи, потому что въ первомъ томѣ только сто семь, а въ третьемъ уже сто тридцать восемь страницъ. Весь вообще романъ двести девятыю страницами менше «Дмитрія Донскаго». Форматъ также гораздо менше, но зато литературнаго достоинства гораздо больше.

Начинается тѣмъ, что Марѳа Посадница принимаетъ Михаила въ какой-то Новогородскій клубъ, вѣроятно Англійскій. Потомъ ведутъ Михаила въ пещеру, гдѣ онъ отыскиваетъ мать и невѣсту. Приходятъ злодѣи и начинаютъ пестъ ихъ рѣзать. А Михаилъ всѣхъ этихъ злодѣевъ убиваетъ, и еще жалуется на вѣщъ. Опять сильно рѣжутся. Тутъ недорѣзанные злодѣи зажигаютъ домъ. Михаилъ опять ихъ рѣжетъ, и въ этотъ разъ находитъ у нихъ отца своего въ лѣсу, въ подземельи; всѣ начинали уже быть счастливы, зрѣзанные и живые, когда приходитъ Іоаннъ съ Московскимъ войскомъ. Михаилъ рѣжется въ послѣдній разъ, а въ заключеніе казнятъ Марѳу Посадницу. Таковъ «Россійско-историческій романъ» Г. Зряхова. О слогахъ можно судить по содержанію.

Борисъ Годуновъ, сочиненіе М. Р. К. или Д. Р. К., триста шестьдесятъ шесть страницъ, двумястами страницъ менше «Дмитрія Донскаго», и девятыю страницами болше «Михаила Новогородскаго», но форматъ болше того и другаго. Собственно говоря, это «Аммалать-бегъ» покойнаго Марлявскаго, вывороченный на изнанку. Роль Амалата играетъ какой-то Свяцкій. Онъ сначала учится у Нтыца всѣмъ наукамъ, потомъ дерется, влюбляется, извиняетъ отечеству и умираетъ въ раскаяніи монахомъ. То, чего нѣтъ въ «Аммалать-Бегъ», выписано изъ Карамзина. Являются Борисъ Годуновъ, Самозванецъ, Марина, Поляки, и прочіе. Но романъ особенно отличается слогахъ:

•Знойныя думы, еще неслыныя, туманныя, какъ предметы, задержуныя флеромъ вечерняго тумана, думы, въ которыхъ онъ самъ еще себя не можетъ дать отчета, спираются въ головѣ Свяцкаго и разрываютъ черепъ; онъ хотѣлъ на волю, а имъ не даютъ воли! Душа алчетъ и жаждетъ.....

Но оставимъ Свяцкаго съ разорваннымъ черепомъ: — послушайте, лучше, какъ говорятъ Ковкордія, подруга Ма-

рины и любовница героя съ «знойными думами» и «разорванными черепомъ»:

« — Нѣтъ, нѣтъ, *Марина!* ты судишь, какъ *мужчина!* говорила Ковкордія. *Сфера женщины — любовь. Любовь — жизнь ея; безъ любви женщина — мертвый, неодушевленный истуканъ, безжизненная статуя, лампада безъ огня!* Нѣтъ, *Марина!* одна любовь можетъ украсить жизнь женщины; женщина создана для любви.....

« Да, развѣ я отвергну *это*, Ковкордія? И я женщина, и я могу чувствовать *любовь*; я ее понимаю и чувствую, я знаю сама, что *верховное и высшее* для женщины счастье — *любовь!*»

Мы были бы готовы поставить «Бориса Годунова» рядомъ съ «Михаиломъ Повгородскимъ»: но нѣтъ, «Михаилъ», кажется выше. А выше ихъ всѣхъ — романъ Г. Карпенки. Вотъ созданіе высокое и неподражаемое! Выше его и быть не можетъ.

Надобно вамъ сказать, что авторъ — нѣкто юный поэтъ. Онъ приготовилъ уже семь романовъ, пять трагедій, четыре оперы и восемь комедій. Выданный теперь романъ есть только первый опытъ книгопечатанія. Со временемъ потомство придетъ, можетъ-быть, кланяться «Никольской слободкѣ Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи», какъ ходитъ оно кланяться мѣсту рожденія Шекспира, Стразбурду на Эвонъ. Полюбуйтесь на твореніе Г. Карпенки: тутъ все отличается самобытностью гениа.

Названіе, напримеръ: «Историческій романъ, Могилы двухъ». Далѣе: «иля Чувствительное сердце только разъ любить».

Три части, и всѣ три составляютъ только сорокъ восемь страницъ; и всѣ три стоятъ только два рубля, какъ назначено на оберткѣ; и всѣ три въ одной тетрадкѣ. Вы догадываетесь, какое это изданіе, и для кого оно. «*И посла Г. Карпенко по Варязи за море; и придоша Варязи, и купиша книжицу, и отправишася съ нею на ярмарки и рынки, и бысть ея торгъ великій*»

Содержаніе — чудо! Вотъ, съ позволенія, жить въ Києвѣ «гражданинъ кожевеннаго художества»; у него была дочь Марѳа и, «въ числѣ наекипковъ, юноша Гевнадій». Полюбили они другъ друга, и въ любви своей очень пламенно объяснились. «*Марѳа поспышно съ любовною горлчностію*

распростерла объятія, въ которыхъ Геннадій въ ту же минуту былъ заключенъ; звукъ поцѣлуевъ послышался съ обѣихъ сторонъ, подобно, какъ среди долины, отъ вѣтвистаго дерева, нѣжное лепетаніе листочковъ, не тихо встревоженныхъ зефирнымъ ласканіемъ. Геннадій палъ на колѣни. — Клянусь тебѣ всегда быть вѣрнымъ, и любить даже и тогда, когда ты мнѣ изъѣдишь. — Мы на вѣки свои воскликнула Марѳа, и подтвердила эти слова прижатіемъ къ своей груди и поцѣлуями. *Казалось, они желали навсегда быть въ такомъ сладостномъ упоеніи чувствъ. Потому слыли на прежнихъ мѣстахъ.»*

Начинаются бѣдствія. Первое то, что чортъ дернулъ какого-то живописца, гражданина живописнаго искусства, списать портретъ Марѳы. Геннадій радовался, что живописецъ имѣлъ за удовольствіе скопировать портретъ съ вилой его невесты, но, говорить авторъ, —

«Мечтой несчастной утѣшаешь,

• О смертный, лютость бѣдъ своихъ,

Враговъ друзьяи считаешь,

Не звавши мысль коварства ихъ!»

Аполлонъ, сынъ боярина Юпитера, увидѣлъ портретъ и женился на подлинникѣ; Геннадій вздѣлъ въ то время въ *Полтаву*, получить долгъ съ какого-то казака. Когда онъ воротился, все дѣло уже было испорчено Аполлономъ, который совершенно женился на Марѳѣ, и юноша Геннадій съ горя и отчаянія ушелъ въ пустыню.

Въ третьей части романа, приходитъ Батый съ Татарами и беретъ Кіевъ. Аполлонъ дрался сколько было силъ, но «въ общемъ сраженіи не бывъ поврежденъ, спѣшилъ съ отчаяніемъ къ Марѳѣ, чтобъ раздѣлить съ нею одинъ мечъ варваровъ, и на непродолжительномъ пути не встрѣтился съ нимъ ни одинъ тиранъ: вбѣгаетъ въ комнату своихъ чертоговъ, и поражаютъ взоръ его Марѳа и три варвара..... Агтаръ любви попираемъ гнуснымъ желаніемъ варваровъ, и клятва въ вѣрности нарушена усиленіемъ.»

Послѣ этой вторичной свадьбы Марѳа тотчасъ умираетъ, сказавши: «Геннадій!» Аполлонъ убиваетъ *трехъ варваровъ*, которые хозяйничали въ его домѣ, и уноситъ Марѳу въ пустыню Геннадія. Тутъ начинается споръ, и довольно

жаркій, о томъ, чья Марфа. Аполлонъ говоритъ *моя*, Геннадій *моя*, три убитыхъ варвара говорятъ *наша*. Рѣшили однако жъ, совершенно противозаконно, что она Геннадіева. Аполлонъ тутъ-же умираетъ. Геннадій кладетъ, въ одну могилу, его и *свою* Марфу, и оттого вышла «Могилъ двухъ».

«Последніе лучи заходящаго солнца, *скользя по вѣтвямъ и м-сточкамъ, тайно смотрѣли на эту плачевность*, Геннадій палъ на колѣни и запылъ :

«Услыши Богъ мое моленіе!
Лучи пусть заграшваго дѣя,
Въ награду мнѣ за оскорбленіе,
Въ могилѣ озарятъ меня!»

Вотъ что значитъ «Чувствительное сердце, которое только релъ умѣетъ любить»!

Въ заключеніе, авторъ извѣщаетъ, что нехорошее и неблагоприличное обхожденіе Татаръ съ Марфою не прошло даромъ Батыю: двадцатаго сентября 1245 года, оны убиты въ сраженіи Владиславомъ, королемъ Венгерскимъ.

Вы смѣетесь? Я тоже. Но —

«Смѣть такой злѣе слезъ»!

Когда подумаешь, что такія гиль пишется, печатаетъ ся и читается; что есть люди, которые на такую гиль разсчитываютъ свои барыши; что есть другіе, которые охотно ее покупаютъ, то не захочется смѣяться, и невольнo призадуматься. Гогорите, сколько угодно, о всеобщемъ стремленіи къ болѣе образованнымъ понятіямъ, къ любви изящнаго, къ совершенствованію нашего вкуса: одинъ такой писатель, какъ Г. Карпенко, одинъ такой романъ какъ «Могилъ двухъ», задаютъ вашей философіи теорему неразрѣшимуую. Чтѣ это такое? Какъ могло составиться подобное явленіе въ 1837 году, въ одной изъ Русскихъ столицъ? Какъ могло оно проползти сквозь стѣнны, не заставивъ покраснѣть типографскихъ чернилъ? Длaczego оно явилось? И если одна Московская почта привозитъ вамъ четыре подобныхъ твореній, если вы притомъ замѣчаете цѣлый строй такихъ же твореній, которыя предшествовали имъ не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году, и предчувствуете цѣлый рядъ подобныхъ же далѣе какъ въ будущемъ: тогда чтѣ?..... Объясните влѣ,

если угодно, изъятіями изъ общаго правила: но когда эти изъятія такъ многочисленны, что, по исключеніи ихъ, въ правилѣ ничего или почти ничего не остается, тогда, право, вами овладеваютъ печаль, горе, отчаяніе. Въ негодованіи на такую литературу, вы готовы съ гнѣвомъ вырвать черъя изъ рукъ, которыя только пятнаютъ честь Русскаго ума. Если Китайцы прежде писали такіе историческіе романы, то я очень хорошо понимаю теперь, почему Тянь-вань востребовалъ всѣ книги въ своемъ государствѣ.

1. ЧЕРДАКЪ АРТЯСТОВЪ. *Комедіа-водевиль въ одномъ дѣйствіи*, Скриба. Переводъ съ Французскаго. Казань, въ тип. Университетской, 1837, въ-8., стр. 89.

2. ТИТУЛЯРНЫЕ СОВѢТНИКИ *въ домашнемъ быту. Водевиль въ одномъ дѣйствіи*, Ф. Кони. Ш.-бургъ, въ тип. Греча, 1837, въ-12., стр. 84.

Между-тѣмъ, — согласите это, если можете, съ четырьмя историческими романами! — умы и вкусъ безспорно начинаютъ у насъ развиваться. Скрибовы водевили переводятся въ Казани, печатаются въ древней столицѣ хановъ, представляются у самыхъ развалинъ Болгара, и Тагары ихъ смотрять, — потомки ордъ Чингисъ-Хана судятъ о водевилѣ, о Скрибѣ, о Парижскомъ остроуміи! Вольтеръ въ шутку писалъ, что кокетъ-быть стануť со-временемъ чятать Расплюбу Андромаху въ Тобольскѣ при свѣтѣ свернаго сіянія и при ночникѣ съ рыбнымъ жиромъ. Онъ еще вѣрилъ, что въ Сибири полгода солнце не свѣтитъ и замѣняется свернымъ сіяніемъ, и что жители Тобольска ѣдятъ сырую рыбу и освѣщаютъ юрты свои рыбнымъ жиромъ. Что сказалъ бы теперь Вольтеръ, если бы ему представили водевиль, переведенный, игранный и напечатанный въ Казани? что сказалъ бы даже Скрибъ?.....

Впрочемъ, мы не советуемъ переводчику посылать свою книгу въ Парижъ, къ Скрибу. Взглянувъ только на типографическую наружность этого перевода, онъ готовъ сочинить водевиль на Казань. Приволжскіе типографы придали его сочявенію такой угрюмый видъ, напечатали его водевиль въ такую огромную, сврую, длинную восьмушку, что бѣдное

веселенькое дитя Скриба стало похоже на программы учебных испытаний уездного училища.

Но славна книга не наружностью, а темъ что внутри: пословица. Но платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ: вторая пословица. Платье бѣднаго Казанскаго водевиля не красиво: къ несчастью, сколько мы можемъ судить о второмъ пунктѣ, и умъ его не далеко. Парижская шутка въ переводѣ стала, Богъ вѣсть отъ чего, сурова, серьезна, угрожа, такая сердитая, что и сама не улыбнется, и читателю не позволяетъ улыбнуться. *Шталь* перевода довольно Татарскій, но — *акши дегюль!* какъ говорить въ Казани.

«Позвольте, не на счетъ дѣйствій, но на счетъ причинъ его бѣдъ. Я съ нимъ разговорился *сегодня утромъ*, и мнѣ кажется, что у него мораль страдаетъ; его что-то мучить, какая-нибудь тайная мысль тревожить, и я ему сказалъ: *Государь мой!* (въ Казани это значить *монсieur*, но мы думаемъ, что гораздо вѣрнее было бы перевести *monsieur* словомъ *бѣака*, которое Казанскіе Татары употребляютъ съ болъшимъ эффектомъ), *чтобы дѣларство могло хорошо дѣствовать на тѣло, надобно сперва, чтобы душа была покойна* (то есть, не покойница, но покойна), а ваша *вовсе нѣтъ* (Обыротъ Татарскій, который соответствуетъ нашему -- я ваша вовсе не такова). Онъ мнѣ пожалъ руку, сказавши: *Господниъ докторъ, ваша правда!* — Ну, что жъ, отвѣчалъ я ему, вамъ надобно сперва успокоиться, это ваше дѣло; прочее беру я на себя, и вы скоро *будете наслаждаться двумя драгоценнѣйшими сокровищами на землѣ,* и прочая.

Нѣтъ, не акши! И странно, что Казанскіе водевиля допускаютъ даже приказный слогъ! Но вотъ куплеты:

«Какъ часто книгу взявши въ руки,
Мы только думаемъ о томъ,
Чтобы *дидти* отъ *вѣчной скуды*,
И *разрываемъ* первый томъ.
Прочтя начало, мы зѣваемъ,
Но *вѣсь въ леса (?) вѣдетъ Творецъ*,
Гдѣ мы *пресладко* засыпаемъ,
А тутъ роману и конецъ.»

Но что толковать о Казанскихъ водевиляхъ! Посмотрите, каковы наши, Петербургскіе.

Семень, слуга Курочкина, влюбленъ въ Любушку, горничную Кречетовой. Любушка надѣла платье своей барыня, *шлалась*, говорить Г. Кони на своемъ изящномъ парчѣи,

въ Лѣтній Садъ съ Семеномъ, а потомъ зашла къ Ежикову, господину Семена, и получила отъ означеннаго Ежикова отпускную Семену. Тутъ ее мелькомъ увидѣлъ Курочкинъ. Любушка побѣжала, прихлопнула дверью хвостъ, и на платьѣ у нея осталась дыра. Курочкинъ бѣсится, рассказываетъ про свое замѣчаніе Кречетову, подозреваетъ, что это была его жена. Тотъ находитъ на платьѣ жены своей также прорѣху; платье жены его было одинаковое съ платьемъ Курочкиной: и вотъ бѣсится и Кречетовъ! Курочкинъ съ горя уходитъ въ погребокъ, и пьетъ тамъ настойку. Любушка открываетъ наконецъ свою тайну: тутъ бѣсится Семень, но ему показываютъ отпускную; все рады и поютъ:

«Мы невозможно оплошали;
Просто были дураки,
И все вышло пустяки».

По этой, какъ видите, несколько грязной канвѣ, Г. Коши вышилъ золотые узоры воеводы такими нитками, что его «Титулярныхъ Советниковъ» могутъ смотрѣть и читать только тѣ, которые чеснокомъ задаютъ ерофейчъ. Слуга поетъ:

«Лихо баринъ мой дерется,
Запивою, головоуязъ,
А до женщины доберется,
Такъ онъ просто сущій бѣсъ!»

баринъ поетъ:

«Покупаю вамъ «нитки-люшки»,
Такъ и ушки на макушкѣ,
Хоть на такой «дебозь» (!)
И послѣдній ставишь грошъ!»

Остроуміе — известная литературная слабость господина Коши: онъ щедрою рукою разсыпалъ каламбуры въ новомъ воеводѣ. Ежиковъ предлагаетъ «фаэтонъ на колесахъ»; Курочкинъ вспоминаетъ о «турусахъ на колесахъ»; тотъ отдаетъ «коляску», Кречетовъ хочетъ его «колесовать». Курочкина называетъ Ежикова «Меркуриемъ», Курочкинъ общается задать ему «меркурія». Курочкина бонится, не нашла ли мужъ ея грибовъ: Курочкинъ отвѣчаетъ, что вчера онъ «сылъ большой грибъ», и уверяетъ, что ему, Курочкину, приходится «пѣть пѣтухомъ». Но главнаго каламбура, на которомъ вер-

тится весь водевиля, и мы признаться не можем пересказывать. Кажется, что въ этомъ капитальномъ казанбурѣ Г. Кони не только проскочилъ вкусъ, но еще что-то мелькнуло за нимъ.

Когда будутъ представлять, въ театрѣ, «Титулярныя Совѣтничковъ», выгузаете этотъ капитальный казанбуръ во громкому хохоту райка. Водевили господина Кони и казанбуры господина Кони — сущій рай для райка.

КРАТКАЯ ГЕОГРАФІЯ для дѣтей, изданная по руководству Г. статскаго совѣтника и кавалера Н. А. Гейма. Десятое изданіе. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1837, в. 12., стр. 147.

Праведно нажитое, говорить, въ водѣ не тонетъ и на огнѣ не горитъ. Но въ литературу эта судьба льнетъ весьма нерѣдко къ самымъ дряннымъ книгамъ; и почти рѣшитель невозможно, отъ чего это происходитъ. Видно, есть такіе книги, какъ есть такіе люди, которыхъ все ругаютъ, которымъ каждый почитаетъ долгомъ, идучи мимо, дать пинка, а они, эти книги, или эти люди, только улыбнутся, поклонятся въ поясъ и идутъ все далѣе, все выше и выше! Что прикажете дѣлать съ такими людьми, и съ такими книгами!.... Вотъ, пріятно сказать, «Краткая географія для дѣтей»: она достигла до десятаго изданія. Въ прошедшій разъ, когда ей было отъ роду девятое изданіе, мы, кажется, сказали, что эта самая географія мужественно прошла сквозь грозный строй разныхъ журналовъ и критикъ: каждый въ свою очередь говорилъ ей, что она неслѣдствъ, страшная, высокая, первоклассная; а милая географія шла спокойно своимъ пугежь-дорогою, въ 1835 году она числилась въ девятомъ изданіи, въ 1837 попала въ десятое, и разумеется, какъ арифметика Межорскаго, «Новый оракулъ», Русскій переводъ Мильтонова «Потерянаго Раа» и «Сказка о сильномъ и храбромъ рыцарѣ Еруслаѣ Лазаревичѣ», вскорѣ дойдетъ до одиннадцатаго, двѣнадцатаго, двадцатаго. И кто знаетъ будущее? Можетъ-быть, по ней будетъ преподаваться географическая мудрость еще двумъ поколѣніямъ!

Это равнодушіе отцовъ и наставниковъ къ учебнымъ книгамъ, по которымъ преподаютъ самыя обыкновенныя и не-

обходимыя познанія ихъ дѣтямъ и ученикамъ, право, недо-
стижимо!

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНІЯ *Государыни Императрицы
Екатерины II. Сочиненіе А. А. Лефорта. Москва, въ тип.
Селивановскаго, 1837, въ-8. Части I и II, стр. 230 и
109 — 221 и 87.*

Какой богатый предметъ для историка! Картина почти
полустолетія Россіи, и въ такое любопытное время Евро-
пейской исторіи! По двумъ частямъ, теперь выданнымъ,
кажется, что авторъ не намѣревается писать собственно
историческаго повѣствованія: онъ предлагаетъ только точ-
ные очерки событій. Мы и за это благодаримъ его, если
они будутъ составлены хорошо. Два могутъ говорить сами
собою, безъ подсказыванья и лучше всякаго философствованія.
Можетъ-быть, для настоящей исторіи царствованія
Екатерины еще не настало время. Но есть наука для исто-
рической перспективы, такъ же, какъ есть наука для пер-
спективы живописной. Знаніе это дается не многимъ; и мы
сердечно желаемъ его новому сподвижнику на поприщѣ
Русской исторіи. Кажется, что книга, о которой мы извѣ-
щаемъ, есть еще первый опытъ Г. Лефорта въ историче-
скомъ родѣ. Въ первой части дѣлаетъ онъ предварительный
обзоръ Европы и Россіи; во второй излагаются уже событія,
начиная со вступленія Екатерины на престолъ: эта часть
останавливается на 1768 годѣ. Разсказъ автора подкрѣпленъ
выписками и примѣчаніями, иногда довольно обширными.
Изданіе опрятно, если я не великолѣпно. Мы думаемъ, что
книга Г. Лефорта можетъ, по окончаніи своемъ, составить
чтеніе занимательное и любопытное. А предметъ богатъ!
Одинъ изъ тѣхъ, какихъ не много можно найти не только въ
Русской, но даже и во всеобщей исторіи; и матеріаловъ та-
кое изобиліе, что скорѣе можно пожаловаться на изобиліе
нежели на недостатокъ.

ОПИСАНІЕ ГОРОДА РЫБИНСКА, *составленное попече-
ніемъ Рыбинскаго градскаго главы, почетнаго гражда-
на, Федора Тюменева, и изданное на его иждивеніи, при
статистическомъ отдѣленіи совѣта министерства внут-*

решихъ дѣль. Сп.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1837, въ-8., стр. III, съ планомъ.

Трудъ, достойный признательности, которому желаемъ мы побольше подражателей. Можемъ еще прибавить, что онъ намъ кажется удовлетворительнымъ. Главная заслуга принадлежитъ здѣсь автору «Описанія Рыбинска», почтенному протоіерею Матѳею Гомилескому. Именитый гражданинъ Рыбинска, тамошній градскій глава, Г. Тюменевъ, имѣлъ счастье познать трудъ отца Матѳея Августѣйшему гостю, недавно посѣгившему этотъ городъ; трудъ, составленный надивненіемъ и попеченіемъ Г. Тюменева, удостоился за свое поднесеніе самой лестной признательности Высокаго путешественника. Рыбинскъ заслуживалъ описанія: это — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ въ сѣверной Россіи. Сліяніе Шексны съ Волгою издревле сдѣлало Рыбинскъ пристанищемъ для внутренняго судоходства, направляющагося отъ сѣвера къ югу. Объ немъ говорится еще въ Новгородскомъ уставѣ пошлынъ, двѣнадцатаго вѣка. Съ 1778 года Рыбинскъ названъ городомъ. Теперь въ немъ болѣе трехъ сотъ купцовъ и четырехъ тысячъ жителей разныхъ другихъ званій; болѣе пяти сотъ домовъ. Но важность Рыбинска состоитъ въ другомъ: тамъ ежегодно грузится для сплава, казеннаго и частнаго товару болѣе нежели на сто десять милліоновъ рублей, не считая того, который проходитъ черезъ Рыбинскъ съ вѣзовья. Число приходящихъ и отходящихъ судовъ простирается до двадцати четырехъ тысячъ. Иногородныхъ купцовъ съѣзжается въ Рыбинскъ болѣе тысячи человекъ; судохозяевъ до полуторы тысячи, и рабочихъ по судоходству до ста тысячъ. Подробности описанія Рыбинска представляютъ много любопытнаго и самобытнаго.

TACITI AGRICOLA. Вновь пересмотрѣнный текстъ, съ примѣчаніями другихъ и своими, издалъ Dr. Димитрій Крюковъ. Москва, въ тип. Университетской, 1837, въ-8., стр. 214.

Полезное должно всегда встрѣчать одобреніемъ, а что издавать исправные тексты древнихъ классиковъ, съ хоро-

шими комментаріями, весьма полезно, это дело неоспоримое. Нетъ сомнѣнія, что мы не сравнивали текста «Агриколы», который издавъ докторъ Крюковъ, съ разными прежними изданіями и не можемъ сказать, въ чемъ именно состоитъ преимущество «вновь пересмотрѣннаго» изданія. Самъ докторъ Крюковъ не станетъ требовать подобнаго труда отъ своего референта. Поэтому, мы охотно предполагаемъ, что нашъ Русскій издатель употребилъ всю точность проинзательной классической критики Мичерлиховъ, Бѣкковъ, Гейне, Гроддесковъ, для усовершенствованія своего текста, и готовъ отдать ему справедливость въ этомъ отношеніи. Но, и при самомъ легкомъ обзорѣ его «Агриколы», представляются разные замѣчанія, которыя Г. Крюковъ, въ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ этого рода можетъ, по мнѣнію нашему, смѣло принять въ соображеніе. Во-первыхъ, нельзя ли «вновь пересмотрѣнныхъ» Латинскихъ классиковъ не печатать на оберточной бумагѣ? Правдѣ, «Агриколу» Г. Крюкова странно взять въ руки! Нельзя ли притомъ смотрѣть получше за корректурую? Странно, что при книгѣ, которая вся заключается въ двухъ стахъ страницахъ, и притомъ такой книгѣ, гдѣ главная заслуга издателя состоитъ въ исправности текста, приложенъ реестръ ста опечатокъ, и въ этомъ реестрѣ отмѣчено не болѣе половины всѣхъ погрѣшностей корректуры. Мы находимъ также необходимымъ, наблюдая за Латинскимъ текстомъ, не забывать и бѣднаго Русскаго языка въ комментаріалѣ. Дико видѣть, подлѣ изящной прозы классическаго писателя, грубую прозу того, кто объясняетъ его красивыя и превосходно отдѣланныя фразы. Многіе скажутъ еще Г. Крюкову, что онъ во зло употребляетъ местоименіе я. На трехъ страницахъ предисловія, оно повторилось дюжину разъ и болѣе: я отступалъ, я пользовался, я не могъ собрать, я приводилъ, я осмѣлялся, я возвратилъ, я посвятилъ критикѣ, я прилагалъ толкованія, я думалъ оказать большую услугу, я прочли. Этотъ лизсъ, или, если угодно, эготизмъ, — вообще, довольно скученъ, но онъ становится дважды скучнѣе, если рѣчь идетъ о перепечаткѣ маленькой Латинской книжечки и о переводѣ съ Нѣмецкихъ комментаріевъ: оно очень полезно и похвально, да все же оно не такой подвигъ, чтобы следовало воскликнуть съ Го-

раціемъ — exegi monumentum aere perennius! Такіе подвиги каждый мѣсяць совершаются въ Германіи безмолвно, и скромные издатели отдѣльныхъ классическихъ твореній довольствуются обыкновенно простою отмѣткою на заглавномъ листѣ — *textum curavit recensuitque N.*

1. О заслугахъ Христіана Ивановича Лодера въ Хирургіи. Записка, читанная (слѣдуетъ двѣнадцатый и полный титулъ сочинителя) О. И. Иноземцовымъ, въ собраніи Общества (Физико-Медицинскаго), по случаю помѣщенія бюста Лодера въ бывшемъ его анатомическомъ кабинетѣ. Москва, въ тип. Университетской, 1837, въ-8., стр. 32.

2. Рѣчь, произнесенная 21 декабря 1836 года, въ день открытія бюста покойнаго лейбъ-медика Хр. И. Лодера, М. Маркусомъ, президентомъ физико-медицинскаго общества. Москва, въ тип. Семена, 1837, въ-8., стр. 11.

3. послѣдняя проповѣдь пастора Адама Христіана Павла Кольрейфа, говоренная въ великую пятницу 1836 года. Съ присовокупленіемъ краткаго извѣстія объ его жизни. Переводъ съ Нѣмецкаго. Москва, въ тип. Университетской, 1837, въ-8., стр. 28, съ портретомъ.

Имя Лодера занимаетъ весьма почетное мѣсто въ летописяхъ Медицины и Хирургіи: Гувеландъ и Гумбольдтъ были его учениками, Шиллеръ и Гёте друзьями его. Вся жизнь знаменитаго врача посвящена была добру, наукѣ, отечеству. Московское физико-медицинское общество поставило недавно бюстъ его въ богатомъ анатомическомъ кабинетѣ, который купилъ у Лодера Московскій университетъ. По этому случаю происходило торжественное собраніе общества врачей Московскихъ. Рѣчь Г. Иноземцова касается заслугъ Лодера въ Хирургіи: это не наше дѣло, но съ Г. Маркусомъ мы, въ другое время, готовы были бы поспорить. Онъ говорить о Русской литературѣ: опытный знатокъ анатоміи человѣческаго тѣла, онъ, какъ кажется, мало еще вскрывалъ и разрывалъ кадаверовъ нашей литературы. И то правда — когда глядишь на вещи мимоходомъ, все кажется вамъ лучше, нежели какъ оно въ самомъ дѣлѣ. Для челоѣка, вооруженнаго анатомическимъ ножомъ, цѣтъ красавицъ на свѣтъ; есть только любопытныя трупы.

Пасторъ Кольрейфъ, уроженецъ Лузацкій, переехалъ въ Россію въ 1803 году, и былъ семнадцать лѣтъ духовнымъ наставникомъ въ Саратовскихъ колоніяхъ, а потомъ пятнадцать лѣтъ пасторомъ въ Москвѣ. Онъ скончался въ прошломъ году тихою смертію праведника, оставлявъ послѣ себя память добродѣтелей, христіанскаго терпѣнія въ житейскихъ скорбяхъ, и всегдашнее сожалѣніе въ сердцахъ людей, которые его знали. Последняя проповѣдь его была говорена за двѣ недѣли до этой кончины. Она не отличается особеннымъ краснорѣчіемъ, но трогательна тѣмъ, что проповѣдникъ, какъ-будто предчувствуя близкій конецъ своего земнаго поприща, взявъ текстомъ послѣднія слова Спасителя: «Отче, въ руки Твои предаю духъ мой!», и бесѣдовалъ съ слушателями о томъ, какія должны быть «послѣднія слова» умирающаго христіанина. Это было въ страстную пятницу. Умилительно читать слѣдующее назиданіе добродѣтельнаго пастыря:

«Знаемъ ли, слушатели, какое будетъ *последнее слово* въ устахъ вашихъ! Никогда не бывають болѣе отверзты для словъ вашихъ слухъ и сердце окружающихъ насъ, какъ при нашемъ последнемъ словѣ. Будь оно сказано тихо: его услышать, не забудуть его. Оно идетъ уже отъ такого челоука, который болѣе принадлежитъ небу нежели землѣ. Оно падаетъ на сердца, какъ-будто сказанное изъ-за гроба. Если оно — слово крѣпкой вѣры, твердой надежды, сильной молитвы, вѣрной любви, искренней вѣжности, оно не упадетъ на камень. Оно останется драгоценнымъ наследіемъ, святынею семейства, сокровищемъ въ домѣ, плодотворнымъ стѣпиемъ добра. Какъ часто слово умирающаго отца вызвало изъ заблужденія поспѣшиша сына! И завѣтное слово матери сколько разъ давало новую жизнь дочери! Его повторить; властвуетъ оно среди оставшихся, и, какъ ни тихо было сказано, звучитъ подъ сводами жилища, отзываясь въ сердцахъ, живущихъ въ домахъ обитателей. О, если бы въ минуту кончины, ась мы, слушатели мои, могли восхвалять Бога въ самой смерти нашей, и, умирая, прославить Иисуса Христа, Спасителя нашего! Если бы и наше последнее слово было громогласнымъ свидѣтельствомъ того, что мы познали благодать Создателя нашего, какъ примиреннаго Отца, и любовь Христа его, какъ нашего ходатая и примирителя!»

Добрый пастырь незадолго передъ тѣмъ выздоровѣлъ отъ тяжелой болѣзни, но стѣна смерти тавлосъ уже въ груди его. Желаніе благочестиваго мужа исполнилось: двадцать седьмого

марта слушатели со слезами внимали словамъ его; утромъ 9 апрѣля, онъ со слезами молился еще, и, чуждый уже міра, произнесъ: «Да будетъ слава Тебѣ, Богъ и Спаситель мой!» Это были «последнія слова» добродѣтельнаго..... Славословіе Бога осталось послѣднею мыслью его въ здѣшнемъ мірѣ.

воспоминанія о сициліи, А. Черткова. *Москва, в тип. Семена, 1836, в 8. Часть вторая, стр. 346 и 471.*

Вторая и послѣдняя часть весьма занимательной книги, о которой мы уже говорили прежде. Авторъ описываетъ свое путешествіе черезъ Джирдженти въ Сиракузы, Катавію, Таормину, Мессину и изъ Липарскіе Острова. Онъ объѣзжалъ, — объ этомъ даже были, появляясь, печатные споры, — и потомъ старался доказывать, что его путешествіе не родилось и не выросло въ кабинетъ, но состоитъ дѣйствительно изъ того, что онъ видѣлъ, слышалъ и узналъ на-мѣстѣ. Между-тѣмъ, почти четвертую долю второй части занимаетъ исторія Сиракузъ, весьма подробная, и тутъ ужъ становится непостижимо, какимъ образомъ могъ онъ упомянуть ее, и не забыть ни одной цитаты изъ Діодора, Геродота, Тита-Ливія. Но съ хорошею памятью нѣтъ ничего невозможнаго. Такъ на восьмидесяти страницахъ описаны самымъ подробнымъ образомъ Этна, ея изверженія, лавы, положеніе, все, все, и превосходно описаны, въ историческомъ и геологическомъ отношеніяхъ, хотя авторъ только мелькомъ взглянулъ на Этну. Повѣствуется въ книгахъ, будто въ тѣхъ Нѣмецкихъ заморскихъ земляхъ, которыя зовутся Англія, Италія, Франція, Германія, есть такія книжечки, которыя стоить взять въ руки, и въ мигомъ будете знать исторію, географію, геологію того мѣста, которымъ проѣзжаете; будете судить, какъ отличный знатокъ объ его картинахъ, статуяхъ, медаляхъ; проникнете все въ полчаса, такъ, что можете потомъ писать наблюденія, изысканія, изслѣдованія. Но эти книжечки не имѣютъ ни малѣйшей связи съ «Воспоминаніями о Сициліи», потому что авторъ ихъ говоритъ доложительно, что онъ все самъ видѣлъ и передастъ намъ плоды своихъ собственныхъ наблюденій, географическихъ, топографическихъ, статистическихъ, археологическихъ, всякихъ.

Мы должны верить автору, темъ болѣе автору хорошей книги.

О владѣніи по началамъ Россійскаго законодательства. Разсужденіе экстраординарнаго профессора Оедора Морошкина. Москва, въ тип. Университетской, 1837, въ-8., стр. 237.

Мы предоставляемъ себѣ право и удовольствіе поговорить подробно объ этой книгѣ, по многomu замѣчательной. Авторъ разбираетъ свой предметъ синтетически и аналитически, реально и идеально, теоретически, практически, философически, казуистически, и такъ далѣе. Онъ безъ обвинковъ говоритъ, что и въ Германіи юристы «бросаютъ только на предметъ его неположительныя взгляды», не понимая сущности дѣла, а у насъ юриспруденція «исчезаетъ въ хаосъ практическихъ воззрѣній». Для «возведенія Русскаго гражданскаго права въ науку, говоритъ авторъ, надобно сперва философское воззрѣніе», и хотя Г. Морошкинъ крайне жалѣетъ, что у насъ вѣтъ «двухъ миллионовъ юридическихъ положеній, которыя лежали на столахъ Константинопольскихъ антецессоровъ, въ классической отдалкѣ, пошривавшия движеніемъ Римской жизни и классическаго образованія, вышедшія изъ-подъ пера префектовъ, сенаторовъ и статсъ-секретарей всемірной монархіи, писавшихъ и мыслившихъ по вдохновенію Греческой философіи и всемірнаго разума», съ прибавленіемъ «живыхъ воззрѣній на природу и самосознанія практиковъ», однако онъ не пугается этого. Триста шестьдесятъ пять выносокъ составляютъ окончаніе книги Г. Морошкина, не считая еще «необходимыхъ тунелдцовъ ученыхъ трудовъ», то есть «чтеній, предпринимаемыхъ для убѣжденія въ томъ, что они ни къ чему не ведутъ». Во всемъ этомъ, правду сказать, по Нѣмецкой поговоркѣ, «столько деревьевъ, что и лесу не видать», но каждый согласится также, что книга Г. Морошкина, какъ бы то ни было, стоятъ вниманія критики. Знаемое дѣло, — ученье свѣтъ, неученье тма; но бываетъ еще особина тма, ученая тма, которая гораздо темнѣе неученой, и о которой, при помощи Божіей, мы побесѣдуемъ съ благосклонными читателями въ первый ясный день.

1. начальныя основанія русскаго сельскаго хозяйства, соотвѣтствующія настоящему положенію недвижимыхъ имѣній. Сочинилъ, и полезное изъ лучшихъ по сему предмету книгъ заимствовалъ, Акинеѣ Жуковъ. Москва, въ тип. Университетской, 1837, въ-8., стр. VIII и 269.

2. книга для помѣщиковъ, желающихъ чрезъ хлопководство и скотоводство, при холодной почвѣ (?), получать съ тягла 228 рублей ежегоднаго дохода, или о выгодѣ пяти-польнаго плодоперемѣннаго хозяйства при трехъ-польномъ, между 50 и 60 градусами сѣверной широты, на грунтъ разнородной глины и припоти, изъ опыта, въ имѣніи подполковника и кавалера Алексѣя Петровича Янова, Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, при селѣ Познавь. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1837, въ-8., стр. 40.

Давно ли на святой Руси жаловались на недостатокъ теорій и сочиненій по части агрономіи и сельскаго хозяйства? Теперь въ этомъ добръ нѣтъ, кажется, недостатка. Въ последнее время, мы перевели Теэра, ограбили Сивклера, завели журналы и газеты агрономическіе; не только имѣемъ превосходныя фабрики порошка для удобренія полей, но еще превосходныя пишемъ книги о поляхъ, порошокъ и удобреніи. Развѣ мало значить обстоятельный отчетъ Г. Акинеа Жукова о томъ, какъ онъ собственнымъ своимъ опытомъ убѣдился, что весьма легко съ 70 душъ крестьянъ получать ежегодно по 24,000 рублей дохода, то есть, до 340 рублей съ души? Въ теченіи десяти лѣтъ, Г. Жуковъ устроилъ, обогатилъ и благоденствовалъ своихъ крестьянъ, и притомъ уплатилъ свои доходы: онъ даже надѣется скоро удесятерить ихъ! Со всею откровенностью, и очень подробно рассказываетъ Г. Жуковъ свою теорію. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не послѣдуютъ ей!

Не плохо также получить и по 228 рублей съ тягла, по методу Г. Янова; но тутъ вмѣшивается проклятая Пѣмечина, — плодоперемѣнность, хлопоты, заботы. У Г. Жукова напротивъ, все делается просто, по-старому. О плодоперемѣнномъ хозяйствѣ говоритъ онъ: «Славны бубны за гора-

ми!» Онъ «не опустошаетъ напрасно кармановъ усовершенствованными земледѣльческими орудіями, не мучить ими крестьянскихъ лошадей», и между-тѣмъ у него — истинная благодать! Г. Жуковъ предлагаетъ каждому, на пробу, купить 70 душъ: онъ будетъ стоить 30,000 рублей, и черезъ двадцать лѣтъ вы будете получать по 75 процентовъ отъ этого капитала, то есть, втрое противъ лучшаго Англійскаго фермера; словомъ по 20,000 рублей въ годъ. Чудеса, и только!

Мы не считаемъ нужнымъ входить подробнѣе въ содержаніе этихъ двухъ сочиненій.

начальныя основанія счетоводства для хозяевъ, торговцевъ и промышленниковъ вообще. П. Цвѣтаевъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, въ-12., стр. VI и 131.

Сочинитель предлагаетъ простую и легкую методу для записки и счета приходоу и расходоу по небольшому торговому либо промышленному заведенію и въ домашнемъ быту. Дѣло доброе, метода ясная, трудъ и намѣреніе полезныя. Вся любители порядка въ дѣлахъ своихъ скажутъ Г. Цвѣтаеву спасибо за наставленіе. Но счетоводство — дѣло не очень забавное. Прочитайте, пожадуйста, со вниманіемъ слѣдующія заглавія:

1. о расположеніи садовъ на Китайскій манеръ, и объ украшеніихъ, употребляемыхъ въ такомъ случаѣ (?), сообразно различію мѣстоположеній и человѣческихъ склонностей. Москва, въ тип. Кирилова, 1837, въ-8., стр. 10.

2. лечебникъ для собакъ, или Подробное и ясное описаніе болѣзней, съ показаніемъ вѣрныхъ и испытанныхъ средствъ лечить оныя, съ рецептами лекарствъ, собранный и изданный, по руководству Вишкеля, Эстера, Рольвеса, Аммана, и другихъ, егеремъ Д. Червохвостовымъ. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-16., стр. 116.

3. хлѣвосоля, или Искусство давать объды, разрѣзывать мяса, подавать блюда, выбирать вина и ликеры, и прочая, и прочая. Изложенное въ двѣнадцати урокахъ древнимъ (то есть, бывшимъ, асісіп) метръ-д'отелемъ,

экс-шефомъ кухни княгини Шарлотты. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-16., стр. 162.

4. СВОИДВІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ, съ описаніемъ ихъ значеній, по Платону, Аристотелю, Кенигсбергеру, Алберту и другимъ. Москва, въ лит. Логинава, 1837, 6 лист. въ-4.

5. ПАРОВАЯ БАНЯ, устроенная для домашняго употребленія, такъ, что за самую умеренную цѣну можно мыться въ комнатѣ, перевозить и переносить баню въ каковъ угодно мѣсто. Съ гравированными изображеніями, описаніемъ способовъ употребленія и показаніемъ различныхъ новѣйшихъ улучшеній въ устройствѣ бани. Москва, въ тип. Кирилова, 1837. въ-8., стр. 16, съ лоскуткою бумаги, на которой изображена баня.

6. СБЕРЕЖЕНІЕ ОГЪ ПОРЧЯ ХЛѢБА, РЫБЪ, МЯСЪ, ПЛОДОВЪ, и вообще всякихъ домашнихъ състныхъ припасовъ, по нововобрѣтеннымъ способамъ, помощью которыхъ вышеозначенные предметы были берегаемы по нѣскольку мѣтъ съжжими, съ показаніемъ искусства готовить для себя ледъ во всякое время года, и устроить подвижные погреба, для сохраненія подверженныхъ гниенію запасовъ въ самое жаркое лѣтнее время. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-8., стр. 27, съ клочкомъ бумаги, на которомъ гравировано что-то.

7. СПОСОБЪ, на вѣрныхъ опытахъ основанный, дѣлать дешево, прочно и красиво соломенныя кровли. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-12., стр. 11, также съ лоскуткою лубочной гравировки.

8. НОВѢЙШІЙ СВЕКЛОВИЧНО-САХАРНЫЙ ЗАВОДЧЕКЪ, или Наставленіе, какимъ образомъ разводять и сохранять отъ порчи свекловицу, извлекать въ чистотѣ все количество заключающагося въ ней сахара, съ наименьшими противъ прежней методы Матъе Домбала и Баже издержками, и прочая. Сочиненіе Самуила Модерсдорфа. Переводъ съ двѣнадцатаго изданія. Москва, въ тип. Кирилова, 1837, въ-8., стр. 14.

9. **ОСНОВАННОЕ НА НОВѢЙШИХЪ СПОСОБАХЪ ИСКУССТВО ПЛАВАТЬ ПО ВОЗДУХУ И ГОВЕРШАТЬ ДАЛЬНѢЙШИЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ВСѢМЪ НАПРАВЛЕНІЯМЪ, СЪ ПОМОЩІЮ И БЕЗЪ ПОМОЩИ ВОЗДУШНЫХЪ ШАРОВЪ, А ТАКЖЕ ПОДНИМАТЬ ОГРОМНѢЙШИЯ ТЯЖЕСТИ НА ПРОИЗВОЛЬНУЮ ВЫСОТУ И ПЕРЕМѢЩАТЬ ИХЪ ПО ВОЗДУХУ ИЗЪ ОДНОГО МѢСТА ВЪ ДРУГОЕ СЪ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЮ БЫСТРОТОЮ, И ВЪ САМОЕ КРАТЧАЙШЕЕ ВРЕМЯ.** Сочиненіе Георга Ребенштейна. Москва, въ тип. Кирилова, 1837, въ-8., стр. 35, съ рисункомъ.

10. **НОВЫЙ ОРАКУЛЪ, ИЛИ ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ БУДУЩАГО.** Издавъ А. Беловъ. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-8., стр. 52.

11. **О ДѢЛАНІИ ИЗРІСТЫХЪ, ОТЪМЪННО-ПРІЯТНАГО ВКУСА КИСЛЫХЪ ЩЕИ.** Москва, въ тип. Кирилова, 1837, въ-8., стр. 4.

12. **ТАИНСТВЕННАЯ ЦЫГАПКА, ПРЕДСКАЗЫВАЮЩАЯ СУДЬБУ ЖЕНИХАМЪ И НЕВѢСТАМЪ.** Составилъ О. Кузмичевъ. Москва, въ тип. Кирилова, 1837. въ-8., стр. 16.

13. **О ВОЛОСАХЪ.** Философическое и практическое сочиненіе, съ описаніемъ ихъ росченія, положенія, исчисленія болѣзней, которымъ они подвергаются, и съ приложеніемъ средствъ излѣчать эти болѣзни. Съ подробнымъ изложениемъ удивительныхъ лѣкарственныхъ силъ Макассарскаго масла. Сочиненіе Руганда (сына). Перевелъ съ Французскаго Н...ръ В...въ. Москва, въ тип. Кирилова, 1837, въ-16., стр. 32.

14. **НОВѢЙШІЙ, ПОЛНЫЙ ГАДАТЕЛЬНЫЙ ОРАКУЛЪ, ИЛИ ЧУДЕСНОЕ ТИШСТВО ПРЕДСКАЗАНІЯ, КОЛДОВСТВА И ЧАРОДѢЙСТВА, ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ВСЕ, ЧТО ИЗОБРЕЛИ ДОСЕЛѢ УМЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЕ ДЛЯ ОТКРЫТІЯ ПРОШЕДШАГО, ОБЪЯСНЕНІЯ НАСТОЯЩАГО И ПРЕДСКАЗАНІЯ БУДУЩАГО, СЛУЖАЩЕЕ ВЪРНОЮ ОТРАДОЮ ВЪ СКУКѢ ЛЮДЯМЪ ВСЯКАГО ВОЗРАСТА И ПОЛА, НЕВѢЖНЫМЪ УВЕСЕЛЕНІЕМЪ ДѢВЦЪ И ЮНОШЕЙ, ЗАБАВНЫМЪ УПРАЖНЕНІЕМЪ ДАМЪ И СТАРУШЕКЪ; СЛОВИМЪ ПРІЯТНѢЙШИМЪ ПРЕПРОВОЖДЕНІЕМЪ ПРАЗДНАГО ВРЕМЕНИ.** Составлено изъ разныхъ астрономическихъ, философическихъ, астрологическихъ, физическихъ и магическихъ книгъ, Н. Давылевскимъ. Москва, въ тип. Степанова, 1837, въ-8., стр. 301.

15. *улучшенное печеніе хлѣбовъ, съ показаніемъ разныхъ примѣсей, и прочая (всего двѣнадцать строкъ). Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-8., стр. 16, съ рисункомъ.*

Еще пятнадцать книгъ и книжечекъ, фабрикованныхъ на станкахъ Московскихъ литературныхъ заводовъ! Старушка Бюлокаменная страхъ полюбила *индустрію*. Она все знаетъ: дѣлать свекловичный сахаръ, сберегать мясо, крыть дома соломой, лечить собакъ, париться въ банѣ, варить кисляя щи, растить волосы, печь хлѣбы, толковать сны, летать по воздуху во всѣхъ направленіяхъ. Куда послѣ этого годится «Истинный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ, богатымъ и веселымъ въ бѣсѣдахъ», котораго вышло четыре издавія!

Кто покупаетъ эти книженки дѣлаго, чтобы пользоваться ихъ наставленіями, тотъ пусть самъ на себя сердится, если онѣ введутъ въ убытокъ. Но перебрать всю эту печатную дребедень, въ хорошемъ расположеніи духа, весело и даже забавно. Какъ вамъ покажется: одна изъ почтенныхъ брошюрокъ учить улучшить печеніе хлѣбовъ, и — чѣмъ бы вы думали? — *примѣсью голубинаго помету и магнезій!* Другая показываетъ средства совершать по воздуху *дальнѣйшія путешествія безъ воздушныхъ шаровъ*, и переносить тяжести. Это дѣлается помощью пороху и устройствомъ новаго рода мортары, которая перекидывала бы васъ и цѣлыя грузы изъ Москвы въ Петербургъ, и обратно. Третья поучаетъ сберегать мясо и рыбу по нѣскольку лѣтъ, обчакывая ихъ въ селитро-кислое серебро, селитро-кислую мѣдь, уксусо-кислую ртуть, уксусо-кислый свинецъ. Въ четвертой советуютъ дѣлать кожаныя ванны, которыя можете носить подъ мышкой, и наливать горячую воду, какъ скоро захотите выпариться. Къ брошюркѣ приложена даже и картинка, гдѣ какой-то чудакъ сидитъ себѣ по горло въ кожаной ваннѣ и — наслаждается!

Картинки выходятся почти у каждой брошюрки. Это маленькіе лоскуточки сврой бумаги съ такими фигурами, что смѣшному человеку не совѣтуемъ смотреть на нихъ.

Какъ составляются эти брошюрки? Весьма легко. Одна изъ нихъ, о разведеніи Китайскихъ садовъ, просто перепечатана изъ «Всемирнаго Путешествователя» аббата Де-ла-Порта (томъ V, Китай). Другая, о волосахъ, — переводъ известнаго шарлатанскаго объявленія о Макассарскомъ масле. Оракулы вновь привезенные изъ Москвы — старина съ новыми титулами: на одномъ изъ нихъ напечатано — «Право сего оригинала принадлежитъ навсегда книгопродавцу В. Логвинову.» Даже: «печатано съ изданія 1833 года, безъ исправленій.»

руководство къ содержанію и размноженію камеллій, изданное надворнымъ советникомъ и кавалеромъ Егоромъ Классеномъ, членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Москва, въ тип. Семена, въ-8., стр. 16.

Кто любитъ этотъ прелестный Японскій цвѣтокъ, тотъ съ любопытствомъ узнаетъ отъ сочинителя брошюрки, что о разведеніи камеллій «говорили много, писали и печатали еще больше, а толку было мало». Нѣкто Зейдель, искусный Дрезденскій садовникъ, у котораго въ саду растетъ сорокъ тысячъ кустовъ камеллій трехъ сотъ восьми различныхъ сортовъ, и который продаетъ ихъ каждый годъ до пятнадцати тысячъ штукъ, сжался надъ участіемъ бѣдныхъ охотниковъ до камеллій, и издалъ книжечку. Г. Классенъ выдалъ теперь переводъ этой книжечки, или какъ объясняется онъ, «главныя мысли ея выдать честь передать почтеннѣйшей публикѣ.» По наставленію Г. Классена можно вырастить такія камелліи, что поперечникъ цвѣтка будетъ простирается до шести дюймовъ. Не подумайте, чтобы тутъ надобно было много трудиться: дѣло мастера бонится! Право, Г. Классенъ заслуживаетъ благодарности за этотъ и другіе полезныя труды. Мы помнимъ его «Архитектурную физіку», его брошюрку объ «Артезіанскихъ колодцахъ». Нынѣшнее сочиненіе, или переводъ, онъ посвящаетъ «Россійскому обществу любителей садоводства», которое рещностно занимается теперь своей наукою, завело особенное училище, получило щедрыя пособія отъ Государыни Императрицы, и уже показало Москвѣ великолѣпные образцы садовыхъ выставокъ,

на прекрасной дачѣ, которую оно занимаетъ на берегу Москвы рѣки, близъ Трехъ-горъ. На этой дачѣ находится и знаменитый Трехъ-горный колодезь, который, конечно, извѣстенъ всякому, кто только бывалъ въ Москвѣ. Не пить въ Москвѣ Трехъ-горной воды все равно, что быть въ Римѣ и не видать паны.

1. ПОЧТЪ-КАЛЕНДАРЬ губернскаго города Воронежа. Собрание почтовыхъ свѣдѣній, собственно къ Воронежской губернии относящихся. Изд. А. К. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1836, въ-16., стр. 43.

2. почтовая книжка для отправляющихся въ Нижній Новгородъ на ярмарку. Москва, въ тип. Селиванскаго, 1837, въ-16, стр. 24.

Объ эти книжечки могутъ порадовать cadaго: онѣ доказываютъ потребность въ обществѣ дѣятельныхъ сообщеній, при которыхъ необходимы и подобные указатели почтъ, дорогъ, станцій, вѣсовыхъ платежей за письма, и прочая. Въ государствахъ, гдѣ общественная дѣятельность развилась болѣе нежели у насъ, весьма многіе торговые и промышленные города имѣютъ у себя такіа книжечки; и протяжій въ десять минутъ узнаетъ по ней планъ города, описанія его достопамятностей, его гулянья, праздники, почты, адреса замѣчательныхъ или нужныхъ по чему-нибудь людей, обряды и уставы полицейскіе. Кому изъ Русскихъ не будетъ пріятно видѣть, что два губернскихъ города, внутри Россіи, поступили уже въ разрядъ такихъ центровъ дѣловаго движенія! Для cadaго горя есть свое утѣшеніе. Послѣ такой литературы, какова та, о которой мы разсуждали въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, оградно положить перо и призадуматься о значеніи этихъ двухъ почтовыхъ книжечекъ. Утѣшился же, любезные читатели, той мыслию, что если еще Русь худо дѣлаетъ романы и водевилы, зато хорошо дѣлаетъ уже дѣла: пишемъ-то плохо, но — движемся!

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

Слѣдуя благому примѣру Воронежа и Нижняго Новгорода, вотъ и Петербургъ является съ своей книгою. Наконецъ и мы имѣемъ *Almanac de quatre-vingt-mille adresses*. Г. Нистремъ услышалъ общія жалобы столицы и всей Россіи на недостатокъ въ необходимѣйшей книгѣ для ежедневныхъ сношеній жителей всѣхъ званій, и сочинилъ намъ «*Книгу адрессовъ Санктпетербурга на 1837 года*», которая издана съ разрѣшенія и одобренія Г. Санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора. Въ этомъ твореніи найдете вы двадцать семь тысячъ адрессовъ Петербургскихъ жителей, служащихъ, отставныхъ и никогда не служившихъ; лицъ всѣхъ классовъ отъ перваго до двѣнадцатаго включительно, и ихъ супругъ, членовъ дипломатическаго корпуса, членовъ духовенства, полицейскихъ чиновниковъ, врачей, акушеровъ, повивальныхъ бабокъ, аптекарей и аптекъ, учителей и учительницъ, художниковъ, купцовъ всѣхъ гильдій, нотаріусовъ, маклеровъ, ремесленниковъ, цѣховыхъ мастеровъ и торговцевъ; присутственныхъ мѣстъ, общественныхъ заведеній, академій, гичивазій, пансіоновъ, всѣхъ возможныхъ конторъ, заводовъ, фабрикъ, магазиновъ, лавокъ, клубовъ, гостиницъ, отелей, банъ, гульбищъ, увеселительныхъ мѣстъ, дачъ, и прочая; извѣстія объ отправленіи почтъ, diligencсовъ и транспортовъ; извѣстія о наймѣ людей, и всякія разныя извѣстія. Въ каждомъ адрессѣ отдѣльнаго лица поименованы чинъ, имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства его и его жены. Сколько труда должно было стоять издателю одно собраніе столь драгоценныхъ свѣдѣній! Зато книга его можетъ быть названа, безъ лести, живой эпопеей Петербурга. Тѣ даже, которые никогда не надѣялись попасть въ печать, найдутъ здѣсь себя *напечатанными*, — обстоятельство, которое какъ-то возвышаетъ человека въ собственныхъ глазахъ его, потому что этимъ путемъ имя его дѣлается бессмертнымъ. Судя по заглавному листу книги, Г. Нистремъ намѣренъ издавать каждый годъ подобное собраніе адрессовъ, означая въ немъ всѣ перемѣны въ жилиществѣ и чинахъ жителей Петербурга.

Мы слышали, что такая же «Книга адресовъ» составляется и для Москвы.

— Втеченіи прошедшаго мѣсяца вышли тетради четвертая и пятая «Санктпетербургской Флоры», издаваемой Гг. Левинимъ и Селезневымъ; прелестное собраніе рисунковъ съверныхъ растений, о которомъ мы уже несколько разъ говорили.

— Г. Бегровъ издалъ семь новыхъ видовъ Петербургскія, которые своей изящностью измало не уступаютъ прежнимъ его произведеніямъ въ этомъ родѣ. Они представляютъ Исакиевскій соборъ, уже отдѣланный; сенатъ и Исакиевскій мостъ; домъ бывший Рыбаса на Царцынохъ Лугу; городскую думу съ окрестными зданіями; Троицкой соборъ, Преображенскую церковь; дворецъ Елагинскій и дворецъ Царскъ-сельскій.

— Г. профессоръ Давыдовъ издалъ вторую часть своихъ «Чтеній о словесности».

— Новый романъ, «Адель», котораго отрывки были помѣщены въ разныхъ журналахъ, явился въ видѣ отдельной книжки.

— Четвертый и послѣдній томъ «Провидѣнія», разсказа, о которомъ уже дважды было говорено въ нашей летописи, вышелъ также втеченіи мѣсяца: тѣ, которые читали три первые тома, найдутъ и этотъ четвертый не менѣе занимательнымъ.

— Четвертая книжка «Ученыхъ записокъ Императорскаго Казанскаго Университета» состоитъ вся изъ одной, огромной, статьи профессора Гельмута Винтера, «О наукѣ государственнаго хозяйства», которую авторъ разсматриваетъ въ постепенномъ развитіи ея системъ и ея литературы.

— Русская словесность поспѣла новую неизбавимую потерю: нашъ блистательный сотрудникъ, авторъ «Морехода Никитина», авторъ «Кавказскихъ очерковъ» и «Муллы Нура», уже не существуетъ. За несколько дней до своей несчастной кончины онъ еще извѣщалъ насъ, что посылаетъ для Б. для Ч. новую повѣсть. Сочиненіе это еще не получено въ Петербургѣ. Это будетъ послѣдняя статья Марлинскаго!

СЕНТЯБРЬ, 1837.

НОВЫЕ КНИГИ.

ПѢСНИ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ, словенная въ концѣ XII вѣка, на древнемъ Русскомъ языкѣ. Издава, съ переводомъ на нынѣшній Русскій языкъ, профессоромъ Русской словесности Михайломъ Максимовичемъ, для своихъ слушателей. Киевъ, въ нит. Университета, 1837, въ-16., стр. 49.

О счастливый мѣсяцъ! великій мѣсяцъ! Сентлбрь, ты блаженъ между мѣсяцами, и блаженны тѣ, которые родились во дни твои! Ни какія хвалы, ни какой пеанъ, не въ силахъ достойно прославить твоей благодати: Сентябрь 1837 года! ты будешь первымъ мѣсяцемъ въ Русскомъ календарѣ, и, если бѣ ты не былъ такъ угрюмъ и теменъ, я поставилъ бы тебя въ примѣръ всѣмъ прочимъ мѣсяцамъ года. Но я теперь я смѣло скажу имъ: «Мѣсяцы, мѣсяцы! подражайте сентябрю, если можете. Онъ одинъ умный мѣсяцъ между вами. Онъ насталъ, длился сколько могъ, и прошелъ безъ спиховъ. Были дожди, были вѣтры, были морозы, съ неба падали жабы, изъ земли выходили столбы дыму, и при всемъ томъ не было ни одной поэмы ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ; ни одной оды не упало на насъ съ неба; даже не вышло изъ-подъ земли ни одного сонета.» Славный мѣсяцъ! Прошли, прошли для насъ невозвратно поэтическіе мѣсяцы. Теперь начинаются прозаическіе. Нѣтъ болѣе поэзиі!..... Но не думаете ли вы, что мы объ ней сожалѣемъ? — Нисколько!

Дотого что, за неимѣніемъ стиховъ, мы начинаемъ Антоинисъ прямоодиниъ значенитымъ переводомъ Игоревой пѣсни; переводомъ съ древняго Русскаго языка на нынѣшній Русскій языкъ Г. Михаила Максимовича.

Я люблю такія заглавія книгъ, каково въ этомъ переводѣ «Пѣсни о полку Игоревѣ»: нѣтъ ничего яснѣе, какъ если авторъ скажетъ на первой страницѣ все, что знаетъ и чего не знаетъ. Я не вижу ни одного Русскаго филолога, окинувъ взоромъ всѣхъ, въ томъ числѣ и себя, который былъ бы въ со-

стояли сказать *наспрное*, на какомъ языкѣ писана эта книга и какого столѣтія она произведеніе: а Кіевскій переводчикъ рѣшилъ простымъ заглавнымъ листомъ, что она сочиненіе двенадцатаго вѣка и писана на *древнемъ Русскомъ* языкѣ! Слѣдственно, конечное дѣлю, вѣкъ двенадцатый, языкъ древній Русскій, и Г. Максимовичъ принадлежитъ къ числу вѣрающихъ подлинности «Слова о полку Игоревомъ». Теперь издастъ онъ текстъ «Слова», съ переводомъ, и, какъ всѣ вѣрующіе въ этотъ памятникъ, не можетъ растолковать намъ многихъ мѣстъ его. Но справедливость требуетъ сказать, что хоть и не можетъ растолковать, онъ однако жъ приготовляетъ новое, полное, изданіе «Слова», съ критическимъ изслѣдованіемъ, объяснительными примѣчаніями, словаремъ и вторичнымъ переводомъ, и теперь удѣлилъ намъ онъ только, «въ *кесольшомъ* числѣ экземпляровъ, это *краткое (?)*, *коррек-турное изданіе* текста съ переводомъ, желая предваритель-но воспользоваться всякаго рода замѣчаніями, къ *поясненію текста служащими*, о чемъ покорно проситъ знатоковъ и любителей словесности.»

Намъ кажется, любители словесности будутъ въ большомъ затрудненіи. Слово о полку Игоревомъ изъясняли первые издатели его, потомъ Шишковъ, Пожарскій, Калайдовичъ, Карамзинъ, Грамматинъ, Полевой, Вельтманъ, и каждый предлагалъ нѣкоторыя чтенія и приводилъ доказательства своихъ чтеній. Всего вѣрнѣе было бы обратиться съ подобною просьбою къ тому Карнато-Россу или Сербу, какъ пѣзъ всего видно, хорошему латинщику, который сочинилъ это Слово. Но возьмемъ нѣсколько мѣстъ, извѣстныхъ всемъ любите-лямъ.

«Свивая славы оба полк сего времени, рыща пѣ тропу Трояню, черезъ поля на горы.»

Г. Максимовичъ переводитъ:

«Свивая славы *внѣшю* сему (пылнѣннй Русскій языкъ) времени, рыща *по Троянѣ* пути, черезъ поля на горы.»

Далѣе:

«О (древній Русскій языкъ) Русская земля! уже за плечомъ еси!»

переводъ: О Русская земля, ты уже *за горою!*

«Но ризъ вося нмъ доботы напутъ, боши поютъ на Дуванъ.»

переводъ: «По рогъ нося нды пашутъ хвосты, копыи сто — псютъ на Дунавъ.»

«Рыкъ боянь и холы из Святославаля пвствторца старого времени Ярославля, Олегова, Когановъ.»

переводъ «Боянь, пвствторецъ старого времени, Ярославля, Олегова, Когановъ», и на походы Святослава сказаць.»

Хотя мы вовсе не знаемъ, какъ въ переводѣ первого примѣра явился *вмнецъ*; что значить во второмъ примѣрѣ «Русская земля за горою»; почему въ третьемъ *хоботы* превратилась въ *хвосты*; и какой поэтической смыслъ должны заключать въ себя слова *посл роза пахатъ хвосты*, — но положимъ, что Г. Максимовичъ хорошо понимаетъ текстъ и самого себя; остается однако жъ вопросъ: почему понимаетъ онъ такъ, а не иначе, и покакими причинами отвергаетъ чтенія своихъ предшественниковъ? Между-тѣмъ, филологически сказать, это заслуживало бы некоторыхъ доказательствъ, если переводчикъ вѣрить въ подлинность сочиненія и требуетъ отъ любителей замѣчаній на свой краткій корректурный переводъ. Легко перевести — тропа Трояня, *Троляновъ путь*, — земля Трояня, *земля Тролянова*, — на седьмомъ вѣцѣ Трояни, *на седьмомъ вѣцѣ Троляновъ*, да сперва следовало бы изъяснить, что такое «Троянь»: Если переводчикъ думаетъ, что «Троянь» значить Рижскаго Транна, многіе бытъ-можетъ будутъ съ нимъ несогласны. Что касается до насъ, то мы не хотимъ входить въ споры съ кемъ бы то ни было ни объ одномъ словѣ изъ всего этого знаменитаго Слова: мы держимся правила, что объяснять не заслуживающее ни какого объясненія, значитъ попустому тратить время, *оесит et орегит рѣдере*. А какія качества считаемъ нужными для тѣхъ, которые берутся объяснять «Слово о полку Игоревѣ», о томъ случайно сказали мы уже въ другомъ мѣстѣ этой книжкѣ, не зная даже того, что будемъ имѣть удовольствіе читать переводъ Г. Максимовича. (См. отдѣленіе III, стр. 142—144).

СКАЗАНИЕ О МАШАЕВѢ ПОВОИЦѢ И СЪ БЕЗЧИСЛЕННЫМИ
Татари на Дону, на рѣцѣ Непрядвѣ, на полѣ Куликовѣ.
Истинное происшествіе XIV столѣтія. Москва, въ тип.
Кирилова, 1837, въ-16., стр. 143 и 11.

Вотъ и второе Слово, писанное на древнемъ Русскомъ

языкъ, только это — Слово и полку «Мамаева», а не «Проревя», произведение по-крайней-мѣрѣ десятиго вѣка, такъ еще время, когда на Русѣ не было грамоты. Но автора тоже остается неизвѣстнымъ. По примѣру Г. Максимовича, мы хотѣли уже приняться за переводъ этого «Сказанія» и за критическiй объявленiя его текста, но на последней страницѣ нашли слова: «Право сего оригинала, и право объясненiя онаго, принадлежать во всегдашнее вѣдѣнiе князьскаго вѣдѣнiя Степану Федорову Романчикову». Довольно нечего! Мы уважаемъ всѣ права, даже права печатать плохiя книжки на оберточной бумагѣ, и предоставляемъ Г. Романчикову объяснить кому слѣдуетъ, какими образомъ Мэнаю на помощь приходилъ Олегъ, князь Литовскiй, и на какомъ человѣческомъ языкѣ посланникъ Дмитрiя Домскаго говоритъ реченному Мамаю: «Не должно вельможѣ, имъшему дарактеръ посланника, неисполнивъ положенныя на него должности, взятничать посланному сего государю? или что это такое Олегъ Разанскiй разсуждаетъ про себя: «За таковой поступокъ неомытно накажетъ меня Богъ, почему весьма сожалею, что и, потервши разсудокъ, не предвидѣлъ грядущихъ обстоятельствъ»? Оригиналъ Г. Романчикова заключается низверженiемъ Тохтамыша во адъ:

Свертый Тохтамышъ, какъ огненной стрѣлой,
Свернется во адъ, для вѣчной казни, злой!

О литература!

ИЗБРАННЫЕ анекдоты придворнаго шута Балакирева, собранные изъ вѣрныхъ источниковъ. Москва, въ тип. Кирилова, 1837, въ-12., стр. 58.

Слѣдственно съ прощанiемъ гонимъ не кончались шутскiя книги? И слѣдственно, есть публика, которой нравятся шуты! Вотъ еще «Балакировскiя», но уже въ «избранныхъ» анекдотахъ.

О литература!!

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНIЕ происшествiй въ Россiи, отъ появленiя Дмитрiя Самозванца, Григорiя Отрепѣева, до низверженiя его. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ-12., стр. 48.

Вотъ въ чемъ дѣло: иному вадобна «Исторія въ лицахъ», иному «Комедія въ лицахъ» о Дмитрѣ Самозванцѣ, а иному всѣ эти комедіи не по карману, и оцъ покупаетъ за сривенникъ, «Историческое описаніе происшествій въ Россіи», на сорока восьми страницахъ.

О литература!!!

Старичокъ весельчакъ, рассказывающій разные Московскія были. Изданіе второе, Москва, в тип. Смирнова, 1837, в 16, стр. 96.

Не второе, а развѣ сорокъ второе изданіе, потому что въ теченіе каждаго года печатается этотъ «Старичокъ-весельчакъ» разными книгопродавцами Варяжскаго департамента, раза по два и по трѣ. Мы видѣли Петербургское изданіе его 1789 года, гдѣ къ словамъ «Московскія были» прибавлено еще было — «и Польскія диковины». Польскія диковины исчезли при новыхъ изданіяхъ «Старичка-весельчака», котораго нѣсколько разъ печатали еще при знаменитой нѣкогда книжкѣ: «Похожденія увеселительнаго шута, великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута, Совестьдрага, именуемаго Болшаго Юса». Она же была еще прилагаема при отдельныхъ изданіяхъ «онъ-Визянова «Посланія къ слугамъ своимъ», вмѣстѣ съ «Повѣствованіемъ о смерти нѣкоего скитника, въ Брынскихъ лѣсахъ жившаго, и о перевозѣ куріозной души его черезъ Стякъ».

Съ какой же стати мы рассказываемъ всѣ библиографическія похожденія «Старичка-весельчака»? Вѣдь это самая нелѣзая глупость! Точно такъ. Глупость современная плчего не значить, но если глупость прожила лѣтъ сто, двѣсти, то она дѣлается очень важною пещью, — историческою глупостью. Вамъ, вѣроятно, случалось видѣть на домахъ и заборахъ надписи углемъ и жѣломъ. Есть такіе охотники до лапидарнаго слога, что если пмъ попадется въ руки кусокъ жѣлу или уголь, они никакъ не могутъ пройти мимо вновь выкрашенной стѣны, не написавъ -- «Здѣсь живетъ дуракъ», либо какаго-нибудь древняго Русскаго слова. Будочяпки читаютъ нравоученія такіхъ эниграфистахъ, если застанутъ ихъ на мѣстѣ; дворники немилосердо колотятъ ихъ и тотчасъ стираютъ ихъ глупыя надписи. Но подобныя глупости, навѣ-

денныя въ Римскихъ катакомбахъ и на стѣлахъ домовъ Помпей, считаются классическими слупостями, и служатъ къ поясненію весьма умныхъ вещей; ученые люди пишутъ объ нихъ обширныя диссертаціи, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если мы хотимъ рассмотреть со всею археологическою важностью «Старичка-весельчака». Это старинная надпись углемъ на заборѣ Русской словесности.

Онѣ принадлежать къ описаннымъ памятникамъ той Русской литературы, которая была началомъ новейшей нашей словесности. Литературу эту произвела Кіевскія духовныя училища въ XVII вѣкѣ, и до-сихъ-порѣ никто еще не написалъ намъ исторіи этого любопытнаго періода. Рожденная западными училищными педантизмомъ, перешедшая черезъ Польскій училищный педантизмъ, раба латини, которую ввела она въ тогдашнія наши школы, изобретательница силлабическаго стихосложенія и варварскаго книжнаго азбука, эта литература была явленіемъ замѣчательнымъ, и потому уже, что имѣла сильное вліяніе на слѣдующій періодъ Русской литературы. Отсюда явились наши первые витія, Яворскій, Прокоповичъ, Бужинскій, Крайскій, Юшкевичъ, Кулибка, Маскевичъ, послѣдователи Гизеля, Могилы, Барановича. У этой литературы была своя пѣтушка, свои оды, пѣсни, драмы, сатиры, произведенія не Русскія, не народныя, а чада школьнаго и книжнаго ученія. Къ этой словесности принадлежали комедіи, какія «тѣшили» Царя Алексія Михайловича, псалмы, которые пѣвали наши дѣды и даже отцы; *вертепы*, съ которыми хаживали по городамъ бурсаки, представляя мистеріи объ Иродѣ и пѣвая:

«О коль наше на семь свѣтъ житіе плачевно,
Коль скоро, и коль прытко, аки одводнево!»

Ошибочно думаютъ, или полагаютъ, что эта словесность имѣла только духовное направленіе. Нѣтъ, она любила также шутить, пѣла пѣсню, сочиняла сатиру. Изъ ея пѣсенъ родились потомъ пѣсни Елизаветинскаго времени:

«Пойте птачки во саду,
Разгуляясь къ вамъ иду.» —

Или напримѣръ —

«Чистый источникъ, ты цвѣтовъ мнѣ,
Пимоча прекрасна въ тебѣ лицо мило.»

Изъ ея сатиры сохранилась «Повесть о попѣ Савѣ и великой его славы», которую найдете во многихъ спискахъ XVII вѣка. «Старичка-весельчака» можно назвать представителемъ тогдашняго аполлога, и въ этомъ отношеніи онъ становится весьма любопытенъ. Вероятно, списокъ этихъ басенъ и сказокъ получилъ выпѣшнее свое названіе отъ кого-нибудь догадливаго издателя, который пустилъ его въ печать; но, къ счастью, издатели никогда не исправляли его, и «Старичокъ-весельчакъ», сорокъ разъ перепечатанный, остался таковымъ, какъ вышелъ изъ цѣнтки Кіевскихъ риторикъ XVII вѣка.

Это — собраніе, если угодно, самоглупѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самообычныхъ басенъ и сказокъ. Въ разсказахъ ихъ живо отражается мѣсто ихъ рожденія. Въ одной изъ нихъ, прохожій зажигаетъ солому, на которой лежалъ, притворяясь разслабленнымъ, «нѣкій лукавый нищій»: бѣднякъ принужденъ былъ вскочить съ соломы, и вотъ нравоученіе:

«Сколько нищій не погибалъ лукаво,
А наконецъ дѣло его стало неправо.»

Въ другой баснѣ, «нѣкій глупый мужикъ» надѣваетъ на носъ очки, думая, что послѣ того можно ему будетъ читать, и учась грамотѣ. Купецъ съвется и говоритъ ему:

«Сколько тебѣ книгъ не разгабать,
А всучась грамотѣ ничего не прочитать;
Какъ возьму дурака толкать въ толчки,
Что напрасно переюмилъ у меня очки!»
Озый мужикъ отъ того устыдился.
И съ безчестіемъ домой воротился.»

Въ третьей баснѣ, «нѣкая глухая жена» ставитъ оловянное блюдо на огонь, и когда блюдо растопилось, она утверждаетъ, будто-бы кошка съѣла оловянное блюдо. Мужъ бьетъ кошку на женной спинѣ. Нравоученіе:

«И такъ жена въ обманъ мужа не привела,
Лишь на себя побой навела.»

Въ четвертой сказкѣ мужъ покупаетъ на цѣлый годъ двѣнадцать колыбелей, потому что по прошествіи только шестидесяти послѣ свадьбы у него родился сынъ:

« Не всякой же являсь развѣзжать,
Моя дѣля въ колыбели покупать! »

Въ пятой баснѣ, баринъ даетъ приказъ слугѣ, ничего не дѣлать, чего не будетъ ему писемъво приказно. Баринъ падасть въ яму, и слуга не сиветь его вытаскать.

« Надобно самому на себя писать,
Когда не разсудъ любишь приказы раздавать. »

Мы не выписываемъ болѣе ничего, потому что и приведеннаго уже достаточно чтобъ дать понятіе о « Старичкѣ-весельчакѣ ». Сидѣтьте, если хотите, а эта литература несравненно лучше той, о которой мы прежде говорили: по-крайней-мѣрѣ она рисуетъ свой вѣкъ, его нравы, понятія, образъ мыслей, и кто будетъ писать исторію Русской совѣсности, тогь не долженъ выпустить изъ виду и аполога XVII столѣтія. А что такое рисуетъ литература, о которой мы не перестаемъ поскандать съ горестію — О литература!!!!

СКАЗКА О МЕЛЬНИКѢ КОЛДУНѢ *Федотѣ*, о хлопотливой старухѣ, о двухъ жидкахъ и о двухъ батракахъ. Сочиненіе Е. Алипанова. СПб.-бургъ, въ тип. Неймана и К^о., 1837, въ-12., стр. 49.

О! и въ Петербургѣ уже выхлѣать сказки изъ каперь Московскихъ?..... Это очень утѣшительно; и достойно примѣчанія, что Русскій поселенинъ не умѣлъ разсказать родной Русской сказки!..... Вотъ что значитъ ложное направленіе дарованія, — предположивъ, что оно есть. Въместо того чтобъ сохранить наивность изложенія и формы, какою отличаются этого рода разсказы въ устахъ деревенскихъ нашихъ скальдовъ, Г. Алипановъ хочетъ подражать Пушкину, Жуковскому, Ершову, Луганскому, и другимъ ученымъ сказочникамъ!

Жилъ колдунъ мельникъ. Онъ умеръ и лежить въ гробѣ, гдѣ вызвалась его сторожить ночью старуха Агаея, за что обѣщала ей *червоонецъ* (?). Съ ней выважала старожитъ мертвца *жидъ*, съ тѣмъ, чтобъ ночью украсть у Агаеи подушку, въ которой зашила она свои деньги, и ому также обѣщали за прочъ *червоонецъ*. Сосѣдъ колдуна шель по платинѣ, съ него сдуло шляпу, въ которой лежало его *обручальное*

кольцо (?). Работникъ Иванъ беретъ отнять кольцо у водяныхъ, плетъ ночью на мельницу, падаетъ на себя мучной мѣшокъ, пугается, и прибѣгаетъ со страху въ ту избу, гдѣ лежалъ мертвецъ мельникъ. Агавья и жидъ лопцъ его мертвецомъ, бросились бѣжать, и попадали другъ на друга. Отъ свѣчки, которую держала Агавья, у жиды загорѣлись десники. Жидъ обгорѣлъ, Иванъ отнялъ, Агавья сошла съ ума. Конецъ. И во всемъ этомъ нѣтъ ничего Русскаго.

О литература!!!!

ДОБРАЯ СТАРИНА. Повѣсти Жакоба библиофила. С. П.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1837, въ 12. Двѣ части, стр. 150 и 144.

Въ 1483 году, въ церковь святой Женевіеви пришелъ злодѣй, мерзавецъ, убійца, въ три въ одной персонѣ, а въ другой персонѣ пришла его любовница. Злодѣй-кто-то узнаеть, и кричить; злодѣй колетъ крикуна. Народъ бросается ловить злодѣя. Между-тѣмъ подымается ужасная гроза; церковь загорается; народъ убиваетъ любовницу злодѣя; злодѣй бѣгаетъ по церкви, а за нимъ гонится кто-то и кричить: «Проклять, проклять, проклять!» Со страху, у котораго глаза велики, но ничего разглядѣть не могутъ, злодѣй не догадывается, что это провазничаетъ опять тотъ же крикунъ, котораго онъ кололъ, и не довазоль. Оба убрѣгаютъ на горющую колокольню церкви, и тамъ сгораютъ. Повѣсть называется «Колокольная».

Быль старикъ. У старика была любовница. У любовницы старикъ подстереть колодега любовника. Начинается драка, — кулаками, донками, стульями, столами, — и наконецъ старикъ откусываетъ у любовника ухо. Черезъ нѣсколько лѣтъ старикъ женился на своей любовницѣ, задумалъ опять съ себя бросить, призвалъ къ себѣ художника, и не замѣтивъ, что это тотъ самый колодега, у котораго онъ откусилъ ухо. Художникъ привязываетъ свой оригиналь къ стулу, такъ, что тотъ не можетъ пошевелиться. Старый дуракъ позволяетъ все это сдѣлать съ собою, и художникъ замазываетъ ему носъ, ротъ, глаза, уши. Старикъ, которому нельзя было ни глядѣть, ни слышать, ни кричать, ни дышать, задохся естественнымъ порядкомъ, а художникъ пошелъ къ женѣ

старика и показать ей свое ухо, именно то самое ухо, которого у него не было. «Она была уже слишком стара, чтобы вознаградить его за потерянное ухо, но патристично хорошо заплатила ему за гипсовую маску». Повесть называется «Ухо», правильно же — «Ухъ!»

Такова «Добрая старина» Г. Жакоба Библиофила. Конечно, повести эти довольно отвратительны, довольно печны и запячканы. Но могли быть повести еще отвратительнее, печнее и запячканнее. Эту например повесть, «Ухо», можно бы украсить еще лучшими подробностями; можно бы представить, что старикъ, откусивши ухо, сжарил его, и заставил потомъ любовницу съесть жареное ухо своего любовника; что художникъ, привязавши старика, отрезал у него носъ, и приказалъ несчастному скушать свой собственный носъ. Это было бы совершенно въ духъ той литературы, которая произвела въ писатели даже Г. Жакоба Библиофила.

Ну, литература!!!!! Право, она стоитъ нашей.

Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вы горюете о бездарности нашей литературы, когда и Французская не лучше ея? Въ самомъ дѣлѣ, вотъ прекрасный случай помириться съ нашею словесностью! Такъ и быть: обь словесности хороши. Мы ничѣмъ Московскія повести и романы, Французы ничѣмъ свои Московскія повести и романы. Господинъ библиофилъ Жакобъ есть именно Московскій романистъ Французскій, и весьма удивительно, что его переводятъ въ Петербургъ. Библиофила Жакоба должно переводить непрямно въ Москву.

Г. Библиофилъ Жакобъ сдѣлалъ было себѣ родъ репутаціи слѣдующею уловкою: онъ вздумалъ выбирать изъ старопечатныхъ книгъ педантскія фразы стариннаго княжнаго языка Французскаго, которыя никогда не были въ общепародномъ употребленіи, и класть ихъ въ уста своимъ дѣйствующимъ лицамъ. Этотъ штукатурный языкъ сначала изумилъ многихъ своею страшностью. Нашлись добродушные читатели, которые подумали, что это и есть «старина», и что Г. Жакобъ открылъ настоящій способъ живописать ее. Штука вышла успѣхъ, пока не примѣтили, что Г. Жакобъ замазываетъ этимъ небывалымъ языкомъ недостатокъ собственного дарованія. Съ-тѣхъ-поръ въ Парижѣ болѣе не читають Г. би-

блестящая Жалоба, и предоставлен его повести совершенно наслажденію Русскихъ переводчиковъ.

«Кромѣ «Колокольни» и «Уха», въ «Доброй старинѣ», кажется, есть еще другія повѣсти.

Адель. Сп.-бургъ, въ тип. Гинце, 1837, въ-8., стр. II и 225.

Маленькая повесть большими буквами. Впрочемъ, какъ мы уже примирялись съ нашею словесностью, то не будемъ слишкомъ взыскательны. Кромѣ шутокъ: въ часы, когда человекъ расположенъ къ кротости, повесть «Адель» читается довольно пріятно. Есть соперникъ — есть недоразумѣніе — дуэль — смерть — раскаяніе, все, что нужно для титой, изсдорливой занимательности.

Исправдоподобные рассказы кичероне дель К... О.
.. II. Федоръ Петровичъ Каташкинъ. Сп.-бургъ, въ тип. Гуттенберговой, 1837, въ-12., стр. XXX и 333.

Вторая часть сочиненія, о которомъ мы недавно говорили. То, что сказано было о первой части, относится и ко второй. Но эта часть показалась намъ занимательнѣе: въ ней болѣе живости и менѣе манеры.

1. чиновникъ по особымъ порученіямъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Каратыгина. С.-П.бургъ, въ тип. Плюшара, 1837, въ-8., стр. 80.

2. норма, лирическая трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ, слова Феликса Романа, музыка Бедлиши. Переводъ съ Италійскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Глазунова и К°, 1837, въ-12., стр. 52.

Водевиль Г. Каратыгина читается съ ксвольною досадою. Не трудно даже сказать, за что. Сочинителю пришла было с встанная мысль, но онъ ею не воспользовался. Чиновникъ по особымъ порученіямъ!..... Какой богатый предметъ! Чиновникъ по особымъ порученіямъ!..... Да это кладъ! По особымъ порученіямъ!..... Да въ рукахъ мастера это могло бы слѣзаться чудесныхъ произведеніемъ. Г. Каратыгинъ случайно напелъ идею у самаго колодца остроты и ситышаго, —

и ятбыли днз сдѣлать изъ этой идеи? Ничего! Она ее жила, взорвалъ, исковеркалъ и бросаеъ въ комодецъ. Такіе таланты дѣлають и Г. Коин, который иногда еще не жалеетъ счастья найти идеи. Событія необыкновенныя Г. Каратыганъ называетъ особыми порученіями!

Маюръ Десницкій увозитъ двушку, сестру Баласина, который хотѣлъ отдать ее за друга своего, Задорина. Любвишки тайно обвѣнчались, и госпожа Десницкая отпракалась въ Москву, съ *человѣчкомъ*, на имя котораго написана была подорожная. Человѣкъ этотъ дорогой зацѣмогъ, и госпожа Десницкая оставляетъ его, садится въ дилижансъ, и дотѣкаетъ до Твери. Тамъ она останавливается въ гостиницѣ. Съ нею ѣдетъ комиссаріатскій чиновникъ Понукаловъ. Болея преслѣдованій, госпожа Десницкая проситъ его *назвать ее своею женою* на-время, и даетъ ему за то золотыя часы. Понукаловъ соглашается, но тутъ, какъ парочно, прѣзжаютъ изъ Москвы Задоринъ, изъ Петербурга Баласинъ; одинъ скачетъ жениться въ Петербургъ, другой ѣдетъ догонять сестрицу. Задоринъ пристаеъ къ Понукалову, которому еще хуже приходится отъ настоящей жены его: узнавши о прѣздѣ мужа въ Тверь, и о томъ, что онъ скрываетъ у себя какую-то женщину, эта почтенная чиновница бранится, кричить, зоветъ:

•Такъ у васъ здѣсь *шурь мури?*

Вы прѣехали владѣть?

По постой за *эти муры*

Запасишь ты *пшутюкомъ!*

Ты откуда этой *улицы*

Шибрился голубчикъ мой?

Ну, тебѣ ль, архивной *крысѣ,*

Соблазнить кою собой!

Только слава, что чиновникъ,

А грация не стоишь самъ:

И какой ужъ ты любовникъ? —

Вужъ то съ горемъ пополамъ! —

Понукалова требуетъ, чтобы мужъ показалъ ей свою спутницу, и бѣжить за кварталыныиъ. Задоринъ требуетъ также, чтобы ему показали спутницу Понукалова, и бѣжать за частнымъ. Ямлется Десницкій: и этотъ требуетъ также,

чтобы ему показали спутницу Понукалова. Не на встречу ему выбегает сама Десницкая. Тутъ всё мнрается. Задорашъ утакаетъ въ Москву, иаъ осталась у него записная тетрадь, «откормленная кучиха, съ длинными носомъ», двумя каменными домами и шестью лавочками». Десницкій за тѣмъ, забывикалъ, что ему надобно было явиться на повѣсѣхъ въ сени, для выслушанія дѣла (?), отъ котораго онъ сдѣвался страшнымъ богачомъ. Балясинъ доволенъ свадьбою сестры, Понукаловъ доволенъ золотыми часами, раскъ доволенъ каламбурами. Въ верхнихъ сценахъ трагедіи публичнаго особенный эффектъ должна производить за сцена, когда спутники Десницкій и Понукалова, два купца, пьютъ на сценѣ чай, просятъ закутить «шоспимъ бутербродомъ», и когда Понукаловъ скажываетъ, что у него на «шестъ» жевать «петлицы» знакъ отличія. Для втрѣтѣшей утѣхи парадиза, практицизмъ Швансъ изъясняется лямками Русскаго изъясномъ «Сейшасъ, bei Gott, какъ шасловъ эта стара поэма!.. Ахъ! забудь, што прикажетъ *вась приаговоила* для обиды, пѣберъзуръ, эдег шн!—Какъ шн! Тутъ заварится иащя!» отвѣчаетъ ему Понукаловъ.

Что касается до «Норимъ», то надобно сказать, что Италискіе стихи Феликса Романи еляются особенною звучностью и чистотою языка, которыхъ мы не находимъ въ Русскомъ переводѣ, хотя онъ вообще не дурень.

Россійская хрестоматія, или *Отборныя сочиненія отечественныхъ писателей въ стихахъ и прозѣ*. Изданіе второе. СПб.-бургъ, въ тиц. Ш. О. К. Внутренней Страси, 1837, съ-8. Довъ части, стр. XVI, 800 — 768.

Должна ли хрестоматія быть собраніемъ лучшихъ литературныхъ отрывковъ, или по-крайней-мѣрѣ такихъ, которые считаются лучшими въ извѣстное время? Такая книга безполезна, и даже невозможна, пока языкъ народа не сдѣлается мертвымъ. Понатія о образцахъ такъ переходивы, что иногда сновья свѣются иадъ тѣмъ, чему удивлялись отцы. Или должна хрестоматія представлять только исторически расположенный выборъ отрывковъ, по которымъ ученикъ могъ бы судить о переходахъ языка и слогъ къ различнымъ

времени? Ответъ — должна, и такая книга истинно полезна для учениковъ.

Но издатель Русской, или, какъ онъ говоритъ, *Россійской*, хрестоматіи, или *хрестоматіи*, напечатанной теперь вторично, думаетъ иначе. Онъ предлагаетъ книгу образцовъ, книгу «отборныхъ сочиненій». Онъ хотѣлъ «доставить воспитывающемуся юношеству книгу, заключающую въ себѣ *лучшія произведенія ответственныхъ писателей*, которая представляла бы учащемуся *полную картину нашей литературы.*» Издатель не подумалъ, что даръ безошибочно судить о томъ, что лучше и что худшее никогда не дается издателямъ хрестоматій, потому что человекъ, надѣленный такимъ даромъ, будетъ Квинтиліаномъ, а хрестоматіи онъ издавать не станетъ. А какии образцы хрестоматіи, сборникъ малецкихъ отрывковъ для первоначальнаго ученія, можетъ представить «полную картину литературы», этого мы, право, не понимаемъ.

Желали бы мы спросить почтеннаго издателя «Россійской хрестоматіи», неужели онъ не шутитъ, выдавая намъ за «образцы» сочиненія Рогчева (Сцены на морѣ), Погодина (О Русскихъ романахъ), Максимовича (О жизни растений), князя Виаземскаго (Какъ писать), или отрывки изъ Хераскова, В. Пушкина, изъ «Расхищенныиъ шубъ», или пѣсню — «У кого душевны силы истощилися тоской»? Послѣ этого не удивительно, что набралось около тысячи шестьсотъ страницъ образцовъ! Вообще, издатель — человекъ сговорчивый: онъ цѣнитъ образцы и такую, наиримѣръ, прозу:

«Позволь мнѣ попенять себѣ. Одно письмо въ три ведра. Сколько могло случиться съ тобою, бедняжка конечно для друзей, но для меня неопредѣленныхъ подробностей, и которыхъ я не знаю. Для истиннаго друга вѣтъ ничто равнодушнаго (?). Я радовался, что тебе дали чашъ; вотъ справедливость, отданная достоинствамъ и дарованіямъ.» (Стр. 352.)

И вотъ еще такую:

«Ты видишь изъ надписанія нѣкоторое извѣщеніе моего молчанія. Мы видели, дѣлали малецкій кружокъ по узлу, посѣщали старня знакомства, и приобрѣли новыя. Ты не можешь себѣ представить, что за удовольствіе путешествовать въ деревнѣ. Вездѣ картина благослущія.» (Стр. 335.)

Такихъ примѣровъ можно бы выписать изъ «Россійской христоматіи» цѣлыя сотни. Вотъ, на выдержку, еще клочекъ образцовой прозы :

«Чтобы актеру вмыслить въ себя душу» представляемаго лица, для СЕГО ему надобно совсѣмъ на время отречься самого себя, и такъ очаровать зрителей, чтобы они забыли его истинное лицо, и видѣли бы въ немъ того, кого онъ представляетъ.» (Стр. 529).

Нѣтъ, я совершенно ширюсь съ нашей литературою! Какъ она ни скудна дарованіями, какъ она еще не далека отъ Искусства, всё-еще эта бѣдная литература слишкомъ высока для своихъ судей. Трудитесь, вы, которыми природа дала чувство изящнаго, вы, которые постигаете Искусство и стараетесь сдружить съ нимъ Русское слово; мучитесь, проводите безсонныя ночи надъ отдалкою нѣсколькихъ фразъ! Не дайте какъ дѣтямъ вашимъ представать вотъ какіе образцы изящнаго. Не дайте какъ тѣ, которые хотятъ составлять полныя картины нашей литературы, вотъ какъ понимаютъ Искусство и вотъ что они считаютъ за образцовое.

РУКОВОДСТВО КЪ ДИДАКТИКѢ, или наука преподаванія, составленное по Нимейеру Александромъ Оболенскимъ, инспекторомъ классовъ Императорскаго С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Сп.-бургъ, въ типъ Вунгебера, 1837, въ-8., стр. IV и 166.

Среди множества новыхъ знаній и наукъ, надобно было литься наконецъ наукъ ученія, или искусству учить; надобно было схватить Ариаднину нитку въ лабиринтѣ тысячъ методовъ, системъ, теорій. Нѣмцы много заботились о необходимости науки учить и учиться; они думали, сидѣли, спорили долго, пообыкновенію наши для вокой науки Греческое названіе, а науки сагой не кончили. Однако жъ между безчисленными системами «Дидактики» особенно отличается Нимеверова: Сочиненіе Нимевера о педагогикѣ, или наукѣ преподаванія, уже передано по-Русски Г. Оболенскимъ; теперь онъ издалъ его «Дидактику», или науку преподаванія. Книга эта заключаетъ въ себя множество превосходныхъ идей, которыхъ цѣлу и удачность могутъ чувствовать только тѣ, которые занимались преподаваніемъ. Но отдавая полную справедлив-

вость практическому уму Германскаго педагога, мы не можем не сказать, что лучшая дидактика на свете — умный, гениальный преподаватель, который сам живо видит предмет, быстро отгадывает степень пониманности своих слушателей, и умевъ тотчасъ представлять имъ вопроса съ той стороны, съ которой сами они почти могли бы рѣшить его. Великое дарованіе! Оно такъ же рѣдко какъ и гений. Ету научить невозможно. А изъ ума обыкновеннаго, или даже ограниченаго, едва ли сама дидактика Нимейера склалаетъ смелскаго преподавателя. Практика и хорошіе совѣты могутъ до известной степени замѣнить природное дарованіе, а въ этомъ отношеніи книга Нимейера, мы думаемъ, являетъ некоторую пользу тому, кто судеть умѣть читать ее. Но мы осмѣливаемся думать, что науки преподаванія не существуетъ въ порядкѣ вещей, какъ не существуетъ и науки критики. Истинно хорошее преподаваніе и истинно хороша критика суть дарованія, а не науки.

1. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ, или *Методическій курсъ исторіи, составленный по новому плану. Сочиненіе Леви, профессора оловесности и исторіи. Переводъ съ Французскаго Я. Флоренсова. Тверь, въ тип. Львова, 1836, въ-8., стр. 380 и VI.*

2. ОСНОВАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ, составленное по новой методѣ. Сочиненіе, могущее облегчить преподаваніе и изученіе главныхъ происшествій, отъ сотворенія міра до нашихъ временъ. Переводъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1836, въ-8. Три части, стр. VI и 248 — XII и 141 — VII, 200 и VIII.

3. ВСКОРЩАДГЕОГРАФІЯ, для первоначальнаго преподаванія, составленная по Гольтве, Балби и Мальте-Бруну В. Бордверкниа. С П.-бургъ, въ тип. Вингсбергера, 1837, въ-12., стр. 414 и VI, съ рисункомъ.

4. NOUVEAUX DIALOGUES FRANÇAIS ET RUSSES. divisés en 150 leçons, à l'usage de la jeunesse et de tous ceux qui commencent à apprendre ces langues. — Новые разговоры Французскіе и Россійскіе, раздѣленные на 150 уроковъ, для употребленія юности и всѣхъ начинающихъ обучаться

сими языками, по образцу Валентина Мейдингера изданные. Москва, в тип. Лазаревыхъ, 1837, въ-12., стр. 367.

Типографское искусство въ Твери такъ быстро усовершенствовалося послѣ книги, которая недавно вышла изъ Тверскихъ прессовъ, что мы поздравляемъ Тверь съ такими блестящими успѣхами. Если пойдетъ такъ успѣшно и Тверская литература, то въ Твери скоро явится Тверской Вальтеръ Скоттъ или по-крайней-мѣрѣ остроумный преобразователь Русской грамматики. Но не въ томъ дѣло. Мы хотимъ сказать, что общими успѣхами Москвы и Твери явились двѣ новыя системы учиться исторіи. Онѣ, если хотите, не совсемъ новы: Лернъ въ особенности довольно уже износился; но и Новгородъ старъ, и всё-таки онъ называется Новгородъ. Оставимъ двѣ эти переводныя книги въ поковъ, и пожелаемъ, изъ учтивости переводчиковъ за трудъ. Третья книга — оригинальная. «Всеобщая Географія» Г. Бордовскаго, конечно, не можетъ похвастаться всеотличною географіею, однако жъ она заслуживаетъ отличія. Авторъ ея, сколько намъ извѣстно, одинъ изъ лучшихъ практическихъ преподавателей, и онъ составилъ ее изъ хорошихъ матеріаловъ. Она пуждается въ системѣ и могла бѣ быть яснѣе; но и такъ, какъ она есть, географія эта принесетъ пользу учащимся, особенно если сочинитель усовершенствуетъ свою первую книгу при второмъ изданіи и придастъ ей болѣе методы.

«Новые разговоры Французско-Россійскіе» новость только для того, кто ихъ не видалъ прежде. Хотите ли научиться говорить по-Россійски?

«Я думаю, что погода скоро переменится, потому что вѣтеръ переменился, и следовательно, станеть таять, а это будетъ мнѣ неприятно, ибо я предполагалъ сегодня ѣхать кататься.»

«Все что я могу сдѣлать есть уступить вамъ за пять палеровъ.»

По Русски, если угодно, такъ не говорятъ, но по-Россійски, это прекрасно, превосходно, хоть сейчасъ въ книгу. Мы всегда говорили, что нашъ книжный языкъ не — Русскій, но Россійской, и эти «Россійскіе разговоры» совершенно подтверждаютъ наши слова.

СОКРАЩЕНІЕ ИСТОРИИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ. Сочиненіе
М. де Мисселя, ректора Ахенской академіи, одобренное

Т. XXIV. — Отд. VI.

8

королевским совѣтомъ Французскаго университета и предписанное въ руководство, для преподаванія въ королевскихъ коллегіяхъ и прочихъ общественныхъ заведеніяхъ. Переводъ съ четвертаго изданія, исправленнаго и дополненнаго генеалогическими таблицами. СПб.-бургъ. въ тип. Глазунова и К^о., 1837, въ-12. Двѣ части, стр. VII и 253 — 239.

Родятся же такіе счастливыя, какъ этотъ Демишель! Въ одинъ годъ два перевода на Русскій языкъ. При всемъ томъ, едва ли можно завидовать такому счастью. Победа книги Демишелевой громка и славна, но онъ, подобно Пирру, принужденъ будетъ сказать: «Еще одна такая победа, и я пропалъ!»

Первый переводъ былъ Московскій. Тамъ бѣднаго Демишеля разодрали на двадцать клочковъ; каждый клочекъ переведенъ былъ особо, особымъ переводчикомъ, въ одніи сутки, и на слѣдующее утро на томъ мѣстѣ, гдѣ еще вчера стояла исторія Демишеля, не осталось и слѣдовъ смысла.

Второй является Петербургскій переводъ, но Петербургъ торжественно отрекается отъ этого перевода. Нѣтъ, Петербургъ, проѣхавши пять верстъ впередъ, по желѣзной дорогѣ, на встрѣчу высокой образованности, не можетъ призвать своихъ такого перевода.

Взгляните только на заглавіе. Тутъ что строка, то ошибка. Вѣсто *rgécis* вы имете по Русски сокращеніе. Сокращеніе исторіи среднихъ вѣковъ!..... Буква М., сокращеніе слова *Monsieur*, превращена въ имя автора. Но, быть-можетъ, переводчикъ хотѣлъ этою буквою, изъ вѣжливости, сказать — *Мусье* де Мишеля?

Далѣе, этотъ М., Михайло, или *Musye*, де Мишель, пожалованъ въ ректоры «Ахенской академіи». Что это за Ахенская академія? Это *Académie d'Aix*. По географіи переводчика Эзъ (Aix) и Ахень (Aix-la-Chapelle), всё равно.

Далѣе: сочиненіе «предписанное въ руководство для преподаванія въ королевскихъ коллегіяхъ». Для преподаванія чего? Это можетъ сказать одинъ только подлинникъ: *prescrit pour l'enseignement de l'histoire du moyen Age dans les collèges royaux*, — «для преподаванія исторіи среднихъ вѣ-

ковъ». И то, для преподаванія въ «королевскихъ коллегіумахъ», а не коллегіяхъ.

Далѣе: «и прочихъ общественныхъ заведеній? Неужели исторію Девишела преподають въ больницахъ, лазаретахъ, домахъ умалишенныхъ, и другихъ «общественныхъ» заведеній? Совѣсть нѣтъ. Переводчикъ хотѣлъ сказать — «и другихъ учебныхъ заведеній». Въ подлинникѣ написано — *et dans les autres établissemens d'instruction publique*. Впрочемъ, не онъ одинъ изъ Петербургскихъ переводчиковъ думаетъ, что public значитъ «общественный» и не умѣетъ дѣлать различія между словами — общественный, общій, учебный и публичный, что всему Петербургу очень прискорбно.

Пославъ такого заглавія, мы, изъ уваженія къ познаніямъ переводчика во Французскомъ языкѣ и географіи, не станемъ даже разсматривать его перевода.

псковская летопись, изданная на иждивеніи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московскомъ университетѣ М. Погодинымъ. Москва, въ тип. Университетской, 1837, в-4., стр. XXX и 280, съ снимкомъ рукописи.

Благодарить ли за напечатаніе этого матеріала для Русской исторіи? Непременно, непременно!

Поблагодаримъ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ: оно жертвовало расходами на бумагу, на печать, на все. Но благодарить ли издателя? Къ сожалѣнію, тутъ надобно не благодарить, но поддерживать!

Книга начинается посвященіемъ отъ издателя бывшему митрополиту Кіевскому Евгенію. Примѣчаніе издателя: «Я еще успѣлъ сдѣлать этого посвященія при жизни покойнаго, — пусть оно останется теперь, по его смерти, знакомъ только же чувствованій къ его памяти.» Для поддержанія можно сказать, что нынче дѣйствительно начали уже «дѣлать» посвященія. «Жизнь покойнаго» заключаетъ въ себя тотъ смыслъ, что не все покойники умираютъ. «Остаться теперь», значить, что оно должно «остаться» только на эту минуту, не болѣе, то есть, вовсе не оставаться, потому что все вещь остается только на будущее время, а не на теперь. А что такое значить «тѣ же чувствованія къ памя-

ткъ, мы, признаться, не знаемъ, но оно должно значить что-нибудь.

Объяснивъ столь успѣшнымъ образомъ привѣчаніе къ посвященію, мы переходимъ къ предисловію. Здѣсь всего привѣчательнѣе окончаніе :

«Я надѣюсь, что читатели не только не постыдуютъ на меня за длинное предисловіе, но еще скажутъ мнѣ спасибо. Въ послѣднее время издано у насъ очень много историческихкихъ документовъ, и издаво большею частію прекрасно, то есть, вѣрно, вничательно, добросовѣстно, но издатели были очень скуны на описаніе своихъ изданій, мало заботились въ томъ (то есть, о томъ), чтобы познакомить съ ними предварительно читателей, дабы СІИ послѣдніе знали, чего и гдѣ имъ искать должно, и могли удобнѣе пользоваться, смотря, каждый, по своимъ занятіямъ.

«Разумется, было бы несправедливо жаловаться за это (?) на издателей, но нельзя не пожалеть, что они при большомъ (?) своемъ трудѣхъ не заготовили прибавить имъ (?) еще нѣсколько на эту работу. А кто, говоря вообще, можетъ сдѣлать это лучше издателя, кто короче его знакомъ съ сочиненіемъ! По-крайней мѣрѣ о себѣ я скажу, что свѣривъ кончи съ подлинникомъ; свѣривъ разные списки, читая по четыре корректуры, я вѣякъ не могъ даже удерживаться, чтобы не отмѣчать все (то есть, всего) особенное (то есть, особеннаго), а въ такихъ отмѣтокъ и составилось это предисловіе.

«Представляю на судъ знатоковъ свой тяжелый трудъ, на который (то есть, на который) посвятивъ я много времени. Они оценятъ по-крайней-мѣрѣ то самопожертвованіе, съ которымъ я анатомировала летопись молодую (?), маловажную, въ дурныхъ спискахъ, когда еще пергаментнымъ, Лаврентьевская, Новгородская, Киевская, Волынская! Я хотѣлъ въ некоторымъ образомъ показать, что можно извлекать изъ нашихъ летописей и другихъ историческихкихъ документовъ, и вѣсть представить опытъ ихъ разработки.»

Издатель только изъ скромности унизкаетъ достоинство этого богатаго матеріала для важной исторіи Пскова, когда летопись Псковскую называетъ опять «маловажною». Мы во-все не на то жалуемся, что летописей дониндъ издано мало: нѣтъ, ихъ издано много, но дурно. Издатели своевольно читали тексты, переправляли, вставляли, не понимая того, что дѣло издающихихъ летописей состоитъ въ вѣрной передачѣ текста, такъ, чтобы печатное изданіе вполне перекладывало рукописи суду знатоковъ. Смиренно называя свой трудъ «тяжелымъ», нашъ издатель не хочетъ даже похвалиться тѣмъ, что

онъ взялъ три дурныхъ списка, читалъ ихъ, какъ ему было угодно, не думалъ о повѣркѣ съ другими, болѣе важными списками, перемѣнялъ правописаніе, переставлялъ даже описанія, въ той увѣренности, что лѣтписи «молода и мало-важна», что переписчикъ одного списка былъ «вслѣдкомъ грамотности», а переписчикъ другаго «совершенно безграмотный». И вотъ что значитъ *анатомировать* бѣдную лѣтписи, — привести ее въ порядокъ, вычистить, вычесать, сгладить! Мы знаемъ, что Шлёцеръ называлъ бы это святотатствомъ непостыжнимъ; но другія времена — другія понятія. Нашъ издатель такъ понимаетъ «критическое» и «настоящее» изданіе старинныхъ лѣтписей, и дѣло съ концомъ. Уничтожить всю подлинность, весь авторитетъ, лѣтописи, намывается у него — *издать ее, разработать*, и еще что-то *исслѣчь* изъ нея на показъ. Если всѣ наши лѣтописи будутъ такъ «разработаны», то мы остаемся безъ исторіи, какъ Бранины.

дѣянія Петра великаго, мудраго преобразителя Россіи, собранныя изъ достоверныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе И. И. Голикова. Изданіе второе. Москва, въ тип. Степанова, 1837, вв-8., томъ первый, стр. VIII, 640 и XI.

Мы уже говорили о предпріятіи К. А. Полевого: онъ рѣшился вновь издать сочиненіе Голикова. Вотъ начало, и начало доброе: книга отпечатана опрятно, на хорошей бумагѣ; текстъ краснѣе и четокѣе. Въ первомъ томѣ увидѣлись первый томъ «Дѣяній» прежняго изданія, и всѣ къ нему «Дополненія», что составляло особыхъ три тома. Г. Полевой хочеть въ пятнадцать томахъ новаго изданія заключить прежніе тридцать. Книга Голикова сдѣлалась-было столь рѣдкою, что ее продавали уже весьма дорого. Теперь всякой можетъ записать ее для своей библіотеки, и получить ее за умѣренную цѣну, въ лучшемъ изданіи, но въ прежней полнотѣ, потому что Г. Полевой ничего не перемѣняетъ въ твореніи Голикова: онъ дѣйствуетъ только какъ добросовѣстный и умный книгопродавецъ, котораго дѣло — доставить публикѣ возможность приобрести огромную книгу какъ-можно дешевле. Любопытный вопросъ: книга Голикова, всмѣ

столь известная, любимое чтеніе нашихъ отцовъ, достойна ли такого же вниманія въ наше время? Какъ исторія, конечно, нѣтъ; но какъ матеріалъ, это драгоценность; и вѣрою того практическій ужъ и особенное образованіе сочинителя дѣлаютъ сочиненіе его всегда полезнымъ и назидательнымъ для круга читателей весьма обширнаго. Голяковъ вставилъ въ свою книгу цѣлые трактаты о нравственности, о воспитаніи, о торговлѣ, и прочая; но онъ вездѣ говоритъ умно, дѣльно, просто; его понимаетъ всакий читатель, и это уже большое преимущество.

Очеркъ іерусалима и окрестностей, Вифлѣма, Виваніи, Іордана, пустыни Святаго Іоанна, монастыря Святаго Саввы, Хеврона, и проч. Изъ переписки о Востокъ Мишю и Пужулѣ. А. Т. — СПб.-бургъ, въ тип. Греча, 1837, въ-12., стр. 273.

Вотъ по-крайней-мѣрѣ книга, которой коснулась рука человека со вкусомъ! Пріятно взять въ руки, и пріятно прочесть, сочиненіе, составленное съ разборчивостью, издавленное съ кокетнымъ щегольствомъ, и украшенное отличными картинками, которыя стоить гравюрю, хоть онъ только произведенія литографическаго карандаша. Господинъ А. Т. весьма удачно и умно избралъ изъ обширной переписки Мишю и Пужулѣ мѣста, самыя лучшія, которыя дѣйствительно заслуживаютъ и перевода и любознѣтства не только Русскихъ читателей, но даже и каждаго христіанина. Этой краснорѣчивой и занимательной книгѣ каждый тотчасъ дастъ мѣсто на почетной полкѣ своей библіотеки. Переподъ вообще хорошъ, слогъ пріятенъ. Мы сдѣлаемъ одинъ только упрекъ переводчику: напрасно онъ, при опредѣленіи Русскаго правописанія для собственныхъ именъ и Арабскихъ словъ, не посоветовался съ нашими молодыми ориенталистами.

Еще одно замѣчаніе: переводчикъ часто употребляетъ по въ отвѣтъ на союзъ *хотл*. Знаемъ, знаемъ, что весьма хорошая Русскіе писатели непрерывно дѣлаютъ эту странную ошибку; но ошибкамъ подражать не надобно, чья бы она ни была. Такое употребленіе противно не только коренному свойству Русскаго языка, но, что всего хуже, противно всеобщей грамматикѣ, то есть, коренной логикѣ языковъ. Для отвѣ-

та на *хотя* весь родъ человѣческій имѣеть союзъ *однако*. Это неизмѣнная форма синлогистическая, и *но*, въ порядкѣ идей, никогда не можетъ служить отвѣтомъ на *хотя*. Если, въ дѣлѣ, случатъ, послѣ *хотя* никакъ нейдетъ *однако* по смыслу, который хотите придать своему предложению, будьте увѣрены, что вы неправильно употребили *хотя*, вмѣсто другаго какого-нибудь союза, и что союзу *хотя*, здѣсь не мѣсто. Во всякомъ случаѣ, *хотя* и *но* имѣють — соллещизмъ. Въ просторечіи этотъ соллещизмъ весьма обыкновенъ, и даже легко прощается; но въ Искусствѣ, которое всегда обязано опираться на непреложные законы ума и его логики, онъ не можетъ быть допускаемъ; а слогъ есть искусство. Когда мы твердимъ, повторяемъ, кричимъ, что должно непремѣнно писать по-Русски, какъ говорятъ люди благоноситаявые и образованные, какъ *мымне говорится въ обществѣ*, это значить, что прежде всего должно говорить хорошо, изящно, правильно, а потомъ уже писать какъ говорится. Отвергая ложныя украшенія слога небывалыми или забытыми словами и формами, мы всегда твердимъ также — надобно *обдѣлывать* свой, современный, живой языкъ. Обдѣлывать значить — очищать, исправлять, полировать, облагороживать; словомъ, воспитывать языкъ, какъ воспитываютъ дѣвушку, помогая только природѣ, но отнюдь не наляпывая мушекъ на лице и не приклепывая къ нему другаго носа для мнимаго разнообразія или для симметріи. Надобно почтять природныя формы, и только развивать ихъ поочинію искусства: — это единственное средство устроить Русской языкъ и создать прочное основаніе для нашей словесности.

1. ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ *въ чужія земли*. Часть первая. Изданіе второе. Сп.-бургъ, въ тип. Гутенберговой, 1837, въ-8., стр. XVI и 123, со снимкомъ.

2. ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ *въ чужія земли*. Часть вторая. Сп.-бургъ, въ тип. Гутенберговой, 1837, въ-8., стр. 139.

Трудъ Г. Сазарова такъ благосклонно принятъ публикою, что пока вышла вторая часть «Путешествій Русскихъ людей», первую надобно уже было печатать вторично.

При этомъ изданіи, авторъ отдѣлялъ во вторую книжку легенду Полоцкой княжны Евфросиніи, оставлявъ въ первой книжкѣ только Положннкъ игумена Данила, который онъ сличилъ еще съ четырьмя списками, такъ, что теперь это любопытное путешествіе издано по десяти спискамъ. Впрочемъ, планъ и расположеніе книги остались прежніе.

Во второй части посвящено путешествіе Стефана Новогородца, вѣроятно монаха, который посѣдилъ Царьградъ и Іерусалимъ около 1350 года. Онъ кратко описываетъ величїе Константинополя, и его святилища. Далѣе слѣдуютъ — Путешествія іеродіакона Зосимы во Іерусалимъ, въ 1420 году, и дьяка Александра въ Царьградъ около 1391 года; діакона Арсенія записка объ Іерусалимѣ, и, любопытнѣйшее всѣхъ, путешествіе инока Симона съ митрополитомъ Исидоромъ въ Италію на Флорентійскій Соборъ: оно было уже изпечатано въ «Визлюжкѣ» Новикова, но неисправно. Вотъ при этомъ-то путешествіи нельзя не пожалѣть, что новый издатель печатаетъ просто тексты безъ всякихъ примѣчаній, поясненій, и даже безъ исправленія явныхъ опресоковъ, говоря уже о сводѣ разныхъ мѣстъ, въ которыхъ упоминается объ одномъ и томъ же предметѣ.

РУЧНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ. *Книжка XIV. Предварительный курсъ Астрономіи. Москва, въ тип. Университетской, 1837, въ-16., стр. 539, съ 4 рисунками.*

Г. Перевощиковъ, какъ извѣстно, давно уже издаетъ въ Москвѣ систематическое собраніе отдѣльныхъ трактатовъ по всемъ частямъ математическихъ наукъ, въ родѣ Англійскихъ «энциклопедій». Если другія части были обработаны хорошо, то эта послѣдняя есть рѣшительно лучшее краткое руководство для общаго круга читателей, какое только мы имѣемъ на Русскомъ языкѣ. Превосходно знавъ предметъ, авторъ въ особенности пользовался трактатомъ объ Астрономіи, который сирь Джонъ Гершель написалъ для «Ларднеровой Циклопедіи», и который переведенъ уже на многіе Европейскіе языки. Мы съ удовольствіемъ переехемъ разсужденіе объ этой книгѣ въ отдѣленіе критики: и предметъ

самъ по себѣ весьма любопытенъ, и изложеніе его заслуживаетъ похвалы по своей привѣчательной ясности.

ЛЕКЦІИ АЛГЕБРИЧЕСКАГО И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАГО АНАЛИЗА, ЧИТАНЫЯ ВЪ МОРСКОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ АКАДЕМИКЪ ОСТРОГРАДСКИМЪ. Составлены капитаномъ С. Бурачкомъ и лейтенантомъ С. Зеленымъ. Первый годъ. Часть вторая. СПб.-бургъ, въ тип. Винабера, 1837, въ 8., стр. XXXII и 356.

Объ этой второй части превосходнаго курса математики Г. Остроградскаго слѣдовало бы повторить тѣ же похвалы, какія были здѣсь возданы первой, если бы само имя знаменитаго академика не служило обѣимъ лучшимъ похвалою. Удивительно свѣтлая и вѣрная теорія, принадлежавшая самому Г. Остроградскому, помощію которой онъ умѣлъ связать одними общими правилами все прежніе способы интегрированія, ведетъ легчайшимъ путемъ къ рѣшенію всехъ уравненій и составляетъ великое преимущество этого курса. Все любители математическихъ наукъ единодушны въ желаніи, чтобы чтенія Г. Остроградскаго не ограничивались этими первыми годами, и чтобы изданіе ихъ продолжалось съ тѣмъ же благороднымъ усердіемъ, которое уже сдѣлало столько чести Гг. Бурачку и Зеленому.

Къ крайнему прискорбію нашему, мы опять принуждены представить, какъ и по случаю первой части, неудовольствіе наше, или, точнѣе, общее неудовольствіе, на предисловіе одного изъ издателей. Г. Бурачекъ открылъ кажется, способъ писать странныя предисловія. Радикалы у него являются «Татарами», которые «болѣе двухъ столѣтій тирански домогаются господства» надъ интегралами. Г. Остроградскому дано порученіе «сдвигать вековые камни съ дороги». Далѣе сочинитель предисловія вычитаетъ какіе-то «капиталы» словесности, исторіи, географіи, и требуетъ на нихъ «процентовъ»; говоритъ о какихъ-то «іезуитскихъ пѣляхъ» въ математикѣ, «іезуитской вкрадчивости» алгебрическихъ *шимшишковъ*, «савантъ», въ которыхъ ходили формулы; возстаетъ противъ программы курса, называя ее «противорѣчіемъ» неизвѣстно чему и кому. «По нашему мнѣнію, заключаетъ онъ, здѣсь нуженъ полный просторъ для ума, кото-

рый лучше всѣхъ, (кто же таковы, эти «всѣ»?) обвиняетъ свое дѣло, и навѣрное выполнитъ его такъ, что всѣ наши нужды и желанія погаснутъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ.» При всемъ уваженіи къ похвальному усердію сочинителя предисловія, можно усомниться, понимая ли онъ самого себя. Мы уже не говоримъ о разныхъ его утвержденіяхъ, которыя могли бы подать поводъ къ возраженіямъ, болѣе важнымъ, какъ не совсѣмъ согласнымъ съ исторіей науки. Намъ кажется, что весьма достаточно славы быть редакторомъ и издателемъ прекраснаго творенія, чтобы еще желать отличиться сибирскими предисловіями. Каждый новый томъ подобныхъ чтеній несомненно принесетъ своимъ издателямъ уваженіе и благодарность ученой части Русской публики: эта награда и прекрасна, и заслужена; она не щипуетъ никого изъ участвующихъ въ изданіи курса Г. Осроградскаго: мы сами всегда будемъ готовы внести первые нашу долю дани: только, — пожалуйте, — безъ предисловія!

Правила и руководство для начальника, механика и для управляющаго машиною на пароходѣ, Г. Живіе, офицеромъ во Французскомъ флотѣ, по высочайшему повелѣнію предложены съ Французскаго языка, флота лейтенантомъ фонъ-Глазенапомъ, адъютантомъ начальника главнаго морскаго штаба Е. И. В. Изданы ученымъ комитетомъ морскаго министерства. Сп.-бургъ, въ тип. Праца, 1837, въ-8., стр. XVI и 208, съ семью рисунками.

Польза этого превосходнаго сочиненія была бы слишкомъ ограничена, если бы его читали только на Русскихъ пароходахъ. Хотя оно написано собственно для служащихъ на паровыхъ судахъ, мы советуемъ однако жъ всѣмъ заводчикамъ, у кого есть паровыя машины, заглянуть въ эту книгу: они найдутъ въ ней чрезвычайно полезныя наставленія, которыя могутъ предохранить ихъ заводы отъ большихъ несчастій, причиняемыхъ неопытностью механиковъ и неискуснымъ смотрѣніемъ за машинами.

зоофармакологія, или Наука о лекарствахъ, употребляемыхъ для домашнихъ животныхъ, при болезняхъ, имъ

приключающихся, составленная, как при преподаваніи понятій о семь предметъ по ветеринарному отдѣленію, такъ и при лечьніи самыхъ болѣзней, состоящимъ по служебъ ветеринарнымъ врачамъ и другимъ образованнымъ и благонамѣреннымъ хозяевамъ, ординарнымъ профессоромъ (и прочая). Петромъ Лукинскимъ. СПб.-бургъ, въ тип. III. О. К. Внутренней Стражи, 1837, въ-8., стр. XIX и 192.

Какъ скоро дѣло идетъ о произведеніихъ пера Г. Лукна, мы всегда невольно обращаемся къ «Новому Оракулу». Умная книга! Чѣмъ говоритъ Новый Оракулъ? — Новый Оракулъ говоритъ: «нѣтъ Грамматки безъ Ветеринаріи; нѣтъ Ветеринаріи безъ Грамматки». Это совершенно справедливо. Къ чему служила бы грамматика, если бы ветеринарные писатели нѣмъ право почитать ея законы? Какая была бы польза отъ ветеринаріи, если бы она говорила языкомъ исковерканнымъ, неправильнымъ и непонятнымъ? Новый Оракулъ приводитъ разные примѣры, для подтвержденія этихъ истинъ, и признается чистосердечно, что, напримѣръ, употребляемыхъ для животныхъ, — приключаться имъ, — преподавать понятій о семь предметъ, — составлять чѣмъ кому, хоть бы даже составлять состоящимъ или составлять при лечьніи врачамъ и другимъ хозяевамъ, какъ бы они благонамѣренны ни были, — суть такія загадки, которыхъ ни Эдисъ, ни даже онъ самъ, несмотря на свое званіе оракула, разрѣшить не въ состояніи. «А посему, восклицаетъ Новый Оракулъ въ заключеніе: а посему, всякая книга, о чемъ бы она ни разсуждала, должна непременно состоять изъ ветеринаріи, логики и грамматки!» Послѣ такого заключенія, онъ очень хвалитъ, когда автора, «составляющаго науку о лекарствахъ, употребляемыхъ для животныхъ при болѣзняхъ, имъ приключающихся», и притомъ составляющаго науку при преподаваніи понятій и при лечьніи болѣзней врачамъ и другимъ хозяевамъ, одушевляетъ благородная страсть къ своему предмету: есть что-то трогательное въ этомъ горячемъ усердіи, съ какимъ онъ заботится и говоритъ о вожделѣнномъ здорьевъ животнаго царства. Вошь я нашъ авторъ, въ предисловіи, скорбитъ, что «все выходящее у насъ дониндѣ по ветеринарной части было принимаемо публикою весьма равнодушно, а чрезъ то и ревность къ образованію уча-

щихся по сей части молодых людей (?) ослабвала, а злыя рецензій отнимали руки у молодых писателей, и есдѣвствія их придавливали какъ-бы камень.» Противъ такихъ рецензій, которыя придавливаютъ «какъ камень», всего лучше, по мнѣнію нашему, употребить литотритію, то есть, каменотрѣніе. Только та бѣда, что, по показанію Г. Лукина, эти злыя рецензій напередъ у ветеринарнаго писателя отнимаютъ руки и производятъ то, что называется *amputatio ambibrachialis absoluta!* Это уже измѣннически. Чтѣ касается до насъ, то авторъ, конечно, не пожалуется на насъ ни за равнодушіе къ Ветеринарн, ни за невниманіе къ своему труду: мы прочли его книгу, и узнали изъ нея много любопытнаго. О томъ, что Астрономію изобрѣли пастухи, давно уже кто-то намъ сказывалъ; но мы въ первый разъ слышимъ, что изобрѣтателями Медицины были живогныи. Однако жъ это несомнѣнно. Быки, бодалась, научили пускать кровь, собаки открыли рвотное, *lararium emeticum*; другія четвероногія усовершенствовали врачебную науку еще болѣе, сообщивъ намъ великое искусство *purgare, clu-terium donare*, и такъ далѣе.

объ инфлюэнцѣ, или гриппѣ, заразительно-попальной болѣзни. Относительно ея исторіи, происхожденія, распространенія, существа, теченія и леченія. Сочиненіе доктора Эдуарда Мартини. Перевелъ съ Нѣмецкаго Маркъ Магазинеръ, Д. М. Сп.-бургъ въ тип. Вишебера, 1837, въ-8., стр. 66.

Отпечатанная отдѣльною княжечкою статья «Военно-медицинскаго журнала». Содержаніе ея очень любопытно, но чтеніе медицинскихъ книгъ вообще очень нездорово: прежде чѣмъ прочтете два десятка страницъ, вы уже думаете, что въ васъ поселилась дѣтъ сотни болѣзней. Читая заглавіе этой брошюры, мы только чувствовали насморкъ: на предпоследней страницѣ намъ уже казалось, что въ насъ завелась чума, и мы съ ужасомъ закрыли книжку, восклицая: «Слава Богу, чтѣ Медицина уже изобрѣтена первыми своими изобрѣтателями!»

РАЗНЫЕ НОВОСТИ.

— Въ послѣднихъ числахъ мѣсяца, мы получили еще цѣлую кипу столичной и губернской литературы. Вотъ некоторые заглавія :

Руководство къ первоначальному познанію всемірной Исторіи. Это переводъ Фольгерова сочиненія — *Leitfaden beim ersten Unterricht in der Geschichte.*

Очерки исторіи Философіи, по Рейнгольду, сочиненіе господина О. Надежина.

Арифметика Н. Т. Щеглова, четвертое изданіе.

Грамматика Славянская, Г. Пеннискаго. Пятое изданіе.

Эмигрантъ съ краткимъ описаніемъ Американской войны, Луизианы и Французской революціи. По этому заглавію, книгу можно бы отнести къ семидесятымъ годамъ прошедшаго вѣка; однако жъ она — произведеніе нынѣшняго года, и шрифтъ Петербургское. Мы говоримъ «произведеніе», потому что неизвѣстно что она такое, переводъ или оригинальное сочиненіе, романъ, географія или руководство къ изученію исторіи. «Эмигрантъ съ краткимъ описаніемъ» состоитъ изъ двухъ частей.

Зальмара, сочиненіе Г. Иноземцева. Этой книги мы ни за что въ свѣтъ не будемъ раскрывать въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ: боимся, чтобъ это не была поэма! «Зальмара» — слово, слишкомъ слабое для прозы; оно жестоко пахнетъ поэзіей. Книга издана въ Харьковѣ.

Изъясненіе способа Бесселя для исправленія лунныхъ разномѣрій, сочиненіе господина Кнорре, напечатанное въ Николевѣ.

Архіалъ перилъ Поэта Эксинскаго, переведенный съ Греческаго Г. Фабригъ.

Тысяча-восемь-сотъ-девятнадцатый годъ въ Новороссійскомъ краѣ, Г. Скальковскаго. Оба эти сочиненія изданы въ Одессѣ.

— Вышла также третья книга *Военной библиотеки*, изданія посвященнаго Россійской арміи съ Высочайшаго соизволенія. Въ этой книгѣ оканчивается Фукидидъ. Въ четвертой будетъ помѣщено Ксенофоново «Отступленіе десяти тысячъ». Пятая будетъ заключать въ себя «Киропедію» Ксенофонта, а шестая, которая выйдетъ въ декабрь, Арріана «О походахъ Александра Великаго». Слышимъ, что это прекрасное и чрезвычайно полезное предіріятіе должно съ будущаго года получить новое развитіе и сдѣлаться для насъ истинно важнымъ: три отдѣленія, древнее, среднее и новѣйшее, пойдутъ рядомъ, и каждое будетъ представлять читателямъ переводы знаменитѣйшихъ твореній своей эпохи. Такъ, отдѣленіе древнихъ доставитъ намъ сочиненія Юлія Кесаря, Полибія, Плутарха, между-тѣмъ какъ по отдѣленію среднимъ получимъ мы превосходную исторію Бранда, Записки Маккіавелли, Монтекукули, Тюренна, Катона, Фридриха Великаго, а по отдѣленію новѣйшихъ, творенія Жюмнина, Наполеона и разныхъ его маршаловъ, Клаусевича, эрцгерцога Карла, и такъ далѣе. Огъ души желаемъ, чтобы этотъ великодушный планъ состоялся, тѣмъ болѣе, что дирекцію изданія принимаетъ на себя, какъ слышимъ, одна изъ ученѣйшихъ нашихъ генераловъ. Издатель подобнаго собранія твореній великихъ умовъ и великихъ судей дѣлъ человечества несомнѣнно заслужитъ себѣ безсмертное имя въ лѣтонислахъ нашего просвѣщенія и живѣйшую признательность всей образованной Русской публики, военной и гражданской.

— Скажите, Бога ради, что за такой злокачественный иностранецъ скрывается здѣсь въ Петербургѣ, служить тайнымъ корреспондентомъ Берлинской *Staatszeitung* и другимъ Германскимъ газетамъ и журналамъ, и заражаетъ ихъ, и всю Европу, всякими вздорными статейками о Россіи? Сто рублей награды тому, кто вырветъ у него перо изъ рукъ, и разобьетъ его грязною чернилицу! Есть же на свѣтѣ люди, которые ѣдятъ нашу хлѣбъ-соль, которые померли бы съ голоду безъ благодатной Русской копѣйки, и которые между-тѣмъ поставляютъ себѣ въ обязанность разсвѣтать за границею всякимъ чепухой о гостепріимной землѣ, гдѣ народное великодушіе терпитъ ихъ глупость

изъ уваженія къ пгъ ничтожеству! Что этотъ злокачественный няостранецъ скрывается именно здѣсь, въ Петербургѣ, можно заключить изъ самой быстроты, съ какою сообщаются Петербургскія извѣстія Германскимъ газетамъ. Нередко видными собственныя наша слова черезъ десять дней повтореными въ Берлинскихъ вѣдомостяхъ, — но повторенными какъ? — въ самомъ безобразномъ видѣ, съ прибавленіемъ разнаго вздору изъ собственной головы тайнаго корреспондента, и весьма часто вздору, обиднаго для Россіи. До-сихъ-поръ мы въ молчаніи позволяли рѣченному Нѣмцу коверкать наши статьи и тѣшиться своимъ бѣднымъ умомъ; но всему есть конецъ, и терпѣніе наше превращается въ негодованіе, когда видимъ, какія онъ позволяетъ себѣ смѣлости съ добродушною Русью. Нынтѣшнимъ лѣтомъ, изданы были, по Высочайшему повелѣнію, «Статистическія свѣдѣнія о ссыльныхъ въ Сибири», матеріалъ чрезвычайно важный для статистика и политическаго эконома, составленный съестствіемъ и весьма тщательно. Мы отдали отчетъ объ этомъ сочиненіи въ лѣтописи за августъ мѣсяць. Черезъ двѣ недѣли по выходѣ книжки, статья наша появилась въ Staatszeitung, персвѣднная очень неправильно, съ самыми безтолковыми дополненіями; этотъ переводъ, и эти дополненія, скоро потомъ были перепечатаны въ другихъ Нѣмецкихъ газетахъ, и наконецъ перенесли въ Англійскіе и Французскіе журналы. Оставимъ безъ вниманія то, что въ переводѣ показано общее число ссыльныхъ, 92,038 человекъ въ теченіи 1833 года, вѣсто — «къ первому января 1833 года». Но вотъ, что тайный корреспондентъ прибавляетъ отъ себя для назиданія Европы. Читайте, и дивитесь его мудрости! Мы приведемъ драгоцѣнныя его разсужденія въ Французскомъ переводѣ, изъ Journal des Débats (6 septembre), чтобы вся могла наслаждаться ими. «Les individus condamnés pour des crimes politiques (гавъ оны теперъ? и сколько было?.....) sont forcés de séjourner dans le nord de la Sibirie ou dans l'est près de la mer Glaciale (ни одного тамъ нѣтъ! Далѣе и стверизе Нерчинска ссыльные никогда не отправляются). Ceux qui ont été exilés pour des crimes moins dangereux, s'établissent dans l'ouest et dans le sud, notamment dans le gouvernement de Tobolsk, où le climat est très doux Parmi

les condamnés, *il en est beaucoup qui, par leur éducation, leur rang et leur naissance, appartiennent aux premières classes de la société en Europe, mais ils ont eu assez d'énergie pour se résigner à leur sort* (Слышали ль вы такіе новости! Изъ людей не-простаго состоянія, приговоренныхъ къ ссылке въ Сибирь, всего находится тамъ только одинъ губерскій секретарь, сосланный за взятки.) Les enfans des mariages contractés entre ces exilés et des femmes de la Sibérie, ne conservent aucune trace de leur origine européenne et des relations de leurs ancêtres. *C'est ce qui explique pourquoi les gentilshommes russes, qui dans la Sibérie se livrent à l'agriculture, à la chasse et à d'autres industries, ne diffèrent pas plus des autres classes du peuple que les descendants des races de princes tartares (?!).* Ces hommes restent fidèles au culte de Mahomet, et cherchent à conserver leur nationalité pure de tout mélange; aussi les Tartares de Sibérie vivent-ils tous dans des slubodes séparés, et ne travaillent-ils que pour eux-mêmes.

Au contraire, *les exilés allemands* (начинается похвала Нѣмецкямъ ворамъ и мошенникамъ!) *les exilés allemands* ont singulièrement modifié les mœurs et les usages russes, et ils restent sincèrement attachés à la religion de leurs pères, tout en paraissant revenir à la simplicité de la vie patriarcale. *Ils se distinguent des autres exilés par leur esprit d'ordre et d'industrie.* Les israélites exilés en Sibérie résistent avec opiniâtreté et non sans succès à l'influence que les hommes et les choses qui les concernent exercent naturellement sur leur nationalité séculaire. *Ils sont en général traités avec plus d'égard et d'affabilité par les autres habitans que dans aucune contrée de la Russie européenne; on les considère comme formant un peuple à part et dont l'origine est la même que celle des Allemands, parce que tous les israélites qui ont passé en Sibérie ne parlent que l'allemand. (Cruzette d'État de Prusse.)* Въ Сибири, извольте видѣть, жидовъ уважаютъ зато, что они похожи на Нѣмцевъ, и благоговііе Сибиряковъ передъ мудростью и добродѣтелями сосланныхъ туда Нѣмецкыхъ негодяевъ распространяется даже на Іудеевъ! Хорошо. Когда тайный корреспондентъ еще что будетъ заяв-

ствозать изъ Б. для Ч. для Нѣмецкихъ газетъ, то мы софтуемъ ему прежде всего удѣлить этимъ листамъ весьма важное извѣстiе, которое мы сообщаемъ за достоверное, именно, что ихъ почтенный Петербургскій сотрудникъ — говорить ужасныя неувѣрности.

— Вотъ два новыя тетради «Живописнаго Карамзина», издаваемого господиномъ Превд. Онѣ составляютъ уже начало втораго тома. Свидѣственно книга идетъ хорошо?... Тамъ лучше! Намъ весьма радуется успѣхъ этого красиваго изданiя. Дѣйствительно, эти милыя картинки, съ краткимъ, но хорошиими, описанiями главныхъ событiй Русской исторiи, умекли въ свою пользу мнѣнiе малолѣтней публки, которая ихъ очень полюбила, и которой мынче нельзя сдѣлать прiятнѣйшаго подарка, какъ дать ей на изорванiе «Живописнаго Карамзина».

— Говоря о дѣтяхъ и о живописныхъ книгахъ, вспомнили мы о Московскомъ «Живописномъ обзорнiи», которое уже третiй годъ издаетъ Г. Семень. Если эти листки кому-нибудь изъ нашихъ читателей еще не извѣстны, то мы софтуемъ познакомиться съ ними. Знаете ли, что это, не только красивое, но даже очень занимательное, изданiе? Въ последнее время, всѣ статьи были въ немъ оригинальныя, всѣ очень хорошо принаровлены къ любопытству Русскаго читателя, и многiя даже превосходно написаны. Полнотипажные рисунки отлично хороши; между ними находится также виды Русскихъ примѣчательнѣйшихъ зданiй и церквей, гравированныя на гартѣ въ Лондонѣ и Парижѣ. Г. Семень не падаетъ, кажется, ни трудовъ ни издержекъ чтобы сдѣлать свое «Живописное Обзорнiе» достойнымъ того обширнаго успѣха, какииъ оно уже пользуется, благодаря выбору предвѣстовъ и талантамъ редакторовъ. Отдавая листки эти дѣтямъ, родители не будутъ сожалѣть, если сами сперва ихъ прочитають. Мы, которые вивемъ честь говорить это, мы также ихъ читаемъ, и всегда съ удовольствiемъ.

— Великий благодѣтель дѣтей, Г. Бурьяновъ, общаетъ имъ множество новыхъ подарковъ къ праздникамъ:

1. Прогулку съ дѣтьми по Петербургу и его окрестностямъ, въ трехъ томахъ.

Т. XXIV. — Отд. VI.

61/6

2. Библиотеку дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ, въ четырехъ томкахъ съ множествомъ картинокъ.

3. Бѣспды старика, Бульи.

4. Зимніе вечера, или Театръ нравовъ, обыкновеній и обычаевъ разныхъ народовъ, Деппинга.

5. Нравственные и назидательные разсказы, госпожи Жювѣ-д'Абрантесъ.

— Но вотъ, что любопытно: живописныя изданія начинаютъ выходить въ Псковѣ! И увѣрю васъ, что первое живописное изданіе Псковское пристыдятъ многія изъ Петербургскихъ. Г. Ивановъ, губерскій землеѣръ и, какъ видно, хорошій рисовальщикъ, завелъ тамъ литографію, и началъ издать «Галерею видовъ Пскова и его окрестностей», съ описательнымъ текстомъ. Три вида, большаго формата, которые мы получили, заслуживаютъ полной похвалы, и тѣмъ живѣе возбуждали въ насъ участіе, что на одномъ изъ нихъ мы нашли Село Михайловское, и домъ, въ которомъ родился и воспитывался Пушкинъ, а на другомъ скромную могилу величайшаго изъ нашихъ поэтовъ, украшенную простымъ деревяннымъ крестомъ. Чтобы доказать, сколько предпріятіе Г. Иванова возбуждаетъ наше сочувствіе, мы прилагаемъ программу его «Галереи» къ этой же книжкѣ Б. для Ч., вѣсть съ объявленіемъ о продолженіи нашего журнала на 1838 годъ. Тѣ изъ Русскихъ, которые будутъ читать программу, сдѣлаютъ остальное.

==

VII.

О МЪСЪ.

РИМСКІЯ КАТАКОМЫ. Когда ученіе, которое принесено въ свѣтъ самимъ Богомъ и должно было сдѣлаться для насъ непреложнымъ средствомъ совершенствованія и правленнаго возрожденія, проникло въ Римъ, бывший тогда владыкою міра, послѣдователи этого новаго ученія не смѣли явно провозглашать его, потому что безчеловѣчные законы Цезарей запрещали отправленіе новаго богослуженія подъ смертною казнью. Но христіане умѣли однако жъ укрыться отъ зоркихъ глазъ правительства; они погружались въ глубину подземельевъ, собирались въ темнотѣ и тамъ проповѣдывали свое ученіе, исполняли обряды новой религіи. Въ этихъ мрачныхъ подземельяхъ христіанство нашло надежное убежище; оно развилось тамъ, возрасло, далеко отъ гонителей, и ожидало свѣтлаго дня своего торжества..... Такимъ образомъ Римскія катакомбы сдѣлались колыбелью рождающагося христіанства.

Многіе отличные ученые обозрѣвали и изучали эти катакомбы. Съ шестнадцатаго вѣка, когда онѣ были нѣкоторымъ образомъ снова найдены и открыты для религіи и науки, и до нашего времени, когда онѣ сохраняютъ для той и другой всю свою занимательность, многіе ученые и антикваріи почерпали изъ этого обильнаго источника и всегда приносили оттуда почва познанія. Впередѣ всѣхъ этихъ именъ надобно поставитъ имя неутомимаго Визіо, который посвятилъ тридцать лѣтъ своей жизни на обозрѣніе катакомбъ, снималъ планы, срисовывалъ памятники, копировалъ надписи, и умеръ не успѣвъ издать огромнаго своего творенія о подземномъ Римѣ,

хотя все матеріалы были уже собраны. Благочестивый и ученый Больдетти, который тридцать лѣтъ служилъ надзирателемъ катакомбъ, былъ счастливецъ Божію; онъ также сдѣлалъ въ нихъ множество открытій, извлекъ отсюда большое число новыхъ монументовъ и твореніе его есть сокровище учености и археологическихъ свѣдѣній. Въ концѣ прошедшаго вѣка Французъ d'Agincourt поселился въ Римъ, чтобы въ виду этихъ памятниковъ написать исторію паденія искусства; онъ также сдѣлалъ много полезныхъ замѣчаній, которыя весьма уважаются антикваріями: Наконецъ Г. Raoul-Rochette издалъ, подъ заглавіемъ «Римскія катакомбы» твореніе, которое содержитъ въ себѣ все прежнія наблюденія и разбиваетъ новый свѣтъ на эти занимательные предѣлы.

Римскія катакомбы обильный источникъ изученія и размышленій; тамъ находятся самыя древнія и достоверныя памятники первыхъ временъ христіанства; въ другихъ жьстали эти памятники или погребены въ землю, или преданы забвенію, или испорчены ветхостію, или наконецъ поврждены рукою человѣческою. Но въ Римѣ сохранилось въ глубинѣ земли и черезъ столько вѣковъ, такое количество памятниковъ, что здѣсь ясно видно намѣреніе Провидѣнія, которому угодно было, чтобы слѣды колыбели христіанства дошли до нашихъ временъ.

Древности, находящіяся въ Римскихъ катакомбахъ, разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, представляютъ, и для христіанина и для антикварія высокую степень занимательности. Тамъ есть картины, барельефы, надписи, расписанныя стекла и множество разныхъ вещей, которыя были въ употребленіи у однихъ христіанъ, или заимствованы ими отъ древняго общества, посреди котораго они тогда жили. Правда, что большая часть этихъ произведеній, сдѣланныхъ во времена паденія искусства работниками самыми посредственными, не имѣетъ почти никакого достоинства въ художественномъ отношеніи. Живописныя и скульптурныя произведенія христіанъ въ катакомбахъ не могутъ выдержать сравненія съ языческими памятниками того же рода и того же времени. Въ надписяхъ множество ошибокъ противъ языка и орфографіи; но этижъ-то самыя памятники первоначальнаго христіанства въ Римскихъ катакомбахъ весьма замѣча-

тельны для философа и христіанина: по этимъ признакамъ всего замѣтнѣе, какъ огромный общественный переворотъ, произведенный въ міръ христіанскою религіею. Въ страждущіе, бѣдные, угнетенные были прежде другихъ призваны насладиться свѣтомъ и благотворностію Евангелія. Таково зрѣлище, представляемое намъ Римскими катакомбами. Тамъ, въ глубинѣ, недоступной для власти и фанатизма языческихъ императоровъ, встрѣчаются памятники искусства грубаго, произведенія художниковъ очень посредственныхъ, списки именъ безвѣстныхъ. Сравнивая въ самыхъ катакомбахъ судьбу этихъ христіанъ смиренныхъ, униженныхъ, гонимыхъ, принужденныхъ скрывать и жизнь и смерть свою въ мѣстахъ столь печальныхъ, исполнять обряды своей религіи, заниматься художествами, проповѣдывать свое вѣрованіе въ этихъ убожищахъ, недоступныхъ свѣту; сравнивая эту бѣдность средствъ съ пособіями, которыми и тогда еще располагало языческое общество, съ талантами, которые оно употребляло; съ памятниками, которые оно воздвигало; сравнивая пышные остатки Рима императорскаго, столь величественныя на форумахъ Юлія Цезаря и Траяна, съ грубыми и жалкими памятниками Рима подземнаго, столь слабыми по исполненію, по вкусу, по изобрѣтенію, по таланту — еще болѣе удивляешься тому, что столь огромный общественный переворотъ вышелъ изъ этихъ подземелій, которыя представляютъ намъ столь бѣдные предметы.

Послѣдуемъ за Г. *Raoul-Rochett'*омъ въ его подземныхъ путешествіяхъ и прежде всего остановимся на мнпнутахъ передъ произведеніями живописи. Въ этомъ отношеніи всего замѣчательнѣе въ Римскихъ катакомбахъ аналогія христіанской живописи съ древнею: одни и тѣже символы, одни и тѣже сюжеты, заимствованные изъ языческой религіи и болѣе или менѣе удачно примененные къ новому вѣроисповѣданію. Первые христіанскіе художники, воспитанники языческихъ учителей, не могли легко отстать отъ привычекъ, которыя приняли въ своихъ мастерскихъ: они продолжали изображать тѣже символы, тѣже аллегоріи и дѣлать тѣже орнаменты.

Тотъ, кто въ катакомбной живописи смотрѣлъ бы только на главную идею сочиненія, могъ бы подумать съ перваго

взгляду, что это древнія картины, только сдѣланныя не съ такимъ вкусомъ и богатствомъ. Вездѣ цѣвты, сплетенныя въ гирлянды, висящія фестонами, собранныя въ корзинки, въ вазахъ, или вмѣсто того корзины съ плодами и птички, которыя клюютъ эти плоды, или наконецъ цѣвты, разбросанныя по картинамъ какъ въ саду. Иногда являются наземскіе нягкіе и крылатые геніи, которые несутъ корзины съ цѣвтами. Языческій первообразъ виднѣтъ также и въ изображеннѣхъ фигурахъ, которыя оканчиваются цѣвтами; эти фантастическія изображенія были въ древности въ большою употребленіи и нерѣдко встрѣчаются въ катакомбахъ. Тамъ есть также небольшіе пейзажи съ животными, которые стоятъ или лежатъ и даже попадаются крылатый пегазъ, символическое животное, которое такъ часто является въ украшеніяхъ древнихъ гробницъ для выраженія апофеоза.

Въ числѣ картинъ, которыми украшены многія часовни в молебни въ катакомбахъ, одна замѣчательнѣе всѣхъ прочихъ. На какомъ-то судейскомъ мѣстѣ изъ камней, сидитъ мужская фигура съ бородою и съ сѣнѣмъ на головѣ; подлѣ стоитъ женщина подлѣ покрываломъ: эти двѣ фигуры изображаютъ Христа Спасителя и Пресвятую Богородицу; сѣнѣ вокругъ головы мужской фигуры очень походитъ на пѣшъ Римлянъ, который на картинахъ въ Геркуланъ и Помпей, мы часто видимъ вокругъ головы главныхъ божествъ. У подножія судейскаго мѣста и около него стоятъ пять женщинъ, тоже подлѣ покрывалами; одна изъ нихъ держитъ тамбуринь или какую-то круглую домашнюю утварь. Изъ приводитъ передъ судъ мужская фигура въ некотораго рода *refusus* и съ жезломъ въ рукахъ. По этимъ принадлежностямъ нельзя не узнать Меркурія, который въ барельефахъ и живописныхъ изображеніяхъ на древнихъ гробницяхъ обыкновенно представляеть Плутону и Прозерпинѣ, души, освободившіяся отъ смертной своей оболочки. Сюжетъ этой картины: христіанскія души, приводимыя передъ судилище верховнаго судіи. Это, конечно, идея совершенно согласная съ христіанскимъ ученіемъ; но между тѣмъ ясно, что христіанскій художникъ заимствовалъ составъ своей картины изъ подобнаго же изображенія, сочиненнаго по идеямъ языческимъ.

Послѣ картинъ, особенное вниманіе наблюдателя заслуживаютъ въ катакомбахъ гробницы и надгробные камни, изъ которыхъ одни украшены барельефами, другіе покрыты символами и надписями. О саркофагахъ съ барельефами надобно замѣтить тоже самое, что мы говорили о живописи. Послѣ этого не удивительно, что на некоторыхъ изъ этихъ памятниковъ встрѣчаются многія изъ аллегорическихъ фигуръ, которыя служили на языческихъ гробницахъ выраженіемъ извѣстныхъ идей. Такимъ образомъ на саркофагахъ въ катакомбахъ, точно также какъ на многихъ древнихъ саркофагахъ, видны небольшія фигуры обнаженныхъ и крылатыхъ геніевъ, которыя, въ наклоненномъ положеніи, имѣвшемъ свое символическое значеніе, держать или щитъ, или изображеніе покойника, или картушку съ надписью. На некоторыхъ изъ этихъ фигуръ небольшая Греческая мантия, извѣстная подъ названіемъ *chlamys*. Эти фигуры изображаютъ — ангеловъ.

Одинъ изъ сюжетовъ, которые всего чаще являются на христіанскихъ саркофагахъ и даже въ катакомбахъ, есть поклоненіе волхвовъ. У каждаго изъ нихъ на головѣ Фригійская тиара, главная часть Азіятскаго костюма. Въ рукахъ дары: вазы, цѣпты, птицы, вѣнцы. Божественный Младенецъ обвитъ пеленками и лежитъ въ ясляхъ, которыя находятся на большую иволую корзину; по сторонамъ стоятъ быкъ и оселъ. Позади Божественнаго Младенца Пресвятая Дѣва Марія и Іосифъ; эта группа замѣчательнѣе всего прочаго, особенно въ отношеніи къ искусству. Святой Іосифъ, съ лысою головою и большою бородой, изображенъ въ костюмѣ путешественниковъ и держитъ въ рукѣ *pedum*, загнутой посохъ, тоже принадлежность путника. Такимъ образомъ художникъ хотѣлъ выразить путешествіе Св. Іосифа въ Вифлеемъ, а не то, что онъ былъ плотникъ, потому что при немъ нѣтъ ни одного изъ орудій этого ремесла; Богородица изображается всегда въ длинной туникѣ съ узкими рукавами; сверху наброшенъ плащъ, который облекаетъ всю фигуру и покрываетъ голову. Она сидитъ на земляномъ возвышеніи, на которое опирается лѣвой рукою и представлена въ положеніи, изображающемъ утомленіе, если не то, которое слѣдуетъ за разрешеніемъ отъ бремени и котораго

она не могла чувствовать, то по-крайней-мѣрѣ утолщеніе отъ путешествія. Въ этой фигурѣ, которая исполнена прелесть, также замѣтно подражаніе древнимъ образцамъ.

Христіанская иконографія, или изображеніе главныхъ лицъ христіанства, есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ предметовъ изученія въ катакомбахъ и онъ занимаетъ важное мѣсто въ твореніи Г. *Raoul Rochett'a*.

Въ перыше вѣка церкви, христіане, враги идолопоклонства и всего, что способствовало его успѣхамъ, слишкомъ мало занимались графическими искусствами, и потому не могли имѣть изображеній Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и Апостоловъ. Но когда торжество христіанства надъ преданіями языческаго общества, почти уже совершилось, въ общемъ мнѣніи христіанъ, которое совсѣмъ не было расположено къ подражательнымъ искусствамъ, произошло значительное измѣненіе. Въ это время изображеніе Христа Спасителя было уже определено христіанскими художниками по церковнымъ преданіямъ, и самый древній образъ Христа Спасителя, сохраненный временемъ, находится въ Римскихъ катакомбахъ. Лице у Спасителя овальное, нѣсколько продолговатое, физіономія важная, кроткая и задумчивая, борода короткая и рѣдкая, волосы, разчесанные посерединѣ лба на двѣ стороны и падающіе на плеча.

Въ катакомбахъ есть также изображеніе Пресвятой Богородицы, которой идеальнѣйшій первообразъ осуществленъ христіанскими руками столь удовлетворительно, какъ только можно было ожидать по состоянію искусства въ то время. Богородица изображена съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на колѣняхъ. Въ этой группѣ Матери-Девы и Бога-Младенца, группѣ, которая такъ хорошо выражаетъ все высокое и трогательное въ таинствахъ христіанства, Богородица всегда является подъ покрываломъ и со всеми чертами прелестной юности и божественной чистоты.

Послѣ изображеній Христа Спасителя и Пресвятой Богородицы, христіане, въ первыя времена, всего болѣе уважали изображенія святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Доказательствомъ этого можетъ служить уже одно то, что въ разное время найдено въ катакомбахъ множество обломковъ распавшихся стеколъ съ образами этихъ апостоловъ. Они сидятъ

одинъ противъ другаго, св. апостоль Петръ на-право, и, какъ пастырь церквей, поднимаетъ руку для благословенія; св. апостоль Павелъ на-лѣво, въ положеніи проповѣдника, что также согласно съ его назначеніемъ; у того и другаго нѣтъ иныхъ атрибутовъ кромѣ книги. Между ними помѣщенъ вѣнецъ, символъ божественной награды, обещанной христіанскому совершенству. Чело св. апостола Павла обнажено отъ волосъ, носъ у него длинный и прямой, что даже въ глазахъ самыхъ лзычниковъ составляло двѣ отличительныя черты его лица. Св. апостоль Петръ является всегда съ пукомъ волосъ на вершинѣ чела, что также, по-видимому, съ самыхъ первыхъ временъ составляло одно изъ условныхъ отличій его изображенія.

ПАУКЪ-КАМЕНЩИКЪ. Мы посвятили, въ третьемъ отдѣленіи нынѣшней книжки, обширную статью естественной исторіи пауковъ, но забыли упомянуть тамъ объ одной чрезвычайно примѣчательной породѣ этихъ насекомыхъ, именно, о паукъ-каменщикѣ, котораго описаніе недавно представилъ въ Парижскую академію наукъ Г. Audouin. Пауки этой породы строятъ себѣ весьма красивыя гнѣзда, которыя плотно закрываются со всѣхъ сторонъ. Спереди гнѣзда эти имѣютъ правильное отверстіе для двери, и дверь, которая привѣшивается на *настоящихъ* петляхъ, какъ въ человѣческихъ жилищахъ. Удивительнѣе всего, что промышленное насекомое дѣлаетъ себѣ дверь, и рамку для нея, съ шалперами, дѣлаетъ, чтобы она плотно запиралась, и изнутри устраиваетъ родъ задвижки. Паукъ ли завѣлъ изобрѣтеніе это у челоука, или челоукъ у паука?..... Ближе всего, что природа тому и другому вселила одинаковый зодческій инстинктъ, который неизбѣжно привелъ ихъ къ одинаковому механическому изобрѣтенію, съ тою только разницею, что паукъ навѣшивалъ искусныя двери свои на петляхъ, не удивляясь паучьей мудрости, а тщеславный челоукъ приписываетъ все подобныя изобрѣтенія своему великому уму. Сколько важныхъ размышленій можетъ породить эта дверь паука, дверь съ петлями и шалперами! Одинъ умный натуралистъ, въ пылу преіія, сказалъ, что «естественная исторія одного насекомого важнѣе для челоучества, чѣмъ вся

Римская исторія»; и придетъ вѣроятво время, когда эта мысль не будетъ казаться парадоксомъ. Припомнимъ только направленіе нашей исторической критики: когда мы видимъ у двухъ отдаленныхъ народовъ общее какое-нибудь изобрѣтеніе, механическое или относящееся къ изящнымъ искусствамъ, не изумляемся ли мы подобнымъ сходствамъ? Не стараемся ли мы тотчасъ отыскать древнюю непосредственную связь между этими народами? Не силимся ли вывести ихъ одного отъ другаго? Какія замысловатая предположенія строимъ тогда, чтобы сблизить ихъ и привести во взаимное прикосновеніе! Какъ остроумно клонимъ всѣ обстоятельства, чтобы убѣдить себя и другихъ въ подобныхъ истинахъ! Такимъ же точно образомъ поступаемъ мы и съ событіями, чтобы извлечь изъ нихъ общія политическія и нравственныя истины. Вся наша историческая и археологическая философія основана на этого рода сблизеніяхъ или, точнѣе, обманкахъ. Но не ясно ли, что тотъ, кто начинаетъ философствовать о чловѣкѣ, долженъ бы сперва отдать себѣ отчетъ, какимъ образомъ, и почему, науки умѣетъ строить точно такія же двери какъ и мы? долженъ бы напередъ узнать всѣ истинныя, разстанныя въ безчисленныхъ породахъ живыхъ существъ и сообразить ихъ съ такъ-называемыми «произвольными» дѣйствіями чловѣческими? долженъ бы прежде всего изслѣдовать пути природы въ цѣломъ животномъ царствѣ, и потомъ уже заключать объ истинахъ чловѣчества? Пути эти еще далеко намъ неизвѣстны; изслѣдованіе истинныхъ, нравовъ и обычаевъ породъ животнаго царства только-что начинается; мы еще не знаемъ миллионной части удивительныхъ фактовъ, которые здѣсь скрываются: а въ такомъ случаѣ всѣ толкованія наши объ истинахъ чловѣчества не болѣе стоить чѣмъ сужденія сѣльца о цвѣтахъ ратули. Можно теперь уже сказать безъ ошибки, что прославленная философія всеобщей исторіи тогда только будетъ заслуживать какого-нибудь довѣрія, когда она укрьпится на прочномъ основаніи вполне раскрытой философіи естественной исторіи. Узнайте прежде хоть пастковыхъ: потомъ станете толковать о людяхъ. Но не начинайте дѣла съ конца: чловѣкъ созданъ послѣдній, и, чтобы его узнать, надобно сперва изслѣдовать то, что ему предшествуетъ въ порядкѣ тво-

ренія. Метеорологія наша еще въ младенчествѣ. Геологія едва выходятъ изъ пеленъ. Между-тѣмъ мы уже чувствуемъ, что постепенныя измѣненія нашей планеты обнаруживаютъ разительное соотношеніе съ измѣненіями политическаго и нравственнаго быта чловѣка. Время и усилія откроютъ намъ и здѣсь важные факты для исторіи нашего рода и для началъ, на которыхъ она основывается въ чинѣ природы; но пока это не наступитъ, пока тщательныя изслѣдованія не обнаружатъ глазамъ нашимъ всего механизма этого много-сложнаго цѣлаго, котораго мы составляемъ благороднѣйшую, но непринятую частицу, до тѣхъ-поръ философія исторіи будетъ только бредомъ страстей нашихъ и пустою забавою тщеславныхъ софистовъ. Итъ, основаніемъ нравственныхъ наукъ должны бы служить естественныя науки: въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, еще столь несовершенномъ, онѣ уже оказываютъ ту пользу, что чрезвычайно умиротворяютъ пылкость ума, склоннаго предаваться съ полнымъ довѣріемъ остроумнымъ нравственнымъ теоріямъ, а заманчивость этихъ наукъ, и утѣшенія, какія онѣ представляютъ своему любителю, дѣлаютъ ихъ истинными подругами чловѣка въ уединеніи, печали, даже несчастіи. Перестаньте читать вздорныя политическія умствованія и займитесь естественною исторіею: будете въ тысячу разъ довольнѣе и счастливѣе!

ДВѢ ХИРУРГИЧЕСКІЯ МЕТОДА ДОКТОРА СТИРЛИНГА.

1. *Вставиваніе искусственнаго зрачка въ слѣпной глазъ.* До-сихъ-поръ придѣлывали только нозы пуждающагося въ этомъ украшеніи лица: теперь найдено средство вставлять слѣпцамъ и повые глаза. Когда у васъ глаза худые, вы можете приказать ихъ вынуть и вправить себѣ хорошіе глаза собачьи, или кошечьи, или коровьи, по своему вкусу и усмотрѣнію, и будете прекрасно видѣть все, что люди дѣлаютъ. Правда, что это наслажденіе не стѣбитъ труда, чтобы варочно для него возвращаться къ зрѣнію; но между слѣпцами есть любопытные, и докторъ Стирлингъ въ состояніи оказать имъ великую услугу. Г. Magendie, въ новомъ своемъ сочиненіи *Leçons sur les phénomènes physiques de la vie*, описываетъ одну такую операцію, которую этотъ Германскій врачъ произвелъ прошедшею зною, въ его классѣ, въ

присутствіи самого профессора и всѣхъ его слушателей. Разумѣется, опытъ происходилъ *in anima vili*, — на кролякѣ. Докторъ Стирлингъ сперва выкололъ зрачокъ живому кроляку, чтобы ослабить своего пациента; и, вылечивъ рану, приступилъ къ операціи, которая должна была возратить зрѣніе несчастному. Тогда, въ разстояніи одной линіи отъ прозрачной роговой оболочки, онъ вырѣзалъ въ глазъ инструментомъ маленькій четверугольникъ, задѣвая всѣ три плесы, матерую, ликосоставную и стѣчную, такъ, чтобы обнажить хрустальную влажностъ, и вынулъ этотъ кусокъ глазной одежды, составленный изъ трехъ плесей. Таеялѣ образомъ открылось въ серединѣ глаза отверстіе, назначенное для пропуска свѣтового луча внутрь органа. Потомъ операторъ вырѣзалъ въ здоровомъ глазѣ другого кроляка четверугольникъ прозрачной роговой оболочки, точно такой же величины, приложилъ его къ этому отверстию, и пришилъ иглокою къ глазу. Г. Стирлингъ упогрѣбляетъ для этого весьма тонкую иглоку, въ которую вмѣсто нити продѣтъ волосъ: онъ пришиваетъ накладной четверугольникъ только въ двухъ мѣстахъ, именно, по двумъ діагональнымъ угламъ его. По словамъ доктора, этотъ искусственный зрачокъ, какъ онъ удостоверился изъ прежнихъ опытовъ, не имѣетъ совершенно такой же прозрачности какъ природный, однако жъ пропускаетъ свѣтовой лучъ и позволяетъ видѣть довольно чисто.

Г. Стирлингъ повторилъ ту же операцію на другомъ кролякѣ, но на этотъ разъ онъ заимствовалъ накладной четверугольникъ прозрачной роговой оболочки не у подобнаго животнаго, а у собаки; и утверждаетъ, что результатъ будетъ совершенно тотъ же. Онъ даже предпочитаетъ собачьи глаза, особенно для людей, потому что у собакъ плева эта и прочне и чище. Когда Ахиллъ говорилъ Агамемвону, по-Гречески, — «Ахъ, ты, негодай, пьяница, съ собачьими глазами, съ оленьимъ сердцемъ!», онъ вѣроятно думалъ объ изобрѣщеніи доктора Стирлинга.

2. *Замѣчаніе разрыванной артеріи.* Известно, что въ случаѣ наиссенія раны въ артерію, хирургія прибѣгаетъ къ нѣсколькимъ способамъ, чтобы остановить кровотеченіе. Самый обыкновенный изъ этихъ способовъ — лигатура, кото-

рава бываетъ «непосредственная» и «посредственная». Приступая къ лигатурѣ, операторъ долженъ прежде всего отыскать кровеносный сосудъ, изъ котораго кровь изливается. Это не трудно: большею частію, можно видѣть отверзтіе сосуда въ отверзтіи самой раны; и тогда точное познаніе Анатоміи избавляетъ страдающаго и хирурга отъ долгаго и мучительнаго отыскиванія. Впрочемъ, самое мѣсто, изъ котораго хлещетъ кровь, показываетъ, гдѣ должна находиться артерія. Тогда операторъ схватываетъ ее щипцами и вытягиваетъ немного наружу. Но надобно тщательно отдѣлать артерію отъ другихъ смежныхъ тканей, въ особенности отъ нерва. Тутъ помощникъ хирурга просовываетъ подъ щипцами нитку, сложенную въ видѣ петельки, и дѣлаетъ лигатуру, то есть завязываетъ нитку двойнымъ узломъ, сильно зажимая ее, чтобы совершенно сдавить внутреннюю пустоту артерій. Это и есть непосредственная лигатура. Посредственная состоитъ въ томъ, чтобы, не отдѣляя артерій, охватить и сдавить ее ниткою вмѣстѣ съ окружающими тканями, — способъ, сопряженный съ двойнымъ неудобствомъ, потому что онъ, во-первыхъ, заставляетъ больнаго страдать напрасно, а во-вторыхъ, подвергаетъ его опасности вторичнаго кровоточенія. Способъ этотъ употребляется нынче одними только неискусными хирургами. Впрочемъ всякая лигатура не чужда этого втораго неудобства, потому что она иногда слишкомъ скоро разсѣкаетъ артерію. Артерій нѣтъ три оболочки или чахла, tunica, и каждый чохоль одаренъ различною степенью упругости и прочности. Самый прочный и упругій изъ нихъ — верхній; средний и внутренній — мягки и легко разрываются. Такимъ образомъ средний и внутренній чахлы тотчасъ будутъ разсѣчены давленіемъ накрывко зажатой нитки, и только верхній, по своей значительной упругости, будетъ сопротивляться узлу лигатуры, но если, по несчастію, и верхній чохоль уступить ниткѣ, какъ это иногда случается, прежде нежели конецъ завязанной артерій отвердетъ, то кровоточеніе непременно возобновится.

Муножество другихъ средствъ употреблялись или употребляются съ тою же цѣлію. Таковы cauterisatio, compressio directa, compressio indirecta, механическія пробки, ко-

торыми зажимаютъ отверстіе разсѣченнаго сосуда, и прочія. Некоторые операторы совѣтовали «рвать» артерію: ее берутъ щипцами и тащатъ, она подается и вытягивается; тащатъ ее сильнѣе; чахлы средней и внутренней рвутся внутри сосуда и сжимаются вслѣдствіе своей упругости. Наружный чохолъ долѣе сопротивляется этому катагиванію, но и онъ наконецъ рвется, губы разрыва морщатся, отверстіе артерій плотно закрывается ими, и кровь тщетно сдается прервать эту преграду. Французскій врачъ Amussat предложилъ недавно другой способъ: онъ «скручиваетъ» артерію, то есть, отдѣляетъ ее отъ смежныхъ тканей, схватывается щипцами и жметъ такъ сильно, чтобы раздавить средней и внутренней чахлы, не повреждая наружнаго; тогда приступаетъ онъ къ «скручиванію», torsio. Щипцы въ рукахъ доктора Amussat дѣлаютъ пять или шесть поворотовъ на своей оси, и такимъ образомъ онъ скручиваетъ часть артерій, захваченную инструментомъ. Можно было бы, повертывая щипцы далѣе, и разорвать ее, но Г. Amussat довольствуется первымъ дѣйствіемъ, котораго цель — взять наружный чохолъ и лишить его всей упругости. Артерія въ такомъ видѣ состоитъ только изъ своей внешней клетчатой оболочки: она предоставляетъ крови свободную трубку, но кровь не можетъ протекать ею, потому что трубка эта не обита внутри гладкою плевою, способствующею къ кровообращенію. Едва кровь проникнетъ въ этотъ испорченный сосудъ, какъ тотчасъ она проникаетъ его, запекается и образуетъ надежную преграду. Г. Magendie отдаетъ этой методу предпочтеніе передъ лигатурою.

Докторъ Сирлингъ, послѣ операций надъ глазомъ кролика, показалъ въ аудиторіи господина Magendie опытъ своего способа, который онъ называетъ «занлетаніемъ», reperçatio. Этотъ операторъ отдѣляетъ верхній конецъ разсѣченной артерій отъ смежныхъ тканей, обнажаетъ его на полдюйма, прокалываетъ въ немъ острымъ своего инструмента родъ исланды, потомъ схватываетъ загнутыми щипцами открытое отверстіе артерій и продвѣгаетъ его въ эту дырку. Такимъ же образомъ поступаетъ онъ и съ нижнимъ концомъ артерій. Этотъ родъ узла самымъ надежнымъ образомъ останавливаетъ кровотеченіе, которое никакъ не мо-

жетъ возобновиться. Метода доктора Стирлянга имѣеть весьма важное преимущество, что концы артерій не подвѣргаются въ ней измятію и умерщвленію, и рана можетъ тотчасъ быть закрыта.

РАЗЛИЧНЫЯ ТЕОРИИ ГРАДУ ОТЪ АНАКСАГОРА ДО Г. ФОНЪ-БУХА. Первый изъ древнихъ, котораго мы знаемъ житіе о образованіи граду, есть Анаксагоръ: онъ утверждаетъ, что градъ идетъ только лѣтомъ, когда теплота, которая изъ высшихъ областей неба нисходитъ на землю, нагреваетъ ее до того, что ея испаренія поднимаются въ воздухъ: когда вдругъ приливъ теплоты свыше прерывается, возникающій въ воздухъ холодъ сгущаетъ эти испаренія и они падаютъ на землю въ видъ граду. Аристотель не соглашался съ его образомъ мыслей: этотъ великій основатель естествознанія думалъ, что градъ образуется не оттого, что облако попадаетъ въ холодный слой воздуха, а скорѣй оттого, что оно изъ холоднаго переходитъ въ теплый, — теорія, къ которой физики теперь извращаются, и весьма сходная съ фонъ-Буховою. По мнѣнію Аристотеля, все явленія стужи обнаруживаются отъ взаимной противоположности, то есть, такъ сказать, поляризації теплоты и холода, и онъ старается объяснить разные феномены этою противоположностью, которая служитъ основаніемъ его остроумной метеорологіи. Обстоятельства, сопровождающія явленія граду, были ему извѣстны и хорошо имъ изложены: онъ знаетъ, что на высокихъ горахъ не бываетъ граду; что градъ идетъ преимущественно лѣтомъ, очень рѣдко зимою; что градины всегда больше объемомъ при великихъ жарахъ; что онѣ не круглы, какъ дождевыя капли; что градъ въ Греціи является при сѣверныхъ вѣтрахъ, которыя тамъ отличаются чрезвычайною сухостью; что погонь обыкновенно начинается дуть южный вѣтеръ, и такъ далѣе. Но градины Аристотель почиталъ за настоящій ледъ. Вѣрнѣйшее понятіе объ этомъ имѣлъ Анаксименъ: сколько можно понять изъ весьма недлиныхъ свѣдѣній Плутарха, онъ утверждалъ, что градины суть составъ капельной и замерзшей воды. Это счастливое замѣчаніе, которое могло повести къ открытію настоящихъ свойствъ явленія, было забыто преемниками Анакси-

мена. Уистованія Эдикура и стоеккоу не заслуживаютъ вниманія. Сочинитель книги «О мѣрѣ», ложно приписавою Аристотелю, говорилъ однако жъ, что градямъ суть просто шарики скожаннаго спѣгу, облитыя водою, которыя по причинѣ своего вѣсу пріобрѣтаютъ значительную быстроту при паденіи. Посидоній, который во всемъ прочемъ придерживался положеній Аристотеля, въ этомъ пунктѣ совершенно отъ него уклонился. То, что говорятъ о градѣ Севека, Плиній и Исидоръ, не представляетъ ничего замѣательнаго.

Между-тѣмъ суевѣріе, котораго не были чужды и древніе, болѣе и болѣе одерживало верхъ надъ стремленіемъ къ правильному изслѣдованію феноменовъ природы, и въ девятую столѣтію Агобалъдъ, Ліонскій епископъ, принужденъ былъ торжественно доказывать, что градъ и громъ вовсе не производятся колдунами съ помощію дьявольскихъ козней и что человекъ не имѣетъ ни какой власти надъ этими явленіями природы.

Когда метеорологія сдѣлалась предметомъ ученыхъ изысканій, первые толкователи граду допускали все, что въ высшихъ областяхъ атмосферы существуетъ слой воздуха очень низкой температуры, и что когда облака изъ теплѣйшихъ слоевъ переходятъ въ эту холодную область, они по необходимости превращаются въ ледъ и градины. Предположеніе совершенно несбыточное. Если принять, какъ выведено изъ опытовъ, что температура въ воздухѣ уменьшается однимъ градусомъ Реомюра на каждые 687 футовъ возвышенія, то, когда при землѣ мы видимъ 15° тепла, воздушный слой, въ которомъ термометръ понижается до нуля и следовательно вода замерзаетъ, долженъ находиться не ближе какъ въ 10,325 футахъ надъ поверхностью моря. Известно, что облака никогда не поднимаются и до третьей части этой высоты, а градовая тучи притомъ обыкновенно висятъ очень низко надъ землею.

Послѣ этой теоріи образованія граду, взялись объяснять его тѣ физики, которые приписывали все явленія атмосферическія дѣйствію электричества. Они думали, что *накопленіе въ облакахъ электричества способствуетъ къ обращенію земной воды въ пары, производить холодъ, образуетъ*

капли дождя и шарики граду. Но Фанъ-Марушъ, а потомъ Эрханъ и Мунке доказали, вопреки Кавалло, Гермбетедгу и Шюблеру, что электричество не обнаруживаетъ ни малѣйшаго дѣйствія на количество и скорость испаренія, и что неизэлектризованная и изэлектризованная вода, при равныхъ обстоятельствахъ, даютъ одинаковое количество паровъ, в одинаковой расширительной силѣ. Впослѣдствіи Saussure, Gay-Lussac и Реймарусъ, обнаружили какъ-нельзя яснѣе, что облака вовсе не анбары для электричества, которое въ нихъ находится только случайно.

Мы не остановимся на гипотезѣ, которою Blaise Monésier объясняетъ градъ, полагая, будто соли и вихрь вытягиваютъ теплоту изъ газообразныхъ паровъ, и послѣдствіемъ къ теоріи Вольея. По его мнѣнію, электрическій взрывъ, каковъ молнія, покидаетъ теплотворъ изъ значительной массы испареній и повергаетъ ихъ въ капельное состояніе; холодный воздухъ вышнихъ слоевъ атмосферы вторгается внезапно въ пустоту, оставленную испареніями, сжимаетъ образовавшіяся капли, и обращаетъ ихъ въ ледъ и градины. Доказательство для своей теоріи Volney находитъ въ томъ, что градъ никогда не являлся безъ грозы, и что чѣмъ сильнѣе гроза, тѣмъ больше бывають градины. Но, по Dalton'овой теоріи, мѣсто, которое прежде занимали испаренія до своего сжатія въ капли, вовсе не составляетъ пустоты для воздуха; и при томъ положеніи теплотвора электрическихъ взрывовъ — гипотеза, ни на чемъ неоснованная. Сомнительно также, чтобы величина градинъ была всегда соразмерна силѣ грозы: но если это и справедливо, величина ихъ должна бы скорѣе зависеть отъ обилія испареній, подвергаемыхъ сжатію, а не отъ силы электрическихъ взрывовъ.

Вольта предложилъ другую теорію, которая и до-сихъ поръ имѣетъ многихъ приверженцевъ, несмотря на явную нелепообразность своихъ положеній. Онъ говоритъ, что солнечная теплота производитъ испаренія такъ называемыхъ пузырчатыхъ паровъ, *varrens vésiculaires*, или по-крайней-мѣрѣ поверхности кожицы, которою они окружены, и такимъ образомъ получается стужа, нужная для образованія граду. Увеличеніе объема градинъ происходитъ, по его учению, отъ пласки этихъ пузырьковъ между двумя слоями на-

электризованныхъ тучъ , которые , безпреставно притягивая и отталкивая ихъ , позволяютъ имъ оставаться долгое время въ высшемъ воздухѣ и возрастать до значительнаго діаметра. Разсмотримъ эту теорію. Градины падаютъ перьдко величиною отъ трехъ до четырехъ линій въ діаметрѣ , не говоря уже о другихъ , гораздо большихъ . Эти ледяныя шарикѣ должны образоваться черезъ испареніе кожцы пузырьковъ пара , которой толщина , по Краденштейну , не превосходитъ $\frac{2}{10000}$ линій , тогда какъ діаметръ всего пузырька по *Saussure* у имѣетъ только $\frac{30}{10000}$ а по Фрауэнгоферу между $\frac{104}{10000}$ и $\frac{52}{10000}$ линія . Сколько времени должна продолжаться пляска , чтобы зерно граду выросло таковыя образы не боле какъ до одной линіи въ діаметрѣ ?..... Скрытого не понятно , какъ солнечныя лучи могутъ производить испареніе жидкости , не возбуждая теплоты , которая бы затнжала охлажденіе , причиняемое процессомъ испаренія . Опыты Беллани удостовѣряютъ , что испареніе на солнцѣ происходитъ сильнѣе нежели въ тѣни , но въ то же время усиливается на солнцѣ и температура вокругъ испаренной жидкости . По мнѣнію Вольты , солнечныя лучи необходимы для образованія градинъ : но почему жъ градъ идетъ иногда ночью и не задолго до восхожденія солнца ? Тутъ бы слѣдовало градинамъ проливаться по-крайней-мѣрѣ часовъ десять или двѣнадцать въ воздухѣ , начавъ работу наканунѣ еще до заката солнца : а между-тѣмъ часто при наступленіи ночи мы не видимъ ни одного облачка ; тучи накаплиются вдругъ , и градъ падаетъ неожиданно на зарѣ ! Люди , живущіе на высокихъ горахъ , посреди тучъ , никогда не видали градинъ , пляшущихъ въ воздухѣ , и о такомъ чудѣ у нихъ и молвы не бывало : а между-тѣмъ имъ бы нельзя его не видѣть ! Прехтль давно уже возставалъ , и приводилъ очень ясныя доказательства противъ теоріи Вольты , которая впрочемъ основана на одной только аналогіи «электрическаго танца» : два тѣла , положенныя между двумя поверхностями , противоположно наэлектризованными , прыгаютъ отъ одной поверхности къ другой ; но Беллани показалъ , что , какъ скоро вы одну изъ поверхностей замѣните жидкостью , движеніе это прекращается . Да и вся теорія Вольты основана на ложномъ понятіи объ атмосферномъ электричествѣ .

Облака суть оконница паровъ, уже существующихъ въ воздухѣ, и электризуются черезъ движеніе, которое волнуется тайною электрическою основою атмосферы. Въ этомъ состояніи, они возбуждаютъ на земной поверхности противоположное электрическое напряженіе. Скоро за тѣмъ слѣдуетъ неизбежный ударъ, а когда онъ послѣдовалъ, то обѣ стороны облака, нижняя и верхняя, совершенно разряжаются, и остаются въ этомъ положеніи, доколѣ облако не получаетъ новаго электричества отъ присоединенія новыхъ паровъ. Градь долженъ упасть по-необходимости въ этомъ промежуткѣ. Но, по теоріи Вольты, этого быть не можетъ: если градъ идетъ на вартъ, то онъ долженъ былъ, по этой теоріи, образоваться накануне еще до захожденія солнца и всю ночь пропрыгать въ воздухѣ между двумя пластинами облаковъ, которыми во все это время слѣдовало бы оставаться заряженными электричествомъ и не снѣтъ — грома ни молніи нѣтъ!

То, что мы сказали объ ученіи Вольты, относится также къ теоріи Gay-Lussac'a. Когда этотъ ученый предпринялъ съ Biot'омъ первое воздушное путешествіе для изслѣдованія свойствъ атмосферы, онъ замѣтилъ, что облака по-ту-сторону представляютъ почти совершенную плоскость, которая имѣетъ видъ усыпанной снѣгомъ равнины, тогда какъ нижняя ихъ сторона образуетъ горы и конусы, обращенные верхушками къ землѣ: верхушки эти, глядя съ земли, также кажутся часто какъ-бы покрытыми снѣгомъ. Г. Gay-Lussac полагаетъ, что верхняя ровная поверхность облаковъ, сильно извергая изъ себя лучистый теплотворъ, производитъ холодъ, достаточный для образованія граду, точно такъ же какъ въ Бенгалѣ сильное освобожденіе лучистаго теплотвора изъ земли видимо заставляетъ воду замерзать при 8 градусахъ тепла по Реомюру. Но въ такомъ случаѣ градъ долженъ бы являться чаще всего между тропиками, гдѣ лучистая теплота ищетъ съ ужасною силою: а тамъ граду почти вовсе не бываетъ, такъ же какъ въ полярныхъ странахъ! Градь — явление, свойственное утреннимъ климатамъ.

Въ Германіи теперь большею частію принята теорія Фонтана Буа. Она беретъ свое начало въ известной *ипотезѣ* восходящихъ теченій раскаленного воздуха, которыми, за недо-

статкомъ въ лучшихъ причинахъ, приписываютъ также образованіе трюиковыхъ вѣтровъ. Воздухъ, говорятъ, совершенно какъ вода: когда кипятите воду въ котлѣ, то въ ней учреждаются теченія съ низу въ верхъ; часть воды, ближайшая къ дну сосуда, нагреваясь сильнѣе, становится легче и безпрерывно мчится вверхъ, а на мѣсто ея поступаетъ вода съ боковъ и верхней части котла. Такъ и воздухъ: нагрѣтый въ теченіе дни до высокой степени температуры у раскаленной поверхности земли, онъ стремится въ высшія области атмосферы и приходитъ тамъ въ равновѣсіе съ окружающимъ холоднымъ воздухомъ. Теченія эти увлекаютъ съ собою до значительной высоты большія массы влажности, похищенныя изъ нижнихъ слоевъ атмосферы. Тамъ, на значительной высотѣ, скопляются изъ этой влажности, ирреденной въ видѣ паровъ, первыя облака, и разрѣшаются каплями воды, которыя, проходя въ своемъ паденіи черезъ теплѣйшіе слои, должны подвергаться испаренію, — оно порождаетъ холодъ, — капли мерзнуть, — притягиваютъ къ себѣ новыя пары, опять мерзнуть, и градины, состоящи по воламъ изъ льду и снѣгу, достигаютъ наконецъ до нижайшаго слоя атмосферы въ видѣ отбитыхъ верхушекъ сосулекъ.

Это новѣйшая, и самая простая, теорія граду, которая, какъ мы уже сказали, довольно согласна съ мыслью Аристотеля. Но заслуживаетъ ли она болѣе довѣрія чѣмъ всѣ предидущія теоріи? Не думаемъ. Во-первыхъ, она основана на чистой гипотезѣ: существованіе восходящихъ теченій воздуха весьма вѣроятно, но ихъ никто не видѣлъ и они еще не утверждены никакимъ прямымъ опытомъ. Образованіе капель дождя на «значительной» высотѣ подвержено большому сомнѣнію: читателямъ нашихъ извѣстныхъ недавнихъ наблюденій доктора *Philips'a*, который удостовѣрился, что дождевыя капли образуются и увеличиваются очень близко отъ земли, до того что въ некоторой высотѣ надъ ея поверхностью дождь состоитъ просто изъ мокраго тумана. Притомъ, мы уже замѣтили, что градовые тучи обыкновенно тебуть весьма низко. Если бы градины летѣли на землю съ значительной высоты, то сила ихъ паденія была бы такъ велика, что онѣ бы воззались въ деревья и доски какъ сви-

новья пули. Прежде всего слѣдовало бы измѣрить приемышъ опытомъ быстроту паденія ихъ у земли: это было бы единственное средство опредѣлить приблизительно высоту, на которой они образуются. Сужно также наблюдать градъ въ горныхъ странахъ, съ пунктовъ различной высоты въ одно и то же время. Но мы вообще не имѣемъ никакихъ наблюдений этого рода, и о самомъ обыкновенномъ феноменѣ природы толкуемъ по одиной догадкамъ и умозрѣніямъ. Было два изданія книги доктора Иделера, которая названа «Изысканіями о градѣ», *Untersuchungen über den Hagel*: что жъ это за «изысканія»? Просто, сборникъ того, что другіе говорили о градѣ, и распространеніе Фонтъ-Буховой теоріи, а ясныхъ опытовъ — ни какихъ. Какъ мало до-сихъ-поръ собрано фактовъ, необходимо входящихъ въ кругъ подобнаго вопроса, можно видѣть изъ того, что Г. Иделеръ, который подишалъ къ теоріи Фонтъ-Буха всѣ свѣдѣнія о градѣ, какія только могъ отыскать въ чужихъ книгахъ, и которому извѣстно, что градъ почти никогда неидетъ между тропиками, Г. Иделеръ не знаетъ того обстоятельства, что въ тѣхъ странахъ есть градъ *въ осидкомъ видѣ*: это капли дождевой воды, очень рѣдкія, но холодныя, и такой величины, что каждая изъ нихъ, падая на землю, покрываетъ собою кругъ въ вершокъ и болѣе діаметра. Какимъ образомъ эти огромныя капли не испаряются, проходя черезъ слой раскаленнаго воздуха? Или это градъ, растаившій въ нижнихъ слояхъ атмосферы и падающій въ видѣ дождя? Но дѣло въ томъ, что это градъ, — жидкій градъ, — который, вопреки теоріи Г. Фонтъ-Буха, и его толковника, Г. Иделера, не испарился, не замерзъ, не увеличился, и не замерзъ опять, во время перехода своего изъ холодныхъ слоевъ въ теплые. Такія капли составляютъ единственный родъ дождя, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ никогда дождь неидетъ, какъ въ Верхнемъ Египтѣ и Нубіи. Градъ есть явленіе мѣстное, и покрываетъ всегда только небольшую подосу земли. Никогда не бываетъ общаго граду, какъ бываютъ общіе дожди, общія засухи, общіе жары, которые занимаютъ пространство нѣсколькихъ сотъ, тысячъ, полсоты тысячъ верстъ. Въ иныхъ мѣстахъ градъ случается чаще нежели въ другихъ, и какъ-бы любить эти мѣста. Иногда градины, какъ еще весьма недавно наблюдали

Г. Elie de Beaumont, истрежь видъ маленкихъ пирамидъ съ правильными углами и на основаніи своемъ концентръческіе круги. Весьма часто градъ упадетъ изъ маленкаго, одинокаго, круглаго облака, очень близкаго къ землѣ и образовавшася при нашихъ глазахъ. Теорія Г. фонъ-Бука не даетъ рѣшенія на такіе случаи, а между-тѣмъ, какъ скоро могутъ быть общіе жары, и следовательно общія восходящія теченія воздуха, то вѣтъ причины, чтобы не могли образоваться и общіе грады. Однимъ словомъ, съ достоверностью вѣдѣство только то, что градъ иногда идетъ; но почему онъ идетъ, и какъ образуется, никто до-сихъ-поръ не могъ объяснить удовлетворительно.

ПАДАЮЩИЯ ЗВѢЗДЫ. Съ-тѣхъ-поръ какъ падающія звѣзды обратила на себя живѣйшее вниманіе ученыхъ, каждое нѣсколько значительное появленіе этихъ метеорокъ должно быть наблюдаемо съ любопытствомъ. Ночь съ 30 на 31 прошедшаго іюля была особенно обильна ими: надлежало бы узнать, не каждый ли годъ въ эту ночь или въ слѣдующую звѣзды падаютъ въ такомъ количествѣ. Въ пынѣшнемъ году Г. Агаго съ своими помощниками насчиталъ ихъ съ Парижской обсерваторіи 291 отъ одиннадцати часовъ вечера до трехъ часовъ утра, что составляетъ по 73 звѣзды на часъ. Но онѣ были гораздо обильнѣе. Старшій сынъ Г. Агаго видѣлъ въ одиннадцатомъ 104 звѣзды въ теченіе пятидесяти минутъ. Метеоры эти направлялись къ созвѣздію Близъ, куда и земля стремилась въ то время; при всемъ томъ, многія слѣдовали также и въ другую сторону.

ДѢЙСТВИЕ ИВЪДИ НА ЧЕРНИЛА. Директоръ Бенгальскаго банка отказалъ въ прошломъ году одному Индѣйцу въ уплатѣ денегъ по пѣсколькимъ облигаціямъ, потому что онѣ были безъ подписей. Индѣецъ утверждалъ однако жъ, что его облигація были подлинны, что на нихъ прежде находились вѣсь подписи, — директора, контролера, кассира, и что онъ не понимаетъ, какимъ образомъ подписи эти исчезли, потому что облигацій никто не трогалъ и онъ всегда заверты былъ у него въ ивдонномъ ящикѣ. Г. Принсер заключилъ, что можетъ-быть ивдѣ разложила чернила. Онъ положилъ между

двумя жѣдными досками письмо, писанное обыкновенными чернилами, и послѣ нѣкотораго времени нашелъ бумагу совершенно чистою: всѣ буквы исчезли.

КЛАДБИЩЕ ЛЕЛЕНУТОВЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Неподалеку отъ Кошоктона, въ штатѣ Огайо, открыли недавно кладбище страннаго народа. «Оно находится, пишетъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей къ издателю *Silliman's Journal*, на одномъ изъ наносныхъ возвышеній, которыя такъ обыкновенны при рѣкахъ западныхъ областей Соединенныхъ Штатовъ. Изъ остатковъ досокъ, лежащихъ подлѣ костей, видно, что всѣ покойники погребены были въ гробахъ: но всего удивительнѣе то, что эти люди были ростомъ не больше какъ отъ двадцати до двадцати четырехъ вершковъ! Мы вскрыли множество гробовъ, и всѣ погребенные оказались принадлежащими къ той же породѣ карликовъ. Въ гробахъ не найдено ни какихъ металлическихъ орудій, которыя бы могли пояснить эпоху существованія и племя этого народа». Кстатіи объ Американскихъ журналахъ: въ *American Journal of sciences and arts* помѣщена подробная статья о *Davenport* овой электро-магнитной машинѣ: мы скоро сообщимъ эту статью нашимъ читателямъ.

ЧУХОНСКІЕ СІАМЦЫ. Одинъ Русскій путешественникъ, который недавно возвратился изъ Финляндіи, доставилъ намъ описаніе своего странствованія отъ Санктпетербурга до Иматры. Мы весьма сожалѣемъ, что не можемъ помѣстить этой статьи въ Б. для Ч., потому что уже въ 1835 году дали одно описаніе подобнаго путешествія и самой Иматры. Но мы съ удовольствіемъ скажемъ нѣсколько словъ о самомъ важномъ открытіи почтеннаго путешественника, именно о двухъ сросшихся Чухонцахъ, которыхъ самъ онъ видѣлъ, и которые столько же превосходятъ знаменитыхъ братьевъ, Сіамцевъ, сколько солнце превосходитъ звездочку десятой величины. Чего нетъ въ обширной матушкѣ Россіи! По свидѣтельству достойнаго вѣры путешественника, они живутъ не далеко отъ Иматрскаго водопада, въ небольшой Финляндской деревнѣ (не сказано какой), и родился лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Они срослись спинами, но въ обратномъ положеніи,

такъ, что ноги одного направлены въ ту сторону, гдѣ находится голова другаго. Стоять обоимъ въ одно время никакъ имъ невозможно: для устранения *сего неудобства*, говоритъ нашъ путешественникъ, который вовсе не думаетъ шутить, они рѣшились стоять поочередно, и тотъ, чья голова находилась нѣсколько времени внизу, потомъ становится на ноги и оборачиваетъ своего брата вверхъ ногами. Положеніе это они переменяютъ каждыя четверть часа, и съ такою точностію, что можно изобрѣтать время ихъ оборотами. Въ послѣдніе годы они выучились кататься колесомъ, переваливаясь съ нижнихъ ногъ на верхнія и катятся такъ быстро, что, по увѣренію путешественника, не догоните ихъ всрѣхомъ на лошади. Мать ихъ, Финляндская Шведка, была прежде за Италианцемъ, нѣкогда конфектикомъ въ Або, и черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти вышла вторично замужъ за своего подмастерья, природнаго Финна: авторъ статьи замѣчаетъ, что одинъ изъ сросшихся близнецовъ смугль и имѣетъ глаза и волосы черные какъ смоль, тогда какъ другой совершенно блѣвоволосъ, съ стрыми Чухонскими глазами. Деревянный домъ, въ которомъ они родились и провели первые годы младенчества, былъ дву-этажный, и верхній этажъ отдѣлялся только плоскимъ досчатымъ поломъ отъ нижняго, гдѣ долгое время стояли Русскіе солдаты: такъ какъ до пятилѣтняго возраста близнецы не умѣли кувыркатся каждыя четверть часа и черномазая голова большею частію находилась въ низу, то она имѣла случай прислушаться сквозь полъ къ Русскому языку, и говоритъ имъ изрядно, но нѣсколько сбивается на казарменное нарччіе: блѣкурал голова знаетъ только по-Чухонски. Когда нашъ путешественникъ обращался къ ней съ вопросахи, то противоположная голова переводила ей слова его. Зартзала Сіамъ Финляндія! Вотъ по-крайней-мѣрѣ любопытные «сросшіеся уроды!» Они прикатятся будущимъ лѣтомъ въ Петербургъ.

АНГЛІЙСКИЙ КОРАВЛЬ СЪ ССЫЛЬНЫМИ. Известно, что Англичане ссылаютъ въ Ботани-Бѣ и другія заведенія для ссыльныхъ въ Новой Голландіи, тѣхъ изъ своихъ преступниковъ, которые не попадутъ на висѣлицу. Этухъ несчастныхъ перевозятъ на суднѣ, которое называется convict ship

«корабль преступниковъ». Ничего не можетъ быть любопытнѣе внутренняго устройства такого корабля и обычаевъ, которые на немъ соблюдаются. Какой-то докторъ Wilson написалъ даже книгу, и очень любопытную, о convict-ship'ахъ и ссыльныхъ поселеніяхъ Англичанъ въ Австралію. Никто лучше его не знаетъ этого предмета, потому что онъ былъ хирургомъ-надзирателемъ на казенномъ кораблѣ и, въ восемь разъ, проводилъ въ Новую Голландію до двухъ тысячъ ссыльныхъ.

По отношенію министра внутреннихъ дѣлъ адмиралтейство вызываетъ желающихъ высказать известной величины корабль для перевозки ссыльныхъ въ Новый Вѣлисъ и Ванъ-Дименову землю. Прежде всего морскіе офицеры осматриваютъ корабль; потомъ приступаютъ къ внутреннему устройству. Подрядившіеся должны поставить также снасти и съѣстные припасы. Положено, что на кораблѣ ссыльныхъ должно быть по семи матросовъ и одному юнгъ на каждые сто тоннъ вместимости; команда состоитъ изъ тридцати солдатъ; ихъ обыкновенно выбираютъ изъ полка, который на очереди для отправленія въ Сидней. Издержки на ссыльныхъ сокращены до триста двадцати пяти рублей съ человека за весь переездъ. Раздача провіанта поручена боцману также какъ на военныхъ корабляхъ: если онъ обходится съ ссыльными человѣколюбиво, то получаетъ награжденіе. Если на кораблѣ есть ссыльные женщины, то первый и второй матросъ получаютъ награжденіе, когда представятъ свидѣтельство хирурга-надзирателя о добромъ своемъ поведеніи. Хирургъ, который всегда избирается изъ лучшихъ флотскихъ врачей, имѣетъ совершенно диктаторскую власть на кораблѣ ссыльныхъ; онъ исполняетъ обязанности мирнаго судьи, провіантскаго комиссара, школьнаго учителя и даже пастора. Управление кораблемъ совершенно отъ него зависитъ, и вся ответственность лежитъ на немъ. Эта странная и сложная обязанность нѣсколько разъ была возлагаема на доктора Wilson'a, и онъ описалъ все подробности своего управленія. Какъ скоро ссыльныхъ привезли на корабль, каждому изъ нихъ даютъ номеръ, соответствующій койкѣ, которую онъ долженъ занимать; этимъ же номеромъ клебятъ все ихъ вещи для избежанія беспорядка и пропажи. Ссыльныхъ раздѣляютъ на артели по шести человекъ; въ каж-

дой артели начальникъ, избранный изъ нихъ же; онъ отъ-
часть за чистоту и хорошее ихъ поведеніе; поваровъ назна-
чаютъ изъ мошенниковъ, которые бываля мѣ моръ; не-
сколько ссыльныхъ смотрятъ за порядкомъ въ тюрьмѣ.
Докторъ Wilson говоритъ, что онъ всегда въѣрлялъ эту долж-
ность величайшимъ негодямъ.

Какъ скоро земля пропала изъ виду, кандалы снимаются
и ссыльные могутъ сколько хотятъ быть на палубѣ; но ли-
шаются этой свободы за дурное поведеніе. Кормятъ ихъ
всегда хорошо; мужчинамъ и женщинамъ назначено по двѣ
галлона вина на весь вояжъ; но шесть пинтъ воды въ день,
а подъ тропиками по осьми пинтъ. Лазаретъ очень покоенъ;
врачъ посѣщаетъ больныхъ два раза въ день. После утра-
наго медицинскаго посѣщенія, докторъ Wilson тотчасъ при-
нимался за отправленіе обязанности мирнаго судьи, вы-
слушивалъ жалобы ссыльныхъ и старался окончить каждую
ссору, не прибѣгая къ розгамъ, которыя онъ вообще счи-
таетъ средствомъ излишнимъ и опаснымъ.

«Если двое ссыльныхъ повздорили между собою и не
хотѣли помириться, говоритъ докторъ Wilson, я надѣвалъ
на обонхъ кандалы и не снималъ пока миръ не восстано-
вится; что, впрочемъ, всегда дѣлалось очень скоро. Если
ссыльный шумѣлъ или бранился, я призывалъ его на палубу
и привязавъ ему къ спинѣ койку, заставлялъ прохаживаться
такимъ образомъ по палубѣ; въ первый разъ это наказаніе
продолжалось четыре часа, а при второмъ проступкѣ восемь
часовъ. Но мнѣ очень рѣдко случалось подвергать кого-я-
будь этому наказанію два раза, потому что ссыльные чрезвы-
чайно несправедливы и боятся его; многіе изъ нихъ просили не-
я наказать ихъ какъ мужчинъ, то есть высѣчь. Они также
очень боятся другаго наказанія, которое заключается въ томъ,
чтобы цѣлый день стоять прямо, не говоря ни слова, противъ
часоваго, которому также запрещено говорить съ виновными,
подъ какими бы то предлогами ни было. Часто бывало тоже,
что я призеву молодого ссыльнаго, который провинился, дол-
го мою ему голову и потомъ вело нтъмъ, не слушая его оправ-
данія: это приводило въ отчаяніе Лондонскихъ мошенниковъ,
которые вообще страшные говоруны: они чрезвычайно до-
садовали, что имъ не даютъ возможности воспользоваться

оборотливостию своего хитраго ума, и они вѣрѣдко жаловались на такое жестокое обхожденіе съ ними. Въ числѣ ссыльныхъ есть одинъ классъ, съ которымъ множество хлопотъ и за которымъ надобно смотрѣть очень строго. Это приказные писцы; ихъ всегда много и они въ разѣ принуждали меня прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Они часто подговариваютъ своихъ товарищей къ непослушанію, и въ такомъ случаѣ я наказывалъ ихъ безъ всякаго милосердія: для сохраненія порядка между ссыльными, нѣтъ ничего лучше какъ высечь приказнаго писца.»

Многіе говорятъ, что преступники еще болѣе развращаются на ссыльныхъ корабляхъ; докторъ Wilson объявляетъ, что это рѣшительно неправда; по онъ также и не утверждаетъ, чтобы нравственность ихъ улучшалась во время перевозки. Строгая дисциплина исправляетъ только поведеніе этихъ безнравственныхъ людей и принуждаетъ ихъ къ пристойности; но зато это преобразованіе совсѣмъ не трудно и дѣлается очень скоро. Докторъ прежде всего стоваривался съ офицеромъ, который командуетъ конвоемъ и съ хозяиномъ корабля, которые принимали на себя обязанность не позволять разныхъ небольшихъ проступковъ и между прочимъ непристойныхъ речей, которыя въ казармахъ и въ караульняхъ не запрещаются. Докторъ Wilson утверждаетъ, что на кораблѣ, на которомъ онъ служилъ, никто не слышалъ неблагопристойнаго выраженія. Надобно однако жъ полагать, что ссыльные вознаграждали себя за это воздержаніе, когда уходили съ палубы въ свои кзюты.

«Вообще, говоритъ докторъ, многіе видють самое ложное понятіе объ Англійскихъ корабляхъ, которые употребляются для перевозки ссыльныхъ; они воображаютъ себя, что это царство неповиновенія, безначалія, безпорядка. Напротивъ того, на *convict-ship*'ѣ такой же порядокъ, тишина и пристойность, какъ на военномъ кораблѣ, которымъ командуетъ опытный и строгій капитанъ. Въ отношеніи къ дисциплинѣ ссыльные корабли много превосходятъ большую часть купеческихъ судовъ, которыя выходятъ изъ Лондонскаго порта. Это такъ достоверно, что люди, знакомые съ кломъями, часто просятъ, чтобы имъ позволили переѣхать туда на *convict-ship*'ѣ.»

Вовремя меретзда въ Новую Голландію средняя смертность между ссыльными бываетъ не болѣе двухъ на сто: это пропорція очень небольшая, когда подумаешь, что здоровье большей части этихъ людей чрезвычайно разстроено. Тотчасъ по высадкѣ ссыльных распредѣляютъ между колонистами, которые доставляютъ имъ работу и отпускаютъ, по определеннымъ цѣнамъ, съестные припасы, одежду, кровати вещи и проч.; хозяевамъ нѣтъ никакой выгоды скупиться на эти издержки. Иностранецъ, посѣщая домъ новаго колониста, тотчасъ можетъ узнать его положеніе, взглянувъ на его служителей, въ воскресенье. Если они чистоплотны и порядочно одѣты, можно быть увѣреннымъ, что ферма этого колониста находится въ хорошемъ положеніи; если же, въ этотъ день, посвященный отдохновенію, люди ходятъ съ небритыми бородами, съ немытыми лицами, въ разодранныхъ платьяхъ, ферма въ запущеніи. Отъ безпорядка тотчасъ рождается меновинновеніе; въ фермахъ, гдѣ слуги содержатся дурно, часто бывають судебныя разбирательства.

Колоніальное правительство, заботясь о нравственномъ возрожденіи ссыльных, назначаетъ разнымъ преимуществамъ, которые заслуживаютъ это своимъ поведеніемъ. Имъ даютъ такъ называемые tickets of leave, съ которыми ссыльные имѣютъ право служить у кого хотять и даже работать на свой собственный счетъ. Докторъ Wilson однако жъ говорить, что это подаютъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Недавно колоніальное правительство приняло мѣру, которая съ перваго взгляду можетъ показаться довольно странною: мужей и жепъ никогда не помѣщаютъ въ одною заведеніи. До этого новаго закона ссылка не пугала женатыхъ. Иной отецъ семейства, проведя всю жизнь въ прибыльномъ занятіи воровствомъ и мошенничествомъ, съ намѣреніемъ распорядился такъ, чтобы его поймали на дѣлѣ. Слѣдствіемъ этого было всегда то, что его приговорятъ къ ссылкѣ; а такой приговоръ приносилъ ему большія выгоды. Онъ заблаговременно переводилъ неблагопріобретенное имущество на имя жены, и потому, не находя болѣе удобнымъ жить въ отечествѣ, онъ отправлялся на казенный счетъ въ Вандименову Землю, или Новый Валлисъ на кораблѣ, на которомъ съ нимъ обходились лучше, чѣмъ на купеческихъ судахъ съ пассажи-

ражи. Проживъ нѣсколько времени въ колоніи и обративъ на себя вниманіе своимъ хорошимъ поведеніемъ, онъ просилъ, чтобы его соединили съ женой и дѣтьми и ихъ всегда привозили на казенный счетъ. Если ему надобно служить, онъ прибѣгалъ къ другому средству. Онъ выписывалъ жену на свой собственный счетъ, то есть на счетъ денегъ, накраденныхъ въ соединенномъ королевствѣ Великобританіи и Ирландіи. Жена безъ труда получала позволеніе взять мужа къ себѣ въ слугителя, а это для него было все равно, что получить свободу. Въ этомъ чудовищномъ положеніи, мужъ служилъ у жены своей по назначенію начальства, и слѣдственно она могла его бить, заковывать въ кандалы и наказывать всякими другими манерами. «Вы, можете быть, воображаете себя, что мужъ, живя въ услуженіи у жены, непременно долженъ быть тихъ и покоренъ? Напротивъ! не разъ случалось, что мужья-служители, забывая свою зависимость, употребляли во зло супружескую власть, а жены-госпожи смирению имъ повиновались.»

Англійское правительство принуждено было въ прѣдѣнное время обременить судьбу ссыльныхъ, которые прежде занимали иногда важныя мѣста и жили знатными господами. Нынче уже не забываютъ, что людей отправляютъ въ ссылку, не для ихъ удовольствія, а въ наказаніе за преступленія, и что всякой ссыльный долженъ быть подвергнутъ матеріальному труду, къ какому онъ способенъ по лѣтамъ и другимъ обстоятельствамъ. Докторъ Wilson однако жъ не рѣшаетъ вопроса, содѣйствуетъ ли пребываніе въ колоніи исправленію преступниковъ? Основываясь на опытѣ, онъ, однакоже, говоритъ, что буйство и пороки, а не преступныя склонности, исправляются даже и посреди испорченнаго народонаселенія ссыльныхъ, живущихъ въ Австраліи.

Самая драматическая часть книги доктора Wilson'a есть, безъ сомнѣнія, то мѣсто, гдѣ онъ описываетъ крушеніе корабля «Governor Ready», на которомъ докторъ, проводя ссыльныхъ въ Австралію, возвращался въ Европу; не возможно безъ участія видѣть усилія Англійскаго экипажа и мужество, съ которымъ онъ проплылъ въ ненадежныхъ лодкахъ четыреста миль по бурному океану.

Корабль разбился о коралловыя банки; надобно было его покинуть; экипажъ разбѣлся въ три шлюпки; въ большой было девятнадцать человекъ, въ остальныхъ двухъ двадцать. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, они пристали къ необитаемому и бесплодному острову: тутъ они въ первый разъ послахъ своего несчастнаго приключенія, составили советъ и начали разсуждать о томъ что имъ дѣлать. «Мы собрались, говоритъ докторъ Wilson, послѣ обѣда, на которомъ у насъ была солонина, свѣжая свинина и устриць сколько угодно; такъ какъ мы нѣсколько дней были подвержены дѣйствию отвѣсныхъ лучей солнца, то надобно было раздать двойную порцію грогу. Наши матросы поразвеселились и, казалось, были восхищены эгиемъ угощеніемъ. Мы дождались того времени, когда солнечныя лучи, дѣлаясь горизонтальными, уже не производятъ нестерпимаго зноя; тогда мы, съ капитаномъ Юнгомъ и его офицерами, взобрались на самое возвышенное мѣсто острова, чтобы, посредствомъ Азимута компаса, снять сосѣдніе острова. Матросы приветствовали наше возвращеніе радостными криками; мы объявляли, что одна изъ нашихъ шлюпокъ, которая была еще ненадежнае другихъ, уже не течетъ и можетъ держаться на шорѣ. Офицеры совѣтовались между собою; одинъ изъ нихъ произнесъ къ матросамъ рѣчь и объявлялъ, что мы придумали для общаго спасенія. Мы не скрывали отъ экипажа, какія опасности ожидаютъ насъ на этомъ отважномъ плаваніи, и объявили, какія вѣтры предосторожности имъ надобно будетъ принять. Въ заключеніи своей рѣчи ораторъ хвалилъ матросовъ за ихъ доброе поведеніе и въ особенности настаивалъ на необходимости дисциплины.

«Мѣсто, гдѣ происходило наше совѣщаніе, было величественно и живописно; многочисленныя и блестящія огни, разложенныя матросами на берегу въ знакъ радости, совершенно освѣщали небольшую бухту, въ которой стояли наши жалкія шлюпки, готовыя поднять якорь, и разливали красноватый цвѣтъ на блѣдныя, закопченныя бурей лица нашихъ неустрашимыхъ моряковъ; но по временамъ отдаленный шумъ вѣтра, или гулъ вала, напоминалъ намъ о предстоящихъ опасностяхъ. Мѣсто, время, обстоятельства — все было торжественно и тѣ, которые простирала мысли свои за предѣлы на-

стоящаго, не могли иногда не призадуматься, хотя старались казаться веселыми. Место, гдѣ мы съ капитаномъ ночевали, превращено было изъ некоторыхъ изъ нашихъ товарищей въ прелестную бесѣдку; они воткнули зеленые вѣтанъ въ разщепленныя скалы, которая служила намъ убѣжищемъ; надъ нею развѣсали нашу національную флагъ, а вокругъ всего мѣста висѣли вѣстонами цвѣточныя гирлянды. Мы заснули съ этою улыбкою и покаялись кривикомъ сномъ до двухъ часовъ утра, когда надобно было встать, чтобы провѣстивши послѣднія наблюденія для опредѣленія долготы нашего острова.

«Какъ скоро показалось солнце, мы приготовились къ отплытію; передъ тѣмъ какъ садиться въ шлюпки, я, самъ показывая примѣръ, совѣтовалъ всемъ своимъ товарищамъ поплавать подолѣе въ водѣ для того, чтобы придать глбкость нашимъ членамъ, которые должны были долгое время оставаться почти въ совершенномъ покоѣ. Мы почли также нужнымъ снабдить желудки сытнымъ завтракомъ, которымъ позавтракали уже давно занимались.

«Потерявъ изъ виду островки, которые служили намъ убѣжищемъ, мы уже не замѣчали ни чего, чтобы хоть немножко разнообразило всегда одинаковое зрѣлище безбрежнаго океана. Дѣвъ ятицы слѣли на одну изъ нашихъ шлюпокъ, и тотчасъ были пойманы и съядены. Мы замѣтили также множество морскихъ змѣй, которые, казалось, за нами слѣдовали и блестящими своими чешуями, представляли по ночамъ прекраснѣйшее зрѣлище. Мы любовались, смотря, какъ ихъ блестящіе цвѣта рисовались на тѣни нашей шлюпки; кожа ихъ казалась то нидіювою, то индурною, то черною какъ гагаты; каждое изъ ихъ движеній оставляло по себѣ въ водѣ огненную полосу.

«Въ воскресеніе утро мы, по обыкновенію, помолились Богу; читали приличныя по обстоятельствамъ мѣста изъ Псалтыря и Священнаго писанія; я само собою разумѣется, что мы молились усердно. Жизнь всехъ насъ была въ большой опасности; море, небо и смерть, которая была у насъ передъ глазами, конечно, должны были внушить намъ идеи высокія и религіозныя. Три небольшія лодки, потеряныя посреди океана и наполненныя людьми, которые, предаваясь волѣ вѣтровъ и волнъ, возносили теплыя молитвы къ Творцу и

Повелителю моря и земли — коважно, составляли вреднее, истинно занимательное.

«Сначала шлюпки наши шли довольно хорошо вместе и, сколько можно, не теряли друг друга из виду; но скоро мы попали в либрирнть островкль и опасныхъ рнбозь. Люди, которые были въ самой малой шлюпкѣ, лишились мужества и умоляли насъ принять ихъ въ большую. Они шли прямо на насъ, какъ-будто съ тѣмъ, чтобы перескочить въ нашу шлюпку. Между тѣмъ ночь уже наступала и погода разгнривалась.

«Мы начали совѣтоваться, принять ли намъ людей въ малой шлюпки, которая была очень прочна и хорошо построена, между тѣмъ какъ у насъ, въ нашей слниконъ уже нагруженной шлюпкѣ, два человека безпрестанно принуждены были выкачивать воду. Нескоря на эти затрудненія, мы единогласно рѣшили, съ опасностью собственной жизни, принять нашихъ несчастныхъ товарищей, которые прелались ушыню и уже не въ состоянн были таин выпутаться изъ бѣды.

«Мы сообщили имъ наше рѣшеніе; но прежде нежели они перешли къ намъ, мы гочли нужнымъ бросить въ море боченокъ съ сѣтлею водло и разныя другія вещи: жертва весьма важная! Мы говорили имъ, чтобы они переходили въ нашу лодку не иначе какъ по одиначкѣ, чтобы не опрокинуть ея. Все они обѣщали; но, подойдя къ нашему борту, они все вдругъ перепрыгнули черезъ него. Къ счастью, мы предвидѣли это нелеритіе и сами все вдругъ бросились къ противоположному борту: это спасло насъ. Мы, разумеется, не осыпали гостей своихъ привѣтствіями и они, мрачные и безмольные, заняли мѣста, которыя мы имъ назначили для того, чтобы сохранить равновсіе. Покинутая шлюпка, легкая какъ птица, полетѣла по волнамъ и тотчасъ скрылась изъ виду, между тѣмъ, какъ наша шлюпка, подавленная новою тяжестью, повидимому, готова была погрузиться на дно океана. Къ довершенію нашего злополучія, ночь наступила, вѣтеръ началъ свѣжѣть и дулъ съ возрастающею силой и яростію; дождь пробивалъ насъ до костей; волны, огромныя какъ горы, обрушивались на насъ со вѣсѣхъ сторонъ.

«Тогда всѣ наши усилія обратилась къ тому, чтобы какъ можно искуснѣе управлять рудемъ; даже минутная оплошность могла погубить насъ. Мы правили кое-какъ къ острову Мельвида, хотъ и не смѣли надѣяться, что когда-нибудь достигнемъ до него. Неутомимою осторожностію мы счастливо избѣжали опасностей, которыя представляли намъ прибоя; но часовъ въ девять, ужасная волна, которой ревъ и теперь еще мы слышимся, вдругъ ударила въ бортъ и наполнила нашу лодку водою и цвѣною. Мы остолебели, чувствуя, что идемъ ко дну и вида, что намъ не останется никакого средства спасенія. Однако жъ потомъ, вида, что шлюпка еще держится на водѣ, мы принялись какъ можно проворнѣе откачивать и побросали въ море все, безъ чего по крайности могли обойтись.

«Этотъ неумолимый валъ разбилъ нашу компань, затушилъ фонарь, и мы не имѣли уже никакой возможности добыть огню. Несмотря на это, намъ кое-какъ удалось плыть прямо по ветру. Но едва только мы выкачали всю воду, какъ новый валъ снова насъ залилъ. Тутъ уже намъ не оставалось другаго средства, какъ спустить главный парусъ и итти водою большимъ фокелемъ; окончивъ этотъ опасный маневръ, мы придалась волѣ Всевышняго, который утишаетъ волны и усмирляетъ бурю.»

Мужество и безгоразуміе несчастныхъ плавателей было удивительно усилено. Черезъ нѣсколько дней шлюпка Governor Keedy бросилъ якорь въ гавани Англійскаго порта Новой Голландіи, а докторъ Wilson живъ и понынѣ. Опасности, которымъ онъ подвергся въ этихъ водахъ, ни сколько не отвратили его отъ пріятнаго занятія провѣщать въ Австралію, въ качествѣ главнаго надзирателя, негоднѣвъ, котораго Англія каждый годъ десятками и сотнями отправляетъ туда, чтобы распроотрывать между дикими и варварскими туземцами благотворную цивилизацію.

КЕНЦЕВА КАКУАМИЛЬПА ВЪ МЕКСИКѢ. Это пріхотливое, удивительное произведеніе природы находится близъ деревни Какуамильпа, въ ста двадцати верстахъ, на юго-востоку отъ Мехлика, въ долине Куарноака. Во время меж-

доусобій, бывшихъ въ 1832 году, одинъ житель Тетекалы укрывался въ горахъ; Индѣецъ свелъ его въ эту пещеру, гдѣ онъ и жилъ нѣсколько времени. Пораженный странно-стію этого мѣста, онъ разсказалъ о немъ одному просвѣщенному духовному; тотъ самъ посѣтилъ подземелья и сообщилъ о нихъ такія свѣдѣнія, что баронъ Стос, сынъ знаменитаго живописца и секретаря Французскаго посольства, захотѣлъ убѣдиться собственными глазами въ томъ, что эти чудеса действительно существуютъ. Въ началѣ января 1835 года онъ осматривалъ часть этого удивительнаго подземелья. Онъ вошелъ въ пещеру часу въ девятомъ утра, вышелъ отсюда въ одиннадцатомъ вечера и еще не дошелъ до конца. Баронъ Стос срисовалъ тамъ нѣсколько видовъ и то, что онъ разсказывалъ по возвращеніи въ Мексикку, убѣдило многихъ осматрѣть подземелье, о которомъ простые очерки подають такое высокое понятіе. Мѣстное правительство, желая, чтобы это чудо Мексикки, не оставалось въ безвѣстности, поручило комисіи произвестъ въ этой пещерѣ разысканія, снѣть планы и срисовать главныя виды.

Не легко описывать произведенія искусства такъ, чтобы передать читателю впечатлѣнія, которыми они производятъ; но еще труднѣе сообщить чувства, которыя возбуждаютъ произведенія природы. Искусство имѣетъ свои правила и границы; и каковы бы ни были красоты его, всегда найдутся предметы сравненія, посредствомъ которыхъ можно познакомиться съ нимъ читателя. Въ произведеніяхъ природы таково совсѣмъ другое; начиная съ кедра Оахискаго, во сто семнадцать футовъ въ окружности, до надменной вершинки Попокатепетля, разумъ теряется въ огромныхъ размахъ, которые одно только воображеніе и жеть постигнуть. Тотъ, кто, страстно любя живописную природу новаго свѣта, предпринялъ обзоръ великолѣпныхъ ея произведеній и хочетъ описать ихъ, находится между двумя, равно опасными крайностями. Долженъ ли онъ ослабить то, что едва достигаешь мыслию? Или разсказывать такъ какъ ему кажется, можетъ быть, подвергнуться обвиненію въ преувеличенію? Но если правда, что природа не имѣетъ другикъ границъ кромѣ безконечнаго; если удивленіе часто не находитъ словъ и одна только поэзія въ состояніи передать

нѣкоторыя картины; то какъ изобразить въ простомъ разсказѣ чуда Какуамильпскія?

Эта пещера долгое время была неизвѣстна и, кажется, что даже Испанцы ее не знали. Суевѣріе удаляло отъ нея Индѣйцевъ; они воображали себѣ, что злой духъ посвщаетъ эти мѣста въ видѣ козла и этого было уже для нихъ довольно, чтобы избѣгать приближенія къ пещерѣ Какуамильпской. Кажется, что въ древнія времена туземцы воздавали поклоненіе и этому гроту въ числѣ другихъ подземныхъ мѣстъ; это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что на одномъ возвышеніи противъ самой пещеры находится какое-то зданіе, сложенное изъ камней. Это срубленная пирамида, довольно широкая въ своемъ основаніи; бока ея, которые продолжаются по склону холма, придаютъ ей значительную высоту, особенно съ южной стороны; это, по всемъ признакамъ былъ *teocali*, безъ сомнѣнія, посвященный духу, который обитаетъ въ горахъ и извѣстенъ въ Азтекскомъ календарѣ подъ именемъ Тенебалоттли. Вообще можно почти навѣрное сказать, что эта постройка имѣла соотношеніе съ пещерою, о которой мы говоримъ.

Цѣпь горъ, въ которой она находится, мрачна и угрюма; видъ этой цѣпи казался бы даже ужаснымъ, если бы ровъ, проходящій по ней, не былъ оживленъ ручьемъ, который освѣняетъ деревьями и, падая каскадами, устремляется наконецъ въ пропасть, гдѣ воды его, покрытыя бѣлою пѣною, свививаются съ водами рѣки, которая съ шумомъ двумя потоками выбѣгаетъ изъ горы. Рѣка течетъ по узкой долинѣ между двумя стѣнами скалъ, въ разщелинахъ которыхъ гнѣздится могучая растительность, и составляетъ своимъ разнообразіемъ совершенно противоположность съ бесплодностію окрестныхъ мѣстъ. Деревья, лианы, кактусы, все здѣсь перемѣшивается; и свѣжій паръ, который поднимается надъ водопадами, кажется, оплодотворяетъ самыя скалы, откуда выходятъ деревья, которыя висятъ на огромныхъ высотахъ. Одно изъ нихъ Индѣйцы называютъ сорозъ; оно имѣетъ гладкіе блестящіе листья, золотистую кору, странныя формы, такъ что коносы можно сравнить только съ фантастическими деревьями Китайскихъ картинъ. Корни ихъ извиваются какъ змеи, потому дѣлаются тоньше и волнуются какъ ленты

сохраняя золотистый отблескъ коры; наконецъ, обвивъ скалы своими безчисленными изгибами, они, пройдя огромныя пространства, теряются въ глубины рывины. Берега рвки, по которой идешь нѣсколько времени въ вертѣ, обвѣнны густою зеленью; она разливаеъ чрезвычайно пріятную свѣжесть въ этихъ глубинахъ, едва достигаеъ для полуденнаго солнца. Вскорѣ встрѣчаеъ массы, отходящія отъ известковыхъ накипей горы. Перепрыгивая съ одного изъ этихъ камней на другой, достигаеъ наконецъ до водопада, въ которомъ соединяются оба истока рвки, — или лучше сказать оба потока, изъ которыхъ меньшій выбгаеъ изъ грота, а большій тоже вырывается изъ пещеры и бежитъ по огромнымъ порогамъ и подводнымъ камнямъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды ихъ, падая съ большой высоты, соединяются, видишь только одну пѣну, или тонкій паръ, который отливаетъ всеми цвѣтами радуги.

Но передъ нами еще новый хаосъ, и чѣмъ болѣе мы приближаеъ, тѣмъ удивительнѣе кажется намъ огромность камней; оторванныхъ отъ горы; но вдругъ мы выите передъ собою сводъ, поразительный величиною своего отверстія. Онъ описываетъ дугу, которая имѣетъ не мѣстѣ двухъ сотъ пятидесяти футовъ въ хордѣ, и почти двѣсти въ радиусѣ; известковыя осадки расположены какъ камни арки, построенной руками человѣческими; то есть, что они постепенно измѣняютъ свое положеніе, переходя отъ горизонтальной линіи къ вертикальной. Мы не могли надвинуться этому явленію, которое нельзя повидному объяснить иначе, какъ системою образованія горъ посредствомъ позннанія. Желаніе изслѣдовать внутренность этой пещеры заставляла насъ идти впередъ, пока наконецъ вода прекратила нашъ путь. Она вытекала изъ огромнаго подземелья, омывая лѣвую стѣну пещеры; потомъ вдругъ переходила поперекъ всего входа, образовала бассейнъ и оттуда уже текла далѣе; надобно было, съ большою опасностію, обойти этотъ бассейнъ по карнизу скалы. Такимъ образомъ мы достигли другаго берега рвки. Здѣсь она тихо течетъ по песчаному грунту, и потомъ терлется въ направленіи къ югозападу, проходя подъ гигантскими сводами. Мы не приготовились обозрѣвать эти подземелья; и очень жалѣли, что лишены

случая произвести исследование, которое помогло бы, может быть, решить вопросъ объ этихъ двухъ потокахъ, текущихъ такъ близко одинъ отъ другаго изъ подъ огромныхъ сводовъ, которые находятся подъ другими не менше удивительными пустотами. Индейцы утверждаютъ, что эти двѣ рѣки происходятъ отъ третьей, которая верстахъ въ тридцати отсюда уходитъ въ землю. Потому мы выбрались на верхнюю часть горы, гдѣ находится входъ большой пещеры. Опасная дорожка идетъ по узкой выдавшейся части на склоне скалы. По этой тропинкѣ доходимъ до площадки, гдѣ нѣсколько деревьевъ огибаютъ отверстіе бездны, въ которую нельзя безъ страха взглянуть, но которой внутренности не видно по причинѣ царствующей тамъ темноты. Однако жъ, приглядываясь, можно различить пространную и прекрасную залу. По обваламъ, идетъ крутая тропинка; несмотря на обломки скалы и сталактиты, которые останавливаютъ на каждомъ шагу, по этой тропинкѣ можно спуститься до ста десяти футовъ глубины.

«Наконецъ достигаешь почвы пещеры; но видя вправо кучи огромныхъ обломковъ камней, а надъ собою страшный обвалъ въ сводѣ, начинаешь уже проклинать свое безразсудное любопытство. Однако жъ, несмотря на страхъ, то же любопытство влечетъ далѣе; глядя вокругъ себя, невольно удивляешься огромности разрывовъ, которые представляются со всѣхъ сторонъ: у начала тропинки, они составляютъ 192 въ длину, 171 футъ въ наибольшей ширинѣ почти правильнаго овала и болѣе 150 футовъ въ высоту. Удивленіе еще увеличивается, когда взоръ, утомленный безжвѣрностію, въ которой онъ теряется, начинаетъ останавливаться на подробностяхъ. Известковый камень, образующій стѣны пещеры, расписанъ разноцвѣтными отгѣнками; массы сталактитовъ спускаются волнистыми гардынями, и своимъ блескомъ составляютъ совершенную противоположность съ темноцвѣтнымъ камнемъ; бѣлые сталактиты рисуются въ темномъ продолженіи пещеры, и своими страшными формами безпрестанно обманываютъ зрѣніе. Дѣйствіе нѣ истинно волшебное при свѣтѣ факеловъ, посреди ночной тишины! Здѣсь, подлѣ призрака въ алебастровомъ саванѣ, двѣ пальмы склоняются одна къ другой вершинами, какъ бы осыная

*

гробница. Тамъ висится до самаго свода огромный пиластръ, котораго основаніе омывается чистою и прозрачною водою. Далѣе тонкая и легкая колонна, одинокая, поднимается къ аркѣ изъ сталактитовъ; въ другомъ мѣстѣ высокая пальма далеко распространяетъ свои вѣтви, а подлѣ нея вы видите изображеніе козы съ длинною шерстью; надобно позгать, что эта именно коза и подала самымъ безвиннымъ образомъ поводъ къ погрью, будто злой духъ бродитъ по здѣшнымъ горамъ и пещерамъ въ непристойномъ видѣ козла. Сначала трусливость Индѣйцевъ охраняла это странное изображеніе отъ всякаго поврежденія; но въ последнее время они, какъ кажется, разхрабриваясь, потому что между первымъ и вторымъ нашимъ посещеніемъ этой пещеры, несчастной козѣ отбили голову.

Деньжъ летучихъ мышей здѣсь не видно, но въ сумерки онѣ являются въ такомъ множествѣ, что затмиваютъ воздухъ и распространяютъ песносный запахъ. Особенно утромъ, когда нетопыри возвращаются въ свои дневныя убожища, ихъ бываетъ такъ много, что они производятъ крыльями оглушительный шумъ. Но мужество человека, который рѣшится провести тутъ ночь, подвергается испытаніямъ поважнѣе этого; иногда вдали раздается шумъ, показывающій, что тамъ обрушился какой нибудь сводъ, или, просыпаясь, онъ видитъ, что почва пещеры покрыта камешками, которые обвалились сверху: только наклонность стѣны, у которой путешественники обыкновенно спятъ, можетъ защитить ихъ отъ этого дождя.

«Когда занимающійся день начинаетъ проглядывать сквозь отверстіе въ верху грота, неясный свѣтъ его разливается на всѣ предметы какую-то неопредѣленность, которая дѣлаетъ ихъ еще болѣе фантастическими. Чтобы провѣннуть въ глубь пещеры, путешественники вооружаются обыкновенно восковыми свѣчами и факелами, и найдя по компасу юго-западъ, пускаются въ этомъ направленіи въ пространства, повидимому безконечныя. По мѣрѣ того какъ приглядываешься, предметы начинаютъ являться яснѣе, и тогда замѣчаешь странныя ихъ формы. Идя подъ сводами, футовъ въ полтораста вышиною, ступаешь по почвѣ сырой и даже тинистой; потомъ вдругъ видишь влѣво откосъ съ

уступами какъ-будто въ искусствѣнномъ водопадѣ; известковый шпатель принимаетъ видъ замерзшей, желтоватой воды, которая блеститъ отъ кристаллическаго, вкрапленнаго песку. Далѣе, сталактиты возвышаются въ видѣ разной величины пней, покрытыхъ осадками, которые по своей узорчатой формѣ походятъ на окаменѣлый мохъ. Потомъ является въ тѣни огромный сталактитъ въ восемьдесятъ футовъ вышиною, украшенный странными вырѣзками и борщевиковыми листьями; въ другомъ мѣстѣ пирамидальная масса въ девяносто футовъ въ основаніи, возвышается до самаго свода и непрерывно разрастаясь по всѣмъ направленіямъ, со временемъ, вѣроятно, захватитъ всю эту залу, хотя ширина ея тутъ составляетъ не менѣе 198 футовъ. Множество другихъ осадочныхъ массъ различной формы и величины, простираются вправо и отдѣляютъ эту залу, въ 363 фута длиною, отъ слѣдующей.

«Въ некоторыхъ мѣстахъ довольно значительные обвалы начинаютъ уже преграждать дорогу: они, конечно, состоятъ изъ холмы, которые находятся далѣе. Мы видѣли груды каменныхъ обломковъ, которыя образовались, вѣроятно, отъ обрушенія одного или двухъ слоевъ, составляющихъ сводъ; эти груды покрыты большею частію цвѣтомъ, который осаждаютъ капли раствора; промежутки между камнями въ этихъ мѣстахъ совершенно наполнены этимъ осадкомъ, такъ что они составляютъ сплошную массу.»

«Два конуса, футовъ шести въ диаметрѣ, обратили на себя наше вниманіе; въ основаніяхъ ихъ были трещины, по которымъ мы узнали, что это сталактиты, которые отделились отъ свода.»

«Зала, гдѣ мы тогда находились, раздѣлена по ширинѣ своей рядомъ сталактитовъ, которые почти все имѣютъ пирамидальную форму; некоторые изъ нихъ рисовались въ тѣнѣ огромными зубцами, а другіе поднимали вершины свои до самаго потолка. Одна сторона ихъ представляетъ странное зрѣлище. Сталактитъ, выбиваясь изъ разщелины скалы, виситъ въ видѣ ледяныхъ сосулекъ, которыя образуются зимой изъ крышакъ. Блескъ этихъ кристалловъ и величина сталактита, который выходитъ изъ скалы порабомпическою линіею, составляетъ явчто, истинно поразительное.»

Далѣе изъ стѣны выступаютъ какъ бы готическіе балдахны и по краямъ ихъ алебастръ почти прозрачный, съ блестящими фасетками, образуетъ кружевные узоры, которые художники среднихъ вѣковъ такъ искусно вырѣзывали изъ камня.

«Мы бы не кончили, если бы вѣдухали нечислять всѣ любопытные предметы, разстѣянные по этой длинной залѣ, которая шарнивою, въ той сторонѣ, гдѣ мы шли, была постоянно отъ 90 до 105 футовъ. Направленіе ея не вездѣ одинаково; она оканчивается въ некотораго рода амфитеатрѣ, на верху котораго стоитъ пирамида въ 97 футовъ вышиною и въ 42 фута въ основаніи. Обойдя эту пирамиду, мы достигли до одного изъ прекраснѣйшихъ созданій, какія только можно найти въ недрахъ земли.

«Въ безпредѣльномъ пустомъ пространствѣ, въ которомъ свѣтъ факеловъ совершенно теряется, мы наконецъ различили какія-то массы, которыя своею близкою спорили съ мракомъ. Чѣмъ далѣе идешь, тѣмъ болѣе растутъ алебастровыя пирамиды; сначала нельзя разсмотрѣть вышины ни этихъ пирамидъ, ни свода; но при помощи ракетъ и Бенгальскихъ огней, мы убѣдились, что эти массы, похожія на пиластры, поддерживаютъ только арки, а не самый сводъ, котораго неизмѣримая дуга поразила насъ удивленіемъ и страхомъ. У подошвы конуса, который мы обогнули, входя въ эту пещеру, находится нѣсколько чашъ изъ шпата, который сіяетъ кристаллами; окружая громадную пирамиду, онѣ наставлены одна на другой; тѣ изъ нихъ, которыя стоятъ выше всѣхъ другихъ, походятъ на большія овалыя ванны; а въ прожежуткахъ между ними находятся другія небольшія чаши въ видѣ раковинъ, которыя становятся все меньше и меньше по мѣрѣ приближенія своего къ почвѣ. Ихъ прозрачность, близина, блескъ ихъ кристалловъ, выше всякаго описанія; не видавши ихъ, невозможно представить себѣ всей красоты этого зрѣлища.

«Съ трудомъ оторвались мы отъ этой волшебной группы и пошли далѣе. Мы видѣли въ этой залѣ сталактиты въ разныхъ степеняхъ образованія. Одни еще не вышли изъ земли, постепенно образуясь изъ известковаго камня, осаждаемаго каплями, которыя ровно, въ опредѣленное время, па-

даютъ со свода и наконецъ дѣлаютъ ихъ колоннами; другіе уже поднялись съ почвы и приобрѣли нѣкоторую плогуюсть и форму, такъ что естественныи спитатель можетъ уже изучать тутъ рожденіе и образованіе этихъ чудовищныхъ скопленій. Въ почвѣ видны небольшія углубленія, въ которыхъ лежатъ маленькія тѣла матоваго бѣлаго цвѣту, сферическіе или овоидальныя; внутренность ихъ состоитъ изъ весьма явственныхъ слоевъ, въ центрѣ которыхъ находится песокъ, мелкій, желтоватый и разсыпчатый; такіе камешки есть только въ углубленіяхъ, въ которыхъ они, по-видимому, образовались: по-крайней-мѣрѣ въ другія мѣстахъ залы мы нигдѣ ихъ не находили. Эти странныя скопленія походятъ на точеныя мраморныя шарикъ; только не такъ правильны. Великою они отъ горошины до голубиного яйца. Если ихъ распялить, то въ серединѣ видишь сыпучій песокъ, обведенный многими слоями различныхъ цвѣтовъ, которые отъ центра къ окружности переходятъ отъ землистаго, грязнаго цвѣту къ самому чистому, матовому бѣлому. Положеніе этихъ шариковъ не менѣ замѣчательно, какъ и ихъ образованіе. Почва залы, въ которой они валяются миллионами, какъ-будто наведена слоемъ известняка; но во многихъ мѣстахъ эта кора лопнула и въ кристаллическомъ паркете образовались неправильныя углубленія, которыя никогда не бывають болѣе двухъ футовъ въ окружности и только въ нѣсколько линий глубиною. Дно ихъ ровно и покрыто мелкимъ пескомъ, совершенно подобнымъ тому, который находится въ центрѣ шариковъ, наполняющихъ эти впадины. Они лежатъ тамъ плотно одинъ подлѣ другаго и образуютъ какъ бы одинъ слой, котораго вершина въ уровень съ почвою. Трудно понять, почему они не пристають ни другъ къ другу, ни къ песку, ни къ бокамъ углубленій. Нельзя асилье представить себѣ эти маленькія тѣла, какъ вспомнивъ орѣхи, которые кондитеры заливають сахаромъ, отбѣленымъ посредствомъ крахмалу. Тотъ же цвѣтъ, та же форма, почти та же величина.

«На краю этой залы находится рядъ обелисковъ различной величины, которые, какъ намъ показалось, составляютъ ея границу; эта зала длиною въ 312 футовъ, шириною въ 165; а высота ея, по расчету, основанному на полетъ нашихъ ракетъ, должна составлять по-крайней-мѣрѣ 200 футовъ.

«Выйдя из этой прекрасной залы, мы пустились къ стѣно-востоку; обвалы становились все чаще и больше; галлерей дѣлалась все уже и была не болѣе 90 футовъ шириною; направленіе ея безпрестанно измѣнялось. Ужасные обрывы, которые мы видели вправо, заставляли насъ слѣдовать по карнизу, который вдетъ все выше и выше по стѣвѣ и откуда намъ видно было пространство во 180 футовъ шириню. По мѣрѣ того какъ мы поднимались, тропинка становилась все шире и наконецъ сдѣлалась какъ бы балкономъ или хораша, въ которыхъ перья составляли сталактиты, соединенныя между собой стѣнкою изъ шпата; она шла потомъ въ глубинѣ подъ нашими ногами. Множество странныхъ колоннъ поддерживали сводъ. Однѣ были винтообразныя; другія походили на древесные стволы, покрытыя чужездными растеніями и на всѣхъ были какъ бы листы, тщательно вырѣзанные и мхи, чрезвычайно похожіе на настоящіе. Вдоль стѣнъ были въ разныхъ мѣстахъ углубленія, въ которыхъ небольшія колонны сіяли всѣмъ блескомъ кристалловъ, ограненныхъ подъ брилліантъ, какъ и всѣ прочіе сталактиты, которые насъ окружали.

«Дорожка, по которой мы шли, кончалась; внизу, гдѣ мы не пытались сойти, были пропасти. Надобно было воззраться по тому же пути, чтобы какинъ нибудь образомъ пробраться далѣе. Но тутъ уже были не частныя, не большіе обвалы: весь сводъ, повидямому осыпаясь и цѣлые слои известковаго камня лежали одинъ на другомъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Мы принуждены были съ трудомъ пробираться по угламъ и гребнямъ. Когда встрѣчалось ровное мѣсто, мы останавливались, чтобы отдохнуть и полюбоваться хаосомъ, который тоже имѣлъ свою красоту.

«Достигнувъ до конца обвала, мы вошли въ залу, въ которой лежитъ скелетъ собачки, совершенно приплюснутый; онъ поконтилъ на слою весьма мелкаго камня. Кости, сверху совершенно обнаженныя, находятся въ такомъ состояніи разложенія, что растираются между пальцами. Здѣсь мы дышали уже свободнѣе, и прохода это обширное пространство, могли осматривать все его подробности. Захватательнѣе всего здѣсь одинъ огромный сталактитъ у праваго боку. Начиная съ основанія, пятнадцать футовъ въ діаметрѣ, онъ

идеть все уменьшалась въ толщинѣ до пятидесяти футовъ въ высоту; и потомъ начинаеть сгибаться къ внутренности залы и оканчивается оvoidальною вершиною, которая, конечно, обрушилась бы, если бѣ только какая нибудь сила могла потрясти такую огромную массу. Эта зала, длиною въ 240, шириною во 180 футовъ, оканчивается амфитеатромъ изъ известкового шпату, со столбами изъ того же вещества, которые возвышаются до самаго свода. Къ сѣверо-западу идетъ большая галлерей во 144 фута шириною; она наполнена множествомъ свалъ, покрытыхъ большею частию слоемъ шпата, который въ водныхъ капляхъ просачивается изъ свода. Съ обихъ сторонъ у стѣнъ высоко поднимались насыпи изъ мелкаго песку, отчего идти было весьма трудно; но далее дорога дѣлается тверже и часто перерѣзывается возвышеніями почвы и скалами; здѣсь галлерей уже только въ 96 футовъ шириною. Вправо находится колонна, увѣнчанная высокими пирамидами и тоненькими столбиками, почему это мѣсто есть одно изъ самыхъ живописныхъ во всемъ подземельи. Но удивленіе еще увеличивается, когда между двумя обрывистыми скалами, вдругъ усматриваешь обширную перспективу. Тамъ толпится множество обелисковъ и надъ ихъ неровными массами возвышается огромная пирамида, которая по своей близости видна издали. Факелы и Бенгальскіе огни, разставленные въ разныхъ мѣстахъ, производятъ эффектъ удивительный, разливая вдаль красноватый свѣтъ, или бѣлый яркій блескъ, которые отражаются на разныхъ частяхъ этой картины.

Шумъ воды привлечь насъ къ свѣтлому и сѣвему ручейку, который вытекаетъ изъ-подъ одной скалы. Мы отдохнули и потомъ начали взбираться на холмъ. Вскарбакавшись до самой вершины, мы увидѣли, что по другой сторонѣ спуститься было невозможно и принуждены были идти далее по прежней дорогѣ, которая становилась все уже и уже. Въ одномъ мѣстѣ она вдругъ почти совсѣмъ преграждается стѣною, такъ что едва можно пройти. Выбравшись наконецъ изъ этого узкаго прохода, мы очутились не въ той залѣ, которую видѣли за холмомъ, а въ пустомъ пространствѣ болѣе вѣсѣхъ тѣхъ, которыя до тѣхъ поръ проходили; это пространство составляло 480 футовъ въ длину и 255 въ ширину. Тутъ было много замѣчательнаго. На возвышеніи въ 84 фута,

которое идетъ въ одной сторонѣ, есть въ некотораго рода колодезь очень глубокой, котораго края усыпаны мелкимъ пескомъ, такъ что подходить къ колодезю очень опасно; нѣтъ лежать огромные обломки, которые, повидимому, образовались отъ обрушенія потолка и части стѣны; въ концѣ залы возвышается другой холмъ въ 90 футовъ вышиною, на которомъ стоитъ пирамида во 160 футовъ въ высоту и такая огромная, что ее по справедливости можно назвать алебастровою горою; на высоту 250 футовъ, она упирается въ сводъ. Это обширное пространство, какъ-будто приглашало насъ продолжать изысканія; но товарищи мои рѣшили иначе: они съ трудомъ согласились войти въ галерею, гдѣ представлялись такія же трудности, какъ и въ другихъ. Правда, что ходьба по этимъ мѣстамъ становилась все утомительнѣе и опаснѣе; притомъ же стращаніе многихъ изъ насъ отъ дальнѣйшаго путешествія было еще увеличено неприятымъ случаемъ. Намъ попался подъ ноги человѣческой остовъ. Это отвратительное зрѣлище и ужасъ мѣста дѣлали еще живѣе мысль объ опасностяхъ, которыми мы уже подвергались и еще должны были подвергаться. Печальное зрѣлище окружало остатки несчастнаго, который нашелъ здѣсь такую жестокую смерть. Факелы разливали какой-то погребальный свѣтъ на окрестныя развалины; отблескъ ихъ сообщалъ мертвенную блѣдность нашимъ лицамъ, на которыхъ выражались неприятыя чувствованія; ужасъ былъ напечатлѣнъ во всѣхъ чертахъ и движеніяхъ Индѣйцевъ; все это придавало сценѣ нѣчто трагическое. Разсматривая эти кости, мы сдѣлали нѣсколько замѣчаній. Скелетъ лежалъ подпершись одной рукою и согнувъ ноги, какъ человекъ, который спитъ на боку, ясно, что смерть произошла не отъ паденія. Мы заключили, что этотъ несчастный, на черепъ котораго уже образовался небольшой слой кристалловъ, умеръ отъ голода и, вѣроятно, весьма давно; надобно полагать, что онъ заблудился въ этихъ мѣстахъ, чего съ нами случиться не могло, потому что у насъ были компасы и факелы. Мысль о мученіяхъ, которыя этотъ человекъ долженъ былъ терпѣть, возбуждала болѣе ужаса, чѣмъ жалости и товарищи мои тотчасъ бы воротились; но я рѣшился идти съ моими людьми впередъ и прочіе за мною послѣдовали.

«Дорога не могла уже быть хуже той, по которой мы шли и по направленію ея можно было думать, что она приведет насъ къ мѣстамъ, не столь загромажденнымъ. И дѣйствительно, мы скоро дошли до прекрасной залы, съ множествомъ красивыхъ сталагмитовъ и сталактитовъ. Мы еще не видѣли ничего подобнаго и перебирались черезъ обвалы, не надеясь найти что нибудь лучше этого, какъ вдругъ вниманіе наше было возбуждено новыми предметами. Проводники взобрались на возвышеніе, которое было вправо, и вошли такъ высоко, что факелы ихъ казались звѣздами, посрединѣ пара, который распространенъ на извѣстной высотѣ въ этихъ подземныхъ мѣстахъ. Сосредоточиваясь въ углубленія, которое находится вначалѣ свода, свѣтъ разливался красноватые отбѣнки на цѣлую стѣну залы; эта обширная пещера со своимъ амфитеатромъ изъ шпата, сіющаго кристаллическихъ пескомъ, показала намъ чудеснѣе всего что мы дотолѣ видѣли. Между-тѣмъ шумъ воды привлекъ насъ въ другую залу, окруженную сталактитами въ видѣ столбовъ; легкіе какъ колонны готическихъ стросній, они возвышались до самаго верху. Ручеекъ, вытекающій изъ свода, придавалъ этому мѣсту жизнь, которой не доставало всѣмъ другимъ великолѣпнымъ пещерамъ. Въ галлерей, по которой мы шли, за нѣсколькими обвалами, вдругъ открылась передъ нами сцена чрезвычайно живописная. Индійцы были спереди; факелы ихъ освѣщали холмъ, котораго скалы, нагроможденные одна на другую этажами, были увѣнчаны прекраснѣйшимъ портикомъ. На склонѣ холма было нѣсколько колоннъ, которыя на разныхъ высотахъ рисовались въ тѣни; одна изъ нихъ особенно удивила насъ своею легкою формою и вышиною почти въ сорокъ футовъ. Нѣкоторые изъ нихъ сломааны и верхняя часть лежитъ на землѣ, а между-тѣмъ въ самомъ изломѣ начинается новая тоненькая колонна, которая, со временемъ замѣнитъ оглобленную часть. Даже одинъ высокой сталагмитъ удивилъ насъ тѣмъ, что онъ совершенно походить на пальму: также по объѣмъ створамъ ствола, попеременно, основанія листовъ и потомъ маковка: точно будто окаменѣлое дерево.

«Все должно было поощрять насъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ; но какъ одинъ изъ членовъ комиссіи непремѣнно

хотѣть идти назадъ, то и другой почелъ свое порученіе оконченныиъ. Мы принуждены были согласиться съ большинствомъ и прервать обзоръ этой безконечной подземной эпопеи, которая своею огромностію и чудесами, превосходитъ все, что до-сихъ-поръ извѣстно въ этотъ родъ.»

МЕКСИКАНСКІЯ РЕВОЛЮЦІИ. Если Мексика такъ хороша подл землей, какова же она должна быть на землѣ! Ксохальнио, взглянувъ на нынѣшнее положеніе Мексики, надобно признаться, что этотъ народъ не достоинъ жить не только такіа великобѣдными пещеры, но даже порядочный колодезь. Жалко видѣть состояніе, до котораго демократическое сумасбродство довело прекраснѣйшую часть Новаго Свѣта. Еще недавно Мексика была страна богатая, цвѣтущая, а теперь, по милости либераловъ, представляетъ зрѣлище нищеты и опустошенія. Послушаемъ Г. Chevalier, который былъ тамъ въ 1835 году.

«Я живу въ Мексикѣ только еще два мѣсяца, а при мнѣ было уже здѣсь пять революцій, или по-крайней-мѣрѣ пять попытокъ произвести революцію. Возмущенія сдѣлались здѣсь вещью самою обыкновенною, привычною. Мало по малу составила теорія мятежей и никто изъ желающихъ произвести возстаніе не осмѣлится ступить отъ принятыхъ обыкновеній. Это точно какъ правила благородной игры триктрака или реценсы «Опытнаго кухмистера». Образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ очень простъ и, надобно правду сказать, весьма человеколюбивъ: въ Мексикѣ революція походитъ на театральное сраженіе. Первое дѣйствіе всякой порядочно составленной революціи называется пропосіаменто, «объявленіе». Генералъ или даже какой-нибудь поручикъ *объявляетъ себѣ* противъ существующаго правительства, противъ какого-нибудь постановленія, или противъ чего бы то ни было. Онъ склоняетъ на свою сторону чело-вѣкъ десятковъ солдатъ, иногда роту, или даже цѣлый полкъ, что можетъ сдѣлать всякой, кому угодно принять на себя этотъ трудъ. Второе дѣйствіе называется гrito «крикъ»; мятежники излагаютъ въ двухъ или трехъ статьяхъ причины и цель революціи. Если предметъ возстанія довольно важенъ, то «крикъ» принимаетъ названіе «плана». Въ тре-

тѣмъ дѣйствию мятежники и приверженцы правительства сходятся, заараваютъ, пробуютъ другъ друга, испытываютъ свои силы. Въ четвертомъ окончательно приступаютъ къ бою; но искусство производить революціи усовершенствовано здѣсь до такой степени, что дерутся всегда издали, савытъ вѣжнымъ и бѣжливымъ образомъ. Однако жъ всегда бываетъ побѣдитель и побѣжденный. Побѣжденный *разбавляетъ себя*, побѣдатель идетъ на Мексико. Въ пятomъ дѣйствиіи, побѣдитель, кто бы онъ ни былъ, торжественно вступаетъ въ столицу, а побѣжденный, со вѣтми военными почестями, садится на корабль въ Санта-Крусъ или Тампико.

«Первый мятежъ, который я здѣсь впавлъ, былъ произведенъ аршейскимъ поручикомъ. Онъ стоялъ со своими солдатами близъ деревни Аканулько, на берегу Южнаго моря. Безпокойному поручику вздумалось *объявить себя* протнѣвъ иностранцевъ и требовать, чтобы они были высланы изъ республики; но онъ собралъ весьма немного солдатъ; его окружили превосходными силами: онъ *разбавилъ себя*, и просилъ помилоганія, навнялся тѣмъ, что послушался дурныхъ совѣтовъ и притомъ взбунтовался въ нетрезвомъ видѣ.

«Во второмъ мятежѣ главными дѣйствующими лицами были два сержанта. Еще не бывало примѣра, чтобы унтеръ-офицеры принимались за это дѣло, но зная по опыту своихъ начальниковъ, что тутъ нѣтъ никакой опасности, они *объявили себя* въ пользу одного общаго правительства для всей республики, то есть, протнѣвъ системы союзныхъ областей, которую, правду сказать, очень не кстати перенесли изъ Соединенныхъ Штатовъ въ южную Америку. «Планъ» ихъ, -- господа унтеръ-офицеры рѣшились произвести свою революцію по вѣтмъ правиламъ искусства, -- планъ ихъ состоялъ въ томъ, чтобы президентъ республики, генералъ Санта-Аня, былъ провозглашенъ диктаторомъ. Они овладѣли замкомъ Санъ-Хуанъ-д'Уальвоа. Это Вера-Крусская цитадель, самая дорогая постройка, какую только Испанцы оставили въ Новомъ Свѣтѣ: гозорять, что она стоила двѣсти милліоновъ. Они посадили коменданта подъ арестъ, атаковали городъ и овладѣли обоими фортами: Санъ-Яго и Консепціонъ; потомъ подступили къ казармамъ, но войска ихъ отбили и на-

тежники принуждены были ретироваться въ крѣпость. Тутъ они принялись бросать въ городъ ядрами; но ихъ «крикъ» нашелъ мало отголосковъ въ республикѣ, не потому, чтобы тамъ были привязаны къ федеральной системѣ, но потому что перевороты ужасно надоели важнѣйшимъ классамъ народа. Президентъ, который былъ тогда на дачѣ своей не далеко отъ Вера-Круса, прискакалъ въ городъ, чтобы разогнать этихъ мятежниковъ. Они объявили ему, что призвѣютъ власть его только тогда, когда онъ провозгласитъ себя диктаторомъ. Между тѣмъ одинъ изъ этихъ унтеръ-офицеровъ, Бланко, былъ убитъ при атакѣ казенной гоелетты; одинъ матросъ, настоящій театральнй предатель, вкрался въ доверенность мятежниковъ, и когда дѣло дошло до драки, онъ разрубилъ своему сообщнику голову. Черезъ нѣсколько дней Пенафлоръ, второй и послѣднй изъ бунтовавшихъ сержантовъ, объявилъ, что онъ *разобъявляетъ себя*, и тѣмъ дѣло кончилось. Теперь Пенафлоръ ждетъ производства въ капитаны.

«Замокъ Санъ-Хуанъ-д'Ульмоа былъ мѣстомъ дѣйствія и третьей революціи; но она была тотчасъ утушена. Четвертая казалась сначала важнѣе прочихъ. Мексиканскій конгрессъ, въ которомъ господствуетъ партія приверженцевъ общаго правительства для всей республики, стараясь, чтобы планъ централизаціи, который друзья президента давно уже замыслиютъ и котораго впрочемъ требуетъ благо Мексики, не встрѣтилъ сопротивленія, приказалъ обезоружить мѣстныхъ милиціи. Штатъ Сакатскась, который стоитъ за федерализмъ, *закричалъ* противъ этого закона; но мятежники были въ 1835 году разбиты президентомъ, а прежняя конституція была замѣнена другою, которая основана на правилахъ единства правленія. Пятая и послѣдняя революція, которой я былъ свидѣтелемъ, произведена генераломъ Альваресомъ, командиромъ корпуса, расположеннаго на Югѣ, въ окрестностяхъ Акапулько; онъ *закричалъ*, чтобы генерала Санта-Аню повѣсить какъ изменника. Огираясь отсюда въ Вера-Крусъ, я увѣренъ, что дорогою услышу еще о какомъ нибудь возмущеніи; но это нѣсколько не удивитъ меня, точно также какъ и сѣкихъ Мексиканцевъ.

«Вотъ каково нынѣшнее состояніе Мексики, гдѣ, во вре-

мена Испанцевъ, царствовало глубочайшее спокойствіе. Таково состояніе большей части южной Америкы. Въ 1817 и 1818 годахъ во Франціи были въ большой модѣ календари, подъ названіемъ: «По побѣдѣ на день!» Бывшія Испанскія колоніи могли бы доставить богатыя матеріалы для календаря въ томъ же родѣ, подъ заглавіемъ: «По революціи на день!» А вмѣстѣ съ тишиною исчезла и общественная безопасность, и благоденствіе.

«Конечно, случается, что дилжансъ, идущій изъ Мексико въ Вера-Крусъ, иногда и не ограбятъ; но это бываетъ очень рѣдко. Conducta, или транспорта съ казенными піастрами, нельзя отправить иначе, какъ подъ прикрытіемъ цѣлаго полка. Путешественники, которые не въ состояніи заплатить за конвой, ѣздятъ не иначе, какъ вооруженные съ головы до ногъ и притомъ небольшими караванами. Мѣстами стоятъ у дороги кресты, окруженные камнями, которые пабрасываютъ путешественники, въ знакъ сожалѣнія; эти кресты означаютъ мѣста, гдѣ какой нибудь прохожій, и чаще всего иностранецъ, палъ подъ ударами разбойниковъ.

«Въ окрестностяхъ самыхъ многолюдныхъ городовъ ходятъ шайки грабителей, да и въ самыхъ городахъ, даже въ столицѣ очень не безопасно. Рѣдко случается, что по воскресеньямъ грабятъ людей, которые выходятъ гулять за городъ, и подобно замѣтить, что это происходитъ въ какой нибудь мѣстѣ отъ Мексико и притомъ на равнинѣ, совершенно открытой. Англійскій повѣренный въ дѣлахъ былъ Jassado, «удавленъ арканомъ» въ полдень, на гульбищѣ Аламеда. Вечеромъ, когда сонъ еще сию, въ Мексико не безопасно, не только на улицѣ, но даже и дома, несмотря на множество ночныхъ сторожей, zepelos, несмотря на то, что по угламъ улицъ стоятъ конные караульные, и что послѣ осьми часовъ строго запрещено ѣздить верхомъ для того, чтобы упогребленіе аркана было невозможно. Если вы, часовъ въ восемь или девять вечера, придете къ пріятелю, привратникъ не отворитъ тяжелой двери, окованной желѣзомъ, или бронзою, пока не подвергнетъ васъ допросу, какъ-будто при спускѣ подлежащаго моста въ какой нибудь крѣпости. Люди, заслуживающіе полную довѣренность, говорили мнѣ, что въ теченіе года,

въ Мексико поднимають на улицахъ не менше девяти сотъ мертвыхъ тѣлъ.

«Всѣ богачи разорены: на Аламеда уже не видно болѣе экипажей, которые лѣтъ тридцать назадъ, тянулись бываю цѣлыми рядами. Средній классъ не укореняется; въ немъ больше жизненности какъ въ классѣ прежнихъ графовъ и маркизовъ, которыхъ переименовали въ граждане. Народъ, то есть Индейцы, продолжаютъ носить ярмо, ходить въ ломотьяхъ, кормятся бананами, *tertillis*, блинами изъ маиса, и чиле, и коснутся въ невѣжество.

«Земледѣліе въ совершенномъ упадкѣ. Не только никто не пользуется разрѣшеніемъ сажать виноградъ и маслны, но даже плодородныя земли, которыя во времена Испанцевъ были обработаны, нынче лежать впустъ. Въ нѣсколькихъ льѣ отъ Мексико, есть большія деревни, почти опустѣлы. Въ этомъ превосходномъ климатѣ, земля почти не питаетъ нужды въ другомъ удобреніи кромѣ воды; но се такъ мало; многія гидравлическія работы, на которыя Испанцы потратили большіе капиталы, обветшали и разрушились. Земли, которыя при существованіи этихъ резервуаровъ и каналовъ, были самыми плодородными въ мірѣ, теперь сдѣлались совершенно безплодными.

«Рудники производятъ уже гораздо меньше прежняго. До войны за независимость они приносили до ста двадцати милліоновъ; въ концѣ войны, этотъ доходъ понизился до шестидесяти милліоновъ; а теперь, несмотря на огромныя пожертвованія, сдѣланныя Англійскими компаніями, рудники приносятъ не болѣе девяноста милліоновъ. Да и какъ заниматься разработываніемъ рудниковъ, жертвовать капиталами на предварительныя работы, которыхъ требуетъ подобное предпріятіе, когда рудники лежатъ въ такой странѣ, гдѣ безъ огромнаго конвоя невозможно перевезти изъ мѣста въ другое куски серебра. Между рудникомъ Реаль дель Монте и деревнею Тесесока, я протязалъ черезъ ущелье, гдѣ было настоящее сраженіе между рудокопами и разбойниками. Подавленные многочисленностію непріятеля, рудокопы были разбиты, но дорого продали жизнь свою. Нынче во всѣхъ рудникахъ есть пушки и картечи и Англійскіе работники дѣлають ежедневно ученье съ пальбою. Горная школа, *Mineria*,

которой одно зданіе стоило болѣе трехъ милліоновъ, находится нынче въ самомъ жалкомъ положеніи, хотя тамъ еще преподаетъ учевый Андре дель Рио. Въ этой школѣ нѣтъ никакихъ ученыхъ пособій. Есть обширная лабораторія, но въ ней недостаетъ приборовъ, необходимыхъ для произведенія самаго простаго опыта. Минеральная коллекція дурно распределена и очень неполна; бібліотека и собраніе моделей и машинъ въ большомъ беспорядкѣ. Школа терпитъ ту же участь, какъ и государственное казначейство: она нѣсколько разъ была ограблена и даже самое зданіе готово обрушиться, какъ и сама Мексиканская республика.

«Надобно было помогать, что какъ скоро торговля стала свободною и Европейцы получили возможность селиться въ Мексикѣ, тамъ тотчасъ заведутся усовершенствованныя фабрики, потому что плата за трудъ въ этой странѣ очень не высока, работякъ покоренъ и перемчивъ въ высочайшей степени, почва производить хлопчатую бумагу, Испанцы развели множество тонкошерстныхъ овецъ и шелководство было бы чрезвычайно легко и удобно. Къ несчастію, Мексиканцы, и богатые и бѣдные, совершенно неспособны къ предпріятіямъ; а Европейцы не осмѣливаются заводить фабрики, потому что въ каждомъ собраніи конгресса иностранцамъ грозятъ изгнаніемъ изъ республики. Притомъ развитіе тотчасъ возбуждало бы зависть туземцевъ: для Мексиканца ничего не можетъ быть веселѣе какъ видѣть, что Англичанинъ или съверный Американецъ, подлѣ него обогащается, если бы даже этотъ иностранецъ достигалъ успѣха неутомимыми трудами и долговременнымъ постоянствомъ, и еслибы онъ доставлялъ Мексикѣ новыя элементы обогащенія. Англичанинъ или Американецъ, котораго заведенія поражали бы взоры туземцевъ, непремѣнно былъ бы ограбленъ или даже убитъ при первомъ возстаніи черни, воспитанной въ ненависти къ иностранцамъ. Это дѣло бывало: многіе магазины и фабрики Европейцевъ были уже разграблены и разрушены.

Торговля также мало процѣтаетъ, какъ и фабрики. Прежде было много важныхъ торговыхъ домовъ, все спавскаихъ. Они исчезли, когда конгрессъ изгналъ всѣхъ Испанцевъ. Вывсто этихъ домовъ, Мексиканцы не завели новыхъ. Изъ

всѣхъ Европейцевъ наживаются здѣсь только ремесленники, которые занимаются ручною работою, какъ нагрингъ обошники, портные, сапожники, сѣдельники, прачки, бѣлошвейки. Торговые обычаи въ Мексикѣ, точно также какъ и въ самой Испаніи, отстали цѣлымъ вкусомъ отъ общихъ Европейскихъ. Заемныхъ писемъ тамъ совсѣмъ не знаютъ и не имѣютъ понятія о долговыхъ обязательствахъ, которые могутъ быть продаваемы. Финансовое устройство совершенно варварское. Нѣтъ ничего похожаго на банкъ. Ходячіе проценты ужасны. Даже хорошіе дома занимаютъ по полутора и по два съ половиною процента въ мѣсяцъ, смотря по тому, слабе или сильнѣе дуетъ вѣтеръ революцій. Вексельный курсъ между Мексикою и Вера-Крусомъ въ двадцать разъ выше чѣмъ между Лондономъ и Парижемъ.

Публичные памятники обваливаются: все ветшаетъ, а исправленій никакихъ и никогда не дѣлаютъ. Если бы мы видѣли, въ какомъ положеніи теперь Вера-Крусскій портъ, который былъ прежде посѣщаемъ гальонами и что сталося съ тамошней молотъ! Во всей Мексикѣ нѣтъ ни одной порядочной дороги. Превосходное шоссе, которое можетъ быть сравнено съ знаменитыми шоссе черезъ Сен-Поль и Монь-Сени, если только не великозвучите этихъ, устроено Вера-Крусскими купцами для соединенія береговъ моря съ возвышенною частію долины; оно идетъ на высоту почти въ десять тысячъ футовъ; но вытпшее состояніе этого шоссе показываетъ иностранцу, до какой степени простирается нерадннѣ Мексиканскаго правительства объ общественной пользѣ. Во время войны за независимость оно съ нахреніемъ было во многихъ мѣстахъ испорчено; а къ 1-му января 1835, Мексиканцы не положили ни одного камешка, не насыпали ни одной колѣн, не срубили ни одного изъ большихъ деревьевъ, которые, полъ вліаніемъ тропическаго солнца и за отсутствіемъ путешественниковъ и транспортвъ, выросли посреди дороги. Въ высшей части долины сообщеніе было бы весьма легко устроить, потому что почва равна и базальтовыхъ камней, превосходныхъ для насыпки дорогъ, очень много. Но даже и тамъ, гдѣ есть проходимыя дороги, Мексиканцы ими не пользуются. Они еще болѣе другихъ отраслей Испанской породы, питаютъ непостижимое предпочтеніе къ

перевозки посредствомъ вьючнаго скота. Городъ Мексико окруженъ широкими и гладкими дорогами; но вы не увидите на нихъ ни одной повозки: вся тяжести перевозятся на мулахъ, на ослахъ или на Индѣйцахъ. Ряды шедущихъ ословъ перетаскиваютъ на себя въ кудечкахъ, немного побольше кулака, уголь, употребляемый въ городскихъ кухняхъ.

«Испанцы дурные механики. Увѣщанія и условія иностранцевъ, досель не могли вывести Мексиканцевъ изъ колен, проложенной имъ предками или предвѣстниками. Ремесленные инструменты тамъ удивительно дурны. Напримеръ даже тачка у нихъ совершенно неизвѣстна. Купцы вынуждены двѣ тачки для перевозки товаровъ въ таможенъ: онѣ остаются безъ употребленія. Земляная работа производится слѣдующимъ образомъ: работникъ кладетъ нѣсколько пригоршней земли въ корзинку, ставитъ ее себѣ на голову и уноситъ. Въ рудникахъ, Англійскіе директоры, ни просьбами, ни угрозами не могли добиться, чтобы подчиненные имъ Мексиканцы выкачивали воду обыкновенными въ Европѣ насосами и вытаскивали руду въ приемникъ поудобнѣе связанной узлами воловьей кожи

Первоначальное обученіе осталось въ томъ же самомъ видѣ, какъ было во время Испанцевъ. Ничего даже меньше школы чѣмъ прежде, потому что монаховъ, которые ихъ содержали, уже не столько. Высшее образованіе еще ничтожное. При Испанцахъ здѣсь было училище искусствъ, получавшее большіе доходы; нынче его уже нѣтъ. Есть какое-то заведеніе, которое называютъ музеумомъ; но въ немъ вы не найдете ничего интереснаго, кромѣ собранія портретовъ вице-королей, начиная съ Корреса и немногихъ атекскихъ рукописей. Нѣсколько лѣтъ назадъ положено было учредить политехническую школу; но къ исполненію этого постановленія и не приступали. Спеціальной школы нѣтъ ни одной, даже для образованія офицеровъ, хотя правительство, повидимому, обращаетъ большое вниманіе на военную часть. Нѣтъ также никакого заведенія, которое бы заслуживало названіе училища правъ или медицины; само собою разумѣется, что школы промышленныя и коммерческія совершенно неизвѣстны. Однимъ словомъ, въ отношеніи къ юрэдкѣ, благосостоянію, улучшеніямъ и просвѣщенію,

освобожденіе Мексики изъ подъ-власти Испаніи привнесло первой изъ этихъ странъ только вредъ и вредъ огромный. И вотъ плоды революцій!»

ВОДОВОРОТЬ МЕЛЬСТРОМЪ. Этотъ знаменитый морской водоворотъ лежитъ у береговъ Норвегіи, подъ 67° 40' сѣверной широты, между островами Веррепъ и Москенъ. Мы представляемъ разсказъ объ немъ одного Англійскаго моряка, хотя это происшествіе, можетъ-быть, извѣстно многимъ читателямъ одного медкаго журнала.

«Одно происшествіе въ моей морской жизни дѣйствительно похоже на чудо. Я былъ поглощенъ пучавою океана и остался живъ; вышелъ изъ бездны, которая никогда еще не отпускала своей добычи. Я помню все подробности этого ужаснаго дня, и постараюсь дать понятіе, какимъ образомъ Мельстромъ притагиваетъ судно, что происходитъ тогда на палубѣ, и какъ совершается это кораблекрушеніе посреди тишины, эта гибель безъ тмы и безъ бури.

— Сегодня пятница, капитанъ худо дѣлаетъ, что свисаетъ съ якоря! сказалъ шкиперъ на Шотландскомъ шлюпѣ «Молодая Сусанна», смотря на небо.

Осеннее солнце бросало блѣдые лучи въ Норвежское море; они освѣщали, но не грѣли, и не оживляли природу. Молодая Шотландка стояла подлѣ, опираясь на плечо стараго отца своего, котораго одежда показывала бѣдность, а видъ и убѣжденные годами волосы внушали уваженіе. Старикъ этотъ былъ Мекъ-Ридъ (Mac-Read), священникъ пресвитеріанской церкви. Неподалеку отъ нихъ, старшая дочь его, Елена, сидѣла въ связкѣ снастей, и слушала разсказы служителя Дональда, Шотландца, преданнаго всею душою этому семейству. Шкиперъ продолжалъ, обращаясь къ Мекъ-Риду:

— Да, да; пятница. Плохо! Посмотрите какъ и люди работаютъ: точно черепахи. Будетъ же проку!

— Какъ! вскричала старшая дѣвушка вставая: развѣ мы такъ суевѣрны!

— На берегу, сударыня, для меня будь хоть семь пятницъ въ недѣль, не велика бѣда. Но когда приходится прыгать по связкамъ волчанъ и ломаться со всякою погодою, а не провъ отъ почитанія пятницы.

— Шкиперъ! закричала капитанъ: гдѣ эта каналья Кеибель?

— Онъ спитъ. Кембель боленъ.

— Боленъ! Вотъ новость! Мнѣ не надо больныхъ.

— Лекаръ говоритъ, что у него лихорадка. А что, капитанъ, вѣдь у него и въ эту ночь были видѣнія?

— Нелегкой бы взялъ и Кембеля и его видѣнія, закричалъ капитанъ на весь корабль: навязалась же на меня эта дрянь! Только съ ума сводитъ людей своимъ видѣніемъ!

— Капитанъ! осмѣлюсь доложить: весь экипажъ, да и я тоже, намѣрены просить васъ объ одной, то есть, милости, которую, какъ надѣмся.....

— Что такое? Какой милости?

— Экипажъ проситъ, чтобы вы снялись съ якоря завтра. Сегодня пятница. Молодая Сусанна никогда не выступала въ пятницу.

Капитанъ, не дослушавъ, обернулся спиною къ шкиперу, началъ браниться, и такъ разсерчалъ, что все смолкли и поблѣднѣли. Между-тѣмъ судно медленно снималось съ якоря; матросы врачно поглядывали другъ на друга. Наконецъ вступили подъ паруса. Уныніе воцарилось на палубѣ. Капитанъ прохаживался сложа руки за спину, и искалъ случая къ кому-нибудь придраться. Духовядецъ Кембель, котораго заставляя выйти на палубу, работалъ ворча про себя, и вдругъ затянулъ какую-то пѣсню, похожую на завываніе вѣтру въ пустомъ домѣ; пѣсню, которую Шотландскіе горцы поютъ на похоронахъ. Служитель Дональдъ неволью приподнялъ голову и тотчасъ узналъ похоронную пѣснь. Елена изъяснила удивленіе, а маленькая Спрайтля залилась слезами. Мысль о смерти в отечествѣ игноренно въ нихъ пробудилась.

Какъ бы то ни было, худое предзнаменованіе скоро начало сбываться. Вѣтеръ сдѣлался противный, море взволновалось, и ночью настала настоящая буря. Люди работали медленно и непроизвольно. Суевѣріе и какое-то предчувствіе овладѣло дѣльмъ экипажемъ. Судно трещало отъ ярости волнъ, которыя били въ него какъ таранъ въ стѣну. «Молодая Сусанна», нмъ кривое сложеніе, отлично выдерживала ихъ удары, но путь, который она держала, былъ совершенно противоположенъ настоящему. Палубу и весь корпусъ обдавало пѣною. Вода въ большомъ количествѣ вливалась въ трюмъ; всю ночь

выкачивали ее помпами, чтобъ судно не погрузилось въ море: но какое ужъ то было судно! Одна мачта исчезла, другую мы срубили сами. Одинъ только остовъ «Сусанны» носился по пучинѣ, которая угрожала поглотить и эти остатки судна, еще недавно столь чистаго, крѣпкаго, легкаго, быстраго. Въ этомъ гробовищѣ, подбрасываемомъ бурей, заключалась горсть людей, которые безъ бодрости исполняли должность свою только по привычкѣ.

— Батюшка, есть-ли еще кака-надежда? произнесъ нѣжненькой голосокъ.

— Будемъ молиться, милый дѣти, сказалъ священникъ со слезами на глазахъ.

Молитвы, произносимыя слабымъ голосомъ почтеннаго старика, шелестъ листовъ Библии въ рукахъ его, слова молодыхъ двушекъ, блѣдныхъ, прекрасныхъ, вся эта сцена, освещаемая лампою, останется всегда въ моей памяти!

Смерть зѣла на небѣ и въ безднѣ. Гибель грозила судну. Капитанъ попивалъ грогъ, не для того чтобъ придать себѣ бодрости, но чтобъ вселить въ себя надежду на спасеніе. Изнуренные матросы все-еще работали, и судно подъ одними парусомъ продолжало свой невѣрный путь.

— Ну что жъ, Дональдъ, сказалъ капитанъ: ты видишь, что мы вѣдъ опасности. Вѣтеръ утихъ, погода прекрасная! Твой духовидецъ Кембель — сумасшедшій человекъ. Мы будемъ живы, хоть я пошелъ въ пятницу.

— Насъ однако жъ ужасно поломало, отвѣчалъ Дональдъ.

Кембель прошелъ мимо вхъ, тихонько напѣвая свою плачевную симфонію.

— Къ завтраку, ребята! закричалъ капитанъ: по стакану грогу за труды! Ура!

Накто не отвѣчалъ на этотъ призывъ; ни на одномъ лицѣ слѣды ужаса не изгладились.

— Намъ скорѣе нужны мачты, чѣмъ завтракъ, пробормоталъ одинъ матросъ.

Утренній туманъ, исчезая мало-по-малу, открылъ на горизонтѣ группу живописныхъ островковъ. Гибельный океанъ утишился, поверхность воды даже не рябля; но среди этой тишины послышался вдали какой-то шумъ, неопредѣленный, какъ-бы похожій на жужжаніе роя пчелъ. Весь экипажъ бро-

сидя на палубу; всё притаили дыханіе. Капитанъ стоялъ неподвижный у люка. Шквперъ, облокотясь на бортъ, устремилъ вдаль взоры, и горестно прислушивался. Помощникъ его поднималъ руку, чтобъ отдать приказаніе, и остался, какъ окаменѣлый, въ этомъ положеніи. Черезъ двѣ три минуты общаго молчанія, оцѣпенія, все взглянули другъ на друга; поняли; отгадали. Это былъ Мельстромъ.

— Мельстромъ!

Это роковое слово, разъ двадцать повторенное на палубѣ, сѣгнулось опять общимъ молчаніемъ.

— Что это такое, Мельстромъ? спросила простодушно молоденькая Спрайтля.

Кембель опять зѣтнулъ свою похоронную пѣсню, но одинъ матросъ, съ обнаженною грудью, который только что выпилъ стаканъ грогу, отвѣчалъ: — Это, сударыня, смерть!

— Ребята! закричалъ пронзительнымъ голосомъ капитанъ: къ работѣ! Новую мачту, новый парусъ! Живѣй! живѣй!

Сдѣлалась суматоха. Судно тихоенько шло по гладкой равнинѣ; солнце сіяло; экипажъ трудился съ неизмерною дѣятельностью. Одинъ только духовидецъ не хотѣлъ ничего дѣлать.

Черезъ часъ успѣли поставить родъ мачты и поднять парусъ, но все было тщетно: парусъ не наполнялся, и только полоскалъ или ложился на мачту. Бѣда! Шлюпка пропала во время шторма. Утесы Лофоденскіе уже показывались; уже шумъ Мельстрова слышался довольно рѣзко. «Молодая Сусанна» съ каждою минутою приближалась къ чудовищу, которое радовалось случаю поглотить ее. Глаза всехъ устремлены были на мачту и парусъ. Но мачта не гнулась, парусъ не надувался. Какъ описать видъ этихъ людей, ихъ молчаніе, ихъ неподвижность, отчаяніе молодыхъ дѣвушекъ, скорбь отца! Мекъ-Ридъ молился въ слухъ. Дѣвушки стояли на кобеляхъ.

— А я зналъ это! вскричалъ духовидецъ.

— Что ты зналъ?

— Вотъ Лофоденскія скалы. Я видѣлъ ихъ, и узнаю: онѣ были вправѣ, какъ эти. Сонъ никогда не обманываетъ меня. Охъ, пятница! злополучный день!..... Проклятый капитанъ!

— Проклятый капитанъ! раздалось на палубѣ.

Съ этими словами толпа неистовыхъ матросовъ бросилась на капитана и, несмотря на его сопротивление, швырнула въ море. Вѣрная собака несчастнаго капитана тотча кинулась за нимъ въ воду, ухватила его за платье и старалась притащить къ судну; но вскорѣ волны ихъ поглотили.

Послѣ этого злодѣянiя, некому было управлять судномъ. Всѣ разбрелись. «Молодая Сусанна» шла къ гибели, шкиперъ сѣлъ на уцѣлѣвшую часть сломавшейся мачты, и неподвижно смотрѣлъ впередъ, ожидая кораблекрушенiя. Прочiе молились, плясали, или принимались за грогъ и водку. Наконецъ отважнѣйшiе съ крикомъ бросились въ воду: остальные, взявшись за руки, составили кружокъ и вертѣлись какъ изступленные. Неистовый ихъ хохотъ повременамъ смѣнялся дикимъ воплемъ. Они падали на палубу и лежали неподвижно какъ въ припадкѣ бѣшенства; потомъ вскакивали, ломали руки, хватали что ни попадало, и швыряли въ воду. Палуба похожа была на адскую пещеру: а между-тѣмъ солнце такъ ласково освѣщало и судно и волны и зелентющiйся островъ Москень! «Молодая Сусанна» стрѣлою летѣла по пути своему къ могилѣ, во внутренность бездны.

— Виль! вскричалъ шкиперу его помощникъ: я беру тебя въ свидѣтели, я не былъ участникомъ въ преступленiи противъ капитана.

Шкиперъ молча усмѣхнулся. Помощникъ его забылъ, что для правосудiя небеснаго свидѣтели ненужны.

— Ты молчишь, бѣдный Виль! Долго ли намъ жить осталось?

— Ты, братъ, видио, храбрѣ этихъ пласуновъ. Молчи, и пойдемъ убратъ нарусь. Надо бросить якорь, и причалить какъ-можно тише къ тому свѣту. Томъ! храбрый умираетъ безмолвно. Прости, братъ; намъ жить недолго; минутъ пять, не болѣе.

— Виль, посмотри, каковъ я сейчасъ буду подъ ветромъ! Прощай, кумъ!..... Но эти бѣдныя дѣвочки..... право, сердце за нихъ раздирается!

— Молчать! Отправляйся къ чорту!

Притяженiе водоворота становилось чувствительнымъ. Иные съ пѣсней, другiе съ воплемъ, побросались въ воду.

На палубѣ остались только немногіе. На высотахъ Геллесдена видѣлись группы мужчинъ и женщинъ: они глядѣли на несчастное судно, увлекаемое къ гибели, но не могли оказать ни какой помощи.

— Старикъ обнялъ дочерей своихъ и, смотря на небо, произнесъ едва внятные слова. Бѣлая какъ снѣгъ птица, поднявшись съ холмовъ Амбарема, пронеслась надъ палубою. Счастливица! она могла здѣсь жить; намъ суждено было умереть. Съ завистью смотрѣли мы на ея свободу.

Въ это время услышали мы страшный громъ, выходящій изъ середины водоворота, и насъ поразили рѣвъ и вой какого-то чудовища, которое какъ-бы боролось со смертью. Въ самомъ дѣлѣ, огромный китъ, притянутый Мельстромомъ, тщетно сопротивлялся его насти. Тщетно этотъ морской великанъ ударялъ хвостомъ въ волны, которыя вихремъ вертелись. Ноздри его выбрасывали фонтаны кипучей воды. Чудовище было поглощено и исчезло.

Къ такой же участи стремился и мы. Прелестный день, безоблачное небо, блестящая поверхность воды, были такъ противоположны близкой смерти и неизбежному кораблекрушенію, что одинъ юнга, который плакалъ все это время, приболдрился и, подошедши къ шкиперу, сказалъ:

— Ну, вѣтъ, быть не можетъ! Посмотрите, какъ море тихо. Гдѣ же тутъ опасность? Вы выдумали дѣтскую сказку, чтобъ пугать меня.

Шкиперъ улыбнулся.

— По мѣстамъ! продолжалъ юнга.

— По мѣстамъ! повторялъ старый матросъ съ насмѣшкою. Черезъ три минуты отъ Сусанны не останется и трехъ досокъ, чтобъ сколотить вамъ гробъ.

— Пускай все вы безнадежны; а я надѣюсь, что спасеся.

— Приготовься, дитя, повидаться съ дномъ морскимъ! Проглотишь два три ведра горькой воды, и поминай какъ звали. Судно начинаетъ дрожать: видишь, вода вертится?..... Хочешь ли посмотреть, какъ долженъ умирать морякъ? Стой возлѣ меня, и ни слова!

Дѣйствительно, притяженіе Мельстрома уже приметно увеличивало нашу скорость. Волны кругомъ насъ, закипѣ-

ли и начали бросать Сусанну вправо и влево. Какое было мучение этих несчастных людей! Наша «Сусанна», вступая в пучину, казалась существомъ одушевленнымъ, но бессмысленнымъ. Подобно пушечному ядру, она летѣла, падала, подымалась, кружилась, опять подымалась и падала. Матросы цепляются за снасти. Дональдъ опрокидывается въ пучину. Раздается вопль отчаянія. Шкиперъ машетъ шляпою надъ головою. Сусанна вертится, какъ детский волчокъ. Больше ничего не помню. Память этого крушенія нейдетъ у меня далѣе той минуты, когда корма, вынырнувъ изъ волнъ, опять вертикально воткнулась въ волну и канула въ воду. Я очутился нагой и окровавленный на каменистомъ берегу Геггсена. Подлѣ меня, на песку, лежали выброшенные моремъ обломки «молодой Сусанны». Сохранивъ остатки силъ, кое-какъ дотащился я до рыбацкихъ хижинокъ. Рыбаки не помнили, чтобы Мельстромъ когда-либо давалъ пощаду тому, кто однажды пошалъ въ его бездонное горло. *И. Н.*

ИСТОРИЯ НЫНѢШНЯГО МУЖСКАГО КОСТЮМА. Такъ какъ все мы, грѣшныя, одеваемся по-Англійски, то есть, ходимъ въ проклятыхъ черныхъ фракахъ, то, право, не худо бы намъ изслѣдовать, какими судьбами, какими губительными шагами, Англія дошла до этого безвкуснаго изобрѣтенія. Незадолго еще до Людовика XIV вся Европа отъ Эбро до Вислы носила прекрасный Испанскій костюмъ, который придаетъ такую прелесть фанъ-Дайковымъ портретамъ. Когда вся Европа начала брать за образецъ пышный, изящный дворъ Людовика XIV, Карлъ II, получавшій отъ него пенсіонъ, принялся подражать его двору, и Французскія моды нахлынули на Англію и разошлись по всей другимъ странамъ. На головахъ всехъ честныхъ людей появлялись не совсѣмъ пристойныя украшенія, — волнистыя парики со своими башнями изъ фальшивыхъ волосъ. Надобно было приподнять поля Испанской шляпы, понизить ея тулью, и постепенно перейти къ нѣтъшему изобрѣтенію — шляпѣ трехугольной. Въ 1659 году, Holme, описываетъ модный костюмъ слѣдующимъ образомъ: *juste-au-cors* съ короткою талією, исподнее платье въ видѣ юбки, которой под-

кладка длиннѣе чѣмъ верхъ и завязывается вокругъ колынь; на поясъ галуны; сверхъ пяхъ выставляется рубашка. Въ концѣ царствованія Карла II рождается *галстухъ*; *juste-au-courps*, отецъ сюртука, спускается почти до колынь. Въ спискахъ королевскаго гардероба являюся уже слова *фракъ*, *жилетъ*, *штаны*. Вы видите какъ уже, и въ то время, люди были далеко отъ живописнаго костюма фанъ-Дайковыхъ портретовъ. Чулки вскорѣ поднялись выше колынь; *juste-au-courps* расплапнулся, сохранивъ свои длинныя фалды и такимъ образомъ породилъ нашъ нынѣшній фракъ. Парики однако жъ все еще господствовали, и современные сатирики разсказываютъ, что тогдашніе франты причесывали свои парики при встѣхъ, какъ нынче военные закручиваютъ усы. Вступленіе Вильгельма Оранскаго на Англійскій престолъ нисколько не измѣнило костюма; только кружева исчезли, маншеты укоротились, полы шлпъ изогнулись на разные нелѣпыя манеры, ихъ начали вслѣсски вырѣзывать, украшать лентами, нашивать галунами. Въ *Addison*'овомъ «*Spectator*» одна дама жалуется, что часто не узнаетъ своего любовника, потому что онъ непрерывно переначиваетъ свой гаркъ и загибаетъ новыя углы на шляпѣ.

Георгъ I и Королева Авна сохраняли этотъ костюмъ, который, однако жъ, вслѣдъ время упрощивался. Жилетъ спустился до чулокъ, которые вполнѣ покрывали штаны и привязывались подвязками подъ колынями. Обшлага на рукавахъ расширились и образовали родъ боченка; ихъ украшали лентами и галунами; изъ-подъ нихъ выставлялись кружевные маншеты. Чтобы отвороты и фалды фраковъ крѣпче держались, ихъ подшивали проволокою; башмаки вслѣдственно возвышались на красныхъ каблукахъ и приняли четверугольную форму; чулки носили синіе или алаго цвѣту; большая коллекція париковъ, для охоты, для верховой езды, угреннихъ, вечернихъ, составляли библіотеку джентльмена, соответствуя другой не менѣе полной коллекціи треугольныхъ шляпъ всѣхъ возможныхъ видовъ и фасоновъ. Въ это же время царствовали и косы съ кошельками, которые употреблялись даже и при военныхъ мундирахъ. Я зналъ, говоритъ *Roger Coverley*, одного нѣжнаго джентльмена, который былъ весь покрытъ басонами и галунами, восплъ на-

ленькія пуговицы, маленькіе сапоги и скоріе бы согласился отдать вамъ помозину своего помѣстья, чѣмъ надѣть шляпу при дамѣ.

Въ 180 номерѣ газеты Tatler 1709 года, танцевальный учитель мистеръ Типту объявляетъ, что онъ будетъ присылать за своими учениками карету и даже готовъ перевозить въ той же каретѣ парики и красныя каблуки, если только первые не выше трехъ футовъ, а вторые четырехъ дюймовъ. Въ описи вещей одного умершаго фрейта, показано: двѣ пары вышитаго платья, лорнетъ, трость съ литарнымъ набалдачникомъ, три пары красныхъ шелковыхъ чулокъ, двѣнадцать паръ башмаковъ съ красными каблуками, три разношерстныхъ опашала, локонь волосъ, шелковая подвязка и одинъ шиллингъ.

Наконецъ въ Англіи водворилось спокойствіе, и прихоти моды заступили мѣсто кровавыхъ прихотей междоусобной войны. Современный денди былъ человекъ важный и занятый: онъ вѣчно ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ бы произвести переворотъ въ модахъ. Портный, снявъ ирку, всегда спрашивалъ: «Прикажете сшить вамъ платье просто, или вамъ удобно произвести переворотъ? — Безъ хвастовства сказать, говорилъ Вильямъ Спритлей, образецъ современныхъ фрейтовъ, я въ свою жизнь произвелъ много переворотовъ: нѣтъ свѣтъ обязанъ узорчатыми пуговицами, четверугольными лапканами, галстухомъ съ большимъ бантомъ, и даже враги мои должны сознаться, что я много содѣйствовалъ введенію шелковыхъ чулокъ съ серебряными стрѣлками. Какъ скоро мое изобрѣтеніе не входитъ въ моду, я повторяю его съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, и тогда уже набѣрное достигаю своей цѣли.»

Въ началѣ царствованія Георга III Германскіе мудрецы изобрѣли огромныя шляпы, Kagenhütter, съ незамѣримыми полями. Измѣненія въ формѣ шляпъ волновали въ то время все умы. Однѣ изъ нихъ походили на вѣсы, другія на углы, острые какъ рыло гончей собаки, третьи принимали форму колокольни. Въ 1754 франты вылялись на скачкахъ въ синемъ фракѣ съ металлическими пуговицами, въ кожаномъ поясѣ, въ сапогахъ съ отворотами, въ темнорыжемъ парикѣ. Шляпа à la pigeonais производила всеобщій энтузіазмъ: она

была чрезвычайно мала и поля прикрѣплялись къ тульѣ за-
стежками; передній уголь, поддерживаемый проволокою,
имѣлъ видъ жолоба. Въ 1775 году начали обшивать шляпы
галунами, что придавало мужчинамъ видъ воинственный.

Французская революція низложила трехугольную шляпу.
Какимъ образомъ произведенъ былъ этотъ великій перево-
ротъ — никто не въ состояніи сказать. Одинъ изъ современ-
ныхъ писателей съ непритворнымъ прискорбіемъ оплаки-
ваетъ погибель трехугольной шляпы, которая была столь
полезна для всадниковъ, потому что защищала ихъ и отъ
дождя и отъ вѣтра. Въствѣ съ XVIII вѣкомъ и трехугольны-
ми шляпами канули въ вѣчность и парики.

Съ 1780 по 1800 годъ царемъ моды былъ принцъ Валлій-
скій, впоследствии Георгъ IV; огромные его доходы не по-
крывали и четверти его издержекъ. Истощивъ все чудеса
роскоши, онъ, два раза въ двѣнадцать лѣтъ, принужденъ
былъ продавать своихъ лошадей, серебро, брилліанты и
даже прекрасный свой фазтонъ, въ которомъ онъ самъ, съ
карликомъ форрейторомъ, правилъ шестью лошадьми. Онъ
чрезвычайно занимался своимъ туалетомъ и до послѣдней
минуты своей жизни былъ ревностнымъ, неутомимымъ за-
щитникомъ пудры. Въ 1789 носили огромные жабо, сапоги
съ кисточками, а петли обшивали тесьмами; лосиные пан-
талоны дѣлались въ обтяжку и обыкновенно, два лакея впи-
хивали въ нихъ своего господина. Въ одной фарсѣ *Foota*,
франтъ говоритъ своему портному, который принесъ ему
панталоны: «Если они влѣзутъ, я не беру ихъ.» Эта шутка
повторена была въ одномъ Французскомъ фарсѣ.

Сапоги à la hessoise уступили мѣсто короткимъ сапогамъ,
которые доходили только до половинны поги и не встребили
лосиныхъ панталонъ. Въ трудное время войнъ съ Наполео-
номъ, когда были установлены пошлыны съ доходовъ и дру-
гіе тяжкіе налоги, которые всякаго принуждали думать о
бережливости, фракы и жилеты жалостнымъ образомъ укро-
тились; зато сапоги съ отворотами безпрестанно выроста-
ли; отвороты были сначала цвѣту краснаго дерева, но знамени-
тый *Vignette* довелъ ихъ постепенно до блѣдножелтаго. Съ
1800 по 1814 годъ установился мало-по-малу покрой вышши-
ныхъ жалкихъ фраконъ и сюртуковъ; между-тѣмъ рядомъ съ

черными фраками являлись и цѣтные, и тѣмъ веселѣе были пѣть, тѣмъ лучше. Лордъ Scarborough и Г. Brandling ходили даже иногда во фракахъ перлового цвѣту. Штуклеты, доходящіе до колѣнъ, замѣнили на некоторое время сапоги съ отворотами, и штаны перестали являться даже на большихъ балахъ.

Въ это время появились казацкіе шаравары и брюки à la Wellington; эти нововведенія быстро распространились во всей Европѣ. Еще во время революціонныхъ войнъ, новархическая Европа, гнушалась безнравственностію Французскаго общества, начала подражать Англійскимъ модамъ, и черный фракъ овладѣлъ почти всею Европѣскимъ материкомъ. Но въ 1814 году Англійскія моды рѣшительно сдѣлались всецѣльными и тогда появились денди, которые сдѣлакомъ двадцать лѣтъ властвовали надъ мужскимъ костюмомъ и только вышче начинаютъ переходиться.

Помните ли вы тогдашнихъ франтовъ, которые одѣвались самымъ страннымъ, самымъ безпокойнымъ образомъ, какой только можно придумать. Круглая, крошечная шляпа, которая только въ тихую погоду могла кое-какъ удерживаться на вершинѣ завитыхъ и вчесанныхъ волосъ; фракъ корсткой, узкой, тѣсный какъ латы; воротникъ низкій, приплюснутый, открывавъ во всей его обширности огромный въкрамеленный галстухъ, изъ котораго выставлялись уголки рубашки; талія фракка вырѣзывалась на половинѣ груди, а сзади вмѣсто честныхъ и пристойныхъ фалды, висѣлъ длинный, узкій хвостъ, какъ у трески; этого мало: мужественные франты подбивали фракъ на груди ватой и носили стальные корсеты. Одѣвались такимъ изящнымъ образомъ, денди рѣшительно не могъ поворотиться; повернуть голову нельзя; галстухъ и воротники обдеруть уши; итти скоро и не думай: заложнись. Одна дѣва сказала фешенеблю: «Слѣдте же подѣтнени. — Извините, миледи, отвѣчала несчастный, мое платье такъ сдѣлано, что съѣтъ ииъ нельзя.»

Ширина тогдашнихъ брюкъ казалась злою насмѣшкою надъ щедушностію фракка: они спускались только до половины ноги и изъ-подъ нихъ выглядывали сапоги à la Wellington до того узкіе, что многіе франты ставили ноги въ холодную воду передъ тѣмъ, какъ надѣвать сапоги; высокіе

каблуки съ подковками и звонкими шиорами, довершали этотъ живописный костюмъ; тогда нельзя было одѣться скорее какъ въ два три часа, чтобы погомъ цѣлый день терпѣть адскую, но модную муку.

Царствованіе денди-мучениковъ вскорѣ замѣнилось другимъ. Фалды начали носить широкія, волосы короткіе; широкіе и покойныя фраки снова начали входить въ моду и брюки вытянулись дотою, что стали покрывать не только щеколотку, но и часть плюсны. Сапоги съ отворотами совершенно исчезли и франты стали аваться утромъ не иначе какъ въ охотничьихъ однобортныхъ фракахъ; ноги стали покрываться брюками свѣтлыхъ, яркихъ цвѣтовъ, съ широкими, разноцвѣтными полосами. Бѣлый галстухъ сдѣлался рѣдкостью: мѣсто его заняли сначала узорныя матеріи, а потомъ кисея синяя, зеленая и красная. Поргные, скрѣпя сердце, стали шить брюки тиковыя и изъ пестрѣлаго холста.

Но портвме цародъ хитрый: чтобы уронить эти истинно Голландскіе брюки, они стали дѣлать на нихъ множество складокъ, и карманы съ боковъ. Начали шить брюки узкіе, безъ кармановъ — изобрѣтеніе весьма замысловатое въ безденежное время. Съ тѣхъ поръ появлялся на нѣсколько мѣсяцевъ брюки клѣтчатыя на Шотландскій манеръ. Теперь мужской костюмъ дотою упростился, что человекъ въ черномъ фракѣ, застегнутомъ доверху, въ черномъ галстухѣ, въ черныхъ брюкахъ и въ сапогахъ à la Wellington, можетъ идти за джентльмена и не подлежить ни малѣйшей критикѣ.

Вѣчная память породѣ денди! Нынче уже никому не позволяется отличатся странностію своей одѣжды. Въ послѣдніе шесть лѣтъ, только три или четыре героя моды пользовались въ Англии славою, которая нынче не достается въ удѣлъ никому. Скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ. Г. Wall отличался своимъ чистымъ вкусомъ и изысканною простотою своего костюма. Онъ скрывалъ свою роскошь и только знатоки могли догадаться какъ дорого обходится ему эта простота. Въ его одѣждѣ было только два цвѣта: бѣлый и черныи, но онъ умѣлъ придавать имъ цѣну искусныхъ расположеніемъ. Онъ ввелъ въ употребленіе черныя атласныя галстухи съ большимъ бантомъ, который возвышаетъ костюмъ, не отличающійся ни цвѣтаки, ни украшеніями. Онъ

одинъ ушлъ, не нарушая прѣличія, носить бѣлый жилетъ утромъ. Въ Англіи и теперь еще помять его коляску техно-шеколаднаго цвѣту, его бѣлую четверку и его грумомъ въ коричневыхъ ливреяхъ. Г. Ball, во всей своей слазѣ, самъ правилъ лошадами и оставался джентльменомъ даже и на кучерскихъ козлахъ.

Г. Heine процвѣталъ въ одно время съ Г. Ball'em; онъ далеко отставалъ отъ него въ чистотѣ вкуса, но затмевалъ всѣхъ своихъ соперниковъ роскошью. Г. Heine долго блуждалъ въ Парижѣ, а теперь скрывается въ Брюсселѣ улаживая свою славу. При вступленіи своемъ на поприще, онъ былъ молодъ, хорощъ, богатъ: объ немъ много говорили въ журналахъ; водный свѣтъ долго не забудетъ объ его туалетномъ столикѣ, который стоилъ ему полторы тысячи фунтовъ стерлинговъ и о томъ, что весной 1825 года онъ носилъ фракъ яблочнаго цвѣту, а осенью того же года, цвѣту *feuille morte*.

Г. Long-Wellesley, воспитанникъ Ball'евой школы, захватилъ черный фракъ синимъ и *первый началъ загибать рукава рубашки на рукава фрака*. За нимъ былъ только одинъ порокъ: онъ тѣдилъ верхомъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, — уродливостя, которая возбуждала живѣйшее господаніе знаменитаго *Brummell'*а.

Мотылекъ-денди, мистеръ Vaily, который нынче скрывается посреди устрицъ, въ Остендѣ, имѣлъ честь ввести въ моду и долъ поддерживалъ цвѣта свѣтлыя и яркіе; онъ изобрѣлъ наковше брѣкки, выдумалъ пестрые жилеты и почтилъ своимъ одобреніемъ галстухи черныя съ краснымъ и фракъ яхонтоваго цвѣту. Мы сами имѣли честь видѣть, какъ онъ стоялъ на балконѣ Лондонскаго опернаго театра, сложивъ руки на бархатномъ, лиловомъ жилетѣ съ серебрянымъ шнѣемъ; волосы его лежали длинными пучками по плечамъ и ноги красовались въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ, удивительной тонныи и прозрачности.

Но когда наступилъ день суда, когда всѣ пружины этой пышности обнаружались, когда защитники неоспоримыхъ правъ людей, которые поставили ему сукно, батистъ, дуканъ и помяду, которые шили ему платье и обувь, заговорили въ судѣ, — тогда открылись тайны немощныи: уму чело-

вѣческому непостижимо, какое огромное количество сукна и батиста извелъ Г. Vaily въ короткое время своего царствованія! Судьи затрепетали отъ ужаса и посадили его въ тюрьму.

Несправедливо было бы не упомянуть о лордахъ Rapelagh, Chesterfield, Castlereagh, которые въ свое время заслужили почетное мѣсто въ летописяхъ моды, а нынче, болѣе участи Г. Vaily, осудили себя на простоту и ужвѣрность. Въ наше время, замѣчательнѣйшій въ этомъ отношеніи чело-вѣкъ, изящнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ франтовъ, есть, безспорно, графъ Dorset; въ Парижѣ долго не забудутъ его строй четверки и его чернаго бархатнаго платья. У него нтъ учителя; онъ не принадлежитъ ни къ какой школѣ, и, частыми переидами цвѣту и покрою своего платья, хочетъ, кажется, привести въ отчаяніе всѣхъ своихъ подражателей. Если бы мы хотѣли выразить однимъ словомъ его систему, мы бы назвали ее *школою belle jambe*. У него первое правило — выставить формы тѣла въ самомъ выгодномъ для нихъ видѣ. Но, признаемся откровенно, мы бы не рѣшились носить его фраки съ непостижимо длинными фалдами и распахнутые до того, что видны даже плечи и грудь остается безъ защиты.

Надобно признаться, что нынче чрезвычайно трудно было бы определить моду: лучше сказать, она совсѣмъ не существуетъ. Несчастные портные, видя, что владычество ихъ кончается, стараются возвысить нынѣшній костюмъ, пришивая атласъ или бархатъ къ отворотамъ фрака, или спуска вводя въ моду дорогія узорчатая пуговицы. Тщетныя усилія! Франковство приняло другое направленіе: одинъ щеголяетъ бѣльемъ, другой обращаетъ вниманіе только на галстухъ, третій хочетъ славиться камнями и богатыми перстнями. Впрочемъ, въ Англіи еще есть нѣсколько послѣдователей древней школы: напирѣтъ старый Джонъ Ward, патріархъ лисей травли, ѣздитъ верхомъ въ сапогахъ съ отворотами и носитъ кружевные маншеты, когда никто кроме его не осмѣлится выставить другихъ маншеть кроме полотняныхъ. Впрочемъ, въ числѣ охотниковъ есть чело-вѣкъ, вполне достойный уваженія, — лордъ Jersey, за которымъ слѣдуетъ толпа усердныхъ и почтительныхъ подражателей;

шляпы и сапоги его таковы, что критикъ нельзя сказать ни слова. Если не ошибемся, модный свѣтъ обязанъ этому благородному лорду — обязанъ изобрѣтеніемъ брюкъ, которыя дѣлаются въ обтяжку на колънахъ.

Но, увы, въ наше время, когда все моды схожи между собою, когда все роды смѣшиваются, когда простота неудержимо проникаетъ въ высшіе классы общества, можно ли составить себѣ хоть немножко прочную репутацію такими слабыми, ничтожными отгѣнками? Какъ прикажете распознать по костюму камердинера отъ его господина? Нерѣдко случается, что первый одѣтъ лучше послѣдшаго. При нынѣшнемъ расгѣвѣн умовъ, мы дожили до того, что вѣстіе люди, которые считаются джентльменами, не красясь говорятъ, будто бы «порядочному челоѣвѣку позволительно ходить въ изношенномъ платьѣ»!! Еще недавно, въ оперномъ театрѣ одинъ изъ этихъ франтовъ подходитъ къ другому и говоритъ: «Позвольте спросить, не вы ли идѣте буфетчикъ?» — «А я хотѣлъ спросить, не вы ли?» Остерога, о погос!

ФОРКЕНШТЕЙНЪ, ЗАМОКЪ КНЯЗЕЙ ЭСТЕРГАЗИ. Премудрества и богатства фамиліи князей Эстергази превосходятъ все идеи, какія только можно составить себѣ о знатномъ баринѣ. Вообразите себѣ челоѣвѣка, у котораго шесть сотъ тысячъ *подданныхъ*, тридцать два замка или княжества, свои крѣпости, свое войско, арсеналы, наполненные ружьями и пушками; который имѣетъ священное обычаемъ право угощать своего государя всякой разъ, какъ тотъ въѣзжаетъ на земли князя, и вступать въ предмѣстіе Вѣны съ отрядомъ своихъ солдатъ и съ распущеннымъ своимъ знаменемъ. Въ отношеніи къ нравственному могуществу князей Эстергази, надобно сказать, что одни только Радзивиллы были некогда столь же могущественны, то есть, имѣли столько же долговъ; что не мѣшало имъ быть чрезвычайно богатыми. У послѣдняго изъ умершихъ Эстергази, князя Николая, было сорокъ пять милліоновъ долгу и, — что немножко объясняетъ эти сорокъ пять милліоновъ, — было сорокъ семь любовницъ. Каждой изъ нихъ онъ давалъ карету со своимъ гербомъ и потомъ производилъ пенсію. Нынѣшній

князь, Павелъ Эстергази, выплачиваетъ отцовскіе долги и весьма хорошо управляетъ своимъ имѣніемъ: онъ занялъ двадцать пять миліоновъ рублей; и облигаціи этого займа ходятъ по Вѣнской биржѣ какъ обыкновенныя государственныя фонды и покупаются съ премією. Кажется, это знатные господа! А между тѣмъ, по старшинству рода, фамилія Эстергази занимаетъ при Вѣнскомъ дворѣ только двадцатое мѣсто.

Посмотримъ теперь Форкештейнъ, одинъ изъ замковъ князя Эстергази.

Отправляясь въ Форкештейнъ, посетите сначала Эйзенштадтъ, другой замокъ князей Эстергази. Эйзенштадтъ не очень удивитъ васъ, хотя увидите тамъ баталіонъ княжеской стражи и залу, гдѣ князь, принимая наследство, даетъ пиръ на семь сотъ человекъ. Эйзенштадтъ впрочемъ не что иное какъ великолѣпный увеселительный замокъ съ Англійскимъ паркомъ и прекрасными оранжереями; а съ деньгами и Англійскій живописецъ могъ бы имѣть все это, за исключеніемъ только стражи. Форкештейнъ совсѣмъ другое. По приближеніи къ замку, вашъ экипажъ медленю, съ трудомъ, тянется по кружащейся дорогѣ, которая ведетъ на скалу, гдѣ выстроены замокъ. Когда вы подъѣзжаете къ самой крѣпости, раздастся звукъ рога, ворота отъорываются, карета катится подъ нѣсколькими сводами, и вы въѣзжаете въ небольшой, узкій, четырехъ-угольный дворъ, окруженный огромными зданіями; посрединѣ стоитъ конная статуя палатина Николая Эстергази. Осмотрите замокъ: вездѣ залы, обвѣшанныя фамильными портретами, изъ которыхъ самыя старыя писаны, разумѣется, не съ оригиналовъ, хотя подъ портретомъ Аггилы, который былъ тоже изъ рода князей Эстергази, подписано: *Vera effigies Attilae*.

Въ одной изъ этихъ залъ вы увидите генеалогическое древо князей Эстергази. Оно выходитъ изъ боку Адама, проходитъ черезъ Сива, Поля, Хама, Ниуарода, Аггилу, Арпада, завоевателя Венгріи, и оканчивается въ 1670 году княземъ Николаемъ Эстергази. Впрочемъ Ниуародъ, Аггилла и Арпадъ, не носили своего фамильнаго прозванія, Эстергази, а назывались просто по имени. Первый князь

Эстергази является въ 969 году; онъ жияъ сто семпдцать лѣтъ, и на девяносто первомъ году ему Богъ далъ сына.

«Сокровище, которое хранится въ Форкенштейнѣ, огромно, говоритъ маршалъ Marmont, герцога Рагузскій, въ своемъ «Voyage en Hongrie, Transylvanie et dans la Russie méridionale», и оно особенно любопытно. Законами импери Эстергази постановлено, что каждый старшій въ родѣ князь долженъ прибавить къ этому сокровищу нѣсколько драгоценныхъ вещей, и что оно можетъ быть употреблено только на выкупъ кого-нибудь изъ Эстергази, который попадетсѣ въ плѣнь къ Туркамъ. Нескоро это сокровище будетъ почато! Но эта статья показываетъ, какую роль играли ния Турковъ въ Венгерской исторіи и какъ ихъ боялись.» Маршалъ Marmontъ рассказываетъ, что когда въ 1809 году Эденбургскій комитатъ былъ занятъ Французскими войсками, отрядъ кавалеріи подступилъ къ Форкенштейну. «Солдаты князя Эстергази не захотѣли отворить вѣрота. — *Sur Galli non exurgunt?* спросилъ я одного изъ офицеровъ княжескихъ войскъ. — *Omnesunt*, вѣжливо отвѣчалъ онъ мнѣ.»

Форкенштейнское сокровище цѣнать въ шесть милліоновъ. Если все, что тутъ блеститъ, есть чистое золото и алмазы, то этого мало. Впрочемъ Форкенштейнское сокровище всего замѣчательнѣе какъ кабинетъ рѣдкостей. Турецкія оружія, чрезвычайно великолѣпныя; сабля короля Людовика II, который былъ разбитъ Турками въ 1516 году, въ сраженіи при Могачъ, гдѣ онъ самъ погибъ, а съ нимъ и его королевство; пышныя одежды, изъ которыхъ многія драгоценны по имени тѣхъ, кто ихъ носилъ: таковы наприимѣръ камзолы Матіаса Корвина и Іоанна Собескаго; вещи изъ слоновой кости, удивительной работы; чаши и кубки, которые ясно показываютъ, какъ далеко мы отстали отъ нашихъ предковъ; огромныя золотыя подносы, достойныя чашъ и кубковъ; вазы всѣхъ возможныхъ формъ, тоже, какъ говорятъ, изъ чистаго массивнаго золота, съ драгоценными камнями; кресла и столы, обитыя золотыми листьями; медали, изъ которыхъ впрочемъ нѣтъ ни одной древней.

Въ Форкенштейнскомъ арсеналѣ довольно оружія , чтобы вооружить два полка ; сверхъ-того двадцать четыре пушки , большой запасъ пороку и ядеръ , бунчуки , отбитые у Турковъ , и великолѣпное шелковое знамя , пожалованное императрицею Марією Терезією . Этотъ арсеналъ , лучше чѣмъ сокровищница , показываетъ состояніе фамиліи князей Эстергази . Тутъ есть также разныя рѣдкости ; между прочимъ племъ Аттилы , столь же достовѣрный какъ и портретъ его , и стѣира Эденбургскаго палача , стѣира широкая и тяжелая , которою съ 1690 года срублено , какъ говорятъ , сто семьдесятъ пять головъ .

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ . I. Remplaçant, Наемный рекрутъ , комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ , Гг. *Scribe*'а и *Bayard*'а , музыка Г. *Botton*'а .

Въ первомъ явленіи , происходитъ въ какой-то деревнѣ выборъ по жребію въ рекруты . Жоржъ , добрый и хороцій малой , но бѣдный и влюбленный , выпадаетъ хороішій номеръ ; Пишю , лживый , трусливый , обжорливый негодяй , долженъ напротивъ идти въ солдаты . Онъ въ отчаяніи . Жоржъ , который нисколько не боится войны , предлагаетъ идти вмѣсто Пишю въ рекруты , если тотъ дастъ ему четыреста франковъ , чтобы выстроить снова хижину его тетки , снесенную наводненіемъ . У бѣдныхъ и честныхъ молодыхъ людей всегда есть «таковая же» , то есть , бѣдная , но только не молодая , а старая , тетка . Пишю вѣтъ себя отъ восторга : чтобы нейти въ солдаты , онъ готовъ бы дать десять тысячъ франковъ , если бы они у него были ; но Жоржъ идетъ только въ такомъ случаѣ , когда любовныя его надежды совершенно исчезнуть . Онъ давно уже любитъ Марію , дочь богатой мыщницы Маргариты ; онъ еще не признавался Маріи въ своей любви , но чтобы разомъ покончить , рѣшается прямо идти къ Маргаритѣ и просить руки ея дочери . Само собою разумѣется , что ему отказываютъ . Кто велитъ богатой Маргаритѣ отдать дочь сплю за бѣдняка ! Но Марія совѣтъ несогласна съ матерью , и даетъ почувствовать Жоржу , что дѣло бы пошло иначе , если бы отъ нея завистью .

Жоржъ въ восторгѣ ; онъ не пойдетъ въ солдаты , а старая тетка обойдется и безъ хижины . Но подождемъ . Несчастіе и

добродѣтель скоро возвратится къ нему рука объ руку. Однѣ изъ его пріятелей, Викторъ, которому опъ некогда спасъ жизнь, три года уже на службѣ. Викторъ отличился; начальникъ его знаетъ лично, и Викторъ ужъ капитанъ. Капитанъ! вотъ, по-крайней-мѣрѣ, человѣкъ порядочный; за него почему не отдать дочери хоть бы и Маргаритѣ. Викторъ, посреди всей своей славы, не забылъ, что въ деревнѣ онъ былъ влюбленъ въ Марію; онъ пишетъ къ Маргаритѣ, проситъ руки ея дочери, получаетъ благопріятный отвѣтъ и, отпросившись въ отпускъ, сплшитъ въ деревню жениться. Жоржъ и Марія ничего этого не знаютъ. Объясненіи Жоржъ узнаетъ, что Викторъ его соперникъ, и что Марія очень ласково приняла жениха, котораго мать ей назначила. Жоржъ, внѣ себя отъ ревности, бѣжитъ къ Пишю, подписываетъ условіе, по которому онъ долженъ идти въ армію, и уходитъ въ полкъ въ то самое время, когда Викторъ, узнавъ, что Марія идетъ за него только изъ повинности къ матери и что она влюблена въ Жоржа, великодушно отказывается отъ руки ея.

Второе дѣйствіе происходитъ въ Испаніи. Маргарита, Марія и Пишю тугъ: какъ они туда попали, этого я не знаю; но, видно, они шѣли на это важныя причины, потому что въ то время Французамъ было плохо жить въ Испаніи: ихъ тамъ рѣзали и тиранили. Какъ бы то ни было, на воротахъ фермы, въ которой живутъ они, прибита прокламація Наполеона, въ которой солдатамъ, подь смертною казнію, запрещается грабить. Въ слѣдствіе этого, рота вольтижеровъ приходитъ на ферму, и солдаты бьютъ кроликовъ, рѣжутъ телятъ, свертываютъ головы уткамъ, берутъ все что приглянулось, колотятъ бѣднаго Пишю палками, чтобы онъ отдалъ имъ ключъ отъ погреба и, напившись, уходятъ; проходя въ воротахъ, они дѣлаютъ фрунтъ Наполеоновской прокламаціи. Послѣ нихъ приходятъ оставшіи солдаты, блѣдный, истощенный усталостію и ранюю. Это Жоржъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы потеряли его изъ виду. Викторъ получилъ чинъ полковника, а Жоржъ произведенъ въ сержанты, получилъ рану, пролежалъ полгода въ госпиталѣ и теперь еще не оправился. Но что нужды! онъ теперь знаетъ, что Марія всё еще его любитъ; знаетъ какъ благородно поступилъ Викторъ: Жоржъ и Марія переписывались

между собою. Марія прислала Жоржу вышитый галстухъ; Жоржъ тоже хотѣлъ бы что нибудь подарить Маріи: на дворѣ фермы попадаются ему брошенные четки; онъ беретъ ихъ, совсѣмъ не думая, что это воровство. Онъ назначаетъ эти четки въ подарокъ Маріи: на нихъ, однако жъ, золотой крестикъ, и они подарены Маргаритѣ Испанцемъ Кристофоро, который ухаживаетъ за Маргаритою или, лучше, за ея казною.

Толстый Кристофоро ненавидитъ всѣхъ Французовъ вообще и каждаго изъ нихъ въ особенности. Онъ видитъ свои четки въ рукахъ сержанта, и ему приходитъ въ голову страшная мысль. Полкъ вступаетъ въ деревню: полкомъ командуетъ счастливый Викторъ; Кристофоро бѣжитъ къ нему, доноситъ на грабителя, и требуетъ, чтобы его предали суду. Приходитъ Маргарита, Марія и Пишо; всѣ узнаютъ другъ друга. Викторъ въ отчаяніи, что принужденъ сдѣлаться судьей своего друга; но Маргарита въ первую минуту, не воображая себя, какое зло она дѣлаетъ, объявила, что эти четки ея: притомъ, долгъ службы важнѣе всего. Военный советъ собирается; Жоржъ признается въ своемъ преступленіи, и хотя Маргарита теперь уже утверждаетъ, что четки не ея, однако Жоржа приговариваютъ къ смертной казни. Кристофоро торжествуетъ. Однако жъ этого перваго успѣху ему мало: онъ замышляетъ другое ищеніе, жертвою котораго будетъ цѣлый полкъ. Солдаты стоятъ въ монастырѣ: монахи, негодуя на то, что Французы превратили ихъ жилище въ казарму, рѣшаются, по внушенію Кристофоро, взорвать монастырь. Подвалы наполнены порохомъ; все готово.

Между тѣмъ Викторъ, въ отчаяніи, хочетъ сдѣлать послѣднее усиліе чтобы спасти своего друга. Наполеонъ долженъ скоро пробѣжать недалеко отъ деревни; полковникъ спѣшитъ къ нему на встрѣчу, чтобы, въ награду заслугъ своихъ, просить помилованія преступнику. Передъ отъѣздомъ онъ приказываетъ остановиться исполненіемъ казни. Надежда возрождается въ сердцѣ Маріи, какъ вдругъ разлетѣлся ружейный залпъ. О ужасъ! Неужели приказаніе полковника не дошло до командира отряда, назначеннаго для экзекуціи? Жоржъ! Жоржъ!... Успокойтесь: убить Испанецъ Кристофоро: его схватили, когда онъ хотѣлъ поджечь порохъ въ монастырѣ-

скихъ подвалахъ и тотчасъ разстрѣляя. Наполеонъ даровалъ помилованіе, и торжествующій Викторъ приводитъ Жоржа въ объятія его любезной.

И слова и музыка этой оперы не понравились Парижской публикѣ, хотя во второмъ дѣйствіи есть прелестное болеро.

2. Le château de ma nièce, *Замокъ моей племянницы*, комедія въ одномъ дѣйствіи и въ прозѣ, госпожи Ancelot.

Маленькая комедія въ родѣ *Maginoux*, которой главную прелесть составляетъ разговоръ живой, тонкій, остроумный. Зато, надобно признаться, что обработывая разговоръ, госпожа Ancelot не позаботилась о завязкѣ и развязкѣ своей комедіи. Происшествія, которыя случаются въ «завязкѣ моей племянницы», какъ нельзя болѣе обыкновенны. Молоденькая женщина, графиня Сюрвилль, немножко вѣтреная, занимается только любовными похождениями, какъ это водилось во времена Людовика XV. Она созвала къ себѣ въ замокъ прекрасное и веселое общество, графовъ, маркизовъ, кавалеровъ, герцогинь, которые зря тратятъ свои прелести, умъ, любезность, какъ вдругъ узнаютъ, что въ замокъ ѣдетъ президентша Ласурсиеръ, вдова дяди графини Сюрвилль. Въ замокъ страхъ и ужасъ. Тетушка! старая тетушка! Президентша; Бѣда! Графы, маркизы, герцогини разбѣгаются; остались только тѣ, которые были похрабрѣе, одинъ графъ, одинъ кавалеръ, одинъ маркизъ; а изъ дамъ графиня Сюржи, madame Сюрвилль и mademoiselle Луиза Нанси. Весь замокъ принимаетъ видъ важный и скучный: само собою разувѣется, что и замокъ и племянница должны остепениться, чтобы принять почтенную тетушку.

Между-тѣмъ свиренность замка и хозяйки въ нѣсколько дней надобно кавалеру: притомъ онъ пересталъ уже и вѣрить, что старая тетушка точно пріѣдетъ. Ему вздумалось выписать молоденькую и хорошенькую актрису Италіанской труппы и заставить ее сыграть роль старой тетушки. Это будетъ презабавно, когда молоденькая дѣвушка пріѣдетъ на пѣрѣ старыхъ, откоричневенныхъ лошадей, и явится съ согнутою спиною, съ дрожащими руками, въ старинномъ платьѣ съ огромными разводами. О, какое веселье! Какъ захохочутъ, все кто остался въ замкѣ! Къ несчастію, молодой кавалеръ такъ доволенъ своею выдумкою, что тотчасъ проболтался. Все уже знаютъ,

что дама, которая скоро прѣдѣтъ, не президентша Ласури-сіеръ, а просто актриса Церлина. Всякой готовится принять ее по достоинству. Въ эту самую минуту подъѣзжаетъ къ крыльцу прекрасная карета, нисколько не похожая на старушечью. Изъ кареты выходитъ прекрасная дама лѣтъ тридцати, сама президентша, и очень удивляется этой тишинѣ и пустотѣ. Неужели это замокъ ся молоденькой племянницы? Такой печальный! Между-тѣмъ никто ея не встрѣчаетъ; ласкаться ей блютъ, лошадей пугаютъ; она постичь не можетъ, что это значить, и наконецъ узнаеть, что ее принимаютъ за актрису Церлину. Что жъ ей дѣлать? Надобно позвести дѣло ушно.

Такъ она и дѣлаетъ. Она принимаетъ шутку въ хорошую сторону, и защищается какъ вельзл лучине. Она съ перваго взгляду разгадала и распутала всѣ страсти, когорныя кипятъ вокругъ нея. Хоть бы напристръ ся племянница: эта вѣтренная молодая женщина очень бы рада была выйти за маркиза Люссана; а выходить за графа Бовиля. Кавалеръ почелъ бы себя счастливымъ, если бѣ могъ получить руку Луизы Нанси, а Луизу отдають за маркиза Люссана. Позвольте, однако жъ: президентша Ласурисіеръ все это обрабатываетъ.

Первый попадаетъ ей подъ руку молодой кавалеръ, и она здороваётся съ нимъ какъ съ старымъ знакомымъ. Потомъ она приступаетъ къ племянницѣ, которая съ трудомъ отдѣлывается отъ ея остроумныхъ нападеній. Доходитъ очередь до маркиза Люссана, и тотъ разтываетъ ротъ отъ удивленія. Остается одинъ графъ Бовиль; но съ этимъ раздѣляться труднѣе. Бовиль франтъ, острякъ; онъ мастеръ говорить и такъ, какъ говорятъ въ Версали, и такъ, какъ говорятъ за кулисами Итальянскаго театра; онъ то неженъ, то въжливъ, то шутливъ, то страстенъ; онъ начинаетъ немножко вольною шуткою, а кончаетъ почтительною страстію. Между ними идетъ разговоръ, живой, веселый, исполненный остроумія, насмѣшливости и злословія: только, въ концѣ сцены выходитъ, что важная президентша перешла отъ шутокъ къ страсти. Эта хорошенькая сцена, въ которой состоитъ вся пьеса, написана легко, ушно, прелестно.

Наконецъ всѣ узнають , что эта шилая дама точно и подлинно — страшная президентша Ласурисиеръ. Она рассказываетъ исторію своего замужства : десяти лѣтъ отъ роду ее обручили съ старикомъ лѣтъ шестидесяти. Исторія презабавительная ! Потомъ, она прощаетъ племянницу, и отдаетъ ее за маркиза Люссана; прощаетъ кавадера, и женитъ его на Луизѣ Нанси; а сама выходитъ за графа Бовиля.

3. L'Agafe, Застежка, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, Г-на Antier.

Дѣйствіе происходитъ въ Тулонѣ , въ тюрьмѣ каторжниковъ, да еще въ лазаретѣ этой тюрьмы. Одинъ старый каторжникъ надленъ несчастною страстью убѣгать изъ тюрьмы: онъ пытался уже нѣсколько разъ, но все напрасно. Наконецъ, для вѣрнѣйшаго успѣха, онъ вздумалъ притвориться жертвымъ. Притворился, удерживаетъ дыханіе, бѣшеніе пульса, сердце, душу; обманулъ даже доктора, и тотъ намеревается его анатомировать. Тутъ каторжникъ, видя, что дѣло идетъ не на шутку, воскресаетъ и бросается къ ногамъ врача. Слезы, крикъ, мольбы, и прочая. Каторжникъ предлагаетъ доктору подѣлиться съ нимъ сокровищемъ. Онъ зарылъ его въ землѣ подъ деревомъ, которое онъ знаетъ, въ вѣстѣ, ему извѣстномъ. Дальше, больше; наконецъ дуракъ каторжникъ рассказалъ, гдѣ его сокровище, а докторъ распорядился такъ хорошо, что въ господина каторжника выстрѣлили изъ ружья, и онъ умеръ уже не на шутку.

Освободившись такимъ образомъ, докторъ отправляется въ извѣстное себѣ мѣсто, къ дереву, которое онъ знаетъ, и открываетъ тамъ кладъ. Онъ богатъ, онъ счастливъ, онъ уважаемъ, онъ хочетъ быть уже только почетнымъ врачомъ каторжниковъ. Этого мало: онъ хочетъ жениться, предлагаетъ свою руку, получаетъ согласіе и, на первый случай, даритъ невѣстѣ брилліантовую застежку.

Вотъ тутъ-то запатая. Застежка принадлежала одному иностранному графу, который, какъ само собою разумется, отецъ невѣсты. Однажды, графъ, провзжая мимо извѣстнаго дерева, былъ ограбленъ, и между прочимъ у него отняли именно эту застежку. Ясно, что зять его сѣтельства разбойникъ. Досадно! Однако жъ кое-какъ любезный зять убѣждаетъ своего почтеннаго тестя, что первоначальный воръ

не онъ, что онъ только обворовалъ вора, что онъ не разбойникъ, а только немножко менѣе честенъ чѣмъ каторжникъ, который взврилъ ему эту тайну. Это откровенное объясненіе удовлетворяетъ всѣхъ и cadaго, дѣло улаживается и невѣста доктора дѣлается его женою.

Эта нелѣпая мелодрама заимствована изъ филантропической повѣсти знаменитаго филантропа Г. *Souvestre*'а.

4. *L'Auberge rouge*, *Красный трактиръ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ.

Еще старалъ повѣсть, съ книжками и всякими другими принадлежностями формальной мелодрамы.

Двое молодыхъ людей путешествуютъ для собственнаго назиданія. Въ трактиръ, въ Рейнѣ, одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, рѣшетъ проезжаго откупщика подъ предлогомъ, что у этого откупщика въ чемоданѣ сто тысячъ ефимковъ. Откупщика убить, деньги унесены, преступникъ скрылся. На другое утро пріятель путешествующаго преступника еще поконтся своимъ невинности, какъ вдругъ его берутъ жандармы: его приговариваютъ къ смертной казни, но онъ убѣгаетъ и назло жандармамъ дѣлается знаменитѣйшимъ врачомъ въ одномъ городѣ, котораго жители осыпаютъ его благословеніями.

Между-тѣмъ, другой молодой человекъ, сдѣлавшись богачемъ, хочетъ жениться. Богачу мудро ли жениться! И онъ женится, пригошь же на дѣвушкѣ, въ которую невинный его товарищъ тайно влюбленъ. Такимъ образомъ порокъ торжествуетъ надъ добродѣтелью. Но погодите: этого еще мало. Преступникъ пьетъ удовольствіе жениться, а невинный такъ несчастливъ, что его признаютъ убійцею, судятъ и ташутъ на эшафогъ, а тамъ и конецъ. Для порядка, однако жъ, настоящій преступникъ, терзаемый угрызениями совѣсти, закалывается.

5. *Sans nom! Безъ имени!* мистерія съ примѣсью куплетовъ, Гг. *Théaulon*'а и *Biéville*'а.

Безъ имени свца..... говорить пословица. Какъ бы то ни было, мистерія Г. *Théaulon*'а вещь презабавная. Онъ вздумалъ подсмѣяться надъ новѣйшею драмою: поздненько, правда; но нечего дѣлать, лучше поздно чѣмъ никогда. Хорошенькая шестнадцати-лѣтняя дѣвушка, Жюльетта Дан-

виль влюблена тайно въ Г. де-Сентъ-Мери, а отецъ хочетъ выдать ее за М^г *Vonhotte*. *Vonhotte*, конечно, человекъ и добрый, и честный, и почтенный: оно такъ, но какъ прикажете порядочной женщиной называться *madame Vonhotte*? Фи! А «*madame de-Saint-Merry*», на визитной карточкѣ, очень не дурно. Сладостенно нечего и выбирать: ясно, что Г. де-Сентъ-Мери лучше Г. *Vonhotte*'а. Г. де-Сентъ-Мери тоже влюбленъ въ Жюльетту и утѣряетъ, пріятеля своего *Vonhotte*'а, что ему гораздо лучше приволокнуться за теткою Жюльетты, мадамъ Анжелю Давиль. Богъ женщина, такъ ужъ женщина! Ровно сорокъ лѣтъ, — лучший возрастъ. И что за голова! что за сердце! что за грудь! Она нанзустъ знаетъ всѣ новѣйшія драмы. Она знаетъ всѣ ихъ закоулки, всѣ страсти, всѣ подземелья. Она, закурясь, проведетъ васъ въ комнату «*Antony*», по корридорамъ «*Angèle*», по потайнымъ лѣстницамъ «*La tour du Nesle*». Она романтически прогуливается только при блѣдномъ свѣтѣ задумчивой луны. Она прислушивается къ пѣнію соловья: крики филина, конечно, пріятнѣе, но гдѣ ихъ взять! Сорокъ-первый годъ, прелестный поэтический возрастъ по *Balzac*'у, тревожить неопытную грудь Анжелю Давиль, волнуетъ ее ярко-алую кровь. Впрочемъ и то сказать, к чему бы годился *Balzac*, если бѣ онъ по-крайней-мѣрѣ не утѣмалъ сорокалѣтнихъ женщинъ, утѣряя ихъ, что онѣ огроуду такъ молоды не бывали.

Такая-то женщина и нужна Г. *Vonhotte*'у. О, она ему по душѣ! она его идеаль! объ ней онъ мечтаетъ, ее зоветъ когда..... и прочая. Но чтобы приступить къ Анжелю, ему надобно переименовать имя. Иванъ *Vonhotte*! О, итъ, это невозможно! Ему надобно другое имя, страшное, громкое, драматическое, меланхолическое, сентиментальное. Увы, улы! есть одно только имя, которое пришлось бы подѣ статью его страсти; это имя — Антоня: но это имя носилъ уже другой, и какъ носилъ! Нечего дѣлать, именн хорошаго нѣтъ, онъ будетъ безъ имени: онъ будетъ *l'Homme sans nom*. Онъ покорится судьбѣ. По душѣ онъ созданъ именню такъ, чтобы у него не было ни отца ни матери, хотя у него есть и отецъ и мать, Богъ знаетъ, зачѣмъ. Назвавшись *Sans nom*, свѣ пойдетъ на встрѣчу женщины, женщина побѣдетъ на

встрѣчу *мужчинъ*; ихъ страсти встрѣтятся, сольются, и они будутъ, *L'homme Sans nom! La femme Sans nom!* Тутъ цѣлая драма, какъ говорятъ нынче во Франціи. К несчастью, кто-то стаскиваетъ его съ высоты эмираля, возирающаго злополучному его настоящее имя, Иванъ *Volhomme*. Бѣдный *Volhomme!* Ангеля уже готова была отдать ему руку и сердце: она считала его незаконнорожденнымъ, убійцею, даже отцеубійцею; но теперь какъ онъ только честный чловѣкъ, который исправно платитъ долги свои, она его и знать не хочетъ.

Между-тѣмъ, благодаря этой своей хитрости, де-Сенъ-Мери женится на Жюльеттѣ.

Въ водевилѣ много и ума в веселости.

6 *J'aiot en bonne fortune, Жано въ любовныхъ похожденияхъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Гг. *Dumersan'a* и *Desforges'a*.

Жано былъ знаменитый комическій актеръ времени Людовика XVI, герой фарсы. Длинный, неуклюжій дуралей, съ большими ногами, толстыми руками и простоумнымъ видомъ. Носъ былъ у него подвижной, двуличневый — красный и блѣдный: нельзя было не смѣяться, взглянувъ на этотъ носъ. Видя и слыша Жано, всякой съ удивленіемъ и удовольствіемъ думалъ: есть же на свѣтѣ такіе дурни! Глупецъ былъ явленіе рѣдкое и любопытное во время Вольтера, когда весь свѣтъ былъ уменъ, ничему не вѣря. Дворъ и городъ, чиновники и ученые, вѣдрили смотрѣть Жано. А знаете ли что такое смотрѣли эти умные люди? Они смотрѣли сцену единственную между Жано и нѣкоторою безыменною утварью: ее выливали на Жано, а онъ, поднеся руку къ носу, говорилъ: *Ça en est!* И весь Парижъ хохоталъ. *Ça en est* сдѣлалось подвинымъ выраженіемъ: его повторали при всякомъ случаѣ, дамы въ своихъ будоарахъ, учителя въ школахъ. Въ честь Жано придумали цѣлое нарѣчіе, жаногизмъ. Тогда сочинили «жаногизмы», какъ нынче «ночныя мечтанія». Жано изображали на Севрскомъ фарфорѣ, бюсты его ставили на каминѣхъ подлѣ самыхъ дорогихъ китайскихъ болвановъ; во всѣхъ лавкахъ продавался гравированный портретъ его. Самъ Фигаро, оляцетворенный умъ, не восхищалъ

Парижской публики столько какъ дуракъ Жанб. Этого мало: вся жизнь его была изображена въ вѣсколькихъ картинахъ и выгравирована. И этого мало: Вольтеръ боялся его; было время, когда все занимались однимъ Жанб и чуть не забывли о Вольтерѣ и атеизмѣ. Dorgvigny написалъ для Жанб комедію *Les battus paient l'amende*. Dorgvigny, оставшись однажды въ трактирѣ въ закладъ за десять экую, продалъ свою комедію за эту сумму. Директору театра она принесла пять сотъ тысячъ франковъ. Dorgvigny принимался за работу только тогда, когда былъ впопыхана. Если директору нужна была новая піеса, онъ отправлялся отыскивать Dorgvigny по вѣснмъ кабакамъ, и не выпускалъ его изъ виду, пока тотъ не написалъ комедіи. Такъ написана одна изъ самыхъ забавныхъ піесъ прошлаго вѣка, *Le Sourd, ou l'Auberge-pleine*. Dorgvigny написалъ для Жанб вѣскольکو комедій, приправленныхъ крупною солью; — *Janot chez le dégraisseur, Jeannette, ou les Battus ne paient pas toujours l'amende* и прочая.

Жанб, какъ актеръ, имѣлъ свои любовныя похождения, своихъ знатныхъ дамъ, своихъ льстецовъ, своихъ знатныхъ благодѣтелей, которые давали въ честь его обѣды. Маркизь de Brancas, давая большой ужинъ, вздумалъ поподчивать гостей своихъ шутомъ Жанб. — *Mesdames*, сказалъ онъ своимъ прекраснымъ гостямъ: рекомендую вамъ Жанб. — Жанб разсердился. — Не забывайте, маркизь, сказалъ онъ, что на театрѣ я Жанб, а здѣсь Г. Воанжъ. — Пожалуй, сказалъ маркизь de Brancas: но только мнѣ надобенъ былъ Жанб. Выгнать Г. Воанжа.

Дѣло въ томъ, что глупцу Жанб хотѣлось быть поитщикомъ. Онъ купилъ замокъ, пользовался вѣснмъ господскими правами, и имѣлъ въ церкви свою особую лавку. Революція, въ числѣ прочихъ замковъ, смгла и замокъ Жанб. Жанб исчезъ во время бури; а какъ тогда всякой только и дѣлалъ, что во имя свободы рубилъ головы, то никто не вздумалъ спросить, куда дѣвалась голова Жанб. Однако жъ Жанб былъ счастливѣе другихъ помѣщиковъ, познатнѣе его. Замка онъ лишился, но голова осталась у него на плечѣхъ. Въ 1805 году онъ былъ богаче многихъ знатныхъ господъ своего времени: у него была тележка, да еще кривая лошадь. «Въ 1805 году, я былъ въ Эрмоньенѣ, говоритъ Г. Ду-

mersan: вдругъ вижу, вдетъ тельжка съ разными украшеніями и съ кладью; на тюкахъ сидятъ двѣ женщины и старикъ: точно экипажъ Скаронова Roman comique: это была экипажъ Жано.» Бѣдный Жано! Славившись столько времени, онъ умеръ въ бѣдности и безвѣстности.

Таковъ герой, котораго G. Dumas вывелъ на сцену. Жано приглашаютъ къ дамѣ, которой хочется посмотреть, какъ онъ играетъ. Жано воображаетъ себѣ, что ему предстоитъ любовное похождение, и съ нею случаются разные несчастія. Кузенъ любопытной дамы хочетъ проколоть его шпагою, мужъ его магнетизируетъ, и прочая, и прочая. Жано прячется, переряжается на разные манеры, и прочая. Пьеса и не свѣшна и не занимательна.

7. La Fille d'un militaire, *Дочь военнаго*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Meyer'a и Laurencin'a.

Войны 1814 и 1815 кончились; капитанъ Дюгамель уволенъ въ отставку. Скучная жизнь для Наполеоновскихъ офицеровъ, которые всю жизнь дрались и разхаживали по Европѣ! Однако жъ капитанъ Дюгамель не такъ жалокъ, какъ другіе офицеры, оставшіеся на половинномъ жалованьи. Въ добрый часъ онъ припасъ себѣ дочку: ей уже осьмнадцать лѣтъ; она мила какъ нельдѣ болѣе, привязана къ отцу всею душою и день и ночь для него работаетъ. А онъ, безпечный, вѣсть, пьетъ и спитъ; даже иногда отъ бездѣлья хвораетъ, потому что больнымъ даютъ Бордоское вино. Откуда дочь беретъ деньги на все эти расходы, объ этомъ онъ и не заботится: онъ привыкъ жить въ непріятельской землѣ, и не можетъ вообразить себѣ, чтобы деньги, которыя онъ платитъ, такъ дорого стоили его милой дочери.

Однажды, въ день рожденія Генриетты, капитанъ Дюгамель купилъ сахару и водки, чтобы дѣлать пуишъ, купилъ табаку, карты, взялъ еще нидѣйку съ трюфлями на ужинъ, желтую шляпку и черную муфту для дочери. Онъ зоветъ на обѣдъ, на ужинъ и на балъ, разныхъ бѣдняковъ, которые давно уже не видывали такъ много водки и табаку. Въ этотъ же самый день молодой адвокатъ, Альфредъ Северини, который влюбленъ въ Генриетту, приходитъ просить руки ея. Дюгамель не рѣшается. Какъ! ему, старому усачу, отдать дочь за рибчика?..... Однако жъ этотъ рибчикъ добрый и

хорошій малый; притомъ онъ любитъ дочь его и самъ ей правится; да притомъ отецъ Альфреда некогда служилъ съ Дюгамелемъ и былъ лихой головою. Поразмысливъ обо всемъ этомъ, капитанъ приглашаетъ къ себѣ на вечеръ, не только молодаго Альфреда Дюгамеля, но и мать его, госпожу Саверни.

Madame Saverny по опыту знаетъ нравъ людей военныя. Мужъ ея былъ вспыльчивъ, любилъ покрывать, попить, погулять, впрочемъ былъ добрейшій малой. Она приглашаетъ къ Дюгамелю, и застаётъ разгульную попойку. Шумъ, гамъ, скачка, пляска, крикъ, стукъ, песни и всякія потѣшныя дѣянія и пьютъ, плачутъ, смеются, бьютъ рюмки и стаканы и выбрасываютъ бутылки за окошко. При видѣ этого безпорядка, бѣдная madame Saverny очень жалуетъ, что позволила сыну жениться на дочери такого гуляки. Она понимаетъ, какъ горько было ей жить съ военнымъ, и не хочетъ, чтобы сынъ ея попалъ въ такое общество. Она бѣжитъ не оглядываясь. Наконецъ честная компанія расходится, когда нечего уже ни пить, ни бить. Капитанъ идетъ спать, счастливый какъ наканунѣ сраженія. А дочь его, кроткая Генриетта, зажигаетъ лампу. и, вмѣсто того чтобы спать, проводитъ всю ночь за работою.

На другой день Дюгамель встаетъ здоровъ и веселъ, вѣчно здороваётся и съ дочерью и съ бутылкой, и не замечаетъ, что Генриетта всю ночь проработала: онъ доволенъ, потому что бутылка его полна. Генриетта уходитъ, отнести одной дамѣ то, что сдѣлала ночью; но тутъ ужъ Катерина, старая кухарка капитана, не вытерпѣла и рассказала этому беззаботному отцу, какъ дочь жертвуетъ для него и своимъ и здоровьемъ, и, какъ будто этого мало, капитанъ тутъ же получаетъ письмо отъ madame Saverny. — Вѣрно, отказъ! — Такъ и есть: madame Saverny, не безъ причины напуганная пречашинимъ баломъ, требуетъ назадъ своего слова, если капитанъ не согласится куда-нибудь увязать, чтобы не жить съ дочерью. Больно! а нечего дѣлать. Дюгамель рѣшается пожертвовать собою счастьемъ дочери: онъ опредѣляется въ иностранную службу, выдаетъ Генриетту замужъ, а самъ увязаетъ.

Тутъ есть и веселое и трогательное, и смѣхъ и слезы: въ драматическомъ отношеніи, это водевилъ хорошій.

8. *Le Retour de jeunesse, Возвращеніе молодости*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Г. *Vauyard'a*.

Водевилъ фантастическій. На жизненномъ пути, или если вамъ угодно, въ гостинницѣ жизни, встрѣчаются старая маркиза, старый баронъ и молодой человекъ, влюбленный въ хорошенькую дѣвушку. Этотъ молодой человекъ сынъ аки-миста, я, при помощи какого-то порошка, возвращаетъ старому барону и старой маркизѣ весь блескъ, всю свѣжесть, всю прелесть юности. Но тутъ есть маленькое условіе: вы молоды, но вы не должны любить; сердцу вашему только двадцать лѣтъ, но оно должно биться какъ шестидесяти. Такова воля волшебника. Къ несчастію, помолодѣвшіе старикъ и старуха забываютъ, что имъ не позволено любить, что при первомъ любовномъ поцѣлуѣ ихъ шестьдесятъ лѣтъ снеса на нихъ обрушатся. Маркиза горитъ нежной страстію къ одному молодому человеку, старикъ къ хорошенькой дѣвушкѣ. Они забываютъ законъ волшебника, и снова теряютъ свою юность. Вотъ и все.

9. *Un Malheur de famille, Срамъ семейству*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Г. *de Comberousse'a*.

Этотъ водевилъ написанъ для одного дебюта, который, говорятъ, очень хорошо играетъ роли цѣльныхъ. Есть на свѣтѣ два брата Данжели, одинъ братъ негодяй, другой очень хорошій малой: негодяй проводитъ дни и ночи въ кабакахъ, а хорошій малой сдѣлался военнымъ интендантомъ первой дивизіи. Онъ уже неразъ помогалъ брату, я даже снабжалъ для него водочные магазны и табачныя лавки; по тотъ всегда выпьетъ водку и выкурить табакъ: выпивъ и выкуривъ все, что можно выпить и выкурить, онъ опять приходитъ къ брату. Срамъ! Но дѣлать нечего: братъ опять даетъ. За всѣ свои благодѣлнія военный интендантъ проситъ только объ одномъ, — чтобы братъ не сказывалъ, что онъ ему братъ.

Однажды, негодяй Данжели, напиившись пьянъ, принимается разсказывать на улицъ свою генеалогію. Онъ братъ военнаго интенданта первой дивизіи! Полиція приходитъ, чтобы схватить негодяя Данжели, который прибилъ благо-

чннѣ; во полицейскій слышитъ, что этотъ господинъ не кто иной какъ родной братъ челоуѣка въ большой смѣль, военнаго интенданта первой дивизіи, и объ не осмѣливается взять его подъ стражу. И теперь весь свѣтъ знаетъ, что негодай кабачный пьяница, Просперъ Данжели, братъ военнаго интенданта первой дивизіи! Благодарнія не пошли въ прокъ и ни къ чему не послужили.

Во второмъ дѣйстви порядочный Данжели думаетъ, что негодай его братецъ тоже сдѣлался порядочнымъ, а тотъ вдругъ прѣзжаетъ изъ Буржа, гдѣ у него было истречко, и нисколько не перемѣнился: такой же негодай какъ прежде! Но у него доброе сердце. Онъ прѣзжаетъ, чтобы спасти свою племянницу, дочь порядочнаго Данжели, отъ нагубнаго брака съ однимъ извергомъ въ желтыхъ перчаткахъ, старивнымъ пріятелемъ Проспера. *G. Comberousse*, видно, хотѣлъ доказать, что въ семействѣ очень полезно имѣть хоть одного негодая. Мадмоазель Данжели не выходитъ за изверга, котораго она впрочемъ и не любитъ; а за Проспера сватается *честная и скромная* (замѣтьте, честная и скромная) модистка. Она выходитъ за негодая и увозитъ его въ Америку.

Въ этомъ водевилѣ вѣпа много, но солп мало.

10. *Un Parent millionnaire*, Родственникъ миллионщикъ, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. *Cormon'a* и *Laboulaye*.

Жилъ былъ на свѣтѣ честный Англійскій негодичнтъ, Г. Престонъ; дѣла его шли плохо, какъ вдругъ у него въ домѣ остановился одинъ набабъ, дядя его жены; у дяди было пѣскольکو миллионновъ, пѣскольکو львовъ, нѣскольکو тигровъ, нѣскольکو попугаевъ и одна жена. При вѣсти, что у Г. Престона живеть набабъ, дядя его жены, дѣла его поправляются, кредитъ поднимается. Кой чортъ! надобно быть ужъ черезъ чуръ несчастнымъ, чтобы дядя подъ рукою не передалъ племяннику хоть миллиончикъ. Такъ разсуждаетъ Г. Престонъ, такъ разсуждаютъ его кредиторы. Племянникъ и племянница ухаживаюгъ за любезнымъ дялюшкой, ласкають его, угождають ему, какъ вдругъ однажды дядя увъзжаетъ не простившись, не давъ никому ни полмилліона; увъзжаетъ съ женою, львами, тиграми, попугаями и милліонами.

Какъ скоро набабъ увхалъ, являється банкротство. Несчастный Престонъ принужденъ объявить себя несостоятельнымъ,

я жена и дочь его должны собственными руками добывать хлѣбъ. Негодай дядя: какъ можно не дать милліона племянницъ! Между-тѣмъ, хотя имѣніе Престона погнбло, однако честное его ния спасено. Онъ продалъ всё, что у него было на земля, и расплатился съ кредиторами. Тутъ, въ этотъ разсрѣнный домъ, прѣзжаетъ набыбъ изъ перваго дѣйствія. Но теперъ онъ ужъ одиень: ни жены, ни дьвовъ нѣтъ; остались только милліоны. Онъ развелся съ женою, и прѣзжаетъ къ племянницъ и внучкѣ, смирный какъ-будто и въ чемъ не бывало, какъ-будто у него всего на все тысячь десять. Каково же его удивленіе, когда Г. Престонъ отказываетъ ему отъ дому! Какъ! не впускать въ домъ за то, что онъ не отдалъ своихъ милліоновъ?... Оно въ самомъ дѣлѣ удивительно. Но этотъ урокъ не пропасть: несчастный милліонщикъ отдастъ всъ свои деньги одному молодому человеку, который женится на его внучкѣ.

Прдлежащій водевилъ довольно хорошо ведется; но онъ занимателенъ только для милліонщиковъ.

II. Troisième et Quatrième audessus de l'entre-sol, Третій и четвертый этажъ, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Гг. *Varin'a* и *Duponchel'a*.

Водевилъ, заимствованный изъ *La Bruyère'a*. Рѣчь идетъ о разсвѣнномъ, который смѣнить всѣхъ своею разсвѣнностью. Мосѣ и мадамъ Колиберъ живутъ въ третьемъ этажѣ, мосѣ и мадамъ Соваждъ въ четвертомъ. Теодоръ, капиталъ національной гвардіи, наряжаетъ своего пріятеля Колибера въ караулъ, чтобы въ его отсутствіи обивать кровать мадамъ Колиберъ. Соваждъ, разсвѣнный, возвращается домой, ошибается этажемъ и женою, и располагается у мадамъ Колиберъ какъ дома; онъ даже раздѣвается и хочетъ ложиться спать. Къ счастью, ревнивый Колиберъ возвращается. Увидѣвъ Соваждъ въ такомъ недвусмысленномъ положеніи, онъ кричитъ — караулъ! Соваждъ, воображая себя, что онъ у себя дома, съ своей женою, тоже кричитъ — караулъ! На ихъ крики прибѣгаетъ Теодоръ, которому все это очень невыгодно, и кое-какъ миритъ третій этажъ съ четвертымъ.

Теперь мы расскажемъ вамъ еще два или три водевила не лучше этого, и на нынѣшній разъ будетъ довольноно.

12. *A quoi cela tient, Немного не доставало*, водевилъ въ одномъ дѣйстви, Гг. Antier в Saudrin.

Одинъ честный господинъ, который живетъ доходами со своего капитала, женился на женщинѣ, которая гораздо моложе его. Она, когда была еще моложе, любила тамбуръ-мажора національной гвардіи, ремесломъ обойщика. Мужъ призываетъ обойщика тамбуръ-мажора, чтобы повѣсить на кровати занавѣски, а тамбуръ-мажоръ-обойщикъ хочетъ заняться тутъ совсѣмъ другимъ. Наконецъ бьютъ сборъ, и тамбуръ-мажоръ уходитъ безъ барабаннаго бою.

13. *Le Père de l'enfant, Отецъ ребенка*, водевилъ въ одномъ дѣйстви.

Икто, по порученію пріятели, выдаетъ жалованье кормилицѣ неизвѣстно кому принадлежащаго ребенка. Онъ такъ заботится объ этомъ ребенкѣ, что наконецъ всѣ говорятъ: Это отецъ этого ребенка. Наконецъ и сама мать, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, говоритъ: Это отецъ ребенка! А тотъ молчитъ, такъ что, право, онъ исполнѣ достоинъ чести быть отцемъ чужаго ребенка.

14. *Le Mari à la ville et la femme à la campagne, Мужъ въ городѣ, а жена въ деревнѣ*, водевилъ въ двухъ дѣйствилахъ, Гг. Varin'овъ.

Есть тутъ три женщины, вдова, дѣвушка и почти-вдова; и есть трое мужчинъ, одинъ толстый, одинъ маленькій, а третій живописецъ. Въ первомъ дѣйстви живописецъ ухаживаетъ за вдовою, маленькій ухаживаетъ за дѣвучкою и за почти-вдовою. Почти-вдова назначаетъ любовное свиданіе всѣмъ тремъ, и толстому, и маленькому, и живописцу, и каждый считаетъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ.

Во второмъ дѣйстви толстый, маленькій и живописецъ сшибаютъ на свиданіе. Послѣ разныхъ qui pro quo, выходитъ, что почти-вдова давнымъ давно жена живописца, что маленькій женится на дѣвучкѣ, а толстый ни на комъ не женится.

Какой тутъ мужъ въ городѣ, и какая жена въ деревнѣ, этого я не знаю: оно, впрочемъ, и не любопытно.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Августъ мѣсяцъ шестидесятого года будетъ памятенъ во Французской словесности: Г.

Поль-де-Кокъ украсилъ ее новымъ романомъ, «Le Tourlou-gou», передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ прежніе его романы. Впрочемъ, нѣтъ ничего новаго. Едва нѣсколько книгъ вышло втеченіи всего августа.

— Самымъ важнымъ явленіемъ прошедшаго мѣсяца должно почесть выходъ перваго тома «Восточнаго сборника», *Collection orientale*, изданія, основаннаго еще Наполеономъ въ 1813 году. Политическія перемѣны, и разныя препятствія, остановили-было это предпріятіе въ самомъ началѣ. Теперь, черезъ двадцать четыре года, является первый томъ «Восточнаго сборника»: онъ заключаетъ въ себѣ знаменитую «Исторію Монголовъ» Рашидъ-аддина, переведенную Г. *Quatremère*'омъ; сочиненіе чрезвычайно важное въ этнографическомъ и въ историческомъ отношеніяхъ: тѣмъ, которые изучаютъ Монгольскій періодъ нашей исторіи, мы очень советуемъ читать Рашидъ-аддина. Комиссія для изданія «Восточнаго сборника», составленная изъ барона Сильвестра de Sacy, и господъ *Quatremère*, *Burnouf* и *Fauriel*'а, избрала для слѣдующихъ томовъ между-прочимъ «Арабскія пословицы» Мейданія, «Шахъ-намѣ» Фирдоусія, и «Бхагавата-пурану», или уложенія царя Вагтанга V.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Здѣсь также страшная нищета. Можно назвать одинъ только романъ, какъ заслуживающій чтенія: это «*Stokeshill-place*», сочиненіе мистриссъ Goge. Романы этой писательницы отличаются всегда искусною вязкою; фізіономіи въ нихъ обрисованы умно, ловко, и показываютъ, что могла бы произвести мистриссъ Goge, если бы захотѣла быть менѣе поверхностною и отказалась отъ своего манернаго слога. Никто изъ нынѣшнихъ романистовъ не умѣетъ съ большею прелестью отпуститъ мимоходомъ ѣдкаго сарказма, никто такъ счастливо не выкупааетъ искусственности кукольныхъ своихъ характеровъ нѣсколькими страницами глубокаго и настоящаго чувства; но мистриссъ Goge, по несчастію, принадлежитъ къ школѣ остроумныхъ романистовъ, а остроты въ картинкахъ чловѣческаго сердца нигде не годятся, потому что имъ всегда надобно жертвовать истиной.

— Въ Англійской словесности, къ повѣстямъ, или легкимъ сочиненіямъ, надобно причислять и такъ называемыя «Путѣдки», *tourg*, «Очерки», *sketches*, «Пребыванія», *residences*, и тому подобныя *путешествія* туристовъ; книги, въ которыхъ нѣтъ ни истины, ни наблюденія; гдѣ все поверхностно, ложно, и болѣею частью даже не забавно. Такихъ книгъ каждый мѣсяцъ выходитъ множество въ Англии, но мы даже ихъ не отмѣчаемъ, потому что онѣ не прибавляютъ ей одной новой черты къ общимъ географическимъ и этнографическимъ познаніямъ, и состоятъ изъ описаній мѣстъ и предметовъ, тысячу разъ описанныхъ. Съ этими книгами не должно смѣшивать настоящихъ путешествій въ страны мало извѣстныя: таково напримѣръ *Narrative of a expedition*, «Описаніе экспедиціи двухъ пароходовъ вверхъ по рѣкѣ Нигеръ», изданное Гг. *Laird* омъ и *Oldfield* омъ. Хотя сочинители бытъ-можетъ несправедливо окрестили рѣку Кворру классическимъ именемъ Нигера, тѣмъ не менѣе разсказъ ихъ разливается большой свѣтъ на внутренность Африки: мы скоро представимъ изъ него обширное измеченіе.

— Трактатъ Г. *Hutchison*'а о метеорологіи принадлежитъ также къ числу книгъ, достойныхъ вниманія.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. О словесности, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и рѣчи быть не можетъ. Будемъ говорить о другомъ. «Исторія среднихъ вѣковъ», *Die Geschichte des Mittelalters*, доктора Кортума, можетъ быть читана съ любопытствомъ: авторъ представляетъ эти времена вовсе въ другомъ видѣ, нежели какъ ихъ обыкновенно теперь понимаютъ либеральные писатели. Профессоръ Кортумъ сдѣлался извѣстнымъ въ ученомъ свѣтѣ изысканіями своими по части исторіи древней Греціи и среднихъ вѣковъ. Последнимъ его твореніемъ была «Исторія вольныхъ городовъ». Его сужденія отличаются какимъ-то Тацитовскимъ тѣсомъ, который, если не всегда безпристрастенъ, по-крайней-мѣрѣ довольно похожъ на безпристрастіе, и часто также сухъ какъ оно.

— *Naturgeschichte der schädlichen Insekten*, доктора Кюверштейна — советъ другаго рода исторія: хоть это исторія мухъ, блохъ, клоповъ, комаровъ, скорпіоновъ, пауковъ, и

тому подобныя народовъ , однако жъ книга господина Кнѣзерстейна очень занимательна , и притомъ весьма полезна въ практическомъ отношеніи. Естественная исторія предвѣхъ насѣкомыхъ представляетъ много удивительнаго наблюдателю , и авторъ говоритъ объ нихъ не только по чужимъ , но также и по своимъ наблюденіямъ , которыя вообще изложены занимательно.

— Изысканія доктора Passavant о животномъ магнетизмѣ, *Untersuchungen über den Lebensmagnetismus*, тоже заслуживаютъ вниманія и могутъ составить весьма пріятное чтеніе по огромному множеству магнетическихъ анекдотовъ , которыя авторъ собралъ въ своемъ сочиненіи. Мы будемъ имѣть случай въ слѣдующемъ мѣсяцѣ возвратиться къ этой книгѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

- COLLECTION ORIENTALE. Histoire des Mongols de Persie par Raschid-eddin, traduite et annotée par M. Quatremère. Vol. I.
- CORRESPONDANCE DE NAPOLEON avec le ministre de la marine, depuis 1804 jusqu'en avril 1815, extraite d'un porte-feuille de Sainte-Hélène. 2 vol.
- MÉMOIRES ET CORRESPONDANCE du maréchal de Catinat, publiés par M. Le Bourcier. 1 vol.
- VOYAGE EN HONGRIE, Transylvanie, dans la Crimée, etc., par M. le maréchal duc de Raguse (*Marmont*). Tomes III et IV.
- LETRES SUR L'AFRIQUE, chroniques, lettres, et journal de voyage, par le prince *Pückler Muscau*. 3 vol.
- TRAITÉ DE DIAGNOSTIC et de séméiologie, par P. A. Piorry, docteur de médecine, agrégé à la Faculté de Paris. 3 vol.
- DE LA CYSTOTOMIE épipubienne, par *Leroy-d'Étiolles*, docteur de médecine. 1 vol.
-
- UN TOURLOUREU, roman, suivi des Mœurs parisiennes, par M. Paul de Kock. 3 vol.
- UN MALHEUR DOMESTIQUE, roman, par *Hippolyte Bonnelier*. 2 vol.

- LE ROI DES ROSSIGNOLS, roman, par *Molé-Gentilhomme* et *Emmanuel Gonzales*. 2 vol.
- LES MATELOTS PARISIENS, roman maritime, par *Suan de Vereaux*, avec une préface de *M. Eugène Sue*. 2 vol.

Англійскія.

- THE HISTORY of Presbyterian Church in Ireland. By *James Seaton Reid*. Vols I and II.
- NARRATIVE OF A EXPEDITION into the interior of the Africa by the river Niger, in the steam vessels Quorra and Alburkah. By *Macgregor Laird* and *R. A. K. Oldfield*. 2 vols.
- THE SPAS of Germany. By the author of 'Saint-Petersburg'. 2 vols.
- THE BASQUE PROVINCES. By *E. B. Stephens, Esq.* 2 vols.
- INCIDENTS OF TRAVEL in Egypt, Arabia Petraea, and the Holy Land. By an American. 2 vols.
- A TREATISE on the causes and the principles of metheorological phenomena. By *Graham Hutchison*. 1 vol.
- METEOROLOGY, considered in its connexion with Astronomy, climate, and the geographical distribution of animals and plants. By *Patrick Murphy*. 1 vol.

-
- THE BIVOUAC, a novel. By *W. H. Maxwell*, author of 'Stories of Waterloo.' 3 vols.
- STOKESHILL-PLACE; or the Man of business. By the author of 'Mistress Armytage.' 3 vols.
- LEGENDS of a log cabin; an American novel. 3 vols.

Нѣмецкія.

- GESCHICHTE des Hauses Habsburg. Von Fürst *C. M. Lichnowsky*. Wien. I und II Bde.
- INDIEN und dei Hindus. Von *Wiese*. Leipzig. II Bd.
- REISE AUF DEM KASPISCHEN MEERE und in den Kaukasus, unternommen in den Jahren 1825 — 1826, von *D' Eduard Eichwald*, Professor an d. m. Akad. in Wilna. Stuttgart. II Bd.
- ALLGEMEINE NATURGESCHICHTE, herausgegeben von *D' Oken*. VII Bd.
- LICHTBLICKE DES NATURFORSCHERS in die Wunder und Geheimnisse der Schöpfung. Von *D' Elard Romershausen*. I Theil.
- ANTHROPOLOGISCHER BEITRAG zur Erfahrung der psychischen Krankheit, oder der Standpunkt der psychischen Medizin u. s. w., oder Grundriss der Seelenheilkunde als wissenschaftlicher Versuch u. s. w., von *D' C. Mohler*. Mainz. 1 Bd.

NEUES SYSTEM DER HEILMITTEL. Ein vollständiges Hand- und Lehrbuch der Pharmacodynamik u. s. w. Von Dr J. Hoppe. Leipzig. I Bd.

LEHRBUCH der Stöchiometrie. Von Otto B. Kühn. Leipzig. I Bd.

NEUE PRÜFUNG der Echtheit und Reinenfolge sämtlicher Schriften Hippokrates des Grossen. Von Dr Franz Meizner. München. I Bd.

SCHINKEL'S MOBEL-ENTWUERFE, welche bei Einrichtung prinzlicher Wohnungen ausgeführt werden. Herausgegeben von L. Lohde. Berlin. I — IV Heft.

FUNDGRUBEN für Geschichte deutscher Sprache und Litteratur. Herausgegeben von Dr Heinrich Hoffmann. I und II Bde.

MEMOIREN eines preussischen Offiziers. Von C. Harlossohn. 2 Bde.

М О Д Ы.

Главную новость этого месяца, съ Парижъ, составляют *мантиліоны*: это родъ мантіліа и платочка à la paysanne. Мантиліоны дѣлаются изъ кружева, или изъ пу-де-соа и обшиваются кружевомъ. Они не такъ широки на плечахъ какъ мантіліа, и концы ихъ не переходятъ за кушакъ ниже трехъ или четырехъ вершковъ. Талія при нихъ менѣе закрыта и рисуется гораздо лучше. Словомъ, этотъ родъ платка чрезвычайно милъ, и онъ теперь въ величайшей модѣ.

— Въ платьяхъ не видно ни какихъ измѣненій. Многіе корсажи дѣлаются откидные, à revers, но борты ихъ очень узки и обшиваются широкимъ кружевомъ.

— Восхитительные эшарны Виоларовы дѣлаются нынче изъ шерстянаго кружева. Ничего не можетъ быть богаче, мягче, изящнѣе этой ткани, которая не идетъ и для осени гораздо *теплѣе*, нежели тюлевая эшарна. Кружево это называется dentelle de cachemire. Есть также эшарны кашемировыя, обшитыя кашемировымъ кружевомъ. Послеъ много бѣлыхъ кружевныхъ шалей.

— Парижскіе журналы предвѣщаютъ скорый упадокъ *plaque à coulisses*.

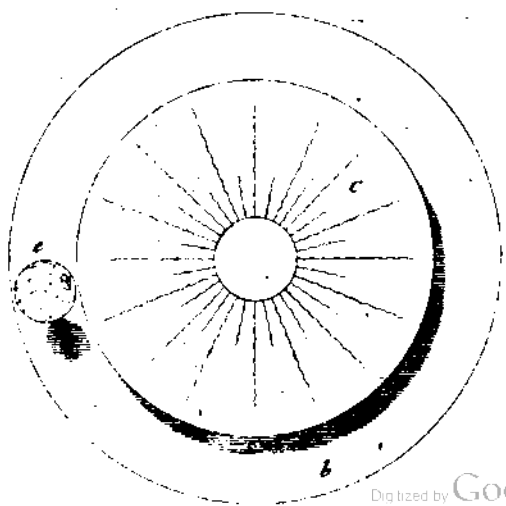
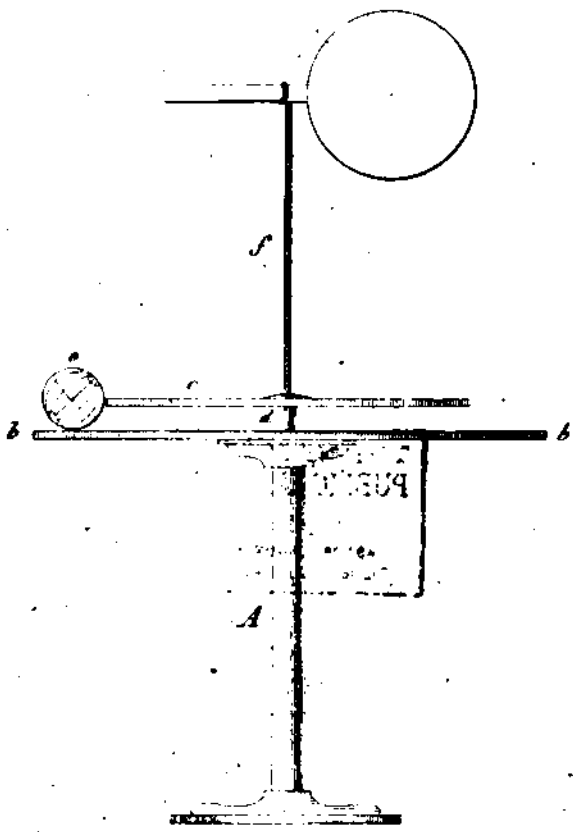
— Въ Петербургѣ, почти исключительно господствуютъ рукава плоскіе, гладкіе, и до того узкіе, что пеголохи, немножко потолще, нѣрѣдко употребляютъ двухъ сильныхъ горничныхъ для встягиванія ихъ на руку. Рукавъ «въ самую пору» называется тотъ, который, будучи съ трудомъ надѣтъ, немножко лопасть по швамъ, и строгая послѣдовательница моды, заказывая новое платье въ магазинъ, откровенно рукавозъ дѣлаетъ всегда уговоръ: *Si j'y entre, je ne prend pas la robe!* Рукава такіе очень часто обшиваются выше локтя тремя рядами фалборки изъ той же матеріи. Но иногда дѣлаютъ рукава очень узкіе у верхней части руки и у кисти, и широкіе у локтя. Изъ короткихъ плоскихъ рукавовъ, самые милые суть безъ-сомненія тѣ, которые доходятъ почти до локтя и оканчиваются весьма широкимъ краемъ, собраннымъ сверху.

— Касаемо прически, нельзя сказать ничего опрѣдѣлительнаго; но, въ эту минуту, почти столько же видно гладкихъ волосъ сколько и пуклей. Если бы надлежало положить въ этомъ отношеніи какое-нибудь правило, то его можно бы выразить словами — или волосы совершенно гладкіе, или две огромныя кисти пуклей, но между этими двумя крайностями нѣтъ середины!

— Чепчики, по прежнему, очень малые, и носятъ на затылкѣ. Въ публичныхъ собраніяхъ весьма многія дамы являютъ въ бастовыхъ шлякахъ *à la bergère*, украшенныхъ однимъ, но пышнымъ, перомъ, красиво падающимъ на лѣвое ухо.

**THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY**

**ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.**

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ОПЫТЪ Г. САПОЖНИКОВА. Авторъ прекрасныхъ рисунковъ къ баснямъ Крылова, Г. Сапожниковъ, сообщаетъ намъ описаніе весьма любопытнаго снаряда электрическаго, который онъ придумалъ.

Въ числѣ опытовъ, которые производилъ я надъ электричествомъ, говоритъ Г. Сапожниковъ, находится одинъ, очень простой, но который можетъ вести къ предположенію, что единственный движитель земли нашей есть взрываютно электричество, которое, по новѣйшимъ теоріямъ, постоянно истекаетъ изъ солнца въ видѣ свѣтовыхъ лучей. Я говорю «электричество»: огненная летучая матерія, которую мы искусственно добываемъ изъ стекла, смолы и разныхъ другихъ тѣлъ, и которая добровольно проявляется на земномъ шарѣ въ различныхъ видахъ, до-сихъ-поръ не получила лучшаго и болѣе опредѣлительнаго названія.

«Начнемъ съ извѣстнаго уже опыта. Если вы укрѣпите тонкій стеклянный шаръ, пустой въ серединѣ; на двухъ острыхъ металлическихъ осяхъ, поддерживающихъ его одна сънизу, а другая съверху, и помѣстите этотъ шаръ между оконечностями двухъ кондукторовъ, поставленныхъ такъ, чтобы одинъ сообщался съ электрическою машиною, а другой съ землею, тогда, по присоединеніи машины въ дѣйствіе, шаръ начинаетъ вращаться тѣмъ съ болѣею быстротою, чѣмъ сильнѣе электрическое теченіе. Въ этомъ опытѣ, струя положительнаго электричества, выходя изъ перваго кондуктора, ударяетъ въ стеклянный шаръ, силится оттолкнуть его и поворачиваетъ всторону; остріе или гребенка втораго кондуктора, находящагося по ту-сторону шара, принимаетъ ее въ себя и передаетъ землѣ, и такимъ образомъ шаръ непрерывно вращается на своей оси. На этомъ началъ Zamboni устроить въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія родъ *regrettable mobile*, помѣщая на шпилькѣ металлическую стрѣлку между двумя Вольтовыми столбами изъ золоченой бумаги. Но эти снаряды представляютъ только образецъ односторонняго движенія, именно, движенія шара на своей оси. Другой снарядъ, который многіе изъ моихъ читателей могли видѣть въ физическихъ кабинетахъ, состоитъ изъ стекляннаго кружка съ перламутромъ, и электрическое теченіе гонимъ вокругъ него легкій стеклянный шарикъ или пустую

скорлупу куриного яйца. Это уже движение тела, текущего по своей орбите, но также движение односложное, которое ничего не поясняет. Дыло состоитъ въ томъ, нельзя ли по-мощію электрической струи получить двойное движение, свойственное земному шару и другимъ планетамъ, которыя въ одно и то же время обращаются на своихъ осяхъ и текутъ вокругъ солнца?

«Въ приложенной фигурѣ есть металлическая ножка *A* съ горизонтальнымъ мѣднымъ кружкомъ *bb* восьми дюймовъ въ діаметрѣ. Другой, такой же кружокъ, *c*, по двумъ дюймамъ выше, поставленъ надъ первымъ на стеклянной ножкѣ *d*. Стеклянный шарикъ *e*, очень легкій, пустой и сколько можно круглый, одного дюйма въ поперечникѣ, свободно кладется на нижній кружокъ. Цѣпочка *f*, опускается отъ кондуктора электрической машины въ средину верхняго кружка. Рисунокъ этотъ представляетъ профиль снаряда. Въ другой фигурѣ, помѣщенной въ низу, можно видѣть кружки эти лицомъ: *c* верхній, или меньшой, кружокъ, на которомъ изображено солнце съ своими лучами; *b* нижній, или большій кружокъ; *e* стеклянный шарикъ, земля.

Когда машина приводится въ дѣйствіе, электричество переходитъ въ верхній проэлектрированный кружокъ, и, по лучамъ, истекающимъ изъ центра, достигаетъ до шарика *e*, который, оттолкнувшись сначала отъ кружка, повертывается около своей оси, какъ въ опытѣ *Zamboni*; но шарикъ тутъ же отдаетъ полученное электричество нижнему кружку, и такимъ образомъ вертѣсь на своей оси, начинаетъ течь плавно около верхняго кружка, какъ земля около солнца, — скорее или медленнѣе, — смотря по силѣ машины. Этого мало: въ темнотѣ часть шарика, обращенная къ верхнему кружку, или солнцу, свѣтится. Нарисованные на шарикѣ поясы земные, даютъ возможность видѣть, какъ онъ обращается около своей оси.

«Этотъ опытъ, который всякой, кто имеетъ у себя электрическую машину, можетъ легко повторять, должно начесть только матеріаломъ для дальнѣйшихъ выводовъ. Между тѣмъ вотъ нѣкоторые:

Надобно полагать, что солнце есть огромный резервуаръ электричества для всей своей системы.

«Пространство, въ которомъ находятся солнечная система наша, какъ бы оно ни называлось, «безвоздушнымъ» или «эфиромъ», имѣетъ конечно свойство втягивать въ себя электричество солнечнаго шара и передавать это летучее вещество окружающимъ его шарикамъ, или планетамъ, на отдаленнѣйшія разстоянія.

«Небесныя шарообразныя тѣла, встрѣчая лучи электричества поверхностью своею, обращенною къ солнцу, *притягиваются* имъ, соразмѣрно объему своему и качеству своей массы.

«Такимъ образомъ половина поверхности планеты, напавшая электричествомъ, однороднымъ съ солнцемъ, должна или оттолкнуться или *перевернуться* на противоположную сторону и разсвѣтъ полученное электричество въ пространство (или эфиръ), между-тѣмъ какъ другая сторона планеты вновь напавается электричествомъ.

«Безпрерывное повтореніе этого дѣйствія заставляетъ планеты вращаться со скоростью, зависящею отъ времени, въ которое планетная масса отдаетъ эфиру свое электричество и получаетъ новое.

«Качество планетныхъ толщъ, или наружныя ихъ оболочки, не одинаково принимающія электричество, легко могутъ быть причиною бѣльшаго или мѣньшаго удаленія планеты отъ солнца.

«Наклонность земной оси можетъ зависѣть отъ того, что одна часть земли притягивается электрическими лучами солнца сильнѣе чѣмъ другая.

«Наконецъ, свѣтъ планетъ можетъ происходить отъ прикосновенія къ нимъ электрическихъ лучей. Правда, что стеклянный шарикъ, какъ весьма худой проводникъ электричества, по-видимому, нисколько не похожъ на нашу землю, которая до-сихъ-поръ считается хорошимъ проводникомъ для своего, *земнаго*, электричества; но если взять въ соображеніе, что мы судимъ о землѣ по однимъ только веществамъ коры земли, и не имѣемъ точныхъ понятій объ окружающей насъ атмосферѣ, которая легко можетъ быть очень дурнымъ проводникомъ, то и это затрудненіе исчезаетъ. Известно, что совершенно сухой воздухъ — столь же худой проводникъ электричества какъ самое сухое стекло, а въ

верхнихъ слоехъ атмосферы воздухъ чрезвычайно сухъ, всегда сильно напнтанъ электричествомъ и удоболяетъ нашу атмосферу стекляннй оболочкѣ земли.

«Я полагаю, что употребивъ очень сильную электрическую машину и стеклянный шарикъ надлежащей круглоты и легкости, не будетъ надобности въ иижней кружакъ *bb*; вмѣсто его, довольно будетъ одного мѣднаго кольца, укрѣпленнаго около искусственнаго солнца. Тогда, шарикъ, изображающій землю, долженъ держаться на воздухѣ одною притягательною силою электричества, и вращаться между кольцомъ и кружкомъ, передавая первому получаемое электричество.

«Очень любопытно бы замѣтить, въ которую сторону начнетъ вращаться шарикъ, если весь снарядъ будетъ сдѣланъ съ математической точностию?

«Не вѣтя средствъ для дальнѣйшаго усовершенствованія этого любопытнаго снаряда, я спѣшу сообщить его любителямъ естественныхъ наукъ, которые постоянно занимаются наблюдениемъ электрическихъ явленій.»

УСНѢХИ АСТРОНОМІИ ВЪ РОССІИ. Въ отчетѣ знаменитаго нашего астронома, Струве, Г. министру народнаго просвѣщенія о дѣйствіяхъ Дерптской обсерваторіи, находятся очень занимательныя подробности объ астрономическихъ трудахъ и открытіяхъ въ Россіи. «То, что, по предствательству вашего высокопревосходительства, говоритъ Г. Струве, сдѣлаво на Русн въ послѣдніе годы для Астрономіи при помощи щедротъ великодушнаго Монарха, изумляетъ современниковъ, и они съ удивленіемъ признаются, что исторія наукъ не представляетъ ничего подобнаго. Въ Россіи занимается нынче для Астрономіи самая прекрасная заря: пожелаемъ, чтобы она сдѣлалась предвѣстницею яснаго дня!»

Далѣе Г. Струве проходитъ весь рядъ своихъ двадцатипяти-лѣтнихъ трудовъ на Дерптской обсерваторіи, гдѣ онъ почти исключительно занимался двойными звѣздами, особенно со времени покупки знаменитаго телескопа Фраунгоферова, который въ тысячу семь сотъ разъ увеличиваетъ наблюдаемые предметы и почти самъ собою показываетъ двойныя звѣзды. Г. Струве, съ этимъ могучимъ инструментомъ,

и прежде еще при помощи двухъ посредственныхъ инструментовъ Доллонда и Траутона, прошелъ на небѣ 120,000 известныхъ звездъ и опредѣлилъ между ними 3,112 двойныхъ, между которыми 2,710 принадлежать лично ему, по праву открытія. Но названіе «двойныя звезды» есть только общее, сокращенное выраженіе, которое многого не досказываетъ: въ числѣ этихъ двойныхъ звездъ, находятся 68 тройныхъ, и еще 2 такія, которыя, при наблюденіи въ сильный телескопъ, оказываются составленными изъ четырехъ солнцевъ, связанныхъ между собою законами одной системы, хотя невооруженному глазу онѣ являются простыми звездами. Все эти изслѣдованія Г. Струве изложилъ въ обширномъ сочиненіи, котораго изданіе приняла на свой счетъ академія наукъ, но которое, вѣроятно, выйдетъ еще не скоро. Авторъ въ немъ доказываетъ, что Ньютоновъ законъ всеобщаго тяготѣнія управляетъ и этими отдаленными мірами, но онъ принужденъ былъ принять для двойныхъ звездъ новую классификацію, основанную такъ же какъ прежняя Гершелева на разстояніяхъ этихъ сложныхъ небесныхъ тѣлъ другъ отъ друга, и заключающую въ себя, вмѣсто четырехъ, восемь разрядовъ. Въ первомъ разрядѣ Г. Струве помѣщаетъ такія двойныя звезды, между которыми кажущійся промежутокъ не превышаетъ одной секунды градуса; въ послѣднемъ, тѣ, которыя удалены взаимно на 24", и далѣе до 32 секундъ, — крайнее разстояніе, какое между двумя составными тѣлами двойныхъ звездъ, обращающимися одно около другаго, замѣчено было еще Вилліамомъ Гершелемъ. Изъ всѣхъ сложныхъ светилъ, донынѣ известныхъ, самый краткій періодъ обращенія наружной звездочки около другой, центральной, представляетъ звезда *ита* въ звѣздѣ Дѣвы, а самый длинный — звезда *ии* того же созвѣдія: первая обтекаетъ свою подругу въ сорокъ три года; вторая, въ пятьсотъ тринадцать лѣтъ; но вѣроятно есть періоды еще короче того, который употребляетъ *ита* звѣзда Дѣвы. Во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться и тому, что два солнца могутъ обращаться одно около другаго скорѣе нежели какъ Уранъ успѣваетъ обойти вокругъ нашего солнца: надобно думать, что или разстояніе между ними менѣе того, какое существуетъ между солнцемъ и Ураномъ, или что ихъ толщѣ не-

сравненно огромные нашего светила. Солнца эти бывают всех возможных цветовъ: иногда оба сіяютъ чистыхъ бѣлыми светомъ, и эти суть самыя многочисленныя; иногда центральное ямлетя краснымъ, а наружное впадаетъ въ голубой цвѣтъ; иногда наконецъ и то и другое мерцаютъ краснымъ, голубымъ, желтымъ, оранжевымъ или зеленымъ пламенемъ. Навы изменяютъ свои цвѣта, и измѣненія эти происходятъ періодически, что заставляетъ предполагать, что эти солнца обращаются также на своихъ осяхъ и при дальнѣйшихъ успѣхахъ фотометріи можетъ повести къ важнымъ результатамъ. Многое, многое остается узнать, извѣдать и измѣрить на небѣ, и великолѣпная главная обсерваторія, которая теперь строится подъ искуснымъ руководствомъ А. П. Брюллова, на Пулковой Горѣ, между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ и которой директоромъ будетъ самъ Г. Струве, безъ-сомнѣнія предназначена пролить новый свѣтъ на тайны тверди и озарить новымъ блескомъ Русскіе астрономическіе труды. Прекрасное это зданіе быстро подвигается къ окончательной отдѣлкѣ и будетъ составлять одно изъ чудесъ Руси: механизмъ огромной вертящейся башни, которая уже изготовлена, заслуживаетъ полного удивленія; трехлѣтній ребенокъ одною рукою повертываетъ всю эту массивную башню, построенную крѣпко и со вкусомъ. Заведеніе, благодаря просвѣщеннымъ щедротамъ Монарха, любителя всего полезнаго, будетъ снабжено собраніемъ отличнѣйшихъ инструментовъ, какого нѣтъ ни на одной обсерваторіи въ Европѣ. Огромныя суммы ассигнованы на покупку ихъ въ Мюнхенъ, Гамбургъ, Лондонъ, Вѣнъ. Пулковская обсерваторія, достойная съ одной стороны Русской земли, но съ другой лучшаго неба, будетъ обладать кромѣ телескоповъ, неуступающихъ Дерптскому, еще діалитами Плессо-Литтровскими, которые нынче предпочитаютъ могучимъ инструментамъ Фраунгофера и его преемниковъ, Эртеля и Уцшейдера.

ЖИВОТНЫЙ МАГНИТИЗМЪ. Чудеса животнаго магнетизма опитъ совершенно не удался, на торжественной выставкѣ своей въ Парижѣ, — маленькое несчастіе, которое всегда съ ними случается, какъ только они встрѣтятся со

свѣтомъ науки и строгимъ разборомъ. Г. Вегна, знаменитый Парижскій магнитизеръ, вызвалъ цѣлѣбную медицинскую академію быть свидѣтельницею основательности всѣхъ необыкновенныхъ явленій этой новой магіи: наравлена была коммиссія, состоящая изъ ученѣйшихъ врачей, враговъ и пріятелей животнаго магнитизма; Г. Вегна напечаталъ программу всѣхъ магнитическихъ штукъ, которыя левовидящая дѣвушка должна была показывать передъ ними, какъ то, повиноваться мысленно отдаваемымъ приказамъ магнитизера, угадывать, предсказывать, читать письма и книги желудкомъ, затылкомъ, пятою, и прочая, и прочая; засѣданія происходили со всею важностью, со всѣми предосторожностями, и — ничего не вышло! Ясновидящая не сдержала ни одной статьи программы, потому что члены коммиссіи были хитрые ея и не дались въ обманъ. Что жъ заключить изъ этого опыта, котораго неудача въ умнѣе повергла всѣхъ суевѣрныхъ приверженцевъ магнитизма? Г. Вегна, какъ и большая часть его собратій, конечно, дѣйствовалъ добродушно и по чистой совѣсти: следственно плутовала ясновидящая?.... Въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія! Уже въскольکو разъ осязательно было доказано, что между молодыми женщинами и дѣвцами бываютъ безсовѣстные плутовки, которыя рѣшаются дѣйствовать такимъ способомъ на легковѣрность людей, пристрастныхъ къ чудесному, и, помощію упражненія въ обманѣ или природной хитрости, съ удивительнымъ искусствомъ вводить ихъ въ самое грубое заблужденіе. Женщины во вся времена склонны были къ такимъ продѣлкамъ: когда упало ремесло сивилль, онѣ бросились въ ясновидѣнія. Не надобно всѣхъ магнитистовъ обвинять въ шарлатанствѣ: многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, принимаютъ дѣятельное участіе въ обманѣ, но многіе также, между которыми есть и очень умные люди, бываютъ сами премускусно обмануты и отъ всего сердца вѣрятъ удачной плутнѣ. Да впрочемъ кто изъ насъ не бывалъ и не бываетъ жертвою женскихъ хитростей, которыя иногда на всю жизнь оставляютъ въ сердцахъ нашихъ глубокія вѣровавія въ разныя трогательныя сцены!... Въ этомъ отношеніи, все мы — магнитисты.

ИСКУССТВЕННЫЕ РУБИНЫ. Любители рубинов должны быть теперь очень осторожны при покупке этих дорогих камней, потому что рубины, которые дѣлаетъ въ Парижѣ Г. Gaudin, ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ. Известно, что чистый окристаллизованный глиноземъ (окиселъ глиниа, alumine) составляетъ основаніе яхонта, драгоценнѣйшаго ископаемаго вещества послѣ алмаза. Г. Gaudin, посредствомъ переплавки глинозема, полученнаго изъ красцовъ, вускала на него черезъ трубку струю пламени двухъ газовъ, кислорода и водорода, и прибавляя къ нему нужное количество хромія и кремнезему, получаетъ прекраснѣйшіе кристаллы рубиновъ всякой величины. Парижская академія наукъ назначила комиссію для изслѣдованія изобрѣтенія Г. Gaudin'a, и Г. Besquegel, въ засѣданіи 28 августа, донесъ отъ имени комиссіи, что рубины эти представляютъ въ совершенствѣ цвѣтъ, твердость, составъ и всѣ свойства Восточныхъ яхонтовъ. Такимъ образомъ опытъ производить рубины химическими средствами, кажется, удался лучше попытокъ дѣлать искусственныя алмазы и другіе дорогіе камни: во всѣхъ произведеніяхъ этихъ попытокъ разница между природными и химическими минералами была слишкомъ явнѣтна, или, точнѣе, Химія, употребляя тѣ же составныя части, изъ какихъ творитъ природа, получала доселѣ совсѣтъ другія тѣла.

СИММЕТРИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО ГЛАЗА. Въ Philosophical Magazine находится описаніе простаго, но весьма любопытнаго, опыта Г. M'Yag'a (Мекайверъ): обстоятельства, о которомъ онъ говоритъ, кажется, никто еще не замѣчалъ. Усыпавъ слегка поверхность зеркала какою-нибудь порошкомъ, напримѣръ мукою черезъ тонкое сито, и глядя перпендикулярно внизъ на эту поверхность въ извѣстномъ разстояніи, вы увидите, что пылинки покажутся вамъ, не разбросанными неправильно, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть и должны бы казаться, во расположенными симметрически въ видѣ двухъ прекрасныхъ лучистыхъ системъ, которыхъ центры соответствуютъ зрачкамъ. Г. M'Yag присовокупляетъ, что, для вѣрнѣйшаго наслажденія этимъ страннымъ явленіемъ, надобно начать смотреть на зеркало однимъ глазомъ,

и открыть другой тогда уже, когда одинъ центръ лучей совершенно образуется. Свойство нашего зрѣнія столь симметрически располагать наблюдаемые атомы, пребываетъ, по его мнѣнiю, не въ сетчатой плесѣ или другихъ наружныхъ частяхъ глаза, но въ самой глубинѣ органа: если бы сетчатая плеса была причиною явленiя, тогда центръ лучистой системы вышлокъ превращалъ бы положенiе свое во штрѣ того, какъ вы видите взоромъ во зеркалу: между тѣмъ центръ остается постоянно на-мѣстѣ, доколѣ не подвините всей головы; тогда и онъ передвигается сообразно съ направлениемъ органа. Г. М'Иваръ приписываетъ явленiе это особенному образу дѣйствованiя зрительнаго нерва, который, конечно, обладаетъ способностью располагать свои впечатлѣнiя въ симметрическiе виды, какъ тѣ упругія ткани и посредства, надъ которыми Хладди, Savar и Faraday произвели опыты, и какъ, вѣроятно, все упругiя ткани и посредства. Оно имѣетъ также весьма замѣтательное соотношенiе съ образомъ ощущенiя звуковъ, и представлялось Г. М'Ивар'у именно во время изслѣдованiй его по этой части. Наконецъ оно можетъ объяснить многiя обстоятельства, относительно распредѣленiя чувствительности на сетчатой плесѣ, обстоятельства до-сихъ-поръ неизъяснимыя.

НОВЫЙ СПОСОБЪ ПОЛИВАТЬ РАСТЕНIЯ. Одна Лондонскiй журналъ сообщаетъ секретъ многихъ тамошнихъ огородниковъ, которые выращиваютъ великолѣпные овощи и прекраснѣйшую зелень на садахъ обыкновенной земли: они просто поливаютъ ее легкимъ растворомъ соды. На пять ведеръ воды употребляется одинъ фунтъ соды, и этотъ растворъ служитъ для обыкновенной полявки растенiй по утру и вечеромъ. Очень желательно, чтобы любители огородничества испытали у себя это средство. Въ томъ же журналѣ пишутъ, что Швабскiй способъ садить аблонн, безъ стѣнiя зернъ и безъ прививанiя, а только втыкая кобыся въ картофель и зарывая его на одинъ дюймъ въ землю, испытанъ въ разныхъ мѣстахъ Англiи съ полнымъ успѣхомъ, и что многiя другiя садовыя деревья весьма легко принимаются, и живутъ превосходно, будучи такимъ же образомъ, тотчасъ послѣ срезанiя, посажены въ крупный картофель.

ОБЛАКО СВЯТЫХЪ ЖУЧКОВЪ. Девятаго августа, ночью, жители города Кенторбери, въ графствѣ Кентскомъ, перепуганы были красноватымъ свѣтомъ, который неожиданно разлился въ южной части города и исходилъ изъ развалины «Старога Замка», Old Castle. Развалины эти казались облитыми пламенемъ. Пожарная команда прибѣжала съ трубами и водою, множество народа двинулось также гасить пожаръ. Но прибытіи на мѣсто, съ удивленіемъ увидѣли, что свѣтъ происходилъ не отъ огня, но отъ безчисленныхъ росъ маленькихъ насекомыхъ, которыя покрывали всю развалину. Къ утру это облако фосфорическихъ жучковъ улетѣло. Кентская газета прибавляетъ, что, по свидѣтельству старожиловъ, подобное явленіе случилось въ томъ же мѣстѣ лѣтъ тридцать тому назадъ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ВЕРЕВКИ. Въ Берлинскомъ журналѣ Archiv für Mineralogie помѣщено письмо Г. Альберта, Ганноверскаго горнаго совѣтника, въ которомъ онъ сообщаетъ Прусскому тайному и горному совѣтнику доктору Карстену подробности объ изобрѣтеніи своемъ желѣзныхъ крученыхъ веревокъ и весь способъ ихъ дѣланія. Г. Альбертъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ желѣзнымъ веревкамъ, чтобы сократить расходы на веревки конопляныя въ горныхъ работахъ Верхняго Гарца. Нѣсколько лѣтъ сразу занялся онъ усовершенствованіемъ этого изобрѣтенія, и теперь довѣлъ его до степени полной удовлетворительности. Веревки его крутятся изъ тонкой проволоки; онъ совершенно гибки, покрыты лакомъ, который предохраняетъ ихъ отъ ржавчины, удивительно крѣпки и прочны несмотря на свою тонкость, и несравненно дешевле конопляныхъ. Мы не можемъ приводить здѣсь длиннаго описанія этого производства: владельцы желѣзныхъ заводовъ легко отыщутъ его въ журналѣ доктора Карстена, гдѣ находятся также рисунки нужныхъ инструментовъ; но нельзя не пожелать, чтобы ихъ предпринимчивость не оставила безъ вниманія столь важнаго открытія. Желѣзныя веревки сохраняютъ всю свою гибкость во время морозовъ и въ нашемъ климатѣ были бы во многихъ случаяхъ чрезвычайно полезны. Матеріалъ (проволока) и работа 750 сажней желѣзной веревки, которая поднималась

около 400 пудовъ вѣсу, обходится въ 700 рублей. Тринадцать человекъ работниковъ, считая въ томъ числѣ бабъ и мальчиковъ, выдѣлываютъ въ часъ до восьми сажени такой веревки, которая притомъ легче коноплянаго каната равной съ нею силы.

ОТКРЫТИЕ НОВЫХЪ ХОДОВЪ ВЪ ГЛАВНОЙ ЕГИПЕТСКОЙ ПИРАМИДѢ. Главною Египетскою пирамидою мы называемъ ту, которая извѣстна подъ именемъ Хеопсовой: впрочемъ она и по своимъ размѣрамъ самая значительная изъ трехъ, находящихся въ Джизе насупротивъ Старога Камра. Извѣстно, что въ этихъ пирамидахъ есть небольшія комнаты, которыя служили хѣстомъ погребенія для царей: въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что въ нихъ доселѣ видны саркофаги, или гробницы. Въ главной пирамидѣ есть двѣ такихъ комнаты, которыя посѣщаютъ все путешественники: бѣльшую изъ нихъ, то есть, верхнюю, зовутъ обыкновенно «комнатою царя», а нижнюю, или меньшую, «комнатою царицы». Въ нихъ нѣтъ ни какихъ украшеній: голыя стѣны ихъ покрыты мелкими кристаллами селитры и сажею факеловъ, которыя приносятъ съ собою посѣтители; на полу стоитъ простой гранитный саркофагъ, и самое примѣчательное обстоятельство — нестерпимая духота. Къ этимъ комнатамъ ведутъ узкіе и низкіе ходы, гдѣ надобно ползти, согнувшись вдвое, то поднимаясь, то опускаясь, подъ извѣстными углами наклоенія. Иногда эти наклоненныя лазейки вдругъ прекращаются, и вы видите подъ ногами отверстіе, въ которое надобно спускаться нѣсколько сажени перпендикулярно внизъ по веревкѣ: на днѣ отверстія опять начинается низкій и узкій ходъ, болѣе или менѣе наклоненный, а иногда и горизонтальный. Такіе перпендикулярные спуски называются «колодцами», и на Египетскихъ кладбищахъ они весьма обыкновенны. Очевидно, что подобный лабиринтъ затруднительныхъ лазеекъ придуманъ для того, чтобы ни какое святотатственное усиліе не могло нарушить вѣчнаго покоя усонкаго владыка пирамиды и вытаскать оттуда его саркофага. Кромя ходовъ и комнатъ, навѣстныхъ и всѣми посѣщаемыхъ, есть еще другіе, куда никто изъ путешественниковъ не имѣетъ охоты странство-

вать: и, право, измучившись и пропотѣвъ до костей, пока доберешься до комнатъ царя и царицы, гдѣ даже не на что смотреть, рѣдкому захочется искать съ novelty трудомъ удовольствія ничего не видать! Однако же Французскій капитанъ de Valenciennes былъ храбрѣе всѣхъ насъ, любезные читатели, которые имѣли удовольствіе лазить въ пирамиды: онъ отважно пустился въ эти незвѣданные проходы, и мы приведемъ здѣсь описаніе его экспедиціи. Путешествіе господина de Valenciennes печатается теперь въ Парижѣ и выходитъ тетрадами. Слѣдующій отрывокъ былъ перепечатанъ во многихъ Французскихъ журналахъ подъ безсмысленнымъ заглавіемъ «Колодцы посвящаемыхъ въ тайны Иизиды.»

«Многіе писатели, Niebuhr, Davison, Montague, говорятъ, что въ верхней части главнаго хода есть отверстіе, которое было неизвѣстно до экспедиціи генерала Бонапартя, и что ученая коммиссія этой экспедиціи удостовѣрилась въ его существованіи: не знаю, почему она не продолжала своихъ изысканій. Но эти писатели только упоминаютъ объ отверстіи, не дѣлая никакихъ объясненій. Плиній тоже говоритъ объ немъ. Darius (великій авторитетъ!) утверждаетъ, что отсюда было сообщеніе съ подземнымъ Мемфисскимъ храмомъ (который находится по другую сторону Нила!), и что оно служило для испытаній, которымъ подвергались посвящаемыя въ таинства храма: между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ путешественникъ не отважился проникнуть туда. Мнѣ хотѣлось изслѣдовать это сообщеніе, но я ни кому не открывалъ моего намеренія, кромѣ Champollion'a Младшаго, которому писалъ за несколько дней до посѣщенія пирамидъ.

«Чтобы достигнуть до отверстія этого колодца, надобно пробраться въ лѣвый уголъ главнаго хода: тамъ находится небольшая нора, по которой я, съ двумя Арабами, проползши шаговъ шесть или восемь; потомъ очутились мы на площадкѣ фунтовъ въ семь въ квадратѣ, и я увидѣлъ отверстіе колодца. Я сказалъ юннгу проводнику что хочу дѣлать: они были совсѣмъ не расположены сопутствовать мнѣ, потому, говорили они, что никогда не спускались въ этотъ колодецъ, хотя не разъ видѣли его отверстіе. Я однако жъ убѣдилъ ихъ, обещавъ имъ нѣ-

сколько Испанских пiастровъ въ добавокъ къ обыкновенной платѣ.

«Это отвѣртіе имѣетъ два фута съ половиною въ квадратъ; колодець показался мнѣ перпендикулярнымъ; я замѣтилъ въ стѣнахъ его справа и слева углублеція, или заступки, продѣланныя нарочно для того, чтобы упираться въ нихъ руками и ногами, когда спускаешься или вылазаешь. У меня было съ собою двадцать саженой веревки, толщиною съ большой палецъ: мы крепко привязали конецъ ея въ верхней части колодца, и я бросилъ весь кружокъ веревки въ бездну. Черезъ минуту я началъ тнуть веревку вверхъ на другомъ концѣ ея былъ привязанъ кусокъ свинцу, весомъ около фунта; но я не чувствовалъ его тяжести и заключилъ изъ этого, что колодець не очень глубокъ.

«Въ этой утврѣнности, велѣлъ я одному изъ Арабовъ спускаться, самъ ползъ за нимъ; другой Арабъ слѣдовалъ за мною; у каждаго изъ насъ было по два факела, въ томъ числѣ одинъ зажженный; но за веревку держаться было невозможно. Одною рукою держали мы факелы, упирался локтемъ въ зарубы; другая рука упиралась въ стѣну противоположную зарубѣ, и такимъ образомъ мы спускались, съ большимъ трудомъ. Къ счастію зарубы одинъ отъ другаго были не далѣе какъ на футъ. На каждахъ двадцати пяти футахъ есть родъ окошка въ три квадратныхъ фута, иногда съ той, иногда съ другою стороны: изъ нихъ дуетъ теплый воздухъ, и я полагаю, что эти дыры должны имѣть сообщеніе съ какою нибудь общою трубою, устроенною для проведенія вѣтняго воздуха. Мы часто принуждены были отдыхать, и, признаюсь, въ эти минуты меня волновали печальныя мысли; потому что хотя я хорошо зналъ древнія описанія этихъ проходовъ, однако жъ могъ случиться преграда или несчастный случай. Прибавьте, что когда спускаешься въ перпендикулярномъ положеніи, сперва подвигая внизъ одну ногу и держась между-тѣмъ локтемъ и другою рукою, а потомъ переставляя другую ногу, то въ клыбникахъ наконецъ дѣлается дрожь, которая непрерывно увеличивается. Я тщательно считалъ ступеньки или, лучше сказать, зарубы, и насчиталъ ихъ уже сто шестьдесятъ четыре, когда замѣтилъ, что свинець мой виситъ на концѣ веревки, не достигъ

ши до дна колодца!..... Тутъ новая остановка и новая поздняя сожалѣнія. При всемъ томъ мы снова начали спускаться; но вдругъ Арабъ, который былъ подо мною, испустилъ крикъ и факель его погасъ. Я остановился, началъ прислушиваться, смотрѣть подъ собою: Арабъ и его свѣтло исчезли такъ, что я ничего не видалъ и не слыхалъ кромя того крика, отъ котораго сердце у меня сильно забилось: я думалъ, что оборвусь и упаду. Укрѣпившись сколько могъ на ногахъ, я вытащилъ одну бутылку водки, выпилъ, и позалъ ее Арабу, который находился надо мною. *Аллахъ керимъ!* «Богъ милостивъ!» сказалъ онъ, возвращая мнѣ бутылку: мы стали спускаться нѣсколько скорѣе прежняго. Футовъ въ двадцати пяти повниже, очутились мы въ комнатькѣ, футовъ шести въ квадратъ, и тутъ услышь. Харебъ озирался какъ безумный и ужасно трепеталъ; я опять подалъ ему бутылку; онъ дрожалъ до того, что пролилъ половиину водки наземь: я бы сталъ бояться его, если бы не былъ вооруженъ; но со мною была пара пистолетовъ, и я нарочно щелкнулъ курками.

«Въ углу на право, но не прямо подъ тѣмъ колодезь, по которому мы спускались, есть отверстіе другаго колодца. Съ четверть часа я раздумывалъ, не лучше ли мнѣ попробовать подняться чѣмъ продолжать это безразсудное предпріятіе; но въ томъ состояніи, въ какомъ мы тогда находились, карабкаться наверхъ было почти невозможно. Нечего дѣлать: я рѣшился опять спускаться, и объявилъ объ этомъ Харебу. Онъ не противился, повторилъ свое *Аллахъ керимъ*, и отважно полѣзъ первый въ яму. Онъ, видно, олушевился и подкрѣпилъ, подобно мнѣ, свое мужество бутылкою. Тѣ же труды, тѣ же безпокойныя мысли мучили меня цѣлыхъ три четверти часа, пока мы спускались по второму колодцу, въ которомъ я насчиталъ двѣсти двадцать зарубъ. Здѣсь я очутился въ квадратной комнатѣ, футовъ въ двадцать, и почти такой же вышины. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, и еще разъ понодчивавъ моего Араба, я взялъ свѣчу, и началъ осматривать комнату, которой стѣны сверху до низу сдѣланы изъ нешлифованнаго гранита. Въ одномъ углу я остановился, увидѣвъ что-то странное: то былъ скелетъ! Я сталъ искать вокругъ этихъ костей, не найду ли чего нибудь металличе-

скаго, или какой другой вещи, которая бы показала мнѣ, какой несчастный добрался прежде меня до этого мѣста. Но я ничего не нашелъ кромѣ двухъ довольно большихъ металлическихъ пуговицъ: онѣ доказывали только то, что этотъ человекъ былъ Евронецъ.

«Взглянувъ на стѣну подлѣ скелета, я замѣтилъ слѣды надписи, но она была почти стерта, а то, что оставалось, было такъ неясно, что я могъ разбратъ только: London.... М.... 2.... 171.... S. Наве.... Ясно, что это былъ Англичанинъ. Такимъ образомъ, этотъ несчастный шелъ по одному пути со мною, и, увлеченный пагубнымъ любопытствомъ, не находя выхода, умеръ здѣсь съ голоду! Вотъ участь, которая я меня ожидала. Но я не сталъ бы, подобно ему, терпѣть терзаній ужасной смерти: у меня были пистолеты. Я принялся искать проходовъ, о которыхъ читалъ Нигдѣ ничего! Правда, что эта комната наполнена землею и обломками, такъ, что стѣны завалены на довольно большую высоту. Я сталъ рыться у подошвы южной и сѣверной стѣны, потому что въ южной полагается отверстіе длиннаго хода, за которымъ слѣдуетъ колодезь, выходящій къ самому сѣнику; въ сѣверной стѣнѣ должно быть сообщеніе съ нижнимъ ходомъ пирамиды, который ведетъ къ комнатѣ царицы. Я объяснилъ мои надежды Харебу, и бѣднякъ принялся рыть у южной стѣны, между-тѣмъ какъ я работалъ у сѣверной. Длинны показались мнѣ два часа, которые провелъ я въ этомъ занятіи! Шесть разъ былъ я готовъ оставить свое предпріятіе; случалось, что разрою руками обломки, фута на два или на три; потомъ ступлю какъ-нибудь неосторожно, и все обрушилось: надобно начивать снова! Вдругъ мнѣ показалося, что рука моя попала въ верхнюю часть какого-то отверстія, и я испустилъ крикъ радости.

«Харебъ подбѣжалъ ко мнѣ: я не могъ выговорить ни слова, и только указалъ ему на отверстіе; видно, мой взглядъ, моя физиономія, были очень выразительны, потому, что онъ тотчасъ понялъ меня и его черты также изобразили счастье, которое можетъ постичь только тотъ, кто былъ въ опасности и безъ надежды спасенія. Схвативъ мою руку, онъ съ жаромъ поцѣловалъ ее, и принялся усердно работать. Мы трудимся такъ ревностно, что въ полчаса очистили все

отверстіе новаго колодца и разгребли обломки, и наконецъ могли пробраться въ него ползкомъ. Тогда только мы смогли отдохнуть немножко, поставивъ между собою бутылку: я снова справился съ монъ кариваннымъ Страбоніемъ, чтобы увѣриться, что прежній входъ колодець — именно тотъ, который идетъ къ нижнему ходу пирамиды. Колодець былъ у меня вѣвъ; нижній ходъ находится въ томъ же направленіи. «Свѣдѣственно, сказалъ я, мы попали на путь!» Оставивъ комнату, я написалъ, какъ можно было на неполированныхъ гранитъ, чернымъ карандашомъ, годъ, число, и то что мы здѣсь дѣлали. Я положилъ тутъ пяти-франковую монету 1830 года съ изображеніемъ Карла X, и легъ ничкомъ у отверстія. Но другая бѣда: мы не могли въ этомъ положеніи нести факеловъ. Одинъ зажженный факель я оставилъ въ этой комнатѣ, на случай, если бы намъ пришлось возвратиться туда, и мы пустились на Божью волю. Я вскорѣ замѣтилъ, что наклонность новаго хода была восходящая, и шаговъ сто мы проползли безъ всякаго препятствія; но тутъ лежали обломки, и такіе большіе, что мое затруднительное путешествіе приостановилось. Харебъ ползъ вслѣдъ за мною. Я сообщилъ ему, что со мною случилось, но въ ту самую минуту, какъ говорилъ, послышался шумъ надъ головою! Тутъ уже я увѣрился, что точно нахожусь подъ нижнимъ ходомъ, близъ того мѣста, гдѣ лазейка, ведущая отъ наружнаго отверстія пирамиды, соединится съ эгипъ ходомъ. Я началъ клякаться, кричать изо всѣхъ силъ; прислушивался, но слышалъ только прежній глухой звукъ и болѣе ничего. Я рѣшился выстрѣлить изъ пистолета: тутъ звуки сдѣлались явственнѣе, чаще и ближе; на мой выстрѣлъ отвѣчали другимъ выстрѣломъ. Я началъ таскать камни, бывшіе передо мною; Харебъ отпихивалъ ихъ за себя и тогда я, къ невыразимому моему удовольствію, замѣтилъ, что съ другой стороны также работаютъ. Но вдругъ меня поразила ужасная мысль. Мнѣ пришло въ голову, что при этомъ можетъ случиться обвалъ, и тогда я буду раздавленъ! Но настоящая опасность была страшнѣе той, которая еще только можетъ случиться. Такиимъ образомъ прошелъ цѣлый смертельный часъ и ничто еще не подавало мнѣ надежды на успѣхъ. Вдругъ я былъ ослабленъ легкимъ свѣтомъ; въ ту жь минуту камень отбѣ-

лететь, катится на два пальца отъ моей головы и отверстіе быстро разширяется. Оно было едва достаточно, чтобы кое-какъ просунуть туда тело; а между тѣмъ я въ одну секунду былъ уже тамъ. Какою волшебною силой я вдругъ тамъ очутился — этого я уже не знаю. Десять рукъ вытащили, вырвали меня оттуда; я слышалъ голоса, слова, крики; но ничего не понималъ. Пьянъ ли я былъ, или обезумѣлъ отъ радости — не могу сказать.

«Уже черезъ нѣсколько минутъ послѣ того я совершенно пришелъ въ себя и тутъ только замѣтилъ, какъ удивляются мои товарищи, что я попалъ къ нимъ путемъ, котораго они вовсе не знали. Всѣ бывшіе тутъ Арабы окружили Хареба. Оправившись отъ страха, онъ съ жаромъ говорилъ, впрямую рассказывалъ, какими опасностями подвергался во время своего пребыванія въ пѣдрахъ пирамиды. Частыя его восклицанія, краска въ лицѣ, сверкающіе взгляды, выразительныя тѣлодвиженія, страхъ, который по временамъ изображался въ его краснорѣчивой физиономіи, все это составляло картину, которая обратила на себя общее вниманіе. Товарищи Хареба слушали его, разинувъ рты и вытаращивъ глаза; а когда онъ кончилъ, толмачъ нашъ съ живостію сталъ упрекать меня за то, что я подвергался опасности навѣки остаться въ мѣстѣ, въ которомъ бы и костей моихъ никогда не отыскали. Впрочемъ, за исключеніемъ только таинственной кончины моего Араба, все было благополучно; оставалось только выбраться изъ пирамиды и переменить платье, Фракъ мой, панталоны, были въ лохмотьяхъ, даже сапоги изорваны, а руки, лице, плеча, колѣни изцарапаны и окровавлены. Наконецъ мы кое-какъ достигли до наружной части пирамиды.»

Изъ этого описанія видно, что колодцы, о которыхъ рѣчь идетъ, не имѣютъ ничего общаго съ таинствами Иизды: это — ходы, ведущіе къ погребальнымъ комнатамъ, приготовленнымъ для помѣщенія гробницъ. можетъ-быть, дѣтей царя, который построилъ себѣ пирамиду, и оставшимся безъ употребленія, потому что у него не было дѣтей, или по другой какой-нибудь причинѣ.

ПОХИТЕНИЕ ДЕТЕЙ ВЪ ИНДІИ. Продавать и покупать детей вещь въ Индіи, самая обыкновенная. Главныя причины этого гнуснаго торга, — нищета, голодъ; часто даже цѣлыя семейства только этии средствами избавлялись отъ голодной смерти. Между тѣмъ въ некоторыхъ обстоятельствахъ и особенно въ голодное время цѣна на детей очень не высока; въ 1833 году, когда голодъ, царствовавшій въ Индіи, чрезвычайно распространилъ эту торговлю, средняя цѣна ребенка была шесть *сировъ* рису (двѣнадцать фунтовъ). Если проданный такимъ образомъ ребенокъ попадаетъ, по счастью, въ порядочный домъ, объ немъ пекутся съ нежностью, воспитываютъ вместе со своими детьми, учатъ по-Англійски, арметикъ, верховой ѣздѣ; не щадятъ ничего, чтобы узми благодарности привязать ребенка къ его новому семейству; а когда, придя въ возрастъ, онъ оказывается достойнымъ этихъ попеченій, то дается обыкновенно повѣреннымъ господъ своихъ и часто безъ всякаго надзору управляетъ цѣлымъ домохъ.

Это желаніе пріобрѣсти взрнато слугу такъ обыкновенно у Индѣйцевъ, что когда находятъ оставленнаго ребенка, тотчасъ человекъ двадцать являютел къ начальнику просить, чтобы малютку отдали имъ. Въ 1834 году отрядъ докторовъ пришелъ изъ Раскутаны въ Деглян; съ ними было тридцать пять человекъ детей, которыхъ они закупили по дорогѣ, чтобы перепродать; но какъ покупка произведена была на иностранной землѣ, а въ такомъ случаѣ она, по Англійскимъ законамъ, причитается къ торгу невольниками, то этихъ людей посадили въ тюрьму, а детей объявили свободными. Въ числѣ ихъ были малютки годовъ двухъ и трехъ, а некоторые, мальчики отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ. При допросѣ они показали, что проданы единственно по причинѣ нищеты родителей и что они не имѣютъ намѣренія возвратиться въ свои семейства, гдѣ ихъ ожидаютъ ужаснѣйшія лишения. Ихъ отпустили. Въ Индіи нередко случается видѣть купцовъ, которыхъ товаръ состоитъ единственно изъ продажныхъ детей. Эта отрасль промышленности производитъ часто самыя вредныя послѣдствія, потому что возбуждаетъ алчность влѣкчивренныиъ людей, и заставляеть ихъ красть детей, чтобы продавать ихъ. Похитителей детей въ

Индій также много, какъ въ Лондонѣ мошенниковъ. Въ 1833 году въ Дегли вдругъ пропало множество дѣтей, такъ что не могли дознаться, куда они девались. Тщетно городское начальство усугубило надзоръ и родители бдительно наблюдали за дѣтьми; не проходило дня, чтобы какой нибудь ребенокъ не былъ похищенъ. Одинъ изъ жителей Дегли, послѣ долгихъ разысканій, нашелъ свою маленькую дочь на земляхъ Петіоны-раджа; онъ тотчасъ привелъ ее въ Дегли и по рассказамъ этой дѣвочки нѣсколько преступниковъ были задержаны. Она говорила, что однажды вышла изъ дому съ другою маленькою дѣвочкою, набрать щепокъ и сучьевъ для тонки. Къ нимъ подошла какая-то старуха и спросила, не хочетъ ли она продать свой лѣсъ; торгъ былъ слаженъ, и дѣвочки пошли за старухою въ ея домъ, чтобы получить деньги. Но тамъ дверь тотчасъ за ними заперли и посадили ихъ въ погребъ, гдѣ онѣ и пребыли до тѣхъ поръ какъ ихъ вывели изъ городу. Въ назначенный день ихъ посадили каждую въ большой глиняный кувшинъ и положили на воловь. Караванъ тотчасъ пустился въ путь и благополучно прошелъ городскія ворота.

Когда ребенокъ похищенъ изъ дому, онъ уже рѣдко возвращается; а если проданъ въ отдаленной землѣ, то уже навсегда потерянъ. Случается иногда, что воровъ поймаютъ, когда они уже продали украденнаго ребенка. Тогда ихъ сажютъ въ тюрьму какъ подозреваемыхъ въ убійствѣ и не освобождаютъ до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не будетъ отысканъ и возвращенъ своимъ родителямъ, и воровъ приходится болѣею частью просидѣть въ тюрьмѣ всю жизнь. Индѣйское судопроизводство въ подобныхъ дѣлахъ, да и во всѣхъ другихъ, доставляетъ преступнику полную возможность вынудиться изъ бѣды. Похитители дѣтей не ищутъ надобности прибѣгать къ уличнымъ кутроствамъ Парижскихъ и Лондонскихъ мошенниковъ. Они всегда могутъ заманить жертву въ свои сети какими нибудь лакомствами, кускомъ пирога, самою простою игрушкою. Иногда они употребляютъ настой одной травы, которая производитъ глубокой сонъ, но можетъ причинить и смерть, если принята въ большомъ количествѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ воръ отравилъ такимъ образомъ цѣлое семейство. Эти злодѣи похищаютъ

обыкновенно детей бедныхъ родителей, потому что тогда бываетъ меньше шума и поисковъ, чѣмъ если бы они произвели покражу въ богатомъ семействѣ. По послѣдніе подвергаются еще большей опасности по причинѣ драгоценныхъ камней, ожерельевъ, браслетовъ, колецъ и другихъ вещей, которыя нѣтъ надѣвають на шею, на руки, большіе пальцы на ногахъ; если разбойнику удастся поймать такого ребенка, онъ тотчасъ его душитъ, а тѣло кидаетъ въ колодезь, чтобы скрыть свое преступленіе.

Случается также, что детей крадутъ для того, чтобы принести ихъ въ жертву богинѣ Кали, гению зла въ Индѣйской мѣологій. Въ 1831 году одинъ молодой пастухъ ходилъ за стадомъ близъ деревни на границѣ провинціи Джестія. Вдругъ къ нему подбѣгаютъ нѣсколько человекъ и хотѣли завязать ему ротъ. Но мальчикъ началъ кричать; жители деревни сбѣжались къ нему на помощь, схватили злодѣевъ и привели къ суду. Тамъ одинъ изъ нихъ объявилъ, что Куаръ, зять Рали-Сина, раджи Джинтійскаго, послалъ ихъ захватить какого нибудь мальчика на жертву богинѣ Кали, чтобы она даровала плодородіе жентъ его, сестрѣ раджи. Это показаніе было подтверждено и двумя другими злодѣями, которые сообщали также нѣсколько подробностей о самомъ жертвоприношеніи. Англійское правительство тотчасъ послало сказать раджѣ, что если это случится въ другой разъ, то оно будетъ требовать выдачи преступниковъ, кто бы они ни были. Раджи переиудался, узрѣвъ, что онъ не сколько не участвовалъ въ этомъ преступленіи и обѣщавъ наблюдать, чтобы въ его владѣніяхъ не дѣлали болѣе этихъ ужасныхъ жертвоприношеній. К несчастью богиня Кали всегда возбуждаетъ умы суевѣрныхъ Индѣйцевъ. Къ ней прибѣгаютъ они съ народныхъ бѣдствіяхъ; и нынче какъ и прежде, въ случаѣ заразительныхъ болѣзней, столь обыкновенныхъ въ Индіи, она, вмѣсто того, чтобы употребить средства, предписанныя врачами, обогриваютъ кровью жертвенники богини Кали.

ОХОТНИКЪ ДО НЕГРОВЪ. Въ журналѣ *Revue maritime* какой-то пскатель приключеній рассказываетъ случай, котораго онъ былъ свидѣтелемъ:

«Привязанность къ своему ремеслу составляет разительную черту въ характеръ моряка: неудачи и опасности до послѣдней минуты не ослабляютъ его надеждъ, и онъ всю жизнь преслѣдуетъ цѣль свою съ удивительнымъ упорствомъ. Примвръ этого я видѣлъ на одномъ старомъ матросѣ, котораго случайно встрѣтилъ въ Каитѣ, въ питейномъ домѣ, куда мы пошли искать одного новаго юнга, шалуна, за которымъ нуженъ былъ особенный присмотръ.

«Мы нашли его за бутылкою вина съ этими матросою. Старикъ рассказывалъ свою исторію нашему юнгѣ: она показалась мнѣ любопытною, и я сѣлъ не въ далекомъ отъ нихъ.

— Да, мой милый голубчикъ, говорилъ старый морской волкъ: займись торговлею неграми. Благородное ремесло! Торговать чернымъ мясомъ не то, что торговать пернымъ деревомъ; право не то! Тутъ бывають два различныя случая: сначала, опасности, тревоги, въ которыхъ иногда и самого общипываютъ; но зато потомъ — піастры, дублоны, гвиеи, пекины! Золотой дождь такъ и льется прямо въ карманы! Сколько рому-то можешь закупить, сколько красавицъ пере-любить! Пей, ѣшь и веселься, сколько душѣ угодно.

Юнга былъ въ восхищеніи: но онъ не могъ не замѣтить рвзкаго различія выгодъ между торговлею чернымъ деревомъ, за которымъ мы тогда отправлялись въ Гвіану, и торговлею черными людьми: его товарищи на нашемъ суднѣ были очень опрятно одѣты и довольны, тогда какъ этотъ старикъ имѣлъ совершенно оборванную одежду и, кажется, мало стоялъ подъ золотымъ дождемъ, потому что вся стѣна, подобно кожѣ зебра, была изцѣщена черточками, которыя означали число выпитыхъ въ долгъ бутылокъ.

— Нѣтъ, старичокъ, сказалъ лукаво юнга, поглядывая на стѣну: кажется, ты не нажилъ большаго богатства, нѣтъ денегъ всегда скользили у тебя между пальцами; я не вижу и слѣдовъ твоихъ гвией и піастровъ; у тебя болѣе долговъ чѣмъ у какого-нибудь закоренѣлаго мота.

— Мой милый голубчикъ, прервалъ старикъ, записывая на стѣнѣ новую бутылку, которую онъ разлилъ въ стаканы: это правда, но вотъ въ чемъ дѣло: я теперь терплю недостатокъ, потому что мой часъ еще не насталъ; но подождемъ, скоро все переменится. Я тебя расскажу про мои походы.

Я начал службу въ то время, когда Англичане насъ тѣснили, Наполеонъ не заботился о флотѣ и нашей братъѣ, надобно было заниматься запрещеннымъ. Я опредѣлился на судно одного стараго моржа, который производилъ торговлю неграми, и тотчасъ полетѣлъ съ нимъ по морямъ искать счастья. Въ этотъ походъ на мою долю досталось двадцать тысячъ франковъ, которые такъ легко были добыты, какъ тебѣ молодцу не выпить стакана рому. Да къ несчастію проклятые камни сулудись къ намъ подъ носъ, судно разбилось, и все франки ушли на дно къ рыбакамъ. Потомъ я перемѣнилъ капитана.....

— Какъ же это не стыдно перемѣнять капитана? Значитъ, ты ушелъ отъ него?

— Такъ что же? А тебѣ это странно? Я нѣсколько разъ дѣлалъ это, мое дѣятко. Чортъ возьми, славная добыча досталась намъ! Цѣлый грузъ негровъ! Мы еще схватили тридцать человѣкъ мулатовъ, которые знали свое дѣло не хуже Голландскихъ матросовъ. Все это стоило триста тысячъ франковъ, такъ же вѣрныхъ, какъ-будто они были у насъ въ карманѣ. Славно, а?..... Но вотъ у насъ на кораблѣ свылалась холера; мулаты передохли, какъ жабы въ сухомъ нѣбѣ. Боже милостивый, такое горе!..... надобно было бросить въ море такое богатство! Не правда ли, жалко! А непрежѣнно надобно было бросить, потому что трупы мулатовъ распространяли заразу и между неграми. Когда мы увидали вдаль берегъ, уже двѣ трети негровъ были съедены акуллами, и чтобъ продать остальныхъ хоть за коловвинную цѣну, мы надули ихъ, какъ мясники надуваютъ телятину, потому что они были тощи какъ скелеты. Вотъ второй мой походъ; неудачный, но это ничего. Я оставилъ этого капитана, и присталъ къ третьему.....

— Куда же вы пошли?

— Опять въ Африку, мой милый голубчикъ! Мы набрали трюмъ двумястами Конгосцевъ, черныхъ какъ смоль, и поехали продавать ихъ въ Новый Орлеанъ, нисколько не думая объ Англичанахъ. Въ одно утро подъ вѣтромъ показался корветъ; по виду судна нашего, онъ, мерзавецъ, тотчасъ узналъ какого пола мыгода, и пріятельски началъ здороваться съ нами. Мы угостили другъ друга славными адрами

и картечью, и дело кончилось темъ, что насъ взяли въ плѣнъ. Я переселся на одинъ Англійскій корабль, который былъ превращенъ въ морскую тюрьму. Вотъ третій походъ! Оттуда я благополучно убѣжалъ, достигъ до Калѣ, и, чтобы не терять времени даромъ, опредѣлился въ службу къ капитану Керкоку, и — счастливаго пути!

— Куда же?

— Опять въ Африку! Съ помощію Божьею мы нагрузились черными мясомъ и въ шесть недѣль были уже въ восьмидесяти миляхъ отъ Ямайки. Новая бѣда! Одному изъ этихъ безмозглыхъ черныхъ болвановъ, который прежде былъ королемъ въ своей землѣ, не понравилось, что его держать какъ селедку въ бочкѣ: онъ и шеннулъ что-то своимъ; мы оплошали, а эти собаки потихоньку перехватили насъ, и привязали къ мачтамъ, въ которыхъ и убили. Однако гдѣ нибъ скотамъ управлять судномъ! Они тотчасъ поставили его на мель, и въ суматохѣ нибъ удалось спастись, съ двумя кровавыми полосами на поясницѣ. Это мой четвертый походъ: онъ былъ, покуда, послѣдній..... Видишь ли, мой милый голубчикъ, какъ я жилъ. Но не всегда же быть неудачамъ! Черезъ недѣлю я отправляюсь въ походъ съ однимъ славнымъ капитаномъ, съ которымъ вознагражу все свои потери.

— Ты очень хорошо сдѣлаешь, сказалъ юнга, думая, что вонялъ его: въ самомъ дѣлѣ, черевки, братъ, ремесло, и потъжай лучше въ Индію, въ Китай, Хили, или займись китовой ломею.

— Нѣтъ, я пойду въ Африку, — отвѣчалъ морской волкъ.

— Опять!

— Опять, мой милый голубчикъ: мой часъ насталъ наконецъ; если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будешь въ Каеннѣ, то я тебя славно угощу за мое здоровье. Или лучше отправляйся, братъ, вѣстевъ со мной за неграми.....

— Какъ можно! У меня уже есть капитанъ. Но мы можемъ увидѣться съ тобою въ Каеннѣ, и тогда.....

— Они начали шентаться. Я утѣшилъ юнгу. Мы сбѣгались выступить въ море на слѣдующій день, но ввечеру мой юнга пропалъ безъ вѣсти. Я послалъ людей на берегъ: юнги нигдѣ не отыскали.

«Спусти три года, я былъ въ Кубь безъ дѣла, и сдружилъ съ однимъ молодымъ Англичаниномъ, по имени Максвелъ. Онъ по смерти отца своего сдѣлалъ наследникомъ значительнаго имѣнія въ Восточной Индіи, и на ту пору жилъ также въ Кубь, гдѣ находился и мой отецъ. Этотъ молодой человѣкъ съ дѣтства страстно полюбилъ море, и мы на небольшомъ голетѣ, который онъ выписалъ изъ Англии, начали разъѣзжать вокругъ соседнихъ острововъ. Мы сдѣлались неразлучными, и пристрастились ко всему, въ чемъ нужны отвага и предприимчивость. Онъ былъ неустрашимъ, и удивительно хладнокровенъ въ опасности.

«Однажды при свѣжѣмъ вѣтрѣ мы быстро веслись по взволнованнымъ водамъ, и находились на высотѣ мыса Тибуронъ, когда съ вершины мачты закричали, что съ вѣтреной стороны несется на насъ разбойничья галера подъ всѣми парусами. Максвелъ и я въ это время были въ каютѣ, и отъ нечего дѣлать занимались, я, перелистываямъ тетради съ рисунками морскихъ сраженій, а онъ вооружалъ маленькую модель фрегата. Вдругъ вбѣгаетъ въ каюту матросъ, держа въ одной рукѣ фуражку, а другой приглашая болоты на головѣ своей, и объявляетъ объ угрожающей опасности. Мой пріятель, услышавъ это, радостно вскрикнувъ и побѣжалъ на-верхъ, гдѣ весь экипажъ ожидалъ его приказаній.

«Максвелъ закричалъ корричку — «Правь на галеру!», и съ зрительною трубою вскочилъ на ванты, чтобъ рассмотреть нападающее судно. Дѣвъ минути спустя, онъ съ довольнымъ видомъ сошелъ на палубу, радуясь близости сраженія. Видя, что экипажъ, который хорошо зналъ свирѣпость этихъ разбойниковъ, перешептывается и кажется недовольнымъ его распоряженіемъ, онъ вскрикнувъ: «Друзья! на этой галерѣ не болѣе двадцати безмозглыхъ негровъ. Правда, они хорошо вооружены, имѣютъ ружья, ножи и пистолеты, но у нихъ нѣтъ пушекъ. Наша Чайка (имя голета) легка на ходу и поворотлива, и вы знаете, что глазъ мой вѣренъ, а дуло Долгаго-Омича (имя пушки) широко: следовательно, смѣло можете надѣяться, что я хорошо угощу этихъ пріятелей. Впрочемъ, въ случаѣ необходимости найду легко и убѣжать. Тотъ, кто согласенъ постоять за своего ка»

штана , становясь на правой сторонѣ судна! А если есть между вами такіе , которые трусить дрянной разбойничьей лодки , наполненной полунагими неграми , тѣ пусть останутся на лѣвой.» Нашъ экипажъ состоялъ изъ четырехъ Англичанъ , одного Шотландца , одного Голландца , и трехъ негровъ. Любопытно было видѣть , какое дѣйствіе произвели на нихъ эти слова. Англичане тотчасъ крикнули «ура» , и перебѣжали на навѣтренную сторону. Шотландецъ послѣдовалъ за ними тихими шагами , бормоча сквозь зубы : «Охота же храбриться противъ такихъ звѣрей!» Голландецъ , молча , положилъ въ ротъ новый свертокъ табаку , выбросилъ старый въ море , приподнялъ смоленые брюки свои , и присоединился къ прочимъ. Негры наши не трогались съ мѣста : казалось , они потеряли все присутствіе духа , находясь въ виду этихъ тигровъ , которыхъ свирѣлость была имъ известна. Но Максвелъ велѣлъ дать всѣмъ , которые хотятъ сражаться , по стакану рома , а трусовъ завереть въ каюту : они устыдились , и перешли на правую сторону. Тотчасъ , по приказанію Максвелъ Долгій-Фомичъ былъ перетащенъ на корму , дуло его наклонилъ , и закрыли сукномъ.

«Что касается до меня , то я не съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на эти приготовленія : я лучше Максвелъ зналъ звѣрство тамошнихъ разбойниковъ ; одна минута нерешимости , одинъ неудачный выстрѣлъ , и ужаснѣйшія мученія и смерть были бы нашимъ уделомъ. Разбойники , не ожидая прѣзвѣстія , которое готовилъ имъ Максвелъ , неслись на насъ прямо , полутнымъ вѣтромъ. Мой пріятель громко окликнулъ ихъ въ переговорную трубу , и закричалъ , что если они тотчасъ не повернутся , то онъ откроетъ по нимъ пальбу. Единственнымъ отвѣтомъ на это былъ громкій хохотъ , который мы очень явственно могли разслушать. Въ нѣсколько секундъ мы находились на двадцати сажняхъ отъ галеры , которая , проходя мимо кормы нашей , слезла легкой залпъ изъ ружей. Пули пролетѣли мимо , исключая одной , которая , просвѣтивъ мимо ушей Максвелъ , перешла одну спицу въ колесо руля. «Пули негровъ не долетаютъ такъ далеко! эта пуля вылетѣла изъ Испанскаго ружья» , сказала хладнокровно корищикъ : «я самъ видѣлъ каналью , который сдѣлалъ этотъ выстрѣлъ» ; я онъ съ состраданіемъ

протянулъ руку къ обложку колеса, и гладилъ его, какъ-будто это было живое существо. — «Ничего», сказала Максвелъ; мы оплатимъ вамъ за эту шутку»; и, махая шляпою, онъ кланялся разбойникамъ, которые подъ парусами и зеслами спяли шли прямо на насъ.

«Между-тѣмъ дуло Долгаго-Фоняча было поднято, и плотникъ съ топоромъ въ рукѣ ожидалъ знака перерубить стѣнку, которая скрывала эту пушку отъ глазъ разбойниковъ. Они уже находились такъ близко къ намъ, что очень хорошо можно было рассмотреть ихъ безобразныя и свирпыя черты. Одинъ негръ, высокаго роста, стоялъ на носу галеры, держась одною рукою за смоленую веревку, другою опираясь на длинное ружье. «Ахъ, капитанъ, сказалъ рулевой, если бы вы дали намъ вашъ карабинъ, я бы выбилъ эту зубоскалу его бѣлые клыки за то, что онъ испортилъ колесо моего руля». Максвелъ, довольный этимъ предложениемъ, сталъ самъ къ рулю, и отдалъ карабинъ рулевому, желая ему не промахнуться. Но онъ не успѣлъ прицѣлиться, какъ пуля раздробила его правую руку. Мы видѣли, откуда выстрѣлъ произошелъ: дуло длиннаго ружья еще дымилось въ рукахъ стараго негра. Въ тоже время одинъ матросъ закричалъ, что другія галеры показались изъ-за острова. Въ самомъ дѣлѣ мы увидѣли три огромныя гребныя судна, выходящія изъ небольшого залива, гдѣ они скрывались въ высокомъ и густомъ камышѣ. Неустрашимость и хладнокровіе не оставили Максвелъ въ эту страшную минуту. Онъ приказалъ намъ стать у руля, и командовалъ къ повороту, и поднялъ карабинъ, который раненый матросъ выронилъ изъ рукъ. Старый негръ заряжалъ свое ружье. До меня долетѣлъ дикій свѣхъ его. Лишь-только Максвелъ показался у борта, негръ снова выстрѣлилъ. Мой другъ, какъ статуя, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія, когда пуля пролетѣла надъ его головою, но какъ скоро голеть подняло на хребтѣ одной волны, и судно было готово скатиться съ этой высоты, онъ выстрѣлилъ по старому негру, и коринчикъ нашъ былъ вполнѣ оглощенъ: негръ съ раздробленною головою покотился на палубу посреди оробѣвшихъ товарищей. «Поворачивайте!» вскричалъ Максвелъ жатросамъ, бросая карабинъ на палубу, и взглянувъ на меня съ саводовольствіемъ.

Галера находилась тогда въ левой сторонѣ, на разстояніи нѣсколькихъ сажений. Мановель одною рукою сильс покрывало съ Долгата-Фомича, другою взявъ зажженный фитиль, и преспокойно поглядывая на галеру, далъ знакъ плотнику. Однимъ ударомъ топора сѣтка была срублена, и ужасъ овладѣлъ разбойниками при видѣ пушки. Лица ихъ, и такъ уже страшныя, сдѣлались еще страшите: они походили на демоновъ, только-что вышедшихъ изъ горнила адскаго. Я не забуду никогда выраженія этихъ варваровъ, ихъ ужасныхъ проклятій, шума ихъ веселья, и замѣнительства во всѣхъ движеніяхъ, которыми они старались избѣжать роковаго выстрѣла. Въ эту рѣшительную минуту, когда вся наша надежда была на Максвеля и на успѣхъ его выстрѣла, я не могъ не посмотреть на моего молодого пріятеля. Онъ стоялъ подлѣ пушки, съ головою поутраченною къ намъ, и, держа фитиль въ правой рукѣ, раздувалъ его. Молодецъ нѣсколько поблѣднѣлъ, однако жъ казался спокойнымъ. Онъ сталъ на колено, приложился къ пушкѣ, и густое облако дыму скрыло его отъ меня. Послѣдствія не долго были сомнительны: онъ выбралъ моментъ, когда замѣнительство разбойниковъ подвинуло ихъ на двадцать шаговъ къ голету, и галера потонула со всѣмъ своимъ экипажемъ. Нѣсколько негровъ показалось еще на поверхности воды съ ужасными, пронзительными криками, но вскорѣ ничего не стало на мѣстѣ бывшей галеры, кромѣ волнъ, покраснѣвшихъ отъ крови.

«Мы надѣялись, что другія галеры, поразженные ужасомъ этого выстрѣла, обратятся въ бѣгство. Не тутъ то было! Онъ съ бѣшенымъ воплемъ устремился на насъ.» Борьба становилась не ровною. Максвель, по моему совету, приказалъ поворотить судно къ вѣтру, и мы помчались въ противоположную сторону. Разбойники гнались за нами до поздней ночи. Наконецъ темнота и усталость принудили ихъ оставить преслѣдованіе. Мы благополучно прибыли на другой день въ гавань Санъ-Яго, и бросили якорь подлѣ одного Англійскаго корвета, который привелъ съ собою торговое судно, нагруженное несчастными неграми. Экипажъ этого судна былъ торжественно повѣщенъ, въ нашемъ присутствіи. Находясь при церемоніи, я между осужденными узналъ стараго Кентъ-

скаго матроса и бывшего моего юнга. Старый волкъ разговаривалъ со своими молодыми друзьями, и, протягивая шею въ петлю, говорилъ ему:

— Мой милый голубчикъ, *sans ce petit malheur*, безъ этого маленькаго несчастія, мы приобрѣли бы милліоны. Поверь, нѣтъ ничего выгоднѣе торговли неграми: это одно изъ лучшихъ занятій; можно быть твердо увѣреннымъ, что сдѣлаешься или милліонщикомъ или..... вистльникомъ.»

ВИДѢНІЕ СЫНА ДАНТЕ. Г. Bescherelle, видно магичность, на зло Парижской медицинскѣй академіи, очень серьезно рассказываетъ въ *La France littéraire* чудесный сонъ, какимъ отыскали послѣднія тринадцать книгъ «Божественной комедіи» Данте.

«Прошло уже восемь вѣсѣцевъ съ-тѣхъ-поръ, какъ Гомеръ Италіи присоединился въ небо къ чистымъ и благороднымъ душамъ, которыя онъ воспѣвалъ здѣсь на землѣ. Поэму его вездѣ читала и превозносили, нѣя его перелетало изъ устъ въ уста. Но къ всеобщему энтузіазму присоединилось и сожалѣніе: Данте, умирая, не сказалъ никому, гдѣ хранятся послѣднія тринадцать пѣсней его «Божественной комедіи». Тщетны были всѣ поиски и уже начинали думать, что эта рукопись погибла, когда дворецъ князя Гвидо былъ разграбленъ вскорѣ послѣ смерти великаго поэта. Сыновья его, Піетро и Якопо, горько оплакивали эту потерю; и не мадясь уже найти этихъ пѣсень, они, уступая требованіямъ своихъ друзей, сами принялись оканчивать поэму отца своего, потому что и они тоже были поэты. Но послѣ многихъ тщетныхъ усилій они уже начинали расказываться въ своемъ дерзкомъ предпріятіи, готовы были отказаться отъ него; но ихъ удерживала мысль, что нечестно было бы съ ихъ стороны оставить этотъ священный долгъ невыплаченными. Якопо еще болѣе брата заботился объ этомъ и болѣе былъ огорченъ смертію отца. Со времени своего пребыванія въ Равеннѣ, онъ часто проводилъ цѣлыя ночи у могилы Данте въ церкви Францисканскихъ монаховъ. Молодой поэтъ, безвѣстный сынъ знаменитаго отца, проводилъ тамъ долгіе часы, мечталъ, искалъ вдохновеній.

«Однажды, погруженный въ поэтическія мечтанія, онъ почти неволью приближился къ могилѣ отца. Пробила полночь. Онъ былъ одинъ; ничто не нарушало молчанія, царствовавшего въ этомъ священномъ мѣстѣ. Только нарядка слышались удары колокола какого-нибудь отдаленнаго монастыря или лай собакъ, пробужденныхъ торопливыми шагами запоздалаго прохожаго. Стоя на колыняхъ на могильномъ камнѣ отца своего, Якопо былъ погруженъ въ глубокія размышленія; но вскорѣ, утомленный напряженіемъ мыслей, онъ склонился головою на ступеньки гробницы и заснулъ сномъ крѣпкимъ и тяжелымъ..... Вскорѣ онъ былъ обрадованъ пріятнымъ вѣдѣніемъ. Ему казалось, будто въ гробницѣ раздался шумъ, тѣнь отца его вышла и приближилась къ нему. Она была покрыта саваномъ ослѣпительной бѣлизны; въ походкѣ ея было неизъяснимое благородство и величіе, а изъ глазъ, вдавленныхъ могилою, свѣтлосъ пламя. При этомъ видѣ, Якопо былъ пораженъ страхомъ; онъ боялся, что это какой-нибудь живой призракъ; потомъ, очравнившись нѣсколько, онъ упалъ къ ногамъ своего родителя, и, въ упоеніи отъ радости, схватилъ его оледенѣвшую руку и орошалъ ее слезами.

— О, батюшка, вскричалъ онъ; неужели вы еще живы?

— Да, отвѣчала знаменитая тѣнь торжественнымъ голосомъ, я еще живъ, но я живу жизнью истинною, вѣчною.

Успокоенный этими словами, молодой человекъ прибавилъ:

— О священная тѣнь отца моего, скажи, прежде нежели ты оставилъ эту юдоль плача, окончилъ ли ты великое твореніе, плодъ изгнанія и мести, завѣщанный тобою вѣкамъ?

— Благодаря Богу и моимъ усильнымъ бдѣніямъ, я окончилъ его и теперь еще трепещу при этой мысли отъ радости.

— О, въ такомъ случаѣ, изъ жалости къ твоимъ несчастнымъ дѣтямъ, которыя томатся въ тщетныхъ усиліяхъ и, если слава твоя тебѣ еще дорога, не потерпи, чтобы твое безсмертное твореніе перешло въ вѣка неполнымъ; покажи намъ мѣсто, гдѣ ты, при жизни своей, спряталъ послѣднія тринадцать пѣсень твоей поэмы, которыя мы такъ долго и тщетно искали.

Давтъ, бросивъ на сына взоръ, исполненный трогательнаго соболаванованія, сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ за нимъ

сплывалъ и повелъ его въ спальню, которую занималъ при жизни своей.

— Затемъ, сказалъ онъ, указывая насохшимъ пальцемъ на небольшое отверстіе въ стѣнѣ, здѣсь находится то, чего вы такъ искали.

Погомъ, устремивъ на Якова послѣдній, прощальный взглядъ, онъ вскричалъ —

Siete raccomandato il mio tesoro,

Nell quale i' vivo ancora.

«Поручаю тебя мое сокровище,

Въ которомъ живу я еще.»

При этихъ словахъ тѣнь, какъ бы провалилась въ землю и возвратилась въ свое вѣчное жилище.

Это произвело на Якова такое дѣйствіе, что онъ тотчасъ приснулъ. Ему еще слышался голосъ отца. Онъ смотрѣлъ во все стороны, ища взоромъ драгоценной тѣни, которую только что видѣлъ. Но все нечело; передъ нимъ была только гробница отца его, озаряемая слабымъ светомъ лампы, висящей подъ сводомъ часовни. Пораженный удивленіемъ, онъ не знаетъ что думать. Дѣйствительно ли отецъ явился, или это были только грезы, обманчивый призракъ?

По некоторомъ размышленіи ему пришло въ голову, что это небесное вдохновеніе. Исполненный этой мысли, онъ выходитъ изъ церкви, и спѣшитъ къ жилищу Пьетро Джардино, находящемуся на самомъ краю Равенны. Онъ стучится въ дверь; старикъ самъ ему открываетъ и удивляется, что Яково пришелъ къ нему въ такое время. Тотъ рассказываетъ ему свое видѣніе и именемъ дружбы, которая соединила Данте съ Джардиномъ, умоляетъ его тотчасъ идти съ собой. Пьетро не хотѣлъ бы отказать даже въ малѣйшей прихоти сыну своего покойнаго друга; онъ спѣшитъ къ палацу Guido da Polenta за Яково, который бежитъ съ быстротою серпы. Тамъ они, съ большою опасностію, пробрались между развалинами и достигли до башенки, стоявшей на одномъ изъ угловъ. Казалось, что судьба хранила эту башню, что Провидѣніе остигло ее своимъ покровомъ: она одна стояла прямо посреди разрушеннаго зданія. Тамъ Данте обыкновенно занимался. Едва только наши путешественники пере-

ступил на порог башни, какъ вохругъ нихъ раздаенъ ужасный шумъ и лампа ихъ вдругъ погасла, какъ бы затушенная невидимою рукою. Якопо и старый его товарищъ, въ испугъ, не знали что имъ дѣлать: бѣжать или идти впередъ; явъ пришло въ голову, что тутъ, можетъ быть, скрываются привидѣнiя, или разбойники, которые хотять ихъ умертвить. Собравъ остальные свои силы, они, трепеща всею тѣлою, подошли къ открытому окну, чтобы звать къ себѣ на помощь, и что же они увидѣли?..... Стаю совъ, которая поднялась, испугавшись ихъ приближенiя! Она невольно засмѣялась, вспоминая о своемъ испугѣ. Якопо, оправившись отъ страха, старался пробраться въ кабинетъ; но, къ несчастiю, луна скрылась и ему совершенно невозможно было прийти безъ свѣту, между обвалившимися каменьями. Между тѣмъ надежда и мужество побуждали его продолжать разысканiя; онъ шелъ опустыю; но наконецъ темнота, которая все болѣе и болѣе увеличивалась, принудила его остановиться: шлъ, не видя куда, онъ легко бы могъ провалиться въ какую нибудь расщелину. Онъ уже съ часъ стоялъ тутъ неподвижно: наконецъ солнце разваливъ (какъ называютъ луну ноуты) снова появилось во всекъ своемъ блескѣ на небѣ и позволяю Якопо продолжать свои поиски. Уже онъ осмотрѣлъ все углы кабинета и все напрасно; отчаянiе уже начинало овладѣвать имъ, какъ вдругъ онъ замѣтилъ вверхъ стѣны, въ углу, родъ напичника. Не могши достать до него, онъ подозвалъ стараго Пиетро, влѣзъ на его плеча, приводился на цыпочки и съ большимъ трудомъ началъ вытаскивать изъ углубленiя множество бумагъ сырыхъ и изъведенныхъ червями. Выбравъ все, онъ принялся разсматривать эти свертки; на одной написано — *Trattato della Monarchia*; на другой — *Convito*; на третью — *Dell' Eloquenza volgare*; на четвертую — *Vita luova*; а *Divina comedia* всё итъ. Кровь его кипитъ отъ досады и нетерпѣнiя. Все уже бумаги перешли черезъ его руки; оставался только одинъ свертокъ, во таковой черной и нечистый, что онъ боялся до него дотрогнуться. Однако жъ, чтобы потомъ ни въ чемъ не упрекать себя, онъ счистилъ съ него паутину, развернулъ, и что же увидѣлъ? — Тринадцать послѣднихъ ивъсей «Божественной Комедiи.» При видѣ этого неожиданнаго сокровища, Якопо

былъ въ себя отъ радости! Онъ упалъ на колѣни въ невыразимомъ упоеніи и, проливая источивши слезъ, вскричалъ: «Отецъ мой, благодарю Бога, теперь слава твоя будетъ сіять въ полномъ своемъ блескѣ!»

Почти чудесное открытіе этой рукописи, было важнымъ происшествіемъ не только для Флоренціи, но и для всей Италіи.

НАСТАВЛЕНІЯ ВАЛЬТЕРА СКОТТА ГУСАРСКОМУ КОРНЕТУ. Въ *Lockhart*'овыхъ запискахъ о жизни знаменитаго романиста находится множество занимательныхъ подробностей о воспитаніи дѣтей Вальтера Скотта. Авторъ «Песни послѣдняго Менестрела» и «Марміонъ» ничто не желалъ такъ пламенно, какъ того, чтобы въ его семействахъ не было ни поэта, ни ученой женщины. Вальтеръ Скоттъ твердо былъ убежденъ въ опасности стихотворства и никогда не одобрялъ его въ свондъ дѣтяхъ. Самъ онъ совѣтовалъ старшему своему сыну, Вальтеру, слѣдовать военному поприщу, къ которому молодой человекъ чувствовалъ въ себѣ расположеніе. Когда Вальтеръ опредѣлился корнетомъ въ осмнадцатый гусарскій полкъ, который стоялъ въ Ирландіи, онъ далъ ему нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, изъ которыхъ мы приведемъ два слѣдующія, одно къ извѣстной миссъ Edgeworth, а другое къ Г. *Hartstonge*'у.

«Любезная miss Edgeworth — вы получите это письмо со вторымъ изданіемъ Вальтера-Скотта, большаго формата, — какъ говорятъ книгопродавцы, переплетеннымъ въ сѣбяны и вслѣдствіе разукрашеннымъ, но однако жъ не столь любопытнымъ для литературы, какъ старое оригинальное изданіе. Другими словами и чтобы выразиться яснѣе, длинный гусарскій корнетъ, который будетъ имѣть честь отрекомендоваться вамъ посредствомъ этого рекомендательнаго письма, не кто иной какъ мой старшій сынъ, который ѣдетъ въ полкъ. Я совѣтовалъ ему, да онъ впрочемъ и безъ моихъ совѣтовъ самъ этого очень желаетъ, я совѣтовалъ ему пользоваться всеми случаями, чтобы съ вами познакомиться. Литературныя связи мои будутъ ему полезны тѣмъ, что онъ познакомится со многими добрыми и мудрыми. Я всегда думалъ, что доступъ къ людямъ достойнымъ и даровитымъ

есть одно из величайших преимуществ императора. Не мудро, что я хочу доставить эту выгоду а моему сыну.

«Не знаю, когда вы получите это письмо: как угадать где вы войдете в какое время будете! Но где и когда бы вы ни получили мое послание, не забывайте, любезная мисс Edgeworth, что оно от одного из самых равновесных почтеннейших вашего танта.»

Вот письмо къ Г. *Hurstonge*'у: здѣсь такъ же какъ и въ предыдущемъ писемъ любовныя слѣды мысли ума мыслителя и чувствованія сердца, соединенныя съ подобными умомъ.

«Dear Sir, — къ счастью моему богъ Меркурій ввѣшалъ съ многозначнаго неба въ образъ ромашки, чтобы помочь въ моихъ страданіяхъ, и теперь моя машина дѣйствуетъ изрядно. Между — тѣмъ освѣтство мое начинаетъ по маленьку вступать въ свѣтъ. Сынъ мой Валтеръ — теперь уже корнетъ въ шесть футовъ два дюйма, въ семнадцатомъ гусарскомъ полку. Полкъ его стоитъ теперь въ Коркѣ, а оттуда, вѣроятно, пойдетъ содержать гарнизонъ въ Дублинѣ. Въ такомъ случаѣ вы увидите своего стараго пріятеля въ новомъ видѣ, — плотлаго, краснаго, съ боратыми кудрями, съ усами въ величественномъ стилѣ. Я говорилъ ему, чтобы онъ непремѣнно побывалъ у васъ, какъ скоро поедетъ въ Дублинъ въ отпускъ или по дѣламъ службы. Отъѣздъ его оставляетъ здѣсь большую пустоту, особенно для меня, потому что онъ былъ моимъ вѣсѣдшимъ спутникомъ, егеремъ, и прочая, и прочая. Когда человекъ лишился собственной силы и здоровья, ему прѣзвычайно пріятно видѣть сына богатаго и тѣмъ и другихъ. Подумайте объ этомъ, любезный другъ, и какъ у васъ въ сердцѣ довольно пѣжвости для составленія счастья доброй дѣвушки, то женитесь, пока еще молоды: принасите такіе образцы на старость великое сокровище семейнаго блаженства. Чтò ни говори сатирики и философы, а въ жизни — много хорошаго; но лучше, разумеется послѣ чистой совѣсти, столь необходимой для частнаго благополучія, тихое наслажденіе семейственными чувствованіями: они тѣмъ хороши, что при нихъ мы счастливы счастьемъ и собственнымъ и чуждымъ существъ, которыя насъ окружаютъ,» и прочая.

Теперь вот одно из писемъ, которыя Вальтеръ Скоттъ писалъ въ 1819 году къ молодому корнету; мы почтисемъ его полезнымъ не только для пусарь, но и для всѣхъ молодыхъ кавалеристовъ, конныхъ и пѣхотныхъ. Нельзя надѣяться нежной заботливости Вальтера Скотта о своихъ синахъ, его поочтительности о своихъ людяхъ, чистосердечно его совѣтовъ, простому и веселому тону его писемъ, и особенно чистотѣ его семейственной философіи.

«Любезный Вальтеръ, я очень радъ, что ты благополучно достигъ до гостеприимныхъ дворцовъ Пакардлани, гдѣ средъ золота и гармоніи лякуеть наша старая и умная аристократія, и что ты скоро и хорошо окончишь свои дѣляшки. Ты получишь отъ моего *Ballantyne*'а нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, которыя я отправилъ къ нему.

«Ко мнѣ принесли вчера очень милое письмо отъ твоего полковника. Если бы пришло часомъ раньше, оно бы избавило насъ отъ многихъ издержекъ въ Лондонѣ. Теперь у тебя есть все, что нужно для мундора, и даже что не нужно; береги же эти вещи, потому что часто переплатить ихъ очень накладно. Полковникъ Миггау, кажется, очень хорошо расположенъ къ тебѣ. Онъ, говорятъ, человекъ очень осторожный, важный: это общее качество фамиліи Миггау. Тѣмъ болѣе долженъ ты быть внимателенъ ко всѣмъ словамъ его. На ласковость его отвѣчай искренностью и дружелюбіемъ. Если всегда будешь робокъ, а онъ всегда будетъ остороженъ и малоречивъ, ты никогда не воспользуешься его совѣтами, а этого мнѣ было бы жаль. Въ назначеніи тебѣ содержанія, я послѣдую его совѣтамъ. Онъ говоритъ, что тебѣ надобно имѣть двѣ лошади, но ни подъ какими предлогами не держать экипажа. Ты давно знаешь, что я терпѣть не могу, когда молодые люди перевозятъ своихъ особъ на четырехъ колесахъ, имѣя хорошую лошадь и ухва таясь верхомъ. Оставь эту разорительную глупость богатымъ Англійскимъ недорослямъ. Такъ, пожалуйста, не держи экипажа!

«Будь остороженъ при покупкѣ лошадей. Полковникъ, я пишу, совѣстится помогать тебѣ въ этомъ дѣлѣ: онъ справедливо замѣчаетъ, что многие господа офицеры ведутъ конскіе мясомъ торгъ, въ который ни долгъ его, ни знаніе не позволяютъ ему вмешиваться. Но онъ посмотритъ, чтобы ты не

купить лошади неспособной къ службѣ: полковой командиръ обязанъ наблюдать за этимъ. Онъ, вѣроятно, подастъ тебѣ и нѣкоторые другіе совѣты. Пользуйся ими; потому что, по всей вѣроятности, ты будешь жить въ нихъ большею нуждою въ этомъ дѣлѣ. Я самъ, по опыту, могу посоветовать тебѣ двѣ вещи: во-первыхъ, никогда не покупай старой лошади, какъ бы ян красива была она на видъ; старая лошадь безъ сомнѣнія уже поработала на своемъ вѣку, и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлается вкуду негодною; во-вторыхъ, старайся купить лошадь, не очень откормленную; тогда лучше можно выдѣть все ея части. Я бы никогда не купилъ лошади старше шести лѣтъ. Ты легко можешь попастьъ въ просякъ съ лошадиными вышего полака, которые, въ расположеніи къ новому товарищу, тотчасъ вызовутся уступить тебѣ своимъ вывѣженныи коней. Берегись этой обязательности! Лошадь безъ порока много выучится маневрировать; и ты такъ хорошо видишь, что тебѣ совсѣмъ не нужно очень знающей лошади. Поняи въ нашихъ мѣстахъ, особенно въ дершинѣхъ. Въ Минстерѣ безъ большаго труда разводять очень хорошую породу. Однимъ словомъ, хорошая смышленная лошада гораздо лучше разбитаго полковаго коня.

«Ты, вѣроятно, будешь жить въ Коркѣ, пока не вступишь въ службу. Потому шель, вѣроятно, пошлютъ стоить по деревнямъ. Я не стану тебѣ говорить, какъ мнѣ было бы пріятно, если бы ты продолжалъ заниматься языками, рисованьемъ, и прочая. Если ты забудешь что знаешь, то софривѣемъ горько будешь жалеть объ этомъ. У тебя пренравныя рекомендаціи: пользуйся ими. Имя твоего отца также поможетъ тебѣ въ этомъ случаѣ. Это — большая выгода; но надобно пользоваться ею скромно и воздержно.

«Сестры твои очень грустили, когда ты уехалъ; Анна нѣсколько дней страдала нервами. Карлъ тоже болталъ меньше прежняго. Папелъка и наменька приуныли. Однако жъ не слишкомъ важничай: о самыхъ великихъ людяхъ иногда не очень долго жалуютъ, а о тебѣ и недавно не станутъ вѣкъ плакать.

«Насъ утѣшаетъ одно: мы надеемся, что ты будешь счастливымъ на поприщѣ, которое самъ выбралъ. Напиши мнѣ,

есть, да у насъ въ школу образованныхъ людей. Само собою разумеется, что тебѣ невозможно тыглась отыскать ихъ. Будь утѣша со всѣми, пока не разсмотримъ хорошенько, кто действительно достоинъ твоей дружбы.

«Надиди мнѣ также, въ сколько тебѣ обойдутся твои лошади и прочее другое: обнудировка ставитъ тебѣ дорого; надюсь, что ты понимаешь необходимость благоразумія и честной бережливости, которая въ особенности состоитъ въ томъ, чтобы отказывать себѣ въ излишествахъ, если даже и стоишь; дозволять не отказывать. Еще разъ повторю, будь какъ можно внимательнѣе къ полковнику Миттау и его другу.

«Мнѣ бы очень хотѣлось знать вѣдь, каковы ты со своими товарищами и какъ ты проводишь время. Разуьется, что въ деревне жесны ученье и намажъ будутъ отаивать у тебя долги, мѣе утро; надюсь однако жъ, что ты не поквешь своихъ занятій науками. Нельзя представлять себѣ, какіе усидки можно сдѣлать, посадивъ какому-нибудь предмету постоянно не болѣе какъ полчаса въ сутки. Прямичку измѣряться каждымъ минутою приобретаетъ весьма легко, а прямичку дѣлится еще легче.

«Не торопись, мой любезный Вальтеръ, дружитья съ одишерыми вашего волака; Сверая размотри хорошенько, кто изъ нихъ помыслен заслуживающъ уваженія, котораго часть необходима распространяется всегда и на ихъ пріятелей. Рядко случается, чтобы люди, которые наиболѣе стараются вращаться дружитья, были именно тѣ, съ которыми всего пріятнѣе вести знакомство. Однако жъ отавайя всегда учтивостью на учтивости, которыя тебѣ дѣлаются. У Италианцаъ есть пословица, — надюсь, что ты не забылъ урокъ нашего Пьерстца, и еще можешь повидать эту цезатѣльную итальянщину — «*Volto sciolto e rapicci stretti.*» Человеку ни почему не обаян показывать другичъ, что въ глубинахъ души онъ объ амхъ думаетъ; и эта осторожность тѣмъ благоразумнѣе, что тебѣ, конечно, не разъ прійдется перентывать свои мнѣнія о законцахъ.

«Я бы очень радъ узнать навѣрное, что у тебя хорошій языкъ. Ирландцы этого класса, болѣею частью, негодны: омытъ, муть и вертеть какъ черти. Гораздо бы лучше до-

быть тебе где забудь Шювальдица. Ничего пить о своемъ
сподѣ. Я знаю, что ты незотникъ много пить; однако не
приучайся, мой другъ, къ тому чтобы вешней дню пить вино;
нужно или другой прѣнній напитокъ, когь бы дню по нем
много; это расслабляетъ желудокъ, и у тебя желудокъ на-
слабѣстася много. Я уверяю, что бѣдникъ герцога Виссо-
монта получалъ веродыши бѣдѣни, и такъ факто отиралиел
на тогъ свѣтъ, именно оттого что не воздерживался отъ
пьянства, которыхъ Валлезокой пикъ такъ промѣнялся. Да
и я свѣтъ, — ины отидва в бѣвно сказать тебе; да это уже
для твоего наставасим, — я чувствую, что жестокии страда-
нии нем желудкомъ пропстели отъ обыкновенія молодыи
людей моего времени пить много вина. Советуемъ тебѣ луч-
ше одоржнить при случаѣ влудю бутылку, чинъ влудю
дому, обласотмашивъ на столъ, выпивать до двѣ рюмочки; —
Тетеревы, говорятъ, начали жестоко уверать въ нашей сто-
ронѣ отъ малой-то повальной бѣдѣни: ужь вѣрно страсть
тебѣ пришла на нинъ съ горы, что ты увералъ!

«Люблщій тебе отецъ,

W. B.»

РЗ. Многие, весьма почтенные родители, спрашиваютъ оза-
новой въ воинъ: не знаютъ, гдѣ бы назначать нинъ хорошен-
каго съ перамо моткою. Вотъ очень милос и умно писемцѣи
Лучшаго, право, не дужно. Советуемъ каждому отцу и
матодѣ маленькѣ, которые будутъ въ подобномъ затруднен-
нн, списать это писаніе добраго Валтера Скотта и отпра-
вить его, за надлежащими подписаніемъ, въ своему любез-
ному сынку. Прось читаетъ!

Мастеръ Кортисъ, Лондонскій оригиналь. Уже
несколько внимательныхъ отрывковъ приведенъ одѣи были
нѣтъ любезитнаго сочиненія The Great metropolis; послед-
ній изъ нихъ содержалъ въ себѣ описаніе Крокфордова клу-
ба, одного изъ водныхъ садовъ; выписаны еще подробнос-
ти объ одномъ примечательномъ оригиналь; котораго эн-
тузіазмъ призналъ очень странное направленіе, — изъ вѣстѣ-
нннн!

«Мастеръ Джонъ Кортисъ, Коменшіи, John Curtis, Esq.,
известенъ нѣмѣ жителемъ Лондона и сиротнотѣи, и кто

только сведеть съ ними знакомство, тотъ непремѣнно долженъ помолбить его: Въ миръ нѣтъ существа честнѣе, добрее, безвреднѣе господина Корнуа, Коношана. Онъ — членъ множества человеколюбивыхъ обществъ и попечитель въ-сколькихъ благотворительныхъ заведеній. Но сверхъ-того онъ самый старинный, самый постоянный, посетитель засѣданій уголовнаго суда, Old Bailey: втеченіи двадцати пяти лѣтъ онъ пропустилъ только два дня, и то единственно оттого, что случился на то время изъ Лондона, чтобы помолбшествовать на производствѣ одного казуознаго дела въ какомъ-то провинціальномъ уголовномъ судѣ. У него слабость къ сырой погодѣ: лишь-только на дворѣ пойдетъ дождь, онъ не можетъ выдержать, чтобы не прогуляться подъ его каплями, и тогда только чувствуетъ себя «совершенно огражден», perfectly comfortable, когда промокнетъ какъ идиотка. Страсть его къ казнямъ, и къ дружбѣ съ людьми, приговоренными къ вислицѣ, также весьма примѣчательна. Въ столицѣ и въ окрестностяхъ не происходило въ продолженіе послѣдней четверти столѣтія ни одной казни, при которой бы онъ не присутствовалъ: это покажется неслѣпотно-вымъ, но, какъ вопу случается, на личное свидѣтельство Г. Корнуа, который самъ сказывалъ мнѣ это; а мистеръ Джонъ Каррисъ, Коношій, такой человекъ, что ни за какое благо не согласенъ сказать неправды. Да иновъ такъ жадеетъ къ эршащенію смертной казни, что однажды, — шестъ лѣтъ тому назадъ, — пробѣжалъ въскорѣ тридцать миль изъ Лондона въ Чельмсфордъ, не повстрѣавши, чтобы только быть свидѣтелемъ, какъ будутъ вѣшать капитана Мойра. Онъ не прозвываетъ ни одной проповѣди, читаемой преступникамъ въ Нью-гэтекой тюрьмѣ передъ отсѣченіемъ ихъ на вѣсто позорной конины, и примовалю свидѣваясь онъ не доволѣствуется: самъ пятенный Джонъ Корнуа, Коношій, запирается въ врачиху, и сырикъ подаетъмолкъ съ этими несчастными, и на двѣсильку часовъ утѣшаетъ ихъ, даетъ имъ прекрасныя наставленія, расширяваетъ обо всей жизни, старается обратить на путь добродѣтели или по-крайней-мѣрѣ усладить ихъ послѣднія минуты. Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на нихъ словомъ убѣжденіемъ, онъ находитъ нужнымъ, сперва приобрести полную ихъ довѣренность. Такимъ

образомъ отъ былъ очень коротко знакомъ съ этими славными разбойниками. Съ знаменитымъ мошенникомъ Кордеромъ, убійцею Маріи Мартинъ, въ даже своей тиснѣйшую дружбаю спалъ съ нимъ въ тюрьмѣ на одной кровати нѣсколько ночей; потомъ лично проводилъ его къ австрийцу, плакаль, когда его повѣсили, какъ о лучшемъ другѣ, какъ о родномъ сынѣ, и филологически написавъ его мемуары, книгу блистательную въ триста страницъ, которую Г. Келли, нынѣшній лордъ-меръ Лондона, выпечаталъ на своемъ изданіи: Три прекрасныя гравированныхъ портрета украсили это изданіе, — портретъ Маріи Меринъ, — портретъ мошенника Кордера, — и третій... отгадайте, чей? Самогонъ Джона Кортнея, Комюинга! Сочиненіе разошлось въ огромномъ числѣ экземпляровъ: Вы не можете оскласть большаго удовольствія почтенному Комюингу, какъ называя его въ глаза «биографомъ знаменитаго Вилліама Кордера». Впрочемъ, эта книга, кажется — единственный литературный подвигъ Г. Кортнея.

Но съ другой стороны, надобно признать, что добрый мистеръ Кортнея (родилась подъ несчастливою звездою) съ нимъ безпрерывно случаются очень непріятныя недоразумѣнія; и это уже нѣсколько разъ принимала за другое лицо. Однажды, въ военное время, онъ отправился въ Дуаръ, гдѣ собралось повѣсить на мачтѣ одною шаврою. Любимыи тѣло, съ какимъ онъ поспрашивался къ караулу, чтобы лучше видѣть эту знаменательную церемонію, было прилично, что его сочи за Французскаго вѣрнаго и чуть-чуть не отправили тамъ на веревку мачты. Эта непріятность же ослабила однакожь вѣдчиваго усердія Г. Кортнея къ духовной полиціи и исправленію нравовъ вѣнскихъ. Онъ продолжалъ свой челявколюбивый дѣло съ прежними равнѣемъ, не смотря на шельмы и безпрерывныя приключенія, которымъ оно его подвергалось. Такъ, однажды, онъ отправленъ въ Кембриджъ ловить душу какого-то убійцы, уже приговореннаго къ смертной казни и, при помощи подарковъ, просьбъ, ходатайства, получилъ позволеніе провести съ нимъ нѣсколько часовъ въ тюрьмѣ. Въ то же время редакторъ одной Лондонской газеты поспалъ туда нѣкотораго развѣдчика съ порученіемъ списать портреты преступника. Смотрителя тюрьмы позво-

даль аргументу сладко не узнала въ отлученіи его несурна. Расовальщякъ привѣтила внутри одну фигуру, очень рано освещенную солнечнымъ лучемъ, который проливался съ противоположной стороны въ маленькое окошко, и завалса работою. Когда убійцу повѣсили в Г. Кортиса, окончивши обрядъ, возвратился въ Лондонъ, наравъ вещь, которую онъ ундѣтъ къ городу; была — собственный его портретъ, прекрасно анотграфировавшій и приложенный къ описанію вѣдѣваній, суда и казни Кембриджскаго преступника, напечатанному въ особомъ прибавленіи къ этой газетѣ. Въ уламъ Колюшаго въ рисунокъ, и, должно сказать правду, это — лучший изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ портретовъ Г. Киррина. Когда, какъ мы уже увидѣли; онъ пошелъ къ Чальмерсортъ безъ завтрака; чтобъ присутствовать при казни Мейра, съ нимъ случился два пряткованія еще хуже этого. Первое: ретадый и покрамный пылью, онъ оставо-ибли: въ трактирѣ подъ вѣнзскаго Треть Рюмонъ, нанялъ комнату съ постелью, и далъ задатокъ; потомъ, забѣдливъ ипрасиль, гдѣ содержатся уголовные преступники, в тѣчасъ побѣдилъ въ тюрьму, сказать дозайки; что у него тамъ чрезвычайно важное дѣло. Но увидѣ Г. Кортиса; трактирщика; ея мужъ; слуга; служанка, пераженые этою неопытностью въ соображалъ подозрительную одежду и шаружность прина-жето, рѣшилъ одержанно: что это должно бытъ казатъ; второго ожидали изъ Лондона. Страшный ужасъ содержа-телей и чей нѣтъ чинде! Если только узнать въ публикѣ; что въ трактирѣ Треть Рюмонъ почивалъ или обѣдалъ такой отверженный человекъ, рѣзъ будутъ убивать этой гостиницы какъ заключеннаго итера. Къ немѣдленному умоваствію Г. Кортиса; казни преступника; оловенъ была до аледу-щаго дня, и онъ нѣтъ полное время поладитса его бис-доло и полемать съ нимъ на одной оловн. Къ вечеру онъ возвратился въ свой трактиръ; но тутъ уже принѣтъ была жери; чтобъ по видувать его въ дѣтъ. Трактирщина, отъ своего и нуживна жрѣна, обрѣвила: ему въ окошко, что та-кихъ людей какъ онъ, еще, слава Богу, не утощали на ея вѣдѣваніи. Она прибавляла: изъ этому, столько обидѣтъ амер-жестій; что мистеръ Давидъ Кортисон; Колюшій; несмотрѣ на всю свою кротость, и рѣшавщякъ быть помыкута. Она

оталъ кричите юз улыцы, чтобы его вывели; что это разбой, что они даны задатокъ и почтенъ лежать на своей постели. Тамъ нарочу собралась декургъ Г: Кортеца;

— Ложать на постели? закричала коваля и вы? на мой постели? Да и сонгу ту постели, до которой вы рукой дотронетесь.

— Да что это значитъ? закричала мистеръ Кортеца. Ва погу вы меня принимаете? Да и, слава Богу, извѣстный человекъ, чиновникъ.

— Короткъ чиновникъ! отавчала корова ивъ трактира съ промилли колотомъ.

— Да и, судирья, службу мою отечеству!

— Подите вы! всемирному трактирщику съ ужасомъ. Вотъ новость! Огу, мила, служите отечеству! Убирай влти поспорне изъ отечества! и не обскверняй его твоими присутствіемъ! Мы съ такими чиновниками дѣла не имамъ, и вытв не будете!

— Да я вытв съ васъ, судирья изъ себя обиды и за обиды! закричала мистеръ Кортеца. Право отбюда я иду къ шершеу и возвращусь въ полицію.

«Содержатели поугалмъ влдетей этой рѣшности; и выслали службу в качествѣ переговорщика, который предлозилъ Г: Кортецу возвратитъ задатокъ и вынлтъ длкъ него комнату отъ поотыцю на счетѣ свлтъ хвалес вллюбомъ мств, млтв бы только она согласилась не вичевать въ нтъ довъ. Но разовнженный Конюшій съ негодоманіемъ отвергъ все условія одина, и объявилъ, что ему угодно вичевать здѣсь, а не въ другомъ мств; что онъ отстоитъ свои права, непреложныя права задатку.

— Не думайте намъ, сударь, такой обиды! прервала блуга увлалющими голосомъ: не разоряйте жесъ! Види вслтъ известно, что вы, сударь, притирно склзаете!

— Да кто же и таковъ?

— Есть всякія званія на свѣтѣ, сударь! Извѣстно, не прогнавайте, вы, съ позволенія сказатъ, то вслтъ. Далѣтъ!

«Мистеръ Кортеца рихолотомъ; не гогора вичевоа, онъ поблжалъ въ близкую улыцу и, черезъ четвертъ часа возвратился въ трактира съ одинъ развотымъ гражданвоомъ, который звалъ дтотвнвалъ парды сдлржтателлину, что онъ

вопрос не тот, о комъ они думаютъ. Мистеръ Кортисъ во-
двухъ квартирахъ: постель и ванные халаты, и провел
ночь весьма счастливо! но думба талошла ему на слухующий
даль другой и самый жестокой ударъ.

Дороги около Лондона, въ каровой летней день, покрывы
этими литературными червями, которые известны иль еще
ишь репутационеры или махмидными сотрудничеры. Они
выходятъ изъ своихъ перчатокъ гулять въ окрестностяхъ и
иногда забирются довольно далеко отъ города, аща похва-
тить какой-нибудь случай, выслушать какую-нибудь сплет-
ню, чтобы составить изъ этихъ новостей, всегда обличивы
в перепутанныхъ, сказку для газеты: которая иль кор-
нень. Однимъ изъ такихъ прутьевъ являеть въ Челмсфордъ,
уже долге сферическа маши наль преступникомъ, которого,
поимется, звали Кроуль. Коекимъ и трактары исполнены
были разговорамъ о послѣднихъ минутакъ жизни похва-
ваго, объ его преступленіяхъ, и о вчерашнемъ привлеченіи
какого-то Джона Кортиса Коношана, съ казавшою гостин-
ницы Трехъ Рюмъ. Англический сотрудничеры, — онъ при-
надлежалъ къ знамени газеты, «Истинное солны», The True
Sun, — который за булыжную шва слушавъ въ эти рашух-
денія и рассказы, отпущавъ два собственные имени, и веро-
тись въ Лондонъ, въ тотъ же вечеръ написавъ протѣтельную
статью о томъ какъ вчера, въ Челмсфордѣ, торжественно,
въ присутствіи несметной толпы народа, обвѣсили мале-
нитато разбойника и вора, на имени Джона Кортиса,
«Коношана...» Следующее подробное описаніе его зло-
дѣйствъ, рассказанъ, послѣднихъ словъ, и прочая. Статья
являлась на слѣдующее утро, напечатанная отъ слова до сло-
ва. Можно себѣ представить отчужденіе, общенство, ярость
брододушнаго Кортиса, когда онъ, прихавъ въ Лондонъ,
услышавъ о своей доворной кончинѣ. Ту же минуту побѣ-
жалъ онъ въ редакцію «Истиннаго солны» и съ шумомъ во-
требовалъ свиданія съ директоромъ газеты.

— Я Джонъ Кортисъ, Коношій!!

— Очень радъ. . . . Что вамъ угодно? спросилъ директоръ.

Мистеръ Кортисъ, вѣстото отыгавъ, показавъ ему вчераш-
ній номеръ его газеты, державалъ въ завданіи крупными
литерами: «КАЗНЬ ДЖОНА КОРТИСА, КОНОШАГО;

ВЪ ЧЕЛМСФОРДЪ. Директоръ прерываетъ прочесть всю статью и говоритъ: «Такъ кто вы?»

— Я!.... Вы меня обидели!.... Вы меня обезчестили!....

Кто такъ доставилъ эту статью?

— Не помню!.... Проставьте, я даже не читалъ ее. Кого же именованъ вчера въ Челмсфордъ?

— Повестью Виліама Крета, похвотника.

— А вы Димонъ Кортисъ?.... Эти ослы, которые собираютъ дневная происшествія для нашего изданія, непрерывно дѣлаютъ подобные промахи!.... — Извините, почтеннѣйшій мистеръ Кортисъ; я очень сожалѣю объ этой мерзкой ошибкѣ!... Я совершенно забылъ, что вы вчера доставили къ намъ эту глупую статью и просимо его въ редакцію!... Непременно, мистеръ Кортисъ!.... Будьте спокойны! Я никакъ этого не podia.

— Но для меня этого недостаточно, возразилъ Г. Кортисъ.

— Какъ, недостаточно? Чего жъ вы хотите болѣе?

— Вы должны напечатать завтра въ вашей же газетѣ, что вы ошиблись.

Это невозможно, мистеръ Кортисъ! Мы никогда себе не противоречимъ. Журналь, который хочетъ пользоваться довѣріемъ публики, долженъ уважать свое имя. Что-разъ сказано, то сего.

— Милостивый государь, да это разбой! Я подаю на васъ жалобу въ судъ. Вы меня обезчестили; вы лишили меня добраго имени; славы, имени!....

— Все это для меня очень прискорбно, любезнѣйшій мистеръ Кортисъ; но что невозможно, то невозможно. Идите жалуйтесь! Что вы вытратите? Намъ присудятъ уплатить вамъ пеня пяти сотъ фунтовъ; и уплату вамъ эту сумму и безъ суда; но противоречить себѣ не стану. Это вредитъ добрымъ къ газетѣ.

— Я не хочу платить денегъ! воскричалъ Г. Кортисъ съ негодованіемъ. Я требую, чтобы вы торжественно возвратили честь и славу, чтобы вы признались въ ошибкѣ, сказали, что я правъ!....

— Мистеръ Кортисъ, признаваться въ ошибкѣ, значитъ самому себѣ противоречить. Этого никакъ невозможно!.... Я очень сожалѣю, мистеръ Кортисъ!.... Но, погодите! вотъ,

что можно, была противоречія събъ, сдѣлайте въ вашу пользу, такъ какъ это экстремный случай..... и такъ притомъ и, на нѣколько часовъ днать часть лично, слышала объ васъ много хорошаго..... Мы напечатася въ завтрашнемъ номерѣ, что извѣстіе наше было совершенно справедливо; что васъ дѣйствительно третьяго дня погребли. Но что вы благополучно сорвались съ веревки; и теперь живы и здоровы, ко какому-то случаю, зная событія и стившия снамъ извѣстныя «многочисленныя друшй сего почитаемыя и добродѣтели» сего мужа.»

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЬЕЦЪ ВЪ ОДЕРЦОВЪ. 1. *La Guerre des sergents, Война служанокъ*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Гг. *Harel's, Ambroise'a и Théaulon'a*.

Есть Нѣмецкій романъ, подъ названіемъ «Война служанокъ», который явилъ авторомъ второстепеннаго Германскаго романиста Фандерманна, а переводникомъ третьестепеннаго Французскаго литератора, Г. Лѣве-Веймарса. Изъ этого перевода Парижскіе четверостепенные издатели, Гг. *Harel и К^о*, издали извѣстную драму изъ описаннаго содержанія.

Въ Богеміи, до времена двупроислѣдія, вѣковъ послѣ смерти Карла Великаго, у стараго короля Премислава были жена и служанки: отъ этихъ двухъ дѣтей вышло у него по многу; но одного изъ сыновей онъ пріятель въ доброе мѣсто, и обещалъ служанкѣ жениться на ней, какъ скоро будетъ имѣть удовольствіе оидать. Въ ожиданіи свадьбы, служанка старая Премислава, врозня Вальша, забывала, думала и обманывала своего господина, государя и будущаго пунруга. Но старилъ, вѣгостъ, мадуль ея: не оказавъ ни слова, онъ померъ, и въ завѣщаніи поставилъ споску пресняку въ непремѣнную обязанность вытолкать герудю служанку въ мѣсто. Лишъ-только онъ померъ, Вальшу выгоняютъ. Вы можете вообразить, какъ она разсердилася! Въ бѣшенствѣ своемъ, Вальша выбѣгаетъ на площадь и зачѣмъ-то голосомъ зоветъ всѣхъ Богемскихъ служанокъ къ оружію. Она кричитъ, и служанки взымаются. Она хотѣла быть повѣдѣнными, но варты шей, во печь иудебиль, но нѣтъ ни бѣлы, ни доловъ, ни посуды. И вотъ въ дѣвчанахъ, въ нравствѣ

ныкъ, въ кутянкъ, возгласное востаніе; кутянкъ гремитъ, растать и вылетъ. Горь поблжденныкъ, особенно влрцдмань!

Набравъ многоисленную армію въ перидникахъ, Вальша сарашиваетъ сама себя, кто будетъ у нея адвантантомъ. Тутъ является какой-то молодой человекъ, блвднй, тинственнй, несчастный, который уже встлъ на свѣтъ замышляя и ца въ четь не успѣвалъ. — Ты получишь, говоритъ Вальша, мечъ Карла Великаго и броне Виткивида. — Вальша идетъ въ дгребъ и достаетъ оттуда три тысячи живыхъ Саксонцевъ, которые палили ханъ со смерти Карла Великаго. Этѣ три тысячи Саксонцевъ, вооруженные съ ногъ до головы, присоединяются къ тремъ тысячамъ славянокъ, — что составляетъ всего на все немножко больше трехъ тысячъ человекъ, — и война начинается. Желаннымъ рубится и колются на славу. Чтѣ будеть съ сыномъ Премислава?

Потому что у Премислава была молоденькой сестъ, который в васыль посылъ него на престолъ батюшки. Къ довершвию благополучія, онъ женился еще на лорискиной принцессѣ, которую зовутъ Марію. Его зовутъ Людъеромъ I. Въ самый день свадьбы, Людъерь и Марія попадаютъ въ руки Вальши и служаконъ, которыели командуютъ страшный анисвенялутый незнаменитъ, которого зовутъ Графомъ.

Тутъ начинается прекрасная и чрезвычайнѣо драматическая оргія: послѣ победы, все эти служакки, горничныя, кухарки, оудоводки, съ разгребанными волосами, въ чешкахъ на бекрень, садятся за столъ и паруютъ; а поблжденныя царедвици, камергеры покойнаго Премислава, имъ служатъ и парентяютъ таралии. Это должно быть чрезвычайнѣо швадательно.

Графъ драмса какъ дель; онъ-то велъ все эти передники къ поблду. Онъ цтребилъ король огнемъ и мечемъ, и передалъ царю Премислава честолюбивой Вальшѣ. Въ награду за свои подвиги онъ требуетъ только двуа вещи, головы Людъера и ручки Маріи. — Марію, пожалуй возьми, говоритъ Вальша, но Людъера не дамъ; я хочу одлзаны себя нѣт чего молоденькаго муженка и быть королевой. — Графъ человекъ спортивный: онъ беретъ Марію и устунасть Людъера Вальшѣ.

Графъ ухватить Марию въ пустыни *Скандинавии*, которая, по драматической географіи, лежитъ изъ земныхъ царствъ рядомъ съ Богемією. Но молодецкой Людьеръ не изъясляетъ своего согласія на все эти распрямленія и даже сердится, что Вальша, батюшкина служанка, хочетъ быть его женою и королевою. Она и въ своемъ дѣлѣ не ослѣдъ: съ какой стати Вальша выходитъ за королька, который бы могъ быть ея сыномъ, гдѣ болѣе что унесъ и отъ отца его былъ сынокъ.

Вальша ужасно сердится, что павлинокъ ея обходится съ ней какъ съ низкою служанкою: она приказываетъ своей побѣдоносной арміи свергнуть Людьера съ башни. Но въ исполненіи казни, какая-то старуха удерживаетъ Вальшу за руку и говоритъ ей, указывая на Людьера: «Оуъ твой сынъ!» Бѣдная Вальша въ ужасномъ отчаяніи, навѣ кухарка, у которой доновой опрориннулъ горлокъ со шами. Она плачетъ, рыдаетъ и покоряется своему любящему сыну. Она отдаетъ ему свое оружіе, усиливаетъ будущицхъ Саксонцевъ и, въ угожденіе ему, готова оцять запереть ядъ въ погребъ. Этого мало, она еще приказываетъ спасти Марію, забавить ее отъ мотей укасного Графа. Приказанія ея много въспоминотли: Марія спасена, Графъ въ изпахъ. Людьеръ вступиваетъ на престоль. Но тутъ онъ говоритъ Вальшѣ: — Спасибо тебѣ, матушка, за все и про все: только ты не мать моя, и я не сынъ твой; я король, — и обращаясь къ окружающимъ, онъ говоритъ: *«ведь судъ всѣ!»*

Бѣдная Вальша вдругъ лишается и сына и трона. Ее приговариваютъ къ смертной казни. За невѣдніемъ палача, Графъ предлагаетъ свои услуги: онъ хочетъ отменить Вальшѣ за то, что унесла отикла Марію. Онъ тащеть ее на роковую скалу и свергаетъ въ пропасть. Но, о горе, но справкъ оказывается, что Вальша его мать! Графъ въ отчаяніи бросается въ пропасть вследъ за матерью. Все.

Эта драма наполнена кровавыми эпизодами; и обставлена изъ всякой всячины. Авторъ писалъ драму для глазъ: великолѣпныя декорация, богатые костюмы, драгоценныя оружія, пожары, фонтаны, оргія, охотры, сраженія, тюрьмы, казни, кабакъ, торжества, убійства; схватка и свалка безъ конца, вотъ что доставило успѣхъ этой пьесѣ, въ которой впрочемъ есть и занимательность.

2. *Le Petit chapeau, Маленькая треугольная шляпа*, политическая драма, въ шести частяхъ, Г-на Desnoyers:

Авторъ этого подвигли сочинить себѣ слѣдующую историю: Наполеонъ не былъ разбитъ въ Россіи; напротивъ, изъ Москвы, онъ пошелъ въ Петербургъ, взялъ Петербургъ, и наложилъ на Русскихъ ежегодную дань: Потомъ Наполеонъ садится въ Кронштадтѣ на корабль и со всеми своимъ войскомъ переправляется въ Швецію. Завоевавъ Швецію, онъ пускается въ Англію. Завоевавъ Англію, онъ принимаетъ въ свое владѣніе, ея земли и моря и вступивъ торжественно въ Лондонъ, издастъ слѣдующій декретъ: «Въ свидѣніе сего повелываемъ: отнынѣ впредь Англія и море не существуютъ.» Оттуда онъ обращается въ Турцію, и покоряетъ Турцію; потомъ идетъ вторично въ Египетъ, и покоряетъ Египетъ; наконецъ въ Индію, и покоряетъ Индію. Но все это должно быть сновидѣніе! Оно действительно такъ, и вы можете вообразить, каково должно быть драматическое дѣйствіе, которое изображаетъ сего, — и еще какой сонъ! — сонъ стараго солдата, который выпилъ пива и упалъ подъ столъ.

3. *Le Coq noir, Черный разбойникъ*, мелодрама въ четырехъ дѣйствіяхъ, Гг. *Labrousse'a* и *Albert'a*.

Этотъ черный разбойникъ, во-первыхъ разбойникъ не сухопутный, а морской, и притомъ онъ — мошенникъ по имени Перкинсъ. Онъ укралъ у лорда Говарда его фаворитныя бумаги и выдаетъ себя за лорда Говарда. Ужасная буря выбрасываетъ Перкинса-Говарда-Чернаго разбойника на берегъ, въ небольшой деревнѣ. Никто Джоржъ, рыбакъ и сирота по своему званію, спасаетъ отъ бури Перкинса, его бумаги, и его «наперсника». У этого Джоржа на шею — поряжетъ его матери; а въ сердце образъ его невѣсты. К несчастью невѣста Джоржа пригласилась разбойнику-лорду, и онъ признается въ этомъ своему «наперснику». Наперсникъ однако жъ не советуетъ разбойнику увозить этой дѣвушки. На добрый советъ разбойникъ отвѣчаетъ дубиною по лбу, а дубодѣтельный наперсникъ падаетъ мертвымъ къ ногамъ его. Разбойникъ бросаетъ его въ реку. Между-тѣмъ поселене собираются праздновать свадьбу Чернаго разбойника съ этой блѣзенькой дѣвушкою. Рыбакъ Джоржъ — въ отчаяніи, что поймалъ такого ужаснаго лорда Говарда, который уни-

васть своих наперсников и у него позади спины жевается на его несчастье.

Девушка, вышедши за молодика, которого она не любит, но обыкновенно бросается на него тому, кого она любила, и говорит ему: «Блужни!» Не мистеръ Перкинсъ, Черный разбойникъ, узнавъ объ этомъ, весь покраснелъ отъ бичевства, и велитъ Джоржа на первый случай проколоть книзюломъ. На крикъ Джоржа выбегаетъ изъ трактира маленький канстэблъ и видитъ трупъ Джоржа.

Въ это время выходить изъ воды наперсникъ Чернаго разбойника, наперсникъ, который былъ уже однажды задохнуть и утопленъ. Наперсникъ наклоняется къ телу Джоржа, и видитъ у него на шее портретъ жены лорда. Между-тѣмъ и проколотый Джоржъ приходитъ въ себя. Что жъ вы думаете дѣлаетъ мертвецъ второго дѣйствія? Онъ заваливаетъ мертвеца третьего дѣйствія на плеча, и такимъ образомъ два мертвеца благодушно уносятъ одинъ другого далеко отъ глазъ и отъ книзда Чернаго разбойника.

Этотъ Черный разбойникъ пренеосчастливый человекъ: всь, кого онъ убьетъ, оживаютъ! Только-что онъ узналъ, что двое мертвецовъ его убѣжали, какъ ему дѣлается сказать, что жена его убѣжала со своей кузиною. Мрачное бичевство Чернаго разбойника! Въ канстэблъ лорда Говарда онъ назначаетъ приличную награду тому, кто отыщетъ и доставитъ по принадлежности жиму его и съ кузиною.

А жена его и кузина спрятались у одного честнаго лѣсничаго. Этотъ добрый человекъ принялъ къ себѣ, не только двухъ бвгланюкъ, но еще и двухъ мертвецовъ второго и третьего дѣйствія. Наперсникъ Чернаго Разбойника открываетъ присутствующимъ, что этотъ человекъ ни чулъ не лордъ Говардъ, но просто Черный Разбойникъ. Въ это самое время и самъ Черный Разбойникъ является въ дверяхъ книжды лѣсничаго. И кого жъ онъ здѣсь видитъ? Жему свою! Жему прикладывается въ него изъ ружья, и кричитъ: «Вотъ-тебѣ, разбойникъ Перкинсъ!» Къ сожалѣнню, ея ружье — не Церквисово усомерживотнованное ружье, а простое, съ красненьки оно озвываетъ, проклятый разбойникъ вырываетъ у ея ружье и готовится разбить собственную жему свою. Но въ эту самую минуту, послѣднн раны Джоржа заживаютъ, и

они съ отцемъ бросаются на разбойника, который не можетъ понять, какъ это на него нападаютъ люди, которыхъ онъ убилъ, и утопиль.

Впрочемъ, эти два мертвеца — не единственные въ пьесѣ: является еще выходецъ съ того свѣта, лордъ Говардъ, настоящий лордъ Говардъ, тоже убитый Черниль Разбойникомъ, котораго, какъ слышно, по окончаніи драмы, повѣсать и повѣсать окончательно, — *hanged to be dead!*

Въ заключеніе спектакля дѣйствующія лица обнимаются, цѣлуются и поютъ куплеты. Трудно собрать въ одну пьесу болѣе нелѣпостей и вздору, какъ въ этой мелодрамѣ.

4. *La Double Echelle*, *Двойная лѣстница*, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, слова Г. *Planard*'а, музыка Г. *Thomas*'а.

Молоденькая вдовушка временъ Людовика XV, много перетерпѣла отъ покойника мужа, и поклялась при королѣ, что никогда не выйдетъ вторично замужъ. Однако жъ, не прошло и трехъ мѣсяцевъ траура, какъ маркиза забыла свою клятву, и скука, случай, а можетъ-быть и дьявольскія наущенія, заставляютъ ее вступить въ второй бракъ. Гордая красавица сдалась на капитуляцію какому-то председателю уголовного суда, разномысленному, раздушенному франтику. Для сохраненія приличія они положили скрывать бракъ свой до-времени. Это принуждаетъ председательника принимать всѣ предосторожности, обыкновенно употребляемыя при тайныхъ посѣщеніяхъ чужихъ женъ.

Двойная лѣстница, прозавчески выкрашенная зеленою краскою, служитъ проводникомъ новому Ромео всякой разъ какъ ему было угодно пробираться въ покои своей председательши. Онъ теперь у ней. Ст! вотъ сцена прощанія. Супруги расстаются. Председательша затворяетъ окно; председатель слезаетъ по лѣстницѣ. Между-тѣмъ садовникъ видѣлъ всѣ эти продѣлки, и, воображая, что это непозволительная любовная интрига, требуетъ съ мнимаго счастливица платы за молчаніе. Эта сцена очень забавна.

Нѣкто д'Орживиль, франтъ и кузень маркизы, который давно уже до нея добирается, но котораго всегда прогнали со стыдомъ, принимая въ соображеніе, что теперь она вдова, надеется, что въ этотъ разъ для его пойдутъ успѣшнѣе.

Онъ выдаетъ себя за челоѣка женатаго и степеннаго: этого довольно, чтобы быть прилигимъ въ замокъ маркизы, и тамъ его любезность и счастливый случай сдѣлають остальное. И точно, онъ прѣзжаетъ съ женою; его велеть принять; онъ рекомендуетъ маркизѣ свою супругу, madame d'Orgeville, женщину, кою водится, въ рюшкахъ, въ блядахъ, въ мушкахъ, въ кружевахъ. Но вообразите изумленіе садовника, когда онъ вдругъ узнаетъ въ мнимой кавалершѣ д'Оржвилъ собственную свою супругу, садовницу!

Садовница-кавалерша, пользуясь тѣмъ временемъ какъ вся въ замкѣ уживаются, сходитъ въ садъ, и объясняетъ мужу своему, Луку, какъ кавалеръ д'Оржвилъ, молочный братъ ея, пришелъ къ ней и упросилъ, во-первыхъ, принять отъ него довольно толстый кошелекъ, а во-вторыхъ нарядиться кавалершею, прѣхать съ нею въ замокъ и прожить тамъ нѣсколько дней подъ именемъ жены его. «Вотъ моя комната, гдѣ есть балконъ, надъ комнатою маркизы, говоритъ садовница садовнику: приходи, дружочекъ, Лука, вечеромъ ко мнѣ; я тебѣ все расскажу, а теперь, прощай: беда какъ насъ застануть вмѣстѣ.» Садовникъ уходитъ, не вида во всѣхъ этихъ объясненіяхъ ничего толковаго. Ночью онъ является, отыскиваетъ дверь, но не можетъ отворять ея. Дѣло въ томъ, что кавалеръ пришелъ дать нарѣченной жонѣ своей нѣкоторыя наставленія, а маркиза, увидѣвъ это, для смѣху, заперла ихъ ключомъ. Запертая дверь прѣдаетъ Луку еще болѣе охоты повидаться съ женою. Онъ прибѣгаетъ къ двойной лѣстницѣ, которая отнынѣ начинаетъ играть очень важную роль. Онъ подставляетъ двойную лѣстницу къ окну; д'Оржвилъ и садовница это видятъ. Беда! Заставъ ихъ наединѣ, онъ не вѣсть что подумаетъ, забьется, и подыметъ изъ ревности глупостей! «Онъ уже лѣзетъ!» говоритъ садовница: я провала! — Не бойся, душенька, говоритъ кавалеръ: у него лѣстница двойная.» И между тѣмъ какъ садовникъ избирается по правой половинѣ къ садовницѣ, кавалеръ, имъуясь темнотою, уходитъ по лѣвой отъ кавалерши. Этого мало, что онъ убрается отъ садовницы: надобно забраться къ маркизѣ. Ночь темна; въ саду пусто. Прекрасно! впередъ двойную лѣстницу! Но въ саду прятается другой любитель маркизы,

и рассуждать про себя точно такими же образомъ: этотъ другой былъ самъ председатель. Онъ подходитъ къ окну; видитъ, что лѣстница уже стоитъ на мѣстѣ, и вотъ онъ преспокойно лѣзетъ по одной половинѣ лѣстницы, а кавалеръ своимъ чередомъ лѣзетъ по другой половинѣ, всё дальше, всё выше, такъ, что наконецъ они сталкиваются носомъ къ носу. Удивленіе одного можетъ сравниться только съ удивленіемъ другаго. Начинается ссора; за ней слѣдуетъ вызовъ. Кавалеръ первый спускается на землю и обнажаетъ шпагу; но председатель хочетъ сперва разобратъ дѣла законнымъ порядкомъ, вокакиваетъ на балконъ, оттуда въ комнату маршала, а потомъ является вместе съ нею, и спрашиваетъ, по какому праву кавалеръ тутъ въ такое время. Они желаютъ кавалеру покойной ночи.

Этотъ фарсъ, этотъ водевиль, или, если угодно, эта комическая опера чрезвычайно забавна и возбуждаетъ неудержимый хохотъ. Г. Plapard рѣдко писалъ что-нибудь лучше этого. Музыка, по словамъ Г. Berlioz, который долженъ знать толкъ въ музыкѣ, очень не дурна.

5. L'Education d'Achille, *Воспитаніе Ахиллеса*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Г-на de Lurieu.

Въ самый развалъ Наполеоновской славы, вѣжливые родители одного молодого человека, по имени Ахилла, не имѣя матерніа отдавать своего дѣтища на жертву славы, одеваютъ его въ женское платье и отдаютъ подъ именемъ Лодонски, въ женскій пансіонъ. Ахилла, невѣрный какъ овечка, дружится съ настоящею пансіонеркою, Габріэлю, дѣвушкой, которая такъ же хитра в жива, какъ бѣдный Ахилла плохъ в вѣстничивъ.

Такъ идутъ дѣла и многіе уже начинаютъ опасаться, чтобы Габріэль не просвѣтила господина Лодонску, какъ вдругъ, военное начальство, узнавъ, что молодой человекъ, годный къ службѣ, скрывается подъ непріятными ему платьями, приказываетъ произвести ревизію пансіонерокъ Инспекторскій смотръ порученъ сержанту Матьѣ. Въ пансіонѣ хлопоты и тревога. Сначала Габріэль выдаетъ себя за мальчика, сбегается на войну и на прощанье отрывается Лодонскъ въ любовь. Но сержантъ Матьѣ классикъ; онъ показываетъ

нить саблю ; сталь блестятъ ; мужская кровь Ахилла разгрявается и онъ сажъ себя обначаетъ.

Туть роли перемѣняются. Теперь уже юноша объявляетъ дѣвушкѣ любовь свою ; Лодонска говоритъ Габріелю : — Не измѣни мнѣ ; я скоро возвращусь. — Хорошо ; только поторопись , отъѣзжаетъ Деидамія.

Въ этой пьескѣ много ума и веселости.

6. *Vigno le Filleur*, *Прядильщикъ Бруно*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.

Бруно старшій работникъ на большой прядильнѣ , которой хозяйинъ умираетъ. Нѣкогда Бруно спасъ ему жизнь и благодарный мануфактуристъ отказалъ работнику все свое имѣніе. Бруно богатъ и пріятель его Кутюрье страхъ радуется : теперь они могутъ всякой день пировать въ кабакѣ. Но разсуждая такимъ образомъ , Кутюрье не принялъ въ соображеніе добродѣтели Бруно.

И точно, осмотрѣвшись , Бруно увидѣлъ , что благодѣтель его оставилъ послѣ себя кое-какіе должки и бѣдную племянницу. Племянница эта такая миленькая , такая добренькая , что Бруно женится на ней изъ любви и также изъ признательности къ ея дядѣ. Кутюрье, видя , что его пріятель такъ счастливъ , любить его по прежнему , но ходитъ въ кабакъ уже одинъ ; то есть , ходитъ въ кабакъ Кутюрье , потому что Бруно не до того. Во второмъ дѣйствіи Бруно богатъ , вскии уважаемъ ; но величіе и богатство очень тяготятъ его , а жена еще пуще. Ему какъ-то неловко подлѣ женщины образованной ; да притомъ , онъ , на-бѣду , еще и ревнивъ. Madame Vigno безпрерывно окружена франтами и мужъ передъ ними чурбанъ неотесанный. Записочка , которая , какъ змѣя , скрывается подъ цвѣтами , присланными madame Vigno , попадаетъ въ руки мужа и еще увеличиваетъ его несчастіе. Онъ дерется съ кузенемъ жены своей , авторомъ записочки.

Но эта дуэль , это безпрерывное соперничество , всѣ эти благовоспитанные люди , подають наконецъ Бруно прядильщику мысль удалиться отъ свѣта. Онъ покидаетъ жену , дочь , родныхъ и знакомыхъ и хочетъ снова сдѣлаться гдѣ нибудь просто Бруно прядильщикомъ. Но madame Vigno , узнавъ объ этомъ , тоже хочетъ покинуть свѣтъ и навсегда распрощаться съ франтами. Въ слѣдствіе сего Бруно , наданъ

Бруно и пріятель ихъ Кутюръе переселяются въ деревню и ведутъ тамъ дѣя, выпраденные изъ шелку и золота.

Въ третьемъ дѣйствіи ..... Винавать; третьяго дѣйствія нѣтъ; а впрочемъ мудро ли было написать еще пять такихъ дѣйствій!

7. Absent et Présent, *Въ отлучкѣ и на лицо*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Г. d'Harcourt'a.

Маленькая идея, разведенная въ очень маломъ количествѣ остроумія. Дѣйствіе начинается во времена терроризма Французской революціи. Баронъ Шарнасе ускользнулъ отъ эшафота и утѣхалъ въ Англію. Потомъ, когда терроризмъ уступилъ мѣсто директоріи, баронъ Шарнасе возвратился въ отечество, не дожидаясь, чтобы имя его было вычеркнуто изъ списка эмигрантовъ. Онъ скрылся подъ именемъ Брюлара, и директорія сдѣлала его председателемъ революціоннаго трибунала. Брюларъ страшный человекъ; весь день бранить онъ безъ умолку то дочь; то племянника, а ночью тихомолкомъ пробирается къ баронессѣ Шарнасе. Тутъ начинается клевета; весь свѣтъ толкуеть о развратномъ поведеніи Брюлара. Забудьте, что это происходитъ во времена распутной памяти директоріи, а авторъ водевиля хочетъ увѣрять васъ, будто баронъ Шарнасе, съ опасностію жизни, намѣренъ открыться, чтобы только спасти добрую славу жены своей. Къ счастью, онъ во время узнаеть, что имя его вычеркнуто изъ списка эмигрантовъ. Тутъ онъ объясняетъ всемъ и каждому, какое право имѣлъ гражданинъ Брюларъ ходить по ночамъ къ баронессѣ Шарнасе.

8. Le Matelot à Tégge, *Матросъ на сухомъ пути*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

Извѣстно, что Французскіе морскіе романы разнесло вѣтромъ: они разбались и утонули! Сваражены были двѣ морскія экспедиціи; одна для отысканія слѣдовъ корабля Лаперуза, другая для отысканія слѣдовъ славы капитана Sue и обломковъ его романовъ. Первая возвратилась и донесла, что дикари острова Маниколо благополучно скушали Лаперуза; вторая до сихъ поръ ищетъ и ничего отыскать не можетъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Французской литературы страшно стало пускаться опять въ море и вотъ она принялась сочинять морскіе водевилы въ сухопутномъ видѣ.

Авторы подлежащаго водоезна придумали, что матрость, который получил большой призъ, страхъ хлопочеть, какъ бы его поскорѣе промотать. Но воображеніе его такъ ограничено, что онъ никакъ не могъ всего изстратить. У него еще остается восемь сотъ франковъ, а завтра въ походъ. Когда тутъ мотать! Не зная, куда дѣвать остальные деньги, матрость отдаеть ихъ одной бѣдной двашки, которая при этомъ пособіи, выходитъ замужъ за своего любезнаго. Вотъ и все. Впрочемъ тутъ есть и остроуміе и некоторая живость.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. La bibliographie de France и Journal de la librairie française сдѣлались чрезвычайно тощими. Между объявленіями о новыхъ книгахъ видны одни только плоды провинціального пера, брошюрки, стишки для раздачи пріятелямъ. Госпожи d'Abantès и Reybaud, господа Saintine, Lamothé-Langon и Masson, хозяйничаютъ одни въ спискахъ книгъ за сентябрь мѣсяць: каждая и каждый изъ нихъ выдала по роману. Будеть что читать студентамъ!

— Г. Александръ Dumas издалъ пятый томъ своихъ Impresions des voyages и написалъ новую трагедію, «Калигула».

— Les chasses de Charles-Dix — ни исторія, ни романъ, ни даже руководство для охотниковъ. Это собраніе разныхъ анекдотовъ двора Карла X, рассказанныхъ довольно пріятно. Но самая любопытная книга прошедшаго мѣсяца, это тайная переписка Комитета du Salut public, которая вышла въ двухъ частяхъ подъ заглавіемъ — La révolution telle qu'elle est: въ ней выведенъ наружу весь макіавелизмъ Французскихъ проповѣдниковъ политической свободы, и дѣйствующія лица кровавой драмы являются такими какъ она была.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Умеле Нотасе, новый романъ известной писатрицы Hall, романъ совершенно мелодраматическій, наполненный страшными приключеніями, самоубійствами, ищевіями, кинжалами, таинственными лицами, не очень занимателенъ. Это исторія богатаго Ливерпульскаго купца, который съ прекрасною женою и прелестною дочерью переезжаетъ въ Лондонъ, хочетъ играть роль барина и, по обыкновенію, разоряется.

— Изъ новыхъ путешествій, съ любовнытствомъ можно прочесть «Приключенія одного Американца въ Египтѣ и

Аравія, *Incidents of travels in Egypt, etc.* Мы сообщимъ несколько выписокъ изъ этого сочиненія.

— Томасъ Моогъ издалъ второй томъ своей Ирландской исторіи: эта часть оканчивается перетованіемъ послѣдняго Ирландскаго короля.

— Выдаче публички и журналовъ въ Англіи обращено теперь преимущественно за засѣданій «Общества Англійскихъ ученыхъ», которое въ нынѣшнемъ году собралось въ Дилергултъ. Мы уже получили бюллетени первыхъ засѣданій этого сейма свѣтъ Великобританій, засѣданій обыкновенно столь любопытныхъ: до сихъ поръ они не представляютъ ничего примѣчательнаго. Безконечная теорія морскихъ приливовъ и отливовъ, и исцѣла наблюденія надъ ними Г. *Whewell*'я (Вивель), были, какъ и въ прежніе года, главнымъ предметомъ разсужденій и споровъ: конецъ всего этого будетъ тотъ, что капитанъ Маггуай своими романами, и Т. Whewell своими наблюденіями, исчерпаютъ напоследокъ все море, которое понапрасну считается неисчерпаемымъ. Въ отдѣленіи натуралистовъ, происходилъ, какъ этого должно было ожидать, жаркій споръ о знаменитыхъ червяхъ, которыхъ Г. Crozse надѣлалъ изъ кремнезему при помощи электричества. Г. Crozse, какъ извѣстно, обнаруговалъ въ журналахъ свой рецептъ для дѣланія этихъ червей, которые, судя по его рисункамъ, должны принадлежать къ роду асагисъ. Многіе натуралисты пытались дѣлать ихъ по его рецепту, и ничего не получили. Но Г. Crozse, которому очень хочется преемствъ въ потомствѣ изобрѣтателемъ червей, обѣщаетъ повторить свой опытъ въ присутствіи нарочнаго парламентской комиссіи.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Руководство къ всеобщей исторіи доктора Генриха Лео, *Handbuch der Universalgeschichte*, заслуживало бы перевода на нашъ языкъ: авторъ весьма искусно, въ маломъ объемѣ, представилъ всю исторію народовъ съ необыкновенною ясностью, избирая всегда самыя рѣшительныя минуты въ исторіи и устремляя главное вниманіе читателя на тѣ общія событія, съ которыхъ открывается ему безконечный видъ на второстепенныя и частныя факты. Онъ пропускаетъ иногда цѣлыя отдѣлы

частной исторіи государствъ, но зато все, что важно для всего человечества, становится такимъ образомъ виднѣе и разительнѣе.

— *Römische Briefe*, Г. Оттона фонъ Мирбаха, въ короткое время удостоившись втораго изданія: это книга очень любопытная и хорошо написанная. Авторъ, который тщательно изучилъ древнѣе писателей, избралъ для своихъ писемъ занимательную эпоху 64 и 63 годовъ до Р. Х., эпоху, когда Цицеронъ правилъ республикою, Катилина составлялъ заговоръ, Помпей велъ войну на Востокъ, Катона, Юлій Кесарь и множество знаменитыхъ людей, полководцевъ, ораторовъ, честолюбцевъ, вдругъ выступили на политическое поприще. Разсказъ Г. Мирбаха живъ, часто даже живописенъ, и самая форма сочиненія, составленнаго изъ дружескихъ писемъ между дѣйствующими лицами, позволила автору рѣзко и удачно изобразить тогдашнее положеніе Рима и его провинцій.

— Между сочиненіями, относящимися въ древней исторіи, заслуживаютъ еще особеннаго вниманія — *Zug Geschichte Trajans und seiner Zeitgenossen*, доктора Франке, книга, написанная совѣстно и съ большимъ трудомъ, потому что объ исторіи Траяна очень мало писали дѣльно, и *Zug römischen Geschichte und Alterthumskunde*, известнаго филолога Крейцера: это сочиненіе, которое составляетъ четвертую часть Крейцеровыхъ «*Deutsche Schriften*», содержитъ въ себѣ два любопытныхъ разсужденія, — первое, о невольничествѣ въ древнемъ Римѣ, — второе, объ императорѣ Галіенѣ и его супругѣ Солоніи.

— Въ области изящной словесности рѣшительно нѣтъ ничего достойнаго чтенія, хотя страницы журнала *Allgemeine Bibliographie für Deutschland* всякій мѣсяць бывають наполнены заглавіями новыхъ романовъ, трагедій и поэмъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

- LA REVOLUTION TELLE QU'ELLE EST, ou Correspondance inédite du Comité de Salut public avec les généraux et les représentans, pendant les années 1793—1795, mise en ordre par M. Legros. 2 vol.
- EXAMEN CRITIQUE des revolutions d'Espagne. 2 vol.
- SOUVENIRS D'UNE AMBASSADE et d'un séjour en Espagne et en Portugal de 1808 à 1811, par Mme la duchesse d'Abrantès. 2 vol.
- LES CHASSES DE CHARLES-DIX, souvenirs de l'ancienne cour, par M. Chapus. 1 vol.
- TRAITÉ EXPERIMENTAL de l'électricité, etc., par M. Becquerel. Tome V, première partie.
- CLINIQUE HOMÉOPATHIQUE, recueil de seize-cent observations pratiques, par le Dr Beauvais. 4 vol.
- COURS D'AGRICULTURE, ou Nouveau dictionnaire d'agriculture et de médecine vétérinaire, par MM. de Morogues, Payen, Mirbel, Fivien, Barthélemy, etc. 15 vol.

- UNE VIE DE JEUNE FILLE, par Mme Junot d'Abrantès. 1 vol.
- DEUX A DEUX, roman, par H. Arnaud (Mme Reybaud). 2 vol.
- NE TOUCHEZ PAS A LA REINE, roman, par Michel Masson. 1 vol.
- LES SOIRÉES DE JONATHAN. par X. B. Saintine. 2 vol.
- BONAPARTE ET LE DOGE, roman historique, par M. le baron Lamoignon-Langon. 2 vol.
- LES AVANTURES galantes de Margot, par Arsène Houssaye. 1 vol.

Английскія.

- THE HISTORY of Ireland. By Thomas Moore. Vol. II.
- ITALY. By J. Fenimore Cooper. 2 vols.
- REPORT ON THE STATISTICS of Tuscany, Lucca, Pontifical, and Lombardo-Venetian States. By John Bowring. 1 vol.
- ILLUSTRATIONS OF JERUSALEM and Mount Sinai, from drawings by F. Arundale, architect; with a descriptive account of his residence in those remarkable countries. 1 vol.
- AN EXPOSITION OF THE SYMPTOMS, essential nature and treatment of neuropathy, or nervousness. By James Manly Gully, M. D. 1 vol.
- THE TRIBUTE; a Collection of miscellaneous unpublished poems. By various authors. 1 vol.
- SKETCHES FROM LIFE, lyrics from Pentateuch, and others poems. By Thomas Ragg. 1 vol.

- SKETCHES of young ladies. With plates. 1 vol.
 CHAPTERS ON early English literature. By *J. H. Hippisley*. 1 vol.
 UNCLE HORACE, a novel. By *Mrs. Hall*. 3 vols.
 THE HUNTERS OF THE PRAIRIES, or the Hawk Chief. By *John Treat Irving*. 2 vols.
 THE VICAR OF WREKILL. By *Mrs. Trollope*. 3 vols.
 KINDNESS IN WOMEN; tales. By *Thomas Haines Bailey*. 1 vol.

Гръмекія.

- GESCHICHTE des Europäischen Staatsystems aus dem Gesichtspunkte der Staatswissenschaft, bearbeitet von *P. F. Bulau*. Leipzig. I^r Bd.
 IDN-CHALLICANI vitae virorum illustrium. Textus arabicus cum versione latina et indicibus, ed. *Ferdinandus Wüstenfeld*. Göttingz. Fasc. 4.
 HISTORISCHES TASCHENBUCH, herausgegeben von *F. von Raumer*. 1838. Leipzig. 1 Bd.
 NEUE AUSFÜHRLICHE Volks-Naturlehre, u. s. w., von *Poppe*. Tübingen. I^r u. II^r Bd.
 GEMÄLDE VON NORD-AMERIKA in allen Beziehungen. Eine pittoreske Geographie. von *T. Bromme*. Stuttgart. 3 Bde.
 UEBER DIE SECRETIONS-ORGANE der Pflanzen, von *D^r. Meyan*. Berlin 1 Bd.
 SUPPLEMENT zu *J. W. Döbereiner's* Grundriss der Chemie, von *Fraas Döbereiner*. Stuttgart. 1 Bd.
 DIE BRONCHIOPNEUMONIE der Neugeborenen und Säuglinge, von *D^r. Philipp Seifert*. Berlin. 1 Bd.
 CHEMISCH-PHYSIOLOGISCHES SYSTEM der Pharmacodynamik, von *D^r. W. Grabau*. Kiel. I^r Bd.
 DIE LEHRE VON DEN ENTEÜNDUNGEN, nach dem jetzigen Standpunkte der medicinischen Erfahrungen, von *D^r. F. Berndt*. Greifswald. 2 Bde.
 GESCHICHTE und praktischer Werth der Lithotritie, von *D^r. Ludwig Wüster*. 1 Bd.
-
- LUDWIG DÖRNER, in seinem literarischem Wirken, von *F. Bockhaus-Zittau*. 1 Bd.
 VERGLEICHENDE GRAMMATIK des Sanscrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Lituanischen, Slavischen, Russischen, Gothischen und Deutschen, von *Fr. Bopp*. Berlin. 3 Bde.
 DES MÜLLERS RACHE. Romantische Erzählung von *Theobald*. Gotha. 2 Bde.
-

М О Д Ы.

=

— Известія о модахъ состоятъ въ это время года болѣе изъ предположеній о томъ что будетъ, нежели изъ показаній о томъ, что есть. Кажется, что и въ Парижѣ, какъ въ Петербургѣ, господствуетъ еще томительная неизвѣстность. Но то вѣрно, что дамы съ чистымъ вкусомъ, и притомъ несомнѣнными шеголами, стараются, здѣсь и тамъ, одѣваться для города какъ можно проще: ни какихъ фалборковъ на платьяхъ; ни какихъ затѣливыхъ украшеній на рукавахъ и у корсажа; еще менѣе бусъ, ожерельевъ или серьгоровъ на шеѣ. Платье одноцвѣтное и совершенно гладкое; бѣлый или розовый тюлевый эшарпъ; и прическа гладкая съ розами бѣлыми или блѣдно-розовыми по обѣимъ сторонамъ, — вотъ и все: и должно признаться, что эта простота чрезвычайно изящна, и благородна.

— Но это только для города, — для театровъ, концертовъ, музыкальныхъ собраний. Напротивъ того, для баловъ и вечеровъ, готовится роскошь необычайная. Парижскіе моды, вообще очень скупые, дрожатъ со страху при видѣ этихъ пышныхъ штофовъ, богатѣйшихъ атласовъ, чудесныхъ бархатовъ, которые дѣлательно вышиваются золотомъ и серебромъ. Перья *saules*, парабуты *pluigeurs*, райскія птички, расписанныя ярчайшими красками, блестятейшія ленты съ вытканными узорами, все это будетъ въ большомъ употребленіи. Замѣчено, что многія юбки непомѣрно вытягиваются сзади и обнаруживаютъ стремленіе къ хвостовидной фигурѣ; а между молодыми особами распространилось повѣрье, что, для вѣрности супружескаго счастья, подвѣчное платье непременно должно быть со шлейфомъ.

— Мантии и мантильоны будутъ замѣнены кашмирскими эшарпами Виолара, который придастъ этой ткани весь блескъ золота и серебра. Восхитительнѣйшую новосць въ томъ же родѣ составляютъ вуали, эшарпы и вуалы изъ теребрисаго и зодогистаго тѣла.

— Дѣлать чудесныя шляпки атласныя, крытыя крепомъ. Розовый атласъ покрывается бѣлымъ крепомъ *stère*, а къ шляпкѣ, убранной вытканными лентами, и если можно вы-

тканными въ видѣ перекрещивающихся колецъ, прикалываются три пера: одно изъ нихъ падаетъ на плечо, два другіе переходятъ на лѣвую сторону головы. Очень мило! Такія шляпки должны имѣть формы нарядныхъ шляпокъ, безъ болоета, *sphareau habillé*. Если шляпка изъ чернаго атласу, то ленты къ ней должны тоже черныя, съ атласнымиъ грунтокъ, по которому переплетаются кольца алма и зеленыя между двухъ узенькихъ зеленыхъ камиль съ зелеными бахрамами.

— Должно замѣтить, что городскія шляпки въ Парижѣ очень малы, и что ихъ *круглыя* поля почти сходятся на подбородкѣ. Такія шляпки видны уже впрѣдкѣ и въ Петербургѣ. Ленты, которыя служатъ для завязыванія, продѣтыя сквозь поля шляпки на высоту уха, пришиваются къ внутренней сторонѣ. Въ Парижѣ много носятъ шляпокъ-капотъ атласныхъ на ватѣ, стеганныхъ квадратами нанковскы. Чтобы онѣ не теряли своей формы, надобно дѣлать ихъ въ проволоку или на китовыхъ усахъ.

— Чепчики также очень малы, и даже для утренняго грѣзени убираются цвѣтами. Въ утреннихъ чепчикахъ, концы очень мило повязываютъ бантокъ сбоку, совершенно на шестъ. Многія дамы, которыхъ вкусъ можетъ служить авторитетомъ, употребляютъ атласныя шаля, зеленыя, розовыя или палевныя, обшитыя кружевомъ. Въ утреннихъ платьяхъ корсажи часто бываютъ *croisés*.

— Шляфроки съ двойными рукавами, изъ которыхъ нижніе узки и совершенно гладки, а верхніе широки, разрываны сверху и очень длинны снизу, продолжаютъ пользоваться у дамъ величайшею милостью и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ. Такія шляфроки дѣлаются изъ гроденепля, атласу, кашмиру или кашмировой оланели, и повязываются на такія богатыя шелковыя шнуры. Для теплыхъ короткихъ плащей служатъ атласъ, бархатъ и шва.

— Въ прическахъ, банты изъ волосъ низки, очень низки, и надвѣваются на затылокъ, но булки должны быть богаты, и, для вечераго паряда, переищшаны съ цвѣтами. Одну изъ такихъ причесокъ, созданную знаменитымъ *Héliot* въ минуты поэтическаго вдохновенія, читательницы наши найдутъ на приложенной картинкѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Перля, дочь банкира Мосшюха. <i>Е. Бернета</i>	5.
Время. <i>А. В. Тимофеева</i>	28.
Комета. <i>А. В. Тимофеева</i>	75.
Насъ сморо. <i>We age seven. Вордсворта. Е. К...</i>	77.
Боядерка. <i>Князь Д. Кропоткина</i>	80.
Неожиданный разрывъ <i>Е. Бернета</i>	84.

ПРОЗА.

Прогулка въ Крыму. <i>Длищцы П—и И—вой</i>	33. ✓
Провинціалка, Повесть, <i>Г-жи Ж...</i> , сочинительницы «Вечеровъ на Карповкѣ».....	91. ✓
Граница 1616 года, Повесть. <i>К. П. Масальскаго</i>	163. ✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Ильеса де ласъ Сьеррасъ. Разсказъ Карла Ноддѣ.....	1. ✓
Ильская Венера, разсказъ Г-ли Мерлиѣ. Изъ <i>Revue des Deux Mondes</i>	59. ✓
Робертъ Борвсъ.....	96.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Естественная исторія пауковъ и безкрылыхъ наско- мыкъ. <i>Histoire naturelle des aranéides et des ap- tères, par le baron Walckenaer</i>	1.
О трудѣ и деньгахъ въ Сѣверной Америкѣ. <i>Lettre sur l'Amérique du Nord, par Michel Chevalier</i>	20. ✓

✓ Томасъ Морусъ и его «Утопія».....	45.
✓ Путешествіе по Исландіи Г-на Марніе (<i>Lettres sur l'Islande</i>). Нынешняя столица острова. Рейкьявкская революція. Характеръ жителей. Гейзеръ. Древняя столица. Аалтынгъ. Исторія острова. Древняя его литература. Скальды. Эдды. Мифологія Скандинавовъ. Саги.....	97.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Пневматическія печи генерала Аммосова.....	1.
Разборъ теорій и опытныхъ результатовъ пневматическихъ печей генерала Аммосова. <i>Генерала М. Г. Дестрема</i>	7.
О наукъ, искусствъ и трудъ механическихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. <i>Д. П. Шелехова</i>	25.

V.

КРИТИКА.

Русскіе классики. Солиненія князя Антиоха Дмитриевича Кантемира.....	1.
Басни Хеминцера.....	25.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

Августъ, 1837. Новыя книги.....	1.
Разныя известія.....	33.
Сентябрь, 1837. Новыя книги.....	35.
Разныя известія.....	63.

VII.

СМѢСЬ.

АВГУСТЪ, 1837.

Ряжскіи катанкомбы (сочиненіе Г. Раулъ-Рочетта).....	1.
Паукъ-каменщикъ.....	7.

Два хирургическія методы доктора Спиринга :	
1. Вставляніе искусственнаго зрачка въ слѣпую глазъ.....	9.
2. Заплетаніе разрыванной артерій.....	10.
Различные теоріи граду отъ Анаксагора до Г. Фольбуха.....	13.
Падающія звѣзды.....	20.
Дѣйствіе яда на червяка.....	—
Кладбище миллионеровъ въ Сѣверной Америкѣ.....	21.
Чухонскіе Сіамцы.....	—
Англійскій корабль съ сѣмьютыми.....	22.
Пещера Какуамилья въ Мексикѣ.....	31.
Мексиканскія революціи.....	44.
Водоворотъ Мельстромъ.....	52.
Исторія вышивнаго мужскаго костюма.....	58.
Форкенштейнъ, замокъ князей Эстергаген.....	66.
Французскій театръ въ Парижѣ : Le Remplaçant, комическая опера. Le Château de ma nièce, комедія. L'Agathe, мелодрама. L'Auberge rouge. Sans nom! водевилъ. Janot en bonne fortune. La Fille d'un militaire. Le Retour de jeunesse. Un Malheur de famille. Un Parent millionnaire. Troisième et quatrième audessus de l'entre-sol. A quoi cela tient. Le Père de l'enfant. Le Mari à la ville, et la femme à la campagne.....	69.
Словесность во Франціи.....	84.
Словесность въ Англии.....	85.
Словесность въ Германіи.....	86.
Новыя книги : Французскія. Англійскія. Нѣмецкія....	87.
Моды.....	89.
СЕНТЯБРЬ, 1837.	
Электрическій опытъ Г. Сапожникова (съ рисункомъ).....	91.
Успѣхи Астрономіи въ Россіи, изъ отчета Г. Струве..	94.
Животный магнетизмъ въ Парижѣ.....	96.
Искусственные рубины Г. Годена.....	98.
Симметрическое свойство человѣческаго глаза.....	—
Новый способъ поливать растенія.....	99.
Облако свѣтящихся жучковъ.....	100.

Железные кручения зеренки Г. Альберта.....	100.
Открытие новых ходовъ въ главной Египетской пирамидѣ.....	101.
Похитители дѣтей въ Индіи.....	108.
Охотникъ до негровъ.....	110.
Видѣніе сына Данте.....	118.
Наставленія Вальтера Скотта гусарскому корнету.....	122.
Мистеръ Джонъ Кортисъ, конюшій, Лондонскій оригиналь.....	127.
Французскій театръ въ Парижѣ: <i>La Guerre des savantes</i> , драма. <i>Le Petit chapeau</i> . <i>Le Corsaire noir</i> , мелодрама. <i>La Double-échelle</i> , комическая опера Планара. <i>L'Education d'Achille</i> , водевилъ. <i>Bravo le fleur</i> . <i>Absent et présent</i> . <i>Le Matelot à terre</i>	144.
Словесность во Франціи.....	—
Словесность въ Англіи.....	—
Словесность въ Германіи.....	145.
Новыя книги: Французскія. Англійскія. Нѣмецкія.....	147.
Моды, Парижскія и Петербургскія (съ картинкою)....	149.

=

22

MAY 6 - 1937

